
Генри
Каттнер
ПРОФЕССОР
НАКРЫЛСЯ!
и прочие фантастические
неприятности

«Профессор накрылся!» и прочие фантастические неприятности

Генри Каттнер

Аннотация
Генри Каттнер. «Профессор накрылся!». и прочие фантастические неприятности (сборник)
Военные игры
Профессор накрылся
Котел с неприятностями
До скорого!
Пчхи-хологическая война
  Глава 1. Последний из рода Пью
  Глава 2. Добрый старый приятель
  Глава 3. Безвыходное положение
  Глава 4. Пью возвращаются
Механическое эго
Двурукая машина
Порог
Мы идем искать
Ветка обломилась, полетела колыбель
То, что вам нужно
Вернулся охотник домой
Музыкальная машина
А как же еще?

Обряд перехода
По твоему хотенью
Шок
Трофей
Ложный рассвет
Наследник Пилата
Ниточка в будущее
Голос омара
Мелкие детали
Работа по способностям
Дом, который построил Джек
Знакомый демон
День, которого не было
Авессалом
Некуда отступать
Ночная схватка
  Предисловие
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
Промашка вышла
На кресте столетий
Сказочные шахматы
  Часть первая

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Часть вторая
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13

Аннотация

Генри Каттнер, публиковавшийся не только под своей настоящей фамилией, но и под доброй дюжиной псевдонимов, считается одним из четырех или пяти ведущих американских фантастов 1940-х. Легендарные жанровые журналы, такие как «Future», «Thrilling Wonder», «Planet Stories» и «Weird Tales», более чем охотно принимали произведения, написанные им самостоятельно или в соавторстве с женой, известным мастером фантастики и фэнтези Кэтрин Люсиль Мур; бывало, что целый выпуск журнала отводился для творчества Каттнера. Почти все, созданное этим автором, имеет оттенок гениальности, но особенно удавалась ему «малая литературная форма»: рассказы о мутантах Хогбенах, о чудаковатом изобретателе Гэллегере и многие другие, сдобренные неподражаемым юмором, нескольким поколениям читателей привили стойкую любовь к фантастике.

Повесть «Ночная схватка», номинировавшаяся на ретроспективную премию «Хьюго»,

является приквелом к знаменитому роману «Ярость». На эту же премию номинировались «Ветка обломилась, полетела колыбель», «То, что вам нужно», «Некуда отступать».

В книгу вошли лучшие, завоевавшие всемирную популярность рассказы великого Мастера, в том числе любимый многими цикл о необычной семейке Хогбенов!

Генри Каттнер
«Профессор накрылся!» и прочие фантастические неприятности (сборник)

Henry Kuttner and C. L. Moore.

THE OLD ARMY GAME © Henry Kuttner, 1941.

EXIT THE PROFESSOR © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1947.

PILE OF TROUBLE © Henry Kuttner, 1948.

SEE YOU LATER © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1949.

COLD WAR © Henry Kuttner, 1949.

THE EGO MACHINE © Henry Kuttner, 1951.

TWO-HANDED ENGINE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1955.

THRESHOLD © Henry Kuttner, 1940.

CAMOUFLAGE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1945.

WHEN THE BOUGH BREAKS © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1944.

WHAT YOU NEED © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1945.

HOME IS THE HUNTER © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1953.

JUKE-BOX © Henry Kuttner, 1947.

OR ELSE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1953.

RITE OF PASSAGE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1956.

UNDER YOUR SPELL © Henry Kuttner, 1943.

SHOCK © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943.

TROPHY © Henry Kuttner, 1944.
FALSE DAWN © Henry Kuttner, 1942.
JESTING PILOT © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1947.
LINE TO TOMORROW © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1945.
THE VOICE OF THE LOBSTER © Henry Kuttner, 1950.
THE LITTLE THINGS © Henry Kuttner, 1946.
ENDOWMENT POLICY © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943.
THIS IS THE HOUSE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946.
THE DEVIL WE KNOW © Henry Kuttner, 1941.
YEAR DAY © Henry Kuttner, 1953.
ABSALOM © Henry Kuttner, 1946.
HOME THERE'S NO RETURNING © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1955.
CLASH BY NIGHT © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943.
NEAR MISS © Henry Kuttner, 1958.
A CROSS OF CENTURIES © Henry Kuttner, 1958.
THE FAIRY CHESSMEN © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946.
All rights reserved.
© В. И. Баканов, перевод, 1989.

© Э. Березина (наследник), перевод, 1968.
© О. Г. Битов (наследник), перевод, 1982.
© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1968.
© Н. М. Евдокимова (наследник), перевод, 1967, 1968.
© Б. М. Жужунава (наследник), перевод, 2007.
© О. Г. Зверева, перевод, 2006.
© Т. В. Иванова (наследник), перевод, 1968.
© Д. С. Кальницкая, перевод, 2023.
© А. С. Киланова, перевод, 2023.
© Е. В. Кисленкова, перевод, 2023.
© Г. Л. Корчагин, перевод, 2016.
© А. Н. Круглов, перевод, 2023.
© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2023.
© А. С. Полошак, перевод, 2023.
© И. Г. Почиталин (наследник), перевод, 1992.
© Е. С. Секисова, перевод, 2006.
© С. Б. Теремязева, перевод, 2016.
© А. Н. Тетеревникова (наследник), перевод, 1965.
© И. А. Тетерина, перевод, 2007.
© А. В. Третьяков, перевод, 2023.
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023.
Издательство Азбука®

* * *

Генри Каттнер (1915–1958) прожил недолго, но успел сделать и в фантастике, и для фантастики столько, что иному не сделать, доживи он хоть до мафусаиловых лет. Юмор и внешняя простота, за которой скрывается напряженная писательская работа, доброта и человечность — вот качества его как писателя и как человека. Не говоря уже о влиянии Каттнера на многие имена, ставшие впоследствии звездными (Рэй Брэдбери, Роджер Желязны). Часть из созданного рисателем сделана в соавторстве с женой, Кэтрин Мур, и это ни для кого не тайна. В России первый сборник Каттнера вышел в знаменитой «зээфке» в 1968 году. Писатель и историк Роман Подольный отзывался о книге так: «Творчество Каттнера дошло до нас, „как свет давно умерших звезд“». Ошибся он лишь в одном: звезда Каттнера живет до сих пор.

* * *

Пусть мои слова покажутся богохульством, но я все же признаюсь, что не скоро прощу Господа Бога за то, что в 1958 году забрал у нас Генри Каттнера… Это абсолютно неправильный поступок, потому что этот писатель обладал очень необычным, особенным талантом. Наше общество привыкло считать, что в нем полно непризнанных гениев. Судя по моему опыту, это глубочайшее заблуждение. Генетически обусловленный интуитивный талант — редкая штука. Настоящих творцов крайне мало, и они разбросаны по всему миру… Большинство писателей похожи друг на друга как две капли воды, их можно с легкостью заменить одного на другого, и наша культура не изменилась бы ни на йоту. Нас окружают полчища посредственностей, людей, неспособных к созиданию, поэтому Генри Каттнер — исключительно своеобразный писатель, маниакально одержимый творчеством, — всегда был для меня предметом восхищения.

Рэй Брэдбери

Военные игры

Я раньше как думал: армейская жизнь — это маршируй себе с винтовкой в руках да форму носи. В общем, сначала-то я обрадовался, что выберусь с холмов нашего Кентукки, потому как решил, что смогу поглядеть на мир, а то, может, и чего поинтереснее со мной приключится.

С тех пор как пристукнули последнего из Флетчеров, у нас в Пайни наступила скука жуткая, да и дядюшка Элмер все ныл, что вот зачем, мол, он прикончил Джареда Флетчера, ведь тот был последним из клана и не с кем ему теперь будет драться. После этого дядюшка по-серьезному пристрастился к кукурузной браге, и нам приходилось гнать самогонку сверхурочно, чтобы выпивка у него не кончалась.

Однакось учитель из Пайни всегда мне твердил: любую трепотню следует зачинать с самого начала. Так я, пожалуй, и поступлю. Только не знаю я, где это самое начало. Наверное, оно пришлось на тот день, когда я получил письмо с надписью «Хьюи Хогбен». Это папуля так прочел, а он страсть как в грамоте разбирается.

— Ага, — говорит, — вот буква «Х», все правильно. Это, наверное, тебе, Сонк.

Меня так кличут — Сонк, потому как я типа коренастый, да ростом не вышел. Мамуля говорит, что я просто еще не вырос, хотя мне уже почти двадцать два стукнуло, а росту во мне едва больше шести футов. Я раньше так из-за этого переживал, что тайком бегал колоть дрова — все силенок себе прибавлял. Так вот, папуля отнес мое письмо учителю, чтобы тот его прочитал, а потом примчался назад, что-то выкрикивая на ходу, как помешанный.

— Война! — орал он. — Война началась! Давай, Элмер, тащи свою железяку!

Дядюшка Элмер сидел в углу, потягивая кукурузную брагу и заодно пробуя приучить к ней малыша.

— Какая война? Кончилась она уже давно, — пробормотал он, слегка кося глазом, будто чокнутый. — Эти чертовы янки оказались нам не по зубам. Я слышал, и генерал Ли погиб…

— Как это нет войны, есть война! — упрямо возразил папуля. — Учитель говорит, Сонку в армию идти надобно.

— Хочешь сказать, мы от них снова отколоться вздумали? — изумился дядюшка Элмер, разгля-

дывая кувшин с брагой. — А что я говорил?! Этим проклятым янки нас в свой Союз не затащить.

— Ну, про это я ничего не знаю, — пожал плечами папуля. — Ни черта не разобрал, что там болтал учитель. Но одно знаю точно: надо идти на войну.

— Собирайся, Элмер, — сказала мамуля, доставая из шкафа свою старую пушку. — Мы все туда пойдем. Не знаю, правда, какой будет прок от такого коротышки, как ты, — повернулась она ко мне, — хотя пальнуть из ружья ты кое-как сможешь.

— Ну ты даешь, ма, — сказал я, краем глаза замечая, что к нашему дому подъезжает на своем муле учитель. — Да я ж отлично стреляю.

— Ага, как же, — прокаркал дядюшка Элмер. — Парни Бойер тебя чуть не завалили, а их и было-то всего шестеро.

— Они на меня сзади набросились, — возразил я. — Но когда я отдышался, им на орехи-то досталось…

— Хватит языки чесать, балаболки, — решительно сказала ма. — Пойдем уже.

И мы все гурьбой вывалились за дверь, слегка помяв при этом учителя, но он сам был виноват, потому как не успел вовремя убраться с дороги. Но

у нашей ма доброе сердце, она тут же вернулась и помогла ему подняться. Он что-то бормотал о гориллах и буйволах, но быстро заткнулся, когда мы влили в него немного кукурузовки, с трудом вырвав ее из рук дядюшки Элмера, который никак не хотел отдавать кувшин. После этого учитель вдруг подскочил и сунул голову в ведро с водой, которое стояло на столе, но мы из вежливости не обратили на это внимания — иносранец, как-никак, все они там такие.

— Сначала вы сбиваете меня с ног, — говорит он, немного отдышавшись, — а потом вливаете в горло расплавленную лаву. О боже!

— Не выражайтесь, — говорит ему ма, кивая в мою сторону, — у меня парень подрастает.

— Если он подрастет еще немного, у него на голове можно будет строить пентхаус, — говорит учитель. Он вечно произносит всякие странные слова, которые я не понимаю.

— Мы ж вроде куда-то торопились… — рычит дядюшка Элмер, забирая назад драгоценный кувшин.

— Да нет никакой войны! — кричит нам вслед учитель и рвет на себе волосы. — Мистер Хогбен убежал, так меня и не дослушав!

Потом он принялся говорить и все говорил,

говорил, пока мы наконец не уразумели, о чем идет речь. Вроде какие-то кланы в Европе передрались меж собой, и нам пора было смазывать винтовки на тот случай, если они разойдутся по-настоящему и примутся вдруг палить по нам.

— Ага, понятненько, — в конце концов сказала ма, и все мы снова навострили лыжи в сторону горизонта.

— Нет, всем нельзя! — кричит вслед учитель, сделавшись красным как рак. — В армию ведь призвали только Хьюи!

— Они бы еще нашего малыша призвали! — рявкнул в ответ па. — Сонк еще от горшка два вершка.

— Ему уже за двадцать один. А вы, мистер Хогбен, слишком стары для армии.

Па ломанулся было на учителя, но его внезапно перехватила ма.

— Тихо, ты! — прикрикнула она, и па покорился, продолжая что-то ворчать себе под нос. — Что ж ты так петушишься-то? Не куренок, чай.

— А правда, сколько вам лет, мистер Хогбен? — спросил учитель.

— Ну, это… Честно сказать, в восемьдесят седьмом я сбился со счета, — подумав, ответил па.

— А мне сто три, — прокаркал дядюшка Элмер,

но у нас в Пайни все знают, какой он врун.

Учитель зажмурился, а потом сказал каким-то странным голосом:

— Президент Соединенных Штатов подписал закон, согласно которому все мужчины в возрасте от двадцати одного до тридцати пяти лет подлежат мобилизации. Хьюи должен отслужить в армии один год, если только у него нет специального освобождения.

— Да ему ж роста не хватает, — вроде как заревновал па. — В армию таких не берут.

Но ма задумчиво сказала:

— Раз президент просит, значит так нужно, Сонк. А теперь садись рядом с учителем, и пусть он тебе растолкует, чего от тебя хотят.

Я так и поступил, и мы вместе принялись заполнять бумагу, которую мне прислал президент. Пришлось, правда, немного повозиться, потому как к нам все время лез дядюшка Элмер, но через некоторое время учитель схватил кувшин с кукурузовкой и порядком глотнул оттудова.

— Эх! — сказал он, сразу вспотев. — Серьезная болезнь требует серьезного лечения. Давай дальше, Сонк. На что ты живешь?

— Ну, однажды я толкнул старому Лэнгланду кукурузу. В обмен на пару штанов, — не очень

уверенно ответил я.

Хрясь! Это ма изо всех сил огрела меня метлой по голове.

— А где это ты взял кукурузу? — спросила она. — Из самогонного аппарата стащил?

— Да ты чо, ма! — воскликнул я, уворачиваясь от метлы. — Мне дядюшка Элмер ее дал, чтобы я не рассказывал о том, как он…

— Ах ты мелкота!.. — заорал дядюшка Элмер, набрасываясь на меня с кулаками.

— Твой доход! — выкрикнул учитель, чуть не переходя на визг. — Наличные! Металлические деньги!

— О да, — обрадовался я. — В прошлом мае я нашел десять центов.

В жизни не видел, чтоб человек так высоко прыгал от ярости. Но он же иносранец, опять рассудил я, а потому решил немного обождать. И правда, снова выпив кукурузовки, учитель вроде как подобрел. Потом забрал у меня бумагу и сказал, что сам ею займется. После этого ничего не случалось до того самого дня, как учитель пришел к нам и сказал, что мне нужно явиться на зазывной пункт.

В голове у меня все так смешалось, что я начал соображать, только очутившись в какой-то

комнате вместе с дядюшкой Элмером и странными людьми, которых я не знал. Говорили они очень смешно. Велели мне раздеться и пройти в соседнюю комнату, что я и сделал, а там оказался какой-то коротышка, который заорал что-то насчет медведя и выскочил вон, оставив дверь открытой. Я огляделся по сторонам — нет никакого медведя…

Ну, в общем, я стал ждать, и он вскоре вернулся вместе с высоким таким мужиком, который ухмылялся во весь рот.

— Ну вот видите, док, — сказал он. — Никакой это не медведь. Судя по личному делу, это Хьюи Хогбен.

— Но он такой, э-э-э, волосатый, — возразил коротышка.

— Это потому, что с прошлой недели не брился, — радостно объяснил я. — Мы забивали свиней, и бритва куда-то запропала. И вообще, какой же я волосатый? Вы бы видели па. На нем такая шерсть, как на этих, о которых мне учитель как-то рассказывал, ну, как их там… на иаках!

Доктор постучал меня по груди, но я ничего не почувствовал. Потом он сказал:

— Здоров как бык. Подними-ка вот это, Хогбен.

И показал на железную болванку с ручкой, что

стояла на полу. Ну, я ее и поднял. Она оказалась тяжелее, чем я думал, а потому вырвалась у меня из рук и шмякнулась о стену. Штукатурка так и посыпалась.

— Господи боже! — побледнел доктор.

— Ох, звиняйте, мистер, — сказал я.

— В лагере будешь извиняться, когда попадешь под команду сержанта. Насколько я их знаю, сидеть тебе на гауптвахте.

В это время поднялись шум и суматоха. Дядюшка Элмер выяснил, что в армию его мобилизировать отказываются, а потому отвязал свою деревянную ногу и принялся ею кого-то гонять. В конце концов я его поймал, стараясь не слушать, что он там выкрикивает (подобные выражения такому молодому человеку, как я, слушать еще рано), после чего усадил на мула, привязал к седлу и хорошенько хлопнул животину (мула, конечно, не дядюшку) по заднице, чтобы домой топал. Последнее, что я видел, было лицо дядюшки Элмера, которое прыгало вверх-вниз у мула под брюхом. У бедной животины наверняка вся шерсть потом повылезла, такие словечки дядюшка использовал. Тут я заметил, что весь народ на улице глазеет на меня, и вспомнил, что на мне ничегошеньки нет. В общем, смутился я вааще.

Наш учитель говорит, что, когда происходит уйма вещей, о которых не хочется рассказывать, нужно просто нарисовать на бумаге линию из звездочек. Я этого не умею, поэтому мой дружок, который все это записывает, сделает это за меня.

Короче, оделся я снова, прошел еще через всякую чепуховину и наконец оказался в лагере, солдатом действенной армии. Доктор, кстати, надул меня, когда говорил, что я все время буду где-то там сидеть. Нигде я не сидел. Но моя ма всегда мне говорила, что старших нужно слушаться — по крайней мере, пока я не повзрослею. Вот я только и делал, что слушался.

Люди иногда злятся ну из-за самых дурацких пустяков. Вот, например, стреляли мы по мишеням, я в свое яблочко попал, а после взял и соседние мишени все перестрелял. Чего ж тут кричать? А потом поднялся шум из-за того, что я проделал дырки для пальцев в своих башмаках — так ведь ходить сразу стало удобнее. А потом снова был переполох — это когда я наступил на лицо одному парню, но это уж по чистой случайности. Просто я немного споткнулся, а он тут и подвернись. Этот парень все время привязывался к моему дружку, мне даже пришлось попросить его оставить моего приятеля в покое. А парень

в ответ меня по носу стукнул. В общем, после того, как я на него наступил, парня быстренько потащили в лазарет, а меня посадили в комнату нести какую-то вахту.

Дружка моего звали Джимми Мэк, и он был ужас до чего образованный. Тощий, маленький, едва-едва росточком до нормы дотягивал. Я думаю, мы с ним потому и сдружились, что оба были коротышками. Он говорил, что его дедуля книжек перечитал даже больше, чем он сам. Звали дедулю Элифалет Мэк, и он изобретал всякие штуковины. Все считали его сумасшедшим, но Джимми говорил, что это вовсе не так. Дедуля работал над такой штукой, от которой самолеты лучше летают, — сплав, вот как ее Джимми называл.

То есть, как я понял, когда самолет сделан из этой штуки, то он может быть страсть каким большим и летать страсть как далеко. Однако дедуля Мэк этот сплав еще не изобрел, а только чуток подвзорвался, когда попытался нам показать, как работает его изобретение. Когда мы уходили, он плакал и расчесывал свои обгорелые бакенбарды, но Джимми сказал, что когда-нибудь дедуля обязательно своего добьется.

Наш лагерь располагался как раз возле боль-

шого леса, и я иногда улучал минутку, чтоб смотаться туда по важным делам. Это касалось меня одного, потому я даже Джимми ничего не рассказывал. Вот из-за этого у меня и случились неприятности. Однажды меня привели в комнату, где было полным-полно офицеров в блестящих пуговицах, и начали задавать вопросы, которых я не понимал.

Вообще-то, наш майор относился ко мне хорошо, но тогда он сидел злой как черт. И все вертел в руках какую-то смятую бумажку да на меня исподлобья поглядывал.

— Рядовой Хогбен! — говорит вдруг. — Где вы были сегодня днем?

— Ну вы даете, майор, — ответил я. — Прогуляться ходил, только и всего.

— За пределами лагеря?

— Ну… Да, сэр, — сказал я, потому как не хотел врать.

— Это запрещено. И вы так гуляете не первый раз. Вас неоднократно видели в лесу.

— Страсть как люблю погулять по холмам, майор, — сказал я.

Один офицер с белыми усами издал такой звук, как если бы проглотил какую-то гадость, и посмотрел на меня очень зло.

— Думаешь, мы в это поверим? — спросил он.

— Да вы что! Я вправду люблю гулять по холмам, — пожал плечами я.

— Нет, по холмам ты гулял совсем не поэтому. А как ты объяснишь вот эту бумажку, которую нашел в твоем кармане проверяющий?

Майор показал мне клочок бумаги, обгоревшей по краям.

— Я ее тоже нашел. В смысле, перед проверяющим, — сказал я. — Как раз сегодня, когда гулял по холмам. Она трепыхалась на ветру, я ее и подобрал.

— А тебе известно, что здесь написано?

— Я не больно-то до букв знаток. Думал, Джимми мне прочитает.

— Джимми? — уточнил усатый, и майор ответил:

— Рядовой Мэк. Он вне подозрений.

— Все вне подозрений! Особенно вот с этим шифрованным донесением, где указано место расположения лагеря и дается оценка… э-э-э… некоторых данных.

— Послушайте, полковник, — перебил майор, — рядовой Хогбен не шпион, я в этом уверен. Думаю, на холме кто-то прятался, зарисовывал лагерь и следил за нашими маневрами, а потом

появился Хогбен и спугнул его. Шпион хотел сжечь донесение, но ветер вырвал у него из рук листок, и тот не успел сгореть.

— Как-то неубедительно, майор, — проворчал полковник.

— Во всяком случае, никаких секретных маневров в нашем лагере не проводилось. Ума не приложу, зачем шпиону…

— Они действуют очень скрупулезно, — авторитетно заявил полковник, а я еще подивился: кто это «они»? — Работают как машины. Схватывают каждую деталь. Даже если она кажется незначительной. Нам нельзя рисковать. Рядовой Хогбен, вы арестованы.

— На время расследования, — вроде как дружелюбно сказал мне майор, но я покачал головой.

— А нельзя обождать до завтра, майор? — спросил я.

Мы с Джимми собирались навестить евойного дедулю. Он написал, что изобретение готово и хочет нам его показать.

— Твоя увольнительная отменяется! — рявкнул полковник. — С кем ты встречался в лесу?

— Ни с кем, — ответил я. — Сэр, я обещался Джимми, что с ним пойду, а ма всегда мне говорила, что слово свое нужно держать.

— На гауптвахту! — выкрикнул полковник ужасно громко, и меня увел дежурный офицер.

На душе у меня было противно-противно. А потом я узнал, что Джимми уже ушел, попросив мне передать, чтоб я догонял его. Наверное, он не знал, что меня посадили на гауптвахту.

Сколько ни ломал я голову, так и не понял, чего я такого натворил. А Джимми-то я обещался… И вот, когда стемнело, я вылез через окно, немного раздвинув железные прутья и ободрав о них плечи. В этот момент как раз из-за холма встала луна, ну, караульный меня и заметил. Это был тот самый парень, который приставал к Джимми, вот он и бросился на меня. Я вовсе не хотел его трогать, думал, что он сразу отскочит, когда увидит мой кулак. В общем, кончилось все тем, что он остался лежать, тихонько так постанывая, а я решил, что бросать его на голой земле нельзя, потому как было довольно холодно.

В общем, затащил я его в свою камеру, из которой только что выбрался, и уложил там поудобнее. Потом вынул у него изо рта выбитый зуб, чтоб он его ненароком не проглотил, и ушел. Пробираться мимо часовых было опасно, но я проскочил, даже прихватил по дороге кувшин с кукурузовкой, а потом направился прямиком

к дороге.

Ночь стояла славная, было светло, как днем, и сойки перекликались в лунном свете, и машины проносились по дороге, и снег шапкой лежал на деревьях. Мне стало так хорошо-хорошо, что даже захотелось выпить. Я хлебнул из кувшина и зашагал вперед.

Прошло, наверное, полчаса, как вдруг на дорогу, аки летучая мышь из ада, вылетела машина и с грохотом пронеслась мимо. За рулем сидел дедуля Джимми, Элифалет Мэк, его бакенбарды так и развевались. Я было принялся его звать, но он меня не услышал.

Наконец я выбрался из канавы, куда прыгнул, чтобы не угодить под колеса, снова хлебнул кукурузовки, а потом опять сиганул в канаву, потому как мимо просвистел большой черный седан, битком набитый народом.

Один из этого народа крикнул мне что-то навроде «Думкопф!», да только я не понял, что это значит. Я снова отхлебнул из кувшина и приготовился опять прыгать в канаву, потому как на горизонте показалась еще одна машина.

Но возле меня она вдруг остановилась, и я увидел, что за рулем сидит Джимми, а рядом с ним — какой-то лысый человечек.

— Сонк! — крикнул мне мой дружок. — Залазь быстрее!

— Что такое происходит? — спросил я, подходя к машине. — Я только что видел твоего дедулю.

Тут Джимми меня сграбастал и втащил на заднее сиденье, а лысый человечек вылез, сказал: «Поезжайте без меня» — и бросился бежать по дороге.

А мы рванули вперед с такой скоростью, с какой я еще никогда не ездил.

— Вот ведь перегни тебя через ногу, — сказал я, перебираясь на переднее сиденье, — да успокойся ты, Джимми. Что приключилось-то такое?

— Пятая колонна, — ответил мой дружок. — Похоже, они здесь давно ошивались, собирая информацию, а тут узнали про дедулино изобретение. Когда я пришел, они как раз пытались заставить его выдать им формулу.

— Что, всей колонной? — спросил я.

— Это шпионы! — заорал Джимми. — Иностранные агенты! У нас завязалась драка, и дедуля удрал вместе с документами. Они кинулись за ним вдогонку, а я, когда пришел в себя, тоже прыгнул в машину и ходу. Ничего автобусик, верно?

Джимми — он механик. Все время говорит о движителях и всяких таких штуках.

— А тот лысый, он кто? — спросил я.

— Это его машина. Всю дорогу умолял его высадить, да у меня не было времени останавливаться.

Мы резко свернули, потом машину занесло на грязи, потом мы поднялись на берег реки, там развернулись и понеслись вниз. Распутавшись, я снова перебрался на переднее сиденье и отхлебнул кукурузовки.

— Слушай, Джимми, а ты, случаем, не тогось? — подозрительно осведомился я. — Да объясни ты толком, что происходит?

— Я и пытаюсь тебе это объяснить, дурья твоя башка! — крикнул Джимми. — Те люди хотят отобрать у дедули его формулы. Секретный сплав для военных аэропланов. Дедуля уже довел его до совершенства, как они…

— А почему дедуля не вызвал полицию? — спросил я.

— Откуда здесь полиция? Держу пари, дедуля сейчас несется в наш лагерь. Больше помощи ждать неоткуда.

Какая-то случайная машина попыталась загородить нам дорогу. Джимми отчаянно засигналил и круто пошел на обгон. Я услышал скрежет, чьи-то вопли, а когда открыл глаза, той машины уже

не было. Оглянувшись, я увидел, что она стоит в стороне от дороги, застряв на холме промеж двух сосен.

— Вон они! — воскликнул Джимми.

Мы приближались к лагерю. Дорога сделалась совсем прямой, по бокам тянулись холмы, и лес стоял такой красивый-красивый в лунном свете. Машина дедули Элифалета была прямо впереди, но вдруг она начала крениться, потом съехала в канаву и перевернулась.

— Шина лопнула! — застонал Джимми.

Черный седан тоже несся впереди. Я увидел, как дедуля выбрался из перевернутой машины, оглянулся и почесал вверх по склону холма прямиком в лес. Седан остановился, из него выскочили какие-то люди и побежали за дедулей. Они в него стреляли.

— Вот теперь понятно, — удовлетворенно сказал я. — Видать, они с твоим дедулей сильно повздорили. Типичная семейная вражда, с нами такое бывало.

Впереди просвистела пуля. Двое из седана остались поджидать нас, остальные побежали в лес. Джимми пригнулся и нажал на тормоза. Я в это время как раз приложился к кувшину, поэтому ничего не видел. Понял только, что вдруг проби-

ваю лобное стекло и лечу.

О землю я грохнулся будь здоров, да еще и в черепушке застрял кусок стекла, больно было страсть, а потому я сел и первым делом его вытащил. Вокруг валялись обломки машины дедули Элифалета, в которую мы врезались, а в это время двое парней из седана схватились с Джимми. Он, конечно, коротышка, но драться умеет так будь здоров. Наконец одному из парней удалось-таки обойти его и схватить за руки, а второй в это время изо всех сил двинул ему прямо в челюсть.

— Эй, вы! — сказал я, очень рассердившись. — А ну, пустите его, слышите?

Джимми повалился в снег и остался там лежать, а парни, обернувшись, удивленно уставились на меня. Оба здоровые, крепкие, у каждого по маленькой такой пукалке, которые больно стреляют, и оба целятся в меня.

— Еще солдат! — воскликнул один. — Убить эту швайнхунд!

Ма всегда мне говорила: оружие — не игрушка, а потому, когда парни начали стрелять, я быстренько нырнул за останки от дедулиной машины. Двигатель у нее, похоже, вообще держался на соплях. Да так оно и оказалось, потому как, когда я к нему прислонился, он тут же и отвалился.

Спрятаться-то я спрятался, но пуля все равно смазала мне по уху. Двое парней шли ко мне, стреляя на ходу.

— Он не вооружен, Ганс, — прохрипел один из них. — Заходи справа…

В армии это называется атакой с фаланги. Мне как-то не хотелось, чтобы за спиной у меня оказался человек с оружием, а потому я решил опередить их. Схватил двигатель и запустил им в парней, хоть эта штука и оказалась непривычно тяжелой.

«Готт!» — выкрикнул один из них, а второй сказал: «Дер Тойфель!» А потом они покатились в сугроб вместе с двигателем и остались там лежать, я это сам видел — из сугроба одни ноги торчали. Ноги эти немного так подергались, а потом затихли, и тогда я решил, что парни эти пока ко мне не полезут. Зато бедный Джимми так и лежал на снегу с закрытыми глазами. Я оглянулся, нет ли поблизости кувшина с кукурузовкой, чтобы дать ему глотнуть, да только кувшин перевернулся, а снег, где пролилась кукурузовка, так и шипел. В этой же луже трепыхалась сойка и что-то испуганно верещала.

Я подхватил Джимми на руки и понес в лагерь, где у меня был спрятан еще один кувшин с ку-

курузовкой. Из леса доносились вопли дедули Элифалета, но ма всегда мне говорила: в семейные разборки вмешиваться не след. Джимми — то совсем другое дело, Джимми был моим дружком. Зато я хорошо помнил, как в прошлом июле, когда Гудвины напали на Джема Мартина, ну, на того, что с костылем всегда ходит, так вот после того, как я этих Гудвинов расшвырял во все стороны, старина Джем долго гнался за мной, палил мне вслед да орал, чтоб я не лез не в свое дело. Ма потом сказала — когда доставала из меня пулю, — что так мне и надо.

Но тут я заметил, что крики доносятся с холма, где стоит одинокая расщепленная сосна, и сразу передумал. Осторожненько так уложил Джимми в канаву и побежал вверх по холму. Ногам было больно, поэтому я скинул башмаки, спрятал их в трухлявой колоде и побежал дальше.

Не люблю я эти все новозаведения.

Там протекал ручей — так, небольшой овражек, — который перерезал холм, и вот на краю этого самого овражка, под соснами, я и увидел дедулю Элифалета, который отбивался от пятерых парней. Да куда ему с ними справиться! Они его повалили на землю и держали, а он только ругался да тряс своими обгорелыми бакенбардами.

— Ах! — воскликнул один из парней, здоровенный такой, с усами. — Вердамнт солдат!

— Эй-эй, погодьте, — тут же сказал я. — Не цельтесь в меня из этой железоплевалки, мистер. Я ж к вам по-доброму.

— Он не вооружен, Курт, — прошептал другой парень. — Возможно…

Курт оглянулся по сторонам.

— Ты здесь один? — спросил он, не опуская оружия.

— А сколько ж меня может быть? — удивился я. — Вы, это, лучше бы убирались отсюда подобру-поздорову, пока я до вас не добрался. И без вас тут беспорядка хватает. Давайте сматывайте удочки.

Но тут дедуля принялся визжать, как кабан, которого режут.

— Помогите! — вопил он. — Убивают!

— А вам я помочь не могу, — ответил я. — Ма завсегда мне наказывала, чтобы я в чужие дела нос свой не совал. Кстати, а что вы с ним делать-то собрались? — спросил я Курта.

— Мы… Мы просто уйдем, — ответил он, как-то странно на меня поглядывая.

— Вот и ладно, — кивнул я. — Вы идите, а я тут своими делами займусь.

Но только я повернулся, как раздался выстрел

и что-то больно стукнуло меня по голове. Благо, я чуть в сторонку сдвинулся, а то я хорошенько мозгами пораскинул бы. Однако ж пуля меня все-таки задела, потому как я вырубился, а когда пришел в себя, то увидел, что стою на снегу, да еще к дереву примотанный. Вряд ли я долго в беспамятстве валялся, но дедуля Элифалет был уже привязан рядом со мной к другой сосне.

— Ничего себе, дружки, — укорил я парней. — Я ж и не собирался лезть в ваши дела.

— Молчать, швайнхунд! — прорычал Курт. — Теперь быстрее за дело, у нас мало времени. Где ты спрятал бумаги, старый дурак?

Дедуля только головой затряс, вроде как не в себе. Курт усмехнулся.

— Снимите с него ботинки. И дайте мне спички. И, Фриц, проследи, чтобы этому дегенерату видно было.

— Какой же я дегенерал, я всего лишь только рядовой, — поправил я, но меня никто не слушал.

Пока дедуле расшнуровывали ботинки, он орал и ругался, но все это было разминкой, как я думаю. Зато когда ему стали подпаливать пятки — вот где дедуля показал себя во всей красе. Я постарался запомнить некоторые из его выражений, чтобы потом передать их дядюшке Элмеру,

хотя, конечно, узнай об этом ма, шкуру бы с меня спустила. А потом они стали жечь спички и под моими пятками, и я даже обрадовался, потому как уже давно стоял босиком на снегу. Примерз маленько.

— У него, похоже, подошвы из дубленой кожи, — проворчал Фриц. — Ах! Он как динозавр — не понимает, что ему больно.

Я хотел было подсказать, что если уж он хочет сделать мне больно, пусть пнет ногой чуть пониже пояса, но потом передумал. Через некоторое время дедуля Элифалет простонал:

— Бумаги в пещере, черт бы вас взял! Тут есть пещера, я спрятал бумаги там.

— Йа! — сказал Курт, ужасно довольный. — Надеюсь, ты не врешь. Пошли! Фриц, останься здесь и стереги эту парочку.

— А может…

— Подожди, пока я не найду бумаги. Потом можешь их пристрелить.

— Злые вы какие-то, — сказал я. — Эй! Дедуль! Ты про какую пещеру говорил? Про ту, что в овраге?

Он в ответ только застонал, а Курт и с ним еще двое стали спускаться вниз. Фриц взвел курок и усмехнулся.

Я заорал вслед Курту:

— Не смейте лезть в ту пещеру, слышите? — заорал я вслед Курту.

— Фриц, если что, солдата можешь пристрелить! — крикнул он в ответ и скрылся из виду.

Тогда-то я и скумекал, что все, пора что-то делать. И начал выдергивать руки из веревок, которыми был привязан к дереву. Фриц это заметил и велел мне перестать, но я его не послушался. Тогда он зашел сзади и ударил меня рукоятью своей пукалки по рукам, что-то бормоча себе под нос. Я продолжал ерзать.

Тогда он встал передо мной и приставил дуло пистолета мне к брюху.

— Так. Сейчас я тебя убью, — сказал он. — Хайль…

Видать, не больно-то он разбирался в драках, иначе не подошел бы ко мне так близко. Резко наклонив голову, я двинул ему прям между глаз — черепушка у меня чуть не раскололась, да еще и заболела ужас как. Фрицева пукалка брякнулась мне на ногу, а сам Фриц зашатался, глупо так улыбаясь, и потом тоже упал. На лбу у него вздувалась здоровенная шишка.

Только мне было не до него, потому как я быстренько освободился и подобрал пистолет. Дедуля

Элифалет кричал мне, чтоб я его поскорее развязал, но я уж больно спешил. Курт и его парни уже спустились в овраг. Пролезая сквозь сугробы, я бросился вдоль берега ручья и наконец нагнал Курта и компанию. Они подходили к пещере, то и дело проваливаясь в воду там, где лед был потоньше.

— Эй! — крикнул я. — Не смейте туда лезть!

Они в ответ лишь дали по мне залп, особо не целясь и о чем-то переговариваясь на незнакомом мне языке. Я тоже пальнул в них, но промазал, потому как никогда из подобного оружия не стрелял. Правда, потом одного я все-таки задел, попал ему в руку, да только в левую, и понял, что дело мое дрянь. Ма за такую стрельбу выдрала бы меня как следует.

Наконец я расстрелял все патроны, швырнул пистолет в Курта и сиганул вниз вслед за ним. Лететь мне было футов двадцать пять, не больше, и я приземлился точнехонько на одного из парней, как раз на того, которого в руку ранил — то есть я хочу сказать, что, когда я на него прыгнул, у него была ранена только рука. А потом он остался лежать головой в сугробе, слабо дергая ножками.

Итого остались трое, но палили они с такой скоростью, что двоим вскорости пришлось пе-

резаряжать свои пукалки. Третий выстрелил в меня и попал в ребро, но тут я решил применить стратегию. Упав, я перекатился и облапил его за ноги.

Остальные бросились было ко мне с явно кровожадными намерениями, но я просто встал, продолжая держать своего парня за ноги, и принялся раскручивать его над головой. Он заорал, и его оружие отлетело куда-то далеко в кусты. Я встал поудобнее и продолжал крутить парня, надеясь отогнать Курта с подручным. Мой план увенчался успехом. Когда я разжал руки, парень перелетел через овражек и, как пушечное ядро, врезался в скалу. Больше я его не видел.

Тем временем Курт поднялся и метнулся к пещере, а второй парень направил на меня пистолет. У меня не было времени вступать с ним в переговоры, а потому я со всего маху заехал ему прямо в брюхо. Он никак не хотел отдавать пистолет, да только руки сами разжались, когда я из него немного дух вышиб.

— Ах! — сказал он. — Дер блицкриг! — Но это были его последние слова.

Курт уже был в пещере, когда я до него добрался. Он как раз нагнулся и засовывал в карман какие-то бумаги, но сразу обернулся и выстрелил

в меня, правда, промазал жутко. Оружия у меня не было, да и времени не было его искать, а потому я просто зачерпнул пригоршню снега. Как раз когда я швырнул в него снежком, мне в плечо угодила пуля, и левая рука сразу обвисла. Но я очень метко швыряюсь — это вам и ма скажет, — и мой снежок попал Курту прямиком в лицо. Наверное, в этом снежке было и земли немножко, судя по тому, как повел себя Курт.

Затем я подбежал и хотел схватить его пистолет, но он никак не желал расставаться со своей пукалкой. А потому сильно двинул меня как раз туда, где больно. Я очень не люблю, когда меня туда бьют, поэтому я схватил его за руку и немного так пошвырял, да все о стену. Он сначала верещал, потом затих, вроде как вырубился, а когда я его отпустил, он пулей вылетел из пещеры и несся не останавливаясь, пока не остановился о сосну за овражком. После этого бухнулся в ручей и больше не показывался.

Из меня сочилась кровь, но у меня еще было полно дел. Я собрал всех парней и потащил их к тому месту, где был привязан дедуля Элифалет. В кувшине, что разлился, еще плескалось на дне самый чуток кукурузовки, поэтому, отвязав дедулю от дерева, я дал ему сделать глоток. После чего

стал ждать, когда тот немного успокоится. Тем временем на холме показался Джимми, который, пошатываясь, вел за собой целую армию во главе с полковником и майором, а потому мне пришлось мой кувшин быстренько сунуть под куст.

Затем случилось так много всякого шума и гама, что я почти ничего не помню, кроме того, что снова оказался в лагере, в своей палатке вместе с Джимми. Я лежал на койке и перебирал пальцами ног, которые весьма вольготно себя чувствовали без этих тесных башмаков. Смешно было вспоминать, как все суетились вокруг моего плеча со всеми этими бинтами и лекарствами. Ма шлепнула бы примочку, влила бы в меня галлон кукурузовки и надавала тумаков, чтоб не лез куда не следует. Только я когда немного подумал, то решил, что и вовсе я не лез куда не следует. А совсем наоборот. Вот и Джимми подтвердил.

— То были шпионы, Сонк. Иностранные агенты, — сказал он, попыхивая самокруткой. — Держу пари, тебе дадут медаль.

— Ну ты даешь, — сказал я. — Я ж всего-то защищал свои права.

Джимми удивленно так на меня посмотрел и продолжил:

— Дедулин сплав оказался что надо. Завтра

полковник отсылает дедулю вместе с его формулами в Вашингтон. А ты спас его открытие от грязных шпионов, Сонк. Ты смельчак, каких я еще не видывал.

— Просто я не мог позволить им войти в ту пещеру, — сказал я и сразу заткнулся, потому как понял, что проговорился.

Но Джимми тут же начал приставать ко мне с расспросами и не отставал до тех пор, пока я ему все не рассказал, но прежде взял с него слово, что он будет как могила.

— Как думаешь, где я брал свою кукурузовку? — спросил я. — По-твоему, мне ее из Кентукки в посылке присылали? У меня самогонный аппарат есть.

У Джимми отвисла челюсть.

— Ты хочешь сказать, что…

— Ну да, — кивнул я. — В той пещере. Только никому не говори, а то ни одного глоточка больше не дождешься. А кукурузовка у меня — во какая! Меня сам дядюшка Элмер обучал.

Джимми расхохотался так, что чуть не лопнул, а когда немного успокоился, то сказал:

— Лады, Сонк. Значит, ты нелегально держишь в лесу самогонный аппарат. Но болтать о нем я не стану. К тому же ты герой. Ты ведь захватил в

плен тех шпионов.

— Ошибка вышла… — признался я. — Я-то думал, ко мне енти, как их, нагловики пожаловали. С виду-то форменные они были…

Профессор накрылся

[1]

Мы — Хогбены, других таких нет. Чудак прохвессор из большого города мог бы это знать, но он разлетелся к нам незваный, так что теперь, по-моему, пусть пеняет на себя. В Кентукки вежливые люди занимаются своими делами и не суют нос, куда их не просят.

Так вот, когда мы шугали братьев Хейли самодельным ружьем (до сих пор не поймем, как оно стреляет), тогда все и началось — с Рейфа Хейли, он крутился возле сарая да вынюхивал, чем там пахнет в оконце, — норовил поглядеть на Крошку Сэма. После Рейф пустил слух, будто у Крошки Сэма три головы или еще кой-что похуже.

Ни единому слову братьев Хейли верить нельзя. Три головы! Слыханное ли дело, сами посудите? Когда у Крошки Сэма всего-навсего две головы, больше сроду не было.

Вот мы с мамулей смастерили то ружье и зада-

---

[1] Примечания: 1

Переводы цикла рассказов Генри Каттнера о Хогбенах, выполненные Н. М. Евдокимовой, являются классикой русских переводов в жанре фантастики.

ли перцу братьям Хейли. Я же говорю, мы потом сами в толк не могли взять, как оно стреляет. Соединили сухие батареи с какими-то катушками, проводами и прочей дребеденью, и эта штука как нельзя лучше прошила Рейфа с братьями насквозь.

В вердикте коронер записал, что смерть братьев Хейли наступила мгновенно; приехал шериф Эбернати, выпил с нами маисовой водки и сказал, что у него руки чешутся проучить меня так, чтобы родная мама не узнала. Я пропустил это мимо ушей. Но видно, какой-нибудь чертов янки-репортеришка жареное учуял, потому как вскорости явился к нам высокий, толстый, серьезный дядька и ну выспрашивать всю подноготную.

Наш дядя Лес сидел на крыльце, надвинув шляпу чуть ли не до самых зубов.

— Убирались бы лучше подобру-поздорову обратно в свой цирк, господин хороший, — только и сказал он. — Нас Барнум самолично приглашал, и то мы наотрез отказались. Верно, Сонк?

— Точно, — подтвердил я. — Не доверяю я Финеасу. Он обозвал Крошку Сэма уродом, надо же!

Высокий и важный дядька — прохвессор Томас Гэлбрейт — посмотрел на меня.

— Сколько тебе лет, сынок? — спросил он.

— Я вам не сынок, — ответил я. — И лет своих не считал.

— На вид тебе не больше восемнадцати, — сказал он, — хоть ты и рослый. Ты не можешь помнить Барнума.

— А вот и помню. Будет вам трепаться. А то как дам в ухо.

— Никакого отношения к цирку я не имею, — продолжал Гэлбрейт. — Я биогенетик.

Мы давай хохотать. Он вроде бы раскипятился и захотел узнать, что тут смешного.

— Такого слова и на свете-то нет, — сказала мамуля.

Но тут Крошка Сэм зашелся криком. Гэлбрейт побелел как мел и весь затрясся. Прямо рухнул наземь. Когда мы его подняли, он спросил, что случилось.

— Это Крошка Сэм, — объяснил я. — Мамуля его успокаивает. Он уже перестал.

— Это ультразвук, — буркнул прохвессор. — Что такое «Крошка Сэм» — коротковолновый передатчик?

— Крошка Сэм — младенец, — ответил я коротко. — Не смейте его обзывать всякими словами. А теперь, может, скажете, чего вам нужно?

Он вынул блокнот и стал его перелистывать.

— Я у-ученый, — сказал он. — Наш институт изучает евгенику, и мы располагаем о вас кое-какими сведениями. Звучат они неправдоподобно. По теории одного из наших сотрудников, в малокультурных районах естественная мутация может остаться нераспознанной и…

Он приостановился и в упор посмотрел на дядю Леса.

— Вы действительно умеете летать? — спросил он.

— Ну, об этом мы распространяться не любим. Однажды проповедник дал нам хороший нагоняй. Дядя Лес назюзюкался и взмыл над горами — до одури напугал охотников и медведей. Да и в Библии нет такого, что людям положено летать. Обычно дядя Лес делает это исподтишка, когда никто не видит.

Как бы там ни было, дядя Лес надвинул шляпу еще ниже и прорычал:

— Это уж вовсе глупо. Человеку летать не дано. Взять хотя бы эти новомодные выдумки, о которых мне все уши прожужжали. Между нами, они вообще не летают. Просто бредни, вот и все.

Гэлбрейт хлопнул глазами и снова заглянул в блокнот.

— Но тут, с чужих слов, есть свидетельства

о массе необычных качеств, присущих вашей семье. Умение летать — только одно из них. Я знаю, теоретически это невозможно — если не говорить о самолетах, — но…

— Хватит трепаться!

— В состав мази средневековых ведьм входил алконит, дающий иллюзию полета, разумеется совершенно субъективную.

— Перестанете вы нудить?

Взбешенного дядю Леса прорвало, я так понимаю — от смущения. Он вскочил, швырнул шляпу на крыльцо и взлетел. Через минуту стремительно опустился, подхватил свою шляпу и скорчил рожу прохвессору. Потом опять взлетел и скрылся за ущельем, мы его долго не видели.

Я тоже взбесился.

— По какому праву вы к нам пристаете? — сказал я. — Дождетесь, что дядя Лес возьмет пример с папули, а это будет чертовски неприятно. Мы папулю в глаза не видели с тех пор, как тут крутился один тип из города. Налоговый инспектор, кажется.

Гэлбрейт ничего не сказал. Вид у него был какой-то растерянный. Я дал ему выпить, и он спросил про папулю.

— Да папуля где-то здесь, — ответил я. — Толь-

ко его теперь не увидишь. Он говорит, так ему больше нравится.

— Ага, — сказал Гэлбрейт и выпил еще рюмочку. — О господи. Сколько, говоришь, тебе лет?

— А я про это ничего не говорю.

— Ну, какое воспоминание у тебя самое первое?

— Что толку запоминать? Только голову себе зря забиваешь.

— Фантастика, — сказал Гэлбрейт. — Не ожидал, что отошлю в институт такой отчет.

— Не нужно нам, чтобы тут лезли всякие, — сказал я. — Уезжайте отсюда и оставьте нас в покое.

— Но помилуй! — Он заглянул за перила крыльца и заинтересовался ружьем. — Это еще что?

— Такая штука, — ответил я.

— Что она делает?

— Всякие штуки, — ответил я.

— Угу. Посмотреть можно?

— Пожалуйста, — ответил я. — Да я вам отдам эту хреновину, только бы вы отсюда уехали.

Он подошел и осмотрел ружье. Папуля встал (он сидел рядом со мной), велел мне избавиться от чертового янки и вошел в дом. Вернулся прохвессор.

— Потрясающе! — говорит. — Я кое-что смыслю

в электронике, и, по моему мнению, это нечто выдающееся. Каков принцип действия?

— Чего-чего? — отвечаю. — Она дырки делает.

— Она стрелять патронами никак не может. В казенной части у нее две линзы вместо… как, говоришь, она действует?

— Откуда я знаю.

— Это ты ее сделал?

— Мы с мамулей.

Он давай сыпать вопросами.

— Откуда я знаю, — говорю. — Беда с ружьями в том, что их надо каждый раз перезаряжать. Вот мы и подумали: смастерим ружье по-своему, чтоб его никогда не заряжать. И верно, не приходится.

— А ты серьезно обещал мне его подарить?

— Если отстанете.

— Послушай, — сказал он, — просто чудо, что вы, Хогбены, так долго оставались в тени.

— На том стоим.

— Должно быть, теория мутации верна! Вас надо обследовать. Это же одно из крупнейших открытий после… — И пошел чесать в том же духе. Я мало что понял.

В конце концов я решил, что есть только два выхода, а после слов шерифа Эбернати мне не

хотелось убивать, пока шерифов гнев не остынет. Не люблю скандалов.

— Допустим, я поеду с вами в Нью-Йорк, раз уж вам так хочется, — сказал я. — Оставите вы мою семью в покое?

Он вроде бы пообещал, правда нехотя. Но все же уступил и побожился: я пригрозил, что иначе разбужу Крошку Сэма. Он-то, конечно, хотел повидать Крошку Сэма, но я объяснил, что это все равно без толку. Как ни верти, не может Крошка Сэм поехать в Нью-Йорк. Он должен лежать в цистерне, без нее ему становится худо. В общем, прохвессор остался мной доволен и уехал, когда я пообещал ему встретиться с ним наутро в городке. Но все же на душе у меня, по правде сказать, было паскудно. Мне не доводилось еще ночевать под чужой крышей после той заварушки в Старом Свете, когда нам пришлось в темпе уносить ноги.

Мы тогда, помню, переехали в Голландию. Мамуля всегда неравнодушна была к человеку, который помог нам выбраться из Лондона. В его честь дала имя Крошке Сэму. А фамилию того человека я уже позабыл. Не то Гвинн, не то Стюарт, не то Пипин — у меня в голове все путается, когда я вспоминаю то, что было до войны Севера

с Югом.

Вечер прошел, как всегда, нудно. Папуля, конечно, сидел невидимый, и мамуля все злилась, подозревая, что он тянет маисовой больше, чем положено, но потом сменила гнев на милость и налила ему настоящего виски. Все наказывали мне вести себя прилично.

— Этот прохвессор ужас до чего умный, — сказала мамуля. — Все прохвессора такие. Не морочь ему голову. Будь паинькой, а не то я тебе покажу, где раки зимуют.

— Буду паинькой, мамуля, — ответил я.

Папуля дал мне затрещину, что с его стороны было нечестно: ведь я-то его не мог видеть!

— Это чтоб ты лучше запомнил, — сказал он.

— Мы люди простые, — ворчал дядя Лес. — И нечего прыгать выше головы, никогда это к добру не приводит.

— Я и не пробовал, честно! — сказал я. — Только я так считаю…

— Не наделай бед! — пригрозила мамуля, и тут мы услышали, как в мезонине дедуля заворочался. Порой дедуля не двигается неделями, но в тот вечер он был прямо-таки живчик.

Мы, само собой, поднялись узнать, чего он хочет.

Он заговорил о прохвессоре.

— Чужак-то, а? — сказал дедуля. — Продувная бестия! Редкостные губошлепы собрались у моего ложа, когда я сам от старости слабею разумом! Один Сонк не без хитрости, да и тот, прости меня, Господи, дурак дураком.

Я только поерзал на месте и что-то пробормотал, лишь бы не смотреть дедуле в глаза — я этого не выношу. Но он на меня не обратил внимания. Все бушевал:

— Значит, ты собрался в этот Нью-Йорк? Кровь Христова, да разве ты запамятовал, что мы, как огня, стережемся Лондона и Амстердама — да и Нью-Амстердама[2] — из боязни дознания? Уж не хочешь ли ты попасть в ярмарочные уроды? Хоть это и не самое страшное.

Дедуля у нас старейший и иногда вставляет в разговор какие-то допотопные словечки. Наверное, жаргон, к которому привыкнешь в юности, прилипает на всю жизнь. Одного у дедули не отнимешь: ругается он лучше всех, кого мне довелось послушать.

— Ерунда, — сказал я. — Я ведь хотел как лучше!

---

[2] Примечания: 2

Старинное название Нью-Йорка. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчиков.*

— Так он еще речет супротив, паршивый неслух! — возмутился дедуля. — Во всем виноваты ты и твоя родительница. Это вы пресечению рода Хейли способствовали. Когда б не вы, ученый бы сюда и не пожаловал.

— Он прохвессор, — сообщил я. — Звать его Томас Гэлбрейт.

— Знаю. Я прочитал его мысли через мозг Крошки Сэма. Опасный человек. Все мудрецы опасны. Кроме разве Роджера Бэкона, и того мне пришлось подкупить, дабы… не важно. Роджер был незаурядный человек. Внемлите же: никто из вас да не едет в Нью-Йорк. Стоит лишь нам покинуть сию тихую заводь, стоит кому-то нами заинтересоваться — и мы пропали. Вся их волчья стая вцепится и разорвет нас в клочья. А твои безрассудные полеты, Лестер, помогут тебе как мертвому припарка — ты внемлешь?

— Но что же нам делать? — спросила мамуля.

— Да чего там, — сказал папуля. — Я этого прохвоста угомоню. Спущу в цистерну, и делу конец.

— И испортишь воду? — взвилась мамуля. — Попробуй только!

— Что за порочное племя вышло из моих чресел! — сказал дедуля, рассвирепев окончательно. — Ужли не обещали вы шерифу, что

убийства прекратятся… хотя бы на ближайшее время? Ужли и слово Хогбена — ничто? Две святыни пронесли мы сквозь века — нашу тайну и честь Хогбенов! Только посмейте умертвить этого Гэлбрейта — вы мне ответите!

Мы все побледнели. Крошка Сэм опять проснулся и захныкал.

— Что же теперь делать? — спросил дядя Лес.

— Наша великая тайна должна остаться нерушимой, — сказал дедуля. — Поступайте как знаете, только без убийств. Я тоже обмозгую сию головоломку.

Тут он, казалось, заснул, хотя точно про него никогда ничего не знаешь.

На другой день мы встретились с Гэлбрейтом в городке, как и договорились, но еще раньше я столкнулся на улице с шерифом Эбернати, который, завидев меня, зло сверкнул глазами.

— Лучше не нарывайся, Сонк, — сказал он. — Помни, я тебя предупреждал.

Очень неудобно получилось.

Как бы там ни было, я увидел Гэлбрейта и рассказал ему, что дедуля не пускает меня в Нью-Йорк. Гэлбрейт не очень-то обрадовался, но понял, что тут уж ничего не поделаешь.

Его номер в отеле был забит научной дребеде-

нью и мог напугать всякого. Ружье стояло тут же, и Гэлбрейт как будто в нем ничего не менял. Он стал меня переубеждать.

— Ничего не выйдет, — отрезал я. — Нас от этих гор не оттащишь. Вчера я брякнул сдуру, никого не спросясь, вот и все.

— Послушай, Сонк, — сказал он. — Я расспрашивал в городке о Хогбенах, но почти ничего не узнал. Люди здесь скрытные. Но все равно их свидетельство было бы только лишним подтверждением. Я не сомневаюсь, что наши теории верны. Ты и вся твоя семья — мутанты, вас надо обследовать.

— Никакие мы не мутанты, — ответил я. — Вечно ученые обзывают нас какими-то кличками. Роджер Бэкон окрестил нас гомункулами, но…

— Что?! — вскрикнул Гэлбрейт. — Что ты сказал?

— Э… издольщик один из соседнего графства, — тут же опомнился я, но видно было, что прохвессора не проведешь. Он стал расхаживать по номеру.

— Бесполезно, — сказал он. — Если ты не поедешь в Нью-Йорк, я попрошу, чтобы институт выслал сюда комиссию. Тебя надо обследовать во славу науки и ради прогресса человечества.

— Этого еще не хватало, — ответил я. — Воображаю, что получится. Выставите нас, как уродов, всем на потеху. Крошку Сэма это убьет. Уезжайте-ка отсюда и оставьте нас в покое.

— Оставить вас в покое? Когда вы умеете создавать такие приборы? — Он махнул рукой в сторону ружья. — Как же оно работает? — спросил он ни с того ни с сего.

— Да не знаю я… Смастерили, и дело с концом. Послушайте, прохвессор. Если на нас глазеть понаедут, быть беде. Большой беде. Так говорит дедуля.

Гэлбрейт стал теребить собственный нос:

— Что ж, допустим… а ответишь мне на кое-какие вопросы, Сонк?

— Не будет комиссии?

— Посмотрим.

— Нет, сэр. Не стану…

Гэлбрейт набрал побольше воздуха:

— Если ты расскажешь все, что мне нужно, я сохраню ваше пребывание в тайне.

— А я-то думал, у вас в институте знают, куда вы поехали.

— А-а, да, — спохватился Гэлбрейт. — Естественно, знают. Но про вас там ничего не известно.

Он подал мне мысль. Убить его ничего не сто-

ило, но тогда дедуля стер бы меня в порошок, да и с шерифом приходилось считаться. Поэтому я сказал: «Ладно уж» — и кивнул.

Господи, о чем только этот тип не спрашивал! У меня аж круги поплыли перед глазами. А он распалялся все больше и больше.

— Сколько лет твоему дедушке?

— Понятия не имею.

— Гомункулы, гм… Говоришь, он когда-то был рудокопом?

— Да не он, его отец, — сказал я. — На оловянных копях в Англии. Только дедуля говорит, что в то время она называлась Британия. На них тогда еще навели колдовскую чуму. Пришлось звать лекарей… друнов? Друдов?

— Друидов?

— Во-во. Эти друиды, дедуля говорит, были лекарями. В общем, рудокопы мерли как мухи, по всему Корнуэллу, и копи пришлось закрыть.

— А что за чума?

Я объяснил ему, как запомнил из рассказов дедули, и прохвессор страшно разволновался, пробормотал что-то, насколько я понял, о радиоактивном излучении. Ужас какую околесицу он нес.

— Искусственная мутация, обусловленная ра-

диоактивностью! — говорит, а у самого глаза и зубы разгорелись. — Твой дед родился мутантом! Гены и хромосомы перестроились в новую комбинацию. Да ведь вы, наверное, сверхлюди!

— Нет уж, — возразил я. — Мы Хогбены. Только и всего.

— Доминанта, типичная доминанта. А у тебя вся семья… э-э-э… со странностями?

— Эй, легче на поворотах! — пригрозил я.

— В смысле — все ли умеют летать?

— Сам-то я еще не умею. Наверное, мы какие-то уроды. Дедуля у нас — золотая голова. Всегда учил, что нельзя высовываться.

— Защитная маскировка, — подхватил Гэлбрейт. — На фоне косной социальной культуры отклонения от нормы маскируются легче. В современном цивилизованном мире вам было бы так же трудно утаиться, как шилу в мешке. А здесь, в глуши, вы практически невидимы.

— Только папуля, — уточнил я.

— О боже, — вздохнул он. — Скрывать такие невероятные природные способности… Представляете, что вы могли бы совершить?

Вдруг он распалился пуще прежнего, и мне не очень-то понравился его взгляд.

— Чудеса, — повторял он. — Все равно что лам-

пу Аладдина найти.

— Хорошо бы вы от нас отвязались, — говорю. — Вы и ваша комиссия.

— Да забудь ты о комиссии. Я решил пока что заняться этим самостоятельно. При условии, если ты будешь содействовать. В смысле — поможешь мне. Согласен?

— Не-а, — ответил я.

— Тогда я приглашу сюда комиссию из Нью-Йорка, — сказал он злорадно.

Я призадумался.

— Ну, — сказал я наконец, — чего вы хотите?

— Еще не знаю, — медленно проговорил он. — Я еще не полностью охватил перспективы.

Но он готов был ухватить все в охапку. Сразу было видать. Знаю я такое выражение лица.

Я стоял у окна, смотрел на улицу, и тут меня вдруг осенило. Я рассудил, что, как ни кинь, чересчур доверять прохвессору — вовсе глупо. Вот я и подобрался, будто ненароком, к ружью и кое-что там подправил.

Я прекрасно знал, чего хочу, но, если бы Гэлбрейт спросил, почему я скручиваю проволочку тут и сгибаю какую-то чертовщину там, я бы не мог ответить. В школах не обучался. Но твердо знал одно: теперь эта штучка сработает как надо.

Прохвессор строчил что-то в блокноте. Он поднял глаза и заметил меня.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Тут было что-то неладно, — соврал я. — Не иначе как вы тут мудрили с батарейками. Вот сейчас испытайте.

— Здесь? — возмутился он. — Я не хочу возмещать убытки. Испытывать надо в безопасных условиях.

— Видите вон там, на крыше, флюгер? — Я показал пальцем. — Никто не пострадает, если мы в него нацелимся. Можете испытывать, не отходя от окна.

— Это… это не опасно?

Ясно было, что у него руки чешутся испытать ружье. Я сказал, что все останутся в живых, он глубоко вздохнул, подошел к окну и неумело взялся за приклад.

Я отодвинулся в сторонку. Не хотел, чтобы шериф меня увидел. Я-то его давно приметил — он сидел на скамье возле продуктовой лавки через дорогу.

Все вышло, как я и рассчитывал. Гэлбрейт спустил курок, целясь во флюгер на крыше, и из дула вылетели кольца света. Раздался ужасающий грохот. Гэлбрейт повалился навзничь, и тут

началось такое столпотворение, что передать невозможно. Вопль стоял по всему городку.

Ну, чувствую, самое время сейчас превратиться в невидимку. Так я и сделал.

Гэлбрейт осматривал ружье, когда в номер ворвался шериф Эбернати. А с шерифом шутки плохи. У него был пистолет в руке и наручники наготове; он отвел душу, изругав прохвессора последними словами.

— Я вас видел! — орал он. — Вы, столичные, думаете, что вам здесь все сойдет с рук. Так вот, вы ошибаетесь!

— Сонк! — вскричал Гэлбрейт, озираясь по сторонам. Но меня он, конечно, увидеть не мог.

Тут они сцепились. Шериф Эбернати видел, как Гэлбрейт стрелял из ружья, а шерифу палец в рот не клади. Он поволок Гэлбрейта по улице, а я, неслышно ступая, двинулся следом. Люди метались как угорелые. Почти все прижимали руки к щекам.

Прохвессор продолжал ныть, что ничего не понимает.

— Я все видел! — оборвал его Эбернати. — Вы прицелились из окна — и тут же у всего города разболелись зубы! Посмейте только еще раз сказать, будто вы не понимаете!

Шериф у нас умница. Он с нами, Хогбенами, давно знаком и не удивляется, если иной раз творятся чудные дела. К тому же он знал, что Гэлбрейт — ученый. Так вот, получился скандал, люди доискались, кто виноват, и я оглянуться не успел, как они собрались линчевать Гэлбрейта.

Эбернати его увел. Я немножко послонялся по городку. На улицу вышел пастор, посмотреть на церковные окна — они его озадачили. Стекла были разноцветные, и пастор никак не мог понять, с чего это они вдруг расплавились. Я бы ему подсказал. В цветных стеклах есть золото — его добавляют, чтобы получить красный тон.

В конце концов я подошел к тюрьме. Меня все еще нельзя было видеть. Поэтому я подслушал разговор Гэлбрейта с шерифом.

— Все Сонк Хогбен, — повторял прохвессор. — Поверьте, это он перестроил проектор!

— Я вас видел, — отвечал Эбернати. — Вы все сделали сами. Ой! — Он схватился рукой за челюсть. — Прекратите-ка, да поживее! Толпа настроена серьезно. В городе половина людей сходит с ума от зубной боли.

Видно, у половины городских в зубах были золотые пломбы. То, что сказал на это Гэлбрейт, меня не очень-то удивило.

— Я ожидаю прибытия комиссии из Нью-Йорка; сегодня же вечером позвоню в институт, там за меня поручатся.

Значит, он всю дорогу собирался нас продать. Я как чувствовал, что у него на уме.

— Вы избавите меня от зубной боли — и всех остальных тоже, а не то я открою двери и впущу линчевателей! — простонал шериф. И ушел прикладывать к щеке пузырь со льдом.

Я прокрался обратно в коридор и стал шуметь, чтобы Гэлбрейт услыхал. Я подождал, пока он не кончит ругать меня на все корки. Напустил на себя глупый вид.

— Видно, я маху дал, — говорю. — Но могу все исправить.

— Да ты уж наисправлял достаточно. — Тут он остановился. — Погоди. Как ты сказал? Ты можешь вылечить эту… что это?

— Я осмотрел ружье, — говорю. — Кажется, я знаю, где напорол. Оно теперь настроено на золото, и все золото в городе испускает тепловые лучи или что-то в этом роде.

— Наведенная избирательная радиоактивность, — пробормотал Гэлбрейт очередную бессмыслицу. — Слушай. Вся эта толпа… у вас когда-нибудь линчуют?

— Не чаще раза-двух в год, — успокоил я. — И эти два раза уже позади, так что годовую норму мы выполнили. Жаль, что я не могу переправить вас к нам домой. Мы бы вас запросто спрятали.

— Ты бы лучше что-нибудь предпринял! — говорит. — А не то я вызову из Нью-Йорка комиссию! Ведь тебе это не очень-то по вкусу, а?

Никогда я не видел, чтобы человек с честным лицом так нагло врал в глаза.

— Дело верное, — говорю. — Я подкручу эту штуковину так, что она в два счета погасит лучи. Только я не хочу, чтобы люди связывали нас, Хогбенов, с этим делом. Мы любим жить спокойно. Вот что, давайте я пойду в ваш отель и налажу все как следует, а потом вы соберете тех, кто мается зубами, и спустите курок.

— Но… да, но…

Он боялся, как бы не вышло еще хуже. Но я его уговорил. На улице бесновалась толпа, так что долго уговаривать не пришлось. В конце концов я плюнул и ушел, но вернулся невидимый и подслушал, как Гэлбрейт уславливается с шерифом.

Они между собой поладили. Все, у кого болят зубы, соберутся и рассядутся в мэрии. Потом Эбернати приведет прохвессора с ружьем и попробует всех вылечить.

— Прекратится зубная боль? — настаивал шериф. — Точно?

— Я… вполне уверен, что прекратится.

Эбернати уловил его нерешительность.

— Тогда уж лучше испробуйте сначала на мне. Я вам не доверяю.

Видно, никто никому не доверял.

Я прогулялся до отеля и кое-что изменил в ружье. И тут я попал в переплет. Моя невидимость истощилась. Вот ведь как скверно быть подростком.

Когда я стану на сотню-другую лет постарше, то буду оставаться невидимым сколько влезет. Но пока я еще не очень-то освоился. Главное, теперь я не мог обойтись без помощи, потому что должен был сделать одно дело, за которое никак нельзя браться у всех на глазах.

Я поднялся на крышу и мысленно окликнул Крошку Сэма. Когда настроился на его мозг, попросил вызвать папулю и дядю Леса. Немного погодя с неба спустился дядя Лес; летел он тяжело, потому что нес папулю. Папуля ругался: они насилу увернулись от коршуна.

— Зато никто нас не видел, — утешил его дядя Лес. — По-моему.

— У городских сегодня своих хлопот полон

рот, — ответил я. — Мне нужна помощь. Прохвессор обещал одно, а сам затевает напустить сюда комиссию и всех нас обследовать.

— В таком случае ничего не поделаешь, — сказал папуля. — Нельзя же кокнуть этого типа. Дедуля запретил.

Тогда я сообщил им свой план. Папуля невидимый, ему все это будет легче легкого. Потом мы провертели в крыше дырку, чтобы подсматривать, и заглянули в номер Гэлбрейта. И как раз вовремя. Шериф уже стоял там с пистолетом в руке (так он ждал), а прохвессор, позеленев, наводил на Эбернати ружье. Все прошло без сучка без задоринки. Гэлбрейт спустил курок, из дула выскочило пурпурное кольцо света, и все. Да еще шериф открыл рот и сглотнул слюну.

— Ваша правда! Зуб не болит!

Гэлбрейт обливался потом, но делал вид, что все идет по плану.

— Конечно действует, — сказал он. — Естественно. Я же говорил.

— Идемте в мэрию. Вас ждут. Советую вылечить всех, иначе вам не поздоровится.

Они ушли. Папуля тайком двинулся за ними, а дядя Лес подхватил меня и полетел следом, держась поближе к крышам, чтобы нас не заме-

тили. Вскоре мы расположились у одного из окон мэрии и стали наблюдать.

Таких страстей я еще не видел, если не считать лондонской чумы. Зал был битком набит, люди катались от боли, стонали и выли. Вошел Эбернати с прохвессором — прохвессор нес ружье, — и все завопили еще громче.

Гэлбрейт установил ружье на сцене, дулом к публике, шериф снова вытащил пистолет, велел всем замолчать и обещал, что сейчас у всех зубная боль пройдет.

Я папулю, ясное дело, не видел, но знал, что он на сцене. С ружьем творилось что-то немыслимое. Никто не замечал, кроме меня, но я-то следил внимательно. Папуля, конечно невидимый, вносил кое-какие поправки. Я ему все объяснил, но он и сам не хуже меня понимал, что к чему. И вот он скоренько наладил ружье как надо.

А что потом было — конец света. Гэлбрейт прицелился, спустил курок, из ружья вылетели кольца света — на этот раз желтые. Я попросил папулю выбрать такую дальность, чтобы за пределами мэрии никого не задело. Но внутри…

Что ж, зубная боль у них прошла. Ведь не может человек страдать от золотой пломбы, если никакой пломбы у него и в помине нет.

Теперь ружье было налажено так, что действовало на все неживое. Дальность папуля выбрал точка в точку. Вмиг исчезли стулья и часть люстры. Публика сбилась в кучу, поэтому ей худо пришлось. У колченогого Джеффа пропала не только деревянная нога, но и стеклянные глаза. У кого были вставные зубы, ни одного не осталось. Многих словно наголо обрили.

И платья ни на ком я не видел. Ботинки ведь неживые, как и брюки, рубашки, юбки. В два счета все в зале оказались в чем мать родила. Но это уж пустяк, зубы-то у них перестали болеть, верно?

Часом позже мы сидели дома — все, кроме дяди Леса, — как вдруг открывается дверь и входит дядя Лес, а за ним, шатаясь, прохвессор. Вид у Гэлбрейта был самый жалкий. Он опустился на пол, тяжело, с хрипом дыша и тревожно поглядывая на дверь.

— Занятная история, — сказал дядя Лес. — Лечу это я над окраиной городка и вдруг вижу: бежит прохвессор, а за ним — целая толпа, и все замотаны в простыни. Вот я его и прихватил. Доставил сюда, как ему хотелось.

И мне подмигнул.

— О-о-о-х! — простонал Гэлбрейт. — А-а-а-х! Они

сюда идут?

Мамуля подошла к двери.

— Вон сколько факелов лезет в гору, — сообщила она. — Не к добру это.

Прохвессор свирепо глянул на меня.

— Ты говорил, что можешь меня спрятать! Так вот, теперь прячь! Все из-за тебя!

— Чушь, — говорю.

— Прячь, иначе пожалеешь! — завизжал Гэлбрейт. — Я… я вызову сюда комиссию.

— Ну вот что, — сказал я. — Если мы вас укроем, обещаете забыть о комиссии и оставить нас в покое?

Прохвессор пообещал.

— Минуточку, — сказал я и поднялся в мезонин к дедуле. Он не спал.

— Как, дедуля? — спросил я.

С секунду он прислушивался к Крошке Сэму.

— Прохвост лукавит, — сказал он вскоре. — Желает всенепременно вызвать ту шелудивую комиссию, вопреки всем своим посулам.

— Может, не стоит его прятать?

— Нет, отчего же, — сказал дедуля. — Хогбены дали слово — больше не убивать. А укрыть беглеца от преследователей — право же, дело благое.

Мне показалось, он подмигнул. Дедулю не раз-

берешь. Я спустился по лестнице. Гэлбрейт стоял у двери — смотрел, как в гору взбираются факелы. Он в меня так и вцепился.

— Сонк! Если ты меня не спрячешь…

— Спрячу, — ответил я. — Пошли.

Отвели мы его в подвал…

Когда к нам ворвалась толпа во главе с шерифом Эбернати, мы прикинулись простаками. Позволили перерыть весь дом. Крошка Сэм и дедуля на время стали невидимыми, их никто не заметил. И само собой, толпа не нашла никаких следов Гэлбрейта. Мы его хорошо укрыли, как и обещали.

С тех пор прошло несколько лет. Прохвессор как сыр в масле катается. Но только нас он не обследует. Порой мы вынимаем его из бутылки, где он хранится, и обследуем сами.

А бутылочка-то ма-ахонькая!

Котел с неприятностями

Лемюэла мы прозвали Горбун, потому что у него три ноги. Когда Лемюэл подрос (как раз в войну Севера с Югом), он стал поджимать лишнюю ногу внутрь штанов, чтобы никто ее не видел и зря язык не чесал. Ясное дело, вид у него был при этом самый что ни на есть верблюжий, но ведь Лемюэл не любитель форсить. Хорошо, что руки и ноги у него сгибаются не только в локтях и коленях, но и еще в двух суставах, иначе поджатую ногу вечно сводили бы судороги.

Мы не видели Лемюэла годков шестьдесят. Все Хогбены живут в Кентукки, но он — в южной части гор, а мы — в северной. И надо полагать, обошлось бы без неприятностей, не будь Лемюэл таким безалаберным. Одно время мы уже подумали — каша заваривается не на шутку. Нам, Хогбенам, доводилось хлебнуть горя и раньше, до того как мы переехали в Пайпервилл: бывало, люди все подглядывают за нами да подслушивают, норовят дознаться, с чего это в округе собаки лаем исходят. До того дошло — совсем невозможно стало летать. В конце концов дедуля рассудил,

что пора смотать удочки, перебраться южнее, к Лемюэлу.

Терпеть не могу путешествий. Последний раз, когда мы плыли в Америку, меня аж наизнанку выворачивало. Летать — и то лучше. Но в семье верховодит дедуля.

Он заставил нас нанять грузовик, чтобы переправить пожитки. Труднее всего было втиснуть малыша. В нем-то самом весу кило сто сорок, не больше, но цистерна уж больно здоровая. Зато с дедулей никаких хлопот: его просто увязали в старую дерюгу и запихнули под сиденье. Всю работу пришлось делать мне. Папуля насосался маисовой водки и совершенно обалдел. Знай ходил на руках да песню горланил — «Вверх тормашками весь мир».

Дядя вообще не пожелал ехать. Он забился под ясли в хлеву и сказал, что соснет годиков десять. Там мы его и оставили.

— Вечно они скачут! — все жаловался дядя. — И чего им на месте не сидится? Пятисот лет не пройдет, как они опять — хлоп! Бродяги бесстыжие, перелетные птицы! Ну и езжайте, скатертью дорога!

Ну и уехали.

Лемюэл, по прозванию Горбун, — наш род-

ственник. Аккурат перед тем, как мы поселились в Кентукки, там, говорят, пронесся ураган. Всем пришлось засучить рукава и строить дом, один Лемюэл ни в какую. Ужас до чего никудышный. Так и улетел на юг. Каждый год или через год он ненадолго просыпается, и мы тогда слышим его мысли, но остальное время он бревно бревном.

Решили пожить у него.

Сказано — сделано.

Видим, Лемюэл живет в заброшенной водяной мельнице, в горах, неподалеку от города Пайпервилл. Мельница обветшала, на честном слове держится. На крыльце сидит Лемюэл. Когда-то он сел в кресло, но кресло под ним давно уже развалилось, а он и не подумал проснуться и починить. Мы не стали будить Лемюэла. Втащили малыша в дом, и дедуля с папулей стали вносить бутылки с маисовой.

Мало-помалу устроились. Сперва было не ахти как удобно. Лемюэл, непутевая душа, припасов в доме не держит. Он проснется ровно настолько, чтобы загипнотизировать в лесу какого-нибудь енота, и, глядишь, тот уже скачет, пришибленный, согласный стать обедом. Лемюэл питается енотами, потому что у них лапы прямо как руки. Пусть меня поцарапают, если этот лодырь Лем

гипнозом не заставляет енотов разводить огонь и зажариваться. До сих пор не пойму, как он их свежует. А может, просто выплевывает шкурку? Есть люди, которым лень делать самые немудреные вещи.

Когда ему хочется пить, он насылает дождь себе на голову и открывает рот. Позор, да и только.

Правда, никто из нас не обращал внимания на Лемюэла. Мамуля с ног сбилась в хлопотах по хозяйству. Папуля, само собой, удрал с кувшином маисовой, и вся работа свалилась на меня. Ее было не много. Главная беда — нужна электроэнергия. На то, чтобы поддерживать жизнь малыша в цистерне, току уходит прорва, да и дедуля жрет электричество, как свинья помои. Если бы Лемюэл сохранил воду в запруде, мы бы вообще забот не знали, но ведь это же Лемюэл! Он преспокойно дал ручью высохнуть. Теперь по руслу текла жалкая струйка.

Мамуля помогла мне смастерить в курятнике одну штуковину, и после этого у нас электричества стало хоть отбавляй.

Неприятности начались с того, что в один прекрасный день по лесной тропе к нам притопал костлявый коротышка и словно бы обомлел, увидев, как мамуля стирает во дворе. Я тоже вышел

во двор — любопытства ради.

— День выдался на славу, — сказала мамуля. — Хотите выпить, гостенек?

Он сказал, что ничего не имеет против, я принес полный кувшин, коротышка выпил маисовой, судорожно перевел дух и сказал, мол, нет уж, спасибо, больше не хочет, ни сейчас, ни потом, никогда в жизни. Сказал, что есть уйма более дешевых способов надсадить себе глотку.

— Недавно приехали? — спросил он.

Мамуля сказала, что да, недавно, Лемюэл нам родственник. Коротышка посмотрел на Лемюэла — тот все сидел на крыльце, закрыв глаза, — и сказал:

— По-вашему, он жив?

— Конечно, — ответила мамуля. — Полон жизни, как говорится.

— А мы-то думали, он давно покойник, — сказал коротышка. — Поэтому ни разу не взимали с него избирательного налога. Я считаю, вам лучше и за себя заплатить, если уж вы сюда въехали. Сколько вас тут?

— Примерно шестеро, — ответила мамуля.

— Все совершеннолетние?

— Да вот у нас папуля, Сонк, малыш…

— Лет-то сколько?

— Малышу уже годочков четыреста, верно, мамуля? — сунулся было я, но мамуля дала мне подзатыльник и велела помалкивать. Коротышка ткнул в меня пальцем и сказал, что про меня-то и спрашивает. Черт, не мог я ему ответить. Сбился со счета еще при Кромвеле. Кончилось тем, что коротышка решил собрать налог со всех, кроме малыша.

— Не в деньгах счастье, — сказал он, записывая что-то в книжечку. — Главное, в нашем городе голосовать надо по всем правилам. В Пайпервилле босс только один, и зовут его Илай Гэнди. С вас двадцать долларов.

Мамуля велела мне набрать денег, и я ушел на поиски. У дедули была одна-единственная монетка, про которую он сказал, что это, во-первых, динарий, а во-вторых, талисман; дедуля прибавил, что свистнул эту монетку у какого-то Юлия где-то в Галлии. Папуля был пьян в стельку. У малыша завалялись три доллара. Я обшарил карманы Лемюэла, но добыл там только два яичка иволги.

Когда я вернулся к мамуле, она поскребла в затылке, но я ее успокоил:

— К утру сделаем, мамуля. Вы ведь примете золото, мистер?

Мамуля влепила мне пощечину. Коротышка посмотрел как-то странно и сказал, что золото примет, отчего бы и нет. Потом он ушел лесом и повстречал на тропе енота, который нес охапку прутьев на растопку, — как видно, Лемюэл проголодался. Коротышка прибавил шагу.

Я стал искать металлический хлам, чтобы превратить его в золото.

На другой день нас упрятали в тюрьму.

Мы-то, конечно, все знали заранее, но ничего не могли поделать. У нас одна линия: не задирать нос и не привлекать к себе лишнего внимания. То же самое наказал нам дедуля и на этот раз. Мы все поднялись на чердак (все, кроме малыша и Лемюэла, который никогда не почешется), и я уставился в угол, на паутину, чтобы не смотреть на дедулю. От его вида у меня мороз по коже.

— Ну их, холуев зловонных, не стоит марать-ся, — сказал дедуля. — Лучше уж в тюрьму, там безопасно. Дни инквизиции навеки миновали.

— Нельзя ли спрятать ту штуковину, что в курятнике?

Мамуля меня стукнула, чтобы не лез, когда старшие разговаривают.

— Не поможет, — сказала она. — Сегодня утром приходили из Пайпервилла соглядатаи, видели

ее.

— Прорыли вы погреб под домом? — спросил дедуля. — Вот и ладно. Укройте там меня с малышом. — Он опять сбился на старомодную речь. — Поистине досадно прожить столь долгие годы и вдруг попасть впросак, осрамиться перед гнусными олухами. Надлежало бы им глотки перерезать. Да нет же, Сонк, ведь это я для красного словца. Не станем привлекать к себе внимание. Мы и без того найдем выход.

Выход нашелся сам. Всех нас выволокли (кроме дедули с малышом, они к тому времени уже сидели в погребе). Отвезли в Пайпервилл и упрятали в каталажку. Лемюэл так и не проснулся. Пришлось тянуть его за ноги.

Что до папули, то он не протрезвел. У него свой коронный номер. Он выпьет маисовой, а потом, я так понимаю, алкоголь попадает ему в кровь и превращается в сахар или еще во что-то. Волшебство, не иначе. Папуля старался мне растолковать, но до меня туго доходило. Спиртное идет в желудок; как может оно попасть оттуда в кровь и превратиться в сахар? Просто глупость. А если нет, так колдовство. Но я-то к другому клоню: папуля уверяет, будто обучил своих друзей, которых звать Ферменты (не иначе как иностран-

цы, судя по фамилии), превращать сахар обратно в алкоголь и потому умеет оставаться пьяным сколько душе угодно. Но все равно он предпочитает свежую маисовую, если только подвернется. Я-то не выношу колдовских фокусов, мне от них страшно делается.

Ввели меня в комнату, где было порядочно народу, и приказали сесть на стул. Стали сыпать вопросами. Я прикинулся дурачком. Сказал, что ничего не знаю.

— Да не может этого быть! — заявил кто-то. — Не сами же они соорудили… неотесанные увальни-горцы! Но несомненно, в курятнике у них урановый котел.

Чепуха какая.

Я все прикидывался дурачком. Немного погодя отвели меня в камеру. Она кишела клопами. Я выпустил из глаз что-то вроде лучей и поубивал всех клопов — на удивление занюханному человечку со светло-рыжими баками, который спал на верхней койке, и я не заметил, как он проснулся, а когда заметил, было уже поздно.

— На своем веку в каких только чудных тюрьмах я не перебывал, — сказал занюханный человечек, часто-часто помаргивая, — каких только необыкновенных соседей по камере не

перевидал, но ни разу еще не встречал человека, в котором заподозрил бы дьявола. Я, Армбрестер, Хорек Армбрестер, упекли меня за бродяжничество. А тебя в чем обвиняют, друг? В том, что скупал души по взвинченным ценам?

Я ответил, что рад познакомиться. Нельзя было не восхититься его речью. Просто страсть какой образованный был.

— Мистер Армбрестер, — сказал я, — понятия не имею, за что сижу. Нас сюда привезли ни с того ни с сего — папулю, мамулю и Лемюэла. Лемюэл, правда, все еще спит, а папуля пьян.

— Мне тоже хочется напиться допьяна, — сообщил мистер Армбрестер. — Тогда меня не удивляло бы, что ты повис в воздухе между полом и потолком.

Я засмущался. Вряд ли кому охота, чтобы его застукали за такими делами. Со мной это случилось по рассеянности, но чувствовал я себя круглым идиотом. Пришлось извиниться.

— Ничего, — сказал мистер Армбрестер, переваливаясь на живот и почесывая баки. — Я этого уже давно жду. Жизнь я прожил в общем и целом весело. А такой способ сойти с ума не хуже всякого другого. Так за что тебя, говоришь, арестовали?

— Сказали, что у нас урановый котел стоит, —

ответил я. — Спорим, у нас такого нет. Чугунный, я знаю, есть, сам в нем воду кипятил. А уранового сроду на огонь не ставил.

— Ставил бы, так запомнил бы, — отозвался он. — Скорее всего, тут какая-то политическая махинация. Через неделю выборы. На них собирается выступить партия реформ, а старикашка Гэнди хочет раздавить ее, прежде чем она сделает первый шаг.

— Что ж, пора нам домой, — сказал я.

— А где вы живете?

Я ему объяснил, и он задумался.

— Интересно. На реке, значит? То есть на ручье? На Медведице?

— Это даже не ручей, — уточнил я.

Мистер Армбрестер засмеялся.

— Гэнди величал его рекой Большой Медведицы, до того как построил недалеко от вас Гэнди-плотину. В том ручье нет воды уже полвека, но лет десять назад старикашка Гэнди получил ассигнования — один бог знает, на какую сумму. Выстроил плотину только благодаря тому, что ручей назвал рекой.

— А зачем ему это было надо? — спросил я.

— Знаешь, сколько шальных денег можно выколотить из постройки плотины? Но против

Гэнди не попрешь, по-моему. Если у человека собственная газета, он сам диктует условия. Ого! Сюда кто-то идет.

Вошел человек с ключами и увел мистера Армбрестера. Спустя еще несколько часов пришел кто-то другой и выпустил меня. Отвел в другую комнату, очень ярко освещенную. Там был мистер Армбрестер, были мамуля с папулей и Лемюэлом и еще какие-то дюжие ребята с револьверами. Был там и тощий сухонький тип с лысым черепом и змеиными глазками; все плясали под его дудку и величали его мистером Гэнди.

— Парнишка — обыкновенный деревенский увалень, — сказал мистер Армбрестер, когда я вошел. — Если он и угодил в какую-то историю, то случайно.

Ему дали по шее и велели заткнуться. Он заткнулся. Мистер Гэнди сидел в сторонке и кивал с довольно подлым видом. У него был дурной глаз.

— Послушай, мальчик, — сказал он мне. — Кого ты выгораживаешь? Кто сделал урановый котел в вашем сарае? Говори правду, или тебе не поздоровится.

Я только посмотрел на него, да так, что кто-то стукнул меня по макушке. Чепуха. Ударом по черепу Хогбенов не проймешь. Помню, наши

враги Адамсы схватили меня и давай дубасить по голове, пока не выбились из сил, — даже не пикнули, когда я побросал их в цистерну.

Мистер Армбрестер подал голос.

— Вот что, мистер Гэнди, — сказал он. — Я понимаю, будет большая сенсация, если вы узнаете, кто сделал урановый котел, но ведь вас и без того переизберут. А может быть, это вообще не урановый котел.

— Кто его сделал, я знаю, — заявил мистер Гэнди. — Ученые-ренегаты. Или беглые военные преступники, нацисты. И я намерен их найти!

— Ого, — сказал мистер Армбрестер. — Понял вашу идею. Такая сенсация взволнует всю страну, не так ли? Вы сможете выставить свою кандидатуру на пост губернатора или в сенат или… в общем, диктовать любые условия.

— Что тебе говорил этот мальчишка? — спросил мистер Гэнди. Но мистер Армбрестер заверил его, что я ничего такого не говорил.

Тогда принялись колошматить Лемюэла.

Это занятие утомительное. Никто не может разбудить Лемюэла, если уж его разморило и он решил вздремнуть, а таким разморенным я никого никогда не видел. Через некоторое время его сочли мертвецом. Да он и вправду все равно

что мертвец: до того ленив, что даже не дышит, если крепко спит.

Папуля творил чудеса со своими приятелями Ферментами, он был пьянее пьяного. Его пытались отхлестать, но ему это вроде щекотки. Всякий раз, как на него опускали кусок шланга, папуля глупо хихикал. Мне стало стыдно.

Мамулю никто не пытался отхлестать. Когда кто-нибудь подбирался к ней достаточно близко, чтобы ударить, он тут же белел как полотно и пятился весь в поту, дрожа крупной дрожью. Один наш знакомый прохвессор как-то сказал, что мамуля умеет испускать направленный пучок инфразвуковых волн. Прохвессор врал. Она всего-навсего издает никому не слышный звук и посылает куда хочет. Ох уж эти мне трескучие слова! А дело-то простое, все равно что белок бить. Я и сам так умею.

Мистер Гэнди распорядился водворить нас обратно — он, мол, с нами еще потолкует. Поэтому Лемюэла выволокли, а мы разошлись по камерам сами. У мистера Армбрестера на голове осталась шишка величиной с куриное яйцо. Он со стонами улегся на койку, а я сидел в углу, поглядывал на его голову и вроде бы стрелял светом из глаз, только этого света никто не мог увидеть. На самом

деле такой свет… эх, образования не хватает. В общем, он помогает не хуже примочки. Немного погодя шишка на голове у мистера Армбрестера исчезла, и он перестал стонать.

— Попал ты в переделку, Сонк, — сказал он (к тому времени я ему назвал свое имя). — У Гэнди теперь грандиозные планы. И он совершенно загипнотизировал жителей Пайпервилла. Но ему нужно больше — загипнотизировать весь штат или даже всю страну. Он хочет стать фигурой национального масштаба. Подходящая новость в газетах может его устроить. Кстати, она же гарантирует ему переизбрание на той неделе, хоть он в гарантиях и не нуждается. Весь городок у него в кармане. У вас и вправду был урановый котел?

Я только посмотрел на него.

— Гэнди, по-видимому, уверен, — продолжал он. — Выслал несколько физиков, и они сказали, что это явно уран-двести тридцать пять с графитовыми замедлителями. Сонк, я слышал их разговор. Для своего же блага — перестань укрывать других. К тебе применят наркотик правды — пентатол натрия или скополамин.

— Вам надо поспать, — сказал я, потому что услышал у себя в мозгу зов дедули. Я закрыл глаза и стал вслушиваться. Это было нелегко: все время

вклинивался папуля.

— Пропусти рюмашку, — весело предложил папуля, только без слов, сами понимаете.

— Чтоб тебе сдохнуть, клейменая вошь, — сказал дедуля совсем не так весело. — Убери отсюда свой неповоротливый мозг, Сонк!

— Да, дедуля, — сказал я мысленно.

— Надо составить план…

Папуля повторил:

— Пропусти рюмашку, Сонк.

— Да замолчи же, папуля, — ответил я. — Имей хоть каплю уважения к старшим. Это я про дедулю. И вообще, как я могу пропустить рюмашку? Ты же далеко, в другой камере.

— У меня личный трубопровод, — сказал папуля. — Могу сделать тебе… как это называется… переливание. Телепортация, вот это что. Я просто накоротко замыкаю пространство между твоей кровеносной системой и моей, а потом перекачиваю алкоголь из своих вен в твои. Смотри, это делается вот так.

Он показал мне как — вроде картинку нарисовал у меня в голове. Действительно легко. То есть легко для Хогбена.

Я осатанел.

— Папуля, — говорю, — пень ты трухлявый, не

заставляй своего любящего сына терять к тебе больше уважения, чем требует естество. Я ведь знаю, ты книг сроду не читал. Просто подбираешь длинные слова в чьем-нибудь мозгу.

— Пропусти рюмашку, — не унимался папуля и вдруг как заорет. Я услыхал смешок дедули.

— Крадешь мудрость из умов людских, а? — сказал дедуля. — Это я тоже умею. Сейчас я в своей кровеносной системе мгновенно вывел культуру возбудителя мигрени и телепортировал ее тебе в мозг, пузатый негодник! Чумы нет на изверга! Внемли мне, Сонк. В ближайшее время твой ничтожный родитель не будет нам помехой.

— Есть, дедуля, — говорю. — Ты в форме?

— Да.

— А малыш?

— Тоже. Но действовать должен ты. Это твоя задача, Сонк. Вся беда в той… все забываю слово… в том урановом котле.

— Значит, это все-таки он, — сказал я.

— Кто бы подумал, что хоть одна душа в мире может его распознать? Делать такие котлы научил меня мой прародитель; они существовали еще в его времена. Поистине, благодаря им мы, Хогбены, стали мутантами. Господи, твоя воля, теперь я сам должен обворовать чужой мозг,

чтобы внести ясность. В городе, где ты находишься, Сонк, есть люди, коим ведомы нужные мне слова… вот погоди.

Он порылся в мозгу у нескольких человек. Потом продолжил:

— При жизни моего прародителя люди научились расщеплять атом. Появилась… гм… вторичная радиация. Она оказала влияние на гены и хромосомы некоторых мужчин и женщин… у нас, Хогбенов, мутация доминантная. Вот потому мы и мутанты.

— То же самое говорил Роджер Бэкон, точно? — припомнил я.

— Так. Но он был дружелюбен и хранил молчание. Кабы в те дни люди дознались о нашем могуществе, нас сожгли бы на костре. Даже сегодня открываться небезопасно. Под конец… ты ведь знаешь, что воспоследует под конец, Сонк.

— Да, дедуля, — подтвердил я, потому что и в самом деле знал.

— Вот тут-то и закавыка. По-видимому, люди вновь расщепили атом. Оттого и распознали урановый котел. Его надлежит уничтожить; он не должен попасть на глаза людям. Но нам нужна энергия. Не много, а все же. Легче всего ее получить от уранового котла, но теперь им нельзя

пользоваться. Сонк, вот что надо сделать, чтобы нам с малышом хватило энергии.

Он растолковал мне, что надо сделать.

Тогда я взял да и сделал.

Стоит мне глаза скосить, как я начинаю видеть интересные картинки. Взять хоть решетку на окнах. Она дробится на малюсенькие кусочки, и все кусочки бегают взад-вперед как шальные. Я слыхал, это атомы. До чего же они веселенькие — суетятся, будто спешат к воскресной проповеди. Ясное дело, ими легко жонглировать, как мячиками. Посмотришь на них пристально, выпустишь что-то такое из глаз — они сгрудятся, а это смешно до невозможности. По первому разу я ошибся и нечаянно превратил железные прутья в золотые. Пропустил, наверное, атом. Затем, после этого, я научился и превратил прутья в ничто. Выкарабкался наружу, а потом обратно превратил их в железо. Сперва удостоверился, что мистер Армбрестер спит. В общем, легче легкого.

Нас поместили на седьмом этаже большого здания — наполовину мэрии, наполовину тюрьмы. Дело было ночью, меня никто не заметил. Я и улетел. Один раз мимо меня прошмыгнула сова — думала, я в темноте не вижу, а я в нее плюнул. Попал, между прочим.

С урановым котлом я справился. Вокруг него полно было охраны с фонарями, но я повис в небе, куда часовые не могли досягнуть, и занялся делом. Для начала разогрел котел так, что штуки, которые мистер Армбрестер называет графитовыми замедлителями, превратились в ничто, исчезли. После этого можно было без опаски заняться… ураном-235, так, что ли? Я и занялся, превратил его в свинец. В самый хрупкий. До того хрупкий, что его сдуло ветром. Вскорости ничего не осталось.

Тогда я полетел вверх по ручью. Воды в нем была жалкая струйка, а дедуля объяснил, что нужно гораздо больше. Слетал я к вершинам гор, но и там ничего подходящего не нашел. А дедуля заговорил со мной. Сказал, что малыш плачет. Надо было, верно, сперва найти источник энергии, а уж потом рушить урановый котел.

Оставалось одно — наслать дождь.

Насылать дождь можно по-разному, но я решил просто заморозить тучу. Пришлось спуститься на землю, по-быстрому смастерить аппаратик, а потом лететь высоко вверх, где есть тучи. Времени убил порядком, зато довольно скоро грянула буря и хлынул дождь. Но вода не пошла вниз по ручью. Искал я, искал, обнаружил место, где у ручья

дно провалилось. Видно, под руслом тянулись подземные пещеры. Я скоренько законопатил дыры. Стоит ли удивляться, что в ручье столько лет нет воды, о которой можно говорить всерьез? Я все уладил.

Но ведь дедуле требовался постоянный источник, я и давай кругом шарить, пока не разыскал большие родники. Я их вскрыл. К тому времени дождь лил как из ведра. Я завернул проведать дедулю.

Часовые разошлись по домам — надо полагать, малыш их вконец расстроил, когда начал плакать. По словам дедули, все они заткнули уши пальцами и с криком бросились врассыпную. Я, как велел дедуля, осмотрел и кое-где починил водяное колесо. Ремонт там был мелкий. Сто лет назад вещи делали на совесть, да и дерево успело стать мореным. Я любовался колесом, а оно вертелось все быстрее — ведь вода в ручье прибывала… да что я — в ручье! Он стал рекой.

Но дедуля сказал, это что, видел бы я Аппиеву дорогу, когда ее прокладывали.

Его и малыша я устроил со всеми удобствами, потом улетел назад в Пайпервилл. Близился рассвет, а я не хотел, чтобы меня заметили. На обратном пути плюнул в голубя.

В мэрии был переполох. Оказывается, исчезли мамуля, папуля и Лемюэл. Я-то знал, как это получилось. Мамуля в мыслях переговорила со мной, велела идти в угловую камеру, там просторнее. В той камере собрались все наши. Только невидимые.

Да, чуть не забыл: я ведь тоже сделался невидимым, после того как пробрался в свою камеру, увидел, что мистер Армбрестер все еще спит, и заметил переполох.

— Дедуля мне дал знать, что творится, — сказала мамуля. — Я рассудила, что не стоит пока путаться под ногами. Сильный дождь, да?

— Будьте уверены, — ответил я. — А почему все так волнуются?

— Не могут понять, что с нами сталось, — объяснила мамуля. — Как только шум стихнет, мы вернемся домой. Ты, надеюсь, все уладил?

— Я сделал все, как дедуля велел… — начал было я, и вдруг из коридора послышались вопли.

В камеру вкатился матерый жирный енот с охапкой прутьев. Он шел прямо-прямо, пока не уперся в решетку. Тогда он сел и начал раскладывать прутья, чтобы разжечь огонь. Взгляд у него был ошалелый, поэтому я догадался, что Лемюэл енота загипнотизировал.

Под дверью камеры собралась толпа. Нас-то она, само собой, не видела, зато глазела на матерого енота. Я тоже глазел, потому что до сих пор не могу сообразить, как Лемюэл сдирает с енотов шкурку. Как они разводят огонь, я и раньше видел (Лемюэл умеет их заставить), но почему-то ни разу не был рядом, когда еноты раздевались догола — сами себя свежевали. Хотел бы я на это посмотреть.

Но не успел енот начать, один из полисменов цап его в сумку — и унес; так я и не узнал секрета. К тому времени рассвело. Откуда-то непрерывно доносился рев, а один раз я различил знакомый голос.

— Мамуля, — говорю, — это, похоже, мистер Армбрестер. Пойду погляжу, что там делают с бедолагой.

— Нам домой пора, — уперлась мамуля. — Надо выпустить дедулю и малыша. Говоришь, вертится водяное колесо?

— Да, мамуля, — говорю. — Теперь электричества вволю.

Она пошарила в воздухе, нащупала папулю и стукнула его.

— Проснись!

— Пропусти рюмашку, — завел опять папуля.

Но она его растолкала и объявила, что мы идем домой. А вот разбудить Лемюэла никто не в силах. В конце концов мамуля с папулей взяли Лемюэла за руки и за ноги и вылетели с ним в окно (я развеял решетку в воздухе, чтобы они пролезли). Дождь все лил, но мамуля сказала, что они не сахарные, да и я пусть лечу следом, не то мне всыплют пониже спины.

— Ладно, мамуля, — поддакнул я. Но на самом деле и не думал лететь. Я остался выяснить, что делают с мистером Армбрестером.

Его держали в той же ярко освещенной комнате. У окна, с самой подлой миной, стоял мистер Гэнди, а мистеру Армбрестеру закатали рукав, вроде бы стеклянную иглу собирались всадить. Ну погодите! Я тут же сделался видимым.

— Не советую, — сказал я.

— Да это же младший Хогбен! — взвыл кто-то. — Хватай его!

Меня схватили. Я позволил. Очень скоро я уже сидел на стуле с закатанным рукавом, а мистер Гэнди щерился на меня по-волчьи.

— Обработайте его наркотиком правды, — сказал он. — А бродягу теперь не стоит допрашивать.

Мистер Армбрестер, какой-то пришибленный,

твердил:

— Куда делся Сонк — я не знаю! А знал бы — не сказал бы…

Ему дали по шее.

Мистер Гэнди придвинул лицо чуть ли не к моему носу.

— Сейчас мы узнаем всю правду об урановом котле, — объявил он. — Один укол — и ты все выложишь. Понятно?

Воткнул мне в руку иглу и впрыснул лекарство. Щекотно стало.

Потом начали расспрашивать. Я сказал, что знать ничего не знаю. Мистер Гэнди распорядился сделать мне еще один укол. Сделали.

Совсем невтерпеж стало от щекотки.

Тут кто-то вбежал в комнату — и в крик.

— Плотину прорвало! — орет. — Гэнди-плотину! В южной долине затоплена половина ферм!

Мистер Гэнди попятился и завизжал:

— Вы с ума сошли! Не может быть! В Большой Медведице уже сто лет нет воды!

Потом все сбились в кучку и давай шептаться. Что-то насчет образчиков. И внизу уже толпа собралась.

— Вы должны их успокоить, — сказал кто-то мистеру Гэнди. — Они кипят от возмущения.

Посевы загублены.

— Я их успокою, — заверил мистер Гэнди. — Доказательств никаких. Эх, как раз за неделю до выборов.

Он выбежал из комнаты, за ним бросились остальные. Я встал со стула и почесался. Лекарство, которым меня накачали, дико зудело под кожей. Я обозлился на мистера Гэнди.

— Живо! — сказал мистер Армбрестер. — Давай уносить ноги. Сейчас самое время.

Мы унесли ноги через боковой вход. Это было легко. Подошли к парадной двери, а там под дождем куча народу мокнет. На ступенях суда стоит мистер Гэнди, все с тем же подлым видом, лицом к лицу с рослым плечистым парнем, который размахивает обломком камня.

— У каждой плотины свой предел прочности, — объяснял мистер Гэнди, но рослый парень взревел и замахнулся камнем над его головой.

— Я знаю, где хороший бетон, а где плохой! — прогремел он. — Тут сплошной песок! Да эта плотина и галлона воды не удержит!..

Мистер Гэнди покачал головой.

— Возмутительно! — говорит. — Я потрясен не меньше, чем вы. Разумеется, мы целиком доверяли подрядчикам. Если строительная компания

«Эджекс» пользовалась некондиционными материалами, мы взыщем с нее по суду.

В эту минуту я до того устал чесаться, что решил принять меры. Так я и сделал.

Плечистый парень отступил на шаг и ткнул пальцем в мистера Гэнди.

— Вот что, — говорит. — Ходят слухи, будто строительная компания «Эджекс» принадлежит вам. Это правда?

Мистер Гэнди открыл рот и снова закрыл. Он чуть заметно вздрогнул.

— Да, — говорит, — я ее владелец.

Надо было слышать вопль толпы.

Плечистый парень аж задохнулся:

— Вы сознались? Может быть, сознаетесь и в том, что знали, что плотина никуда не годится, а? Сколько вы нажили на строительстве?

— Одиннадцать тысяч долларов, — ответил мистер Гэнди. — Это чистая прибыль, после того как я выплатил долю шерифу, олдермену и…

Но тут толпа двинулась вверх по ступенькам, и мистера Гэнди не стало слышно.

— Так-так, — сказал мистер Армбрестер. — Редкое зрелище. Ты понял, что это означает, Сонк? Гэнди сошел с ума. Не иначе. Но на выборах победит партия реформ, она прогонит мошенников,

и для меня снова настанет приятная жизнь в Пайпервилле. Пока не подамся на юг. Как ни странно, я нашел у себя в кармане деньги. Пойдем выпьем, Сонк?

— Нет, спасибо, — ответил я. — Мамуля рассердится; она ведь не знает, куда я делся. А больше не будет неприятностей, мистер Армбрестер?

— В конце концов когда-нибудь будут, — сказал он, — но очень не скоро. Смотри-ка, старикашку Гэнди ведут в тюрьму! Скорее всего, хотят защитить от разъяренной толпы. Это надо отпраздновать, Сонк. Ты не передумал… Сонк! Ты где?

Но я стал невидимым.

Ну вот и все. Под кожей у меня больше не зудело. Я улетел домой и помог наладить гидроэлектростанцию на водяном колесе. Со временем наводнение схлынуло, но с тех пор по руслу течет полноводная река, потому что в истоках ее я все устроил как надо. И зажили мы тихо и спокойно, как любим. Для нас такая жизнь безопаснее.

Дедуля сказал, что наводнение было законное. Напомнило ему то, про которое рассказывал ему еще его дедуля. Оказывается, при жизни дедулиного дедули были установлены котлы и многое другое, но очень скоро все это вышло из повино-

вения и случился настоящий потоп. Дедулиному дедуле пришлось бежать без оглядки. С того дня и до сих пор про его родину никто и слыхом не слыхал; надо понимать, в Атлантиде все утонули. Впрочем, подумаешь, важность, какие-то иностранцы.

Мистера Гэнди упрятали в тюрьму. Так и не узнали, что заставило его во всем сознаться; может, в нем совесть заговорила. Не думаю, чтоб из-за меня. Навряд ли. А все же…

Помните тот фокус, что показал мне папуля, — как можно коротнуть пространство и перекачать маисовую из его крови в мою? Так вот, мне надоел зуд под кожей, где толком и не почешешься, и я сам проделал такой фокус. От впрыснутого лекарства, как бы оно ни называлось, меня одолел зуд. Я маленько искривил пространство и перекачал эту пакость в кровь мистера Гэнди, когда он стоял на ступеньках крыльца. У меня зуд тут же прошел, но у мистера Гэнди он, видно, начался сильнее. Так и надо подлецу!

Интересно, не от зуда ли он всю правду выложил?

До скорого!

Старый Енси, пожалуй, самый подлый человечишка во всем мире. Свет не видел более наглого, закоренелого, тупого, отпетого, гнусного негодяя. То, что с ним случилось, напомнило мне фразу, услышанную однажды от другого малого, — много воды с тех пор утекло. Я уж позабыл, как звали того малого, кажется, Людовик, а может, и Тамерлан; но он как-то сказал, что, мол, хорошо бы у всего мира была только одна голова, тогда ее легко было бы снести с плеч.

Беда Енси в том, что он дошел до ручки: считает, что весь мир ополчился против него, и разрази меня гром, если он не прав. С этим Енси настали хлопотные времена даже для нас, Хогбенов.

Енси-то типичный мерзавец. Вообще вся семейка Тарбеллов не сахар, но Енси даже родню довел до белого каления. Он живет в однокомнатной хибарке на задворках у Тарбеллов и никого к себе не подпускает, разве только позволит всунуть продукты в полукруглую дырку, выпиленную в двери.

Лет десять назад делали новое межевание, что

ли, и вышло так, что из-за какой-то юридической закавыки Енси должен был заново подтвердить свои права на землю. Для этого ему надо было прожить на своем участке с год. Примерно в те же дни он поругался с женой, выехал за пределы участка и сказал, что, дескать, пусть земля достается государству, пропади все пропадом, зато он проучит всю семью. Он знал, что жена пропускает иногда рюмочку-другую на деньги, вырученные от продажи репы, и трясется, как бы государство не отняло землицу.

Оказалось, эта земля вообще никому не нужна. Она вся в буграх и завалена камнями, но жена Енси страшно переживала и упрашивала мужа вернуться, а ему характер не позволял.

В хибарке Енси Тарбелл обходился без элементарных удобств, но он ведь тупица и к тому же пакостник. Вскорости миссис Тарбелл померла: она кидалась камнями в хибарку из-за бугра, а один камень ударил в бугор и рикошетом попал ей в голову. Остались восемь Тарбеллов-сыновей да сам Енси. Но и тогда Енси с места не сдвинулся.

Может, там бы он и жил, пока не превратился бы в мощи и не вознесся на небо, но только его сыновья затеяли с нами склоку. Мы долго тер-

пели — ведь они не могли нам повредить. Но вот гостивший у нас дядя Лес разнервничался и заявил, что устал перепелом взлетать под небеса всякий раз, как в кустах хлопнет ружье. Шкура-то у него после ран быстро заживает, но он уверял, что страдает головокружениями, оттого что на высоте двух-трех миль воздух разреженный.

Так или иначе, травля все продолжалась, и никто из нас от нее не страдал, что особенно бесило восьмерых братьев Тарбеллов. И однажды на ночь глядя они гурьбой вломились в наш дом с оружием в руках. А нам скандалы были ни к чему.

Дядя Лем — он близнец дяди Леса, но только родился намного позже — давно впал в зимнюю спячку где-то в дупле, так что его все это не касалось. Но вот малыша, дай ему бог здоровья, стало трудновато таскать взад-вперед, ведь ему уже исполнилось четыреста лет и он для своего возраста довольно крупный ребенок — пудов восемь будет.

Мы все могли попрятаться или уйти на время в долину, в Пайпервилл, но ведь в мезонине у нас дедуля, да и к прохвессору, которого мы держим в бутылке, я привязался. Не хотелось его оставлять — ведь в суматохе бутылка, чего доброго,

разобьется, если восьмеро братьев Тарбеллов налижутся как следует.

Прохвессор славный, хоть в голове у него винтика не хватает. Все твердит, что мы мутанты (ну и словечко!), и треплет языком про каких-то своих знакомых, которых называет хромосомами. Они как будто попали, по словам прохвессора, под жесткое облучение и народили потомков, не то доминантную мутацию, не то Хогбенов, но я вечно это путаю с заговором круглоголовых — было такое у нас в Старом Свете. Ясное дело, не в *настоящем* Старом Свете, тот давно затонул.

И вот, раз уж дедуля велел нам молчать в тряпочку, мы дождались, пока восьмеро братьев Тарбеллов высадят дверь, а потом все сделались невидимыми, в том числе и малыш. И стали ждать, чтобы все прошло стороной, но не тут-то было.

Побродив по дому и вдоволь натешась, восьмеро братьев Тарбеллов спустились в подвал. Это было хуже, потому что застигло нас врасплох. Малыш-то стал невидимым, и цистерна, где мы его держим, тоже, но ведь цистерна не может тягаться с нами в проворстве.

Один из восьмерки Тарбеллов со всего размаху налетел на цистерну и как следует расшиб

голень. Ну и ругался же он! Нехорошо, когда ребенок слышит такие слова, но в ругани наш дедуля кому угодно даст сто очков вперед, так что я-то ничему новому не научился.

Он, значит, ругался на чем свет стоит, прыгал на одной ноге, и вдруг ни с того ни с сего дробовик выстрелил. Там, верно, курок на волоске держался. Выстрел разбудил малыша, тот перепугался и завопил. Такого вопля я еще не слыхал, а ведь мне приходилось видеть, как мужчины бледнеют и начинают трястись, когда малыш орет. Наш прохвессор как-то сказал, что малыш издает инфразвуки. Надо же!

В общем, семеро братьев Тарбеллов из восьми тут же отдали богу душу, даже пикнуть не успели. Восьмой только начинал спускаться вниз по ступенькам; он затрясся мелкой дрожью, повернулся — и наутек. У него, верно, голова пошла кругом, и он не соображал, куда бежит. Окончательно сдрейфив, он очутился в мезонине и наткнулся прямехонько на дедулю.

И вот ведь грех: дедуля до того увлекся, поучая нас уму-разуму, что сам напрочь забыл стать невидимым. По-моему, один лишь взгляд, брошенный на дедулю, прикончил восьмого Тарбелла. Бедняга повалился на пол, мертвый как

доска. Ума не приложу, с чего бы это, хоть и должен признать, что в те дни дедуля выглядел не лучшим образом. Он поправлялся после болезни.

— Ты не пострадал, дедуля? — спросил я, слегка встряхнув его.

Он меня отчехвостил.

— А я-то при чем, — возразил я.

— Кровь Христова! — воскликнул он, разъяренный. — И этот сброд, эти лицемерные олухи вышли из моих чресел! Положи меня обратно, юный негодяй.

Я снова уложил его на дерюжную подстилку, он поворочался с боку на бок и закрыл глаза. Потом объявил, что хочет вздремнуть и пусть его не будят, разве что настанет Судный день. При этом он нисколько не шутил.

Пришлось нам самим поломать голову над тем, как теперь быть. Мамуля сказала, что мы не виноваты, в наших силах только погрузить восьмерых братьев Тарбеллов в тачку и отвезти их домой, что я и исполнил. Только в пути я застеснялся, потому что не мог придумать, как бы повежливее рассказать о случившемся. Да и мамуля наказывала сообщить эту весть осторожно. «Даже хорек способен чувствовать», — повторяла она.

Тачку с братьями Тарбеллами я оставил в ку-

стах, сам поднялся на бугор и увидел Енси: он грелся на солнышке, книгу читал. Я стал медленно прохаживаться перед ним, насвистывая «Янки-Дудл». Енси не обращал на меня внимания.

Енси — маленький, мерзкий, грязный человечишка с раздвоенной бородой. Росту в нем метра полтора, не больше. На усах налипла табачная жвачка, но, может, я несправедлив к Енси, считая его простым неряхой. Говорят, у него привычка — плевать себе в бороду, чтобы на нее садились мухи: он их ловит и обрывает им крылышки. Енси не глядя поднял камень и швырнул его, чуть не угодив мне в голову.

— Заткни пасть и убирайся, — сказал он.

— Воля ваша, мистер Енси, — ответил я с облегчением и совсем было собрался.

Но тут же вспомнил, что мамуля, чего доброго, отхлещет меня кнутом, если я не выполню ее наказа, тихонько сделал круг, зашел Енси за спину и заглянул ему через плечо — посмотреть, что он там читает. Потом я еще капельку передвинулся и встал с ним лицом к лицу.

Он захихикал себе в бороду.

— Красивая у вас картинка, мистер Енси, — заметил я.

Он все хихикал и, видно, на радостях подобрел.

— Уж это точно! — сказал он и хлопнул себя кулаком по костлявому заду. — Ну и ну! С одного взгляда захмелеешь!

Он читал не книгу. Это был журнал (такие продаются у нас в Пайпервилле), раскрытый на картинке. Художник, который ее сделал, умеет рисовать. Правда, не так здорово, как тот художник, с которым я когда-то водился в Англии. Того звали Крукшенк[3] или Крукбек, если не ошибаюсь.

Так или иначе, у Енси тоже была стоящая картинка. На ней были нарисованы люди, много-много людей, все на одно лицо и выходят из большой машины, которая — мне сразу стало ясно — ни за что не будет работать. Но все люди были одинаковые, как горошины в стручке. Еще там красное пучеглазое чудище хватало девушку — уж не знаю зачем. Красивая картинка.

— Хорошо бы такое случалось в жизни, — сказал Енси.

— Это не так уж трудно, — объяснил я. — Но вот эта штука неправильно устроена. Нужен только умывальник да кое-какой металлический лом.

---

[3] Примечания: 3

Джордж Крукшенк (1792–1878) — иллюстратор книг Диккенса.

— А?

— Вот эта штука, — повторил я. — Аппарат, что превращает одного парня в целую толпу парней. Он неправильно устроен.

— Ты, надо понимать, умеешь лучше? — окрысился он.

— Приходилось когда-то, — ответил я. — Не помню, что там папуля задумал, но он был обязан одному человеку по имени Кадм. Кадму срочно потребовалось много воинов, и папуля устроил так, что Кадм мог разделиться на целый полк солдат. Подумаешь! Я и сам так умею.

— Да что ты там бормочешь? — удивился Енси. — Ты не туда смотришь. Я-то говорю об этом красном чудище. Видишь, что оно собирается сделать? Откусить этой красотке голову, вот что. Видишь, какие у него клыки? Хе-хе-хе. Жаль, что я сам не это чудище. Уж я бы тьму народу сожрал.

— Вы бы ведь не стали жрать свою плоть и кровь, бьюсь об заклад, — сказал я, почуяв способ сообщить весть осторожно.

— Биться об заклад грешно, — провозгласил он. — Всегда плати долги, никого не бойся и не держи пари. Азартные игры — грех. Я никогда не бился об заклад и всегда платил долги. — Он умолк, почесал в баках и вздохнул. — Все, кроме

одного, — прибавил он хмуро.

— Что же это за долг?

— Да задолжал я одному малому. Беда только, с тех пор никак не могу его разыскать. Лет тридцать тому будет. Я тогда, помню, налакался вдрызг и сел в поезд. Наверно, еще и ограбил кого-то, потому что у меня оказалась пачка денег — коню пасть заткнуть хватило бы. Как поразмыслить, этого-то я и не пробовал. Вы держите лошадей?

— Нет, сэр, — ответил я. — Но мы говорили о вашей плоти и крови.

— Помолчи, — оборвал меня старый Енси. — Так вот, и повеселился же я! — Он слизнул жвачку с усов. — Слыхал о таком городе — Нью-Йорк? Речь там у людей такая, что слова не разберешь. Там-то я и повстречал этого малого. Частенько я жалею, что потерял его из виду. Честному человеку вроде меня противно умирать, не разделавшись с долгами.

— А у ваших восьмерых сыновей были долги? — спросил я.

Он покосился на меня, хлопнул себя по тощей ноге и кивнул.

— Теперь понимаю, — говорит. — Ты сын Хогбенов?

— Он самый. Сонк Хогбен.

— Как же, слыхал про Хогбенов. Все вы колдуны, точно?

— Нет, сэр.

— Уж я что знаю, то знаю. Мне о вас все уши прожужжали. Нечистая сила, вот вы кто. Убирайся-ка отсюда подобру-поздорову, живо!

— Я-то уже иду. Хочу только сказать, что, к сожалению, вы бы не могли сожрать свою плоть и кровь, даже если бы стали таким чудищем, как на картинке.

— Интересно, кто бы мне помешал!

— Никто, — говорю, — но все они уже в раю.

Тут старый Енси расхихикался. Наконец, переведя дух, он сказал:

— Ну, нет! Эти ничтожества попали прямой наводкой в ад, и поделом им. Как это произошло?

— Несчастный случай, — говорю. — Семерых, если можно так выразиться, уложил малыш, а восьмого — дедуля. Мы не желали вам зла.

— Да и не причинили, — опять захихикал Енси.

— Мамуля шлет извинения и спрашивает, что делать с останками. Я должен отвезти тачку домой.

— Увози их. Мне они не нужны. Туда им и дорога, — отмахнулся Енси.

Я сказал «ладно» и собрался в путь. Но тут он заорал, что передумал. Велел свалить трупы с тачки. Насколько я понял из его слов (разобрал я не много, потому что Енси заглушал себя хохотом), он намерен был попинать их ногами.

Я сделал как велено, вернулся домой и все рассказал мамуле за ужином — были бобы, треска и домашняя настойка. Еще мамуля напекла кукурузных лепешек. Ох и вкуснотища! Я откинулся на спинку стула, рассудив, что заслужил отдых, и задумался, а внутри у меня стало тепло и приятно. Я старался представить, как чуйствует себя боб в моем желудке. Но боб, наверно, вовсе бесчуйственный.

Не прошло и получаса, как на дворе завизжала свинья, как будто ей ногой наподдали, и кто-то постучался в дверь.

Это был Енси. Не успел он войти, как выудил из штанов цветной носовой платок и давай шмыгать носом. Я посмотрел на мамулю круглыми глазами. Ума, мол, не приложу, в чем дело. Папуля с дядей Лесом пили маисовую водку и сыпали шуточками в углу. Сразу видно было, что им хорошо: стол между ними так и трясся. Ни папуля, ни дядя не притрагивались к столу, но он все равно ходил ходуном — старался наступить то папуле,

то дяде на ногу. Папуля с дядей раскачивали стол мысленно. Это у них такая игра.

Решать пришлось мамуле, и она пригласила старого Енси посидеть, отведать бобов. Он только всхлипнул.

— Что-нибудь не так, сосед? — вежливо спросила мамуля.

— Еще бы, — ответил Енси, шмыгая носом. — Я совсем старик.

— Это уж точно, — согласилась мамуля. — Может, и помоложе Сонка, но все равно на вид вы дряхлый старик.

— А? — вытаращился на нее Енси. — Сонка? Да Сонку от силы семнадцать, хоть он и здоровый вымахал.

Мамуля смутилась.

— Разве я сказала «Сонк»? — быстро поправилась она. — Я имела в виду дедушку Сонка. Его тоже зовут Сонк.

Дедулю зовут вовсе не Сонк; он и сам не помнит своего настоящего имени. Как его только не называли в старину — пророком Илией и по-всякому. Я даже не уверен, что в Атлантиде, откуда дедуля родом, вообще были в ходу имена. По-моему, там людей называли цифрами. Впрочем, не важно.

Старый Енси, значит, все шмыгал носом, стонал

и охал, прикидывался — мол, мы убили восьмерых его сыновей и теперь он один-одинешенек на свете. Правда, получасом раньше его это не трогало, я ему так и выложил. Но он заявил, что не понял тогда, о чем это я толкую, и приказал мне заткнуться.

— У меня семья могла быть еще больше, — сказал он. — Было еще двое ребят, Зеб и Робби, да я их как-то пристрелил. Косо на меня посмотрели. Но все равно вы, Хогбены, не имели права убивать моих ребятишек.

— Мы не нарочно, — ответила мамуля. — Просто несчастный случай вышел. Мы будем рады хоть как-нибудь возместить вам ущерб.

— На это-то я и рассчитывал, — говорит старый Енси. — Вам уж не отвертеться после всего, что вы натворили. Даже если моих ребят убил малыш, как уверяет Сонк, а ведь он у нас враль. Тут в другом дело: я рассудил, что все вы, Хогбены, должны держать ответ. Но пожалуй, мы будем квиты, если вы окажете мне одну услугу. Худой мир лучше доброй ссоры.

— Все, что угодно, — сказала мамуля, — лишь бы это было в наших силах.

— Сущая безделица, — заявляет старый Енси. — Пусть меня на время превратят в целую толпу.

— Да ты что, Медеи наслушался? — вмешался папуля, спьяну не сообразив, что к чему. — Ты ей не верь. Это она с Пелеем злую шутку сыграла. Когда его зарубили, он так и остался мертвым; вовсе не помолодел, как она ему сулила.

— Чего? — Енси вынул из кармана старый журнал и сразу раскрыл его на красивой картинке. — Вот это самое. Сонк говорит, что вы так умеете. Да и все кругом знают, что вы, Хогбены, колдуны. Сонк сказал, вы как-то устроили такое одному голодранцу.

— Он, верно, о Кадме, — говорю.

Енси помахал журналом. Я заметил, что глаза у него стали масленые.

— Тут все видно, — сказал он с надеждой. — Человек входит в эту штуковину, а потом только знай выходит оттуда десятками, снова и снова. Колдовство. Уж я-то про вас, про Хогбенов, все знаю. Может, вы и дурачили городских, но меня вам не одурачить. Все вы до одного колдуны.

— Какое там, — вставил папуля из своего угла. — Мы уже давно не колдуем.

— Колдуны, — упорствовал Енси. — Я слыхал всякие истории. Даже видал, как он, — и в дядю Леса пальцем тычет, — летает по воздуху. Если это не колдовство, то я уж ума не приложу, что

тогда колдовство.

— Неужели? — спрашиваю. — Нет ничего проще. Это когда берут чуточку…

Но мамуля велела мне придержать язык.

— Сонк говорит, вы умеете, — продолжал Енси. — А я сидел и листал этот журнал, картинки смотрел. Пришла мне в голову хорошая мысль. Спору нет, всякий знает, что колдун может находиться в двух местах сразу. А может он находиться сразу в трех местах?

— Где два, там и три, — сказала мамуля. — Да только никаких колдунов нет. Точь-в-точь как эта самая хваленая наука, о которой кругом твердят. Все досужие люди из головы выдумывают. На самом деле так не бывает.

— Так вот, — заключил Енси, откладывая журнал, — где двое или трое, там и целое скопище. Кстати, сколько всего народу на Земле?

— Два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать, — говорю.

— Тогда…

— Стойте, — говорю, — теперь два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот семнадцать. Славный ребеночек, оторва.

— Мальчик или девочка? — полюбопытствовала мамуля.

— Мальчик, — говорю.

— Так пусть я окажусь сразу в двух миллиардах и скольких-то там еще местах сразу. Мне бы хоть на полминутки. Я не жадный. Да и хватит этого.

— Хватит на что? — поинтересовалась мамуля.

Енси хитренько посмотрел на меня исподлобья.

— Есть у меня забота, — ответил он. — Хочу разыскать того малого. Только вот беда: не знаю, можно ли его теперь найти. Времени уж прошло порядком. Но мне это позарез нужно. Мне земля пухом не будет, если я не рассчитаюсь со всеми долгами, а я тридцать лет как хожу у того малого в должниках. Надо снять с души грех.

— Это страсть как благородно с вашей стороны, сосед, — похвалила мамуля.

Енси шмыгнул носом и высморкался в рукав.

— Тяжкая будет работа, — сказал он. — Уж очень долго я ее откладывал на потом. Я-то собирался при случае отправить восьмерых моих ребят на поиски того малого, так что, сами понимаете, я вконец расстроился, когда эти никудышники вдруг сгинули ни с того ни с сего. Как мне теперь искать того малого?

Мамуля с озабоченным видом пододвинула Енси кувшин.

— Ух ты! — сказал он, отхлебнув здоровенную порцию. — На вкус — прямо адов огонь. Ух ты!

Налил себе по новой, перевел дух и хмуро глянул на мамулю.

— Если человек хочет спилить дерево, а сосед сломал его пилу, то сосед, я полагаю, должен отдать ему взамен свою. Разве не так?

— Конечно так, — согласилась мамуля. — Только у нас нет восьми сыновей, которых можно было бы отдать взамен.

— У вас есть кое-что получше, — сказал Енси. — Злая черная магия, вот что у вас есть. Я не говорю ни да ни нет. Дело ваше. Но по-моему, раз уж вы убили этих бездельников и теперь все мои планы летят кувырком, вы должны хоть как-то мне помочь. Пусть я только найду того малого и рассчитаюсь с ним, больше мне ничего не надо. Так вот, разве не святая правда, что вы можете размножить меня, превратить в целую толпу моих двойников?

— Да, наверно, правда, — подтвердила мамуля.

— А разве не правда, что вы можете устроить, чтобы каждый из этих прохвостов двигался так быстро, что увидел бы всех людей во всем мире?

— Это пустяк, — говорю.

— Уж тогда бы, — сказал Енси, — я бы запросто разыскал того малого и выдал бы ему все, что причитается. — Он шмыгнул носом. — Я честный человек. Не хочу помирать, пока не расплачусь с долгами. Черт меня побери, если я согласен гореть в преисподней, как вы, грешники.

— Да полно, — сморщилась мамуля. — Пожалуй, сосед, мы вас выручим, если вы это так близко к сердцу принимаете. Да, сэр, мы все сделаем так, как вам хочется.

Енси заметно приободрился.

— Ей-богу? — спросил он. — Честное слово? Поклянитесь.

Мамуля как-то странно на него посмотрела, но Енси снова вытащил платок, так что нервы у нее не выдержали и она дала торжественную клятву. Енси повеселел.

— А долго надо произносить заклинание? — спрашивает.

— Никаких заклинаний, — говорю. — Я же объяснял, нужен только металлолом да умывальник. Это недолго.

— Я скоро вернусь.

Енси хихикнул и выбежал, хохоча уже во всю глотку. Во дворе он захотел пнуть ногой цыплен-

ка, промазал и захохотал пуще прежнего. Видно, хорошо у него стало на душе.

— Иди же смастери ему машинку, пусть стоит наготове, — сказала мамуля. — Пошевеливайся.

— Ладно, мамуля, — говорю, а сам застыл на месте, думаю.

Мамуля взяла в руку метлу.

— Знаешь, мамуля…

— Ну?

— Нет, ничего.

Я увернулся от метлы и ушел, а сам все старался разобраться, что же меня грызет. Что-то грызло, а что, я никак не мог понять. Душа не лежала мастерить машинку, хотя ничего зазорного в ней не было. Я, однако, отошел за сарай и занялся делом. Минут десять потратил — правда, не очень спешил. Потом вернулся домой с машинкой и сказал: «Готово». Папуля велел мне заткнуться.

Что ж, я уселся и стал разглядывать машинку, а на душе у меня кошки скребли. Загвоздка была в Енси. Наконец я заметил, что он позабыл свой журнал, и начал читать рассказ под картинкой — думал, может, пойму что-нибудь. Как бы не так.

В рассказе описывались какие-то чудные горцы, они будто бы умели летать. Это-то не фокус, непонятно было, всерьез ли писатель все говорит

или шутит. По-моему, люди и так смешные, незачем выводить их еще смешнее, чем в жизни.

Кроме того, к серьезным вещам надо относиться серьезно. По словам прохвессора, очень многие верят в эту самую науку и принимают ее всерьез. У него-то всегда глаза разгораются, стоит ему завести речь о науке. Одно хорошо было в рассказе: там не упоминались девчонки. От девчонок мне становилось как-то не по себе.

Толку от моих мыслей все равно не было, поэтому я спустился в подвал поиграть с малышом. Цистерна ему становится тесна. Он мне обрадовался. Замигал всеми четырьмя глазками по очереди. Хорошенький такой. Но что-то в том журнале я вычитал, и теперь оно не давало мне покоя.

По телу у меня мурашки бегали, как давным-давно в Лондоне, перед большим пожаром. Тогда еще многие вымерли от страшной болезни.

Тут я вспомнил, как дедуля рассказывал, что его точно так же кинуло в дрожь, перед тем как Атлантиду затопило. Правда, дедуля умеет предвидеть будущее, хоть в этом нет ничего хорошего, потому что оно то и дело меняется. Я еще не умею предвидеть. Для этого надо вырасти. Но я нутром чуял что-то неладное, пусть даже ничего пока не

случилось.

Я совсем было решился разбудить дедулю, так встревожился. Но тут у себя над головой я услышал шум. Поднялся в кухню, а там Енси распивает кукурузный самогон (мамуля поднесла). Только я увидел старого хрыча, как у меня опять появилось дурное предчувствие.

Енси сказал: «Ух ты», поставил кувшин и спросил, готовы ли мы. Я показал на свою машинку и ответил, что вот она, как она ему нравится.

— Только и всего? — удивился Енси. — А сатану вы не призовете?

— Незачем, — отрезал дядя Лес. — И тебя одного хватит, галоша ты проспиртованная.

Енси был страшно доволен.

— Уж я таков, — откликнулся он. — Скользкий, как галоша, и насквозь проспиртован. А как она действует?

— Да просто делает из одного тебя много-много Енси, вот и все, — ответил я.

До сих пор папуля сидел тихо, но тут он, должно быть, подключился к мозгу какого-нибудь профессора, потому что вдруг понес дикую чушь. Сам-то он длинных слов сроду не знал.

Я тоже век бы их не знал, от них даже самые простые вещи запутываются.

— Человеческий организм, — заговорил папуля важно-преважно, — представляет собой электромагнитное устройство, мозг и тело испускают определенные лучи. Если изменить полярность на противоположную, то каждая ваша единица, Енси, автоматически притянется к каждому из ныне живущих людей, ибо противоположности притягиваются. Но прежде вы войдете в аппарат Сонка и вас раздробят…

— Но-но! — взвыл Енси.

— …на базовые электронные матрицы, которые затем можно копировать до бесконечности, точно так же, как можно сделать миллионы идентичных копий одного и того же портрета — негативы вместо позитивов. Поскольку для электромагнитных волн земные расстояния ничтожны, каждую копию мгновенно притянет каждый из остальных жителей Земли, — продолжал папуля как заведенный. — Но два тела не могут иметь одни и те же координаты в пространстве-времени, поэтому каждую Енси-копию отбросит на расстояние полуметра от каждого человека.

Енси беспокойно огляделся по сторонам.

— Вы забыли очертить магический пятиугольник, — сказал он. — В жизни не слыхал такого

заклинания. Вы ведь вроде не собирались звать сатану?

То ли потому, что Енси и впрямь похож был на сатану, то ли еще по какой причине, но только невмоготу мне стало терпеть — так скребло на душе. Разбудил я дедулю. Про себя, конечно, ну и малыш подсобил — никто ничего не заметил. Тотчас же в мезонине что-то заколыхалось: это дедуля проснулся и приподнялся в постели. Я и глазом моргнуть не успел, как он давай нас распекать на все корки.

Брань-то слышали все, кроме Енси. Папуля бросил выпендриваться и закрыл рот.

— Олухи царя небесного! — гремел разъяренный дедуля. — Тунеядцы! Да будет вам ведомо: мне снились дурные сны, и надлежит ли тому дивиться? В хорошенькую ты влип историю, Сонк. Чутья у тебя нет, что ли? Неужто не понял, что замышляет этот медоточивый проходимец? Берись-ка за ум, Сонк, да поскорее, а не то ты и после совершеннолетия останешься сосунком. — Потом он прибавил что-то на санскрите. Дедуля прожил такой долгий век, что иногда путает языки.

— Полно, дедуля, — мысленно сказала мамуля, — что такого натворил Сонк?

— Все вы хороши! — завопил дедуля. — Как

можно не сопоставить причину со следствием? Сонк, вспомни, что узрел ты в том бульварном журнальчике. С чего это Енси изменил намерения, когда чести в нем не больше, чем в старой сводне? Ты хочешь, чтобы мир обезлюдел раньше времени? Спроси-ка Енси, что у него в кармане штанов, черт бы тебя побрал!

— Мистер Енси, — спрашиваю, — что у вас в кармане штанов?

— А? — Он запустил лапу в карман и вытащил оттуда здоровенный ржавый гаечный ключ. — Ты об этом? Я его подобрал возле сарая. — А у самого морда хитрая-прехитрая.

— Зачем он вам? — быстро спросила мамуля.

Енси нехорошо так на нас посмотрел.

— Не стану скрывать, — говорит. — Я намерен трахнуть по макушке всех и каждого, до последнего человека в мире, и вы обещали мне помочь.

— Господи помилуй, — только и сказала мамуля.

— Вот так! — прыснул Енси. — Когда вы меня заколдуете, я окажусь везде, где есть хоть кто-нибудь еще, и буду стоять у человека за спиной. Уж тут-то я наверняка расквитаюсь. Один человек непременно будет тот малый, что мне нужен, и он получит с меня должок.

— Какой малый? — спрашиваю. — Про которого вы рассказывали? Которого встретили в Нью-Йорке? Я думал, вы ему деньги задолжали.

— Ничего такого я не говорил, — огрызнулся Енси. — Долг есть долг, будь то деньги или затрещина. Пусть не воображает, что мне можно безнаказанно наступить на мозоль, тридцать там лет или не тридцать.

— Он вам наступил на мозоль? — удивился папуля. — Только и всего?

— Ну да. Я тогда надравшись был, но помню, что спустился по каким-то ступенькам под землю, а там поезда сновали в оба конца.

— Вы были пьяны.

— Это точно, — согласился Енси. — Не может же быть, что под землей и вправду ходят поезда! Но тот малый мне не приснился, и как он мне на мозоль наступил — тоже, это ясно как божий день. До сих пор палец ноет. Ох и разозлился я тогда. Народу было столько, что с места не сдвинуться, и я даже не разглядел толком того малого, который наступил мне на ногу. Я было замахнулся палкой, но он был уже далеко. Так я и не знаю, какой он из себя. Может, он вообще женщина, но это не важно. Ни за что не помру, пока не уплачу все долги и не рассчитаюсь со всеми, кто посту-

пал со мной по-свински. Я в жизни не спускал обидчику, а обижали меня почти все, знакомые и незнакомые.

Совсем взбеленился Енси. Он продолжал, не переводя духа:

— Вот и я подумал, что все равно не знаю, кто мне наступил на мозоль, так уж лучше бить наверняка, никого не обойти, ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка.

— Легче на поворотах, — одернул я его. — Тридцать лет назад нынешние дети еще не родились, и вы это сами знаете.

— А мне все едино, — буркнул Енси. — Я вот думал-думал, и пришла мне в голову страшная мысль: вдруг тот малый взял да и помер? Тридцать лет — срок немалый. Но потом я прикинул, что, даже если и помер, мог ведь он сначала жениться и обзавестись детьми. Если не суждено расквитаться с ним самим, я хоть с детьми его расквитаюсь. Грехи отцов… это из Священного Писания. Дам раза́ всем людям мира — тут уж не ошибусь.

— Хогбенам вы не дадите, — заявила мамуля. — Никто из нас не ездил в Нью-Йорк с тех пор, как вас еще на свете не было. То есть я хочу сказать, что мы там вообще не бывали. Так что нас вы

сюда не впутывайте. А может, лучше возьмете миллион долларов? Или хотите стать молодым, или еще что-нибудь? Мы можем вам устроить, только откажитесь от своей злой затеи.

— И не подумаю, — ответил упрямый Енси. — Вы дали честное слово, что поможете.

— Мы не обязаны выполнять такое обещание, — начала мамуля, но тут дедуля с мезонина вмешался.

— Слово Хогбенов свято, — сказал он. — На том стоим. Надо выполнить то, что мы обещали этому психу. Но только то, что обещали, больше у нас нет перед ним никаких обязательств.

— Ага! — сказал я, смекнув, что к чему. — В таком случае… Мистер Енси, а что именно мы вам обещали, слово в слово?

Он повертел гаечный ключ у меня перед носом:

— Вы превратите меня ровно в стольких людей, сколько жителей на Земле, и я встану рядом с каждым из них. Вы дали честное слово, что поможете мне. Не пытайтесь увильнуть.

— Да я и не пытаюсь, — говорю. — Надо только внести ясность, чтобы вы были довольны и ничему не удивлялись. Но есть одно условие. Рост у вас будет такой, как у человека, с которым вы

стоите рядом.

— Чего?

— Это я устрою запросто. Когда вы войдете в машинку, в мире появятся два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот семнадцать Енси. Теперь представьте, что один из этих Енси очутится рядом с двухметровым верзилой. Это будет не очень-то приятно, как по-вашему?

— Тогда пусть я буду трехметровым, — говорит Енси.

— Нет уж. Какого роста тот, кого навещает Енси, такого роста будет и сам этот Енси. Если вы навестили малыша ростом с полметра, в вас тоже будет только полметра. Надо по справедливости. Соглашайтесь, иначе все отменяется. И еще одно — сила у вас будет такая же, как у вашего противника.

Он, видно, понял, что я не шучу. Прикинул на руке гаечный ключ.

— Как я вернусь? — спрашивает.

— Это уж наша забота, — говорю. — Даю вам пять секунд. Хватит, чтобы опустить гаечный ключ, правда?

— Маловато.

— Если вы задержитесь, кто-нибудь успеет дать

вам сдачи.

— И верно. — Сквозь корку грязи стало заметно, что Енси побледнел. — Пяти секунд с лихвой хватит.

— Значит, если мы это сделаем, вы будете довольны? Жаловаться не прибежите?

Он помахал гаечным ключом и засмеялся.

— Ничего лучшего не надо, — говорит. — Ох и размозжу я им голову. Хе-хе-хе.

— Ну, становитесь сюда, — скомандовал я и показал, куда именно. — Хотя погодите. Лучше я сам сперва попробую, выясню, все ли в исправности.

Мамуля хотела было возразить, но тут ни с того ни с сего в мезонине дедуля зашелся хохотом. Наверно, опять заглянул в будущее.

Я взял полено из ящика, что стоял у плиты, и подмигнул Енси.

— Приготовьтесь, — сказал я. — Как только вернусь, вы в ту же минуту сюда войдете.

Я вошел в машинку, и она сработала как по маслу. Я и глазом моргнуть не успел, как меня расщепило на два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать Сонков Хогбенов.

Одного, конечно, не хватило, потому что я пропустил Енси, и, конечно, Хогбены ни в одной

переписи населения не значатся. Но вот я очутился перед всеми жителями всего мира, кроме семьи Хогбенов и самого Енси. Это был отчаянный поступок.

Никогда я не думал, что на свете столько разных физиономий! Я увидел людей всех цветов кожи, с бакенбардами и без, одетых и в чем мать родила, ужасно длинных и самых что ни на есть коротышек, да еще половину я увидел при свете солнца, а половину в темноте. У меня прямо голова кругом пошла.

В какой-то миг мне казалось, что я узнаю кое-кого из Пайпервилла, включая шерифа, но тот слился с дамой в бусах, которая целилась в кенгуру, а дама превратилась в мужчину, разодетого в пух и в прах, — он толкал речугу где-то в огромном зале.

Ну и кружилась же у меня голова!

Я взял себя в руки, да и самое время было, потому что все уже успели меня заметить. Им-то, ясное дело, показалось, что я с неба свалился, мгновенно вырос перед ними, и… в общем, было с вами такое, чтобы два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать человек уставились вам прямо в глаза? Это просто тихий ужас. У меня из

головы вылетело, что я задумал. Только я вроде будто слышал дедулин голос — дедуля велел пошевеливаться.

Вот я сунул полено, которое держал (только теперь это было два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят тысяч девятьсот шешнадцать поленьев), во столько же рук, а сам его выпустил. Некоторые люди тоже сразу выпустили полено из рук, но большинство вцепились в него, ожидая, что будет дальше. Тогда я стал припоминать речь, которую собрался произнести, — сказать, чтобы люди ударили первыми, не дожидаясь, пока Енси взмахнет гаечным ключом.

Но уж очень я засмущался. Чудно как-то было. Все люди мира смотрели на меня в упор, и я стал такой стеснительный, что рта не мог раскрыть. В довершение всего дедуля завопил, что у меня осталась ровно секунда, так что о речи уже мечтать не приходилось. Ровно через секунду я вернусь в нашу кухню, а там старый Енси уже рвется в машинку и размахивает гаечным ключом. А я никого не предупредил. Только и успел, что каждому дал по полену.

Боже, как они на меня глазели! Словно я нагишом стою. У них аж глаза на лоб полезли. И

только я начал истончаться по краям, на манер блина, как я… даже не знаю, что на меня нашло. Не иначе как от смущения. Может, и не стоило так делать, но…

Я это сделал!

И тут же снова очутился в кухне.

В мезонине дедуля помирал со смеху. По-моему, у старого хрыча странное чуйство юмора. Но у меня не было времени с ним объясниться, потому что Енси шмыгнул мимо меня — и в машинку. Он растворился в воздухе, так же как и я. Как и я, он расщепился в стольких же людей, сколько в мире жителей, стоял теперь перед всеми ними.

Мамуля, папуля и дядя Лес глядели на меня очень строго.

Я заерзал на месте.

— Все устроилось, — сказал я. — Если у человека хватает подлости бить маленьких детей по голове, он заслуживает того, что… — я остановился и посмотрел на машинку, — что получил, — закончил я, когда Енси опять появился с ясного неба. Более разъяренной гадюки я еще в жизни не видал. Ну и ну!

По-моему, почти все население мира приложило руку к мистеру Енси. Так ему и не пришлось замахнуться гаечным ключом. Весь мир нанес

удар первым.

Уж поверьте мне, вид у Енси был самый что ни на есть жалкий.

Но голоса Енси не потерял. Он так орал, что слышно было за целую милю. Он кричал, что его надули. Пусть ему дадут попробовать еще разок, но только теперь он прихватит с собой ружье и финку. В конце концов мамуле надоело слушать, она ухватила Енси за шиворот и так встряхнула, что у него зубы застучали.

— Ибо сказано в Священном Писании! — возгласила она исступленно. — Слушай, ты, паршивец, плевок политурный! В Библии сказано — око за око, так ведь? Мы сдержали слово, и никто нас ни в чем не упрекнет.

— Воистину, точно, — поддакнул дедуля с мезонина.

— Ступайте-ка лучше домой и полечитесь арникой, — сказала мамуля, еще раз встряхнув Енси. — И чтобы вашей ноги тут не было, а то малыша на вас напустим.

— Но я же не расквитался! — бушевал Енси.

— Вы, по-моему, никогда не расквитаетесь, — ввернул я. — Просто жизни не хватит, чтобы расквитаться со всем миром, мистер Енси.

Постепенно до Енси все дошло, и его как громом

поразило. Он побагровел, точно борщ, крякнул и ну ругаться. Дядя Лес потянулся за кочергой, но в этом не было нужды.

— Весь чертов мир меня обидел! — хныкал Енси, обхватив голову руками. — Со свету сживают! Какого дьявола они стукнули первыми? Тут что-то не так!

— Заткнитесь. — Я вдруг понял, что беда вовсе не прошла стороной, как я еще недавно думал. — Ну-ка, из Пайпервилла ничего не слышно?

Даже Енси унялся, когда мы стали прислушиваться.

— Ничего не слыхать, — сказала мамуля.

— Сонк прав, — вступил в разговор дедуля. — Это-то и плохо.

Тут все сообразили, в чем дело, — все, кроме Енси. Потому что теперь в Пайпервилле должна была бы подняться страшная кутерьма. Не забывайте, мы с Енси посетили весь мир, а значит, и Пайпервилл; люди не могут спокойно относиться к таким выходкам. Уж хоть какие-нибудь крики должны быть.

— Что это вы все стоите как истуканы? — разревелся Енси. — Помогите мне сквитаться!

Я не обратил на него внимания. Подошел к машинке и внимательно ее осмотрел. Через минуту

я понял, что в ней не в порядке. Наверно, дедуля понял это так же быстро, как и я. Надо было слышать, как он смеялся. Надеюсь, смех пошел ему на пользу. Ох и особливое же чуйство юмора у почтенного старикана.

— Я тут немножко маху дал с этой машинкой, мамуля, — признался я. — Вот отчего в Пайпервилле так тихо.

— Истинно так, клянусь Богом, — выговорил дедуля сквозь смех. — Сонку следует искать убежище. Смываться надо, сынок, ничего не попишешь.

— Ты нашалил, Сонк? — спросила мамуля.

— Все «ля-ля-ля» да «ля-ля-ля»! — завизжал Енси. — Я требую того, что мне по праву положено! Я желаю знать, что сделал Сонк такого, отчего все люди мира трахнули меня по голове? Неспроста это! Я так и не успел…

— Оставьте вы ребенка в покое, мистер Енси, — обозлилась мамуля. — Мы свое обещание выполнили, и хватит. Убирайтесь-ка прочь отсюда и остыньте, а не то еще ляпнете что-нибудь такое, о чем сами потом пожалеете.

Папуля мигнул дяде Лесу, и, прежде чем Енси облаял мамулю в ответ, стол подогнул ножки, будто в них колени были, и тихонько шмыгнул

Енси за спину. Папуля сказал дяде Лесу: «Раз, два — взяли», стол распрямил ножки и дал Енси такого пинка, что тот отлетел к самой двери.

Последним, что мы услышали, были вопли Енси, когда он кубарем катился с холма. Так он прокувыркался полпути к Пайпервиллу, как я узнал позже. А когда добрался до Пайпервилла, то стал глушить людей гаечным ключом по голове.

Решил настоять на своем, не мытьем, так катаньем.

Его упрятали за решетку, чтоб пришел в себя, и он, наверно, очухался, потому что в конце концов вернулся в свою хибарку. Говорят, он ничего не делает, только знай сидит себе да шевелит губами — прикидывает, как бы ему свести счеты с целым миром. Навряд ли ему это удастся.

Впрочем, тогда мне было не до Енси. У меня своих забот хватало. Только папуля с дядей Лесом поставили стол на место, как в меня снова вцепилась мамуля.

— Объясни, что случилось, Сонк, — потребовала она. — Я боюсь, не нашкодил ли ты, когда сам был в машинке. Помни, сын, ты — Хогбен. Ты должен хорошо себя вести, особенно если на тебя смотрит весь мир. Ты не опозорил нас перед человечеством, а, Сонк?

Дедуля опять засмеялся.

— Да нет пока, — сказал он.

Тут я услышал, как внизу, в подвале, у малыша в горле булькнуло, и понял, что он тоже в курсе. Просто удивительно. Никогда не знаешь, чего еще ждать от малыша. Значит, он тоже умеет заглядывать в будущее.

— Мамуля, я только немножко маху дал, — говорю. — Со всяким может случиться. Я собрал машинку так, что расщепить-то она меня расщепила, но отправила в будущее, в ту неделю. Поэтому в Пайпервилле еще не подняли тарарама.

— Вот те на! — сказала мамуля. — Дитя, до чего ты небрежен!

— Прости, мамуля, — говорю. — Вся беда в том, что в Пайпервилле меня многие знают. Я уж лучше дам деру в лес, отыщу себе дупло побольше. На той неделе оно мне пригодится.

— Сонк, — сказала мамуля. — Ты ведь набедокурил. Рано или поздно я сама все узнаю, так что лучше признавайся сейчас.

А, думаю, была не была, ведь она права. Вот я и выложил ей всю правду, да и вам могу. Так или иначе, вы на той неделе узнаете. Это просто доказывает, что от всего не убережешься. Ровно

через неделю весь мир здорово удивится, когда я свалюсь как будто с неба, вручу всем по полену, а потом отступлю на шаг и плюну прямо в глаза.

По-моему, два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать — это все население Земли!

Все население! По моим подсчетам, на той неделе.

До скорого!

Пчхи-хологическая война

Глава 1
Последний из рода Пью

Всякий раз, когда простужаюсь, вспоминаю младшего Пью. В жизни не видел более безобразного мальчишки. Фигурой напоминает маленькую гориллу. От жира так и колышется, лицо одутловатое, взгляд злобный, а глаза расположены настолько близко один от другого, что оба можно выткнуть одним пальцем. А вот его папочка считал пацана центром мироздания. Впрочем, этого и следовало ожидать, потому что младший Пью походил на папочку как две капли воды.

— Последний из рода Пью, — говорил старик, выпячивая грудь, и с гордостью гладил маленькую гориллу по голове. — Мир еще не видел такого прелестного мальчугана.

Когда я встречал их обоих, кровь стыла у меня в жилах. Делалось грустно при воспоминании о тех счастливых днях, когда я не подозревал об их существовании.

Хотите верьте, хотите нет, но эти Пью — отец и сын — едва не стали повелителями мира. Им вот

столечко до этого осталось.

Мы, Хогбены, тихие люди. Стараемся не высовываться и вести спокойную жизнь в маленькой долине, куда никто не приходит без нашего согласия. Прошло немало времени, прежде чем соседи и прочее население деревни привыкли к нам. В конце концов они поняли, что мы делаем все возможное, чтобы не выделяться. И с тех пор идут нам навстречу.

Если папуля напивается, как на прошлой неделе, и летит над главной улицей в одних красных подштанниках, прохожие делают вид, что не замечают его. Они знают, что мамуле будет неловко. К тому же всем известно, что, будучи трезвым, папуля гуляет по деревне одетым, как и подобает настоящему христианину.

На этот раз папуля стал пить из-за Крошки Сэма — нашего младенца, который обычно спит в цистерне глубоко в подвале. У него стали резаться зубы — в первый раз после окончания войны между Севером и Югом. Нам казалось, что зубы у него давно прорезались, но с Крошкой Сэмом чего не бывает. Он вообще беспокойный ребенок.

Прохвессор, которого мы держим в бутылке, сказал однажды, что Крошка Сэм испускает что-то инфразвуковое, когда кричит, но это просто у

него такая манера выражаться по-ученому. Кто поверит этой околесице! Мы-то знаем, что от криков Крошки Сэма лишь дергаются нервы, только и всего. Папуля не в силах вынести такое. На этот раз рев Крошки Сэма разбудил даже дедулю, а он с Рождества не просыпался. Едва дедуля открыл глаза, как принялся ругаться хуже сапожника.

— Думаешь, я не видел, да? — завопил он. — Опять летаешь, мерзопакостный поганец! Ну ничего, сейчас я тебя приземлю!

Издалека донесся грохот падения.

— Я упал с высоты в добрый десяток футов! — послышался крик папули откуда-то из долины. — Это безобразие! Так и кости можно переломать!

— Из-за твоей пьянки нас всех переломают! — ответил дедуля. — Подумать только — летает на виду у соседей! Раньше за такое сжигали на костре! Ты что, хочешь, чтобы о нашем существовании узнало все человечество? А теперь заткнись — мне нужно успокоить Крошку Сэма.

Дедуля умеет успокаивать малыша, как никто другой. На этот раз он спел ему колыбельную на санскрите, и спустя несколько минут оба захрапели дуэтом.

Я мастерил мамуле одну штуковину, чтобы готовить сметану из сливок, — она здорово печет

оладьи. Вот только материалов у меня было мало — всего лишь старые санки и несколько кусков проволоки, но мне и этого хватило. Я пытался направить конец проволоки на северо-восток, когда заметил, что в лесу мелькнули полосатые штаны дяди Лема.

Я слышал его мысли.

— Это не я! — громко доносилось до меня. — Занимайся своей работой, Сонк! Меня и в миле от тебя нет. Твой дядя Лем — старый честный джентльмен и никогда не врет. Уж не думаешь ли ты, Сонки, что я тебя обманываю?

— Конечно думаю, — подумал я в ответ. — Только вряд ли тебе это удастся. Признавайся, дядя Лем, в чем дело?

Он замедлил шаг и направился к дому, будто прогуливаясь.

— Просто решил, что твоей мамуле придется по вкусу, если я принесу корзинку смородины, — подумал он вслух, пиная ногой маленький камешек. — Если тебя кто-нибудь спросит, Сонки, скажи, что не видел меня. Разве это не правда? Ты и впрямь меня не видишь.

— Дядя Лем, — высказал я мысль, только не вслух, разумеется, хотя и очень громко. — Я дал слово мамуле, что не буду далеко отпускать тебя,

дядя Лем, особенно после того, что ты наделал в прошлый раз, когда тебе удалось улизнуть…

— Ну-ну, мой мальчик, — тут же донесся до меня ответ дяди Лема. — Давай забудем о прошлом.

— Ты не должен отказывать другу, дядя Лем, — напомнил я, обматывая полоз проволокой. — Подожди минутку, пока я приготовлю сметану, и мы отправимся вместе, если тебе так уж хочется. Я готов следовать за тобой куда угодно.

Кусты раздвинулись, показались клетчатые штаны, дядя Лем вышел на открытое место и виновато улыбнулся. Он маленький толстый мужчина. Вообще-то, дядя Лем желает всем только добра, но каждый может убедить его в чем угодно, поэтому мы стараемся не выпускать его из вида.

— И как же ты собираешься готовить сметану? — спросил он, заглядывая в кувшин. — Заставишь этих крошек работать быстрее?

— Ну что ты говоришь, дядя Лем! — возмутился я. — С моей стороны было бы слишком жестоко принуждать их. Эти крошки и так работают изо всех сил, превращая сливки в сметану. Они трудятся в поте лица, и мне их просто жаль. К тому же они такие маленькие, что их даже не видно и рискуешь стать косоглазым, пытаясь

разглядеть этих существ. Папуля называет их Ферментами. Думаю, он ошибается — слишком уж они маленькие.

— Тогда как?

— Вот эта штуковина, — с гордостью заявил я, — пошлет мамины сливки вместе с кувшином в будущую неделю. При такой погоде потребуется не больше пары дней, но я решил не торопиться. И когда кувшин снова вернется из будущего в настоящее, внутри будет сметана. — С этими словами я поставил кувшин на полоз, обмотанный проволокой.

— В жизни не встречал более бестолкового парня, — покачал головой дядя Лем, наклонился и согнул выступающий конец проволоки под прямым углом. — Ты что, забыл, что в следующий вторник будет гроза? Теперь все в порядке, действуй.

Я мигнул, и кувшин исчез. Когда он через несколько мгновений вернулся обратно, сметана внутри была такой густой, что по ее поверхности запросто могла гулять мышь. Тут я заметил, что внутри кувшина оказалась оса из будущей недели, и раздавил ее. И сразу понял, что этого делать не следовало. Понял в ту самую минуту, когда сунул руку в кувшин. Черт бы побрал дядю Лема!

Он скрылся в кустах, злорадно хихикая.

— Ну что, обманул тебя, молокосос? — бросил он, исчезая вдали. — Теперь не достанешь оттуда палец до середины будущей недели!

Мне следовало знать, что я нарушил темпоральный закон. Когда дядя Лем согнул проволоку, он сделал это совсем не из-за какой-то грозы и провел меня за нос. Мне понадобилось почти десять минут, чтобы вытащить палец из кувшина, — мешал некто по имени Инерция, который всегда вмешивается, когда пытаешься нарушить темпоральные законы. Откровенно говоря, я не слишком в этом разбираюсь, ведь мне еще только предстоит многое узнать. Недаром дядя Лем утверждает, что он забыл куда больше, чем я когда-либо узнаю.

Поскольку дяде Лему удалось задержать меня, я едва не упустил его. Не удалось даже переодеться в городской костюм, недавно купленный в магазине, а по тому, что дядя Лем походил на щеголя, я понял, что он направляется куда-то в город.

Но и он волновался. Я то и дело натыкался на обрывки его мыслей, еще не успевших рассеяться в воздухе и походивших на клочья тумана, застрявшие в кустах. Мне не удавалось четко понять их смысл, потому что они расплывались,

когда я подбегал к ним; ясно было лишь одно: дядя Лем сделал что-то, что ему делать не следовало. Это было совершенно понятно. Мысли звучали примерно так:

«Неприятности, неприятности — жаль, что я пошел на это — боже мой, надеюсь, что дедуля не узнает; о, эти отвратительные Пью, почему я оказался таким идиотом? Одни неприятности — бедный старик, я всегда был таким добрым, никогда никому не причинял зла — а теперь посмотрите на меня.

А здорово я проучил этого молокососа Сонка, ха-ха. Возомнил себя кем-то, мальчишка. Что будет, что будет — ничего, нужно поднапрячься, не терять присутствия духа, может быть, в конце концов окажется хорошо. А ты, старина Лемюэл, заслуживаешь только похвалы. Пусть Господь благословит тебя. Дедуля ничего не узнает».

Через несколько минут я увидел вдалеке его клетчатые брюки, мелькающие среди деревьев; прежде чем я догнал его, он сбежал по склону холма, пересек лужайку, отведенную для пикников на окраине города, и принялся нетерпеливо стучать в окошко кассира железнодорожной станции золотым испанским дублоном, который стянул из морского сундука папули.

Меня ничуть не удивило, что дядя Лем потребовал билет до центра города. Я сделал так, что он не заметил моего присутствия. Дядя Лем принялся отчаянно спорить с кассиром, наконец сдался, покопался в кармане, достал серебряный доллар, и кассир успокоился.

Поезд уже отошел от перрона, когда дядя Лем выскочил из-за угла станции. У меня осталось совсем мало времени, но я все-таки догнал последний вагон. Правда, мне пришлось пролететь несколько метров по воздуху, но этого никто не заметил.

Однажды, когда я был еще совсем мальчишкой, в Лондоне, где мы жили в то время, разразилась эпидемия чумы, и всем нам, Хогбенам, пришлось уносить ноги. Я помню панику в городе, но даже она не может сравниться с шумом и гвалтом, царившим на центральном вокзале, когда туда прибыл наш поезд. Наверное, подумал я, времена переменились.

Раздавались гудки, выли сирены, кричало радио — по-видимому, каждое новое изобретение, сделанное за последние двести лет, было более шумным, чем предыдущее. У меня даже голова разболелась, пока я не вспомнил, что говорил папуля о повышенном шумовом пороге — он любил

ушибить слушателей мудреным словом, — и не произвел соответствующие изменения в своем мозгу.

Дядя Лем все еще не подозревал, что я совсем рядом. Я старался думать как можно тише, хотя он так был погружен в свои заботы, что не обращал внимания на происходящее вокруг. Я шел за ним через толпу, заполнившую станцию, и мы оказались на широкой улице, по которой мчался поток транспорта. Отойдя от поезда, я почувствовал облегчение.

Я не любил думать о том, что происходит внутри паровозного котла, где все эти малюсенькие существа — такие крохотные, что их трудно разглядеть, — носятся взад и вперед, бедняжки, разгоряченные, взволнованные, бьются друг о друга головами. Мне просто было жаль их.

Разумеется, размышлять о том, что происходит внутри автомобильных моторов на машинах, мчащихся мимо, было еще ужаснее.

Дядя Лем сразу устремился туда, куда ему хотелось. Он рванул по улице с такой скоростью, что мне все время приходилось бежать вслед и то и дело напоминать самому себе, что в городе нельзя летать. Меня не покидала мысль, а не стоит ли рассказать о происходящем родным, которые

остались дома? Вдруг все это обернется так, что я один не смогу справиться? Я пытался несколько раз, но постоянно терпел неудачу. Мамуля на целый день ушла в церковь, и я все еще не забыл, как она врезала мне в прошлый раз, когда я заговорил с ней, забыв о своей невидимости, прямо перед священником Джонсом, изрядно напугав его. Джонс еще не успел привыкнуть к нам, Хогбенам.

Папуля, как всегда, был пьян. Будить его не имело смысла. И я не решался обратиться к дедуле, потому что до смерти боялся разбудить Крошку Сэма.

Дядя Лем прямо-таки мчался через толпу, у него только ноги мелькали. Я чувствовал, как нарастает его тревога. Вскоре я увидел в переулке людей, собравшихся вокруг огромного грузовика. У машины был откинут задний борт, в кузове стоял мужчина и размахивал бутылками, которые держал в обеих руках.

Я прислушался. Мужчина говорил что-то о головной боли, причем так громко, что его было слышно даже на углу переулка. Вдоль бортов виднелись плакаты с надписью: «ЛЕКАРСТВО ПЬЮ ИЗЛЕЧИТ ОТ ГОЛОВНОЙ БОЛИ!»

— Неприятности, одни неприятности! — думал

дядя Лем, да так громко, что у меня в голове звенело. — Господи боже мой, что же теперь делать? Разве я мог подумать, что кто-нибудь женится на Лили Лу Мутц? Что придумать?

Если уж говорить начистоту, мы все удивились, когда Лили Лу Мутц вдруг нашла себе мужа — где-то лет десять тому назад, по-моему. Но какое отношение это имело к дяде Лему, я не понимал. Лили Лу была самой безобразной женщиной в мире. Да ее даже и безобразной нельзя назвать, бедняжку.

Дедуля однажды сказал, что она напоминает ему о семейке по фамилии Горгоны, с которой он был когда-то знаком. Впрочем, у нее была добрая душа, а поскольку она выглядела такой безобразной, Лили Лу пришлось терпеть немало насмешек от деревенских хулиганов.

Она жила одна-одинешенька в полуразвалившейся хижине на горе, и когда с той стороны реки пришел какой-то мужик и потряс всю долину, сосватав ее, Лили Лу было уже около сорока. Сам-то я не видел этого мужика, но говорят, что и он не выигрывал призов по красоте. И тут, глядя на грузовик, я вспомнил: точно, никакой ошибки, его звали Пью.

Глава 2
Добрый старый приятель

В следующее мгновение я заметил, что дядя Лем устремился к столбу у края толпы. Мне показалось, что рядом со столбом стоят две гориллы — большая и маленькая — и наблюдают за мужчиной, продающим бутылки.

— Подходите и покупайте! — кричал он, раздавая бутылки обеими руками и засовывая в карманы доллары. — Покупайте бутылки с лекарством Пью, гарантированно излечивающим от головной боли! Торопитесь, всем может не хватить!

— Привет, Пью, вот и я, — сказал дядя Лем, глядя на большую гориллу. — Здорово, малыш, — повернулся он к маленькой горилле, и я заметил, что он вздрогнул.

Да и кто может его обвинить в этом! В жизни не приходилось видеть более отвратительных представителей рода человеческого. Если бы у этих Пью были не такие одутловатые лица или хотя бы будь они чуть стройнее, они не так напоминали бы двух откормленных слизняков — одного

большого, а другого поменьше. Папочка Пью был одет в свой лучший костюм с толстенной золотой цепочкой от часов поперек живота. Он расхаживал так важно, будто никогда не видел себя в зеркале.

— Здравствуй, Лем, — небрежно бросил он. — Вижу, что ты прибыл точно по расписанию. Малыш, поздоровайся с мистером Лемом Хогбеном. Надеюсь, сынок, ты не забыл, чем ему обязан? — И он рассмеялся противным смехом.

Младший Пью не обратил на него никакого внимания. Его маленькие глазки были прикованы к толпе на другой стороне улицы. На первый взгляд ему можно было дать лет семь, и трудно было представить себе более безобразного мальчишку.

— Может, пора приступать, папочка? — пропищал он. — Можно, я выдам им как следует, а, папочка? — Его голос был таким противным, и в нем было столько нетерпения, что я поспешно посмотрел, нет ли у него под рукой пулемета. Нет, пулемета у младшего Пью не оказалось, но, если можно было бы убивать взглядом, он уже давно прикончил бы всю толпу.

— Смотри, какой у меня малыш, Лем, — произнес папа Пью с нескрываемой гордостью. —

Настоящий маленький мужчина! Я им очень горжусь, Лем, старина, и не скрываю этого. Жаль, чт его милый дедушка не дожил до этого великого дня. Да, у нас старинный знатный род, наша семья Пью. Теперь подобного не сыщешь. Плохо лишь одно: малыш — последний в нашем роду. Теперь ты понимаешь, Лем, почему я вызвал тебя.

Дядя Лем снова вздрогнул.

— Понимаю, — сказал он, — даже слишком хорошо понимаю. Но ты напрасно тратишь время, Пью. Я не сделаю этого.

Младший Пью резко повернулся.

— Давай я дам ему как следует, папочка? — пропищал он голосом, полным нетерпения. — Разреши, папочка? Можно?

— Заткнись, сынок, — ответил старший Пью и отвесил малышу увесистую оплеуху. Руки у мистера Пью были словно окорока. Он действительно напоминал телосложением гориллу.

Когда его огромный кулак опустился на голову малыша, можно было ожидать, что мальчишка перелетит на другую сторону улицы. Но пацан оказался твердым орешком. Он лишь пошатнулся, потряс головой и покраснел от злости.

— Папочка, — завопил он на всю округу, — я предупреждал тебя! Еще в прошлый раз, когда ты

врезал мне, я предупредил тебя! А теперь я дам тебе как следует!

Мальчишка глубоко вздохнул, и его крошечные свиные глазки сдвинулись так близко, что я мог бы поклясться — они коснулись друг друга. Одутловатое лицо стало ярко-красным.

— Ну хорошо, малыш, хорошо, — поспешно согласился старший Пью. — Думаю, что пришло время. Не трать на меня силы, сынок. Лучше займись толпой!

Все это время я стоял у края толпы, не спуская глаз с дяди Лема и прислушиваясь к их разговору. В это мгновение кто-то похлопал меня по плечу и тоненький голосок вежливо пропищал:

— Послушайте, мистер! Вы позволите задать вам пару вопросов?

Я посмотрел вниз. Рядом стоял худенький мужчина с добрым лицом. В руке он держал записную книжку.

— Валяйте, — не менее вежливо ответил я. — Спрашивайте, мистер.

— В общем-то, у меня всего один вопрос, — сказал мужчина и поднес карандаш к раскрытой записной книжке. — Как вы себя чувствуете?

— Отлично, — улыбнулся я, польщенный заботой. — С вашей стороны очень любезно поин-

тересоваться самочувствием ближнего. Надеюсь, что и вы чувствуете себя неплохо.

Он с недоумением кивнул головой.

— В этом-то вся штука! — воскликнул он. — Ничего не понимаю! Я действительно чувствую себя хорошо!

— Что в этом странного? — поинтересовался я. — Такой тихий солнечный день!

— И не только я, — продолжал он, словно не услышал моих слов. — Все остальные тоже. Но минут через пять, по моим расчетам…

И тут что-то обрушилось мне на голову, подобно раскаленному молоту.

Вы сами понимаете, что любому Хогбену нельзя причинить боль, ударив его по голове. Только дурак может рассчитывать на такое. Я почувствовал, как у меня подогнулись колени, но через пару секунд оправился и оглянулся по сторонам, чтобы узнать, кто ударил меня. Вокруг не было ни души. Но зато как стонала и корчилась вся толпа! Люди хватались за головы, шатались из стороны в сторону, расталкивая друг друга, чтобы побыстрее добраться до грузовика, с которого мужчина быстро раздавал бутылки с лекарством и не менее быстро рассовывал по карманам доллары.

Щупленький мужчина рядом со мной пошат-

нулся, и его глаза закатились, как у утки при ударе грома.

— О, моя голова! — простонал он. — Ну, что я вам говорил? О, моя голова! — И с этими словами он двинулся к грузовику, нащупывая деньги в кармане.

В семье всегда считали меня придурком, но нужно быть совсем уж кретином, чтобы не понять, что вокруг происходит что-то необычное. А я отнюдь не считаю себя недоумком, что бы ни говорила обо мне мамуля, поэтому повернулся и взглянул на младшего Пью.

Он стоял, этот толстомордый хорек, красный, как индюк, надувшийся от важности, и смотрел на толпу злобными крохотными глазками.

— Колдовство, — подумал я совершенно спокойно. — Я никогда в это не верил, но это колдовство, не более и не менее. Каким образом…

Затем я вспомнил Лили Лу Мутц и то, о чем думал про себя дядя Лем. И многое стало мне понятным.

Толпа обезумела. Люди дрались между собой, прорываясь к грузовику за лекарством. Меня едва не смяли, но я все же пробился к месту, где стоял дядя Лем. Мне стало ясно, что придется взять дело в свои руки, потому что у него не только мягкое

сердце, но и не иначе как размягчение мозга.

— Нет, сэр, — упрямо твердил он. — Я не сделаю этого. Ни в коем случае.

— Дядя Лем, — позвал я.

Он подпрыгнул в воздух на добрый ярд.

— Сонк! — взвизгнул он, покраснел, смутился, попытался рассердиться, но я-то видел, какое облегчение он испытывает при виде меня.

— Сонк, — повторил он, — я ведь запретил тебе следить за мной.

— Мамуля приказала мне не спускать с тебя глаз, дядя Лем, — напомнил я. — Я дал слово, а мы, Хогбены, никогда не нарушаем обещания. Что здесь происходит, дядя Лем?

— О, Сонк, все пропало! — застонал он. — У меня доброе сердце, я желаю всем людям счастья, а теперь я натворил такое, что лучше бы мне умереть! Познакомься с мистером Эдом Пью, Сонк. Это он пытается погубить меня.

— Ну что ты говоришь, Лем, — упрекнул Пью-старший. — Ты ведь знаешь, что это неправда. Я просто хочу, чтобы ты поступил по справедливости. Привет, юноша. Насколько я понимаю, это еще один Хогбен. Может быть, тебе удастся уговорить дядюшку…

— Извините меня, мистер Пью, — прервал я его

тираду. — Но сначала объясните, в чем дело. Пока я ничего не понимаю.

Он откашлялся и надулся, важно выпятив грудь. Мне стало ясно, что Пью-старший любит говорить на эту тему. По-видимому, это возвышало его в собственных глазах.

— Я не знаю, молодой человек, был ли ты знаком с моей покойной женой, добрейшей Лили Лу Мутц, — начал он. — Это наш ребенок, наш мальчуган. Воплощение прелести и доброты. Очень жаль, что у нас не родились еще восемь или десять таких малышей. — Пью тяжело вздохнул. — Такова жизнь. Я мечтал жениться еще молодым парнем и стать отцом большого семейства, потому что сам я последний в древнем и славном роду. Но это не значит, что я примирился с тем, что род вымрет.

Тут он бросил угрожающий взгляд на дядю Лема, и тот застонал.

— Я все равно не соглашусь, — вымолвил он. — Ты не заставишь меня.

— Посмотрим, — с расстановкой произнес Пью, не скрывая угрозы. — Может быть, твой юный племянник окажется благоразумнее. Хочу предупредить, что у меня в этом штате большое влияние и мое слово имеет немалый вес.

— Папочка, — вмешался Пью-младший, и от его визга у меня зазвенело в ушах. — Папочка, смотри, они уже не так торопятся. Может быть, на этот раз выдать им посильнее, а? Двойной силы, можно, папочка? Уверен, если постараюсь, то ухлопаю парочку. Понимаешь, папочка…

Эд Пью размахнулся, собираясь как следует врезать своему отпрыску, но в последний момент передумал.

— Не перебивай старших, сынок, — заметил он. — Видишь, папочка занят. Заткнись и занимайся делом. — Пью взглянул на стонущую толпу. — Можешь выдать как следует вон той группе в стороне от грузовика. Они что-то не торопятся покупать наше лекарство. Но только не в полную силу, малыш. Нужно экономить энергию. Не забудь, что ты еще маленький и тебе нужно расти.

Он снова повернулся ко мне.

— Мой мальчуган — талантливый ребенок, — с гордостью сказал он. — Да ты и сам увидишь. Унаследовал способности от своей покойной матери, милой Лили Лу Мутц. Так о чем я говорил? Ах да, о Лили Лу. Я надеялся жениться молодым, но помешали обстоятельства, и я встретил подходящую женщину в зрелом возрасте.

Пью надулся, подобно огромной жабе, и с восхищением посмотрел вниз. Мне еще никогда не приходилось встречать человека, который бы так гордился собой.

— Мне никогда не попадалась женщина, готовая посмо… я хочу сказать, никогда не попадалась подходящая женщина, — поспешно поправился он, — пока не встретил Лили Лу Мутц.

— Я понимаю вас, — вежливо кивнул я. Действительно, мне были понятны его трудности. Старый Пью потратил немало времени перед тем, как ему попалась настолько безобразная женщина, что не отвела от него взгляда. Даже бедняжка Лили Лу — да упокоится ее душа — долго не могла заставить себя согласиться.

— И вот тут-то, — продолжил рассказ Эд Пью, — важная роль принадлежит твоему дяде Лему. Оказалось, что давным-давно, много лет назад, он обучил Лили Лу колдовству.

— Это неправда! — завопил дядя Лем. — И откуда мне было знать, что она выйдет замуж и передаст эти способности своему ребенку? Кто мог бы подумать, что такая образина, как Лили Лу…

— Он научил ее колдовству. — Эд Пью сделал вид, что не услышал выкрика дяди Лема. — Я

узнал об этом, лишь когда она лежала на смертном одре год назад. Да я вышиб бы из нее дух, если бы знал, что скрывала Лили Лу все эти годы! Итак, Лемюэл научил ее колдовству, и ребенок унаследовал его от матери.

— Я сделал это лишь потому, что хотел защитить Лили Лу, — быстро произнес дядя Лем. — Ты ведь знаешь, Сонки, что я говорю правду. Бедная Лили Лу была настолько безобразна, что прохожие бросали в нее камнями даже помимо своей воли. Вроде как бы автоматически. Разве можно винить их? Мне самому не раз хотелось нагнуться за камнем. Но мне стало так жаль бедняжку, Сонк. Ты никогда не узнаешь, сколько времени я боролся с порывами своего доброго сердца. И однажды мне стало так ее жаль, что я научил Лили Лу колдовству. Поверь мне, Сонки, любой поступил бы на моем месте так же.

— Ну и как это тебе удалось? — спросил я, не скрывая интереса. Мне пришло в голову, что когда-нибудь такое может пригодиться. Ведь я еще так молод и мне нужно многому научиться.

Дядя Лем принялся объяснять, и я тут же запутался. Сначала мне стало ясно, что крошечные мохнатые существа по имени Гены Хромосомы послушно исполняли все, что потребовал дядя

Лем. А затем он объяснил самыми простыми словами эту чепуху относительно альфа-волн головного мозга.

Черт побери, это я и сам отлично знаю. Каждому известно, что, когда человек думает, у него над макушкой так и вьются разные там волны. Однажды я видел, как у дедули было шестьсот разных мыслей одновременно, так что волны проносились одна за другой по своим каналам и все-таки никогда не сталкивались друг с другом даже над самой макушкой. Вообще-то, когда дедуля думает, лучше не смотреть на него — в глазах рябит.

— Вот так все и произошло, Сонк, — закончил дядя Лем. — И этот маленький вонючий хорек унаследовал все это могущество.

— Почему не заставить этих самых Генов Хромосомов уйти из паршивца — и он станет самым обычным мальчишкой, только намного хуже других? — спросил я. — Ведь я знаю, как это просто для тебя, дядя Лем. Смотри, даже мне все ясно. — Я сконцентрировал все свое внимание на голове малыша Пью, и мои глаза как-то странно перекосились — так случается всегда, когда хочешь заглянуть внутрь человека.

И действительно, я сразу увидел, о чем говорил

дядя Лем. Внутри Пью-младшего виднелась масса маленьких крохотулечек, отчаянно цепляющихся друг за друга, и тоненьких палочек, суетящихся во множестве едва видимых клеточек, из которых состоит каждый — за исключением, может быть, Крошки Сэма, нашего младенца.

— Неужели ты не видишь этого, дядя Лем? — спросил я. — Когда ты обучил Лили Лу колдовству, ты перевернул эти тоненькие палочки в ту сторону и соединил вон в те маленькие цепочки, которые все время дрожат. Теперь тебе нужно всего лишь вернуть все на прежнее место, и Пью-младший будет вести себя совсем по-другому. Неужели это так трудно?

— Совсем легко, — вздохнул дядя Лем и повертел указательным пальцем у своего виска. — Сонк, ты недотепа. Нужно было прислушиваться к тому, что я тебе говорил. Если я верну все эти цепочки, палочки и крохотулечки на прежнее место, мальчишка умрет.

— Мир только выиграет от этого, — заметил я.

— Без тебя знаю. Но ты забыл, что мы обещали дедуле. Больше никаких убийств.

— Послушай, дядя Лем! — воскликнул я, полный негодования. — Неужели этот маленький вонючий хорек будет заколдовывать людей и

дальше?

— Нет, Сонк, все обстоит куда хуже. — Бедный дядя Лем чуть не плакал. — Он передаст способности своим отпрыскам, подобно тому как Лили Лу передала их своему ребенку.

Я замолчал. Мне начало казаться, что человечеству угрожает ужасная судьба. И вдруг меня осенило.

— Успокойся, дядя Лем, — сказал я. — Напрасно мы волнуемся. Ты только посмотри на эту маленькую жабу! Да ни одна женщина не подойдет к нему ближе чем на милю! Уже сейчас он выглядит безобразнее своего отца. Не забудь к тому же, что он сын Лили Лу Мутц. Может быть, он, когда вырастет, станет еще безобразнее. Ясно одно — он никогда не женится!

— А вот тут вы ошибаетесь, — встрял в наш разговор Эд Пью. Он так рассвирепел, что стал аж пурпурный. — Вы думаете, я не слышал, о чем вы говорили? Я уже предупредил вас, что в этом городе мое слово — закон. Мы с моим мальчуганом имеем далеко идущие планы, и его талант окажет нам немалую помощь. Только не думайте, что я забуду, как вы говорили о моем ребенке. Так вот, уже сейчас я вхожу в совет олдерменов, а на будущей неделе откроется вакансия в сенат шта-

та — если только старый кретин, который сейчас занимает этот пост, не окажется куда крепче, чем мне кажется. Так что предупреждаю тебя, юный Хогбен, ты и твоя семья дорого заплатите за оскорбления!

— Стоит ли сердиться, выслушивая истинную правду? — удивился я. — Малыш действительно отталкивающий тип.

— К нему нужно только привыкнуть, — возразил папочка. — Нас, Пью, трудно понять. Это потому, что у нас твердый характер. Зато мы не поступаемся своей честью. И я уж позабочусь о том, чтобы наша родовая линия не прерывалась, будьте уверены. Ты слышал, Лемюэл?

Дядя Лем закрыл глаза и отрицательно покачал головой.

— Нет, сэр, — сказал он. — Я никогда не соглашусь на это. Никогда, никогда, никогда…

— Лемюэл, — произнес Эд Пью мрачным голосом. — Лемюэл, ты хочешь, чтобы я напустил на тебя малыша?

— Напрасно будете стараться, мистер Пью, — заметил я. — Неужели вы не заметили, что он пытался заколдовать меня вместе с толпой и что из этого вышло? Нас, Хогбенов, не заколдуешь.

— Ну что ж… — Он задумался, стараясь найти

выход. — Гм… Я придумаю что-нибудь. Я… ну конечно! Вы оба добряки. Обещали своему дедуле, что не будете никого убивать? Лемюэл, открой глаза и посмотри на ту сторону улицы. Видишь симпатичную старушку с палочкой? Как тебе понравится, если мой мальчик прикончит ее?

Дядя Лем еще крепче закрыл глаза.

— Не хочу смотреть. Я даже не знаком с этой доброй старушкой. К тому же у нее мучительный ревматизм — может быть, она даже обрадуется своей кончине.

— Ну хорошо, тогда как относительно вон той прелестной молодой женщины с ребенком на руках? Взгляни на нее, Лемюэл. Какой красивый ребенок! Смотри, какая улыбка, какие ямочки на щечках. Приготовься, сынок. Начнем, пожалуй, с бубонной чумы. А потом…

— Дядя Лем, — в моем голосе звучало беспокойство, — не знаю, как отнесется к этому дедуля. Может быть…

На мгновение дядя Лем открыл глаза и посмотрел на меня взглядом, полным отчаяния.

— Разве я виноват, что у меня золотое сердце? — произнес он. — Я старый благородный мужчина, и все этим пользуются. Я не согласен. Теперь мне наплевать, даже если Эд Пью прикончит

всю человеческую расу. Меня не интересует, что подумает дедуля, когда узнает, что я натворил. Больше ничто меня не беспокоит. — И он расхохотался диким смехом. — Ничего ни о чем не знаю. Подремлю немного, Сонк.

И с этими словами он рухнул на тротуар, одеревеневший, как бревно.

Глава 3
Безвыходное положение

Несмотря на все беспокойство, я не удержался от улыбки. Иногда дядя Лем способен на забавные выходки. Я понял, что он снова усыпил себя, — он делает так всегда, как только его загоняют в угол.

Дядя Лем грохнулся на асфальт во весь рост и даже подпрыгнул немного. Пью-младший испустил восторженный вопль. Думаю, ему показалось, что дядя Лем упал по его команде. Разумеется, когда мальчуган увидел беспомощного человека, распростершегося на тротуаре, он тут же бросился к нему и изо всех сил пнул дядю Лема в висок.

Как вы помните, я уже говорил, что у нас, Хогбенов, очень твердые головы, прямо чугунные. Пацан взвыл от боли и начал прыгать на одной ноге, сжимая другую, ушибленную, обеими руками.

У каждого из нас в организме живет целое стадо микробов, вирусов и других крохотных существ, носящихся сломя голову туда и обратно.

Когда заклятие Пью-младшего обрушилось на

дядю Лема, все стадо оживилось еще больше, а вдобавок проснулась и начала действовать прорва малюсеньких зверушек, которых папуля называет антителами.

Когда к вам в организм попадает какой-нибудь яд, все эти крохотульки хватают первое попавшееся под руку оружие и устремляются в драку, с криками и руганью. Это и происходило внутри дяди Лема. Вот только у нас, Хогбенов, внутри есть своя собственная милиция. И она тоже вступила в дело.

В организме дяди Лема шло такое сражение, что он из бледно-зеленого стал вроде как пурпурный и на всех видимых частях его тела проступили большие желтые и голубые пятна. На первый взгляд он выглядел отчаянно больным. Разумеется, никакого вреда организму дяди Лема все это не причинило. Милиция Хогбенов запросто одержит верх над микробами, способными дышать. И все-таки выглядел он ужасно.

— Пропустите меня, я врач!

Доктор опустился на колени рядом с дядей Лемом и нащупал его пульс.

— Ну, олдермен Пью, теперь вам крышка! — воскликнул доктор, глядя на Эда Пью. — Уж не знаю, как вам это удалось, но такого вам никто

не простит. У этого несчастного бубонная чума! На этот раз я потребую, чтобы против вас и этого маленького чудовища приняли решительные меры!

Эд Пью хихикнул, но я-то видел, что он с трудом сдерживает ярость.

— Вот уж обо мне не беспокойтесь, доктор Браун, — произнес он зловеще. — Как только я займу пост губернатора штата — а мои планы всегда сбываются, — больница, которой вы так гордитесь, больше не будет получать дотаций из фондов штата. Да и с какой стати? Больницы набиты одними дармоедами! Пусть встают и принимаются за работу, нечего отлеживаться за государственный счет. Мы, Пью, никогда не болеем. Как только я стану губернатором, мы уж сумеем найти применение деньгам, которые тратят сейчас на то, чтобы платить людям, притворяющимся больными!

— Где это запропастилась «скорая помощь»? — пробормотал доктор.

— Если вы говорите про эту длинную машину, которая так громко ревет, — сказал я, — то она примерно милях в трех от нас, но быстро приближается. Только дяде Лему не нужно никакой помощи. У него всего лишь приступ. Такое

случается в нашей семье очень часто. Никакой опасности.

— Господи боже мой! — воскликнул врач. — Вы утверждаете, что у него уже было такое и он выжил? — Затем он взглянул на меня и неожиданно улыбнулся. — А, понятно! Боитесь больниц? Не беспокойтесь, мы не причиним ему вреда.

Проницательность доктора немного удивила меня. Ведь я старался не допустить, чтобы дядя Лем попал в больницу, именно по этой причине. Госпитали — не место для нас, Хогбенов. Врачи слишком уж любопытные люди. Поэтому я позвал дядю Лема самым громким голосом — не вслух, разумеется.

— Дядя Лем! — заорал я, не открывая рта. — Дядя Лем, просыпайся! Дедуля сдерет с тебя шкуру и приколотит ее к дверям амбара, если узнает, что тебя отвезли в больницу. Ты что, хочешь, чтобы врачи узнали о том, что у тебя в груди два сердца? И увидели, как устроены твои кости? Или что у тебя в животе? Дядя Лем, просыпайся немедленно!

Он даже не шевельнулся.

Я сперва испугался по-настоящему. Дядя Лем опять поставил меня в безвыходное положение. Вся ответственность за него легла на меня, а я

даже не знал, что делать. Ведь я все еще слишком молод для серьезных дел. Настолько, что мое самое раннее воспоминание — это Великий пожар в Лондоне при короле Чарльзе II, помните, ну том самом, с длинными кудрявыми волосами? Впрочем, он действительно выглядел красавчиком.

— Мистер Пью, — сказал я, — нужно заставить вашего малыша снять заклятие. Я не могу позволить, чтобы дядю Лема забрали в больницу, вы же сами знаете это.

— Ну-ка, мальчуган, добавь еще, — скомандовал Эд Пью с мерзкой улыбкой. — А я поговорю с юным Хогбеном. — Врач посмотрел на нас с изумлением, а Эд Пью добавил: — Отойдем в сторону, Хогбен. Не хочу, чтобы нас подслушивали. А ты, малыш, продолжай действовать!

Желтые и голубые пятна на теле дяди Лема стали еще ярче, и вокруг них появились зеленые кольца. Доктор Браун задохнулся от ужаса. Эд Пью взял меня за руку и отвел в сторону. Когда мы отошли достаточно далеко, он уставился на меня своими крохотными свинячьими глазками и доверительно прошептал:

— Ты ведь знаешь, что мне нужно, Хогбен. Лемюэл все время говорил, что не сделает этого, но ни разу не сказал, что не может сделать. Поэтому

мне ясно: любой из вашей семьи может сделать это для меня.

— Что конкретно вы имеете в виду, мистер Пью? — вежливо спросил я.

— Мне нужно, чтобы наш старый благородный род, наше семейное древо не умерло. Я хочу, чтобы в мире всегда жили Пью. Мне нелегко было найти жену, и я знаю, что мальчугану будет еще труднее. У современных женщин недостает вкуса. После того как Лили Лу вознеслась на небо, вряд ли найдется другая женщина, которая согласится выйти замуж за Пью. Поэтому боюсь, что малыш станет последним в нашей династии. А ведь у него такие способности! Если ты сделаешь так, что наша семья не прекратит существования, я заставлю мальчугана снять заклятие с Лемюэля.

— Но ведь если я устрою так, что ваша семья, мистер Пью, никогда не вымрет, — заметил я, — это значит, что вымрут все остальные семьи и в мире останутся одни Пью.

— Ну и что в этом плохого? — усмехнулся Эд Пью. — По моему мнению, наш род ничуть не хуже других, даже сильнее и здоровее. — Он напряг свои здоровенные ручищи и расправил плечи. Ростом Пью-старший был выше, чем я. — Пройдет время, и Пью заселят всю землю. И ты поможешь

нам в этом, молодой человек.

— Нет! — воскликнул я. — Никогда! Даже если бы я знал как…

У въезда в переулок послышался ужасный шум, толпа расступилась, машина «скорой помощи» въехала в переулок и остановилась у обочины рядом с дядей Лемом. Из дверей выскочили два парня в белых халатах с чем-то вроде тюфяка на двух палках. Доктор Браун встал, и на его лице было написано облегчение.

— Боялся, что вы так и не приедете, — заметил он. — Думаю, этого мужчину нужно поместить в карантин. Одному Богу известно, что мы обнаружим, когда проведем первые анализы. Ну-ка дайте мне мою сумку. Мне нужен стетоскоп. У больного что-то странное с сердцем.

Говоря по правде, мое сердце провалилось прямо в ботинки. Нам конец, подумал я, всему роду Хогбенов. Едва врачи узнают о нас, нам не останется ни минуты покоя до самой смерти. У нас будет личной жизни и спокойствия меньше, чем у кукурузного початка.

Эд Пью наблюдал за мной с насмешливой улыбкой на бледном одутловатом лице.

— Что, забеспокоился? — спросил он. — Должен сказать, у тебя есть для этого все основания. Знаю

я вас, Хогбенов. Дьявольское семя каждый из вас. Вот отвезут его в больницу и мало ли что обнаружат. Быть колдунами, наверно, противозаконно. У тебя осталось с полминуты, чтобы принять решение, юный Хогбен. Что ты теперь скажешь?

Что я мог ему сказать? Ведь я не мог обещать сделать то, что было ему нужно, правда? Отдать весь мир во власть безобразных Пью, овладевших могущественным колдовством. Мы, Хогбены, жили очень долго. У нас были очень важные планы на будущее к тому времени, когда все остальные люди догонят нас. Но если к этому моменту мир будет населен одними Пью, вряд ли стоит осуществлять их. Так что я не мог согласиться. Но я не мог и отказаться. В этом случае дяде Лему конец. Так что мне стало ясно, что мы, Хогбены, обречены независимо от того, какое решение я приму.

У меня был только один выход. Я глубоко вздохнул, закрыл глаза и громко крикнул — в уме, разумеется:

— Дедуля!

— Что случилось, мой мальчик? — услышал я глубокий громкий голос внутри своего мозга.

Могло показаться, что дедуля все время был где-то рядом, ожидая, что его позовут. На самом

деле он находился в сотнях миль от меня и крепко спал. Но когда один из Хогбенов зовет на помощь таким голосом, как позвал я, он имеет все основания рассчитывать на немедленный ответ. И дедуля отозвался.

В любое другое время дедуля тянул бы резину минут пятнадцать, задавая вопросы и не прислушиваясь к ответам, причем прибегая к самым разным старомодным диалектам, которые он освоил на протяжении бесчисленных лет. Но сейчас дедуля понял, что дело серьезно.

— Что случилось, мой мальчик? — было все, что он спросил.

Я распахнул свой ум перед ним, подобно школьной тетради. У нас не оставалось времени на вопросы и ответы. Доктор уже достал свой аппарат и приготовился слушать, насколько несогласованно бьются два сердца дяди Лема. Как только он выслушает его, для нас, Хогбенов, наступят трудные времена.

— Если только ты не разрешишь мне убить их, дедуля, — добавил я. К этому моменту я знал, что дедуля уже ознакомился с создавшимся положением.

Казалось, что наступила ужасно долгая тишина. Доктор держал в руках инструмент и вставлял

длинные черные трубки в уши. Эд Пью следил за мной, словно ястреб. Малыш стоял рядом, готовый врезать любому, кто ему не понравится. Я надеялся, что он выберет меня. Мне удалось разработать способ отбросить заклятие обратно в его отвратительную морду, и, вполне вероятно, это могло прикончить его прямо на месте.

Я услышал у себя в мозгу вздох дедули.

— Мы в безвыходном положении, Сонк, — сказал он. Помню, как меня удивило то, что дедуля может говорить на обычном английском языке — если ему этого хочется, конечно. — Скажи Эду Пью, что мы согласны.

— Но, дедуля… — начал я.

— Делай, как тебе говорят! — Он произнес эти слова с такой твердостью, что у меня заболела голова. — Быстро, Сонк! Передай Пью, что мы сделаем, как он хочет.

Я не решился возражать. И все-таки на этот раз я едва не пренебрег мнением дедули и подумал ему в ответ: «Если ты настаиваешь, дедуля, я так и сделаю, но я не согласен с тобой. Если уж у нас нет выхода, то лучше запереть весь этот яд внутри Пью-младшего, чем рассеять его по всему миру». Но вслух я произнес:

— Хорошо, мистер Пью. Мы сдаемся. Только по-

быстрее снимите заклятие. Иначе будет поздно.

Глава 4
Пью возвращаются

У мистера Пью был огромный желтый автомобиль, низко сидящий и с открытым верхом. Он мчался ужасно быстро. А уж как он ревел! Один раз я заметил, что мы сбили маленького мальчика, который вышел на шоссе, но мистер Пью не обратил на это никакого внимания, и я не решился сделать что-нибудь. Как сказал дедуля, эти Пью загнали нас в угол.

Было нелегко уговорить их отправиться в нашу долину вместе со мной, но так распорядился дедуля, и я сумел убедить Пью.

— Откуда я знаю, что вы просто не убьете нас, как только мы окажемся за пределами города? — спросил мистер Пью.

— Мне ничего не стоит убить вас обоих прямо сейчас, — ответил я. — Если бы не запрет дедули, я так бы и поступил. Но раз он запретил, вы в безопасности, мистер Пью. Хогбены никогда не нарушают данного ими слова.

Он согласился, хотя скорее его убедило то, что, как я сказал ему, мы можем работать только

на своей территории. Дядю Лема погрузили на заднее сиденье и отправились в путь. Пришлось долго спорить с доктором, но мы его уговорили, разумеется. Правда, понадобилось преодолеть упрямство дяди Лема.

Он так и не проснулся, но как только Пью-младший снял с него заклятие, цвет лица дяди Лема снова стал розовый, как у нормального человека. Доктор отказался верить собственным глазам. Мистеру Пью пришлось прибегнуть к самым страшным угрозам, прежде чем мы уехали. Я оглянулся назад и увидел доктора, который сидел на краю тротуара, что-то бормотал себе под нос и потирал лоб с ошеломленным видом.

Я чувствовал, как дедуля изучает обоих Пью через мой мозг. Мне показалось, что он вздыхает и качает головой, обдумывая проблемы, которые оставались мне совершенно непонятными.

Когда мы подъехали к дому, там никого не было. Я слышал, как дедуля ворочается и бормочет что-то, лежа в своем дерюжном мешке на чердаке, но папули нигде не было видно — это ничуть не удивило меня, он предпочитал оставаться невидимым, а когда я позвал его, оказалось, что он настолько пьян, что не отзывается. Крошка Сэм спал у себя в цистерне, мамуля еще не верну-

лась из церкви, и дедуля запретил звать ее.

— Мы сами справимся с этим, Сонк, — сказал он, как только я вышел из автомобиля. — Я кое-что придумал. Помнишь салазки, которые ты оборудовал сегодня утром, чтобы сбивать мамуле сметану? Вытаскивай их, сынок, вытаскивай.

Я сразу понял, что он задумал.

— Нет, дедуля, нет! — воскликнул я вслух, забывшись на мгновение.

— С кем это ты разговариваешь? — спросил Эд Пью, вылезая из автомобиля. — Я никого не вижу. Это и есть ваша ферма? Не дом, а развалюха. Не отходи от меня, малыш. Что-то я не слишком доверяю этим Хогбенам.

— Говорю тебе, сынок, вытаскивай санки. — Голос дедули был твердым. — Я все обдумал. Мы пошлем двух этих горилл в прошлое. Им там самое место.

— Ну что ты говоришь, дедуля! — завопил я, на этот раз молча. — Давай сначала обсудим все. Позволь хотя бы позвать мамулю. Да и папуля совсем не дурак, когда трезвый. Подождем, пока он протрезвеет, а? Крошку Сэма тоже неплохо было бы спросить. Мне кажется, дедуля, что нельзя посылать их в прошлое.

— Крошка Сэм спит, — послышался ответ

дедули. — Оставь его в покое. Он начитался Эйнштейна, и теперь его не разбудишь.

Если уж быть откровенным, больше всего меня беспокоило то, что дедуля говорил на самом обычном английском языке. Такое никогда не случается с ним, когда он чувствует себя нормально. А что, если начал сказываться возраст и здравый смысл покинул, так сказать, его голову?

— Дедуля, — начал я, стараясь говорить как можно спокойнее. — Разве тебе не понятно? Если мы пошлем их в прошлое и дадим им то, что обещали, положение станет в миллион раз хуже! Может быть, ты собираешься отослать их в первый год нашего летосчисления, а потом забыть о данном тобой слове?

— Сонк! — упрекнул меня дедуля.

— Знаю-знаю, если мы дали обещание, что династия Пью не вымрет, то должны сдержать данное нами слово. Но если мы пошлем их в первый год, это значит, что начиная с того момента и до сегодняшнего времени они будут размножаться и размножаться. С каждым поколением Пью будет становиться все больше и больше. Дедуля, через пять секунд после того, как эти Пью попадут в первый год, мои глаза сдвинутся к носу, а лицо станет бледным и одутловатым,

как у Пью-младшего. Если мы дадим им столько времени, дедуля, в мире останутся одни Пью!

— Не изрекай насупротив, нахальный отпрыск! — завопил дедуля. — Делай, что велено!

Увидев, что дедуля снова заговорил на допотопном жаргоне, я почувствовал себя немного лучше. Пошел в сарай и вытащил санки. Мистер Пью принялся отчаянно возражать.

— Я не катался на салазках с того момента, как был меньше своего мальчугана, — заявил он. — Чего ради буду садиться на них сейчас? Это какой-то трюк. Не согласен.

Малыш попытался укусить меня.

— Послушайте, мистер Пью, — сказал я, — если вы хотите, чтобы мы сдержали данное слово, вы должны слушаться, иначе ничего не выйдет. Я знаю, что делаю. Подойдите к санкам и сядьте. Малыш, для тебя достаточно места впереди папочки. Вот так, отлично.

Если бы Пью-старший не заметил, как я обеспокоен, не думаю, что он пошел бы на это. Но я не сумел скрыть свои чувства.

— А где ваш дедуля? — поинтересовался он. — Уж не собираешься ли ты сделать все один? Неграмотный молокосос! Мне что-то не нравится это. Вдруг ты в чем-нибудь ошибешься?

— Мы дали слово, — напомнил я. — Поэтому будьте добры, мистер Пью, замолчите и не мешайте мне сконцентрироваться. А может быть, вам просто не хочется, чтобы династия Пью продолжалась вечно?

— Да, вы действительно обещали, — согласился Пью и поудобнее устроился на санках. — Надеюсь, что не нарушите слово. Не забудь предупредить меня, когда приступишь к работе.

— Отлично, Сонк, — донесся с чердака бодрый голос дедули. — А теперь смотри. Может быть, чему-нибудь научишься. Внимательно следи за происходящим и делай все, что я скажу. Итак, сконцентрируйся и выбери ген. Любой ген.

Если уж дедуля принимается за что-то, то он делает это хорошо. Итак, он распорядился, чтобы я выбрал ген. Отлично. Гены — это такие малюсенькие скользкие существа, веретенообразные и едва видные невооруженным глазом — невооруженным глазом Хогбенов, разумеется. Они партнеры крошечных существ по имени хромосомы. Куда ни посмотришь, обязательно увидишь гены и хромосомы, нужно только правильно скосить глаза.

— А теперь необходимая порция ультрафиолетового излучения, и все в порядке, — бормотал

дедуля. — Давай, Сонк, ты ближе.

— Хорошо, дедуля, — ответил я и вроде как отфильтровал свет, падающий на обоих Пью через иголки сосен. Ультрафиолетовый свет обладает цветом, находящимся на противоположной стороне гаммы цветов, там, где цвета перестают иметь наименования для большинства людей.

— Спасибо, сынок, — услышал я голос дедули. — В самый раз. Подержи его еще немного.

Гены принялись извиваться в унисон со световыми волнами.

— Папочка, меня что-то щекочет, — пожаловался Пью-младший.

— Заткнись, — оборвал его отец.

Дедуля продолжал что-то бормотать себе под нос. Я почти не сомневался, что он украл слова у прохвессора, которого мы держим в бутылке, но не был все-таки полностью уверен. С дедулей никогда нельзя быть уверенным, это уж точно. Не исключено, что он придумал их сам.

— Эухроматин, — шептал он. — Пожалуй, в этом вся разгадка. Ультрафиолетовые лучи дают нам наследственную мутацию, а эухроматин содержит гены, передающие наследственность. А вот гетерохроматин вызывает эволюционные перемены катаклизмического типа. Отлично, от-

лично. Новые виды всегда могут нам пригодиться. Гм… Думаю, шесть вспышек гетерохроматического облучения — и хватит. — Он помолчал. — Ик ам энд ек магти! — сказал дедуля наконец. — Все в порядке, Сонк, отправляй их.

Я отпустил ультрафиолетовый свет туда, откуда он появился.

— Значит, в первый год, дедуля? — спросил я, все еще сомневаясь.

— Примерно, — донесся ответ. — Ты знаешь, как это делается?

— Конечно, дедуля, — ответил я, наклонился и дал соответствующий толчок.

Последнее, что я услышал, был рев мистера Пью.

— Да что же здесь происходит? — вопил он. — Что вы тут придумали? Смотри, юный Хогбен, если… Куда нас посылают? Послушай, Сонк, предупреждаю тебя, если это какой-то фокус, я нашлю на тебя своего мальчугана! Он устроит тебе такое заклятие, которого да-да…

Тут голос его стал все тише и слабее и постепенно затих вдали, превратившись во что-то вроде жужжания комара. Во дворе наступила тишина.

Я замер на месте, напрягся, полный решимости сопротивляться превращению в Пью. Эти гены

— хитрющие существа.

Я был уверен, что дедуля совершил ужасную ошибку.

Мне было ясно, что произойдет, как только эти Пью попадут в первый год и начнут затем прыгать из столетия в столетие, приближаясь к нам.

Я плохо представлял, как давно от нас находится первый год, но не сомневался, что у Пью окажется достаточно времени, чтобы населить всю планету. В качестве меры предосторожности я сжал двумя пальцами переносицу, чтобы мои глаза не столкнулись друг с другом, когда начнут сближаться, подобно тому как это происходит со всеми нами, Пью…

— Ты еще не Пью, сынок, — хихикнул дедуля. — Ты их больше не видишь?

— Нет, — ответил я. — Что с ними происходит?

— Санки сбавляют скорость, — пояснил дедуля. — Остановились. Да, это действительно первый год нашего летосчисления. Ты только посмотри, как мужчины и женщины выскакивают из пещер, чтобы приветствовать новых компаньонов! А плечи у мужчин! Куда шире, чем даже у Пью-старшего! И… что за женщины! Клянусь, Пью-младший без труда найдет себе жену, когда наступит время.

— Дедуля, но это ужасно! — простонал я.

— Не перебивай старших, Сонк, — упрекнул дедуля. — Слушай, что там происходит. Малыш только что взялся за колдовство. Чей-то маленький мальчик упал. Его мать лупит Пью-младшего почем зря. Ага, теперь отец упавшего мальчика взялся за Пью-старшего. Ну что за драка! Ты только посмотри! Думаю, все в порядке — с семьей Пью там разберутся, Сонк.

— Как относительно нашей семьи? — спросил я, не скрывая горечи.

— Не беспокойся, Сонк, — заметил дедуля. — Время все уладит. Подожди минутку, я понаблюдаю. Гм… Когда знаешь, куда смотреть, поколение пролетает очень быстро. Какие безобразные существа эти десять маленьких Пью! Очень походят на своего папу и дедушку. Как жаль, что Лили Лу Мутц не видит своих внучат. Как интересно! Каждый из этих десяти малышей мгновенно повзрослел, и у каждого появился десяток своих отпрысков. Как приятно, что мои обещания сбываются, Сонк. Вот ведь я сказал, что сделаю это, — и сделал!

Я застонал.

— Ну хорошо, — деловито произнес дедуля. — Перенесемся на пару столетий вперед. Ага, вот

они! Все на месте и размножаются, как кролики. Да и семейное сходство ничуть не ослабевает. Гм… Теперь совершим прыжок на тысячу лет — господи боже мой! Да ведь это Древняя Греция! За все эти годы она ничуть не изменилась! Подумать только, Сонк!

Радостный смех дедули резал мне уши.

— Помнишь, я рассказывал однажды, что лицо Лили Лу напомнило мне о моей приятельнице по имени Горгона? И неудивительно! Все совершенно нормально! Ты бы только посмотрел на прапрапраправнуков Лили Лу! С другой стороны, как раз этого делать не стоит. Ну и ну, как интересно.

Наступило молчание, которое длилось минуты три. Затем послышался хохот дедули.

— Бах! Первый гетерохроматический прорыв. Теперь начинаются изменения.

— Какие изменения, дедуля? — спросил я упавшим голосом.

— Изменения, которые подтверждают, что твой старый дедуля совсем не такой дурак, как ты думаешь? Я знаю, что делать. Теперь, когда все началось, изменения будут следовать одно за другим. Смотри, вот второй скачок. Как быстро происходит мутация этих крохотных генов!

— Значит, дедуля, — спросил я с надеждой в голосе, — я все-таки не превращусь в одного из Пью? Но ведь мне казалось, дедуля, что мы обещали — династия Пью не прекратится?

— Я сдержал свое обещание, — сказал дедуля, полный достоинства. — Гены будут распространять это семейство до самого Судного дня. И вместе с ними сохранится способность к колдовству.

И он рассмеялся.

— На твоем месте я бы приготовился к неприятностям, Сонк, — предупредил он. — Мне показалось, что, когда папаша Пью исчезал во тьме прошлого, он пригрозил тебе заклятием. Так вот, он совсем не шутил. Это заклятие вот-вот настигнет тебя.

— Господи! — воскликнул я, полный смятения. — Но к тому времени, когда они прибудут в наш век, их будет не меньше миллиона! Что же мне делать, дедуля?

— Просто быть наготове. — В голосе дедули сочувствие начисто отсутствовало. — Ты думаешь, их будет миллион? Ошибаешься, намного больше.

— Сколько именно? — поинтересовался я.

Он начал называть число будущих Пью. Хотите

верьте, хотите нет, но дедуля все еще не кончил. Так их много.

Видите ли, оказалось, что это очень походило на семью Джюксов, которая жила к югу от нас. Те, что плохие, всегда немного хуже своих детей, и то же самое случилось с Генами Хромосомами и их потомками, так сказать. Династия Пью осталась династией Пью и сохранила способности колдовать — мне кажется, можно сказать, что они в конце концов покорили весь мир.

Все могло обернуться гораздо хуже. Все эти Пью могли остаться такого же размера на протяжении всех поколений. Вместо этого они начали уменьшаться, становились все меньше и меньше. Когда я видел их в человеческом образе, они были выше и крупнее большинства людей — по крайней мере, папочка Пью точно был огромным.

Но после того как прошло бесчисленное количество поколений Пью, начиная с первого года, они настолько уменьшились в росте, что теперь размером с этих крошечных бледных существ в крови. И постоянно сражаются с ними.

Эти Пью так пострадали от вспышек гетерохроматического излучения, о котором говорил мне дедуля, что утратили свои прежние размеры. Теперь их называют вирусами — конечно,

вирус примерно то же самое, что и ген, только он намного подвижнее. Призываю в свидетели небесные силы, это все равно что сравнивать потомков Джюкса с Джорджем Вашингтоном!

И тут на меня обрушилось заклятие.

Я принялся чихать. Затем услышал, как начал чихать дядя Лем, которого мы забыли в желтом автомобиле. Дедуля все еще говорил о том, сколько миллионов, миллионов, миллионов и так далее Пью нападает сейчас на меня, так что спрашивать его не имело смысла. Я скосил глаза и в самый момент чиха попытался рассмотреть, кто же это щекочет мне нос…

Никогда в жизни я не видел так много Пью-младших! Это было настоящее колдовство. Более того, эти Пью все еще трудятся, посылая проклятия на всех людей, которые живут на земле. Можно предположить, что их работа продлится еще долго, потому что династия Пью должна жить вечно — так обещал дедуля.

Я слышал, что некоторые вирусы трудно разглядеть даже в микроскоп. Представляете, как будут удивлены все эти прохвессоры, когда им удастся должным образом сфокусировать микроскоп и они увидят в поле зрения этих бледных дьяволят с одутловатыми лицами, безобразных, как смерт-

ный грех, с глазами, сидящими вплотную друг к другу, заколдовывающих всех, кого увидят!

Потребовалось немало времени с первого года, но Гены Хромосомы добились своего с помощью дедули. Так что теперь Пью-младший больше не доставляет неприятностей.

Впрочем, нет, доставляет — всякий раз, когда я простужаюсь в холодную погоду.

Механическое эго

Никлас Мартин посмотрел через стол на робота.

— Я не стану спрашивать, что вам здесь нужно, — сказал он придушенным голосом. — Я понял. Идите и передайте Сен-Сиру, что я согласен. Скажите ему, что я в восторге оттого, что в фильме будет робот. Все остальное у нас уже есть. Но совершенно ясно, что камерная пьеса о сочельнике в селении рыбаков-португальцев на побережье Флориды никак не может обойтись без робота. Однако почему один, а не шесть? Скажите ему, что меньше чем на дюжину роботов я не согласен. А теперь убирайтесь.

— Вашу мать звали Елена Глинская? — спросил робот, пропуская тираду Мартина мимо ушей.

— Нет, — отрезал тот.

— А! Ну так значит, она была Большая Волосатая, — пробормотал робот.

Мартин снял ноги с письменного стола и медленно расправил плечи.

— Не волнуйтесь, — поспешно сказал робот. — Вас избрали для экологического эксперимента,

только и всего. Это совсем не больно. Там, откуда я явился, роботы представляют собой одну из законных форм жизни, и вам незачем…

— Заткнитесь! — потребовал Мартин. — Тоже мне робот! Статист несчастный! На этот раз Сен-Сир зашел слишком далеко. — Он затрясся всем телом под влиянием какой-то сильной, но подавленной эмоции. Затем его взгляд упал на внутренний телефон, и, нажав на кнопку, он потребовал: — Дайте мисс Эшби! Немедленно!

— Мне очень неприятно, — виноватым тоном сказал робот. — Может быть, я ошибся? Пороговые колебания нейронов всегда нарушают мою мнемоническую норму, когда я темперирую. Ваша жизнь вступила в критическую фазу, не так ли?

Мартин тяжело задышал, и робот усмотрел в этом доказательство своей правоты.

— Вот именно, — объявил он. — Экологический дисбаланс приближается к пределу, смертельному для данной жизненной формы, если только… гм-гм… Либо на вас вот-вот наступит мамонт, вам на лицо наденут железную маску, вас прирежут илоты, либо… Погодите-ка, я говорю на санскрите? — Он покачал сверкающей головой. — Наверное, мне следовало сойти пятьдесят

лет назад, но мне показалось… Прошу извинения, всего хорошего, — поспешно добавил он, когда Мартин устремил на него яростный взгляд.

Робот приложил пальцы к своему, естественно, неподвижному рту и развел их от уголков в горизонтальном направлении, словно рисуя виноватую улыбку.

— Нет, вы не уйдете! — заявил Мартин. — Стойте где стоите, чтобы у меня злость не остыла! И почему только я не могу осатанеть как следует и надолго? — закончил он жалобно, глядя на телефон.

— А вы уверены, что вашу мать звали не Елена Глинская? — спросил робот, приложив большой и указательный палец к номинальной переносице, отчего Мартину вдруг показалось, что его посетитель озабоченно нахмурился.

— Конечно уверен, — рявкнул он.

— Так, значит, вы еще не женились? На Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

— Не женился и не женюсь! — отрезал Мартин и схватил трубку звонившего телефона.

— Это я, Ник! — раздался спокойный голос Эрики Эшби. — Что-нибудь случилось?

Мгновенно пламя ярости в глазах Мартина угасло и сменилось розовой нежностью. Последние

несколько лет он отдавал Эрике, весьма энергичному литературному агенту, десять процентов своих гонораров. Кроме того, он изнывал от безнадежного желания отдать ей примерно фунт своего мяса — сердечную мышцу, если воспользоваться холодным научным термином. Но Мартин не воспользовался этим термином и никаким другим, ибо при любой попытке сделать Эрике предложение им овладевала неизбывная робость и он начинал лепетать что-то про зеленые луга.

— Так в чем дело? Что-нибудь случилось? — повторила Эрика.

— Да, — произнес Мартин, глубоко вздохнув. — Может Сен-Сир заставить меня жениться на какой-то Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

— Ах, какая у вас замечательная память! — печально вставил робот. — И у меня была такая же, пока я не начал температировать. Но даже радиоактивные нейроны не выдержат…

— Формально ты еще сохраняешь право на жизнь, свободу и так далее, — ответила Эрика. — Но сейчас я очень занята, Ник. Может быть, поговорим об этом, когда я приду?

— А когда?

— Разве тебе не передали, что я звонила? — вспылила Эрика.

— Конечно нет! — сердито крикнул Мартин. — Я уже давно подозреваю, что дозвониться ко мне можно только с разрешения Сен-Сира. Вдруг кто-нибудь тайком пошлет в мою темницу слово одобрения или даже напильник? — Его голос повеселел. — Думаешь устроить мне побег?

— Это возмутительно! — объявила Эрика. — В один прекрасный день Сен-Сир перегнет палку…

— Не перегнет, пока он может рассчитывать на Диди, — угрюмо сказал Мартин.

Кинокомпания «Вершина» скорее поставила бы фильм, пропагандирующий атеизм, чем рискнула бы обидеть свою несравненную кассовую звезду Диди Флеминг. Даже Толливер Уотт, единоличный владелец «Вершины», не спал по ночам, потому что Сен-Сир не разрешал прелестной Диди подписать долгосрочный контракт.

— Тем не менее Уотт совсем не глуп, — сказала Эрика. — Я по-прежнему убеждена, что он согласится расторгнуть контракт, если только мы докажем ему, какое ты убыточное помещение капитала. Но времени у нас почти нет.

— Почему?

— Я же сказала тебе… Ах да! Конечно, ты не знаешь. Он завтра вечером уезжает в Париж.

Мартин испустил глухой стон.

— Значит, мне нет спасения, — сказал он. — На следующей неделе мой контракт будет автоматически продлен, и я уже никогда не вздохну свободно. Эрика, сделай что-нибудь!

— Попробую, — ответила Эрика. — Об этом я и хочу с тобой поговорить… А! — вскрикнула она внезапно. — Теперь мне ясно, почему Сен-Сир не разрешил передать тебе, что я звонила. Он боится. Знаешь, Ник, что нам следует сделать?

— Пойти к Уотту, — уныло подсказал Ник. — Но, Эрика…

— Пойти к Уотту, когда он будет один, — подчеркнула Эрика.

— Сен-Сир этого не допустит.

— Именно. Конечно, Сен-Сир не хочет, чтобы мы поговорили с Уоттом с глазу на глаз, — а вдруг мы его убедим? Но все-таки мы должны как-нибудь это устроить. Один из нас будет говорить с Уоттом, а другой — отгонять Сен-Сира. Что ты предпочтешь?

— Ни то и ни другое, — тотчас ответил Мартин.

— О Ник! Одной мне это не по силам. Можно подумать, что ты боишься Сен-Сира!

— И боюсь!

— Глупости. Ну что он может тебе сделать?

— Он меня терроризирует. Непрерывно. Эрика, он говорит, что я прекрасно поддаюсь обработке. У тебя от этого кровь в жилах не стынет? Посмотри на всех писателей, которых он обработал!

— Я знаю. Неделю назад я видела одного из них на Мэйн-стрит — он рылся в помойке. И ты тоже хочешь так кончить? Отстаивай же свои права!

— А! — сказал робот, радостно кивнув. — Так я и думал. Критическая фраза.

— Заткнись! — приказал Мартин. — Нет, Эрика, это я не тебе! Мне очень жаль.

— И мне тоже, — ядовито ответила Эрика. — На секунду я поверила, что у тебя появился характер.

— Будь я, например, Хемингуэем… — страдальческим голосом начал Мартин.

— Вы сказали, Хемингуэй? — спросил робот. — Значит, это эра Кинси — Хемингуэя? В таком случае я не ошибся. Вы — Никлас Мартин, мой следующий объект. Мартин… Мартин? Дайте подумать… Ах да! Тип Дизраэли. — Он со скрежетом потер лоб. — Бедные мои нейронные пороги! Теперь я вспомнил.

— Ник, ты меня слышишь? — осведомился в трубке голос Эрики. — Я сейчас же еду в студию. Соберись с силами. Мы затравим Сен-Сира в его

берлоге и убедим Уотта, что из тебя никогда не выйдет приличного сценариста. Теперь…

— Но Сен-Сир ни за что не согласится, — перебил Мартин. — Он не признает слова «неудача». Он постоянно твердит это. Он сделает из меня сценариста или убьет меня.

— Помнишь, что случилось с Эдом Кассиди? — мрачно напомнила Эрика. — Сен-Сир не сделал из него сценариста.

— Верно, бедный Эд! — вздрогнув, сказал Мартин.

— Ну хорошо, я еду. Что-нибудь еще?

— Да! — вскричал Мартин, набрав воздуха в легкие. — Да! Я безумно люблю тебя!

Но слова эти остались у него в гортани. Несколько раз беззвучно открыв и закрыв рот, трусливый драматург стиснул зубы и предпринял новую попытку. Жалкий писк заколебал телефонную мембрану. Мартин уныло поник. Нет, никогда у него не хватит духу сделать предложение — даже маленькому безобидному телефонному аппарату.

— Ты что-то сказал? — спросила Эрика. — Ну, пока.

— Погоди! — крикнул Мартин, случайно взглянув на робота. Немота овладевала им только в

определенных случаях, и теперь он поспешно продолжал: — Я забыл тебе сказать, Уотт и паршивец Сен-Сир только что наняли поддельного робота для «Анджелины Ноэл»!

Но трубка молчала.

— Я не поддельный, — сказал робот обиженно.

Мартин съежился в кресле и устремил на своего гостя безнадежный взгляд.

— Кинг-Конг тоже был неподдельный, — заметил он. — И не морочьте мне голову историями, которые продиктовал вам Сен-Сир. Я знаю, он старается меня деморализовать. И возможно, добьется своего. Только посмотрите, что он уже сделал из моей пьесы! Ну к чему там Фред Уоринг? На своем месте и Фред Уоринг хорош, я не спорю. Даже очень хорош. Но не в «Анджелине Ноэл». Не в роли португальского шкипера рыбачьего судна! Вместо команды — его оркестр, а Дэн Дейли поет «Неаполь» Диди Флеминг, одетой в русалочий хвост…

Ошеломив себя этим перечнем, Мартин положил локти на стол, спрятал лицо в ладонях и, к своему ужасу, заметил, что начинает хихикать. Зазвонил телефон. Мартин, не меняя позы, нащупал трубку.

— Кто говорит? — спросил он дрожащим голо-

сом. — Кто? Сен-Сир…

По проводу пронесся хриплый рык. Мартин выпрямился как ужаленный и стиснул трубку обеими руками.

— Послушайте! — крикнул он. — Дайте мне хоть раз договорить. Робот в «Анджелине Ноэл» — это уж просто…

— Я не слышу, что вы бормочете, — ревел густой бас. — Дрянь мыслишка. Что бы вы там ни предлагали. Немедленно в первый зал для просмотра вчерашних кусков. Сейчас же!

— Погодите…

Сен-Сир рыкнул, и телефон умолк. На миг руки Мартина сжали трубку, как горло врага. Что толку! Его собственное горло сжимала удавка, и Сен-Сир вот уже четвертый месяц затягивал ее все туже. Четвертый месяц… а не четвертый год? Вспоминая прошлое, Мартин едва мог поверить, что еще совсем недавно он был свободным человеком, известным драматургом, автором пьесы «Анджелина Ноэл», гвоздя сезона. А потом явился Сен-Сир…

Режиссер в глубине души был снобом и любил накладывать лапу на гвозди сезона и на известных писателей. Кинокомпания «Вершина», рычал он на Мартина, ни на йоту не отклонится

от пьесы и оставит за Мартином право окончательного одобрения сценария при условии, что он подпишет контракт на три месяца в качестве соавтора сценария. Условия были настолько хороши, что казались сказкой, и справедливо.

Мартина погубил отчасти мелкий шрифт, а отчасти грипп, из-за которого Эрика Эшби как раз в это время попала в больницу. Под слоями юридического пустословия прятался пункт, обрекавший Мартина на пятилетнюю рабскую зависимость от кинокомпании «Вершина», буде таковая компания сочтет нужным продлить его контракт. И на следующей неделе, если справедливость не восторжествует, контракт будет продлен — это Мартин знал твердо.

— Я бы выпил чего-нибудь, — устало сказал Мартин и посмотрел на робота. — Будьте добры, подайте мне вон ту бутылку виски.

— Но я тут для того, чтобы провести эксперимент по оптимальной экологии, — возразил робот.

Мартин закрыл глаза и сказал умоляюще:

— Налейте мне виски, пожалуйста. А потом дайте рюмку прямо мне в руки, ладно? Это ведь не трудно. В конце концов, мы с вами все-таки люди.

— Да нет, — ответил робот, всовывая полный бокал в шарящие пальцы драматурга. Мартин отпил. Потом открыл глаза и удивленно уставился на большой бокал для коктейлей — робот до краев налил его чистым виски. Мартин недоуменно взглянул на своего металлического собеседника.

— Вы, наверное, пьете как губка, — сказал он задумчиво. — Надо полагать, это укрепляет невосприимчивость к алкоголю. Валяйте, угощайтесь. Допивайте бутылку.

Робот прижал пальцы ко лбу над глазами и провел две вертикальные черты, словно вопросительно поднял брови.

— Валяйте, — настаивал Мартин. — Или вам совесть не позволяет пить мое виски?

— Как же я могу пить? — спросил робот. — Ведь я робот. — В его голосе появилась тоскливая нотка. — А что при этом происходит? — поинтересовался он. — Смазка или заправка горючим?

Мартин поглядел на свой бокал.

— Заправка горючим, — сказал он сухо. — Высокооктановым. Вы так вошли в роль? Ну бросьте…

— А, принцип раздражения! — перебил робот. — Понимаю. Идея та же, что при ферментации мамонтового молока.

Мартин поперхнулся.

— А вы когда-нибудь пили ферментированное мамонтовое молоко? — осведомился он.

— Как же я могу пить? — повторил робот. — Но я видел, как его пили другие. — Он провел вертикальную черту между своими невидимыми бровями, что придало ему грустный вид. — Разумеется, мой мир совершенно функционален и функционально совершенен, и тем не менее темпорирование — весьма увлекательное… — Он оборвал фразу. — Но я зря трачу пространство-время. Так вот, мистер Мартин, не согласитесь ли вы…

— Ну выпейте же, — сказал Мартин. — У меня припадок радушия. Давайте дернем по рюмочке. Ведь я вижу так мало радостей. А сейчас меня будут терроризировать. Если вам нельзя снять маску, я пошлю за соломинкой. Вы ведь можете на один глоток выйти из роли?

— Я был бы рад попробовать, — задумчиво сказал робот. — С тех пор как я увидел действие ферментированного мамонтового молока, мне захотелось и самому попробовать. Людям это, конечно, просто, но и технически это тоже нетрудно, я теперь понял. Раздражение увеличивает частоту каппа-волн мозга, как при резком скачке напряжения, но поскольку электрическо-

го напряжения не существовало в дороботовую эпоху…

— А оно существовало, — заметил Мартин, делая новый глоток. — То есть я хочу сказать — существует. А это что, по-вашему, мамонт? — Он указал на настольную лампу.

Робот разинул рот.

— Это? — переспросил он в полном изумлении. — Но в таком случае… в таком случае все телефоны, динамо и лампы, которые я заметил в этой эре, приводятся в действие электричеством!

— А что же, по-вашему, может приводить их в действие? — холодно спросил Мартин.

— Рабы, — ответил робот, внимательно осматривая лампу. Он включил свет, помигал им, а затем вывернул лампочку. — Напряжение, вы сказали?

— Не валяйте дурака, — посоветовал Мартин. — Вы переигрываете. Мне пора идти. Так будете вы пить или нет?

— Ну что ж, — сказал робот, — не хочу расстраивать компании. Это должно сработать.

И он сунул палец в пустой патрон. Раздался короткий треск, брызнули искры. Робот вытащил палец.

— F(t)… — сказал он и слегка покачнулся. Затем

его пальцы взметнулись к лицу и начертили улыбку, которая выражала приятное удивление.

— Fff(t)! — сказал он и продолжал сипло: — F(t) интеграл от плюс до минус бесконечности… А, деленное на n в степени e.

Мартин в ужасе вытаращил глаза. Он не знал, нужен ли здесь терапевт или психиатр, но не сомневался, что вызвать врача необходимо, и чем скорее, тем лучше. А может быть, и полицию. Статист в костюме робота был явно сумасшедшим. Мартин застыл в нерешительности, ожидая, что его безумный гость вот-вот упадет мертвым или вцепится ему в горло.

Робот с легким позвякиванием причмокнул губами.

— Какая прелесть! — сказал он. — И даже переменный ток!

— В-в-вы не умерли? — дрожащим голосом осведомился Мартин.

— Я даже не жил, — пробормотал робот. — В том смысле, как вы это понимаете. И спасибо за рюмочку.

Мартин глядел на робота, пораженный дикой догадкой.

— Так, значит, — задохнулся он, — значит… вы — робот?!

— Конечно, я робот, — ответил его гость. — Какое медленное мышление у вас, дороботов. Мое мышление сейчас работает со скоростью света. — Он оглядел настольную лампу с алкоголическим вожделением. — F(t)… То есть, если бы вы сейчас подсчитали каппа-волны моего радиоатомного мозга, вы поразились бы, как увеличилась частота. — Он помолчал. — F(t), — добавил он задумчиво.

Двигаясь медленно, как человек под водой, Мартин поднял бокал и глотнул виски. Затем опасливо взглянул на робота.

— F(t)… — сказал он, умолк, вздрогнул и сделал большой глоток. — Я пьян, — продолжал он с судорожным облегчением. — Вот в чем дело. Ведь я чуть было не поверил…

— Ну, сначала никто не верит, что я робот, — объявил робот. — Заметьте, я ведь появился на территории киностудии, где никому не кажусь подозрительным. Ивану Васильевичу я являюсь в лаборатории алхимика, и он сделает вывод, что я механический человек. Что, впрочем, и верно. Далее в моем списке значится уйгур; ему я являюсь в юрте шамана, и он решит, что я дьявол. Вопрос экологической логики — и только.

— Так, значит, вы — дьявол? — спросил Мар-

тин, цепляясь за единственное правдоподобное объяснение.

— Да нет же, нет! Я робот! Как вы не понимаете?

— А я теперь даже не знаю, кто я такой, — сказал Мартин. — Может, я вовсе фавн, а вы — дитя человеческое! По-моему, от этого виски мне стало только хуже и…

— Вас зовут Никлас Мартин, — терпеливо объяснил робот. — А меня ЭНИАК.

— Эньяк?

— ЭНИАК, — поправил робот, подчеркивая голосом, что все буквы заглавные. — ЭНИАК Гамма Девяносто Третий.

С этими словами он снял с металлического плеча сумку и принялся вытаскивать из нее бесконечную красную ленту, по виду шелковую, но отливающую странным металлическим блеском. Когда примерно четверть мили ленты легло на пол, из сумки появился прозрачный хоккейный шлем. По бокам шлема блестели два красно-зеленых камня.

— Как вы видите, они ложатся прямо на темпоральные доли, — сообщил робот, указывая на камни. — Вы наденете его на голову вот так…

— Нет, не надену, — сказал Мартин, проворно

отдергивая голову, — и вы мне его не наденете, друг мой. Мне не нравится эта штука. И особенно эти две красные стекляшки. Они похожи на глаза.

— Это искусственный эклогит, — успокоил его робот. — Просто у них высокая диэлектрическая постоянная. Нужно только изменить нормальные пороги нейронных контуров памяти — и все. Мышление базируется на памяти, как вам известно. Сила ваших ассоциаций, то есть эмоциональные индексы ваших воспоминаний, определяет ваши поступки и решения. А экологизер просто воздействует на электрическое напряжение вашего мозга так, что пороги изменяются.

— Только и всего? — подозрительно спросил Мартин.

— Ну-у... — уклончиво сказал робот. — Я не хотел об этом упоминать, но раз вы спрашиваете... Экологизер, кроме того, накладывает на ваш мозг типологическую матрицу. Но поскольку эта матрица взята с прототипа вашего характера, она просто позволяет вам наиболее полно использовать свои потенциальные способности, как наследственные, так и приобретенные. Она заставит вас реагировать на вашу среду именно

таким образом, какой обеспечит вам максимум шансов выжить.

— Мне он не обеспечит, — сказал Мартин твердо, — потому что на мою голову вы эту штуку не наденете.

Робот начертил растерянно поднятые брови.

— А, — начал он после паузы, — я же вам ничего не объяснил! Все очень просто. Разве вы не хотите принять участие в весьма ценном социально-культурном эксперименте, поставленном ради блага всего человечества?

— Нет! — объявил Мартин.

— Но ведь вы даже не знаете, о чем речь, — жалобно сказал робот. — После моих подробных объяснений мне еще никто не отказывал. Кстати, вы хорошо меня понимаете?

Мартин засмеялся замогильным смехом.

— Как бы не так! — буркнул он.

— Прекрасно, — с облегчением сказал робот. — Меня всегда может подвести память. Перед тем как я начинаю темпорирование, мне приходится программировать столько языков! Санскрит очень прост, но русский язык эпохи Средневековья весьма сложен, а уйгурский… Этот эксперимент должен способствовать установлению наиболее выгодной взаимосвязи между

человеком и его средой. Наша цель — мгновенная адаптация, и мы надеемся достичь ее, сведя до минимума поправочный коэффициент между индивидом и средой. Другими словами, нужная реакция в нужный момент. Понятно?

— Нет, конечно! — сказал Мартин. — Это какой-то бред.

— Существует, — продолжал робот устало, — очень ограниченное число матриц-характеров, зависящих, во-первых, от расположения генов внутри хромосом, а во-вторых, от воздействия среды; поскольку элементы среды имеют тенденцию повторяться, то мы можем легко проследить основную организующую линию по временно́й шкале Кальдекуза. Вам не трудно следовать за ходом моей мысли?

— По временной шкале Кальдекуза — нет, не трудно, — сказал Мартин.

— Я всегда объясняю чрезвычайно понятно, — с некоторым самодовольством заметил робот и взмахнул кольцом красной ленты.

— Уберите от меня эту штуку! — раздраженно вскрикнул Мартин. — Я, конечно, пьян, но не настолько, чтобы совать голову неизвестно куда!

— Сунете, — сказал робот твердо. — Мне еще никто не отказывал. И не спорьте со мной, а то вы

меня собьете и мне придется принять еще одну рюмочку напряжения. И тогда я совсем собьюсь. Когда я темпорирую, мне и так хватает хлопот с памятью. Путешествие во времени всегда создает синаптический порог задержки, но беда в том, что он очень варьируется. Вот почему я сперва спутал вас с Иваном. Но к нему я должен отправиться только после свидания с вами — я веду опыт хронологически, а тысяча девятьсот пятьдесят второй год идет, разумеется, перед тысяча пятьсот семидесятым.

— А вот и не идет, — сказал Мартин, поднося бокал к губам. — Даже в Голливуде тысяча девятьсот пятьдесят второй год не наступает перед тысяча пятьсот семидесятым.

— Я пользуюсь временной шкалой Кальдекуза, — объяснил робот. — Но только для удобства. Ну как, нужен вам идеальный экологический коэффициент или нет? Потому что… — Тут он снова взмахнул красной лентой, заглянул в шлем, пристально посмотрел на Мартина и покачал головой. — Простите, боюсь, что из этого ничего не выйдет. У вас слишком маленькая голова. Вероятно, мозг невелик. Этот шлем рассчитан на размер восемь с половиной, но ваша голова слишком…

— Восемь с половиной — мой размер, — с достоинством возразил Мартин.

— Не может быть, — лукаво заспорил робот. — В этом случае шлем был бы вам впору, а он вам велик.

— Он мне впору, — сказал Мартин.

— До чего же трудно разговаривать с дороботами, — заметил ЭНИАК, словно про себя. — Неразвитость, грубость, нелогичность. Стоит ли удивляться, что у них такие маленькие головы? Послушайте, мистер Мартин, — он словно обращался к глупому и упрямому ребенку, — попробуйте понять: размер этого шлема восемь с половиной; ваша голова, к несчастью, настолько мала, что шлем вам не впору…

— Черт побери! — в бешенстве крикнул Мартин, из-за досады и виски забывая об осторожности. — Он мне впору! Вот, смотрите! — Он схватил шлем и нахлобучил его на голову. — Сидит как влитой.

— Я ошибся, — признался робот, и его глаза так блеснули, что Мартин вдруг спохватился, поспешно сдернул шлем с головы и бросил его на стол. ЭНИАК неторопливо взял шлем, положил в сумку и принялся быстро свертывать ленту. Под недоумевающим взглядом Мартина он кончил

укладывать ленту, застегнул сумку, вскинул ее на плечо и повернулся к двери.

— Всего хорошего, — сказал робот, — и позвольте вас поблагодарить.

— За что? — свирепо спросил Мартин.

— За ваше любезное сотрудничество, — сказал робот.

— Я не собираюсь с вами сотрудничать! — отрезал Мартин. — И не пытайтесь меня убедить. Можете оставить свой патентованный курс лечения при себе, а меня…

— Но ведь вы уже прошли курс экологической обработки, — невозмутимо ответил ЭНИАК. — Я вернусь вечером, чтобы возобновить заряд. Его хватает только на двенадцать часов.

— Что?!

ЭНИАК провел указательными пальцами от уголков рта, вычерчивая вежливую улыбку. Затем он вышел и закрыл за собой дверь.

Мартин хрипло пискнул, словно зарезанная свинья с кляпом во рту.

У него в голове что-то происходило.

Никлас Мартин чувствовал себя как человек, которого внезапно сунули под ледяной душ. Нет, не под ледяной — под горячий. И к тому же ароматичный. Ветер, бивший в открытое окно, нес

с собой душную вонь — бензина, полыни, масляной краски и (из буфета в соседнем корпусе) бутербродов с ветчиной.

«Пьян, — думал Мартин с отчаянием, — я пьян или сошел с ума!»

Он вскочил и заметался по комнате, но тут же увидел щель в паркете и пошел по ней.

«Если я смогу пройти по прямой, — рассуждал он, — значит я не пьян… Я просто сошел с ума».

Мысль эта была не слишком утешительна.

Он прекрасно прошел по щели. Он мог даже идти гораздо прямее щели, которая, как он теперь убедился, была чуть-чуть извилистой. Никогда еще он не двигался с такой уверенностью и легкостью. В результате своего опыта он оказался в другом углу комнаты перед зеркалом, и когда он выпрямился, чтобы посмотреть на себя, хаос и смятение куда-то улетучились. Бешеная острота ощущений сгладилась и притупилась.

Все было спокойно. Все было нормально.

Мартин посмотрел в глаза своему отражению.

Нет, все не было нормально.

Он был трезв как стеклышко. Точно он пил не виски, а родниковую воду. Мартин наклонился к самому стеклу, пытаясь сквозь глаза заглянуть в глубины собственного мозга. Ибо там происходи-

ло нечто поразительное. По всей поверхности его мозга начали двигаться крошечные заслонки: одни закрывались почти совсем, оставляя лишь крохотную щель, в которую выглядывали глаза-бусинки нейронов, другие с легким треском открывались, и быстрые паучки — другие нейроны — бросались наутек, ища, где бы спрятаться.

Изменение порогов, положительной и отрицательной реакции конусов памяти, их ключевых эмоциональных индексов и ассоциаций… Ага!

— Робот!

Голова Мартина повернулась к закрытой двери. Но он остался стоять на месте. Выражение слепого ужаса на его лице начало медленно и незаметно для него меняться. Робот… может и подождать.

Машинально Мартин поднял руку, словно поправляя невидимый монокль. Позади зазвонил телефон. Мартин оглянулся.

Его губы искривились в презрительную улыбку.

Изящным движением смахнув пылинку с лацкана пиджака, Мартин взял трубку, но ничего не сказал. Наступило долгое молчание. Затем хриплый голос взревел:

— Алло, алло, алло! Вы слушаете? Я с вами го-

ворю, Мартин!

Мартин невозмутимо молчал.

— Вы заставляете меня ждать! — рычал голос. — Меня, Сен-Сира! Немедленно быть в зале! Просмотр начинается… Мартин, вы меня слышите?

Мартин осторожно положил трубку на стол. Он повернулся к зеркалу, окинул себя критическим взглядом и нахмурился.

— Бледно, — пробормотал он. — Без сомнения, бледно. Не понимаю, зачем я купил этот галстук?

Его внимание отвлекла бормочущая трубка. Он поглядел на нее, а потом громко хлопнул в ладоши у самого телефона. Из трубки донесся агонизирующий вопль.

— Прекрасно, — пробормотал Мартин, отворачиваясь. — Этот робот оказал мне большую услугу. Мне следовало бы понять это раньше. В конце концов, такая супермашина, как ЭНИАК, должна быть гораздо умнее человека, который всего лишь простая машина. Да, — прибавил он, выходя в холл и сталкиваясь с Тони Ла-Мотта, которая снималась в одном из фильмов «Вершины». — Мужчина — это машина, а женщина… — Тут он бросил на мисс Ла-Мотта такой многозначительный и высокомерный взгляд,

что она даже вздрогнула. — А женщина — игрушка, — докончил Мартин и направился к первому просмотровому залу, где его ждали Сен-Сир и судьба.

Киностудия «Вершина» на каждый эпизод тратила в десять раз больше пленки, чем он занимал в фильме, побив таким образом рекорд «Метро-Голдвин-Мейер». Перед началом каждого съемочного дня эти груды целлулоидных лент просматривались в личном просмотровом зале Сен-Сира — небольшой роскошной комнате с откидными креслами и всевозможными другими удобствами. На первый взгляд там вовсе не было экрана. Если второй взгляд вы бросали на потолок, то обнаруживали экран там.

Когда Мартин вошел, ему стало ясно, что с экологией что-то не так. Исходя из теории, будто в дверях появился прежний Никлас Мартин, просмотровый зал, купавшийся в дорогостоящей атмосфере изысканной самоуверенности, оказал ему ледяной прием. Ворс персидского ковра брезгливо съеживался под его святотатственными подошвами. Кресло, на которое он наткнулся в густом мраке, казалось, презрительно пожало спинкой. А три человека, сидевшие в зале, бросили на него взгляд, каким был бы испепелен

орангутанг, если бы он по нелепой случайности удостоился приглашения в Букингемский дворец.

Диди Флеминг (ее настоящую фамилию запомнить было невозможно, не говоря уж о том, что в ней не было ни единой гласной) безмятежно возлежала в своем кресле, уютно задрав ножки, сложив прелестные руки и устремив взгляд больших томных глаз на потолок, где Диди Флеминг в серебряных чешуйках цветной кинорусалки флегматично плавала в волнах жемчужного тумана.

Мартин в полутьме искал на ощупь свободное кресло. В его мозгу происходили странные вещи: крохотные заслонки продолжали открываться и закрываться, и он уже не чувствовал себя Никласом Мартином. Кем же он чувствовал себя в таком случае?

Он на мгновение вспомнил нейроны, чьи глаза-бусинки, чудилось ему, выглядывали из его собственных глаз и заглядывали в них. Но было ли это на самом деле? Каким бы ярким ни казалось воспоминание, возможно, это была только иллюзия. Напрашивающийся ответ был изумительно прост и ужасно логичен. ЭНИАК Гамма Девяносто Третий объяснил ему, — правда,

несколько смутно, — в чем заключался его экологический эксперимент. Мартин просто получил оптимальную рефлекторную схему своего удачливого прототипа, человека, который наиболее полно подчинил себе свою среду. И ЭНИАК назвал ему имя человека, правда, среди путаных ссылок на другие прототипы, вроде Ивана (какого?) и безымянного уйгура.

Прототипом Мартина был Дизраэли, граф Биконсфилд. Мартин живо вспомнил Джорджа Арлисса в этой роли. Умный, наглый, эксцентричный и в манере одеваться, и в манере держаться, пылкий, вкрадчивый, волевой, с плодовитым воображением…

— Нет, нет, нет, — сказала Диди с невозмутимым раздражением. — Осторожнее, Ник. Сядьте, пожалуйста, в другое кресло. На это я положила ноги.

— Т-т-т-т, — сказал Рауль Сен-Сир, выпячивая толстые губы и огромным пальцем указывая на скромный стул у стены. — Садитесь позади меня, Мартин. Да садитесь же, чтобы не мешать нам. И смотрите внимательно. Смотрите, как я творю великое из вашей дурацкой пьески. Особенно заметьте, как замечательно я завершаю соло пятью нарастающими падениями в воду. Ритм — это

все, — закончил он. — А теперь — ни звука.

Для человека, родившегося в крохотной балканской стране Миксо-Лидии, Рауль Сен-Сир сделал в Голливуде поистине блистательную карьеру. В тысяча девятьсот тридцать девятом году Сен-Сир, напуганный приближением войны, эмигрировал в Америку, забрав с собой катушки снятого им миксолидийского фильма, название которого можно перевести примерно так: «Поры на крестьянском носу».

Благодаря этому фильму он заслужил репутацию великого кинорежиссера, хотя на самом деле неподражаемые световые эффекты в «Порах» объяснялись бедностью, а актеры показали игру, неведомую в анналах киноистории, лишь потому, что были вдребезги пьяны. Однако критики сравнивали «Поры» с балетом и рьяно восхваляли красоту героини, ныне известной миру как Диди Флеминг.

Диди была столь невообразимо хороша, что по закону компенсации не могла не оказаться невообразимо глупой. И человек, рассуждавший так, не обманывался. Нейроны Диди не знали ничего. Ей доводилось слышать об эмоциях, и свирепый Сен-Сир умел заставить ее изобразить кое-какие из них, однако все другие режиссеры

теряли рассудок, пытаясь преодолеть семантическую стену, за которой покоился разум Диди — тихое зеркальное озеро дюйма в три глубиной. Сен-Сир просто рычал на нее. Этот бесхитростный первобытный подход был, по-видимому, единственным, который понимала прославленная звезда «Вершины».

Сен-Сир, властелин прекрасной безмозглой Диди, быстро очутился в высших сферах Голливуда. Он, без сомнения, был талантлив и одну картину мог бы сделать превосходно. Но этот шедевр он отснял двадцать с лишним раз — постоянно с Диди в главной роли и постоянно совершенствуя свой феодальный метод режиссуры. А когда кто-нибудь пытался возражать, Сен-Сиру достаточно было пригрозить, что он перейдет в «Метро-Голдвин-Мейер» и заберет с собой покорную Диди (он не разрешал ей подписывать длительные контракты, и для каждой картины с ней заключался новый контракт). Даже Толливер Уотт склонял голову, когда Сен-Сир угрожал лишить «Вершину» Диди.

— Садитесь, Мартин, — сказал Толливер Уотт.

Это был высокий, худой человек с длинным лицом, похожий на лошадь, которая голодает, потому что из гордости не желает есть сено.

С неколебимым сознанием своего всемогущества он на миллиметр наклонил припудренную сединой голову, а на его лице промелькнуло довольное выражение.

— Будьте добры, коктейль, — сказал он.

Неизвестно откуда возник официант в белой куртке и бесшумно скользнул к нему с подносом. Как раз в эту секунду последняя заслонка в мозгу Мартина встала на свое место, и, подчиняясь импульсу, он протянул руку и взял с подноса запотевший бокал. Официант, не заметив этого, скользнул дальше и, склонившись, подал Уотту сверкающий поднос, на котором ничего не было. Уотт и официант оба уставились на поднос.

Затем их взгляды встретились.

— Слабоват, — сказал Мартин, ставя бокал на поднос. — Принесите мне, пожалуйста, другой. Я переориентируюсь для новой фазы с оптимальным уровнем, — сообщил он ошеломленному Уотту и, откинув кресло рядом с великим человеком, небрежно опустился в него. Как странно, что прежде на просмотрах он всегда бывал угнетен! Сейчас он чувствовал себя прекрасно. Непринужденно. Уверенно.

— Виски с содовой мистеру Мартину, — невозмутимо сказал Уотт. — И еще один коктейль

мне.

— Ну, ну, ну! Мы начинаем! — нетерпеливо крикнул Сен-Сир.

Он что-то сказал в микрофон, и тут же экран на потолке замерцал, зашелестел, и на нем замелькали отрывочные эпизоды — хор русалок, танцуя на хвостах, двигался по улицам рыбачьей деревушки во Флориде.

Чтобы постигнуть всю гнусность судьбы, уготованной Никласу Мартину, необходимо посмотреть хоть один фильм Сен-Сира. Мартину казалось, что мерзостнее этого на пленку не снималось ничего и никогда. Он заметил, что Сен-Сир и Уотт недоумевающе поглядывают на него. В темноте он поднял указательные пальцы и начертил роботообразную усмешку. Затем, испытывая упоительную уверенность в себе, закурил сигарету и расхохотался.

— Вы смеетесь? — немедленно вспыхнул Сен-Сир. — Вы не цените великого искусства? Что вы о нем знаете, а? Вы что — гений?

— Это, — сказал Мартин снисходительно, — мерзейший фильм, когда-либо заснятый на пленку.

В наступившей мертвой тишине Мартин изящным движением стряхнул пепел и добавил:

— С моей помощью вы еще можете не стать посмешищем всего континента. Этот фильм до последнего метра должен быть выброшен в корзину. Завтра рано поутру мы начнем все сначала и…

Уотт сказал негромко:

— Мы вполне способны сами сделать фильм из «Анджелины Ноэл», Мартин.

— Это художественно! — взревел Сен-Сир. — И принесет большие деньги!

— Деньги? Чушь! — коварно заметил Мартин и щедрым жестом стряхнул новую колбаску пепла. — Кого интересуют деньги? О них пусть думает «Вершина».

Уотт наклонился и, щурясь в полумраке, внимательно посмотрел на Мартина.

— Рауль, — сказал он, оглянувшись на Сен-Сира, — насколько мне известно, вы приводите своих… э… новых сценаристов в форму. На мой взгляд, это не…

— Да, да, да, да! — возбужденно крикнул Сен-Сир. — Я их привожу в форму! Горячечный припадок, а? Мартин, вы хорошо себя чувствуете? Голова у вас в порядке?

Мартин усмехнулся спокойно и уверенно.

— Не тревожьтесь, — объявил он. — Деньги,

которые вы на меня расходуете, я возвращаю вам с процентами в виде престижа. Я все прекрасно понимаю. Наши конфиденциальные беседы, вероятно, известны Уотту.

— Какие еще конфиденциальные беседы? — прогрохотал Сен-Сир и густо побагровел.

— Ведь мы ничего не скрываем от Уотта, не так ли? — не моргнув глазом, продолжал Мартин. — Вы наняли меня ради престижа, и престиж вам обеспечен, если только вы не станете зря разевать пасть. Благодаря мне имя Сен-Сира покроется славой. Конечно, это может сказаться на сборах, но подобная мелочь…

— Пджрзксгл! — возопил Сен-Сир на своем родном языке и, восстав из кресла, взмахнул микрофоном, зажатым в огромной волосатой лапе.

Мартин ловко изогнулся и вырвал у него микрофон.

— Остановите показ! — распорядился он властно.

Все это было очень странно. Каким-то дальним уголком сознания он понимал, что при нормальных обстоятельствах никогда не посмел бы вести себя так, но в то же время был твердо убежден, что впервые его поведение стало по-настоящему нормальным. Он ощущал блаженный жар

уверенности, что любой его поступок окажется правильным, во всяком случае, пока не истекут двенадцать часов действия матрицы.

Экран нерешительно замигал и погас.

— Зажгите свет! — приказал Мартин невидимому духу, скрытому за микрофоном.

Комнату внезапно залил мягкий свет, и по выражению на лицах Уотта и Сен-Сира Мартин понял, что оба они испытывают смутную и нарастающую тревогу.

Ведь он дал им немалую пищу для размышлений — и не только это. Он попробовал вообразить, какие мысли сейчас теснятся в их мозгу, пробираясь через лабиринт подозрений, которые он так искусно посеял.

Мысли Сен-Сира отгадывались без труда. Миксолидиец облизнул губы — что было нелегкой задачей, — и его налитые кровью глаза обеспокоенно впились в Мартина. С чего это сценарист заговорил так уверенно? Что это значит? Какой тайный грех Сен-Сира он узнал, какую обнаружил ошибку в контракте, что осмеливается вести себя так нагло?

Толливер Уотт представлял проблему иного рода. Тайных грехов за ним, по-видимому, не водилось, но и он как будто встревожился. Мартин

сверлил взглядом гордое лошадиное лицо, выискивая скрытую слабость. Да, справиться с Уоттом будет потруднее, но он сумеет сделать и это.

— Последний подводный эпизод, — сказал он, возвращаясь к прежней теме, — это невообразимая чепуха. Его надо вырезать. Сцену будем снимать из-под воды.

— Молчать! — взревел Сен-Сир.

— Но это единственный выход, — настаивал Мартин. — Иначе она окажется не в тон тому, что я написал теперь. Собственно говоря, я считаю, что весь фильм надо снимать из-под воды. Мы могли бы использовать приемы документального кино.

— Рауль, — внезапно сказал Уотт. — К чему он клонит?

— Он клонит, конечно, к тому, чтобы порвать свой контракт, — ответил Сен-Сир, наливаясь оливковым румянцем. — Это скверный период, через который проходят все мои сценаристы, прежде чем я приведу их в форму. В Миксо-Лидии…

— А вы уверены, что сумели привести его в форму? — спросил Уотт.

— Это для меня теперь уже личный вопрос, — ответил Сен-Сир, сверля Мартина яростным

взглядом. — Я потратил на этого человека почти три месяца и не намерен расходовать мое драгоценное время на другого. Просто он хочет, чтобы с ним расторгли контракт. Штучки, штучки, штучки.

— Это верно? — холодно спросил Уотт у Мартина.

— Уже нет, — ответил Мартин, — я передумал. Мой агент полагает, что мне нечего делать в «Вершине». Собственно говоря, она считает, что это плачевный мезальянс. Но мы впервые расходимся с ней в мнениях. Я начинаю видеть кое-какие возможности даже в той дряни, которой Сен-Сир уже столько лет кормит публику. Разумеется, я не могу творить чудеса. Зрители привыкли ожидать от «Вершины» помоев, и их даже приучили любить эти помои. Но мы постепенно перевоспитаем их — и начнем с этой картины. Я полагаю, нам следует символизировать ее экзистенциалистскую безнадежность, завершив фильм четырьмястами метрами морского пейзажа — ничего, кроме огромных волнующихся протяжений океана, — докончил он со вкусом.

Огромное волнующееся протяжение Рауля Сен-Сира поднялось с кресла и надвинулось на Мартина.

— Вон! Вон! — закричал он. — Назад в свой кабинет, ничтожество! Это приказываю я, Рауль Сен-Сир. Вон! Иначе я раздеру тебя на клочки и…

Мартин быстро перебил режиссера. Голос его был спокоен, но он знал, что времени терять нельзя.

— Видите, Уотт? — спросил драматург громко, перехватив недоумевающий взгляд Уотта. — Он не дает мне сказать вам ни слова, наверное, боится, как бы я не проговорился. Понятно, почему он гонит меня отсюда, — он чувствует, что пахнет жареным.

Сен-Сир, вне себя, наклонился и занес кулак. Но тут вмешался Уотт. Возможно, сценарист и правда пытается избавиться от контракта. Но за этим явно кроется и что-то другое. Слишком уж Мартин небрежен, слишком уверен в себе. Уотт решил разобраться во всем до конца.

— Тише, тише, Рауль, — сказал он категорическим тоном. — Успокойтесь! Я говорю вам — успокойтесь. Вряд ли нас устроит, если Ник подаст на вас в суд за оскорбление действием. Ваш артистический темперамент иногда заставляет вас забываться. Успокойтесь, и послушаем, что скажет Ник.

— Держите с ним ухо востро, Толливер! —

предостерегающе воскликнул Сен-Сир. — Они хитры, эти твари, хитры, как крысы. От них всего можно…

Мартин величественным жестом поднес микрофон ко рту. Не обращая ни малейшего внимания на разъяренного режиссера, он сказал властно:

— Соедините меня с баром, пожалуйста. Да… Я хочу заказать коктейль. Совершенно особый. А… э… «Елену Глинскую».

— Здравствуйте, — раздался в дверях голос Эрики Эшби. — Ник, ты здесь? Можно мне войти?

При звуке ее голоса по спине Мартина забегали блаженные мурашки. С микрофоном в руке он повернулся к ней, но, прежде чем он успел ответить, Сен-Сир взревел:

— Нет, нет, нет! Убирайтесь! Немедленно убирайтесь! Кто бы вы там ни были — вон!

Эрика — деловитая, хорошенькая, неукротимая — решительно вошла в зал и бросила на Мартина взгляд, выражавший долготерпеливую покорность судьбе. Она, несомненно, готовилась сражаться за двоих.

— Я здесь по делу, — холодно заявила она Сен-Сиру. — Вы не имеете права не допускать к автору его агента. Мы с Ником хотим поговорить с ми-

стером Уоттом.

— А, моя прелесть, садитесь! — произнес Мартин громким, четким голосом и встал с кресла. — Добро пожаловать! Я заказываю себе коктейль. Не хотите ли чего-нибудь?

Эрика взглянула на него с внезапным подозрением.

— Я не буду пить, — сказала она. — И ты не будешь. Сколько коктейлей ты уже выпил? Ник, если ты напился в такую минуту…

— И пожалуйста, поскорее, — холодно приказал Мартин в микрофон. — Он мне нужен немедленно, вы поняли? Да, коктейль «Елена Глинская». Может быть, он вам неизвестен? В таком случае слушайте внимательно: возьмите самый большой бокал, а впрочем, лучше даже пуншевую чашу… Наполните ее до половины охлажденным пивом. Поняли? Добавьте три мерки мятного ликера…

— Ник, ты с ума сошел! — с отвращением воскликнула Эрика.

— …и шесть мерок меда, — безмятежно продолжал Мартин. — Размешайте, но не взбивайте. «Елену Глинскую» ни в коем случае взбивать нельзя. Хорошенько охладите…

— Мисс Эшби, мы очень заняты, — внушитель-

но перебил его Сен-Сир, указывая на дверь. — Не сейчас. Извините. Вы мешаете. Немедленно уйдите.

— Впрочем, добавьте еще шесть мерок меду, — задумчиво проговорил Мартин в микрофон. — И немедленно пришлите его сюда. Если он будет здесь через шестьдесят секунд, вы получите премию. Договорились? Прекрасно. Я жду.

Он небрежно бросил микрофон Сен-Сиру.

Тем временем Эрика подобралась к Толливеру Уотту:

— Я только что говорила с Глорией Иден. Она готова заключить с «Вершиной» контракт на один фильм, если я дам согласие. Но я дам согласие, если вы расторгнете контракт с Никласом Мартином. Это мое последнее слово.

На лице Уотта отразилось приятное удивление.

— Мы, пожалуй, могли бы поладить, — ответил он тотчас (Уотт был большим поклонником мисс Иден и давно мечтал поставить с ней «Ярмарку тщеславия»). — Почему вы не привезли ее с собой? Мы могли бы…

— Ерунда! — завопил Сен-Сир. — Не обсуждайте этого, Толливер!

— Она в «Лагуне», — объяснила Эрика. — За-

молчите же, Сен-Сир. Я не намерена…

Но тут кто-то почтительно постучал в дверь. Мартин поспешил открыть ее и, как и ожидал, увидел официанта с подносом.

— Быстрая работа, — сказал он снисходительно, принимая большую запотевшую чашу, окруженную кубиками льда. — Прелесть, не правда ли?

Раздавшиеся позади гулкие вопли Сен-Сира заглушили возможный ответ официанта, который получил от Мартина доллар и удалился, явно борясь с тошнотой.

— Нет, нет, нет, нет! — рычал Сен-Сир. — Толливер, мы можем получить Глорию и сохранить этого сценариста; хотя он никуда не годится, но я уже потратил три месяца, чтобы выдрессировать его в сен-сировском стиле. Предоставьте это мне. В Миксо-Лидии мы…

Хорошенький ротик Эрики открывался и закрывался, но рев режиссера заглушал ее голос. А в Голливуде было всем известно, что Сен-Сир может так реветь часами без передышки. Мартин вздохнул, поднял наполненную до краев чашу, изящно ее понюхал и попятился к своему креслу. Когда его каблук коснулся полированной ножки, он грациозно споткнулся и с необыкновенной ловкостью опрокинул «Елену Глинскую» — пиво,

мед, мятный ликер и лед — на обширную грудь Сен-Сира.

Рык Сен-Сира сломал микрофон.

Мартин обдумал составные части новоявленного коктейля с большим тщанием. Тошнотворное пойло соединяло максимум элементов сырости, холода, липкости и вонючести.

Промокший Сен-Сир задрожал, как в ознобе, когда ледяной напиток обдал его ноги, и, выхватив платок, попробовал вытереться, но безуспешно. Носовой платок намертво прилип к брюкам, приклеенный к ним двенадцатью мерками меда. От режиссера разило мятой.

— Я предложил бы перейти в бар, — сказал Мартин, брезгливо сморщив нос. — Там, в отдельном кабинете, мы могли бы продолжить наш разговор вдали от этого… этого немножко слишком сильного благоухания мяты.

— В Миксо-Лидии, — задыхался Сен-Сир, надвигаясь на Мартина и хлюпая башмаками, — в Миксо-Лидии мы бросали собакам… мы варили в масле, мы…

— А в следующий раз, — сказал Мартин, — будьте так любезны не толкать меня под локоть, когда я держу в руках «Елену Глинскую». Право же, это весьма неприятно.

Сен-Сир набрал воздуха в грудь, Сен-Сир выпрямился во весь свой гигантский рост… и снова поник. Он выглядел как полицейский эпохи немого кино после завершения очередной погони — и знал это. Если бы он сейчас убил Мартина, даже в такой развязке все равно отсутствовал бы элемент классической трагедии. Он оказался бы в невообразимом положении Гамлета, убивающего дядю кремовыми тортами.

— Ничего не делать, пока я не вернусь! — приказал он, бросил на Мартина последний свирепый взгляд и, оставляя за собой мокрые следы, захлюпал к двери. Она с треском закрылась за ним, и на миг наступила тишина, только с потолка лилась тихая музыка, так как Диди уже распорядилась продолжать показ и теперь любовалась собственной прелестной фигурой, которая нежилась в пастельных волнах, пока они с Дэном Дейли пели дуэт о матросах, русалках и Атлантиде — ее далекой родине.

— А теперь, — объявил Мартин, с величавым достоинством поворачиваясь к Уотту, который растерянно смотрел на него, — я хотел бы поговорить с вами.

— Я не могу обсуждать вопросы, связанные с вашим контрактом, до возвращения Рауля, —

быстро сказал Уотт.

— Чепуха, — сказал Мартин твердо. — С какой стати Сен-Сир будет диктовать вам ваши решения? Без вас он не сумел бы снять ни одного кассового фильма, как бы ни старался. Нет, Эрика, не вмешивайся. Я сам этим займусь, прелесть моя.

Уотт встал.

— Извините, но я не могу это обсуждать, — сказал он. — Фильмы Сен-Сира приносят большие деньги, а вы неопыт…

— Потому-то я и вижу положение так ясно, — возразил Мартин. — Ваша беда в том, что вы проводите границу между артистическим и финансовым гением. Вы даже не замечаете, насколько необыкновенно то, как вы претворяете пластический материал человеческого сознания, создавая Идеального Зрителя. Вы — экологический гений, Толливер Уотт. Истинный художник контролирует свою среду, а вы с неподражаемым искусством истинного мастера постепенно преображаете огромную массу живого дышащего человечества в единого Идеального Зрителя…

— Извините, — повторил Уотт, но уже не так резко. — У меня, право, нет времени… Э-э-э…

— Ваш гений слишком долго оставался непри-

знанным, — поспешно сказал Мартин, подпуская восхищения в свой золотой голос. — Вы считаете, что Сен-Сир вам равен, и в титрах стоит только его имя, а не ваше, но в глубине души должны же вы сознавать, что честь создания его картин наполовину принадлежит вам! Разве Фидия не интересовал коммерческий успех? А Микеланджело? Коммерческий успех — это просто другое название функционализма, а все великие художники создают функциональное искусство. Второстепенные детали на гениальных полотнах Рубенса дописывали его ученики. Однако хвалу за них получал Рубенс, а не его наемники. Какой же из этого можно сделать вывод? Какой? — И тут Мартин, верно оценив психологию своего слушателя, умолк.

— Какой же? — спросил Уотт.

— Садитесь, — настойчиво сказал Мартин, — и я вам объясню. Фильмы Сен-Сира приносят доход, но именно вам они обязаны своей идеальной формой. Это вы, налагая матрицу своего характера на все и вся в «Вершине»…

Уотт медленно опустился в кресло. В его ушах властно гремели завораживающие взрывы дизраэлевского красноречия. Мартину удалось подцепить его на крючок. С непогрешимой мет-

костью он с первого же раза разгадал слабость Уотта: киномагнат вынужден был жить в среде профессиональных художников, и его томило смутное ощущение, что способность приумножать капиталы чем-то постыдна. Дизраэли приходилось решать задачи потруднее. Он подчинял своей воле парламенты.

Уотт заколебался, пошатнулся и пал. На это потребовалось всего десять минут. Через десять минут, опьянев от звонких похвал своим экономическим способностям, Уотт понял, что Сен-Сир — пусть и гений в своей области — не имеет права вмешиваться в планы экономического гения.

— С вашей широтой видения вы можете охватить все возможности и безошибочно выбрать правильный путь, — убедительно доказывал Мартин. — Прекрасно. Вам нужна Глория Иден. Вы чувствуете — не так ли? — что от меня толку не добиться. Лишь гении умеют мгновенно менять свои планы… Когда будет готов документ, аннулирующий мой контракт?

— Что? — спросил Уотт, плавая в блаженном головокружении. — А, да… Конечно. Аннулировать ваш контракт…

— Сен-Сир будет упорно цепляться за свои прошлые ошибки, пока «Вершина» не обанк-

ротится, — указал Мартин. — Только гений, подобный Толливеру Уотту, кует железо, пока оно горячо, когда ему представляется шанс обменять провал на успех, какого-то Мартина на единственную Иден.

— Гм, — сказал Уотт. — Да. Ну хорошо. — На его длинном лице появилось деловитое выражение. — Хорошо. Ваш контракт будет аннулирован после того, как мисс Иден подпишет контракт.

— И снова вы тонко проанализировали самую сущность дела, — рассуждал вслух Мартин. — Мисс Иден еще ничего твердо не решила. Если вы предоставите убеждать ее человеку вроде Сен-Сира, например, то все будет испорчено. Эрика, твоя машина здесь? Как быстро сможешь ты отвезти Толливера Уотта в «Лагуну»? Он единственный человек, который сумеет найти правильное решение для данной ситуации.

— Какой ситуа… Ах, да! Конечно, Ник. Мы отправляемся немедленно.

— Но… — начал Уотт.

Матрица Дизраэли разразилась риторическими периодами, от которых зазвенели стены. Златоуст играл на логике арпеджио и гаммы.

— Понимаю, — пробормотал оглушенный Уотт и покорно пошел к двери. — Да-да, конечно. Зай-

дите вечером ко мне домой, Мартин. Как только я получу подпись Иден, я распоряжусь, чтобы подготовили документы об аннулировании вашего контракта. Гм… Функциональный гений… — И, что-то блаженно лепеча, он вышел из зала.

Когда Эрика хотела последовать за ним, Мартин тронул ее за локоть.

— Одну минуту, — сказал он. — Не позволяй ему вернуться в студию, пока контракт не будет аннулирован. Ведь Сен-Сир легко перекричит меня. Но он попался на крючок. Мы…

— Ник, — сказала Эрика, внимательно вглядываясь в его лицо, — что произошло?

— Расскажу вечером, — поспешно сказал Мартин, так как до них донеслось отдаленное рыканье, которое, возможно, возвещало приближение Сен-Сира. — Когда у меня найдется свободная минута, я ошеломлю тебя. Знаешь ли ты, что я всю жизнь поклонялся тебе из почтительного далека? Но теперь увози Уотта от греха подальше. Быстрее!

Эрика только успела бросить на него изумленный взгляд, и Мартин вытолкал ее из зала. Ему показалось, что к этому изумлению примешивается некоторая радость.

— Где Толливер? — Оглушительный рев Сен-

Сира заставил Мартина поморщиться. Режиссер был недоволен, что брюки ему впору отыскались только в костюмерной. Он счел это личным оскорблением. — Куда вы дели Толливера? — вопил он.

— Пожалуйста, говорите громче, — небрежно кинул Мартин. — Вас трудно расслышать.

— Диди! — загремел Сен-Сир, бешено поворачиваясь к прелестной звезде, которая по-прежнему восхищенно созерцала Диди на экране над своей головой. — Где Толливер?

Мартин вздрогнул. Он совсем забыл про Диди.

— Вы не знаете, верно, Диди? — быстро подсказал он.

— Заткнитесь! — распорядился Сен-Сир. — А ты отвечай мне, ах ты... — И он прибавил выразительное многосложное слово на миксолидийском языке, которое возымело желанное действие.

Диди наморщила безупречный лобик.

— Толливер, кажется, ушел. У меня все это путается с фильмом. Он пошел домой, чтобы встретиться с Ником Мартином.

— Но Мартин здесь! — взревел Сен-Сир. — Думай же, думай.

— А в эпизоде был документ, аннулирующий контракт? — рассеянно спросила Диди.

— Документ, аннулирующий контракт? — прорычал Сен-Сир. — Это еще что? Никогда я этого не допущу, никогда, никогда, никогда! Диди, отвечай мне: куда пошел Уотт?

— Он куда-то поехал с этой агентшей, — ответила Диди. — Или это тоже было в эпизоде?

— Но куда, куда, куда?

— В Атлантиду, — с легким торжеством объявила Диди.

— Нет! — закричал Сен-Сир. — Это фильм! Из Атлантиды была родом русалка, а не Уотт.

— Толливер не говорил, что он родом из Атлантиды, — невозмутимо прожурчала Диди. — Он сказал, что едет в Атлантиду, а потом вечером встретится у себя дома с Ником Мартином и аннулирует его контракт.

— Когда? — в ярости крикнул Сен-Сир. — Подумай, Диди! В котором часу он…

— Диди, — сказал Мартин с вкрадчивой настойчивостью. — Вы ведь ничего не помните, верно?

Но Диди была настолько дефективна, что не поддалась воздействию даже матрицы Дизраэли. Она только безмятежно улыбнулась Мартину.

— Прочь с дороги, писака! — взревел Сен-Сир, надвигаясь на Мартина. — Твой контракт не будет аннулирован! Или ты думаешь, что можешь

зря расходовать время Сен-Сира? Это тебе даром не пройдет. Я разделаюсь с тобой, как разделался с Эдом Кассиди.

Мартин выпрямился и улыбнулся Сен-Сиру леденящей надменной улыбкой. Его пальцы играли воображаемым моноклем. Изящные периоды рвались с его языка. Оставалось только загипнотизировать Сен-Сира, как он загипнотизировал Уотта. Он набрал в легкие побольше воздуха, собираясь распахнуть шлюзы своего красноречия.

И Сен-Сир, варвар, на которого лощеная элегантность не производила ни малейшего впечатления, ударил Мартина в челюсть.

Ничего подобного, разумеется, в английском парламенте произойти не могло.

Когда вечером робот вошел в кабинет Мартина, он уверенным шагом направился прямо к письменному столу, вывинтил лампочку, нажал на кнопку выключателя и сунул палец в патрон. Раздался треск, посыпались искры. ЭНИАК выдернул палец из патрона и яростно потряс металлической головой.

— Как мне этого не хватало! — сказал он со вздохом. — Я весь день мотался по временной шкале Кальдекуза. Палеолит, неолит, техническая эра… Я даже не знаю, который теперь час.

Ну, как протекает ваше приспособление к среде?

Мартин задумчиво потер подбородок.

— Скверно, — вздохнул он. — Скажите, когда Дизраэли был премьер-министром, ему приходилось иметь дело с такой страной — Миксо-Лидией?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил робот. — А что?

— А то, что моя среда размахнулась и дала мне в челюсть, — лаконично объяснил Мартин.

— Значит, вы ее спровоцировали, — возразил ЭНИАК. — Кризис, сильный стресс всегда пробуждают в человеке доминантную черту его характера, а Дизраэли в первую очередь был храбр. В минуту кризиса его храбрость переходила в наглость, но он был достаточно умен и организовывал свою среду так, чтобы его наглость встречала отпор на том же семантическом уровне. Миксо-Лидия? Помнится, несколько миллионов лет назад она была населена гигантскими обезьянами с белой шерстью. Ах нет, вспомнил! Это государство с застоявшейся феодальной системой.

Мартин кивнул.

— Так же, как и эта киностудия, — сказал робот. — Беда в том, что вы встретились с челове-

ком, чья приспособляемость к среде совершеннее вашей. В этом все дело. Ваша киностудия только-только выходит из средневековья, и поэтому тут легко создается среда, максимально благоприятная для средневекового типа характера. Именно этот тип характера определял мрачные стороны средневековья. Вам же следует сменить эту среду на неотехнологическую, наиболее благоприятную для матрицы Дизраэли. В вашу эпоху феодализм сохраняется только в немногих окостеневших социальных ячейках вроде этой студии, а поэтому вам будет лучше уйти куда-нибудь еще. Помериться силами с феодальным типом может только феодальный тип.

— Но я не могу уйти куда-нибудь еще! — пожаловался Мартин. — То есть пока мой контракт не будет расторгнут. Его должны были аннулировать сегодня вечером, но Сен-Сир пронюхал, в чем дело, и ни перед чем не остановится, чтобы сохранить контракт, — если потребуется, он поставит мне еще один синяк. Меня ждет Уотт, но Сен-Сир уже поехал туда.

— Избавьте меня от ненужных подробностей, — сказал робот с досадой. — А если этот Сен-Сир — средневековый тип, то, разумеется, он спасует только перед ему подобной, но более сильной

личностью.

— А как поступил бы в этом случае Дизраэли? — спросил Мартин.

— Начнем с того, что Дизраэли никогда не оказался бы в подобном положении, — холодно ответил робот. — Экологизер может обеспечить вам идеальный экологический коэффициент только вашего собственного типа, иначе максимальная приспособляемость не будет достигнута. В России времен Ивана Дизраэли оказался бы неудачником.

— Может быть, вы объясните это подробнее? — задумчиво попросил Мартин.

— О, разумеется, — ответил робот и затараторил: — При принятии схемы хромосом прототипа все зависит от порогово-временны́х реакций конусов памяти мозга. Сила активации нейронов обратно пропорциональна количественному фактору памяти. Только реальный опыт мог бы дать вам воспоминания Дизраэли, однако ваши реактивные пороги были изменены так, что восприятие и эмоциональные индексы приблизились к величинам, найденным для Дизраэли.

— А! — сказал Мартин. — Ну а как бы вы, например, взяли верх над средневековым паровым катком?

— Подключив мой портативный мозг к паровому катку значительно больших размеров, — исчерпывающе ответил ЭНИАК.

Мартин погрузился в задумчивость. Его рука поднялась, поправляя невидимый монокль, а в глазах засветилось плодовитое воображение.

— Вы упомянули Россию времен Ивана. Какой же это Иван? Случайно, не…

— Иван Четвертый. И он был превосходно приспособлен к своей среде. Однако это к делу не относится. Несомненно, для нашего эксперимента вы бесполезны. Однако мы стараемся определить средние статистические величины, и если вы наденете экологизер себе на…

— Это ведь Иван Грозный? — перебил Мартин. — Послушайте, а не могли бы вы наложить на мой мозг матрицу характера Ивана Грозного?

— Вам это ничего не даст, — ответил робот. — Кроме того, у нашего эксперимента совсем другая цель. А теперь…

— Минуточку! Дизраэли не мог бы справиться со средневековым типом вроде Сен-Сира на своем семантическом уровне. Но если бы у меня были реактивные пороги Ивана Грозного, то я наверняка одержал бы верх. Сен-Сир, конечно, тяжелее меня, но он все-таки хоть на поверхно-

сти, а цивилизован… Погодите-ка! Он же на этом играет. До сих пор он имел дело лишь с людьми настолько цивилизованными, что они не могли пользоваться его методами. А если отплатить ему его собственной монетой, он не устоит. И лучше Ивана для этого никого не найти.

— Но вы не понимаете…

— Разве вся Россия не трепетала при одном имени Ивана?

— Да, Ро…

— Ну и прекрасно! — с торжеством перебил Мартин. — Вы наложите на мой мозг матрицу Ивана Грозного, и я разделаюсь с Сен-Сиром так, как это сделал бы Иван. Дизраэли был просто чересчур цивилизован. Хоть рост и вес имеют значение, но характер куда важнее. Внешне я совсем не похож на Дизраэли, однако люди реагировали на меня так, словно я — сам Джордж Арлисс. Цивилизованный силач всегда побьет цивилизованного человека слабее себя. Однако Сен-Сир еще ни разу не сталкивался с по-настоящему нецивилизованным человеком — таким, какой готов голыми руками вырвать сердце врага. — Мартин энергично кивнул. — Сен-Сира можно подавить на время — в этом я убедился. Но чтобы подавить его навсегда, потребуется

кто-нибудь вроде Ивана.

— Если вы думаете, что я собираюсь наложить на вас матрицу Ивана, то вы ошибаетесь, — объявил робот.

— И убедить вас никак нельзя?

— Я, — сказал ЭНИАК, — семантически сбалансированный робот. Конечно, вы меня не убедите.

«Я-то, может быть, и нет, — подумал Мартин, — но вот Дизраэли… Гм! „Мужчина — это машина“… Дизраэли был просто создан для улещивания роботов. Даже люди были для него машинами. А что такое ЭНИАК?»

— Давайте обсудим это, — начал Мартин, рассеянно пододвигая лампу поближе к роботу.

И разверзлись золотые уста, некогда сотрясавшие империи…

— Вам это не понравится, — отупело сказал робот некоторое время спустя. — Иван не годится для… Ах, вы меня совсем запутали! Вам нужно приложить глаз к… — Он начал вытаскивать из сумки шлем и четверть мили красной ленты.

— Подвяжем-ка серые клеточки моего досточтимого мозга! — сказал Мартин, опьянев от собственной риторики. — Надевайте его мне на голову. Вот так. И не забудьте — Иван Грозный. Я покажу Сен-Сиру Миксо-Лидию!

— Коэффициент зависит столько же от среды, сколько и от наследственности, — бормотал робот, нахлобучивая шлем на Мартина. — Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности, полученной через Елену Глинскую… Ну вот!

Он снял шлем с головы Мартина.

— Но ничего не происходит, — сказал Мартин. — Я не чувствую никакой разницы.

— На это потребуется несколько минут. Ведь теперь это совсем иная схема характера, чем ваша. Радуйтесь жизни, пока можете. Вы скоро познакомитесь с Ивано-эффектом. — Он вскинул сумку на плечо и нерешительно пошел к двери.

— Стойте, — тревожно окликнул его Мартин. — А вы уверены…

— Помолчите. Я что-то забыл. Какую-то формальность, до того вы меня запутали. Ну ничего, вспомню после — или раньше, в зависимости от того, где буду находиться. Увидимся через двенадцать часов… если увидимся!

Робот ушел. Мартин для проверки потряс головой. Затем встал и направился за роботом к двери. Но ЭНИАК исчез бесследно — только в середине коридора опадал маленький смерч пыли.

В голове Мартина что-то происходило…

Позади зазвонил телефон. Мартин ахнул от ужаса. С неожиданной, невероятной, жуткой, абсолютной уверенностью он понял, кто звонит.

Убийцы!!!

— Да, мистер Мартин, — раздался в трубке голос дворецкого Толливера Уотта. — Мисс Эшби здесь. Сейчас она совещается с мистером Уоттом и мистером Сен-Сиром, но я передам ей ваше поручение. Вы задержались, и она должна заехать за вами… куда?

— В чулан на втором этаже сценарного корпуса, — дрожащим голосом ответил Мартин. — Рядом с другими чуланами нет телефонов с достаточно длинным шнуром, и я не мог бы взять с собой аппарат. Но я вовсе не убежден, что и здесь мне не грозит опасность. Мне что-то не нравится выражение метлы слева от меня.

— Сэр?..

— А вы уверены, что вы действительно дворецкий Толливера Уотта? — нервно спросил Мартин.

— Совершенно уверен, мистер… э… мистер Мартин.

— Да, я мистер Мартин! — вскричал Мартин вызывающим, полным ужаса голосом. — По всем законам божеским и человеческим я — мистер

Мартин! И мистером Мартином я останусь, как бы ни пытались мятежные собаки низложить меня с места, которое принадлежит мне по праву.

— Да, сэр. Вы сказали — в чулане, сэр?

— Да, в чулане. И немедленно. Но поклянитесь не говорить об этом никому, кроме мисс Эшби, как бы вам ни угрожали. Я буду вам защитой.

— Да, сэр. Больше ничего?

— Больше ничего. Скажите мисс Эшби, чтобы она поторопилась. А теперь повесьте трубку. Нас могли подслушивать. У меня есть враги.

В трубке щелкнуло. Мартин положил ее на рычаг и опасливо оглядел чулан. Он внушал себе, что его страхи нелепы. Ведь ему нечего бояться, верно? Правда, тесные стены чулана грозно смыкались вокруг него, а потолок спускался все ниже…

В панике Мартин выскочил из чулана, перевел дух и расправил плечи.

— Ч-ч-чего бояться? — спросил он себя. — Никто и не боится!

Насвистывая, он пошел через холл к лестнице, но на полпути агорафобия взяла верх, и он уже не мог совладать с собой. Он нырнул к себе в кабинет и тихо потел от страха во мраке, пока не собрался с духом, чтобы зажечь лампу.

Его взгляд привлекла Британская энциклопедия в стеклянном шкафу. С бесшумной поспешностью Мартин снял том «Иберия-Лорд» и начал его листать. Что-то явно было очень и очень не так. Правда, робот предупреждал, что Мартину не понравится быть Иваном Грозным. Но может быть, это была вовсе не матрица Ивана? Может быть, робот по ошибке наложил на него чью-то другую матрицу — матрицу отъявленного труса? Мартин судорожно листал шуршащие страницы. Иван… Иван… А, вот оно!

Сын Елены Глинской… Женат на Анастасии Захарьиной-Кошкиной… В частной жизни творил неслыханные гнусности… Удивительная память, колоссальная энергия… Припадки дикой ярости… Большие природные способности, политическое провидение, предвосхитил идеи Петра Великого… Мартин покачал головой.

Но тут он прочел следующую строку, и у него перехватило дыхание.

Иван жил в атмосфере вечных подозрений и в каждом своем приближенном видел возможного изменника.

— Совсем как я, — пробормотал Мартин. — Но… Но Иван ведь не был трусом… Я не понимаю.

Коэффициент, сказал робот, зависит от среды,

так же как от наследственности. Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности.

Мартин со свистом втянул воздух. Среда вносит существенную поправку. Возможно, Иван Четвертый был по натуре трусом, но благодаря наследственности и среде эта черта не получила явного развития.

Иван был царем всея Руси.

Дайте трусу ружье, и, хотя он не перестанет быть трусом, эта черта будет проявляться совсем по-другому. Он может повести себя как вспыльчивый и воинственный тиран. Вот почему Иван экологически преуспевал — в своей особой среде. Он не подвергался стрессу, который выдвинул бы на первый план доминантную черту его характера. Подобно Дизраэли, он умел контролировать свою среду и устранять причины, которые вызвали бы стресс.

Мартин позеленел.

Затем он вспомнил про Эрику. Удастся ли ей как-нибудь отвлечь Сен-Сира, пока сам он будет добиваться от Уотта расторжения контракта? Если он сумеет избежать кризиса, то сможет держать свои нервы в узде, но… ведь повсюду убийцы!

Эрика уже едет в студию… Мартин судорожно сглотнул.

Он встретит ее за воротами студии. Чулан был ненадежным убежищем. Его могли поймать там, как крысу…

— Ерунда, — сказал себе Мартин с трепетной твердостью. — Это не я, и все тут. Надо взять себя в-в-в руки — и т-т-только. Давай, давай, взбодрись. Toujours l'audace[4].

Однако он вышел из кабинета и спустился по лестнице с величайшей осторожностью. Как знать… Если кругом одни враги…

Трясясь от страха, матрица Ивана Грозного прокралась к воротам студии.

Такси быстро ехало в Бел-Эйр.

— Но зачем ты залез на дерево? — спросила Эрика.

Мартин затрясся.

— Оборотень, — объяснил он, стуча зубами. — Вампир, ведьма и… Говорю тебе, я их видел. Я стоял у ворот студии, а они как кинутся на меня всей толпой.

— Но они просто возвращались в павильон после обеда, — сказала Эрика. — Ты же знаешь, что

---

[4] Примечания: 4
Да здравствует отвага *(фр.)*.

«Вершина» по вечерам снимает «Аббат и Костелло знакомы со всеми». Карлов и мухи не обидит.

— Я себе говорил это, — угрюмо пожаловался Мартин. — Но страх и угрызения совести совсем меня измучили. Видишь ли, я — гнусное чудовище, но это не моя вина. Все — среда. Я рос в самой тягостной и жестокой обстановке… А-а! Погляди сама.

Он указал на полицейского на перекрестке.

— Полиция! Предатель даже среди дворцовой гвардии!

— Дамочка, этот тип — псих? — спросил шофер.

— Безумен я или нормален — я Никлас Мартин! — объявил Мартин, внезапно меняя тон.

Он попытался властно выпрямиться, стукнулся головой о крышу, взвизгнул: «Убийцы!» — и съежился в уголке, тяжело дыша.

Эрика тревожно посмотрела на него.

— Ник, сколько ты выпил? — спросила она. — Что с тобой?

Мартин откинулся на спинку и закрыл глаза.

— Дай я немного приду в себя, Эрика, — умоляюще сказал он. — Все будет в порядке, как только я оправлюсь от стресса. Ведь Иван…

— Но взять аннулированный контракт из рук

Уотта ты сумеешь? — спросила Эрика. — На это-то тебя хватит?

— Хватит, — ответил Мартин бодрым, но дрожащим голосом.

Потом он передумал.

— При условии, если буду держать тебя за руку, — добавил он, не желая рисковать.

Это так возмутило Эрику, что на протяжении двух миль в такси царило молчание. Эрика над чем-то размышляла.

— Ты действительно очень переменился с сегодняшнего утра, — заметила она наконец. — Грозишь объясниться мне в любви, подумать только! Как будто я позволю что-нибудь подобное! Вот попробуй!

Наступило молчание. Эрика покосилась на Мартина.

— Я сказала — вот попробуй! — повторила она.

— Ах так? — спросил Мартин с трепещущей храбростью.

Он помолчал. Как ни странно, его язык, прежде отказывавшийся в присутствии Эрики произнести хотя бы слово на определенную тему, вдруг обрел свободу. Мартин не стал тратить время и рассуждать почему. Не дожидаясь наступления следующего кризиса, он немедленно излил Эрике

все свои чувства.

— Но почему ты никогда прежде этого не говорил? — спросила она, заметно смягчившись.

— Сам не понимаю, — ответил Мартин. — Так, значит, ты выйдешь за меня?

— Но почему ты…

— Ты выйдешь за меня?

— Да, — сказала Эрика, и наступило молчание.

Мартин облизнул пересохшие губы, так как заметил, что их головы совсем сблизились. Он уже собирался завершить объяснение традиционным финалом, как вдруг его поразила внезапная мысль. Вздрогнув, он отодвинулся.

Эрика открыла глаза.

— Э… — сказал Мартин. — Гм… Я только что вспомнил. В Чикаго сильная эпидемия гриппа. А эпидемии, как тебе известно, распространяются с быстротой лесного пожара. И грипп мог уже добраться до Голливуда, особенно при нынешних западных ветрах.

— Черт меня побери, если я допущу, чтобы моя помолвка обошлась без поцелуя! — объявила Эрика с некоторым раздражением. — А ну, поцелуй меня!

— Но я могу заразить тебя бубонной чумой, — нервно ответил Мартин. — Поцелуи передают

инфекцию. Это научный факт.

— Ник!

— Ну… не знаю… А когда у тебя в последний раз был насморк?

Эрика отодвинулась от него как могла дальше.

— Ах! — вздохнул Мартин после долгого молчания. — Эрика, ты…

— Не заговаривай со мной, тряпка! — сказала Эрика. — Чудовище! Негодяй!

— Я не виноват! — в отчаянии вскричал Мартин. — Я буду трусом двенадцать часов. Но я тут ни при чем. Завтра после восьми утра я хоть в львиную клетку войду, если ты захочешь. Сегодня же у меня нервы как у Ивана Грозного! Дай я хотя бы объясню тебе, в чем дело.

Эрика ничего не ответила, и Мартин принялся торопливо рассказывать свою длинную, малоправдоподобную историю.

— Не верю, — отрезала Эрика, когда он кончил, и покачала головой. — Но я пока еще остаюсь твоим агентом и отвечаю за твою писательскую судьбу. Теперь нам надо добиться одного — заставить Толливера Уотта расторгнуть контракт. И только об этом мы и будем сейчас думать. Ты понял?

— Но Сен-Сир…

— Разговаривать буду я. Ты можешь не говорить ни слова. Если Сен-Сир начнет тебя запугивать, я с ним разделаюсь. Но ты должен быть там, не то Сен-Сир придерется к твоему отсутствию, чтобы затянуть дело. Я его знаю.

— Ну вот, я опять в стрессовом состоянии! — в отчаянии крикнул Мартин. — Я не выдержу! Я же не русский царь!

— Дамочка, — сказал шофер, оглядываясь. — На вашем месте я бы дал ему от ворот поворот тут же на месте!

— Кому-нибудь не сносить за это головы! — зловеще пообещал Мартин.

— «По взаимному согласию контракт аннулируется…» Да-да, — сказал Уотт, ставя свою подпись на документе, который лежал перед ним на столе. — Ну вот и все. Но куда делся Мартин? Ведь он вошел с вами, я сам видел.

— Разве? — несколько невпопад спросила Эрика. Она сама ломала голову над тем, каким образом Мартин умудрился так бесследно исчезнуть. Может быть, он с молниеносной быстротой залез под ковер?

Отогнав эту мысль, она протянула руку за бумагой, которую Уотт начал аккуратно свертывать.

— Погодите, — сказал Сен-Сир, выпятив ниж-

нюю губу. — А как насчет пункта, дающего нам исключительное право на следующую пьесу Мартина?

Уотт перестал свертывать документ, и режиссер немедленно этим воспользовался.

— Что бы он там ни накропал, я сумею сделать из этого новый фильм для Диди. А, Диди? — Он погрозил сосискообразным пальцем прелестной звезде, которая послушно кивнула.

— Там будут только мужские роли, — поспешно сказала Эрика. — К тому же мы обсуждаем расторжение контракта, а не права на пьесу.

— Он дал бы мне это право, будь он здесь! — проворчал Сен-Сир, подвергая свою сигару невообразимым пыткам. — Почему, почему все ополчаются против истинного художника? — Он взмахнул огромным волосатым кулаком. — Теперь мне придется обламывать нового сценариста. Какая напрасная трата времени! А ведь через две недели Мартин стал бы сен-сировским сценаристом! Да и теперь еще не поздно…

— Боюсь, что поздно, Рауль, — с сожалением сказал Уотт. — Право же, бить Мартина сегодня в студии вам все-таки не следовало.

— Но… но он ведь не посмеет подать на меня в суд. В Миксо-Лидии…

— А, здравствуйте, Ник! — воскликнула Диди с сияющей улыбкой. — Зачем вы прячетесь за занавеской?

Глаза всех обратились к оконным занавескам, за которыми в этот миг с проворством вспугнутого бурундука исчезло белое как мел, искаженное ужасом лицо Никласа Мартина. Эрика торопливо сказала:

— Но это вовсе не Ник. Совсем даже не похож. Вы ошиблись, Диди.

— Разве? — спросила Диди, уже готовая согласиться.

— Ну конечно, — ответила Эрика и протянула руку к документу. — Дайте его мне, и я…

— Стойте! — по-бычьи взревел Сен-Сир.

Втянув голову в могучие плечи, он затопал к окну и отдернул занавеску.

— Ага, — зловещим голосом произнес режиссер. — Мартин!

— Ложь, — пробормотал Мартин, тщетно пытаясь скрыть свой рожденный стрессом ужас. — Я отрекся.

Сен-Сир, отступив на шаг, внимательно вглядывался в Мартина. Сигара у него во рту медленно задралась кверху. Губы режиссера растянула злобная усмешка.

Он потряс пальцем у самых трепещущих ноздрей драматурга.

— А, — сказал он, — к вечеру пошли другие песни, э? Днем ты был пьян! Теперь я все понял. Черпаешь храбрость в бутылке, как тут выражаются?

— Чепуха, — возразил Мартин, вдохновляясь взглядом, который бросила на него Эрика. — Кто это сказал? Это все ваши выдумки! О чем, собственно, речь?

— Что вы делали за занавеской? — спросил Уотт.

— Я вообще не был за занавеской, — доблестно объяснил Мартин. — Это вы были за занавеской, вы все. А я был перед занавеской. Разве я виноват, что вы все укрылись за занавеской в библиотеке, точно… точно заговорщики?

Последнее слово было выбрано очень неудачно — в глазах Мартина вновь вспыхнул ужас.

— Да, как заговорщики, — продолжал он нервно. — Вы думали, я ничего не знаю, а? А я все знаю! Вы тут все убийцы и плетете злодейские интриги. Вот, значит, где ваше логово! Всю ночь вы, наемные псы, гнались за мной по пятам, словно за раненым карибу, стараясь…

— Нам пора, — с отчаянием сказала Эрика. —

Мы и так еле-еле успеем поймать последнее кари… то есть последний самолет на восток.

Она протянула руку к документу, но Уотт вдруг спрятал его в карман и повернулся к Мартину.

— Вы дадите нам исключительное право на вашу следующую пьесу? — спросил он.

— Конечно даст! — загремел Сен-Сир, опытным взглядом оценив напускную браваду Мартина. — И в суд ты на меня не подашь, не то я тебя вздую как следует. Так мы делали в Миксо-Лидии. Собственно говоря, Мартин, вы вовсе и не хотите расторгать контракт. Это чистое недоразумение. Я сделаю из вас сен-сировского сценариста, и все будет хорошо. Вот так. Сейчас вы попросите Толливера разорвать эту бумажонку. Верно?

— Конечно нет! — крикнула Эрика. — Скажи ему это, Ник!

Наступило напряженное молчание. Уотт ждал с настороженным любопытством. И бедняжка Эрика тоже. В ее душе шла мучительная борьба между профессиональным долгом и презрением к жалкой трусости Мартина. Ждала и Диди, широко раскрыв огромные глаза, а на ее прекрасном лице играла веселая улыбка. Однако бой шел, бесспорно, между Мартином и Раулем Сен-Сиром.

Мартин в отчаянии расправил плечи. Он дол-

жен, должен показать себя подлинным Грозным — теперь или никогда. У него уже был гневный вид, как у Ивана, и он постарался сделать свой взгляд зловещим. Загадочная улыбка появилась на его губах. На мгновение он действительно обрел сходство с грозным русским царем — только, конечно, без бороды и усов. Мартин смерил миксолидийца взглядом, исполненным монаршего презрения.

— Вы порвете эту бумажку и подпишете соглашение с нами на вашу следующую пьесу, так? — сказал Сен-Сир, но с легкой неуверенностью.

— Что захочу, то и сделаю, — сообщил ему Мартин. — А как вам понравится, если вас заживо сожрут собаки?

— Право, Рауль, — вмешался Уотт, — попробуем уладить это, пусть даже…

— Вы предпочтете, чтобы я ушел в «Метро-Голдвин» и взял с собой Диди? — крикнул Сен-Сир, поворачиваясь к Уотту. — Он сейчас же подпишет! — И, сунув руку во внутренний карман, чтобы достать ручку, режиссер всей тушей надвинулся на Мартина.

— Убийца! — взвизгнул Мартин, неверно истолковав его движение.

На мерзком лице Сен-Сира появилась злорадная улыбка.

— Он у нас в руках, Толливер! — воскликнул миксолидиец с тяжеловесным торжеством, и эта жуткая фраза оказалась последней каплей.

Не выдержав подобного стресса, Мартин с безумным воплем шмыгнул мимо Сен-Сира, распахнул ближайшую дверь и скрылся за ней.

Вслед за ним несся голос валькирии Эрики:

— Оставьте его в покое! Или вам мало? Вот что, Толливер Уотт: я не уйду отсюда, пока вы не отдадите этот документ. А вас, Сен-Сир, я предупреждаю: если вы…

Но к этому времени Мартин уже успел проскочить пять комнат, и конец ее речи замер в отдалении. Он пытался заставить себя остановиться и вернуться на поле брани, но тщетно — стресс был слишком силен, ужас гнал его вперед по коридору, вынудил юркнуть в какую-то комнату и швырнул о какой-то металлический предмет. Отлетев от этого предмета и упав на пол, Мартин обнаружил, что перед ним ЭНИАК Гамма Девяносто Третий.

— Вот вы где, — сказал робот. — А я в поисках вас обшарил все пространство-время. Когда вы заставили меня изменить программу экспери-

мента, вы забыли дать мне расписку, что берете ответственность на себя. Раз объект пришлось снять из-за изменения в программе, начальство из меня все шестеренки вытрясет, если я не доставлю расписку с приложением глаза объекта.

Опасливо оглянувшись, Мартин поднялся на ноги.

— Что? — спросил он рассеянно. — Послушайте, вы должны изменить меня обратно в меня самого. Все меня пытаются убить. Вы явились как раз вовремя. Я не могу ждать двенадцать часов. Измените меня немедленно.

— Нет, я с вами покончил, — бессердечно ответил робот. — Когда вы настояли на наложении чужой матрицы, вы перестали быть необработанным объектом и для продолжения опыта теперь не годитесь. Я бы сразу взял у вас расписку, но вы совсем меня заморочили вашим дизраэлиевским красноречием. Ну-ка, подержите вот это у своего левого глаза двадцать секунд. — Он протянул Мартину блестящую металлическую пластинку. — Она уже заполнена и сенсибилизирована. Нужен только отпечаток вашего глаза. Приложите его, и больше вы меня не увидите.

Мартин отпрянул.

— А что будет со мной? — спросил он дрожа-

щим голосом.

— Откуда я знаю? Через двенадцать часов матрица сотрется, и вы снова станете самим собой. Прижмите пластинку к глазу.

— Прижму, если вы превратите меня в меня, — попробовал торговаться Мартин.

— Не могу — это против правил. Хватит и одного нарушения, даже с распиской. Но чтобы два? Ну нет! Прижмите ее к левому глазу…

— Нет, — сказал Мартин с судорожной твердостью. — Не прижму.

ЭНИАК внимательно поглядел на него.

— Прижмите, — повторил робот. — Не то я на вас топну ногой.

Мартин слегка побледнел, но с отчаянной решимостью затряс головой.

— Нет и нет! Ведь если я немедленно не избавлюсь от матрицы Ивана, Эрика не выйдет за меня замуж и Уотт не освободит меня от контракта. Вам только нужно надеть на меня этот шлем. Неужто я прошу чего-то невозможного?

— От робота? Разумеется, — сухо ответил ЭНИАК. — И довольно мешкать. К счастью, на вас наложена матрица Ивана и я могу навязать вам мою волю. Сейчас же отпечатайте на пластинке свой глаз, ну?!

Мартин стремительно нырнул за диван. Робот угрожающе двинулся за ним, но тут Мартин нашел спасительную соломинку и уцепился за нее.

Он встал и посмотрел на робота.

— Погодите, вы не поняли, — сказал он. — Я же не в состоянии отпечатать свой глаз на этой штуке. Со мной у вас ничего не выйдет. Как вы не понимаете? На ней должен остаться отпечаток…

— …рисунка сетчатки, — докончил робот. — Ну и…

— Ну и как же я это сделаю, если мой глаз не останется открытым двадцать секунд? Пороговые реакции у меня как у Ивана. Мигательным рефлексом я управлять не могу. Мои синапсы — синапсы труса. И они заставят меня зажмурить глаза, чуть только эта штука к ним приблизится.

— Так раскройте их пальцами, — посоветовал робот.

— У моих пальцев тоже есть рефлексы, — возразил Мартин, подбираясь к буфету. — Остается один выход. Я должен напиться. Когда алкоголь меня одурманит, мои рефлексы затормозятся, и я не успею закрыть глаза. Но не вздумайте пустить в ход силу. Если я умру на месте от страха, как вы получите отпечаток моего глаза?

— Это-то нетрудно, — сказал робот. — Раскрою

веки…

Мартин потянулся за бутылкой и стаканом, но вдруг его рука свернула в сторону и ухватила сифон с содовой водой.

— Но только, — продолжал ЭНИАК, — подделка может быть обнаружена.

Мартин налил себе полный стакан содовой воды и сделал большой глоток.

— Я скоро опьянею, — обещал он заплетающимся языком. — Видите, алкоголь уже действует. Я стараюсь вам помочь.

— Ну ладно, только поторопитесь, — сказал ЭНИАК после некоторого колебания и опустился на стул.

Мартин собрался сделать еще глоток, но вдруг уставился на робота, ахнул и отставил стакан.

— Ну, что случилось? — спросил робот. — Пейте свое… что это такое?

— Виски, — ответил Мартин неопытной машине. — Но я все понял. Вы подсыпали в него яд. Вот, значит, каков был ваш план. Но я больше ни капли не выпью, и вы не получите отпечатка моего глаза. Я не дурак.

— Винт всемогущий! — воскликнул робот, вскакивая на ноги. — Вы же сами налили себе этот напиток. Как я мог его отравить, пейте!

— Не буду, — ответил Мартин с упрямством труса, стараясь отогнать гнетущее подозрение, что содовая и в самом деле отравлена.

— Пейте свой напиток! — потребовал ЭНИАК слегка дрожащим голосом. — Он абсолютно безвреден.

— Докажите! — сказал Мартин с хитрым видом. — Согласны обменяться со мной стаканами? Согласны сами выпить этот ядовитый напиток?

— Как же я буду пить? — спросил робот. — Я… Ладно, дайте мне стакан. Я отхлебну, а вы допьете остальное.

— Ага, — объявил Мартин, — вот ты себя и выдал. Ты же робот и сам говорил, что пить не можешь! То есть так, как пью я. Вот ты и попался, отравитель! Вон твой напиток. — Он указал на торшер. — Будешь пить со мной на свой электрический манер или сознаешься, что хотел меня отравить? Погоди-ка, что я говорю? Это же ничего не докажет…

— Ну конечно, докажет, — поспешно перебил робот. — Вы совершенно правы и придумали очень умно. Мы будем пить вместе, и это докажет, что ваше виски не отравлено. И вы будете пить, пока ваши рефлексы не затормозятся.

— Да, но… — начал неуверенно Мартин, однако

бессовестный робот уже вывинтил лампочку из торшера, нажал на выключатель и сунул палец в патрон, отчего раздался треск и посыпались искры.

— Ну вот, — сказал робот. — Ведь не отравлено?

— А вы не глотаете, — подозрительно заявил Мартин. — Вы держите его во рту… то есть в пальцах.

ЭНИАК снова сунул палец в патрон.

— Ну ладно, может быть, — с сомнением согласился Мартин. — Но ты можешь подсыпать порошок в мое виски, изменник. Будешь пить со мной, глоток за глотком, пока я не сумею припечатать свой глаз к этой твоей штуке. А не то я перестану пить. Впрочем, хоть ты и суешь палец в торшер, действительно ли это доказывает, что виски не отравлено? Я не совсем…

— Доказывает, доказывает, — быстро сказал робот. — Ну вот, смотрите. Я опять это сделаю… ft(t). Мощный постоянный ток, верно? Какие еще вам нужны доказательства? Ну, пейте.

Не спуская глаз с робота, Мартин поднес к губам стакан с содовой.

— Fffff(t)! — воскликнул робот немного погодя и начертал на своем металлическом лице глупо-

вато-блаженную улыбку.

— Такого ферментированного мамонтового молока я еще не пивал, — согласился Мартин, поднося к губам десятый стакан содовой воды. Ему было сильно не по себе, и он боялся, что вот-вот захлебнется.

— Мамонтового молока? — сипло произнес ЭНИАК. — А это какой год?

Мартин перевел дух. Могучая память Ивана пока хорошо служила ему. Он вспомнил, что напряжение повышает частоту мыслительных процессов робота и расстраивает его память — это и происходило прямо у него на глазах. Однако впереди оставалось самое трудное…

— Год Большой Волосатой, конечно, — сказал он весело. — Разве вы не помните?

— В таком случае вы… — ЭНИАК попытался получше разглядеть своего двоящегося собутыльника. — Тогда, значит, вы — Мамонтобой.

— Вот именно! — вскричал Мартин. — Ну-ка, дернем еще по одной, а затем приступим.

— К чему приступим?

Мартин изобразил раздражение.

— Вы сказали, что наложите на мое сознание матрицу Мамонтобоя. Вы сказали, что это обеспечит мне оптимальное экологическое при-

способление к среде в данной темпоральной фазе.

— Разве? Но вы же не Мамонтобой, — растерянно возразил ЭНИАК. — Мамонтобой был сыном Большой Волосатой. А как зовут вашу мать?

— Большая Волосатая, — немедленно ответил Мартин, и робот поскреб свой сияющий затылок.

— Дерните еще разок, — предложил Мартин. — А теперь достаньте экологизер и наденьте мне его на голову.

— Вот так? — спросил ЭНИАК, подчиняясь. — У меня ощущение, что я забыл что-то важное.

Мартин поправил прозрачный шлем у себя на затылке.

— Ну, — скомандовал он, — дайте мне матрицу-характер Мамонтобоя, сына Большой Волосатой.

— Что ж… Ладно, — невнятно сказал ЭНИАК. Взметнулись красные ленты, шлем вспыхнул. — Вот и все. Может быть, пройдет несколько минут, прежде чем подействует, а потом на двенадцать часов вы… погодите! Куда же вы?

Но Мартин уже исчез.

В последний раз робот запихнул в сумку шлем и четверть мили красной ленты. Пошатываясь, он подошел к торшеру, бормоча что-то о посошке на дорожку. Затем комната опустела. Затихающий

шепот произнес:

— F(t)…

— Ник! — ахнула Эрика, уставившись на фигуру в дверях. — Не стой так, ты меня пугаешь.

Все оглянулись на ее вопль и поэтому успели заметить жуткую перемену, происходившую в облике Мартина. Конечно, это была иллюзия, но весьма страшная. Колени его медленно подогнулись, плечи сгорбились, словно под тяжестью чудовищной мускулатуры, а руки вытянулись так, что пальцы почти касались пола.

Наконец-то Никлас Мартин обрел личность, экологическая норма которой ставила его на один уровень с Раулем Сен-Сиром.

— Ник! — испуганно повторила Эрика.

Нижняя челюсть Мартина медленно выпятилась, обнажились все нижние зубы. Веки постепенно опустились, и теперь он смотрел на мир маленькими злобными глазками. Затем неторопливая гнусная ухмылка растянула губы мистера Мартина.

— Эрика! — хрипло сказал он. — Моя!

Раскачивающейся походкой он подошел к перепуганной девушке, схватил ее в объятия и укусил за ухо.

— Ах, Ник, — прошептала Эрика, закрывая

глаза. — Почему ты никогда… Нет, нет, нет! Ник, погоди… Расторжение контракта. Мы должны… Ник, куда ты? — Она попыталась удержать его, но опоздала.

Хотя походка Мартина была неуклюжей, двигался он быстро. В одно мгновение он перемахнул через письменный стол Уотта, выбрав кратчайший путь к потрясенному кинопромышленнику. Во взгляде Диди появилось легкое удивление. Сен-Сир рванулся вперед.

— В Миксо-Лидии… — начал он. — Ха, вот так… — И, схватив Мартина, он швырнул его в другой угол комнаты.

— Зверь! — воскликнула Эрика и бросилась на режиссера, молотя кулачками по его могучей груди. Впрочем, тут же спохватившись, она принялась обрабатывать каблуками его ноги — со значительно большим успехом. Сен-Сир, менее всего джентльмен, схватил ее и заломил ей руки, но тут же обернулся на тревожный крик Уотта:

— Мартин, что вы делаете?

Вопрос этот был задан не зря. Мартин покатился по полу, как шар, по-видимому, нисколько не ушибся, сбил торшер и развернулся, как еж. На лице его было неприятное выражение. Он встал, пригнувшись, почти касаясь пола руками

и злобно скаля зубы.

— Ты трогать моя подруга? — хрипло осведомился питекантропообразный мистер Мартин, быстро теряя всякую связь с двадцатым веком. Вопрос этот был чисто риторическим. Драматург поднял торшер (для этого ему не пришлось нагибаться), содрал абажур, словно листья с древесного сука, и взял торшер наперевес. Затем он двинулся вперед, держа его, как копье.

— Я, — сказал Мартин, — убивать.

И с достохвальной целеустремленностью попытался претворить свое намерение в жизнь. Первый удар тупого самодельного копья поразил Сен-Сира в солнечное сплетение, и режиссер отлетел к стене, гулко стукнувшись о нее. Мартин, по-видимому, только этого и добивался. Прижав конец копья к животу режиссера, он пригнулся еще ниже, уперся ногами в ковер и по мере сил попытался просверлить в Сен-Сире дыру.

— Прекратите! — крикнул Уотт, кидаясь в сечу.

Первобытные рефлексы сработали мгновенно: кулак Мартина описал в воздухе дугу, и Уотт описал дугу в противоположном направлении.

Торшер сломался.

Мартин задумчиво поглядел на обломки, при-

нялся было грызть один из них, потом передумал и оценивающе посмотрел на Сен-Сира. Задыхаясь, бормоча угрозы, проклятия и протесты, режиссер выпрямился во весь рост и погрозил Мартину огромным кулаком.

— Я, — объявил он, — убью тебя голыми руками, а потом уйду в «Метро-Голдвин-Мейер» с Диди. В Миксо-Лидии…

Мартин поднес к лицу собственные кулаки. Он поглядел на них, медленно разжал, улыбнулся, а затем, оскалив зубы, с голодным тигриным блеском в крохотных глазках посмотрел на горло Сен-Сира.

Мамонтобой не зря был сыном Большой Волосатой.

Мартин прыгнул.

И Сен-Сир тоже, но в другую сторону, вопя от внезапного ужаса. Ведь он был всего только средневековым типом, куда более цивилизованным, чем так называемый человек первобытной прямолинейной эры Мамонтобоя. И как человек убегает от маленькой, но разъяренной дикой кошки, так Сен-Сир, пораженный цивилизованным страхом, бежал от врага, который в буквальном смысле слова ничего не боялся.

Сен-Сир выпрыгнул в окно и с визгом исчез в

ночном мраке.

Мартина это застигло врасплох — когда Мамонтобой бросался на врага, враг всегда бросался на Мамонтобоя, — и в результате он со всего маху стукнулся лбом о стену. Как в тумане, он слышал затихающий вдали визг. С трудом поднявшись, он привалился спиной к стене и зарычал, готовясь…

— Ник! — раздался голос Эрики. — Ник, это я! Помоги! Помоги же! Диди…

— Агх? — хрипло вопросил Мартин, мотая головой. — Убивать!

Глухо ворча, драматург мигал налитыми кровью глазками, и постепенно все, что его окружало, опять приобретало четкие очертания. У окна Эрика боролась с Диди.

— Пустите меня! — кричала Диди. — Куда Рауль, туда и я!

— Диди! — умоляюще произнес новый голос.

Мартин оглянулся и увидел под смятым абажуром в углу лицо распростертого на полу Толливера Уотта.

Сделав чудовищное усилие, Мартин выпрямился. Ему было как-то непривычно ходить не горбясь, но зато это помогало подавить худшие инстинкты Мамонтобоя. К тому же теперь, когда

Сен-Сир испарился, кризис миновал и доминантная черта в характере Мамонтобоя несколько утратила активность. Мартин осторожно пошевелил языком и с облегчением обнаружил, что еще не совсем лишился дара человеческой речи.

— Агх, — сказал он. — Уррг… э… Уотт!

Уотт испуганно замигал на него из-под абажура.

— Арргх… Аннулированный контракт, — сказал Мартин, напрягая все силы. — Дай.

Уотт не был трусом. Он с трудом поднялся на ноги и снял с головы абажур.

— Аннулировать контракт?! — рявкнул он. — Сумасшедший! Разве вы не понимаете, что вы натворили? Диди, не уходите от меня! Диди, не уходите, мы вернем Рауля.

— Рауль велел мне уйти, если уйдет он, — упрямо сказала Диди.

— Вы вовсе не обязаны делать то, что вам велит Сен-Сир, — убеждала Эрика, продолжая держать вырывающуюся звезду.

— Разве? — с удивлением спросила Диди. — Но я всегда его слушаюсь. И всегда слушалась.

— Диди, — в отчаянии умолял Уотт, — я дам вам лучший в мире контракт! Контракт на десять лет! Посмотрите, вот он! — И киномагнат вытащил

сильно потертый по краям документ. — Только подпишите, и потом можете требовать все, что вам угодно! Неужели вам этого не хочется?

— Хочется, — ответила Диди, — но Раулю не хочется. — И она вырвалась из рук Эрики.

— Мартин! — вне себя воззвал Уотт к драматургу. — Верните Сен-Сира! Извинитесь перед ним! Любой ценой — только верните его! А не то я… я не аннулирую вашего контракта!

Мартин слегка сгорбился, может быть, от безнадежности, а может быть, и еще от чего-нибудь.

— Мне очень жалко, — сказала Диди. — Мне нравилось работать у вас, Толливер. Но я должна слушаться Рауля.

Она сделала шаг к окну.

Мартин сгорбился еще больше, и его пальцы коснулись ковра. Злобные глазки, горевшие неудовлетворенной яростью, были устремлены на Диди. Медленно его губы поползли в стороны, и зубы оскалились.

— Ты! — сказал он со зловещим урчанием.

Диди остановилась, но лишь на мгновение, и тут по комнате прокатился рык дикого зверя.

— Вернись! — в бешенстве ревел Мамонтобой.

Одним прыжком он оказался у окна, схватил Диди и зажал под мышкой. Обернувшись, он рев-

ниво покосился на дрожащего Уотта и кинулся к Эрике. Через мгновение обе девушки пытались вырваться из его хватки. Мамонтобой крепко держал их под мышками, а его злобные глазки поглядывали то на одну, то на другую. Затем с полным беспристрастием он быстро укусил каждую за ухо.

— Ник! — вскрикнула Эрика. — Как ты смеешь?

— Моя! — хрипло информировал ее Мамонтобой.

— Еще бы! — ответила Эрика. — Но это имеет и обратную силу. Немедленно отпусти нахалку, которую ты держишь под другой мышкой.

Мамонтобой с сожалением поглядел на Диди.

— Ну, — резко сказала Эрика, — выбирай!

— Обе! — объявил нецивилизованный драматург. — Да!

— Нет! — отрезала Эрика.

— Да! — прошептала Диди совсем новым тоном.

Красавица свисала с руки Мартина, как мокрая тряпка, и глядела на своего пленителя с рабским обожанием.

— Нахалка! — крикнула Эрика. — А как же Сен-Сир?

— Он? — презрительно сказала Диди. — Слюнтяй! Нужен он мне очень! — И она вновь устремила на Мартина боготворящий взгляд.

— Ф-фа! — буркнул тот и бросил Диди на колени Уотта. — Твоя. Держи. — Он одобрительно ухмыльнулся Эрике. — Сильная подруга. Лучше.

Уотт и Диди безмолвно смотрели на Мартина.

— Ты! — сказал он, ткнув пальцем в Диди. — Ты остаться у него. — Мартин указал на Уотта.

Диди покорно кивнула.

— Ты подписать контракт?

Кивок.

Мартин многозначительно посмотрел на Уотта и протянул руку.

— Документ, аннулирующий контракт, — пояснила Эрика, вися вниз головой. — Дайте скорей, пока он не свернул нам шею.

Уотт медленно вытащил документ из кармана и протянул его Мартину.

Но тот уже направился к окну раскачивающейся походкой.

Эрика извернулась и схватила документ.

— Ты прекрасно сыграл, — сказала она Нику, когда они очутились на улице. — А теперь отпусти меня. Попробуем найти такси…

— Не играл, — проворчал Мартин. — Насто-

ящее. До завтра. После этого… — Он пожал плечами. — Но сегодня — Мамонтобой.

Он попытался влезть на пальму, передумал и пошел дальше.

Эрика у него под мышкой погрузилась в задумчивость и взвизгнула, только когда с ними поравнялась патрульная полицейская машина.

— Завтра я внесу за тебя залог, — сказала Эрика Мамонтобою, который вырывался из рук двух дюжих полицейских.

Свирепый рев заглушал ее слова.

Последующие события слились для разъяренного Мамонтобоя в один неясный вихрь, в завершение которого он очутился в тюремной камере, где вскочил на ноги с угрожающим рычанием.

— Я, — возвестил он, вцепляясь в решетку, — убивать! Арргх!

— Двое за один вечер, — произнес в коридоре скучающий голос. — И обоих взяли на Бел-Эйре. Думаешь, нанюхались кокаина? Первый тоже ничего толком не мог объяснить.

Решетка затряслась. Раздраженный голос с койки потребовал, чтобы он заткнулся, и добавил, что ему хватит неприятностей от всяких идиотов и без того, чтобы… Тут говоривший умолк, заколебался и испустил пронзительный

отчаянный визг.

На мгновение в камере наступила мертвая тишина: Мамонтобой, сын Большой Волосатой, медленно повернулся к Раулю Сен-Сиру.

Двурукая машина

С того самого дня, когда Орест убил свою мать Клитемнестру, чтобы отомстить за смерть Агамемнона, людей преследовали фурии, богини-мстительницы. Но только в двадцать втором веке люди сделали из стали настоящих фурий. К этому времени человечество столкнулось с кризисом, и, чтобы выйти из него, пришлось прибегнуть к помощи фурий, созданных по человеческому образу. Эти стальные фурии неотступно преследовали тех, кто убивал себе подобных. Они преследовали только убийц, и никого больше. К этому моменту люди не совершали других более или менее тяжких преступлений.

Процедура была простой. Неожиданно, без всякого предупреждения, убийца, чувствовавший себя в полной безопасности, слышал за спиной тяжелые шаги. Он поворачивался и видел идущего к нему стального человека. Только теперь убийца понимал, что всеведущие элек-

тронные компьютеры подвергли его суду.

Отныне и до конца своих дней убийца будет слышать тяжелые шаги за спиной, преследующие его подобно двигающейся тюрьме с невидимыми решетками, которая отрезает от остального мира. Больше никогда преступник не останется один.

И наступит день, неведомый для него, когда тюремщик превратится в палача.

Дэннер откинулся на спинку удобного кресла и закрыл глаза, наслаждаясь изысканным вкусом выдержанного вина. Он чувствовал себя в безопасности, под надежной защитой. Вот уже почти час он сидел в шикарном ресторане, заказывал самую дорогую и изысканную пищу, слушал музыку, которая создавала какую-то особую атмосферу, и отрывки негромкого разговора соседей за столиком рядом. Уже давно Дэннер не чувствовал себя так хорошо. Приятно иметь много денег.

Деньги достались ему нелегко. Дэннеру пришлось убить человека, чтобы получить сказочную сумму. Но его не тревожило чувство вины. Оно возникает лишь тогда, когда тебя уличают в

преступлении, а у Дэннера была самая надежная защита в мире, чего никогда раньше ни у кого не было. Его защищала именно та сила, которая должна была покарать. Дэннеру было хорошо известно, что за убийством должно последовать наказание, расплата, которой невозможно избежать. Если бы Харц не убедил его, что на этот раз расплаты не будет, Дэннер никогда не нажал бы на спусковой крючок…

В его сознании промелькнуло полузабытое архаичное слово «грех». Однако это слово не пробудило у него никаких эмоций. Было время, когда понятие «грех» каким-то странным образом ассоциировалось с виной. Но это время осталось в далеком прошлом. Человечество пережило слишком много потрясений, и понятие «грех» больше не имело никакого смысла.

Дэннер потряс головой, отбрасывая смутное неприятное воспоминание, и попробовал стоящий перед ним пальмовый салат. Его вкус ему не понравился. Ничего не поделаешь, в мире не бывает совершенства. Дэннер поднес к губам бокал с вином, наслаждаясь тем, что бокал как бы вибрирует у него в руке. «Превосходное вино», — подумал он и хотел было заказать еще одну бутылку, но затем решил отложить на

следующий раз. Теперь его ожидает так много удовольствий. Ради этого стоило пойти на риск. Правда, в его случае никакого риска, разумеется, не было.

Дэннер был человеком, который родился не вовремя. Он был уже достаточно взрослым, чтобы запомнить последние дни Утопии, и достаточно молодым, чтобы испытать лишения, последовавшие в результате введения новой экономики, при которой люди страдали от недостатка самых разных товаров. Эта экономика была навязана людям машинами, которые управляли обществом. В юности, подобно всем остальным, Дэннер испытал прелесть бесплатной роскоши. Он помнил давно ушедшие дни, когда он, как и все юноши, погружался в сверкающие, яркие и захватывающие ощущения, которые создавались действовавшими в то время машинами развлечений. Эти фантастические картины не существовали и не могли существовать, но казались такими реальными. Затем наступила новая экономика, и удовольствия исчезли. Теперь каждый получал только самое необходимое, зато работал весь день. Дэннер ненавидел новую жизнь.

Когда произошел стремительный переход к

новому строю, он был еще слишком молодым и неопытным, чтобы вступить в отчаянную борьбу. Тот, кто был богатым сегодня, создал свои состояния, захватив те немногие предметы роскоши, которые еще производили машины. А таким, как Дэннер, остались одни воспоминания о хорошей жизни и вечно гложущее чувство, что их обманули. Ему хотелось возвращения счастливых дней юности и было наплевать, как он этого добьется.

И вот теперь он достиг цели. Дэннер коснулся края бокала указательным пальцем, чувствуя, как стекло запело от прикосновения. «Хрусталь?» — подумал он. Дэннер слишком слабо разбирался в предметах роскоши, но это его не беспокоило. Он научится. Впереди целая жизнь, которую он проведет, купаясь в удовольствиях и роскоши.

Дэннер поднял голову и увидел через прозрачный купол крыши ресторана плавящиеся в солнечных лучах башни города. Они простирались до самого горизонта. И это был всего лишь один город. Когда ему надоест жить здесь, он переедет в другой. Вся страна, вся планета была покрыта транспортной сетью, соединяющей города в одно огромное, сложное, наполовину живое чудовище. Назовем его обществом.

Дэннер почувствовал, что сквозь пол донеслась

едва ощутимая дрожь.

Он поднял бокал и осушил его. Смутное беспокойство было чем-то новым. Его причиной… ну конечно, его причиной был так и не подавленный страх.

Все потому, что он остался непойманным.

Но ведь это бессмысленно, подумал Дэннер. Разумеется, город представлял собой исключительно сложный организм, функционирующий под надзором бесстрастных, неподкупных машин. Они, и только они, поддерживали существование людей, не позволяя им превратиться в представителей вымирающей фауны. Основой всей сложнейшей системы были аналоговые электронные машины и цифровые компьютеры. Это они создавали законы и обеспечивали их выполнение, а без законов существование человечества стало бы невозможным. Дэннер не слишком хорошо разбирался в радикальных изменениях, которые произошли в обществе на протяжении его жизни, но вот это было ему понятно.

И тем не менее он, Дэннер, сидел в роскошном ресторане, пил дорогое вино, наслаждался музыкой, а за спинкой его мягкого кресла не стояла зловещая стальная фурия, подтверждая этим, что

компьютеры все еще успешно охраняют благополучие общества…

И тут в зале появилась фурия.

В ресторане сразу же воцарилась мертвая тишина. Дэннер подносил вилку ко рту, но остановился словно завороженный, поднял голову и посмотрел в сторону входа.

Фурия была выше человеческого роста. На мгновение она замерла у двери, и луч вечернего солнца отразился ослепительным пятном от ее плеча. У нее не было лица, но казалось, что она медленно обвела взглядом весь ресторан, столик за столиком. Затем фурия шагнула вперед, лучи солнечного света скользнули с нее, и она приобрела очертания закованного в сталь очень высокого человека, медленно идущего между столиками.

— Нет, это не за мной, — прошептал Дэннер, опуская вилку рядом с тарелкой с нетронутой едой. — Все остальные могут сомневаться. Но я уверен.

И подобно тому как перед мысленным взором тонущего человека проходят удивительно четкие, красочные в каждой детали картины его жизни, сконцентрированные в мимолетное мгновение, он вспомнил все подробности разго-

вора с Харцем.

Он как бы снова увидел хозяина кабинета, полного, со светлыми волосами и густыми бровями, придающими ему печальный вид. Человека, выглядевшего спокойным и безмятежным, пока он не начинал говорить: и тогда сразу возникала атмосфера напряженности, которую создавала излучаемая Харцем неистощимая энергия, мощный поток которой, казалось, заставлял трепетать окружающий его воздух. Дэннер вспомнил, как он стоял перед письменным столом Харца, чувствуя под подошвами своих туфель низкое гудение огромных компьютеров, от которого вибрировал пол. За окном кабинета виднелись длинные ряды сверкающих пультов электронных машин с бесчисленными разноцветными лампочками, мигающими в самых разных сочетаниях. Компьютеры получали информацию, обрабатывали ее и выдавали в виде цифр, подобно таинственным оракулам. Только такие люди, как Харц, понимали язык этих оракулов.

— У меня есть для вас дело, — сказал Харц. — Мне нужно, чтобы вы убили человека.

— О нет, — покачал головой Дэннер. — Вы что, принимаете меня за дурака?

— Не спешите с ответом. Разве вам не нужны

деньги?

— Зачем? Для пышных похорон?

— Нет, чтобы вести роскошную жизнь. Я знаю, что вы не дурак. И мне совершенно точно известно, что вы не выполните мое поручение, если только вам не будет выплачена огромная сумма денег и гарантирована безопасность. И то и другое я и могу вам предложить. Да, и гарантию безопасности.

Дэннер посмотрел на ряды компьютеров через прозрачную стену кабинета.

— Разумеется… — пробормотал он.

— Вы все еще не понимаете. Я действительно могу гарантировать это. Мне… — Харц беспокойно оглянулся, будто не верил, что даже в его собственном кабинете их никто не сможет подслушать. — Мне удалось добиться кое-чего совершенно нового. Теперь я могу направить любую фурию в нужном мне направлении.

— Можете направить, — повторил Дэннер.

— Думаете, я шучу? Я вам продемонстрирую это. В моих силах отозвать фурию, преследующую убийцу.

— Каким образом?

— Это мой секрет, как вы сами понимаете. В общем, я ввожу в компьютеры неверные данные, в

результате чего они выносят неверный приговор или неправильно его осуществляют после суда.

— Но ведь это опасно!

— Опасно? — Пронзительный взгляд Харца из-под густых бровей остановился на лице Дэннера. — Действительно, это опасно. Поэтому я пользуюсь этим очень редко. По правде говоря, такое случилось лишь один раз. Дело в том, что я разработал свой метод теоретически и потом один раз проверил его на практике. И вполне успешно. Я прибегну к этому методу еще один раз, чтобы убедить вас. И затем, в последний раз, для вашей защиты. И все. Я не хочу нарушать точность работы компьютеров. После того как мое поручение будет выполнено, это не понадобится.

— Кого я должен убить?

Харц невольно посмотрел на потолок — там, на верхнем этаже небоскреба, помещался кабинет управляющего.

— О'Рейлли, — сказал он.

Дэннер тоже взглянул на потолок, как будто мог увидеть через толщу бетона подошвы ботинок О'Рейлли, верховного управляющего компьютерными системами Земли.

— Почему?

— Очень просто, — улыбнулся Харц. — Хочу

занять его должность.

— Если вы так уверены, что можете остановить фурий, почему бы вам не убить его самому?

— Да потому, что тогда это будет шито белыми нитками, — нетерпеливо бросил Харц. — Подумайте сами. Я лицо, особо заинтересованное в его смерти. Не надо и калькулятора, чтобы понять, кто претендует на его место. Даже если я сумею направить фурию по ложному следу, люди не поверят, что это сделал не я. А вот у вас нет причин для убийства О'Рейлли. Подлинные обстоятельства дела будут известны одним компьютерам, а их я беру на себя.

— Почему я должен верить, что вы сумеете выполнить свое обещание?

— Очень просто. Смотрите.

Харц встал и быстрыми шагами направился к противоположному углу комнаты. Он ступал по ковру, покрывающему пол, и каждый его шаг был легким и упругим, как у юноши. В углу стоял аппарат с массой кнопок и наклонным экраном. Нервным жестом Харц нажал на одну из кнопок, и на засветившемся экране появилась поразительно четкая карта одного из участков города.

— Сначала мне нужно найти район, где действует одна из фурий, — объяснил он.

Карта исчезла, и он снова нажал на кнопку. Первоначально расплывчатые линии на экране постепенно стали четкими и яркими. Недалеко от центра города появился цветной крест. Он медленно поплыл по экрану со скоростью пешехода.

— Вот, — произнес Харц, наклонился и прочитал название улицы. С его лица на стеклянную поверхность экрана упала капля пота, и он поспешно стер ее рукавом. — По этой улице идет человек, за которым следует фурия. Сейчас ты увидишь, что произойдет. Наблюдай внимательнее.

Он нажал еще одну кнопку, и карта на экране сменилась картинкой городской улицы. Харц подождал, когда изображение станет четким и поразительно красочным. По улице ехали машины, люди спешили по своим делам или, наоборот, шли не спеша, разглядывая витрины магазинов. Но среди массы людей виднелся крохотный оазис, островок в человеческом море. Внутри этого островка двигались две фигуры — Робинзон Крузо с верным Пятницей. Первым был измученный человек, идущий с опущенной вниз головой, глядя под ноги. За ним следовала высокая человекообразная фигура, от металлической поверхности которой отражались блики света.

Эти двое двигались внутри пустого пространства, будто невидимые стены отделяли их от толпы, которая расступалась перед ними и смыкалась у них за спиной. Некоторые прохожие смотрели на эту пару с любопытством, другие отворачивались, но были и люди, наблюдавшие за сценой с откровенным интересом, словно надеясь, что именно сейчас Пятница поднимет свою стальную руку и прикончит Крузо.

— Следи за каждым движением. — В голосе Харца звучало волнение. — Сейчас я уведу фурию от этого человека.

Он вернулся к своему столу, выдвинул ящик и нагнулся над ним, закрывая его своим телом от взгляда Дэннера. Послышалось несколько щелчков.

— Ну вот, — сказал Харц, задвинув ящик, и провел рукой по мокрому от пота лбу. — Что-то здесь жарко. Не отрывайся от экрана. Вот-вот начнется.

Харц подошел к огромному экрану, щелкнул переключателем, уличная сцена резко увеличилась, будто наблюдатели переместились намного ближе. Человек и неотступно следующий за ним тюремщик заняли большую часть экрана. Лицо человека казалось равнодушным и бесстраст-

ным, как у робота. Можно было подумать, что эти двое провели много времени друг с другом — вероятно, так оно и было.

— Подождем, пока они выйдут из толпы, — пробормотал Харц. — Надо, чтобы все прошло незаметно и не привлекло внимания. Смотри, он сворачивает в переулок. — Человек, который до этого шел вперед, не выбирая направления, резко свернул в узкий темный переулок, идущий от главной улицы. Глаз камеры неотступно следовал за ним — так же неотступно, как и робот-мститель.

— Значит, у вас повсюду телевизионные камеры? — с интересом спросил Дэннер. — Я так и думал. Как все происходит? Этих двух, их что, передают с одной камеры на другую на каждом углу или луч следит…

— Не отвлекайся, — бросил Харц. — Это профессиональная тайна. Смотри. Придется подождать, пока… Нет, вот сейчас он попытается скрыться!

Человек украдкой оглянулся. Фурия в этот момент огибала угол, входя в переулок. Харц бросился к своему столу и поспешно выдвинул ящик. Правая рука Харца застыла над ним, глаза не отрывались от экрана. Странно, но человек в темном переулке, хотя он, конечно, не мог знать,

что за ним наблюдают, поднял голову вверх и взглянул прямо в камеру, в глаза следящих за ним Харца и Дэннера. Затем он глубоко вздохнул и бросился бежать.

Из ящика Харца послышался щелчок. Стальной робот, который мгновенно последовал за преследуемым им человеком, вдруг замедлил движение, остановился и начал как-то неуклюже топтаться на своих металлических ногах. Затем он замер на месте, подобно машине, у которой отключили питание.

В углу экрана, в пределах видимости телевизионной камеры, Дэннер увидел человека, который обернулся, и лицо его отразило изумление. Случилось невероятное. Робот стоял, делая нерешительные движения, как будто новые команды, только что полученные им от Харца, боролись с теми, что он выполнял ранее. Затем фурия повернулась спиной к человеку, исчезающему в глубине переулка, двигаясь теперь уверенно, без малейших колебаний, словно выполняла свои прямые обязанности, а не нарушала основные законы общества столь странным поведением.

Харц выключил экран, и изображение исчезло. Он снова вытер лоб, подошел к прозрачной стене, отделяющей его от рядов компьютеров, словно

стараясь убедиться в том, что они не обратили внимания на его действия. Он выглядел таким маленьким на фоне гигантских электронных машин.

— Ну, что скажешь, Дэннер? — бросил он через плечо.

Последовали, разумеется, дальнейшие уговоры, увеличилась и без того огромная сумма вознаграждения за убийство, но Дэннер решил согласиться еще в тот момент, когда увидал, как фурия ушла от обреченного на смерть человека. Немалый риск, конечно, но все-таки, раз опасность не так велика. А вознаграждение…

В ресторане прекратилось всякое движение и воцарилась мертвая тишина. Фурия медленно двигалась между столиками, обходя посетителей, никого не касаясь. При ее приближении лица посетителей бледнели и поворачивались к ней. «Неужели это за мной?» — думал каждый. Даже совершенно невинные думали: «А вдруг компьютеры впервые совершили ошибку и фурия пришла за мной? Несомненно, ошибка, но ее нельзя обжаловать, и мне ничего не удастся доказать». Несмотря на то что понятие вины в этом мире не имело смысла, понятие кары было реальным, и кара могла оказаться слепой, нанося

удар подобно молнии.

— Это не за мной, — шептал Дэннер сквозь сжатые зубы. — Я в безопасности. Под надежной защитой. Она пришла сюда за кем-то другим. — И все-таки как это странно, какое невероятное совпадение, что в одном ресторане, под одной крышей оказалось сегодня двое убийц. Он, Дэннер, и кто-то другой, за кем явилась фурия.

Дэннер опустил голову, посмотрел на нетронутую еду, и внезапно его сознание отключилось от окружающего мира и попыталось скрыться от действительности, подобно страусу, прячущему голову в песок. Странные мысли проносились у него в голове — мысли о пище. Как растет спаржа? Как выглядят в природе составляющие блюд? Ему никогда не приходилось видеть сырые овощи, потому что они всегда появлялись на столиках ресторана в приготовленном виде или подносы с ними выдвигались из автоматов. Например, картофель. На что он похож? На влажную белую массу? Нет, иногда картофель подавали в виде овальных ломтиков, так что картофель должен иметь овальную форму. Но не круглую. Часто картофель готовили в форме длинных узких ломтиков, жаренных в масле. Белых, разумеется. И Дэннер был почти убежден, что картофель растет

под землей. Длинные переплетающиеся корни среди труб и кабелей, обнажавшихся, когда ремонтировали улицы. Как странно, что он ест нечто, похожее на слабые тонкие человеческие руки, обнимающие канализационные сети города, поедаемые червями. И после того как фурия найдет его, он тоже может там оказаться…

Дэннер отодвинул тарелку.

Шорох и шепот в зале ресторана заставили его поднять голову помимо воли, подобно автомату. Фурия была уже в середине зала, и было и смешно, и страшно наблюдать, какое облегчение испытывали те, кого она уже миновала. Две или три женщины закрыли лица руками, а один мужчина соскользнул с кресла на пол, потеряв сознание. По-видимому, вид фурии пробуждал в людях глубоко скрытый страх.

Стальной робот был уже совсем близко. Фурия казалась футов семи ростом, и ее движения были поразительно плавными. Более плавными, чем человеческие. Стальные ноги опускались на ковер с тяжелым металлическим звуком. Тук… тук… тук… Дэннер бессознательно попытался рассчитать ее вес. О фуриях всегда говорили, что они движутся беззвучно — если не считать ужасных тяжелых шагов, — но эта едва слышно

поскрипывала где-то в глубине своего мощного тела. У нее не было черт лица, однако человеческое воображение не могло не нарисовать что-то вроде лба, глаз, носа и рта на гладкой стальной поверхности головы, причем казалось, что глаза внимательно осматривают сидящих в ресторане.

Фурия приближалась. Теперь глаза всех посетителей ресторана были направлены в сторону Дэннера. Она шла прямо к нему. Дэннеру почти казалось, что…

— Нет! — твердил он. — Нет, этого не может быть!

Он чувствовал себя подобно человеку, охваченному мучительным кошмаром и готовому проснуться. «Ну почему же я не просыпаюсь! — думал он. — Надо проснуться еще до того, как она подойдет ко мне».

Но кошмар продолжался. И теперь фурия остановилась рядом с ним. Стук шагов прекратился. Слышалось только едва уловимое поскрипывание. Фурия замерла у его стола, неподвижная, молчаливая, угрожающе огромная.

Дэннер почувствовал, как его лицо покраснело от невыносимого жара нахлынувшей крови — неверие, ярость, стыд. Сердце билось с такой силой, что все в поле его зрения — ресторан,

посетители, столики — стало расплывчатым и неясным, ужасная боль пронзила голову от виска до виска.

Он с криком вскочил на ноги.

— Нет, нет! — закричал он, глядя на бесстрастную стальную фигуру. — Это ошибка! Пошла прочь! Это не я, не я!

Он пошарил рукой по столу, нащупал тарелку и изо всех сил швырнул ее в бронированную грудь фурии. Тарелка разбилась, и белые, зеленые и коричневые пятна появились на полированной стали. Пошатнувшись, отбросив кресло, Дэннер обогнул столик, стальную фигуру фурии и бросился к выходу.

Сейчас он думал только о Харце.

Море лиц проплывало мимо него, когда он, спотыкаясь, бежал к двери. Одни смотрели на Дэннера с любопытством, другие старались не поворачиваться в его сторону, глядя в тарелки, или закрывали лицо руками. За спиной он слышал размеренные тяжелые шаги и едва ощутимое поскрипывание где-то внутри стальной брони.

Люди остались позади, и Дэннер выбежал из ресторана, даже не заметив, что открыл дверь. Он стоял на тротуаре. По лицу стекали капли пота, и воздух казался ледяным, хотя день не был

холодным. В слепой панике Дэннер посмотрел по сторонам и затем бросился к ряду телефонных будок в середине квартала. Образ Харца настолько отчетливо плыл перед его глазами, что Дэннер наталкивался на прохожих, не видя их. Он смутно слышал возмущенные голоса, которые тут же умолкали при виде фурии. Люди начали расступаться перед ним. Он вошел в появившееся пустое пространство, островок изоляции от остального мира, и направился к ближайшей телефонной будке.

Когда Дэннер закрыл за собой стеклянную дверцу, пульсация крови в ушах казалась ему настолько громкой, что звуконепроницаемые стенки телефонной будки словно вибрировали в такт ударам сердца. Оглянувшись, он увидел, что робот бесстрастно остановился у двери, ожидая, когда Дэннер выйдет из будки. Струйки соуса стекали по стальной груди, подобно разноцветным знакам отличия.

Дэннер попытался набрать номер. Его пальцы отказывались повиноваться. Он несколько раз глубоко вздохнул, стараясь овладеть собой. В голову пришло совсем не к месту — он ушел из ресторана, не расплатившись. И затем — а зачем мне теперь деньги? Черт бы побрал этого Харца!

Он набрал номер Харца.

— Приемная управляющего Харца. Чем могу служить? — На экране четким, ярким цветным изображением высветилось лицо девушки. В этой части города установлены дорогие высококачественные телефоны с экранами, почему-то подумал Дэннер.

У него сжало горло, и пришлось напрячь силу воли, чтобы произнести свое имя. Интересно, видит ли секретарша за его спиной неясные очертания высокой фигуры фурии, подумал Дэннер. Он так и не понял этого, потому что девушка тут же наклонилась к листу бумаги на столе.

— Мне очень жаль, но мистер Харц уехал и не вернется сегодня.

Экран погас.

Дэннер открыл дверь и встал. Ноги казались какими-то ватными. Робот стоял как раз на таком расстоянии от будки, что дверь едва могла открыться. На мгновение они замерли, глядя друг на друга. Дэннер внезапно услышал звуки собственного безумного хохота, граничащего с истерией. Робот с многоцветным пятном на груди, походившим на орденские ленты, выглядел таким забавным! К своему изумлению, Дэннер увидел, что все это время стискивал в левой руке

салфетку из ресторана.

— Отойди, — сказал он роботу. — Дай мне выйти из будки. Какой же ты дурак, раз не понимаешь, что произошла ошибка! — Его голос дрожал. Робот отступил назад с едва слышным скрипом. — Мне и так неприятно, что ты всюду следуешь за мной, — продолжал Дэннер. — И уж тем более противно, что у тебя на груди такое грязное жирное пятно! Грязный робот — что может быть… может быть… — Он почувствовал, что вот-вот разрыдается. Не то смеясь, не то плача, Дэннер подошел к фурии, стер салфеткой грязное пятно со стальной груди и бросил салфетку на тротуар.

И в это самое мгновение, когда его рука коснулась холодной стали, он внезапно понял, что никогда в жизни больше не будет один. За ним всегда будет следовать фурия, за спиной всегда будут слышаться тяжелые шаги. До самого последнего вздоха их тени будут рядом. А когда наступит момент смерти, эти могучие стальные руки прикончат его, может быть прижав к металлической груди, и последнее, что он увидит, — бесстрастное лицо, наклоненное вниз. И это будет не лицо человека, а черный стальной череп фурии.

Дэннеру понадобилась почти неделя, чтобы добиться разговора с Харцем. На протяжении этой недели он понял, почему многие из тех, за кем следуют фурии, сходят с ума. Ложась спать в своей комнате, расположенной в одной из самых роскошных гостиниц, Дэннер видел, как свет уличного светильника отражается от металлического плеча преследователя, терпеливо и бесстрастно ждущего его на улице. По ночам, то и дело просыпаясь, Дэннер слышал, как снаружи доносится легкий скрип механизмов, скрытых под броней робота. Ложась спать, он не знал, увидит ли еще раз восход солнца. Или смертельный удар будет нанесен, когда он спит? Что это будет за удар? Как приводят фурии в исполнение приговоры? Каждое утро Дэннер встречал тусклый свет наступающего дня с каким-то облегчением. По крайней мере, прожита еще одна ночь. Но разве можно назвать это жизнью? И стоит ли так жить?

Он сохранил за собой номер в гостинице. Наверно, администрация хотела, чтобы он переехал в другое место, но никто к нему не обращался по этому поводу. Возможно, они просто не решались. Жизнь стала для Дэннера чем-то странным, едва ощутимым, прозрачным, словно он смотрел на

нее через невидимую стену. Ему хотелось одного — встретиться с Харцем. Все остальное — роскошь, развлечения, путешествия — перестали привлекать Дэннера. Он знал, что, куда бы ни пошел, всюду будет не один.

Он провел много часов в публичной библиотеке, читая все, что было известно о фуриях. Именно здесь он натолкнулся на две пугающие, запавшие ему в память строчки, которые написал Мильтон в те годы, когда мир был маленьким и простым, строчки, которые озадачивали всех и приводили в недоумение до того момента, когда человек создал по своему образу и подобию стальных фурий.

И эта двурукая машина за спиной
Стоит недвижно с поднятой рукой…

Дэннер поднял голову и посмотрел на свою двурукую стальную спутницу, застывшую за его спиной, и подумал о Мильтоне и о давно прошедшем времени, когда все цивилизации сорвались в пропасть и погрузились в ужас Великого Хаоса. И период до этого, когда люди были… ну, какими-то иными. Но чем они отличались от поколений, пришедших им на смену? Все казалось таким далеким и непонятным. Дэннер не мог представить

себе жизнь до появления машин.

И все-таки впервые за все эти годы он понял, что случилось на самом деле, когда он был еще совсем юным и прекрасный мир внезапно исчез, уступив место серой скуке новой эпохи. И люди впервые создали фурий, похожих на них самих.

Перед началом эры великих войн технология достигла такой высокой ступени развития, что машины сами создавали машины, подобно живым существам, и на Земле мог бы воцариться рай, когда все потребности людей полностью удовлетворялись, если бы не одно обстоятельство — общественное развитие далеко отстало от технического развития. Разразились ужасные войны, в которых люди и машины воевали бок о бок, сталь против стали и человек против человека. Но люди были куда более уязвимыми. Войны закончились сами собой, когда не осталось двух обществ, способных воевать друг с другом. Человечество начало распадаться на постоянно уменьшающиеся группы, и наконец наступила ситуация, мало чем отличающаяся от анархии.

Машины зализали свои металлические раны и вылечили друг друга, как и планировали их создатели. Машины не нуждались в общественном развитии, они просто воспроизводили другие

механизмы и снабжали человечество предметами, которые были необходимы для рая на Земле. Правда, далеко не все предметы роскоши стали теперь доступны, потому что некоторые виды машин были полностью уничтожены и не могли воспроизводить себе подобных. Но большинство из них добывали сырье, перерабатывали его, отливали и обтачивали необходимые детали, сами вырабатывали нужное им топливо, ремонтировали себя и поддерживали свое существование на Земле с эффективностью, совершенно недоступной людям.

Тем временем группы людей распадались и становились все мельче. Наконец не осталось достаточно крупных групп, исчезли даже семьи. Люди больше не нуждались друг в друге. Эмоциональные связи прекратились. Человечество научилось прибегать к заменяющим их суррогатам, и бегство от действительности стало широко распространенным явлением. Свои эмоции люди получали теперь от развлекательных машин, питавших их захватывающими приключениями, а реальный мир казался слишком скучным и серым. Рождаемость начала падать, и падение все ускорялось. Наступило смутное время. Роскошь и хаос, анархия и инертность существовали рядом

друг с другом. А рождаемость сократилась до катастрофического уровня…

Прошли годы, пока некоторые люди не начали понимать, что человеческому роду грозит полное исчезновение. Сами люди были бессильны что-нибудь предпринять. Но у них были всесильные слуги. Наконец какой-то невоспетый гений трезво оценил ситуацию и ввел новую задачу в самый мощный из всех оставшихся компьютеров. Вот какая цель была поставлена: «Человечество снова должно осознать свою ответственность. Это будет единственной целью до тех пор, пока она не будет достигнута».

Задача была бы удивительно простой, если бы произошедшие во всем мире изменения не носили столь коренного характера. Машины представляли собой интегрированное общество, а люди утратили это качество. И теперь всем машинам была поставлена одна-единственная задача, и ради ее осуществления они перестроили свои функции.

Дни роскоши кончились. Развлекательные машины прекратили свое существование. Ради собственного выживания люди начали объединяться в группы, часто вопреки своей воле. Теперь им было нужно выполнять работу, ко-

торую ранее выполняли машины, и медленно, очень медленно общие интересы и потребности начали снова восстанавливать почти утраченное чувство общности.

Но это был такой мучительно медленный процесс. И ни одна машина не могла вернуть человеку то, что он утратил навсегда, — врожденную совесть. Индивидуализм достиг высшей степени, и в течение длительного времени ничто не могло сдержать преступность. Поскольку отсутствовали семейные и клановые отношения, исчезла даже кровная месть. Понятие совести пропало, потому что люди перестали отождествлять себя друг с другом.

И теперь перед машинами возникла новая, действительно сложная задача — спасти человечество от вымирания, заставить людей осознать ценность их существования. Общество, понимающее ценность ответственности, станет поистине взаимозависимым, его руководители будут считать себя представителями общества, а возрожденная совесть приведет к запрещению и наказанию «греха» — им станет нанесение ущерба группе, с которой люди отождествляют себя.

Для этого и были созданы фурии.

Машины определили, что убийство, совер-

шенное при любых обстоятельствах, является тягчайшим преступлением. Подобный подход был точен, ибо убийство — поступок, навсегда уничтожающий одну из единиц, составляющих общество.

Фурии не могли предупредить преступление, однако неотвратимость наказания может помешать новому преступлению, ибо потенциальные преступники знают о неизбежности кары и это вселяет в них страх. Фурии стали символом наказания. Они открыто, на виду у всех, ходили по пятам за преступниками, приговоренными к казни, являясь наглядным доказательством того, что убийство всегда карается, причем карается открыто и жестоко. Фурии были всегда правы, они никогда не ошибались. Принимая во внимание колоссальный объем информации, накопленный в памяти компьютеров, было очевидно, что правосудие, осуществляемое машинами, несравненно эффективнее человеческого.

Наступит день, когда понятие греха вернется к человеку. Но без него он оказался на грани полного уничтожения. После того как грех, вина и совесть снова обретут свое место в сознании рода человеческого, люди смогут управлять как собой, так и бесчисленным множеством механических

слуг. Но пока не наступил этот день, фурии — совесть человека в металлическом облачении — будут ходить по улицам, неотступно следуя за убийцами, заставляя людей обрести утраченные моральные качества.

Дэннер не помнил, чем он занимался в эти дни. Он много думал о прошлом, о развлекательных машинах, о времени, существовавшем до того, как суровые машины, стремясь восстановить человеческое общество в его прежнем облике, резко ограничили производство предметов роскоши. Дэннер вспоминал об этом с грустью и без возмущения, потому что прошлое нравилось ему куда больше настоящего. И в то время не было фурий…

Он начал пить. Однажды он выложил все деньги из своих карманов в шапку безногого попрошайки, потому что и этот человек был выброшен из общества в результате ужасного несчастья, происшедшего с ним. Для Дэннера таким несчастьем была преследующая его фурия, а для попрошайки — сама жизнь. Тридцать лет назад попрошайка умер бы, и его кончины никто бы не заметил, потому что жизнью человека управляли машины. Уже одно то, что сейчас он выжил, доказывало начало обретения человече-

ством первых признаков милосердия, однако для Дэннера это ничего не меняло.

Ему хотелось поговорить с нищим, но тот пытался удрать от него на своей маленькой платформе с колесиками.

— Слушай, — старался убедить его Дэннер, следуя за нищим и выворачивая карманы в поисках денег. — Ты не думай, что моя судьба лучше твоей. Так кажется лишь на первый взгляд. На самом деле…

Этим вечером он был сильно пьян и преследовал нищего до тех пор, пока тот не скинул со своих коленей все деньги, которые высыпал Дэннер, и в панике не скрылся в темном переулке. Дэннер оперся плечом о стену здания. Все плыло вокруг и казалось нереальным. Лишь тень фурии за его спиной была объективно существующим фактом, а не плодом воображения.

Позднее, этим же вечером, когда стало совсем темно, Дэннер набросился на фурию. Он подобрал где-то обрезок металлической трубы и кинулся на свою ненавистную преследовательницу, нанося удары по стальным плечам, от которых летели искры. Пытаясь скрыться, он бросился бежать через дворы, темные переулки и узкие проходы. Наконец, задыхаясь от усталости, Дэннер

спрятался в подъезде. И через несколько секунд услышал тяжелые шаги фурии.

Измученный, он упал и заснул.

На другой день он сумел наконец встретиться с Харцем.

— Что случилось? — спросил Дэннер. За последнюю неделю он заметно переменился. Его лицо — лицо человека, потерявшего всякую надежду на спасение, — стало бесстрастным и равнодушным, подобно металлической маске робота.

Харц ударил кулаком по краю стола и вскрикнул от боли. Огромный кабинет, казалось, вибрировал, но не только от неустанной деятельности множества электронных компьютеров, а и от энергии верховного управляющего.

— Где-то вкралась ошибка, — ответил он. — Я и сам еще не знаю где. Я должен…

— Где-то вкралась ошибка! — возмущенно закричал Дэннер, на мгновение утратив спокойствие. — Для тебя это всего лишь ошибка. А для меня?

— Подожди немного, — успокаивающе произнес Харц. — Все будет хорошо.

— Сколько мне осталось жить? — спросил Дэннер, глядя через плечо на высокую стальную фурию, стоявшую позади него, как будто

он спрашивал ее, а не Харца. По его тону было ясно, что он уже задавал этот вопрос много раз, глядя на бесстрастное стальное лицо робота, и будет безнадежно задавать этот вопрос и дальше, пока наконец не получит ответ. Но ответ не на словах…

— Даже это мне неизвестно, — покачал головой Харц. — Черт побери, Дэннер, ты ведь знал, что полностью исключить риск невозможно.

— Ты сказал мне, Харц, что под твоим контролем находится компьютер, управляющий действиями фурий. Я сам видел, как ты отозвал фурию. А теперь я спрашиваю тебя, почему ты не выполнил свое обещание?

— Еще раз повторяю, Дэннер, — что-то произошло. Все должно было пройти как по маслу. В тот момент, когда за твоей спиной появилась фурия, я тут же ввел в компьютер команды, которые должны были защитить тебя и отозвать фурию.

Он встал и начал расхаживать по роскошному ковру.

— Я был уверен, что смогу защитить тебя. И все еще стараюсь найти ошибку. В конце концов, для меня это тоже важно. Поэтому я делаю все возможное. Вот почему я не мог встретиться с тобой раньше. Черт побери, Дэннер, ты должен понять,

насколько все это трудно. Ты только посмотри на ряды этих сложнейших машин. — Он кивнул в сторону огромного окна.

Дэннер даже не повернул голову.

— Надеюсь, тебе удастся выполнить обещание, — бесстрастно произнес он. — Так будет лучше и для тебя.

— Как ты смеешь мне угрожать! — яростно закричал Харц. — Оставь меня в покое, и я найду выход. Но не смей угрожать мне!

— Ты ведь тоже замешан в этом, — сказал Дэннер.

Харц повернулся, подошел к столу и сел на его край.

— Каким образом? — спросил он.

— О'Рейлли мертв. Ты заплатил мне за его убийство.

— Фурия знает это. — Харц пожал плечами. — И компьютерам известно. Но все это для них не имеет никакого значения. Твой палец нажал на спусковой крючок, а не мой.

— Мы оба виновны. Если я страдаю из-за совершенного нами преступления…

— Одну минуту, Дэннер, выслушай меня. Я хочу, чтобы ты понял, как обстоят дела на самом деле. Никого не могут наказать за намерение.

Только действие влечет за собой наказание. Моя ответственность за убийство О'Рейлли ничуть не больше, чем вина пистолета, из которого ты убил его.

— Значит, ты солгал мне! Обманул меня! Да я…

— Делай так, как тебе говорят, и я выполню свое обещание.

— Когда?

На этот раз оба мужчины повернулись и посмотрели на фурию. Она стояла у входа, равнодушно глядя на них.

— Я не знаю, когда она убьет меня, — ответил Дэннер на свой собственный вопрос. — Ты утверждаешь, что тоже не знаешь. Никто не знает, как и когда она убьет меня. Я прочитал все, что можно было прочесть об этом в популярных изданиях. Это правда, что способ казни всякий раз меняется, что одна из главных задач наказания — заставить приговоренного мучиться неизвестностью? А время, через которое следует исполнение приговора, — оно тоже непостоянно?

— Да, это верно. Но существует минимум времени между вынесением приговора и приведением его в исполнение. Я почти уверен в этом. Для тебя это минимальное время еще, очевидно, не истекло. Положись на меня, Дэннер. Я смогу ото-

звать фурию. Ведь ты видел своими глазами, как я сделал это. Нужно узнать, что помешало на этот раз. Но чем чаще ты беспокоишь меня, тем меньше времени у меня остается. Не пытайся искать меня. Когда будет нужно, я найду тебя сам.

Дэннер вскочил. Отчаяние охватило его. Он сделал несколько быстрых шагов к Харцу и тут же услышал тяжелую поступь фурии за спиной. Он остановился.

— Мне нужно время, — повторил Харц. — Верь мне, Дэннер.

После того как у Дэннера возродилась надежда, положение стало еще хуже. Чувство страха постепенно исчезло, а на его место пришло отчаяние. Но теперь появился шанс на спасение, надежда, что, если Харцу удастся вовремя спасти его, он снова заживет яркой роскошной жизнью, ради которой пошел на риск.

Теперь Дэннер почувствовал, что и в той жизни, которую он ведет сейчас, есть свои плюсы. Он начал покупать новую модную одежду, путешествовать — разумеется, не один. Ему хотелось обрести людское общество, и он добился этого. Правда, к общению с ним стремились только не слишком нормальные люди. Например, Дэннеру стало ясно, что некоторые женщины испытыва-

ют к нему страстное влечение — и не из-за его денег, а благодаря неотступно следующей за его спиной фурии. Их волновала близость с мужчиной, судьба которого была предрешена. Иногда он замечал, как, извиваясь в экстазе наслаждения, они смотрят через его плечо на стоящую рядом зловещую фигуру стальной фурии. Поняв это, Дэннер отказался от таких друзей. А других у него не было.

Дэннер отправился на ракетном корабле в Африку, посетил тропические леса Южной Америки, но ни ночные клубы, ни незнакомые страны не приносили ему удовольствия. Солнечный свет, отражающийся от стальной брони его преследовательницы, был одинаков и в саванне, и в заросших лианами джунглях. Вся прелесть новизны исчезала, когда он слышал за спиной тяжелые ритмические шаги.

Постепенно эти шаги стали невыносимы. Дэннер попытался затыкать уши ватой, но ноги ощущали тяжелое сотрясение почвы, и казалось, что голову пронизывает острая боль. Даже когда фурия стояла неподвижно, у него в голове отдавались воображаемые тяжелые шаги.

Дэннер купил оружие и попытался уничтожить робота. Но потерпел неудачу. Его намерение было

тем более бессмысленным, что он знал: на смену уничтоженной фурии тут же появится другая. Виски и наркотики не действовали, и Дэннер все чаще подумывал о самоубийстве. Но он решил отложить этот последний отчаянный шаг в надежде, что Харц все же сумеет спасти его.

Он вернулся в город, чтобы находиться рядом с Харцем и надеждой. И снова начал проводить все время в библиотеке, стараясь ходить как можно меньше, чтобы не слышать за спиной тяжелые размеренные шаги, которые сводили его с ума. Именно здесь, в библиотеке, он нашел ответ…

Дэннер прочитал и просмотрел все, что было известно о фуриях. К его удивлению, справочники содержали массу ссылок на материалы, имеющие отношение к фуриям. Особенно поразило его то, что по прошествии столетий некоторые ссылки приобрели удивительную злободневность. Даже если не иметь в виду строчки Мильтона о «двурукой машине за спиной», ему попадались все новые и новые: «эти сильные неутомимые ноги, всюду преследующие меня», читал он, «…неумолимая преследовательница», «размеренные шаги, величественное мгновение смерти…».

От литературных источников Дэннер перешел к фильмам, отснятым по произведениям, в кото-

рых упоминались фурии. Просматривая фильмы, он следил за тем, как Ореста, одетого в современный костюм, преследовала от Арго до Афин семифутовая фурия, а не три Эринии со змеями вместо волос, о чем рассказывалось в древней легенде. С тех пор как на улицах городов появились фурии, преследующие убийц, на эту тему было написано немало пьес. Дэннер, погруженный в полусон юношеских воспоминаний о том времени, когда еще действовали развлекательные машины, забылся в приключениях, мелькавших на экране.

Он настолько увлекся, что, когда перед ним промелькнула знакомая сцена, он едва не пропустил ее. Дэннер всего лишь удивился, что она почему-то показалась ему более знакомой, чем другие. Но затем что-то щелкнуло у него в мозгу, он очнулся и нажал на кнопку, останавливавшую действие автомата, прокручивающего фильм. Дэннер перемотал ленту назад, и на экране вновь появилась та же сцена.

Дэннер увидел человека, идущего по улице города среди толпы людей, которые расступались перед ним, образуя крошечный островок пустоты. За мужчиной следовала гигантская фурия. Они напоминали Робинзона Крузо и Пятницу на

этом маленьком движущемся острове, и толпа за их спинами снова смыкалась. Вот мужчина свернул в узкий переулок, с беспокойством посмотрел прямо в камеру и внезапно побежал. Дальше Дэннер увидел, как фурия заколебалась, остановилась, нерешительно шагнула в сторону… повернулась и уверенно пошла обратно, тяжело ступая по мостовой…

Дэннер снова перемотал фильм, и знакомая сцена опять появилась на экране. Теперь он весь дрожал, и мокрые от пота пальцы едва справлялись с кнопками автомата.

— Ну, что ты об этом думаешь? — бормотал он, обращаясь к фурии за спиной. У него появилась привычка разговаривать со своей преследовательницей, делать вполголоса замечания, даже не осознавая своих поступков. — Ты видела что-нибудь подобное? Правда, что-то напоминает? Отвечай, безмозглая консервная банка! — И, протянув руку назад, он ударил робота в грудь, как ударил бы Харца, если бы Харц был на месте фурии. От сильного удара металлическая грудь фурии издала глухой звук, словно ударили по стальной бочке. Это была единственная реакция фурии. Когда Дэннер обернулся, на полированной поверхности тела и безликой маске головы отра-

жалась уже такая знакомая сцена на городской улице, будто робот наконец запомнил что-то.

Итак, теперь все ясно. Харц не владел никаким секретом и не мог отозвать фурию. А если и мог, то не собирался спасать Дэннера. Зачем? Ведь сейчас ему ничто не угрожало. Неудивительно, что Харц так нервничал, прокручивая фильм у себя в кабинете. Но его беспокойство было вызвано совсем не риском нарушить нормальную работу компьютеров, а всего лишь необходимостью согласовывать свои действия с развитием событий на экране! Как он, должно быть, смеялся после ухода Дэннера!

— Сколько осталось мне жить? — спросил он, снова ударяя фурию по стальной груди. — Сколько? Отвечай! Хватит ли времени?

Надежда исчезла, ее сменила жажда мести. Больше не надо ждать. Теперь ему нужно отомстить Харцу и сделать это побыстрее, пока не кончилось отведенное ему кем-то время. Дэннер с отвращением подумал о напрасно потраченных днях — бесполезные путешествия, женщины, бессмысленное ожидание спасения, которое принесет Харц.

«Боже мой, — промелькнуло в сознании Дэннера, — ведь, может быть, сейчас истекают мои

последние минуты!»

— Пошли! — бросил он фурии, даже не подумав, насколько бессмысленна эта команда. — Быстрее!

Стальная фигура повернулась и последовала за ним, невидимые часы внутри ее металлической груди отсчитывали минуты, оставшиеся до того момента, когда, как писал Мильтон, опустится поднятая рука.

Харц сидел в роскошном кабинете верховного управляющего компьютерными системами Земли за специально изготовленным по его заказу новеньким письменным столом. Теперь он достиг желанной цели — стал повелителем планеты. Харц удовлетворенно вздохнул.

Лишь одна мысль мучила его — он все время думал о Дэннере. Иногда с утра до вечера. Дэннер начал даже сниться ему. Харц не испытывал чувства вины, нет. Ведь ощущение вины подразумевает наличие совести, тогда как результатом десятков лет анархии стал глубоко укоренившийся индивидуализм, исключающий это старомодное понятие. И все-таки Харца не оставляло беспокойство.

Думая о Дэннере, он повернулся и отпер маленький ящик письменного стола, который

демонтировал в своем старом столе и установил в новом. Он сунул внутрь ящика руку и легко провел ладонью по кнопкам панели управления.

Всего пара движений, подумал Харц, и жизнь Дэннера спасена. Но с самого начала он, разумеется, лгал Дэннеру, этому убийце-неудачнику. Харц действительно мог управлять действиями фурий и без труда спасти Дэннера, но не собирался делать этого. В этом для него не было необходимости. Вмешиваться в работу компьютеров всегда опасно. Стоит нарушить последовательность операций такого сложного механизма, как электронный мозг, управляющий жизнью общества, и может начаться цепная реакция, которая нарушит функционирование всей системы. Лучше не рисковать.

Наступит день, и ему, возможно, придется самому использовать спрятанный в ящике аппарат. Харц надеялся, однако, что этого не произойдет. Он задвинул ящик и услышал щелчок замка.

Сейчас он — верховный управляющий. Повелитель преданных ему машин, с преданностью которых не может сравниться преданность человека. Старая как мир проблема — кто контролирует контролеров? — подумал Харц. И ответ: никто. У него, Харца, нет начальников и

его власть — абсолютна. Благодаря небольшому аппарату в ящике письменного стола никто не может контролировать его действия, действия управляющего. Ни внутренняя человеческая совесть, ни совесть общественная. Он никому не подвластен…

Услышав шаги на лестнице, Харц на мгновение решил, что ему это чудится. Иногда ему снилось, что он — Дэннер и за его спиной раздаются тяжелые неумолимые шаги. Но на этот раз он не спал.

Он ощутил удары металлических ног, когда они еще были ниже порога слышимости для людей, и до того, как услышал торопливые шаги Дэннера, взбегающего по личной лестнице Харца. Все происходило настолько быстро, что время, казалось, остановилось. Сначала он почувствовал тяжелые шаги робота, затем до него донеслись шум и крики внизу, грохот распахивающихся дверей и только затем шаги Дэннера, которые настолько точно совпадали с грузными ударами ног фурии, что металлические звуки заглушали движения человеческой плоти.

В следующее мгновение Дэннер распахнул дверь кабинета Харца, и шум ворвался в тихий кабинет, подобно циклону. Но циклону, который

привиделся в ночном кошмаре. Он не двигался. Время остановилось.

Оно замерло, как замер и Дэннер, застывший на пороге; обеими руками он сжимал револьвер, потому что дрожал так, что не мог прицелиться, держа его в одной руке.

Движения Харца были автоматическими, словно движения робота. Слишком часто он представлял себе, как это может произойти. Если бы в его силах было заставить фурию ускорить смерть Дэннера, Харц сделал бы это. Но его могущество не распространялось так далеко. Оставалось одно — ждать и надеяться, что палач нанесет удар раньше, чем Дэннер догадается обо всем.

Поэтому, когда опасность стала реальностью и Дэннер ворвался к нему в кабинет, Харц был наготове. Пистолет оказался у него в руке настолько быстро, что впоследствии он сам не мог вспомнить, как выдвинул ящик стола. Но ведь время остановилось. Харц знал, что фурия не позволит Дэннеру причинить кому-нибудь вред. Но Дэннер стоял в дверях один, сжимая револьвер в дрожащих руках. И Харц где-то в глубине сознания решил, что машина остановилась. Фурия не выполнит свои обязанности. Он побоялся доверить свою жизнь машине, потому что сам был

источником разложения и обмана, способным нарушить их нормальную работу.

Палец нажал на спусковой крючок, и сила отдачи толкнула его руку назад. Из дула вырвалось пламя, и пуля помчалась к Дэннеру.

Харц услышал, как пуля ударилась о металл.

Время снова начало свой отсчет, на этот раз с удвоенной скоростью, чтобы компенсировать отставание. Оказалось, что фурия была всего в одном шаге позади Дэннера, и ее стальная рука успела отклонить в сторону револьвер, который он сжимал в руках. Дэннер действительно успел выстрелить, но фурия помешала ему. А вот выстрел Харца оказался точным.

Его пуля ударила Дэннера в грудь, пробила мышцы, кости, сухожилия и отскочила от стальной груди фурии, которая стояла за Дэннером. Лицо его внезапно превратилось в бесстрастную и равнодушную маску, ничем не отличающуюся от металлической маски робота. Дэннер откинулся назад, не упал — из-за того, что стальная рука обнимала его, — а медленно соскользнул на ковер между рукой фурии и ее металлической грудью. Из ран на груди и спине потекла кровь.

Фурия неподвижно застыла, полоса крови на ее груди алела, словно почетная награда.

Управляющий фуриями и одна из его фурий замерли, глядя друг на друга. И хотя фурия не могла говорить, в сознании Харца, казалось, раздавались ее слова.

— Самооборона не является оправданием, — словно произносила она. — Мы никогда не наказываем намерение, но всегда — действие. Любое убийство. Любое, без исключения.

Харц едва успел бросить револьвер в ящик стола и задвинуть его, как в кабинет ворвались взволнованные и перепуганные служащие.

— Самоубийство, — сказал он слегка дрожащим голосом, что было, впрочем, вполне объяснимо. Все видели, как безумец, которого преследовала фурия, ворвался в кабинет. Такое случалось не раз — убийца пытался уговорить верховного управляющего, чтобы тот отозвал фурию и приостановил казнь. Успокоившись, Харц рассказал своим подчиненным, как фурия не допустила, чтобы незнакомец убил его. И тогда безумец выстрелил себе в сердце. Следы пороха на одежде убитого были убедительным доказательством (письменный стол находился рядом с дверью, и Харц стрелял почти в упор). Парафиновый тест покажет, что Дэннер действительно сделал выстрел.

Самоубийство. Для людей это объяснение звучало убедительно. Но не для компьютеров.

Мертвое тело вынесли из кабинета. Остались только Харц и фурия, все еще стоящие напротив друг друга. Возможно, кому-то это показалось странным, но вслух никто не сказал ни слова.

Сам Харц тоже не знал, насколько оправдано поведение фурии. Ничего подобного раньше никогда не случалось. Еще не было идиота, решившегося совершить убийство в присутствии фурии. Ведь даже сам верховный управляющий не знал, как компьютеры оценивают доказательства и выносят приговор. Может быть, эту фурию действительно отзовут? Если бы смерть Дэннера была на самом деле самоубийством, разве Харц сейчас стоял бы здесь, глядя на бесстрастную стальную маску фурии?

Ему было известно, что машины уже обрабатывают полученные данные, изучают доказательства и дают оценку тому, что произошло в кабинете. Но Харц не мог знать, получила ли фурия приказ следовать за ним повсюду до самого момента его казни, или она просто замерла, ожидая дальнейших указаний.

Впрочем, это не имело значения. Эта фурия или какая-нибудь другая, несомненно, уже получила

указания от электронного мозга. У Харца был только один выход. Слава богу, что он мог спасти свою жизнь.

Харц наклонился, отпер маленький ящик письменного стола, выдвинул его и посмотрел на панель управления, которой ему так не хотелось пользоваться. Затем тщательно набрал кодовую комбинацию и ввел ее, цифру за цифрой, в главный компьютер. Ему казалось, будто он видит, как данные о действительно происшедшем стираются с магнитных лент и записывается новая, искаженная информация.

Харц посмотрел на фурию и улыбнулся.

— Теперь ты обо всем забудешь, — сказал он. — Ты и компьютеры. Можешь отправляться. Больше мы не увидим друг друга.

Или компьютеры действовали с невероятной быстротой, или это было всего лишь совпадение, но через мгновение фурия шевельнулась, словно откликнувшись на команду Харца. С того момента как безжизненное тело Дэннера выскользнуло из ее рук, она стояла совершенно неподвижно. Теперь новые команды оживили ее, и первые движения фурии были резкими и несогласованными, будто она переключалась от одних команд на другие. Фурия даже поклонилась — отрыви-

стое движение головой, при котором ее маска оказалась на одном уровне с лицом Харца.

Он увидел, как его черты отразились в бесстрастной полированной маске фурии. В этом поклоне было нечто почти ироническое — поклон дипломата с красной лентой запекшейся крови на груди, исполнившего свой долг честно и преданно. Фурия повернулась и пошла к выходу. Неподкупный стальной робот стал жертвой обмана, и лицо Харца, отражавшееся в полированной спине фурии, как бы с укором смотрело на верховного управляющего.

Харц следил за тем, как фурия вышла из кабинета и начала спускаться по лестнице тяжелыми равномерными шагами. Он чувствовал содрогание пола от тяжелых шагов, и внезапно его охватил ужас, от которого закружилась голова. Харцу показалось, что само основание общества разваливается у него под ногами.

Жизнь человечества по-прежнему зависела от компьютеров, а на них больше нельзя полагаться. Харц опустил голову и увидел, что у него дрожат руки. Он задвинул ящик стола. Замок щелкнул.

Ощущение полного одиночества пронеслось подобно порыву ледяного ветра. Харцу еще никогда так не хотелось человеческого общения,

общения не с одним человеком, а со многими. Знать, что его окружают люди.

Он снял с вешалки пальто и шляпу и стал быстро спускаться вниз, сунув руки в карманы и подняв воротник, потому что ему стало холодно и никакое пальто не могло защитить его от озноба, источник которого был в нем самом. На полпути Харц внезапно остановился.

У него за спиной послышались шаги.

Сначала Харц не рискнул обернуться. Ему были хорошо знакомы эти шаги. Но он не знал, что ужаснее — фурия, преследующая его, или то, что позади никого нет. При виде фурии Харца охватило бы чувство безумного облегчения — значит, машинам можно доверять.

Он спустился еще на одну ступеньку, боясь повернуть голову. И услышал за спиной зловещий звук шагов. Тогда Харц глубоко вздохнул и посмотрел назад. Никого.

После бесконечно долгого, как ему казалось, ожидания он пошел вниз, то и дело оглядываясь назад. Он отчетливо слышал тяжелые неумолимые шаги за спиной в такт его собственным. Но его не преследовала фурия.

Это мстительные Эринии нанесли свой тайный удар, и вслед за Харцем шла невидимая фурия

его совести.

Словно понятие греха опять появилось в мире и он был первым человеком, вновь почувствовавшим груз вины. Итак, компьютеры все-таки победили.

Харц медленно спустился по лестнице и вышел на улицу, все время слыша за спиной тяжелые неумолимые шаги, которые уже не принадлежали стальному роботу. Отныне они всегда будут сопровождать его.

Порог

В уютной квартирке в двенадцати этажах над машинами Западного Центрального парка было тихо. Жалюзи отражали мягкий свет. На стенах висели стандартные репродукции, на полу лежал ковер нейтрального цвета, в руке Хаггарда, иронично размышлявшего о ситуации, поблескивал хрустальный графин с янтарным виски.

«Совершенно неподходящее место, — думал он, — для эксперимента с черной магией».

Он налил Стоуну, который только что прибыл и теперь нервно затягивался сигаретой. Молодой адвокат наклонился вперед в своем кресле и взял стакан.

— Ты не пьешь, Стив?

— Не сегодня. — Хаггард криво улыбнулся. — Пей.

Стоун повиновался. Затем он отставил стакан, открыл портфель, который держал на коленях, и достал из него плоский продолговатый сверток.

— Вот книга, которую ты просил. — Он бросил сверток через комнату.

Хаггард не спешил вскрывать сверток. Осто-

рожно положил его на приставной столик рядом с закрытым термосом, на котором задержал взгляд.

Стивен Хаггард всегда отличался холодностью. Владелец переживающего не лучшие времена рекламного агентства, он словно не замечал испытаний, которые выпадали на долю других, но явно не затрагивали его. Красивый мужчина тридцати четырех лет, с тонкими губами и равнодушным взглядом черных глаз, он невозмутимо шел по жизни. Как будто был закован в ледяные доспехи — если не весь сделан изо льда.

А вот Стоун был полон тепла и смеха, этот крепкий парень с приятным лицом, немного моложе хозяина квартиры. Весь его вид не то что говорил, а кричал о простодушии.

— Они не очень-то хотели отдавать эту книгу, даже после того, как я показал им твое письмо, — сообщил Стоун.

— Вот как?

Хаггард с наслаждением курил, откинувшись на спинку кресла, и выглядел совершенно расслабленным.

— В этом книжном магазине могут раздобыть что угодно. Кстати, огромное спасибо, что забрал книгу для меня.

— Нет проблем, — улыбнулся Стоун, но его взгляд оставался озадаченным. — Похоже, дело срочное?

— Мне пришлось ее ждать много месяцев. И нужно было… — Хаггард помедлил и едва заметно повернул голову в сторону термоса, — добыть еще кое-что. — Он встал, словно желая прекратить расспросы. — Пойду посмотрю, готова ли Джин. Ей нужна целая вечность, чтобы нарисовать лицо.

— Как и всем женщинам, — усмехнулся Стоун. — Спасибо, что разрешил мне сегодня прогуляться с ней.

— Я буду занят…

Хаггард исчез за дверью, не договорив. Вернувшись, он обнаружил, что Стоун вскрыл прямоугольный сверток и разглядывает книгу в кожаном переплете тонкой выделки.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — проворчал Хаггард. — Я налью еще — пей, пока читаешь.

Стоун со слегка смущенным видом отложил книгу:

— Прошу прощения за любопытство. Ты сказал, что это сочинение о магии…

— Верно, но ты не знаешь латыни, Расс. Джин

говорит, что скоро будет готова, так что еще есть время пропустить по стаканчику. Я налью.

Содержимое стакана вспенилось и осело. Хаггард взял книгу и сел напротив гостя, лениво листая страницы.

— Я могу кое-что зачитать, если хочешь. На форзаце есть предупреждение: «Пусть лишь чистые сердцем и… *fortis*… сильные духом читают эту книгу; и пусть никто не предпринимает опасных попыток…» И так далее и тому подобное. Кто будет заниматься черной магией, того утащит в ад Ваал или Вельзевул.

— Собираешься попробовать? — спросил Стоун.

Хаггард не ответил. Он вытянул вперед руку и внимательно посмотрел на нее. Рука не дрожала.

— В чем дело? Видишь зеленых человечков? От всей этой магии у людей порой мозги съезжают набекрень… — Стоун запнулся, покраснел и усмехнулся. — Я тактичен, как всегда.

Мужчины засмеялись. Стоун продолжил:

— Конечно, я не тебя имел в виду. Один парень, с которым я работал, спустил все деньги на гадалок и шарлатанов. Знай орал про адское пламя и чертей, которые за ним охотятся.

Хаггард внезапно заинтересовался:

— А что он был за человек? В смысле, умный?

— Да, пока это все не началось. Умный, только очень нервный.

— Нервный?! Нервозность порождает эмоции, эмоции порождают…

— Что?

— Не важно. Так он боялся чертей? — Хаггард изогнул губы в презрительной улыбке.

Стоун осушил стакан. Под хмельком его всегда тянуло поспорить.

— Да, он рехнулся. Но не так уж давно недалеко от Нью-Йорка сжигали ведьм. Люди всегда боялись нечисти.

Хаггард засмеялся:

— Конечно! Дураки и невротики.

Стоун встал, пересек комнату и взял книгу по магии. Быстро ее пролистал и протянул Хаггарду:

— Я заметил здесь один рисунок… Он напугает любого, кто верит в нечисть, даже если ее не существует.

На рисунке была изображена злобная голова в короне, окруженная десятком многосуставных лап с когтями. Подпись внизу гласила: «Asmodée».

Хаггард закрыл книгу и снова улыбнулся:

— Расс, ты не прав. Даже если Асмодей существует, умному человеку не стоит его бояться. Сам подумай, каковы возможности демона?

Стоун плеснул в свой стакан.

— Ну… магическая сила. Ему достаточно лишь лапой махнуть, чтобы низвергнуть тебя в ад.

— Сила, — кивнул Хаггард. — Если перестанешь пользоваться рукой, что случится?

— Она атрофируется.

— Верно. У чертей есть магическая сила, если верить легендам. Но никто никогда не утверждал, что они очень умны. Зачем им развивать свои мозги? Они могут выполнить любое желание по мановению лапы, как ты выразился. — Хаггард усмехнулся.

— Горилла не слишком умна, но быстро уложит тебя на лопатки.

— Я ее пристрелю, — логично возразил Хаггард. — У чертей есть только магия. У нас — мозги. Наука, психология… Да если бы Фауст посещал Гарвард, он бы мог завязать хвост Мефистофеля узлами.

— Лично я окончил Йель, — пробормотал Стоун и встал, когда в комнату вплыла Джин Хаггард.

Она была стройной, элегантной и очарова-

тельной, этакая хрупкая блондинка. В вечернем платье и накидке она выглядела сногсшибательно.

Странно, но на долю секунды в глазах Хаггарда при виде жены мелькнула лютая злоба. Миг спустя он вновь обрел контроль над собой.

Джин сверкнула улыбкой:

— Расс, извини, что заставила ждать. И что в этот вечер свалилась на твою голову без предупреждения.

— Это я виноват, — буркнул Хаггард. — Мне нужно поработать. Ни к чему, чтобы Джин болталась рядом и слушала мои стоны. Развлекайтесь, дети мои.

Они пообещали так и сделать и ушли. Хаггард запер дверь на замок. Затем вернулся в гостиную, открыл книгу и торопливо нашел нужную страницу.

Формула была на месте. Хагганд прочел ее, натянуто улыбаясь. После чего подошел к телефону и набрал номер.

— Филлис? Это Стив… Я знаю, я не мог позвонить раньше. Прости… Сегодня вечером? Я занят… Я тебе говорил…

Щелчки в тишине.

— Прости, дорогая, я не могу. Джин вернется с

минуты на минуту. Давай завтра вечером? У меня может быть сюрприз для тебя.

Очевидно, ответ был положительным, поскольку Хаггард повесил трубку и, насвистывая, пошел в кухню. Он вернулся с большой миской, поставил ее посередине ковра. Затем открыл термос и вылил его вязкое содержимое в миску. Поднялась струйка пара. Кровь не остыла. Свежая кровь, разумеется, была необходима, хотя фермер из Джерси приставал с вопросами, когда Хаггард расплачивался: «А поросенок вам не нужен, мистер? Только кровь? А может…»

Хотел бы Хаггард знать, почему свежепролитая кровь играет такую важную роль в подобных ритуалах с момента зарождения мифологии. Он вернулся к книге и начал читать. Латинские фразы дробью слетали с его губ. Он ощутил легкое нервное напряжение и заставил себя расслабиться. Никаких эмоций. Никаких неврозов. Никаких истерик. Только логика!

Логика против демонов.

Уровень крови убывал. Ее уже осталось на самом донышке. Куда девается кровь? Странное явление, что ни говори. Но Хаггард не удивился, хотя по-прежнему относился к колдовству весьма скептически.

Кровь исчезла из миски. И заклинание было произнесено целиком.

Хаггард вскинул голову. Свет… Он мигнул? Да, не показалось. Лампы светят тусклее…

— Чушь, — еле слышно сказал он. — Воображение, фантазии, самовнушение. Электричество зависит от тока; призраки не могут повлиять на динамо-машину.

Лампы снова горели ярко. И снова погасли. Хаггард стоял в бесцветной темноте, глядя на смутное пятно в миске у своих ног. Казалось, пятно движется…

Оно пульсировало и меняло форму. Росло. Это была черная клякса, нет, наклонный колодец, на дне которого Хаггард видел что-то зеленое. Он словно заглядывал в телескоп не с того конца. Внизу появилась далекая, крошечная, но все же четко различимая комната с зелеными стенами и полом. В ней никого не было.

Колодец расширялся. Ощутив, как пол уходит из-под ног, Хаггард покачнулся, у него закружилась голова.

Если он упадет…

— Я смотрю, — тихо произнес он, — на зеленую комнату внизу. Возможно, в ковре и полу есть дыра. Возможно, мистер Тохи в квартире этажом

ниже сменил обстановку. Возможно, но маловероятно. Следовательно, то, что я вижу, нереально. Это иллюзия.

Но она была пугающе реальной. Хаггард с трудом держал себя в руках; хотелось закрыть глаза, чтобы ничего не видеть. Тем не менее он продолжил:

— Пол сделан из железобетона и дерева. Это прочные материалы, их можно уничтожить только физически. Следовательно, то, что я вижу, — иллюзия.

Головокружение прошло, Хаггард без опаски посмотрел вниз. И вдруг увидел косматую морду с оскаленными зубами. К нему потянулись когтистые лапы. Из разинутой пасти капала слюна.

Хаггард не пошевелился. Лапы замерли в дюйме от его лица. Они угрожающе дергались.

— Ты видишь, — произнес Хаггард, — я совсем не боюсь. Иди…

Он осекся. Он едва не сказал: «Иди сюда», что означало бы гласное признание иллюзии реальностью.

— Иди туда, где мы сможем спокойно поговорить.

Зияющая яма в полу и зеленая комната на ее дне исчезли, квартира снова стала абсолютно

нормальной. На полу стояла пустая миска. Перед Хаггардом возник невысокий мужчина, неуверенно переминающийся с ноги на ногу.

Его обнаженное тело было волосатым и мускулистым, а грубое лицо казалось вполне человеческим, разве что череп был странным образом сплюснут с боков, лоб и подбородок скошены, а губы плотно обтягивали массивные верхние резцы.

— Что ж, садись, — сказал Хаггард и сел сам.

Гость повиновался, сердито глядя из-под черных бровей. Повисла тишина.

— Ты совсем идиот? — наконец спросил Хаггард с откровенным презрением.

Он почти жалел, что задал вопрос, потому что, когда демон заговорил, стали видны зубы — жуткие острые клыки хищника.

— Ты меня не боишься?

Голос был низким, резонирующим, и Хаггард подумал, что в прошлом многие люди дрожали от страха при этих звуках. Он хмыкнул.

— Давай не будем терять время. Во-первых, как тебя зовут?

Демон не знал, как на это реагировать. Хотел было разозлиться, но передумал. Наконец он проворчал:

— Ты не сможешь правильно произнести мое имя. Зови меня Ваалом. У ассирийцев это означало «владыка».

— Имя как имя. Хорошо. Ты раньше встречал человека, который тебя не боится?

Янтарные кошачьи глаза Ваала были непроницаемы.

— Почему я должен на это отвечать?

Хаггард понял, что снова напрягся, и расслабился.

— Можешь не отвечать. Но я хочу, чтобы ты понял, что имеешь дело не с деревенским недоумком, которого можно напугать грозным рыком. Мне от тебя кое-что нужно. Я готов за это заплатить.

Хаггард ждал реакции демона. Он едва не усмехнулся при виде торжества на грубом лице Ваала.

— Сделка? Договор? Что ж, смертный, мне это не в новинку. Я обладаю магической силой; она может послужить тебе за определенную цену.

— И что же это за цена? Моя душа? — спросил Хаггард, чувствуя себя глупо.

— Твоя — что? — переспросил Ваал. — Ах да, припоминаю. Смертные вечно выпрашивают дары за свои так называемые души. Помнится, я сказал пророку Аликааму: «Дареный конь

может быть слаб на ноги. Покажи мне эту твою драгоценную душу, и мы заключим сделку». Разумеется, он не смог ее показать, но заявил, что она заключена в его теле. — Демон хрипло засмеялся. — Я не попадусь на эту старую уловку. Мне не нужна твоя драгоценная душа. Мне нужен ты!

— Зачем?

— Чтобы съесть, — пояснил Ваал. — Человеческая плоть… Ее вкус невозможно описать. Такому существу, как я, твоя плоть обеспечит часы блаженства.

Хаггард кивнул:

— Весьма материально… но я уловил идею. Если соглашусь, что ты можешь мне предложить?

Демон отвел глаза:

— Ну… деньги. Достаточно, чтобы ты не бедствовал. Не стоит меня переоценивать…

— И не стоит недооценивать меня. Эволюция наделила тебя магической силой. Я хочу денег, верно, но их должно быть много.

Ваал нахмурился:

— Что ж, я могу это устроить. Но ты должен понять: хотя я обладаю магической силой, она не безгранична. Ты можешь получить от меня только два дара. Больше нельзя по закону компенсации. Не знаю почему, но так все устроено.

Хаггард внимательно разглядывал гостя. Похоже, тот говорил правду.

— Какая гарантия, что твой дар не выйдет мне боком? Если я попрошу пудинг, не хочу, чтобы он висел у меня на носу.

Демон нервно поерзал в кресле.

— Это не так работает. Я сам не понимаю, как именно, но у тебя не будет никаких проблем. Дары приходят естественным путем. Мое вмешательство не заподозрят.

Хаггард посмотрел на наручные часы и глубоко вздохнул:

— Хорошо. Я хочу миллион долларов.

— Принято.

— Во-вторых, я хочу, чтобы моя жена исчезла без скандальных последствий для меня… и чтобы она страдала при этом.

— Принято.

— И что дальше?

— А дальше я тебя съем.

Хаггард встал:

— Нет, извини. Это мне не подходит. Сделки не будет.

У Ваала отвисла челюсть. Он протянул руку с длинными ногтями:

— Нет, погоди, я не имел в виду, что съем тебя

прямо сейчас. Конечно, дам тебе немного времени, чтобы насладиться…

Хаггард мысленно ликовал, но не показывал этого. Психология работает.

— Возникает вопрос, — мягко произнес он, — почему ты не съел меня, как только появился? По какой-то причине не смог. Не перебивай! Я пытаюсь вспомнить…

— Мы что-нибудь придумаем, — поспешно сказал Ваал.

— …что именно произошло. Ты хотел меня съесть. Ты хотел заманить меня туда, где это было возможно. Ты… Ну конечно! Ты заставлял меня упасть в ту воображаемую яму. В зеленую комнату. Ну конечно! — Хаггард продолжал говорить, торопливо придумывая убедительную ложь. — Де Галуа писал как раз об этом: что ты не можешь съесть человека, пока он не войдет в твою зеленую комнату.

— Он писал обо мне?

— Да.

— Откуда ты знаешь, что он имел в виду меня? — спросил демон с неожиданной хитрецой. — Ваал не настоящее мое имя.

— Он описал твою внешность, — мягко произнес Хаггард. — Так что я в безопасности, пока не

войду в твою зеленую комнату.

— Если ты заключишь договор со мной, то должен будешь его соблюсти, — отчеканил Ваал. — К тому же тебе не уйти из-под власти моей магии.

Но что-что, а торговаться Хаггард умел.

— Мне нужно больше уступок. Во мне свыше двухсот фунтов живого веса, так что я лакомый кусочек.

— Чего ты хочешь?

— Ну… честного шанса.

— Двери, — помолчав, сказал Ваал. — Один мой знакомый джинн… Как тебе такая идея: я воздвигну три двери на твоем пути. Все они будут разного цвета. Первая дверь — синяя, и за ней сбудется первое желание. Когда пройдешь через вторую дверь, желтого цвета, исполнится второе. А за третьей дверью…

— Что?

— Буду ждать я, чтобы тебя съесть.

— Какого цвета…

Ваал усмехнулся:

— Я не глупец. Если будешь знать, какого цвета эта дверь, то нипочем не пройдешь через нее. Не синего и не желтого.

— По рукам! — решительно произнес Хаггард.

— Это еще не все, — возразил демон. — После

того как ты пройдешь через две двери, я поставлю на тебя свою печать. — Он улыбнулся. — Не хватайся за голову, это не рога. Скорее нечто вроде ведьминой метки. Это еще одно из правил, не знаю, в чем его смысл.

— Что за печать?

— Перемена в твоем здоровье, причем пустяковая. Она не создаст тебе проблем, не причинит боли и даже не вызовет смущения. Возможно, это будет бородавка на спине. Или седая прядь в волосах. Это не обсуждается, — отрезал Ваал, когда Хаггард попытался протестовать. — Таково правило: моя магия работает, только если я соблюдаю определенные требования.

Хаггард задумчиво помял подбородок:

— Полагаю, бессмысленно спрашивать, кто устанавливает эти правила?

— Откуда мне знать? По рукам?

— По рукам.

Они обменялись рукопожатиями.

— Ну, я пошел. — Взгляд Ваала задержался на жалюзи.

— Заходи еще, — предложил Хаггард. — Ты же можешь? А раз можешь, заходи. С удовольствием с тобой поболтаю… В конце концов, демона не каждый день встречаешь.

— Ну, не знаю… — с сомнением начал Ваал.

— Вряд ли ты пьешь виски, но здесь для тебя всегда найдется свежая кровь.

— Хорошо, — оскалил зубы демон и исчез.

Хаггард стоял совершенно неподвижно три минуты. Затем вытянул руку и посмотрел на нее. Ничуть не дрожит.

Он отнес миску в кухню и тщательно отмыл от крови. Запер книгу по магии в рабочем столе. И наконец налил себе виски.

Пока можно расслабиться. Психология одержала победу над простой демонической магией. Две двери до триумфа.

Три двери до гибели.

Первая дверь синяя. Вторая — желтая. За ними — исполнение желаний Хаггарда. Но какого цвета третья дверь?

Третьего основного цвета, красного? Едва ли. Это было бы слишком наивно даже для такого простака, каким кажется Ваал. Было бы ошибкой недооценить демона. Ваал хитер. Тогда зеленого — цвета логова чудовища? Это тоже было бы чересчур очевидно.

А что мешает цвету повториться? Третья дверь тоже может быть синей или желтой. Что ж, времени поразмыслить об этом достаточно, и мозг

Хаггарда уже придумал логичный и надежный способ выяснить истину. Но для начала нужно подружиться с Ваалом. Угощать его кровью, пробудить в нем интерес к современной жизни. Разоружить его…

В комнате было душно. Хаггард распахнул окна, но на улице стояло жаркое раннее лето. Парк внизу выглядел пятном тени под яркой лентой улицы. Джин и Расс Стоун вернутся не скоро. Есть время прогуляться.

Он спустился на лифте, кивнул сонному негритенку, управлявшему кабиной, и вышел в ночь. С Семьдесят второй улицы повернул в Центральный парк, радуясь свежему ветерку. Хаггард медленно прогуливался, поглощенный мыслями о будущем. Поэтому не замечал темного силуэта рядом, пока грубый голос не скомандовал:

— Руки вверх, приятель! Живо!

Хаггард подчинился скорее инстинкту, чем логике. Он повернулся к силуэту, поднимая руки, но не успел закончить этот жест и потерял сознание от удара по голове.

Он очнулся на больничной койке и спросил:

— Что случилось?

Медсестра бросилась за врачом. Тот проверил пульс и температуру и через некоторое время

побеседовал с Хаггардом, многое прояснив.

— Амнезия? — осведомился пациент. — Сколько времени я здесь провел?

— Около месяца. Это не амнезия. Сотрясение. Ваша жена здесь.

Когда Джин вошла, Хаггард расслышал несколько последних слов, которые врач прошептал его жене, и пристально посмотрел на нее, тихо присевшую рядом с его койкой:

— Да, я в порядке… Очнулся так же внезапно, как потерял сознание. Джин, врач велел не говорить мне о чем-то. О чем?

— Н-ни о чем…

— Я буду очень волноваться, пока не узнаю.

Хаггард много лет прожил с ненавистной ему женщиной и хорошо изучил ее темперамент. Теперь он применил к Джин психологические приемы, и в конце концов та уступила.

— Фирма… твое рекламное агентство. Оно сгорело на следующий день после того, как тебя ударили.

— Оно застраховано, — произнес Хаггард и лишь после этого спросил: — Кто-нибудь пострадал?

— Нет. Но… — Джин замялась.

— Что?

— Страховка… просрочена. Я не знаю, как так вышло. Этим занимался Расс Стоун; он сделал все, что смог. Ты банкрот.

Хаггард холодно улыбнулся:

— *Я* банкрот. Не *мы.* Любить, почитать и лелеять. В горе и в радости. Что ж, я рад, что ты сказала мне правду.

Когда пришел врач, завязался спор. В конце концов Хаггард добился своего. Физически с ним давно уже все было в порядке, он полностью выздоровел. Его выписали из больницы, наказав быть поосторожнее.

Поосторожнее? Что пошло не так? Магия Ваала оказалась ненадежной. Или… или все просто померещилось? Нет. Хаггард знал, что он не из тех, кто дает волю воображению. Итак, он банкрот.

Он поймал такси и поехал посмотреть на руины своего рекламного агентства. Внезапно в голову пришла одна мысль, и он зашел в аптеку, чтобы позвонить своим брокерам.

— Позовите мистера Стрэнга, пожалуйста… Это мистер Гарднер… Да.

Хаггард назвался чужим именем, когда начал торговать на рынке ценных бумаг. Джин умела разнюхивать то, что ее не касалось, а на Филлис уходило много денег. На мгновение Хаггард за-

думался о Филлис. Как она восприняла то, что он не явился на следующий вечер после нападения? Надо позвонить и ей.

Стрэнг заговорил:

— Гарднер! О господи! Где вас носило? Я пытался связаться с вами всеми известными способами…

— Что случилось?

— Вы не могли бы приехать немедленно?

Хаггард нахмурился. Брокеры никогда его не видели, он общался с ними по почте. Но сейчас…

— Хорошо, — сказал он. — Скоро буду.

Он нашел нужное здание, поднялся в лифте на двадцать второй этаж и прошел по мраморному коридору. Открыл дверь и оказался в приемной.

— Чем могу помочь, сэр? — спросил офисный клерк.

Хаггард не ответил. Он смотрел за спину клерку.

На синюю дверь.

Офисная мебель была обтянута синей и бежевой кожей. Вполне логично, что и дверь была синей. За ней…

За ней Хаггард сел напротив седовласого толстяка — Стрэнга.

— Что вы хотели мне сообщить?

Странно, но он снова был совершенно хлад-

нокровен.

— Помните те бессрочные облигации нефтяной компании, которые вы купили месяц назад?

— Да.

— Они рухнули на следующий же день, и я пытался до вас дозвониться. Говорят, здание сгорело дотла. Никто не знал человека по фамилии Гарднер, который там находился.

— Рухнули?

— На неделю. А затем бурильщики пробились к месторождению нефти. Мистер Гарднер, в ваше отсутствие я действовал от вашего лица. По предварительной информации, принадлежащие вам бумаги сейчас стоят около миллиона долларов.

Они продолжили разговор, но для Хаггарда это было уже не важно. Он думал о синей двери, через которую прошел, чтобы исполнилось его первое желание.

Остались две двери…

Хаггард пока держал свое богатство в секрете. Он тихо жил в квартире с Джин, ожидая, что будет дальше. Время от времени виделся с Филлис, хотя теперь замечал в ней недостатки, которые прежде не бросались в глаза. Его страсть к ней угасала. Зато ненависть к Джин разгорелась с новой силой. Он был слишком похож на свою

жену, а эгоистам не ужиться вместе.

Хаггард втайне арендовал еще одну квартиру, тщательно обставил ее и однажды вечером налил кровь в миску на ковре. Ваал пришел.

Странно, но беседовать с демоном оказалось довольно приятно. Хаггард наслаждался своим умственным превосходством. Ваал был похож на ребенка… или, скорее, на дикаря, которому все интересно. Он попытался курить и попробовал алкоголь, но ни то ни другое ему не понравилось. А вот игры пришлись по вкусу. К сожалению, игр для двоих не так уж и много. Через некоторое время Хаггард смог правдоподобно предложить придуманную им схему.

Это был тест на словесные ассоциации. Ваал сперва заинтересовался, но вскоре ему стало скучно. Прежде чем Хаггард успел придумать что-то новое, зевающий демон исчез. Хаггард выругался. Ему нужно было узнать цвет третьей двери.

Что ж… Было уже поздно, но спать не хотелось. В последнее время он проводил все меньше времени в своей старой квартире, обычно ночевал в новой. Но почему-то сейчас она казалась не слишком привлекательной. Прогуляться, что ли?

Он старательно обошел парк стороной. Заглянул в бар выпить и встретил нескольких

знакомых. Влиятельных людей, которые на трезвую голову могли побрезговать банкротом. Они жили за городом и, когда бар закрылся в два часа ночи, хором заругались:

— Что за черт… мы только начали…

Хаггард вспомнил, что до его квартиры всего пара кварталов. Он предложил знакомым заглянуть к нему:

— У меня море шотландского.

Так что они все направились в квартиру с видом на Центральный парк. Их встретил сильный запах краски. Лифтер сонно произнес:

— Отделку меняют, миста Хаггард. Вы давненько не захаживали, да?

Хаггард не ответил. Когда лифт взмыл вверх, у него засосало под ложечкой — странное, необъяснимое чувство. Он взглянул на троих спутников, — похоже, те ничего такого не испытывали.

Они вышли на нужном этаже. Пахло скипидаром и краской. Цветовая схема показалась Хаггарду отвратительной. Он остановился перед своей дверью. Ее перекрасили.

Ее перекрасили в желтый цвет.

Хаггард максимально спокойно достал ключ, отпер и толкнул дверь. Он вошел в комнату, его спутники за ним. Он включил свет.

Расс Стоун стоял и смущенно моргал. Джин, в голубом неглиже, закричала и тщетно попыталась прикрыться.

— Джентльмены… — тихо произнес Хаггард. — Вы свидетели. Прелюбодеяние — законный повод для развода. Мне понадобятся ваши показания…

Все оказалось так просто. Хаггард хотел, чтобы его жена исчезла без скандальных последствий для него и при этом страдала. Несомненно, самолюбие Джин немало пострадает от публичного освещения подробностей бракоразводного процесса. Хаггард наконец будет свободен и с миллионом долларов в кармане. Он получит Филлис без каких-либо осложнений, если она еще будет ему нужна… в чем он сомневался. Его будущее омрачает лишь третья дверь.

Филлис обрадовалась, когда узнала новости.

— Заходи завтра вечером, закатим вечеринку. — Она улыбнулась. — Я переезжаю… в местечко получше. Вот адрес. И спасибо за последний чек, Стиви.

— Договорились. Завтра вечером.

Но Хаггард знал, что надо спешить. У него была назначена встреча следующим вечером в тайной квартире. Ваал явился, учуяв кровь. Он был в хорошем расположении духа.

— Я никогда не обсуждаю дела, — усмехнулся демон, оскалив жуткие клыки. — Включи ту пластинку, которая мне нравится… «Болеро».

Хаггард нашел черный диск.

— Ты сказал, что поставишь на меня свою печать, после того как я войду в две двери. Что…

Ваал не ответил, он увлеченно экспериментировал с приглянувшейся магнитной игрушкой. Хаггард прищурился: придется подождать.

Через два часа он предложил поиграть в словесные ассоциации, и Ваал согласился, не догадываясь о том, насколько это важно. Хаггард подготовил убедительный набор псевдоправил «игры». Он сидел с часами в руке, неотрывно глядя на циферблат.

— Музыка.

— «Болеро».

Между ключевым словом и ответом прошло две секунды.

— Дым.

— Огонь.

Две с половиной секунды.

— Сигарета.

— Вода.

Хаггард вспомнил, что Ваал потребовал стакан воды, когда попробовал курить. На этот раз про-

шло две секунды.

— Игрушка.

— Быстрая.

«Логично», — подумал Хаггард, покосившись на магнитное устройство. Именно так оно работало. Он старательно нанизывал бессмысленные слова, усыпляя подозрения Ваала и определяя нормальное время ответа. Лишь дважды демон замялся на сколько-нибудь заметное время.

— Пища.

Очень долгая пауза — десять секунд.

— Вкушать.

Ваал отмел естественную ассоциацию с этим словом и заменил ее на безобидную, которая ничего не значила. Он первым делом подумал о Хаггарде или… о цвете третьей двери?

— Открытая.

— Книга.

Прошло пять секунд. Недостаточно, чтобы Ваал успел придумать полностью безобидное слово, но достаточно, чтобы заменить первую ассоциацию на вторую. Хаггард это запомнил и вскоре сказал:

— Книга.

Шли секунды. Ваал молчал. Наконец он произнес:

— Смерть.

Хаггард продолжил, лихорадочно размышляя. Логичным ответом на слово «книга» было бы, вероятно, «читать». И все же подсознание Ваала предупредило его, что не стоит это произносить. Почему?

И какую смерть имел в виду демон — прошлую или будущую?

— Галстук, — внезапно произнес Хаггард.

Он заметил взгляд, брошенный Ваалом на его, Хаггарда, грудь. Демон ответил не сразу.

— Душить.

Хаггард был в красном галстуке.

Мысленно ликуя, он назвал еще несколько ключевых слов и завершил опрос. Красная дверь. За ней лежит гибель… но Хаггард никогда не откроет такую дверь и даже не подойдет к ней. Ваал проиграл, хотя даже не понял этого. Демоническая магия ничто по сравнению с прикладной психологией!

Хаггард потерял интерес к общению с демоном, хотя умело это скрыл. Ему казалось, что прошло несколько часов, прежде чем Ваал зевнул и исчез, небрежно кивнув на прощание.

В комнате было пусто. И это было невыносимо. Хаггард с облегчением вспомнил о свидании с

Филлис. Он сходит с ней в ресторан… нет, придет к ней с шампанским, и они отпразднуют победу. Конечно, Филлис не будет знать истинную причину, но это не важно.

Через полчаса Хаггард с двумя бутылками шампанского под мышками вылез из такси. Он дал шоферу щедрые чаевые и мгновение постоял, глядя на усеянное звездами фиолетовое небо. В лицо дул теплый ветерок. Миллион долларов… и свобода, не говоря уже о мести Джин. Хаггард коснулся лба. За лобной костью лежал его мозг, более могущественный, чем демоны и их магия.

«Cogito, ergo vici»[5], — мысленно перефразировал он. И повернулся к крыльцу многоквартирного дома.

Лифтер выпустил его на третьем этаже и указал вдоль коридора:

— Она только сегодня въехала, сэр. Вон там ее дверь.

Хаггард прошел по коридору, слыша тихий гул спускающейся кабины лифта. 3С. Сюда. Он отметил, что дверь выкрашена в светло-серый цвет. Теперь он будет обращать внимание на подобные

---

[5] Примечания: 5

Я мыслю, следовательно, побеждаю *(лат.)*. Перефразировано знаменитое утверждение Декарта «Cogito, ergo sum» («Я мыслю, следовательно, существую».).

мелочи. Высматривать красную дверь, в которую нельзя входить.

Он достал ключ, который ему дала Филлис, и вставил в замок. Затем повернул ручку и открыл дверь.

Перед ним была пустая комната с зелеными стенами и потолком. Нет, не пустая — в ней стоял обнаженный волосатый демон. Хаггард не двинулся бы вперед, если бы его не подтолкнул невидимый ветер. Дверь захлопнулась за спиной.

Ваал усмехнулся, оскалив зубы.

— Наша сделка, — сказал он. — Пора ее закрыть.

Хаггард обратился в лед. Он услышал собственный шепот словно со стороны:

— А как же твое слово? Дверь должна быть красной…

— Как ты узнал? — удивился Ваал. — Я тебе не говорил. Да, третья дверь была красной.

Хаггард повернулся и сделал несколько шагов. Он коснулся пальцем гладкой серой поверхности двери, не сочетающейся с зелеными стенами.

— Она не красная.

Ваал направился к нему.

— Забыл про ведьмину метку? Пустяковая пере-

мена в твоем здоровье — условие нашей сделки. После того как ты вошел во вторую дверь, оно было выполнено.

Он провел тыльной стороной волосатой руки по губам. Хаггард услышал тихое щелканье зубов и прошептал:

— Прикладная психология…

— Впервые о ней слышу, — сообщил Ваал. — У меня есть только моя магия. Эта дверь не серая. Она красная. Ты не различаешь цвета…

Мы идем искать

На подходе к дому номер шестнадцать по Нобхал-роуд Тэлмен весь покрылся испариной. Словно против воли он дотронулся до панели оповестительного устройства. Фотоэлемент с негромким стрекотом идентифицировал и одобрил его отпечатки. Наконец дверь открылась. Тэлмен вошел в едва освещенную прихожую и оглянулся — позади над холмами пульсировал бледный ореол огней космопорта.

Тэлмен спустился по пологому коридору и шагнул в приятно обставленную комнату, где в удобном кресле его ждал седовласый толстяк с хайболом в руке.

— Здравствуй, Браун, — сказал Тэлмен, заметно нервничая. — Все в порядке?

— Конечно. — Браун растянул вислые щеки в ухмылке. — А что может быть не в порядке? Разве за тобой следили полицейские?

Тэлмен устроился возле сервобара и стал готовить себе коктейль. Его тощая подвижная физиономия оставалась угрюмой.

— С нутром не поспоришь. Космос всегда на

меня так действует. По пути с Венеры я все ждал, что кто-нибудь подойдет и скажет: «Пройдемте».

— Но никто не подошел.

— Я понятия не имел, чего ждать.

— А полиция понятия не имела, что мы отправимся на Землю. — Бесформенной лапой Браун взъерошил седые волосы. — Кстати, это была твоя задумка.

— Угу. Психолог-консультант…

— …для преступников. Хочешь выйти из игры?

— Нет, — искренне ответил Тэлмен, — слишком уж выгодное намечается дело. Большой куш.

— Еще бы! — усмехнулся Браун. — Самый большой в истории. До нас ни одно преступление яйца выеденного не стоило.

— Ну и на каком мы этапе? Если забыл, то напомню: мы в бегах.

— Ферн отыскал нам безопасное убежище.

— Где?

— В кольце астероидов. Правда, понадобится одна вещица…

— Какая?

— Атомная силовая установка.

Бросив на Брауна изумленный взгляд, Тэлмен понял, что толстяк не шутит. Помолчал, отставил стакан и нахмурился:

— По-моему, это нереально. Силовые установки — чересчур громоздкие штуковины.

— Ну да, — согласился Браун, — но скоро одна из них будет в космосе. Отправится на Каллисто.

— Предлагаешь захватить корабль? Маловато у нас людей…

— Кораблем управляет пересадчик.

Тэлмен задумчиво склонил голову:

— Хм… Не сказал бы, что это мой профиль.

— Само собой, там будет минимальный экипаж, несколько человек. Но мы с ними разберемся — и займем их места. По сути, надо лишь разомкнуть цепь и подправить полетные инструкции, а это тебе по зубам. Ферн и Каннингэм разберутся с технической стороной дела, но сперва нужно выяснить, насколько опасен этот пересадчик.

— Я не инженер.

— Раньше его звали Барт Квентин, — продолжил Браун, не обратив внимания на реплику Тэлмена. — Ты же с ним дружил, верно?

— Ну да, — озадаченно кивнул Тэлмен, — много лет назад. Еще до того, как…

— У полиции нет к тебе никаких претензий. Проведай Квентина. Прощупай его. Выведай… Каннингэм скажет, что надо выведать. После этого начнем. Уж надеюсь.

— Ну, не знаю. Я не…

— Повторяю: нам требуется убежище! — Браун грозно свел брови. — Это вопрос жизни и смерти, без вариантов. Иначе можно отправляться в ближайший полицейский участок, вытянув руки вперед: нате застегните наручники. Мы провернули все по-умному, но теперь пора залечь на дно. И чем быстрее, тем лучше!

— Да понял я, понял. Но ты хоть знаешь, что такое пересадчик?

— Знаю. Мозг без тела, способный управлять рукотворными механизмами.

— С формальной точки зрения — да. Видел, как пересадчик оперирует бурильной установкой? Или венерианской грунточерпалкой? Или любым сложным агрегатом, где раньше требовалась команда из дюжины профессионалов?

— Хочешь сказать, что пересадчик — сверхчеловек?

— Нет, — ответил Тэлмен после паузы. — Я такого не говорил. Но есть у меня подозрение, что проще разделаться с дюжиной парней, чем с одним пересадчиком.

— Ну… — сказал Браун, — ты все равно поезжай в Квебек. Навести Квентина. Он сейчас там, я узнавал. А сперва поговори с Каннингэмом. Де-

тали мы проработаем, но сперва надо выяснить, на что способен этот Квентин. Каковы его слабые места. И еще — есть ли у него телепатические способности. Вы с ним старые друзья. К тому же ты психолог, так что идеально подходишь для этой задачи.

— Угу.

— Без этой установки мы как без рук. Повторяю: пришло время прятаться!

Наверное, толстяк запланировал это с самого начала, размышлял Тэлмен. Браун не дурак, ему хватило ума понять, что в технологичном мире, поделенном на узкоспециализированные сектора, у преступников нет ни единого шанса на успех. Полиция всегда может обратиться за помощью к ученым. Связь — включая межпланетную — высокоскоростная, качество сигнала превосходное. Устройства слежки и обнаружения — на любой вкус. Единственный способ провернуть успешное дельце — сделать это максимально быстро и тут же исчезнуть без следа.

Но преступление необходимо спланировать. Любое мошенничество — это состязание с организованной ячейкой общества, и если мошенник умен, он сам создаст подобную ячейку. У человека с дубинкой нет шансов против человека с ружьем.

По этой же причине безмозглый громила обречен на провал: его следы мигом проанализируют; химики, психологи и криминалисты скажут, где его искать, а потом заставят во всем признаться — именно заставят, причем без всякого насилия.

Поэтому Каннингэм был инженером-электронщиком, Ферн — астрофизиком, Тэлмен — психологом. Здоровенный блондин Дэлквист — охотник по профессии и по зову души, великолепно подготовленный и чрезвычайно быстрый стрелок. Коттон — математик, ну а Браун — координатор. За три месяца их шайка добилась на Венере внушительных успехов, а затем наступила неотвратимая развязка и преступная ячейка просочилась обратно на Землю, готовая к реализации следующего этапа долгосрочного плана. Каков он, этот этап, Тэлмен узнал только сегодня. И немедленно убедился в его логической необходимости.

В бескрайней пустыне кольца астероидов можно затеряться хоть навсегда, коль скоро в том будет необходимость, и при каждом удобном случае совершать очередную вылазку. Можно создать настоящее подполье, преступную организацию с автоматизированной системой межпланетной разведки — да, это единственно

верный путь. Но Тэлмену все равно не хотелось тягаться умом с Бартом Квентином. Этот человек уже… не был человеком.

По пути в Квебек Тэлмена терзали сомнения. Да, по натуре он космополит, и предрассудки ему несвойственны, но он понимает, какой неловкой и напряженной станет встреча с Квентом. Можно притвориться, что никакого… происшествия не было? Нет, это будет выглядеть неестественно. И все же… Он помнил, как семь лет назад Квентин был в прекрасной физической форме, как гордился своим умением танцевать. Ну а Линда? Что с ней стало? Не могла же она в подобных обстоятельствах остаться миссис Барт Квентин? Или могла?

Самолет пошел на снижение. Тэлмен задумчиво рассматривал тускло-серебристую ленту реки Святого Лаврентия. Машиной управлял узкодиапазонный автопилот. Обычные пилоты садятся за штурвал только во время сильной грозы. Но в космосе все иначе. Да и в целом на свете полно сложнейших работ, с которыми способен справиться только человеческий мозг. Причем не любой, а весьма специфический.

Такой, как мозг Квентина.

Тэлмен потер узкий подбородок и печально

улыбнулся, стараясь понять, почему он так волнуется. И наконец понял. Вопрос в том, сколько чувств подвластно Квенту в его новой инкарнации — пять или больше. Способен ли он замечать реакции, невидимые обычному человеку? Если так, Ван Тэлмен крепко влип.

Он глянул на соседа по сиденью, на Дэна Саммерса из компании «Инженеры Вайоминга», через которого связался с Квентином. Саммерс — молодой блондин с мимическими морщинками возле глаз, вызванными частым пребыванием на солнце, — понимающе усмехнулся:

— Нервничаете?

— Есть немножко, — признался Тэлмен. — Все думаю, насколько он изменился.

— Результаты разнятся от случая к случаю.

Повинуясь командам радиолуча, самолет скользил к аэропорту по склонам закатного неба. На заднем плане разнобойным частоколом высились сияющие небоскребы Квебека.

— Стало быть, пересадчики меняются?

— В психическом плане? Ну, наверное. Как без этого. Вы же психолог, мистер Тэлмен. Сами подумайте, если бы вы…

— Не исключена компенсация.

— Компенсация? — рассмеялся Саммерс. — Это

еще мягко сказано! Например, бессмертие — как вам такая компенсация?

— По-вашему, бессмертие — это благо? — спросил Тэлмен.

— По-моему, да. Он будет оставаться в расцвете сил — как долго? Одному Богу известно. И ни малейшего износа. Автоматическое облучение нейтрализует все кенотоксины. Ну да, в отличие от мышечных тканей, клетки мозга не восстанавливаются, но мозгу Квента невозможно причинить ущерб, ведь он находится в специальной оболочке. Плазменный раствор исключает возможность артериосклероза, ведь кальций не оседает на стенках кровеносных сосудов. Короче говоря, физические показатели мозга контролируются автоматически — и самым наилучшим образом. Отныне Квенту не грозят никакие заболевания, кроме психических.

— Клаустрофобия? Вряд ли. По вашим словам, у него есть искусственные глаза, а следовательно, и ощущение пространства.

— Если заметите перемены, — сказал Сammерс, — любые, кроме укладывающихся в рамки семилетнего умственного развития, — дайте знать. Мне интересно. Что касается меня, я вырос среди пересадчиков. Уже не обращаю внимания

на сменные механические тела, ведь врач не видит в своем приятеле клубок вен и нервов. Значение имеет только мыслящий разум, а он остается прежним.

— Как ни крути, — задумчиво произнес Тэлмен, — в некотором смысле вы их лечащий врач. Но у дилетанта может сложиться иное впечатление. Особенно если он привык видеть… человеческое лицо.

— Я не принимаю в расчет отсутствие лица.

— А Квент?

Саммерс помедлил.

— Нет, — наконец ответил он. — Уверен, что нет. Он замечательно приспособился. Пересадчик привыкает к новой жизни примерно год, а потом все идет как по маслу.

— Я видел, как они работают. На Венере, издали. Но за пределами Земли их не часто встретишь.

— У нас не хватает квалифицированных специалистов. Чтобы подготовить человека к трансплантации, полжизни уходит. В буквальном смысле. Еще до начала подготовки нужна степень инженера-электронщика. — Саммерс усмехнулся. — Хотя почти все первоначальные расходы покрываются страховкой.

— Как это? — не понял Тэлмен.

— Страховые компании берут на себя все обязательства. Профессиональный риск, бессмертие. Ядерные исследования — небезопасная штука, друг мой.

Они вышли из самолета в прохладную ночь. По пути к ожидавшему их автомобилю Тэлмен сказал:

— Мы с Квентином выросли вместе. Несчастье случилось через два года после того, как я покинул Землю. С тех пор я его не видел.

— В ипостаси пересадчика? Понятно. Что сказать, не самое удачное название. Какой-то осел поспешил наклеить этот ярлык, не посоветовавшись с пиарщиками. К сожалению, ярлык прилип намертво. Мы надеемся, что в конце концов сумеем их популяризовать — в смысле, пересадчиков. Ведь пока что мы в самом начале пути. Провели всего двести тридцать успешных трансплантаций.

— А неудач много?

— Уже нет. На ранних этапах было… непросто. Объединение коллоидной системы с электронной начинкой — начиная с трепанации и заканчивая подачей питания и реабилитацией — сплошная нервотрепка и небывалая головоломка для ученых. Но результат того стоит.

— С технической точки зрения — наверное. Но как же человеческие ценности?

— А, вы про психологию. Ну-у… о ней вам поведает сам Квентин. Что касается технологии, вы даже не представляете, насколько она сложна. До недавнего времени никто не разрабатывал коллоидных систем на базе человеческого мозга. И дело не только в технике. Синтез разумной живой ткани с чувствительной и быстрореагирующей электроникой — настоящее чудо.

— Но у этого синтеза есть свои недостатки. Ограничения, свойственные электронике — и человеческому мозгу.

— Сами все увидите. Мы уже приехали. Сегодня поужинаете с Квентом…

— Поужинаю?! — изумился Тэлмен.

— Ну да. — Во взгляде Саммерса искрилось веселье. — Нет-нет, он не питается железными опилками. Вообще-то…

При виде Линды Тэлмен вздрогнул от удивления. Не рассчитывал ее встретить. Только не теперь, не при таких обстоятельствах. Она почти не изменилась: все та же приветливая, дружелюбная женщина, весьма обходительная и невероятно красивая. Она всегда была само очарование. Стройная, высокая, с причудливой

копной янтарно-медовых волос, а в карих глазах — ни тени напряжения, которое ожидал увидеть Тэлмен.

Он взял ее руки в свои:

— Так, только не начинай. Сам знаю, сколько лет прошло.

— Не будем считать годы, Ван. — Она с улыбкой подняла на него глаза. — Продолжим с того, на чем остановились. Выпьем по одной. Что скажешь?

— Я бы к вам присоединился, — влез в разговор Саммерс, — но пора к начальству на ковер. Забегу на минутку, поздороваюсь с Квентом. Где он?

— Вон там. — Кивнув на дверь, Линда повернулась к Тэлмену. — Значит, был на Венере? Теперь понятно, почему такой бледный. Расскажи, как там живется.

— Нормально живется. — Тэлмен забрал у нее шейкер и старательно встряхнул мартини.

Ему было неловко.

Линда изогнула бровь:

— Да-да, мы все еще женаты. Мы с Бартом. Как вижу, ты удивлен.

— Слегка.

— Он по-прежнему Барт, — тихо сказала она. — По виду не скажешь, но он тот самый человек,

за которого я вышла замуж. Так что расслабься, Ван.

Тэлмен разлил мартини по бокалам. Не глядя на нее, сказал:

— Ну, раз уж ты довольна…

— Понимаю, что у тебя на уме. Мол, это все равно что быть замужем за машиной. Поначалу… Ну да ладно, я совладала с этим ощущением. Мы оба совладали, хоть и не сразу. Была некоторая натянутость. Наверное, ты тоже ее почувствуешь, когда увидишь его. Просто помни, что на самом деле это не имеет значения. Он… все тот же Барт.

Она придвинула третий бокал к Тэлмену, и тот удивленно посмотрел на нее:

— Да ну?

Она кивнула.

Ужинали втроем. Тэлмен рассматривал покоившийся на столе цилиндр два на два фута и пытался прочесть в сдвоенных линзах намек на разум и характер. Нельзя было не представить Линду в роли жрицы противоестественного божка, и этот образ оказался весьма неприятен. Тем временем Линда, ловко орудуя вилкой, выцепляла из соуса охлажденные креветки, отправляла их в металлический отсек и выгребала ложкой по сигналу звукового устройства.

Тэлмен ожидал услышать голос без каких-либо модуляций, безжизненный, но система «соновокс» придавала речи Квентина глубину и тембр.

— Креветки прекрасно усваиваются, Ван. Линда достает их из моего рта только по привычке. Вкус-то я чувствую, но слюнных желез у меня нет.

— Чувствуешь вкус…

— Хватит уже, Ван, — усмехнулся Квентин. — Не делай вид, что тебя ничего не смущает. Придется привыкнуть.

— Я долго привыкала, — добавила Линда. — Но через какое-то время стала относиться к этому как к очередной дурацкой выходке Барта. Помнишь, милый, как ты явился на чикагское собрание совета директоров в рыцарских латах?

— И тем самым донес суть моего мнения до окружающих, — ответил Квентин. — Так о чем мы говорили? Ах да, о вкусе. Я чувствую вкус креветок, Ван. Конечно, не всю палитру — тончайшие нюансы мне недоступны. Но я различаю множество оттенков, помимо сладкого, кислого, соленого и горького. Чувство вкуса появилось у машин давным-давно.

— Но никакого пищеварения…

— И никакого пилороспазма. Да, я теряю во

вкусе, но выигрываю в свободе от желудочно-кишечных расстройств.

— И отрыжкой меня больше не мучаешь, — вставила Линда.

— К тому же могу говорить с набитым ртом, — продолжил Квентин. — Но если ты думаешь, что я супермозг в механической оболочке, спешу тебя разочаровать, дружище. Я не умею плеваться смертоносными лучами.

— Я что, о таком подумал? — Тэлмен улыбнулся, но ему стало не по себе.

— Готов спорить, что подумал. Нет, — тембр голоса изменился, — я не настолько могуч. В этой коробочке заключено обыкновенное существо. Поверь, иногда я скучаю по старым добрым денькам. Вспоминаю, как лежал на пляже, как солнышко ласкало кожу… ну и тому подобные мелочи. Как танцевал под музыку и…

— Милый, — перебила его Линда.

— Ну да. — Голос снова изменился. — Я не я без этих тривиальных мелочей. Но теперь у меня есть им замена, равноценные мелочи, реакции, не поддающиеся описанию, потому что они… ну, скажем так: электронные аналоги привычной нейротрансмиссии. У меня по-прежнему есть органы чувств, только теперь они механические.

Когда импульс достигает мозга, он автоматически преобразуется в знакомый символ. Или… — Он помолчал. — Хотя теперь это случается все реже.

— Ты про манию величия? — Линда положила в отсек для пищи кусочек томленого рыбного филе.

— Я про манию трансформации, любимая. Вот только это не мания. Видишь ли, Ван, когда я стал пересадчиком, у меня не оказалось стандартов сравнения — за исключением тех произвольных, что уже имелись, подстроенных под человеческое тело — и только под него. Когда я чувствовал импульс обратной связи от бурильной установки, мне казалось, что я сижу за рулем и давлю ногой на педаль газа. Теперь же эти старые образы меркнут, и я… ощущаю все напрямую, без необходимости транслировать импульсы в знакомые символы.

— Ощущения ускоряются, — подсказал Тэлмен.

— Да, вот именно. Мне не надо вспоминать значение числа пи, когда поступает соответствующий сигнал. Не надо преобразовывать уравнение, поскольку я мгновенно осознаю его смысл.

— Ты про единение с машиной?

— Да, я робот. Но это никак не влияет на мою

личность, на суть персоны Барта Квентина.

Какое-то время стояла тишина. Тэлмен заметил, что Линда бросила недовольный взгляд на цилиндр. Затем Квентин продолжил прежним тоном:

— Я обожаю решать всевозможные задачи. Всегда обожал. Теперь же занимаюсь этим не только на бумаге. Решаю всю задачу самостоятельно, от начала до конца, от концепции до реализации, подыскиваю ей практическое применение и… Ван, ведь я и есть машина!

— Машина? — переспросил Тэлмен.

— Не знаю, замечал ли ты этот феномен, но, когда ведешь автомобиль или пилотируешь самолет, ассоциируешь себя с машиной. Она становится продолжением твоего тела. Я же сделал следующий шаг, и это меня несказанно радует. Представь, что ты раздвинул бы границы эмпатии и отождествился с пациентом, решая его проблему. Это… экстаз!

Линда плеснула в отдельный отсек немного сотерна.

— Ну а захмелеть ты способен? — поинтересовался Тэлмен.

Линда фыркнула:

— Не от спиртного. Но поверь, Барт своего не

упустит!

— Каким образом?

— Сам подумай, — сказал Квентин с легким самодовольством. — Алкоголь всасывается в кровь, а оттуда попадает в мозг. По сути, эквивалент внутривенной инъекции, так? Но я бы предпочел запустить в кровеносную систему яд кобры, — продолжил трансплантат. — У меня очень тонкое равновесие обмена веществ. Это идеальный баланс, и его нельзя нарушать посторонними веществами. Нет, я пользуюсь электростимуляцией, индуцированным током высокой частоты. Ты бы знал, как он на меня действует!

— Неужели это достойная замена? — изумился Тэлмен.

— Еще бы! Алкоголь и табачный дым — это раздражители, Ван. Если уж на то пошло, мысль — такой же раздражитель! Когда у меня возникает духовная потребность надраться и стравить пар, я пользуюсь специальным прибором, стимулирующим раздражение, — и, поверь, улетаю от него не хуже, чем ты улетел бы от кварты мескаля.

— Он цитирует Хаусмана, — объяснила Линда, — изображает разных животных. Голосовой модуль у него — просто чудо. — Она встала. —

Прошу простить, но у меня кухонный наряд. Да, у нас все автоматизировано, однако кому-то надо нажимать на кнопки.

— Помочь? — предложил Тэлмен.

— Нет, спасибо. Лучше побудь с Бартом. Пристегнуть тебе руки, милый?

— Не-а, — ответил Квентин. — С моей жидкой диетой легко совладает Ван. Не задерживайся, Линда. Саммерс сказал, что мне скоро на работу.

— Корабль готов?

— Почти.

Линда, закусив губу, задержалась в дверном проеме:

— Никак не привыкну, что ты в одиночку управляешь космическим кораблем. Особенно таким.

— Да, штуковина нестандартная. Но до Каллисто доплетется.

— Ну… там же будет минимальный экипаж?

— Будет, — ответил Квентин. — В нем нет необходимости, но страховая компания требует, чтобы на борту была группа экстренного реагирования. Саммерс молодец, уложился в полтора месяца.

— Собрал эту посудину из жвачки и канцелярских зажимов, — проворчала Линда. — Хоть бы

не развалилась.

Она вышла, а Квентин тихо засмеялся. Потом наступила тишина, и Тэлмен, как никогда прежде, почувствовал, что его товарищ… ну, уже ему не товарищ. Ибо Квентин смотрел на него, и это был не Квентин.

— Бренди, Ван, — сказал голос. — Плесни мне в лоток. — И добавил, когда Тэлмен ринулся выполнять просьбу: — Только не из бутылки. Прошли те времена, когда я смешивал ром с колой у себя во рту. Давай из снифтера… Ага, вот так. А теперь выпей сам и расскажи, что думаешь.

— О чем?

— Не делай вид, что не понял.

— Семь лет, Квент. — Тэлмен встал у окна и уставился на флуоресцентные отражения в водах реки Святого Лаврентия. — Непросто привыкнуть к тебе в этой… форме.

— Я ничего не утратил.

— Даже Линду, — добавил Тэлмен. — Вот какой ты везучий.

— Решила остаться со мной, — сказал с нажимом Квентин. — Этот несчастный случай пять лет назад… Я заигрался с ядерными исследованиями, а они всегда небезопасны. При взрыве меня словно пропустили через мясорубку. Только не

подумай, что мы с Линдой не учли заранее такой вариант. Мы всегда делали поправку на профессиональный риск. Решили, что не расторгнем брак, даже если придет беда.

— И когда она пришла…

— После взрыва я даже настаивал на разводе. А Линда убеждала, что у нас все получится. Как видишь, получилось.

— Вижу, — кивнул Тэлмен.

— Довольно долго это помогало мне держаться, — негромко продолжил Квентин. — Сам знаешь, как я отношусь к Линде. Мы с ней переменные в идеальном уравнении. Обстоятельства изменились, и в переменные были подставлены новые значения. Мы подстроились. — Квентин вдруг издал резкий смешок, и психолог обернулся. — Никакое я не чудище, Ван. Хватит об этом думать!

— И в мыслях не было, — возразил Ван. — Ты…

— Что?

Снова тишина. Квентин хмыкнул:

— За пять лет я научился распознавать человеческую реакцию. Дай еще бренди. Я по-прежнему воображаю, что чувствую его вкус на языке. Даже странно, как долго держатся эти ассоциации.

— То есть ты считаешь, что изменился только

физически? — Тэлмен взял снифтер и подлил в цилиндр янтарной жидкости.

— По-твоему, я голый мозг в металлическом ящике, а вовсе не тот парень, с которым ты, бывало, напивался на Третьей авеню? О да, я изменился. Но эти изменения вполне предсказуемы. В металлических конечностях нет ничего противоестественного. Это следующий этап после вождения автомобиля. Будь я каким-то суперустройством, технической диковинкой — а ты подсознательно воспринимаешь меня именно так, — то стал бы конченым интровертом. Проводил бы все время за решением грандиозных уравнений. — Квентин вставил в свой монолог вульгарное выражение. — И совершенно спятил бы. Потому что я не супермен, не сверхчеловек. Я обычный парень, неплохой физик, и мне пришлось приспосабливаться к новому телу. У которого, разумеется, есть свои ограничения.

— Например?

— Чувства. Вернее, их нехватка. Я сам помогал разрабатывать компенсаторный аппарат. Читаю эскапистскую литературу, туманю сознание электроимпульсами, ощущаю вкус — хоть и не способен принимать пищу. Смотрю телевизор. Стараюсь получать любые удовольствия,

доступные человеческим органам чувств. Все это помогает поддерживать… жизненно важное равновесие.

— Понятно. Ну и как, действительно помогает?

— Сам подумай. У меня есть глаза, в высшей степени чувствительные к полутонам и оттенкам цветов. У меня есть пристежные руки разнообразных калибров, вплоть до самых микроскопических. Я умею рисовать — и, кстати, я весьма популярный карикатурист, хоть и прячусь за псевдонимом. Это хобби, подработка. Настоящая работа — по-прежнему физика, и она до сих пор мне нравится. Тебе же знакомо это чувство истинного удовлетворения, когда додумался до решения задачи — в геометрии, электронике, психологии, да где угодно? А теперь я нахожу решения бесконечно более сложные, требующие не только точного расчета, но и молниеносной реакции. Например, при управлении космическим кораблем. Дай еще бренди. Жарковато в комнате, он быстро испаряется.

— Ты все тот же Барт Квентин, — сказал Тэлмен, — но это проще понять с закрытыми глазами. Управление космическим кораблем…

— Я не утратил ничего человеческого, — настаивал Квентин. — Эмоциональная база не

изменилась. Честно говоря, не очень-то приятно видеть, как ты взираешь на меня с откровенным ужасом, но я понимаю, почему это так. Мы долго дружили, Ван. Не исключаю, что ты забудешь об этом раньше моего.

Над пупком у Тэлмена вдруг выступила холодная испарина, но вопреки словам Квентина он уверился, что отчасти получил ответ, за которым явился в Квебек. У пересадчика нет ни сверхъестественных способностей, ни телепатических функций.

Конечно же, надо было задать и другие вопросы.

Он налил еще бренди и улыбнулся тусклому цилиндру на другом конце стола. На кухне Линда негромко напевала песенку.

Космический корабль не имел названия. По двум причинам. Во-первых, ему предстоял лишь один перелет на Каллисто, а во-вторых — и вторая причина была куда необычнее первой, — это был не корабль с грузом. Это был груз с кораблем.

Атомная силовая установка — совсем не то же самое, что обычный генератор, который можно демонтировать и погрузить на борт транспортного космолета. Это мощная громадина, требующая много места. Чтобы собрать ее, требуется два

года, и даже после этого первоначальный запуск осуществляется на Земле, на огромном предприятии контроля стандартизации, занимающем семь округов Пенсильвании. В Вашингтонской палате мер, весов и энергий хранится стеклянный контейнер с термореле, а в нем — эталонный металлический метр. Так же и в Пенсильвании под беспрецедентной защитой находится единственный в Солнечной системе эталонный расщепитель атомов.

К топливу предъявляют единственное требование: оно должно фильтроваться через сетчатый экран с ячейками дюймового калибра, плюс-минус. Да и этот критерий произвольный, принятый исключительно для удобства стандартизации топлива. В остальном же атомный реактор слопает все, что ему дадут.

Он не только прожорлив, но и своеволен, поэтому играть с атомной энергией отваживаются не многие. У инженеров-исследователей ротируемый график, но, несмотря на это, их неврозы не развиваются в психозы лишь благодаря «Трансплантиде», или страховке от смерти.

Из-за циклопических размеров силовую установку невозможно погрузить даже на крупнейшие корабли коммерческих линий, но ее тем не

менее требовалось доставить на Каллисто, а посему технические специалисты выстроили вокруг нее особое транспортное средство. Не сказать, что это произведение инженерного искусства получилось ненадежным, но оно определенно вышло за рамки любых стандартов, а местами дизайн отличался от общепринятого самым радикальным образом. Все проблемы решались по мере их поступления — искусно и зачастую весьма оригинально. Предполагалось, что управление окажется в руках пересадчика Квентина, поэтому для экстренной команды были предусмотрены самые спартанские условия. Экипажу разрешалось выходить из своего отсека лишь для устранения неисправности, но поломки были практически исключены. По сути дела, это был не космолет, а живой организм. Оставалось добавить к этой картине заключительный штрих.

В многочисленных отсеках гигантского корабля у передатчика имелись «конечности», но то были инструменты узкой специализации. И никаких сенсорных придатков (за исключением слуховых и зрительных), поскольку в данном случае Квентин лишь управлял перемещением суперкорабля в космическом пространстве. Саммерс собственноручно отнес цилиндр с мозгом на

борт, где спрятал его бог весть куда, подключил к системе и тем самым завершил последний этап строительства.

Ровно в полночь мобильная силовая установка отправилась на Каллисто.

Когда она проделала треть пути к марсианской орбите, в безразмерный центр управления — кошмар любого механика — вошли шестеро в скафандрах.

— Что ты здесь делаешь, Ван? — осведомился динамик в стене голосом Квентина.

— Ну ладно, — сказал Браун, — шевелитесь. Каннингэм, найди нужные провода. Дэлквист, держи пушку под рукой.

— А в кого стрелять-то? — уточнил здоровенный блондин.

Браун бросил взгляд на Тэлмена:

— Ты уверен, что здесь нет подвижных деталей?

— Уверен. — У Тэлмена забегали глаза.

На виду у Квентина он чувствовал себя совершенно голым, и ему это совсем не нравилось.

— Единственная подвижная деталь, — сказал сухопарый, морщинистый и хмурый Каннингэм, — это сам двигатель. Я знал это еще до того, как Тэлмен все проверил и перепроверил. Когда

пересадчика подключают для единственной задачи, его не снабжают ничем, кроме инструментов для ее решения.

— В таком случае хватит тратить время на болтовню. Разомкни цепь.

— Так, минуточку… — Каннингэм уставился на кабели сквозь стекло шлема. — Здесь нестандартное оборудование. Экспериментальное. Можно сказать, бессистемное. Надо отследить парочку… Хм…

Тэлмен тайком высматривал оптические линзы пересадчика, но безуспешно. Он знал, что Квентин наблюдает за ним откуда-то из хитросплетения трубок, решеток, проводов и прочего инженерного фарша. Сразу с нескольких стратегически важных точек — а они могут быть где угодно.

Рубка и впрямь казалась безразмерной. В туманном желтом освещении она походила на внеземной кафедральный собор, высоченный и совершенно пустой, если не считать шестерых карликов в скафандрах. Энергетические системы, аномально большие и лишенные изоляции, гудели и сыпали искрами; пузатые лампы испускали зловещее сияние. В двадцати футах от пола тянулась металлическая платформа с

предусмотрительно установленным железным ограждением. Взобраться на этот балкон можно было по двум лесенкам, установленным на противоположных стенах. С потолка свисал глобус звездного неба. В хромированном воздухе урчала и пульсировала великая мощь.

— Это угон? — осведомился динамик.

— Называй как хочешь, — весело ответил Браун. — И расслабься: мы не собираемся причинять тебе вред. Может, даже отправим на Землю, если найдем безопасный способ это сделать.

Каннингэм исследовал акриловые нити, стараясь ничего не трогать.

— Груз не заслуживает вашего внимания, — начал Квентин. — Сами понимаете, я не радий везу.

— Мне нужна силовая установка, — отрезал Браун.

— Как вы попали на борт?

— Ну что там, Каннингэм? — Браун вскинул руку, чтобы смахнуть пот с лица, наткнулся на стекло шлема и поморщился.

— Не подгоняй. Я же простой электронщик, а в этой системе сам черт ногу сломит. Ферн, подсоби-ка…

Тэлмен чувствовал растущую неловкость. По-

сле первого удивленного комментария Квентин продолжал его игнорировать. Не справившись с необъяснимым искушением, Тэлмен запрокинул голову и окликнул Квентина по имени.

— Я тут, — отозвался Квентин. — Чего тебе? Ты заодно с этой бандой?

— Да.

— А в Квебеке, выходит, прощупывал меня. Чтобы убедиться, что я безвреден.

— Надо было все проверить. — Тэлмен постарался произнести эти слова самым равнодушным тоном.

— Понятно. Как вы попали на борт? Когда радар засекает сближение с крупным телом, мы автоматически меняем курс. Поэтому вы не могли подлететь на собственном корабле.

— Мы и не подлетали. Избавились от экипажа и забрали скафандры.

— Избавились?

— А как иначе? — Тэлмен стрельнул глазами в Брауна. — В такой крупной игре полумерами не обойтись. Позже, на этапе реализации планов, твои люди стали бы для нас обузой. Об этом не будет знать никто, кроме нас. И тебя. — Тэлмен снова глянул на Брауна. — Вот что, Квент, думаю, тебе лучше не сопротивляться.

Динамик проигнорировал содержащуюся в этой фразе угрозу, какой бы она ни была.

— Зачем вам силовая установка?

— Мы присмотрели подходящий астероид. — Задрав голову, покачиваясь в дымке ядовитой атмосферы, Тэлмен разглядывал огромные ниши корабля, заполненные всевозможным оборудованием.

Он был почти уверен, что Браун его оборвет, но толстяк молчал. Странное дело, подумал Тэлмен. Оказывается, непростая это задача — убедительно разговаривать с тем, чье местоположение тебе неизвестно.

— Проблема лишь в том, что он безвоздушный, а с помощью установки можно обеспечить себя воздухом. Найти нас в поясе астероидов смогут только чудом.

— И что потом? Пиратство?

Тэлмен не ответил.

— Кстати говоря, неплохая мысль, — донесся из динамика задумчивый голос. — Схема не вечная, но вам хватит времени, чтобы разбогатеть. Такого никто не ожидает. Ну да, все это вполне может сойти вам с рук.

— Что ж, — сказал Тэлмен, — раз ты пришел к такому выводу, каким будет следующий логич-

ный шаг?

— Не таким, как ты думаешь. Я не стану вам подыгрывать. Не столько из нравственных побуждений, сколько из чувства самосохранения. В пересадчиках нуждаются лишь крупные сообщества со сложной структурой. Для вас я буду бесполезен. Обуза, как ты сказал.

— А если я дам тебе слово?..

— Ты здесь не главный, — возразил Квентин.

Тэлмен машинально бросил еще один вопросительный взгляд на Брауна. Динамик на стене издал странный звук, похожий на сдавленный смешок.

— Ну ладно, — пожал плечами Тэлмен. — Ты не сразу перейдешь на нашу сторону, и это вполне естественно. Тебе надо все обдумать. Но не забывай, что ты больше не Барт Квентин и у тебя есть некоторые механические ограничения. У нас мало времени, но мы можем потратить… скажем, десять минут, пока Каннингэм все тут осматривает. А потом… сам понимаешь, Квент, мы не на конфетки играем. — Тэлмен нахмурил брови. — Если сдашься и направишь корабль куда велено, мы сохраним тебе жизнь. Можем себе это позволить. Так что решай, но не тяни. Каннингэм тебя найдет, и мы перехватим управ-

ление. После этого…

— Почему ты уверен, что меня можно найти? — спокойно осведомился Квентин. — Я прекрасно понимаю, чего будет стоить моя жизнь, когда я приземлюсь там, где вы прикажете. Я вам не нужен. Даже при желании вы не сумеете обеспечить мне нормальное техобслуживание. Нет, я попросту отправлюсь вслед за остальными членами экипажа, от которых вы уже избавились. Поэтому я ставлю вам собственный ультиматум.

— Ты… чего?!

— Сидите тихо и не лезьте в оборудование, тогда я приземлюсь в безлюдной области Каллисто и позволю вам сбежать, — пообещал Квентин. — В ином случае — Бог в помощь.

Браун впервые дал понять, что слышит отстраненный голос Квентина. Он повернулся к Тэлмену:

— Блеф?

— Судя по всему, да, — нерешительно кивнул Тэлмен. — Он безвреден.

— Блеф, — согласился Каннингэм, не отрываясь от своего занятия.

— Нет, — тихо возразил динамик. — Я не блефую. И поосторожнее с панелью. Это деталь атомного реактора. Если перепутать клеммы, нас

разнесет по всему космосу.

Каннингэм отпрянул от клубка проводов, змеями выползавших из бакелитовой панели. Стоявший неподалеку смуглый Ферн повернулся, чтобы посмотреть, что происходит:

— Полегче. Надо точно знать, что делаешь.

— Помалкивай! — рыкнул Каннингэм. — Все я знаю. Может, этого он и боится. Поверь, я постараюсь не трогать ничего, что связано с реактором, но… — Он умолк, разглядывая спутанные провода. — Нет. Этот вроде не от реактора. В любом случае не контрольный. Допустим, я его перережу… — Он поднял руку; на руке была перчатка, а в руке — обрезиненные кусачки.

— Каннингэм, стой! — сказал динамик, но Каннингэм уже нацелился на провод, и динамик вздохнул: — Что ж, первый пошел. Узрите!

Прозрачное стекло шлема больно стукнуло Тэлмена по носу; помещение завертелось с головокружительной скоростью. Тэлмен не устоял на ногах, и его бросило вперед. Вокруг закувыркались гротескные фигуры в скафандрах. Браун потерял равновесие и тяжело шлепнулся на пол.

Когда корабль резко сбросил скорость, Каннингэм влип в паутину проводов и запутался в ней, словно муха; голова, тело, руки и ноги

спазматически дергались в исступленной дьявольской пляске — все быстрее и быстрее.

— Снимите его оттуда! — завопил Дэлквист.

— Стоп! — крикнул Ферн. — Я отключу питание!

Но он не знал, как это сделать. У Тэлмена пересохло во рту. Он смотрел, как тело Каннингэма сжимается и распрямляется, изгибается и корчится в агонии.

Хрустнула кость.

После этого Каннингэм дергался уже не так активно, голова нелепо болталась из стороны в сторону.

— Снимите! — приказал Браун, но Ферн отказался:

— Эти провода опасны. К тому же Каннингэм мертв.

— Мертв? В смысле?

— В эпилептическом припадке немудрено свернуть себе шею. — Губы Ферна под тонкими усиками сложились в невеселую улыбку.

— Угу, — согласился потрясенный Дэлквист. — Шея у него сломана, это уж точно. Гляньте, как головой трясет.

— Пропустить через тебя переменный ток, да циклов двадцать подряд, тоже бы головой тряс, —

проворчал Ферн.

— Что он, так и будет там висеть?

— Так и будет, — хмуро кивнул Браун. — Короче, парни, держитесь подальше от стен. — Он свирепо глянул на Тэлмена. — Почему ты не…

— Да знаю, знаю. Но Каннингэму должно было хватить ума не лезть в оголенные провода.

— Здесь почти нигде нет изоляции, — прошипел толстяк. — И это ты говорил, что пересадчик не причинит нам вреда.

— Я говорил, что он обездвижен. И что он не телепат. — Тэлмен понял, что занимает оборонительную позицию.

— Когда корабль набирает или сбрасывает скорость, должен звучать сигнал, — сказал Ферн. — А в этот раз сигнала не было. Должно быть, пересадчик его отключил, чтобы мы не сообразили, что творится.

Все подняли взгляд в гулкую желтую пустоту. Тэлмена сдавил приступ клаустрофобии. Ему казалось, что стены вот-вот сдвинутся, сложатся, что он стоит на ладони у титана и та сейчас сомкнется в кулак.

— Может, глаза ему выбьем? — предложил Браун.

— Ты их найди сперва. — Ферн обвел рукой

лабиринт оборудования.

— Всего-то и надо, что отключить пересадчика. Выкусить его из цепи, чтобы он сдох.

— К несчастью, — напомнил Ферн, — у нас был всего один инженер-электронщик. Каннингэм. А я всего лишь астрофизик.

— Ничего страшного. Надо дернуть один-единственный рубильник, и пересадчику конец. С этим даже ты справишься.

Разгоралась ссора. Всеобщее напряжение снял часто моргающий голубыми глазами коротышка по фамилии Коттон:

— Нам непременно поможет математика. Геометрия. Мы хотим найти пересадчика, поэтому… — Он посмотрел вверх и замер в растерянности. Наконец облизнул сухие губы и сказал: — Мы сменили курс. Гляньте на регистратор.

Высоко над головой Тэлмен рассмотрел огромный глобус звездного неба. На темной поверхности ярко сияла красная точка.

— Ну естественно. — Смуглый Ферн презрительно усмехнулся. — Пересадчик улепетывает в безопасное место. Туда, где ему помогут. А Земля ближе всего. Но у нас полно времени. Я, конечно, не такой специалист, каким был Каннингэм, зато и не круглый дурак. — Он не смотрел на

ритмично конвульсирующее тело, повисшее на проводах. — Не обязательно проверять каждую клемму на корабле.

— Ну и хорошо, — проворчал Браун. — Тогда за дело.

Неуклюжий из-за скафандра Ферн подошел к квадратному отверстию в полу и вгляделся в решетчатую сетку в восьми футах под ногами:

— Точно. Вот он, топливопровод. Нет нужды разбираться со всей начинкой корабля. Топливо поступает вон из той главной трубы наверху. Теперь смотрите: похоже, что все, так или иначе связанное с реактором, помечено красным восковым мелком. Видите?

И они увидели непонятные красные надписи на обшивке и приборных панелях. Но были и другие символы: синие, зеленые, черные и белые.

— Будем исходить из этой гипотезы, — продолжил Ферн. — Хотя бы временно. Итак, красный — это реактор. Ну а урна с пересадчиком? Синий? Зеленый?

— Не вижу здесь ничего, что походило бы на ящик с мозгом Квентина, — сказал вдруг Тэлмен.

— А что, ожидал увидеть? — язвительно спросил астрофизик. — Его спрятали в каком-то мягком гнездышке. Мозг переносит силу тяжести

получше, чем тело, но в любом случае семерка — это потолок. Что, кстати говоря, нас полностью устраивает. Не было смысла монтировать сюда высокоскоростной движок. Пересадчик не пережил бы ускорения — ведь в этом смысле он такой же, как мы.

— Семь *g*… — задумчиво протянул Браун.

— Которые вырубят сознание — и нам, и ему. А ему необходимо быть в себе, чтобы провести корабль через земную атмосферу. Так что у нас полно времени.

— Сейчас мы движемся, но очень медленно, — вставил Дэлквист.

Ферн пристально смотрел на звездный глобус.

— Похоже на то. Дайте-ка я разберусь. — Он вытащил из-под ремня страховочный трос и подцепился к одной из центральных колонн. — Это на случай новых происшествий.

— Как правило, найти нужную цепь не так уж трудно, — заметил Браун.

— Но в этих хоромах чего только нет, — возразил Ферн. — Пульт управления реактором, радар… Наверное, даже кухонная мойка. А пометки сделали для удобства сборщиков. Чертежей корабля не существует. Эта модель — единственная в своем роде. Я могу найти пересадчика, но

для этого нужно время. Так что перестань нудеть и позволь мне заняться делом.

Браун нахмурился, но промолчал. Лысина Коттона покрылась испариной. Дэлквист ждал, обхватив рукой металлическую стойку. Тэлмен рассматривал настенный балкон. По глобусу звездного неба полз красный световой диск.

— Квент? — сказал Тэлмен.

— Да, Ван. — Негромкий голос Квентина доносился откуда-то издали.

Браун незаметно положил ладонь на рукоятку бластера в поясной кобуре.

— Почему ты не сдаешься?

— А вы почему не сдаетесь?

— Тебе с нами не совладать. Да, ты убил Каннингэма, но по чистой случайности. Теперь мы настороже, и ты не сумеешь причинить нам вреда. Мы обязательно тебя найдем. Это лишь вопрос времени. А когда найдем, даже не думай просить пощады, Квент. Ее не будет. Можешь сэкономить нам время и рассказать, где тебя искать. Мы готовы заплатить за эту информацию. А если найдем тебя собственными силами, сделки уже не будет. Ну, что скажешь?

— Нет, — односложно ответил Квентин.

Несколько минут все молчали. Тэлмен смотрел,

как Ферн осторожно разматывает тросик и обследует путаницу проводов, на которых все еще висел труп Каннингэма.

— Там он ответа не найдет, — подсказал Квентин. — Я превосходно спрятан.

— Но беспомощен, — тут же возразил Тэлмен.

— Как и вы. Спроси у Ферна. Если он сунется не в те провода, запросто уничтожит весь корабль. Оцени масштаб вашей проблемы. Мы возвращаемся на Землю. Я ложусь на новый курс, и он приведет нас в родную гавань. Если сдадитесь прямо сейчас…

— Законы какие были, такие и остались, — сказал Браун. — Пиратство карается смертной казнью.

— Актов пиратства не было уже сотню лет. Если дойдет до суда, его исход может быть иным.

— Тюремное заключение? Психооткат личности? — спросил Тэлмен. — Я предпочел бы смерть.

— Замедляемся! — выкрикнул Дэлквист и покрепче обнял стойку.

Глядя на Брауна, Тэлмен подумал: у толстяка есть кое-что на уме. Там, где подводят технические знания, может сработать психология. В конце концов, Квентин — всего лишь человече-

ский мозг.

Сперва сделай так, чтобы клиент расслабился.

— Квент?

Но Квентин не ответил. Браун поморщился и устремил взгляд на Ферна. По смуглому лицу астрофизика градом катился пот. Сосредоточившись на сплетении проводов, Ферн рисовал диаграммы на пристегнутом к предплечью планшете.

Через некоторое время Тэлмена замутило. Он потряс головой, понимая, что скорость корабля снизилась до исчезающе малой, и покрепче ухватился за ближайшую стойку. Ферн выругался. Ему непросто было сохранять равновесие.

Чуть позже это стало и вовсе невозможно — так корабль замер в пространстве. Пятеро в скафандрах ухватились кто за что.

— Даже если положение безвыходное, — проворчал Ферн, — пересадчику от этого не легче. Я не могу работать без гравитации, но он не способен добраться до Земли без ускорения.

— Я подал сигнал бедствия, — сообщил динамик.

— Мы обсуждали это с Каннингэмом, — усмехнулся Ферн, — да и ты проболтался своему приятелю Тэлмену. На корабле стоит противометеоритный радар, а он снимает необходимость в

сигнальном оборудовании. Получается, что у тебя такового нет. — Он бросил новый взгляд на панель, которую только что осматривал. — Может, я почти разгадал твою загадку, а? Потому-то ты…

— Даже близко не разгадал, — перебил его Квентин.

— И тем не менее… — Оттолкнувшись от стойки, Ферн размотал страховочный трос, обернул его вокруг левого запястья, завис в воздухе и снова занялся изучением панели.

Браун случайно выпустил из рук скользкую железку и поплыл по залу, словно готовый лопнуть воздушный шар. Оттолкнувшись от пола, Тэлмен взмыл к огороженному балкону, ухватился за металлическую перекладину, перебрался через нее, словно заправский акробат, и посмотрел вниз. Хотя совсем не факт, что внизу действительно был низ. Правильнее сказать, посмотрел на центр управления.

— Думаю, вам лучше сдаться, — сказал Квентин.

— Ни за что, — ответил подлетевший к Ферну Браун.

В тот же момент четыре *g* ударили по людям в скафандрах, словно сваебойная машина, но корабль сместился не вперед, а в ином заранее

рассчитанном направлении. Ферн едва не вывихнул запястье, но страховочная петля спасла его от фатального падения на оголенные провода.

Тэлмена вдавило в балкон. Он видел, как остальные тяжело рухнули на твердые поверхности. Кроме Брауна — тому не досталось напольной панели.

Когда Квентин врубил ускорение, толстяк парил над отверстием для подачи топлива.

На глазах у Тэлмена пухлое тело провалилось под пол. Раздался неописуемый звук.

Дэлквист, Ферн и Коттон с трудом поднялись на ноги, осторожно приблизились к отверстию и глянули вниз.

— Что с ним? — крикнул Тэлмен.

Коттон отвернулся. Дэлквист остался там, где стоял, — словно завороженный, подумал Тэлмен, пока не увидел, что плечи здоровяка подрагивают. Ферн поднял взгляд к балкону:

— Он прошел через фильтровочный экран. Через металлическую сетку с дюймовыми ячейками.

— Пробил ее?

— Нет, — хмуро проговорил Ферн. — Не пробил. Прошел насквозь.

Четыре *g* и падение с восьмидесяти футов в

сумме дают довольно неприятный результат. Тэлмен закрыл глаза:

— Квент!

— Ну что, сдаетесь?

— Да ни за что! — рявкнул Ферн. — Мы не настолько взаимозависимы. Обойдемся без Брауна.

Тэлмен уселся на балконе, держась за перила и свесив ноги в пустоту, и воззрился на глобус звездного неба, висевший в сорока футах слева. Красный маркер корабля застыл на месте.

— По-моему, ты уже не человек, Квент, — сказал Тэлмен.

— Потому что не пользуюсь бластером? Теперь у меня иное вооружение. Я не обманываю себя, Ван. Я сражаюсь за свою жизнь.

— Мы еще можем договориться.

— Я же говорил, что ты забудешь о нашей дружбе раньше моего. Ты не мог не знать, что угон корабля непременно повлечет за собой мою смерть. Но, как вижу, тебя это не смутило.

— Я не ожидал, что ты…

— Вот именно, — сказал динамик. — Любопытно, пошел бы ты на реализацию вашего плана с такой же готовностью, будь я в человеческом обличье? Что касается дружбы — вспомни свои психологические штучки, Ван. В моем механи-

ческом теле ты видишь врага, преграду между тобой и настоящим Бартом Квентином. Думаю, подсознательно ты ненавидишь это тело и поэтому стремишься его уничтожить. Даже если вместе с ним уничтожишь и меня. Ну, не знаю… Наверное, ты пришел к логическому выводу, что таким образом спасешь меня от сущности, которая возвела этот барьер. Но ты забыл, что по натуре своей я не изменился.

— Мы, бывало, играли в шахматы, — напомнил ему Тэлмен, — но обходились без физического уничтожения пешек.

— Мне поставили шах, — парировал Квентин. — В моем распоряжении остались только кони, а у тебя все еще есть ладьи и слоны, и ты можешь ходить прямо. Ну что, сдаешься?

— Нет! — отрезал Тэлмен, не отводя взгляда от красной точки.

Она дрогнула, и Тэлмен изо всех сил вцепился в металлические поручни. Корабль дернулся, и Тэлмена выбросило за ограждение. Одна рука в перчатке разъединилась с перилами, вторая выдержала. Глобус звездного неба тревожно закачался под потолком. Тэлмен закинул ногу за перила, снова вскарабкался на свой сомнительный насест и глянул вниз.

Ферн по-прежнему держался на страховочном тросе, а Дэлквист и коротышка Коттон скользили по полу. Наконец оба врезались в металлическую стойку. Кто-то вскрикнул.

Весь в поту, Тэлмен осторожно полез вниз, но когда добрался до Коттона, тот был уже мертв. По какой причине? Ответ подсказывали искаженные черты побелевшего лица и светящиеся трещины в защитном стекле шлема.

— Его бросило на меня, — выдохнул Дэлквист. — Налетел стеклом на мой затылок…

Коттона убила хлорированная атмосфера герметичного корабля. Смерть была непростой, но быстрой. Дэлквист, Ферн и Тэлмен переглянулись.

— Нас осталось трое, — сказал светловолосый гигант. — И мне это не нравится. Совсем не нравится.

— Значит, мы до сих пор недооцениваем эту тварь, — оскалился Ферн. — Так, подцепитесь к стойкам. Не двигайтесь без крепкой страховки и держитесь подальше от потенциально опасных предметов.

— Мы по-прежнему движемся к Земле, — сказал Тэлмен.

— Угу, — кивнул Ферн. — Можно раздраить люк

и выйти в открытый космос. Но что потом? Мы планировали лететь на этом корабле. А теперь у нас попросту нет другого выбора.

— Если сдаться… — начал Дэлквист.

— Смертная казнь, — решительно оборвал его Ферн. — Время у нас еще есть. Я нашел кое-какие интересные провода. Отключил множество соединений.

— Думаешь, у тебя получится?

— Думаю, да. Главное, не разжимайте руки. Ни на секунду. Я отыщу решение, прежде чем мы войдем в атмосферу.

— Мозг порождает определенные колебания электрического потенциала. Может, отследить их пеленгатором? — предложил Тэлмен.

— Это сработало бы посреди Мохаве, но не здесь. Корабль кишит всевозможными видами тока и излучения. Их не расшифровать без специальной техники.

— Ну, кое-какую аппаратуру мы захватили. Да и на стенах ее хватает.

— И вся она в единой цепи. Я бы десять раз подумал, прежде чем менять положение вещей. Жаль, что Каннингэм больше не с нами.

— Квентин не дурак, — сказал Тэлмен. — Сперва избавился от инженера-электронщика, потом

от Брауна. Взял слона и ферзя, после чего собирался убить тебя.

— А я тогда кто?

— Ладья. Он прикончит тебя при первой возможности.

Тэлмен нахмурился, что-то вспоминая. И наконец вспомнил. Пригнулся к планшету на руке Ферна, закрыв его от любопытных фотоэлементов в стенах и потолке, и написал:

«Он пьянеет от высокой частоты. Сделаешь?»

Ферн изорвал листок с текстом в мелкие клочки, неуклюже орудуя руками в перчатках. Подмигнул Тэлмену и едва заметно кивнул.

— Ладно, буду пробовать дальше, — сказал он и, разматывая страховочный трос, двинулся к комплекту аппаратуры, который принес вместе с Каннингэмом.

Оставшись вдвоем, Дэлквист с Тэлменом пристегнулись к железкам и стали ждать. Других дел у них не намечалось. Тэлмен уже упоминал высокочастотное раздражение в разговорах с Ферном и Каннингэмом, но тогда эта подробность не вызвала у них интереса. Теперь же она — вкупе с прикладной психологией — способна была дать ответ на измучивший всех вопрос.

Тэлмену страшно хотелось курить. Чтобы

приглушить никотиновый голод, он кое-как извернулся в пропотевшем скафандре, нащупал губами трубку питания, проглотил солевую таблетку и запил ее парой глотков тепловатой воды. Сердце гулко колотилось. Вдобавок ко всему тупо заныли виски. В скафандре было неудобно. Тэлмен не привык к столь радикальному уединению.

Встроенное переговорное устройство молчало, если не считать негромкого гула и пошаркивания мягких подошв Ферна. Тэлмен взглянул на хаотическое нагромождение электроники, моргнул и закрыл глаза: от безжалостного желтого света, не предназначенного для человеческого зрения, глубоко в глазницах бились мелкие пульсы. Где-то на корабле находится Квентин, думал он. Не исключено, что в этой рубке. Где же он прячется?

Не пора ли вспомнить рассказ «Похищенное письмо»? Пожалуй, нет. У Квентина не было причин ожидать угона. Он оказался в столь превосходном укрытии лишь благодаря случаю да еще небрежности механиков, собравших этот одноразовый корабль как придется, на скорую руку.

Но, подумал Тэлмен, если сделать так, чтобы Квентин выдал свое местоположение…

Каким образом? Вызвать опьянение с помощью направленного раздражения коры головного мозга?

Или воззвать к основным инстинктам? Но у мозга нет способности к воспроизводству. Единственной константой остается самосохранение. Тэлмен пожалел, что не захватил с собой Линду. Тогда у него имелся бы рычаг давления.

Будь у Квентина человеческое тело, ответ нашелся бы без труда, и не обязательно через пытку. Тэлмен прочел бы его в непроизвольных мышечных сокращениях, в этом извечном подспорье профессиональных фокусников, и тем самым добился бы своей цели. Но сейчас, к великому его сожалению, целью был сам Квентин — мозг без тела, покоившийся в герметичном металлическом цилиндре с амортизационной прокладкой. Что касается спинного мозга, его функцию выполнял какой-то провод.

Если Ферн смастерит высокочастотный излучатель, защиту Квентина можно будет ослабить — так или иначе. Пока что пересадчик показывает себя крайне опасным противником. И великолепно прячется.

Да, великолепно, но вовсе не идеально. Потому что, понял Тэлмен, испытывая прилив волнения,

Квентин не просто ждал в сторонке, игнорируя пиратов и направляясь к Земле по кратчайшему маршруту. Сам факт, что он больше не летит на Каллисто, говорит о том, что Квентину нужна помощь. Пока же он всеми силами отвлекает непрошеных гостей, убивая их одного за другим.

Почему? Потому что Квентина, по всей очевидности, можно найти.

Со временем.

Это мог сделать Каннингэм, и даже Ферн являет собой угрозу для пересадчика. Из чего следует: Квентин боится.

— Квент, — сказал Тэлмен, затаив дыхание, — есть предложение. Ты меня слушаешь?

— Да, — ответил далекий и чудовищно знакомый голос.

— На все наши вопросы имеется один ответ. Ты хочешь выжить. Мы хотим заполучить этот корабль. Верно?

— Верно.

— Что, если мы сбросим тебя с парашютом после вхождения в атмосферу? А потом возьмем управление на себя и отправимся, куда нам надо. Таким образом…

— А Брут был честный парень, — перебил его Квентин, — так? Конечно нет. Я больше не могу

тебе доверять, Ван. Психопаты и преступники — аморальные существа. Безжалостные, ибо считают, что цель оправдывает средства. Ты психолог, Ван, и еще ты психопат. Вот почему я не верю ни единому твоему слову.

— Ты сильно рискуешь. Сам понимаешь: если мы успеем найти нужный провод, переговоров уже не будет.

— Если.

— До Земли путь неблизкий. Теперь мы начеку, и ты больше никого не убьешь. Будем помаленьку работать, пока ты не найдешься. Ну, как тебе такой расклад?

— Предпочту рискнуть, — ответил после паузы Квентин. — В технических ценностях я разбираюсь получше, чем в человеческих. Пока я защищаю собственное поле знаний, я в относительной безопасности, а вот в психологию мне соваться не стоит. В коэффициентах и косинусах я кое-что смыслю, но коллоидная машина в твоей черепушке остается для меня загадкой.

Тэлмен опустил голову. С кончика носа на внутреннюю поверхность защитного стекла капнул пот. Тэлмена вдруг охватила клаустрофобия: страх перед тесным скафандром и еще страх перед громадным склепом, коим, по сути, являлся

центр управления кораблем.

— Ты ограничен в средствах, Квент, — сказал он чуть громче нужного. — У тебя скудный арсенал. Ты не способен повлиять на давление в этой комнате — иначе давно уже раздавил бы нас в лепешку.

— И уничтожил бы жизненно важное оборудование. Кроме того, эти скафандры неплохо держат давление.

— Твой король по-прежнему под боем.

— И твой, — спокойно ответил Квентин.

Ферн бросил на Тэлмена долгий взгляд, полный одобрения и приправленный торжеством. Под громоздкими перчатками, манипулирующими тонким инструментом, начинал обретать форму некий агрегат. К счастью, то был продукт не конструирования, но конверсии — в ином случае Ферну попросту не хватило бы времени.

— Ну, поехали, — подал голос Квентин. — Врубаю все *g*, на которые рассчитан корабль.

— Что-то незаметно, — сказал Тэлмен.

— Говорю же: на которые рассчитан корабль. Я могу выдать и больше. А вы пока развлекайтесь. Вам меня не победить.

— Да ну?

— Сам подумай. Привязанные к месту, вы оста-

етесь в относительной безопасности. Но если начнете шастать по рубке, я вас уничтожу.

— То есть, чтобы найти тебя, нам надо переместиться? Да?

— Я этого не говорил, — рассмеялся Квентин. — Меня неплохо спрятали. Эй, ну-ка выключите эту штуку!

Крик снова и снова отзывался эхом от сводчатого потолка, сотрясая янтарный воздух. Тэлмен нервно вздрогнул. Встретился взглядом с Ферном и увидел, что астрофизик довольно улыбается.

— Накрыло его, — сообщил Ферн.

Затем на несколько минут наступила тишина.

Корабль резко дернулся, но высокочастотный генератор был надежно заякорен, а трое пиратов пристегнуты страховочными тросами.

— Выключите, — повторил Квентин, не вполне владея голосом.

— Ты где? — спросил Тэлмен.

Нет ответа.

— Нам некуда спешить, Квент.

— Вот и не спешите! Меня… меня нельзя запугать переходом на личности! Потому что я пересадчик и это мое преимущество!

— Довольно сильный раздражитель, — прошептал Ферн. — И быстродействующий.

— Ну же, Квент, — вкрадчиво произнес Тэлмен, — у тебя ведь остался инстинкт самосохранения. Вряд ли тебе приятно. Что скажешь?

— Приятно… и даже слишком… — неровно ответил Квентин, — но вам это не поможет. Я всегда умел пить и не напиваться.

— Вот только сейчас речь не о спиртном, — возразил Ферн и коснулся ручки потенциометра.

— Говорю же, ничего не выйдет! — Пересадчик рассмеялся, и Тэлмен удовлетворенно подметил, что речевой центр дал слабину. — По сравнению с вами… я слишком умен.

— Да что ты говоришь?

— Ты слышал. Вы не идиоты. Никто из вас не идиот. Допускаю, что Ферн хороший механик, но он недостаточно хорош. Помнишь, Ван, как в Квебеке ты спрашивал насчет перемен? Тогда я сказал, что не изменился, но теперь понимаю, что был не прав.

— В чем?

— Меня невозможно отвлечь. — Квентин разговорился: верный признак опьянения. — В человеческом теле мозг не способен на предельную концентрацию. Тело — несовершенный механизм, поэтому оно требует избыточного внимания. Его гандикап — обилие узкоспециализированных

функций. Дыхание, кровообращение… Все эти системы не дают мозгу сосредоточиться. Да, вот именно: даже привычное всем вам дыхание нагружает мозг. Но в данный момент мое тело — этот корабль. Идеальный механизм, функционирующий со стопроцентной эффективностью. Соответственно, мой мозг имеет преимущество.

— Выходит, ты у нас сверхчеловек?

— Да, я сверхэффективен. А в шахматах обычно побеждает превосходящий разум, ведь он умеет просчитывать ходы наперед. Я предвижу все ваши действия. К тому же у вас имеется серьезный изъян.

— Какой?

— Вы люди.

Самовлюбленность, подумал Тэлмен. Может, вот она, его ахиллесова пята? Должно быть, предвкушение успеха уже сделало свое психологическое дело, а электронный эквивалент алкоголя высвободил комплексы Квентина. Да, вполне логично. Пять лет однообразной работы (и не важно, в чем она заключалась), а теперь ситуация изменилась, произошел переход из активного состояния в пассивное, превращение из сценической машины в главное действующее лицо. Пожалуй, все это послужило катализато-

ром. Плюс эго. Плюс затуманенный рассудок.

Ведь Квентин вовсе не супермозг, это Тэлмен знал наверняка. Чем выше коэффициент умственного развития, тем слабее потребность в самооправдании, прямом или косвенном. Как ни странно, Тэлмен вдруг почувствовал, что освободился от мучительных угрызений совести. Настоящего Барта Квентина никогда нельзя было обвинить в параноидальном умозрении.

А посему…

Квентин четко артикулировал звуки, разборчиво произносил слова, но вот уже пять лет, как в его речи не участвовали ни голосовые связки, ни выдыхаемый воздух. Тональный контроль заметно изменился, и пересадчик то понижал голос до шепота, то едва не срывался на крик.

Тэлмен усмехнулся. Ему и впрямь стало легче на душе.

— Да, мы люди, — сказал он. — Но хотя бы трезвые.

— Глупости. Глянь на регистратор: Земля уже близко.

— Ну хватит, Квент, — устало произнес Тэлмен. — Все мы понимаем, что ты блефуешь. Рано или поздно высокочастотное раздражение достигнет уровня, которого тебе не выдержать. Не

трать время попусту, сдавайся прямо сейчас.

— Нет, это вы сдавайтесь, — возразил Квентин. — Все равно я всех вас вижу и знаю, чем вы занимаетесь. На корабле множество ловушек, а мне остается лишь смотреть сверху вниз и ждать, пока вы не подберетесь к одной из них. Я планирую игру заранее, и каждый гамбит закончится матом для одного из вас. Так что у вас нет шансов. Ни единого.

«Сверху вниз», — подумал Тэлмен. Откуда же? Он вспомнил ремарку коротышки Коттона: пересадчика можно найти с помощью геометрии. Да, точно. Геометрия и психология. Поделить корабль пополам, на четыре части, продолжать деление…

Но теперь в этом нет необходимости. Ключевое слово — «сверху». Тэлмен вцепился в него, стараясь сохранять каменное лицо. Итак, сверху. Область поиска сокращается вдвое. Нижнее пространство корабля можно исключить. Теперь осталось располовинить верхнюю секцию, а в качестве разделительной черты взять, к примеру, глобус звездного неба.

Разумеется, оптические устройства пересадчика установлены повсеместно, но Тэлмен с осторожностью допускал, что Квентин воспри-

нимает себя как сущность, не разбросанную по всему кораблю, но локализованную в определенном месте: к примеру, там, где стоит одна из линз. Любой человек отождествляет свое положение в пространстве с местом, где находится его голова — то есть разум.

Квентин видел красную точку на звездном глобусе, но это не обязательно значило, что пересадчик находился в стене, обращенной к этому полушарию. Необходимо было поймать его на привязке физического местоположения к элементам корабля — что будет непросто, поскольку правильнее всего выявлять зрительные ориентиры, по которым локализует себя нормальный индивидуум, а зрение Квентина практически всесильно. Он видит все без исключения.

Но привязку необходимо выявить — хоть каким-то образом.

Здесь помог бы тест словесных ассоциаций, но его нельзя провести против воли испытуемого. Квентин не настолько пьян.

Итак, на зрительные ориентиры полагаться бессмысленно, ведь совсем не факт, что мозг Квентина находится возле одной из линз. Но пересадчик непременно — пусть даже и смутно — осознает важнейший аспект своего суще-

ствования. Понимает, что он — слепой, глухой и бессловесный, если не считать раскидистого сенсорного механизма, — находится в определенном месте. И как же, за исключением нарочито прямых расспросов, заставить Квентина дать правильные ответы?

Это невозможно, думал Тэлмен, погружаясь в пучину гнева и отчаяния.

Гнев нарастал. Из-за него покрывалось испариной лицо, из-за него усиливалась тупая болезненная ненависть, направленная на Квентина. В конце концов, это он во всем виноват. Виноват в том, что Тэлмен заперт в тюрьме ненавистного скафандра, пойман в смертельную ловушку, коей оказался этот огромный космический корабль. По вине машины…

Вдруг он понял, что не все потеряно.

Разумеется, успех зависит от того, насколько пьян Квентин. Тэлмен вопросительно глянул на Ферна. Тот кивнул в ответ и покрутил ручку потенциометра.

— Будьте вы прокляты, — прошептал Квентин.

— Да ладно тебе, — сказал Тэлмен. — Ты же сам только что намекал, что у тебя больше нет инстинкта самосохранения.

— Я… не намекал…

— Да неужели?

— Нет! — громко ответил Квентин.

— Не забывай, что я психолог, Квент. Ты как раскрытая книга, бери да читай. Как же я раньше этого не понял? Еще до того, как тебя увидел. До того, как увидел Линду.

— Не смей говорить про Линду!

Перед глазами Тэлмена промелькнуло болезненное видение, сюрреалистический кошмар: истерзанный пьяный мозг, спрятанный где-то в стене.

— Ладно, — сказал он. — Ты и сам не желаешь о ней думать.

— Заткнись!

— И о себе не желаешь думать, верно?

— Чего ты добиваешься, Ван? Хочешь, чтобы я разозлился?

— Нет, — ответил Тэлмен. — Просто я уже сыт по горло. Меня тошнит от всей этой мерзости. Противно смотреть, как ты прикидываешься человеком, притворяешься Бартом Квентином, чтобы мы договаривались с тобой на равных.

— Договаривались? Я не собираюсь…

— Ты же понимаешь, что я не об этом. Я только что понял, что́ ты собой представляешь.

Слова повисли в матовом воздухе. Тэлмену каза-

лось, что он слышит тяжелое дыхание Квентина, хотя ясно было, что это всего лишь иллюзия.

— Прошу, замолчи, Ван, — сказал Квентин.

— Кто просит меня замолчать?

— Я.

— И что это за «я»?

Корабль дернулся. Тэлмен едва не улетел, его спас пристегнутый к стойке трос. Психолог рассмеялся:

— Мне было бы жаль тебя, будь ты Квентином. Но ты не Квентин.

— Я не поведусь на твои трюки.

— Пусть это трюк, но я говорю истинную правду. Да ты и сам задавался этим вопросом. Я уверен на все сто.

— Каким еще вопросом?

— Ты больше не человек, — спокойно произнес Тэлмен. — Ты предмет. Машина. Устройство. Ноздреватый шмат серого мяса в железной коробчонке. Ты что, и правда думал, что я смогу к тебе привыкнуть — к тому, во что ты превратился? Что для меня ты останешься стариной Квентом? У тебя даже лица нет!

Из динамика донеслись какие-то механические звуки.

— Заткнись, — повторил Квентин, но на сей раз

с жалобной ноткой в голосе. — Мне ясно, чего ты добиваешься.

— Ты не хочешь смотреть правде в глаза. Но рано или поздно придется — независимо от того, убьешь ты нас или нет. Наша стычка — это так, случайное происшествие. Но мысль эта застрянет у тебя в мозгу и станет набирать обороты. Ты будешь меняться все сильнее и сильнее. Ты и так уже заметно изменился.

— Какая чушь, — произнес Квентин. — Я не… чудовище.

— Надеешься, да? Ну помысли логически. Ты ведь до сих пор не отваживался трезво взглянуть на вещи — правильно? — Тэлмен поднял руку в перчатке и стал считать на пальцах: — Раз: ты отчаянно цепляешься за ускользающую человечность — ту, что твоя по праву рождения. Два: держишься за символы в надежде, что они заменят собой реальность. Зачем ты притворяешься, что способен принимать пищу? Почему настаиваешь, чтобы бренди наливали тебе не из бутылки, а из бокала? Ведь ты прекрасно понимаешь, что его можно впрыскивать хоть из масленки — с таким же успехом!

— Нет! Это эстетический…

— Бред. Ты смотришь телевизор, читаешь

книжки… Настолько заигрался в человека, что стал карикатуристом, но, по сути, ты жаждешь вернуть себе то, что утратил, и утратил безвозвратно. Все это притворство… Откуда эта тяга к электропьянству? Тебя попросту скверно отрегулировали, ведь ты до сих пор притворяешься человеком, но ты уже не человек.

— Я… Скажем так: я перешел на следующую ступень.

— Вполне возможно… было бы, родись ты машиной. Но ты был человеком. Имел человеческое тело, глаза, волосы, губы. Наверняка Линда об этом помнит, Квент. Ты должен был добиться развода. Вот смотри: если бы тебя просто покалечило взрывом, она могла бы о тебе заботиться. Ты бы в ней нуждался. Теперь же ты самодостаточный и самодовольный прибор. Признаю, Линда отлично притворяется. Старается не видеть в тебе вертолет с форсированным движком. Не видеть в тебе механическое устройство с комочком влажной клеточной ткани. Представляю, как ей тяжело. Она же помнит, каким ты был раньше.

— Она меня любит.

— Ей тебя жаль, — холодно возразил Тэлмен.

Вновь повисла гулкая тишина. По глобусу ползла красная точка регистратора. Ферн украдкой

провел языком по губам. Дэлквист, прищурившись, молча следил за происходящим.

— Вот-вот, — продолжил Тэлмен, — загляни правде в глаза. И в будущее загляни. Конечно, есть и компенсаторная реакция: ты балдеешь от своей обвески. В итоге и не вспомнишь, что когда-то был человеком. И станешь гораздо счастливее. Потому что не сумеешь удержать человечность. Она уходит от тебя. Да, какое-то время ты будешь притворяться, но в конце концов притворство утратит всякий смысл. Ты удовольствуешься тем, что стал прибором, и красота механизмов затмит для тебя красоту Линды. Быть может, это уже случилось. Быть может, Линде известно, что это уже случилось. Сам понимаешь, тебе пока не обязательно быть честным с самим собой. Ты бессмертен. Но по-моему, такое бессмертие — вовсе не подарок.

— Ван…

— Да, я все тот же Ван. А ты машина. Ну давай, убей всех нас, если хочешь. И если сумеешь. Потом отправляйся обратно на Землю, и когда увидишь Линду, понаблюдай за ее лицом — только так, чтобы она не подозревала об этом. Тебе это нетрудно. Подключись, например, к фотоэлементу в настольной лампе.

— Ван… Ван!

— Ладно. — Тэлмен опустил руки. — Где ты?

Тишина нарастала. В желтой пустоте повис неслышимый вопрос. Наверное, этот вопрос не дает покоя любому пересадчику. Вопрос цены.

Какой цены?

Цены полного одиночества, мучительного понимания, что старые связи рвутся одна за другой.

И осознания того, что место теплого живого человека занял разумный монстр. Урод.

Да, он задумался об этом — пересадчик, бывший когда-то Бартом Квентином. Он думал, а его тело, состоявшее из величественных механизмов, готово было вздрогнуть и проснуться.

Неужели я меняюсь? Кто я? Все еще Барт Квентин?

Или они, люди, смотрят на меня как на… Ну а Линда? Что она чувствует ко мне на самом деле? Неужели я…

Неужели я теперь не «он», а «оно»?

— Поднимайтесь на балкон, — сказал Квентин непривычно сухим и безжизненным голосом.

Тэлмен взмахнул рукой. Дэлквист с Ферном ожили. Разошлись к противоположным лестницам и осторожно взобрались на балкон, цепляя

тросы на каждую ступеньку.

— Ну где? — осторожно спросил Тэлмен.

— В южной стене. Ориентируйтесь на звездную сферу. Найдете меня… — Голос стих.

— Продолжай.

Тишина.

— Он что, отрубился? — крикнул с балкона Ферн.

— Квент!

— Да… В центре балкона. Я скажу, где остановиться.

— Аккуратнее, — предупредил Дэлквиста Ферн.

Он зацепил страховочный трос за перила и двинулся вверх, обшаривая глазами стену.

Тэлмен машинально протер рукой в перчатке запотевшее стекло шлема. По лицу и бокам туловища струился пот. Желтый свет, от которого мурашки ползли по телу, гул механизмов, которые должны бы разрывать тишину громогласным ревом, — все это страшно действовало на нервы, и те натянулись до предела.

— Здесь? — крикнул Ферн.

— Ну где ты, Квент? — спросил Тэлмен. — Ответь, где ты?

— Ван! — отозвался Квентин с надрывом в замо-

гильном голосе. — Не может такого быть, чтобы ты говорил серьезно. Просто не может быть. Это… Я должен это знать! Мне надо подумать о Линде!

Тэлмен вздрогнул, облизнул губы и с расстановкой произнес:

— Ты машина, Квент. Прибор. Сам знаешь: будь ты прежним Бартом Квентином, я не пытался бы тебя убить.

Вдруг Квентин расхохотался так, что задрожали стены:

— Лови, Ферн! — Его крик ревущим эхом прокатился по сводчатой рубке.

Ферн вцепился в балконные перила.

Это была фатальная ошибка. Трос, соединявший его с железной перекладиной, оказался ловушкой. Ферн не понял, что ему грозит, и не успел вовремя отомкнуть карабин.

Корабль дернулся.

Маневр был рассчитан с ювелирной точностью. Ферна отбросило от перил, трос натянулся, и в этот же момент звездный глобус огромным маятником врезался в стену. Трос Ферна мгновенно лопнул.

Стены загудели от вибрации.

Тэлмен, вцепившись в стойку, не отводил глаз от глобуса. Тот качался взад-вперед. Инерция

превозмогала ускорение, и дуга траектории укорачивалась. С перепачканного глобуса капала жидкость.

Тэлмен увидел, как над перилами балкона появился шлем Дэлквиста.

— Ферн! — завопил стрелок.

Ответа не было.

— Ферн! Тэлмен!

— Я здесь, — ответил Тэлмен.

— А где... — Повернув голову, Дэлквист уставился на стену.

И вскрикнул.

Из его рта посыпалась бессвязная брань. Он выхватил из кобуры бластер и прицелился в лабиринт аппаратуры на нижнем ярусе.

— Дэлквист! — заорал Тэлмен. — Не надо!

Но Дэлквист его не слышал.

— Весь корабль взорву! — надрывался он. — Весь!..

Тэлмен достал собственный бластер, положил ствол на стойку, как следует прицелился и выстрелил Дэлквисту в голову. Труп перегнулся через перила, опрокинулся и с грохотом рухнул на напольные пластины. Тэлмен же упал лицом вниз и лежал так, издавая жалкие тошнотворные звуки.

— Ван… — позвал Квентин.

Тэлмен не отвечал.

— Ван!

— Чего?!

— Выключи индуктор.

Тэлмен встал, шатаясь подошел к высокочастотному излучателю и, чтобы не утруждать себя поисками нужного тумблера, вырвал из устройства все провода.

После долгого полета корабль наконец приземлился. Электрический гул стих. Громадная полутемная рубка выглядела на удивление пустой.

— Я открыл люк, — сказал Квентин. — Денвер в пятидесяти милях к северу. Шоссе примерно в четырех милях, в том же направлении.

Тэлмен встал и огляделся. У него было опустошенное выражение лица.

— Ты нас одурачил, — с трудом выговорил он. — Все это время играл с нами как кошка с мышкой. Вся моя психология…

— Нет, — перебил Квентин. — У тебя почти получилось.

— Но как…

— На самом деле ты не считаешь меня машиной. Ты неплохо притворялся, но меня спас

семантический нюанс. Я пришел в себя, когда понял смысл твоих слов.

— Моих слов?

— Ну да. Ты сказал: будь я прежним Бартом Квентином, ты не пытался бы меня убить.

Ядовитая атмосфера корабля уже сменилась чистым свежим воздухом. Кое-как выбираясь из скафандра, Тэлмен озадаченно помотал головой:

— Ничего не понимаю.

Квентин звонко рассмеялся, и рубка наполнилась живым человеческим теплом.

— Машину можно выключить или уничтожить, Ван, — объяснил он, — но убить ее нельзя.

Тэлмен промолчал. Окончательно высвободившись из неудобного скафандра, он неуверенно направился к двери, но оглянулся.

— Люк открыт, — напомнил Квентин.

— Ты что, отпускаешь меня?

— Я же сказал еще в Квебеке: ты забудешь о нашей дружбе раньше моего. Пошевеливайся, Ван, пока есть время. Скорее всего, из Денвера уже выслали вертолеты.

Тэлмен обвел громадную рубку последним вопросительным взглядом. Где-то здесь, идеально спрятанный среди могучих механизмов, находится небольшой металлический цилиндр,

аккуратно поставленный в безопасное потайное место. Барт Квентин…

В горле у Тэлмена пересохло. Он сглотнул, открыл рот и снова сомкнул губы.

Круто развернулся и вышел. Шаги звучали все глуше, пока наконец не стихли.

Оставшись один в безмолвном корабле, Барт Квентин ждал техников, которые подготовят его тело к новому полету на Каллисто.

Ветка обломилась, полетела колыбель

[6]

Учитывая заоблачные цены на аренду в этом городе, казалось невероятным, что квартира досталась семье Кэлдерон. Джо возблагодарил судьбу за то, что до университета всего десять минут на метро, а Майра рассеянно взбила рыжие волосы и сказала, что домовладельцы, вероятно, ожидали, что жильцы будут размножаться партеногенезом, если она правильно употребляет термин. Ну, это когда организм делится надвое и получаются два зрелых организма. «Бинарным делением, глупенькая», — усмехнулся Джо и принялся наблюдать, как Александр, восемнадцати месяцев от роду, пятится на четвереньках по ковру, готовясь принять вертикальное положение на пухлых кривых ножках.

Что ни говори, а квартира оказалась шикарной. Иногда в окна заглядывало солнце, и комнат было

---

[6] Примечания: 6

Из английской колыбельной: «Баюшки, на ели мальчик засыпает, / А подует ветер — люльку раскачает, / Ветка обломилась, полетела колыбель — / Падает и люлька, и дитя, и ель». Перевод О. Седаковой.

больше, чем можно надеяться получить за такую цену. Соседка, фигуристая блондинка, постоянно талдычившая о своей мигрени, сообщила, что жильцы в квартире 4D не задерживаются. Не то чтобы в ней водятся привидения, но гости захаживают престранные. Последний съемщик, страховой агент, в один прекрасный день съехал, твердя о маленьких человечках, которые в любое время дня и ночи звонят в дверь и спрашивают мистера Бакка или кого-то вроде. Джо не сразу понял, что Бакк — это Кэлдерон.

Довольные супруги сидели на диване и любовались своим прелестным ребенком. Как и у всех малышей, у Александра был валик жира на загривке и ножки, которые, по словам Кэлдерона, напоминали «две каменных ноги от исполина»[7]. Родители завороженно смотрели на замечательно пухлые розовые конечности. Александр дико рассмеялся, встал и, шатаясь, побрел к ним, бормоча невнятную чепуху.

— Дурачок, — ласково сказала Майра и бросила ребенку мягкую плюшевую свинку, которую он обожал.

— Итак, мы готовы к зиме, — произнес Кэл-

[7] Примечания: 7

Цитата из стихотворения Перси Биши Шелли «Озимандия», перевод Н. Минского.

дерон.

Этот высокий, худой, изможденного вида мужчина был неплохим физиком-исследователем, крайне увлеченным своей работой в университете. Майра была довольно хрупкой, рыжеволосой, с курносым носиком и саркастичным взглядом карих глаз. Она презрительно фыркнула:

— Если мы найдем прислугу. Иначе я стану подёнкой.

— Похоже, ты совсем отчаялась, — заметил Кэлдерон. — В каком смысле ты станешь подёнкой?

— Придется заниматься подённой работой. Подметать, готовить, мыть. Дети — настоящее испытание. И все же они этого стоят.

— Не говори так при Александре — зазнается.

В дверь позвонили. Кэлдерон встал с дивана, неторопливо пересек комнату и открыл дверь. Моргая, он смотрел в пустоту. Затем опустил глаза и увидел достаточно, чтобы выпучить их. В коридоре стояли четыре маленьких человечка. Вернее, маленькими они были ото лба и ниже. Черепушки были огромные, размером и формой с арбуз, а может, на них сидели огромные шлемы из сверкающего металла. Высохшие лица напоминали крошечные маски, испещренные складками. Одежда — дрянная, кричащих цветов,

словно сделанная из бумаги.

— Да? — растерянно произнес Кэлдерон.

Человечки быстро переглянулись.

— Вы Джозеф Кэлдерон? — спросил один из них.

— Да.

— А мы, — произнес самый морщинистый из четверки, — потомки вашего сына. Это суперребенок. Мы прибыли, чтобы обучить его.

— Да, — сказал Кэлдерон. — Да, конечно. Я… слушаю!

— Что?

— Супер…

— Вот он! — крикнул другой карлик. — Это Александр! Мы наконец попали в правильное время!

Он прошмыгнул мимо ног хозяина в комнату, остальные последовали за ним. Кэлдерон попытался схватить человечков, но тщетно: они легко уклонились. Когда он обернулся, гости уже окружили Александра. Подобрав под себя ноги, Майра удивленно наблюдала за происходящим.

— Вы только посмотрите! — восхитился карлик. — Видите его потенциальный тифитзай?

По крайней мере, это прозвучало как «тифитзай».

— Но его череп, Бордент! — вставил другой. — Это важная деталь. Вайринги кобластны почти полностью.

— Великолепно, — признал Бордент.

Он наклонился вперед. Александр запустил руку в лабиринт морщин, схватил Бордента за нос и болезненно его выкрутил. Бордент стоически терпел, пока хватка не ослабла.

— Не развит, — снисходительно сказал он. — Ничего, мы его разовьем.

Майра спрыгнула с дивана, подхватила ребенка на руки и приняла воинственную позу, глядя на человечков.

— Джо, — сказала она, — ты что, собираешься это терпеть? Кто эти невоспитанные гоблины?

— Бог его знает. — Кэлдерон облизнул губы. — Что за розыгрыш? Кто вас послал?

— Александр, — ответил Бордент. — Из года… э-э-э… две тысячи четыреста пятидесятого, если округлить. Он почти бессмертен. Убить супера можно только насильственно, а в две тысячи четыреста пятидесятом такое не практикуется.

Кэлдерон вздохнул:

— Очень смешной розыгрыш. Я это говорю серьезно. Но…

— Мы пытались снова и снова. В тысяча девять-

сот сороковом, сорок четвертом, сорок седьмом годах — во всей этой эпохе. И появлялись либо слишком рано, либо слишком поздно. Но сейчас мы попали в нужный сегмент времени. Наша задача — обучить Александра. Вы должны гордиться своим ребенком. Знаете, мы вас почитаем. Отец и мать новой расы.

— Пфф! — фыркнул Кэлдерон. — Хватит заливать!

— Им нужны доказательства, Добиш, — сказал кто-то. — Не забывай, они только сейчас узнали, что Александр — гомо супериор.

— Никакой он не гомо, — возразила Майра. — Александр совершенно нормальный ребенок.

— Он совершенно супернормальный, — сказал Добиш. — Мы его потомки.

— Выходит, ты супермен, — скептически произнес Кэлдерон, разглядывая человечка.

— Не совсем. Представителей дезиксового типа не много. Биологическая норма — специализация. Суперов по прямой линии можно пересчитать по пальцам. Кто-то специализируется в логике, кто-то в вервейности, кто-то, подобно нам, передает знания. Если бы мы были дезиксовыми суперами, вы не могли бы просто так стоять и говорить с нами. Или смотреть на нас. Мы всего

лишь детали. Такие люди, как Александр, — великолепное целое.

— Выгони их. — Майру начал утомлять этот разговор. — Я чувствую себя героиней Тёрбера[8].

Кэлдерон кивнул:

— Конечно. Убирайтесь, джентльмены. Уносите ноги. Я не шучу.

— Да, — произнес Добиш, — им нужны доказательства. Что попробуем? Скайскинейт?

— Слишком хлопотно, — возразил Бордент. — Может быть, предметный урок? Тот, что потише.

— Потише? — спросила Майра.

Бордент достал какой-то предмет из своей бумажной одежды и принялся крутить в руках. Его пальцы гнулись под немыслимыми углами. По телу Кэлдерона словно пробежал легкий разряд тока.

— Джо, — произнесла побледневшая Майра, — я не могу пошевелиться.

— Я тоже. Не волнуйся. Это… это… — Джо запнулся и умолк.

— Сядьте! — приказал Бордент, продолжая крутить предмет.

Кэлдерон и Майра попятились к дивану и сели.

---

[8] Примечания: 8

Джеймс Тёрбер (1894–1961) — американский автор сатирических комиксов, писатель и юморист.

У обоих онемел язык. Добиш взобрался на диван и забрал Александра из рук матери. В ее глазах мелькнул ужас.

— Мы не причиним ему вреда, — пообещал Добиш. — Просто хотим преподать первый урок. Ты захватил основы, Финн?

— В сумке.

Финн достал из-под полы сумку длиной в фут. Из нее посыпалось содержимое. Вскоре ковер был завален предметами самого неожиданного вида, характера и назначения. Кэлдерон опознал гиперкуб.

Четвертый карлик, которого, как оказалось, звали Кват, успокаивающе улыбнулся перепуганным родителям:

— Учиться вы не можете — у вас нет потенциала. Вы гомо сапиенс. А вот Александр…

Александр был в ударе. Он неистовствовал. С типичным для детей упрямством отказывался сотрудничать. Он быстро пополз назад. Разразился пронзительным плачем. Плач сменился смехом — ребенок с изумлением разглядывал свои ноги. Сунул кулак в рот и разрыдался. Заговорил о невидимых вещах тихим загадочным речитативом. И дал Добишу в глаз.

Человечки обладали неистощимым терпением.

Через два часа они закончили. Кэлдерону не казалось, что Александр чему-то научился. Бордент снова покрутил предмет, любезно кивнул родителям малыша и возглавил отступление. Четыре человечка вышли из квартиры, и через мгновение Кэлдерон и Майра смогли пошевелиться.

Она вскочила на онемевшие ноги, схватила Александра и рухнула на диван. Кэлдерон бросился к двери и открыл ее. В коридоре никого не было.

— Джо… — испуганно окликнула Майра.

Кэлдерон вернулся и погладил ее по волосам, глядя на светлую, пушистую макушку Александра.

— Джо, мы должны что-то сделать.

— Я не знаю, — сказал он. — Если это нам не привиделось…

— Это не привиделось. Они забрали свои вещи. Александр! О-о-о…

— Они не пытались ему навредить, — неуверенно произнес Кэлдерон.

— Наш малыш! Он не суперребенок!

— Ладно, буду держать под рукой револьвер. — сказал Кэлдерон. — Что еще я могу сделать?

— Я что-нибудь придумаю, — пообещала Майра. — Мерзкие гоблины! Я что-нибудь придумаю,

вот увидишь.

На следующий день супруги по молчаливому согласию не стали обсуждать эту тему. Но в четыре часа — в то же время, когда гоблины заявились в первый раз, — Кэлдероны сидели с Александром в кинотеатре и смотрели новый цветной фильм. Четыре человечка вряд ли найдут их здесь… Вдруг Джо почувствовал, как Майра оцепенела, и еще до того, как повернулся к ней, заподозрил худшее. Майра вскочила, задыхаясь, и вцепилась в его руку:

— Он исчез!

— Ис-с-счез?

— Взял и испарился. Я держала его… Пойдем искать!

— Может, уронила? — беспомощно произнес Кэлдерон и чиркнул спичкой.

С задних рядов зашикали. Майра уже пробиралась к проходу. Никаких детей под креслами не оказалось, и Кэлдерон догнал жену в фойе.

— Он исчез, — лепетала Майра. — Взял и исчез. Возможно, он в будущем. Джо, что нам делать?

Кэлдерону чудом удалось поймать такси.

— Поедем домой. Скорее всего, он там… Я надеюсь.

— Да. Конечно. Дай сигарету.

— Он наверняка в квартире…

Так и было. Сидя на корточках, ребенок с явным интересом разглядывал устройство, которое показывал Кват. Устройство напоминало разноцветный венчик для взбивания яиц с четырехмерными насадками и говорило тоненьким высоким голоском. Не на английском языке.

Бордент выхватил успокоитель и принялся крутить его, когда пара вошла в квартиру. Кэлдерон схватил Майру за плечи и потащил назад.

— Не надо! — торопливо произнес он. — В этом нет необходимости. Мы ничего не будем делать.

— Джо! — Майра пыталась вырваться. — Ты что, позволишь им…

— Тихо! — велел он. — Бордент, положите эту штуковину. Мы хотим с вами поговорить.

— Что ж… если пообещаете не мешать…

— Обещаем.

Кэлдерон силой подвел Майру к дивану и усадил.

— Дорогая, послушай… С Александром все в порядке. Ему не причиняют вреда.

— Навредишь ему, как же! — воскликнул Финн. — Он спустит с нас шкуру в будущем, если мы навредим ему в прошлом.

— Тихо! — велел Бордент.

Похоже, он был главным в четверке.

— Я рад, что вы сотрудничаете с нами, Джозеф Кэлдерон. Мне бы не хотелось применять силу против полубога. Все-таки вы отец Александра.

Александр протянул пухлую ручку и попытался потрогать радужный венчик для яиц, явно завороженный его вращением.

— Кивелиш искрит, — сказал Кват. — Мне вастинировать?

— Не спеши, — ответил Бордент. — Через неделю он будет рациональным, потом мы ускорим процесс. А вы, Кэлдерон, постарайтесь расслабиться. Хотите чего-нибудь?

— Выпить.

— Имеется в виду алкоголь, — пояснил Финн. — О нем упоминает Рубайят, помнишь?

— Рубайят?

— Поющий красный камень в Библиотеке Двенадцати.

— А, понял, — сказал Бордент. — Я думал о плите Иеговы, о той, что с громовыми эффектами. Финн, создашь немного алкоголя?

Кэлдерон сглотнул.

— Не утруждайтесь. У меня есть в буфете. Можно я…

— Вы не пленники, — пожал плечами Бор-

дент. — Мы всего лишь хотели, чтобы вы выслушали кое-какие объяснения, а затем… Ну, теперь все будет иначе.

Майра покачала головой, когда Кэлдерон протянул ей бокал, но муж нахмурился и со значением посмотрел на нее:

— Ты ничего не почувствуешь. Пей.

Она не сводила глаз с Александра. Ребенок начал подражать тоненькому верещанию венчика для яиц. В этом было что-то неуловимо неприятное.

— Луч работает, — сказал Кват. — Но на экране видно небольшое сопротивление коры.

— Направь мощность под углом, — велел Бордент.

— Моджевабба? — произнес Александр.

— Что это? — настороженно спросила Майра. — Суперязык?

Бордент улыбнулся ей:

— Нет, всего лишь детский лепет.

Александр разразился рыданиями.

— Суперребенок он или нет, — сказала Майра, — но когда так плачет, у него есть веская причина. Ваше обучение предусматривает подобные моменты?

— Конечно, — спокойно ответил Кват.

Они с Финном вынесли Александра. Бордент снова улыбнулся.

— Вы начинаете верить, — отметил он. — Это отрадно.

Кэлдерон пил, чувствуя, как щеки разгораются от виски. В животе холодным клубком ворочалась тревога.

— Если бы вы были людьми… — с сомнением произнес он.

— В этом случае нас бы здесь не было. Старый порядок сменился новым. Рано или поздно это должно было случиться. Александр — первый гомо супериор.

— Но почему мы? — спросила Майра.

— Генетика. Вы оба работали с радиоактивностью и коротковолновыми излучениями, которые повлияли на зародышевую плазму. Мутация просто случилась. Теперь это будет повторяться время от времени. Но вы оказались первыми. Вы умрете, а ваш сын будет жить. Возможно, тысячу лет.

— Вы явились из будущего… Говорите, вас послал Александр? — спросил Кэлдерон.

— Взрослый Александр. Зрелый супермен. Наша культура совсем другая, разумеется, — она за пределами вашего понимания. Александр — один

из дезиксовых. Он сказал мне, через машину-переводчик разумеется: «Бордент, во мне узнали супера только в тридцать лет. До тех пор я развивался как обычный гомо сапиенс. Я сам не знал о своем потенциале. И это плохо». Это действительно плохо, — отвлекся Бордент. — Организм не может полностью раскрыть свой потенциал, если не дать ему все шансы развиваться с самого рождения. Или хотя бы с младенчества. Александр сказал мне: «Я родился около пятисот лет назад. Возьми нескольких наставников, отправляйся в прошлое, найди меня ребенком, дай мне специализированное обучение с самого начала. Думаю, это поможет мне развиться».

— Прошлое… — сказал Кэлдерон. — Вы утверждаете, что оно пластично?

— Ну, оно влияет на будущее. Невозможно изменить прошлое, не изменив будущего. Но события стремятся вернуться в прежнее русло. Существует темпоральная норма, общий уровень. В исходном секторе времени мы не посетили Александра. Здесь это посещение случилось, следовательно, будущее изменится. Но не разительно. Никакие критически важные временны́е рычаги не передвинуты. Единственным результатом будет то, что зрелый Александр более полно раскроет свой

потенциал.

Александра принесли обратно в комнату. Он лучезарно улыбался. Кват продолжил свой урок с венчиком для яиц.

— Вам не под силу ничего изменить, — сказал Бордент. — Полагаю, вы это уже поняли.

— Александр будет выглядеть как вы? — со страхом в голосе спросила Майра.

— Ну что вы! Он само совершенство с физической точки зрения. Конечно, я никогда его не видел, но…

— Наследник поколений[9], — пробормотал Кэлдерон. — Майра, ты начинаешь понимать, в чем соль?

— Да. Супермен. Но он наш ребенок.

— Он им и останется, — нетерпеливо возразил Бордент. — Мы не собираемся лишать его благотворного влияния родителей и родных стен. Все это нужно ребенку. В самом деле, снисходительное отношение к детям — эволюционная черта, чье предназначение — подготовка к появлению супермена; частью этой же подготовки является исчезновение аппендикса. В некоторые исторические эпохи возникают предпосылки к

---

[9] Примечания: 9

Цитата из стихотворения Альфреда Теннисона «Замок Локсли», перевод Э. Соловковой.

зарождению новой расы. Но дальше предпосылок раньше никогда не заходило — случались, так сказать, антропологические выкидыши. Скривер побери, это крайне важно! Дети ужасно раздражают. Они беспомощны в течение весьма продолжительного срока; они подвергают терпение родителей суровым испытаниям. Чем примитивнее животное, тем быстрее развивается детеныш, а человеческому детенышу требуется много лет, чтобы обрести самостоятельность. Так что родители вынуждены становиться все более снисходительными. Кстати, суперребенок созреет только к двадцати годам.

— До тех пор Александр останется ребенком? — спросила Майра.

— Физически он останется восьмилетней особью гомо сапиенс. Умственно же… Я бы назвал это иррациональностью. Он не будет соответствовать интеллектуальной или эмоциональной норме. Он не будет здравомыслящим — не больше, чем любой другой ребенок. Развитие избирательности требует времени. Но его пиковые достижения намного, намного превзойдут, скажем, ваши достижения в детстве.

— Вот спасибо, — буркнул Кэлдерон.

— Его кругозор станет шире. Александр спосо-

бен постигать и усваивать намного больше, чем вы. Мир действительно будет лежать у его ног. Но разуму, личности вашего сына требуется время, чтобы приспособиться.

— Мне нужно еще выпить, — сказала Майра.

Кэлдерон принес. Мальчик засунул большой палец в глазницу Квата и попробовал выковырять глаз. Кват не сопротивлялся.

— Александр! — воскликнула Майра.

— Спокойно, — сказал Бордент. — Кват от природы способен выдержать намного больше, чем вы.

— Здоровья у него не прибавится, если малыш выковыряет ему глаз, — сказал Кэлдерон.

— Кват не столь важен, как Александр. Он и сам это знает.

К счастью для бинокулярного зрения Квата, Александру быстро надоела новая игрушка и он снова уставился на венчик для яиц. Добиш и Финн склонились над ребенком. Но Кэлдерон чувствовал, что они не просто смотрят.

— Индуцированная телепатия, — пояснил Бордент. — На ее развитие нужно много времени, но мы уже начинаем. Как я сказал, наконец-то мы попали в нужное время. Я звонил в эту дверь не меньше ста раз. Но лишь сегодня…

— Уйди, — четко произнес Александр. — Да. Уйди.

Бордент кивнул:

— Пока хватит. Мы вернемся завтра. Вы будете готовы?

— Как и впредь, полагаю, — ответила Майра и осушила стакан.

Супруги изрядно набрались тем вечером, обсуждая происходящее. Сложно было что-то противопоставить силам, которыми обладала эта малорослая четверка. Сомнений не оставалось: Бордент и его товарищи перенеслись на пятьсот лет назад по приказу будущего Александра, ставшего эталонным суперменом.

— Удивительно, правда? — произнесла Майра. — Этот милый пухляш превратится в могучего всезнайку.

— Борден прав: кто-то должен был стать первым.

— Только если наш сын не будет выглядеть как эти противные гоблины!

— Он будет суперменом. Помнишь Девкалиона и, как бишь там ее звали?[10] Родоначальников

---

[10] Примечания: 10

Девкалион и *Пирра* — персонажи древнегреческой мифологии, которые спаслись после Потопа и возродили человеческий род.

новой расы.

— Мне не по себе, — сказала Майра. — Как будто я родила лося.

— Ты никогда бы такого не сделала, — утешил ее Кэлдерон. — Выпей еще.

— Это все равно что случилось. Александр — свось.

— Свось?

— Я тоже могу болтать на гоблинском жаргоне. Вопишно воглить в вестибюле. Вот.

— Такой уж у них язык, — сказал Кэлдерон.

— Александр будет говорить по-английски. У меня есть родительские права.

— Бордент вроде и не собирается их нарушать. Он сказал, что Александру нужна домашняя обстановка.

— Только поэтому я еще не рехнулась, — кивнула Майра. — Но если они отнимут у нас ребенка…

Через неделю стало совершенно очевидно, что Бордент не намерен нарушать родительские права, по крайней мере на срок не больше необходимого, то есть на два часа в день. В это время четыре человечка выполняли данное им поручение, запихивая в Александра все знания, которые мог вместить его незрелый суперразум. Они не

полагались на кубики, детские стишки или счеты. Их оружие в этой битве было загадочным, футуристическим, но эффективным. И им явно удавалось чему-то научить Александра. Подобно тому как растения пускаются в рост под воздействием удобрений, Александр впитывал науку карликов, и его потенциально сверхчеловеческий мозг развивался с потрясающей скоростью.

На четвертый день мальчик разборчиво заговорил. На седьмой мог легко поддерживать беседу, хотя младенческие мышцы языка легко уставали. Его щеки все еще напоминали присоски; он не был в полной мере человеком, лишь эпизодически становился таковым. Но это случалось все чаще.

На ковре царил беспорядок. Человечки больше не забирали свое оборудование, они оставляли его Александру. Малыш ползал — он теперь не утруждал себя ходьбой, потому что ползать было эффективнее, — между предметами, выбирал некоторые и соединял.

Майра вышла в магазин. Человечки должны были явиться только через полчаса. Кэлдерон, уставший после рабочего дня в университете, повертел в руках стакан и взглянул на своего отпрыска.

— Александр! — окликнул он.

Сын не ответил. Он приладил устройство к *штуке,* вставил ее в *нечто* под странным углом и уселся поудобнее с довольным видом.

— Да?

Он говорил не слишком внятно. Так мог бы говорить беззубый старик.

— Что ты делаешь? — спросил Кэлдерон.

— Нет.

— Что это?

— Нет.

— Нет?

— Я понимаю, — сказал Александр. — Этого достаточно.

— Ясно. — Кэлдерон разглядывал чудо-ребенка с легкой опаской. — Ты не хочешь мне сказать.

— Нет.

— Ну и ладно.

— Налей мне, — сказал Александр.

Кэлдерону пришла в голову дикая идея, что ребенок попросил плеснуть ему виски. Затем он вздохнул, встал и вернулся с бутылочкой.

— Молоко, — произнес Александр, отвергая питье.

— Ты попросил налить. Я налил воду.

«О господи, — подумал Кэлдерон, — я спорю

с ребенком. Я обращаюсь с ним как… как со взрослым. Но он не взрослый. Он просто пухлый малыш, который сидит на ковре и играет с конструктором».

Конструктор что-то произнес тонким голоском.

— Повтори, — пробормотал Александр.

Конструктор повторил.

— Что это было? — спросил Кэлдерон.

— Нет.

— Дурдом.

Кэлдерон отправился в кухню за молоком. Он налил себе еще виски. Происходящее напоминало внезапное нашествие родственников — родственников, которых ты лет десять не видел. Как, черт побери, вести себя с суперребенком?

Выдав Александру молоко, он снова ушел в кухню. Вскоре Майра повернула ключ в двери квартиры. Она закричала, и Кэлдерон бросился в гостиную. Александра рвало. При этом у него был вид ученого, который увлеченно наблюдает за удивительным феноменом.

— Александр! — воскликнула Майра. — Солнышко, тебе плохо?

— Нет, — ответил Александр. — Я изучаю обратный ход пищи. Мне нужно научиться кон-

тролировать мои пищеварительные органы.

Кэлдерон прислонился к двери, криво усмехаясь:

— Ясно. Тогда тебе стоит начать это делать.

— Я закончил, — сообщил Александр. — Уходите.

Через три дня ребенок решил, что ему нужно развивать легкие. Он голосил часами напролет с разнообразными вариациями: вопли, вой, рулады и пронзительный визг. И явно собирался орать до победного конца. Соседи жаловались.

— Солнышко, тебя колет булавка? — спросила Майра. — Дай посмотрю.

— Уходи, — сказал Александр. — Ты слишком теплая. Открой окно. Мне нужен свежий воздух.

— Д-да, зайчик. Конечно.

Майра вернулась на кровать, и Кэлдерон обнял ее. Он знал, что утром у жены будут круги под глазами. Александр продолжал орать в своей кроватке.

Так все и шло. Четыре человечка приходили каждый день и давали Александру уроки. Они были довольны ходом обучения. Они смиренно терпели выкрутасы Александра, например когда он со всей силы бил их в нос или рвал в клочья бумажные одеяния. Бордент постучал по своему

металлическому шлему и торжествующе улыбнулся Кэлдерону:

— Он делает успехи! Развивается!

— Чудесно. А что насчет дисциплины?

Александр отвлекся от общения с Кватом:

— Дисциплина гомо сапиенсов ко мне неприменима, Джозеф Кэлдерон.

— Не называй меня Джозеф Кэлдерон. Я ведь твой отец.

— Примитивная биологическая необходимость. Твое предназначение — обеспечить мне родительский уход.

— То есть я инкубатор, — сказал Кэлдерон.

— Но божественный инкубатор, — утешил его Бордент. — Практически логос. Отец новой расы.

— Скорее я чувствую себя Прометеем, — с горечью сказал отец новой расы. — Он тоже принес пользу. А потом орел клевал ему печень.

— Вы многое узнаете от Александра.

— Он говорит, что я не способен это понять.

— А вы способны?

— Ну конечно! У меня же мозгов как у птицы, — фыркнул Кэлдерон и погрузился в унылое молчание, глядя, как Александр под присмотром Квата собирает устройство из сверкающего стекла и гнутого металла.

Бордент внезапно воскликнул:

— Кват! Осторожно с яйцом!

Финн схватил голубоватый овоид за секунду до того, как Александр вцепился бы в него пухлой ручкой.

— Оно не опасно, — сказал Кват. — Не подключено.

— Он мог подключить.

— Я хочу его, — сказал Александр. — Дай!

— Еще рано, Александр, — отрезал Бордент. — Сначала тебе нужно узнать, как его правильно подключать. Иначе оно может тебе навредить.

— Я могу.

— Ты пока недостаточно логичен, чтобы соразмерять свои возможности и желания. Позже это будет безопасно. А сейчас пора заняться философией. Добиш?

Добиш присел на корточки и вступил в контакт с Александром. Майра вышла из кухни, окинула взглядом происходящее и вернулась обратно. Кэлдерон последовал за ней.

— Я и за тысячу лет к этому не привыкну, — размеренно произнесла она, защипывая край пирога. — Он мой сын, лишь когда спит.

— Тысячу лет мы не проживем, — сказал Кэлдерон. — А вот Александр — да. Хорошо бы найти

прислугу.

— Я сегодня опять пыталась, — устало произнесла Майра. — Не выходит. Они все на военных заводах. Я упомянула ребенка…

— Ты не можешь все делать сама.

— Ты же мне помогаешь, — возразила Майра, — когда есть время. Но ты тоже вкалываешь, милый. Когда-нибудь это закончится.

— Я тут подумал: если нам завести еще одного ребенка…

Она спокойно выдержала его взгляд:

— Я тоже об этом думала. Видимо, мутации случаются не так часто. Раз в жизни. И все же мы не знаем наверняка.

— В любом случае пока это не важно. На данный момент одного ребенка достаточно.

Майра взглянула на дверь:

— Там все в порядке? Я волнуюсь, посмотри.

Все нормально.

— Да, но это голубое яйцо… Бордент сказал, что оно опасно. Я все слышала.

Кэлдерон заглянул в дверную щель. Четыре карлика сидели перед Александром, чьи глаза были закрыты. Затем ребенок открыл глаза и нахмурился, глядя на Кэлдерона.

— Не лезь! — потребовал он. — Ты мешаешь

контакту.

— Ради бога, прости, — сказал Кэлдерон и ретировался. — Майра, все хорошо. Наш маленький диктатор в полном порядке.

— Но он же супермен, — с сомнением произнесла она.

— Нет. Он суперребенок. В этом вся разница.

— Он тут загадки освоил, — сообщила Майра, хлопоча у плиты. — Или что-то вроде загадок. Я чувствую себя такой жалкой, когда он меня донимает. Но он говорит, что это полезно для его эго. Позволяет компенсировать физическую хрупкость.

— Загадки, говоришь? Я тоже парочку знаю.

— Александра они не впечатлят, — с мрачной уверенностью сказала Майра.

Она оказалась права. Загадка «Кто над нами вверх ногами» была воспринята с заслуженным презрением. Александр изучал загадки отца, обрабатывал своим холодным мозгом, анализировал на предмет недостатков в семантике и логике и отвергал. Или отвечал на них с такой безукоризненной категоричностью, что Кэлдерону было неловко давать правильные ответы. Он даже не постеснялся спросить, что общего у ворона и письменного стола, и поскольку Болванщик

не смог ответить на собственную загадку, Джо слегка испугался, обнаружив, что ему читают диссертацию по сравнительной орнитологии. Затем он позволил Александру подкалывать его наивными шутками о связи гамма-лучей и фотонов и попытался отнестись к этому философски. Мало что так раздражает, как детские загадки. Язвительное торжество ребенка — грязь, в которой ты валяешься.

— Оставь отца в покое, — сказала взлохмаченная Майра, входя в комнату. — Он пытается читать газету.

— Эти новости не важны.

— Я читаю комиксы, — сообщил Кэлдерон. — Хочу узнать, отомстили ли Катценджаммеры Капитану за то, что он повесил их под водопадом[11].

— Парадоксальное затруднительное положение кажется смешным потому… — со знанием дела начал Александр, но Кэлдерон с отвращением удалился в спальню, где к нему присоединилась Майра.

— Он снова загадывает мне загадки, — пожаловалась она. — Давай посмотрим, что там сделали

---

[11] Примечания: 11

Речь о персонажах классической серии комиксов «Капитан и дети» художника Гарольда Кнерра.

Катценджаммеры.

— Ты выглядишь несчастной. Простудилась?

— Я не накрашена. Александр сказал, что его тошнит от запаха косметики.

— И что? Не растает, не сахарный.

— Ну, — ответила Майра, — его и правда тошнит. Но конечно, он делает это нарочно.

— Послушай… Вот опять начинает. Ну, что же это с ним?

Но Александр просто нуждался в слушателях. Он изобрел новый способ издавать дурацкие звуки с помощью пальцев и губ. Иногда его нормальные детские этапы развития раздражали больше, чем демонстрация суперспособностей.

Тем не менее по прошествии месяца Кэлдерон почувствовал, что худшее еще впереди. Александр достиг областей знаний, в которые пока не ступала нога гомо сапиенса, и приобрел вампирскую привычку высасывать из мозга своего несчастного отца все знания до капли.

То же происходило с Майрой. Мир действительно лежал у ног Александра. Мальчик испытывал ненасытное любопытство ко всему, и в квартире теперь невозможно было уединиться. Кэлдерон стал запирать по ночам дверь спальни — кроватка Александра теперь стояла в другой

комнате, — но яростные вопли могли разбудить родителей в любое время.

Посреди приготовления ужина Майре приходилось останавливаться и объяснять таинство работы плиты Александру. Узнав все, что было известно матери на ту или иную тему, он переходил к более глубоким аспектам и насмехался над ее невежеством. Он выяснил, что Кэлдерон физик, каковой факт тот тщательно хранил в тайне, и высосал отца досуха. Он задавал вопросы о геодезии и геополитике. Спрашивал о моносахаридах и монорельсах. Интересовался биномами и бинокулярным зрением. И был полон скептицизма, подвергая сомнению глубину познаний Джо.

— Но вы с Майрой Кэлдерон, — рассуждал он, — пока мои ближайшие знакомые гомо сапиенсы. Надо же с чего-то начинать. И убери сигарету: дым вреден для моих легких.

— Ладно, — сказал Кэлдерон.

Он устало поднялся, уже привыкнув к тому, что его гоняют из комнаты в комнату, и отправился на поиски Майры.

— Бордент и компания скоро придут. Мы можем куда-нибудь сходить. Хочешь?

— Конечно. — Она бросилась к зеркалу, поправляя волосы. — Мне нужно сделать завивку. Если

бы у меня было время!..

— Завтра возьму отгул и посижу дома. Тебе нужно отдохнуть.

— Нет, милый. Ты просто не можешь себе это позволить — экзамены на носу.

Александр завопил. Оказалось, что он хочет послушать пение матери. Его интересовал тональный диапазон гомо сапиенсов и эмоциональный и успокоительный эффект колыбельных. Кэлдерон смешал себе коктейль, сел на кухне и закурил, думая о блестящей будущности сына. Когда Майра умолкла, он напрягся в ожидании криков Александра, но было тихо, пока жена с широко распахнутыми глазами не влетела в кухню.

— Джо! — Она бросилась в объятия Кэлдерона. — Скорее дай мне выпить, или… или обними покрепче, или еще что-нибудь сделай.

— Что случилось?

Он сунул бутылку ей в руки, подошел к двери и выглянул.

— Александр? Все тихо. Он ест конфету.

Майра даже не взяла стакан. Горлышко бутылки звякало о ее зубы.

— Посмотри на меня. Просто посмотри на меня. Я развалина.

— Что случилось?

— Да ничего. Совершенно ничего. Александр превратился в черного мага, только и всего. — Она упала в кресло и провела ладонью по лбу. — Знаешь, что сейчас натворил этот маленький гений?

— Укусил тебя, — предположил Кэлдерон.

— Хуже, намного хуже. Он попросил конфету. Я сказала, что в доме нет ни одной. Тогда он велел пойти за конфетами в лавку. Я сказала, что мне надо сначала одеться и я слишком устала.

— Почему не попросила меня сходить?

— Не было такой возможности. Не успела я и глазом моргнуть, как этот юный Мерлин взмахнул волшебной палочкой или сделал что-то еще. Я… я оказалась в лавке! Рядом со стойкой с конфетами!

Кэлдерон растерянно заморгал:

— Наведенная амнезия?

— Не было никакого скачка во времени. Фьють — и я в лавке. В этих лохмотьях, без капли косметики, с гнездом на голове. Миссис Бушерман тоже там была, покупала курицу. Ну знаешь, эта фифа из квартиры напротив. Она любезно посоветовала мне получше следить за собой. Пфф! — яростно закончила Майра.

— Господи боже!

— Телепортация. Так Александр это называет. Новый фокус, который он выучил. Я не потерплю этого, Джо! Я ему не тряпичная кукла!

Она была на полпути к истерике.

Кэлдерон прошел в соседнюю комнату и стал, глядя на своего ребенка. Губы Александра были вымазаны шоколадом.

— Вот что, умник, — сказал он. — Оставь мать в покое, слышишь?

— Я не причинил ей вреда, — невнятно пробормотал чудо-ребенок. — Я просто поступил рационально.

— В таком случае не будь настолько рациональным. Кстати, откуда ты узнал этот трюк?

— Телепортацию? Кват показал вчера вечером. Он сам не умеет его делать, но я же дезиксовый супер. Хотя еще не отточил навыки. Если бы я попытался телепортировать Майру Кэлдерон в Джерси, то мог бы уронить ее в Гудзон.

Кэлдерон пробормотал что-то нелестное.

— Это из англосаксонского? — спросил Александр.

— Не важно. Тебе в любом случае не стоило есть столько шоколада. Плохо же станет. Твоей матери уже плохо. И меня от тебя тошнит.

— Уходи! — приказал Александр. — Я хочу сосредоточиться на вкусе.

— Нет. Я же сказал: станет плохо. Шоколад для тебя слишком жирный. Давай его сюда.

Кэлдерон протянул руку за бумажным пакетом. Александр исчез. Майра завопила на кухне.

Кэлдерон мрачно застонал и обернулся. Как он и предполагал, Александр был на кухне, сидел на плите и жадно запихивал конфеты в рот. Майра не отрывалась от бутылки.

— Настоящий дурдом, — сказал Кэлдерон. — Ребенок телепортируется по всей квартире, ты надираешься на кухне, а я нахожусь на грани нервного срыва. — Он засмеялся. — Ладно, Александр, оставь конфеты себе. Я знаю, когда лучше отступить, чтобы выиграть битву.

— Майра Кэлдерон, — произнес Александр, — я хочу обратно в ту комнату.

— А ты перелети, — предложил Кэлдерон. — Ну или давай я тебя отнесу.

— Не ты. Она шагает ритмичнее.

— Ты хотел сказать, шатается, — проворчала Майра, но послушно отставила бутылку и взяла Александра на руки.

Кэлдерон не слишком удивился, услышав через секунду ее вопли. Когда он воссоединился с

семейством в соседней комнате, Майра сидела на полу, терла руки и кусала губы. Александр заливался смехом.

— Что на этот раз?

— Он уд-дарил меня т-током, — тоненьким голоском пожаловалась Майра. — Как электрический угорь. Он специально это сд-делал. Александр, хватит ржать!

— Ты упала! — ликовал ребенок. — Ты закричала и упала.

Кэлдерон посмотрел на Майру и скрипнул зубами.

— Ты специально это сделал? — спросил он.

— Да. Она упала. Так смешно выглядела!

— Сейчас ты будешь выглядеть еще смешнее. Будь ты хоть сто раз дезиксовым супером, тебя нужно хорошенько отшлепать.

— Джо… — начала Майра.

— Не мешай. Он должен научиться уважать других людей.

— Я гомо супериор, — сообщил Александр, явно полагая, что этого довода будет достаточно.

— А будешь гомо шлёпериор, — заявил Кэлдерон и двинулся к сыну.

По синапсам пронеслась колючая вспышка нервной энергии; Джо позорно попятился и вре-

зался в стену, хорошенько приложившись к ней головой. Александр смеялся как сумасшедший.

— Ты тоже упал! — крикнул он. — Смешно выглядишь.

— Джо! — окликнула Майра. — Джо! Тебе больно?

Кэлдерон кисло ответил, что жить будет. Но стоит запастись шинами для переломов и плазмой крови.

— На случай, если он увлечется вивисекцией.

Майра задумчиво и с тревогой разглядывала Александра.

— Надеюсь, ты шутишь.

— Я тоже на это надеюсь.

— Что ж… А вот и Бордент. Давай поговорим с ним.

Кэлдерон открыл дверь. Четыре человечка торжественно вошли. Они не тратили времени зря — собрались вокруг Александра, выудили новые устройства из недр своих бумажных одежд и приступили к работе.

— Я телепортировал ее на восемь тысяч футов, — сообщило дитя.

— Так далеко? — восхитился Кват. — Устал?

— Ни капельки.

Кэлдерон оттащил Бордента в сторону:

— Мне нужно с вами поговорить. Я считаю, что Александра необходимо отшлепать.

— Ворастер упаси! — воскликнул потрясенный карлик. — Это же Александр! Он дезиксовый супер!

— Пока нет. Он еще ребенок.

— Но он суперребенок. Нет-нет, Джозеф Кэлдерон! Я должен еще раз повторить, что дисциплинарные меры могут применять лишь лица, обладающие достаточными познаниями.

— То есть вы?

— Еще рано, — ответил Бордент. — Мы не хотим его переутомлять. Даже супермозгу нужно отдыхать, особенно в период становления. У него полно дел, а подход к социальным контактам можно сформировать и попозже.

Майра присоединилась к разговору:

— Не могу с вами согласиться. Александр антисоциален, как и все дети. Возможно, он обладает сверхчеловеческими силами, но он недочеловек во всем, что касается душевного и эмоционального равновесия.

— Ага, — согласился Кэлдерон. — Взять хотя бы манеру бить нас током…

— Он просто играет, — сказал Бордент.

— И телепортацию. Что, если он телепортирует

меня на Таймс-сквер прямо из душа?

— Он всего лишь играет. Он еще ребенок.

— А как же мы?

— Вы унаследовали от предков снисходительное отношение к детям, — пояснил Бордент. — Как я уже говорил, эта снисходительность нужна только для того, чтобы в мире появился Александр, а следовательно, и новая раса. Вид гомо сапиенс не особенно в ней нуждается. Обычный ребенок время от времени испытывает родительское терпение, но ему не израсходовать и малой доли того огромного запаса снисходительности, которым родители обладают. Другое дело — дезиксовый супер.

— Наша снисходительность уже вычерпана досуха, — проворчал Кэлдерон. — Я подумываю сдать его в детдом.

Бордент покачал головой с блестящим металлическим шлемом:

— Вы нужны ему.

— Но, — начала Майра, — но… вы не могли бы хоть немного его приструнить?

— Это ни к чему. Его разум еще незрелый, и ему нужно сосредоточиться на более важных вещах. Вы притерпитесь.

— Он как будто уже не наш ребенок, — пробор-

мотала Майра. — Не Александр.

— Но он ваш. Это так. Он Александр!

— Послушайте, для матери естественно желание обнять свое дитя, но как это сделать, если он в любой момент может швырнуть ее через комнату? — Кэлдерон задумался. — Со временем он наберет больше… больше сверхвозможностей?

— Ну конечно.

— Он опасен для жизни и здоровья. Я настаиваю, что ему нужна дисциплина. В следующий раз надену резиновые перчатки.

— Нет, Джозеф Кэлдерон, ничего не выйдет, — нахмурился Бордент. — Вы не должны вмешиваться, поскольку не способны приучить его к правильной дисциплине… которая ему пока все равно не нужна.

— Всего лишь раз отшлепать, — с тоской сказал Кэлдерон. — Не из мести. Просто показать, что нужно уважать других людей.

— Он научится уважать других дезиксовых суперов. Не пытайтесь его наказать. Если вы его и отшлепаете, что представляется весьма маловероятным, это может повредить его психике. Мы его наставники, учителя. Мы должны его защищать. Вы поняли?

— Полагаю, что да, — медленно произнес Кэл-

дерон. — Это угроза.

— Вы родители Александра, но важен Александр. Если понадобится применить дисциплинарные меры к вам, я это сделаю.

— Ладно, оставим это, — вздохнула Майра. — Джо, пойдем погуляем в парке, пока Бордент и его приятели здесь.

— У вас два часа, — сказал человечек. — До свидания.

Шло время, и Кэлдерон не мог решить, что его больше раздражает — проявления идиотизма или острого ума Александра. Чудо-ребенок овладел новыми возможностями; хуже всего, что Кэлдерон никогда не знал, чего следует ожидать или в какой момент он станет жертвой очередной выходки гения. Так было и в тот раз, когда в его кровати материализовалась липкая масса конфет-тянучек, ловко украденных из лавки с помощью телепортации. Александр счел это весьма забавным. Он смеялся.

А когда Кэлдерон отказался идти в магазин за конфетами, потому что у него нет денег («И не пытайся меня телепортировать, я на мели!»), Александр силой мысли исказил гравитационное поле. Кэлдерон повис в воздухе вверх ногами. Его тряхнуло, и монеты посыпались из кармана.

Пришлось отправиться за конфетами.

Чувство юмора приобретается со временем, по сути развиваясь из жестокости. Чем примитивнее разум, тем менее он разборчив. Каннибал, вероятно, будет искренне веселиться, глядя, как его жертва корчится в кипящем котле. Человек поскальзывается на шкурке банана и ломает позвоночник. Взрослый в этот момент перестает смеяться, ребенок — нет. И цивилизованное эго полагает стыд не менее острым переживанием, нежели физическая боль. Младенец, ребенок, идиот не способен на эмпатию. Он не может отождествить себя с другим человеком. Он прискорбно аутичен; он творит, что в голову взбредет. И разбросанный по спальне мусор не казался смешным ни Майре, ни Кэлдерону.

В доме поселился маленький чужак. Никто не радовался. Кроме Александра. Ему было очень весело.

— Никакого уединения, — пожаловался Кэлдерон. — Он материализуется где угодно, в любое время. Дорогая, тебе стоит сходить к врачу.

— И что посоветует врач? — спросила Майра. — Отдохнуть? Ты в курсе, что прошло уже два месяца с тех пор, как Бордент захватил власть?

— И мы изрядно продвинулись за это время, —

сообщил Бордент, подходя к супругам.

Кват общался с Александром на ковре, а другие два карлика готовили к работе новое устройство.

— Вернее, Александр изрядно продвинулся.

— Нам нужно отдохнуть! — простонал Кэлдерон. — Если я потеряю работу, кто будет кормить вашего драгоценного гения?

Майра покосилась на мужа, отметив притяжательное местоимение, которое он выбрал.

Бордент встревожился:

— У вас сложности?

— Декан говорил со мной пару раз. Я больше не справляюсь с моими студентами. Слишком раздражителен стал.

— Вам незачем снисходительно относиться к студентам. С деньгами мы можем помочь. Обсудим сумму, и я все улажу.

— Но я хочу работать. Мне нравится моя работа.

— Ваша работа — Александр.

— Мне нужна прислуга! — с отчаянием произнесла Майра. — Вы не могли бы изготовить что-нибудь вроде робота? Александр отпугивает всех служанок, которых мне удается нанять. Они и дня не проводят в этом дурдоме.

— Механический интеллект негативно ска-

жется на развитии Александра, — сказал Бордент. — Нет.

— Мне бы хотелось время от времени принимать гостей. Или ходить в гости. Или хотя бы побыть в одиночестве, — вздохнула Майра.

— Однажды Александр созреет, и ваши труды будут вознаграждены. Родители Александра! Я уже говорил, что ваши портреты висят в Зале великих анахронизмов?

— Наверняка они выглядят ужасно, — сказал Кэлдерон. — Мы-то уж точно выглядим не ахти.

— Терпение. Помните о судьбе вашего сына.

— Я помню. Постоянно себе напоминаю. Но иногда он несколько раздражает. Мягко говоря.

— Как раз для этого и нужно снисходительное отношение, — сказал Бордент. — Природа все предусмотрела для создания новой расы.

— Мм…

— Сейчас он работает над шестимерными абстракциями. Прогресс замечательный.

— Угу, — кивнул Кэлдерон и пошел в кухню к Майре, что-то бормоча под нос.

Александр ловко работал со своими устройствами, его пухлые пальчики уже стали более сильными и уверенными. Он по-прежнему питал запретную страсть к голубому овоиду, но под бди-

тельным надзором Бордента мог использовать его лишь в пределах ограничений, наложенных учителями. Когда урок закончился, Кват выбрал несколько предметов и запер их в буфете, как обычно. Остальное он оставил на ковре, чтобы Александр мог оттачивать навыки.

— Он развивается, — сказал Бордент. — Сегодня мы совершили большой прорыв.

Майра и Кэлдерон как раз подошли и услышали это.

— Что происходит? — спросил он.

— Мы сняли психический блок. Александру больше не нужно спать.

— Что? — переспросила Майра.

— Ему больше не требуется сон. В любом случае это искусственная привычка. Суперраса в ней не нуждается.

— Он больше не будет спать? — повторил Кэлдерон, побледнев.

— Верно. Теперь он будет развиваться быстрее. Вдвое быстрее.

В половине четвертого ночи Кэлдерон и Майра лежали в кровати и во все глаза смотрели через открытую дверь на залитую светом комнату, где играл Александр. Его было прекрасно видно, как в лучах софитов, и он больше не был похож на себя.

Разница была едва уловимой, но несомненной. Покрытая золотистым пушком голова немного изменила форму, а в мягких чертах лица читались ум и решимость. Приятной его внешность не была. Она казалась неуместной. Александр выглядел не суперребенком, а испорченным старичком. Жестокость и эгоизм — вполне здоровые, естественные черты развивающегося ребенка — отражались на лице Александра, когда он увлеченно играл с кристаллическими кубиками, вставляя их друг в друга, подобно китайской головоломке. Смотреть на него было довольно страшно.

Кэлдерон услышал тяжкий вздох Майры.

— Он больше не наш Александр, — сказала она. — Ничегошеньки не осталось.

Александр поднял взгляд и внезапно покраснел. Парадоксальное выражение одновременно умудренности и дебилизма исчезло с лица, когда он открыл рот и возмущенно завопил, швыряя кубики во все стороны. Один из них закатился в спальню и замер на ковре, из него высыпалась горсть мерцающих кубиков мал мала меньше. Крики Александра заполнили квартиру. Через мгновение по всему двору захлопали окна, и вскоре зазвонил телефон. Кэлдерон со вздохом

направился к нему.

Повесив трубку, он посмотрел на Майру и поморщился. Перекрикивая рев, сообщил:

— Нас попросили съехать.

— Вот как? Ну ладно, — ответила Майра.

— Что тут еще скажешь.

Мгновение они молчали. Затем Кэлдерон произнес:

— Еще девятнадцать лет. Кажется, нам обещали, что он созреет к двадцати?

— Он осиротеет задолго до этого, — простонала Майра. — О, моя голова! Кажется, я простудилась, когда он телепортировал нас на крышу перед ужином. Джо, как думаешь, мы первые родители, которые… вот так влипли?

— Что ты имеешь в виду?

— Были ли другие супердети до Александра? Если мы первые родители, кому понадобилось супертерпение, то странно, что его нам досталось так мало.

Кэлдерон лежал и думал, стараясь отрешиться от ритмичных завываний своего суперсына. Терпение. Каждому родителю нужна прорва терпения. Любой ребенок временами бывает невыносим. Расе, несомненно, требуется море родительской любви, чтобы дети могли выжить.

Но до сих пор ничье родительское терпение не испытывалось постоянно, причем на предельные нагрузки. До сих пор ничьим отцу и матери не предстояло терпеть двадцать лет денно и нощно из последних сил. Родительская любовь велика и нежна, однако…

— Да, интересно, — задумчиво произнес он, — первые ли мы?

Майра уже размышляла о другом.

— Наверное, это как гланды и аппендикс, — пробормотала она. — Больше не нужны, но еще существуют. Это родительское терпение — атавизм наоборот. Оно существовало многие тысячелетия в ожидании Александра.

— Возможно. И все же… если бы подобные дети уже существовали, мы бы знали о них.

Майра приподнялась на локте и взглянула на мужа.

— Ты уверен? — тихо спросила она. — Я вот нет. Мне кажется, такое уже случалось.

Александр внезапно умолк. Какое-то время в квартире стояла звенящая тишина. Затем в головах родителей одновременно прозвучало:

«Дайте мне молока. Теплого, не горячего».

Джо и Майра молча переглянулись. Майра вздохнула и откинула одеяло.

— Моя очередь, — сказала она. — Это что-то новенькое, да?

«Живо», — произнес мысленный голос.

Майра подскочила и пискнула. В комнате потрескивало электричество. Через дверной проем доносился гогот Александра.

— Он сейчас цивилизован не больше, чем хорошо выдрессированная мартышка, — заметил Джо, вставая с кровати. — Я схожу. Забирайся обратно. Еще год, и он дорастет до бушмена. А дальше, если доживем, нам придется терпеть общество каннибала, обладающего сверхвозможностями. В конце концов у него может развиться чувство юмора. Это должно быть интересно.

Джо вышел, бормоча под нос.

Через десять минут, вернувшись в кровать, он обнаружил, что Майра сидит, обхватив колени, и смотрит в никуда.

— Мы не первые, Джо, — сказала она, не глядя на мужа. — Я все думаю. Совершенно уверена, что мы не первые.

— Но мы никогда не слышали о взрослых суперменах…

— Верно, — после долгой паузы подтвердила она.

Они помолчали.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, — кивнул он.

В гостиной что-то грохнулось. Александр захихикал, и раздался громкий треск ломающегося дерева. Где-то на улице распахнулось еще одно окно.

— Переломный момент, — тихо сказала Майра. — Должен наступить переломный момент.

— Насыщение, — пробормотал Джо. — Порог насыщения для снисходительности или что-то вроде этого. Вполне возможно.

Александр протопал на видное место, сжимая что-то голубое. Он сел и начал играть с яркими проводами. Майра резко встала:

— Джо, он достал голубое яйцо! Наверное, взломал буфет.

— Но Кват его предупреждал… — начал Кэлдерон.

— Это опасно!

Александр посмотрел на родителей, усмехнулся и согнул провода — получилось нечто вроде колыбели размером с яйцо.

Кэлдерон вскочил с кровати и бросился к двери, но остановился на полпути.

— Знаешь, — медленно произнес он, — эта штука может причинить ему вред.

— Мы должны забрать ее, — согласилась Майра, с неохотой поднимаясь.

— Посмотри на него, — настаивал Кэлдерон. — Просто посмотри.

Александр умело управлялся с проводами, его руки мелькали в воздухе, пристраивая гиперкуб под детской кроваткой. Предельная сосредоточенность придавала его пухлому лицу тот гадкий старческий вид, который родители знали уже слишком хорошо.

— Так и пойдет теперь, — пробормотал Кэлдерон. — Завтра он будет еще меньше похож на себя. Через неделю… через месяц… Каким он станет через год?

— Я знаю, — эхом откликнулась Майра. — И все же мы должны…

Она умолкла. Босая, Майра стояла рядом с мужем и смотрела.

— Наверное, устройство будет готово, — сказала она, — когда он подключит последний провод. Мы должны забрать эту штуковину.

— Думаешь, сможем?

— Мы должны попытаться.

Они переглянулись.

— Это похоже на пасхальное яйцо, — сказал Кэлдерон. — Я не слышал, чтобы пасхальное яйцо

кому-нибудь навредило.

— Если и навредит, думаю, это пойдет Александру только на пользу, — тихо сказала Майра. — Обжегшись на молоке, дуют на воду. Пуганая ворона куста боится.

Они молча стояли, наблюдая.

Александру понадобилось еще три минуты, чтобы закончить конструкцию, что бы она собой ни представляла. Результат оказался на диво эффективным. Белая вспышка расколола воздух, и Александр исчез в ослепительном сиянии, оставив после себя лишь легкий запах гари.

Когда к его родителям вернулось зрение, они недоверчиво уставились на пустое место.

— Телепортация? — ошеломленно прошептала Майра.

— Я проверю.

Кэлдерон прошел в комнату и увидел мокрое пятно на ковре, на котором остались башмачки Александра.

— Нет, не телепортация, — произнес Джо и глубоко вдохнул. — Он исчез, совсем. Так что он никогда не вырастет и не отправит Бордента в прошлое искать нас. Ничего этого не происходило.

— Мы не первые, — произнесла Майра дрожа-

щим от потрясения голосом. — Есть переломный момент, вот и все. Как жаль тех родителей, которые его не дождутся!

Она отвернулась и вышла, но не настолько быстро, чтобы муж не заметил ее слез. Он помедлил, глядя на дверь, и решил, что лучше сейчас оставить ее в покое.

То, что вам нужно

ОНЖУН МАВ ОТЧ, ОТ ЬТСЕ САН У

Так было написано на стеклянной двери. Тим Кармайкл, сотрудник отраслевой экономической газеты, который ради прибавки к скудной зарплате высасывал из пальца сенсационные статьи для желтой прессы, не нашел ничего интересного в написанном задом наперед названии магазина. Он счел это дешевым рекламным трюком, неуместным на Парк-авеню, чьи витрины славятся классической элегантностью.

Тим мысленно застонал и продолжил свой путь, затем резко повернулся и пошел обратно. Не смог устоять перед соблазном расшифровать фразу, несмотря на растущую досаду. Он вперил взгляд в надпись и произнес себе под нос: «У нас есть то, что вам нужно. Да неужели?»

Текст был выполнен мелкими аккуратными буквами на черной полосе, нарисованной на узкой стеклянной панели. Под ней располагалась изогнутая витрина из антибликового стекла. За стеклом Кармайкл увидел несколько предметов, аккуратно разложенных на белом бархате. Ржа-

вый гвоздь, снегоступ и бриллиантовая тиара. Словно витрина «Картье» или «Тиффани», оформленная Дали.

«Ювелиры? — мысленно спросил себя Кармайкл. — Но почему „то, что вам нужно?“».

Он представил себе миллионеров, изнывающих от тоски по ожерелью из идеально подобранных жемчужин, наследниц, безутешно рыдающих из-за отсутствия пары звездчатых сапфиров. Торговля предметами роскоши снимала сливки с принципа спроса и предложения; людям редко требовались бриллианты по веским причинам. Люди просто хотели ими обзавестись и могли себе это позволить.

«А может, здесь торгуют лампами с джиннами, — предположил Кармайкл. — Или волшебными палочками. Ярмарочный балаган. Ловушка для простаков. Напиши снаружи что-нибудь загадочное, и народ потечет рекой. Всего за два цента…»

Он страдал изжогой с самого утра и ненавидел весь мир. Ему хотелось сорвать на ком-нибудь злость, а журналистское удостоверение давало некоторое преимущество. Он открыл дверь и вошел в магазин.

Тот вполне отвечал традициям Парк-авеню. В

нем не было ни прилавков, ни витрин. Он мог оказаться художественной галереей, поскольку на стенах висело несколько недурных картин маслом. Кармайкла окутала атмосфера показной роскоши с тоскливой ноткой нежилого помещения.

Из-за занавеса в глубине магазина вышел чрезвычайно высокий мужчина с аккуратно причесанными седыми волосами, румяным здоровым лицом и колючими голубыми глазами. Ему было лет шестьдесят. На нем был дорогой, но мятый твидовый костюм, который не слишком вязался с интерьером.

— Доброе утро, — произнес мужчина, быстро смерив Кармайкла взглядом. Он казался слегка удивленным. — Я могу вам помочь?

— Возможно. — Кармайкл представился и показал удостоверение.

— Вот как? Меня зовут Талли. Питер Талли.

— Я обратил внимание на название вашего заведения.

— Вот как?

— Наша газета часто публикует обзорные статьи. Я прежде никогда не видел вашего магазина…

— Я работаю здесь много лет, — сообщил Тал-

ли.

— Это художественная галерея?

— Э-э-э… нет.

Дверь открылась. Вошел мужчина с багровым лицом и сердечно поздоровался с Талли. Кармайкл узнал клиента, и его мнение о магазине стало куда более благоприятным. Мужчина с багровым лицом был весьма важной персоной.

— Я немного рано, мистер Талли, — сказал он, — но мне не терпелось. Вы достали то, что мне нужно?

— О да. Оно у меня. Секундочку.

Талли нырнул за драпировку и вернулся с небольшим аккуратным свертком, который протянул мужчине с багровым лицом. Тот вручил чек — Кармайкл краем глаза заметил сумму и сглотнул — и вышел. Лимузин ждал его на обочине.

Кармайкл подошел к двери, откуда было лучше видно. Мужчина с багровым лицом, похоже, сгорал от нетерпения. Шофер невозмутимо ожидал, пока он развернет сверток дрожащими пальцами.

— Мистер Кармайкл, мне не нужна реклама, — сообщил Талли. — У меня есть круг клиентов… тщательно отобранных.

— Возможно, вас заинтересуют наши ежене-

дельные экономические сводки…

Талли с трудом сдерживал смех.

— Сомневаюсь. Это не по моей части.

Мужчина с багровым лицом наконец развернул сверток и достал яйцо. Насколько Кармайкл видел со своего наблюдательного пункта, это было самое обычное яйцо. Но владелец глядел на него почти с благоговением. Он не мог бы испытывать большее счастье, даже если бы последняя курица на Земле умерла десять лет назад. На его опаленном солнцем Флориды лице отражалось что-то вроде глубокого облегчения.

Он что-то приказал шоферу, и машина бесшумно укатила прочь.

— Вы торгуете продуктами? — резко спросил Кармайкл.

— Нет.

— Вы не могли бы рассказать мне, чем занимаетесь?

— Боюсь, что нет, — ответил Талли.

Кармайкл почуял интересную историю.

— Конечно, я могу разузнать через Бюро по улучшению деловой практики…

— Не можете.

— Неужели? Разве их не заинтересует, почему один из ваших клиентов купил яйцо за пять ты-

сяч долларов?

— У меня такой узкий круг клиентов, что я вынужден повышать цены. Вам… э-э-э… известно, что китайский мандарин платил тысячи лянов за древние яйца?

— Этот парень — не китайский мандарин, — возразил Кармайкл.

— Не важно. Как я уже сказал, я не нуждаюсь в рекламе…

— Что-то не похоже. Я давно занимаюсь рекламой. Написать название задом наперед — типичный рекламный трюк.

— В таком случае вы не психолог, — проворчал Талли. — Я просто сделал так, как мне удобнее. Пять лет я смотрел в это окно каждый день и читал надпись задом наперед — изнутри магазина. Это меня раздражало. Знаете, как странно начинает выглядеть слово, если подолгу смотреть на него? Любое слово. Кажется, что такого слова нет ни в одном человеческом языке. В общем, я обнаружил, что надпись действует мне на нервы. Эта фраза, написанная задом наперед, ничего не значит, но я то и дело пытался ее прочитать. Когда я поймал себя на том, что бубню под нос «Онжун мав отч, от ьтсе сан у» и ищу языковые параллели, я вызвал оформителя. Заинтересован-

ные люди все равно приходят в магазин.

— Не часто, — проницательно заметил Кармайкл. — Это Парк-авеню. И у вас слишком дорогой интерьер. Люди с низким доходом… и даже со средним сюда не зайдут. Так что вы ориентируетесь на богачей.

— Так и есть, — подтвердил Талли.

— И не скажете мне, чем занимаетесь?

— Не скажу.

— Знаете, я и сам могу выяснить. Наркотики, порнография, скупка краденых предметов роскоши…

— Вполне вероятно, — невозмутимо согласился мистер Талли. — Я покупаю краденые драгоценности, прячу в яйцах и продаю моим клиентам. Или в том яйце была стопка микроскопических непристойных открыток. Всего хорошего, мистер Кармайкл.

— Всего хорошего, — произнес Кармайкл и вышел.

Тим опаздывал в офис, но раздражение оказалось сильнее. Он немного поиграл в сыщика, не спуская глаз с магазина Талли, и это принесло свои плоды… в какой-то мере. Он узнал все, кроме одного — причины.

Ближе к вечеру он снова заглянул к мистеру

Талли.

— Погодите минутку! — зачастил он при виде недовольного лица владельца магазина. — Откуда вам знать, возможно, я клиент.

Талли засмеялся.

— Почему бы и нет? — Кармайкл насупился. — Вам же неизвестно, сколько денег у меня на счету. Или вы обслуживаете только избранных клиентов?

— Нет. Но…

Кармайкл быстро продолжил:

— Я провел небольшое расследование. Изучил ваших клиентов. Собственно говоря, я проследил за ними. И выяснил, что они у вас покупают.

Выражение лица Талли изменилось.

— Неужели?

— Неужели. Им всем не терпится развернуть свои свертки. И это позволило мне узнать правду. Несколько приобретений я упустил, но… увидел достаточно, чтобы сделать кое-какие логические выкладки, мистер Талли. Итак, ваши клиенты не знают, что они у вас покупают. Своего рода кот в мешке. Пару раз они были изрядно удивлены. Например, мужчина, который нашел в своем свертке старую газетную вырезку. А что насчет солнцезащитных очков? И револьвера? Кстати, а

лицензия на него есть? И еще огромный бриллиант, наверняка поддельный.

— Мм… — промычал мистер Талли.

— Может, я и не самая светлая голова в этом городе, но подвох чую. Большинство ваших клиентов — шишки той или иной величины. И почему никто не заплатил вам, как тот первый парень, который зашел при мне сегодня утром?

— Я в основном торгую в кредит, — пояснил Талли. — У меня есть свои этические принципы. Мне это нужно… для очистки совести. Это ответственность. Видите ли, я продаю товары… с гарантией. Клиенты оплачивают их после проверки пригодности.

— Итак, яйцо, солнцезащитные очки, асбестовые перчатки, если я правильно разглядел. Газетная вырезка, пистолет и бриллиант. Как вы ведете учет товаров?

Талли промолчал.

Кармайкл усмехнулся:

— У вас есть мальчик на побегушках. Вы отправляете его за свертками. Возможно, он заходит в продуктовый на Мэдисон и покупает яйцо. Или идет в ломбард на Шестой за револьвером. Или… в общем, я выяснил, чем вы занимаетесь, как я и говорил.

— Выяснили? — переспросил Талли.

— «У нас есть то, что вам нужно», — произнес Кармайкл. — Но откуда вы знаете, что оно действительно нужно?

— Вы торопитесь с выводами.

— У меня болит голова… у меня же не было солнцезащитных очков!.. и я не верю в магию. Послушайте, мистер Талли. Я сыт по горло сомнительными лавочками, которые торгуют всякими диковинами. Я слишком много о них знаю… писал о них. Человек идет по улице и видит необычный магазин. Хозяин отказывается его обслужить, поскольку торгует только с эльфами, или, наоборот, продает ему волшебный амулет с подвохом. В любом случае… пфф!

— Мм… — повторил Талли.

— Мычите сколько хотите, но логика — упрямая вещь. Или у вас тут хорошо продуманное, организованное мошенничество, или одна из этих нелепых волшебных лавок, во что я не верю. Потому что это нелогично.

— Почему нелогично?

— По экономическим соображениям, — спокойно произнес Кармайкл. — Допустим, у вас есть некоторые сверхъестественные способности… Например, вы можете изготавливать телепати-

ческие устройства. Прекрасно. Так зачем вам заводить свое дело и зарабатывать на жизнь торговлей этими устройствами? Просто наденьте одно из них, прочтите мысли биржевого брокера и купите нужные акции. В основе всей этой торговли якобы волшебными штуками лежит логическая ошибка. Если у вас достаточно товара, чтобы торговать им в подобной лавке, вам вообще не нужно вести бизнес. Зачем выбирать окольный путь?

Талли промолчал. Кармайкл криво улыбнулся.

— «Дивлюсь, что продают его виноторговцы: где вещь, что ценностью была б ему равна?»[12] — процитировал он. — Так что же вы покупаете? Я знаю, что продаете: яйца и солнцезащитные очки.

— Вы очень любопытны, мистер Кармайкл, — пробормотал Талли. — Вам не приходило в голову, что это не ваше дело?

— Допустим, я клиент, — повторил Кармайкл. — Как насчет этого?

Талли сверлил его холодным взглядом голубых глаз. В них блеснул огонек. Талли нахмурился.

— Об этом я не подумал, — признал он. — Воз-

---

[12] Примечания: 12
О. Хайям. Рубаи. Перевод О. Румера.

можно, вы и впрямь клиент. Это зависит от некоторых факторов. Я отойду ненадолго?

— Конечно, — сказал Кармайкл.

Талли скрылся за занавесом.

Машины медленно катили по Парк-авеню. Солнце садилось в Гудзон, и улицу укрыла голубоватая тень, которая неуловимо наползала на громоздящиеся здания. Кармайкл смотрел на название — «У нас есть то, что вам нужно» — и улыбался.

В задней комнате Талли, закусив губу, прильнул к бинокуляру и покрутил колесико. Он проделал это несколько раз. Затем подозвал мальчика и дал ему указания, поскольку был великодушным человеком. После этого он вернулся к Кармайклу.

— Вы действительно клиент, — сказал он.

— Это зависит от размера моего счета, полагаю?

— Нет, — ответил Талли. — Я обслужу вас по сниженному тарифу. Поймите одно. У меня и правда есть то, что вам нужно. Вы не знаете, что вам нужно, а я знаю. И раз уж так вышло… я продам то, что вам нужно, допустим, за пять долларов.

Кармайкл потянулся за бумажником. Талли

остановил его жестом.

— Заплатите, когда проверите. И деньги — лишь номинальная часть оплаты. Есть и другая часть. Если вы останетесь довольны, я хочу, чтобы вы никогда больше не приближались к этому магазину и никому о нем не говорили.

— Понятно, — медленно произнес Кармайкл.

Его версия слегка изменилась.

— Вам не придется долго… А вот и он.

В задней комнате раздался звонок, сообщая о возвращении посыльного.

— Прошу меня извинить, — произнес Талли и исчез.

Вскоре он вернулся с аккуратным свертком, который сунул в руки Кармайкла.

— Держите это при себе, — велел Талли. — Всего хорошего.

Кармайкл кивнул, опустил сверток в карман и вышел. Чувствуя себя состоятельным человеком, он поймал такси и отправился в знакомый коктейль-бар. Там, в тусклом свете кабинки, он и вскрыл сверток.

Откупные, решил он. Талли заплатил ему, чтобы помалкивал насчет аферы, в чем бы она ни заключалась. Ну и ладно, живи и давай жить другим. Интересно сколько…

Десять тысяч? Пятьдесят тысяч? Насколько крупна эта афера?

Он открыл продолговатую картонную коробку. Внутри на папиросной бумаге лежали ножницы. Лезвия были спрятаны в самодельный чехол из картона.

Кармайкл что-то буркнул под нос. Он допил коктейль и заказал еще один, но даже не пригубил. Взглянув на наручные часы, он решил, что магазин на Парк-авеню уже закрыт и мистер Питер Талли ушел.

— «Где вещь, что ценностью была б ему равна?» — произнес Кармайкл. — Может, это ножницы мойры Атропос? Ха!

Он снял чехол и для пробы щелкнул ножницами в воздухе. Ничего не случилось. Слегка покраснев в области скул, Кармайкл вернул чехол на место и сунул ножницы в боковой карман пальто. Что за шутки!

Он решил навестить Питера Талли завтра.

А пока чем заняться? Вспомнив, что договорился вечером поужинать с одной из коллег, он поспешно оплатил счет и вышел. Темнело, холодный ветер дул на юг со стороны Парк-авеню. Кармайкл поплотнее обмотал горло шарфом и замахал проезжающим такси.

Он изрядно злился.

Через полчаса тощий парень с грустными глазами — Джерри Уорт, редактор из газеты, — поздоровался в баре с Кармайклом, где тот убивал время.

— Ждешь Бетси? — спросил Уорт, кивнув в сторону ресторана. — Она прислала меня сказать, что не сможет выбраться. Срок горит. Извиняется и все такое. Где ты был сегодня? Мы чуть не напортачили. Давай выпьем.

Они налегли на виски. Кармайкл уже слегка захмелел. Тусклый румянец на его скулах стал темнее, а морщины на лбу — глубже.

— То, что вам нужно, — произнес он. — Вот ведь гнусный…

— Что? — переспросил Уорт.

— Ничего. Пей. Я только что решил устроить одному типу неприятности. Если получится.

— Ты и сам едва не влип в неприятности. Тот анализ тенденций на рынке руды…

— Яйца. Солнцезащитные очки!

— Я тебя выручил…

— Заткнись! — велел Кармайкл и заказал еще по одной.

Каждый раз, когда он чувствовал тяжесть ножниц в кармане, с его губ срывалось очередное

крепкое словцо.

Через пять порций Уорт печально сказал:

— Я не прочь делать добрые дела, но хотелось бы о них говорить. А ты не даешь. Мне всего-то и нужно, что капельку благодарности.

— Ну говори, — разрешил Кармайкл. — Хвастайся что есть мочи. Всем плевать.

Уорт повеселел:

— Тот анализ рынка руды… дело в нем. Тебя не было сегодня в офисе, но я почуял неладное. Я сверился с нашими записями, и оказалось, что цифры для «Трансстали» перепутаны. Если бы я их не исправил, так и пошло бы в печать…

— Что?

— «Трансталь». Цифры…

— Вот болван! — простонал Кармайкл. — Я знаю, что цифры не сходятся. Я собирался позвонить и сказать, чтобы их поправили. У меня верная информация из надежного источника. Зачем ты полез не в свое дело?

Уорт заморгал:

— Я пытался помочь.

— Мне могли бы поднять зарплату на пять баксов, — сказал Кармайкл. — Я столько сил вложил, чтобы разнюхать верную информацию… Вот что: номер уже ушел в печать?

— Не знаю. Может, и нет. Крофт еще проверял текст…

— Ладно! — сказал Кармайкл. — В следующий раз…

Он дернул себя за шарф, соскочил со стула и направился к двери. Уорт, протестуя, бросился следом. Через десять минут Кармайкл был в офисе, где Крофт равнодушно сообщил, что номер уже отправлен в печать.

— Это важно? Там что-то… Кстати, а где ты сегодня был?

— Танцевал на радуге! — рявкнул Кармайкл и вышел.

С виски он переключился на коктейль «Виски сауэр», и холодный ночной воздух его, разумеется, не протрезвил. Он стоял на обочине и размышлял, слегка покачиваясь и глядя, как тротуар шевелится в такт морганию.

— Извини, Тим, — сказал Уорт, — но уже ничего не поделаешь. Тебе не о чем беспокоиться. Ты имел право пользоваться редакционными материалами.

— Попробуй меня остановить, — сказал Кармайкл. — Мелкий паршивец…

Он был зол и пьян. Повинуясь порыву, Тим поймал такси и помчался в типографию. Слегка

озадаченный, Джерри Уорт увязался за ним.

В здании раздавался ритмичный грохот. От стремительной поездки на такси Кармайкла слегка подташнивало; болела голова, в крови плескался алкоголь. Горячий воздух вонял чернилами. Огромные линотипы стучали и гремели, между ними сновали люди, и все это смахивало на ночной кошмар. Кармайкл упрямо сгорбился и побрел шатаясь. Но вскоре что-то дернуло его назад и начало душить.

Уорт закричал, беспомощно жестикулируя; на его пьяной физиономии отразился ужас.

И это уже не было частью ночного кошмара. Кармайкл видел, что произошло. Концы шарфа попали между шестеренками, и его неумолимо тянуло к массивным металлическим зубцам. Люди бегали. Лязганье, рокот, грохот звуки оглушали. Он вцепился в шарф.

— Нож! — крикнул Уорт. — Кто-нибудь, дайте нож!..

Кармайкла спасло искажение реальности под влиянием алкоголя. Трезвый, он оказался бы беспомощен из-за паники, а так ему было сложно думать, но когда это наконец удалось, мысль получилась четкая и ясная. Он вспомнил о ножницах, сунул руку в карман — лезвия вы-

скользнули из картонного чехла — и поспешно перерезал шарф неловкими движениями.

Белый шелк исчез в зубцах машины. Кармайкл ощупал помятое горло и через силу улыбнулся.

Мистер Питер Талли надеялся, что Кармайкл не вернется. Линии вероятности показали два варианта развития событий: в одном все было хорошо, в другом…

Кармайкл вошел в магазин на следующее утро и протянул пятидолларовую банкноту. Талли взял ее:

— Спасибо. Но вы могли бы прислать чек по почте.

— Мог бы. Но так я не узнал бы то, что хочу.

— Да, — со вздохом признал Талли. — Полагаю, вас не отговорить?

— А вы как думаете? — спросил Кармайкл. — Вчера вечером… Вы знаете, что случилось?

— Да.

— Откуда?

— В принципе, я могу вам рассказать, — решил Талли. — Вы все равно выясните. В этом никаких сомнений.

Кармайкл сел, прикурил и кивнул:

— Логика. Вы не могли устроить этот несчастный случай, такое попросту невозможно. Бетси

Хог решила, что не пойдет на свидание, еще утром, до того как я вас увидел. С этого началась цепочка неожиданностей, которая привела к несчастному случаю. Следовательно, вы знали, что случится.

— Я знал.

— Ясновидение?

— Механика. Я увидел, что вас перемелет машина…

— То есть будущее можно изменить.

— Несомненно, — ответил Талли, ссутулившись. — Есть бесчисленное множество вариантов будущего. Разные линии вероятности. Все зависит от того, чем завершаются возникающие кризисы. Я неплохо разбираюсь в кое-каких областях электроники. Несколько лет назад почти случайно наткнулся на принцип ви́дения будущего.

— И что же это за принцип?

— Суть в том, что надо сфокусировать устройство на человеке. Входя в магазин, — Талли обвел помещение рукой, — вы попадаете в луч моего сканера. Сам механизм находится в задней комнате. Поворачивая колесико, я проверяю варианты будущего. Иногда их много, иногда лишь несколько. Как будто порой некоторые станции перестают вещать. Я смотрю в сканер, определяю,

что вам нужно, и предоставляю это.

Кармайкл выпустил дым через ноздри. Сощурившись, он наблюдал за сизыми витками.

— Вы просматриваете всю жизнь человека… по три-четыре раза или сколько требуется?

— Нет, — ответил Талли. — Я настроил устройство таким образом, что оно чувствительно к зарождению кризисов. Когда они возникают, я анализирую их и вижу, какие линии вероятности ведут к благополучному исходу.

— Солнцезащитные очки, яйцо и перчатки…

— Мистер… э-э-э… Смит — один из постоянных клиентов, — сказал Талли. — Благополучно преодолев кризис с моей помощью, он возвращается для новой проверки. Я нахожу следующий кризис и предоставляю мистеру Смиту то, что нужно, чтобы справиться. Я дал ему асбестовые перчатки. Примерно через месяц возникнет ситуация, когда ему придется… в определенных обстоятельствах переместить раскаленный прут металла. Он художник. Его руки…

— Понятно. Значит, это не всегда вопрос жизни и смерти.

— Конечно нет. Жизнь — не единственный важный фактор. Небольшой с виду кризис может привести к разводу, неврозу, ошибочному реше-

нию и, косвенно, к гибели сотен людей. Я страхую жизнь, здоровье и счастье.

— Да вы альтруист. Но почему тогда весь мир не толпится у ваших дверей? Почему вы торгуете лишь с избранными?

— У меня нет времени и оборудования, чтобы торговать со всеми желающими.

— Можно построить много машин.

— Большинство моих клиентов богаты, а мне нужно зарабатывать на жизнь, — признал Талли.

— Вы могли бы читать завтрашние биржевые сводки, если нужны деньги, — сказал Кармайкл. — Что возвращает нас все к тому же вопросу. Если у человека имеются сверхъестественные возможности, почему он довольствуется захудалой лавчонкой?

— По экономическим причинам. Я… э-э-э… не любитель азартных игр.

— Это не было бы азартной игрой, — возразил Кармайкл. — «Где вещь, что ценностью была б ему равна?..» Так что же вы получаете взамен?

— Удовлетворение, — сказал Талли. — Назовем это так.

Но Кармайкл не испытывал удовлетворения. Он на время забыл о вопросе и задумался об

открывающихся перспективах. Страхование, говорите? Страхование жизни, здоровья и счастья.

— А что насчет меня? В моей жизни еще будут кризисы?

— Возможно. Не обязательно опасные для жизни.

— Тогда я постоянный клиент.

— Я не…

— Послушайте, — взял убеждающий тон Кармайкл, — я не пытаюсь вас облапошить. Я заплачу. Хорошо заплачу. Я не богат, но прекрасно понимаю, насколько ценны будут для меня подобные услуги. Можете не беспокоиться…

— Это не…

— Оставьте. Я не шантажист. Я не угрожаю вам разоблачением, если вы этого боитесь. Я обычный парень. Не какой-нибудь мелодраматический злодей. Разве я выгляжу опасным? Чего вы боитесь?

— Да, вы обычный парень, — признал Талли. — Но…

— Почему нет? — настаивал Кармайкл. — Я успешно преодолел один кризис с вашей помощью. Когда-нибудь наступит другой. Дайте мне то, что для этого нужно. Я заплачу, сколько скажете. Найду где-нибудь деньги. Возьму в долг, если

потребуется. Я не стану вас беспокоить. Я прошу об одном: впустить меня, когда кризис минует, и дать оружие для борьбы со следующим. Что в этом плохого?

— Ничего, — медленно произнес Талли.

— Тогда вот что. Я обычный парень. Есть одна девушка… ее зовут Бетси Хог. Я хочу на ней жениться. Поселиться где-нибудь в пригороде и спокойно растить детей. В этом же тоже нет ничего плохого?

— Сегодня было уже слишком поздно, когда вы пришли в лавку, — сказал Талли.

Кармайкл поднял взгляд и резко спросил:

— Почему?

В задней комнате раздался звонок. Талли нырнул за занавес, почти сразу вернулся со свертком и протянул его Кармайклу.

— Спасибо, — улыбнулся тот. — Огромное спасибо. Не подскажете, когда примерно можно ждать следующего кризиса?

— В течение недели.

— Вы не против, если я… — Кармайкл уже разворачивал сверток. Он достал пару туфель на пластмассовой подошве и удивленно посмотрел на Талли. — Вот как? Меня выручат… туфли?

— Да.

— Полагаю… — Кармайкл помедлил. — Полагаю, вы не скажете зачем?

— Нет, не скажу. Но надевайте их каждый раз, выходя на улицу.

— Буду надевать, не сомневайтесь. И… я пришлю чек. Мне может понадобиться пара дней, чтобы наскрести деньги, но я что-нибудь придумаю. Сколько?

— Пятьсот долларов.

— Чек пришлю сегодня.

— Я предпочитаю не принимать плату до тех пор, пока клиент не будет удовлетворен. — Талли замкнулся в себе, голубые глаза стали холодными, равнодушными.

— Как хотите, — согласился Кармайкл. — Пойду отмечу мое чудесное спасение. Вы не пьете?

— Я не могу оставить магазин.

— Тогда до свидания. И еще раз спасибо. Я не доставлю вам хлопот, будьте уверены. Даю слово!

Он повернулся и вышел.

Глядя ему вслед, Талли печально улыбнулся. Он не ответил на прощание Кармайкла.

Не сейчас.

Когда за посетителем закрылась дверь, Талли вернулся в заднюю комнату и вошел в закуток, где стоял сканер.

За десять лет многое может измениться. Человек, которому почти подвластны невероятные силы, за это время пройдет огромный путь... и утратит на нем моральные ценности.

Кармайкл изменился не сразу. Видимо, был в нем стержень, если понадобилось десять лет, чтобы забыть все, чему его учили. В тот день, когда он вошел в магазин Талли, в нем было мало зла. Но соблазн становился все сильнее от недели к неделе, от визита к визиту. Талли по каким-то причинам предпочитал ничего не предпринимать и ждать клиентов, пряча непостижимые возможности своей машины под покровом банальных функций. Кармайклу этого было мало.

Ему понадобилось десять лет, чтобы принять решение, но этот день в конце концов наступил.

В задней комнате, глубоко осев в старом кресле-качалке спиной к двери, Талли глядел на машину. Она мало изменилась за десять лет: по-прежнему занимала две стены почти целиком, и бинокуляр сканера блестел под желтоватым светом флуоресцентных ламп.

Кармайкл жадно смотрел на бинокуляр. Тот открывал доступ к возможностям, превосходящим любые человеческие мечты. За этим крошечным отверстием скрывалось невообрази-

мое богатство. Власть над жизнью и смертью любого человеческого существа. И единственной преградой между восхитительным будущим и Кармайклом был старик, сидевший и смотревший на машину.

Талли словно не услышал осторожные шаги и скрип двери за спиной. Он не шевелился, пока Кармайкл медленно поднимал пистолет. Казалось, старик не знал, что случится и по какой причине.

Кармайкл выстрелил ему в голову.

Талли вздохнул, поежился и повернул колесико сканера. Он не впервые видел через линзы машины свое безжизненное тело, мелькнувшее за горизонтом вероятности, но каждый раз при виде поникающего силуэта ощущал дуновение лютого холода, которое долетало до него из будущего.

Он оторвался от бинокуляра и откинулся на спинку кресла, задумчиво глядя на туфли с шероховатой подошвой, стоявшие рядом на столе. Какое-то время Талли сидел, не сводя взгляда с туфель. Он мысленно следил за Кармайклом, который шагал по улице в вечер и в завтрашний день, навстречу своему кризису. Исход этого кризиса зависит от того, насколько прочно Кармайкл будет стоять на платформе метро на следующей

неделе, когда из тоннеля с грохотом выкатится поезд.

На этот раз Талли послал мальчика за двумя парами обуви. Час назад он долго выбирал между парой с шероховатой подошвой и парой с гладкой. Все-таки Талли обладал добрым сердцем и его работа нередко бывала ему отвратительна.

Наконец он завернул для Кармайкла пару с гладкой подошвой.

Он вздохнул и снова наклонился к сканеру, вращая колесико, чтобы найти сцену, которую уже видел.

Кармайкл стоял на переполненной платформе, маслянисто блестящей от сточных вод. На нем были туфли со скользкой подошвой, которые выбрал для него Талли. Толпа забурлила и качнулась к краю платформы. Ноги Кармайкла лихорадочно пытались нащупать опору, когда из тоннеля с грохотом выкатился поезд.

— Прощайте, мистер Кармайкл, — пробормотал Талли.

То было прощание, которое он придержал, когда Кармайкл выходил из магазина. Талли произнес его с сожалением — сегодняшний Кармайкл не заслуживал подобного конца. Он еще

не стал мелодраматическим злодеем, за смертью которого можно наблюдать с недрогнувшим сердцем. Но сегодняшний Тим Кармайкл должен был искупить вину будущего Тима Кармайкла, и плату следовало взыскать.

Нет ничего хорошего во власти над жизнью и смертью других людей. Питер Талли это прекрасно понимал, и все же такая власть оказалась в его руках. Он не искал ее. Ему чудилось, что машина почти случайно достигла своего завершения в его опытных руках под воздействием его опытного разума.

Сперва она озадачила своего создателя. Как следует использовать подобное устройство? Что за опасности, что за возможности открываются взору, способному пронзить завесу завтрашнего дня? На плечах Талли лежала ответственность, и это было тяжкое бремя, пока не явился ответ. А когда тот явился, груз стал еще тяжелее. Ведь Талли был мягкосердечен.

Он не мог никому поведать истинную причину, по которой держал магазин. «Удовлетворение», — сказал он Кармайклу. И порой Талли действительно испытывал глубокое удовлетворение. Но в других случаях — таких, как этот, — лишь уныние и смирение. В особенности смирение.

«У нас есть то, что вам нужно».

Один лишь Талли знал, что это послание предназначено не для посетителей его магазина. Множественное число, не единственное. Это послание для мира — мира, чье будущее бережно, с любовью меняется под руководством Питера Талли.

Основную линию будущего изменить нелегко. Будущее — это пирамида, которая строится медленно, кирпич за кирпичом, и Талли вынужден менять ее форму тоже медленно, кирпич за кирпичом. Некоторые люди — творцы, созидатели — необходимы для этого строительства. Они должны быть спасены.

Талли давал им то, что требовалось для спасения.

Но были и другие люди — как же без них? — те, что приходили ко злу. Им Талли тоже давал то, что нужно миру, — смерть.

Питер Талли не стремился заполучить столь ужасную власть, но он не мог доверить ее никому другому. Иногда он совершал ошибки.

Он обрел некоторую уверенность с тех пор, как ему пришло на ум сравнение с ключом. Ключом к будущему. Ключом, который оказался в его руках.

Памятуя об этом, он откинулся на спинку кресла и потянулся к старой потрепанной книге. Та с готовностью открылась на нужной странице. Губы Питера Талли шевелились, когда он читал знакомый отрывок в глубине своего магазина на Парк-авеню:

— «И Я говорю тебе: ты — Петр… и дам тебе ключи Царства Небесного…»[13]

[13] Примечания: 13
Мф. 16: 18, 16: 19.

Вернулся охотник домой

И не с кем поговорить, разве с самим собой. Вот я стою здесь, над водопадом мраморных ступеней, ниспадающих к залу приемов, а внизу меня ждут все мои жены при всех своих драгоценностях, потому что это — Триумф Охотника, охотника Роджера Беллами Честного, мой Триумф. Там, внизу, свет играет в застекленных витринах, а в витринах сотни высушенных голов, голов, добытых в честном бою, и я теперь один из самых могущественных людей в Нью-Йорке. Головы — это они дают мне могущество.

Но поговорить мне не с кем. Вот разве с самим собой? Может, где-то глубоко во мне прячется еще один Роджер Беллами Честный? Не знаю. Может, он-то и есть единственная стоящая часть меня? Я иду в меру сил назначенным мне путем, и что же, выходит, все ни к чему? Может, тому Беллами, внутреннему, и не нравится то, что я делаю. Но я вынужден, я обязан делать это. Я не в силах ничего изменить. Я родился Охотником за головами. Большая честь родиться Охотником, унаследовать такой титул. Кто не завидует мне?

Кто не поменялся бы со мной местами, если бы только мог?

И что же, выходит, все ни к чему.

Я ни на что не годен.

Выслушай меня, Беллами, выслушай, если ты действительно существуешь, если прячешься где-то у меня внутри. Тебе надо меня выслушать — тебе надо понять. Вот ты прячешься глубоко под черепом. А в один прекрасный день, в любой день, ты можешь очутиться за стеклянной витриной в зале приемов другого Охотника за головами, и толпы простонародья приникнут снаружи к смотровым люкам, и гости будут приходить, разглядывать тебя в витрине и завидовать ее владельцу, а его жены выстроятся вблизи в своих драгоценностях и шелках.

Может, ты и не понимаешь меня, Беллами. Может, тебе и сейчас хорошо. Вероятно, ты просто не представляешь себе того реального мира, в котором мне приходится жить. Сто или тысячу лет назад все, возможно, было бы иначе. Но нынче XXI век. Мы живем сегодня, а не позавчера, и назад нет возврата.

Сдается мне, ты все-таки не понимаешь.

Видишь ли, выбора не дано. Либо ты заканчиваешь счеты с жизнью за стеклянной витриной

другого Охотника и вся твоя коллекция следует за тобой, а жен твоих и детей изгоняют и причисляют к простонародью; либо ты умираешь собственной смертью (самоубийство, скажем) и твою коллекцию наследует твой старший сын, а сам ты обретаешь бессмертие в пластмассовом монументе. И стоишь на века, отлитый в прозрачной пластмассе, на пьедестале у границ Сентрал-парка, как Ренуэй, и старик Фальконер, и Бренная, и остальные бессмертные. И все тебя помнят, все восхищаются тобой и завидуют тебе…

Там, в пластмассовой оболочке, ты, Беллами, будешь все так же размышлять? А я? Я?

Фальконер был великий Охотник. Он ни разу не запоздал сделать свой ход и дожил до пятидесяти двух. Для Охотника за головами это преклонный возраст. Ходят слухи, что он покончил с собой. Не знаю. Чудо в другом — что он удержал свою голову на плечах до пятидесяти двух. Конкуренция становится все острее, и конкурентов в наше время все больше, и они все моложе.

Выслушай меня, внутренний Беллами. Ты когда-нибудь по-настоящему понимал меня? Ты все еще вспоминаешь, что было иное время, чудное время детства, когда жизнь казалась легка? А где

ты был в те долгие жестокие годы, когда тело мое и разум постигали науку Охотника за головами? Я ведь все еще молод и силен. Мое обучение никогда, ни на день не прекращалось. Однако первые годы были самыми трудными.

До того — да, до того я прожил чудное время. Но длилось оно всего шесть лет — шесть лет счастья, тепла и любви, шесть лет жизни в гареме, вместе с матерью, названными матерями и остальными детьми. И отец был очень добр ко мне тогда. Но едва мне исполнилось шесть, все кончилось. Уж лучше бы они совсем не давали нам любви, чем дали и тут же отняли. Помнишь ли ты это время, внутренний Беллами? Если да, то оно никогда не вернется. И ты это знаешь. Это-то ты знаешь.

Обучение основывалось на послушании и дисциплине. Отец больше не был добр. Мать я видел редко, но когда видел, чувствовал, что и она изменилась ко мне. И все же у меня оставались какие-то радости. Например, парады, когда простонародье приветствовало отца и меня. И похвалы от отца и от тренеров, когда я выказывал особую сноровку в фехтовании, или в стрельбе, или в дзюдо.

Это запрещалось, но иногда я и братья старались убить друг друга. Наши тренеры специально

следили за нами. Я тогда еще не был наследником. Но я сделался им, когда мой старший брат сломал себе шею в броске дзюдо. Несчастье выглядело случайным, но, разумеется, было рассчитанным, и с той поры мне пришлось стать еще более осторожным. Пришлось стать очень, очень искусным…

Все эти годы, все эти мучительные годы нас учили убивать. Для нас стало естественным убивать. Нам постоянно твердили, как естественно убивать. Мы должны были выучить свой урок. А наследник мог быть только один…

И даже тогда, в детстве, мы не расставались со страхом. Если голова отца слетела бы с его плеч, нас тут же изгнали бы из особняка. О нет, мы не умерли бы с голоду и не остались бы без крова. Этого не может быть в наш век, век науки. Но не бывать бы мне тогда Охотником за головами. И не добиться бы бессмертия в пластмассовой оболочке у границ Сентрал-парка.

Иной раз мне снится, что я принадлежу к простонародью. Это странно, но во сне я чувствую голод. А ведь голод в наши дни попросту невозможен! Мощные заводы обеспечивают все нужды Земли. Машины синтезируют пищу, строят дома, дают людям все, что нужно для жизни.

Я не принадлежал и не буду принадлежать к простонародью, но если бы такое случилось, я отправился бы в столовую и взял бы любую пищу, какая мне приглянулась бы, из маленьких стеклянных ячеек. Я питался бы хорошо — намного лучше, чем сейчас. И все же во сне я чувствую голод.

Может, еда, которой меня кормят, не нравится тебе, внутренний Беллами? Она и мне не нравится, но она и служит не для того. Она питательна. Она неприятна на вкус, зато содержит все белки, соли и витамины, необходимые, чтобы мой мозг и тело действовали наилучшим образом. Еда и не должна быть приятна. Не через удовольствие приходят к бессмертию в пластмассовой оболочке. Удовольствие расслабляет, оно вредно.

Ответь, внутренний Беллами, — ты ненавидишь меня?

Жизнь моя не была легка. Она и сейчас нелегка. Упрямая плоть бунтует против бессмертия в будущем, побуждает проявить слабость. Но если ты слаб, как долго ты сможешь удержать голову на плечах?

Простонародье спит с собственными женами. Я ни разу даже не поцеловал ни одну из своих. (Не ты ли, Беллами, насылаешь на меня сновидения?)

Дети — да, они мои: на то есть искусственное оплодотворение. Я сплю на жесткой постели. Порой ношу власяницу. Пью воду и только воду. Ем безвкусную пищу. И каждый день под руководством своих наставников тренируюсь, тренируюсь до изнеможения. Такая жизнь трудна, зато в конце концов мы с тобой встанем на века в пластмассовом монументе и весь мир будет завидовать нам и восхищаться нами. Я умру Охотником за головами и тем обрету бессмертие.

Тебе нужны доказательства? Они в стеклянных витринах, там, внизу, в зале приемов. Головы, головы…

Смотри, Беллами, сколько голов! Стреттон — мой первый. Я убил его в Сентрал-парке с помощью мачете. Этот шрам на виске я получил в ту ночь от него. С тех пор я научился быть искуснее. Пришлось научиться.

Каждый раз, когда я иду в Сентрал-парк, моими помощниками выступают страх и ненависть. В парке подчас по-настоящему страшно. Мы ходим туда только ночью и, случается, выслеживаем добычу много ночей подряд, прежде чем снимем с нее голову. Ты же знаешь, что парк — запретная зона для всех, кроме Охотников за головами. Это наш охотничий заповедник.

Я стал хитер, проницателен, ловок. Я воспитал в себе величайшее мужество. Я пресек свои страхи и вынянчил свою ненависть там, во мраке парка, прислушиваясь, выжидая, выслеживая и не ведая: а может, в этот самый миг острая сталь обожжет мне горло? Правил в парке нет. Винтовки, дубинки, ножи… Однажды я даже угодил в капкан из несметного множества стальных зубьев и тросов. Но я успел быстро рвануться в сторону, так быстро, что правая рука у меня осталась свободной, и выстрелил Миллеру прямо в лоб, когда он явился за мной. Вот она, голова Миллера, там, внизу. Кто бы подумал, что пуля прошила ему лоб! Бальзамировщики знают свое дело. Да и мы, как правило, стараемся не портить головы.

Что же тревожит тебя так сильно, внутренний Беллами? Я один из лучших Охотников Нью-Йорка. И мне надо хитрить, надо ставить капканы и западни задолго до того, как они сработают, и не только в Сентрал-парке. Надо держать шпионов, деятельных шпионов, протянуть безотказные линии связи в каждый особняк в городе. Надо знать, кто могуществен, а за кем и охотиться не стоит. Что толку в победе над Охотником, у которого в зале всего-то дюжина голов?

У меня сотни. До вчерашнего дня я шел впереди всех в своей возрастной группе. До вчерашнего дня мне завидовали все, с кем я знаком, и я был кумиром простонародья, безоговорочным хозяином половины Нью-Йорка. Половина Нью-Йорка! Тебе известно, как много это для меня значило? Что мои соперники ненавидят меня лютой ненавистью и все же отдают себе отчет в том, что я сильнее их? Тебе, разумеется, известно это, Беллами. Я получал наслаждение оттого, что Правдивый Джонатан Халл и Добрый Бен Грисуолд скрежетали зубами при мысли обо мне, и оттого, что Черный Билл Линдман и Уислер Каулз, пересчитав свои трофеи, звонили мне по видеофону и со слезами ненависти и ярости в глазах умоляли меня встретиться с ними в парке и предоставить им вожделенную возможность.

Я смеялся над ними. Я смеялся над Черным Биллом Линдманом до тех пор, пока он не впал в неистовство, а потом едва не позавидовал ему, потому что сам я уже давно не впадаю в неистовство. А я люблю это дикое раскрепощение от всех забот, кроме единственной, кроме слепого, безрассудного инстинкта — убивать. В такие минуты я забываю даже тебя, внутренний Беллами.

Но это было вчера.

А ночью Добрый Бен Грисуолд взял голову. Ты помнишь, какие чувства мы с тобой испытали, услышав об этом? Сперва я хотел умереть, Беллами. Потом возненавидел Бена так, как не ненавидел еще никого и никогда в жизни, — а уж я-то изведал ненависть! Я не хотел верить, что он это сделал, я отказывался верить, что он взял именно эту голову.

Я говорил себе, что здесь какая-то ошибка, что он взял голову простолюдина. Но я понимал, что обманываю себя. Никто не берет голов простонародья. Они не ценятся. Потом я говорил себе, что голова была, но чья-то другая, а вовсе не Правдивого Джонатана Халла. Такого не могло быть. Такого не должно было быть. Ведь Халл был могуществен. У него в зале накопилось голов почти столько же, сколько и у меня. И если Грисуолд заполучил их все, он стал гораздо могущественнее, чем я. Нет, подобной мысли я снести не мог.

Тогда я надел шапку — символ моего положения, шапку, усыпанную сотнями колокольчиков — по числу добытых мною голов, и пошел проверить слух. И он оказался верным, Беллами!

Особняк Джонатана Халла начал уже опустошаться и сиротеть. Толпа волновалась, вливалась в двери и выливалась из них, и жены Халла с

детьми уходили прочь небольшими притихшими группами. Жены, пожалуй, даже не были несчастливы — жены, но не сыновья. (Девочек отправляют к простонародью сразу после рождения, они не представляют собой никакой ценности.) Какое-то время я специально наблюдал за мальчиками. Все они выглядели угнетенными и озлобленными. Одному оставалось совсем немного до шестнадцати — крупный, ловкий юноша, по-видимому почти закончивший обучение. В один прекрасный день мы могли бы встретиться с ним в парке…

Остальные ребята были еще слишком малы. Теперь, когда их обучение прервалось, они никогда не посмеют и приблизиться к парку. По этой-то причине из простонародья еще не вышел ни один Охотник. Нужны многие, многие годы ревностных тренировок, чтобы превратить ребенка из кролика в тигра. А в Сентрал-парке выживают только тигры.

Я заглянул в смотровые люки Правдивого Джонатана и убедился, что стеклянные витрины в зале приемов пусты. Значит, это не бред и не ложь.

«Грисуолд заполучил их все, — сказал я себе, — а в придачу еще и голову Правдивого Джонатана».

Я вошел в подъезд, сжал кулаки, ударился лбом о косяк и застонал от невыразимого презрения к себе.

Я ни на что не годен! Я ненавидел себя и Грисуолда тоже. Но ненависть к себе вскоре прошла, и осталась лишь ненависть к нему. Теперь я понял, что следует предпринять.

«Теперь, — подумал я, — он находится в таком же положении, в каком я был вчера. Люди вереницей будут отчаянно и безнадежно говорить с ним, умолять его, вызывать на бой, прибегать к любым известным им уловкам, чтобы заманить его в парк сегодня же в ночь».

Но я хитер. Я загадываю далеко вперед. Сети мои тянутся к особнякам всех Охотников города, пересекая раскинутую ими паутину.

В данном случае ключом к решению служила одна из собственных моих жен, Нэлда. Я давно уже приметил, что она начинает меня недолюбливать. В чем тут дело, я так и не разобрался, но поддерживал ее неприязнь, пока неприязнь не переросла в ненависть. И принял меры к тому, чтобы Грисуолд пронюхал об этом. Именно благодаря таким трюкам я стал в свое время столь могущественным — и стану, безусловно, стану опять.

Я надел на руку специальную перчатку (никто не заметил бы, что это перчатка), подошел к видеофону и позвонил Доброму Бену Грисуолду. Он появился на экране, на лице у него играла ухмылка.

— Я тебя вызываю, Бен, — сказал я ему. — Сегодня в девять в парке, возле карусели.

Он расхохотался. Он был высоким, мускулистым человеком с толстой шеей. Я не мог отвести глаз от этой шеи.

— Я ждал твоего звонка, Роджер, — ответил он.

— Сегодня в девять, — повторил я.

Он опять расхохотался:

— Ну нет, Роджер! Зачем же мне рисковать головой?

— Ты трус.

— Конечно трус, — согласился он с довольной усмешкой. — Трус, если знаю, что ничего не выиграю, зато проиграю — так разом все. А разве я был трусом прошлой ночью, когда вернулся с головой Халла? Я давненько имел на него виды, Роджер. Признаюсь, побаивался, как бы ты не добрался до него раньше меня. Почему ты не сделал этого, скажи на милость?..

— Я за твоей головой охочусь, Бен.

— Только не сегодня, — отрезал он. — И вообще

не скоро. Я теперь не скоро выберусь в парк. Буду слишком занят. И в любом случае, Роджер, ты теперь вне игры. Сколько у тебя голов?

Будь он проклят, он превосходно знал, насколько опережает меня теперь. Я изобразил на своем лице ненависть.

— В парке, сегодня в девять. У карусели. В противном случае я буду считать, что ты струсил…

— Придется уж тебе как-нибудь пережить это, Роджер, — произнес он насмешливо. — Сегодня я возглавляю парад. Наблюдай за мной. Или не наблюдай — все равно ты будешь обо мне думать. От этого ты никуда не денешься…

— Свинья, паршивая трусливая свинья!..

Он чуть не лопнул от хохота — он издевался надо мной, он потешался надо мной, точно так же, как сам я не однажды потешался над другими. Больше не было нужды притворяться. Хотелось просунуть руки сквозь экран и схватить его за глотку. Приятно было ощутить в себе клокочущую злость. Очень приятно. Я медлил, давал злости углубиться, разрастись, пока не решил, что довольно. Я и так разрешил ему, Грисуолду, посмеяться всласть…

И тут я сделал то, что задумал. Выждал момент, когда он окончательно уверует в мою ярость, сде-

лал вид, что совершенно вышел из себя, и ударил по экрану видеофона кулаком. Экран разлетелся вдребезги. Лицо Грисуолда вместе с ним, и это мне, признаться, понравилось.

Разумеется, связь прервалась. Но я не сомневался, что он тут же постарается выяснить, не ранен ли я. Я стянул защитную перчатку и позвал слугу, которому мог доверять. (Он преступник. Я защищаю его. Если я погибну, погибнет и он, и уготованная ему участь — не секрет для него.) Слуга забинтовал мне невредимую правую руку, и я втолковал ему, что сказать другим слугам. Я знал, что новость не замедлит дойти до Нэлды в гареме, а через час, не больше, достигнет ушей Грисуолда…

Я пестовал, взращивал свою злость. Весь день в спортивном зале я тренировался с наставниками, держа мачете и пистолет в левой руке. Я притворялся, что приближаюсь к стадии неистовства, маниакальной жажды убийства — жажды почти естественной для того, кто потерпел жестокую неудачу.

У неудач такого сорта лишь два исхода. Убийство или самоубийство. Самоубийство дает гарантию, что твое тело встанет в пластмассовом монументе у границы парка. Ну а если нена-

вись вырвалась на свободу и не оставила места страху? Тогда Охотник впадает в неистовство — он становится очень опасен, но и сам легко превращается в чью-то добычу: он же поневоле забывает о хитрости. Именно такая опасность подстерегала и меня. Забывчивость, рожденная неистовством, более чем соблазнительна — ведь она сродни самому забвению…

Короче говоря, я разложил приманку для Грисуолда. Но чтобы вытянуть его из дому в эту ночь, когда он понимал, что рисковать просто незачем, требовалось нечто посерьезнее, чем незатейливая приманка. И я принялся распускать слухи. Вполне правдоподобные слухи. Я пустил шепоток, что Черный Билл Линдман и Уислер Каулз пришли, как и я, в отчаяние, поскольку Грисуолду удалось взять верх над всеми нами, и вызвали друг друга на смертный бой в парке сегодня же вечером. Лишь один из них мог остаться в живых, и тот, кто останется, будет властелином Нью-Йорка — в той мере, в какой Охотники нашего возраста вообще могут рассчитывать на власть. (Конечно, был еще старый Мердок со своей сказочной коллекцией, собранной за долгую жизнь. Однако всерьез, остро и непримиримо, мы соперничали только между собой.)

Ну а раз слух пополз, я не сомневался, что Грисуолд решится перейти к действию. Проверить подобную басню совершенно немыслимо. Мало кто объявляет во всеуслышание, что собирается в парк. А в данном случае я и сам не поручился бы, что слух не обернется правдой. И Грисуолду не могло не померещиться, что его превосходство в смертельной опасности — ведь он еще не успел и отпраздновать свой Триумф. Выйти защищать свою победу было бы для него, разумеется, слишком рискованно. Линдман и Каулз — оба Охотники хоть куда. Но если только Грисуолд не заподозрил ловушки, у него сегодня были верные шансы на другую победу — надо мной, Роджером Беллами Честным, который ждет его в условленном месте в состоянии неистовой ярости и с изувеченной, бесполезной в сражении правой рукой. Казалось бы, все чересчур очевидно? Нет, мой друг, ты не знаешь Грисуолда.

Когда стемнело, я надел свой охотничий костюм. Черный пулезащитный костюм, плотно облегающий тело и в то же время не стесняющий движений. Я покрыл черной краской лицо и руки. С собой я взял винтовку, кинжал и мачете — металл был обработан так, чтобы не блестел и не отражал света. Я особенно люблю мачете

— у меня сильные руки. И я старался совсем не пользоваться забинтованной рукой, даже тогда, когда меня наверняка никто не видел. Я помнил также, что должен вести себя как человек, ослепленный яростью, — я же не сомневался, что шпионы Грисуолда докладывают ему о каждом моем движении.

Я направился к Сентрал-парку, к тому входу, что ближе всего к карусели. До сих пор люди Грисуолда еще могли следить за мной. Но не дальше.

У ворот я немного задержался — помнишь ли ты это, внутренний Беллами? Помнишь ли шеренгу пластмассовых монументов, вдоль которой мы с тобой прошагали? Фальконер, и Бреннан, и остальные бессмертные стояли гордые, богоподобные в своих прозрачных вечных оболочках. Все чувства им теперь чужды, борьба окончена, и слава обеспечена навеки. Ты тоже позавидовал им, признайся, Беллами?

Мне почудилось, что глаза старого Фальконера смотрят сквозь меня, презрительно и высокомерно. Число добытых им голов высечено у него на постаменте — он действительно был величайшим из людей. Ну, повремени денек, подумал я. Я тоже встану здесь в пластмассе. Я добуду больше

голов, чем даже ты, Фальконер, и как только я это сделаю, я с радостью сброшу с плеч свою ношу…

В глубокой тьме сразу же за воротами я высвободил правую руку из бинтов. Потом вытащил черный кинжал и, прижимаясь к стене, без промедления прокрался к калитке, ближайшей к жилищу Грисуолда. Понятно, я и в мыслях не держал подходить к карусели. Грисуолду будет некогда — торопясь разделаться со мной и убраться из парка восвояси, он, наверное, не удосужится как следует подумать. Вообще, Грисуолд умом не отличался. И я сделал ставку на то, что он выберет кратчайшую дорогу.

Я ждал его в полном одиночестве, и оно, одиночество, мне нравилось. Даже трудно было поддерживать в себе злость. Деревья перешептывались в темноте. Луна вставала со стороны Атлантики, где-то за Лонг-Айлендом. И у меня мелькнула мысль: вот она светит на пролив и на город — и будет все так же светить, когда я давно уже буду мертв. Лучи ее будут переливаться в пластмассе моего монумента и омывать мне лицо холодным светом спустя столетия после того, как я и ты, Беллами, примиримся друг с другом и прекратим наконец нашу внутреннюю войну.

Тут-то я и услышал мягкие шаги Грисуолда.

Я постарался выкинуть из своего сознания все, кроме мысли об убийстве. Ради этой минуты тело мое и мозг подвергались мучительным тренировкам с той поры, когда мне минуло шесть. Я глубоко вздохнул несколько раз подряд. Как обычно, откуда-то изнутри стал подниматься инстинктивный, сжимающий сердце страх. Страх — и еще что-то. Что-то внутри меня — это был ты, Беллами? — внушало мне, что на самом деле я вовсе не хочу убивать.

Но едва я увидел Грисуолда, знакомая алчная ненависть поставила все на свои места.

Я плохо запомнил нашу схватку. Она пролетела как бы в одно мгновение — мгновение вне времени, — хотя, вероятно, длилась довольно долго. Миновав калитку, мой противник тут же подозрительно оглянулся. Мне казалось, я не издал ни звука, но у него был острейший слух, и он успел отклониться и избежать первого моего удара, который иначе оказался бы роковым.

Теперь на смену выслеживанию пришла безжалостная, быстрая, изощренная борьба. Мы оба были защищены от пуль одеждой, и оба были ранены еще до того, как сблизились настолько, чтобы попытаться поразить врага при помощи стали. Он предпочитал саблю, и сабля доставала

дальше, чем мой мачете. Все же это оказалась равная борьба. И нам волей-неволей приходилось спешить, потому что шум мог привлечь других Охотников, если они очутились бы в парке в этот вечер.

Однако в конце концов я убил его.

Я снял с него голову. Луна еще не поднялась выше зданий по ту сторону парка, и ночь была юна. Выходя из ворот с головой Грисуолда, я вновь взглянул на спокойные, гордые лица бессмертных у ограды…

Я вызвал машину. Пять минут, и вот я опять у себя в особняке вместе со своей добычей. И прежде чем позволить хирургам заняться моими ранами, я проследил, чтобы голову передали в лабораторию для экспресс-обработки и препарирования. И еще я распорядился созвать Триумф в полночь.

Пока я лежал на столе и хирурги промывали и бинтовали мне раны, весть о моей победе облетела весь город как молния. Слуги мои уже побывали в особняке Грисуолда, перетащили его коллекцию в мой зал приемов и устанавливали дополнительные витрины, чтобы вместить все мои трофеи, трофеи Правдивого Джонатана Халла и Грисуолда. Теперь я стал самым могу-

щественным Охотником в Нью-Йорке, ниже разве таких мастеров, как старый Мердок и еще один-два других. Вся моя возрастная группа, да и группа над нами сойдет с ума от зависти и злобы. Я подумал о Линдмане и о Каулзе и торжествующе рассмеялся.

В тот момент я не сомневался, что это Триумф…

И вот я стою на верхней площадке парадной лестницы и гляжу вниз на огни и на прочее великолепие, на ряды своих трофеев и увешанных драгоценностями жен. Слуги подходят к огромным бронзовым дверям, чтобы тяжело распахнуть их. И что за ними? Толпа гостей, великие Охотники, прибывшие воздать почести Охотнику еще более великому? Или — вдруг — вдруг на мой Триумф никто не придет?..

Бронзовые двери раскрываются. Но снаружи — никого… Я еще не вижу, но я чувствую, я уверен… Страх, тот страх, что не покидает Охотника до самого последнего, величайшего его Триумфа, одолевает меня сейчас. А вдруг, пока я выслеживал Грисуолда, какой-то другой Охотник раскинул сети на еще более крупную дичь? Вдруг кто-нибудь добыл голову старого Мердока? Вдруг еще кто-нибудь в Нью-Йорке празднует Триумф

сегодня ночью, Триумф еще более грандиозный, чем мой?..

Страх душит меня. Я потерпел неудачу. Какой-то счастливчик обставил меня сегодня. Я ни на что не годен…

Но нет! Нет!! Слушай!!! Слушай, как они выкрикивают мое имя! Смотри, смотри, как они вливаются сквозь распахнутые двери, великие Охотники и их блистающие драгоценностями женщины, вливаются чередой и заполняют ярко освещенный зал подо мной. Мой страх оказался преждевременным. Выходит, сегодня вечером я был все же единственным Охотником в парке. Я победил, и это мой Триумф. Вон они стоят среди сверкающих стеклянных витрин, запрокинув лица вверх, ко мне, восхищаясь и завидуя. Вон Линдман. Вон Каулз. Мне не составляет труда разгадать выражения их лиц. Им не терпится встретиться со мной наедине и вызвать меня на дуэль в парке.

Они поднимают руки в приветственном салюте. Они выкрикивают мое имя.

Беллами, внутренний Беллами, слушай! Это наш Триумф. И никто никогда его у нас не отнимет.

Я подзываю слугу. Он подносит мне приго-

товленный заранее, полный до краев бокал. И я смотрю вниз, на Охотников Нью-Йорка, — я смотрю на них с высоты своего Триумфа, — и я приветствую их, поднимая бокал.

Я пью.

Охотники! Теперь-то уж вы не сумеете меня ограбить.

Я буду гордо стоять в пластмассе, богоподобный, и нетленная оболочка примет меня и обнимет, и все чувства будут пережиты, все схватки позади, и слава обеспечена навеки.

Яд действует быстро.

Вот он, Триумф!

Музыкальная машина

Джерри Фостер поведал бармену, что на свете нет любви. Бармен, привыкший к подобным излияниям, заверил Джерри, что он ошибается, и предложил выпить.

— Почему бы и нет? — согласился мистер Фостер, исследуя скудное содержимое своего бумажника. — «Всегда, пока я был и есмь и буду, я пил и пью и буду пить вино». Это Омар.

— Ну как же, — невозмутимо ответил бармен. — Пей, не стесняйся, приятель.

— Вот ты зовешь меня приятелем, — пробормотал Фостер, слегка уже подвыпивший приятный молодой блондин с подернутыми дымкой глазами, — но никому я не нужен. Никто меня не любит.

— А та вчерашняя крошка?

— Бетти? Дело в том, что вчера я заглянул с ней в одно местечко, а тут появилась рыжая. Ну, я бортанул Бетти, а потом рыжая отшила меня. И вот я одинок, все меня ненавидят.

— Возможно, не стоило гнать Бетти, — предположил бармен.

— Я такой непостоянный… — На глазах у Фостера навернулись слезы. — Ничего не могу поделать. Женщины — моя погибель. Налей мне еще и скажи, как тебя звать.

— Остин.

— Так вот, Остин, я почти влип. Не обратил внимания, кто победил вчера в пятом забеге?

— Пигс Троттерс вроде бы.

— А я ставил на Уайт Флеш. Сейчас должен подойти Сэмми. Хорошо еще, что удалось раздобыть денег, — с ним лучше не шутить.

— Это верно. Прости.

— И ты меня ненавидишь, — грустно прошептал Фостер, отходя от стойки.

Он был весьма удивлен, заметив сидящую в одиночестве Бетти. Но ее золотистые волосы, чистые глаза, бело-розовая кожа потеряли свою привлекательность. Она ему наскучила.

Фостер прошел дальше — туда, где в полумраке поблескивал хромом продолговатый предмет. Это было то, что официально именовалось проигрыватель-автомат, а в обиходе звалось просто джук-бокс или музыкальная машина.

Прекрасная машина. Ее хромированные и полированные части переливались всеми цветами радуги. Более того, она не следила за Фостером и

держала рот на замке.

Фостер ласково похлопал по блестящему боку.

— Ты моя девушка, — объявил Джерри. — Ты прекрасна. Я люблю тебя. Слышишь? Люблю безумно.

Фостер достал из кармана монетку и тут увидел, как в бар вошел коренастый брюнет и подсел к мужчине в твидовом костюме. После короткой беседы, завершившейся рукопожатием, коренастый вытащил из кармана записную книжку и что-то пометил.

Фостер достал бумажник. У него уже были неприятности с Сэмми, и больше он не хотел. Букмекер весьма ревностно относился к своим финансовым делам.

Джерри пересчитал деньги, моргнул, снова пересчитал; в животе мерзко екнуло. То ли он их потерял, то ли его обманули, но денег не хватало…

Сэмми это не понравится.

Яростно принуждая затуманенные мозги шевелиться, Фостер прикинул, как выиграть время. Сэмми его уже заметил. Если бы выбраться через черный ход…

В баре стало слишком тихо. Страстно желая какого-нибудь шума, чтобы скрыть свое состояние,

Фостер обратил наконец внимание на монетку, зажатую в пальцах, и торопливо сунул ее в прорезь джук-бокса.

В лоток для возврата монет посыпались деньги.

Шляпа Джерри оказалась под лотком почти мгновенно. Четвертаки и десятицентовики лились нескончаемым потоком. Джук-бокс взорвался песней, и под царапанье иглы из автомата понеслись звуки «Моего мужчины», заглушая шум денег, наполнявших шляпу Фостера.

Наконец поток иссяк. Фостер стоял как вкопанный, молясь богам-покровителям, когда к нему подошел Сэмми.

Жучок посмотрел на все еще протянутую шляпу.

— Эй, Джерри! Сорвал куш?

— Ага, в клубе поблизости. Никак не могу разменять. Поможешь?

— Черт побери, я не разменная касса, — усмехнулся Сэмми. — Свое возьму зелененькими.

Фостер опустил позвякивающую шляпу на крышку автомата и отсчитал купюры, а недостаток покрыл выуженными четвертаками.

— Благодарю, — сказал Сэмми. — Право, жаль, что твоя лошадка оказалась слабовата.

— «О любовь, что длится вечно…» — заливался джук-бокс.

— Ничего не поделаешь, — отозвался Фостер. — Может быть, в следующий раз повезет.

— Хочешь поставить?

— «Если все вокруг станет плохо вдруг, то спасенья круг бросит верный друг…»

Фостер вздрогнул. Последние два слова песни поразили его, возникли из ниоткуда и намертво, как почтовый штамп, засели в голове. Больше он ничего не слышал; эти слова звучали на все лады нескончаемым эхом.

— Э… верный друг, — пробормотал он. — Верный…

— А-а… Темная лошадка. Ну ладно, Верный Друг, третий заезд. Как обычно?

Комната начала вращаться, но Фостер сумел кивнуть. Через некоторое время он обнаружил, что Сэмми пропал; на джук-боксе стоял лишь его бокал рядом со шляпой. Джерри, наклонившись, вперился сквозь стекло во внутренности автомата.

— Не может быть, — прошептал он. — Я пьян. Но пьян недостаточно. Нужно выпить еще.

С отчаянием утопающего он схватил бокал и двинулся к стойке.

— Послушай, Остин… Этот джук-бокс… он как, хорошо работает?

Остин выдавливал лимон и не поднял глаз.

— Жалоб нет.

Фостер украдкой бросил взгляд на автомат. Тот по-прежнему стоял у стены, загадочно блестя хромом и полировкой.

— Не знаю, что и думать… — пробормотал Фостер.

На диск легла пластинка. Автомат заиграл «Пойми же — мы просто любим друг друга».

Дела Джерри Фостера в последнее время шли из рук вон плохо. По натуре консерватор, к несчастью для себя, он родился в век больших перемен. Ему необходимо было чувствовать твердую почву под ногами — а газетные заголовки не внушали уверенности, и уж тем более не устраивал его новый образ жизни, складывающийся из технических и социальных новшеств. Появись он на свет в прошлом веке, Фостер катался бы как сыр в масле, но сейчас…

Эпизод с музыкальной машиной был бы забыт, если бы через несколько дней не появился Сэмми с девятью сотнями долларов — результат победы Верного Друга. Фостер немедленно закутил и пришел в себя в знакомом баре. За спиной, вызы-

вая смутные воспоминания, сиял джук-бокс. Из его недр лились звуки «Нет чудесней апреля», и Фостер стал бездумно подпевать.

— Хорошо! — угрожающе заявил тучный мужчина рядом. — Я слышал! Я… что ты сказал?

— Запомни апрель, — машинально повторил Фостер.

— Какой, к черту, апрель! Сейчас март!

Джерри стал тупо озираться в поисках календаря.

— Вот пожалуйста, — почти твердо заявил он. — Третье апреля.

— Это ж мне пора возвращаться… — отчаянно прошептал толстяк. — Оказывается, апрель! Сколько же я гуляю? А, не знаешь?! А что ты знаешь? Апрель… вот ведь черт…

Не успел Фостер подумать, что не мешает перейти в заведение потише, как в бар, безумно вращая глазами, ворвался тощий блондин с топором. Прежде чем его успели остановить, он пробежал через комнату и занес топор над джук-боксом.

— Я больше не могу! — истерически выкрикнул он. — Тварь!.. Я рассчитаюсь с тобой раньше, чем ты меня погубишь!

С этими словами, не обращая внимания на грозно приближающегося бармена, блондин ударил

топором по крышке автомата. С резким хлопком полыхнул язычок синего пламени, и блондин оказался на полу.

Фостер завладел стоявшей поблизости бутылкой виски и попытался осмыслить смутно сознаваемые события. Вызвали «скорую помощь». Доктор объявил, что блондин жив, но получил сильный электрический удар. У автомата помялась крышка, однако внутренности остались целы.

— Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал[14], — сообщил Остин Фостеру. — Если не ошибаюсь, ты тот парень, который вчера цитировал Хайяма?

— Что? — отозвался Фостер.

Остин задумчиво кивал, глядя, как безжизненное тело укладывают на носилки.

— Этот тип частенько сюда наведывался — только ради музыкальной машины. Он просто в нее втюрился. Часами слушал. Конечно, говоря «втюрился», я не имею в виду ничего такого, ясно?

— …ы-ы… — подтвердил Фостер.

— И вот вбегает он пару дней назад, как с це-

---

[14] Примечания: 14

О. Уайльд. Баллада Редингской тюрьмы. Перевод Т. Железняк.

пи сорвался, глаза бешеные, сам ошалевший… грохается перед этим ящиком на колени и молит простить его за что-то… Тебе чего?

— Повторить, — ответил Фостер, наблюдая за выносом носилок.

Джук-бокс щелкнул, и заиграла новая пластинка. Вероятно, забарахлил усилитель, потому что динамики неожиданно взревели.

— Хло-о! — яростно звал джук-бокс. — Хло-о-о!!

Наполовину оглушенный, борясь с ощущением, что все это галлюцинация, Фостер на заплетающихся ногах подошел к автомату и потряс его. Рев прекратился.

— Хло!.. — пропел джук-бокс грустно и нежно.

У входа в бар возникла какая-то суета, но Фостер ни на что не обращал внимания. Его осенила идея. Он прижался лбом к стеклу панели и на останавливающемся диске сумел прочитать название: «Весной в горах».

Пластинка встала на ребро и скользнула назад. Другой черный диск опустился под иглу. «Турецкие ночи».

Но вместо этого джук-бокс с большим чувством исполнил «Мы будем любить друг друга вечно».

Фостер совершенно уже забыл неряшливого толстяка, как вдруг услышал сзади раздражен-

ный голос:

— Ты лжец! Сейчас март!

— А-а, иди к черту, — отмахнулся глубоко потрясенный Фостер.

— Я сказал, ты лжец! — настаивал толстяк, неприятно дыша в лицо Фостера. — Либо ты согласишься, что сейчас март, либо… либо…

С Фостера было достаточно. Он оттолкнул толстяка и двинулся к выходу, когда в воздухе разлилась нежная мелодия «Скажи же „да“ скорей!».

— Март! — визгливо твердил толстяк. — Разве не март?!

— Да, — торопливо согласился Фостер. — Март.

И всю ночь он следовал совету песни. Он слушал толстяка. Он поехал в гости к толстяку. Он соглашался с толстяком. А утром с изумлением узнал, что толстяк взял его на работу — в качестве композитора-песенника для Высшей Студии, — потому что Фостер ответил «да» на вопрос, может ли он писать песни.

— Хорошо, — удовлетворенно произнес толстяк. — Теперь мне, пожалуй, пора домой. А, так ведь я дома? Значит, мне пора на студию. Завтра мы начинаем апрельский супермюзикл — а ведь сейчас апрель?

— Конечно.

— Давай соснем. Нет, не сюда, здесь бассейн… Я покажу тебе свободную спальню. Ты ведь хочешь спать?

— Да, — солгал Фостер.

Тем не менее он заснул, а на следующее утро отправился с толстяком на студию и поставил свою подпись под контрактом. Никто не интересовался его квалификацией — его привел сам Талиоферро, и этого было достаточно. Джерри предоставили кабинет с роялем и секретаршей, и там он просидел остаток дня, недоумевая, как все случилось.

Фостер получил задание — лирическая песня для новой картины. Дуэт.

В младенческом возрасте Фостер играл на пианино, но тайны контрапункта и тональностей прошли мимо него.

Вечером он заглянул в тот бар. Где-то в глубине души Джерри надеялся, что джук-бокс поможет ему. Однако музыкальная машина надоедливо играла одну и ту же песню. Странно, что никто этого не слышал. Фостер открыл сей факт совершенно случайно. Для ушей Остина джук-бокс крутил обычные шлягеры.

Джерри стал внимательно прислушиваться.

Звучал завораживающий дуэт, нежный и печальный.

— Кто написал эту песню?

— Разве не Хоги Кармайкл? — отозвался Остин.

Джук-бокс внезапно заиграл «Я сделал это», а затем вновь переключился на дуэт.

В углу Фостер заметил пианино. Он подошел к нему, достал записную книжку и первым делом записал слова. Остальное оказалось не по силам, приходилось надеяться лишь на слух и память. Фостер осмотрел музыкальную машину (разбитую крышку заменили), ласково погладил ее бок и в глубоком раздумье удалился.

Его секретаршу звали Лойс Кеннеди. Она появилась на следующий день в кабинете Фостера, когда тот сидел у рояля и безнадежно тыкал в клавиши пальцем.

— Позвольте, я помогу вам, мистер Фостер, — спокойно сказала девушка.

— Я… нет, спасибо, — выдавил Фостер.

— Плохо знаете музыкальную грамоту? — Лойс ободряюще улыбнулась. — Таких композиторов много. Играют на слух, а в нотах не разбираются.

— В самом деле? — с надеждой пробормотал Фостер.

— Давайте так: вы играйте, а я запишу.

После нескольких тщетных попыток Фостер вздохнул и взял листок со словами — его хоть прочесть можно было.

— Ну пропойте ее, — предложила Лойс.

У Фостера был неплохой слух, и он без труда спел, а Лойс легко подобрала и записала музыку.

— Изумительно! Оригинальная и свежая мелодия. Мистер Фостер, я восхищена вами! Надо немедленно показать ее боссу.

Талиоферро песня понравилась. Он сделал несколько бессмысленных поправок, которые Фостер с помощью Лойс внес в текст, и созвал целый симпозиум песенников для прослушивания шедевра.

— Я хочу, чтобы вы поняли, что такое хорошо, — изрек Талиоферро. — Это моя новая находка. Мне кажется, нам нужна свежая кровь, — мрачно закончил он, обводя притихших песенников зловещим взглядом.

Фостер сидел как на иголках, ожидая, что вот-вот кто-нибудь из присутствующих вскочит и закричит: «Эта ваша находка украла мелодию у Гершвина!..»

Или у Берлина, или Портера, или Хаммерстайна…

Разоблачения не последовало. Песня оказалась

новой и принесла Фостеру славу композитора и поэта.

Так начался успех.

Каждый вечер он в одиночку посещал некий бар, и джук-бокс помогал ему с песнями. Джук-бокс словно понимал, что именно требуется, и нежил Фостера западающими в сердце мелодиями, складывающимися в песни с помощью Лойс.

Кстати, Фостер начал замечать, что она поразительно красивая девушка. Лойс не казалась неприступной, но пока Фостер избегал решительных действий. Он не был уверен в долговечности своего триумфа.

Хотя расцветал Фостер как роза. Банковский счет круглел с не меньшей скоростью, чем он сам, а пил Фостер теперь гораздо реже, хотя бар посещал ежедневно.

Однажды он спросил у Остина:

— Этот джук-бокс… Откуда он взялся?

— Не знаю, — ответил Остин. — Он уже стоял, когда я начал здесь работать.

— А кто меняет пластинки?

— Ну… компания, надо полагать.

— Вы видели их когда-нибудь?

Остин задумался.

— Наверное, они приходят в смену напарника.

Пластинки новые каждый день. Отличное обслуживание.

Фостер решил расспросить и другого бармена, но не расспросил. Потому что поцеловал Лойс Кеннеди.

Это был пороховой заряд. Они колесили по Сансет-Стрип, обсуждая проблемы жизни и музыки.

— Я иду, — туманно выразился Фостер, отворачивая от столба светофора. — Мы идем вместе.

— Ах, милый! — промурлыкала Лойс.

Фостер и не чувствовал, что последние дни находился в страшном напряжении. Сейчас оно исчезло. Как замечательно обнимать Лойс, целовать ее, наслаждаться легким щекотанием ее волос… Все виделось в розовом свете.

Внезапно в розовой мгле проявилось лицо Остина.

— Как всегда? — поинтересовался бармен.

Фостер моргнул:

— Остин… Давно мы здесь?

— Около часа, мистер Фостер.

— Дорогой! — ластилась Лойс, нежно и плотно прижимаясь к плечу.

Фостер попытался подумать. Это было трудно.

— Лойс, — произнес он наконец, — не надо ли мне написать песню?

— Зачем спешить?

— Нет. Раз я здесь, то добуду песню, — непререкаемо изрек Фостер и поднялся.

— Поцелуй меня, — проворковала Лойс.

Фостер повиновался, затем засек координаты джук-бокса и двинулся к цели.

— Привет, — сказал он, похлопывая гладкий блестящий бок. — Вот и я. Правда, немного пьян, но это ничего. Давай-ка запишем песенку.

Машина молчала. Фостер почувствовал прикосновение Лойс.

— Пойдем. Мы не хотим музыки.

— Подожди, моя прелесть.

Фостер уставился на автомат и вдруг расхохотался.

— Понимаю…

Он достал пригоршню мелочи, сунул монету в щель и дернул рычаг.

Джук-бокс хранил молчание.

— Что случилось?.. — пробормотал Фостер.

Внезапно ему пришел на память случай с блондином, напавшим на джук-бокс с топором.

Остин подсказал фамилию, и через час Фостер сидел у госпитальной койки, на которой покоились изуродованные и забинтованные останки человека со светлыми волосами.

— Меня вынесли на носилках из бара, — рассказывал блондин. — И тут появилась машина. Я ничего не почувствовал. Я и сейчас ничего не чувствую. Водитель — женщина — утверждает, что кто-то выкрикнул ее имя. Хло. Это так удивило ее, что она дернула руль и сбила меня. Вы знаете, кто крикнул «Хло»?

Фостер вспомнил. Джук-бокс играл «Хло», что-то случилось с усилителем, и на секунду он заорал как бешеный.

— Я парализован, — продолжал блондин. — Скоро умру. И хорошо. Она очень умная и мстительная.

— Она?

— Шпионка. Возможно, самые разные устройства замаскированы под… под вещи, к которым мы привыкли. Не знаю. Вот и джук-бокс… он… нет. Она! Она жива!

— А…

— Кто ее поставил? — перебил блондин. — Они. Пришельцы из иного времени? Им нужна информация, но сами показываться не смеют, вот и монтируют шпионские устройства в вещах, которые не вызывают у нас подозрений. Например, в автоматической радиоле. Только эта немного разладилась. Она умнее других.

Блондин приподнял голову, горящие глаза впились в радио, висевшее на стене.

— Даже здесь, — прошептал он. — Обычное радио? Или их хитроумные штучки?!

Его голова бессильно упала на подушку.

— Я начал догадываться довольно давно. Она подсказывала мне разные идеи, не раз буквально вытаскивала из тюрьмы. Но прощения не будет. Она ведь женщина. Механический мозг? Или… нет, я не узнаю, никогда не узнаю. Скоро я умру. Ну и ладно…

Вошла сестра.

Джерри Фостер был испуган. На опустевшей Мэйн-стрит царили тишина и мрак.

— Ни за что бы не поверил, — бормотал Фостер, прислушиваясь к собственным гулким шагам. — Но я верю. Надо наладить отношения с этим… с этой… с музыкальной машиной!

Какая-то трезвая часть ума направила его в аллею. Заставила осторожно выдавить стекло. Настойчиво провела по темной кухне.

Он был в баре. Пустая стойка. Слабый мерцающий свет, пробивающийся сквозь шторы. И черная молчаливая глыба джук-бокса у стены.

Молчаливая и безразличная. Даже когда Джерри опустил монету.

— Послушай! — взмолился он. — Я был пьян… О, это безумие! Не может такого быть! Ты не живая… или живая? Это ты расправилась с парнем, которого я сейчас видел в больнице?! Итак, ты женщина. Завтра я принесу тебе цветы. Я начинаю верить. Конечно же, я верю! Я никогда не взгляну на… на другую девушку. Не надо дуться, ну… Ты же любишь меня, я знаю. О господи!

У Фостера пересохло в горле. Он пошел за стойку и вдруг замер, пораженный леденящей душу уверенностью, что рядом кто-то есть.

Их было двое, и они не были людьми.

Один вытащил из джук-бокса маленький блестящий цилиндр.

Чувствуя, как высыхает пот на лице, Фостер слушал их мысли.

«Рапорт за истекшие сутки. Вставь свежую кассету и заодно смени пластинки».

В голове Фостера закружился бешеный калейдоскоп. Слова Остина… умирающий блондин… бесформенные фигуры…

«Здесь человек, — подумал один из них. — Он видел нас. Его надо ликвидировать».

Мерцающие нечеловеческие фигуры стали приближаться. Фостер обогнул край стойки и, бросившись к музыкальной машине, обхватил

руками ее холодные бока.

— Останови их! Не дай им убить меня!

Теперь он не видел созданий, но чувствовал их прямо за спиной. Паника обострила чувства. Фостер выбросил указательный палец и ткнул им в кнопку с надписью «Люби меня вечно».

Что-то коснулось его плеча и окрепло, оттягивая назад.

Внутри автомата замельтешили огни. Выскользнула пластинка. Игла медленно опустилась на черную дорожку.

Джук-бокс начал играть «Цена тебе грош — сейчас ты умрешь».

А как же еще?

Когда приземлилось летающее блюдце, Мигель и Фернандес стреляли друг в друга через поляну, не проявляя особой меткости. Они потратили несколько зарядов на странный летательный аппарат. Пилот вылез и направился по склону к Мигелю, который под ненадежным прикрытием кактуса, проклиная все на свете, старался поскорее перезарядить ружье. Он никогда не был хорошим стрелком, а приближение незнакомца совсем его доконало. Не выдержав, он в последний момент отбросил ружье, схватил мачете и выскочил из-за кактуса.

— Умри же, — сказал он и замахнулся. Сталь блеснула в ярких лучах мексиканского солнца. Нож отскочил от шеи незнакомца и взлетел высоко в воздух, а руку Мигеля как будто пронзило электрическим током. По-осиному свистнула пуля, посланная с другого конца поляны. Он ничком упал на землю и откатился за большой камень. Тоненько пискнула вторая пуля, и на левом плече незнакомца вспыхнул голубой огонек.

— Estoy perdido[15], — пробормотал Мигель. Он уже считал себя погибшим. Прижавшись всем телом к земле, он поднял голову и зарычал на врага.

Но незнакомец не проявлял никакой враждебности. Больше того, он даже не был вооружен. Мигель зорким глазом осматривал его. Странно он одет. На голове — шапка из блестящих голубых перышек. Под ней — лицо аскета, суровое, неумолимое. Он худ и высок — футов, наверное, семь. Но никакого оружия не видно. Это придало Мигелю храбрости. Интересно, куда упало мачете? Впрочем, ружье валялось поблизости.

Незнакомец подошел к Мигелю.

— Вставай, — сказал он, — давай поговорим.

Он прекрасно говорил по-испански, только голос его раздавался как будто у Мигеля в голове.

— Я не встану, — заявил Мигель. — А то Фернандес меня убьет. Стрелок-то он никудышный, но я не такой дурак, чтобы рисковать. И потом, это нечестно. Сколько он вам заплатил?

Незнакомец строго посмотрел на Мигеля.

— Вы знаете, откуда я? — спросил он.

— А мне наплевать, откуда вы, — проворчал

---

[15] Примечания: 15
Я пропал *(исп.)*.

Мигель, стирая пот со лба. Он покосился на соседнюю скалу, за которой у него был спрятан бурдюк с вином. — Не иначе как из los Estados Unidos[16] со всякими вашими летательными машинами. Уж будьте спокойны, достанется вам от правительства.

— Разве мексиканское правительство поощряет убийство?

— А наш спор никого не касается. Главное — решить, кто хозяин воды. Вот и приходится защищаться. Этот cabron[17] с той стороны все старается прикончить меня. Он и вас нанял для этого. Бог накажет вас обоих. — Тут его осенило. — А сколько вы возьмете за то, чтобы убить Фернандеса? — осведомился он. — Я могу дать три песо и козленка.

— Всякие распри должны быть прекращены, — сказал незнакомец. — Понятно?

— Тогда пойдите скажите об этом Фернандесу, — сказал Мигель. — Втолкуйте ему, что права на воду еще мои. И пусть убирается подобру-поздорову.

Он устал глядеть на высокого незнакомца. Но

---

[16] Примечания: 16
Соединенных Штатов *(исп.).*

[17] Примечания: 17
Грубое ругательство *(исп.).*

стоило ему слегка повернуть затекшую шею, как в тот же миг пуля прорезала недвижный раскаленный воздух и смачно шлепнулась в кактус.

Незнакомец пригладил перышки на голове.

— Сначала я кончу разговор с вами, — сказал он. — Слушайте меня внимательно, Мигель.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — удивился Мигель, перекатываясь с живота на спину и осторожно усаживаясь за камнем. — Значит, я угадал: Фернандес вас нанял, чтобы меня убить.

— Я знаю, как вас зовут, потому что умею читать ваши мысли. Хотя они у вас весьма путаные.

— Собачий сын, — выругался Мигель.

У незнакомца слегка раздулись ноздри, но он оставил выпад без внимания.

— Я прибыл из другого мира, — сказал он, — меня зовут… — Мигелю показалось, что он сказал что-то вроде Кецалькоатль.

— Кецалькоатль? — иронически переспросил Мигель. — Ну еще бы. А меня зовут святой Петр, у которого ключи от неба.

Тонкое бледное лицо Кецалькоатля слегка покраснело, но он сдержался и продолжал спокойно:

— Послушайте, Мигель. Поглядите на мои губы. Они не двигаются. Мои слова раздаются у

вас в голове под действием телепатии, вы сами переводите их на понятный вам язык. Мое имя оказалось слишком трудным для вас. Вы перевели его как Кецалькоатль, но меня зовут совсем по-другому.

— De veras?[18] — сказал Мигель. — Имя не ваше, и явились вы не с того света. Norteamericanos[19] никогда нельзя верить — клянитесь какими хотите святыми.

Кецалькоатль опять покраснел.

— Я пришел сюда для того, чтобы приказывать, — сказал он, — а не для того, чтобы препираться со всякими... Как вы думаете, Мигель, почему вы не смогли убить меня вашим мачете? Почему пули не причиняют мне вреда?

— А почему ваш летательный аппарат летает? — нашелся Мигель. Он достал кисет и стал скручивать сигарету. Потом выглянул из-за камня. — Фернандес может подкрасться ко мне незаметно. Лучше я возьму ружье.

— Оставьте его, — сказал Кецалькоатль. — Фернандес вас не тронет.

Мигель зло рассмеялся.

---

[18] Примечания: 18
Неужто? *(исп.)*

[19] Примечания: 19
Североамериканцам *(исп.)*.

— И вы его не трогайте, — твердо добавил Кецалькоатль.

— Ага, значит, я вроде как подставлю другую щеку, а он сразу влепит мне пулю в лоб. Вот если он поднимет руки вверх да пойдет ко мне через поляну, я поверю, что он хочет покончить дело миром. Да и то близко его не подпущу, потому что за спиной у него может оказаться нож, сеньор Кецалькоатль.

Кецалькоатль снова пригладил перышки и нахмурился.

— Вы оба должны прекратить эту распрю, — сказал он. — Нам поручено следить за порядком во Вселенной и устанавливать мир на тех планетах, которые мы посещаем.

— Так я и думал, — с удовлетворением произнес Мигель. — Вы из los Estados Unidos. А что же вы в своей-то собственной стране не навели порядок? Я видел в las peliculas a los señores[20] Хэмфри Богарта и Эдварда Робинсона. Подумайте, в самом Новом Йорке гангстеры ведут перестрелку на небоскребах. А вы куда смотрите? Отплясываете в это время с la señora Бетти Гребль. Знаем мы вас! Сначала установите мир, а потом нашу нефть и

---

[20] Примечания: 20
В кино сеньоров... *(исп.)*

драгоценные металлы захватите.

Кецалькоатль сердито отшвырнул камешек блестящим металлическим носком своего ботинка.

— Поймите же. — Он поглядел на незажженную сигарету, торчащую во рту у Мигеля. И вдруг поднял руку — раскаленный луч от кольца на его пальце воспламенил кончик сигареты. Мигель отпрянул, пораженный. Потом он сделал затяжку и кивнул. Раскаленный луч исчез.

— Muchas gracias, señor[21], — сказал Мигель.

Кецалькоатль усмехнулся бесцветными губами.

— Мигель, — сказал он, — как по-вашему, может norteamericano сделать такое?

— Quién sabe![22]

— Никто из живущих на Земле не может этого сделать, и вы это прекрасно знаете.

Мигель пожал плечами.

— Видите вон тот кактус? — спросил Кецалькоатль. — Я могу уничтожить его в одну секунду.

— Я вам верю, señor.

— Могу, если хотите знать, уничтожить всю

---

[21] Примечания: 21
Большое спасибо, сеньор *(исп.).*

[22] Примечания: 22
Кто знает! *(исп.)*

вашу планету.

— Ну да, я слыхал про атомную бомбу, — вежливо ответил Мигель. — Но чего же вы тогда беспокоитесь? Весь спор-то из-за какого-то несчастного колодца…

Мимо просвистела пуля.

Кецалькоатль сердито потер кольцо на своем пальце.

— Всякая борьба должна теперь прекратиться, — сказал он угрожающе. — А если она не прекратится, мы уничтожим Землю. Ничто не препятствует людям жить в мире и согласии.

— Есть одно препятствие.

— Какое?

— Фернандес.

— Я уничтожу вас обоих, если вы не перестанете враждовать.

— El señor — великий миротворец, — почтительно заметил Мигель. — Я-то бы всей душой, только как мне тогда в живых остаться?

— Фернандес тоже прекратит борьбу.

Мигель снял свое видавшее виды сомбреро, нацепил на палку и осторожно приподнял ее над камнем. Раздался треск. Мигель подхватил сомбреро на лету.

— Ладно, — сказал он. — Раз сеньор настаивает,

я стрелять не стану, но из-за камня не выйду. Рад бы вас послушаться, но ведь вы от меня требуете сами не знаете чего. Все равно что вы велели бы мне летать по воздуху, как ваша машина.

Кецалькоатль нахмурился еще больше. Наконец он сказал:

— Мигель, расскажите мне, с чего началась ваша вражда.

— Фернандес хотел убить меня и поработить мою семью.

— Зачем ему это было нужно?

— Потому что он плохой, — сказал Мигель.

— Откуда вы знаете, что он плохой?

— Потому, — логично заметил Мигель, — что он хотел убить меня и поработить мою семью.

Наступило молчание. Подскочил сорокопут и клюнул блестящее дуло ружья Мигеля. Мигель вздохнул.

— У меня тут припрятан бурдючок вина… — начал он, но Кецалькоатль перебил его:

— Вы что-то говорили о праве пользования водой.

— Ну да, — сказал Мигель. — У нас бедная страна, señor… Вода здесь на вес золота. Засуха была, на две семьи воды не хватает. Колодец мой. Фернандес хочет убить меня и поработить мою

семью.

— Разве в этой стране нет судов?

— Для нашего брата? — Мигель вежливо улыбнулся.

— А у Фернандеса есть семья? — спросил Кецалькоатль.

— Да, бедняги, — сказал Мигель. — Когда они плохо работают, он избивает их до полусмерти.

— А вы своих бьете?

— Только если они этого заслуживают. — Мигель был слегка сбит с толку. — Жена у меня очень толстая и ленивая. А старший сын Чико любит дерзить… Мой долг — колотить их для их же блага. И мой долг — защищать наши права на воду, раз злодей Фернандес решил убить меня и…

— Мы только зря теряем время, — нетерпеливо перебил его Кецалькоатль. — Дайте-ка мне подумать.

Он снова потер кольцо и огляделся вокруг. Сорокопут нашел добычу повкуснее ружейного дула. Он удалялся с ящерицей в клюве.

Солнце ярко светило в безоблачном небе. В воздухе стоял сухой запах мескита. Безукоризненная форма и ослепительный блеск летающего блюдца были неуместны в зеленой долине.

— Подождите здесь, — произнес наконец Ке-

цалькоатль. — Я пойду поговорю с Фернандесом. Когда я позову, приходите к моему летательному аппарату. Мы с Фернандесом будем ждать вас там.

— Как скажете, señor, — согласился Мигель, глядя в сторону.

— И не трогайте ружье, — добавил Кецалькоатль строго.

— Конечно нет, señor, — сказал Мигель.

Он подождал, пока высокий незнакомец ушел. Тогда он осторожно пополз по иссушенной земле к своему ружью. Поискав, нашел и мачете. Только после этого Мигель припал к бурдюку — ему очень хотелось пить, но пьяницей он не был, вовсе нет. Он зарядил ружье, прислонился к скале и в ожидании прикладывался время от времени к бурдюку.

Тем временем незнакомец, не обращая внимания на пули, со вспышками отскакивающие от его стального панциря, приближался к укрытию Фернандеса. Звуки выстрелов прекратились. Прошло довольно много времени, но вот высокая фигура появилась снова и поманила к себе Мигеля.

— La voy, señor[23], — ответил Мигель. Он положил ружье на скалу и осторожно выглянул, готовый тотчас же спрятаться при малейшем признаке опасности. Но все было спокойно.

Фернандес появился рядом с незнакомцем. Мигель молниеносно нагнулся и схватил ружье, чтобы выстрелить с лёта.

В воздухе что-то зашипело. Ружье обожгло Мигелю руки. Он вскрикнул и уронил его, и в тот же миг в мозгу у него произошло полное затмение.

«Я умираю с честью», — подумал он и потерял сознание.

…Когда он очнулся, он стоял в тени большого летающего блюдца. Кецалькоатль отвел руку от неподвижного лица Мигеля. Солнце сверкало на его кольце. Мигель ошалело покрутил головой.

— Я жив? — спросил он.

Но Кецалькоатль не ответил. Он повернулся к Фернандесу, который стоял позади него, и провел рукой перед его застывшим лицом. Свет от кольца Кецалькоатля блеснул в остановившихся глазах Фернандеса. Фернандес помотал головой и что-то пробормотал. Мигель поискал глазами ружье и мачете, но они исчезли. Он сунул руку

---

[23] Примечания: 23
Иду, сеньор *(исп.).*

под рубашку, но любимого ножа там тоже не оказалось.

Он встретился глазами с Фернандесом.

— Погибли мы, дон Фернандес, — сказал он. — Этот señor Кецалькоатль нас обоих убьет. Мне, между прочим, жаль, что мы больше не увидимся, — ведь ты попадешь в ад, а я в рай.

— Ошибаешься, — ответил Фернандес, тщетно пытаясь найти свой нож. — Не видать тебе неба. А этого norteamericano зовут вовсе не Кецалькоатль, для своих поганых целей он назвался Кортесом.

— Да ты и самому черту соврешь — недорого возьмешь, — съязвил Мигель.

— Прекратите, вы, оба, — резко сказал Кецалькоатль-Кортес. — Вы уже видели, на что я способен. А теперь послушайте. Мы взяли на себя заботу о том, чтобы во всей Солнечной системе царил мир. Мы — передовая планета. Мы достигли многого, что вам и не снилось. Мы разрешили проблемы, на которые вы не находите ответа, и теперь наш долг — заботиться о всеобщем благосостоянии и благополучии. Если хотите остаться в живых, вы должны немедленно и навсегда прекратить распри и жить в мире, как братья. Вы меня поняли?

— Я всегда этого хотел, — возмущенно ответил Фернандес, — но этот мерзавец собрался меня убить.

— Больше никто никого не будет убивать, — сказал Кецалькоатль. — Вы будете жить как братья или умрете.

Мигель и Фернандес поглядели друг на друга, потом на Кецалькоатля.

— Señor — великий миротворец, — пробормотал Мигель. — Я же говорил. Ясное дело, ничего нет лучше, чем жить в мире. Но для нас, señor, все это не так-то просто. Жить в мире — это здорово! Только научите нас как.

— Просто прекратите драку, — нетерпеливо сказал Кецалькоатль.

— Вам легко говорить, — заметил Фернандес. — Но жить в Соноре — нелегкая штука. Наверное, там, откуда вы явились…

— Ясное дело, — вмешался Мигель, — в los Estados Unidos все богатые.

— …а у нас сложнее. Может, в вашей стране, señor, змеи не едят мышей, а птицы — змей. У вас, наверное, есть пища и вода для всех и человеку не надо драться, чтобы семья его выжила. У нас-то все не так просто.

Мигель кивнул:

— Мы тоже когда-нибудь станем братьями. И жить стараемся по Божьим заветам, хоть это и нелегко, и тоже хотим быть хорошими. Только…

— Нельзя решать жизненные вопросы силой, — непререкаемо заявил Кецалькоатль. — Насилие — это зло. Помиритесь немедленно.

— А то вы нас уничтожите, — сказал Мигель. Он опять пожал плечами и взглянул на Фернандеса. — Ладно, señor. Доказательства у вас веские, против них уже не поспоришь. Al fin[24], я согласен. Так что же нам делать?

Кецалькоатль повернулся к Фернандесу.

— Я тоже, сеньор, — со вздохом сказал тот. — Вы, конечно, правы. Пусть будет мир.

— Пожмите друг другу руки, — просиял Кецалькоатль. — Поклянитесь в вечной дружбе.

Мигель протянул руку. Фернандес крепко пожал ее. Они переглянулись с улыбкой.

— Видите, — сказал Кецалькоатль одобрительно. — Это совсем не трудно. Теперь вы друзья. Оставайтесь друзьями.

Он повернулся и пошел к своему летающему блюдцу. В гладком корпусе плавно открылась дверь. Кецалькоатль обернулся.

---

[24] Примечания: 24
Здесь: Покончим на этом *(исп.).*

— Помните, я буду наблюдать за вами.

— Еще бы, — откликнулся Фернандес. — Adios, señor[25].

— Vaya con Dios[26], — добавил Мигель.

Дверь закрылась за Кецалькоатлем, как будто ее и не было; летающее блюдце плавно поднялось в воздух и мгновение спустя исчезло, блеснув как молния.

— Так я и думал, — сказал Мигель, — полетел в направлении los Estados Unidos.

Фернандес пожал плечами:

— Ведь был момент, когда я думал, что он скажет что-нибудь толковое. Он прямо напичкан всякой мудростью — это уж точно. Да, нелегкая штука жизнь.

— О, ему-то легко, — сказал Мигель. — Он не живет в Соноре. А мы живем. Моей семье еще повезло, у нас есть колодец. А тем, у кого нет, приходится тяжело.

— Жалкий колодец, — сказал Фернандес. — Но как он ни плох, он мой.

Разговаривая, он скручивал сигареты. Одну отдал Мигелю, другую закурил сам. Молча поку-

---

[25] Примечания: 25
Прощайте, сеньор *(исп.)*.

[26] Примечания: 26
С Богом *(исп.)*.

рили и молча разошлись. Мигель вернулся на холм к своему бурдюку. Он отпил большой глоток, крякнул от удовольствия и огляделся вокруг. Его нож, мачете и ружье были разбросаны по земле неподалеку. Он подобрал их и проверил, заряжено ли ружье. Потом осторожно выглянул из своего укрытия. Пуля врезалась в камень у самого его лица. Он тоже выстрелил.

После этого наступило молчание. Мигель отпил еще глоток вина. Взгляд его упал на сорокопута: из клюва птицы торчал хвостик ящерицы. Возможно, тот самый сорокопут доедал ту же ящерицу.

Мигель тихонько окликнул его:

— Señor Птица! Нехорошо уничтожать ящериц. Очень нехорошо.

Сорокопут поглядел на него бисерным глазом и запрыгал прочь. Мигель поднял ружье.

— Перестаньте есть ящериц, señor Птица, или я убью вас.

Сорокопут бежал через линию прицела.

— Неужели вам непонятно? — ласково спросил Мигель. — Это же так просто.

Сорокопут остановился. Хвост ящерицы окончательно скрылся в его клюве.

— Вот то-то и оно, — сказал Мигель. — Как бы

мне узнать, может ли сорокопут не есть ящериц и остаться в живых? Если узнаю — сообщу вам, amigo[27]. А пока идите с миром.

Он повернулся и снова направил ружье на ту сторону поляны.

[27] Примечания: 27
Друг *(исп.).*

Обряд перехода

Фрейтер Стивен Рэбб отчаянно делал вид, что не боится. Он сидел напротив меня, хмурый мужчина с черными бровями, и пытался не обращать внимания на разнообразные предметы культа, собранные у меня в кабинете. Впустую: тотем Орла в нише над моей головой упорно притягивал его взгляд. А всякий раз, взглянув на него, Рэбб содрогался. На что и было рассчитано. Я притворялся, будто роюсь в бумагах на столе.

Наконец посетитель набрался смелости:

— Вы — мистер Коул?

— Это так, — любезно ответил я и стал ждать продолжения.

Мне стоило труда не улыбаться, не показывать, как я рад его появлению. Я ведь уже довольно давно ждал прихода фрейтера Рэбба. Или любого другого человека с похожими намерениями.

— Черный президент?

— Черный президент «Корпорации коммуникаций», тотем Орла.

— Я хочу… — Он покосился на тотем. — Ну, вы знаете, чего я хочу.

— Да.

Я любовно поглаживал документы. Я вполне мог бы добавить: «Я и сам хочу того же самого, фрейтер Рэбб. И гораздо сильнее вас, чтоб вы знали». Но вслух я, конечно, этого не сказал.

— Все значится в вашем заявлении, Рэбб. Я знаю, что вам нужно. Но вы этого не получите — за такую-то цену.

— Шесть лет службы? — Он выглядел потрясенным. — И этого мало? Шесть лет жить почти без средств к существованию, чуть ли не задаром работать на корпорацию — и этого мало, чтобы избавиться от Джейка Халиайи?

— Кража души стоит дорого, — торжественно провозгласил я. — А стоимость ваших услуг зависит от того, насколько хорошо вы владеете ремеслом. Вы значитесь пятьдесят седьмым в своей сфере. Что за сфера? Электротехника? По моим данным, сейчас у нас переизбыток электротехников. Да вам придется лет двадцать работать на нас, не получая ни гроша, чтобы только покрыть наши убытки. Если для вас это так много значит…

Рэбб выпалил в негодовании:

— Да я сам мог бы убить его намного дешевле!

— Разумеется, могли бы. И что потом? Один из

его фрейтеров обратится к Черному президенту своего клана, чтобы тот наложил на вас заклятие. Возможно, это будет болезнь или несчастный случай. С этим мы бы справились. Но они могут пойти и на кражу души. Думаю, это они и сделают. Вы готовы умереть так быстро?

Рэбб упрямо надул губы и снова взглянул на орла в маленькой позолоченной нише. Он колебался.

— А чем вам-то насолил этот Халиайа? — спросил я и тут же прикусил язык: ударением на слове «вам» я невольно выдал себя.

Я отлично знал, что этот мерзавец сделал *мне*. Но он спал спокойно — знал, что мне до него не добраться. Черные президенты, вступая в должность, обязаны отбросить личные обиды. Или по крайней мере держать себя в руках.

— Он лишил меня наследства, которое по праву было моим. Это мой кузен. — Рэбб дважды стукнул себя кулаком по колену. — Двадцать лет рабства, чтобы избавиться от такого ничтожества. Это несправедливо…

— Вы всегда можете обратиться в суд, — предложил я, и мы рассмеялись.

Чтобы оплатить все взятки в суде, не хватило бы и ста лет службы. В наше время суды уже не

имеют ничего общего со справедливостью. Раз нет зарплат, чиновники живут на взятки. Теперь суды не более чем атавизм, вроде обычая решать спор поединком, и когда-нибудь они изживут себя. Сейчас общественный контроль основан на корпоративной магии, а каждая корпорация состоит из людей, подобранных по способностям, образованию и интересам. Рэбб был гораздо больше похож на меня, своего фрейтера в «Корпорации коммуникаций», чем на собственного родственника Халиайю, этого красивого загорелого здоровяка, наполовину полинезийца, который наивно считал, что может выйти сухим из воды после… нет, конечно, не убийства. Но украсть чужую жену — это еще хуже.

Рэбб никак не мог решиться.

— Двадцать лет — слишком долго. Я не могу пожертвовать ими, даже чтобы расквитаться с Джейком. Шесть лет — это предел. Что вы можете предложить за такую плату?

— Болезнь или ранение. Если брать душевный аспект, могу сделать его очень несчастным. Конечно, никаких гарантий. Все зависит от силы Белого президента его клана. Если Белый президент достаточно могуществен, он может помочь любой беде, кроме кражи души.

— Я слышал, что о вас говорят, мистер Коул, — сказал Рэбб. — Вы один из лучших. Я знаю, что вы сделаете все возможное. И это будет стоить мне шести лет.

— Не больше?

Он медленно покачал головой.

— Хорошо, Рэбб. Тогда подпишитесь здесь… — я подтолкнул к нему контракт и ручку, — …и здесь, это ваша страховка. Мы не можем себе позволить, чтобы вы умерли до истечения срока службы.

Он два раза нацарапал свое имя.

— Все, — заявил я.

— Но как я?..

— Вас будут держать в курсе всех событий. Свидетельства очевидцев будут присылаться вам еженедельно по почте. Это входит в пакет услуг. Все в порядке, Рэбб? До свидания.

Рэбб неуклюже, бочком двинулся к выходу, боясь повернуться спиной к орлу, на могучих священных крыльях которого парила над миром «Корпорация коммуникаций» — теоретически, разумеется. Я не глядя собрал его бумаги и засунул их через щелку в стол. Оттуда они автоматически направятся в администрацию.

Не сдержавшись, я пробормотал:

— Ну и дурак!

Но я не мог просто так передать документы. Я еще не решил. С одной стороны, могут объявиться и более богатые враги Джейка Халиайи. Но все же Рэбб был синицей в руках. Целых полгода я не мог решиться. Конечно, враги у Халиайи появлялись как грибы. Но кража души стоит дорого. Оставалось лишь ждать, чтобы Халиайа перешел дорогу спецу такого высокого полета, что тому понадобится отработать всего лишь год-другой, чтобы оплатить месть. В идеале рано или поздно появится кто-нибудь, кто захочет того же, что и я, — смерти Халиайи. Но надежды на это мало. Придется подделать документы, чтобы заполучить такого заказчика. Заявление Рэбба отлично подходило, однако риск был слишком велик. Он всегда велик, если вмешиваться в корпоративную магию.

Я б с удовольствием заплатил за Рэбба из своего кармана, если бы решился. Был ли я к этому готов? Месяц за месяцем я уговаривал себя, что ничего мне не грозит. Я знал, как действует эта так называемая магия. Я знал правду. Магия не причинит тебе вреда, раз ее не существует. Или, точнее, если ты в нее не веришь. Разумеется, моя магия отлично работает. Но не потому, что она — реальная сила.

Хотя, конечно, сорок лет практики дают о себе знать. Слыхано ли, чтобы Черный президент использовал власть в эгоистичных целях? Готов поспорить, что такое случалось, но виновники были достаточно умны, чтобы замести следы. В худшем случае я мог лишиться работы (а ведь я потратил пятнадцать лет на обучение), престижа (обладать которым, вообще-то, весьма неплохо) и зарплаты (одной из самых больших в корпорации). Разумеется, в худшем с моей просвещенной точки зрения. Для прочих нет ничего хуже, чем кража души, но я уж точно смогу с ней справиться. А когда они поймут, что их чары меня не берут, — то что дальше? Президент — белый ли, черный — неуязвим для магии, пока находится под защитой своего тотема. То есть пока он не нарушает каких-либо основополагающих запретов, особенно публично. Предположим, я нарушу такое табу и об этом станет известно. Тогда можно украсть мою душу. И все будут ждать, что я не стану сопротивляться и умру. А если я не умру в положенный срок? Попытаются ли меня убить более приземленными способами — застрелить или отравить? По-моему, это целиком зависит от степени суеверия моих потенциальных палачей. Если они настроены достаточно скептично, то

не будут полагаться только на магию. Тем более когда увидят, что ее недостаточно. Но если они не настолько скептичны, то просто решат, что моя магия сильнее их. А значит, мой престиж и власть достигнут небывалых высот.

Неужели только я из всех президентов не ослеплен суеверной боязнью магии?

Ну ладно, есть один быстрый способ это узнать. Я положил стопку бумаг Рэбба на стол и нажал на кнопку, блокирующую дверь в мой кабинет. Мне не хотелось, чтобы чей-нибудь любопытный взгляд увидел их до того, как я окончательно решусь. Я щелкнул по рычагу селектора и сказал секретарю:

— Ян, я буду в офисе Торнвальда. Не беспокойте нас без необходимости.

Наши с Торнвальдом двери открывались на застекленную галерею, мостом связывающую башни. Мне всегда нравился этот путь. Главное управление корпорации занимает две квадратные мили. Над прочими его постройками гордо возвышаются наши башни-близнецы. Официально я и Карл Торнвальд, Белый президент, возглавляем корпорацию. Проходя по мосту, всегда слышишь тонкое завывание ветра в металлических конструкциях. А изредка пролетающая

птица бросит на тебя сквозь стекло удивленный взгляд. Раньше мне было интересно, как мы выпутаемся, если вдруг мимо будет пролетать орел и врежется в наш мост. Наверное, никто и не заметит. Просто диву даешься способности людей закрывать глаза на неудачи их божества.

Проход по мосту напоминает полет. Ты просто идешь в голубом небе, а далеко внизу на целую милю вокруг простираются крыши, окаймленные зелеными полями. На какой-то миг я вспомнил иллюзию полета во время отправления ритуала Орла.

Индикатор на двери показывал, что Торнвальд один. Я постучал и вошел к нему в кабинет. Его стол был похож на мой, такой же тотем Орла висел на стене, только вся комната была яркой и радостной, не то что мой кабинет со всеми атрибутами черной магии.

Карл — полный мужчина с круглым лицом, которому он при необходимости придает выражение внушительной торжественности. Сейчас, увидев открывающуюся дверь, он машинально надел эту маску, но тут же пожал плечами и улыбнулся.

— Привет, Ллойд. Что такое?

— Перерыв на кофе.

Он покачал головой поверх своих бумаг, положил их на стол, снова пожал плечами и нажал на кнопку. Из стола тут же выскочили два стаканчика кофе.

— Это правильно, — одобрил Карл и принялся стаскивать крышечку зубами — меня всегда раздражала эта негигиеничность. — Я тут ломаю голову над одной проблемой. Главный гидроакустик. Он действительно необходим клану.

Я открыл кофе одной рукой, а другой потянулся за его бумагой.

— Кто-то из «Корпорации пропитания» наслал на него заклятие, да?

— Точно. И знаешь… Это Мамм. Он умен и становится все умнее.

Я знал его. Мамм был новым Черным президентом «Корпорации пропитания». Он был молод, обладал недюжинным умом и намеревался в скорейшие сроки обрести репутацию.

— Никак не могу определить, что же с ним такое, — грустно произнес Торнвальд. — Я думал, что в организм проникло постороннее тело, но флюороскоп этого не подтвердил. А парень-то думает, что умирает.

— Заклятие пневмонии?

— Вероятно, но…

— При воспалении легких любой почувствует себя несчастным. А ты не думал, что твой пациент страдает не от магии, а от бактерий?

Торнвальд непонимающе заморгал.

— Э-э-э, минутку, Ллойд. Конечно, от бактерий. Естественно, при заклятии-то пневмонии. Но кто насылает бактерии? Кто закладывает в них столько магии, чтобы они поглощали ману моего пациента? Говорю тебе, Мамм может сделать бактерии более опасными, чем любой Черный президент на моей памяти. Я использовал пять разных благословений на ауреомицине, но так и не смог одолеть магию Мамма.

— Может, твой пациент — маловер.

— Что ты, Ллойд. — Он опять нацепил серьезное выражение.

— Брось, Карл. Ты же знаешь, скептики порой встречаются.

— Да, наверное. Бедняги. Я рад, что никогда их не видел. Иногда я пытаюсь представить, как бы я выкручивался, если б встретился с неверующим…

Я тоже никогда не встречал таких людей (сам я не в счет), но одарил коллегу сведущей улыбкой и произнес:

— А я знаю одного. Он тоже умен. У некоторых

скептиков есть своя сила, Карл. Ты никогда не думал, что скептик может излечить человека, даже если твоя магия бессильна?

Он был поражен. Его розовое лицо побледнело.

— Остерегись, Ллойд. Это почти богохульство.

— Я просто говорю то, что есть.

— Если ты видел маловера, сам знаешь, что в таких случаях надлежит делать, — чопорно заявил он. — Что до спасения пациента ценой его души, я лучше позволю ему умереть в благодати. Так же, как и ты, Ллойд.

— Даже если речь идет о ценном сотруднике? Которого корпорация не может лишиться?

— Именно так, Ллойд.

— Даже если Мамм победит и наша репутация пошатнется?

— Ллойд, когда ты в таком настроении, ты ставишь меня в тупик. — Торнвальд посмотрел на тотем Орла, и губы его шевельнулись.

Я вздохнул и поднялся, допивая кофе.

— Брось, Карл. Я пошутил.

— Надеюсь, — сухо ответил он. — Я-то тебя понимаю, но другие могут и не понять. Если ты и вправду знаком с убежденным скептиком, то обязан доложить о нем. Ради его же блага.

— Я же сказал, что пошутил. Прости, Карл. У

меня тоже сейчас не все ладится.

— Какие-то проблемы? Я могу помочь?

Я наблюдал за ним. Торнвальд и правда побледнел при мысли о богохульстве. Похоже, он не притворялся — так притворяться невозможно. Я глубоко вздохнул и бросился головой в омут:

— Да ничего такого. Сегодня я получил заказ на кражу души, неприятная работа, только и всего.

Карл наградил меня одним из своих пронзительных взглядов — и показал, что действительно по праву занимает должность Белого президента, хоть я порой и склонен был его недооценивать.

— Халиайа? — спросил он.

Меня аж передернуло. Он просто невероятно догадлив. Но я уже не мог отступить, ведь другого шанса может не представиться еще много месяцев.

— Именно. Халиайа.

Некоторое время Торнвальд изучал свои руки, потом снова поднял глаза. Его тонкие губы были плотно сжаты.

— Я понимаю, каково тебе, Ллойд. Пойдут пересуды. Но тебе придется пройти через это. Ты знаешь свой долг. А так как мы с тобой знаем правду, то сплетни для нас не имеют никакого значения.

Я, Черный президент, ответил ему, Белому, решительным взглядом: мир может лететь в тартарары, но долг должен быть исполнен.

— Ты прав, Карл. Абсолютно прав.

— Я знаю. А теперь успокойся и передавай документы с чистой совестью. Быть президентом не всегда легко.

Я подумал: «Нет ничего легче, Карл», но вслух сказал:

— Хорошо, раз ты мне советуешь, так и сделаю. Вот прямо сейчас и передам.

Я вернулся по мосту, чувствуя возбуждение и легкий испуг. Я подправил заявление Рэбба, занес Джейка Халиайю над щелью, отпустил и проследил, как он полетел по черной пустоте в бесконечность.

Затем я повернулся и посмотрел на тотем Орла. Просто чучело. И все.

Больше не было нужды хранить тайну. Я сел и позвонил во Флориду. Сообщение «Корпорации коммуникаций» перелетело через весь континент на крыльях чучела орла, и на экране высветилось лицо женщины. Она казалась красивее, чем когда-либо. Ее взгляд пока рассеянно блуждал: наверное, я еще не проявился на экране. Или в ее жизни, если подойти с другой стороны.

Механический голос произнес:

— Мистер Коул? Майами на связи. Миссис Коул у аппарата.

Взгляд жены прояснился. Мы смотрели друг на друга через многие мили и огромную эмоциональную пропасть, которая никогда больше не исчезнет.

— Здравствуй, Лайла.

— Что тебе нужно?

— Две вещи. Во-первых, хотел тебя поздравить. Если не ошибаюсь, на этой неделе развод будет окончательно оформлен.

Она не отвечала.

Я улыбнулся:

— Ах, да. Вот еще что. Халиайа умрет.

Следующим пунктом были ритуальные видения. Конечно, абсолютно ненужные галлюцинации — всего лишь наркотические сны, обычно принимающие ожидаемую форму. Торнвальд отправляет такие же ритуалы, работая с белой магией, и искренне верит, что Орел приходит и говорит с ним. Я не так наивен, но тоже не уклоняюсь от общепринятой процедуры. Если я вдруг пренебрегаю этой традицией, мне становится не по себе. Наверно, виной тому опасение, что, позволив себе один шаг в сторону, я могу рассла-

биться и отступить от традиций в чем-то более значимом, а это непременно будет замечено.

Но на сей раз я решил пропустить ритуал. Теперь, когда я нарушил главное табу нашего офиса, в ритуале не было никакого смысла — он не мог укрепить мою веру. Однако потом я обнаружил, что не способен сосредоточиться на работе. Привычка оказалась сильнее. Я все время ошибался, путал кнопки и в конце концов так разозлился, что все бросил и вернулся к привычному фетишизму. Войдя в комнату для ритуала, я неожиданно ощутил облегчение. Воскурил нужные травы, сделал укол священного наркотика и пробормотал традиционную молитву Орлу. И увидел все ту же галлюцинацию, которую уже успел выучить наизусть.

Я спал. Орел перенес меня на Майами. Я обнаружил Халиайю в казино, играющим в кости. Он был крепким, загорелым и красивым. Я знал, что с годами, как и большинство полинезийцев, он ужасно разжиреет. Я избавлю Лайлу от этого зрелища. Джейку не придется страдать от ожирения. Однако они не испытают ко мне благодарности.

Я оглушил Халиайю священным копьем и оттащил в тень. Острием копья я начертал круг у него на лбу. Затем пронзил сердце Джейка и окропил

тремя каплями крови тотем Орла, который я нес с собой. Я прикоснулся Орлом к жертве, и рана затянулась. После этого описал тотемом несколько быстрых кругов вокруг головы Джейка. Он открыл глаза и увидел меня.

— Ты проживешь две недели, — сказал я. — День ты будешь здоров. Потом заболеешь. На четырнадцатый день ты умрешь. Тотем Орла поглотит твою душу.

И сон закончился.

На самом деле все было намного более приземленно. Документы по делу Халиайи, переданные в администрацию, прошли по разным кабинетам, получили необходимые печати. Потом их распределили, назначили ответственного и отправили обратно ко мне. Большую часть работы с черной магией выполняли мои помощники, но почетная обязанность кражи души выпадает Черному президенту.

Так что я изучил досье на Халиайю, собранное несколько месяцев назад нашими шпионами в его корпорации. Он был важной персоной в «Корпорации пропитания», а на таких людей мы на всякий случай заводим досье. Я должен был выбрать нужный момент, чтобы наслать заклятие, которое убьет Джейка прямо в его доме.

В обычной магии — во всех этих банальных чарах неудачи, болезни или несчастного случая — нет ничего сложного. Как правило, ими можно управлять на духовном уровне, но это необязательно. Часто человеку нужен просто толчок. Предположим, ты решил заразить его бактерией. Все, что надо, — это отправить своих людей в ресторан, чтобы они подбросили что-нибудь не слишком ядовитое в его тарелку. Но ты хочешь, чтобы он об этом узнал. И, показывая, что антибиотики тут не помогут, ты накладываешь на вирус какое-нибудь заклятие — так, чтобы слышали все. Если жертва знает о чарах, магия наверняка сработает. Человек боится, и этот страх помогает болезни. А если болезнь не развилась или антибиотики и прочие лекарства спасли больного, все, конечно, начинают твердить, что белая магия победила черную — стараниями Белого президента клана.

Но сначала надо тщательно изучить жертву, ее биоритмы и психологический портрет, прочитать доклады опытных наблюдателей, незаметно работающих у нее в офисе или дома. (Не сомневаюсь, за мной тоже постоянно наблюдают, а результаты заносят в мое досье для других Черных президентов. Ничего не попишешь. На этом

зиждется весь общественный строй.)

Так вот, ты изучаешь биоритмы жертвы, ее эмоциональные циклы и находишь самое подходящее время, чтобы объявить о своем заклятии. Это должен быть день, когда бедняге и так плохо, — когда он печалится, или приболел, или чем-то замучен. Ты просто усиливаешь стресс, делаешь так, чтобы о чарах наверняка прознали и объект, и его коллеги, — и вот он уже помимо воли готов помогать твоей магии.

Но в случае с магией высокого уровня, с кражей души, надо быть осторожнее. Сколько смертей было объявлено кражей души, когда это был простой аппендицит, или тромбоз, или какая-то неизлечимая болезнь. Белый президент из клана жертвы не хочет признавать бессилие своей магии. Вот он и заявляет, что противник наслал на жертву заклятие кражи души. От такого нет спасения.

На самом деле очень мало Черных президентов занимаются кражей душ. Потому что слишком мало людей способны оплатить такие услуги. Но раз большинство смертей объявляется результатом кражи души, люди и думают, что, если у тебя украли душу, ты непременно умрешь. Конечно, подобные утверждения лишены всякой логики,

но им верят. Ты заявляешь: «Если он умер, значит у него украли душу», а из этого естественным образом следует: если украли душу, то человек умрет. Вот и вся магия.

Итак, я тщательно изучил биоритмы Халиайи. Я хотел все проверить. У каждого есть циклы тревожности и депрессии. Зачастую достаточно вычислить подходящий момент, чтобы выбить жертву из колеи одним толчком. Все, что ты делаешь, — это играешь на его подавленных стрессах, на тайных страхах. Пятнадцать лет я изучал механизмы магии. И теперь я тщательно выбрал момент…

По всем программам пролетело экстренное сообщение. Все померкло по сравнению с объявлением о краже души Джейкоба Халиайи из «Корпорации пропитания». Это значило, что одной ногой он уже в могиле.

Интереснее всего было представлять его реакцию. Он так долго гадал, что же я сделаю. Не важно, насколько уверенно он себя чувствовал, я-то оставался Черным президентом. Разумеется, он волновался. Все графики говорили о его крайней внушаемости. Мне не пришлось дожидаться болезни или травмы. Я просто назначил дату и ударил.

А потом запер кабинет и отправился в короткий отпуск. В какой-то степени это был трусливый поступок, подпортивший мою репутацию. Мамм, юный Черный президент «Корпорации пропитания», теперь будет думать, что я его боюсь. Не сомневаюсь, если бы он мог, то нанес бы ответный удар. Меня это не слишком волновало, хотя и было бы интересно посмотреть, что же он придумает.

На самом деле у меня существовало целых две причины для отпуска. Во-первых, я должен был увидеть собственными глазами, как Джейк Халиайа умрет. Я хотел провести две чудесные недели как можно ближе к нему, смотреть, как чары берут власть над ним, как от него отворачиваются, как он копошится в вакууме, который постепенно, по мере приближения дня смерти, сгущается во тьму забвения. Какую бы цену мне потом ни пришлось заплатить за нарушение самого страшного табу Черных президентов — оно того стоило.

А еще одной — незначительной — причиной был фрейтор Рэбб. Самое слабое звено в моем замысле. И я практически никак не мог замести следы. Следовало взглянуть правде в глаза: я подделал документы, лишил корпорацию четыр-

надцатилетней прибыли и нарушил собственные священные клятвы — и все это для того, чтобы из мести погубить личного врага. Тем не менее я сделал все возможное, чтобы скрыть преступление.

А именно: написал Рэббу письмо, в котором сообщалось, что Черный президент был вызван в длительную командировку до одобрения его заявления о краже души. И в мое отсутствие заявлением занимается мой помощник. Пожалуйста, пусть Рэбб сообщит компании, если в его дело закралась ошибка. Если же все в порядке, кража души Джейкоба Халиайи будет выполнена согласно расписанию и Рэббу будут поступать доклады очевидцев о ходе дела.

Я точно знал, что Рэбб не сообщит корпорации об ошибке. Я скрупулезно изучал его биоритмы и личностные черты, прежде чем сделать свой ход. Рэбба действительно обманом лишили наследства, правда, сейчас этим никого не удивишь. Удивительной была как раз его реакция. Он хотел мести, потому что его ударили в самое чувствительное место. Его графики четко указывали: *доминантная черта — патологическая жажда наживы*. Говоря простым языком, Рэббу настолько нравилось получать что-либо даром, что он не упустит такого шанса. Человек ведет себя соглас-

но своей природе. Рэбб ничего не скажет.

Мой план был обречен на успех.

Флоридская «Корпорация пропитания» блестела на солнце. Благодаря резервуарам с солнечной водой крыши были само сияние. Город расположился по всему Мексиканскому заливу на островах и плавучих платформах. Движущиеся дороги, заставленные автомобилями, катились по воде. Голубые блики, отражаясь от воды в каналах, плясали на поверхности, которая казалась земной твердью. Я поймал такси и поехал в корпорацию. Я совершенно не скрывался. И Мамм, и Халиайа отлично знали, кто наслал заклятие, отрезавшее Джейка от всего мира. Узнав о моем присутствии, Мамм поймет, что я не боюсь. А если кому-то взбредет в голову спросить, что я здесь делаю… В этом же нет ничего необычного. Черный президент не может отомстить своему недоброжелателю, но не существует законов, которые запрещали бы ему наслаждаться падением врага, сраженного по чьему-то приказу. Я оставил такси перед входом в здание, где находился кабинет Халиайи, и поднялся на этаж, который Джейк вскоре должен был покинуть навсегда. Я не пошел к нему в кабинет. В этом не было нужды. Я просто сел на подоконник, закурил и

минут десять смотрел на дверь, на которой уже не было таблички с его именем. Я думал о том, что же могло случиться.

Где он был, когда услышал новости? Как он узнал о них? Смотрел ли телевизор, когда на экране возникло его широкое смуглое лицо и ведущий объявил о скорой смерти Джейка Халиайи? Была ли тогда с ним Лайла? И бросила ли она его, как остальные, в испуге и трепете перед магией, зная, что с этого момента Халиайа мертвец?

Это давно вошло в традицию — предавать остракизму живого покойника. Бедняга перестает быть членом общества. Жертва оказывается совершенно одна. Нити общественных связей опадают с приговоренного, и с этой минуты он уходит из мира живых.

Наверняка Джейк первым делом ринулся в кабинет, сюда, в это здание, к этой двери, чтобы просить о помощи своих союзников из корпорации. Почему-то вначале никто не верит, что это может произойти с ним. И всегда ждет помощи от друзей…

Итак, он прибежал сюда, и что же он увидел? Чужое имя на двери, другого человека за своим столом. Люди в испуге и смущении прячут глаза,

отворачиваются от него, как от зачумленного.

Это первый этап. Общество признает человека мертвым. Он может двигаться, говорить, приставать с истеричными просьбами, но все знают, что он уже не жилец.

На втором этапе общество, подобно волне, вновь подхватывает жертву — на этот раз с вполне определенной целью. Этот человек мертв — он еще дышит, но уже не живет, значит, его надо удалить, отправить в потусторонний мир его тотема, где ему отныне и место. Живой мертвец неприкосновенен, но опасен. Поэтому второй этап — это обряд оплакивания. Это похороны, которые препровождают жертву в потусторонний мир. Несчастный присутствует на своих похоронах, находясь на почетном месте, в гробу. Теперь он уже не сопротивляется, он делает все, чтобы помочь обществу совершить необходимый обряд. Никогда не видел, чтобы было иначе. Необъятную принуждающую мощь ритуала не побороть. Жертва ей верит и умирает. В финале видно, как личность меняется на глазах. Иногда люди начинают действовать подобно своим тотемам. И все равно умирают — ведь они искренне верят в ритуал.

Потом я поехал на такси к дому Халиайи. Это

оказался роскошный особняк с высокими резными стенами из прозрачной пластмассы с прожилками. Привез ли он сюда Лайлу? Теперь ее наверняка здесь больше нет. Стены и окна темны, а на двери весит большой черный венок. Я заметил возле двери в черных мисках какую-то еду. В доме никого, кроме Халиайи.

Я перешел улицу и встал в тени дверного проема. Прошло немало времени, прежде чем черный венок вздрогнул и дверь открылась. Халиайа выглянул наружу.

Он был по-прежнему высок и крепок, но весь будто бы съежился. Он был по-прежнему смуглым, но сквозь загар пробивалась бледность. Халиайа осмотрелся, не заметив меня, и подхватил поминальную еду. На нем было священное одеяние клана с тотемом Рыбы на груди. Понятно, всю остальную одежду либо продали, либо раздали. На похоронах это облачение заменят белым саваном с изображением тотемного животного.

О да, Халиайа верил. Он позволил надеть на себя священное облачение и до сих пор его не снял. Он не боролся с заклятием. Он сдался под напором внушения.

Я почувствовал глупое облегчение от этого зрелища. От понимания, что это значит. Внезапно

я осознал, зачем на самом деле приехал во Флориду. Я больше не верил ни в свою, ни в чужую магию. А следовательно, не мог быть уверен в вере других. Особенно в вере Джейка Халиайи. Он тоже вполне мог оказаться скептиком, хотя у него никогда не было доступа к запрещенным и забытым микрофильмам, которые подарили мне новые знания.

Ради этого я и приехал. Я хотел убедиться, что Халиайа все еще верит. Нет, он никогда не видел этих микрофильмов, но я думал, что он знает их содержимое так же точно, как если бы он воочию видел их на светящемся экране. Ведь Лайла знала, и Лайла бы ему рассказала…

Потому что я сам рассказал Лайле.

Я открыл ей правду. Рассказал ей, что не существует никакой магии, рассказал, что происходит на самом деле и почему оно так происходит. А потом, освободившись от страха перед магией, она сделала то, чего давно хотела: бросила меня и ушла к Халиайе. Против этого не было законов. Не было даже табу, что гораздо сильнее любого закона. Но раньше такого почти не случалось, почему-то никто не разводился с президентом, с магом. Никто, кто верил в магию.

А ведь это я сам разогнал тьму предрассудков в

голове Лайлы и показал ей истину.

Я сделал это — а теперь я могу все вернуть на круги своя. Могу заставить Лайлу вновь поверить в магию. Мне это было необходимо. Я ей рассказал так много, что она станет опасной, если будет много говорить, долго говорить, говорить со многими людьми. Пойдут сплетни. А если все узнают, что я, Черный президент клана Орла, не верю в корпоративную магию, где я окажусь?

Надо полагать, в могиле.

Ладно, допустим, Лайла меня никогда не любила, хотя раньше я был убежден в обратном. Она вышла за меня против воли отчасти по настоянию родителей, отчасти не решившись отказать Черному президенту. Зато она любила Халиайю.

Когда она увидит смерть любовника — смерть, вызванную магическим путем, — могущественные бессознательные силы в ее мозгу и страшное невидимое давление общества снова увлекут ее во тьму предрассудков, откуда я ее вытащил. Помимо воли она уступит, ведь разум слабее эмоций, а удар будет достаточно силен. Если бы я направил магию на Лайлу, то наверняка бы потерпел поражение. Но Халиайа был ее уязвимым местом, вот я по нему и ударил. А сейчас он уже следует навязанному ритуалу, который

завершится обрядом ухода и смертью.

О да, Лайла снова поверит в магию. И вернется ко мне…

По улице, стоя на движущейся ленте тротуара, медленно проехал человек. Халиайа закричал:

— Эд! Эд! — и отчаянно замахал рукой.

Когда же он повернул голову, я увидел на загорелом лбу красный круг — метка моего священного копья из галлюцинации. Клановые гробовщики ставят это нестираемое клеймо одновременно со сменой одежды.

Человек на дорожке слегка дернулся, услышав зов, но не обернулся. Я увидел, как Халиайа рванулся вперед, будто хотел выбежать из дому и выбить, вытрясти из своего знакомого ответ. Он почти решился… Почти. Вот он спустился на ступеньку ниже… И тут что-то его остановило. Он замер, попятился, снова открыл рот, но не издал ни звука.

Я обвел взглядом улицу. Далеко в Мексиканском заливе виднелась рыболовецкая флотилия. Над ней висел вертолет, загоняющий косяки рыб в сети. В голове мелькнула странная мысль: когда-то в примитивных сообществах тотемные животные были табу — так я вывел из исследований в библиотеке микрофильмов. Но сейчас мы

едим наши тотемы. Возможно, вся наша жизнь — сплошной ритуал. Не только тотемы, но и вся жизнь…

Я понял, что стараюсь не смотреть на Халиайю, и заставил себя вернуться к наблюдению. Он больше не показывался на улице, но черные миски с едой исчезли.

Должно быть, до смерти Халиайи пройдет дней десять. Я собирался продолжать слежку. Тем паче я был рад отпуску — первому за пять лет. Отчасти он действительно был мне необходим, а отчасти я хотел поменьше встречаться с другими людьми, пока Халиайа не будет окончательно и бесповоротно мертв. У меня было неприятное чувство, что Черный президент Мамм меня ищет. Не то чтобы он мне как-то мог навредить, но я бы предпочел избегать встреч с ним до окончания этой авантюры.

Кроме всего прочего, я нашел время снова заглянуть в архив микрофильмов, где впервые узнал правду о магии и прошлом. Не важно, где он находится. Не важно, как я туда добрался. Я зашел в дверь, спустился на самый нижний этаж и там, в темном углу, обнаружил все ту же запыленную дверь. Никто не входил в нее с тех пор, как я впервые обнаружил тайную комнату. Возможно, я

единственный, кто вообще перешагивал ее порог. Забавно: в библиотеку и так не просто попасть, а вход на нижние этажи закрыт для всех, кроме глав корпораций. Я рассовал по карманам старые киноленты, спокойно прошел в кабинку и запер дверь. И на час с головой погрузился в старые и страшные времена двадцатого века.

Некоторые пленки были книгами по социальной психологии, антропологии, медицине. Другие — газетами восьмидесятых. За зеленоватым наклонным стеклом экрана менялись расплывчатые статьи и картинки, а я нажимал кнопки, проматывая их и наводя фокус. Все-таки было жутковато читать колонки давно забытых новостей, увидевшие свет во время разрушительных войн двадцатого столетия. Сейчас весь уклад той жизни казался невероятным.

Тогда наших предков разделяли не принадлежность к той или иной корпорации, а государственные границы. И войны между тоталитарными режимами и монополиями еще не привели к объединению корпораций и появлению компаний-гигантов, поддерживающих общество на плаву в наши дни. С современной точки зрения образ жизни пращуров кажется немыслимым, но все же в чем-то они были правы.

В те времена только дикие народы и необразованные люди верили в магию. Я прочел это в книгах по антропологии. В принципе это вполне правдоподобно. Так можно проследить рост влияния магии. Вера в чудеса возникает, когда человек не может противостоять миру вокруг. Конечно, если жизнь поддается контролю и так, нет нужды в волшебстве. Но нецивилизованные народы, чья жизнь зависела от милости природы, верили в магические силы, потому что у них не было иного способа противостоять отчаянию. Вместе с тем в магию верили некоторые группы в развитых государствах — те, кому постоянно приходилось иметь дело с непредсказуемыми явлениями. Например, рыбаки, в их противостоянии с морем, верили в удачу и талисманы. Охотники, спортсмены, актеры — все эти люди верили. Все, кто зависел от капризов природы и общества, цеплялись за суеверия в отчаянной попытке убедить себя, что силой удачи или магии они смогут управлять своей жизнью, раз уж их собственных сил не хватает. И потому совершенно логично, что после мировых войн, когда общество было разрушено, человечество ударилось в магию. И официальные магические предприятия стали управлять обществом, которое выкарабкивалось

из пропасти, куда скатилось в результате мировых войн. Только некоторые науки получили возможность развиться заново. Не все. Ни одно учение, способное ослабить веру в магию, нынешние корпорации не поддерживают.

Просто дух захватывает от того, насколько велика может быть вера, если ты с молоком матери впитал убежденность в существовании магии. Даже я верил, пусть и не до конца, во многое, что, как я теперь знал, было обманом. Я выучил всю эту чушь. Я проводил ритуалы. Люди болели и умирали, когда я насылал на них чары. Иногда заболевали люди, о которых я слыхом не слыхивал, но я брал на себя ответственность. А ведь я понимал, что лгу, и задавался вопросом: не обманываю ли я самого себя? Я действовал так, как будто все было правдой, и со временем заразился всеобщей верой в то, что на самом деле творю чудеса.

Но где-то глубоко в моем сердце всегда шевелился мятежный дух сомнения. Поэтому я и был так счастлив, узнав правду. Оказывается, мои сомнения не были ни безумием, ни богохульством. Можно было забыть о долгой внутренней борьбе, когда я пытался заставить себя поверить в невозможное. Я чуть не ополоумел от облегчения, впервые увидев микрофильмы за зеленым

стеклом и прочитав факты, о верности которых подсознательно знал всегда.

В тот день я обрел свободу. Точнее, свободу в рамках дозволенного обществом. Внешне меня все еще связывала неодолимая сила общественной веры, но в собственных мыслях я был волен. Я мог действовать по своему усмотрению, соблюдая, однако, необходимую осторожность. Я мог наслать заклятие, которое прикончит Джейка Халиайю, и никто не в силах был меня остановить, ибо правда даровала мне свободу…

Но в одиночестве свобода не сладка.

Я смотрел на колонки забытых новостей на экране и жаждал жить в те времена, в мире, казавшемся мне гораздо более реальным, чем мой собственный. Я родился в мире заблуждений, в мире беспорядка. Я был скептиком, кривым в царстве слепых. Похоже, только я один видел впереди огромную шатающуюся скалу, что накренилась над нами и вот-вот упадет и погребет нас всех под собой. Люди вокруг были слепцами, творящими никому не нужные чудеса и не видящими реальной опасности.

Да я и сам ее не видел. Хотя, казалось бы, какая угроза может быть более ощутимой, чем падающая скала? Но я, одноглазый калека, видел

лишь тень, чувствовал неуверенность, ощущал смутную и неявную тревогу. Я по-прежнему не знал, где скрыта опасность. Это не Орел — тотемы всего-навсего предрассудки. Магия? Ее попросту не существует. Но что-то откуда-то бросало тень страха — чудовище, которое я всю жизнь пытался разглядеть и поймать. Возможно, именно это и толкнуло меня на поиски запрещенных микрофильмов. Наверное, я надеялся, что в прошлом отыщутся следы монстра и я узнаю его имя.

Однако мне это не удалось. Я узнал правду, превратился в атеиста, понял, почему корпоративная магия лежит в основе моей культуры. В двадцатом веке все тревоги, стрессы и опасности стали множиться и множиться, пока не слились в один большой страх — страх смерти, который вытеснил все остальные чувства. Конечно, существовали и настоящие опасности. Общество могло самоуничтожиться. И ему это почти удалось. И тогда страх смерти вырос настолько, что люди больше не могли смотреть правде в глаза. Люди боялись людей. А общество нуждалось в защите от самого себя. Такой защитой и стала магия. Вернее, вера в магию, своевременно внушенная людям, поддерживающая мир, пока общество не почувствует себя в безопасности — в зловещей

тени какого-то неназванного чудовища.

Какого же?

Я не знал. Я был одинок в стране слепых и потому решил открыть ослепленные предрассудками глаза Лайлы. Я надеялся, что вдвоем нам будет не так одиноко. И вот я открыл ей глаза и потерял ее. Но в конечном счете она снова станет моей — и снова ослепнет. Она вернется ко мне после смерти Халиайи, после того, как могущественные силы ритуала вернут ей слепоту, — не важно, насколько отчаянно будет бороться ее разум. Она уже начинала понимать, что, хотя магии и не существует, я все еще далеко не бессилен.

Она ослепнет. Если это единственный способ вернуть ее — да будет так.

Я сидел и смотрел на мерцающий экран, окно в прошлое. Долгое время я провел перед проектором, думая о Лайле.

На четырнадцатый день я пошел посмотреть на смерть Халиайи. Я уже выходил из своего номера, когда зазвонил видеофон и высветилось лицо, появления которого я ждал уже две недели. Моя рука, протянутая к двери, затряслась. Сердце забилось в груди. Я чувствовал себя школьником, пойманным на месте преступления. Моя первая мысль была — бежать. Но я собрался с духом,

вспомнил, кто я такой и как хорошо я замел следы. Я повернулся к экрану и нажал на кнопку, которая высветит мое изображение перед Маммом из «Корпорации пропитания».

У него было юношеское лицо с резкими чертами, не особо честное и открытое, на котором было написано устрашающее нахальство, каковое возникает из-за самоуверенности молодости, еще не познавшей серьезных поражений. Я его смутно помнил по университету — он только поступал к нам, когда я выпускался. Мамм быстро сфокусировал на мне взгляд, увидев, что мое лицо проявилось на экране.

— Добрый день. Это Мамм. Мы встречались в университете, не так ли, Коул?

— Да, я тебя узнал. Добрый день, Мамм.

Я коснулся угла экрана тремя пальцами, он сделал то же самое одновременно со мной — жест, заменяющий при видеосвязи рукопожатие.

— Я слышал, ты приехал в наш город, — сдержанно произнес Мамм.

— Еще бы ты не слышал, — пробурчал я себе под нос, а вслух спросил: — Чем могу быть полезен?

Мамм смотрел на меня цепким пристальным взглядом.

— Сегодня мы потеряем хорошего человека.

Я не притворялся, что не понял.

— Ты же не думаешь, что я сожалею.

— Разумеется. — Он помолчал. — Простое совпадение. — Его глаза продолжали рассматривать мое лицо. — Очень удобное для тебя.

Я подпустил в голос холода:

— Может, с тех пор как я окончил университет, правила изменились? Раньше считалось недопустимым задавать такие вопросы.

— Я не задаю вопросов. В них нет необходимости. Я лишь говорю, что для тебя очень удобна смерть Халиайи вскоре после твоего… провала. Чистое совпадение, этот твой приезд на похороны… Ты ему родственник, Коул?

Я ответил не сразу — не раньше, чем взял себя в руки, чтобы полностью контролировать свой голос. Меня так и подмывало швырнуть видеофон в лицо этому мальчишке.

— Не совсем, — сказал я, когда ко мне вернулось самообладание. — Я хотел посмотреть на его смерть. Это тебя удивляет?

— Я знаю, что это ты, — сказал Мамм ровным тоном. — Я не спрашиваю. Знаю. Мне просто интересно: у тебя был реальный клиент или ты действовал только для себя?

— За такое я могу подать на тебя в универсаль-

ный суд.

— Ты этого не сделаешь.

— Не знаю. Я поговорю об этом с Торнвальдом. Если ты сомневаешься в моей этике, тебе лучше все обсудить с ним, а не со мной. Неужели ты думаешь, что я бы появился здесь, если бы нарушил табу?

Он слегка скривился:

— Почему бы и нет? Если ты украл душу Халиайи по той причине, что я предполагаю, ты не остановишься ни перед чем. Я переговорю с Торнвальдом.

— Тогда переговори и отстань от меня. — Я глубоко вздохнул. — Ты ведешь себя как маловер, Мамм, так легко нарушая обеты. Мне придется обсудить это с вашим Белым президентом после похорон. С тобой нам не о чем говорить.

Я нажал на выключатель, оборвав его на полуслове. Звук пропал, изображение сжалось в светлую точку и погасло.

Слегка вздрагивая, я резко обернулся, схватил траурное платье и вылетел на улицу. Не важно, что там решил Мамм, ведь я замел все следы. Даже если он ударит меня нелегально, я не боюсь его магии. Но вот если он поговорит с Торнвальдом…

Внезапно меня осенило: какой же я дурак! Необходимо избавиться от Рэбба. Как можно было так долго не понимать очевидного! Если Рэбб замолчит навеки, исчезнет единственная улика против меня. Нельзя больше испытывать судьбу.

Размышляя о подходящих вирусах в нашей лаборатории, я поймал такси и назвал адрес Халиайи. В доме негде было яблоку упасть. Впервые после объявления о заклятии, наложенном на Халиайю, родственники и друзья вернулись к нему. Общество обратилось к живому мертвецу, чтобы проводить его в последний путь и отметить получение его души тотемом клана. Когда я приехал, пели уже второй погребальный гимн. Я натянул поверх повседневной одежды траурное платье и присоединился к толпе, продвигающейся по дому. Вряд ли кто-то узнает меня в лицо, да и не все ли равно.

Я поднялся за остальными на лифте в спальню, где Халиайа лежал на черных простынях. Тотем Рыбы был поставлен на виду у обреченного. Полузакрытые глаза Халиайи смотрели на чучело рыбы на золотой подставке. Веки медленно опускались и поднимались, словно умирающий видел перед собой вечность. Может, это на самом деле было так. Вера может заставить даже могу-

чий разум видеть что угодно.

У стены на надувных подушках стояли на коленях его родственники, принадлежащие к тому же клану, и пели песнь смерти. Лайлы не было видно, но две другие жены Халиайи присутствовали. Мне раньше не приходило в голову, как часто он женился и разводился. Интересно, как относилась Лайла к тому, что она уже третья.

Вокруг кровати ходил человек, сжимавший в руках зеленую пластмассовую фигурку рыбы. Я знал, что это отец Халиайи, его ближайший родственник. Он пел глубоким мягким голосом.

На кровати лежал Халиайа, завернутый в белый саван с тотемом Рыбы. Его полузакрытые глаза были тусклы. Я подумал, что он не видит ничего, кроме чучела над кроватью. Губы его то сжимались, то разжимались. Руки были прижаты к бокам. Он лежал, сам похожий на тотем своего клана, прямой и неподвижный. Вдруг его тело выгнулось в конвульсивную дугу, и тут же он упал обратно. Три раза он выгибался и оседал.

Песнь звучала все громче, все торжественней.

Вот Халиайа дернулся в четвертый раз. Он подражал своему тотему. Потом замер. Но ступни его медленно шевелились, как будто он двигался сквозь воду…

Неудачи настигли меня два месяца спустя. В этом не было ничего магического. Так со всеми бывает — просто началась полоса невезения.

Я пристально следил за Маммом и собственной безопасностью. И за моим Белым президентом — на случай, если Мамм все же выдвинет против меня обвинения. Ничего такого не случилось. Торнвальд держался совершенно обычно. Я попытался поставить себя на место Мамма, но не смог предугадать его действия. На что же он способен? Допустим, подбросит пару вирусов: вдруг да поможет. Я тщательно проверил свое самочувствие. Он мог даже нанять убийцу или подстроить аварию. За этим я тоже зорко следил. В нашем мире всегда приходится рисковать, ничто не проходит даром. Я убил Халиайю, и это стоило риска.

Как-то раз я позвонил Лайле. Она не захотела со мной говорить. Но это ничего. У меня еще будет время повторить попытку. Пока что со мной поселилась девушка с театральным именем Флейм, Огневушка. Я, конечно, не собирался снова жениться, но должен же кто-то вести хозяйство. Дома работы был непочатый край, кроме того, положение в обществе не позволяло мне оставаться холостяком. Флейм принадлежала к гетерам, то есть могла быть мне женой во всем,

кроме духовных связей, составляющих часть магической системы. Как и у наших предков, у нас была последовательная полигамия, значит, после развода я мог жениться во второй раз. Но на духовном уровне полигамии не существовало. Там развод был невозможен. Так что в мире магии я все еще был женат на Лайле. А она не хотела со мной даже разговаривать… По крайней мере пока.

Через неделю после смерти Халиайи с Рэббом случилось несчастье. Это произошло в больнице: передозировка успокоительного привела к летальному исходу. Клан устроил ему пышные похороны. Кроме этого, поначалу не происходило ничего необычного — если не считать того, что у меня появилось совершенно дурацкое, бессмысленное затруднение, которого я нисколько не ждал. Я мог побороть все сознательное, рациональное и контролируемое. Но проблемы начались с ритуальными видениями.

Попробую объяснить механизм этих видений. Сжигаешь травы, колешь себе так называемый священный наркотик, а потом ритуальная молитва и галлюцинации. Галлюцинации укрепляют веру в себя среднего мага. Но даже лишившись веры, я прибегал к ритуальной показухе. Я чув-

ствовал, что, стоит мне отойти от традиций в малом, и я могу потерять бдительность и начну отличаться слишком сильно, что станет заметным. Так что я был как все. Ко мне приходили, чтобы наслать чары на врагов из других кланов, ставили свою подпись на контракте, и все средства массовой информации разносили вести о могуществе магии. Никаких проблем, пока мне на голову не свалился новый заказ на кражу души.

Мой заказчик был исполнительным директором нашей корпорации, а враг его принадлежал к «Корпорации развлечений», тотему Льва. Уровень мастерства директора был достаточно высок, так что ему пришлось бы провести только девять лет службы на грани нищеты. Я проследил, чтобы он подписал договор, выставил за дверь и поджег травы. Затем сделал укол и произнес молитву тотему Орла. Галлюцинации начались.

Я увидел жертву во сне и только замахнулся на нее священным копьем, как… проснулся. Я находился в кабинете, в горелке дымились травы, а рука ныла от укола. Никогда со времен ученичества не случалось подобного. Я сидел на месте, не в силах прийти в себя от удивления. Удивления и тревоги.

Как бы по-идиотски это ни звучало, в голове засела мысль, что, раз ко мне не приходят ритуальные галлюцинации, я не могу больше смотреть запрещенные микрофильмы. Полный бред, лишенный всякой логики. Но я не мог выбросить эту идею из головы. Чем больше я думал, тем больше росла в душе беспричинная тревога.

Наконец меня осенило, что это либо наркотик оказался слабым, либо травы не подействовали… Нет, только не травы — они всего лишь часть показухи. Какая разница. Я послал их вместе с наркотиком на химический анализ и стал ждать результатов. Помнится, один раз я оглянулся на чучело орла на стене. Оно ответило стеклянным взглядом. Результаты анализа показали, что наркотик и травы были вполне обычными.

Конечно, это не имело значения. Я в любое время мог объявить по телевидению о краже души, и магия подействует независимо от моих галлюцинаций, ведь эта магия рождается в голове самой жертвы, а не в моих ритуальных пассах. Но меня произошедшее настораживало. Это был симптом, вот только какой болезни? В конце концов я решил, что у меня просто выработался иммунитет к наркотику и мне нужна большая доза. Ну, в какой-то степени я оказался прав. Удвоив дозу,

я увидел больше. Но все равно проснулся, так и не окончив ритуала. И на сей раз я очнулся чуть ли не в панике, понимая, что происходит нечто странное и надо что-то делать. Немедленно.

То, что я предпринял, было очень опасно, но волнение затмило мой разум… Тревога все еще сжимала желудок и разливалась по телу… И тогда я еще увеличил дозу и наконец-то довел видение до конца. Проснувшись, я обнаружил над собой двух врачей и Торнвальда, который суетливо расставлял у них за спиной свои глупые фетиши.

— Убирайся к черту, Карл, — заявил я. — Тут нужна медицина, а не магия. Всего лишь передозировка священного наркотика.

— Подожди, Ллойд. — Торнвальд старался напустить на себя внушительный вид — Врачи занимаются своим делом. Не мешай мне заниматься своим.

— Нечего тебе тут делать.

С этими словами я снова упал. Я задыхался, сердце билось так неровно, что я испугался, как бы оно не остановилось вовсе. Один из врачей что-то вколол мне и велел расслабиться. Но, памятуя о Рэббе, я чувствовал невыносимый ужас от погружения в сон помимо воли. Однако проснулся я в гораздо лучшей форме. Торнвальд ушел со

словами, что, хотя он и не поставил окончательный диагноз, похоже, вмешательство магии не зафиксировано.

Мне все еще было паршиво, но я сел за письменный стол и закончил работу, по счастью уже только механическую. Затем я отменил все остальные встречи, отправился домой и попросил Флейм позаботиться о тишине в доме. На следующий день лучше мне не стало. Флейм уговаривала остаться дома, но стоит только признаться, что ты болеешь, тут же расходятся слухи о заклятиях. Нет, я не мог позволить, чтобы люди гадали, отчего же Черный президент чувствует себя так плохо. Так что я пошел на работу, несмотря на раскалывающуюся от боли голову и небольшой жар.

Но до работы я так и не добрался. Только я шагнул на движущуюся дорожку, как рассудок у меня помутился, и я сел мимо сиденья. Если б я не попытался удержаться, все было бы нормально. Но нет, надо было мне выставить руки и приземлиться как раз так, чтобы сломать большой палец. После рентгена и осмотра мне наложили гипс на левую руку. Шевелить пальцами я мог, но все равно приятного мало. К тому же перелом заживет только через месяц. Кипя от злости, я

вернулся домой, забрался в кровать и крикнул Флейм, чтобы принесла выпить. Наконец, напившись в дым, я достиг счастливого забытья. Я нагрузился так, что забыл принять перед сном антипохмельные таблетки.

Так что проснулся я одновременно от холода и похмелья.

Поспав на сквозняке, я тут же подхватил простуду.

Я помню, как надо мной суетились врачи, как на заднем плане мелькала Флейм, и все время Торнвальд, Торнвальд, Торнвальд… Казалось, он постоянно появлялся, чтобы раздражать меня. Торнвальд, притащивший свои идиотские механизмы для определения магии. Торнвальд, уверяющий: «Я сделаю все возможное, Ллойд. Ты же знаешь. Я разобью заклятие, если смогу…»

А потом внезапно нахлынула тишина, я проснулся без температуры, и ничто, кроме гипса на руке и слабости, не напоминало мне о болезни. Тишина.

Я позвонил, но никто не появился. Комната казалась чересчур мрачной. Окна были приоткрыты. Я лежал и гадал, что бы это значило.

Интересно, а у меня хватит сил подняться? Судя по всему, придется. Я сердито отбросил одеяло и

обнаружил, что у меня вполне хватает сил, чтобы встать. В голове моей уже складывались фразы, с которыми я выставлю за дверь десяток слуг, а может, и Флейм… Тут я свесил ноги с кровати и обнаружил на себе голубую тунику. Откуда у меня голубое белье? Это же священный цвет. Я посмотрел себе на грудь…

Мир замер.

На мне была священная голубая туника с вышитым на груди тотемом Орла с расправленными крыльями. Импульсивно я вскинул руку ко лбу. Казалось, я могу нащупать красный кружок, оставшийся после чьего-то ритуального копья в наркотическом сне.

Но чьего же?

— Флейм! — заорал я.

Ни звука.

Я выскочил из кровати. Никакой слабости. Я выбежал из комнаты и спустился по медленному эскалатору, путаясь в голубой тунике. Я продолжал звать Флейм и слуг. Но ответом мне было только эхо. Я распахнул входную дверь — на крыльце стояли черные блюда с едой, к двери был прибит черный венок.

Я сорвал его, увидел на улице людей и принялся звать их. Ни один не посмотрел на меня. Ни один

даже не оглянулся.

Тут я осознал, что на мне надето, быстро заскочил обратно и захлопнул дверь. В прихожей стояло зеркало. Я подошел и посмотрел на себя. Красный кружок на лбу сиял в темной комнате. Я потер его руками. Потом повернулся и побежал к ближайшей ванной. Я тер лоб мылом и щеткой, пока он весь не стал красным, как кружок. Но метка не исчезла. Я знал, что ее ничем не скроешь. Флуоресценция пробьется сквозь любой слой пудры, и ничто на свете не сможет смыть ее.

Но я хотя бы мог снять тунику. Гипс мешал, однако я стянул с себя одежду и бросил ее на кафель. Так, обнаженным, я и отправился осматривать дом.

Он оказался пуст. Все, что напоминало обо мне, пропало. Вся одежда. Сигареты любимого, редкого сорта. Книги. Бумага с моим вензелем — вместо нее лежали пустые листы с черной рамкой. Все шкафы, ящики, полки — все опустело.

Без одежды, чувствуя себя привидением, я направился к видеофону. Отключен. Телевизор тоже не работает. Дом погружен в тишину и предчувствие смерти.

Нужно бежать. Для этого потребуется одежда. Я попытался завернуться в простыню, на манер

этакой тоги. Выглядит абсолютно глупо. Но тунику с тотемом Орла я больше не надену. Ни на людях, ни даже дома.

В доме не было никаких денег.

Я вышел, облаченный в простыню. Никто на меня не смотрел. Красный круг на лбу говорил людям все, что требовалось. Ни одно такси не остановилось, посему пришлось идти на движущуюся дорожку. Возле первого же магазина одежды я остановился, вошел в него и стал снимать все, что понравилось, прямо с полок и вешалок. Никто мне не препятствовал. Я оделся в кабинке и вернулся на движущуюся полосу. Мне стало несколько лучше, но все равно это был самый безумный день в моей жизни.

Я направился прямиком к себе в кабинет. Секретари меня не замечали, даже если я с ними заговаривал. Я решил не терять времени, прошел мимо них и открыл дверь.

За моим столом сидел другой. Над ним, в нише на стене, стоял тотем Орла и взирал на всех стеклянным взглядом.

— Ты кто такой, черт возьми?

— Черный президент. — В его голосе звучала лишь слабая нотка оправдания.

— Убирайся из моего кабинета.

В легкой растерянности он посмотрел на мою одежду.

— Ты не должен носить… — начал он.

Меня охватили гнев и смятение. Я перегнулся через стол, собираясь схватить самозванца за рубашку, вытащить из-за стола и… что-нибудь с ним сделать.

Но он просто отъехал на стуле. Я потерял равновесие и повалился на стол, цепляясь за воздух. Он не проронил ни слова. Он просто смотрел на меня с жалостью и ужасом. Для него я был мертв и должен был оставаться мертвым.

Вся моя ярость испарилась. Я понимал, как глупо выгляжу, лежа на столе, когда имею полное право сидеть за ним и принимать посетителей, которые боялись бы меня и делали вид, что все в порядке.

Я выпрямился, одернул рукава и поправил свою противозаконную одежду. После чего спокойно произнес:

— Черный президент назначается только после смерти предшественника. Вы это знаете. Так как вы можете им быть?

— Вы не живете, — ответил он и добавил: — О священный дух.

— Бросьте! — нетерпеливо отрезал я и чуть

погодя сказал: — Судя по всему, новости прошли, пока я валялся без сознания. Кто украл мою душу? Вы?

Он кивнул.

— Кто заказчик?

— Это ни к чему не приведет, о дух. Лучше поговорите с Белым президентом.

Я медленно выдохнул. Ах так! Когда умирает один президент, второй назначает нового. Когда один президент нарушает табу, второй вершит правосудие. Значит, Торнвальд взял все в свои руки, ни слова не говоря мне, у меня за спиной, пока я болел…

— Я поговорю с ним.

Я направился к двери, ведущей на мост. Взявшись за ручку, я оглянулся. Странно. Ничего не изменилось у меня в кабинете, кроме человека за столом. Все оставалось по-прежнему, все эти безделушки, к которым привыкаешь до такой степени, что они со временем становятся частью тебя. Они до сих пор были частью меня. Но сейчас они еще и были связаны с человеком за моим столом. Как паутина с двумя центрами: то один кажется реальным, то другой.

— Я еще вернусь. — И я зашагал по мосту.

Как всегда, это походило на полет орла над Цен-

тром коммуникаций, распростершимся на две квадратные мили. На той стороне у окна стоял Торнвальд и смотрел вниз. При виде его во мне вскипел гнев, а может быть, и страх.

Я со всей силы хлопнул дверью.

Он подскочил и обернулся.

— Что, похоже на привидение?

Брови Торнвальда поползли наверх, рот распахнулся, и он медленно втянул воздух. Я сообщил ему все, что о нем думаю, четко и громко. Я говорил минуты две. Но когда я остановился перевести дух, выражение его лица не изменилось.

Я прошел к его столу, рывком вытащил стул и уселся. Торнвальд наблюдал.

— А теперь давай обсудим еще кое-что. В моем кабинете сидит некто, кто считает себя Черным президентом. Что такое? Как ты мог допустить подобный промах, Карл? Да еще пока я валялся без сознания!

— Это не ошибка, о дух, — ответил Торнвальд.

— Не называй меня так! Ты знаешь, как меня зовут.

Он грустно смотрел на меня:

— Мне жаль видеть в тебе сопротивление, дух. Это говорит о маловерии, что может быть опасным для твоей души. Боюсь…

— Не беспокойся о моей душе. Я собираюсь еще пожить. Я хочу узнать, почему ты обманул меня, когда я был беззащитным.

— Не было никакого обмана, дух. Я получил приказ Орла. Надеюсь, ты не думаешь, что я все сделал по собственной инициативе? Ты нарушил табу клана, и Орел призвал тебя.

— Орел не призывал меня! — закричал я. — Какое такое табу я нарушил? Назови его. Ну же!

— Я с самого начала знал: что-то не так, — туманно начал Торнвальд. — Все это дело с Халиайей. Но даже когда Мамм выдвинул против тебя официальное обвинение, я не мог поверить. Я не мог представить, как человек, настолько осведомленный об опасностях, может рисковать собственной душой ради личной выгоды.

— Я бы и не стал. Я ничего не совершил!

Торнвальд лишь печально покачал головой.

— С чего ты это взял? — орал я. Меня так и подмывало кулаками научить этого догматика уму-разуму. — Ты смотрел бумаги Рэбба? Ты нашел хоть какое-то доказательство, что я нарушил священное табу? Докажи это, Торнвальд! Докажи!

Он указал мне на лоб. Красный круг горел на моей коже, будто ожог.

— Вот доказательство. Разве обратился бы Орел против тебя, будь ты невиновен?

Все заранее заготовленные слова застряли в горле. Но я взял себя в руки.

— Это результат, а не причина, Карл, — выдавил я. — Орел не шел против меня. Это был ты. Ты поверил злословию со стороны моего врага, а потом ты незаметно подкрался и ударил, когда я был слаб и беззащитен. Ты…

— Я поверил своим глазам, — резко парировал Торнвальд. — Я подозревал, что Орел наказывает тебя после того случая со священным наркотиком. И когда ты сломал палец, это тоже наверняка была его кара. А потом Орел наслал на тебя грипп…

— Ничего Орел не насылал! Наверное, это был Мамм, если вообще…

— Мамм? — Он был поражен. — Чтобы президент намеренно насылал чары на другого президента? Ты меня удивляешь, дух. Он бы не решился. Его тотем сразил бы его. Нет, это был Орел, дух. И я понял, что, если Орел позволил всем этим проклятиям обрушиться на тебя, ты виновен. Я понял это даже до того, как Орел пришел ко мне во сне и отдал приказ.

— Значит, ты назначил нового Черного прези-

дента и первым его заданием было убить меня?

Торнвальд кивнул.

— Карл, ты никогда не совершал ошибок?

— Часто, дух. Но никогда, если речь шла о священных вещах, потому что я лишь подчинялся приказам Орла. Президент должен забыть о личной выгоде. Тебе бы тоже следовало помнить об этом.

— А ты всегда правильно понимал приказы Орла?

Судя по всему, это Торнвальда несколько смутило. Очевидно, прежде он не задумывался об этом. Но он решительно кивнул.

— Конечно. Как могло быть иначе?

— Могло. — Я криво усмехнулся. — Только что. — Я встал и стукнул кулаком по столу. — Хочешь, я объясню тебе, что произошло, Карл? Ты решил избавиться от меня. Это у *тебя* был личный мотив. У тебя, не у меня. Ты знаешь догму, Карл. Мы обвиняем других в том, что сами хотим совершить. Спроси себя, правда ли это? Не отвечай, Карл, просто задай себе этот вопрос. Послушай меня! Ты слышал сплетни обо мне. И ждал своего часа. А когда у меня началась полоса неудач, ты решил, что дело в магии, ведь тебе было удобно так считать. Ты впрыснул наркотик,

или накурился, или загипнотизировал себя, и увидел сон. Простой, а не священный. Но ты принял его за вещий, так как ты этого хотел. В своих эгоистичных целях ты злоупотребил священной властью! И тебе это не сойдет с рук, Торнвальд! Орел заберет тебя!

Его круглое лицо побледнело, он с ужасом смотрел на меня.

— Это не так! Это не может быть правдой!

— Может. Это и есть правда, и я докажу! — Я снова стукнул по столу. Отлично. Теперь он в моей власти. — Магия бессильна надо мной! Греховная магия не может задеть человека, находящегося под защитой Орла. Прошлой ночью Орел пришел ко мне и дал священное обещание. Я не умру, Торнвальд. С тем же успехом можешь прямо сейчас снять свое заклятие кражи души, так как оно бессильно. Я не умру.

Кровь прилила к жирным щекам Торнвальда. Его всего трясло.

— Ты должен умереть. Как только заклятие начинает действовать, ничто не может остановить его. — Его голос дрожал.

Я пожал плечами. Может, он и прав. Я никогда не слышал, чтобы заклятие снималось после объявления.

— Это твои похороны, — заявил я. — Ты проиграешь в любом случае. Потому что я умирать не собираюсь.

Торнвальд закрыл глаза и сцепил пальцы.

— Орел сказал мне… — В его голосе сквозило отчаяние. — Я знаю! Я не совершал греха! Ты сам это увидишь, дух, когда завершится твой путь в страну духов.

— Ты туда попадешь раньше.

Он прикрыл глаза руками и произнес короткий заговор против сглаза тотема. Не отрывая рук, он сказал:

— Возвращайся к себе, дух. Оставь меня. Ты меня очень встревожил, но я знаю, что ты несчастлив. Я должен все стерпеть. Возвращайся, надень священную тунику и подготовься к похоронам. Все прояснится перед тобой, когда ты полетишь с Орлом.

Я рассмеялся ему в лицо и вышел.

На полпути домой, на движущейся полосе, сказались последствия болезни. Из-за слабости и головокружения все поплыло перед глазами… Очнулся я уже в постели, на черных простынях, в темном и пустом доме. На мне была треклятая туника с Орлом на груди. Новая одежда пропала.

Какое-то время я валялся в кровати, размышляя.

Наконец я встал и на нетвердых ногах спустился по эскалатору к входной двери. На пороге стояли черные блюда с едой, на двери снова висел черный венок. Никто не смотрел на меня, пока я стоял на залитом солнцем пороге.

Но прежде чем взять еду и зайти обратно, я сделал то, о чем забыл в прошлый раз. Я нашел на венке дату моих предполагаемых похорон. Все, кто захочет, может найти ее среди украшений, написанную большими буквами. Моя смерть должна была состояться через десять дней.

Формально я пока не был духом. Я направлялся в потусторонний мир, чувствуя себя неприкасаемым, отвергнутым обществом, вбирающим все больше святости своего тотема. Еще целых десять дней никто не заговорит со мной, не услышит моих слов. Мне нечем было занять себя — до похорон. Но потом, когда соберутся гости, и начнется церемония, и тело откажется лечь и умереть…

Какой выход придумает Торнвальд? Что он сделает? На его месте я бы подсыпал что-нибудь в еду. Я представил себе Торнвальда. Нет, на него это не похоже, но все равно лучше не рисковать. Инкубационный период инфекционного заболевания может колебаться, так что, если надо устроить смерть в назначенный срок, вирус

не подходит. Отрава, подсыпанная поближе к нужному дню, более действенный способ. Но пожалуй, еще несколько дней можно спокойно питаться едой, которую приносят мертвецу. Пока что у меня не было выбора — я вполне не отошел после болезни.

Потом, почувствовав себя лучше, я снова вышел в свет, надеясь раздобыть новый комплект одежды. Я сел на движущуюся дорожку, ведущую к театру, и продремал все представление в одном из лучших мягких кресел. Все было в порядке, вот только десять рядов вокруг мигом освободились, когда я занял свое место. Круг на моем лбу светился в темноте, и, казалось, даже актеры чувствовали мое присутствие. Мне было очень неуютно.

По дороге домой я зашел в ресторан. Но официанты не подходили за заказом, посему пришлось искать какую-нибудь забегаловку. Где бы я ни появлялся, везде витал дух удивления: пусть люди ничего не знали обо мне, их пугало нечестивое поведение мертвеца, отказавшегося носить священную тунику и довольствоваться своим домом скорби и священной едой. День совершенно не удался. Но меня грела мысль о грядущих похоронах и трепете, который охватит клан, когда

произойдет нечто неслыханное.

Спал я, как… Просто хорошо спал. И проснулся, чувствуя себя окрепшим и почти выздоровевшим. Как всегда, я оказался одетым в голубую тунику, а повседневная одежда пропала. Холодок пробегал по коже при мысли о безмолвных, невидимых гробовщиках, которые самоуверенно расхаживали по дому, пока я спал. Раньше меня не интересовало, как же они это делают: наверняка пускают какой-то снотворный газ, чтобы я невзначай не проснулся, пока они будут менять одежду. Зарождающаяся тревога стихла, как только я решил, что они не могут быть настолько продажными, чтобы отравить меня во сне. Даже если Торнвальд не боится Орла, он не решится на явный подкуп… Но что может помешать ему пробраться в дом, пока я сплю, и сделать все самостоятельно? Ничего. Вообще ничего, только его собственные суеверия. Все зависит лишь от веры мага в свое волшебство.

Я поднялся и отмахнулся от этой проблемы. Я сделаю все возможное, чтобы защитить себя. Остальное — на крыльях Орла. В конце концов, я могу радоваться последним девяти дням.

Это оказались очень долгие девять дней. Вы когда-нибудь задумывались, как мало может

сделать человек в одиночку? Я читал, что Робинзон Крузо не был личностью, пока не появился Пятница. А теперь я чувствовал, что теряю собственную личность. Я больше не был Черным президентом, само мое имя стало табу; по мнению окружающих, я даже не был живым. Я был духом, пусть и не очень послушным — уж конечно, не таким послушным, как Халиайа.

В одиночку человек много не сделает. Он слишком много размышляет. Тревожится. И его тревога порождает страх.

Сначала я решил отыскать Флейм. Это заняло довольно много времени. Видеофонная справочная служба отпадала: увидев мое лицо с красным кружком на лбу, оператор тут же отключился. Я попытался обратиться в автоматическую справку, но там тоже повесили трубку. Должно быть, электронные приборы определили, что мой серийный номер больше не является собственностью живущего. Наконец я раздобыл подложный номер и узнал новый адрес Флейм.

Она вернулась в модельный бизнес.

...Лучше об этом и не вспоминать. Разумеется, я нашел ее. Она прошла мимо, не слыша моих слов. Я пошел за ней за угол и схватил за плечо. Она повернулась и почти высвободилась — у

меня была только одна здоровая рука и мне было тяжело удержать ее.

— Я жив! — сказал я. — Подожди, Флейм. Посмотри. Я жив. Это была ошибка. После похорон все это поймут. Флейм, я…

Ее глаза закатились, и она упала. Флейм была довольно крепкой девушкой, и упала она с таким шумом, что я понял: обморок настоящий. Никто не смотрел на меня, пока ее приводили в чувство. Но кто-то, наверное, послал за Торнвальдом, потому что он быстро прикатил вместе со своими шаманскими артефактами.

— Сглаз, да? — Он кивнул в мою сторону.

Он тоже старался не смотреть на меня, но тем не менее был намерен играть свою роль до трагической развязки. Никто из нас не обмолвился о разговоре в его кабинете.

Он обратился ко мне обвиняющим официальным голосом:

— Ты не должен так поступать, дух. Думаю, я могу изгнать дьявола из бедной девушки. Но только Орел способен изгнать злых духов из тебя. Возвращайся домой, надень священную тунику. Не питайся едой живых. Зачем ты борешься с Орлом?

— Не будь идиотом, Торнвальд, — отчетливо

произнес я. — Я не умру.

Окружающие охнули, услышав мои слова, но тут же притворились, что ничего не было. Я не видел смысла продолжать. Так что я повернулся и пошел прочь, и толпа расступалась передо мной.

Вечером дома я лег на диване в гостиной подумать, и, когда мне захотелось спать, я понял, что ненавижу черные простыни в спальне. Я решил больше там не спать. Но я понял, что не могу сразу же побороть все былые привычки. Так что я заснул прямо на диванчике.

Среди ночи я сквозь сон почувствовал, что ворочаюсь на жесткой обивке. Очень смутно я помню, как поднялся и пошел в темноте в привычную спальню. Поездка на эскалаторе была похожа на ночной полет. Когда же я проснулся, то обнаружил, что лежу, вытянувшись на спине, как труп, в своей постели на черных простынях.

Конечно, я снова был в голубой тунике, то есть гробовщики опять приходили в темноте. Может, именно они провели меня наверх? Или им это не потребовалось?

Дни медленно текли своей чередой. Было трудно поверить, что прошла лишь неделя с небольшим. В одиночку ничего не сделаешь. Что хуже всего, мне было не с кем поговорить. Я даже

решил еще раз сходить к себе в кабинет, зная, что, по крайней мере, Торнвальд должен меня узнать. Но на этот раз меня засекли еще на подходе, и Торнвальда в кабинете не оказалось.

Как-то раз я поговорил с ребенком. Он был слишком мал и попросту не понимал, что меня не существует. Это был очень интересный разговор, хотя он и напоминал больше монолог. Но тут подбежала мама и оттащила ребенка от меня. Мальчик не хотел уходить. Возражал, что разговаривает с хорошим дядей.

— Нет, сынок, — подталкивала его мать, пока он оглядывался через плечо. — Это был не дядя. Это был дух. Больше никогда не разговаривай с духами.

— Ой. Но он был похож на дядю.

— Нет, это был дух.

— Ой… — Ребенок наконец поверил.

Наверняка она повела его к Торнвальду, чтобы снять сглаз.

Читать в доме было нечего. Я вышел в город и набрал всяких книг и журналов, однако наутро они исчезли. Я принес еды, но гробовщики забрали и ее, как только я заснул. Я ложился спать в разных кроватях по всему дому, но все равно просыпался в своей спальне.

Вскоре я обнаружил, что большую часть времени провожу в постели, натянув священную голубую тунику. Она оказалась гораздо удобнее одежды, за которой надо было еще куда-то идти. Почти все дни и ночи напролет я дремал, временами просыпался, как ночное животное, и начинал бродить по дому, но тут же снова отключался. Я снова стал есть пищу мертвеца, которую мне приносили каждое утро. Если бы Торнвальд хотел, он мог найти множество способов избавиться от меня, так зачем волноваться из-за какой-то еды?

Нужно было дожидаться общества. Больше мне ничего не оставалось.

Как-то раз я глянул в зеркало и поразился, каким осунувшимся и заросшим стало мое лицо с горящим красным кругом на лбу. Мне было страшно.

— Ты почти в их власти, Ллойд, — вслух сказал я, и мой голос эхом пролетел по всему дому. — Ллойд, возьми себя в руки!

Я обхватил зеркало обеими руками и посмотрел себе в глаза. За все это бесконечно долгое время это были единственные человеческие глаза, которые я видел. Я прикоснулся тремя пальцами к зеркальной поверхности — так в

видеофоне выглядит подобие рукопожатия. Но я был слишком далеко от своего мира, чтобы пожать собственную руку, даже прикоснуться к собственному отражению в зеркале. Мои пальцы ощутили лишь холодное стекло.

Я встряхнулся. Это становится опасно. Я что было сил сжал руки — пусть боль в загипсованной кисти напомнит мне, что я пока жив. Потом поднялся наверх и в первый раз за все дни побрился. Принял душ и выбросил голубую тунику в стирку. Завернувшись в простыню, я спустился на первый этаж.

Затем открыл дверь и выглянул наружу. Улица была пуста. Общество отказалось от меня, вся материя мироздания отделялась от частицы, которая была мной. Но скоро общество вернется. Я должен быть наготове. Единственной моей защитой были знания. Я знал, что магия — вымысел. Сила объективного и логичного разума оберегала меня от безрассудных эмоций моего мира. Но разум может быть подорван одержимостью.

Одержимость — навязчивая идея, и пусть я знаю, что для нее нет никаких оснований, но я не могу от нее избавиться. Итак, я понимал, что значит это слово. А его ближайший сосед, принуждение, стоит ступенькой выше. Неодолимое

желание что-либо сделать против собственной воли. Магия возможна благодаря этим механизмам, работающим в голове и теле ее адептов. Это сгубило Джейка Халиайю. Я помнил, как он дергался, подобно рыбе, на погребальной кровати. Он корчился, как тотем Рыбы, который, по его мнению, входил в него.

Одержимость — это вера в магию.

Принуждение — это имитация тотема Рыбы.

Это смерть.

Но Халиайа сотрудничал с обществом, принимая смерть от магии. А я не собираюсь им помогать. Они могут изолировать меня. Метка на лбу говорила, что я человек без души, идущий в земли тотема Орла и мертвых. Но, вернувшись для погребального ритуала, общество не увидит верующего, покорно принимающего свою участь.

Я стал думать, что сделаю, когда придет этот день. Наверное, лучше всего будет до поры до времени соглашаться с ними. Весь эффект пропадет, если люди обнаружат меня шатающимся по дому. Нет, пусть они видят обыкновенного будущего мертвеца, лежащего в постели, — пока Торнвальд не произнесет свою речь.

И вот тогда…

Я раз за разом прокручивал в голове знакомый наговор, который учил каждый Черный президент. Этот наговор накладывал на самого черного грешника самое страшное проклятие тотема. Торнвальд ближе к смерти, чем он думает. А может, он об этом и не думает вовсе. Но я надеялся, что все же думает. Мне было приятно представлять, как он тревожится и боится.

Я был вправе сместить Белого президента, допустившего такую грубую ошибку, как и Торнвальд был вправе навлечь на меня удар. Я мог назначить нового президента, как он пытался назначить замену мне. Я представлял, кто подойдет на эту должность, вспоминал всех подающих надежды молодых специалистов. Я чувствовал себя бодрым и счастливым — почти счастливым.

Мне никак не удавалось вспомнить наговор. Было бы неплохо иметь под рукой книги, чтобы освежить в голове его текст. Не важно. Подойдут любые пафосные слова. Важен эффект, производимый на слушателя, ведь в самих фразах нет никакой магии. Разработав подробный план, я ощутил не только усталость, но и покой. Я знал, что делать. Я представлял себе лица людей, когда я сяду в погребальной постели и брошу проклятие в лицо Белому президенту…

Я долго-долго стоял на пороге и смотрел на улицу. Наконец на движущейся дорожке появился человек. Я подумал, что я его знаю. Когда он подъехал ближе, я окончательно уверился в этом. Я не мог вспомнить его имя, но он был членом моего клуба. Я распахнул дверь и высунулся наружу, окликая его.

Сначала я решил, что меня не услышали. Но потом понял. Как это ни смешно, я совсем забыл о своем положении.

Ужас, и ярость, и безграничное одиночество нахлынули на меня. Какая разница, есть ли на мне одежда, решил я, я заставлю его услышать. Я догоню его и заставлю слушать…

Мне казалось, что я спускаюсь по ступенькам и бегу за ним, но весь мир был как в перевернутом телескопе — сколько ни беги, все равно до цели далеко. А потом я увидел, что стою на месте.

Я посмотрел на свои неподвижные ноги, и тут в моем сознании прояснилось нечто. Оно было ближе ко мне, чем мои ноги. Оно было частью меня. Сначала я не мог понять, что это. Но потом понял. Странно. Очень странно. Я увидел тотем Орла на груди. Я четко видел его на ткани, вплоть до мельчайшего стежка.

Но на мне была вовсе не священная туника. Я

был завернут в простую простыню…

И я был совершенно один.

Я лег в кровать и попытался сосредоточиться. Это было трудно — мешало чувство синевы, растекшейся вокруг меня, невесомости, полета, ветра, бьющего мне в лицо… Наверное, я просто заснул.

Я подумал: «Подожди. Ты должен дождаться их. Они…»

Тотем Орла.

Они увидят, что магия не действует, если в нее не верить. А я не…

Орел.

А я не верю. Пусть веру вбивали в меня с детства, мне твердили это, когда я даже ребенком не мог называться, когда я был более живым, чем сейчас…

Орел.

Брось. Это одержимость. Здесь, в полутьме, в пустой погребальной комнате, откуда слезла вся ткань общества, больше ничего его не держит. Нет ничего, кроме…

Орел.

Я более не одинок, больше не так одинок, ведь здесь, в синеве, в полете, присутствует… Прекрати!

Мысль перетекает в действие. Одержимость перетекает в принуждение. Но этому не бывать. Я не мог управлять мыслями, но, по крайней мере, я каким-то образом знал, что мое тело меня не подведет. Я мог управлять своим телом. Если я этого не смогу, то больше не буду собой. Мной будет управлять… нет, не магия. Не тотем. А страшная сила общества, частью которого я был рожден.

А теперь здесь, паря в синеве…

Надо остановиться. Надо подумать. Надо встать с кровати.

Двигайся!

Это легко. Подними руку. Совсем чуть-чуть.

Подними!

Орел. Орел. Орел.

Раздалось пение. По комнате задвигались фигуры в платьях. Я почувствовал, что дом наполнился людьми.

Шевелись. Пошевели кистью, рукой. Если ты сможешь пошевелиться, то сможешь и сесть, бросить проклятие, разбить чары.

Вдоль стены на коленях стояли поющие. В ногах у меня был тотем Орла. Я не мог оторвать от него взгляда.

Кто-то ходил вокруг кровати и пел. Я знал этот голос. Лайла.

Она вернулась. Она снова верила. Она верила в магию, как и до того, как я открыл ей правду. А сейчас, как я и предсказывал, когда крал душу Халиайи, невыносимая власть общества задует робкий огонек разума, который я зажег в ее голове. Я убил ее любовника с помощью магии. Сейчас она в это верила. И она верила во все прочие ритуалы — в духовный брак, который не может быть расторгнут, несмотря на развод. Вот она и стояла здесь как моя ближайшая родственница и пела погребальный плач обряда ухода.

Она действовала как марионетка, без воли, огонек истины навсегда потух в ее мозгу.

Я не мог говорить. Но я должен был двигаться. Я должен был вернуть Лайлу. Но теперь наконец я понял, что не хочу заполучить ее обратно без души. Я пытался сказать ей, чтобы она уходила. Я пытался сказать ей, что нет никакой магии — ни здесь, ни где бы то ни было. Были только внушение и страх, убивающие реальность и правду.

Я не мог ни заговорить, ни пошевелиться.

Я должен двигаться. Чтобы спасти себя и Лайлу. Не от смерти — она не страшна. Людям свойственно умирать. Но жить в темноте — пробираться на ощупь сквозь иллюзорный мир мнимых идолов…

Я должен двигаться. Тогда я смогу разбить чары. Тогда смогу бросить проклятие, и эти глупцы поверят, что моя магия оказалась сильнее. Я снова буду жить и на этот раз скажу всю правду. Пусть я и умру потом. Я снова зажгу огонек разума и знания в голове Лайлы и буду передавать этот огонек прочим, если будет на то Божья воля, если будет угодно, пока он не охватит весь мир и не сожжет фальшивых идолов, чьи тени бросили землю во тьму.

Но сначала мне нужно пошевелиться.

Почему я не могу шевельнуться? Я не верю… Я знаю правду…

И все же через меня проходили волны силы. Они исходили от женщины, марионеткой ходящей вокруг кровати, от плакальщиков, стоящих вокруг стены, от всех и каждого в моем доме… во всем мире.

Они верили.

Я не верил, но они верили.

Нет, я не верил. Однако какая-то часть меня была согласна с ними — глубинная, бессознательная, древняя память. Крепкая, словно гранит, она была во мне еще до того, как я начал ходить и говорить. Но в ней не было тотема Орла… никаких тотемов… никакой магии. Я знал это. Но все равно

не мог шелохнуться: каждый раз, когда я пытался пошевелиться, черный парализующий страх нагонял на меня слабость и оцепенение. Как будто я смотрел на Орла. Как будто я верил в Орла.

Лайла была марионеткой, двигающейся по комнате. Плакальщики выли и раскачивались. Безликие фигуры в траурных балахонах ходили по дому. Я видел стены, которые стали прозрачными, как стекло, видел каждого в доме, четко и ясно, наверху и на первом этаже. Я видел и сквозь дом, сквозь весь город, в котором тысячи мужчин и женщин смотрели на меня и бросали меня во тьму силой своей веры. И за городом и кланом, в других городах и кланах… миллионы мужчин и женщин, слившихся в один живой организм, более могущественный и страшный, чем любой бог. Это и есть то чудовище. Монстр — это общество. Общество, свернувшее немного не там и теперь приведшее нас в этот мир и в это время. Нами всеми управляет страх. Страх закрывает нам глаза на истину и открывает нам внутреннее зрение. Этим внутренним зрением мы видим ложь, в которой только и находим спасение.

Я был сильнее прочих. Нет, я был слабее, ведь, зная правду, я позволил страху завладеть собой. Страху, что я потеряю Лайлу. Страху перед тем,

что сделает со мной общество, если я открою всем то, что знаю. Да что я знал? Что нет никакого Орла, никакой магии, только страх и слепая вера в великую силу чудовища. И вот я, неподвижный, лежал перед этим чудовищем, во власти многовекового страха.

Больше ничего не существовало. Все исчезло. Остался только монстр. Сама реальность менялась, пока ложь не стала реальностью. И в своей слепой вере общество летит в пропасть и стирает с лица земли Лайлу и меня, как некогда стерло правду.

Итак…

Я Орел.

Правда? Неужели все кончено? Нет… Лайла, мы не марионетки! Мы можем бороться… Я буду бороться за тебя! Я спасу тебя… и себя. Монстр нематериален. Истина может победить его. Если бы я только мог сказать правду… если бы я смог пошевелиться!

Монстр приближается, склоняется надо мной. Обрядовые песнопения разносятся по комнате, городу, по всему миру. Отпевают меня, отпевают все человечество. Где-то гаснет свет.

Лайла…

Я могу двигаться.

Теперь — могу.

Мои руки движутся, хлещут сверху вниз, все быстрей и быстрей в пустой синеве…

Хлопанье огромных крыльев.

По твоему хотенью

Поставщику трюков и иллюзий требуется ассистент с божественными навыками в области практической магии.

— Какими еще божественными? — возмутился Джозеф Тинни. — Я писал «множественными», а не «божественными». Черт бы побрал типографских наборщиков!

— Так напечатано в «Таймс», — пожал плечами высокий красивый юноша, — и место как раз для меня.

Тинни раздраженно потер запавшую щеку.

— Ассистент мне нужен, не спорю, но рекламный треп можете оставить при себе. Просто расскажите…

— В объявлении упоминается божество, — настаивал посетитель, — значит вам требуюсь именно я, а не какой-нибудь смертный — разве что явится другой бог, что маловероятно.

Тинни внимательно разглядывал свои ногти.

— Ваше имя?

— Кьюри… М. Кьюри.

— Что значит «М»?

— Мм… Марк, — пояснил красавчик.

Золотые кудри и голубые глаза, располагающая улыбка, хоть и несколько глумливая, словно с губ вот-вот сорвется непристойность. Твидовый костюм с иголочки… Клиентки будут в восторге, только мало их, фокусы и розыгрыши больше мужское дело.

— Я не заметил, как вы вошли, — недовольно буркнул Тинни.

— Просочился облачком в замочную скважину? — с улыбкой предположил юноша. — Что, не похоже?

— Не очень, разве что вы второй Гудини. Ладно, шутки в сторону. Где, черт возьми, вы нашли мое объявление? Номер «Таймс» еще не вышел.

— Знаю ходы… Так что насчет работы?

Хозяин лавки задумался.

— А с эстрадной магией у вас как?

— Полный порядок, и не только с эстрадной. Кстати, в свое время я славно зажигал на Елисейских Полях… — Юноша поднял брови. — Вы мне не верите?

Тинни лишь молча смерил его взглядом.

Услышав стук в дверь, он вышел из-за прилавка и впустил пузатого коротышку с козлиной

бородкой и нафабренными усами.

— Профессор Зино! Ну как, удался номер с хлебным ножом?

— Более-менее, — проворчал фокусник, окидывая острым взглядом полки с реквизитом. — Но хотелось бы чего-нибудь новенького, более зрелищного… масштабного, так сказать.

Тинни задумался: ничего готового, отработанного как следует, под рукой, как назло, не было. Девушка-скелет? Вряд ли, недоделки клиента не устроят.

Прежде чем он успел ответить, в беседу вклинился искатель места:

— Я новый ассистент мистера Тинни. Да, профессор, мы приготовили кое-что специально для вас, такого еще никто не видывал! Прошу сюда…

Дверь снова распахнулась, и на пороге появился широкоплечий мужчина в клетчатом костюме, с помятым номером «Таймс» в руке.

— Мистер Тинни! — Он обвел взглядом всех троих. — Мне попалось ваше объявление, и я…

Прекрасный случай одернуть наглеца, решил хозяин.

— Хотите получить место ассистента? — прищурился он, глядя на Клетчатого. — Отлично, я вас беру.

— Минуточку! — вскинулся первый претендент и с опасной легкостью скользнул к здоровяку. — Вы разве божество? — спросил он и тут же сам ответил: — Нет, очевидно же! — Он повернулся к хозяину. — Мистер Тинни, вы отказываетесь от собственных напечатанных слов?

— Вас я на работу не принимал, — упрямо насупился тот. — Убирайтесь отсюда! — И вполголоса упомянул шарлатанов.

Здоровяк с ходу оценил ситуацию.

— Вот-вот, — фыркнул он злобно, — давай убирайся, пока пинка не дали!

Профессор Зино растерянно подергал свою козлиную бородку:

— А как же новый номер? Молодой человек хотел продемонстрировать…

— О, прошу прощения, — улыбнулся тот, — сейчас покажу. Суть проста, а обставить можете как хотите. Жест вот такой, потом произносите… — Он забормотал какую-то абракадабру и ткнул пальцем в Клетчатого.

Перед его глазами вспыхнули зигзаги молнии, и здоровяк исчез, а на полу появилась груда сероватого пепла.

В комнате повисло молчание.

— Как, совсем без реквизита? — удивился про-

фессор.

— Вы сами видели.

— Что ж, превосходно. Греческим я владею и могу повторить ваше… хм… заклинание. Теперь верните этого человека обратно. Тут у вас где-то скрытый люк?

Марк Кьюри ослепительно улыбнулся:

— Я не могу его вернуть. Он развеян в прах.

Почему-то хозяин лавки сразу ему поверил, в отличие от профессора, который озадаченно хмыкнул, потеребил бородку и глянул на потолок. Затем опустился на четвереньки и стал изучать пол.

Послышался отдаленный гром, и светловолосый юноша поспешно оглянулся на дверь. В его широко раскрытых глазах мелькнул страх.

А затем он исчез и сам.

Продолжая поиски люка, профессор Зино медленно повернулся на четвереньках и уткнулся носом в дрожащие усики большого белого кролика, который появился неизвестно откуда. Оба замерли, таращась друг на друга.

— Продолжение фокуса? — догадался профессор.

Раскаты грома тем временем затихли.

— Нет, — ответил кролик. — Собственный вид

иногда надоедает, только и всего.

— Могу отметить, что вы прекрасный чревовещатель, — усмехнулся профессор.

— Можете, если не боитесь прослыть глупцом.

Зино поднялся на ноги и оглянулся по сторонам.

— Этот ваш трюк с молнией хотелось бы повторить, — заметил он. — Может, в подсобке? Вы где, собственно?

— Идемте, идемте, — нетерпеливо произнес кролик и запрыгал вдоль прохода.

Профессор Зино двинулся за ним, то и дело оглядываясь на прилавок.

Странная парочка исчезла за черной ширмой подсобки, и Джозеф Тинни ощутил необъяснимую тревогу. Пошел было следом, но тут в лавку явился какой-то сорванец за порошком для зуда. Отвесив товар, хозяин задумчиво прислонился к кассовому аппарату.

Что за наглость, в самом деле! Работник есть работник и должен вести себя соответственно, а этот молокосос слишком много на себя берет.

Вспомнив удар молнии, Тинни невольно передернул плечами. Многолетний опыт должен был помочь ему разобраться с этой иллюзией, однако… Он подошел к груде пепла и разворошил

ее носком ботинка. Блеснуло золото; он присмотрелся: пуговица от воротничка.

Из подсобки появился профессор — в перепуганном лице ни кровинки.

— Что случилось? — осведомился Тинни. — Могу я чем-нибудь помочь?

— Ваш новый ассистент… — прошептал фокусник, спеша к выходу. — Я понял, кто он. Зачем вам это понадобилось?

— Что именно?

— Сами знаете! Сколько вы за нее получили?

— За что? — Тинни глубоко вздохнул.

— За свою душу! — прошипел Зино и выскочил из лавки, будто за ним кто-то гнался.

Мертвую тишину нарушал лишь гул моторов да редкие автомобильные гудки с улицы. Тинни сжал губы и задумался. Странно, очень странно. Зино человек хладнокровный, довести его до паники не так-то просто.

Какая-то угрюмая тетка остановилась в дверях со складным табуретом и патефоном в руках и уставилась на хозяина лавки. Тинни вежливо отступил, но входить она не собиралась.

— Что вам угодно?

— У меня для вас послание, — объявила она и с неожиданным проворством разложила у порога

табурет, поставила на него патефон и включила.

Тинни ошарашенно заморгал.

— Грядет конец света, — забубнил хриплый, будто простуженный, голос, — но сестра Зеела несет смертным благую весть о спасении! Истинно глаголю вам, о грешники…

Заметив, что у входа уже собираются зеваки, Тинни поморщился.

Хозяин соседней лавки электрических товаров протолкался вперед.

— Она и у меня устроила такой цирк, — сообщил он негромко. — Отпугивала покупателей. Меньше чем за пятерку уйти не согласится, мошенница.

Просияв, вымогательница добавила громкости, и хриплый голос ударил по ушам:

— Внемлите мне, греховные создания…

— Мэм! — взмолился Тинни. — Оставьте меня, будьте так добры! Вот, держите доллар и уходите, у меня уже голова разболелась.

— Хотите спасти свою душу за один доллар? — мерзко ухмыльнулась карга.

— Из меня она вытянула двадцать, — шепнул сосед.

— Покайтесь, чревоугодники и сластолюбцы!.. — Голос из патефона вдруг изменился, в нем

пробились глумливые нотки. — Покаялись? Ну и славненько. Это напоминает мне один лимерик: «Некий юноша из Нантакета видел фильм, где мамзель не одета…»

Окончание стишка оказалось не слишком приличным, а уж тот, что последовал за ним, для детского и женского слуха решительно не годился. Карга изумленно застыла, таращась на патефон, который издевательски продолжил:

— Внимание, все сюда! Невероятная скидка! Три веселые французские открытки всего за доллар!.. — И так далее и тому подобное, чем дальше, тем хуже.

Старая карга свирепо шагнула к Тинни, протянув вперед скрюченные пальцы, словно когти, но тут перед ней вырос светловолосый юноша, чья улыбка вдруг потеряла всякое обаяние.

— Кажется, я вижу полицейского, — заметил он. — Да, точно, идет сюда. Не слишком разумно, знаете ли, предлагать на улице подобный товар. Местные законы…

Бросив взгляд на синий мундир в конце квартала, вымогательница мигом ретировалась, бросив патефон. Как ни странно, механический голос тут же вернулся к первоначальной теме и принялся хрипеть о бедах нашего мира.

— Верно сказано, — согласился молодой человек, возвращаясь назад к прилавку, — этот мир жесток, однако интересен. Мне довелось испытать в нем удивительные приключения. Иное дело, когда тебя целую вечность держат на посылках.

— Кто?

— Зевс милосердный, чуть не забыл! За тот фокус профессор Зино выписал чек на пятьсот долларов — вот, держите.

— Маловато, — пробурчал Тинни. Инстинкт торговца никогда его не подводил. — Номер потянет на пару тысяч.

— Ну да, так и есть.

Хозяин глянул снова и не поверил глазам: вместо пятисот там стояла сумма в две тысячи. Он облизал пересохшие губы. В голубых глазах юноши светилась обезоруживающая искренность, но ослепительная улыбка скрывала неведомые тайны.

— Вы демон? — негромко спросил Тинни.

— Кто-кто? — усмехнулся М. Кьюри. — Нет, разумеется. Я не какой-нибудь там Бельфагор, Сатана, Люцифер или Ваал. Клянусь Имиром, я настоящий бог!

Тинни зашел в помещение за кассой и глот-

нул виски, пополняя запасы логики и здравого смысла.

— А тот кролик… — начал он, вернувшись.

— Вы знаете, — загадочно подмигнул Кьюри.

— Ничего я не знаю! Думаю, вы просто ловкий обманщик. Что скажете?

— Да, люди всегда были недоверчивы. Говорят, даже Даная сомневалась… до поры до времени. Человека трудно убедить. Появись я в моем истинном облике, вы бы просто не выжили. Слишком жестоко, да и планы у меня совсем другие.

— Какие еще планы?

Светловолосый юноша уселся на прилавок, болтая ногами в твидовых брюках.

— Мне просто скучно, — улыбнулся он. — Принято считать, что на Олимпе я незаменим, но это не так. Я давно не бывал на вашей планете, а тут всегда что-нибудь приключается, да и прочих удовольствий хватает. — Голубые глаза сверкнули. — Ладно, не важно. Я здесь инкогнито и хотел бы занять место обычного человека. А что может быть лучше для Герм… для меня, чем работа ассистентом фокусника?

— Нет, — покачал головой Тинни. — Нет и нет! Слишком фантастично, вроде Алисы в Стране чудес. Здесь Нью-Йорк, а не Древний Египет или

Вавилон. Что за боги, в самом деле! С тем же успехом эти часы могли бы заговорить о политике.

Он кивнул на стену, где висели большие старомодные часы.

— А между тем, — произнесли вдруг часы, — что может быть занимательнее политики, ведь она определяет судьбы мира! Знай вы время столь же близко, как знаем его мы…

У Тинни вырвалось изумленное восклицание, но часы уже тикали как ни в чем не бывало, а Кьюри ехидно улыбался.

— Они в самом деле говорили? — спросил хозяин лавки, вновь обретая дар речи.

— Конечно. Магия прилипчива, если можно так выразиться; в истории масса свидетельств тому. Едва в ваш мир проникают чары, они притягивают к себе другие словно магнитом. Под Троей, к примеру, все завертелось, когда Хрис попросил Аполлона покарать греков. Зевс помог Брисеиде, и тут, само собой, не могла не встрять Гера. Постепенно в свару оказались втянуты все боги и богини — чудеса посыпались как из рога изобилия… Короче, любая магия не остается в одиночестве. Конечно, ваши фокусы — это начальный уровень, по большей части обычная ловкость рук, но все же и вы используете ос-

новные принципы, унаследованные от древних жрецов. Ничего особо нового, ведь жрецы и боги тесно связаны.

Тинни прикрыл глаза, размышляя.

— Звучит убедительно, — признал он, помолчав, — только меня не проведешь. Вы не бог. Уйдете сами или мне звонить в полицию?

Марк Кьюри раздраженно взлохматил золотистые кудряшки:

— Да уж, такого скептика еще поискать. Что ж, имеются и другие способы убеждения… Знаете что, убирайтесь-ка вон!

— Что?

— Вон отсюда! Я присмотрю за лавкой в ваше отсутствие, ума хватит. Когда будете готовы признать, что я бог, возвращайтесь.

— Послушайте… — начал Тинни, глядя… на входную дверь снаружи.

Он стоял на тротуаре, не имея ни малейшего понятия, как там оказался. Что это, гипноз?

— Тоже мне маг! — фыркнул из-за двери нахальный юнец, отвечая на невысказанный вопрос. — Возвращайтесь, когда поумнеете.

Гневно раздувая ноздри, Тинни шагнул к двери… и остановился, наткнувшись на невидимый барьер. Вход в собственную лавку был для него

закрыт.

Что за чушь! Игра воображения, да и только. Тем не менее прозрачная стена существовала. Он провел по ней ладонями, — должно быть, со стороны это походило на магические жесты.

— Прошу прощения! — Цветущего вида толстяк хотел обойти Тинни, но тот удержал его за руку. — В чем дело?

— Туда нельзя!

— Забастовка служащих, пикет? — понимающе кивнул толстяк. — Вот вам четвертак, вы, наверное, голодны. — Сунув монету, он вошел в лавку, оставив хозяина у входа не в самом лучшем расположении духа.

Новая попытка преодолеть невидимую стену ни к чему не привела. Тинни машинально опустил четвертак в карман.

Магия или не магия, но есть же, в конце концов, законы! Заметив в толпе синий мундир, он кивнул полицейскому:

— Доброго дня, Фланеган!

— И вам того же, мистер Тинни! Денек и впрямь выдался добрый.

Вот у кого уж точно хватит силы выкинуть наглеца из лавки, и полномочий тоже хватит!

— Погодите, Фланеган, — торопливо произнес

Тинни. — Не могли бы вы мне помочь?

— Конечно, сэр! Что случилось?

— Ну и соня сын мой Джон… — начал Тинни.

— Да? — приподнял бровь полицейский.

— Спать в штанах улегся он…

— Вот как?

— Башмачок отбросил прочь…

— Понимаю, — улыбнулся Фланеган, — отдыхаете. Что ж, ничего страшного. А теперь извините, у меня дела.

— А в другом проспал всю ночь! — выпалил Тинни, остолбенело таращась в удаляющуюся спину блюстителя закона.

Что за черт! Он же собирался рассказать Фланегану о проделках этого наглеца Кьюри. Детский стишок вылетел сам собой!

— Фланеган! — в отчаянии крикнул Тинни.

Полицейский обернулся:

— Да, сэр?

— Ради бога, выслушайте меня!

— Слушаю, — терпеливо ответил Фланеган.

— Эне, бене, раба…

— Что?

— Финтер, квинтер, жаба!

— У нас говорили «квинтер, финтер», — припомнил полицейский. — Думаю, вам лучше

вернуться к себе и прилечь.

— В том-то все и дело! — с жаром воскликнул Тинни. — Я… я не могу.

— Почему?

— Вы понимаете… Робин Бобин Барабек скушал сорок человек…

Тинни уже сообразил, что беседа в подобном ключе пользы не принесет. Он со стоном отвернулся и предпринял еще одну попытку войти в лавку — разумеется, тщетную. Удалось лишь увидеть, как бесцеремонный захватчик продает румяному толстяку дюжину протекающих стаканов.

Может, Кьюри просто решил ограбить кассу? Тинни угрюмо усмехнулся. Выручку он сдавал в банк только вчера, так что денег в кассе всего ничего. Как бы то ни было…

Как бы то ни было, выпить не помешает.

Устремив перед собой остекленевший взгляд, он побрел на угол, где сверкал зеркалами и хромом коктейль-бар. Фальшивый блеск заведения отдавал низкопробностью, но для Тинни сейчас это место было оазисом посреди Сахары безумия.

У стойки маячила знакомая фигура Великого Люциферно, известного поразительным внешним сходством с дьяволом.

— Салют, Тинни, — подмигнул иллюзионист. — Что тебе заказать?

— Спасибо, Лю. Виски… и пиво. Спасибо!

— У тебя руки дрожат, — заметил Люциферно. — Похмелье, нервы? А может, призраки донимают? — усмехнулся он.

— Они самые. У меня проблема, Лю.

— Да ну? — (Сатанинские брови изумленно вскинулись.) — Что стряслось?

— Эне, бене… Да нет, ничего! — свирепо фыркнул Тинни и осушил стопку одним глотком. — Не бери в голову.

Почему он не может никому пожаловаться на этого мерзавца Кьюри? Должно быть, все-таки гипноз. Ну да, вне всякого сомнения!

Выхватив из кармана карандаш и старый конверт, Тинни стал торопливо выводить буквы: «Где ты была сегодня, киска? У королевы у английской…» Вместо изложения странных событий и мольбы о помощи выходило опять черт знает что.

Он скомкал конверт и потянулся к бокалу с пивом. Отдернул руку и поискал взглядом бармена. Представительный толстяк с пышными усами лениво приблизился:

— Да, сэр?

— Э-э-э… кажется, у меня в пиве рыбка.

— Простите?

— Золотая рыбка, — уточнил Тинни. — Плавает, видите?

— Неплохо, — усмехнулся Люциферно. — Ничего нового, впрочем, но в технике не откажешь… Бармен, смотрите! — воскликнул он вдруг. — А у меня в пиве — змея!

В самом деле, на дне пустого бокала свернулся колечком крошечный уж. Подняв треугольную головку, он со смутным неудовольствием разглядывал окружающий мир.

— Да брось! — в отчаянии прошипел Тинни. — Ты не понял, никакой это был не фокус. Оно само собой выходит, я ни при чем.

— Да ты заколдован! — крикнул иллюзионист, никогда не упускавший бесплатной рекламы. — А может, дело в пиве? Глядите, еще одна рыбка!

В бокале Тинни и впрямь уже резвились две золотые рыбки, а пиво загадочным образом превратилось в кристально чистую воду.

— Послушайте, — недовольно проворчал бармен, — это уж слишком, распугаете мне клиентов. Заканчивайте с фокусами!

Вода из бокала Тинни поднялась фонтаном и ударила в потолок. Угрюмо чертыхнувшись,

бармен схватил бокал, и водяные струи тут же хлынули у перепуганного толстяка из ушей.

— Подсадка! — засмеялся иллюзионист. — Вы в сговоре, так нечестно.

— Да заткнись ты наконец! — простонал несчастный Тинни. — Все, хватит с меня!

Он спрыгнул с табурета, схватил шляпу и нахлобучил на голову, тут же вновь сорвал, чтобы вытряхнуть трех полевых мышей и угря, и выскочил из бара на улицу.

Люциферно следовал за ним по пятам.

— Эй, Тинни, погоди! Хочу заглянуть к тебе в лавку. Пора обновить репертуар, а твоя мысль, судя по всему, на месте не стоит.

— Лю, ради бога, только не сейчас! Я… Ко мне в лавку… Шалтай-Болтай сидел… — Тинни осекся.

Иллюзионист насмешливо вытаращил глаза.

— Прямо с утра набрался? — хмыкнул он. — С одной-то стопки?

— Я… только что нанял ассистента, — смог наконец выговорить Тинни. — Толковый парень, зайди познакомься. А я… У меня важная встреча.

Тинни отвернулся и махнул рукой, подзывая такси.

— Паркуэй, — буркнул он первое, что пришло в голову, а затем развалился на сиденье и заду-

мался.

Что Кьюри не человек, было ясно с самого начала, но одно дело понять, и совсем другое — принять душой. Пришлось бы тогда принять слишком много всего прочего. Если возможно что угодно, жизнь теряет всякую устойчивость.

Тинни пребывал в глубоком внутреннем разладе. Поверить в сверхъестественные способности нового ассистента он не смел, но не верить было невозможно. Божество, вот это да!

Он с усилием заставил себя держаться в рамках холодной логики. Можно не верить в философский камень, но превращение химических элементов в лабораториях — уже реальность. Циклотроны, бомбардировка атомов… Наука движется вперед. Способна ли она дать логическое объяснение также и чудесам Кьюри? Почему бы и нет.

Как он там говорил… магия прилипчива? Вдобавок любое шарлатанство подражает основным принципам магии, как ребенок — взрослому. Меж тем настоящая магия так же недоступна простому фокуснику, как первокласснику — высшая математика. Раз, два, три, четыре, пять, интеграл нам не понять…

Тинни зажмурился, собираясь с мыслями.

Да, именно так: арифметика против высшей математики. Ну, допустим. В таком случае Кьюри постиг искусство самой высшей магии. Как-то она даже называлась у древних греков, особым словом. Хорошо, наверное, быть сыном Эллады…

Мысли упорно разбегались, что было совсем не характерно для Тинни с его уравновешенным логическим умом. Он вновь насильно заставил себя успокоиться… и вздрогнул от новой мысли.

Если Марк Кьюри бог, то может творить что угодно. Он уже продемонстрировал свои почти безграничные способности. Что, если попытаться извлечь из них пользу?

Теперь Тинни мог опереться в своих рассуждениях на что-то осязаемое, и ему сразу стало легче. Невероятные предположения были забыты, разум с удовольствием переключился на невероятные практические возможности. Впрочем, не такие уж невероятные… Хм!

Дрожащими руками поставщик иллюзий достал сигарету и закурил. Срок его арендного договора истекал только через четыре года, а между тем лавке давно уже было тесновато. Владелец помещения едва ли согласится расторгнуть договор, а сдать комнаты в субаренду некому, но если, к примеру, случится пожар… Не поджог,

разумеется: ни к чему вызывать у страховщиков лишнее любопытство… Допустим, упадет метеорит. Да-да, метеорит!

От перспектив кружилась голова. Но может ли Кьюри управлять небесными телами? Если да, то одной важной проблемой станет меньше. Суметь бы только ненавязчиво направить действия залетного божества, и тогда…

Тинни наклонился к водителю.

— Обратно на Таймс-сквер, — велел он. — Поторопитесь!

На этот раз Тинни без труда преодолел порог. Клиентов в лавке не было. Светловолосый юноша за кассой улыбнулся:

— Вижу, вы передумали — это хорошо.

Тинни огляделся:

— Мы одни?

Ассистент уселся на прилавок, болтая ногами. Его глаза хитро прищурились.

— Вот оно что, — понимающе кивнул он. — Ох уж эти смертные… Придумали, как на мне выгадать? Алчность убеждает лучше любых логических доводов — человек верит в то, во что хочет верить. Знаете, Тинни, если бы люди смогли забыть о себе, о своем эго, они сделались бы богами. В том-то и разница между нами.

Тинни закурил и глянул в кассу, на удивление полную.

— Так много продали?

— Да, кое-что… Довольно экивоков, выкладывайте, что вам от меня понадобилось.

— Ну…

Бог пригладил золотистые кудри:

— Зачем стыдиться делового подхода? Человек вправе торговаться с богами. Вы мне тоже были бы полезны, Тинни. Посещая Землю, мы скованы узкими трехмерными рамками. Здесь наша власть ограниченна и помощь смертных часто бывает кстати… Кроме того, — добавил он, — добрая половина удовольствия как раз в том, чтобы притворяться обычным человеком. Ваша еда, ваши странные обычаи… К примеру, зарабатывать на жизнь. Сплошные развлечения.

— Зарабатывать? — недоверчиво переспросил Тинни.

— Тоже часть игры. Я мог бы запросто делать золото, но это неинтересно. Какая игра без ограничений, правил, преодоления трудностей? Короче, я играю в человека и мне это нравится.

— Но какая-то власть у вас все же есть?

— Конечно. Пользоваться ею можно, но не нарушая правил. Вот и давайте заключим честную

сделку. Посодействуете мне, а я помогу вам. Вы денег хотите?

Мысль о куче долларов, буквально падающей с неба, не укладывалась в голове. Легче было бы освоить астрономическую терминологию. Вздохнув, Тинни рассказал об арендном договоре.

— Метеорит, говорите? — прищурился Кьюри. Затем исчез, но спустя несколько мгновений вновь появился. — А что, запросто, — усмехнулся он. — Неподалеку как раз пролетает один, и я могу столкнуть его сюда… Кажется, у вас дом в Джерси?

— Да.

— В таком случае советую направить метеорит на него.

Тинни нахмурился:

— Вы не поняли! Речь шла об аренде…

— Да понял я все, — хмыкнул бог, — просто добрый совет. Не хотите — дело ваше.

— Значит, метеорит упадет сюда и магазин сгорит дотла? — уточнил Тинни. — Только чтобы не убило никого!

— Похвальная мысль, — заметил Кьюри. — Нет, никто не погибнет… Вот еще один совет: не пытайтесь меня надуть.

— Даже в мыслях не было! — воскликнул Тинни

с оскорбленным видом.

Божество иронически хмыкнуло:

— Вот и прекрасно. Видите ли, мы редко опускаемся до личной мести, но в таких случаях срабатывает высшее правосудие — исправляет баланс, так сказать. Смертные не раз пытались перехитрить богов… Очень прошу вас этого не делать.

— Ни в коем случае! — горячо заверил хозяин лавки.

— Тогда, выходит, зря я подал вам эту идею… Ладно, давайте выйдем, пока метеорит не упал.

Они были уже у двери, когда над головой что-то просвистело и раздался чудовищный грохот. Свист и гром отдавались в голове еще очень долго. Затем Тинни понял, что лежит с закрытыми глазами. Открыв их, он увидел над собой белый потолок. Голова жутко болела.

Черт возьми, что же случилось?

— Приношу извинения, — произнес знакомый голос, и появился Кьюри. — Вас задело упавшей черепицей, просто несчастный случай, я ни при чем. Заметьте, никто не погиб.

Тинни облизал пересохшие губы.

— Что… случилось?

— В точности то, чего вы хотели. Упал метео-

рит. Вот, держите! — Ассистент сунул больному в руку сложенную газету. — Увидимся позже, у меня дела.

Бог исчез, и Тинни стал читать, наполняясь радостью.

Лавка сгорела полностью, что автоматически расторгало аренду. Серьезно никто не пострадал, как и было обещано. Главный удар пришелся в соседний магазин, и выгорела половина квартала, целиком принадлежавшего одному человеку, Джонасу Киддеру.

— Так ему и надо! — ухмыльнулся Тинни, не переносивший Киддера, но тут же раскрыл рот от изумления.

Метеорит содержал алмазы. Не так уж много, но крупные и почти без изъянов. Невероятный случай! Тем не менее, по словам ученых, наличие алмазов в метеоритах никак не противоречило научным теориям.

Выходит, Киддер стал еще богаче, чем прежде!

— Проклятье! — выдохнул Тинни.

Весь его триумф обратился в пепел. Надо было послушаться доброго совета. Упади метеорит на дом в Джерси, Тинни стал бы богатым человеком. Но и Кьюри тоже хорош! Почему нельзя было сказать яснее? Впрочем, известно, что богам нра-

вится подшучивать над людьми.

Тинни закрыл глаза и погрузился в мечты.

В следующий раз… Да-да, в следующий раз! Число желаний ограниченно только в сказках, а Кьюри вроде как готов помогать в самых разных делах. Если он способен даже скинуть с неба метеорит, возможности открываются потрясающие.

В таком случае первое и главное — деньги!

Тинни нашел кнопку вызова и узнал у медсестры, что выпишут его уже через несколько дней.

Тем временем в палате появился Кьюри.

— Со страховкой все нормально, — сообщил он. — Я представляю вас по доверенности.

— Что-то я не припомню никакой доверенности.

— Под ней стоит ваша подпись, — пожал плечами бог. — Чем теперь займетесь, откроете новую лавку?

— Мне нужны деньги.

— Они будут, страховщик заплатит.

— Я имел в виду другие… Что-нибудь вроде неиссякаемого кошелька.

Бог кивнул и исчез. Появившись снова, он вложил Тинни в руку кожаный бумажник:

— В самый раз, по-моему. Откройте.

Тинни извлек из бумажника десять двадцатидолларовых купюр.

— Теперь закройте и откройте снова.

Тинни вновь вынул десять таких же банкнот и поднял изумленный взгляд.

Кьюри пожал плечами:

— Старый трюк, вариант рога изобилия — идея древняя как мир. Каждый раз, как вы откроете бумажник, найдете две сотни. Кругленькая сумма, очень удобно.

Тинни попробовал еще раз и еще. Все работало, на коленях у него уже лежала тысяча долларов. Спохватившись, он стал сравнивать номера банкнот.

— Не волнуйтесь, — улыбнулся бог, — деньги настоящие.

— Но откуда они берутся? Купюры не новые…

— Из тайников, мы же все видим и дотянемся до любого укромного местечка. К примеру, вот эти — захоронка одного скупца из долины Панаминт в Калифорнии.

— Значит, деньги ворованные!

Юноша промолчал, его голубые глаза насмешливо блеснули. Тинни покраснел и отвернулся.

— Берите-берите, — хмыкнуло божество, — все нормально. А теперь обсудим наши планы.

— Планы? Я не…

— Вы же не собираетесь продолжать свою торговлю?

— Нет, черт возьми! Меня от нее уже тошнит, думаю вообще уйти от дел.

— Не торопитесь, — покачал головой Кьюри. — Мне хочется посмотреть мир, принять участие, так сказать, в жизни человечества, а потому вас ждет карьера фокусника-иллюзиониста.

— Что?

— Вы станете Великим Тинни, наподобие Гудини и прочих. Объедете с представлениями всю страну, а я буду вашим помощником.

— Но я же не фокусник, я не умею!

— Предоставьте это мне, — улыбнулся бог. — Ваше дело следовать моим указаниям, и все получится.

— Нет, минуточку! Мне ваша идея совсем не нравится. Я не хочу мотаться по гастролям.

— Неблагодарное вы существо. Я дал вам богатство, возможность жить в роскоши до конца жизни, а прошу всего лишь помощи на пару лет. Потом мне надоест, и я вернусь к себе. Больше вы меня не увидите и сможете спокойно наслаждаться неправедным богатством.

Тинни задумчиво пожевал губами.

— Однако…

— Думаю, это честная сделка. Впрочем, если не хотите, отдавайте бумажник, я найду кого-нибудь другого…

— Нет! Я согласен. Конечно согласен!

Кьюри иронически усмехнулся.

— С низшими следует играть по их правилам, — загадочно произнес он. — Ладно, мне пора, дел еще навалом. До встречи!

Он исчез, а Тинни откинулся на подушку и задумался, крепко вцепившись в заветный бумажник. Два года работы бродячим фокусником! Однако могло быть хуже. Такая жизнь не подарок, но все же…

Божество не теряло времени даром. На следующий день дорожное движение на Таймс-сквер внезапно застопорилось. Над островком для пешеходов посреди улицы возле здания «Таймс», чуть севернее входа в метро, в воздухе появилась человеческая фигура — женщина, очень хорошенькая, в дерзком купальном костюме. Трудно сказать, живая или нет, поскольку висела с закрытыми глазами лицом вниз в десятке метров над землей.

Толпа зевак запрудила всю площадь.

Подъехали пожарные, выдвинули лестницу, но

женское тело тут же поднялось выше, за пределы досягаемости, а когда пожарная машина уехала, опустилось назад, где и продолжало плавать в воздухе.

На место происшествия прибыл мэр и был увековечен фотографами. Ковбой из «Мэдисон-сквер-гарден» попытался заарканить летающую фигуру. Работа в конторах на Таймс-сквер практически остановилась, а перед театром «Парамаунт» собралось куда больше народу, чем внутри.

Так продолжалось до самых сумерек, когда таинственная летунья вдруг исчезла, а на мостовую пестрым дождем посыпались рекламные листовки, гласившие:

ПРИШЕСТВИЕ ВЕЛИКОГО ТИННИ!
Величайший в мире маг прибывает в Нью-Йорк!
ГОТОВЬТЕСЬ!

Как это ни прискорбно, Джозеф Тинни уже начал прикидывать, как бы поделикатнее, не подвергаясь риску, надуть слишком требовательное божество. Тратить два года на дорожные скитания с концертными номерами ну нисколечко не хотелось. Казалось бы, ерунда в сравнении с грядущим богатством, но жадному Тинни не

терпелось тратить новообретенные деньги, жить на широкую ногу, как он всегда мечтал.

Он не стал бы ради этого причинять кому-то вред, разве что в случае крайней необходимости… Но как раз в данном случае такая необходимость была! Зачем просаживать впустую два года, если уже более сорока убито на усердной работе за прилавком? То ли дело поразвлечься на всю катушку с неисчерпаемым бумажником в кармане! Укатить в Южную Америку, посмотреть Рио, Буэнос-Айрес и прочие места, прославленные в новом фильме с Доном Амичи… Да мало ли что можно придумать. Прямо сейчас, а не через два года!

«Стоит ли испытывать судьбу? — осторожно возражал внутренний голос. — Два года не так уж страшно, зато потом — абсолютная свобода. Кьюри дал слово…»

«Плевать на Кьюри! — отвечал другой голос. — С какой стати я должен с ним нянчиться?»

«Сделка есть сделка».

«Она ему ничего не стоила! Вообще, будь я сам богом, нашел бы занятие получше, чем разъезжать по стране с бродячим цирком».

«Не такое уж и скучное занятие, если вдуматься».

«Только вполне ли безопасное? Всем известно, как переменчивы и капризны боги. Мало ли что этому взбредет в голову!»

«Хочешь предать первым? Некрасиво».

«Заткнись!»

Внутренний критик повиновался, и Тинни обратился мыслями к главному.

Как избавиться от всемогущего божества?

Трудный вопрос, и даже труднее, чем кажется. Тут ни святая вода не поможет, ни серебряная пуля. Кьюри не человек и не демон — он бог.

Тинни все еще ломал голову, когда несколько дней спустя ассистент сообщил, что снял для первого представления зал в большом нью-йоркском театре.

— Как вам это удалось?

— Я привел веские аргументы, — улыбнулся Кьюри. — Ваше имя в Нью-Йорке уже гремит вовсю, мои труды не прошли даром.

— Да уж, — буркнул Тинни, — газеты я читаю. Слон на крыше Эмпайр-стейт-билдинг! Черт возьми, зачем?

— Слон был всего лишь иллюзией, а реклама вышла отличная.

За высокими окнами квартиры, снятой в спальном районе, клубились грозовые тучи. Кьюри

бросил на небо опасливый взгляд.

— Вы запомнили свои реплики? А жесты?

— Да, конечно, только…

— Тогда встретимся в театре, не опаздывайте.

— Куда вы так торопитесь? — спросил Тинни, но ассистент уже исчез.

Странно для бога так бояться грозы, подумал Тинни. С чего бы? Размышления прервал телефонный звонок.

— Привет, Тинни! — раздался в трубке голос Великого Люциферно. — Я внизу, поднимаюсь к тебе.

Появившись в дверях, подобие дьявола с усмешкой подмигнуло Тинни и упало в ближайшее кресло.

— Тяжкая выдалась ночка, — заметил гость. — Пытался удержать Зино, чтобы не надрался. Выпить дашь?

Тинни подошел к буфету и налил два виски с содовой.

— У профессора запой? — усмехнулся он.

— Ага, — медленно произнес Люциферно. — Забавно, до сих пор едва притрагивался… Знай я его хуже, решил бы, что он спятил. Все твердит, что ты… хм… продал душу дьяволу.

— Подумать только! — фальшиво рассмеялся

Тинни.

— Лучше не думать, — мрачно хмыкнул Люциферно, теребя свою мефистофельскую бородку. — Я зашел пожелать тебе удачного дебюта. Ты в союз вступил?

— Само собой, — кивнул Тинни.

Новый ассистент не упускал из виду ни одной мелочи.

— Хорошо, что ты не зарыл свой талант в землю. В городе только о тебе и судачат. Жаль, что мне ничего не досталось из этих придумок, пока твоя лавка не сгорела.

— Ну… надо же было оставить кое-что и для себя.

— Угу… — Люциферно помялся: у него явно было что-то на уме. Наконец, решившись, он отставил стакан и подался вперед. — Я фокусник, — тихо заговорил он, — и всю жизнь работаю с иллюзиями, с магией, так сказать… хотя всегда знал, что настоящей магии на свете не бывает.

— Ясное дело. — Тинни отвел глаза.

— А теперь стал задумываться… Проклятье! — фыркнул Люциферно. — Вчера мы с Зино крепко поддали, и он… Кто такой этот твой Кьюри?

Прежде чем Тинни успел ответить, в дверь позвонили. Он с облегчением встал и впустил не

кого иного, как упомянутого профессора.

Еще не протрезвевший коротышка влетел в комнату, словно резиновый мячик, мрачно глянул на Тинни и повернулся к иллюзионисту:

— Ну как, цел? Слава богу, а то я испугался, мало ли что он с тобой сделает.

— Выдумаешь тоже, — усмехнулся Люциферно и обернулся к Тинни. — Профессор уговорил меня зайти к тебе, а сам ждал внизу, в холле. Нет, ей-богу, у кого-то из нас мозги не в порядке… Не знаю только у кого.

Не дожидаясь приглашения, Зино подошел к буфету и плеснул себе коньяка.

— А ты спроси, — обернулся он к Люциферно, — у Тинни спроси. Просто поинтересуйся, кто такой этот жуткий Кьюри!

— И кто же этот жуткий Кьюри? — отозвался эхом Люциферно.

Тинни сел и взял свой бокал.

— Кто угодно, только не дьявол.

Профессор одним глотком осушил рюмку и передернулся.

— Вы лжете! Он показал мне кое-что тогда, у вас в подсобке. Жуть — не то слово… и это были не фокусы!

Люциферно вздохнул:

— Трудно поверить, что такой ветеран, как ты, дал обвести себя вокруг пальца какому-то ловкачу.

— Зино прав! — выпалил вдруг Тинни. — Он не человек… в смысле, Кьюри. — В комнате повисла тишина. Он продолжил, глядя в стакан: — Не дьявол, нет. Он… он бог.

Иллюзионист закашлялся, хлебнув из бокала. Затуманенные глаза профессора изумленно округлились.

— Выкладывай, — кивнул Люциферно, — довольно ходить кругами. Что там у вас с Зино стряслось — с самого начала.

Тинни охотно поведал о проделках незваного божества, оставив в стороне лишь несколько важных подробностей вроде чудесного кошелька.

Когда он закончил, молчание продолжалось долго. Нарушил его профессор:

— Дьявол или бог, он не принадлежит этому миру. Вы должны его изгнать!

Тинни криво усмехнулся:

— Вот так вот просто взять и изгнать? Тогда и способ подскажите. Думаете, мне самому приятно с ним якшаться?

— Не хочу сказать, что ты меня вполне убедил, — подумав, заговорил Люциферно, — но если

исходить из предположения — совершенно невероятного! — о божественности твоего ассистента, то оставлять все как есть мы просто не имеем права. Я овладевал профессией долгие годы, могу заставить слона исчезнуть с манежа, и мне щедро платят за подобные трюки. А этот Кьюри одним мановением руки возьмет да и распылит, черт возьми, весь цирк! Нечестная конкуренция…

— В смысле?.. — не понял Тинни.

— Представь, что ты старатель, зарабатываешь на жизнь, извлекая золото из земли, и тут вдруг является кто-нибудь с философским камнем и начинает превращать в золото что попало. Кто станет платить за работу в шахте, если золото можно получить прямо из воздуха? Трюки обычного иллюзиониста никогда не сравнятся с настоящей магией — ни я, ни Зино не сможем конкурировать с богом, никто не заплатит, чтобы смотреть на наши смешные потуги. Все побегут к твоему дружку Кьюри.

О такой стороне проблемы Тинни до сих пор не думал. Лично ему было наплевать, но Люциферно и Зино это касалось напрямую.

— Я тут ни при чем, — сказал он наконец, — и не меньше вашего хочу от него избавиться. Карьера фокусника меня не привлекает.

— Может, откупимся?

— Он бог, — напомнил Тинни.

— Верно, деньги его не интересуют. А если пригрозить?

— Он бог, — повторил Тинни, — сам кому хочешь пригрозит.

Зино передернул плечами:

— Он нарушает законы природы… подрывает основы цивилизации!

Люциферно осушил бокал.

— Не знаю, как можно всерьез обсуждать подобный бред, но защищать свои профессиональные интересы я просто обязан.

Тинни прикрыл глаза, обдумывая новую мысль.

— Пригрозить, говоришь?

— Ну?

— Он сказал, что скован человеческими рамками и власть его на Земле ограниченна. Стало быть, в какой-то мере он подчиняется законам природы.

Круглое лицо Зино побагровело.

— Угрозами его не напугаешь.

— В том-то и дело. Этот… это существо само по себе угроза, и мы имеем право защищаться!.. Лю, ты помнишь свой номер с летающей корзиной?

— Да, а что?

— Внутри сидит твой ассистент, а ты протыкаешь корзину рапирой. Что, если вместо него посадить Кьюри?

— Но это же убийство! — Как ни странно, возмущенная реплика принадлежала профессору Зино.

— Ну и что? — сердито глянул Тинни. — Вы же сами твердили о дьяволе! Изгнание нечистой силы никто не считает убийством.

— Но…

Люциферно встал:

— Послушай, Зино, нас может застать Кьюри. Вернись-ка в холл и посторожи, а если что, звони сюда. Давай, не тяни!

Его тон не допускал возражений, и профессор вышел, окинув комнату опасливым взглядом. Люциферно смешал себе новую порцию виски и подмигнул Тинни:

— Теперь можно и поговорить.

— Какой смысл караулить у входа? Бог появляется откуда захочет.

— Знаю, просто не хотел обсуждать при Зино… Слушай, чем тебя не устраивают выгодные гастроли? Деньги для тебя нелишние, насколько я понимаю.

— Я боюсь.

Люциферно глотнул из бокала и откинулся на спинку кресла.

— Ладно, подожду, пока сам не расскажешь. Помогу тебе избавиться от него, но какая мне с этого выгода?

— Пять тысяч долларов, — не раздумывая ответил Тинни.

— Десять.

— Хорошо, десять.

— Слишком легко согласился, — хмыкнул иллюзионист. — Стало быть, завелись у тебя денежки, и много. Получил от ассистента, да? Так я и думал. Давай выкладывай, что у вас там с ним за дела!

Однако тайны неисчерпаемого бумажника Тинни так и не открыл. В конце концов они сошлись на пятидесяти тысячах. Тинни заперся в ванной и вынимал банкноты из бумажника раз за разом, пока не набралось достаточно.

Обговорив детали, заговорщики позвали Зино, однако усатый коротышка наотрез отказался участвовать. Он предпочитал позвать священника и нисколько не стыдился своего страха перед зловещим М. Кьюри — наоборот, считал этот страх проявлением здравого смысла.

Люциферно и Тинни не настаивали. Осушив еще по бокалу, они расстались вполне довольные. Никто не заподозрит убийства при отсутствии изобличающих улик. Люциферно, как мастер сценической иллюзии, легко скроет труп, а затем избавится от него. Что же до Тинни…

Не чувствуй он себя в полной безопасности, ни за что не согласился бы на такой план. Даже если иллюзионист оплошает, всегда можно заявить, что тот действовал на свой страх и риск, не поставив приятеля в известность. Да и сам Люциферно заявит, что никому не собирался причинять вреда, — несчастный случай, да и только. При всем желании не подкопаешься.

Тинни выпил еще и стал готовиться к премьере. Люциферно позвонил, когда он уже собирался выйти.

— Я тут подумал… ну, о рапирах. Пожалуй, не стоит так рисковать, у меня есть идея получше.

Тинни и сам несколько сомневался в действенности стального клинка против божества.

— Какая?

— Металлический ящик, модель Икс-тринадцать. Я брошу вызов, предложу выбраться из него. Кьюри войдет внутрь, дверца захлопнется, и ему конец — сгорит дотла.

— Термитная смесь?

— Вроде того. Никаких следов не останется. Мы откроем ящик и признаем, что твой ассистент сумел выбраться. Ну как?

— Отлично, — одобрил Тинни.

В театре был аншлаг, и таблички «Свободных мест нет» радовали сердце директора. Обитатели Парк-авеню валили толпами, явились журналисты и критики, от Уолтера Уинчелла до Алекса Вулкотта, а в фойе подкарауливала артистов известная попрошайка по прозвищу Бродвейская Роза. Заглянули на огонек даже члены католического братства Маленькой Терезы — должно быть, в надежде узреть истинное чудо.

Дебют Великого Тинни обещал стать грандиозным событием, но мог ли кто-нибудь представить себе насколько?

Виновник торжества во фраке с белым галстуком-бабочкой сидел в своей гримерной, время от времени прикладываясь к бутылке шотландского, которую предусмотрительно взял с собой. Взъерошенный от волнения директор театра уже в двадцатый раз заглядывал в дверь.

— Мистер Тинни, ваш реквизит до сих пор не доставлен!

— Он не нужен, забудьте.

— Как это — не нужен?! Где ваши люди? Я…

— Это мой спектакль! — раздраженно бросил Тинни.

— Зато театр мой! Если представление сорвется…

— Не сорвется, — успокоил появившийся Кьюри. — Все идет как надо.

Стройный и элегантный в своем смокинге, с озорной улыбкой на губах, бог напоминал сытого лоснящегося кота. Кивком отослав директора, он повернулся к Тинни:

— Скоро поднимут занавес. Ну как, волнуетесь?

— Нисколько, — солгал Тинни, подавляя приступ страха.

Улыбка божества сулила неприятности. Впрочем, как и всегда. Однако если план не сработает…

Чтобы взбодриться, он напомнил себе о неисчерпаемом бумажнике. Два года бродячей жизни — это же ни в какие ворота, наслаждаться жизнью надо прямо сейчас. Только так!

В дверь заглянул распорядитель:

— Две минуты до занавеса!

— Отлично, мы идем.

Выглянув из-за кулис, Кьюри осмотрел зри-

тельный зал:

— Публика подходящая… Оркестр играет Грига — все, пора.

Тинни послушно вышел на середину сцены. Грянув последние аккорды прелюдии к «Перу Гюнту», оркестр смолк. Занавес пополз вверх, и новоиспеченный великий иллюзионист неловко застыл в огнях рампы, таращась на зрителей.

Припомнив наставления ассистента, он воздел руки и как мог изобразил демоническую ухмылку. Вышло не то чтобы очень, ибо актерским даром природа его не наделила. Скорее могло показаться, что на сцену вышел буйный сумасшедший, который вот-вот опустится на четвереньки, оскалит зубы и прыгнет в зал.

— Ладно, — вздохнул Кьюри и сделал быстрый незаметный жест.

Сцену заволок густой туман, полностью скрывший фигуру незадачливого фокусника, и Тинни с облегчением вернулся за кулисы. Между тем в редеющей дымке неизвестно откуда возникла стайка зеленокожих девиц с изумрудными волосами. За спиной у каждой виднелось деревце.

— Дриады, — пояснил ассистент.

Зеленокожие закружились в танце. Туман рассеялся, открывая зрителям странную фигуру на

пне, которая усердно наигрывала на свирели.

— Пан? — спросил шепотом Тинни, разглядев нижнюю часть тела музыканта.

— Нет, зачем? Просто сатир. Вполне достаточно: они все играют неплохо.

Из-за кулис выскочила группа кентавров, дриады запрыгнули им на спину и загарцевали в ступенчатом строю, демонстрируя отличную кавалерийскую выучку.

Директор театра не сводил с Тинни изумленно-задумчивого взгляда.

Раздался оглушительный рев, и на сцену выползло гигантское чудовище. Дракон, самый настоящий дракон! Разинув громадную пасть, он выпустил сноп огня, и дриады верхом на кентаврах бросились врассыпную, а сатир отчаянно дунул последний раз в свирель, свалился с пня и исчез.

— Вперед! — скомандовал ассистент, подтолкнув Тинни.

Тот неохотно вышел на сцену. Дракон зловеще уставился на него. Тинни воздел руки, и чудище стало на глазах уменьшаться. Зрительный зал взорвался восторженными криками: иллюзия была и в самом деле высший класс. Лишь один юнец из Бруклина, сидевший на балконе, прене-

брежительно бросил соседу:

— Сплошное надувательство, все это ненастоящее.

— Да ну? — хихикнул тот.

Тем временем дракон успел сжаться до размеров крупной ящерицы. Тинни схватил его за хвост и подбросил в воздух, где чудище приняло образ гарпии с телом хищной птицы и злобным женским лицом. Издавая пронзительные вопли, она закружилась над головами зрителей.

— На тросе подвесили, — с умным видом кивнул бруклинец, но опасливо пригнулся, заметив приближение гарпии.

Кьюри зевнул со скукой и щелкнул пальцами. Гарпия тут же вернулась на сцену, уселась Тинни на плечо и затянула модную балладу.

Представление шло своим чередом, когда в проходе зрительного зала появился высокий мужчина мрачного вида. Шестеро носильщиков волокли следом огромный металлический ящик.

Люциферно! У Тинни заколотилось сердце.

Публика меж тем неистово аплодировала чудесам Кьюри, который создавал иллюзию за иллюзией. Рабочие сцены живо обсуждали за кулисами невиданное зрелище, а директор заперся у себя в кабинете с бутылкой джина.

Подойдя к ступенькам, ведущим на сцену, Люциферно что-то крикнул, но его голос утонул в бравурном марше, под который два десятка сирен вертели рыбьими хвостами с синхронностью, которой позавидовали бы прославленные танцовщицы из «Рокетс». Бросив на ассистента вопросительный взгляд, Тинни вышел к рампе. В тот же миг сирены исчезли, и наступила тишина.

— Это ты Великий Тинни? — спросил человек, похожий на дьявола.

— Да.

— А я Великий Люциферно!

Он исчез в облаке пурпурного дыма, а когда облако рассеялось, уже стоял на сцене. Зрители зааплодировали.

Люциферно сделал жест, требуя тишины.

— Слушайте все! Я бросаю вызов Великому Тинни и утверждаю, что искуснее его в магии.

Он воздел руки, и из рукавов его фрака стали вылетать голуби — десятки, сотни птиц, которые заполнили всю сцену.

Тинни украдкой глянул за кулисы на ассистента, тот спокойно кивнул и щелкнул пальцами.

Из-за пазухи у Тинни высунулась голова. Вид у нее был малопривлекательный. Плоская змеиная

морда с ядовито-зеленой чешуей устремила жутковатый взгляд на Тинни, а затем развернулась и стрельнула раздвоенным языком в сторону его соперника, который невольно отшатнулся.

Змея выползала наружу дюйм за дюймом и ярд за ярдом — бесконечная, длиннее любой анаконды — и обвивала тело перепуганного Тинни, пока тот весь не скрылся в чудовищном коконе из подрагивающих зеленых колец. Затем она исчезла — и Тинни вместе с ней.

Он взбежал по ступенькам на сцену и победно глянул на Люциферно.

— Что теперь? — спросил он, запыхавшись.

Иллюзионист махнул носильщикам, и те втащили на сцену металлический ящик.

— А вот что! Попробуй-ка выбраться из моего волшебного сундука. Сам Гудини пытался — не вышло!

— Я? — Тинни проглотил подступивший к горлу комок.

— Ха! — проревел Люциферно. — Что, струсил? Так смотри же! — Он распахнул дверцу, ступил внутрь и обвел взглядом зрителей. — Приглашаю желающих осмотреть сундук. Прошу!

Желающих хватало. Четверо мужчин и женщина поднялись на сцену, осмотрели ящик и

простучали его стенки, но не нашли никаких подвохов.

— Теперь заприте меня, — распорядился Люциферно.

Черт возьми, неужто он решил обратить в пепел самого себя? Однако Тинни быстро успокоился, поймав многозначительный взгляд иллюзиониста.

Ящик закрыли и заперли, а через несколько секунд открыли снова — и Люциферно там не оказалось! Он с гордой усмешкой появился в проходе между рядами и ловко запрыгнул на сцену.

Зрители разразились неистовыми аплодисментами, Люциферно раскланялся.

— Это еще не все, — сказал он, — теперь пускай Великий Тинни повторит мой трюк!.. Нет, не так! — Он просиял, будто осененный новой идеей. — Выберем кого-нибудь из публики, запрем в волшебном сундуке, а затем Великий Тинни вызволит его своей магией! — Заметив колебания Тинни, он быстро продолжил: — Сперва я докажу, что истинно великому магу это под силу… Кто хочет попробовать?

Выбрав одного из нескольких добровольцев, Люциферно запер его в металлическом ящике, и вскоре этот человек, в котором Тинни опознал

ассистента фокусника, появился в проходе.

— Ну как, решишься повторить? — Иллюзионист повернулся к Тинни.

— Мм… да, конечно. Я…

— Только я сам выберу, чтобы никаких подтасовок. Вот его! — Люциферно ткнул пальцем в сторону кулис, откуда с довольным видом наблюдал Кьюри.

Божество с усмешкой вышло на сцену и без каких-либо признаков беспокойства позволило запереть себя в сундуке. Один лишь Тинни заметил, как иллюзионист нажал на что-то внутри. Он захлопнул крышку, и в зале повисла тишина ожидания.

— Порядок, — шепнул Люциферно на ухо Тинни. — Механика запущена. Он уже обратился в струйку дыма.

Зрители вдруг снова захлопали. Приятели глянули в зал и чуть не упали в обморок. По проходу, весело улыбаясь, шествовал Кьюри.

Люциферно кинулся к ящику и распахнул дверцу; повеяло гарью. Тинни обратил внимание на копоть внутри, но осматривать тщательнее было некогда: божество уже поднялось на сцену.

— Скрытый люк, — хмыкнул бруклинец.

В улыбке бога читалось ехидство. Поклонив-

шись публике, он повернулся к бледному как мел Люциферно:

— Магия Великого Тинни сильнее замков и засовов! Он обладает столь неописуемой мощью, что даже его скромные ассистенты оставляют далеко позади всех прочих магов… Вы позволите? — спросил он с поклоном у Тинни, и тот через силу улыбнулся.

Светловолосый юноша повернулся к зрителям, щелкнул пальцами и превратился в мраморную статую. Затем стал цыганкой Роуз Ли, после этого — орлом… Вернувшись наконец к прежнему облику, он предложил:

— Давайте устроим последнее, решающее состязание! Пусть мой хозяин и Люциферно заставят друг друга исчезнуть. Тот, кто в этом лучше преуспеет, и станет признанным чемпионом в высоком искусстве магии!

Идея была встречена новыми аплодисментами. Соперники повернулись друг к другу, а Кьюри отошел вглубь сцены и небрежно прислонился к декорации.

Люциферно начал первым. Выхватил непонятно откуда широкое покрывало и накинул его на Тинни, скрыв того с головой. Затем произнес нараспев какую-то долгую абракадабру и рывком

сдернул ткань.

Тинни остался на том же месте.

— Твоя очередь, — кивнул Люциферно; вид у него был не слишком веселый.

Рука Тинни взметнулась сама собой. Взгляд божества сверлил его неотступно. Слова на незнакомом языке тоже вырвались сами. Пальцы щелкнули, и Великий Люциферно исчез.

Тинни испуганно вскрикнул и пошатнулся, но божественный ассистент и тут пришел на выручку.

— Это заклинание из самых трудных, — объяснил он публике, когда смолкли овации. — Мой хозяин устал, пора устроить антракт.

Вновь грянула музыка, и занавес опустился. Кьюри и Тинни стояли на сцене одни.

— Не советую вам повторять подобные выходки, — буркнуло божество. — Толку все равно не выйдет, поймите. Так уж и быть, на первый раз прощаю, к смертным надо быть снисходительнее.

— Не понимаю, о чем вы, — выдавил Тинни.

— Может, и впрямь не понимаете, — задумчиво ответил Кьюри, — и все же… не надо так больше. Сам я не люблю сводить личные счеты и не причиню вам зла… Ну не бить же кошку за

то, что она царапается? Однако старушки-мойры устроены иначе, запомните. Высшее правосудие существует, имейте в виду.

— Я…

— Ладно, проехали. Мне нужно раздобыть наяд для второго акта. Увидимся позже.

— Погодите! Куда подевался Люциферно?

Божество ехидно ухмыльнулось:

— Отдыхает на острове у одной моей старой знакомой. — Издав напоследок неприятный смешок, светловолосый красавчик исчез.

Протолкнувшись мимо рабочих сцены, Тинни отправился в гримерную и от души присосался к бутылке. Все скверно, однако в целом могло быть и хуже. Хорошо хоть, что бог попался не очень злопамятный. Не любит сводить личные счеты? Что ж, хоть какое-то утешение.

Воздух перед Тинни вдруг колыхнулся, словно отодвинутая завеса, и мелодичный женский голос сердито произнес, опережая свою хозяйку:

— Послушай, сколько можно? Ненавижу, когда вваливаются без приглашения!

Тинни поднял изумленный взгляд на особу, что явилась из пустоты. Одеяние из тончайшего белого полотна изящно облегало соблазнительные формы, черные глаза пылали яростью — точь- в-

точь актриса Теда Бара в ее лучшие годы.

Осоловело моргнув, Тинни плеснул себе еще. К чудесам он уже привык, но не мог не понимать, что перед ним не просто хорошенькая дриада из массовки, которых к услугам Кьюри были десятки, а незаурядная личность, причем сильно разгневанная.

Над сверкающими глазами сошлись черные дуги бровей, и мелодичный голос зазвенел снова:

— Терпеть не могу незваных гостей! Кое-кто за это заплатит, и ты, судя по всему…

— Я ни при чем! — поспешно вставил Тинни. — Все это фокусы Кьюри.

— Что еще за Кьюри? — фыркнула незнакомка. — Не знаю такого, но тот верзила с глупой физиономией, которого ты ко мне телепортировал, уже третий за неделю. Заканчивай с шуточками, серьезно тебе говорю! Мне нужно уединение, тишина и покой. Что за наглость, в самом деле, — заселять мой остров всяким сбродом? Я этого не потерплю!

Тинни не сводил с черноволосой красотки восхищенных глаз. Великолепна, ничего не скажешь. Ее надменное и властное очарование напоминало о былых временах, когда царственное неудовольствие дамы приводило кавалеров

в трепет. Обворожительна и опасна.

— Я тут ни при чем, — повторил он. — Это все Кьюри, он…

— Кьюри? — прищурилась дама. — А имя?

— Вроде бы Марк, — припомнил Тинни.

— Ну конечно! — Незнакомка свирепо мотнула головой, откинув с белоснежных плеч густые черные как смоль локоны. — Марк Кьюри, как же, как же… — насмешливо фыркнула она. — Снова на Землю, стало быть? Шуточки в его стиле, можно было догадаться. Не в моем, да и сам он никогда мне не нравился. Однажды уже устроил мне… — Она вновь нахмурила брови и топнула ногой, обутой в сандалию.

— Вот как? — У Тинни замаячила идея. — Послушайте, — начал он, — вы не могли бы мне помочь? Я тоже не люблю этого Кьюри… Э-э-э… выпить не желаете?

В пронзительном взгляде черных глаз мелькнуло недоверие, но затем красотка смягчилась:

— Спасибо… А зачем я стану тебе помогать?

— Вы сказали, он вам не нравится.

— В общем, да. — Она задумчиво покатала на языке виски. — Неплохая штука… Ладно, говори, чего хочешь!

Тинни коротко поведал о своих злоключени-

ях. Горящие черные глаза не отрывались от его лица, а когда он закончил, на губах незнакомки мелькнула тигриная улыбка. Он вновь подивился необычайной красоте дамы, желая в то же время оказаться от нее как можно дальше.

— Ну, это нетрудно, — кивнула она, подставляя бокал. — Добавь-ка еще… спасибо. Ты разве не заметил, как твой Кьюри боится грома с молнией? Похоже, он в самовольной отлучке — удрал, попросту говоря. Вот и прячется от грозы, опасается Зевса-громовержца.

— Боюсь, я не…

— Герм… Кьюри то и дело сбегает с Олимпа, — объяснила черноволосая, прихлебывая виски, — и Зевс каждый раз бесится как ненормальный. Узнай он, где находится твой приятель-шутник, утащит обратно на Олимп, не успеешь моргнуть.

— Серьезно?

— Железно! Ты еще не забыл заклятие, которым телепортировал ко мне на остров того верзилу… как там его? Люциферно?

Тинни передернул плечами:

— Очень хотел бы забыть.

— Идиот, оно как раз пригодится! Замени только первое слово: скажи «Олимп» вместо «Эа» — и Кьюри тотчас вернется под крылышко к Зевсу,

а потом еще долго тут не появится. — Осушив бокал, красотка искривила алые губы в зловещей усмешке. — Захламлять мой остров, еще чего!.. Моли, значит? Ну-ну, — загадочно добавила она.

— Моли? — не понял Тинни.

— Растение такое… травка.

Незнакомка умолкла, задумавшись. Тинни подлил ей виски и наполнил свой бокал. Даже грозно хмурясь, она сохраняла жутковатое очарование, будто надвигающийся ураган.

— А это не опасно? — спросил Тинни.

— Нисколько. Он божество добродушное и к смертным не слишком строг… Тем не менее сам наказание заслужил: нечего было лезть в мои дела — ни сейчас, ни тогда. Давно пора поставить его на место! Существует высшее правосудие, и мойры скидок не делают.

Задумчивый взгляд красотки остановился на Тинни, и тот вздрогнул от неясного страха.

— Правосудие, — повторила она. — Наконец-то они навели порядок, давно пора. Но кто мог подумать, что после стольких лет я отомщу Герм… Кьюри с помощью такого, как ты! Судя по твоему рассказу, должок имеется и за тобой. Забавно…

Неосязаемая воздушная завеса с шорохом раздвинулась, и между собеседниками возник

Кьюри.

Опустевший бокал незнакомки ударился об пол и разлетелся вдребезги, а глаза сверкнули черными молниями из-под грозных бровей.

— Пора! — с мстительным наслаждением воскликнула она. — Живо, смертный, твори заклятие!

Кьюри на миг опешил. Тинни тоже, но страх и безысходность подстегнули его. Рука будто сама собой взметнулась в нужном жесте, а с языка сорвались слова заклинания:

— Олимп…

— Стойте! — выкрикнул бог, уже тая в воздухе. — Тинни, вы совершаете…

Тинни закончил фразу, и Марк Кьюри исчез.

Издали донеслись раскаты грома.

— А вот и его хозяин! — Незнакомка поправила черные змеящиеся локоны. — Больше ты Кьюри не увидишь: пройдут века, прежде чем Зевс выпустит его из виду. А теперь…

Тинни вылил себе остаток виски, в глазах его светилось торжество.

— За Фортуну! — поднял он бокал.

— Хм… — зловеще прищурилась женщина, но Тинни был слишком опьянен успехом и спиртным, чтобы встревожиться.

— А еще за богинь судьбы! — добавил он. — Старушки-мойры…

— Заткнись! — бросила она. — Перед мойрами я теперь в долгу. Надо восстановить равновесие, оно ведь слегка нарушено, не так ли, Тинни?

— О чем вы? — Он глянул ей в лицо и ощутил неприятный холодок предчувствия.

— Не случайно же я, а не кто другой, — продолжила красотка, не обращая внимания на его недоумевающий взгляд, — оказалась впутана в твои грязные интрижки… Интересно, удастся ли мне мой старый трюк?

— Что за трюк?

— Вот такой… — усмехнулась она.

Нервно ероша волосы, директор подошел к гримерной Тинни.

— Черт возьми, — буркнул он, — меньше минуты до занавеса! Этот тип не в курсе, зачем в театре звонки? Ему бы…

Желание осталось невысказанным. Едва толкнув дверь, директор отскочил, выпуская из гримерной незнакомую женщину, очень красивую и с улыбкой удовлетворения на губах.

— Что вы здесь делаете? — спросил он.

— Вершу правосудие, — промурлыкала она довольно, — справедливейшее на свете!

— Что? Какого чер… Кто вы такая?

— Меня зовут Цирцея.

Скользнув по ней рассеянным взглядом, директор кивнул:

— Ясно… — Он повысил голос. — Тинни! Мистер Тинни! Мы поднимаем занавес!

Из-за двери, которая вновь захлопнулась, ответа не последовало, если не считать непонятного дробного перестука.

— Он там, — сказала женщина.

Обернувшись, директор успел заметить, как ее роскошная фигура исчезает в колыхнувшемся воздухе, но даже не моргнул. После чудес, творившихся сегодня под этой крышей, его уже ничто не могло удивить.

— Тинни! — крикнул он, толкая плечом заклинившую дверь. — Занавес! Оркестр уже тянет время. Поторопитесь!

Дверь внезапно поддалась, и директор влетел в комнату, едва удержавшись на ногах. Не осознав сперва, что в гримерной не фокусник, а кто-то другой, он повторил:

— Пора поднимать занавес! Тинни, вы слышите?

На этот раз ответ он получил — в некотором роде:

— Хрю!

Шок

Когда Грегг, подняв глаза от книги, увидел, что сквозь стену к нему в квартиру лезет какой-то человек, он на мгновение подумал, что сошел с ума. С такими явлениями обычно не сталкиваются ученые-физики средних лет, подчинившие свою жизнь определенному распорядку. А все-таки в стене сейчас было отверстие, и в эту дыру протискивалось какое-то полуголое существо с ненормально увеличенным черепом.

— Кто вы такой, черт побери? — спросил Грегг, когда к нему вернулся дар речи.

Человек говорил на каком-то странном английском языке: слова сливались, интонации звучали необычно, но понять его все-таки было можно.

— Я — важная персона, — заявил он, покачивая плечами и грудью. — Моя персона сейчас в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году, а?.. а моя важность... у-у-у!

Он сделал судорожное усилие и, протиснувшись в отверстие, тяжело дыша, пополз по ковру.

— А стачно меня зажало. Дыра еще недостаточ-

но расширилась. Повсегда.

В этих словах был какой-то смысл, но не очень ясный. Лицо Мэннинга Грегга, с крупными чертами, напоминающими львиные, помрачнело. Он протянул руку, схватил тяжелую книгу и встал.

— Я Хэлисон, — объявил незнакомец, поправляя свою тогу. — Это, вероятно, тысяча девятьсот пятьдесят третий год. Нечудо одинако.

— Что?

— Смысловые трудности языка, — сказал Хэлисон. — Я живу в будущем… примерно за несколько тысяч лет вперед, в будущем. В вашем будущем.

Грегг пристально посмотрел на отверстие в стене:

— Но ведь вы говорите по-английски.

— Выучил его в тысяча девятьсот семидесятом году. Я не впервые путешествую в прошлое. Уже много раз бывал в нем. Ищу одну вещь. Что-то важное, ургентно важное. Я использую силу мысли, чтобы деформировать фэррон пространства и времени, вот отверстие и открывается. Не можете ли вы одолжить мне одежду?

Все еще держа в руке книгу, Грегг подошел к стене и заглянул в круглую брешь, в которую могло пройти тело худощавого человека. Он смог увидеть лишь голую голубую стену, по-видимо-

му, на расстоянии нескольких метров. Смежная квартира? Невероятно.

— Отверстие потом станет больше, — объявил Хэлисон. — Ночью оно открыто, днем закрыто. Я должен вернуться к четвергу. По четвергам ко мне приходит Рэнил-Менс. А сейчас могу я попросить у вас одежду? Мне нужно найти одну вещь… Я ищу ее во времени уже долгие веколетия. Прошу вас!

Он все еще сидел на корточках на полу. Грегг не сводил глаз со своего необыкновенного посетителя. Хэлисон, конечно, не принадлежал к числу Homo sapiens образца 1953 года. У него было очень румяное лицо с острыми чертами, огромные блестящие глаза, ненормально развитый и совершенно лысый череп. На руках у него было по шесть пальцев, а пальцы на ногах срослись вместе. И он беспрерывно трясся от нервной дрожи, как будто обмен веществ у него никуда не годился.

— Боже милостивый! — воскликнул Грегг, вдруг сообразив что-то. — А это не розыгрыш? Нет? — Он повысил голос.

— Розыгрыш, розыгрыш. Это что, новецкий голлаундов рече? Важная персона что-то напутала? Трудно догадаться, что нужно сказать в новом

для тебя мире другой эпохи. Мне очень жаль, но вы не имеете представления о степени развития нашей культуры. Нам трудно спуститься до вашего уровня. После вашего столетия цивилизация пошла вперед быстро-быстро. Но времени у меня мало. После поговорим, а сейчас необходимо, чтобы вы одолжили мне одежду.

Грегг ощутил, как вдоль его позвоночника пробежал какой-то неприятный холодок.

— Хорошо, только… подождите. Если это не какое-то…

— Простите, — перебил его Хэлисон. — Я ищу одну вещь; очень спешу. Скоро вернусь. Во всяком случае, к четвергу, мне нужно видеть Рэнил-Менса. От него я набираюсь мудрости. А теперь простите преладно.

Он прикоснулся ко лбу Грегга.

— Говорите немного медленнее, пож… — пробормотал физик.

Хэлисон исчез.

Грегг повернулся кругом, оглядывая комнату. Ничего. Разве что дыра в стене увеличилась вдвое. Что за дьявольщина!

Он посмотрел на часы. Они показывали ровно восемь. А ведь только что было около семи. Значит, целый час прошел с тех пор, как Хэлисон

протянул руку и коснулся его лба!

Если это гипноз, то он действовал чертовски сильно.

Грегг не спеша достал сигарету и закурил. Затянувшись, он поглядел в отверстие в стене и стал размышлять. Посетитель из будущего, каково? Ну что ж, посмотрим…

Вдруг сообразив что-то, он пошел в спальню и обнаружил, что исчез один из его костюмов — из коричневого твида, от Гарриса. Не хватало рубашки, галстука и пары ботинок. Но дыра в стене опровергала его предположение о том, что это была умно организованная кража. К тому же и бумажник Грегга остался при нем, в кармане его брюк.

Он снова заглянул в дыру и по-прежнему не увидел ничего, кроме голубой стены. Очевидно, эта стена не имела отношения к смежной квартире, принадлежавшей Томми Макферсону, стареющему повесе, который бросил посещать ночные клубы, чтобы по совету своего врача предаться более спокойным занятиям. Но Грегг все-таки вышел на площадку и нажал кнопку электрического звонка возле двери Макферсона.

— Послушайте, Мак, — сказал он, когда перед ним появилось круглое бледное лицо и

заспанные глаза заморгали из-под старательно выкрашенных в каштановый цвет волос. — Вы заняты? Я бы хотел зайти к вам на минутку.

Макферсон с завистью покосился на сигарету Грегга.

— Конечно. Будьте как дома. Я просматривал кое-какие инкунабулы, которые мне прислал мой агент из Филадельфии, и мечтал о том, чтобы выпить. Хотите виски с содовой?

— Если вы составите мне компанию.

— Кабы я мог, — проворчал Макферсон. — Но мне еще рано умирать. Так что же случилось?

Он пошел за Греггом в кухню и стал наблюдать, как тот внимательно осматривает стену.

— Муравьи?

— У меня в стене образовалась дыра, — пояснил Грегг. — Однако же она не проходит насквозь.

Это доказывало, что отверстие определенно «сбилось с пути». Оно должно было выйти или в кухню Макферсона, или… куда-то совсем уж в другое место.

— Дыра в стене? Откуда она взялась?

— Я вам покажу.

— Не такой уж я любопытный, — заметил Макферсон. — Позвоните домовладельцу. Быть может, он заинтересуется.

Грегг нахмурился:

— Для меня это важно, Мак. Я бы хотел, чтобы вы взглянули. Это… забавно. И я желал бы иметь свидетеля.

— Или дыра есть, или ее нет, — просто сказал Макферсон. — А ваши великолепные мозги, случайно, не одурманены алкоголем? Как бы я хотел, чтобы это произошло с моими!

Он тоскливо посмотрел на портативный бар.

— Вы мне ничем не можете помочь, — заметил Грегг. — Но все-таки вы лучше, чем никто. Пошли!

Он потащил упиравшегося Макферсона к себе в квартиру и показал ему дыру. Мак подошел к ней, бормоча что-то о зеркале, и заглянул в отверстие. Он тихонько свистнул. Потом просунул туда руку, вытянул ее, насколько было возможно, и попытался дотронуться до голубой стены. Ему это не удалось.

— Дыра увеличилась, — спокойно проговорил Грегг, — даже по сравнению с тем, какой она была несколько минут назад. Вы тоже это заметили?

Макферсон отыскал стул.

— Давайте выпьем, — проворчал он. — Мне это необходимо. Ради такого случая нельзя не выпить. Только немного, — добавил он, в послед-

нюю минуту вспомнив об осторожности.

Грегг смешал в двух бокалах виски с содовой и подал один из них Макферсону. За выпивкой он рассказал обо всем происшедшем. Мак не знал, что и думать.

— Из будущего? Рад, что это случилось не со мной. Я бы тут же отдал концы.

— Все совершенно логично, — пояснял Грегг, главным образом самому себе. — Этот малый, Хэлисон, конечно, не может быть человеком, живущим в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году.

— Он, наверное, выглядит как помесь Пого с Карловым[28].

— Послушайте, ведь вы-то не выглядите как неандерталец или пильтдаунский человек, нет? У Хэлисона такой череп... наверное, у него потрясающий мозг. Ну, коэффициент умственной одаренности.

— Какой во всем этом толк, если он не пожелал разговаривать с вами? — резонно заметил Макферсон.

Грегг почему-то почувствовал, что к его лицу

---

[28] Примечания: 28

Пого — колдун, герой произведений американской литературы для детей. *Борис Карлов* — американский киноактер, прославившийся исполнением ролей мистических злодеев.

медленно подступает теплая волна.

— Я, наверное, показался ему чем-то вроде человекообразной обезьяны, — уныло заметил он. — Я с трудом понимал его — и неудивительно. Но он еще вернется.

— В четверг? А кто этот Рэнилпэнтс?

— Рэнил-Менс, — поправил его Грегг. — Я думаю, его друг. Может быть, учитель. Хэлисон сказал, что набирается от него мудрости. Наверное, Рэнил-Менс — профессор какого-нибудь университета будущего. Я не совсем способен рассуждать здраво. Вы представляете себе значение всего этого, а, Мак?

— Не очень-то мне это интересно, — ответил Макферсон, пробуя свое виски. — Меня что-то страх одолевает.

— А вы прогоните его силой разума, — посоветовал Грегг. — Я как раз собираюсь это сделать. — Он снова посмотрел на стену. — Дыра здорово увеличилась. Интересно, смогу я пролезть в нее?

Он подошел к самому отверстию. Голубая стена все еще была на прежнем месте, и немного ниже уровня серого ковра Грегга виднелся голубой пол. Приятная, чуть терпкая струя воздуха проникала в комнату из неведомого мира, странным образом подбадривая физика.

— Лучше не лазайте, — предупредил Макферсон. — Вдруг дыра закроется за вами.

Вместо ответа Грегг исчез в кухне и вернулся с куском тонкой веревки. Он обвязал ею себя вокруг пояса, подал другой конец Макферсону и бросил свою сигарету в пепельницу.

— Она не закроется, пока не вернется Хэлисон. Или, во всяком случае, закроется не слишком быстро. Я надеюсь. А все-таки крикните мне, Мак, если увидите, что она начинает закрываться. Я сразу же нырну обратно.

— Сумасшедший, безумец! — сказал Макферсон.

Грегг переступил порог будущего — при этом губы его довольно сильно побелели. Отверстие уже достигло почти полутора метров в диаметре, его нижний край был на полметра выше уровня ковра. Греггу пришлось нагнуться. Потом он выпрямился, вспомнил, что нужно перевести дух, и посмотрел назад, в дыру, на бледное лицо Макферсона.

— Все замечательно, — объявил он.

— Ну, что там?

Грегг прижался к голубой стене. Под ногами его был мягкий пол. Круг диаметром в полтора метра был словно вырезанный из стены диск,

словно мольберт, висящий в воздухе, или кадр из кинофильма. Грегг мог видеть в нем Макферсона и свою комнату.

Но сам он находился теперь в другой комнате, просторной, освещенной прохладным лучистым светом и совершенно не похожей на все, что ему приходилось видеть до сих пор.

Прежде всего его внимание привлекли окна — овальные высокие отверстия в голубых стенах, прозрачные в центре, ближе к краям полупрозрачные и у самых краев лазурно-матовые. Сквозь них он увидел огни, движущиеся разноцветные огни. Он шагнул вперед и, не решаясь идти дальше, посмотрел назад, где его ждал Макферсон.

— На что это похоже?

— Сейчас посмотрим, — сказал Грегг и обошел отверстие. С обратной стороны оно было невидимо. Возможно, световые лучи огибали его. Грегг не смог бы этого объяснить. Слегка испуганный, он быстро вернулся, чтобы снова взглянуть на Макферсона, и, успокоившись, стал продолжать свои исследования.

Комната была примерно в восемьдесят квадратных метров, потолок высокий, в форме купола; источник света сначала было трудно обнаружить. Все в комнате слегка светилось. «Поглощение

солнечных лучей, — подумал Грегг, — вроде светящейся краски». Это казалось рациональным.

Собственно, смотреть было не на что. Низкие диваны, мягкие, удобные, пастельных тонов кресла, по-видимому какого-то специального назначения, и несколько каучуковых столиков. Четырехугольный стекловидный блок величиной с маленький саквояж, сделанный из какого-то пластика, стоял на голубом полу. Грегг не мог понять его назначения. Когда он осторожно поднял его, в нем заиграли фосфоресцирующие краски.

На одном из столиков лежала книга, и Грегг сунул ее в карман как раз в тот момент, когда Макферсон окликнул его:

— Мэннинг? Ну, как там, в порядке?

— Да, подождите минутку.

Где же тут двери? Грегг криво усмехнулся. Он был слегка обескуражен тем, что у него нет даже самых основных технических знаний, необходимых в этом неведомом мире. Двери могли открываться от давления, от света, от звука. Или даже от запаха, откуда он мог это знать? Быстрый осмотр ничего не подсказал. Но его тревожила дыра. Если она вдруг закроется…

«Ну что ж, ничего страшного не случится, — подумал Грегг. — Этот мир будущего населен

человеческими существами, в достаточной мере похожими на нас. И у них хватит ума, чтобы отправить человека в его собственную эпоху, — доказательством этого служило само появление Хэлисона». И все-таки Грегг предпочитал иметь открытый путь к отступлению.

Он подошел к ближайшему окну и посмотрел в него. За несколько тысячелетий созвездия на пурпурном небе слегка изменились, но не слишком. Здесь и там мелькали радужные огни. Это летели самолеты. Внизу неясно виднелись темные массы зданий, окутанные мглой. Луны не было. Несколько башен поднимались до уровня этого окна, и Грегг мог различить округлые очертания их верхушек.

Один из огней метнулся к нему. Прежде чем Грегг успел отпрянуть от окна, он заметил маленький кораблик (антигравитация, подумал Грегг) с юношей и девушкой в открытой кабине. У корабля не было ни пропеллера, ни крыльев. Парочка напоминала Хэлисона — такие же большие черепа и острые черты лица, хотя у обоих на голове были волосы. Одежда их тоже походила на тогу.

И все-таки они не казались странными. Не было такого ощущения, будто они с другой планеты.

Девушка смеялась, и, несмотря на то что у нее был выпуклый лоб и худощавое лицо, Грегг подумал, что она необыкновенно привлекательна. Конечно, этот народ никому не мог причинить вреда. Неясный страх перед холодной жестокостью бесчеловечной суперрасы стал постепенно исчезать.

Они пронеслись мимо, на расстоянии не более шести метров, глядя прямо на Грегга… и не видя его. Удивленный физик протянул руку, чтобы дотронуться до гладкой, чуть теплой поверхности стекла. Странно!

Но окна других зданий были темные. Они, вероятно, пропускали свет только в одну сторону, чтобы не мешать уединению людей у себя дома. Изнутри можно было смотреть в окно, но снаружи ничего не было видно.

— Мэннинг?

Грегг торопливо обернулся, закрутил вокруг себя веревку и вернулся к дыре. Его встретила нахмуренная физиономия Макферсона.

— Я бы хотел, чтобы вы вернулись. У меня нервы не выдерживают.

— Хорошо, — любезно ответил Грегг и пролез в дыру. — Но там не опасно. Я стащил книжку. Вот вам настоящая инкунабула будущего.

Макферсон взял книгу, но раскрыл ее не сразу. Его тусклые глаза были устремлены на Грегга.

— Что вы там видели?

Грегг стал рассказывать во всех подробностях:

— Вы знаете, по-видимому, это просто замечательно! Тоненький ломтик будущего. Когда я был там, внутри, все это не казалось мне таким странным, но теперь это меня поражает. А виски-то мое стало совсем теплым. Выпьем еще?

— Нет. Впрочем, ладно. Немного.

Пока Грегг ходил в кухню, Макферсон рассматривал книгу. Потом он взглянул на дыру. «Она стала немного шире, — подумал он. — Немного. Вероятно, она почти достигла своего максимального размера».

Грегг вернулся.

— Можете прочесть? Нет? Ну что же, я этого и ожидал. Хэлисон сказал, что ему пришлось изучить наш язык. Интересно, что он ищет… в прошлом?

— Интересно, кто этот Рэнил-Менс.

— Хотел бы с ним встретиться, — заметил Грегг. — Слава богу, у меня есть кое-какие знания. Если бы Хэлисон… или кто-нибудь другой… объяснил мне некоторые вещи, я бы, наверно, мог постигнуть основы техники будущего. Вот было

бы здорово, Мак!

— Если только он согласится.

— Ведь вы его не видели, — сказал Грегг. — Он был настроен дружески, хотя и загипнотизировал меня. А это что такое?

Он схватил книгу и начал рассматривать картинку.

— Осьминог, — подсказал Макферсон.

— Карта. Интересно. Она выглядит совсем как структурная формула, но я никогда не встречал такого вещества. Как бы я хотел прочесть эти чертовы завитушки! Они похожи на комбинацию бирманского и питмэновского письма. Даже система цифр отличается от арабской. Да здесь целая сокровищница, а ключа к ней нет!

— Гм… Возможно. Все-таки мне кажется, что это немного опасно.

Грегг взглянул на Макферсона:

— Не думаю. Нет никаких причин ожидать неприятностей. Это был бы сюжет для дешевого бульварного романа.

— А что такое жизнь, как не бульварный роман? — угрюмо спросил Макферсон, порядочно захмелевший — он уже успел отвыкнуть от спиртного.

— Это просто вы смотрите на нее под таким

углом зрения. И в соответствии с этим и живете. — Грегг говорил недовольным тоном, главным образом потому, что не выносил безнадежной философии Макферсона, которую тот периодически проповедовал. — Попробуйте для разнообразия рассуждать логически. Человечество идет вперед, несмотря на диктаторов и профессиональных политиканов. Промышленная революция ускоряет социальные изменения. Биологическая мутация тесно с ними связана. Она прогрессирует. За последующие пятьсот лет мы пройдем такой же путь, какой прошли за последние десять тысяч. Это как лавина, низвергающаяся с горы.

— Ну и что же?

— А то, что в будущем настанет царство логики, — пояснил Грегг, — и не хладнокровной бесчеловечной логики. Логики человеческой, которая принимает во внимание эмоции и психологию. То есть будет принимать. Там обойдутся без Великого Мозга, стремящегося завоевать миры или поработить остатки человечества. Этакое мы уже видели. Хэлисон… хотел поговорить со мной, но он тогда очень торопился. Он сказал, что все объяснит потом.

— Я знаю только одно: что в стене есть дыра, — заметил Макферсон. — Такое обычно не

случается. А теперь случилось. Не стоило мне пить.

— Таким образом вы поддерживаете свой эмоциональный баланс, — произнес Грегг. — А я предпочитаю делать это, следуя математическим законам. Решаю уравнение, исходя из имеющихся данных. Индуктивный метод дает не многое, но позволяет судить о том, каким потрясающим должно быть целое. Совершенный мир будущего…

— Откуда вы знаете?

Грегг замялся:

— Ну, мне так показалось. Через несколько тысячелетий человечество сможет применять технику достаточно широко и будет учитывать все тонкости. И в теории, и на практике. Но самое лучшее, что люди от этого не станут зазнаваться. Это просто не будет им свойственно. Во всяком случае, Хэлисон не зазнавался.

— Дыра больше не увеличивается, — заметил Макферсон. — Я это вижу по пятнышку на обоях.

— Но и не уменьшается, — неуверенно проговорил Грегг. — Хотел бы я знать, как там открываются двери. Сам я не могу разобраться в этой чертовщине.

— Выпейте-ка еще. Должно помочь.

Но это не очень помогло. Грегг не отважился снова пролезть в дыру, боясь, что она может неожиданно закрыться, и, сидя с Макферсоном, курил, пил виски и разговаривал. Медленно проходила ночь. Время от времени они снова принимались разглядывать книгу, но она им ни о чем не говорила.

Хэлисон не появлялся. В три часа утра отверстие начало уменьшаться. Грегг вспомнил, что сказал человек из будущего: брешь будет открыта ночью и закрыта днем. Вероятно, она опять откроется. Если же нет, значит он прозевал случай, выпадающий один раз за сто человеческих жизней.

Через полчаса дыра совершенно закрылась, не оставив никакого следа на обоях. Макферсон, смотря перед собой остекленевшим взором, вернулся домой. Грегг запер книгу в ящик письменного стола и лег в постель, чтобы поспать несколько часов, прежде чем беспокойство поднимет его на ноги.

На другой день, одеваясь, Грегг позвонил в Хэверхиллскую исследовательскую лабораторию — сообщить, что сегодня он не придет на работу. Он хотел быть дома на случай, если появится Хэлисон. Но Хэлисон не пришел. Грегг провел утро, бросая в пепельницу недокуренные сигареты и

перелистывая книгу. После полудня он отправил ее с посыльным в университет профессору Кортнею, приложив короткую записку с просьбой сообщить сведения об этом языке. Кортней, который собаку съел на языках, позвонил и сказал, что он в недоумении.

Разумеется, его разбирало любопытство. Греггу пришлось пережить несколько неприятных минут, пока он не отделался от профессора. В следующий раз Грегг решил быть осторожнее. Ему вовсе не хотелось разглашать свою тайну всему свету. Даже и Макферсону… Ну, тут уж ничего не поделаешь. Ведь открытие принадлежало Мэннингу Греггу, и это только справедливо, если он будет иметь на него все права.

Эгоизм Грегга был совершенно бескорыстным. Если бы он проанализировал его причины, то понял бы, что его существо жаждало интеллектуального опьянения — самый подходящий термин для такого случая. Грегг и вправду обладал необыкновенно острым умом, и ему доставляло глубокую радость применять его на деле. Он мог испытывать настоящее опьянение, разрабатывая технические проблемы, и получал при этом такое же удовольствие, как инженер при взгляде на красиво выполненный чертеж или пианист, раз-

бирающий сложную композицию. Он любил все совершенное. И теперь, если он будет обладать ключом от совершенного мира будущего…

Разумеется, он не был так уж уверен в совершенстве этого мира, но постепенно его уверенность крепла. Особенно после того, как в шесть тридцать вечера отверстие начало медленно открываться.

На этот раз Грегг сунулся в дыру, едва лишь она увеличилась настолько, что он смог пролезть в нее. У него в запасе была уйма времени. Сколько он ни искал дверей, он так и не нашел их, но сделал другое открытие: голубые стены оказались в действительности дверцами огромных шкафов, наполненных необыкновенными предметами. Прежде всего, конечно, книгами — но он не мог прочесть ни одной. Из-за некоторых чертежей он буквально претерпел танталовы муки: они были ему почти понятны, он почти мог подогнать их под свой образ мышления — и все-таки не совсем. Раскрашенные картинки в трех измерениях смутными проблесками чарующе намекали ему на жизнь в будущем. Ему казалось, что это счастливая жизнь.

Шкафы…

В них хранились чертовски интересные вещи.

Все они, без сомнения, были очень хорошо известны Хэлисону, но Грегг не знал, что делать, например, с куклой высотой больше полуметра, созданной по образу и подобию человека будущего, которая декламировала на неведомом языке что-то похожее на стихи. Насколько он мог понять, рифмы были замечательные, а ритм — сложный, необыкновенный — оказывал определенное эмоциональное воздействие даже на человека, не знакомого с языком.

В шкафах были и каучуковые прозрачные блоки с движущимися огоньками внутри, и металлические конструкции (в одной из них Грегг узнал модель Солнечной системы), и садик, выращенный гидропонным способом, он мог изменять цвет, как хамелеон; и фигурки из пластика, возможно изображавшие мифических животных; соединяясь, они могли производить других животных — гибриды или биологические разновидности (поразительная демонстрация чистой генетики); все это и еще многое-многое другое! У Грегга закружилась голова. Он подошел к окну, чтобы немного прийти в себя.

Радужные огни все еще мерцали во мраке. Глубоко внизу Грегг заметил прерывистые вспышки лучистого света — будто взрывались освети-

тельные ракеты. На мгновение он замер: у него мелькнула мысль о войне. Но еще одна вспышка, фонтаном поднявшаяся вверх, успокоила его. Вытянув шею, он смог разглядеть крошечные фигурки, принимавшие разные позы и танцевавшие в воздухе среди бушующего моря красок — что-то вроде балета в состоянии невесомости. Нет, это был совершенный мир.

Вдруг его охватило непреодолимое желание вырваться из этой безмолвной комнаты в сверкающую радостную суматоху за окнами. Но он не мог понять, как открываются окна. И не нашел кнопок, управляющих дверями.

Грегг вспомнил, как нелегко было обнаружить скрытые кнопки, при помощи которых открывались шкафы.

Он со злорадством подумал о старом Даффи из Хэверхилла и о том, что бы тот стал делать, если бы увидел все это. Ну да ладно, к черту Даффи. Пусть потом пьет весь мир, но сейчас Грегг хотел сделать то, что заслужил, — первым вне себя от восторга хлебнуть из этой бутылки с чудесным вином.

Он надеялся, что кто-нибудь войдет в эту комнату, к Хэлисону, может быть, Рэнил-Менс. Сначала Грегг, возможно, поймет не все — если

только посетитель не изучал архаический английский язык, что маловероятно, — но потом уж он как-нибудь преодолеет трудности. Только бы Рэнил-Менс появился и показал ему, как работают приборы, спрятанные в шкафах! Это ведь золотые россыпи для физика!

Однако никто так и не появился, и Грегг, нагруженный трофеями, возвратился в свою эпоху, где обнаружил Макферсона. Откинувшись в кресле, тот пил виски с содовой и скептически посматривал на дыру.

— Как вы попали в квартиру? — спросил Грегг.

— Очень просто, — ответил Макферсон. — Дверь была открыта. В комнате стоял Хэлисон, и мне захотелось выяснить, в чем дело. Он вполне реальный, все в порядке.

В его бокале звенели кубики льда.

— Хэлисон был здесь? Мак, какая…

— Не расстраивайтесь. Я вошел и спросил его, кто он такой. «Хэлисон, — ответил он. — Я просто зашел на минутку», или что-то в этом роде. «Грегг хочет вас видеть», — сказал я. «Пока у меня нет времени, — ответил он. — Я ищу одну вещь. Вернусь в четверг, чтобы повидаться с Рэнил-Менсом. Тогда и скажу Греггу все, что он хочет знать. Я могу рассказать ему о многом… я ведь

отношусь к категории гениев». То, что он говорил, было довольно двусмысленно, но я каким-то образом умудрился все понять. После этого он вышел. Я побежал за ним, закричал: «Где Грегг?» Он помахал рукой, показав… на отверстие, и побежал вниз по лестнице. Я просунул голову в дыру, увидел вас и почувствовал себя как-то странно. Тогда я приготовил виски с содовой и сел, чтобы подождать вас. От этого малого у меня мороз по коже подирает.

Грегг положил свою ношу на диван:

— Вот проклятье! Значит, я прозевал его. Ну ничего, он еще вернется, это единственное утешение. Почему, черт побери, у вас от него мороз по коже подирает?

— Он совсем не похож на нас, — просто сказал Макферсон.

— Но ничто человеческое ему не чуждо. Вы же не можете утверждать, что он не человеческое существо.

— Конечно, человеческое, а как же, но это совсем другой вид человеческого. Даже его глаза. Он смотрит, будто насквозь пронизывает, будто видит тебя в четырех измерениях.

— Может быть, и видит, — рассуждал Грегг. — Я бы хотел… гм. Он скажет мне все, что я хочу

знать, а? За это стоит выпить. Вот повезло-то! И он действительно гений, даже для своего века. Я думаю, только гений мог устроить эту шутку с пространством и временем.

— Это его мир, Мэннинг, а не ваш, — спокойно заметил Макферсон. — Я бы на вашем месте не совался туда.

Грегг засмеялся, глаза его ярко заблестели.

— При других обстоятельствах я согласился бы с вами. Но теперь я уже знаю кое-что об этом мире. По картинкам в книжках, например. Это, несомненно, совершенный мир. Только пока еще он за пределами моего понимания. Эти люди ушли далеко вперед во всех отношениях, Мак. Сомневаюсь, сможем ли мы понять там все. Но я же не совсем умственно отсталый. Я буду учиться. Мой опыт поможет мне. Я все-таки техник и физик.

— Ну и прекрасно. Поступайте, как вам нравится. Я сейчас напился потому, что сидел и все время смотрел на эту дыру в стене и боялся, не захлопнется ли она навсегда.

— Чепуха, — сказал Грегг.

Макферсон встал, покачиваясь.

— Пойду лягу. Позовите меня, если я зачем-нибудь вам понадоблюсь. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Мак. Да, послушайте. Вы

никому обо всем этом не говорили, а?

— Нет, и не собирался. А глаза Хэлисона испугали меня, хотя в них и было что-то дружелюбное. Человек и сверхчеловек. Брр!

Макферсон выплыл из передней, окутанный парами виски. Грегг усмехнулся и старательно запер за ним дверь.

Кем бы ни был Хэлисон, но сверхчеловеком он быть не мог. Эволюция не привела его к этой крайности, или, может быть, Homo sapiens и не мог путем эволюции превратиться в Homo superior[29]. Многое в человеке будущего казалось таинственным, например его загадочные поиски в глубинах времени… но в четверг — Грегг на это надеялся — можно будет получить ответ хотя бы на некоторые из вопросов. Только бы ему дотерпеть до четверга!

На следующий день, во вторник, Грегг опять не пошел на работу. Он провел много времени, размышляя над предметами, принесенными из будущего, и находя в этом какое-то слабое утешение.

Он ждал до тех пор, пока его не начал мучить

---

[29] Примечания: 29

Homo sapiens — человек разумный. *Homo superior* — человек высший *(лат.).*

голод. Тогда Грегг решил выйти, чтобы купить за углом сэндвич. Но тут же передумал и пошел через улицу, в грязную закусочную, откуда можно было наблюдать за его домом.

Он увидел, как в дом вошел Хэлисон.

С полным ртом, чуть не подавившись, Грегг бросил официанту горсть монет и вылетел из закусочной. Он едва не споткнулся о ступеньку и удержался на ногах лишь благодаря тому, что крепко вцепился в удивленного швейцара.

Лифт… Грегг проклинал его медленный ход. Дверь квартиры была открыта. Из нее выходил Хэлисон.

— Премильно хэлло, — приветствовал его Хэлисон. — Я забегал за чистой рубашкой.

— Подождите, — с отчаянием сказал Грегг. — Я хочу поговорить с вами.

— Пока еще некогда. Я до сих пор ищу полеон энтар… еще не нашел…

— Хэлисон! Когда вы поговорите со мной?

— С ночь со среды. Завтра. Я должен буду вернуться, чтобы в четверг увидеть Рэнил-Менса. А он, кстати, еще умнее меня.

— А дыра не закроется совсем?

— Конеш нет. До тех пор пока поступает сила мысли. Она закроется не раньше, чем занито

примерно через две недели.

— Я боялся, что останусь на другой стороне, как в ловушке.

— Слуги-роботы каждый день приносят пищу; вы бы не проголодались. Вы можете вернуться этой ночью, когда отверстие опять откроется поленто. Безопасно. В моем мире никто не приносит вреда другим. Помогать и лечить для общего блага… Плохой перевод. От вашего языка… разит сакраментом.

— Но…

Хэлисон выскользнул за дверь, как призрак, и уже спускался по лестнице. Грегг помчался за ним, но тот легко оставил его позади. Помрачнев, он вернулся к себе. А все-таки завтра ночью…

Завтра ночью!

Ладно, сейчас он, во всяком случае, может потратить время на хороший обед. Утешенный этой мыслью, Грегг пошел в свой любимый ресторан и съел телячий эскалоп. Потом он встретился с Макферсоном и передал ему свой разговор с Хэлисоном. Макферсон выслушал его без особой радости.

— Никто в его мире не приносит вреда другим, — процитировал Грегг.

— Все равно… не знаю. А все-таки я боюсь.

— Я пролезу туда опять и посмотрю, что там еще есть интересного.

Грегг так и сделал. Он даже не подождал, пока дыра станет достаточно широкой, и бросился головой вперед. При этом он оттолкнулся от стены и стукнулся лбом о стол, но так как стол был из довольно упругого материала, это не имело значения. У будущего были свои удобства.

Эта ночь была повторением предыдущей. Грегг сгорал от любопытства. Его окружали тайны культуры, далеко обогнавшей его собственную, и ключ к этим тайнам был так близко, что Грегг почти мог ощутить его кончиками пальцев. Ждать теперь стало совсем уж невмоготу.

Но ему приходилось ждать. Он до сих пор не разгадал, как открывалась дверь, и забыл спросить об этом Хэлисона. Если здесь и существовали телефон или телевизор, то они были запрятаны в каком-то тайнике, и Грегг не мог их обнаружить. Ну да ладно.

В среду Грегг пошел на работу, но вернулся домой рано и не находил себе места от нетерпения. Ненадолго заглянул Макферсон. Но Грегг выпроводил его: ему не хотелось разговоров втроем. Он начал записывать на бумаге вопросы, которые собирался задать Хэлисону.

В шесть тридцать пять отверстие начало открываться.

В полночь Грегг чуть с ума не сошел от ожидания.

В два часа он разбудил Макферсона и попросил, чтобы тот с ним выпил.

— Он забыл про меня, — беззвучно проговорил Грегг, закурив сигарету и тут же бросив ее в пепельницу. — Или с ним что-нибудь случилось. Проклятье!

— Времени у вас сколько угодно, — проворчал Макферсон. — Не расстраивайтесь. Я-то надеюсь, что он не появится.

Они ждали долго. Отверстие начало медленно сужаться. Грегг в сердцах бубнил монотонные проклятия. Зазвонил телефон. Грегг ответил и после короткого разговора положил трубку. Когда он повернулся к Макферсону, лицо у него было расстроенное.

— Хэлисон убит. На него наехал грузовик. В кармане его пиджака нашли мою визитную карточку.

— Откуда вы знаете, что это Хэлисон?

— Мне его описали. Подумайте, Мак, как не повезло! И нужно же было этому… чтоб его… ходить по улицам, лезть под грузовик. Черти бы

его разорвали!

— На то была воля Провидения, — тихонько сказал Макферсон, но Грегг его все-таки услышал.

— Остается все же Рэнил-Менс.

— Еще неизвестно, кто он такой.

— Конечно, друг Хэлисона! — Грегг говорил резким тоном. — Завтра — в четверг — он придет в квартиру Хэлисона. Вот вам первая возможность вступить в контакт с человеком из того мира, Мак. Я ведь был там еще этой ночью. И не мог выйти из его комнаты. Не мог найти дверей. Но если я буду там завтра, когда придет Рэнил-Менс…

— А что, если отверстие больше не откроется?

— Хэлисон сказал, что откроется. Это вполне логично. Энергия мысли, как и всякая другая, должна тратиться постепенно, если только она не выключена. А смерть Хэлисона, очевидно, не выключила ее.

Грегг кивнул в сторону отверстия, которое медленно закрывалось.

— Говоря словами пророка — отыди от зла, — предупредил Макферсон.

Он вышел и приготовил себе бокал почти не разбавленного шотландского виски. По спине его струйкой пополз холодный, расслабляющий страх. Они еще немного поговорили, не решив

ничего определенного. В конце концов Грегг полез в дыру, потом выглянул из нее, как портрет из круглой рамы.

— Пока все идет хорошо, — объявил он. — Завтра увидимся, Мак. И я смогу рассказать вам многое.

Макферсон сжал кулаки так, что ногти впились ему в ладони.

— Не лучше ли вам передумать? Я бы хотел…

Грегг усмехнулся:

— Не выйдет. Я мальчик, который на этот раз хочет получить ответы на свои вопросы. И наконец, зарубите себе на носу, Мак, что никакой опасности здесь нет.

— Ладно.

— Дайте мне бокал. На той стороне нет виски… спасибо. Желаю счастья!

— Желаю счастья! — повторил Макферсон.

Он сидел и ждал. Отверстие сужалось.

— Через минуту будет слишком поздно, Мэннинг.

— И сейчас уже слишком поздно. Скоро увидимся, дружище. Завтра в шесть тридцать. И может быть, я приведу с собой Рэнил-Менса.

Грегг поднял бокал. Отверстие постепенно уменьшилось до размеров десятицентовой моне-

ты. И исчезло.

Макферсон не шевелился. Он сидел на месте и ждал. Он был во власти страха, холодного, безотчетного и неодолимого, хотя, разумеется, противоречащего всякой логике.

И тогда, не оборачиваясь, он почувствовал, что в комнате кто-то есть.

В поле его зрения появился Хэлисон.

— Безназванно опоздал, — объяснил он. — Ну ладно, вернусь завтра ночью. Жаль только, что пропущу Рэнил-Менса.

Пары алкоголя, казалось, вихрем закружились в голове Макферсона.

— Грузовик, — проговорил он. — Грузовик. Несчастный случай.

Хэлисон пожал плечами:

— У меня совсем иной обмен веществ. И со мной часто бывает столбняк. От нервного шока я как раз и пришел в это септольное состояние. Я проснулся в этом… как его?.. морге, объяснил там приблизительно, что со мной произошло, и прибежал сюда. Но слишком поздно. Я до сих пор не нашел того, что искал.

— А что же вы искали?

— Я ищу Хэлисона, — пояснил Хэлисон, — потому что он был потерян в прошлом, а Хэлисон не

может вновь обрести свою целостность, пока я не найду его. Я работал много-много, и однажды Хэлисон ускользнул и ушел в прошлое. И вот теперь я должен искать.

Макферсон похолодел как ледышка: он понял, чем объяснялось странное выражение глаз Хэлисона.

— Рэнил-Менс, — проговорил он. — Значит… о господи!

Хэлисон протянул дрожащую шестипалую руку.

— Убийно. Так вы знаете, что они сказали. Но они ошибались. Я был изолирован, для лечения. Это тоже было неправильно, но это дало мне время открыть дверь в прошлое и искать Хэлисона там, где он потерялся. Слуги-роботы давали мне пищу, и меня оставили в покое, который был мне полноместно необходим. Но игрушки, те, что они положили ко мне в комнату, не были мне нужны, и я ими почти не пользовался.

— Игрушки…

— Зан, зан, зан. Далекно тайничный… но слова ведь меняются. Даже для гения этот способ очень мучительный. Я не то, что они думают. Рэнил-Менс понимал. Рэнил-Менс — это робот. Все наши врачи — роботы, обученные в совершен-

стве выполнять свои обязанности. Но вначале было тяжело. Лечение… зан, зан, зан, дантро. Нужен сильный мозг, чтобы выдержать лечение, которое Рэнил-Менс применял ко мне каждую неделю. Даже для меня, гения, это было… зан, зан, зан, и они, быть может, хватили через край, вихревым способом навсегда изгоняя из меня побочные сигналы…

— Что же это было? — спросил Макферсон. — Что это было, черт вас побери?

— Нет, — внезапно повалившись на ковер и закрыв лицо руками, проговорил Хэлисон. — Финтакольцевое и… нет, нет…

Макферсон подался вперед; он весь покрылся потом; рюмка выскользнула у него из пальцев.

— Что?!

Хэлисон поднял на него блестящие невидящие глаза.

— Лечение шоком от безумия, — сказал он. — Новое, ужасное, долгое, долгое, бесконечно долгое лечение, которое Рэнил-Менс применял ко мне раз в неделю, но теперь я не против этого лечения, и оно мне нравится, и Рэнил-Менс будет применять его к Греггу вместо меня, зан, зан, зан, и вихревым способом…

Все теперь встало на свое место. Мягкая мебель,

отсутствие дверей, окна, которые не открывались, игрушки.

Палата в больнице для умалишенных.

Чтобы помочь им и вылечить их.

Шокотерапия.

Хэлисон встал и пошел к открытой двери.

— Хэлисон! — позвал он.

Его шаги замерли в передней. Тихонько доносился его голос:

— Хэлисон в прошлом. Зан, зан, зан, а я должен найти Хэлисона, чтобы Хэлисон снова стал цельным. Хэлисон, зан, зан, зан…

В окна заглянули первые лучи солнца. Наступало утро четверга.

Трофей

Майор Сатура уважал логику. В качестве представителя Японской империи он на протяжении многих лет неукоснительно следовал в высшей степени логичным приказам своих военачальников — сначала будучи студентом-медиком в Вене, затем — интерном в Нью-Йорке и, наконец, став практикующим хирургом и работая во многих значительных городах мира. В соответствии с этими приказами он не забывал смотреть в оба, и Токио получил от красавца майора Сатуры очень много ценной информации.

Даже сейчас, заброшенный судьбой на необитаемый островок в Тихом океане где-то между Новой Гвинеей и Каролинскими островами, Сатура оставался хорош собой, на тот загадочный, лощеный манер, который многие женщины находят невыразимо привлекательным. Ночью он ухитрился побриться, в темноте и без зеркала. А вот капрал янки, единственный уцелевший из всего экипажа американского бомбардировщика, наверняка уже смахивал на обезьяну. Упадочная раса, эти белые. Даже немцы… впрочем, майор

немедленно прогнал крамольную мысль о союзниках. Это не его дело. У военачальников свои планы.

Он высадился на острове два дня назад и с тех пор успел столкнуться с необъяснимой загадкой. Все началось прошлой ночью, когда на западе показался самолет янки и люди Сатуры по его приказу подали сигнал бедствия. Если бы все прошло хорошо, самолет приземлился бы на берегу, экипаж вышел бы наружу, и его расстреляли бы из засады. К несчастью, события начали развиваться в неожиданном направлении.

Когда самолет янки заходил на посадку, показался еще один воздушный корабль. Внешне он напоминал тупорылую торпеду, летел низко и невероятно быстро. Немцы? Возможно. Как бы то ни было, корабль явно преследовал американцев. С оглушительным ревом промчавшись над островом на бреющем полете, он поднял ураганный ветер, который подхватил накренившийся самолет янки и зашвырнул его в пенный прибой, превратив в груду искореженных обломков.

А потом эта странная машина взяла и исчезла. Быть может, приземлилась на другой стороне острова, Сатура не мог утверждать этого наверняка, но допускал такую возможность. На Тихом

океане сейчас опасно — и будет опасно до тех пор, пока Япония не сокрушит всех своих врагов и не установит диктатуру над странами Востока, как того требует император.

Японские и американские солдаты вступили в бой. Даже несмотря на гибель самолета, боевой дух янки оказался сильнее, чем можно было ожидать. Когда они выбрались на мелководье, из зарослей на них обрушился смертоносный град пуль — но, вопреки всякой логике, американцы не остановились. Те, кто не упал, сраженные огнем японцев, продолжали наступать. Дело дошло до ближнего боя, противники стреляли в упор и орудовали штыками, и, когда все было кончено, белый песок покраснел от крови и более дюжины трупов остались лежать на берегу.

Тела майора Сатуры среди последних, разумеется, не было. Он держался в стороне, выжидая своего часа. Этот час должен был пробить достаточно скоро, поскольку в бою уцелели только два американца и, скорее всего, одному из них оставалось жить не так уж долго. Тем не менее капрал янки был вооружен, и… и не имело смысла рисковать. Другое дело — ловушка, засада…

Не теряя присутствия духа, майор нашел убежище в зарослях пандануса, подальше от берега,

и всю ночь невозмутимо приводил себя в порядок, словно находился в своих роскошных апартаментах в Токио. Тщательно почистил пистолет, а штык спрятал под кителем. И пока он всем этим занимался, в его мозгу начал смутно вырисовываться план. Майор не сомневался, что выйдет победителем, поскольку знал, что может положиться на свой мозг, этот превосходно отлаженный коллоидный механизм, благодаря которому он стал одним из самых успешных хирургов, а также одним из самых успешных шпионов на службе императора.

Тем не менее кое-что вызывало у Сатуры беспокойство. В самом деле, странно: как на тропе среди диких джунглей могла оказаться груда золотых монет? Он наткнулся на них ночью, и в ярком свете тропической луны монеты так и сверкали. Сначала мелькнула мысль, что это мираж…

Нет, это был не мираж. Самые что ни на есть настоящие монеты, законное платежное средство — английские соверены, сияющие, как мечта Мидаса. Наверняка они заминированы, подумал Сатура. Очень дорогостоящая ловушка. Слишком дорогостоящая. Может, это янки подбросил монеты? Нет, у него не было времени. Тогда кто?

Непонятно. На всякий случай Сатура осторожно обошел сокровище, держась от него как можно дальше. Под золотом наверняка спрятана граната… Да, безусловно, очень странная находка.

Сидя под хлебным деревом, майор массировал длинные тонкие пальцы. Прохлада ночи сдавала свои позиции — сквозь переплетение ветвей уже проглядывало жемчужно-розовое зарево рассвета. Сатура снова подумал о торпедообразном воздушном корабле, который видел вчера. Интересно, он приземлился? Может, это те, кто прилетел на нем, расставили ловушку? Но тогда на чьей они стороне? Сильная рука Сатуры любовно погладила сталь штыка, спрятанного под кителем.

Он решил еще раз обследовать поле вчерашней битвы и двинулся на разведку. Через полчаса стало ясно, что в живых остался только один противник — капрал, но американца нигде не было видно. На бесстрастное лицо Сатуры набежала тень. Враг мог затаиться в засаде где угодно!

И не то чтобы Сатура наивно верил в святость человеческой жизни вообще и жизни японцев в частности. Для него, опытного хирурга, тела были просто телами, не важно, к какой расе они принадлежали. Кровь что у янки, что у японцев

одного цвета. Однако демонстрировать это на собственном примере у Сатуры не было ни малейшего желания.

Поэтому он нашел у себя чистый носовой платок — у такого человека, как майор Сатура, не могло не быть чистого платка, — привязал его к палке вместе со своим пистолетом и поднял этот импровизированный флаг перемирия. Он был уверен, что янки не застрелит его без переговоров, хотя и будет держаться настороже. Тщательно все спланировав, Сатура вытащил штык из-за пазухи и спрятал его под упавшим листом пандануса рядом с грудой золота, которую нашел на тропе в глубине острова. При этом к самому золоту он не прикоснулся — майор Сатура, с его прекрасным логическим мышлением, никогда бы не попался на такую приманку.

Вместо этого он вышел на побережье и принялся громко кричать «Kamerad!» на нескольких языках. Там же, на берегу, забинтовал правую руку, слегка измазав ее кровью убитых и подвесив на перевязи. Для большей убедительности.

Все эти меры, однако, ничуть не убедили капрала Фила Джанегана с меньшей неприязнью относиться к поганым япошкам. Послужив на Тихом океане, он уяснил для себя, что эти узкоглазые

низкорослые люди невероятно безнравственны и что для них цель всегда оправдывает средства. Перл-Харбор и казни в Токио наглядно это показали. Хотя, в общем-то, бойня в Токио никого особенно не удивила. И без нее было ясно, что японцы на войне не придерживаются международных соглашений. Просто те казни добавили еще один пункт к длинному перечню претензий, который рано или поздно будет им предъявлен.

Вот почему, когда капрал Джанеган, крупный, мускулистый детина, который видел смысл своего участия в войне в том, чтобы убивать япошек, вышел из джунглей, его автоматический пистолет был направлен на Сатуру, а лежащий на спусковом крючке средний палец подрагивал. Указательный палец капрал потерял в Новой Гвинее, что, однако, не помешало ему остаться метким стрелком. Он смотрел на майора, майор смотрел на него, и в жарком тропическом воздухе между ними трепетала смерть. Лежащие на песке свидетели этой встречи, увы, не могли уже ничего ни сделать, ни сказать.

— У меня флаг перемирия, — глядя в дуло пистолета, внезапно заговорил Сатура.

Так и произнес — «флаг». В отличие от большинства японцев он умел выговаривать чужеземное

«л».

Джанеган не отвечал, однако его серые глаза распахнулись чуть шире.

— Ты не можешь не уважить перемирие, капрал, — продолжал Сатура. — Я не вооружен. Мой пистолет…

— Вижу, — проворчал Джанеган. — Навоевался вчера вечером, да? Ты… — И для убедительности он добавил несколько отборных ругательств.

Майор тем временем присмотрелся к своему противнику, и результаты наблюдений его обнадежили. Этот американец явно не блещет умом. Провести его не составит труда. И раз капрал не выстрелил до сих пор, он и не станет стрелять. Это же основы психологии, и все равно, на каком языке говорит человек.

— Мне просто повезло. — Сатура улыбнулся. — Не я в ответе за это. Я хирург, капрал, о чем свидетельствуют мои знаки различия. Мое дело — исцелять.

— Ты командовал этими людьми, — проворчал Джанеган, не двигаясь и скользя взглядом по телам на берегу. — Устроил засаду, да?

— Тот, кто командовал, мертв. Я оставил его несколько часов назад, в глубине острова. Он был ранен в бою.

Джанеган снова выругался и вдруг спросил:

— А что за странный самолет гнался за нами? Ваш?

— Нет. Не знаю. У него не было крыльев. Какого-то нового типа. Я подумал, может, это враг… в смысле, корабль союзников… Тут так неудобно стоять! Солнце светит мне в глаза. Можно, я… Так ты уважишь перемирие?

— Как же, перемирие! Знаю я вас, обезьян… — Джанеган сделал шаг вперед. — Подними руки. Нет, сначала брось пистолет. Вот так. А теперь посмотрим, что ты припрятал в рукаве.

— Я безоружен.

— Сейчас увидим.

Джанеган быстро обыскал майора. Тот сказал правду, поскольку его хитроумный план предусматривал этот шаг капрала. Сатура был безоружен, если не считать безопасной бритвы и маленьких ножниц в небольшой аптечке первой помощи.

Джанеган подобрал пистолет японца и сунул его в карман.

— Ну, теперь ты, значит, мой пленник. Хотя… мы оба пленники. С острова-то никак не выбраться, а?

— Мне не известно ни одного способа сделать

это.

— Спустя неделю, если не раньше, тут должен появиться один из наших самолетов. Мы успели сообщить по радио координаты, когда шли на посадку. Правда, помехи были сильные — где-то за час до того, как мы упали, эфир наполнился шумом. Так что парням понадобится время, чтобы найти нас. Но они найдут, и тогда, обезьяна, ты сядешь за решетку до конца войны.

Сатура пожал плечами.

— Я хирург, не воин, — сказал он.

И не соврал. «Воин» и «убийца» — это и в самом деле не одно и то же.

— А кстати, эта ловушка в джунглях — твоя работа? — спросил майор.

Джанеган непонимающе уставился на него, и японец торопливо описал золотую груду.

— Не знаю, откуда там взялось золото, но только оно там лежит не так уж долго. Монеты даже не успели запылиться.

— Если ты рассчитываешь поймать меня на такой дешевый трюк, ты еще глупее, чем кажешься.

— Как пожелаешь. Я просто подумал, что, может, тот, другой корабль приземлился где-то на острове.

— Остров невелик, — сказал капрал. — Если он здесь, мы найдем его.

— А может, его команда найдет нас раньше. И они окажутся союзниками… одного из нас.

Джанеган обдумал это соображение. Аж лоб наморщил от усилий.

— Ладно, — сказал он наконец. — Я по-прежнему считаю, что ты лживая ящерица, но, так или иначе, остров осмотреть надо. Так что давай, двигай. Держись все время впереди, если не хочешь получить пулю в живот.

На мгновение на жестком лице янки вспыхнуло выражение первобытной ярости. И хотя оно тут же пропало, Сатура еще больше утвердился в мысли, что, имея дело с этим человеком, нельзя идти напролом. Тут нужно действовать хитростью. Может, засада… или смертельная ловушка…

А ловушка уже была расставлена.

Итак, они двинулись по тропе в глубь острова и вскоре наткнулись на груду золота. Джанеган остановился, поглаживая спусковой крючок и недобро щурясь. Сатура, впереди него, тоже замер и многозначительно пожал плечами.

— Видишь, я не солгал. Мы не одни на этом острове.

— Из всех безумных вещей это… — пробормотал капрал. — Бросить чистое золото вот так вот, посреди леса! Небось заминировано, а?

— Может… — начал Сатура и замолчал.

Несмотря на тропическую жару, майора будто холодной водой окатили. Потому что груда золота внезапно… исчезла.

Как сквозь землю провалилась.

А потом там, где только что было золото, появилось нечто другое… Оно… она вмиг возникла прямо на пустом месте, такая реальная, такая живая, что трудно было не позабыть о чудесном способе ее появления. Это была девушка, высокая, стройная, с фигурой Афродиты. Ее тело представляло собой симфонию плавных, текучих линий. Оно было безумно изящно и привлекательно, даже не верилось, что такая красота может существовать в этом мире…

Но тело это было *необитаемым*!

Глаза красавицы походили на зеркала — блестящие, бесцветные, ничего не выражающие глаза, затененные длинными ресницами. Черные как ночь локоны струились по округлым плечам, руки были раскинуты в стороны…

Но в глазах не было ни капли жизни. Никакое волшебство, никакая неземная наука не могли

вдохнуть душу в этот прекрасный мираж.

Сатура первым осознал это. И его разум, пусть и не понимая природу чуда и целей его создания, ухватился за возможность, которой майор ждал. Один враг лучше, чем два. Почти у самых его ног под листом пандануса лежал спрятанный загодя штык.

Майор упал на колени. Взгляд Джанегана метнулся к нему, не заметил опасности и возвратился к девушке. Палец американца по-прежнему лежал на спусковом крючке, но решимость покинула капрала — он стоял столбом и чего-то ждал, обескураженный, растерянный, сбитый с толку. Сатура выжидать не стал. Он вскочил на ноги и бочком, бочком, чтобы его тело заслоняло штык, отошел в сторону, якобы в ужасе перед призраком.

— Стреляй, — прошептал он. — У тебя есть пистолет. Стреляй в нее, капрал. Не медли! Она опасна. Неужели ты не видишь?

— Нет, — ответил Джанеган. — Это же просто девушка. — Затем он добавил громче, внезапно охрипшим от напряжения голосом: — Какого дьявола ты тут делаешь? Отвечай немедленно! Знаешь, что такое пистолет?

— Этого она, может, и не знает, — сказал Са-

тура. — Но зато прямо сейчас узнает, что такое штык.

С этими словами он нанес удар. В его умелых, сильных руках острая сталь проникла глубоко, и Джанеган протяжно застонал от боли. Раненый капрал попытался направить пистолет на Сатуру, но майор с силой ударил его по запястью. И Джанеган сгорбился, кашляя кровью.

Тем не менее он ухитрился пнуть Сатуру ногой в бок. Штык вошел в тело не совсем под нужным углом и лишь ранил, а не убил янки. Американец был по-прежнему жив, и это совершенно не устраивало майора.

Помогло джиу-джитсу. Драка закончилась тем, что Сатура сумел ухватить штык и повернуть его в ране. Джанеган затих. Испустив долгий вздох облегчения, майор вытащил штык, и из спины американца потоком хлынула кровь.

Сатура отступал, держа американца на прицеле и настороженно поглядывая на девушку. Та не двигалась и не говорила. Когда он отошел на расстояние около десяти футов, Джанеган снова зашевелился — этим упрямым янки свойственна невероятная живучесть. Пошатываясь, он поднялся и попытался броситься на майора. Сатура выстрелил. Пуля попала в цель.

— Ты… косоглазый…

Снова послышался треск пистолетного выстрела, однако Джанеган, хоть и тяжело раненный, на этот раз успел отпрыгнуть в сторону. И прежде чем Сатура смог выстрелить снова, капрал головой вперед нырнул в заросли и скрылся из виду. Он с шумом ломился сквозь густые джунгли, и настигнуть его там не составило бы труда, но Сатура поступил иначе. Сощурив глаза, он вскинул пистолет и выпустил несколько пуль наудачу, широким веером. Послышался сдавленный крик и звук падения тела.

Только тогда, очень настороженно, Сатура двинулся следом.

Однако Джанегана он не нашел. Кровавый след уводил в зеленый сумрак. Майор решил, что игра не стоит свеч. Как хирург, он понимал, что янки смертельно ранен и нет никакого смысла попусту рисковать жизнью, преследуя его. Поэтому, нацепив на лицо очаровательную улыбку, Сатура вернулся, чтобы разобраться с миражом.

Девушка исчезла.

А на ее месте обнаружился превосходный коротковолновый радиопередатчик.

Да что тут, черт побери, происходит? Может, все-таки это мина? На всякий случай майор

несколькими выстрелами уничтожил передатчик. Сам он, конечно, не решился бы его использовать, но не хотел предоставить такую возможность Джанегану, если тот еще жив.

Превратив передатчик в обломки, Сатура вернулся на берег, собрал оружие, бóльшую его часть забросил далеко в море, а себе оставил только патроны. Выходя из моря в последний раз, он с удивлением обнаружил на берегу еще один подарочек.

Это был самолет без экипажа, само присутствие которого здесь казалось совершенно невероятным. Лицо Сатуры, и прежде совершенно бесстрастное, превратилось в маску хладнокровия. Он вскинул пистолет, тщательно прицелился, но стрелять не стал. Менее разумный человек на его месте, скорее всего, испытывал бы страх. Возможно, не избежал этого и Сатура, однако он хорошо понимал, какую губительную роль может сыграть страх, если ему поддаться, и как важно держать нервы под контролем.

Безжалостная логика подсказывала, что тут не может быть никакого самолета. А высокоразвитый, вооруженный обширными познаниями мозг всегда следует логике.

Самолет так и приглашал забраться внутрь…

Майор вскинул бровь, осторожно обошел его и углубился в джунгли. Пройдя несколько футов вдоль тропы, он заметил кое-что, чего не видел прежде: свет, поблескивающий на металле. Автоматический пистолет.

Пистолет логическому объяснению поддавался: его вполне мог прошлой ночью обронить какой-нибудь янки. А майор Сатура всю жизнь следовал логике. Поэтому он сделал шаг вперед и наклонился, чтобы подобрать пистолет…

Рука прошла сквозь металл. Майор отскочил назад, уже понимая, что опоздал, и в тот же миг каждую клеточку его тела пронзила дергающая, свербящая боль. Свет вдруг сделался невыносимо ярким и ослепил Сатуру. Майор ощутил головокружение, земля ушла у него из-под ног. Казалось, что темные вихри рвут на части саму душу, яростно сотрясая ее. А потом все эти кошмарные метаморфозы исчезли без следа и так же внезапно, как появились.

Вот только теперь майор был не в джунглях.

Ловушка захлопнулась. Засада оказалась успешной. Западня сработала. Сатура оглядывался по сторонам, по-волчьи оскалив зубы. Вся его хваленая бесстрастность рассыпалась вдребезги. Логика ко всему этому не имеет — не

может иметь! — отношения. Это… это настоящее колдовство!

Майор Сатура тут же отбросил эту мысль и взял себя в руки. На помощь, как обычно, пришел здравый смысл. Со всех сторон его окружали стены. Он стоял в абсолютно голой светлой комнате площадью около семи квадратных футов. В одной стене виднелась дверь, хотя никаких признаков замочной скважины Сатура не обнаружил. Стены, пол, потолок — все было сделано из сероватого металла, испускающего бледное свечение, настолько рассеянное, что предметы не отбрасывали теней.

Тюрьма?

Сатура ждал, что враг как-то проявит себя, но ничего не происходило. Наконец майор сунул пистолет в кобуру и медленно двинулся к двери, при каждом шаге носком сапога осторожно пробуя пол.

Он вспомнил, как действуют охотники: расставляют ловушки и возвращаются в свою хижину, а потом лишь время от времени обходят капканы и силки. Если так, может быть, врага сейчас здесь нет? Возможно. По крайней мере, Сатура надеялся на это. В таком случае у него будет чуть больше времени, чтобы разобраться в этой таинственной

истории.

Дверь выполняла свои функции безупречно. На свете существовало очень мало людей, способных проникнуть в тайну запирающего ее замка. Однако Сатура обладал интеллектом значительно выше среднего уровня, а его руки были руками хирурга, привыкшего действовать чрезвычайно выверенно, не допуская даже самых ничтожных неточностей. Кое-какие инструменты нашлись у него в аптечке первой помощи, вместо недостающих он использовал то, что было под рукой. Он трудился над дверью пять часов, и все это время по гладким щекам струился пот, пóтом пропитался и китель. Раз в час майор позволял себе пятиминутный перерыв на отдых. Но не более того.

Нужно использовать все преимущества, которые давала отсрочка. А то, что это именно отсрочка, не вызывало сомнений. И пока умелые пальцы Сатуры неустанно трудились, он все больше убеждался в том, что столкнулся с чем-то поистине невероятным. Разум, который изобрел этот замок, определенно не был человеческим, поскольку принципы замка, эти хитроумные сочетания ритма и нажима, не базировались на обычных законах физики. Похоже, и дверь,

и замок были созданы в расчете на необычные условия — например, очень высокое или низкое атмосферное давление. На Земле таких условий не существует, разве что в глубинах океана или в верхних слоях стратосферы.

Продолжая работать, майор пытался выстроить хоть какую-то гипотезу. Однако данных для этого явно не хватало — так, всего лишь несколько смутных намеков, ничего особенно не проясняющих. Вопреки своему стоицизму, Сатура чувствовал, как в его душе нарастает напряжение, будто кто-то все больше взводит тугую пружину. Если дверь не поддастся в самое ближайшее время…

Но она в конце концов поддалась, бесследно исчезла, словно лопнувший пузырь, и на ее месте открылся прямоугольный проход. Силовое поле, надо полагать. Впрочем, сейчас это не имело значения. Сейчас важно, выражаясь на американский манер, как можно быстрее «рвать когти».

Сквозь дверной проем видно было немного. Мерцающие стены тюрьмы едва-едва освещали пространство за порогом, но постепенно глаза майора привыкли к полумраку. Пусть и не сразу, но Сатура понял, что за дверью находится еще одно помещение, хотя и весьма необычное по

форме и размерам. Там, насколько ему удалось разобрать, ничто не двигалось, не издавало никаких звуков. Впрочем, в неверном свете он мог и обмануться.

Благодаря полумраку казалось, будто в помещении царит зловещая атмосфера, в духе готических романов. И в то же время оно выглядело странно знакомым… У Сатуры возникло необъяснимое чувство, будто он уже видел нечто подобное, хотя, конечно, такого быть не могло.

Он сделал несколько шагов вперед и замер, выжидая. Тусклый свет, льющийся из дверей камеры за его спиной, отбрасывал на дальнюю стену огромную тень Сатуры. Стена была изогнутой, но в ней присутствовали и плоские участки, и углы, о существовании которых майор скорее догадывался.

В воздухе висело множество прозрачных цилиндров разных размеров. Они парили без всякой опоры, если не считать тонких, как карандаш, горизонтальных лучей, выходящих из торцов каждого, — цилиндры свисали с этих пучков света, как гамаки. И лишь возвышение, уставленное незнакомой аппаратурой, навело майора на верную мысль.

Это был операционный зал.

Сатура быстро оглянулся, увидел еще одну дверь, на этот раз открытую, и торопливо прошел сквозь нее. Он, конечно, был вооружен, однако сильно сомневался, что от его пуль будет толк против… против Охотника.

Охотник со звезд. Исследователь, инопланетянин, не-человек, выискивающий своих жертв в отдаленных глубинах космоса… Его трофеи висели в огромном зале, где теперь оказался Сатура. Тот зал был огромным, с сообразным его ширине высоким потолком, и утопал в полумраке, отчего казался еще больше. Сквозь серые тени медленно проступали предметы, каких не увидишь и в кошмарном сне, — трофеи Охотника, развешанные на голых стенах, отлично сохранившиеся, выглядевшие совсем как живые.

Экспонатов с Земли было немного. Голова слона с изогнутым хоботом и горящими красными глазами; лапы с длинными когтями — лапы, и больше ничего, — скорее всего, принадлежавшие кроту, известному своим умением рыть под землей норы; блестящие кольца с хвоста гремучей змеи; еще несколько трофеев с этой планеты. Все очень логично и функционально — здесь было представлено только то, что является главным фактором выживания в процессе эволюции. Крот

живет благодаря своим лапам; для тех же целей — и, в частности, для добывания пищи — предназначен сильный, гибкий хобот слона. А висящие рядом похожие на пузыри предметы были, скорее всего, чернильными мешками каракатицы.

С этими экспонатами все было ясно. Чего не скажешь об остальных. «Охотник обыскал множество миров, чтобы добыть эти трофеи», — подумал Сатура. От волнения у него пересохло во рту. Зеленоватая трехглазая звериная голова, увенчанная гибкими щупальцами, — какая планета породила это клыкастое чудовище? А этот невероятный комок плоти, утыканный блестящими, как самоцветы, кристаллами, — каким целям он служил?

Трофеев было множество — весь огромный зал был увешан ими, но Сатура не стал надолго задерживаться. Его интересовало одно — как отсюда сбежать.

Он обнаружил, что ни одна дверь не заперта — кроме двери его тюрьмы. Из зала с трофеями он перешел в помещение, выглядевшее как жилая каюта, хотя обстановка явно не предусматривала удобство в человеческом понимании этого слова. У майора даже возникло неприятное подозрение, что, возможно, Охотник не является созданием из

плоти и крови. Теоретически нельзя исключать возможности существования созданий из чистой энергии. Или из комбинации энергии и плоти… скажем, на основе углерода и электричества.

Машинное отделение, расположенное на носу корабля. Сейчас Сатура не сомневался, что находится внутри того похожего на торпеду аппарата, который видел прошлой ночью. Это подтверждалось изгибом стен и планом помещений. Двигатели… при виде них внутри у Сатуры все заледенело. Он попытался прикоснуться к одному, но в нескольких дюймах от пластиковой решетки его рука наткнулась на невидимую преграду. Снова силовое поле, надо полагать. Или что-то в этом роде.

В конце концов он по чистой случайности нашел ту дверь, которую искал. Размещена она была высоко над полом, как будто Охотник влетал и вылетал сквозь нее, чего Сатура, ясное дело, сделать не мог. Он подтащил к стене несколько странных на вид предметов обстановки, соорудил из них пирамиду и вскарабкался на нее. Сердце майора бешено колотилось — в любой момент Охотник мог вернуться!

С дверью особых хлопот не возникло. Поворот, толчок — и створка открылась, впустив теплый,

насыщенный запахом гибискуса ветер. Было еще рано, солнце только-только перевалило через зенит. Корабль стоял прямо посреди тропического леса — Охотник не делал никаких попыток спрятать или замаскировать его.

До земли было далеко, однако Сатура предпочел рискнуть и прыгнуть, нежели испытывать судьбу, замешкавшись. Приземлился майор не очень удачно и даже подумал, что сломал лодыжку, однако боль быстро прошла, и он, слегка прихрамывая, углубился в джунгли. Только раз он оглянулся, но ничего нового не увидел, лишь неподвижно покоящийся на чужой земле космический корабль.

Майор побежал. Сейчас ему стало известно гораздо больше, и выводы из всего увиденного получались неутешительные. Прежде всего, он отдавал себе отчет в том, что этого противника физически ему не одолеть. Пули — какая чушь! Майору могли помочь лишь тщательно продуманная стратегия и логика.

Он заброшен на остров, где, кроме него и Охотника, никого нет. Не вызывает сомнений, что, когда Охотник вернется, его фантастическое научное оснащение позволит ему запросто выследить и снова пленить Сатуру. Майора и

спасло-то лишь временное отсутствие Охотника.

Все сходится. Охотники на крупную дичь всегда коллекционируют трофеи. По-видимому, жизнь существует и в других планетарных системах, и нет никаких оснований полагать, что она повсюду развивается точно так же, как на Земле. Наука базируется на жестких принципах, и потребность в образцах будет всегда. Трофеи коллекционируют по двум причинам: в качестве биологических образцов и забавы ради.

Конкретно в данном случае явно преследовалась первая цель, но с определенным уклоном. Охотник вешал на стены не просто головы созданий, которых смог поймать. Он придерживался научного подхода и забирал в коллекцию лишь те органы, которые жизненно важны с точки зрения выживания. У крота — лапы, у слона — хобот, у человека… голову.

Сатура, решительно углубляясь все дальше в лес, задумчиво покивал собственным мыслям. Голова, мозг — вот что является определяющим органом для эволюции вида homo sapiens. Охотник наверняка преследовал самолет янки, вот только его планам помешала авария. Тогда он просто расставил везде ловушки и отправился куда-то по своим, ведомым лишь ему одному

чужеземным делам.

Более мелким человеком в подобных обстоятельствах, подумал майор, могла бы овладеть замешенная на суеверии трусость. Но Сатура был не таков. Он боялся, да, но этот страх не выбивал его из колеи, страх был не более чем сигналом, предупреждающим об опасности и тем самым обеспечивающим возможность уцелеть. Теперь никакие ловушки его не обманут.

Чтобы поймать тигра или крокодила, привязывают козленка. Чтобы заманить птицу, сгодятся и хлебные крошки. Чтобы поймать человеческое существо, требуется кое-что посложнее. Золото, женщина, оружие, возможность покинуть остров, которую предлагал тот самолет на берегу.

Что это, проекции образов или зрительные иллюзии? Как это было сделано? Сатура не знал. Впрочем, на данном этапе это его мало заботило. Суть в том, что Охотник может читать разум человека с такой же легкостью, с какой люди способны предвидеть реакцию кролика. Он даже, скорее всего, не счел необходимым лично заниматься подготовкой. Расставить ловушки и поймать Сатуру могли и должным образом натасканные роботы. Майор вспомнил операционный зал и обнажил зубы в безрадостной ухмылке.

Однако Охотник имеет дело с майором Сатурой, а не с каким-нибудь суеверным, беспомощным глупцом вроде… вроде, к примеру, капрала янки. Этот янки…

Сатура резко остановился, широко распахнув глаза, — его озарило, как можно спастись. Нет, это было не озарение; просто сделало свое дело логическое мышление, присущее его острому уму.

Посылка первая: Охотник хочет — иначе и быть не может — заполучить в качестве образца голову человека. В зале с трофеями ничего похожего нет.

Посылка вторая: пока не придет помощь, покинуть остров невозможно. На замкнутой территории и с помощью своей науки Охотник без труда выследит жертву.

Вывод: нужно найти другую жертву.

Итак, с облегчением понял Сатура, изменив курс в нужном направлении, решение найдено, но действовать следует быстро. Конечно, может оказаться, что Охотник желает заполучить не голову целиком, а только мозг. Что ж, остается надеяться, что все же голову. Ведь прочие трофеи выглядят как законченные части тела, а не как вычлененные органы.

Другая голова…

Майор наконец обнаружил оставленный Джанеганом кровавый след. Пройдя по нему, он нашел американца — тот лежал без сознания под колючими кустами, где, видимо, пытался спрятаться. Его туловище стягивала самодельная повязка — топорная работа, заставившая Сатуру презрительно улыбнуться. Впрочем, сейчас ему было не до злорадства — каждая секунда была на счету.

Он набрал дров, разжег костер, принес свежей воды из ближайшего ручья и подвесил котелок над огнем. Потом настала очередь аптечки первой помощи и бритвы. Стерилизовать инструменты в полевых условиях невозможно, но Сатура сделал все, что было в его силах.

После этого он раздел Джанегана и осмотрел его раны. Нанесенная штыком уже не кровоточила и выглядела вполне прилично. Другое дело — рана от пули, вошедшей в опасной близости от позвоночника.

Жарким днем на поляне в тропическом лесу майор Сатура занимался тем, что умел лучше всего: оперировал. Он был прекрасным хирургом, никто не посмел бы это оспорить. И никогда еще ему не доводилось делать операцию в таких сложных условиях. Приходилось постоянно напрягать

слух, ловя каждый звук, могущий свидетельствовать о том, что приближается опасность… о том, что Охотник вернулся. Нужно было закончить все до того, как это произойдет.

Три часа спустя дело было сделано, однако майор остался совершенно без сил. Капрал Джанеган по-прежнему пребывал без сознания, но теперь он будет жить: пуля удалена, раны промыты асептическим раствором и перевязаны. Сатура отступил на шаг, испустил долгий вздох и посмотрел на американца, лежащего у его ног.

Варвар. Самый настоящий варвар. Без сомнения, именно он станет трофеем Охотника, а майор Сатура уцелеет, чтобы продолжать служить своему императору и Стране восходящего солнца. Хотя без жертв не обойтись…

Какой, однако, урод этот янки! Ступни огромные, не то что у Сакуры, маленькие и изящные; и руки — грубые, мускулистые, на правой отсутствует указательный палец… разве их можно сравнить с тонкими, гибкими руками японского майора? Да-а, если придется выбирать между ними…

Нужно помочь Охотнику сделать выбор. Сатура открыл бритву, вынул лезвие и простерилизовал его. Взял маленькое металлическое зеркальце,

асептический материал, еще кое-какие необходимые предметы…

Поскольку Охотник хочет иметь голову… он наверняка предпочтет ту, которая в хорошем состоянии. Не искалеченную.

Сатура сделал себе местную анестезию, но все же время от времени шипел от боли. От подкожной анестезии немного толку, а такая ужасная мазохистская операция не может не быть болезненной.

Тем не менее это был логичный ход, и к тому же единственно возможный. Позже можно будет исправить нанесенный вред с помощью пластической хирургии. О, наверняка! Если не обращать внимания на несколько еле заметных шрамов, майор Сатура будет столь же неотразим, как раньше.

А пока придется потерять лицо…

Когда операция была завершена, майор превратился в настоящую горгулью. Повязки покрывали все, кроме глаз. Под повязками были умело перерезанные мышцы, гротескно расширенные раны, расщепленный рот… и прочее в том же духе. Дрожащими пальцами майор достал сигарету и раскурил ее. Операция оказалась тяжелее, чем он рассчитывал.

Джанеган очнулся.

Открыл глаза, увидел Сатуру и разразился потоком ругательств, не иссякавшим ровно десять минут, — майор засекал время. Когда янки наконец замолчал, Сатура улыбнулся.

— Неблагодарный! — Говорить ему было трудно из-за ран и повязок. — Я спас тебе жизнь. Ты, похоже, этого не заметил?

— И что с того? — взъярился Джанеган. — У тебя наверняка что-нибудь припрятано в рукаве. Наши парни прилетели? Рассчитываешь захватить меня в заложники?

— Не разговаривай. Ты все еще слаб, не стоит перенапрягаться.

— Какого черта! Я в норме.

Американец с трудом поднялся и, покачиваясь, сделал шаг вперед.

Сатура небрежным жестом вытащил из кобуры пистолет.

— Отдай должное моим медицинским навыкам. Да, ты будешь жить, капрал. Потеря крови большая, но ты силен… достаточно силен, чтобы побриться. Давай-ка, займись этим!

Джанеган вытаращился на него.

— А? Что за чушь?

— У меня не хватило времени, а то я побрил

бы тебя. Так что сделай это сам, иначе я тебя пристрелю. Вон там горячая вода. И учти, я не шучу. — Вкрадчивый тон майора превратился в приказной. — Делай, что сказано, и побыстрее!

Капрал Джанеган удивленно заморгал и пожал плечами. Сатура улыбнулся:

— Бритва против пистолета — не слишком подходящее оружие, если это у тебя на уме.

Ответа не последовало. Джанеган взял металлическое зеркало и принялся соскребать щетину со своих огрубевших щек.

— Ах ты, обезьяна, придурок чертов, — бормотал он, стирая остатки мыльной пены с лица. — Я всегда знал, что япошки сумасшедшие, — и вот, нате вам! Что тут происходит, можешь мне объяснить?

Сатура не отвечал. Он не сводил взгляда со сверкающей точки, появившейся на расстоянии футов десяти в пустом воздухе над поляной. Даже в надвигающихся сумерках он различал нечто, окружающее инопланетное создание, точно ажурный узор или сплетение теней, похожее на рентгеновский снимок. Очертания эти были настолько чужеродными, настолько нечеловеческими, что, когда Сатура пытался разглядеть пришельца, глаза отказывались ему

подчиняться.

Охотник вернулся.

Джанеган резко обернулся, Сатура чисто автоматически — поскольку понимал всю бесполезность этого действия — вскинул пистолет, и тут их накрыла завеса, состоящая из… пустоты. Майор почувствовал, как пистолет выпал из руки, и услышал стук его удара о землю. По ногам майора что-то скользнуло: это Джанеган бросился за упавшим оружием. Перед лицом этой непосредственной угрозы Сатура встрепенулся, попытался пнуть капрала ногой, но не попал.

Они с Джанеганом сцепились. Пистолет сейчас был у капрала, и… и…

И Сатура почувствовал, как тело американца уплывает прочь, растворяется — как и весь мир вокруг — в огромной пустоте, внезапно разверзшейся под ним. В последнее мгновение майор успел поразиться эффективности этой ментальной анестезии, а потом она подействовала. Забвение поглотило его.

Последняя сознательная мысль была о том, что он победил на дуэли с созданием, несравненно более могущественным, чем он сам. А все потому, что руководствовался логикой…

Голова Джанегана, а не его, Сатуры, изрезан-

ное лицо будет красоваться на стене в зале с трофеями.

Час спустя Сатура открыл глаза и увидел над головой клочок звездного неба. Он лежал на берегу, у самого края джунглей. И что-то его разбудило…

Неподалеку тяжело протопал человек, на ходу он громко, на чем свет стоит, ругался. Сатура узнал голос Джанегана. Американец явно не опасался быть обнаруженным.

Майор лежал молча, незаметный в сгущающихся тенях, и настороженно прислушивался. Вскоре шаги и ругань начали затихать, а потом и вовсе смолкли. Сатуру переполняли недоверие и дурные предчувствия. Что произошло? Охотник отверг обоих людей… счел их неподходящими для своей коллекции?

Боль жгла перевязанное лицо.

Он утомленно приподнял голову и оглядел собственное тело, заметив, что оба пистолета заткнуты за пояс. Видимо, во время последней схватки он все-таки сумел вырвать пистолет у Джанегана. Значит, американский капрал безоружен, беспомощен. И…

Почему Охотник не захватил свой трофей?

Сатура недоумевал лишь до тех пор, пока не попытался встать. Охотник оказался таким пре-

красным хирургом, а его исцеляющая мощь столь совершенна, что боль начисто отсутствовала. Кровотечение было полностью остановлено, разрез обработан антисептиками. Операционный зал инопланетного корабля все-таки пригодился еще раз. Охотник получил свой трофей — самую ценную для эволюции часть человеческого тела.

Не мозг, поскольку по сравнению с мозгом Охотника человеческий мозг был не лучше обезьяньего.

На Земле есть одно-единственное млекопитающее, которое может согнуть большой палец таким образом, чтобы он пересекал ладонь. Именно эта способность позволила человеку стать доминирующей расой.

Огненная полоса, прочертившая ночное небо, грохот и свист ветра возвестили о том, что Охотник ушел, отправился на поиски новых трофеев. Однако теперь на острове был другой охотник, безжалостный мститель, которому не нужны пистолеты, чтобы совершить убийство.

Что же до пистолетов Сатуры…

Без рук из пистолета не особенно-то постреляешь.

Ложный рассвет

К востоку от Голливуда, в заросших лесом горах Национального заповедника Анджелес, жил невероятно грязный отшельник, и отшельник этот раздражал Каллистера, как неровный обломок зуба. Образно выражаясь, Каллистер постоянно трогал зуб языком — рассматривал в бинокль находившуюся на другом конце долины пещеру отшельника.

Частенько Каллистеру хотелось его убить.

Вот и сейчас, стоя ясным утром на пороге собственного дома, он подкручивал кольцо подстройки. Да, отшельник на месте, завтракает. Кажется, в качестве фирменного блюда у него сегодня огромная кость: сидя на корточках в пятне солнечного света, немытое волосатое существо глодает ее с жадностью. Безмозглый реликт, грязный, оборванный, неимоверно мерзкий.

Внезапно солнечный блик привлек внимание отшельника; тот поднял голову и уставился через долину. На красивом аристократичном лице Каллистера появилась усмешка, и он ретировался в дом, а там, попивая черный кофе с бренди,

принялся размышлять о более приятных вещах. Хотя в памяти то и дело всплывала физиономия этого животного.

Отшельник вносил в жизнь биолога фальшивую ноту. Подобно Эпикуру, Каллистер окружил себя предметами, отражавшими его эстетические вкусы и уровень культуры. Его кумиром была собственная цивилизованность. Дом, спроектированный и построенный им самим, стоял в глуши, за полтора десятка километров от другого жилья. По ночам он мерцал, будто драгоценный камень.

В лаборатории тоже ничто не резало глаз: она была чрезвычайно функциональной. Каллистера можно было назвать настоящим дез Эссентом[30], только без склонности к декадентству, и ему идеально подходила искусственно созданная среда. Ни одной фальшивой ноты.

Цивилизованность и самовлюбленность… В Каллистере не было изъянов. Холеный, по-кошачьи грациозный, физически совершенный, он откинулся в кресле, смакуя бренди, и закурил сигарету.

Подошел Томми, слуга-филиппинец, нена-

[30] Примечания: 30

Дез Эссент — персонаж романа «Наоборот» Ж. К. Гюисманса, чудак-эстет, денди и прожигатель жизни.

вязчивый, словно тень, и долил кофе в чашку. Томми отличался аморальностью и полнейшей покорностью. И эти качества пришлись сейчас как нельзя кстати.

В смысле юридическом эксперимент нельзя назвать убийством. Скорее это своего рода вивисекция. Каллистер брезгливо отбросил мелодраматичную мысль. Он просто-напросто пользуется удачно подвернувшимся инструментом.

Сэм Пендергаст, партнер, ему очень мешает. Шумный, вульгарный Пендергаст с этим его добродушным хохотом. Гм… Разумеется, он превосходно подходит для эксперимента.

Личная неприязнь не играет тут большой роли. Пендергаст финансирует исследования Каллистера, а потому считает себя вправе «присматривать» за ним. И его нельзя послать к черту, потому что постоянно возникают непредвиденные ситуации и требуются все новые расходы.

Например, на содержание кита и морской коровы. Эксперимент с китом едва не провалился из-за определенных сложностей, зато морская корова продемонстрировала необычайные трансформации.

А Пендергаст, как спонсор, имеющий право контролировать процесс, грозит своим вмеша-

тельством нанести непоправимый урон. Он хочет основать компанию, жертвовать на благотворительность, да бог знает что еще он способен учинить. Из него так и сыплются идеи. Каллистер же предпочитает поступать по-своему, а следовательно, от Сэма Пендергаста необходимо избавиться.

А после можно будет испробовать еще кое-какие процессы на наследниках. Это весьма целесообразно, ведь Каллистер с прицелом на будущее подделал бумаги о партнерстве. Соглашение довольно туманное, но оно все же имеет юридическую силу. Лишь сам Сэм Пендергаст мог бы доказать, что процесс, которому он подвергся…

Каллистер так и не придумал этому процессу название. Любое прозвучало бы слишком фантастично.

Вошел Сэм Пендергаст — сорокалетний, коренастый, громкоголосый. Превосходный образец экстраверта, любимец детей и собак. Типаж, который тщетно пытался развенчать Синклер Льюис. Странно, но при всем этом Сэм был славным парнем.

Разумеется, он надел твидовый костюм. Волосы отросли длиннее обычного. Приглядевшись,

Каллистер заметил, что челюсть стала чуть выдаваться вперед, едва заметно изменилась лобная кость. Показалось или Сэм сегодня утром слегка сутулится?

— Привет, — поздоровался Пендергаст. — Кофе? Прекрасно. У меня голова разболелась. — Он плюхнулся в кресло и позвал филиппинца.

— Ты сам решил приехать…

— Мне все очень нравится. Последние этапы, завершающие эксперименты. С обезьянкой получилось просто чудо. А пингвины… с маховыми перьями!

— Да, фантастика, — согласился Каллистер. — Но я пока поостерегся бы оглашать результаты. Над нами все будут смеяться.

— Но у нас же есть доказательства, — решительно возразил Пендергаст.

— И тем не менее. Возможно, люди поверят, что мы разработали метод, позволяющий развить рецессивные признаки, хотя это и не так. Но если мы заявим, что сумели обратить вспять эволюционный процесс…

— Но нам ведь все удалось.

— Нельзя просто сказать об этом. Сначала нужно подготовить почву… Ты что, порезался?

Пендергаст потер подбородок и кивнул:

— Щетина стала жесткая как проволока. Никогда в жизни она так быстро у меня не росла.

— Ага, — задумчиво протянул Каллистер и присмотрелся к ушам собеседника: мочки день ото дня становились все меньше.

— Сегодня возвращаюсь, — внезапно объявил Пендергаст. — В офисе куча писем накопилась, надо с ними разобраться. Как-никак целую неделю здесь провел.

— Еще кофе?

Вошел филиппинец, Каллистер распорядился насчет кофе, а потом тайком сделал знак.

— Поступай как знаешь, Сэм. Эксперименты почти завершены. Но я очень не хочу, чтобы ты раньше времени огласил результаты.

— Так я же именно ради этого возвращаюсь в город! Поскорее бы собрать журналистов!

Каллистер покраснел от злости:

— Нас поднимут на смех. И не станут дожидаться никаких доказательств. Я бы предпочел действовать последовательно, шаг за шагом…

— Но у нас есть доказательства. У пингвинов выросли перья, а у морских коров — ноги!

— Скажут, что это аномалии, уродцы. Чтобы процесс завершился, требуется время. Нужно нарастить скорость. Сам знаешь, в первую неделю

изменения очень незначительные.

— Но зато во вторую! Желе!

— Простейшие одноклеточные организмы. Все логично: жизненный цикл в миниатюре воспроизводится в эмбрионе, а мы просто обращаем его вспять.

Пендергаст нахмурился и проворчал:

— На корм пришлось сильно потратиться.

— Невероятный метаболизм. Даже с нашей системой охлаждения у подопытных постоянно держится высокая температура. Это тот же рост, Сэм, только наоборот. Схема уже задана, но мы меняем значение с положительного на отрицательное. Положительное — это эволюция. Отрицательное — регрессия. В конце концов я научусь ускорять и положительные изменения. Надеюсь, получится создать суперсуществ.

— Но не сейчас, — передернувшись, сказал Пендергаст.

— Да, не сейчас. Пока мы занимаемся практической стороной вопроса. Изучаем все те неудачные эволюционные приспособления, которые впоследствии исчезли или трансформировались.

— Тот кит…

Каллистер хорошо его помнил. Молодой представитель отряда китообразных изменился в

закрытом бассейне в Сан-Педро: тело стало менее обтекаемым, исчез китовый ус, прорезались зубы. Хвост сделался как у головастика, уменьшился, потом исчез. И что самое странное, в конце концов спереди и сзади отросли ноги, которые не могли удержать непомерно тяжелое тело.

Пришлось наполовину спустить воду в бассейне. В один прекрасный день бывший кит сбежал из него. Наверное, погиб, а может, доживает свои дни в Тихом океане — полуископаемое, застрявшее между сухопутной и морской формой жизни.

Были и другие эксперименты, весьма многочисленные. В результате проявлялись давно канувшие в Лету чрезвычайно любопытные признаки, отрастали органы, приспособленные к среде, которая существовала в далеком прошлом…

Вошел Томми с чашкой кофе. Пендергаст шумно отхлебнул.

«Сущая обезьяна!» — подумал Каллистер, а вслух сказал:

— Ну что ж…

Нужно было просто определенным образом воздействовать на хромосомы, шишковидную железу или нервные клетки. В некотором роде

это была работа на ощупь. Существовала схема. Все началось с морского одноклеточного организма, у которого развились пятна, чувствительные к свету, — злокачественные пятна, по мнению Каллистера.

Свет раздражал амебу, и в порядке самозащиты, обернув слабость себе на пользу, она сформировала глаза и обрела зрение. И пошло-поехало. Итоговый коктейль под названием «человек» являлся результатом смешения многих компонентов, последовательно добавляемых эпоха за эпохой. И процесс можно было обратить вспять.

У древних сумчатых имелась сумка, но не было хвоста. Потом они начали жить на деревьях и хвост появился. Потом развился мозг, а хвост исчез.

Достаточно взять основную матрицу, биологическую форму, в которую отливается все живое, пропустить через нее не положительную, а отрицательную энергию, повысить интенсивность, и пожалуйста — хвост снова отрастет.

У кита и морской коровы образовались утерянные в древности ноги, а у пингвина — маховые перья. У пони копыто трансформировалось в пятипалую стопу, как у эогиппуса. Ленивец сделался чрезвычайно прожорливым, вырос, отучился

висеть на ветке и принялся активно расхаживать на четырех лапах. У некоторых птиц появилась чешуя.

«Да, — думал Каллистер, — кое-какие из древних признаков вполне можно использовать».

Поистине волшебный способ менять человеческое тело сулил большие практические возможности. Пока процесс очень грубый, но позже Каллистер его отладит: можно скрещивать виды, развивать силу, интеллект и особые способности. В итоге получатся живые роботы, созданные для конкретных целей.

А Пендергаст мешал. Сейчас партнер спал: подействовало добавленное в кофе снотворное. Каллистер позвал своего молчаливого слугу, и вместе они перетащили Пендергаста в маленькую камеру рядом с лабораторией. Там не было мебели, но имелось сантехническое оборудование, постель заменял соломенный тюфяк на полу, а в двери наличествовало окошко из сверхпрочного стекла, в котором были проделаны крошечные отверстия.

В камере работали кондиционер и охладительная система. Потолок из прозрачного пластика пропускал задействованное в процессе изучение.

Каллистер раздел Пендергаста и тщательно его осмотрел. Волос точно прибавилось. Каждую ночь подопытный подвергался процессу, и были заметны незначительные изменения. Каллистер сделал рентгеновский снимок, взял анализ крови и образцы кожи.

Кожный покров утолщился. Повысилось содержание красных кровяных телец. И температура, разумеется, тоже. На рентгеновском снимке изменения скорее угадывались. Кость — материал неподатливый, даже когда речь идет о горниле эволюции.

Поскольку Пендергаст вот уже неделю участвовал в эксперименте, можно было без опаски увеличить интенсивность излучения. Настало время стремительных трансформаций. Пендергаст деградирует, проходя обратно путь естественного развития, и в конце превратится в сгусток биомассы — он же экспонат номер один, он же главная изобличающая улика.

Ну разве не забавно?

Если бы только Пендергаст был чуть более цивилизован, ничего этого бы не случилось. Но в дело вмешалась личная неприязнь. По-кошачьи грациозного Каллистера коробило от панибратских замашек партнера. Пендергаст недалеко

ушел в эволюционном плане от отшельника из пещеры.

Вот Каллистер был цивилизованным. На голову выше остальных. К людям он относился со снисходительным презрением, ни с кем не сближался.

Он пообедал, выкурил сигарету, прогулялся. Вернувшись в дом, прослушал несколько произведений Моцарта. А потом заглянул в смотровое окошко — как там Пендергаст? Тот пока не очнулся, но изменения уже были видны невооруженным глазом.

Еще больше волос.

Каллистер провел пальцем по своему гладко выбритому подбородку и отправился в лабораторию. Через несколько часов к нему заглянул Томми.

— Что?

— Прошнулшя, — прошепелявил филиппинец.

— Хорошо. Я проверю.

Пендергаст действительно проснулся и стоял теперь, прижавшись носом к прозрачному стеклу. Дураком его нельзя было назвать: он мгновенно оценил ситуацию.

— Сколько ты хочешь, Каллистер?

Его было прекрасно слышно через отверстия в

смотровом окошке.

— Чтобы я тебя отпустил? Извини, риск слишком велик. К тому же я хочу понаблюдать за экспериментом.

Пендергаст облизнул губы.

— Я отдам тебе контроль над проектом.

Каллистер покрутил вделанное в стену передаточное устройство:

— Вот еда. Теперь тебе понадобится много еды. И зеркало держи, чтобы было чем развлечься.

— Каллистер!!!

— На этом этапе я уже ничего не могу сделать. Отпускать тебя нельзя. Я бы книжек подкинул, чтобы ты мог скоротать время, но от волнения ты вряд ли будешь в состоянии читать. Зато могу дать снотворный порошок, несколько пакетиков.

— Ладно, — после долгой паузы ответил Пендергаст.

— Но мне придется следить за тем, чтобы ты принимал снотворное. А то припрячешь, а потом проглотишь все сразу — получится смертельная доза.

— Черт тебя подери! — Голос у Пендергаста был такой потрясенный, что в нем даже не чувствовалось злости.

— Так принести порошок?

— Нет. Каллистер, а мы можем… как-нибудь…

— Не можем, — отрезал Каллистер, после чего вернул передаточное устройство на место и вышел, оставив Пендергаста наедине с пищей.

Следующий этап получился не сказать что приятным, ведь Каллистер не был ни садистом, ни бездушным роботом. Но он просто отключился от неприглядной стороны эксперимента. Процесс шел с постоянным ускорением. У Пендергаста проявлялись утерянные человеком в древности признаки.

К вечеру он уже передвигался сгорбившись, тревожно озирался, не мог толком согнуть большой палец. Зато пальцы на ногах стали очень подвижными. И хотя система охлаждения работала на пределе, он весь раскраснелся, поглощая пищу в огромных количествах. Литрами пил воду и бульон, глотал капсулы с витаминами.

К заходу солнца он начал походить на кроманьонца. Потом на пилдтаунского человека. Потом на питекантропа…

А еще два дня спустя Пендергаст сбежал, выломав передаточное устройство в стене. Силища у него появилась необычайная — ему удалось голыми руками согнуть металлическую пластину.

Вернувшись с прогулки и увидев филиппинца, который бесформенной грудой лежал на полу в коридоре, Каллистер побледнел и бросился в лабораторию за пистолетом.

Выяснилось, что Томми жив — его просто оглушили. По косолапым следам перед домом Каллистер быстро определил, куда ушел Пендергаст. Он зарядил второй пистолет усыпляющими ампулами и отправился выслеживать беглеца. Если тот все еще в состоянии общаться с людьми, Каллистеру крышка.

Пендергаст уже лишился способности разговаривать, его рука не сумеет удержать ручку или карандаш. И тем не менее…

Следы беглеца вели к дороге, проходящей через частные владения, а потом сворачивали на горный проселок. Там навстречу Каллистеру выбежала девушка. Она была на грани истерики и, едва завидев биолога, упала в обморок.

Он помог ей прийти в чувство. Девушка была ему знакома: он встречал ее пару раз, ее дом стоял в нескольких километрах дальше по дороге. Догадаться, что произошло, не составило труда.

— Ужасная горилла… — пролепетала девушка.

— Не бойтесь, теперь вы в безопасности. — Каллистер продемонстрировал пистолет, и она

немного успокоилась.

— Я ехала по дороге на велосипеде, и вдруг обезьяна выпрыгнула прямо передо мной. Я в нее врезалась. Она схватила меня, зарычала…

Каллистер смотрел на девушку, ожидая продолжения.

— Я подумала… Сама не знаю, что я подумала. Как-то вырвалась и убежала. Она бросилась за мной, а потом вернулась и залезла на велосипед. Я прыгнула в кусты, а зверь поехал мимо, вниз с горы. Поэтому я спустилась другой дорогой.

— Горилла безобидна, она дрессированная, давно у меня живет… Пойдемте ко мне, а потом я отвезу вас домой.

Девушка облегченно вздохнула. Каллистер задумчиво помял нижнюю губу. Значит, Пендергаст отправился к Альтадене, ближайшему городку в предгорьях чуть выше Пасадены. Если беглеца удастся перехватить…

Доставив девушку к ней домой, он рванул вперед — неудержимый, как торнадо. Впереди сосны отбрасывали на дорогу геометрически правильные тени. Фары ярко высвечивали пространство перед машиной. Но Пендергаста он не нашел.

Нет, не Пендергаста, а то, во что он превратился. До Альтадены было километров шестнадцать

— по горам и вокруг них. Бывший Пендергаст срезал путь, неся велосипед на закорках. То и дело попадались следы: здесь он спускался по склону, там пересек противопожарную просеку. Обладая силой и ловкостью гориллы, он мог посоревноваться с машиной, ведь Каллистеру приходилось ехать медленно, то и дело вписываясь в крутые повороты.

Биолог ехал и размышлял: какие, интересно, теперь у подопытного отпечатки пальцев? Можно ли еще опознать по ним Сэма Пендергаста?

В конце концов обнаружился измятый велосипед, не выдержавший столь сурового обращения. Но внизу уже мерцали огни Альтадены, и еще ближе светились окошки отдельных домов. Всего в километре стояла придорожная закусочная. Заслышав подозрительное шуршание в кустах, Каллистер резко затормозил.

Нет, всего лишь оленя вспугнул. Он снова нажал на газ. В закусочную?

Судя по воплям, Пендергаст направился туда. Войдя, Каллистер застал выразительную сцену. В тусклом свете толпились мужчины и женщины, а в центре зала посреди пустого пространства возвышалось похожее на гориллу существо. На сцене стоял руководитель оркестра, замах-

нувшись саксофоном; за его спиной пряталась стриптизерша.

Пендергаст озирался; он не был похож на человека и выглядел гротескно. Воцарилась тишина. Посетители смотрели во все глаза и ждали, что будет; возможно, они решили, что это часть вечернего представления.

На мгновение, глядя на стоявшее посреди заведения чудище, Каллистер ощутил свою беспомощность. Подумалось, что пистолет горилле будет нипочем.

Пендергаст увидел биолога. Скривились толстые губы. Обезьяноподобное создание пригнулось, всматриваясь в сумрак; в зрачках отразился свет.

Нет, он не узнал Каллистера. Взгляд блуждал, потом остановился на тарелке с сэндвичами. Бывший Пендергаст вперевалочку подошел к ней, уселся на корточки и принялся за еду.

Каллистер понял, что изменениям подверглось не только тело бывшего партнера, но и его сознание. Какой-то слепой инстинкт вывел к Альтадене Пендергаста, но тот больше не был… разумным.

С глубоким вздохом Каллистер поднял пистолет и вогнал в громадину усыпляющие ампулы. Сно-

творное подействовало практически мгновенно.

Волосатая шкура дернулась, обезьяна оглянулась, не забывая при этом запихивать в пасть сэндвичи, а потом рухнула — жуткая, но уже не опасная.

«Да, он очень жуткий», — думал Каллистер, наблюдая за тем, как спящего зверя грузят на заднее сиденье автомобиля. Пришлось успокаивать публику, но после звонка в полицию Альтадены все уладилось.

Это мирная дрессированная горилла, она сбежала из частного зверинца в горах. Да, совершенно безобидная.

Дело окончательно решилось, когда Каллистер потихоньку сунул руководителю оркестра и конферансье несколько долларов.

До дому Каллистера сопроводил полицейский; биолог был не против компании. Пендергаста он не боялся, но испытывал брезгливость из-за близости этого… этого существа.

По дороге они с полицейским поговорили, и Каллистер уже в который раз все объяснил. Около полуночи, усталый, но спокойный, он наконец лег спать. Пендергаст вернулся в свою камеру (Томми, очнувшийся сразу после отъезда Каллистера, успел установить на месте переда-

точного устройства прочные стальные прутья). Полицейский, которого вид лаборатории очень впечатлил, уехал, не обнаружив ничего подозрительного.

Пендергаст снова подвергся процессу. Отныне регрессия должна проходить быстро, невероятно быстро. Скоро от ужасающей силы питекантропа ничего не останется. Следующая остановка по дороге в прошлое — это не сила, а проворство.

У Пендергаста вырос хвост.

Через несколько дней бывший партнер превратился в сумчатое. Он сильно уменьшился в размерах и походил теперь на большеглазого и большеухого лемура.

Каллистер ждал. Он больше не боялся, что его заподозрят и кто-нибудь устроит расследование. В конторе Пендергаста все шло своим чередом, и хотя однажды звонил его управляющий, ничего страшного из-за этого звонка не случилось.

Пендергаст менялся прямо на глазах. Процесс настолько ускорился, что перед Каллистером будто прокручивали задом наперед кино. Почти все время Пендергаст ел. Для ускорившегося метаболизма требовались продукты с высоким содержанием питательных веществ.

Потом у подопытного выпала шерсть, и в те-

чение часа он был абсолютно лысым. Затем образовалась чешуя.

Бывший партнер с космической скоростью несся вниз по эволюционной лестнице. Он уже давно добрался до основного ствола, поэтому никаких побочных признаков вроде крыльев у него не проявлялось. Теперь это было функциональное создание, способное менять форму.

Немного погодя Каллистер поставил в камере аквариум и поместил туда Пендергаста. Тот вяло шлепал по дну и плевался водой.

К восьми вечера последнего дня Каллистер очень устал. Еще час-другой, и Пендергаст превратится в простейшее одноклеточное. Может, и быстрее, ведь процесс постоянно ускоряется. За какое-то мгновение пролетают миллионы лет.

Дальше ждать не имело смысла — итог был ясен. Каллистер поглядел в аквариум, и уголки его губ чуть приподнялись в довольной улыбке. Он знал: к утру от Пендергаста ничего не останется.

На пороге лаборатории Каллистер задержался, сам не ведая почему. Его беспокоило какое-то смутное предчувствие. Но биолог стряхнул его и отправился выпить перед сном бренди с содовой. Молча поднял бокал за Пендергаста — вернее, в

память Пендергаста.

— Все совершенно логично, — пробормотал он. — Высшие организмы всегда одерживают верх. И это, конечно же, правильно.

Каллистер потушил сигарету и улегся в постель. Сны ему снились приятные. Хотя, знай он, что́ в это время творилось в камере, спал бы не так безмятежно.

Какое-то время там ничего не происходило. Было абсолютно тихо. Проникающие сквозь пластиковый потолок невидимые лучи падали на существо, которое когда-то было Сэмом Пендергастом. Бесформенное тело лежало на дне аквариума, не шевеля рудиментарными плавниками и хвостом; только жабры слегка подрагивали в такт дыханию.

А потом оно начало меняться.

Плавники уменьшились и исчезли, и существо окончательно лишилось каких-либо отличительных черт: у него не было глаз, ведь ему незачем было смотреть; не было и легких, ведь незачем было дышать. Оно уменьшилось и внезапно обрело подвижность. Теперь на дне аквариума искала еду амеба.

Но и эта фаза длилась недолго. Организм перестал кормиться и сделался невидимым для

невооруженного глаза. Он превратился в вирус, в базовый носитель жизни — не организм даже, а просто набор атомов.

Бывший Сэм Пендергаст дошел до самого дна эволюции. Вернулся туда, откуда с таким трудом выкарабкивался человек. Назад к неведомому внеземному началу.

Казалось, в камере никого нет. Голые стены, тишина, стерильность, ни звука, ни движения. Но излучение все еще проникало через потолок.

И что-то начало происходить.

Крошечное, но чрезвычайно важное изменение. Казалось бы, абсолютно нелогичное событие. Пендергаст начал путешествие в обратную сторону. Ведь на камеру все еще воздействовало излучение, которое запустило процесс регресса.

А произошло просто-напросто вот что: в аквариуме снова появилась амеба.

Лишь несколько минут она оставалась неизменной, а потом на ней образовались чувствительные к свету пятна; в мощный микроскоп уже можно было бы разглядеть крошечные зачатки пищеварительного тракта. Амеба отрастила ложноножки, которые не втянулись обратно.

У существа появились плавники, хвост, а также жабры. Оно росло и менялось на глазах. Оно…

возвращалось!

Через час это уже была ганоидная рыба. Еще через час — крошечная чешуйчатая рептилия. Тело стремительно трансформировалось в плавильном котле эволюции. Чешуя сменилась другим средством адаптации — шерстью.

Теперь это было сумчатое.

Ночь тянулась и тянулась, фантастическая ночь, полная невероятных событий: организм, который когда-то был Сэмом Пендергастом, вновь карабкался по лестнице эволюции. Теперь он походил на лемура.

Но эта фаза закончилась практически сразу. Развился питекантроп — почти мгновенно он стал прямоходящим. И вот уже посреди камеры сидит на корточках обезьяноподобное существо с закрытыми глазами. Его тело выворачивает и сотрясает страшная сила. Пилдтаунский человек, кроманьонец, Homo sapiens…

А излучение все лилось через потолок. Постепенно, почти незаметно началось другое преображение. Превратившись в человека, существо на этом не остановилось.

Но теперь умственные изменения значительно превосходили физические, хотя любопытные внешние трансформации тоже имели место. Тело

вытягивалось миллиметр за миллиметром, пока не достигло двух метров в высоту. Развились коленные и локтевые суставы: их строение напоминало шарниры.

На лбу чуть выше бровей открылся третий глаз, он располагался вертикально и вместе с остальными двумя образовывал треугольник. Новый эволюционный признак, занимательное проявление шишковидной железы.

Были и другие интересные изменения. К примеру, существо обладало телепатическими способностями. Его разум представлял собой совершеннейшее мыслительное устройство, какого не было на Земле миллионы миллионов лет.

Супермен поднялся на ноги. Его мозг начал обрабатывать информацию.

Гигант подошел к двери, и тело автоматически перестроило свою структуру, набор атомов — саму суть материи. Физические изменения произошли так естественно, что он даже не обратил на них внимания.

Он просто-напросто шагнул сквозь дверь, не открывая ее. Коридор был залит холодным лунным светом.

В мозгу возникали все новые схемы. Существо начинало что-то понимать. Но это происходило

крайне медленно и давалось с трудом. У него не было памяти — только разум.

Разум супермена.

По чистой случайности гигант наткнулся на лабораторию. Он долго стоял, вглядываясь, ведь темнота не представляла никакой проблемы для его ночного зрения. А потом двинулся вперед.

На рассвете Каллистер проснулся, но как будто не до конца. Его охватило странное ощущение: словно он все еще спит, но кто-то залез ему в голову и осторожно высматривает что-то, ищет в мозгу, который сам же и погрузил в гипнотический транс. Целую вечность Каллистер лежал, охваченный этим тусклым полусном-полуявью.

Внезапно все закончилось. И в ту же секунду Каллистер полностью пробудился. Открыл глаза, уселся в кровати и с удивлением заметил, что за окном ярко светит солнце. Как странно! Вот уже много лет он не просыпался так поздно. И кошмары ему никогда не снились.

Нахмурившись, Каллистер позвонил в колокольчик. Но Томми не явился. Тогда биолог разыскал халат и тапочки, побрызгал в лицо холодной водой и отправился на поиски филиппинца. Возле двери в лабораторию он замер: изнутри доносились странные звуки. Какого

черта! Неужели Томми сунулся на запретную территорию?

В ярости Каллистер распахнул дверь, шагнул вперед и с ужасом осознал увиденное. Он резко остановился, сердце прихватило. Лаборатория изменилась!

Появилось какое-то новое оборудование — совершенно незнакомое. Светящийся куб в углу — возможно, реторта. Рядом лежат инструменты: микроскопы, осцилляторы и тому подобное. Посреди комнаты стоит наполовину собранная машина загадочного предназначения, производящая впечатление чего-то парадоксально простого и одновременно сложного.

Но замер Каллистер потому, что увидел обнаженного трехглазого человека, который с этой машиной работал.

Мгновенно почувствовав опасность, биолог отпрыгнул в сторону и рванул на себя выдвижной ящик. Пальцы сомкнулись на пистолете. Шероховатая рукоять успокаивающе холодила руку. Каллистер резко развернулся, но трехглазый даже не посмотрел в его сторону.

— Кто ты, черт подери, такой?! — рявкнул Каллистер, прицеливаясь. — По-английски понимаешь?

Гигант так и стоял, повернувшись к нему своей мускулистой спиной, но в разум Каллистера проникла мысль, и он невольно вспомнил утренний сон. Сначала будто молния сверкнула в темноте, а потом мозг застыл, словно… словно кто-то стиснул его.

— *Положи оружие,* — прозвучало в голове.

Напрягая волю, Каллистер попытался воспротивиться, но, сам того не желая, вернул пистолет на место и уставился на гиганта, который продолжал заниматься своим делом, как будто в комнате никого не было. Но трехглазый не забыл о Каллистере: в мозгу звучали телепатические послания. Каким-то образом мысли преобразовывались в слова.

— *Утром я обследовал твою память. Должен благодарить тебя за помощь. Когда я впервые осознал себя, у меня отсутствовали воспоминания. Я был машиной, которую прежде ни разу не включали. Нужно было решить загадку: откуда я появился?*

Каллистер затаил дыхание. Кто этот… это существо? Откуда?.. И ответ на невысказанный вопрос сразу же высветился в голове. Гигант пробудился к разумной жизни в камере, где раньше сидел Сэм Пендергаст.

— Я нашел разгадку, Каллистер. — Трехглазый продолжал работать, одновременно ведя телепатическую беседу. *— К счастью, мой мозг в достаточной степени развит. Пришлось прибегнуть к логике. Меня не существовало; развоплощенный, я затерялся в пространстве-времени. И теперь я получил ответ.*

Медленно, постепенно Каллистер осознавал невероятную истину.

Все началось в неизъяснимо далеком прошлом, еще до того, как на Земле зародилась жизнь. Откуда-то из другой галактики вылетел космический корабль с трехглазыми людьми на борту. Путешествие заняло много времени: не сотни и даже не тысячи лет — намного больше. Корабль оказался в той области космоса, где обратились вспять эволюционные процессы. Тот же самый принцип впоследствии открыл Каллистер.

Трехглазые люди деградировали. Перемены наступили слишком внезапно, спастись пришельцам не удалось. Орудиями труда они больше не владели: руки потеряли гибкость. Наступил регресс. Точно как и Сэм Пендергаст, они мчались назад во времени, пока не вернулись в состояние амебы. А затем управляемый роботами корабль сел на Землю и отдраил люки. Внутри находились

одноклеточные организмы — то, что осталось от всемогущей расы.

А снаружи ждала подходящая среда, в которой не было следов жизни. Недавно сформировавшуюся планету омывали горячие океаны.

Крошечные организмы — разносчики жизни, когда-то бывшие человекоподобными существами, — просочились из корабля наружу.

И на Земле запустилась эволюция. Под влиянием среды некоторые пришельцы сделались прародителями растений. Другие превратились в микробы и больше уже не менялись. Третьи выросли в древних морях, и на них образовались чувствительные к свету пятна, впоследствии ставшие глазами.

В конце концов пришельцы эволюционировали в позвоночных, а затем и в людей. Медленно-медленно карабкались они обратно по эволюционной лестнице, с которой так стремительно и трагично скатились когда-то. Через несколько сотен тысяч лет они бы вернулись к своему изначальному состоянию.

Но Пендергаст подвергся регрессу, его забросило в фазу амебы и дальше, а после он забрался наверх, но уже совершенно другим путем. Ускоренный процесс решил задачу всего за одну ночь.

Пендергаст превратился в представителя того самого изначального вида трехглазых людей, которые обитали когда-то на другой планете. Конечно, не обошлось без некоторых изменений, спровоцированных средой, а погрешность составила…

Остальное Каллистер уже не разобрал. Но он понял главное: Сэм Пендергаст скатился вниз по эволюционной лестнице в первобытное состояние. А теперь выяснилось, что из этой пропасти есть и другой путь наверх.

— *Грядут перемены. Когда будешь готов стать таким, как я, и обрести утерянное наследие, приходи — чтобы работать вместе.*

— Но ты не сможешь! Полиция… — промямлил Каллистер.

— Необходимы некоторые предосторожности. Лучше изолироваться, оградить это жилище силовым барьером. Взаимодействие с другими существами нарушит ход моей работы.

Каллистер больше не мог смотреть на эту равнодушную спину. У него в животе будто разверзлась бездонная дыра. И хуже всего было то, что он осознавал собственную беспомощность. Гигант абсолютно чужд людям!

— Пока ты не способен правильно оценить мою

внешность. Но потом уподобишься мне и будешь за это благодарен.

Теперь даже подумать ничего нельзя — гигант сразу прочитает мысль! Каллистер выскочил в коридор и, подгоняемый ужасом, помчался дальше. Трехглазый его не преследовал.

В голове у биолога царила неразбериха. Он вывел машину из гаража и вырулил на шоссе. Там увидел Томми и нажал на тормоз:

— Залезай! Поедем за полицией…

— *Полицейские ничего не смогут сделать,* — раздался в его голове голос филиппинца. — *Я тоже подвергся процессу. И с тобой это случится, когда будешь готов.*

— О господи!

Томми улыбнулся.

— *Можно преодолеть эволюционный провал, не возвращаясь в первобытное состояние амебы. Существует короткий путь через пространство-время…*

Каллистер выжал сцепление, и большая машина с опасной скоростью помчалась в гору.

Спускаясь с другой стороны, Каллистер проехал мимо знакомого дома: там жила девушка, чей велосипед несколько дней назад украл Пендергаст. Перед домом стояла машина лесничего, на

дверце красовалась эмблема с сосной. Чуть подумав, Каллистер остановился, вышел из машины и поспешил к дому.

Там он застал девушку, ее родителей и лесничего. Разумеется, ему не поверили. Приняли за пьяного.

— Да чтоб вас всех! Идите и посмотрите сами! А если вы…

— Погодите, мистер Каллистер. Послушайте меня.

— Мы вместе поедем ко мне, и там… и там…

Недоразумение так и не удалось разрешить, и Каллистер выскочил из дома, запрыгнул в машину и поехал дальше. Но километра через полтора двигатель заглох. Машина уперлась в силовой барьер.

Он выяснил, что окрестности накрыл прозрачный купол, центр которого находился над его домом. Но это случилось позже. А пока Каллистер изо всех сил пытался сбежать. Он перепробовал все дороги и почти все тропинки, прежде чем убедился, что из ловушки выбраться невозможно.

На закате он подъехал к своему дому и остановился на безопасном расстоянии. На подъездной дорожке стоял автомобиль лесничего.

А вокруг занимались какими-то своими непо-

стижимыми делами шестеро: Томми, трехглазый гигант, лесничий, девушка и ее родители.

Даже с такого расстояния Каллистер разглядел перемены в облике и движениях Томми.

В мозгу раздался голос:

— Ты уже готов к нам присоединиться? Мы с радостью примем тебя…

Каллистер побледнел от страха. Чертыхнувшись, он развернул машину и умчался прочь.

Далее творилось сущее безумие. Выбраться из-под купола Каллистер не мог, за помощью обратиться тоже, ведь он специально построил дом в лесной глуши, а сейчас был не туристический сезон.

Прошла неделя, вторая. Каллистер потерял счет дням. Его терзало ужасное одиночество. Слава богу, он обрел временный приют в брошенном доме девушки и ее родителей. Теперь их, как и Томми с лесничим, нельзя было узнать. Они превратились в трехглазых гигантов. Обрели утраченное человечеством наследие.

Однажды вечером, когда Каллистер сидел на корточках возле горящего камина, прямо у него на глазах из воздуха соткалась чья-то фигура. От неожиданности биолог подпрыгнул, но трехглазый человек, теперь уже полностью мате-

риализовавшийся, успокаивающе улыбнулся.

— *Каллистер, я не причиню тебе вреда. Но мы вынуждены просить тебя покинуть это строение. Мы переделываем ландшафт, а оно не выполняет никакой функции, его необходимо снести.*

Каллистер облизнул губы.

— Ты… Пендергаст?

Он не мог не восхищаться против воли этим суперменом, этой идеальной формой, из которой было отлито столь неидеальное человечество.

— *Пендергаст?* — прозвучало у него в голове. — *А, понимаю. Нет, я был тем отшельником, который жил в пещере на другой стороне долины. Теперь я, разумеется, изменился. Мне нужно немедленно убрать это строение. Не мог бы ты уйти отсюда?*

Каллистер ошеломленно молчал.

Конечно же, ему пришлось уйти. У него не осталось ни еды, ни крова. Он пытался охотиться. Через неделю одежда превратилась в лохмотья, а сам он — в грязное, заросшее, унылое, жалкое создание. Хуже всего было то, что Каллистер понимал: рано или поздно придется присоединиться к трехглазым гигантам.

И когда он это сделает, ему все понравится.

Каллистер тянул время. Всю жизнь он считал себя абсолютно цивилизованным человеком, на голову выше остальных. Его превосходство служило ему щитом, он был полностью в себе уверен и взирал на других сверху вниз с жалостью и, пожалуй, с некоторым самодовольством. Он был верхом совершенства…

Присоединившись к трехглазым, он поднимется на следующую эволюционную ступень. Станет более цивилизованным. Но тем самым признает, что его прежнее состояние в сравнении с новым — варварство. Перечеркнет свою прошлую жизнь.

Именно самолюбие какое-то время удерживало Каллистера: он не желал разбивать вдребезги свой кумир, даже зная о грядущих благах. Страха не испытывал — бояться было нечего. Его бы приняли с радостью.

Он проголодался. Еще осталось чуть-чуть мяса убитого на прошлой неделе оленя. Опустившись на корточки перед выходом из пещеры отшельника, наряженный в лохмотья, Каллистер ухватил полуобглоданный мосол. Чуть пригревало солнце.

Напротив через долину стоял переделанный дом, прекрасный в своей чуждости. Каллистер

резко обернулся: его внимание привлек отблеск бинокля.

Кто-то наблюдал за ним. Охваченный тошнотворным ужасом, Каллистер спросил себя: не тот ли это трехглазый, который раньше был отшельником?

Наследник Пилата

Город захлебывался ревом. Он надрывался шестьсот лет. И пока этот невыносимый рев звучал, город был работоспособным объектом.

— Ты переходишь на особый режим, — сообщил Нерал, глядя на юного Флеминга, который сидел в мягком кресле в другом конце большой, голой, тихой комнаты. — При обычных обстоятельствах тебя допустили бы до Контроля не ранее чем через шесть месяцев, но кое-что произошло. Другие считают, что не помешает свежий взгляд. Тебя избрали, потому что ты старший из помощников.

— Бриттон старше меня, — возразил Флеминг, невысокий и плотный рыжеволосый мальчик с грубоватыми чертами лица, которым подготовка придала необычайную чуткость.

Он сидел и ждал, расслабленный до предела.

— Физиологический возраст ничего не значит. Куда важнее цивилизационный показатель. И уровень эмпатии. Тебе всего семнадцать, но эмоционально ты взрослый. С другой стороны, ты еще не… не закостенел. В отличие от тех, кто на Контроле многие годы. Мы считаем, ты можешь

предложить новый подход, который будет нам полезен.

— Я думал, новые подходы нежелательны.

На худом усталом лице Нерала мелькнула скупая улыбка.

— По этому поводу возникли разногласия. Культура — живой организм, она не может существовать на отходах собственной жизнедеятельности. Во всяком случае, не до бесконечности. Однако мы не собираемся оставаться в изоляции бесконечно.

— Я не знал, — заметил Флеминг.

Нерал разглядывал кончики пальцев.

— Не воображай, будто мы повелители. Мы — слуги, куда более, чем простые горожане. Мы должны следовать плану. Однако не все его подробности нам известны. Так было задумано специально. В один прекрасный день Барьер упадет. Тогда город не будет больше изолирован.

— Но — снаружи!.. — Флеминг слегка занервничал. — Положим…

— Шестьсот лет назад был построен город и создан Барьер. Этот Барьер совершенно непроницаем. Имеется переключатель — когда-нибудь я тебе его покажу, — который в настоящее время бесполезен. Его назначение — возводить Барьер.

Но никому не известно, как Барьер разрушить. Существует теория, что его нельзя уничтожить, пока срок его полураспада не истечет и энергия не достигнет достаточно низкого уровня. Тогда он отключится автоматически.

— Когда?

Нерал пожал плечами:

— Этого тоже никто не знает. Может, завтра, может, еще через тысячу лет. Вот в чем суть. Город изолировали, чтобы защитить его. Это означало полную изоляцию. Ничто — *вообще ничто* — не способно преодолеть Барьер. Поэтому нам ничто не грозит. Когда Барьер исчезнет, мы увидим, что произошло со всем остальным миром. Если опасность миновала, можно начинать колонизацию. Если нет, мы снова воспользуемся переключателем и окажемся в безопасности за Барьером еще на неопределенное время.

Опасность. Земля стала слишком большой, слишком перенаселенной. Древние обычаи никак не хотели отмирать. Наука ушла вперед, но цивилизация безнадежно отставала. В то время было выдвинуто множество планов. Выполнимым оказался лишь один. Строгий контроль — безотходное использование новой энергии — и нерушимая броня. Так город был возведен и

окружен Барьером, в то время как все остальные города рушились…

— Мы осознаем опасность status quo, — продолжал Нерал. — Новые теории и новые эксперименты никто не запрещал. Отнюдь нет. Многие из них, подавляющее большинство, развивать в настоящее время не представляется возможным. Но записи ведутся. Когда Барьер упадет, этот справочный материал будет в наличии. А пока город — наша спасательная шлюпка. Эта часть человеческой расы обязана выжить. Вот в чем наша главная забота. В спасательной шлюпке не учат физику. В ней пытаются выжить. Когда она причалит к берегу, можно будет снова приступить к работе. А пока…

Остальные города рушились, ужас волной катился по земле. Шестьсот лет назад. То была эпоха гения и злодейства. Наконец-то люди заполучили в свои руки оружие богов. Его использование сокрушило основы материи. Спасательную шлюпку подхватил тайфун. Ковчег сражался с потопом.

Иными словами, одна беда влекла другую — и планета содрогнулась.

— Сначала строители полагали, что достаточно будет одного Барьера. Город, разумеется, должен

был обладать полной автономностью. Это была нелегкая задача. Человек — существо неавтономное. Ему требуется еда, топливо — из воздуха, из растений и животных. Решение крылось в создании всего необходимого в пределах города. Однако затем положение ухудшилось. Бактериологическое оружие вызвало мутации бактерий. Начались цепные реакции. Сама атмосфера из-за постоянной бомбардировки…

Ковчег все усложнялся и усложнялся.

— И люди построили город, как было запланировано, но обнаружили, что он… непригоден для жизни.

Флеминг вскинул голову.

— О, мы защищены экранами, — успокоил его Нерал. — Нас адаптировали. Мы же Контролеры.

— Да, знаю. Но я тут подумал… Почему нельзя было…

— Защитить экранами горожан? Потому что они должны выжить. Мы имеем значение лишь до тех пор, пока не упал Барьер. После этого мы станем бесполезным балластом, который скидывают со шлюпки. В нормальном мире нам нет места. Но здесь и сейчас, как Контролеры города, мы важны. Мы служим.

Флеминг беспокойно заерзал.

— Тебе нелегко будет это постичь. Тебя начали готовить еще до рождения. Ты никогда не знал — как и все мы — нормальной жизни. Ты глух, нем и слеп.

Мальчик уловил в этих словах проблеск смысла.

— Вы говорите о…

— …способах восприятия, которыми наделены горожане, потому что они им понадобятся, когда Барьер падет. Мы в сложившихся обстоятельствах не можем позволить себе их иметь. Замена — телепатическое чутье. Позже я расскажу тебе об этом подробнее. А сейчас я хочу, чтобы ты сосредоточился на проблеме Билла Нормана. Он горожанин.

Нерал помолчал. Он ощущал безмерный вес города, давящий ему на плечи, и ему казалось, что фундамент крошится, не выдержав этой тяжести…

— Билл Норман выходит из-под контроля, — ровным голосом произнес Нерал.

— Но я же никто, — сказал Билл Норман.

Они танцевали в саду на крыше. Седьмой монумент, возвышавшийся над ними даже здесь, разбрасывал мерцающие неяркие огоньки. В вышине серела пустота Барьера. Музыка заводила.

Миа протянула руку, растрепала волосы у него на затылке.

— Только не для меня, — возразила она. — Впрочем, я небеспристрастна.

Высокая, стройная, темноволосая, девушка являла собой разительный контраст белокурому богатырю Норману. Его чуть озадаченные голубые глаза изучали ее.

— Мне повезло. А вот тебе — не уверен.

Музыка возвысилась в ритмичном крещендо, достигла высшей точки; духовые грянули басовито и громко, мелодия настойчиво повторялась снова и снова, вселяя смутную тоску. Норман беспокойно повел могучими плечами и свернул к парапету, увлекая за собой Мию. В молчании они пробрались сквозь толчею к проему в высокой стене, огораживающей сад. Здесь можно было побыть в уединении, любуясь городом сквозь узкую амбразуру.

Время от времени Миа украдкой поглядывала на встревоженное лицо своего спутника. Он смотрел на увенчанный светом Седьмой монумент; позади Седьмого высился Шестой, за ним вдалеке маленький Пятый — памятники каждой из Великих Эпох человеческой истории.

Но город…

Во всем мире никогда не было ничего подобного. Ни один город прежде не строился для человека. Мемфис, рвущийся к небу исполин, был возведен во славу царей; Багдад был жемчужиной султана; тот и другой волею монарха представляли собой всего лишь большие увеселительные заведения. Нью-Йорк и Лондон, Париж и Москва — все они до конца своего существования оставались менее приспособленными для жизни, менее функциональными, чем пещеры троглодитов. Жить в них было все равно что возделывать бесплодную землю.

А этот город создавался для человека.

И дело не просто в парках и дорогах, в самодвижущихся лентах-транспортерах и парагравитационных потоках для левитации. Не только в проектировании и архитектуре кроется его секрет. Город был спланирован в соответствии с законами человеческой психологии. Он обнимал, как мягчайшая перина. В нем царил покой. В нем царили красота и функциональность. Он безукоризненно подходил для своих целей.

— Я сегодня опять был у психолога, — сказал Норман.

Миа сложила руки на груди и прислонилась к парапету. На своего спутника она не смотрела.

— И?

— Общие слова.

— Но они ведь всегда знают ответы, — сказала Миа. — Правильные ответы.

— Этот — нет.

— На это может уйти время. Правда, Билл, понимаешь, никто… никто не испытывает неудовлетворенности.

— Я не знаю, что со мной, — продолжал Норман. — Возможно, наследственность. Я знаю лишь, что у меня бывают эти… эти вспышки. Которых психологи не могут объяснить.

— Но должно же быть какое-то объяснение.

— Психолог тоже так сказал. Тем не менее он не смог объяснить, что со мной происходит.

— Неужели ты не можешь все проанализировать? — не сдавалась она; ее руки скользнули в его ладони. Его пальцы сжались. Он устремил взгляд на Седьмой монумент, потом еще дальше.

— Нет. Просто я чувствую, что никакого ответа нет.

— На что?

— Не знаю. Я… мне хотелось бы выбраться из города.

Ее руки внезапно ослабли.

— Билл. Ты же знаешь…

Он негромко рассмеялся:

— Знаю. Пути наружу нет. Барьер непреодолим. Может, я совсем не этого хочу. Но это… это… — Он уперся взглядом в монумент. — Это все порой кажется неправильным. Не могу объяснить. Весь город. Он сводит меня с ума. А потом начинаются эти вспышки…

Его рука одеревенела. Он выдернул ее из пальцев Мии. Билл Норман закрыл лицо руками и закричал.

— Вспышки понимания, — сказал Нерал Флемингу. — Они не затягиваются надолго. Иначе он сошел бы с ума или умер. Разумеется, городские психологи не могут ему помочь. Это им не под силу по определению.

Флеминг, чуткий к телепатическим эмоциям, заметил:

— Вы встревожены.

— Разумеется. Нас, Контролеров, готовят специально. Обычный горожанин не может обладать нашими способностями, это было бы небезопасно. Строители разработали множество планов, прежде чем решили создать нас. Они хотели поручить контроль специально сделанным роботам и андроидам, но требовался человеческий фактор. Чтобы поддаваться подготовке, нужны

эмоции. С рождения нас при помощи гипноза готовят защищать горожан и служить им. Мы ничего больше не умеем. Так задумано.

— Каждого горожанина? — спросил Флеминг, и Нерал вздохнул.

— В этом-то и беда. Каждого горожанина. Целое равняется сумме частей. Для нас один горожанин представляет всю группу. Я не уверен, что это не ошибка строителей. Ведь когда один горожанин угрожает группе… как Норм…

— Но мы должны разрешить проблему Нормана.

— Да. Это наша проблема. Каждый горожанин должен находиться в физическом и душевном равновесии. Должен. Я тут подумал…

— Да?

— Ради блага целого было бы лучше, если бы Нормана можно было уничтожить. В силу чисто логических причин ему следует позволить сойти с ума или умереть. Впрочем, я не могу это санкционировать. Моя подготовка не позволяет.

— И моя тоже, — заметил Флеминг, и Нерал кивнул.

— Вот именно. Мы должны излечить его. Должны вернуть его обратно в состояние психологического равновесия. Иначе нам самим грозит

срыв — поскольку нас не готовили справляться с неудачами. Так вот. Ты среди нас самый молодой, у тебя больше общего с горожанами, чем у всех остальных. Так что, возможно, тебе удастся отыскать ответ там, где нам это не под силу.

— Надо было сделать Нормана Контролером, — сказал Флеминг.

— Да. Но теперь уже слишком поздно. Он взрослый. У него скверная наследственность — с нашей точки зрения. Математики и теологи. Монументы могут разрешить затруднения каждого жителя города. Мы можем дать ему именно те ответы, которые ему нужны. Но Норман гонится за абстракцией. Вот в чем проблема. Мы не можем дать ему ответ, который его устроил бы!

— Разве в истории никогда не было сходных случаев психоза?

— Это не психоз, в этом-то и загвоздка. Разве что по жестким стандартам города. О, мы сталкивались с множеством человеческих проблем — к примеру, когда женщина хочет иметь детей и не может. Если медицина бессильна помочь ей, в дело вступают монументы. Отвлекают внимание, обращая ее материнский инстинкт на другой объект или направляя его в иное русло. Заменяя его чем-то. Заставляют ее поверить, будто она

исполняет определенную миссию. Или создают эмоциональную привязанность иного рода, не материнскую. Суть в том, чтобы докопаться до психологических корней проблемы, а затем каким-то образом избавиться от неудовлетворенности. Именно неудовлетворенность — причина всех бед.

— Может, отвлечь?..

— Вряд ли получится. Проблема Нормана — абстракция. Если бы мы разрешили ее, он сошел бы с ума.

— Я не понимаю, в чем моя проблема, — с отчаянием в голосе сказал Норман. — Нет у меня проблем. Я молод, здоров, занимаюсь любимым делом, у меня есть невеста…

Психолог почесал подбородок.

— Если бы мы знали, в чем ваша проблема, то могли бы как-то с ней бороться, — сказал он. — Наиболее сомнительный момент во всем этом… — Он зашелестел бумагами. — Ну-ка, посмотрим. Я сейчас кажусь вам реальным?

— Вполне, — ответил Норман.

— Но иногда… В этом синдроме нет ничего необычного. Иногда вы сомневаетесь в реальности. У многих время от времени возникает подобное чувство. — Он откинулся на спинку

кресла и задумчиво хмыкнул.

Сквозь прозрачную стену виднелся Пятый монумент, пульсирующий мягким светом.

— То есть вы не знаете, что со мной, — подытожил Норман.

— Пока не знаю. Но выясню. Сначала нам необходимо определить, в чем ваша проблема.

— Сколько времени на это уйдет? Десять лет?

— У меня у самого однажды была проблема, — признался психолог. — Тогда я не знал, в чем она заключалась. Но теперь знаю. Мне грозила мания величия, я хотел изменить человечество. Потому я и занялся этой работой. Я обратил свою энергию в полезное русло и тем самым избавился от неудовлетворенности. Этот способ подойдет и вам, как только мы разберемся, что вас тревожит.

— Я лишь хочу, чтобы прекратились галлюцинации, — сказал Норман.

— Слуховые, зрительные и обонятельные по большей части галлюцинации… И по сути, не спровоцированные ничем извне. Это не иллюзии, это галлюцинации. Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали о них поподробнее.

— Не могу. — Норман съежился и даже стал казаться меньше. — Меня словно бросают в кипящий металл. Это просто не описать. Какой-то

шум, огни — появляются и исчезают, как вспышка. Адская вспышка.

— Завтра мы с вами еще раз попробуем лечение наркотиками. А я пока соберусь с мыслями. Возможно, это всего лишь…

Норман вступил в левитационный поток и стал подниматься в восходящей струе воздуха. На уровне верхнего балкона Пятого монумента он сошел. Там были люди, всего несколько человек. Они не обратили на него внимания, занятые своими делами — нежничаньем и любованием городом. Норман облокотился на перила и стал смотреть вниз. Он поднялся сюда в смутной несбыточной надежде, что на этом балконе высоко над городом будет потише.

Здесь было тихо, но не тише, чем в городе. Под ним изгибались и плавно скользили самодвижущиеся ленты транспортеров. Они двигались бесшумно. В вышине безмолвно серел купол Барьера. Норману преставилось, как оглушительные раскаты грома лупят по Барьеру снаружи, как несокрушимая полусфера начинает трескаться и коробиться, впуская внутрь рокочущий вал хаоса…

Он вцепился в прохладный поручень. Прочный пластик под руками не успокаивал. Еще миг — и

Барьер развернется…

Монумент не принес облегчения. Норман оглянулся через плечо на основание лучащегося мягким светом шара, по поверхности которого пробегала золотистая рябь, но и он, казалось, вот-вот разлетится вдребезги. Норман хотел прыгнуть обратно в нисходящий поток, но в последний момент оступился. Он совершенно промахнулся и не попал в поток. На один леденящий миг он очутился в свободном падении. Потом защитный кокон парагравитации плотно сомкнулся вокруг его тела и плавно втянул в поток. Норман медленно полетел вниз.

Однако теперь его занимала новая мысль. Самоубийство.

Тут крылось два вопроса. Хочет ли он покончить с собой? И возможно ли это? Норман задумался о последнем.

В задумчивости он машинально ступил на движущуюся дорожку и опустился в одно из мягких кресел. Никто в городе не умирал насильственной смертью. Никто и никогда, насколько ему было известно. Но были ли попытки самоубийства?

Это была новая, необычная идея. Вокруг так много страховочных средств. Ни одна опасность не осталась непредусмотренной. Несчастных

случаев не бывает.

Дорога поворачивала. В сорока футах, за лужайкой и невысокой стеной, возвышался Барьер. Норман поднялся и двинулся к нему, манящему и отталкивающему одновременно.

По ту сторону Барьера…

Норман остановился. Вот он, прямо перед ним — гладкая серая поверхность без всяких отметин и узоров. Не материя. Что-то другое, что создали строители — давным-давно.

Как там, снаружи? Шесть сотен лет миновало с тех пор, как был воздвигнут Барьер. За такое время весь остальной мир мог значительно измениться. В голову ему пришла странная мысль: а вдруг планету уничтожили? Вдруг какая-нибудь цепная реакция в конце концов обратила ее в пыль? Отразилось бы это на городе? Или город, отгороженный фантастическим барьером, оказался не просто под защитой, а и впрямь переместился на другой уровень существования?

Норман с силой грохнул кулаком по этой серости; она была как резиновая. Им вдруг овладел ужас. Собственного крика он не услышал.

Впоследствии он дивился, как вечность может втиснуться в одно-единственное мгновение. Мысли его вернулись к самоубийству.

— Самоубийство? — предложил Флеминг.

В мыслях Нерала творился сумбур.

— Экология подводит, — заметил он. — Полагаю, беда в том, что город — замкнутый объект. Мы искусственно делаем то, что шестьсот лет назад было законом природы. Но у природы не было любимчиков, как у нас. И природа оперировала переменными. Я говорю о мутациях. Никто не мешал ей вводить в игру новые фигуры — более того, никто не мешал ей вводить новые правила. Однако здесь, в городе, мы вынуждены придерживаться первоначальных правил и первоначальных фигур. Если Билл Норман покончит с собой, я не знаю, что может произойти.

— С нами?

— С нами, а через нас и с горожанами. Психолог Нормана не в силах ему помочь, он тоже горожанин. Он не знает…

— Кстати, что у него была за проблема? Ну, у психолога. Он сказал Норману, что решил ее, занявшись психологией.

— Садизм. Справиться с этим было несложно. Мы возбудили в нем интерес к изучению психологии. Его умственный показатель был так высок, что прооперировать его мы не могли; ему требовалась более изощренная интеллектуальная

разрядка. Зато теперь он прекрасно вписывается в общество и вполне уравновешен. Занятия психологией дают ему сублимацию, в которой он нуждался, и он весьма сведущий специалист. Однако до корней расстройства Нормана ему не докопаться. Экология подводит, — повторил Нерал. — В нашем случае организм несовместим со средой обитания. Галлюцинации! Нет у Нормана никаких галлюцинаций. И даже иллюзий. У него просто периоды просветления рассудка — к счастью, непродолжительные.

— В любом случае это ненормальная экология.

— Должно быть. Город непригоден для обитания.

Город захлебывался ревом!

Замкнутый микрокосм, он вынужден был противостоять невообразимым нагрузкам, чтобы сохранять работоспособность. Он был забортным мотором в спасательной шлюпке. Бушевал шторм. Мотор выбивался из сил, натужно гудел, искрил — захлебывался ревом. Внутренняя среда города была полностью искусственной — настолько, что ни одна нормальная технология не могла бы удержать равновесие.

Шесть столетий назад строители изучали и отклоняли план за планом. Максимальный

диаметр Барьера равнялся пяти милям. Уязвимость повышалась пропорционально квадрату диаметра. А неуязвимость была главнейшим критерием.

Город должен был быть построен и функционировать как автономный организм внутри небывало крошечного радиуса.

Оцените задачу. *Автономный организм.* Никаких трубопроводов наружу. Цивилизация должна была неопределенно долгое время существовать на продуктах собственной жизнедеятельности. Пароходы и космические корабли в сравнение не шли. Они могли зайти в порт и пополнить запасы.

Городу-шлюпке предстояло находиться в плавании много дольше, чем шесть столетий. А горожане — потерпевшие крушение — должны были не просто выживать, но еще и оставаться здоровыми, физически и духовно.

Чем меньше площадь, тем больше концентрация. Строители могли создать нужные механизмы. Они знали, как это сделать. Но подобных механизмов не создавали на планете еще никогда. В такой концентрации — никогда!

Цивилизация — искусственная среда обитания. Со всеми необходимыми механизмами город

становился настолько искусственным, что жить в нем не смог бы никто. Строители добились результата: они построили город, который мог существовать сколь угодно долго, производя весь необходимый воздух, воду, пищу и энергию. Этим занимались машины.

Но какие машины!

Энергия, которая затрачивалась и высвобождалась, поражала воображение. Она не могла не выделяться. И выделялась — в виде света, звука и радиации, внутри пятимильной зоны, окруженной Барьером.

Любой живущий в городе через две минуты заработал бы невроз, через десять — психоз и вообще протянул бы немногим дольше. Строители получили автономный город, но обитать в нем не мог никто.

Решение было одно.

Гипноз.

Все в городе находились под гипнозом. Это был избирательный телепатический гипноз, а так называемые монументы — мощные гипноизлучатели — исполняли роль контролирующих устройств. Выжившие пассажиры в спасательной шлюпке и не подозревали, что снаружи бушует шторм. Они видели лишь безмятежные воды, по

которым плавно скользила их лодка.

Город ревел перед глухими. Шесть столетий никто не слышал его. Никто не чувствовал радиации и не видел ослепительного, убийственного света города. Горожане — потому что не могли, Контролеры — потому что не могли тоже: они были слепы, глухи и немы, а также лишены еще некоторых чувств. Они были наделены телепатией, экстрасенсорным восприятием, которые давали им возможность исполнять их задачу — править шлюпкой. Как и горожане, они должны были выживать.

Шесть столетий рева города не слышал никто — кроме Билла Нормана.

— У него пытливый ум, — сухо заметил Нерал. — Чересчур пытливый. Его проблема — абстракция, как я уже говорил, и если он получит верный ответ, это убьет его. Если же не получит, то сойдет с ума. В любом случае пострадаем мы, потому что нас не готовили к неудачам. Главный принцип, гипнотически внедренный в наше сознание, — каждый горожанин должен выжить. Ладно. Теперь у тебя есть все факты, Флеминг. Что-нибудь наклевывается?

— У меня нет всех фактов. В чем проблема Нормана?

— Он из опасного племени, — расплывчато ответил Нерал. — Теологи и математики. Он мыслит… чересчур рационально. Что же касается его проблемы… что ж, Пилат задавал тот же вопрос три тысячи лет назад, и что-то я не припомню, чтобы он получил на него ответ. Этот вопрос лежал в основе каждого исследования с самого зарождения научной мысли. Но до сих пор ответ не был роковым. Вопрос Нормана прост: что есть истина?

Повисла пауза. Потом Нерал продолжил:

— Он не сформулировал его даже для себя. Он не знает, что задается этим вопросом. Но мы-то знаем, у нас есть доступ к его мыслям. Этот вопрос мучит его своей неразрешимостью, и весь ужас в том, что это постепенно выводит его из-под нашей власти, из-под гипноза. Пока что у него были только проблески понимания. Мыслительные периоды длиной в долю секунды. Это довольно скверно для него. Он видел и слышал город таким, каков он есть.

Новая пауза. В голове у Флеминга было пусто. Нерал сказал:

— Это единственная проблема, которую нам не под силу решить гипнотическим внушением. Мы пытались. Но все без толку. Норман — та самая

поразительно редкая личность, человек, который доискивается истины.

— Он ищет истину, — медленно проговорил Флеминг. — Но… непременно ли он должен… отыскать ее?

Его мысли ворвались в сознание Нерала и, словно удар кремня о кресало, высекли огонь.

Три недели спустя психолог объявил, что Норман излечился, и они с Мией немедленно поженились. Держась за руки, они вместе поднялись на Пятый монумент.

— Раз ты понимаешь… — начал Норман.

— Я пойду за тобой, — пообещала она ему. — Куда угодно.

— Ну, это будет не завтра. Я двигался по неправильному пути. Подумать только, пытаться проложить проход через Барьер! Нет. С огнем надо бороться огнем. Барьер — следствие естественных законов физики. В том, как он был создан, нет никакой тайны. Вот как его разрушить — это уже совсем другой вопрос.

— Говорят, его нельзя разрушить. В один прекрасный день он исчезнет, Билл.

— Когда? Я не намерен ждать. Может быть, у меня уйдут на это годы, потому что мне придется учиться пользоваться моим оружием. Годы

учения, тренировки и исследований. Но у меня есть цель.

— Нельзя же стать экспертом в ядерной физике за одну ночь.

Он рассмеялся и обнял ее за плечи.

— Я и не собираюсь. Всему свое время. Чтобы стать хорошим физиком, сначала нужно выучиться. Эрлих, Пастер и Кюри — у них у всех был стимул, мотивация. Теперь они есть и у меня. Я знаю, чего хочу. Я хочу выбраться отсюда.

— Билл, а если у тебя не получится…

— Наверное, поначалу и не будет получаться. Но в конце концов у меня все получится. Я знаю, чего хочу. *Выбраться!*

Миа придвинулась к нему, и они умолкли, глядя на привычное дружелюбие города внизу.

«Еще какое-то время я потерплю, — подумал Норман. — Особенно рядом с Мией. Теперь, когда психолог разобрался с моей болезнью, я могу заняться работой».

Над ними лучился мягким пульсирующим светом исполинский шар монумента.

— Миа?

— Что?

— Теперь я знаю, чего хочу.

— Но он не знает, — сказал Флеминг.

— Ничего страшного, — весело ответил Нерал. — Он никогда не понимал по-настоящему, в чем его проблема. Ты нашел ответ. Не тот, какого он хотел, но наилучший. Замещение, отвлечение, сублимация — называй как хочешь. В основе своей это то же решение, что и направление садистских наклонностей в благотворное русло хирургии. Мы дали Норману его компромисс. Он все равно не знает, чего ищет, но при помощи гипноза мы внушили ему, что он найдет это за пределами города. Положи еду на вершину стены, так, чтобы голодающий не мог до нее дотянуться, и получишь невроз. Но если дать ему материалы для постройки лестницы, его энергия будет направлена в производительное русло. Норман положит всю жизнь на исследования и, может быть, даже сделает какие-нибудь ценные открытия. Он снова в здравом уме. Мы подвергли его превентивному гипнозу. И он умрет, веря, что выход наружу существует.

— Сквозь Барьер? Его нет.

— Разумеется нет. Однако Норман покорился гипнотическому внушению и поверил, что выход есть, дело только за тем, чтобы найти его. Мы дали ему материалы для постройки лестницы. Он будет терпеть неудачу за неудачей, но никогда не

отчается. Он ищет истину. Мы убедили его, что он сможет найти ее за Барьером и что ему под силу отыскать выход. Теперь он счастлив. Он больше не раскачивает нашу шлюпку.

— Истина… — протянул Флеминг. — Нерал… Я тут подумал…

— Что?

— А Барьер существует?

— Но город ведь выжил! Ничто извне ни разу не проникло сквозь Барьер…

— Предположим, что Барьера не существует, — не сдавался Флеминг. — Как тогда выглядел бы город снаружи? Возможно, как реактор. Он непригоден для жизни. Мы не можем себе представить подлинный облик города, нам это под силу не больше, чем загипнотизированным горожанам. Вы стали бы соваться в реактор? Нерал, возможно, город и есть сам себе Барьер.

— Но мы ощущаем Барьер. И горожане ощущают…

— Ощущают ли? И мы — ощущаем? Или это тоже часть гипноза, часть, о которой нам неизвестно? Нерал… я не знаю. Возможно, Барьер существует, и, возможно, он исчезнет, когда истечет период его полураспада. Но представьте себе, что мы просто думаем, будто Барьер существует.

— Но… — Нерал запнулся. — Получается… Норман может найти выход!

— Мне тут пришло в голову… а что, если строители так и задумали? — сказал Флеминг.

Ниточка в будущее

Прием. Начальные процедуры выполнены. Я успешно включился в социальную структуру.

Хорошо. Связь установлена. Корис, тебе периодически будут поступать директивы и руководства...

Зазвенел телефон. Флетчер поплотнее закрыл глаза и сделал вид, что ничего не слышит. Он пытался вернуть приятный сон, но настойчивый звон все не прекращался. В полусне время будто бы растянулось, и Флетчеру казалось, что между звонками были долгие минуты покоя. А потом вновь: дзинь!

Наконец он выполз из постели, на ощупь прошел через комнату и после короткой заминки у двери добрался до телефона. Он поднял трубку и пробормотал что-то нечленораздельное.

— Корис, — раздалось в телефоне, — это ты?

— Вы ошиблись номером, — раздосадованно буркнул Флетчер.

Но не успел он бросить трубку, как голос снова заговорил:

— Хорошо. Мне не сразу удалось наладить связь. Прошла временная буря — по крайней мере, мы так думаем, однако возможно, что во всем виновато смещение крибов. Ты же знаешь, как тяжело поддерживать связь — почему ты так долго не отвечал?

В трубке надолго повисла тишина. Флетчер тупо покачивался с пятки на носок, ничего не соображая спросонок, слишком сонный даже для того, чтобы отодвинуть трубку от уха.

Голос снова заговорил:

— Плохая связь, да? Странно. Теперь-то хоть слышишь? Итак, тебе пора начинать делать заметки к диссертации. Вот тебе указание: купи «Трансстил», через два дня продай. Это обеспечит тебя деньгами на текущие расходы.

Тишина. И снова:

— Так. И помни о скромности. Старайся по возможности не фелкать соркинов.

На другом конце провода повисло долгое молчание. Флетчер проворчал что-то о неуместности шуток, повесил трубку и направился к кровати. Ему снилось, как он фелкает соркинов. Соркины напоминали соленые огурцы с голубыми глазами и в ярких красных кафтанчиках. Потом он увидел перемещение крибов — больших пауков, кото-

рые носились по берегу, как стайка леммингов…

Флетчер проснулся. Голова раскалывалась, будто с похмелья. Проклиная разыгравшееся воображение, он пошел в ванную — холодный душ наверняка взбодрит его. Он побрился, наскоро сообразил завтрак и открыл свежую газету. Акции «Трансстил», отметил он, шли по двадцать восемь с четвертью.

Флетчер отправился на работу в свое рекламное агентство и сделал несколько никуда не годных макетов. Однако потом удача все же улыбнулась ему: он договорился о свидании с Синтией Дейл, которая писала слоганы для одежды и парфюмерии. Рыжеволосая красотка Синтия обладала страстью к дорогим вещам и поразительной устойчивостью к выпивке. После работы они решили вместе пообедать, чему Флетчер был несказанно рад. За вечер его головная боль поутихла, к тому же Синтия держалась более раскованно, чем обычно. На следующее утро Флетчер лениво валялся в постели и вспоминал головку Синтии на своем плече и ее хрипловатый голос, подбирающий синонимы к слову «ароматный».

— Благоуханный, — предложил Флетчер.

— Заткнись, Джерри. Я почти нашла нужное слово…

— Я тоже. — Флетчер поднял бокал. — Обалденный.

Телефон зазвонил только в восемь. К этому времени Флетчер уже допивал кофе, старательно избегая резких движений. Его голова была набита заплесневелым сеном: он ощущал его привкус, оно заполняло всю черепную коробку, и это было отвратительно. От резкой телефонной трели перед глазами Флетчера заплясали цветные пятна.

Он поднял трубку:

— Мм, да…

— Доброе утро, Корис, — весело сказал голос. — Правда, тут еще ночь. Купил акции «Трансстил»?

— Что за дурные шутки? — вскипел Флетчер. — Я не…

— Тогда продай их завтра, — заявил голос. — По сто семь. Как тебе люди?

— Ненавижу людей, — отрезал Флетчер, но, похоже, на том конце провода ничего не услышали.

— Насморк в те времена — обычное дело. Если бы мы могли перемещать тела целиком, то заранее позаботились бы о прививках. Но тебе придется обходиться тем организмом, что имеется… Хотя, вообще-то, мы используем вполне здоровых особей. Если бы ты изучал медицину,

мы бы отобрали для тебя больного, но раз ты занимаешься социально-экономическими вопросами…

Флетчер нажал на рычаг, однако связь не оборвалась.

— …Избавься от этого, — жизнерадостно щебетал голос. — От насморка и всяких мелких недомоганий есть одно простое средство. Немного хлорида натрия, щепотка пищевой соды… — Он назвал еще несколько составляющих. — Это поможет. До свидания, и удачи тебе.

— Гхм, — буркнул Флетчер.

Если так будет продолжаться и дальше, решил он, придется пожаловаться в телефонную компанию. Каждое утро выслушивать какого-то психа — перспектива не очень-то радужная. Даже когда голова не раскалывается от похмелья. Вспомнив об Армагеддоне под черепом, Флетчер отправился в кухню выпить томатного сока. Сока в холодильнике не оказалось ни капли. Резко распрямившись, Флетчер испытал приступ головокружения и тошноты. Это смещались крибы. По крайней мере, судя по ощущениям.

Он поднял солонку и уставился на нее. Хлорид натрия. Что там посоветовал этот чертов голос? Насморк… Нет, Флетчер не был простужен, про-

сто у него раскалывалась голова, ломило все тело и на душе было тоскливо. Может, эта смесь его все-таки не убьет…

Флетчер страдал легкой ипохондрией — возможно, виной тому были мигрени, которые мучили его все чаще. По этой причине он просто не мог удержаться, чтобы не попробовать новое целебное средство. Все составляющие были под рукой, но он никогда раньше не слышал, чтобы их смешивали. Микстура оказалась зеленой, шипучей и мерзкой на вкус. Но Флетчер все равно выпил ее, надеясь, что она остановит крибов.

Через десять секунд он поставил стакан и уставился в пустоту. Осторожно помотал головой…

Крибы исчезли.

Невероятно. Как можно мгновенно вылечить такое глобальное похмелье?

Но тошноты больше не было, равно как головной боли и ломоты в суставах. Флетчеру стало хорошо.

— Будь я проклят, — прошептал он, схватил бумагу и карандаш и на всякий случай, чтобы не забыть, записал состав спасительного средства.

Он протянул руку и глазам своим не поверил: она не тряслась.

Незнакомец помог.

В офисе никто не признавался, что звонил утром Джерри Флетчеру. Телефонный благодетель вроде был мужчиной, но, возможно, Флетчер просто не узнал спросонок хриплый голос Синтии? Он спросил ее про лекарство. Она все отрицала и вообще была не в духе. Если бы Синтия знала чудо-средство от похмелья, то наверняка чувствовала бы себя куда лучше.

У него на столе лежала газета, которую Флетчер прихватил с собой по дороге в кабинет. Его интересовали финансовые новости. Но акции «Трансстил» упали на три с четвертью и сейчас шли по двадцать пять. В новостях не было ничего такого, чтобы можно было ожидать резких перемен в спросе и предложении, которые за одну ночь поднимут цену до ста семи. Флетчер пожал плечами, решив не отказываться от подарка судьбы, и засел за презентацию печенья.

На следующее утро телефон зазвонил опять.

— Привет, Корис. Не забудь о «Трансстил», до полудня акции упадут.

— Вы меня слышите? — спросил Флетчер.

— Ну, в твоем собственном доме — только никому не говори. Это опасно, если выпустить из-под контроля. Но я считаю, так будет только честно: какого черта ты должен терпеть неудобства?

Это же полевая практика, а не вступительный экзамен.

— Эй, ты, как там тебя… Корис?..

— Итак, я диктую уравнение.

Флетчер потянулся за карандашом и стал торопливо конспектировать все, что говорил голос. Некоторых технических терминов он не знал, поэтому записал их, как расслышал. Математические символы отнюдь не были его коньком.

— Все в полном порядке, — весело заявил голос. — Жду от тебя интересной диссертации, когда вернешься. Не забывай о соркинах, парень.

В трубке засмеялись, потом что-то щелкнуло. Флетчер немного подождал, повесил трубку и принялся грызть ноготь.

Затем он позвонил в телефонную компанию, пытаясь выяснить, что происходит. Ему пообещали, что проверят. Флетчер подозревал, что они ничего не обнаружат. Выражение «полевая практика» направило его мысли в другое русло. Он перечитал уравнение — безрезультатно, ни проблеска понимания. Может быть…

Он машинально оделся, выхлебал кофе и отправился на работу. В обед он договорился встретиться с доктором Сотелем, инженером, который работал в крупной коммерческой компании, со-

трудничающей с рекламным агентством. Сотель был худощавым седым мужчиной с проницательными голубыми глазами.

— Откуда у вас это? — поинтересовался он.

— Я бы предпочел пока об этом умолчать. Мне просто любопытно.

Сотель посмотрел на формулу:

— Но это невозможно! Вы не могли… нет, точно не могли!

Он стал рассказывать что-то о периоде полураспада и свойствах сплавов, но для Флетчера его профессиональный жаргон был совершенно непонятен.

— То есть такая формула существует?

— Нет. По крайней мере… Давайте я лучше возьму ее с собой. Хочу свериться со справочниками. Может, там отыщется что-нибудь подходящее.

— Перепишите ее, — предложил Флетчер, что Сотель и сделал.

На этом обсуждение и завершилось.

Газеты писали, что акции «Трансстил» поднялись до двадцати семи с половиной. Однако это не меняло дела. Флетчер пожал плечами, договорился с Синтией о свидании и думать забыл обо всех этих странностях, пока незадолго до рассвета не вернулся домой. Он сильно набрался,

но чудодейственное средство мгновенно привело его в норму. Раздеваясь, он включил радио.

— …Дом доктора Эндрю Сотеля, ученого-химика. Здание полностью разрушено взрывом. Все члены семьи погибли…

Флетчер потянулся к выключателю и заставил радио замолкнуть, а затем сел и уставился в пустоту. Так он и сидел, пока не зазвонил телефон.

Голос казался слегка напряженным.

— У меня мало времени. Даки в беде. Я знал, что так и будет, когда он провалил курс психической адаптации… Что? Ну конечно, фелкал соркинов! Надо бы и в самом деле позволить сжечь его на костре, если только он все же не решит специализироваться на испанской инквизиции. А можно просто перенести его в наше время, но тогда не видать ему приличной оценки как своих ушей. Если придумаю, как помочь ему другим способом, я помогу.

Тишина. Флетчер ждал, обливаясь холодным потом.

— Не важно, нет. Как там «Трансстил»? Ну, пятнадцать тысяч долларов — отнюдь не плохо по тем временам. Что?.. Ставки на выборах. Да. Социальный феномен тех лет. Подожди-ка, у меня с собой справочник… Следующим президентом

станет Браунинг. Только постарайся не выиграть все пари. Ты же не хочешь привлечь слишком пристальное внимание? И помни, твоя оценка будет зависеть от того, насколько ненавязчиво ты впишешься в тогдашнюю жизнь.

Пауза.

— Экстравагантность в ту эпоху только приветствовалась. Ты можешь проиграть пари, просто для страховки… — Снова тишина, а потом смех. — Хорошо. Забавная будет картина, если ты въедешь на лошади в вестибюль «Уолдорф-Астории». Продолжай работу, тебе надо изучить все чудаковатости, характерные для этого периода, и тебе еще повезло с темой. Вот если бы ты как-нибудь провел пару дней в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году и исследовал помешательство леммингов — массовые самоубийства вроде плясовых маний в Средние века. Так что вперед, делай ставку.

Флетчер облизал губы. Головная боль понемногу возвращалась. Когда через некоторое время голос снова зазвучал, было ясно, что собеседники сменили тему.

— Хорошо. Эмбрион-Корис быстро растет. Через два месяца он станет жизнеспособным. Как-нибудь найди время встретиться с его матерью. Она

приходила в инкубатор каждую неделю, пока ее не отправили изучать погоду на полюсе. Но у меня правда нет времени, Корис, — нужно позаботиться о Даки. Удачи тебе, парень.

Щелк.

Флетчер пошел в кухню, отыскал бутылку дешевого виски и жадно припал к ней губами. Он наклонился и медленно провел рукой по прохладной зеленой плитке за кухонной раковиной. Поверхность была твердой и знакомой. Почему-то от этого стало еще хуже. Ведь когда случается землетрясение, ожидаешь чего-то необычного. А не твердой почвы под ногами.

Президент Браунинг!..

Пятнадцать штук за акции «Трансстил»!..

Где же этот Корис… и когда?

Когда Флетчер добрался до работы, он все еще был слегка пьян, однако прибегать к помощи таинственного лекарства не хотелось. Алкоголь помог ему отгородиться от стресса. Он занялся макетами, но почти ничего не сделал. Время незаметно пролетело мимо. Наконец в кабинет, на ходу надевая нелепую маленькую шляпку, зашла Синтия Дейл и с удивлением воззрилась на Флетчера.

— Джерри, ты работаешь как вол. Домой не

собираешься?

— Не могу. Я фелкал соркинов.

— А ты их содовой разбавь, — предложила Синтия.

Он хлопнул руками о стол и осоловело воззрился на нее.

— Содовой нету. У меня в ящике бутылка… Выпьешь?

— Чистого виски? Нет уж, спасибочки.

— Тогда выходи за меня. Мы сможем вместе навещать эмбрион-Флетчера каждое воскресенье.

— Так, я все поняла.

Синтия безапелляционно вытащила Флетчера из кресла, надела на него шляпу и поволокла к лифту.

— Тебе нужно что-то по-настоящему действенное. Выбирай между выпивкой и турецкой баней. Если выберешь баню, лишишься моего общества.

— Видишь ли… — с трудом подбирая слова, начал Флетчер. Губы его замерзли, язык еле шевелился. — Доктор Сотель взорвался. И вся его семья тоже. Мертвей мертвых. А у меня в кармане формула. Я убийца.

Он продолжал распространяться на эту тему за большой порцией виски. Опытный в таких делах

бармен подал к выпивке палочку лакрицы, и в голове у Флетчера прояснилось. Синтия выплыла из туманной дымки и снова стала собой — милой и невозмутимой девушкой.

— Так что я сегодня еще раз позвонил в телефонную компанию, — объяснял Флетчер. — Там сказали, все в порядке. По крайней мере, они не смогли обнаружить ничего такого.

— Значит, это розыгрыш.

— Доктор Сотель, если бы его удалось собрать из кусочков, с тобой бы не согласился. — Флетчер прикурил сигарету и той же спичкой поджег клочок бумаги, где была записана формула. — Это уравнение… Я боюсь хранить его. Голос сказал, что оно может быть небезопасно, если выпустить его из-под контроля, но он так и не объяснил, как его контролировать.

— Он?

— Ну да. Этакий коротышка с огромной, как арбуз, головой. Из будущего. Я все понял. Это профессор, и он посылает студентов в прошлое на практику.

— Ага, и снабжает их переносным телефоном.

— Нет, обычным телефоном. Им надо держать все в секрете. Так что они тайком подсоединяются к нашим телефонным линиям — логично? Вызов

попадает точно к адресату. Но крибы сместились. И каким-то образом провода пересеклись. Теперь я могу слышать часть разговора. Голос. Но я не слышу Кориса.

— Ты напился. Не верю ни единому слову, — заявила Синтия, однако в глазах ее промелькнуло беспокойство.

— Корис, — продолжал Флетчер, — живет в том времени, когда некто Браунинг стремится стать президентом. И этот Браунинг будет президентом. Отсюда и нестыковка с «Трансстил». Корис сейчас в нашем будущем. Не знаю в каком. В шестидесятых годах, в семидесятых, может, еще позже. Ты знаешь политика по имени Браунинг?

— Я знаю поэта по имени Браунинг. Но он жил в прошлом.

— Да. Он рисовал герцогинь… Так что же мне делать?

— Сменить номер.

— Может… Слушай, Синтия, мне страшно делать что-либо и страшно ничего не делать. У меня прямая связь с будущим. Никогда раньше такого не случалось. Это таит в себе чудесные возможности. Я мог бы заработать миллион баксов, написать книгу или еще что-нибудь в таком духе.

— Запатентуй свое чудо-средство от похмелья.

— Но возможности ограниченны. Я не могу задавать вопросы, только слышу Голос. И не могу обнаружить Кориса, потому что он тоже в будущем. Будь я трезвым, я бы так не рассуждал — мешал бы скептицизм. Но почему мне не верить в Кориса и Голос? Ведь могу же я, например, видеть, что вот там, на потолке, отклеились обои.

— Это субъективно, — заметила Синтия.

— Но что же мне делать?

Девушка покрутила в руках бокал:

— Если бы я тебе верила — а я, разумеется, не верю, — то упомянула бы о последствиях, которые логически вытекают из того, что ты рассказал. Как копирайтер, я знаю правила эффектных и неотвратимых развязок. Возможно, Голос узнает, что ты подслушиваешь, и заставит трубку забиться тебе в горло и задушить тебя.

— Ох! — скривился Флетчер.

— А еще он может послать Кориса убить тебя… или эмбрион-Кориса.

— Но я ничего не сделал!

— Ну… — протянула Синтия. — Есть еще один вариант. В тысяча девятьсот шестидесятом Голос позвонит тебе, а Корис — это твое будущее имя.

— Ненавижу парадоксы, — решительно заявил

Флетчер. — Это не бред. К сожалению. Тогда бы я знал, как поступить. Но в жизни просто идешь на ощупь и не можешь ни в чем быть уверенным. У меня нет оборудования, чтобы подслушивать телефонные звонки из будущего.

Глаза Синтии загорелись.

— А может, ты и есть Корис — просто ты потерял память! И Голос действительно обращается к тебе, хотя ты этого и не знаешь.

— Успокойся. Прекрати. Завтра утром мне снова позвонят…

— Не бери трубку.

— Ха! — презрительно фыркнул Флетчер, и разговор на некоторое время застопорился.

— Видишь ли, — снова начал он, — я так понимаю, мы исходим из того, что будущее вполне определено, хотя бы теоретически. Мы предполагаем, что в будущем будут всякие супермашины, но понимаем, что появятся они не вдруг. И, сталкиваясь с проявлением будущего, мы шарахаемся от него.

— Ты боишься?

— Очень боюсь, — признался Флетчер. — Соблазн слишком велик. Я могу подслушать какое-нибудь уравнение, опробовать его на практике и превратиться в каплю протоплазмы. Тут

чересчур много неизвестных. И я не собираюсь рисковать жизнью.

— И?

— Я не хочу совать свой нос куда не следует, и только. Золото маленького народца! — Он криво усмехнулся. — Знаю я, до чего доводит такая пожива. Но есть еще один выход. Я не буду принимать ничего из предложенного ими. Я не буду мошенничать. Только слушать. В этом нет ничего плохого.

— Они могут упомянуть твою смерть.

— Я знаю, что когда-нибудь умру. Я готов к этому. Смерть, как и налоги, нельзя предугадать, существование одного препятствует другому — pro tem[31]. Пока я буду просто слушать, пока не буду пытаться завоевать мир или создать смертельные лучи, все в порядке.

— Мне это напоминает старую сказку о парне, который в Хеллоуин решил срезать путь и пройти через зачарованный лес, — сообщила Синтия. — Он думал, что никогда не грешил и черти не поймают его просто потому, что он идет по лесу, — ведь это было бы нечестно.

— Ну и?

---

[31] Примечания: 31
Временно *(лат.).*

— А потом голос за его спиной сказал: «Это и правда нечестно», — мило улыбнулась Синтия. — И все.

— Я ничем не рискую, — заявил Флетчер.

— А я не верю ни единому твоему слову. Но в любом случае это свежо. Расплатись за виски и пошли куда-нибудь поедим.

Флетчер полез за кошельком.

Он стал осторожен. Не воспроизводил формул и не выполнял инструкций Голоса для Кориса. Где-то, в туманной бездне будущего, Голос жил в своем невообразимом мире и рассматривал карты времени, как сейчас люди сверяются с атласами. Там были и пробирочные дети, и какой-то немыслимый университет, и метеостанция на одном из полюсов. А Даки спасли от инквизиции с помощью чего-то, что Голос мимоходом назвал йофлисом.

«Йофлис — это силфой наоборот, — подумал Флетчер. — Это животное, растение или минерал? Да какая разница!»

Интерес Флетчера к утренним звонкам стал чисто научным. Он больше не хотел заполучить что-то для себя лично. У него камень с души свалился, когда он понял, что не собирается красть ничего из будущего и повторять роковую

ошибку бедняги Сотеля. Правда, были некоторые сомнения по поводу лекарства от похмелья. Оно казалось вполне безвредным, но какое воздействие оно может оказать на живущих сейчас людей? Ведь если дать им чудодейственное средство, они перестанут задумываться о последствиях. В результате Флетчер порвал рецепт и заставил себя забыть ингредиенты.

Между тем он с интересом наблюдал за успехами Кориса. Подглядывать в будущее было так увлекательно… Памятуя о предупреждении Синтии, он боялся, как бы Голос не обмолвился, что человек по имени Джерри Флетчер был сбит, допустим, вертолетом. Но этого так и не произошло. Правила неизбежной развязки не работали.

А с чего бы им работать? Флетчер же не вмешивался. Он не высовывался. Он следовал холодной логике — актеры на сцене обычно не убивают зрителей.

Джон Уилкс Бут…[32]

Но телефонные звонки были больше похожи на кино, чем на спектакль. Актеров отделяла от зрителя пропасть времени. Тем не менее Флетчер больше не перебивал Голос, а трубку поднимал и

---

[32] Примечания: 32

Уилкс Бут — актер, застреливший Авраама Линкольна.

вешал очень осторожно.

Так продолжалось целый месяц. Наконец он услышал, что Корис готовится к отправке в свой сектор времени. Практика подошла к концу. Брауниинга избрали президентом, «Доджерс» стали чемпионами, на Луне построили ракетную базу. Флетчер ломал голову, какие это годы — шестидесятые, семидесятые?.. Или еще позже?

Синтия упорно отказывалась прийти домой к Флетчеру послушать Голос. Она настаивала, что это всего лишь розыгрыш. «Это, конечно, не какие-нибудь шумы на линии, — признавала она, — но все происходящее слишком надуманно, чтобы быть правдой». Однако Флетчер полагал, что на самом деле Синтия верит ему больше, чем пытается показать.

Ему было все равно. Так или иначе, скоро все закончится. Для карьеры Флетчера наблюдения вреда не принесли: ему светило повышение зарплаты и продвижение по службе, а ипохондрия приняла почти безобидную форму. Порой он сомневался в крепости собственного здоровья и для профилактики принимался глотать витамины, но это бывало нечасто.

Флетчер даже не записывал за Голосом. Теперь он боялся делать это — так некоторые люди ста-

раются не наступать на трещины на асфальте, чтобы не пошел дождь.

— Завтра он уезжает, — сообщил как-то раз Флетчер Синтии за обедом.

— Кто?

— Корис, разумеется.

— Хорошо. Значит, скоро ты прекратишь болтать о нем. Пока у тебя в голове не заведутся новые тараканы. Что дальше? Ручной лепрекон?

Флетчер усмехнулся:

— Это мне не по средствам.

— Они едят сливки, да? В смысле, пьют сливки.

— Мой будет пить дешевый виски и прочую огненную воду.

— А этот цыпленок «качиатторе» ничего, — проговорила Синтия с набитым ртом. — Если ты обещаешь все время кормить меня такой вкуснятиной, я пересмотрю свои взгляды на женитьбу.

Это было самое щедрое обещание с ее стороны. Флетчер тут же предался мечтам. Позже в саду на крыше они остановились, чтобы передохнуть между танцами, и стали любоваться мерцающим городом. Огни внизу делали ночь еще более бескрайней и черной.

— Ракетная база на Луне, — тихо проговорил Флетчер.

По щеке ударил прохладный ветер. Флетчер обхватил Синтию рукой и привлек к себе. Внезапно ему стало очень хорошо от мысли, что он не наступал на трещины на асфальте. Он не полагался на удачу. Будущее — неизвестное будущее — опасно, потому что оно и есть сама неизвестность.

А ведь опасность может подстерегать совсем рядом. Вот здесь, сейчас — до парапета всего два шага… По счастью, у людей есть барьеры, не дающие сделать эти два шага.

— Тут холодно, — сказал он. — Давай зайдем в зал, Синтия. Мы же не хотим подхватить воспаление легких — тем более сейчас.

Телефон зазвонил. Этим утром голова у Флетчера снова раскалывалась. После вчерашнего, надо полагать. Он бросил сигарету в пепельницу и тихонько поднял трубку. Наверное, это последний звонок…

Голос сказал:

— Все готово, Корис?

Пауза.

— Тогда даю полчаса. Отчего ты задержался?

Снова пауза, дольше прежней.

— Что, правда? Надо будет записать. Но в те времена неврозы были обычным явлением. Эмбрион-Корис тоже склонен к неврозу, но мы все

исправили. Кстати, по чистой случайности его мать как раз сейчас приехала в отпуск. Через несколько часов ты сможешь ее увидеть. Теперь об этом человеке. Он знает, кто ты?

Пауза.

— Не понимаю, как он мог узнать! Или вычислить тебя. Если бы он нес такой бред, его бы заперли в лечебнице. Как его зовут?

Пауза.

— Флетчер… Джеральд Флетчер. Я проверю, но уверен, что насчет него нет никаких записей. Он не из наших. Плохо. Сбежал ли он из больницы, или… А, понимаю. Ну, думаю, сейчас он в надежных руках. Да, тогда это называлось психлечебницей. В своей работе ты не касался медицины тех лет. Забавно, что он узнал о тебе. Не могу понять…

Пауза.

— Назвал тебя по имени? Не Корисом?! Да уж. Как он вообще мог узнать? Это и правда интересно. А когда он впервые дал о себе знать?

Пауза.

— Толпа… да, конечно. В «Уолдорф-Асторию» не каждый день въезжают на лошади. Но я же говорил тебе, что в этом нет ничего страшного. Все спишут на эксцентричное пари на выборах. Хм,

если он действительно стащил тебя с лошади и назвал по имени — это очень любопытно. Очевидно, он сумасшедший, но как он узнал… Не может же быть, что он провидец… Нет подтверждений тому, что безумцы обладают повышенной восприимчивостью… Что ты узнал о нем?

Пауза.

— Ясно. Сначала, конечно, невроз навязчивых состояний. Он чего-то боялся — возможно, будущего. В его среде это нормально. Врачи сказали… Ах, вот как! Выходит, он сбежал из лечебницы. Забавный случай: наверное, вначале он страдал от обычной ипохондрии, вызванной каким-то хроническим заболеванием, например головными болями, или… В любом случае за долгие годы она могла перерасти в психоз. Сколько ему лет?

Некоторое время в трубке слышалось только жужжание. И снова:

— Хм. Типично, я тебе скажу, для его возраста. Что ж, ничего не поделаешь, а жаль. Он безнадежно свихнулся. Интересно все-таки, что же было изначальным импульсом, направившим его по неправильному пути? Что могло выбить из колеи человека его типа и эпохи? Достаточно часто все начинается с ипохондрии, как ты ее описал, но почему он был так уверен, что сойдет с ума?

Естественно, если убедить себя, что сойдешь с ума, и думать об этом годами… А впрочем, ладно, мы можем обсудить этот случай более подробно при встрече. Итак, через полчаса?

Пауза.

— Хорошо. Я рад, что ты не фелкал соркинов, мой мальчик, — весело расхохотался Голос.

Трубку повесили.

Флетчер смотрел, как его рука медленно кладет трубку на черный телефон.

И чувствовал, как смыкаются вокруг него стены.

Голос омара[33]

Наклонив сигару под безопасным углом и опасливо прильнув к дырочке в занавесе, Теренс Лао-Цзы Макдуф вглядывался в публику и силился понять, надо ли ждать неприятностей.

— Порядок… — вполголоса пробормотал он. — Или нет? Такое чувство, будто по спине вверх и вниз карабкаются мокрые мыши. Жаль, не удалось устроить, чтобы со мной вышла та девочка с Малой Веги. Ну что уж теперь… Пора.

Занавес начал медленно подниматься, и Теренс максимально поджал телеса.

— Всем добрый вечер! — бодро объявил он. — Рад видеть, что сегодня в этом самом зеленом из Альдебаранских миров собралось столько зрителей, исполненных любопытства…

От аудитории пошел приглушенный шум, смешанный с пряным запахом альдебаранцев и ароматами множества других рас и видов. Ибо на Альдебаране, альфе Тельца, пришло время лотереи, и знаменитый праздник, посвященный

---

[33] Примечания: 33

В X главе «Алисы в Стране чудес» Алиса читает Грифону и Фальшивой Черепахе: букв. «Вот голос омара». Перевод Н. Демуровой.

подсчету семян в первом плоде сфиги нынешнего урожая, как обычно, собрал со всей Галактики любителей испытать удачу. В зале присутствовал даже один землянин, с косматой рыжей шевелюрой и хмурой физиономией. Он сидел в первом ряду и неприязненно смотрел на Макдуфа.

Стараясь не встречаться с этим тяжелым взглядом, Макдуф продолжил чуть торопливее:

— Дамы, господа, альдебаранцы, предлагаю вашему вниманию мой универсальный радиоизотопно-гормональный эликсир омоложения, уникальное открытие, благодаря которому вы обретете бесценное сокровище юности по цене, доступной всем, и…

Мимо головы Макдуфа просвистел незнакомый ему предмет. Натренированное ухо вычленило слова на десятке межзвездных наречий и определило, что ни одно из этих слов не выражало одобрения.

— Этот тип — мошенник! Как пить дать! — взревел рыжеволосый.

Макдуф, машинально увернувшись от перезрелого фрукта, задумчиво посмотрел на землянина.

«Ой-ой! — подумал Макдуф. — Как же он узнал, что карты были крапленые и светились в уль-

трафиолете?»

Он театрально воздел руки, призывая к тишине, сделал шаг назад и пнул защелку на сценическом люке. И мгновенно исчез. Зрительный зал взорвался невероятным ревом, исполненным нерастраченной ярости.

Макдуф, торопливо пробегая мимо заброшенных декораций, слышал, как над ним грохочет топот.

«Эх, и прольется сегодня чей-то хлорофилл, — размышлял он, ускоряясь. — В том-то и беда с этими альдебаранцами, что в глубине души они по-прежнему овощи. Никакой этики, один фотосинтез».

На бегу он споткнулся о полупустую бутылочку прогестерона — гормона, необходимого в случае, когда этот лох узколистный, то есть клиент, принадлежал к классу птиц или млекопитающих.

«Вряд ли дело в гормонах, — думал Макдуф, пинками отбрасывая с дороги коробки. — Наверное, это все радиоизотоп. Уж я напишу гневное письмо в эту чикагскую контору! Однодневка небось. Я тоже хорош: стоило засомневаться в качестве их товара при такой-то цене. „Три месяца“, ага, конечно! И двух недель не прошло, как продался первый флакон, а я все выплачиваю долги

и только-только собрался получать прибыль».

Дело было серьезное. Сегодня доходы от «универсального радиоизотопно-гормонального эликсира омоложения» он впервые рассчитывал положить себе в карман. Альдебаранские чиновники отличались такой жадностью, что даже не верилось в их растительное происхождение. Как раздобыть нужную сумму, чтобы побыстрее свалить с планеты, если ему все время вставляют палки в колеса?

— Проблемы, проблемы, — бормотал Макдуф на бегу.

Из коридора он выскочил к выходу и предусмотрительно обрушил за собой башню из пустых ящиков, забаррикадировав дверь. Сзади донеслись крики ярости.

— Просто вавилонское столпотворение, — сказал Макдуф, перейдя на рысь. — Извечная морока галактических путешествий: слишком много эмоциональных рас.

Пригибаясь и петляя, Макдуф не прекращал бормотать — он имел привычку окружать себя на ходу облаком приглушенных замечаний, участливо адресованных самому себе и, как правило, одобрительных по сути.

Через некоторое время, решив, что теперь от

возмездия его отделяет безопасное расстояние, он замедлил шаг, остановился у сомнительного вида ломбарда и вынул несколько монет из своего скудного запаса. Взамен ему выдали потертый чемоданчик, в котором лежало все необходимое для поспешного отправления — вернее сказать, все, кроме самого главного. У Макдуфа не было космического билета.

Если бы он мог предположить весь масштаб альдебаранской прожорливости и коррумпированности, он бы, наверное, приготовил для взяток более солидный бюджет. Но он подгадывал приезд к грандиозному празднику сфиги, и время поджимало. Тем не менее выход всегда есть. Когда-то Макдуф оказал услугу капитану «Саттера» Мастерсону, а «Саттер» должен был стартовать завтра рано утром.

— Можно что-нибудь придумать, — размышлял Макдуф на ходу. — Давай посмотрим. Пункт первый. Есть Ао.

Ао звали девушку с Малой Веги, чья гипнотическая фигура могла, образно выражаясь, стать лицом его рекламной кампании.

— Если я займу денег на билет, с пунктом один это разобраться не поможет. Если мне удастся заполучить Ао, придется иметь дело с ее опекуном

— это пункт два.

Пункт два представлял собой выходца с Алголя, некоего Эсс Пу[34]. Макдуф расшибся в лепешку, чтобы иметь информацию обо всех перемещениях Эсс Пу, и знал, что сейчас алголианец наверняка сидит недалеко от центра города, в «Ультрафиолетовом фонаре снов», и второй день играет в кости. А партнером у него, возможно, до сих пор мэр Альдебаран-Сити.

— Далее, — размышлял Макдуф. — У Эсс Пу и Ао есть билеты на «Саттер». Это хорошо. Ответ очевиден. Все, что мне нужно сделать, — это присоединиться к игре, выиграть Ао и оба билета и отряхнуть с ног пыль этой мерзкой планетки.

Небрежно покачивая чемоданчиком, Макдуф уходил глухими переулками и слышал, как вдалеке нарастает недовольный гул. Наконец он оказался у входа в «Ультрафиолетовый фонарь» — перед широкой, низкой аркой, закрытой кожаными портьерами. На пороге задержался и быстро оглянулся — судя по звукам, начался нешуточный бунт.

Подавленное чувство вины вкупе с врожденной высокой самооценкой побудили его предполо-

---

[34] Примечания: 34

Транслитерация приблизительная, реальное имя написанию не поддается. *(Примеч. авт.)*

жить, что причиной этой суматохи стал именно он. Однако, памятуя, что обитателей целой планеты он восстановил против себя лишь однажды[35], Макдуф неуверенно предположил другое: начался пожар.

Поэтому он раздвинул портьеры, вошел в «Фонарь» и зорко огляделся, удостоверившись, что Ангуса Рэмзи здесь нет. Рэмзи, как уже догадался читатель, и был тот рыжеволосый джентльмен, что поносил в театре Макдуфа.

— Да и если разобраться: это ведь он сам настаивал, что хочет купить флакон эликсира, — рассуждал Макдуф. — Ну отлично, его здесь нет. Зато есть Эсс Пу. По справедливости, я предоставил ему все возможности продать мне Ао. Теперь пусть пеняет на себя.

Расправив узкие плечи (что скрывать, фигура у него напоминала бутылку), Макдуф направился сквозь толпу к дальней части зала, где над зеленой поверхностью стола согнулся Эсс Пу напротив своего противника, мэра города.

Менее космополитичному наблюдателю могло бы показаться, что это просто омар играет в психокинетические кости с растительным

---

[35] Примечания: 35
Когда продал им Землю. *(Примеч. авт.)*

аборигеном. Но Макдуф был космополитом в буквальном смысле слова. И еще по первой своей встрече с Эсс Пу, которая случилась несколько недель назад, понял, что это противник достойный и сильный.

Все алголианцы опасны. Они славятся своей враждебностью, вспышками гнева и перевернутой с ног на голову эмоциональной шкалой.

— Невероятно, — размышлял Макдуф, задумчиво разглядывая Эсс Пу. — Они счастливы, только когда ненавидят. Чувство удовольствия и чувство боли у них поменялись местами. Гнев, ненависть и жестокость алголианцы считают совершенно необходимыми для выживания. Прискорбное положение вещей.

Эсс Пу грохнул о стол чешуйчатым локтем и загремел перед носом у своего робеющего противника стаканчиком с костями. Поскольку все смотрят альдебаранские просветительские видеофильмы и знакомы с тамошними растительными людьми, описывать внешность мэра нет необходимости.

Макдуф опустился на соседнее кресло, открыл на коленях чемоданчик, покопался в его разнообразном содержимом, включавшем в себя колоду карт Таро, несколько обесценившихся именных

акций плутониевой компании и коллекцию бутылочек с образцами гормонов и изотопов.

Была там и ампулка с летейской пылью — коварным наркотиком, который действует на механизм психокинетической реакции. Подобно тому как повреждения мозжечка вызывают дрожание конечностей, летейская пыль вызывает тремор психокинетический. Макдуфу показалось, что некоторое количество психических колебаний не помешает Эсс Пу — в смысле, не помешает ему, Макдуфу. Держа это в уме, он пристально наблюдал за игрой.

Алголианец качал над столом глазами на стебельках. Складчатые мембраны вокруг рта стали бледно-голубыми. Кости вихрем закрутились, выпала семерка. Мембраны Эсс Пу позеленели. Один кубик задрожал, напрягся и перекатился на другую грань. Алголианец с удовлетворением щелкнул клешнями, мэр в отчаянии сжал руки, а Макдуф, разразившись восторженными криками, потянулся к Эсс Пу и хлопнул по покатому плечу, незаметно опорожнив заранее вскрытую капсулу в бокал алголианца.

— Приятель! — воскликнул Макдуф. — Я всю Галактику из конца в конец пролетел, но чтобы такое!..

— А то! — без энтузиазма ответил Эсс Пу, сгребая выигрыш. Он прибавил, что теперь не продаст Ао Макдуфу, даже если бы мог. — Так что дуй отсюда! — закончил он, с презрением щелкнув клешней у Макдуфа перед носом.

— Почему ты не можешь продать Ао? — спросил Макдуф. — Хотя зачем так говорить: «продать»?! Я имею в виду…

И тут до него дошло: алголианец хотел сказать, что Ао теперь принадлежит мэру.

Макдуф обратил удивленный взгляд на второго персонажа, который старался не встречаться с ним глазами.

— Не узнал вашу милость, — сказал Макдуф. — Столько негуманоидных видов кругом — всех и не отличишь. Но я правильно понял, Эсс Пу: ты сказал, что продал ее мэру? Насколько я помню, Веганский контроль только передает своих подданных достойным опекунам…

— Это был акт передачи опекунства, — поспешно сказал мэр, не краснея.

— Пошел отсюда! — рявкнул Эсс Пу. — Ао тебе ни к чему. Она *object d'art*[36].

— Для омара ты превосходно говоришь по-

---

[36] Примечания: 36
Произведение искусства *(фр.).*

французски, — тактично ответил Макдуф. — А что касается того, к чему мне сие прелестное создание, так я вскоре приступлю к научным исследованиям, связанным с прогнозированием эмоциональных реакций у многочисленных групп. Как все мы хорошо знаем, веганцы обладают любопытной способностью приводить людей в состояние ступора. Включив в команду такую девушку, как Ао, я могу быть уверен, что моя аудитория…

В разговор с пронзительным скрипом включился видеоэкран. Все резко подняли глаза. Вспомогательные экраны, транслирующие инфракрасное и ультрафиолетовое изображения для посетителей с различными особенностями зрительного восприятия, загудели, невидимо дублируя изображение лупоглазого диктора.

— …Только что Организация гражданской добропорядочности созвала массовый митинг…

Встревоженный мэр начал вставать, но передумал. Видимо, что-то тяготило его совесть.

Эсс Пу в грубой форме предложил Макдуфу уйти и угрожающе раздулся.

— Еще чего! — бесстрашно ответил Макдуф, уверенный в превосходстве своей ловкости перед алголианской. — Перебьешься!

Ротовые мембраны Эсс Пу побагровели. Пока он пытался заговорить, Макдуф быстро предложил выкупить у него билет Ао. Хотя выполнить это предложение у него не было ни намерения, ни возможности.

— У меня нет ее билета! — взревел Эсс Пу. — Он остался у нее! А теперь убирайся, пока я не!..

Он задохнулся от ярости, закашлялся и торопливо глотнул из бокала. Не глядя на Макдуфа, выбросил шестерку и выдвинул на центр стола горку монет. Мэр помялся, нервно глянул на видеоэкран и не стал поддерживать ставку. Трансляция в этот момент разразилась воплями:

— Толпы идут к зданию администрации! Протестующие требуют отставки правительства, обвиняя его в глубоко укоренившейся коррупции! Этот политический костер сегодня был разожжен появлением авантюриста по имени Макдуф…

Мэр Альдебаран-Сити вскочил и попытался убежать, но его схватила за фалды клешня Эсс Пу. Экраны продолжали надрываться, выдавая безупречно точное описание мошенника с радиоизотопным эликсиром, и лишь висящий в заведении густой дым спас Макдуфа от немедленного разоблачения.

Он в нерешительности медлил. Разум подсказывал, что за игорным столом разворачивается что-то интересное, а чутье велело спасаться бегством.

— Мне надо домой, — заскулил мэр. — Крайне важные обстоятельства…

— Ставишь Ао? — спросил ракообразный, многозначительно помахивая клешнями. — Ставишь? Играем? Говори!

— Да! — выкрикнул измученный мэр. — Ну да, да, да! Только отвяжись!

— Ставлю на шестерку, — сказал Эсс Пу, тряся стаканчиком.

Его мембраны стали причудливо пестрыми, глазные стебельки нервно подергивались. Макдуф, помня о летейской пыли, бочком двинулся к двери.

Когда непокорные кости выкинули семь, алголианец издал вопль, исполненный изумления и ярости.

Эсс Пу потер горло, схватил бокал и с подозрением вгляделся в него. Игра была проиграна.

Под раскаты яростного рева, эхом летавшие от стены к стене, Макдуф проскользнул через портьеры в терпкую прохладу альдебаранской ночи и торопливо зашагал по улице.

— И тем не менее мне по-прежнему нужен билет, — размышлял он. — И еще нужна Ао. Поэтому моей целью логично становится дворец мэра. При условии, что меня не разорвут в клочья по пути туда, — прибавил он, сворачивая на другую улицу, чтобы не попасться освещенной факелами толпе, которая бурлила уже по всему городу. — Смешно. В такие времена я благодарен судьбе за то, что родился представителем цивилизованной расы. Нет другого такого солнца, как наше Солнце, — подытожил он, поспешно заползая под забор: толпа выплеснулась на улицу прямо перед ним.

Выбравшись с противоположной стороны, он направился по переулку к черному ходу роскошного дворца, выстроенного из розового порфира и отделанного черным деревом, и уверенно постучал дверным молотком. Послышался шорох отодвигаемой задвижки, и Макдуф вперил в дверной глазок жесткий взгляд.

— Сообщение от господина мэра, — отрывисто произнес Макдуф. — У него неприятности. Он отправил меня сюда, велев немедленно доставить к нему девушку с Малой Веги. Вопрос жизни и смерти. Скорее!

За дверью кто-то ахнул. Шаги затихли в глу-

бине. Через минуту дверь открылась. На пороге стоял сам мэр.

— Забирай! — в отчаянии крикнул чиновник. — Она твоя. Только уведи ее отсюда. Я ее никогда в жизни не видел. И Эсс Пу тоже никогда не видел. И тебя не видел. Никого не видел. Ох уж эти народные протесты! Малейшая улика против меня — и я пропал, пропал!

Макдуф, слегка опешивший от внезапно доставшейся ему роли баловня судьбы, с готовностью воспользовался случаем.

— Доверьтесь мне, — сообщил он несчастному овощу, когда очаровательное существо вытолкали из дверей ему в объятия. — Завтра на рассвете на борту «Саттера» она покинет альфу Тельца. А вообще я ее прямо сейчас отведу на корабль.

— Да, да, да, — забормотал мэр, пытаясь закрыть дверь.

Мешала нога Макдуфа.

— У нее есть билет?

— Билет? Какой еще билет? А, билет… Да, у нее на браслете. Ну вот и они! Берегись!

Перепуганный мэр захлопнул дверь. Макдуф схватил Ао за руку и потащил к росшему на площади кустарнику. Мгновение спустя их поглотили извилистые лабиринты Альдебаран-Сити.

В первой же подворотне Макдуф остановился и посмотрел на Ао. Смотреть было на что. Она стояла и ни о чем не думала. Ей не было необходимости думать. Она была слишком прекрасна.

Еще никому не удавалось описать жителей Малой Веги, да и вряд ли когда удастся. Электронные вычислители не справились с задачей, их ртутная память испарилась при попытках проанализировать это ускользающее свойство, превращающее людей в безвольную массу. Однако, как и все ее соплеменники, Ао не отличалась интеллектом. Макдуф взирал на нее с исключительно платоническим вожделением.

Ибо она представляла собой идеальную наживку. Не исключено, что мозг веганцев излучает какую-то неуловимую эманацию, действующую как гипноз. Если бы час назад Ао была на сцене, Макдуф наверняка угомонил бы строптивую публику и избежал скандала. Даже брутальное сердце Ангуса Рэмзи могло бы смягчиться в магическом присутствии Ао.

Как ни странно, отношения мужчин с Ао были целиком платонические, за естественным исключением мужчин Малой Веги. Наблюдатель, не принадлежащий к этому скудному разумом виду, довольствовался тем, чтобы просто смотреть на

Ао. И внешность была тут ни при чем, поскольку стандарты красоты работают лишь в пределах одного вида. Но на тонкое очарование веганцев практически все живые существа реагировали одинаково.

— Какие-то темные дела тут творятся, моя дорогая, — сказал Макдуф, продолжая путь. — Почему мэр так хотел избавиться от твоей особы? Тебя, конечно, спрашивать бессмысленно. Нам надо на борт «Саттера». Уверен, я уговорю капитана Мастерсона одолжить мне денег на второй билет. Если б я подумал заранее, можно было бы попросить небольшой кредит у мэра — хотя, собственно, почему же небольшой? — прибавил он, вспомнив откровенно виноватый вид градоначальника. — Упустил я свою удачу.

Ао словно проплывала над грязной лужей, не касаясь поверхности. Она размышляла о более возвышенном и прекрасном.

Они уже подходили к космопорту, когда, судя по звукам и зареву, толпа подожгла порфировый дворец мэра.

— Он просто растение, — бормотал Макдуф, — и все же мое нежное сердце не может не… Боже милостивый!

Макдуф ахнул и остановился. Впереди рас-

стилалось окутанное туманом взлетное поле космопорта. Толстый яйцевидный корпус «Саттера» горел ярким светом. Послышался далекий приглушенный грохот — корабль прогревал двигатели. Вокруг трапа бурлило море пассажиров.

— Господи помилуй, они же взлетают! — воскликнул Макдуф. — А я стою тут, как с Альдебарана свалился. Возмутительно! Даже не уведомили пассажиров… Хотя, может, видеопредупреждение и разослали. Да, пожалуй, так и было. Но как же это некстати! Капитан Мастерсон наверняка сейчас в рубке, повесил на дверь табличку «Не беспокоить». Запуск корабля — дело сложное. Как же нам попасть на борт, имея на двоих один билет?

Мрачно бормотали двигатели. Над черно-белыми плитами взлетно-посадочной полосы носилась мгла, похожая на толстые привидения. Макдуф наддал скорости, увлекая за собой легкую как пушинка Ао.

— Есть мысль, — пробормотал он. — Попасть внутрь корабля — это первый шаг. После будет еще и обычная проверка билетов, но капитан Мастерсон меня… Гм…

На верху трапа стоял стюард, бдительно сверял билеты со списком. Хотя пассажиры выглядели

нервно, без очереди они не лезли, видимо успокоенные уверенным голосом офицера, стоявшего за стюардом.

В эту сцену стремглав ворвался Макдуф, держа за руку Ао.

— Они идут! — орал он и проталкивался сквозь толпу, уронив по дороге толстого сатурнианца. — Прямо новое Боксерское восстание[37], честное слово! Словно ксерианцы высадились! Все носятся и орут: «Альдебаран для альдебаранцев!»

Буксируя за собой Ао и яростно отмахиваясь чемоданчиком, Макдуф ворвался в центр группы и рассеял его. И тотчас же понесся вдоль очереди и обратно, крича как ненормальный.

Стоявший у входного люка офицер пытался унять пассажиров, но безуспешно. Он явно старался следовать первоначальному тексту, в котором говорилось нечто вроде того, что капитан ранен, но оснований для тревоги нет…

— Слишком поздно! — закричал Макдуф, стараясь ввернуться в центр растущего ядра шумной паники. — Слышите, что они вопят? «Прикончить чертовых иностранцев!» Вы послушайте этих кровожадных дикарей! Поздно, слишком

---

[37] Примечания: 37

Жестокое восстание в Китае 1898–1901 гг. Повстанцы практиковали кулачный бой, за что получили у европейцев прозвище «боксеры».

поздно! — прибавил он как можно громче, продолжая протискиваться вместе с Ао сквозь толпу. — Задрайте люки! Выставьте стрелков к иллюминаторам! Они идут!

К этому времени все попытки поддержать порядок лишились смысла. Деморализованные пассажиры напоминали собранную из всевозможных инопланетных рас бригаду легкой кавалерии перед легендарной атакой[38], и Макдуфа, крепко вцепившегося в Ао и свой чемоданчик, понесло вместе с живым приливом вверх по трапу, через распростертые на полу тела офицера и стюарда, на борт корабля. Оказавшись внутри, он быстро проверил вещи и побежал искать укрытие. Сперва устремился в какой-то коридор, потом хаотично петлял, наконец перешел на торопливый шаг. Во всем гулком лабиринте он был один, не считая Ао. Издалека доносились раздраженные проклятия.

— Полезная штука дезинформация, — говорил себе под нос Макдуф. — Только так можно было попасть на борт. Что этот болван говорил про ранение капитана? Надеюсь, ничего серьезного.

---

[38] Примечания: 38

Яростная атака британской кавалерии во время Крымской войны (1853–1856), ставшая символом безумно смелого, но обреченного на неудачу предприятия.

Надо подкатить к Мастерсону насчет ссуды. Так, дорогуша, где твоя каюта? А, вижу. Каюта R, и мы как раз пришли. Посидим там, пока не окажемся в космосе. Слышишь сирену? Значит, взлетаем, и это очень кстати, потому что отложат проверку билетов. Ао, надо скорее лечь в космические сетки!

Он распахнул дверь каюты R и потащил Ао к похожей на паутину сети.

— Забирайся и сиди там, пока не вернусь! — приказал он. — Мне нужно поискать другой противоударный гамак.

Тонкая сеть привлекла Ао, как прибой русалочку. Девушка тотчас уютно устроилась в гамаке, так что лишь ее ангельское личико сонно выглядывало из нежного облака. Она смотрела куда-то сквозь Макдуфа и не думала ни о чем.

— Вот и отлично, — сказал Макдуф, выходя из каюты.

Он закрыл за собой дверь и подошел к каюте X напротив — к счастью, она оказалась незапертой и свободной, и сетка была в его распоряжении.

— А теперь…

— Ты! — произнес очень хорошо знакомый голос.

Макдуф быстро обернулся на пороге. С противо-

положной стороны коридора, из дверей соседней с Ао каюты, на него взирал вспыльчивый ракообразный.

— Вот это сюрприз! — с чувством воскликнул Макдуф. — Мой старый друг Эсс Пу. Тот самый алголианец, которому я хотел…

Закончить ему не удалось. С рыком, в котором с трудом можно было разобрать слова «летейская пыль», Эсс Пу ринулся вперед, размахивая глазами-стебельками. Макдуф поспешно закрыл и запер за собой дверь. Послышался удар, и что-то яростно заскребло по обшивке.

— Возмутительное посягательство на частную жизнь, — пробормотал Макдуф.

Удары в дверь стали громче. Но они потонули в ультразвуковом, звуковом и звукорезонансном объявлении об экстренном взлете.

Удары прекратились, щелканье клешней затихло где-то вдали. Макдуф бросился к противоударной сетке. Зарываясь в ее мягкие переплетения, он сосредоточил все мысли на пожелании, чтобы мерзкий алголианец не успел добраться до своего гамака и чтобы ускорение переломало ему все косточки до единой.

Двигатели засияли, и «Саттер», оторвавшись от мятежного Альдебарана, взмыл в космос. У

Макдуфа начинались настоящие неприятности.

Наверное, пришло время подробнее рассказать об одном деле, в которое впутался Макдуф, хотя сам он об этом еще не знал. Здесь уже таинственно упоминались такие, казалось бы, совершенно друг с другом не связанные темы, как семена сфиги и ксерианцы.

В самых дорогих парфюмерных магазинах, на самых роскошных планетах можно увидеть крохотные скляночки с жидкостью соломенного цвета, отмеченные знаменитым логотипом «Сфиги № 60». Это лучшие духи в Галактике, и на них стоит одна и та же цена, вне зависимости от того, продаются они в простом стеклянном пузырьке или в отделанном драгоценными камнями платиновом флаконе, и стоят они столько, что по сравнению с ними «Кассандра», «Джой» Жана Пату или «Марсианские меле» кажутся дешевкой.

Сфиги произрастают на Альдебаране. Их семена охраняются настолько строго, что даже крупнейший торговый конкурент Альдебарана — Ксерия так и не смогла всеми правдами, неправдами и даже полуправдами раздобыть ни единого семечка.

Всем давно известно, что ксерианец заложит душу за несколько семечек. Поскольку ксерианцы

напоминают термитов, для ученых по-прежнему загадка: обладает ли отдельный ксерианец собственным умом и действует по собственному волеизъявлению, или всеми ими управляет общий центральный мозг и психический детерминизм.

Трудность выращивания сфиг состоит в том, что их цикл роста должен быть непрерывным. Если плод сорвать с родительского дерева, через тридцать часов семена теряют всхожесть.

— Неплохой взлет, — размышлял Макдуф, слезая с противоударного гамака. — Не стоило надеяться, что Эсс Пу получит хотя бы трещинку в панцире.

Он открыл дверь, дождался, когда отворится дверь каюты напротив, явив грузное тело бдительного алголианца, и с проворностью испуганной газели метнулся обратно в каюту Х.

— Загнан в ловушку, как крыса, — пробормотал он, осматривая каюту. — Интересно, где здесь переговорное устройство? Ага, вот оно. Пожалуйста, немедленно соедините меня с капитаном. Мое имя Макдуф, Теренс Лао-Цзы Макдуф. Капитан Мастерсон? Позвольте поздравить вас с безупречным взлетом. Великолепная работа! Как я понял, с вами произошла небольшая неприятность, но,

надеюсь, ничего серьезного.

Интерком хрипло крякнул, прокашлялся и сказал:

— Макдуф!

— Повреждено горло? — предположил Макдуф. — Но к делу, капитан. У вас на борту «Саттера» укрылся кровожадный маньяк. Этот алголианский омар совершенно обезумел, он караулит у меня за дверью — каюта X — и готов меня убить, как только выйду. Будьте так любезны, пришлите сюда вооруженную охрану.

Интерком произвел неразборчивые звуки, которые Макдуф счел согласием.

— Благодарю вас, капитан! — повеселел он. — Только есть еще одно небольшое затруднение. Мне пришлось взойти на борт «Саттера» в последний момент, и я счел неуместным тратить время на приобретение билета. Этого времени было в обрез. И еще… я взял под свою защиту девушку с Малой Веги, чтобы избавить ее от подлых интриг Эсс Пу, и было бы благоразумно сохранить в тайне от омара ее присутствие в каюте R.

Он сделал глубокий вдох и доверительно наклонился к интеркому:

— Ужасные вещи произошли со мной, капитан Мастерсон. Я подвергся преследованию бесную-

щейся толпы, меня попытался нечестным путем обыграть в кости Эсс Пу, мне угрожал насилием Ангус Рэмзи…

— Рэмзи?

— Скорее всего, вы знаете его под этим именем, хотя, возможно, оно вымышленное. Насколько мне известно, этого человека с позором изгнали из космической службы за контрабанду опиума…

Его прервал стук в дверь. Макдуф замолчал и прислушался.

— Оперативно! — сказал он. — Полагаю, капитан, это уже ваша охрана?

Из интеркома донеслись утвердительное хмыканье и щелчок.

— Au revoir! — бодро ответил Макдуф и открыл дверь.

Снаружи ждали два члена экипажа в форме.

Каюта Эсс Пу по другую сторону коридора была открыта, в дверях стоял алголианец и тяжело сопел.

— Вы вооружены? — уточнил Макдуф. — Будьте готовы к вероломному нападению этого кровожадного ракообразного, он стоит у вас за спиной.

— Каюта Х, — произнес один из мужчин. — Ваша фамилия Макдуф? Капитан хочет вас видеть.

— Да, конечно! — Макдуф достал сигару и храбро шагнул в коридор — встав, однако, так, чтобы один из охранников оказался между ним и Эсс Пу.

Небрежно обрезав сигару, он внезапно замер, его ноздри затрепетали.

— Пошли, — сказал охранник.

Макдуф не шевельнулся. Из-за спины алголианца, подобный шепоту райского сада, струился едва различимый аромат. Макдуф быстро зажег сигару, выпустил густые клубы дыма и торопливо зашагал по коридору.

— Живее, живее, ребятки! — укоризненно бросил он охранникам. — К капитану! Важные дела на носу!

— Нам не докладывают, — буркнул охранник, выходя вперед.

Второй пошел сзади. Таким порядком Макдуфа привели к офицерским каютам. Он заметил свое отражение в полированной переборке и одобрительно пыхнул сигарой.

— Солидно, — пробормотал он. — Не атлет, но, без сомнения, выгляжу весьма солидно, в своем стиле. Легкая полнота в области талии лишь подчеркивает достойный уровень жизни. А, капитан Мастерсон! Отлично, ребята, теперь можете нас

оставить, все в порядке. Не забудьте закрыть за собой дверь. Что ж, капитан…

Сидевший за столом мужчина медленно поднял взгляд. Как уже догадались все, кроме самого недалекого читателя, это был Ангус Рэмзи.

— За контрабанду опиума, стало быть? — сказал Ангус Рэмзи опешившему Макдуфу, оскалив зубы. — С позором изгнали, говоришь?! Ах ты, гррязное отродье, брехун паскудный! Ты знаешь, что я с тобой сделаю?!

— Мятеж на корабле! — дико завопил Макдуф. — Как ты посмел? Ты подбил команду к мятежу и захватил «Саттер»? Предупреждаю, это преступление не останется безнаказанным. Где капитан Мастерсон?

— Капитан Мастерсон, — выговорил Рэмзи, нечеловеческим усилием сдержав гнев и отчасти утратив акцент, — лежит в больнице на Альдебаране. Видно, бедолага оказался на пути у бешеной толпы. Так что теперь я капитан «Саттера». Только сигару не предлагай, паршивец. Меня интересует один-единственный вопрос: у тебя есть билет?

— Вы, должно быть, неправильно меня поняли, — сказал Макдуф. — У меня, разумеется, был билет. Я отдал его стюарду, когда поднялся

на борт. Эти переговорные устройства крайне ненадежны!

— Как и твой чертов эликсир бессмертия, — заметил капитан Рэмзи. — И крапленые картишки для покера, которые читаются в ультрафиолете. — (Здоровенные ладони многозначительно сжались в кулаки.)

— Вы не посмеете применить ко мне насилие, — с угрозой произнес Макдуф. — У меня есть права гражданина…

— А, ну так-то да, — согласился Рэмзи. — Но не права пассажира этого корабля. Так что, мерзавец, мы тебя добросим до ближайшего порта, до Ксерии, а там вышвырнем со всеми твоими манатками.

— Я куплю билет, — предложил Макдуф. — Так получилось, что в настоящий момент я нахожусь в несколько стесненном положении…

— Ежели я тебя застукаю рядом с пассажирами, будешь болтать или в азартные игры влезать — враз окажешься в карцере, — доходчиво объяснил капитан Рэмзи. — Ишь ты, ультрафиолет! За контрабанду опиума, говоришь? Вот же наглая шельма!

Макдуф в отчаянии забормотал о справедливости и суде присяжных, на что Рэмзи лишь

издевательски рассмеялся.

— Поймал бы я тебя на Альдебаране, — сказал он, — я бы твою жирную тушу прямо там отмутузил. А теперь мне гораздо приятнее будет знать, что ты вкалываешь в машинном отделении. На моем корабле это сущая каторга, лучше сразу сдохнуть. А если будешь трындеть про веганскую девушку, то я все проверил, ее билет тебе никак не стибрить.

— Нельзя разлучать опекуна и его подопечную! Это не пристало гуманоидам! — вскричал Макдуф.

— Брысь отсюда, зарраза! — гневно произнес Рэмзи, вставая. — Иди поработай — небось впервые за всю твою непутевую жизнь!

— Погодите, — сказал Макдуф. — Вы пожалеете, если не выслушаете меня. На этом корабле совершается преступление.

— А то, — согласился Рэмзи. — И совершаешь его ты, безбилетник. Брысь!

Он что-то проговорил в интерком, дверь открылась. На пороге в ожидании стояли все те же охранники.

— Нет, нет! — завопил Макдуф, видя, как прямо у его ног открывается зияющая преисподняя тяжелого физического труда. — Это Эсс Пу! Алго-

лианец! Он…

— Ежели ты надул его, как надул меня… — процедил капитан Рэмзи.

— Он контрабандист! — взвизгнул Макдуф, вырываясь из цепкой хватки охранников, которые неумолимо тащили его к двери. — Он незаконно вывез с Альдебарана сфиги! Я унюхал, точно вам говорю! Капитан Рэмзи, вы провозите нелегальный товар!

— Стойте! — приказал Рэмзи. — Разверните его ко мне. Это у тебя шутка такая?

— Я чувствовал запах, — упрямо повторил Макдуф. — Вы же знаете, как пахнут созревающие сфиги. Ошибки быть не может. У него точно в каюте растения.

— Растения? — задумался Рэмзи. — Да неужели?.. Хм… Ладно, ребята, пригласите ко мне Эсс Пу.

Он рухнул обратно в кресло. Макдуф азартно потер ладони:

— Ни слова больше, капитан Рэмзи. Не извиняйтесь, что невольно направили свое рвение в неверную сторону. Когда я увижу этого злодея-алголианца, я расколю его, добьюсь полного признания. Разумеется, ему придется отправиться в карцер, и его каюта освободится. Уповаю на

ваше чувство справедливости…

— Закрой пасть! — рявкнул капитан Рэмзи.

Он хмуро смотрел на дверь. Через некоторое время та отворилась, впустив Эсс Пу.

Алголианец неуклюже заковылял к столу — и заметил Макдуфа. В ту же секунду его ротовые мембраны побагровели, щелкающая клешня угрожающе начала подниматься.

— Тихо, тихо, приятель! — осадил его Рэмзи.

— Вот-вот! — поддакнул Макдуф. — Помните, где находитесь, сэр. Неуклюжая ложь ничем вам не поможет. Шаг за шагом мы с капитаном Рэмзи раскрыли ваш преступный замысел. Вы состоите на службе у ксерианцев. Наемный шпион, вы выкрали с Альдебарана семена сфиги, и сейчас они находятся у вас в каюте, являясь неопровержимой уликой.

Рэмзи задумчиво глядел на алголианца.

— Ну? — спросил он.

— Не торопитесь, — сказал Макдуф. — Как только Эсс Пу осознает, что игра проиграна, он поймет: нет никакого смысла отпираться. Позвольте, я продолжу.

Поскольку остановить Макдуфа было невозможно, капитан лишь хмыкнул, взял со стола корабельный устав и принялся озадаченно ли-

стать объемистый том.

Эсс Пу шевелил клешнями.

— План не выдерживал критики с самого начала, — сказал Макдуф. — Даже для меня, прибывшего на Альдебаран всего лишь в качестве гостя, сразу стало очевидно, что имеет место подкуп. Следует ли нам далеко ходить за разгадкой? Не думаю. Ибо с каждой минутой мы приближаемся к планете Ксерия, которая многие годы честными и бесчестными путями отчаянно пытается нарушить монополию на сфиги. Далее. — Он грозно наставил на алголианца сигару и продолжил вещать: — На ксерианские деньги вы, Эсс Пу, совершили путешествие на Альдебаран, созвездие Тельца, подкупили чиновников высшего уровня, заполучили семена сфиги и уклонились от полагающегося таможенного досмотра, пронеся на борт контрабанду. Официальное согласие мэра вы заполучили, вручив ему Ао в качестве взятки. Можете пока не отвечать, — поспешно прибавил он, не желая, чтобы его прерывали в минуту триумфа.

Эсс Пу издал горлом возмущенный звук.

— Летейская пыль! — сказал он, внезапно вспомнив. — А-а-а!

И сделал резкий выпад.

Макдуф забежал за стол и стал позади Рэмзи.

— Вызовите людей, — посоветовал Макдуф. — Он вне себя. Надо его разоружить.

— Разоружить алголианца можно, только если его расчленить, — проговорил капитан Рэмзи, думая о своем, и поднял глаза от устава. — Так, Эсс Пу. Ты, насколько я понял, обвинений не отрицаешь?

— Да и как он может их отрицать?! — воскликнул Макдуф. — Этот недальновидный проходимец посадил у себя в каюте семена сфиги, даже не установив нейтрализатора запаха. Такая глупость не заслуживает снисхождения.

— Ну-у? — с неясным оттенком сомнения спросил Рэмзи.

Эсс Пу пожал узкими плечами, выразительно стукнул хвостом об пол и раздвинул челюсти, что можно было счесть усмешкой.

— Сфиги? — переспросил он. — Ну да. А что?

— Чистосердечное признание, — определил Макдуф. — Больше ничего не требуется. В карцер его, капитан. Если нам причитается вознаграждение, поделим поровну.

— Нет, — сказал капитан Рэмзи, решительно откладывая устав. — Ты опять дал маху, Макдуф. Не спец ты в межзвездном праве. Мы сейчас на-

ходимся за пределами излучения Альдебарана, а стало быть, за пределами его юрисдикции, и чего-то там еще такое — ззаконники, как водится, туману напустили. Но общий смысл ясный. Это альдебаранцам надо было смотреть, чтобы у них не умыкнули сфиги, а раз альдебаранцы их профукали, теперь не мое дело вмешиваться. Даже недовольство я выразить не могу, ежели по уставу.

— Вот то-то! — торжествующе проговорил Эсс Пу.

— Вы попустительствуете контрабанде, капитан Рэмзи?! — ахнул Макдуф.

— За меня закон. — Алголианец сделал грубый жест в сторону Макдуфа.

— Угу, — сказал Рэмзи, — он прав. В уставе все предельно ясно. Для меня не должно быть никакой разницы, сфиги у себя в каюте Эсс Пу держит или нарциссы… или хаггис…[39] — задумчиво прибавил он.

Эсс Пу самодовольно хохотнул и повернулся к выходу.

Макдуф заискивающе тронул капитана за плечо:

---

[39] Примечания: 39

Хаггис — национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов.

— Но он угрожал мне. Моя жизнь в опасности, пока этот алголианец где-то рядом. Взгляните только на его клешни.

— Ладно, — с неохотой произнес Рэмзи. — Эсс Пу, ты, стало быть, знаешь, что за убийство полагается наказание, так? Вот и славно. Мой приказ: ты не станешь убивать этого поганца, хоть он того и заслуживает. Я обязан следить за соблюдением устава, поэтому чтобы ни я, ни другой офицер не застукал, как ты хотя бы приближался к Макдуфу. Уразумел?

Эсс Пу уразумел. Он хрипло захохотал, клацнул клешней в сторону Макдуфа и грузно вышел, переваливаясь с боку на бок. В коридоре по-прежнему стояли два охранника.

— Идите сюда, парни, — приказал капитан Рэмзи. — У меня для вас работа. Тащите этого «зайца» вниз, в машинное отделение, и передайте его старшему.

— Нет, нет! — завопил Макдуф, пятясь. — Только посмейте хоть пальцем до меня дотронуться! Отпустите! Это неслыханно! Произвол! Отпустите! Капитан Рэмзи, я требую… Капитан Рэмзи!

На борту «Саттера» прошло несколько дней — условных, конечно.

Уютно свернувшись в противоударном гамаке,

Ао думала свои туманные думы. Вдруг сверху послышалось пыхтение, шуршание и кряхтение. За вентиляционной решеткой показалось лицо Макдуфа.

— Ао, душа моя, — нежно проговорил он, — ты все еще здесь. А меня заставляют ползать по вентиляционным шахтам корабля, точно фагоцита по сосудам! — Макдуф осторожно подергал решетку. — Заварено, как и везде, — посетовал он. — Но надеюсь, дорогая, о тебе хорошо заботятся.

Он охватил жадным взглядом стоявший на столике поднос с завтраком. Ао сонно смотрела в никуда.

— Я отправил телеграмму, — сообщил из-под потолка Макдуф. — Продал несколько фамильных реликвий, что лежали в моем багаже, и собрал немножко денег на телеграмму по журналистскому тарифу. К счастью, журналистское удостоверение еще при мне.

Принадлежащая Макдуфу обширная коллекция удостоверений легко могла включать в себя все, что угодно, вплоть до членского билета Ле-

преконского общества похлебки и маршей[40].

— И больше тебе скажу: только что прибыл ответ! Теперь я должен пойти на серьезный риск, моя дорогая, на очень серьезный риск. Сегодня в пассажирском салоне будут объявлены условия общекорабельного тотализатора — это лотерея такая. Я должен туда попасть, пусть даже меня засадит в карцер капитан Рэмзи или расчленит Эсс Пу. Будет нелегко. Я и так подвергался всем возможным унижениям, моя дорогая, за исключением разве что… Это возмутительно! — пискнул он, когда веревка, привязанная к ноге, натянулась и потащила его назад по вентиляционной шахте.

Его крики стихали вдали. Еще можно было расслышать, как он все тише кричал, что у него в кармане пузырек с двух-, четырех-, пятитрихлорфеноксиуксусной кислотой и что если разобьется стекло, то возникнет угроза для пассажиров. Ао это совершенно не взволновало — едва ли она вообще заметила его появление.

---

[40] Примечания: 40

Вымышленная организация «Общество похлебки и маршей для эльфов, лепреконов, гномов и маленьких человечков» из популярного в 1940–1950-х гг. комикса «Барнаби». Члены реально существовавших «обществ похлебки и маршей» обсуждали свои проблемы в барах за похлебкой и продолжали собрание уличным шествием, отсюда название.

— Увы, Фемида слепа, — философствовал Макдуф, мчась по коридору и чуть опережая свистящий ботинок инспектора по атмосфере. — Вот благодарность за сверхурочные — целых три минуты сверхурочных, не меньше! Но сейчас моя смена закончилась, и я волен реализовать свои собственные планы.

Пять минут спустя, ускользнув от инспектора и чуть пригладив перышки, он поспешил в салон.

— Одно очко все же в мою пользу, — размышлял Макдуф. — Эсс Пу явно не знает, что Ао на борту. Когда он в прошлый раз гнался за мной, то по-прежнему упрекал, что это из-за меня был вынужден оставить ее на Альдебаране. К сожалению, это практически единственное очко в мою пользу. Теперь надо смешаться с пассажирами в салоне, но так, чтобы меня не заметил Эсс Пу, капитан Рэмзи или любой судовой офицер. Жаль, что я не церерец[41]. Увы.

Пока Макдуф пробирался в сторону салона, его память со всей живостью перебирала подробности недавнего пути через звезды к терниям. Его стремительный, как падение метеора, переход от одной грязной работы к другой, еще более

---

[41] Примечания: 41

Долгое время считалось, что жители Цереры невидимы. Впоследствии обнаружили, что на Церере нет жителей. *(Примеч. авт.)*

грязной, можно было назвать уникальным.

— Станете ли вы копать канавы кинематомом? — вопрошал он поначалу. — Будете ли взвешивать слонов торсиометром?

Ему велели заткнуться и взяться за лопату. И он тут же приступил к разработке наиболее эффективного применения закона рычага. Небольшая задержка произошла из-за того, что он увеличивал количество знаков после запятой, чтобы учесть влияние фактора слабой радиоактивности на альфа-волны мозга.

— В противном случае может произойти что угодно, — пояснял он свою демонстрацию.

Но тут что-то хрустнуло.

Тогда поступила просьба отправить Макдуфа из машинного отделения в любое другое место. Но, как он подробно объяснял, сфера его компетенций не включала в себя специализированные навыки переработки отходов в топливо, смазки гомеостатических регуляторов-симбионтов, использующихся для комфорта пассажиров, а также тестирования показателей преломления биметаллических термостатов. Это он наглядно доказал на практике.

Поэтому его перебросили на гидропонику, где произошел инцидент с радиоактивным углеро-

дом. Макдуф доказывал, что это был не углерод, а гаммексин, да и вообще проблема не столько в гаммексине, сколько в непредумышленной ошибке, выразившейся в том, что он не добавил в инсектицид мезоинозитол.

Но когда высаженные на тридцати квадратных метрах кусты ревеня в результате генетических изменений, вызванных гаммексином, начали выделять угарный газ, Макдуфа сразу же прогнали вниз, на камбуз, где он добавил в суп гормон роста, что чуть было не закончилось катастрофой.

И теперь он прозябал простым рабочим службы атмосферного контроля, выполняя задания, за которые никто другой не хотел браться.

Все чаще и чаще он улавливал растекающийся по кораблю запах сфиги. Ничто не могло замаскировать этот отчетливый аромат, который осмотически просачивался сквозь мембраны, тек по поверхности молекулярных пленок и разве что не носился на закорках у стремительных квантов. Пока Макдуф крадучись пробирался к салону, он убедился, что слово «сфиги» уже вертится у каждого на языке.

Он опасливо помедлил на пороге салона, который как пояс обегал весь корабль, так что в обоих направлениях пол словно бы круто шел вверх,

пока вы на него не ступали. Тогда появлялось ощущение, что идешь по беличьему колесу, которое автоматически подстраивается под скорость идущего.

Здесь царила роскошь. Сибаритская душа Макдуфа тянулась к обольстительным шведским столам. Похожий на дворец изо льда, медленно проплывал мимо на монорельсе затейливый передвижной бар. Оркестр играл «Звездные дни и солнечные ночи», — исключительно удачный выбор для корабля, движущегося в космосе, — и роскошное дыхание сфиги ароматными волнами отражалось от стен.

Макдуф несколько минут в чинной позе постоял у дверей, незаметно оглядывая толпу. Он ждал появления капитана Рэмзи. Наконец гул заинтересованных комментариев зазвучал громче, и вся масса пассажиров потянулась вниз по наклонному полу. Капитан прибыл. Макдуф растаял в толпе с внезапностью Буджума[42].

Рэмзи стоял в нижней части вогнутого амфитеатра, разделенного на секции, и глядел вверх на собравшихся с непривычной улыбкой на морщинистом лице. Макдуф исчез, хотя то и дело из-за

---

[42] Примечания: 42

«Он без слуху и духу внезапно пропал — // Видно, Буджум ошибистей Снарка!» Л. Кэрролл. Охота на Снарка. Перевод Г. Кружкова.

широкой спины плутонианского чешуекрылого доносилось приглушенное бормотание.

Капитан Рэмзи заговорил:

— Как вы уже, стало быть, знаете, мы соббрались здесь, чтоб уговориться насчет корабельного тотализатора. Я так понимаю, еще не все из вас путешествовали в космосе, а потому исполняющий обязанности первого помощника вам сейчас растолкует, как все происходит. Мистер Френч, прошу.

В центр вышел мистер Френч, серьезный молодой человек. Он откашлялся и в нерешительности огляделся, когда из-за плутонианского чешуекрылого донеслись короткие аплодисменты.

— Спасибо, — сказал он. — Э-э-э… многим из вас, возможно, знаком старый корабельный тотализатор, в котором пассажиры угадывали время прибытия в порт. В космосе, конечно, корректирующие устройства обратной связи, эффекторы и субтракторы контролируют наш корабль с такой точностью, что мы знаем: «Саттер» достигнет Ксерии в точно запланированное время, а именно…

— Ну хватит, парень, давай к делу, — вмешался чей-то голос.

Кто-то заметил, как капитан Рэмзи резко глянул в сторону плутонианца.

— Э-э-э… да, разумеется, — сказал мистер Френч. — У кого-нибудь есть предложения?

— Угадать дату на монете, — с готовностью подсказал чей-то голос, но потонул в хоре криков, среди которых звучало слово «сфиги».

— Сфиги? — с притворной непонятливостью переспросил капитан Рэмзи. — Это такая дрянь для духов, что ли?

Послышался смех. Слово взял мышеподобный каллистянин.

— Капитан Рэмзи, — сказал он, — а что, если нам устроить лотерею с семенами сфиги, как на Альдебаране? Насколько я знаю, там делают ставки на то, сколько семян окажется в первом плоде сфиги нынешнего урожая. Количество всегда разное. Иногда несколько сот, иногда несколько тысяч, и посчитать их до тех пор, пока плод не разрежут, никак не представляется возможным. Если удастся уговорить Эсс Пу, то, возможно…

— Предоставьте это мне, — сказал капитан Рэмзи. — Я потолкую с Эсс Пу.

И потолковал — все это время ракообразный сердито шнырял взглядом по сторонам. Сперва он был непреклонен, но обещанием половины выигрыша его удалось склонить к сотрудничеству. Только чарующая сила сфиги и уникальный

шанс хвастаться о лотерее до конца жизни вынудили пассажиров смириться с необычайной жадностью Эсс Пу.

— Сейчас пойдут стюарды, — сказал капитан Рэмзи. — Пишите, стало быть, вашу версию и ваше имя на бумажках и кидайте в коробку, которую, стало быть, для этой цели вам предоставят. Ну да, ну да, Эсс Пу, вам тоже дадут шанс, коли настаиваете.

Алголианец настаивал. Он не собирался упускать шанс. После долгих колебаний он написал число, зло накорябал рядом фонетическую идеограмму своего имени и уже было поковылял прочь, как по салону полетело нечто еще более тонкое, чем аромат сфиги. Все повернули голову. Голоса стихли. Эсс Пу, удивленно обернувшись, оказался лицом к двери. Его разъяренный крик отражался от потолка еще несколько секунд.

Стоявшая на пороге Ао не обратила на это никакого внимания. Ее очаровательные глаза смотрели в неведомые дали.

От нее медленно, как во сне, расходились концентрические круги магии. Она уже подняла эмоциональный фон всех живых организмов в зале, не исключая Эсс Пу. Однако, когда алголианцу хорошо, гнев его не знает границ. Ао было

все равно.

— Моя! — выговорил Эсс Пу, разворачиваясь к капитану. — Девушка моя!

— Клешни от моего лица убери, парень, — с достоинством ответил капитан Рэмзи. — А ну-ка, пройдем в тихий угол, и там ты изложишь твое дело в более вежливой форме.

Эсс Пу потребовал вернуть ему Ао. Он предъявил сертификат, который свидетельствовал, что Эсс Пу прилетел на Альдебаран, созвездие Тельца, с Ао в качестве ее опекуна. Рэмзи озадаченно потер подбородок. В зале тем временем началась давка — пассажиры совали стюардам сложенные листки бумаги.

Из толпы вывалился задыхающийся толстяк Макдуф — и успел выхватить Ао из-под решительно тянущейся к ней клешни.

— Назад, омар! — угрожающе приказал он. — Только попробуй дотронуться до девушки, и горько об этом пожалеешь.

Потянув Ао за собой, он укрылся за спиной капитана от бросившегося в атаку Эсс Пу.

— Я так и понял, что это был ты, — сказал Рэмзи, сделав Эсс Пу знак подождать. — Разве тебе не запрещено лезть к пассажирам, а, Макдуф?

— Речь идет об обеспечении законности и

правопорядка, — объяснил Макдуф. — Ао моя подопечная, а не этого ракообразного.

— И доказать, стало быть, можешь? — поинтересовался Рэмзи. — У него сертификат…

Макдуф вырвал сертификат из клешни Эсс Пу, пробежал по нему глазами, смял его в комок и швырнул на пол.

— Чушь! — презрительно сказал он, с торжеством вытаскивая телеграмму. — Прочтите лучше вот это, капитан! Перед вами телеграмма от Управления контроля Малой Веги. В этом документе говорится, что Ао была нелегально вывезена с Малой Веги и что в преступлении подозревается некий алголианец.

— Чего? — удивился Рэмзи. — Эсс Пу, на минуточку.

Но алголианец уже поспешно проталкивался к выходу из салона. Рэмзи хмуро посмотрел на телеграмму и подозвал стоявшего среди пассажиров большеголового цефейского прокурора. Последовало короткое совещание, после которого Рэмзи покачал головой.

— Ничего не могу поделать, Макдуф, — сказал он. — К сожалению, это не межзвездное правонарушение. Как выяснилось, в моих полномочиях только передать Ао ее правополному опекуну, а

раз такового у нее нет…

— Вы ошибаетесь, капитан, — возразил Макдуф. — Вам нужен ее правопол… то есть полноправный опекун? Он перед вами. Вот остальной текст телеграммы.

— Чего? — спросил капитан Рэмзи.

— Того! Теренс Лао-Цзы Макдуф — так здесь написано. Управление контроля Малой Веги приняло мое предложение выступать in loco parentis[43] Ao, pro tem[44].

— Ну ладно, — с неохотой ответил Рэмзи. — Ao, стало быть, твоя подопечная. По прибытии обсудишь это с ксерианскими властями. Потому что не будь я Ангус Рэмзи, если ты не скатишься по трапу кубарем, как только мы сядем на Ксерии. Там с Эсс Пу и доспорите. А пока — я не разрешал члену моего экипажа общаться с пассажирами. Топай!

— Я требую соблюдения прав пассажира! — взволнованно сказал Макдуф, отступая на шаг-другой. — В цену билета входит участие в лотерее, и я настаиваю на…

— Но ты ж не пассажирр. Ты, понимаешь ли,

---

[43] Примечания: 43
Опекуном *(лат.)*.

[44] Примечания: 44
Временно *(лат.)*.

добровольный член команды…

— Зато Ао — пассажир! — жарко заспорил Макдуф. — Она же вправе принять участие в лотерее? А раз она вправе, извольте выдать мне бланк.

Рэмзи что-то неразборчиво проворчал, но все же подозвал стюарда с урной.

— Пусть Ао сама и пишет свою цифру, — потребовал Рэмзи.

— Ерунда, — сказал Макдуф. — Ао моя подопечная, я за нее напишу. Более того, если по какой-то чудесной случайности она вдруг выиграет, моей обязанностью будет распорядиться денежками в интересах ее благополучия, что, очевидно, означает покупку билетов до Малой Веги для нас обоих.

— Да чего ты распинаешься? — буркнул Рэмзи. — Если тебе повезет и случится чудо, ну, значит, так тому и быть.

Макдуф, прикрывая бумагу рукой, что-то деловито написал, сложил листок и сунул в щель.

Рэмзи взял у стюарда герметик и провел по верхней части коробки.

— Лично меня, — сказал Макдуф, наблюдая за ним, — атмосфера «Саттера» угнетает. Потворство контрабанде, продажные юристы и гнусные азартные игры — все это вынуждает меня прийти

к прискорбному заключению, капитан, что на вашем судне процветает преступность. Идем, Ао, поищем, где воздух почище.

Ао лизнула большой палец и задумалась о чем-то очень приятном — возможно, о вкусе своего большого пальца. Никто никогда не узнает.

Шло время, как бергсонианское, так и ньютоновское[45]. По обеим этим шкалам время Макдуфа стремительно подходило к концу.

— Сел ужинать со Стариной Клути[46] — запасись длинной ложкой, — сказал капитан Рэмзи первому помощнику в тот день, когда «Саттер» прибывал на Ксерию. — Удивительно, как этому прроходимцу Макдуфу удается так долго избегать клешней Эсс Пу. Это притом, что он все время пытается добраться до сфиг. Вот чего я не могу уразуметь: зачем он рыщет вокруг каюты алголианца с измерителями йодида натрия и микроволновыми спектроскопами. Что бы он там ни накорябал для тотализатора, уже не поменять — коробка у меня в сейфе.

---

[45] Примечания: 45

Бергсоновское время — упрощенно: время как поток событий (по Анри Бергсону). *Ньютоновское время* — объективное, не зависящее от человеческого восприятия.

[46] Примечания: 46

Старина Клути — шотландское прозвище дьявола. Букв. «обладающий копытами».

— Допустим, он найдет способ вскрыть сейф? — предположил первый помощник.

— Помимо часового механизма, замок настроен на альфа-волны моего мозга, — напомнил капитан. — Ему никак не… Ну вот, помяни дьявола!.. Мистер Френч, глядите-ка, кто идет.

Округлая, но подвижная фигура Макдуфа торопливо приближалась по коридору, на один прыжок впереди алголианца. Макдуф тяжело дышал. Завидев офицеров, он юркнул за них, как спасающаяся бегством перепелка. Эсс Пу в слепой ярости защелкал клешнями перед лицом капитана.

— Держи себя в руках, ты же приличный человек! — строго сказал Рэмзи.

Алголианец издал горлом бессмысленный звук и бешено замахал в воздухе бумагой.

— Человек, как же! — с обидой отозвался Макдуф из своего сомнительного укрытия. — Не человек, а омар, страдающий гигантизмом. В наше время критерии настолько размыты, что любой индивид может быть классифицирован как гуманоид. Принимаем в люди всякий сброд из Галактики. Сперва дорожку протоптали марсиане, а после уже все хлынули потоком. Я допускаю необходимость определенной терпимости, но,

когда мы произносим гордое слово «человек» применительно к омару, мы ставим под угрозу репутацию истинных гуманоидов. Ведь это существо даже не двуногое. Если на то пошло, уже в том, как оно выставляет на всеобщее обозрение свои кости, есть некоторая непристойность.

— Ладно тебе брюзжать, приятель, это же просто фигура речи, сам знаешь. Что у тебя, Эсс Пу? Что за бумажкой ты в меня тычешь?

Из бессвязного бормотания алголианца выяснилось, что Макдуф обронил ее на бегу. Эсс Пу рекомендовал капитану внимательно с ней ознакомиться.

— Позже, — сказал Рэмзи и сунул бумагу в карман. — Нам скоро садиться на Ксерии, мне надо в рубку. Макдуф, брысь отсюда!

Макдуф повиновался с удивительной прытью — по крайней мере, пока не скрылся из виду. Эсс Пу, возмущенно тараторя, последовал за ним. Только после этого Рэмзи достал бумагу из кармана, изучил ее, фыркнул и передал помощнику. Одна сторона листа была испещрена аккуратным почерком Макдуфа:

Задача: узнать количество семян в первом созревшем плоде сфиги. Как загля-

нуть внутрь нераскрывшегося плода, в котором, возможно, сформировались еще не все семена? Обычный внешний осмотр ничего не даст.

День первый. Пытался подсунуть счетчик радиации, чтобы ежедневно определять радиоактивность и составить соответствующие графики. Попытка неудачна: Эсс Пу установил растяжку. Это признак неразвитого криминализированного мышления. Ущерба и пострадавших нет.

День второй. Пытался подкупить Эсс Пу эликсиром бессмертия. Эсс Пу в ярости. Я не учел, что алголианцы считают юность презренным возрастом. Ограниченные умы склонны придавать чрезмерную значимость крупным размерам.

День третий. Пытался направить на сфиги инфракрасное излучение, чтобы регистрировать вторичное излучение акустическим интерферометром. Попытка неудачна. Экспериментировал с дистанционным изменением окраски клеток сфиги при помощи световых волн. Попытка неудачна.

День четвертый. Попытки запустить хлороформ в место проживания Эсс Пу также провалились. Невозможно подобраться к плодам, чтобы применить метод анализа анодной эмиссии. Начинаю подозревать, что Эсс Пу причастен к госпитализации капитана Мастерсона на Альдебаране. Возможно, подкрался сзади на темной улице. Все хамы — трусы. На заметку: по прибытии натравить ксерианцев на Эсс Пу. Каким образом?

На этом своеобразный дневник заканчивался. Мистер Френч озадаченно поднял глаза.

— Надо же, Макдуф по науке все делает, — отметил Рэмзи. — Но это только подтверждает то, что Эсс Пу мне сказал еще несколько недель назад: Макдуф все пытается добраться до сфиги. Ничего у него, стало быть, не получается. Ладно, мистер Френч, нам пора садиться.

Он деловито пошел прочь, а первый помощник последовал за ним. Некоторое время в коридоре было пусто и тихо. Затем высоко под потолком заговорил динамик:

— Пассажиры и экипаж «Саттера», внимание! Вам необходимо приготовиться к посадке. Сразу по ее завершении прошу пассажиров собраться

в салоне для прохождения ксерианского таможенного досмотра. Там же будут объявлены результаты лотереи. Ваше присутствие обязательно. Спасибо.

Последовала пауза, затем тяжелое сопение, и наконец зазвучал другой голос.

— Тебя, Макдуф, это тоже касается, — зловеще сказал он. — Уразумел? Ага, так что смотри там.

Четыре минуты спустя «Саттер» приземлился на Ксерии.

Протестующего Макдуфа выдернули из каюты и притащили в салон, где уже собрались все остальные. Таможенники, не без труда скрывавшие свою радость, тоже были здесь, они бегло досматривали пассажиров, пока остальные ксерианцы торопливо обходили корабль в поисках контрабанды.

И было ясно, что контрабанда, которая вызвала такое воодушевление, — не что иное, как сфиги. В центр зала таможенники принесли стол и на нем расставили глиняные горшочки с растениями, по одному в каждом.

С ветвей свисали набухшие золотые плоды. Их пушистая кожица сияла розовой спелостью.

От растений исходил божественный аромат. Эсс Пу бдительно стоял рядом, время от времени

перекидываясь парой слов с ксерианским чиновником, который уже прикрепил на панцирь алголианца медаль.

— Это неслыханно! — кричал Макдуф, отбиваясь. — Мне требовалось всего лишь несколько минут, чтобы закончить жизненно важный эксперимент, который я…

— Закрой свою болталку, — посоветовал ему капитан Рэмзи. — Знаешь, с каким удовольствием я тебя самолично с корабля вышвырну?

— Отдадите ни в чем не повинного пассажира на милость кровожадного омара? Смерти моей желаете? Взываю к объединяющему нас гуманоидному…

Капитан Рэмзи коротко посоветовался с главой ксерианцев. Чиновник кивнул.

— Все верно, капитан, — обстоятельно начал он (или оно?). — По нашим законам должники отрабатывают свои долги, нанесение телесных повреждений оценивается по результатам, а нападавший принуждается к выплате полной компенсации. Убийство, разумеется, всегда влечет за собой высшую меру наказания. А почему вы спрашиваете?

— Это относится даже к Эсс Пу? — уточнил капитан.

— Естественно, — сказал ксерианец.

— Ну вот, — многозначительно сказал Рэмзи Макдуфу.

— Что — ну вот? Он будет настолько богат, что не поморщившись выплатит компенсацию ради удовольствия нанести мне телесные повреждения. А у меня синяки возникают от малейшего прикосновения…

— Но убивать-то он не станет, — успокаивающе проговорил Рэмзи. — А тебе будет знатный уррок.

— В таком случае пусть за мной останется хотя бы один добрый удар, — сказал Макдуф и, выхватив у стоявшего рядом пернатого крепкую ротанговую трость, звучно врезал Эсс Пу по панцирю.

Алголианец заорал. Затем с яростным воплем он ринулся вперед, а Макдуф, держа трость как рапиру, неуклюже попятился. Даже отступая, он продолжал размахивать своим оружием.

— Давай, ты, здоровенная рыбная котлета! — дерзко выкрикивал он. — Пора нам выяснить отношения, как гуманоиду с омаром!

— «Макдуф, сражаться надо!»[47] — с воодушев-

---

[47] Примечания: 47

У. Шекспир. Макбет. Перевод А. Радловой.

лением продекламировал какой-то эрудированный ганимедец.

— Сражаться не надо! — проревел капитан Рэмзи, давая знак своим офицерам, чтобы пришли на помощь.

Но ксерианцы успели раньше. Они образовали между противниками барьер, и кто-то выкрутил трость из руки Макдуфа.

— Если этот джентльмен причинил вам ущерб, Эсс Пу, он заплатит компенсацию, — сказал глава ксерианцев. — Закон есть закон. Вы не пострадали?

Несмотря на все нечленораздельные восклицания Эсс Пу, было ясно, что он не пострадал. А уязвленное самолюбие ксерианская юриспруденция в расчет не принимала. Термиты смиренны по натуре.

— Давайте разберемся, — сказал капитан Рэмзи, раздраженный тем, что в салоне его корабля устроили свару. — Здесь высаживаются всего три пассажира: Ао, Эсс Пу и Макдуф.

Макдуф заозирался в поисках Ао, нашел ее и попытался спрятаться за спиной ничего не замечающей вокруг девушки.

— Ах да, — сказал глава ксерианцев, — Эсс Пу уже рассказал нам. Мы разрешаем провести ло-

терею. Однако должны быть соблюдены наши условия. Ни один нексерианец не будет допущен к столу, и подсчетом семян займусь я лично.

— Ну что ж, меня это устраивает. — Рэмзи поднял запечатанную коробку и отошел в сторону. — Когда вы разрежете самый спелый фрукт и сосчитаете семена, я открою эту коробку и объявлю победителя.

— Подождите! — закричал Макдуф, но на него никто не обратил внимания.

Начальник ксерианцев взял со стола серебряный нож, сорвал самый крупный, самый спелый плод сфиги и аккуратно разрезал. Половинки покатились по столу — и стало видно, что внутри плод совершенно пустой.

Крик ужаса, который издал ксерианец, эхом прокатился по всему залу. Серебряный нож засверкал, кроша плод. Но в податливой мякоти не блеснуло ни одного зернышка.

— Что случилось? — поинтересовался Макдуф. — Семян нет? Явное мошенничество. Я никогда не доверял Эсс Пу. Он так торжествовал, что…

— Тишина! — сухо сказал ксерианец.

Все молчали, пока он снова и снова взмахивал серебряным ножом. В воздухе росло напряже-

ние.

— Семян нет? — недоуменно спросил Рэмзи, когда под ножом развалился последний плод, явив пустую сердцевину.

Ксерианец не ответил. Он поигрывал серебряным ножом и смотрел на Эсс Пу.

Алголианец казался столь же ошеломленным, сколь и все остальные, но, как негромко, но отчетливо заметил Макдуф, этих алголианцев поди пойми. Капитан Рэмзи отважно нарушил зловещее молчание и, шагнув вперед, напомнил ксерианцам, что за безопасность на корабле отвечает он.

— Не беспокойтесь, капитан, — холодно ответил ксерианец, — ваш корабль не находится под нашей юрисдикцией.

Макдуф воспрянул духом.

— Я с самого начала не доверял этому омару! — с ликованием объявил он, вальяжно выходя вперед. — Он попросту взял у вас деньги и закупил сфиги без семян. Без сомнения, он преступник. Его поспешное бегство с Альдебарана плюс широко известное пристрастие к летейской пыли…

На этих словах Эсс Пу ринулся к Макдуфу, не в силах сдерживать ярость. Макдуф успел в последнюю секунду метнуться к открытой двери и

выскочить на бледное ксерианское солнце. Эсс Пу грохотал вслед за ним, исторгая негодующие вопли. Его ротовые мембраны пылали малиновым цветом.

Главный ксерианец отдал короткий приказ, и его подчиненные побежали вслед за Макдуфом. Снаружи слышалась отдаленная непонятная возня. Наконец в дверях вновь показался Макдуф. Он был один и задыхался.

— Ужасные существа эти алголианцы, — сказал он, фамильярно кивнув ксерианскому начальнику. — Я видел, как ваши помощники задержали Эсс Пу.

— Да, — сказал ксерианец. — Снаружи он, разумеется, находится в нашей юрисдикции.

— Я так и подумал, — пробормотал Макдуф, направляясь к Ао.

— Э-э-э… погодите, — сказал капитан Рэмзи ксерианцу. — Так же нельзя…

— Мы не варвары, — с достоинством ответил ксерианец. — Мы выдали Эсс Пу пятнадцать миллионов космокредитов, чтобы он выполнил для нас работу, а он не оправдал доверия. Если не сможет вернуть пятнадцать миллионов плюс накладные расходы, ему придется отработать. Человеко-час, — (услышав это, Макдуф

вздрогнул), — на Ксерии эквивалентен одной шестьдесят пятой кредита.

— Ужасные законы, — сказал капитан. — Однако это все теперь не моя забота. А ты, Макдуф, прекрати нос задирать. Ты тоже сходишь на Ксерии, не забыл? Мой совет: не попадайся Эсс Пу на глаза.

— Я рассчитываю на то, что он будет занят по горло, — весело проговорил Макдуф. — Мне крайне неловко напоминать человеку, который казался мне столь компетентным офицером, о его обязанностях, но вы не забыли об одной малости, а именно о корабельной лотерее?

— Чего? — Рэмзи озадаченно глянул на порубленные фрукты. — Розыгрыш отменяется, ясное дело.

— Ерунда, — возразил Макдуф. — Не нужно отговорок, капитан. Иначе придется заподозрить вас в уклонении от выплаты выигрыша.

— Парень, да ты спятил. Ну какой выигрыш? Лотерея была на угадывание количества семян в плоде сфиги, а теперь все видели: нет никаких семян. Короче, если никто не возражает…

— Я возражаю! — выкрикнул Макдуф. — От имени моей подопечной я требую, чтобы каждый голос был учтен и объявлен.

— Не дури, — настоятельно попросил Рэмзи. — Ежели ты просто оттягиваешь тот неприятный момент, когда я пинком вышвырну тебя из «Саттера»...

— Вы должны завершить лотерею законным образом, — не унимался Макдуф.

— Ладно, как скажешь, — мрачно произнес Рэмзи, поднимая запечатанную коробку и присоединяя к ней небольшой прибор. — Но я тебя, Макдуф, насквозь вижу. А теперь попрошу тишины!

Он прикрыл глаза, и его губы беззвучно зашевелились. Коробка раскрылась, из нее изверглась лавина сложенных бумажек. По знаку Рэмзи один из пассажиров подошел и принялся разворачивать бумажки, читая вслух имена и ставки.

— Ну выиграл ты себе, стало быть, пять минут отсрочки, — вполголоса сказал Рэмзи Макдуфу. — А потом как миленький полетишь вслед за Эсс Пу. И скажу тебе так: яснее ясного, что неспроста ты алголианца из корабля выманил.

— Чушь! — воскликнул Макдуф. — Моя ли вина, что Эсс Пу решил свои вздорные антиобщественные наклонности обратить именно против меня?

— А то чья же? — хмыкнул Рэмзи. — Не притво-

ряйся, что не знаешь.

— Мейл Кор-зе-Каблум: семьсот пятьдесят, — объявил пассажир, разворачивая очередную бумажку. — Лорма Секундус: две тысячи девяносто девять. От имени Ао…

Последовала пауза.

— Ну? — нетерпеливо спросил капитан Рэмзи, ухватив Макдуфа за шею. — Что там, парень?

— Теренс Лао-Цзы Макдуф… — прочел дальше пассажир и снова умолк.

— Что там? На какое число он поставил? — допытывался Рэмзи у открытой двери, уже отведя назад ногу, чтобы отправить вниз по трапу философски невозмутимого Макдуфа. — Я задал вопрос! Какое число на бумажке?

— Ноль, — едва слышно проговорил пассажир.

— Именно! — громогласно подтвердил Макдуф, высвобождаясь рывком. — А теперь, капитан Рэмзи, я буду крайне признателен, если вы вручите мне, как опекуну Ао, половину выигрыша — разумеется, за вычетом стоимости нашего с ней полета до Малой Веги. Что касается причитающейся Эсс Пу половины, отправьте эти деньги ему и присовокупите мои наилучшие пожелания. Возможно, приз скостит ему несколько месяцев срока, который, если мои расчеты точны,

составляет девятьсот сорок шесть ксерианских лет. Истинный гуманист Макдуф прощает даже своих врагов. Ао, дорогая, идем. Я должен выбрать подходящую каюту.

С этими словами Макдуф закурил сигару и вальяжно двинулся прочь. Капитан Рэмзи так и остался таращиться в пустоту и шевелить губами, словно в медленной молитве. Потом «молитва» стала слышна.

— Макдуф… — окликнул Рэмзи. — Макдуф! Как ты это сделал?

— Я ученый, — бросил через плечо Макдуф.

Кабаре на Малой Веге гремело весельем. Между столиками перебрасывалась остротами пара комедиантов. За одним из столиков сидела Ао, между Макдуфом и капитаном Рэмзи.

— Макдуф, я все еще жду, что ты откроешь секрет, — проговорил Рэмзи. — Сделка есть сделка. Я же подписался под твоим заявлением.

— Не могу не признать, — сказал Макдуф, — что ваша подпись облегчила мне получение опекунства над Ао, да будет благословенна ее душа. Ао, хочешь шампанского?

Но Ао не ответила. Она поглядывала — и не так рассеянно, как обычно, — на молодого веганского мужчину, сидевшего за соседним столиком.

— Давай колись, — напирал Рэмзи. — Не забудь, что после рейса мне бортжурнал сдавать. Я должен знать, что стряслось с этими сфигами. А то с чего бы я рисковал башкой, поручаясь за твою хитрую душонку! Хоть я и добавил из осторожности: «насколько мне известно». Я тебя застукал, когда ты ноль писал — задолго до того, как плоды созрели.

— Все так, — прямо сказал Макдуф, пригубив шампанское. — Это была несложная задачка на то, как ввести окружающих в заблуждение. Пожалуй, расскажу вам. Смотрите, какой был расклад. Вы собирались высадить меня на Ксерии, в компании с этим ракообразным. Ясно, что мне пришлось сбить с него спесь, дискредитировав в глазах ксерианцев. Выигрыш в лотерее был незапланированным побочным эффектом. Всего лишь честно заслуженный миг удачи, которой помогли осуществиться прикладные научные методы.

— Это та ерунда, которую ты записал, а Эсс Пу нашел? Та чепуха про ионные анализаторы с интерферометрами? Стало быть, ты нашел какой-то способ посчитать зерна или я ошибаюсь?

— Конечно ошибаетесь. — Макдуф покрутил бокал в руке и приосанился. — Ту бумагу я напи-

сал только для Эсс Пу. Мне нужно было отвлечь омара на защиту его сфиг и на погони за мной — отвлечь настолько, чтобы у него не осталось ни единой минуты на раздумья.

— Все равно в толк не возьму, — пожал плечами Рэмзи. — Ну узнал бы ты правильный ответ заранее, но как мог выведать, что в лотерею будут разыгрываться семена сфиг?

— О, это было самое простое. Сами подумайте: что еще могло разыгрываться, коль скоро альдебаранская лотерея еще свежа у всех в памяти и корабль пропах контрабандными сфигами? Если бы никто другой не предложил, я бы сделал это сам… Что такое? Идите отсюда! Убирайтесь!

Он обращался к двум комедиантам, которые подобрались к их столу. Капитан Рэмзи как раз вовремя поднял взгляд: они начинали новое представление.

Методы вызывать смех через оскорбление не претерпели за века существенных изменений, а галактическая экспансия лишь увеличила их число. Высмеивались теперь не только расы, но и биологические виды.

Комедианты, тараторя как безумные, начали бойко изображать двух обезьян, ищущих друг у друга блох. Грянул хохот, к которому не присоеди-

нились посетители, произошедшие от обезьяны.

— Тьфу, пакость! — гневно воскликнул Рэмзи, отодвигая стул. — Ах вы наглые…

Макдуф поднял руку, останавливая его:

— Тише, тише, капитан. Старайтесь сохранять объективность. В конце концов, это только вопрос семантики. — Он примирительно хихикнул. — Возьмите с меня пример, будьте выше видовой разобщенности и просто порадуйтесь талантам эти шутов, преуспевших в чистом искусстве перевоплощения. Я собирался объяснить, почему мне нужно было занять внимание Эсс Пу. Я боялся, что он заметит, как быстро вызревают сфиги.

— Тьфу! — буркнул Рэмзи, но сел. (Комедианты тем временем затеяли новую сценку.) — Ладно, гони дальше.

— Ввести в заблуждение! — лукаво подмигнул Макдуф. — Был ли у вас когда-либо менее расторопный член экипажа, чем я?

— Нет, — поразмыслив, сказал Рэмзи. — За всю мою…

— Именно. Меня, как морскую пену, швыряло с одной работы на другую, пока наконец я не оказался в атмосферном контроле — именно там, где и хотел оказаться. Возможность ползать по

вентиляционным шахтам дает определенные преимущества. Например, было делом одной секунды вылить пузырек с двух-,четырех-, пятитрихлорфеноксиуксусной кислотой, — он гладко перекатывал слоги на языке, — в вентиляцию. Вещество должно было проникнуть всюду, включая сфиги.

— Трихлор… что? Ты чего, перед лотереей попортил сфиги?!

— Конечно. Я же сказал вам, что лотерея — уже позднейший, вторичный продукт. Поначалу моей целью было просто создать для Эсс Пу неприятности на Ксерии и тем самым спасти собственную драгоценную персону. К счастью, у меня при себе был достаточный запас различных гормонов. Конкретно этот, как известно даже ребенку, блокирует перекрестное опыление. По законам биологии в результате всегда получается бессемянный плод. В сельском хозяйстве это обычное дело — спросите любого агронома.

— Бессемянный плод… — тупо повторил Рэмзи. — Перекрестное, значит, опыление. Ну, ты голова!

Макдуф уже собирался скромно протестовать, но в этот миг его внимание привлекла все та же пара комедиантов; он уставился на них, не

донеся сигару до рта. Тот, что пониже, теперь самодовольно ходил широкими кругами и делал вид, будто с важностью курит сигару. Напарник взвизгнул и стукнул его по голове.

— А скажи-ка мне, братец! — выкрикнул он пронзительным фальцетом, — что за пингвин был с тобой вчера вечером?

— Не было никакого пингвина, — радостно захихикал тот, что шагал по кругу. — Это был венерианец!

С этими словами он сделал знак, и сжавшегося Макдуфа накрыл свет прожектора.

— Что?! Что?! Да как вы смеете! — закричал разъяренный Макдуф, наконец вернув себе дар речи. Его голос едва пробился сквозь раскаты хохота публики. — Бесстыдная клевета! Меня никогда в жизни так не оскорбляли!

Капитан подавил смешок. Макдуф зло огляделся, встал и схватил Ао за руку.

— Не обращай внимания, — посоветовал Рэмзи, давясь смехом. — Не станешь же ты отрицать, что по биологическому виду ты венерианец — даже если вылупился в Глазго. Родился, я хотел сказать. Шотландец по рождению и гуманоид по классификации, так получается? И не больше пингвин, чем я — обезьяна.

Но Макдуф уже шагал к дверям и тащил за собой покорную Ао, которая, оглядываясь, бросала ангельские взгляды на веганского юношу.

— Неслыханно! — восклицал Макдуф. — Возмутительно!

— Приятель, вернись! — позвал его Рэмзи, еле сдерживая хохот. — Помни о чистом искусстве пере… уплощения. Это же всего лишь вопрос семантики…

Его голос не был услышан. Широкая спина Макдуфа излучала негодование. Гордо выпрямив свое похожее на бутылку тело и держа за руку семенящую девушку, Теренс Лао-Цзы Макдуф с тихим бормотанием безвозвратно растворился в веганской ночи.

Ибо Макдуф, как уже должно было стать понятно даже самому скудному уму[48], являлся не совсем тем, за кого себя выдавал.

— Фу-ты ну-ты, — проговорил капитан Рэмзи с ухмылкой от уха до уха, — дожил же я до такого дня! Официант! Виски с содовой — хватит уже этого дрянного шампанского. Праздную знаменательный день, явление, понимаешь ли, природы.

---

[48] Примечания: 48

Таковым мы будем считать читателя, который пропустил в этой хронике событий всю науку, хотя она была ну правда же совсем элементарной. *(Примеч. авт.)*

Ты можешь себе представить, что впервые в жизни этот беспринципный прохвост Макдуф отвалил, не оставив облапошенным какого-нибудь простака? А это что такое? Что ты мне суешь, обалдуй? Какой еще счет? Это же Макдуф настоял, что сегодня он угощает. Вот же!.. Да я… Да чтоб его!..

Мелкие детали

Первое, что он сделал, почувствовав, что его не преследуют, — направился прямиком к газетному киоску. Хотел выяснить, которое сегодня число. Он не знал, сколько времени провел в замке Иф: после первого года уже нет смысла следить за календарем.

Сбежать не было никакой возможности. Эдмон Дантес выбрался из исторического замка Иф, но дважды эта уловка не сработает. Когда «постояльцы» этой «гостиницы» умирали, где-то в подвале быстро проводилась кремация.

Это был один из тех немногочисленных и малоутешительных фактов, что он сумел разузнать за свой срок заключения. За все это долгое время он ни разу не покидал одиночную камеру без окон, где жил, можно сказать, в роскошной обстановке и в обществе без преувеличения роскошной сиамской кошки Шэн, которая спасала его от глухой тоски.

Бросить Шэн оказалось мучительно тяжело, но она была привязана к вещам, а не к людям и не чувствовала себя пленницей. Чудо, которое

дало ему возможность бежать, долго ждать не стало бы. Он воспользовался шансом и выбрался наружу, когда снизу еще доносились последние отзвуки взрыва.

Он не понял, что произошло, ведь важные шишки, управлявшие замком, свое дело знали туго.

Чтобы выбраться, он залез в мешок, который бросили вместе с десятками других в грузовой лифт, и на время доверился лишь осязанию и слуху. Те подсказали не многое, но он понял, что с мешками управляются механизмы.

По крайней мере, у вертолета была автоматическая система управления — это он выяснил, когда вылез из мешка. Пока разбирался с упрощенными донельзя приборами, прошла пара весьма неприятных минут. В 1945 году вертолеты были крайне сложными машинами, и он приготовился решать непростую задачу, но оказалось, что напрасно.

Не успел он приземлиться, как панель управления разразилась визгом и вспышками. Видимо, это предостережение. За ним уже наверняка гонятся важные шишки, которые много лет продержали его в Ифе. Нет, заключение было вполне комфортным. Он сохранил отменную физическую форму. Специальные процедуры

поддерживали его телесное и психическое здоровье. Телевизор занимался его образованием и досугом. Можно было читать книги.

Но он не видел ничего печатного, выпущенного позже июня 1945 года. Может быть, поэтому тревога не въелась ему в мозг и нервы. Он не чувствовал себя отрезанным от всего. Конечно, знал, что мир движется вперед, но самого движения не наблюдал. От этого было легче.

Вертолет приземлился на вспаханном поле. Стояла ночь, но светила полная луна. По силуэтам на фоне тусклого сияния беглец понял, что неподалеку большой город. Воздушный корабль, доставивший его, взмыл в небо. На корпусе не было огней, и вертолет быстро пропал из виду, направляясь к стратосфере.

Он сделал несколько глубоких вдохов. И кожей ощутил чей-то взгляд. По спине пробежал холодок — теперь этот человек осознал себя беглым заключенным.

Все было другое, но не слишком. Главное осталось. Ходили люди; мода изменилась довольно слабо. Он носил копию своего костюма, в который был одет в тот июньский день 1945 года, когда за ним пришли — они, важные шишки. Шишки сидели снаружи и ждали, прикрыв лица, а гро-

милы, сопровождавшие их… «изъяли» Теннинга.

«Я Дейв Теннинг», — подумал он и с удивлением обнаружил, как непривычно это звучит. Он отвык думать о себе в первом лице. Спокойное, привычное осознание себя как личности в тюрьме постепенно исчезло. Он, словно ребенок, практически утратил ощущение собственного «я». Заявлять о существовании своего «я» не было потребности.

«Я Дейв Теннинг, но есть еще один Дейв Теннинг».

И тут ощущение реальности исчезло и подступил страх. До сего момента Теннинг не вполне осознавал, что во внешнем мире разгуливает его alter ego. Потому что в замке довольно скоро понятие внешнего мира для него по большому счету исчезло — внешний мир и его обитатели постепенно ушли в прошлое. Даже те люди, которых он близко знал, были менее реальны, чем сиамка Шэн с ее эмоциональной отстраненностью.

С одеждой проблем не возникло. Никто на него не таращился. Денег при нем, конечно, не было, и это представляло затруднение, существенное, но преодолимое. Ребята в «Стар» подсобят. Но надо постараться не встретиться с ложным Дейвом Теннингом раньше времени. Может быть,

понадобится пистолет. Этих двойников можно убивать. Они всегда умирали, когда умирал оригинал.

Поэтому оригиналов и оставляли в живых и содержали в хорошей физической и умственной форме. Существовала неразрывная связь, какое-то взаимодействие на уровне психики. Оригинал был источником некой жизненной силы, которая стимулировала жизнеспособность копии. Во всяком случае, такие мысли возникали у Теннинга, и все хорошо сходилось.

Но ощущал он себя странно, поскольку это был уже не его мир. Все время казалось, что кто-нибудь из прохожих остановится, и посмотрит на него, и поднимет шум. Нельзя угадать, что именно вызовет подозрение, но главная причина — что он уже нездешний. Он родом из 1945-го, как ни крути.

Почему его взяли, он тоже знал. Журналист, ведущий колонку светских новостей, имеет возможность влиять на общество. Важным шишкам были нужны на ключевых постах свои люди — двойники. И таких наверняка имелось немало. Год 1945-й стал переломным. Один из немногих исторических моментов, когда открылся ящик Пандоры и изумленным глазам цивилизации

явилось многое. Слишком многое.

Германия стояла на коленях, Япония пришла в упадок, и весь послевоенный мир был охвачен тревогой. Не потому, что многое предстояло сделать, но потому, что представилось слишком много способов, как именно сделать. Это был не ящик Пандоры — это был ярмарочный «мешок сюрпризов».

Социальные проблемы выглядели намного серьезнее технических, поскольку человеческая натура в основе своей осталась прежней. Люди меняются не так быстро, как вещи. Можно гарантировать, что в каждом котелке по воскресеньям будет вариться куриный концентрат[49], но смена общественного устройства — совершенно другое дело.

С виду мало что изменилось. Он даже узнавал отдельные места. Появилось несколько новых зданий, хотя не так уж много. Автомобили приобрели другой дизайн, без обтекаемых форм, и стали более приятны глазу. По улицам двигались автобусы без водителя, время от времени

---

[49] Примечания: 49

Французский король Генрих IV желал, чтобы в его королевстве не было ни одного настолько бедного крестьянина, чтобы у того в котелке по воскресеньям не варилась курица. Впоследствии фраза о курице в каждом котелке появлялась в избирательной кампании американского президента Г. Гувера.

останавливаясь у тротуара. Уличные фонари отбрасывали не такой свет, как раньше. В витринах были выставлены одежда, спортивные товары, алкоголь, игрушки — ничего принципиально нового.

Но именно из-за мелких перемен город стал враждебен. Теннингу казалось, что он сюда не вписывается. Вдобавок он знал, что где-то ходит другой Дэйв Теннинг, занявший его место. И, понимая это, он лишался ощущения себя.

На секунду возникло странное чувство вины — почудилось, что побегом из Ифа он нарушил чей-то тщательно продуманный план. «Ты чужак, — как будто говорили люди и проходили мимо, не глядя на него. — Ты чужак».

«Чужак? Ну уж нет! Я восемь лет прожил в этом городе. Я трудился в нью-йоркской газете, и люди читали мои статьи. Я не Уинчел, не Пайл, не Дэн Уокер. Я просто второразрядный колумнист, и я всегда отдавал себе в этом отчет. Но меня читали за завтраком, за кофе. Люди получали удовольствие оттого, что я копаюсь в грязи.

Я Дэйв Теннинг, и меня то ли на годы, то ли на века заперли в маленькой уютной камере, с волшебной библиотекой и кошкой по имени Шэн, которую интересует только одно: сама кошка

по имени Шэн. По городу расхаживает призрак. Куда он идет, того и сам не ведает, но ему нужно вернуться к прежней жизни. Для начала узнать сегодняшнюю дату».

В газетном киоске продавались обычные газеты, а также маленькие толстые диски из пластика или глянцевого картона. Теннинг остановился и вгляделся. Сегодня…

«Рыбы дека 7». И как это понимать?

— Газетку, мистер? — спросил киоскер. — Лист или рото?

— Погодите, — сказал Теннинг. — Которое сегодня число?

— Дека.

Он хотел было задать следующий вопрос, но не стал, а повернулся и пошел дальше, размышляя о том, что означает 7. Седьмой год? Не нашей эры? А какой?

Вот с такими мелочами, как эта, свыкнуться будет труднее всего. Люди не меняются, они только стареют. А вот новые увлечения, технические и бытовые новинки появляются быстро, так что и не заметишь. И который сейчас год, он так до сих пор и не выяснил.

Ну да и черт с ним. Это Гарднер-стрит, и он знает, где находится здание «Стар».

Теннинг вскочил в остановившийся автоматический автобус, и захотелось курить. Впервые с момента побега он расслабился, но нервы оставались напряжены.

В автобусе никто не курил. Он вообще никого пока не видел с сигаретой.

Здание «Стар» стояло где прежде, большое, ветхое и, как ни странно, темное. Электрическая надпись на крыше исчезла. Теннинг поднялся по ступенькам и подергал старинные двери. Они оказались заперты. Он стоял и не знал, что делать.

На этот раз он по-настоящему испугался. Лисица, за которой гонятся охотники, прячется под землю, но если она обнаружит, что нору завалили, — дело плохо. Теннинг машинально обшарил карманы, один за другим. Пусто.

Какой-то коренастый мужчина, прогуливавшийся по улице, остановился и посмотрел на Теннинга. Под кустистыми бровями возникли алмазные точки света.

— Они закрываются в надцать, — сказал мужчина.

Теннинг обернулся к дверям:

— Во сколько?

— В надцать.

— Вот, значит, как…

— Государственное учреждение, — пояснил мужчина, пожав плечами. — Работают по расписанию. Даже не пытайтесь. Не раньше фесяти утра.

Теннинг спустился по ступенькам.

— Я думал, это здание «Стар».

— Нет, — ответил уверенный спокойный голос. — Уже нет. Но мы так и предположили, что вы сюда придете.

Нервы словно взорвались. Кулак Теннинга врезался в челюсть мужчины, а вслед за этим мощным ударом последовало еще несколько. Теннинг бил как в истерике. И только услышав встревоженные голоса, осознал, что противник лежит и что приближаются люди.

Улицы и переулки были ему знакомы, и он оторвался довольно легко. Это помогло слегка успокоиться. Преследователи оказались случайными прохожими. Были бы это люди из замка Иф, так запросто он бы не отделался.

Итак, они всё знают и идут по следу. Прекрасно. Ему нужен пистолет. Или здоровенная шипастая дубина. Ядовитый газ, сверхмощная бомба, огнемет тоже сгодятся. А больше всего нужно убежище.

То обстоятельство, что он так хорошо знает город, может сослужить ему дурную службу. Мелочи стали другими, а именно мелочи способны подвести. Возможно, он слишком многое принимает как само собой разумеющееся, но что, если, к примеру, эта аллея, так похожая на хорошо знакомую Поплар-уэй, возьмет и уведет в сторону, обратно к замку Иф и кошке?

Теннинг пошел по Скид-роу и увидел, что она не изменилась. В отличие от людей. Он никого не знал. Может быть, при ином общественном устройстве вокруг были бы другие люди. Но иное ли это устройство?

В глубине улицы обнаружилась дешевая пивнушка. Теннинг зашел туда, и его сразу многое удивило. Посетители расплачивались за выпивку какими-то жетонами. Под захиревшим деревом, растущим в кадке, в одиночестве сидела девушка и ладонями обнимала стакан виски с содовой.

Она перехватила взгляд Теннинга. Появился официант; Теннинг поспешно встал и направился к телефонной кабине. Но внутри висели какие-то приспособления и не было телефонной книги. Он вышел, беспомощно постоял и вернулся к девушке. Она тоже выглядела потерянной.

— Можно я сяду? — спросил Теннинг.

— Вечно у меня ничего… не выходит, — ответила она. — Мне не угнаться за этим всем. А ты не тот человек, вот в чем штука.

Она была пьяна, причем изрядно. Но держалась хорошо и даже умудрялась выглядеть симпатичной.

— Садись, — сказала она наконец. — Ты тоже запутался?

— Запутался и остался без гроша в кармане. Мне нужна монетка — позвонить.

Синие глаза расширились, и она расхохоталась, довольно грубо. Потом подозвала официанта:

— Два виски с содовой.

Теннинг ждал. Напиток был вкусный, но не забирал. «Непьянящий алкоголь?» — предположил он.

— Так что насчет монетки? — напомнил он. — Спасибо, что угостила. Но мне правда нужно…

— Нельзя позвонить в прошлое, — перебила она, и у Теннинга напряглась и похолодела спина.

Он стиснул бокал и осторожно спросил:

— Ты о чем?

— Мне тоже жаль, что все теперь по-другому. Я выросла не в то время. Есть люди, которые просто не могут приспособиться. Вот и мы с тобой такие.

Я Мэри. А ты?

— Дэйв, — ответил он, ожидая реакции.

Но ее не последовало.

Стало быть, не знает. Да и откуда ей знать? Не может весь мир за ним шпионить. Не может весь мир быть заодно с замком Иф. Вон та кошка, прохаживающаяся по кирпичному полу, не состоит в телепатической связи с Шэн и не докладывает ей о местонахождении бежавшего узника.

— Почему нельзя позвонить? — спросил он.

— Нет смысла держать телефоны для таких, как мы, дружок. Мы вымрем. Мы не можем давать потомство. Нам не причиняют вреда, потому что мы никому не мешаем. Если не вписываешься, что делать? Напиться и думать про Энди. Энди ты не знаешь.

— О ком ты?

Она рассмеялась:

— Он умер, а я нет. Или наоборот. А я тебя тут раньше не видела.

— Меня… не было в городе. Долго.

— Я никогда не пыталась уехать.

— А телефон…

— Ты же знаешь, как они сейчас работают, — сказала она, — и как их называют.

Теннинг разглядывал часы, висевшие высоко

на стене. И никак не мог разобраться в цифрах. Это были не цифры. Это были какие-то произвольные значки.

— Сэла плюс, — подсказала Мэри, — так что времени у нас еще много. Энди не придет. Я уже сказала, что он умер.

Важны мелкие детали. Здесь изобрели свой календарь, придумали свои названия для часов и минут. Зачем? Может быть, чтобы люди все время испытывали неуверенность. Или дело в том, что названия единиц времени — важное связующее звено и, если их изменить, люди пойдут иной дорогой?

Не бывает внезапных грандиозных метаморфоз. За одну ночь не вырастут многоэтажные города. В одночасье не устремятся к другим планетам корабли. Потому что люди меняются медленнее, чем вещи. За ренессансом следуют хаос и революция. Если у людей хватает сил.

В 1945 году сил было предостаточно. Возникали сотни планов переустройства мира. И у каждого были свои сторонники, зачастую фанатичные.

Гардинга избрали потому, что он обещал

«нормальность»[50]. Люди устали от войны. Им хотелось обратно в материнскую утробу 1912 года. Они не желали, чтобы их жизнь продолжали баламутить экспериментами.

Еще до падения Японии дорога к будущему была свободна. Сотня планов, сотня фанатиков. И разрушительное оружие. Если бы реализовали какой-то из этих замыслов, появились бы его противники и возникла бы смертельная опасность для цивилизации. Поскольку к 1945 году инженерная мысль разработала оружие, применять которое было слишком опасно, только фанатики решились бы на это.

Все сходились в одном: платформа Гардинга. Довоенная безопасность. Старый добрый уклад жизни. Пропаганду в этом направлении развернуть было легко. Люди хотели отдохнуть.

И они получили отдых, и Утопия не наступила. Хотя отдельные признаки были.

Для наземного транспорта обтекаемые формы оказались малофункциональны. Их и не использовали.

Алкогольные напитки, в общем-то, пьянили,

---

[50] Примечания: 50

Уоррен Гардинг — президент США с 1921 по 1923 г. Победил на выборах под лозунгом «Назад к нормальности!» (Слово, придуманное им самим).

но без последствий.

Рыбы дека 7.

Сэла плюс.

Но формально — ничего нового. Люди ощущают удовлетворенность и стабильность. Они ведут прежний, спокойный образ жизни. Может быть, их подсознание обрабатывают в нужном направлении. Теперь они принимают как должное, что сегодня Рыбы дека 7.

А горстка отщепенцев, которые не смогли привыкнуть к психофонам…

Он был репортером, так что через некоторое время легко вытащил из Мэри всю информацию. Правда, потребовался еще не один стакан. И приходилось все время уводить разговор в сторону от Энди, который умер, но в давние дни, когда еще работали телефоны, много чего успел.

— Люди стали другими, — рассказывала Мэри. — Это как… Ну, не знаю. Все будто задумали что-то. Только я не знаю что. Помнится, в школе когда-то ученики прямо-таки бредили тем, что мы должны обыграть в финале команду технического училища. Мне было наплевать, но всем остальным — нет. Они думали об одном и том же. Где-то в глубине души все к этому стремились, а я не могла понять: ну не выиграем мы, и что

дальше?

— Антисоциальная позиция, — усмехнулся Теннинг.

— Сейчас в воздухе витает нечто похожее. Снова все опять спят и видят, как бы обыграть техническое училище. Кроме меня и… — Она махнула рукой. — На таких, как мы, даже внимания не обращают.

— Я раньше в «Стар» работал, — сказал он. — Она переехала?

— Конечно, все же газеты переехали. Где-то печатаются. Только никто не знает где.

— А ты… читаешь «Стар»?

— Ничего не желаю читать.

— Хочу спросить про одного колумниста… Теннинг его фамилия.

Она пожала плечами:

— Слушала его. Он сейчас не в «Стар». Ведет эфирные передачи.

— Это… радио?

— Уже нет. Теннинг сейчас важная птица. Его все слушают.

— О чем он говорит?

— Сплетни. И политика. Люди такое слушают…

Да, люди слушают этого болтуна, и он формирует общественное мнение. Формирует так, как

нужно важным шишкам. Вот почему меня взяли в сорок пятом. Я тогда не был на пике популярности, но люди меня читали. Я получал хорошие отзывы. Выявляют ключевые фигуры, которые будут реализовывать их план…

Болтуны, двойники, поставленные на нужные места. Безболезненное психологическое воздействие, подслащенная пропаганда. И мир движется вперед, оставляя Дэйва Теннинга позади, — огромный шар сходит с курса и набирает скорость, направляемый тысячами двойников.

Ладно. Допустим, сам по себе план хорош. Но Дэйв Теннинг слишком долго пробыл «Шильонским узником»[51].

— У меня есть друзья — вернее, были, — сказал он. — Мэри, как мне связаться с человеком по фамилии Пэлем?

— Не знаю.

— Ройс Пэлем. Он издавал «Стар».

— Давай еще выпьем.

— Это важно.

Она встала:

— Ну хорошо, Дэйв. Я все устрою.

Она пошла в кабинку психофона. Дэйв сидел

---

[51] Примечания: 51

«Шильонский узник» — поэма Дж. Байрона о заключенном, проведшем шесть лет в Шильонском замке.

и ждал.

Ночь стояла теплая. Самоохлаждающийся стакан приятно холодил ладонь. Уличный бар на Скид-роу, дурнопахнущий, грязноватый, с полузасохшими пальмами, растворялся в лунном свете.

Добро пожаловать домой, Дэйв Теннинг. Добро пожаловать обратно в жизнь. Не встречают тебя с оркестром, ну и что с того? Оркестр ушел играть серенаду Дэйву Теннингу Второму. Псевдочеловеку, которому все удалось.

Где-то безумствовала непривычная музыка, какие-то ритмы буги с блюзовыми аккордами.

Мэри вернулась побледневшая.

— Я все думала об Энди, — сказала она, — пока он не умер. Он к этим психофонам приноровился. А я никак не могу.

Нужен ли был людям после 1945-го прежний образ жизни? Или где-то подспудно шевелилась тяга к развитию общества, к революционным переменам? Незначительные, поверхностные мелочи вернулись. Но людям ведь нравится новое — если оно не слишком новое, если не предвещает Перемен. Прежде чем ребенок научится бегать, его нужно научить ходить, помогая преодолеть страхи.

— Так что с Пэлемом? — напомнил Теннинг.

— Кариб-стрит, дом вела-ти.

— А как… как туда добраться?

Она объяснила. На лице у Теннинга так и осталось недоумение. Мэри осушила стакан.

— Ладно, покажу, все равно делать нечего. Но только потом сюда вернемся!

Они сели в автобус (платы за проезд с них никто не взял) и долго ехали до милого старомодного домика, стоявшего где-то на окраине. Мэри сказала, что пойдет на угол в магазинчик и выпьет чанга. Размышляя, какого цвета должен быть чанг, Теннинг позвонил в дверь.

Открыл ему сам старина Пэлем. Он стал ниже ростом, заметно ссохся и совсем облысел. Обрюзгшее лицо в складках выражало недоумение.

— Что вам нужно?

— Ройс, вы же меня знаете?

— Нет, — ответил Ройс Пэлем. — А должен?

— Не могу сказать, сколько прошло времени, но… Теннинг. Дэйв Теннинг. Газета «Стар». Тысяча девятьсот сорок пятый.

— Вы приятель Теннинга? — спросил Пэлем.

— Мне нужно с вами поговорить. Если позволите.

— Хорошо. Сегодня я один, дети уехали. Входите.

Они сели в уютной комнате, обставленной старой мебелью, но с несколькими тревожащими взгляд новинками вроде подвижного звучащего кристалла в углу. Пэлем был учтив. Он сидел и слушал. Теннинг все рассказал: что видел, до чего дошел умом. Изложил все свои размышления.

— Но вы не Теннинг, — сказал Пэлем.

— Я уже сказал вам: он мой двойник!

— Вы даже внешне не похожи на Теннинга.

— Я постарел.

— Вы никогда не были Теннингом, — сказал Пэлем и сделал какой-то жест.

Часть стены превратилась в зеркало. Теннинг повернулся и посмотрел на человека, который не походил на Теннинга и никогда им не был.

Это сделали в замке Иф. Там не было зеркал. Правду могла сказать только Шэн, а Шэн было все равно. Пять лет, десять, двадцать не принесли бы таких изменений. Само строение черепа было другим. Он выглядел старше, но не походил на постаревшего Дэйва Теннинга. В замке Иф состарился кто-то другой.

Теннинг долго молчал.

— Отпечатки пальцев, — выговорил он наконец. Пришлось дважды это повторить, пока к нему не вернулся голос. — Отпечатки, Ройс! Их-то

они изменить не могли.

Но потом он посмотрел на свои руки. Он помнил, как должны выглядеть кончики его пальцев. Завитки и спирали были непривычные.

— Мне кажется… — начал Пэлем.

— Ладно, они все учли. Но голова-то по-прежнему моя! Я помню, как все было в прежней «Стар»…

Он осекся. Двойник тоже помнит. Двойник — превосходная копия Дэйва Теннинга образца 1945 года, дополненная его воспоминаниями и всем прочим. «Энох Арден». «Не я построил этот мир. Я в нем блуждаю чужд и сир»[52].

— Но ведь как-то же можно доказать…

— Я человек непредубежденный, — сказал Пэлем, — но, видит бог, Теннинга я знаю много лет. В прошлый квестен мы с ним в Вашингтоне обедали. Вы не добьетесь… чего бы вы ни добивались.

— Может, и так, — произнес Теннинг. — Значит, рано или поздно меня догонят и вернут в маленькую уютную квартирку, находящуюся неизвестно где.

Пелэм развел руками.

---

[52] Примечания: 52

А. Теннисон. Энох Арден. Перевод А. Хаусмена.

— Ну хорошо, — сказал Теннинг. — Не знаю за что, но спасибо. Не провожайте, я сам выйду.

Когда Теннинг вошел в магазин, Мэри пила за стойкой оранжевый чанг. Теннинг взгромоздился на табурет рядом с ней.

— Все нормально? — спросила она.

— Просто замечательно, — с горечью ответил он.

— Планы есть?

— Пока нет, но будут.

— Пошли со мной, — сказала она. — Теперь моя очередь. Хочу кое-что увидеть.

Они поехали в город, на центральную площадь — Дэйв ее помнил, — и встали у пешеходной дорожки, напротив входа в отель. Теплая мудрая ночь доносила до них причудливый пульс новой жизни.

Люди стали другими, Теннинг это видел. Как-то неуловимо. Они постарели, но не так, как он. И даже не как Мэри. Людей приучили к… странному.

Но в каждом лице читалось неявное чувство безопасности. Революций не будет. Корни уходили глубоко в привычные предметы. Но появлялись новые — постепенно, неотвратимо.

— Черт! — воскликнул Теннинг.

— Что такое?

Все было неправильно. Он с легкостью мог бы приспособиться к совершенно новому миру. Цивилизация, отстоящая от нынешней на тысячу лет, изменилась бы полностью. И это можно было бы понять. Но к моменту Рыбы дека 7 изменились только мелкие детали.

Мелкие детали да мозги людей.

Из отеля вышел мужчина и сел в подъехавший автомобиль. Ничем не примечательный человек, но как только автомобиль дал газ и исчез из виду, пальцы Мэри сжались на руке Теннинга.

— А?

— Это был Энди, — сказала она.

В первый момент он не понял.

Потом подумал: «Значит, умер не Энди. Умерла Мэри. Или, вернее, прекратила жить. Она продолжает пользоваться телефонами, а Энди стал привыкать к психофонам».

Она тоже оказалась жертвой.

— Пошли обратно в бар, — сказал Теннинг.

— С удовольствием. Вперед!

Дошли быстро. Но за столиком их дожидались: тот самый человек с кустистыми бровями, которого Теннинг встретил на ступенях здания «Стар». Через щеку у него шла багровая полоса.

У Теннинга заледенели все внутренности. Он

остановился в замешательстве, затем быстро огляделся.

— Я один, — сказал мужчина. — Слушай, только не начинай опять. Я должен отдать тебе вот это. — Он хлопнул по лежавшей на столе кожаной папке.

— Обратно вы меня не заберете, — сказал Теннинг.

Он машинально принял низкую стойку, заслонив собой Мэри. Инстинкты выбрасывали в вены агрессию.

— Не заберем. Ты ушел примерно на неделю раньше, чем должен был, но это не важно. Удачи.

Мужчина улыбнулся, встал и вышел, оставив обессилевшего Теннинга в полном потрясении.

Мэри открыла папку.

— Твой друг?

— Н-нет.

— А я думаю, что друг. Иначе с чего бы он тебе это оставил?

— Что там? — Теннинг так и смотрел вслед мужчине с густыми бровями.

— Платежные жетоны, — сказала она. — И много. Закажи мне выпить.

Он схватил папку:

— Деньги? Так вот что… Черт побери! Теперь я могу с ними бороться! Я могу рассказать правду всей стране! Пусть только попробуют мне помешать!..

Шэн мурлыкала на коленях у рыжеволосого мужчины.

— Джерри, Теннинг пока единственный, кому удалось бежать, — сказал тот, нежно щекоча кошку под подбородком. — И у него бы ничего не вышло, если бы мы в тот момент не перестраивали здание. Это, разумеется, не имеет никакого значения. Через неделю-другую его все равно должны были выпустить. Загляните как-нибудь на досуге в его дело. Теннинг — любопытный тип маленького человека, из тех, что доставляют нам больше всего головной боли.

— Я еще во многом плаваю, — ответил другой мужчина. — Моя специальность — геополитика. Я не физик. Двойники…

— Это предоставьте инженерам. Ваша задача — административная работа и психологические аспекты. Сейчас вы получаете общую картину, проходите своего рода стажировку. Что касается двойников… Концепция дублирования интересна. Вам не обязательно ее знать, но она действительно любопытна. Когда второй впер-

вые выходит в мир, психическая связь между ним и первым очень сильна, поэтому мы вынуждены содержать оригинал под стражей. Это лишь одна из ряда причин. По прошествии некоторого времени второй в достаточной степени сформирует собственную личность, чтобы жить самостоятельно, и оригинал выпустят — он уже не принесет вреда.

— А поначалу?

— Еще как! По крайней мере, такие, как Теннинг. Он из разряда опасных. Не отличается творческим мышлением, но способен оказывать влияние. Творческие и технически мыслящие люди пошли за нами с самого начала. Они поняли, что это единственно возможное безопасное решение. Но такие, как Теннинг, люди невеликого таланта и большой агрессивности, — представьте себе, сколько вреда он мог бы принести в тысяча девятьсот сорок пятом, выбрасывая свои эмоции в эфир! Неуправляемые, незрелые эмоции, хаотично меняющие курс. Разумеется, это нормально — в тысяча девятьсот сорок пятом все фонтанировали эмоциями. Именно это мы и должны были пресечь, пока не воцарился хаос. Теннингу не повезло: он попал в одну из самых неудачных категорий — в число людей, которые

обладали слишком большим влиянием, чтобы разгуливать свободно, и при этом имели слишком низкий интеллект, чтобы конструктивно с нами сотрудничать. Вразумить таких, как он, мы не могли. Нам нельзя было даже сказать ему правду. Теннинг-двойник принес много пользы — находясь под контролем. Как и все наши ключевые специалисты. Нам нужны такие люди, как Теннинг, чтобы вести остальных в верном направлении.

— Держа их под контролем, — прибавил Джерри.

Рыжеволосый расхохотался:

— Мы не правим миром, Джерри, не допускайте этой мысли даже в глубине души. Людей с диктаторскими замашками модифицируют, причем немедленно. В том-то все и дело: в существующем мироустройстве мы не будем управлять миром, даже если захотим. Изменения происходят слишком медленно. Конечно, так и было задумано, и сама низкая скорость изменений работает как система сдерживания и уравновешивания, которая действует на нас же самих. Если кто-то из нас вдруг проявит диктаторские наклонности, придется менять весь уклад жизни. А люди не воспримут быстрых перемен, этого

они уже натерпелись. Начнется хаос, и диктатор, не получивший поддержки, не будет иметь никаких шансов. У него появится слишком много противников. Все, к чему мы стремимся, — и не забывайте об этом, Джерри, — это иметь возможность управлять изменениями. Это немалая работа.

— А что Теннинг? Теперь, на свободе, он безопасен?

— Вполне. Меллхорн выдал ему достаточно платежных жетонов, чтобы он продержался первое время, и он привыкнет, как привыкли остальные. Если сможет.

— Тяжко ему, наверное, оказаться выброшенным в незнакомый мир?

— Не такой уж незнакомый. Он научится. Если вообще способен научиться. Трудно предсказать. Некоторые просто не в состоянии приспособиться. Нужна определенная гибкость ума и крепость духа, чтобы изменяться вместе с окружающим миром. Любопытная вещь, Джерри: образовался целый класс людей, которые опускаются на дно общества. Люди, которые не могут или не хотят адаптироваться к новому. Такое, конечно, случается после каждого крупного социального потрясения, но на этот раз мы получаем новый

тип неудачников. В конечном счете выигрывает, конечно, гораздо больший процент. Неприспособившихся можно пожалеть, но и только. Что до Теннинга — я не знаю. Мы будем следить за ним, поддержим, если удастся. Но ведь люди с невеликими талантами и с любовью к восторгам публики уже уязвимы. Надеюсь, он справится. Очень надеюсь.

— Дэйв, я не понимаю, — сказала Мэри. — С кем ты собрался бороться?

Он яростно потряс кожаной папкой:

— С важными шишками — с теми, кто построил психофоны и выдумал эту безумную систему с рыбами, деками и семерками. Всю эту… ерунду. Ты меня поняла.

— Но хочешь-то ты чего? — спросила она. — Какая цель борьбы?

Теннинг взглянул на нее. И в теплых сумерках шевельнулось предчувствие будущего, непривычное убыстрение бытия, которое он уловил очень смутно и к которому сразу проникся ненавистью.

— Я буду бороться, — пообещал он. — Я… все это остановлю.

Он резко развернулся и вышел. Официант приблизился к столику, за которым сидела Мэри.

— Виски с содовой, — сказала она.

Тот вопросительно посмотрел вслед Теннингу:

— Один?

— Да, один.

— Он не вернется?

Мэри помолчала, прислушиваясь к причудливому ритму музыки, что доносилась откуда-то снаружи.

— Сегодня — нет, — сказала она. — Но потом — обязательно. Там у него ничего нет. Уже ничего. Конечно, он вернется… рано или поздно.

Работа по способностям

Когда Денни Хольт зашел в диспетчерскую, его вызвали к телефону. Звонок не обрадовал Денни. В такую дождливую ночь подцепить пассажира ничего не стоит, а теперь гони машину на площадь Колумба.

— Еще чего, — сказал он в трубку. — Почему именно я? Пошлите кого-нибудь другого; пассажир не догадается о замене. Я ведь сейчас далеко — в Гринвич-виллидж.

— Он просил вас, Хольт. Сказал фамилию и номер машины. Может, приятель какой. Ждет у памятника — в черном пальто, с тростью.

— Кто он такой?

— Я почем знаю. Он не назвался. Не задерживайтесь.

Хольт в огорчении повесил трубку и вернулся в свое такси. Вода капала с козырька его фуражки, полосовала ветровое стекло. Сквозь дождевой заслон он едва видел слабо освещенные подъезды, слышалась музыка пиано-автоматов. Сидеть бы где-нибудь в тепле эдакой ночью. Хольт прикинул, не заскочить ли в «Погребок» выпить рюмку

виски. Эх, была не была! Он дал газ и в подавленном настроении свернул на Гринвич-авеню.

В пелене дождя улицы казались мрачными и темными, как ущелья, а ведь ньюйоркцы не обращают внимания на сигналы светофоров, и в наши дни проще простого сшибить пешехода. Хольт вел машину к окраине, не слушая криков «такси». Мостовая была мокрая и скользкая. А шины поизносились.

Сырость и холод пронизывали до костей. Дребезжание мотора не вселяло бодрости. Того и гляди, эта рухлядь развалится на части. И тогда… впрочем, найти работу нетрудно, но Денни не имел охоты изнурять себя. Оборонные заводы — еще чего!

Совсем загрустив, он медленно объехал площадь Колумба, высматривая своего пассажира. Вот и он — одинокая неподвижная фигура под дождем. Пешеходы сновали через улицу, увертываясь от троллейбусов и автомобилей.

Хольт затормозил и открыл дверцу. Человек подошел. Зонта у него не было. В руке он держал трость, на черном пальто поблескивала вода. Бесформенная шляпа с опущенными полями защищала от дождя голову; черные пронизывающие глаза испытующе смотрели на Хольта.

Человек был стар — на редкость стар. Глубокие морщины, обвисшая жирными складками кожа скрадывали черты лица.

— Деннис Хольт? — спросил он резко.

— Так точно, дружище. Скорей в машину и сушитесь.

Старик подчинился.

— Куда? — спросил Хольт.

— А? Поезжайте через парк.

— В сторону Гарлема?

— Как… да, да.

Пожав плечами, Хольт повернул к Центральному парку. «Тронутый. И никогда я его не видел». Он посмотрел на пассажира в зеркальце. Тот внимательно изучал фотографию Хольта и записанный на карточке номер. Видимо успокоившись, откинулся назад и достал из кармана «Таймс».

— Дать свет, мистер?

— Свет? Да, благодарю.

Но свет горел недолго. Один взгляд в газету — и старик выключил плафон, устроился поудобнее и посмотрел на наручные часы.

— Который час? — спросил он.

— Около семи.

— Семи. И сегодня десятое января тысяча де-

вятьсот сорок третьего года?

Хольт промолчал. Пассажир повернулся и стал глядеть назад, в темноту. Потом наклонился вперед и снова заговорил:

— Хотите заработать тысячу долларов?

— Это что — шутка?

— Нет, не шутка, — ответил старик, и Хольт вдруг заметил, что у него странное произношение — согласные мягко сливаются, как в испанском языке. — Деньги при мне — в вашей валюте. Сопряжено с некоторым риском, так что я не переплачиваю.

Хольт не отрываясь смотрел вперед.

— Ну?

— Мне нужен телохранитель, вот и все. Меня намереваются устранить, а может, даже убить.

— На меня не рассчитывайте, — отозвался Хольт. — Я отвезу вас в полицейский участок. Вот куда вам нужно, мистер.

Что-то мягко шлепнулось на переднее сиденье. Хольт опустил взгляд и почувствовал, как у него напряглась спина. Держа руль одной рукой, он поднял другой пачку банкнот и полистал. Тысяча монет — целая тысяча.

От них исходил какой-то затхлый запах.

Старик сказал:

— Поверьте, Денни, мне требуется только ваша помощь. Я не могу рассказать вам сути дела — вы подумаете, что я лишился рассудка, — но я заплачу вам эти деньги за услугу, которую вы окажете мне сегодня ночью.

— Включая убийство? — набрался смелости Хольт. — Откуда вы разведали, что меня зовут Денни? Я вас отроду не видел.

— Я справлялся… знаю о вас многое. Потому-то я и выбрал вас. Ничего противозаконного в этой работе нет. Если сочтете, что я ввел вас в заблуждение, вы вольны в любую минуту отступиться и деньги оставить себе.

Хольт задумался. Чудно… но заманчиво. И собственно, ни к чему не обязывает. А тысяча монет…

— Ладно, выкладывайте. Что надо делать?

— Я пытаюсь скрыться от своих врагов. И мне нужна ваша помощь. Вы молоды, сильны, — сказал старик.

— Кто-то хочет убрать вас с дороги?

— Убрать меня… о! Вряд ли до этого дойдет. Убийство не исключено, но только как последнее средство. Они меня выследили. Я их видел. Кажется, сбил со следа. За нами не едут машины?..

— Не похоже, — сказал Хольт.

Молчание. Старик снова посмотрел назад.

Хольт криво усмехнулся:

— Хотите улизнуть, так Центральный парк — неподходящее место. Мне легче потерять ваших дружков там, где большое движение. Хорошо, мистер, согласен. Но я оставляю за собой право выйти из игры, если почую неладное.

— Прекрасно, Денни.

Хольт свернул влево, к 72-й улице.

— Вы меня знаете, а я вас нет. И с чего вы вздумали наводить обо мне справки? Вы сыщик?

— Нет. Моя фамилия Смит.

— Ясно.

— А вам, Денни, двадцать лет и вас признали негодным к военной службе из-за болезни сердца.

Хольт проворчал:

— Ну и что?

— Я не хочу, чтоб вы свалились мертвым.

— Не свалюсь. Мое сердце, как правило, в норме. Это доктор, что осматривал, не уверен.

— Мне это известно, — подтвердил Смит. — Так вот, Денни…

— Да?

— Надо убедиться, что нас не преследуют.

— А что, если я подкачу к Военному штабу?

Там не жалуют шпионов, — подчеркнуто тихо сказал Хольт.

— Как вам угодно. Я докажу им, что я не вражеский агент. Мое дело никакого касательства к войне не имеет, Денни. Я просто хочу предотвратить преступление. Если мне не удастся, сегодня ночью спалят дом и уничтожат ценную формулу.

— Это забота пожарной охраны.

— Только вы и я в состоянии с этим справиться. Не могу объяснить вам почему. Тысяча долларов — не забудьте.

Хольт не забыл. Тысяча долларов много значила для него сейчас. В жизни он не имел таких денег. Это огромная сумма; капитал, который откроет ему дорогу. Он не получил образования. Думал, что так и будет всю жизнь корпеть на нудной работе. Но при капитале… конечно, у него есть планы. Теперь время бума. Почему бы не стать бизнесменом? Вот она — возможность делать деньги. Тысяча монет! Это же залог будущего!

Он вынырнул из парка на 72-й улице и повернул на юг к Сентрал-Парк-Вест. Краешком глаза заметил такси, метнувшееся навстречу. Хотят задержать… Хольт услышал невнятный крик своего пассажира. Он притормозил, увидел

проскочившую мимо машину и начал бешено крутить руль, изо всех сил выжимая сцепление. Сделав крутой разворот, он понесся в северном направлении.

— Не волнуйтесь, — сказал он Смиту.

В той машине было четверо; Хольт видел их мельком. Все чисто выбритые, в черном. Может быть, вооружены; в этом он не был уверен. Они тоже повернули — хотели догнать, но помешала пробка.

При первом же удобном случае Хольт свернул налево, пересек Бродвей, у развилки выскочил на аллею Генри Гудзона и, вместо того чтобы ехать по дороге на юг, сделал полный круг и возвратился на Вест-Энд-авеню. Он гнал по Вест-Энд и вскоре выехал на 8-ю авеню. Здесь движение было гуще. Автомобиль преследователей исчез из виду.

— Что теперь? — спросил он Смита.

— Я… я не знаю. Надо удостовериться, что они отстали.

— Согласен, — сказал Хольт. — Они будут кружить здесь, искать нас. Лучше убраться отсюда. Положитесь на меня.

Он завернул в гараж, уплатил за стоянку и помог Смиту выбраться из машины.

— Теперь надо как-то убить время, пока ехать опасно.

— Где?

— Как насчет тихого бара? Выпить бы. Уж очень ночь муторная.

Смит, казалось, всецело отдал себя в руки Хольта. Они вышли на 42-ю улицу с ее едва освещенными кабаре, кафешантанами, темными театральными подъездами и дешевыми аттракционами. Хольт протиснулся сквозь толпу, волоча за собой Смита. Через вертящуюся дверь они вошли в пивную, но там отнюдь не было тихо. В углу гремела пианола-автомат.

Хольт углядел свободную кабину у задней стены. Усевшись, он кивнул официанту и попросил виски. Смит нерешительно заказал то же самое.

— Мне это место знакомо, — сказал Хольт. — Тут есть запасная дверь. Если нас выследили, мы быстренько смотаемся.

Смита трясло.

— Вы не бойтесь, — подбадривал Хольт. Он показал связку кастетов. — Я их таскаю с собой на всякий случай. Так что будьте спокойны. А вот и наше виски.

Он выпил рюмку одним глотком и заказал вторую. Поскольку Смит не проявил желания

платить, расплатился Хольт. Когда в кармане тысяча долларов, можно себе позволить такую роскошь.

Хольт достал банкноты и, заслонив своим телом, принялся разглядывать. Вроде порядок. Не фальшивые, номера серий — нормально. Но тот же странный, затхлый запах, что привлек его внимание раньше.

— Вы, видно, давненько бережете их, — отважился он.

Смит рассеянно сказал:

— Экспонировались шестьдесят лет... — Он осекся и отпил из своей рюмки.

Хольт нахмурился. Это не были старинные, большие бумажки. Шестьдесят лет — чепуха! Не потому, что Смит не выглядел настолько старым; морщинистое, бесполое лицо могло принадлежать человеку между девяноста и ста годами. Интересно, как он выглядел в молодости? И когда же это было? Скорее всего, в Гражданскую войну.

Хольт убрал деньги, испытывая удовольствие отнюдь не от одной только выпивки. Эти деньги для Денниса Хольта — начало. С тысячью долларов тебя примут компаньоном в любое дело, и можно обосноваться в городе. Прощай такси — уж это наверняка.

На крошечной площадке тряслись и раскачивались танцующие. Шум не смолкал, громкий разговор в баре соперничал с музыкой пианолы. Хольт машинально вытирал салфеткой пивное пятно на столике.

— Может, все-таки скажете, что означает вся эта волынка? — спросил он наконец.

На невообразимо старом лице Смита мелькнуло что-то, но о чем он думал, трудно было сказать.

— Не могу, Денни. Вы все равно не поверите. Который час?

— Около восьми.

— Восточное поясное время, устарелое исчисление… и десятое января. Нам надо быть на месте незадолго до одиннадцати.

— А где?

Смит извлек карту, развернул и назвал адрес в Бруклине. Хольт нашел по карте.

— У берега. Глухое местечко, а?

— Не знаю. Я никогда там не был.

— А что произойдет в одиннадцать?

Смит покачал головой, уклоняясь от прямого ответа. Он разложил бумажную салфетку.

— Есть самописка?

Хольт ответил не сразу, сначала достал пачку

сигарет.

— Нет… карандаш.

— Благодарю. Разберитесь в этом плане, Денни. Здесь нижний этаж дома в Бруклине, куда мы отправимся. Лаборатория Китона в подвале.

— Китона?

— Да, — помедлив, ответил Смит. — Он физик. Работает над важным изобретением. Секретным, я бы сказал.

— Допустим. И что из этого?

Смит торопливо чертил.

— Здесь, вокруг дома — в нем три этажа, — очевидно, большой сад. Тут библиотека. Вы сможете проникнуть туда через одно из окон, а сейф где-то под шторой… — Он стукнул кончиком карандаша. — Примерно здесь.

Хольт нахмурился:

— Чую что-то подозрительное.

— А? — Рука Смита дернулась. — Не перебивайте. Сейф не будет заперт. В нем вы найдете коричневую тетрадку. Я хочу, чтобы вы ее взяли…

— …и воздушной почтой переправил Гитлеру, — закончил Хольт, криво усмехаясь.

— …и передали в Военный штаб, — невозмутимо сказал Смит. — Это вас устраивает?

— Пожалуй… так более разумно. Но почему вы сами этим не займетесь?

— Не могу, — отозвался Смит, — не спрашивайте почему; просто не могу. У меня связаны руки. — Проницательные глаза блестели. — Эта тетрадка хранит чрезвычайно важную тайну, Денни.

— Военную?

— Формула не зашифрована; ее легко прочитать, а также использовать. В этом-то вся прелесть. Любой может…

— Вы сказали, владельца дома в Бруклине зовут Китон. А что с ним произошло?

— Ничего… покамест, — ответил Смит и тут же поторопился замять: — Формула не должна пропасть, поэтому нам надо там быть именно около одиннадцати.

— Если уж так важно, почему мы не едем сейчас, чтобы взять тетрадку?

— Формула будет завершена только за несколько минут до одиннадцати. Сейчас Китон разрабатывает последние данные.

— Больно мудрено. — Хольт был недоволен. Он заказал еще виски. — А что, Китон — нацист?

— Нет.

— Может, ему, а не вам нужен телохранитель?

Смит покачал головой:

— Вы ошибаетесь, Денни. Поверьте, я знаю, что делаю. Очень важно, жизненно необходимо, чтобы эта формула была у вас.

— Гм…

— Есть опасность. Мои… враги, быть может, поджидают нас там. Но я их отвлеку, и у вас будет возможность войти в дом.

— Вы сказали, они не постесняются убить вас.

— Могут, только вряд ли. Убийство — крайняя мера, хотя эвтаназия не исключена. Только я для этого неподходящий объект.

Хольт не пытался понять, что такое эвтаназия; он решил, что это местное название и означает проглотить порошок.

— Ладно, за тысячу долларов рискну своей шкурой.

— Сколько времени понадобится, чтобы доехать до Бруклина?

— Наверное, час при эдакой тьме. — Хольт вскочил. — Скорее. Ваши дружки тут.

В черных глазах Смита отразился ужас. Казалось, он сжался в комок в своем объемистом пальто.

— Что теперь делать?

— Через заднюю дверь. Они нас еще не замети-

ли. Если разминемся, идите в гараж, где я оставил машину.

— Да… Хорошо.

Они протиснулись между танцующими и через кухню вышли в безлюдный коридор. Открыв дверь, Смит выскользнул в проулок. Перед ним возникла высокая фигура, неясная в темноте. Испуганный Смит сдавленно вскрикнул.

— Удирайте! — Хольт оттолкнул старика.

Темная фигура сделала какое-то движение; Хольт быстро замахнулся в едва видимую челюсть. Кулак проскочил мимо. Противник успел увернуться.

Смит улепетывал, уже скрылся во мраке. Звук торопливых шагов замер вдали.

Хольт двинулся вперед, сердце его бешено колотилось.

— Прочь с дороги! — прохрипел он, задыхаясь.

— Извините, — сказал противник. — Вам не следует сегодня ночью ездить в Бруклин.

— Почему?

Хольт прислушался, стараясь по звуку определить, где враг. Но кроме далеких автомобильных гудков и невнятного шума с Таймс-сквер за полквартала, ничего не было слышно.

— Вы все равно не поверите, если я скажу вам.

То же произношение, такое же испанское слияние согласных, какое Хольт заметил в речи Смита. Он насторожился, пытаясь разглядеть лицо человека. Но было слишком темно.

Хольт потихоньку сунул руку в карман — холод металлических кастетов подействовал успокаивающе.

— Если пустите в ход оружие… — начал он.

— Мы не применяем оружия. Послушайте, Деннис Хольт, формулу Китона необходимо уничтожить и его самого — тоже.

— Ну, вы…

Хольт неожиданно нанес удар. На этот раз он не промахнулся. Кастеты, тяжело звякнув, соскользнули с окровавленного, разодранного лица. Едва различимая фигура упала, крик застрял в горле. Хольт огляделся, никого не увидел и вприпрыжку понесся по улочке. Для начала недурно.

Через пять минут он уже был в гараже. Смит ждал его — подшибленный ворон в большущем пальто. Пальцы старика нервно барабанили по трости.

— Пошли, — сказал Хольт. — Надо торопиться.

— Вы…

— Я его нокаутировал. У него не было оружия… а может, не хотел применять. Мне повезло.

Смит скорчил гримасу. Хольт завел мотор и, съехав по скату, осторожно повел машину, ни на минуту не забывая об опасности. Выследить машину проще простого. Темнота только на руку.

Он держался на юго-запад к Бовери, однако у Эссекс-стрит, возле станции метро, преследователи его нагнали. Хольт метнулся в боковую улицу. Левый локоть, упиравшийся в раму окна, застыл и совсем одеревенел.

Он вел одной правой, пока не почувствовал, что левая обрела подвижность. Через Вильямсбург-бридж доехал до Кингса. Он кружил, менял направление, то давал, то сбавлял газ, пока наконец не сбил врагов со следа. На это ушло порядочно времени. Таким окольным путем не скоро доберешься до места.

Свернув вправо, Хольт устремился на юг к Проспект-парк, потом на запад, к глухому прибрежному району, между Брайтон-бич и Канарси. Смит, скрючившись, безмолвно сидел позади.

— Пока что недурно, — бросил Хольт. — Хоть рукой могу пошевелить.

— Что приключилось с ней?

— Должно быть, ушиб плечо.

— Нет, — сказал Смит. — Это сделал парализатор. Вот такой. — Он показал свою трость.

Хольт не понял. Он двигался вперед и вскоре почти добрался до места. На углу, возле лавки со спиртным, он затормозил.

— Прихвачу бутылочку, — сказал он. — В такую холодину и дождь требуется что-нибудь бодрящее.

— У нас мало времени.

— Хватит.

Смит закусил губу, но возражать не стал. Хольт купил виски и приложился к бутылке, после того как пассажир отрицательно мотнул головой в ответ на предложение выпить.

Виски, безусловно, пошло на пользу. Ночь была мерзкая, холод отчаянный; струи дождя заливали мостовую, текли по ветровому стеклу. От изношенного «дворника» было мало толку. Ветер визжал, как злой дух.

— Уже совсем близко, — заметил Смит. — Лучше остановимся. Найдите место, где спрятать такси.

— Где? Тут всё частные владения.

— В проезде… а?

— Хорошо, — сказал Хольт и нашел местечко, отгороженное густыми деревьями и кустарником. Он выключил мотор и фары и вышел, уткнув подбородок в поднятый воротник макинтоша.

Дождь лил безостановочно. Извергался мерным, стремительным потоком, звонко барабанил, капли отрывисто падали в лужу. Под ногами была скользкая грязь.

— Постойте, — сказал Хольт и вернулся в машину за фонариком. — Порядок. Что дальше?

— К дому Китона. — Смит дрожал всем телом. — Еще нет одиннадцати. Придется ждать.

Они ждали, спрятавшись в кустах сада Китона. Сквозь завесу отсыревшего мрака вырисовывались неясные контуры дома. В освещенное окно нижнего этажа был виден угол комнаты, должно быть библиотеки. Слева слышался бурный клокот воды в отводах.

Вода струйками текла Хольту за воротник. Он тихонько выругался. Нелегко достается ему эта тысяча долларов. Но Смит испытывал те же неудобства, однако не жаловался.

— Не кажется ли вам…

— Тсс! — предостерег Смит. — Они, возможно, здесь.

Хольт послушно понизил голос:

— Значит, тоже мокнут. Хотят завладеть тетрадкой? Чего же они мешкают?

Смит кусал ногти.

— Они хотят ее уничтожить.

— Верно, то же самое сказал тот парень в переулке, — испуганно подтвердил Хольт. — Кто они все-таки?

— Это не имеет значения. Они издалека. Вы не забыли, о чем я говорил вам, Денни?

— Насчет тетрадки? А если сейф будет заперт?

— Не будет, — доверительно сказал Смит. — Теперь уже скоро. Китон заканчивает эксперимент в своей лаборатории.

За освещенным окном мелькнула тень. Хольт высунулся; он чувствовал, что Смит, стоявший позади, натянут как струна. Старик дышал прерывисто и шумно.

В библиотеку вошел мужчина. Он приблизился к стене, раздвинул штору и стал спиной к Хольту. Потом шагнул назад и открыл дверцу сейфа.

— Готово! — воскликнул Смит. — Теперь — все! Он записывает последние данные. Через минуту произойдет взрыв. После этого ждите еще минуту, чтобы я мог уйти и поднять тревогу, если те явились.

— Навряд ли они тут.

Смит покачал головой:

— Поступайте так, как я велел. Бегите в дом и возьмите тетрадку.

— А что потом?

— Потом удирайте что есть духу. Не дайтесь им в руки ни при каких обстоятельствах.

— А как же вы?

Глаза Смита приказывали строго и неумолимо, блестя сквозь тьму и ветер.

— Обо мне забудьте, Денни! Я вне опасности.

— Вы наняли меня телохранителем.

— В таком случае освобождаю вас от этой обязанности. Дело это первостепенной важности, важнее, чем моя жизнь. Тетрадка должна быть у вас…

— Для Военного штаба?

— Для… конечно. Так вы сделаете, Денни?

Хольт колебался.

— Если это так важно…

— Да! Да!

— Что ж, да так да.

Мужчина в комнате писал за письменным столом. Вдруг оконная рама сорвалась с петель. Шум был заглушен, словно взрыв произошел внизу, в подвале, но Хольт почувствовал, как земля дрогнула у него под ногами. Он видел, как Китон вскочил, сделал полшага, вернулся и схватил тетрадку. Физик подбежал к сейфу, бросил ее внутрь, распахнул дверь и на миг задержался, стоя спиной к Хольту. Потом метнулся и исчез из виду.

Смит сказал взбудораженным, срывающимся голосом:

— Он не успел запереть. Ждите, пока я подам знак, Денни, потом берите тетрадку.

— Хорошо, — ответил Хольт, но Смита уже не было — он бежал через кустарник.

В доме раздался пронзительный крик, из дальнего окна в подвале вырвалось багровое пламя. Что-то рухнуло.

«Кирпичная стена», — подумал Хольт.

Он услышал голос Смита. Увидеть старика мешал дождь, но доносился шум схватки. Хольт колебался недолго. Синие пучки света, смутные на расстоянии, прорывались сквозь дождь.

Надо помочь Смиту…

А как быть с тетрадкой — он обещал. Преследователи хотят ее уничтожить. Теперь уже несомненно, что дом горит. Китон исчез бесследно.

Хольт побежал к освещенному окну. Времени вполне достаточно, чтобы взять тетрадку, прежде чем огонь доберется до библиотеки.

Уголком глаза он увидел подкрадывающуюся к нему темную фигуру. Хольт нащупал свои кастеты. Если у этого парня оружие — дело дрянь; а если нет — может, и выйдет.

Человек, тот самый, с которым Хольт сцепился в аллее на 42-й улице, нацелил на него трость. Вспыхнул бледно-голубой огонек. Хольт почувствовал, что у него отнялись ноги, и тяжело рухнул на землю.

Человек бросился наутек. Хольт с огромным усилием встал и в отчаянии рванулся вперед. Но что толку…

Теперь пламя осветило ночь. Высокая темная фигура на секунду замаячила у окна библиотеки, потом взобралась на подоконник. Хольт на негнущихся ногах, с трудом удерживая равновесие, шатаясь, умудрялся передвигаться. Это была пытка: боль такая адская, словно в него втыкали тысячи иголок.

Он направился к окну и, повиснув на подоконнике, заглянул в комнату. Враг возился у сейфа. Хольт влез в окно и заковылял к незнакомцу.

Зажав в руке кастеты, он приготовился нанести удар.

Неизвестный отскочил в сторону, размахивая тростью. На подбородке у него запеклась кровь.

— Я запер сейф, — сказал он. — Уходите отсюда, Денни, пока вас не охватило пламя.

Хольт выругался. Хотел дотянуться до врага, но не сумел. Спотыкаясь, он не сделал и двух шагов,

как высокая фигура легко выпрыгнула в окно и скрылась в дожде.

Хольт подошел к сейфу. Уже слышался треск огня. Через дверь слева просачивался дым.

Хольт осмотрел сейф — он был заперт. Комбинации цифр Денни не знал — открыть не удалось.

Однако он пытался. Пошарил на письменном столе, надеясь, что, может быть, Китон записал шифр где-нибудь на бумажке. Потом добрел до ступенек, ведущих в лабораторию; остановился и посмотрел вниз — в ад, где неподвижно лежало горящее тело Китона. Да, Хольт старался. Но его постигла неудача.

Наконец огонь выгнал его из дома. Сирены пожарных машин завывали уже совсем близко. Смита и тех людей след простыл.

Хольт постоял в толпе ротозеев, высматривая Смита, но он и его преследователи исчезли, словно растаяли в воздухе.

— Мы схватили его, судья, — сказал высокий мужчина; на подбородке у него запеклась кровь. — Мы только что вернулись, и я тут же явился к вам.

Судья глубоко и с облегчением вздохнул.

— Обошлось без неприятностей, Ерус?

— Все уже позади.

— Ладно, введите его, — сказал судья. — Не будем затягивать.

Смит вошел. Его тяжелое пальто выглядело удивительно нелепо рядом с целофлексовой одеждой остальных.

Он стоял опустив голову.

Судья достал блокнот и стал читать:

— Двадцать первое, месяца Солнца, две тысячи шестнадцатого года от Рождества Христова. Суть дела: интерференция и факторы вероятности. Обвиняемого застигли в момент, когда он пытался воздействовать на вероятное настоящее путем изменения прошедшего, в результате чего настоящее стало бы альтернативным и неустойчивым. Пользование машинами времени запрещено всем, кроме лиц, специально уполномоченных. Обвиняемый, отвечайте.

— Я ничего не пытался изменить, судья… — пробормотал Смит.

Ерус взглянул на него и сказал:

— Протестую. Некоторые ключевые отрезки времени и местности находятся под запретом. Бруклин, и в первую очередь район дома Китона, время около одиннадцати часов вечера десятого января тысяча девятьсот сорок третьего года — категорически запретная зона для путе-

шествующих во времени. Арестованный знает причину.

— Я ничего этого не знал, сэр Ерус. Поверьте мне.

Ерус неумолимо продолжал:

— Вот факты, судья. Обвиняемый, выкрав регулятор времени, вручную установил его на запретный район и время. На эти пункты, как вы знаете, введено ограничение, ибо они кардинальны для будущего; интерференция в подобные узловые пункты автоматически меняет будущее и отражается на факторе вероятности. Китон в тысяча девятьсот сорок третьем году в своей подвальной лаборатории разработал формулу известной нам сейчас М-энергии. Он поспешил наверх, открыл сейф и записал формулу в тетрадку, но так, что ее легко мог прочитать и применить даже неспециалист. В эту минуту в лаборатории произошел взрыв; Китон положил тетрадку в сейф и, забыв его запереть, побежал в подвал. Китон погиб. Пожар уничтожил тетрадку Китона, хотя она и находилась в сейфе. Она обуглилась, и записанное в ней нельзя было прочесть; впрочем, никто и не подозревал о ее ценности. До первого года двадцать первого столетия, когда М-энергию открыли заново.

— Я ничего этого не знал, сэр Ерус, — сказал Смит.

— Вы лжете. Наша организация действует безошибочно. Вы натолкнулись на этот узловой район в прошедшем и решили его изменить, тем самым изменив настоящее. Если бы ваша затея удалась, Деннис Хольт в тысяча девятьсот сорок третьем году унес бы запись из горящего дома и прочитал бы ее. Он не устоял бы перед соблазном и заглянул бы в тетрадку. Ему стал бы известен ключ к М-энергии. И, обладая М-энергией, Деннис Хольт сделался бы самым могущественным человеком своей эпохи. В соответствии с отклонением линии вероятности, которое вы замыслили, Деннис Хольт, окажись у него эта тетрадка, стал бы диктатором вселенной. Мир, каким мы знаем его, сейчас не существовал бы больше — его место заняла бы жестокая, безжалостная цивилизация, управляемая деспотом Деннисом Хольтом, единственным обладателем М-энергии. Стремясь к подобной цели, обвиняемый совершил тяжкое преступление.

Смит поднял голову.

— Я требую эвтаназии, — сказал он. — Если вам угодно обвинить меня в том, что я хотел вырваться из проклятой рутины своей жизни, — что ж.

Мне ни разу не представился случай, вот и все.

Судья нахмурился:

— Ваше досье свидетельствует, что у вас было сколько угодно случаев. Вы не обладаете нужными для успеха способностями; ваша работа — единственное, что вы умеете делать. Но вы совершили, как сказал Ерус, тяжкое преступление. Вы пытались создать новое вероятное настоящее, уничтожив существующее путем воздействия на ключевой пункт в прошедшем. И если бы ваша затея удалась, Деннис Хольт был бы теперь диктатором народа рабов. Вы не заслуживаете эвтаназии; вы совершили слишком тяжкое преступление. Вы должны жить и выполнять возложенные на вас обязанности, пока не умрете естественной смертью.

Смит жадно глотнул воздух.

— Это была его вина, — если бы он успел унести тетрадку…

Ерус иронически взглянул на него:

— Его? Деннис Хольт, двадцати лет, в тысяча девятьсот сорок третьем… его вина? Нет, ваша; вы виновны в том, что пытались изменить свое прошлое и настоящее.

— Приговор вынесен. Разбирательство закончено, — объявил судья.

И Деннис Хольт, девяноста трех лет, в 2016 году от Рождества Христова покорно вышел и вернулся к работе, от которой его освободит только смерть.

А Деннис Хольт, двадцати лет, в 1943 году от Рождества Христова вел такси домой из Бруклина, недоумевая, что же все-таки все это значило. Косая завеса дождя поливала ветровое стекло. Денни хлебнул из бутылки и почувствовал, как успокоительное тепло распространяется по всему его телу.

Что же все-таки это значило?

Банкноты хрустели в кармане. Денни осклабился. Тысяча долларов! Его ставка. Капитал. С такими деньгами многого добьешься, и он не даст маху. Парню только и нужно, что наличные деньги, и тогда он сам себе хозяин.

— Уж будьте уверены! — сказал Деннис Хольт убежденно. — Я не намерен всю жизнь торчать на этой нудной работе. С тысячью долларов в кармане — не такой я дурень!

Дом, который построил Джек

Мелтон с угрюмым видом вошел в гостиную, остановился возле окна и, сцепив руки за спиной, погрузился в мрачные раздумья. Микаэла, его жена, подняла голову. Жужжание швейной машинки смолкло.

— Ты заслоняешь мне свет, Боб.

— Правда? Прости, — буркнул Мелтон.

Он чуть отступил в сторону и остался стоять в прежней позе, все так же нервно перебирая пальцами.

Микаэла нахмурилась, медленно обвела недоуменным взглядом комнату и поднялась со стула.

— Выпьем чего-нибудь? — предложила она. — Мне кажется, ты слишком напряжен. Как насчет хорошего крепкого коктейля?

— Лучше уж хороший глоток виски, — слегка оживился Мелтон. — Сейчас налью. Гм…

Он шагнул было к двери, но вдруг остановился, будто в нерешительности.

Микаэла тут же вспомнила о холодильнике.

— Я все сделаю, — быстро сказала она.

Однако Мелтон что-то пробубнил и твердым шагом вышел из комнаты.

Микаэла села на диван у окна и свернулась калачиком, закусив губу и ловя каждый звук. Как она и предполагала, Боб не торопился открывать холодильник. Слышалось дребезжание стаканов, звон бутылок и бульканье. В последний раз, когда мужу что-то понадобилось в холодильнике, до Микаэлы донесся резкий вскрик, а потом приглушенные ругательства. Боб так и не рассказал тогда, что произошло. Микаэле вспомнились и другие происшествия, случившиеся в доме за последние три дня, и она беспокойно поежилась. Но отнюдь не от холода. В доме было тепло, пожалуй, даже жарко, что само по себе вселяло беспокойство и служило лишним поводом для тревоги. Дело в том, что угольная печь в подвале работала чересчур эффективно.

Мелтон вернулся в комнату, держа в руках два стакана виски с содовой. Он протянул один Микаэле и плюхнулся в кресло рядом с ней.

В комнате надолго воцарилась тишина.

— Если ты заметила, — наконец нарушил молчание Мелтон, — я не положил лед.

— Ну и что?

— А то, что сегодня лед у нас есть. Вчера его не

было. А сегодня формочки полны. Да вот только лед красный.

— Красный лед? — переспросила Микаэла. — Ну, я тут ни при чем.

Муж бросил на нее мрачный взгляд:

— А я тебя и не обвиняю. Не думаю, что ты вскрыла вены и налила кровь в формочки для льда, просто чтобы подразнить меня. Я только сказал, что лед красный.

— Ничего страшного, обойдемся без льда. А где бутылка?

Мелтон опустил руку за спинку кресла и достал бутылку.

— Я подумал, что одной порцией мы не обойдемся. Кстати, Микки, ты звонила сегодня агенту?

— Звонила. Да что толку? Он вбил себе в голову, что у нас завелись термиты.

— Хотелось бы в это верить. Лучше уж термиты, чем… Ну а что с предыдущим владельцем? Неужели о нем так и не удалось хоть что-нибудь узнать?

— Нет. И вообще, агент считает, что мы лезем не в свое дело.

— Какая разница, что он считает? — Мелтон припал к стакану. — Мы купили этот дом при условии, что он не будет… — Он запнулся и, обме-

нявшись с женой долгим взглядом, кивнул: — Да, все правильно. Нам нечего сказать.

— Хармон упорно твердил об электриках и сантехниках. И даже порекомендовал нескольких.

— Да уж, от них-то будет много проку.

— Ты неизлечимый пессимист, — заявила Микаэла. — Налей мне еще виски. Спасибо. В конце концов, мы экономим на угле.

— Ценой моего рассудка.

— Может, ты просто не разбираешься в таких печах?

Мелтон поставил стакан и воззрился на жену.

— Я взял в офисе схему ее устройства.

Мелтон работал в нью-йоркском рекламном агентстве, что и стало одной из причин покупки этого дома, расположенного всего в получасе езды от Манхэттена, на тихой окраине маленького городка на берегу реки Гудзон.

— Мне пришлось выяснить, как работает наша печь. Вот место для тяги, вот дымоход, а вот это встроенный котел. Сюда закладывается уголь. Он, по идее, сгорает, нагревая в котле воду, которая затем поступает в радиаторы. Есть еще воздухозаборник. Он не работает. Вот, смотри. Если ты зажигаешь спичку, она же сгорает?

— Конечно сгорает.

— Вот видишь, а уголь не сгорает, — заявил Мелтон. — Три дня назад я положил в печь пару лопат угля. Так вот, слой его лежит там до сих пор и светится красным. А в доме тепло. Это ненормально. — Он потянулся на другой край стола и полистал бумаги. — Я даже подсчитал, за сколько уголь должен сгореть. Максимум за четыре часа. Но не за три дня.

— Может, там есть стокер и уголь подается механически? — предположила Микаэла. — Ты смотрел?

— Ну, рентген я не использовал… Но смотреть смотрел. Пойдем, я тебе покажу.

Он поднялся, взял Микаэлу за руку и повел ее к подвалу. По пути они прошли мимо свихнувшегося холодильника.

Подвал был просторный, с цементным полом и двенадцатью вертикальными опорными балками. В одном из углов, возле угольного бункера, стояла печь — грязно-белое, округлой формы сооружение, из которого торчали изолированные одна от другой трубы, уходящие вверх перпендикулярно потолочным балкам. Все отверстия для тяги были закрыты, но гидростатический термометр вверху котла показывал 150 градусов. Мелтон открыл металлическую дверцу. Лежа-

щий внутри слой угля светился красным, и по его поверхности бегали алые язычки жара.

— Так где, по-твоему, стокер? Откуда здесь может идти механическая подача? — спросил Мелтон.

— Где-нибудь внутри? — В голосе Микаэлы не было уверенности. — Печь-то большая.

— Котел трещит по швам. Того и гляди рванет.

— Почему бы не дать огню погаснуть, а потом зажечь его заново?

— Дать погаснуть? Я не могу заставить его погаснуть! Я даже не могу вытрясти уголь через решетку! — В подтверждение своих слов Мелтон схватил железный крюк и пошевелил им слой угля. — Жара в доме ужасная, даже при том, что все окна раскрыты настежь. Не знаю, что мы будем делать, когда выпадет снег.

Микаэла вдруг повернулась к лестнице.

— Что там? — спросил Мелтон.

— Звонок.

— Я ничего не слышал.

На лестничной площадке Микаэла обернулась и посмотрела на мужа.

— Да, ты никогда не слышишь, — задумчиво произнесла она. — Разве ты не заметил?

Она в отчаянии взмахнула рукой и ушла.

Мелтон молча проводил жену взглядом и только теперь, пораскинув мозгами, вдруг сообразил, что за три дня ни разу не слышал звонка. А ведь он точно помнил, что к ним кто-то заходил — в основном коммивояжеры, пытающиеся навязать новым хозяевам изоляцию, краску, средства против крыс и подписки на журналы. Почему-то дверь всегда открывала Микаэла. Мелтон считал, что в те моменты просто находился в глубине дома, куда звонок не доносился.

Он сердито посмотрел на печь, и на его худом угрюмом лице проступили глубокие морщины. Легко сказать: «Не обращай внимания». А как не обращать? И дело не в одной только печке. Есть и другие странности. Да что же такое с домом?

Ничего, что бросалось бы в глаза. Уж точно ничего, что мог бы заметить покупатель, пришедший осмотреть дом. Именной поиск не обнаружил ничего подозрительного, архитектор тоже одобрил решение Мелтона приобрести дом. Так они и вселились в него, счастливые, что нашли пристанище и после многомесячных поисков обрели наконец крышу над головой.

Дом номер шестнадцать по Пайнхост-драйв казался воплощением мечты. Сверхсовременный и как будто излучающий уверенность, уже

пятнадцать лет он стоял на берегу Гудзона, прямо напротив парка Пэлисейдс[53], как чопорная вдова, строго подбирающая серые каменные юбки. Фундамент и нижний этаж здания были каменными, а два верхних этажа — деревянными. Расположение комнат тоже как нельзя лучше устраивало их семью: Мелтона, Микаэлу и ее брата Фила, который жил с ними в перерывах между загулами. Сейчас он, вероятно, как раз укатил на очередную пьянку.

Но едва они вселились в новый дом и расставили мебель, как начались неприятности. Мелтон страстно желал, чтобы с ними был Фил. Несмотря на все свои причуды, парень обладал замечательной способностью относиться ко всему здраво и не теряться в любых обстоятельствах. Он буквально источал уверенность и душевное равновесие. Однако Фил еще даже не видел нового дома.

Посему он ничего не знал о лампе в холле, которую после нескольких попыток Мелтон решил вообще не включать. Странная какая-то лампа: ее неестественное свечение меняло цвет кожи. Ну, не то чтобы этот свет обезображивал, но ни Ми-

[53] Примечания: 53

Пэлисейдс — парк, расположенный в штатах Нью-Джерси и Нью-Йорк, по правому берегу реки Гудзон. Популярное место отдыха жителей Нью-Йорка и окрестностей.

каэле, ни Мелтону не хотелось видеть друг друга в таком свете. Решив, что все дело в лампочке, они купили несколько новых, но это ничего не изменило.

А как отнестись к еще одной чертовщине?

Вчера, когда Мелтон полез в холодильник за льдом, он страшно перепугался. Наверняка все дело было в каких-то неполадках с проводкой, но увидеть в собственном холодильнике северное сияние — кто ж тут не испугается?

Происходили в доме и другие странности, но их невозможно описать словами — они осознавались скорее на уровне смутных ощущений. Нет, здесь не было привидений. Дело в другом. Дом казался Мелтону чересчур комфортным, слишком рационально устроенным — до такой степени, что эта рациональность приняла извращенную форму.

В первое время им никак не удавалось открыть окна — рамы не желали поддаваться их усилиям. А потом без какой-либо видимой причины окна вдруг распахнулись, как будто их кто-то смазал. И как раз вовремя, надо сказать: Мелтоны уже готовы были сломя голову бежать из перегретого дома на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Мелтон решил сходить к приятелю, с которым по-

знакомился, когда заключал контракт с «Инстар электрик». Тот кое-что смыслил в технике и, возможно, сумел бы объяснить некоторые загадки.

Например, откуда взялись мыши. Если, конечно, это действительно мыши. Кто-то скребся по ночам, но все ловушки, расставленные Мелтоном, оказывались пустыми. Микаэла успокаивала, что это кто-то совсем маленький и уж явно не домовой.

— Не поймаешь ты этих мышей, — авторитетно заявляла Микаэла. — Они чересчур умные. Когда-нибудь ты спустишься в подвал и найдешь заправленную мышеловку со стаканом виски на крючке. Тут тебе и придет конец.

Мелтону было не до шуток…

Неожиданно на лестнице, ведущей в подвал, возник сморщенный человечишка в мешковатых штанах и замшевой куртке и уставился на Мелтона. Хозяин ответил ему озадаченным взглядом.

— Проблемы с печкой, да? — спросил незнакомец. — Хозяйка сказала, что вы не можете понять, в чем там дело.

Следом за человечишкой появилась Микаэла.

— Это мистер Гарр. Я ему звонила сегодня.

Морщинистое лицо Гарра расплылось в улыбке.

— В телефонном справочнике мое имя найдешь почти во всех разделах. Электропроводка, прокладка труб, покраска — у многих если что-то ломается, то уж капитально. Вот как ваша печь. — Он подошел поближе и принялся внимательно осматривать агрегат. — Чтобы с ней разобраться, надо быть и лудильщиком, и печником, и электриком. Ну, так что с ней?

— Воздухозаборник не работает, — пояснил Мелтон, старательно избегая укоризненного взгляда жены.

Гарр достал фонарик, пощупал провода и покрутил отверткой. Посыпался сноп искр. Наконец он проверил гидростат над котлом, поднял его крышку и прищелкнул языком.

— Утечка, — вынес он вердикт. — Видите, откуда идет дым? Все заржавело. И провода заземлены.

— Вы можете починить?

— Нужен новый гидростат. Я вам его достану, мистер… э-э-э… Мелтон. Но должен сказать, вы прекрасно можете обойтись и без воздухозаборника. Это все?

— Нет, не все, — решительным тоном произнесла Микаэла — Три дня назад мы бросили пару лопат угля в печь, и они до сих пор горят.

Гарр не удивился. Он заглянул в печь, довольно кивнул и спросил.

— И сколько лопат вы бросили?

— Четыре, — ответил Мелтон.

— Этого мало. Надо, чтобы слой угля на несколько дюймов не доходил до двери. Вот так, видите? — вежливо объяснил Гарр. — Так печь будет лучше греть.

— Дома стало слишком жарко. Как выключить печь?

— Она сама перестанет работать. Просто не трогайте ее. Или вытрясите уголь через решетку.

— Не могу. Сами попробуйте.

Гарр попытался вытрясти уголь.

— Ага. Наверное, решетка забилась. Съезжу-ка я, пожалуй, за инструментами и новой решеткой. — Он выпрямился и обвел взглядом подвал. — У вас, скажу я вам, чудный дом. Добротный. Вон балки какие прочные.

— И мыши, — вставил Мелтон.

— Наверное, полевки. Они тут по всей округе. У вас нет кота?

— Нет.

— Лучше заведите, — посоветовал Гарр. — У меня самого есть кошка, но только одна. Зато она без конца приносит уйму котят. Если хоти-

те, оставлю вам какого-нибудь из ближайшего помета. Да-а-а… У вас и вправду отличный дом. Что-нибудь еще починить?

Мелтон хотел было напомнить Гарру, что тот еще ничего не починил, но сдержался и вместо этого сказал:

— Может, посмотрите, что с холодильником? Он плохо работает.

Холодильник, стоявший наверху, в кухне, казалось, был готов поглотить что угодно. Почти без преувеличения. Взглянув на красные кубики льда, Гарр определенно решил, что Мелтоны заморозили клубничный сироп или вишневый сок. Он достал масленку и капнул несколько капель в мотор.

— Никогда не используйте тяжелое масло. Оно выведет холодильник из строя. — Гарр ткнул пальцем на ряд пивных бутылок в холодильнике: — Хорошее пиво. Я всегда его беру.

— Угощайтесь.

Мелтон налил два стакана. Микаэла отказалась от пива и пошла за остатками своего виски с содовой. Мелтон присел на краешек раковины и недобро воззрился на холодильник, лениво постукивая по полу ногой.

— Думаю, в нем произошло короткое замы-

кание, — сообщил он. — Я… э-э-э… был слегка поражен, когда вчера открыл дверцу.

Гарр поставил стакан:

— Вот как? Давайте поглядим. — Он отвинтил металлическую пластину и даже заморгал от удивления. — Ну и чудеса! Никогда не видел подобной схемы.

Мелтон подался вперед.

— Что там?

— Хм… Та-ак, постоянный ток… Знаете, они тут вам сильно напортачили, мистер Мелтон.

— То есть?

— Электрики-любители, — презрительно фыркнул Гарр. — Что тут делает этот провод? А это?.. Что это вообще такое?

— Что-то пластмассовое?

— Может, часть термометра. Не представляю. Хм…

Гарр покачал головой и опять потрогал что-то отверткой. Новая порция искр разлетелась во все стороны, а Гарр слегка дернулся.

— Я, пожалуй, отрублю электричество, — сказал он.

— Я сам, — ответил Мелтон.

Он спустился в подвал и остановился в раздумье перед несколькими щитками, но в конце

концов определил, какой из рубильников главный, отключил его и крикнул Гарру, что все в порядке.

Через секунду раздался вскрик.

На лестнице послышались шаги.

Показался Гарр, потирающий руку.

— Вы не выключили электричество, — укоризненно проворчал он.

— Ничего подобного, — возразил Мелтон. — Вот, полюбуйтесь.

— Да? Надо же! Ну, может… — промямлил электрик, на этот раз выкручивая пробки. — Идите в кухню. Крикнете мне, когда холодильник перестанет работать. Я его снова включил.

Мелтон повиновался…

— Что-нибудь прояснилось? — спросила его Микаэла, вернувшаяся посмотреть, что происходит.

— Без понятия. — Мелтон прислушивался к ровному гудению мотора. — Похоже, прежний хозяин поменял в доме проводку.

— Кем же он был? — озадаченно проворчала Микаэла. — Эйнштейном? Или марсианином?

— Думаю, всего лишь электриком-любителем, переоценившим свои силы.

Микаэла провела ладонью по гладкой белой эмали холодильника.

— Ему только два года. Это не возраст, Боб. Плохое питание его и сгубило.

— Если бы у меня желудок был набит всем тем, что лежит внутри этого агрегата, я бы замаялся изжогой, — хмыкнул Мелтон. — А вот и мистер Гарр! Все починили?

На загорелом морщинистом лице Гарра читалось беспокойство.

— Так и работает, да? Ни на минуту не останавливался?

— Нет.

— Значит, он не присоединен ни к одному из щитков. Придется ломать стену, чтобы понять, куда идут провода.

Он с сомнением посмотрел на розетку.

— Послушайте, — спохватился Мелтон, — у меня же есть резиновые перчатки. Может быть, пригодятся?

— Ага, — кивнул Гарр. — Несите, а я пока пивка попью. А то оно совсем выдохлось во всей этой суматохе.

— Микки, налей пива мистеру Гарру, — попросил Мелтон и вышел.

— Ага, — обрадовался Гарр. — Мм… Спасибо, миз Мелтон. У вас славный домик. Я как раз говорил об этом вашему мужу. Построен на века.

— Пока что он нас устраивает. Позже я планирую переоборудовать кухню. Ну, знаете, сейчас появились плиты и холодильники со стеклами…

Гарр скривился.

— Я видел рекламу. Совсем не практично. Это ваше стекло… Ну что в нем проку? — запричитал он. — Ну, разве только, чтобы пропускать солнце, но… Черт, совсем с ума посходили… Ой, простите мой язык, миз Мелтон.

— Ничего.

— Стеклянная дверь в холодильнике! Она же замерзнет. А в плите закоптится. Уж лучше старый добрый металл. Ишь, придумали! Чтобы видно было то, открыто это… По всей кухне! — Он указал пальцем на металлическое мусорное ведро на полу. — Скоро и мусор выставят на всеобщее обозрение — вот до чего дойдет.

— Ну, без этого-то я смогу обойтись.

— Все эти ваши новшества хороши, конечно. Пусть так, но обычному парню они не нужны. Вот возьмем, скажем, меня. Мой дом выглядит так, как я хочу. У меня все ловко устроено. Лампы подвешены так, что могут спускаться и подниматься по стойкам. Телефон автоматически отключается, так что меня не разбудишь ночью. Мужчины перелопатят весь дом, но сделают его

удобным для себя.

— Вот перчатки, — сказал вернувшийся Мелтон. — Наверное, вы можете многое рассказать о хозяине, глядя на его жилище.

Гарр гордо кивнул:

— Это точно. Дом может выглядеть как с обложки журнала по дизайну и казаться уютным, но в нем на стул не сядешь, не рискуя испачкать брюки.

— Ну, когда мы въехали в этот дом, он пустовал, — рассудительно заметила Микаэла.

— Первый раз я попал сюда десять лет назад, — сообщил Гарр. — Здесь жила семья Кортни. Он был подрядчиком. Потом они все переехали в Калифорнию, и в доме поселился парень по фамилии Френч.

— И что это был за тип? — быстро спросил Мелтон.

— Я его никогда не видел. Он носа не высовывал из дому.

— И ни разу вас не вызывал?

— Наверное, чинил все сам. — Гарр презрительно уставился на розетку. — Сейчас все исправлю.

Он быстро и аккуратно привинтил пластину, потом закрепил розетку и распрямился.

— Вот так, — кивнул он. — Что-то еще?

— Звонок.

— И этот не работает?

— Не то чтобы… — Мелтон смущенно запнулся. — Просто…

— Вас не затруднит выйти и позвонить? — попросил Гарр.

— Хорошо.

Микаэла внимательно смотрела на Гарра.

Немного погодя Гарр повернулся и бросил на нее быстрый взгляд.

— Ваш звонок в полном порядке. Во всяком случае, никакого короткого замыкания нет.

— Вы… Вы слышали звонок?

— Конечно. А что? Вы разве нет?

— Я… Да… — нерешительно ответила Микаэла, хотя на самом деле она только подсознательно его ощутила. — Звонок заработал, Боб, — сообщила она, когда Мелтон вернулся в кухню.

— Неужели?

— Все в полном ажуре, — подтвердил Гарр. — Ну ладно, я, пожалуй, пойду.

— Сколько с меня? — спросил Мелтон.

Сумма оказалась скромной. Мелтон расплатился, и они выпили еще пива.

— Звонят. Простите, — сказала вдруг Микаэла.

Мелтон залпом выпил пиво. Он ничего не

слышал.

— Это Фил. Он хочет выпить, — сообщила вернувшаяся в комнату Микаэла и поставила шейкер в раковину.

Гарр обменялся сердечным рукопожатием с хозяином дома и распрощался.

Мелтон вздохнул, задумчиво глянул на звонок и потянул на себя дверцу холодильника. Призрачное голубое сияние озарило его лицо. Протянутая за льдом левая рука задрожала. Кожа и плоть с нее словно испарились.

Он захлопнул дверцу и судорожно взглянул на руку. Она вновь выглядела как обычно.

Мелтон взял бутылку и несколько стаканов и направился в гостиную, где, развалившись на кушетке, его ждал шурин, Фил Баркли, — невысокий стройный мужчина лет сорока, по обыкновению безупречно одетый, с круглым, слегка обрюзгшим лицом, хранящим невозмутимое выражение.

Приветствуя Мелтона, Фил чуть приподнял светлую бровь.

— Неразбавленное, Боб?

— Угу, — мрачно подтвердил Мелтон. — Попробуй, тебе понравится.

— Мне всегда нравится, — сообщил Фил. Он

влил в себя виски, горло его при этом на мгновение напряглось и тут же расслабилось. — Ох, хорошо. Фу-у-ух.

— Похмелье? — сочувственно спросила Микаэла.

— Еще какое! — с достоинством ответил Фил, роясь в кармане. Он протянул сестре сложенную бумажку. — Чек за «Секрет нимфы». Уэсли дал его мне в галерее «Фрайди».

— Совсем неплохо, — взглянула на чек Микаэла.

— Неплохо за неделю корпения над этой картиной. Ну что ж, положите в семейный бюджет. И больше никакой работы хотя бы на месяц. Пожалуйста, налей мне еще виски.

— Кажется, ты уже и так основательно набрался, — возразил Мелтон.

Фил смерил его долгим, внимательным взглядом:

— Да ты и сам выглядишь не лучше. Смотри, даже вспотел.

— Здесь жарко.

— Слишком жарко, — согласился Фил. — У вас за месяц выйдет весь уголь. Или это керосин?

— Уголь, — ответил Мелтон. — Только он не выйдет. По крайней мере в этом доме.

— Мне он тоже не нравится, — внезапно сообщил Фил.

Микаэла, сложив ладони вместе, подалась вперед:

— Что-то не так, Фил?

Тот усмехнулся:

— Да ничего. Знаешь ли, я первый раз в доме. Нет-нет, только не предлагай мне его осмотреть. Я… В общем, я приходил позавчера.

— А нас не было? Но у тебя же есть ключ.

— Есть. — Фил неподвижным взглядом смотрел прямо перед собой. — Но я не стал им пользоваться. Звонок не работал, так что я постучал. А потом…

Мелтон облизал пересохшие губы:

— Что потом?

— Ничего, — отрезал Фил. — Ровным счетом ничего.

— Так почему?..

— Я был слегка под кайфом. И чувствовал себя не в своей тарелке. Нет, это были не привидения. Это было… — Фил запнулся. — Не знаю, Боб, что это было, правда не знаю. Но я решил вернуться в город.

— Ты испугался? — спросила Микаэла.

Фил покачал головой:

— Это было что-то странное, непонятное. Но я не испугался, честное слово. Да и чего, собственно, было бояться? Просто решил не заходить.

— Но все-таки почему? — не сдавалась Микаэла. В ее голосе явственно ощущалось сильное волнение. — Это не причина, ты же понимаешь.

Фил вылил в стакан последние капли виски и поднял бутылку.

— Видишь? Бутылка пуста. Но ты знаешь, что в ней было. И если принюхаешься, то почувствуешь запах виски.

Мелтон стукнул рукой по колену.

— Точно! — выпалил он. — Этот кретин Френч. Кто он? Что он сотворил с домом? Заколдовал его, что ли?

Как гром с ясного неба, в отдалении послышался странный звук — печальный пронзительный стон, гулко прозвучавший в пространстве. Мелтон на секунду обмер. Но потом понял: это прогудел буксир на темной реке.

— Ого! Похоже, дела совсем плохи, если даже это заставляет тебя подскакивать… — тихо заметил Фил.

— Надо бы принять успокоительное. Работы было много, вот я и переутомился.

— Что ж, пожалуй, я таки осмотрю дом. — Фил

встал с кушетки. — Сиди, Микки, — повернулся он к сестре. — Я сам разберусь. — И, обращаясь уже к Бобу, прибавил: — Ладно, пошли вместе, если хочешь.

Они прошлись по дому. Мелтон почти всю дорогу молчал. Включив свет в верхнем холле, он взглянул на Фила, ожидая его реакции. Тот ничего не сказал. Зато необычайно заинтересовался подвалом и надолго засел в нем, что-то щупая и разглядывая.

— Что ты там ищешь? — удивлялся Мелтон. — Тайную комнату?

— Что? А, нет. — Фил в последний раз оглядел голую стену и пошел к лестнице. — Так ты говоришь, до вас тут жил парень по имени Френч?

— Джон Френч. Так указано в отчете по именному поиску. Как я понял, никто никогда не видел этого Френча. Продукты и все необходимое ему доставляли на дом. Писем он не получал. И телефона у него не было.

— А как насчет рекомендаций? Прежде чем вселиться, он должен был представить рекомендации.

— Это было десять лет назад. Я проверял. Ничего особенного: банк, нотариус… Все как обычно.

— Чем он занимался?

— К тому времени был уже на пенсии.

Фил на всякий случай покрутил краны.

— Это плохой дом, — решительно заявил он. — Но в нем не обитают призраки, вселенское зло и прочие ужасы в готическом духе. Почему же здесь так жарко?

Мелтон объяснил.

Внезапно что-то заставило его поднять взгляд. И сквозь открытую дверь кухни он увидел, что кто-то неподвижно стоит в гостиной и пристально на него смотрит. С небывалой самокритичностью Мелтон оценил собственную реакцию на это как абсолютно ненормальную.

После секундного замешательства он решил было, что в присутствии постороннего нет ничего необычного. Разум лихорадочно искал хоть какое-нибудь логическое объяснение: курьер, молочник… Но уже в следующее мгновение Мелтона охватило всепоглощающее чувство полнейшей растерянности, и он отчетливо осознал, что человек в соседней комнате не принадлежит этому миру. И сразу вслед за этим ошеломляющим открытием, как гром среди ясного неба, его пронзила невесть откуда пришедшая уверенность: эта безмолвная фигура принадлежит…

Микаэле!

И что хуже всего, Мелтон ее совершенно не знал. На какой-то исполненный ужаса миг перед ним предстала совершенно незнакомая женщина. В желудке возникла такая тяжесть, будто его набили камнями, сердце неистово билось о ребра.

Все произошло так быстро, что никто ничего не заметил. Микаэла вошла в кухню, и Мелтон поспешно достал из буфета новую бутылку.

— Ну, как тебе дом? — спросила Микаэла.

Фил криво усмехнулся:

— Вполне подходящий.

Мелтон судорожно сглотнул.

— Ты веришь в одушевление неживого? — бросил Фил через два дня, сворачиваясь на диване и засовывая подушку под голову.

— Что? — переспросил Мелтон.

Было еще рано, он пил кофе и поглядывал на часы. Семья сейчас пользовалась маленьким будильником, так как электрические часы шли как им вздумается.

— О, этой теории уже немерено лет, — лениво протянул Фил. — Если человек долго живет на одном месте, его психические флюиды впитываются в стены и портят обои. Что-то в этом духе. Ну, ты знаешь.

— Нет, — отрезал Мелтон. — Заткнись. У меня голова болит.

— У меня тоже. Да еще и похмелье. Хм. Я так понимаю, что гроб тоже не чужд психических флюидов, но просто потому что он функционален. Смотришь на гроб — и сразу понимаешь, зачем он.

— С удовольствием посмотрю на твой гроб, — беззлобно поддел Мелтон. — И на тебя в нем.

— Ладно. Да будет тебе известно, что я тоже не верю во всю эту чушь. Думается, вся загвоздка в том, что мистер Френч переделал дом под себя. Вот уж точно человек с причудами. Человек ли? Ну да хватит о нем. Скажи лучше, ты обратил внимание на деревянные панели?

— Они покрыты смолой, если ты об этом.

— Да, покрыты чем-то, но не смолой. Я проверял. Странный состав — ничем не отодрать. И такое покрытие по всем стенам, потолку, полу, на каждой двери в доме. Как изоляция.

— Да ладно тебе. Даже на чердаке нет никакой изоляции. Я подумываю о том, чтобы уложить повсюду шлаковату.

— Тогда мы изжаримся.

— Ремонт — вот что требуется. — Мелтон продолжал развивать свою мысль. — И еще. Надо

будет пригласить крысоловов.

— Зачем?

— Мыши. В стенах.

— Мыши? О нет! Только не мыши!

— А кто же? Гремучие змеи?

— Это что-то механическое.

— Да ты с ума сошел! Я поднимался на чердак и проверял стены.

— И что, видел мышей?

— Нет, но, возможно, они видели меня. И предпочли со мной не встречаться.

— Ты меня совсем запутал, — несчастным голосом сообщил Фил. — К тому же мы говорим о разных вещах. Я имею в виду не турбины или динамо-машины и не всякие там ускорители ядерных частиц. Механические устройства могут быть так просты, что их и не распознаешь. Ну вот, например, как этот выключатель.

— Это не механизм.

— А что? Рычаг передачи?

Мелтон фыркнул:

— Хорошо, пусть в стенах прячутся рычаги. Но кто их дергает? Выключатель сам не сработает и…

Он вдруг замолчал и посмотрел на выключатель. Потом перевел взгляд на Фила. Тот

улыбался.

— Вот-вот, — таинственно произнес он.

Мелтон бросил салфетку на стол и встал.

— Механизмы в стене! Отлично, черт возьми!

— Очень простые и чрезвычайно хитроумные. И незаметные. Краска — это всего-навсего краска, но ею можно написать «Мону Лизу».

— Ты хочешь сказать, что Френч покрыл стены краской, которая действует как некое механическое устройство?

— Невидимое и неосязаемое… Да я-то почем знаю? А что до шума по ночам…

Фил не закончил фразу.

— Ну? — нетерпеливо воззрился на него Мелтон.

— Думаю, дом просто перезаряжается.

Мелтон стремительно бросился к двери, бормоча что-то себе под нос.

Он пообедал с Томом Гарретом, техником из «Инстар электрик» — маленьким, заплывшим жиром человечком с сияющей лысиной и в очках с толстыми стеклами, за которыми моргали близорукие глазки.

Гаррет, однако, не смог посоветовать ничего путного относительно дома.

— Ну, ты сам подумай, что у тебя за проблемы, —

наконец изрек он. — Нестандартная проводка. И… если ты позволишь мне быть откровенным…

— Все равно же скажешь. Валяй.

— И невроз.

— У всех троих?

— Ну да. Дом может так влиять. Наш образ жизни способен расшатать самые крепкие нервы. Бр-р-р. Прости, но мне кажется, что тебе нужен отпуск или врач — но не электрик.

— Да я уже заменил проводку. Без толку.

— Успокойся. Я ж не говорю, что ты чокнулся, — попытался утешить Мелтона Гаррет. — Во всяком случае, пока. А весь этот рентген в холодильнике… Тебе ведь известно, что в очень ярком свете рука может казаться полупрозрачной, вплоть до проступающих очертаний костей.

— Пусть так. Но каждый раз, выглядывая в окно, я жду, что там появится что-нибудь новое.

— Что?

— Без понятия. Что-нибудь этакое.

— Ну и как, появляется?

— Нет, — после короткой паузы ответил Мелтон.

— Интересно… — Пристально глядя на него, протянул Гаррет. — Послушай, может, мне стоит заехать и посмотреть на эту твою проводку?

— Отлично. А когда?

Гаррет полистал блокнот:

— У меня запарка, но… Вот что, давай я тебе позвоню.

— Чем скорее, тем лучше. Хотя я, пожалуй, все равно перееду.

— Да где еще ты найдешь такую печь?

— Ну, знаешь, мне не до смеха, — мрачно проворчал Мелтон. — Было бы и впрямь хорошо, если бы ты проверил проводку. Держу пари, она тебя удивит. Мой шурин строит еще более дикие догадки, чем я, так что…

— И что он говорит?

Мелтон принялся рассказывать.

Как ни странно, Гаррет слушал его с интересом.

— Знаешь, его идея о механизмах не лишена здравого смысла. Схемы их устройства становятся все менее замысловатыми. Взять, например, клистрон[54] — ведь он значительно проще обычного электровакуумного прибора. А когда мы имеем дело с электромагнитным полем, нейтронами и всем прочим в том же духе, то подчас случается, что самым эффективным прибором оказывает-

---

[54] Примечания: 54

Клистрон — электронно-вакуумный прибор сверхвысокой частоты.

ся… обычный металлический брусок.

— Но речь идет о краске!

— Я видел краску, которую вполне можно назвать механизмом, — светящуюся. Днем она накапливает солнечный свет, а ночью его излучает. Не подумай, что я всерьез принимаю и поддерживаю теории твоего шурина. Просто перспективы развития техники — это мой конек. И я уверен, что победа останется отнюдь не за громоздкими сложными устройствами. Техника будет — или будет казаться — такой простой, что человек двадцатого века почувствует себя с ней, что называется, «на ты». Разумеется, пока дело не дойдет до результатов.

— Да-а-а… — протянул Мелтон. — Они будут отличаться от нас?

— Думаю, не так уж сильно. Ладно, мне пора. Я тебе позвоню, Мелтон. Но все-таки послушайся моего совета — загляни к врачу.

— Только не говори мне, что я здоров как бык, — ответил Мелтон. — Ты, наверно, имеешь в виду быков на корриде. Так они там все бешеные.

Доктор Фарр прикоснулся к усам. Ощущение, очевидно, ему понравилось, и он машинально продолжал их поглаживать.

— Откуда мне знать, Боб? — спросил он. — У

половины моих пациентов не все дома, но пока они об этом не подозревают, с ними все в порядке. Тут главное — вовремя оказать психологическую помощь и скорректировать состояние.

— А можно попроще?

Фарр бегло сверился с результатами обследования.

— Судя по тестам, у тебя слабо выраженный психотический синдром. Особенно он проявляется в ориентации. Это очень значимый симптом. Но я знаю тебя уже много лет и голову даю на отсечение, на это есть объективные, а не субъективные причины.

— Ты имеешь в виду дом?

— Возможно, он послужил толчком. Стал навязчивой идеей. Такую роль может сыграть что угодно. И в твоем случае это дом. Переезжать надо.

— Это я и собираюсь сделать.

Фарр откинулся в кресле и принялся рассматривать свой диплом, висящий в рамочке на стене.

— Твой друг прав насчет окружающей обстановки. Запри ребенка в темном чулане — и он потом всю жизнь будет бояться темноты. А почему? Потому что это неподходящая для него обстановка. Если дом тебя беспокоит, собирай

вещи и уезжай.

— А как насчет Микки и Фила?

— Они могли подхватить эту идею от тебя. А быть может, наоборот. Тем более что Фил алкоголик и стремительно катится к белой горячке. А жаль, он талантливый художник.

Мелтон попытался защитить шурина:

— Ты же знаешь, что случилось бы с Филом, не живи он вместе с нами. К тому же он сам себя содержит.

— Это пока он работает. Пара картин в год… Ладно, что о нем говорить. Я врач, а не воспитатель. Он все еще в запое?

— Уже несколько дней не прикасается к спиртному, — бросив неодобрительный взгляд на Фарра, ответил Мелтон. — Что само по себе интересно. Ведь он почти все время навеселе. Уж я-то вижу.

— Может, он где-нибудь припрятал бутылку.

— Только не Фил. Он пьет в открытую и не стыдится этого. Может нализаться, когда ему только вздумается, не нуждаясь в оправданиях. Если задуматься, все это и впрямь забавно.

— А как он себя ведет?

— Как всегда. Подолгу пропадает в подвале.

— Может, там у него и припасено спиртное? —

предположил Фарр. — Смотрите, чтобы у него не развился комплекс вины. Пусть пьет вместе с вами, если ему это необходимо. Психологический аспект тоже важен. Он полностью доверяет тебе и Микки, но… Хорошо, скажи ему, чтобы он зашел ко мне. В любом случае я хочу проверить его сердце. И, пользуясь случаем, я угощу его выпивкой.

— Ничего себе врач, — хихикнул Мелтон. — Ладно, мне пора. Надо кое-что проверить по поводу одного человека. До скорого.

— Уезжайте из этого дома! — крикнул Фарр вслед удаляющейся фигуре. — Может, в нем живут привидения?

Нет, привидений в доме не было. Однако когда вечером Мелтон остановился на пороге и достал ключ, он точно знал, что входить ему не хочется. Вспоминались строчки из де ла Мэра:

> *Есть тут хоть кто-нибудь? — путник спросил*
> *У дверей, освещенных луной…*[55]

Как там дальше? Невидимые и неосязаемые, как пылинки в лунном свете… Проведи рукой — и не встретишь сопротивления… взлетают и

---

[55] Примечания: 55
У. де ла Мэр. Слушатели. Перевод Н. Мухортова.

оседают обратно… Что-то в этом роде.

Мелтон поморщился и открыл дверь.

В гостиной, полулежа на кушетке, дремал Фил.

Микаэла, уронив на пол шитье, встала навстречу мужу.

— Что-нибудь случилось? — спросил Мелтон.

— Ничего нового. Дай я повешу пальто.

Микаэла вышла. Мелтон поднял упавшую ткань — работа у Микаэлы почти не продвинулась — и перевел взгляд на Фила.

— Есть что добавить?

— Я счастлив! — сообщил Фил. — Комментарии излишни.

— Ты пил?

— Нет.

— Доктор Фарр просил тебя зайти, когда будешь в городе.

— Почему бы и нет? Узнал что-нибудь о Джоне Френче?

— Да, кстати, есть что-нибудь о нем? — спросила Микаэла, спускаясь по лестнице. — Ты собирался поискать информацию.

Мелтон плюхнулся на стул.

— Я искал. Через агентство. Без толку. Такого человека не существовало. Его никто не видел.

— Естественно, — отозвался Фил.

Мелтон вздохнул:

— Хорошо. И кто же это был? Санта-Клаус?

— «Бойся данайцев…» А печь так и кочегарит во всю мочь.

— И по-прежнему невыносимо жарко. Почему вы не открыли окно?

— Рамы снова заело, — ответила Микаэла. — Теперь их вообще не открыть.

Внезапно вспыхнул свет.

Мелтон повернулся к Филу:

— Твоя работа?

— Нет.

Мелтон подошел к выключателю и внимательно его осмотрел. Но сколько бы он им ни щелкал, свет продолжал гореть.

— Старина Джон Френч, — пробормотал себе под нос Фил. — Старина Джек. «Вот дом, который построил Джек…» И как!

Он встал и направился в кухню. Вскоре Мелтон услышал его шаги на лестнице, ведущей в подвал.

— Вот, опять. Весь день ходит туда и ходит, — сообщила Микаэла.

— Ты заметила, что он пьян как сапожник?

— Конечно заметила. И… это не обычный запой.

— Вижу, что не обычный. А может, у него в подвале выпивка? Может, Джек… Может, Френч оставил там несколько бутылок?

— А в них… Ох, лучше об этом не думать.

— Чем сегодня занималась?

— Ничем. Буквально ничем. Я пыталась шить, но здесь время летит слишком быстро. Не успела оглянуться — уже шесть.

— И вечно время пить чай. Что с обедом?

Микаэла всплеснула руками:

— Ой! Убей меня, Боб, я совсем забыла об обеде!

— Ты, наверное, тоже побывала в подвале, — улыбнулся Мелтон.

— Нет, Боб. — Во взгляде Микаэлы были боль и страдание. — И близко не подходила.

Мелтон некоторое время смотрел на нее, потом встал, прошел в кухню и открыл дверь в подвал.

Свет был включен, и в углу неподвижно стоял Фил.

— Поднимайся. Придется заменить обед выпивкой.

— Секунду, — отозвался Фил.

Мелтон вернулся в гостиную.

Вскоре появился и Фил. Он вошел в комнату, пошатываясь.

Мелтон мрачно кивнул:

— «А это веселая птица-синица, которая часто ворует пшеницу…»

— Не начинай, — оборвала его Микаэла. — Я все думаю об этом человеке, оборванном и грязном…

— А я все думаю о Джеке, — вставил Фил. — Маленьком человечке, которого не было. Явившемся из неведомых далей. Слушай, Боб, если бы ты провел лет десять в племени убанги, что бы ты делал?

— Не валяй дурака.

— Нет, я серьезно. Если бы тебе пришлось поселиться в хижине убанги и там жить. Ведь у тебя все равно бы не было ничего общего с аборигенами?

— Да.

— Ну?

— Что — ну? А что бы ты сделал?

— Слегка переделал бы хижину. Особенно если бы хотел притвориться, что тоже принадлежу к племени убанги. Я не стал бы менять что-либо снаружи, но внутри устроил бы все так, чтобы мне было удобно. Ну, стулья, например, вместо травяных циновок. И никого бы туда не пускал. Интересно, как выглядела мебель Френча?

— И кем, по-твоему, был Френч? — спросил

Мелтон.

— Не знаю. Даже представить себе не могу. Зато я знаю, кем он не был.

— И кем же?

— Человеком.

Микаэла вздрогнула и закусила губу. Фил кивнул в ее сторону.

— Мы с Микки проводим в доме больше времени, чем ты. Дом живой. Разумеется, он одновременно и механизм. Как киборг.

Мелтон недоверчиво скривился:

— Ну да, скажи еще, что он с тобой разговаривает.

— Нет, конечно. На это он не способен. Джек не строил этот дом, он сюда переехал и наладил все по своему вкусу. Чтобы дом полностью удовлетворял его запросам. Какими бы они ни были. Он любил — или нуждался — в жаре. Это не так уж необычно. Но другие вещи… Вот как холодильник. На линолеуме нет никаких следов, а за десять лет они должны были появиться. Я посмотрел. В розетку подключалось что-то другое. Новая проводка ничего не исправит, Боб. Джеку не нужны были провода. Может, они тут и были, для удобства, но я считаю, что он просто менял пару элементов — и механизм готов.

— Живой дом? Прекрасно. Ну и бред!

— Может, дом-робот. Не обязательно же роботу походить на человека. У нас сейчас используют роботов, и они выглядят соответственно своим функциям.

— Хорошо, — отрезал Мелтон. — Можем переехать.

— Мы должны переехать. Этот дом построен для Джека, а не для нас. Здесь все работает не так, как надо. Холодильник проделывает всякие фокусы из-за того, что подключен к розетке, предназначенной для чего-то другого.

— Я подключал его к разным розеткам.

— И что?

Мелтон покачал головой.

— Везде то же самое. — Он поежился. — Но почему Френч?.. Почему он хотел, чтобы…

— А зачем белому жить в деревне убанги? Чтобы заниматься этнологией. Или энтомологией. Или из-за климата. Или чтобы просто отдохнуть — провести зиму в теплых краях. Но откуда бы ни появился в свое время Джек, теперь он вернулся обратно, не позаботившись навести порядок в доме. Вот так.

Фил поднялся и вышел. Дверь в подвал закрылась почти беззвучно.

Мелтон подошел к Микаэле, опустился на колени и обнял жену за хрупкие плечи, чувствуя, как исходящее от нее тепло окутывает его душу покоем.

— Мы переедем, милая.

Микаэла неотрывно смотрела в окно.

— Было бы здорово, если… Да, конечно… Какой чудесный вид. Мне не хочется уезжать отсюда. Но другого выхода у нас нет. Так когда, Боб?

— Хочешь, начнем искать новый дом завтра? Или, может, городскую квартиру?

— Хорошо. День-два роли не играют.

В темноте он слышал легкое дыхание сидящей рядом жены. Но слышал и другие звуки. Нет, это были не мыши. В стенах происходило какое-то медленное, едва ощутимое движение, воспринимаемое на грани слуха и сознания. Дом перезаряжался. Робот готовился к новому дню.

Он не обладал способностью мыслить и не был живым, он не имел ни разума, ни каких-либо личностных качеств. Механизм. Но механизм столь поразительно универсальный, что может существовать только благодаря своей невероятной простоте. Так что же это? Может, все дело в изменении орбит вращения электронов? Или в чем-то еще более невообразимом…

«С помощью электронного микроскопа мы имеем возможность изучать микрокосм, — подумалось Мелтону. — Но мы видим далеко не все. Там, за пределами…»

Движение внутри стен подчинялось какому-то необычному, диковинному ритму.

Вот дом, который построил Джек,

А это пшеница,

Которая в темном чулане хранится,

В доме, который построил Джек…[56]

Мелтон вспомнил весь детский стишок, нанизывая строку за строкой, и постепенно в душе его неумолимо росло чувство ужаса. Но он не мог остановиться. А дойдя до конца, начал снова.

Кем был Джон Френч?

Или чем?

Внезапно Мелтону стало нехорошо, и он полностью утратил ориентацию. Не глядя на Микаэлу, он соскочил с кровати, шатаясь и спотыкаясь спустился вниз и остановился в холле, будто в ожидании чего-то.

Но ничего не происходило.

Вот дом, который построил Джек.

---

[56] Примечания: 56
Дом, который построил Джек. Перевод С. Маршака.

А это веселая птица-синица…

Мелтон направился в кухню. Дверь в подвал была открыта. Он не видел Фила, но знал, что тот стоит под лестницей.

— Фил, — тихо позвал он.

— Я здесь, Боб.

— Выходи.

Фил поднялся по ступеням. В проеме двери возникла его пошатывающаяся фигура в пижаме.

— Что там? — спросил Мелтон.

— Ничего.

— Виски?

— Нет.

— Тогда что?

— Ничего. — Глаза Фила неестественно блестели — словно остекленевшие. — Я стою в углу, прижимаясь лбом к стене, и… рисую… — Он вдруг замолчал, замедлил шаг и остановился. — Нет, — после паузы сказал он. — Это не рисование. Но я думал…

— Что?

— Этот дом во всем устраивал Джека — так? Но мы же не знаем, кем был Джек и чего он хотел. Может, он явился к нам из будущего. Или с другой планеты. Не приходится сомневаться только в одном: то место, откуда он пришел,

очень необычно.

— Мы переезжаем, — сказал Мелтон. — Как только найдем что-нибудь подходящее.

— Хорошо.

— Пошли спать.

— Конечно. Почему бы и нет? Спокойной ночи, Боб.

— Спокойной ночи, Фил.

Мелтон еще долго лежал с открытыми глазами, не в состоянии заснуть.

Вот дом, который построил Джек…

Интересно, а вернется ли Джек когда-нибудь?

Дом подходил Джеку.

Дом живой.

Нет, не так. Он — механизм.

Каждый дом может стать таким вот механизмом — стоит только немного его изменить. Джеку это по силам.

Механизм во всем устраивал Джека. Конечно. Но как он повлияет на людей? Приведет к мутации?

Или в конечном итоге переместит их в другой мир? В любом случае результат будет совершенно неожиданным.

Мелтону не хотелось знать, каким именно.

«Завтра я найду квартиру», — твердо сказал он себе.

Принятое решение немного успокоило нервы, и Мелтон наконец провалился в сон.

На следующий вечер он вернулся пораньше и без колебаний вошел в дом.

Микаэла и Фил сидели в гостиной. Они обернулись на звук его шагов, но не произнесли ни слова.

— Есть квартира! — победно заявил Мелтон. — Можем собирать вещи. Ну что, довольны?

— Еще бы, — отозвалась Микаэла. — Можем выехать прямо завтра утром?

— Конечно. И Джек получит свой дом обратно.

Вспыхнул свет.

Мелтон бросил быстрый взгляд на лампу:

— Все то же, да? Ладно, нас это больше не касается. Хотите что-нибудь выпить? Как насчет коктейля, Микки? Сегодня я даже положу в него лед.

— Нет, спасибо.

— Хм… Фил?

— Нет. Не хочу.

— Как хотите. А я выпью.

Мелтон прошел в кухню, но, поколебавшись, отказался от льда и вернулся в гостиную со ста-

каном неразбавленного виски в руке.

— Где мы сегодня обедаем?

— Да что же это! — расстроенно воскликнула Микаэла. — Я снова забыла о еде.

— Думаю, нам лучше переехать завтра, — решил Мелтон. — Если не сегодня вечером. — Он сел. — Есть пока рановато, но мы можем скоротать время за стаканом-другим.

Мелтон посмотрел на часы. Они показывали 4:20.

Он посмотрел снова.

10:40.

Ничего не изменилось. Только небо за окном потемнело. И все. Микаэла и Фил сидели в тех же позах, и стакан с виски в руке Мелтона оставался нетронутым.

На секунду мелькнула нелепая мысль об амнезии. Но уже в следующий миг Мелтон пришел к выводу, что все гораздо проще: он задумался и позволил мыслям течь как им вздумается (он даже помнил, в какой момент это произошло) — вот время каким-то образом и пролетело до…

10:40.

И вновь, но теперь уже не столь внезапно его охватило ощущение полной дезориентации. Оно прошло и кануло в небытие.

Микаэла и Фил продолжали неподвижно сидеть.

Мелтон опять бросил взгляд на часы. И тут же почувствовал, как его разум поглощает свинцовая, давящая пустота.

«Это похоже на зимнюю спячку, — подумалось ему, — серую, бесформенную, лишенную…»

8:12.

Небо стало голубым. Голубой же была и речка. Утренний свет сверкал на зеленых узорах листвы.

— Микки, — позвал Мелтон.

3:35.

Но Мелтон знал, что меняется отнюдь не время. Все дело было в доме.

Ночь.

9:20.

Зазвонил телефон. Мелтон протянул руку и поднял трубку.

— Алло.

Далекий голос доктора Фарра отчетливо слышался в застывшем безмолвии раскаленной комнаты. Микаэла и Фил походили на залитые ярким светом деревянные статуи.

— Нет-нет, — произнес в трубку Мелтон, — мы передумали. Мы не переезжаем.

И опустил трубку на рычаг.

«Да, спячка, — подумал он. — Процесс ускоряется. Ведь это дом, который построил Джек. Созданное им убежище. Возможно, каким-то разумным существам, устроенным иначе, чем мы, необходимо на определенный период впадать в спячку. И они создают роботов — невероятно простые механизмы, чтобы те заботились о них во время сна».

Машины, которые легко настраивать. Машины, которые способны адаптироваться к нуждам других организмов — людей, например.

И все же есть один нюанс. Спячка — состояние, естественное для Джека. Но не для Мелтона, Микаэлы и Фила. У них процесс будет проходить совсем по-другому. Ибо они принадлежат к другой расе, не похожей на расу Джека.

— Мы никогда не переедем, — тихо пробормотал Мелтон.

Часы показывали 1:03.

Стены дома чуть подрагивали. Механизм перезаряжался. В окна, странным образом преломляясь в совершенно чистых стеклах, лился лунный свет.

В доме, который построил Джек, застыли в неподвижности три фигуры.

Три человека, которые больше ничего не ждали.

Знакомый демон

Уже несколько дней Карневан слышал тонкий, призывный, настойчивый, безапелляционный шепот и даже сравнивал свой разум со стрелкой компаса, обреченной тянуться к ближайшему магнитному полюсу. Ему не составляло труда сосредоточить внимание на текущих делах, но логика подсказывала, что расслабляться опасно. Стрелка компаса неуловимо дрожала. В цитадели сознания все ощутимее пульсировал беззвучный зов, но его смысл оставался непостижим.

Нет, о безумии речь не шла. Джеральд Карневан знал: он такой же неврастеник, как и все остальные. Получив несколько ученых степеней, он стал младшим партнером в процветающем нью-йоркском рекламном агентстве, где проявил себя незаменимым генератором идей. Тридцатисемилетний Карневан любил плавать, увлекался гольфом и неплохо играл в бридж; у него было постное и суровое лицо пуританина (коим он не являлся), а также любовница, которая шантажировала его, хоть и без особой наглости, чему Карневан не противился: человек рационально-

го ума, он просчитал варианты наперед, сделал соответствующие выводы и задвинул вопрос шантажа в кладовую памяти, но не забыл о нем, и теперь эта мысль выплыла из глубин подсознания. По всей видимости, призывный «шепот» объяснялся подавленным желанием решить проблему раз и навсегда — особенно если вспомнить о недавней помолвке Карневана с некой Филлис Мардрейк, уроженкой Бостона, едва ли способной закрыть глаза на амурные приключения своего жениха, а бесстыжая прелестница Диана непременно выставит этот скелет на всеобщее обозрение, дабы любой ценой удержать Карневана на коротком поводке.

Стрелка компаса дрогнула, натужно провернулась и вдруг замерла. Засидевшийся на работе Карневан сердито хмыкнул. Повинуясь внезапному порыву, он откинулся на спинку кресла и выбросил окурок в открытое окно.

Если верить науке психологии, подавленные желания необходимо выпустить на волю, и тогда они перестанут быть опасны. Памятуя об этом, Карневан стер с постной физиономии остатки эмоций, закрыл глаза и стал ждать.

За окном урчала и порыкивала нью-йоркская улица. Постепенно шум отступил на второй

план, и Карневан принялся анализировать свои ощущения. Казалось, сознание покоится в заклеенном ящике, перекатившись к одной из его стенок. Радужка за смеженными веками подстроилась к темноте, световые узоры померкли, а из глубин разума опять выплыл беззвучный шепот, неразборчивый и непостижимый. Карневан не мог понять, куда его призывают.

Наконец зов обрел вербальные очертания, и на границе тьмы проступили расплывчатые буквы, постепенно складываясь в слово «Неферт».

Карневан узнал это имя. На прошлой неделе Филлис настояла на совместном посещении спиритического сеанса. Ничего особенного: дешевая показуха, трубные звуки, световые вспышки и бесплотные голоса. Медиума звали мадам Неферт — вернее, так она представлялась, хотя внешность у нее была не египетская, а скорее ирландская. Трижды в неделю мадам Неферт проводила сеансы в городском особняке близ Колумбус-серкл.

Теперь до Карневана дошел смысл беззвучного приказа. «Ступай к мадам Неферт», велели ему.

Он открыл глаза. Комната нисколько не изменилась.

Все как он ожидал. В голове обрело форму смут-

ное предположение, породившее недовольство и даже гнев: еще бы, ведь кто-то забавляется с уникальным и ценнейшим активом Карневана, его собственным «я». Гипноз, подумал он. Каким-то образом мадам Неферт загипнотизировала его во время сеанса, и причудливые феномены прошедшей недели суть результат внушения, только и всего. Допущение с натяжкой, но вполне реалистичное.

Подобно всем рекламщикам, Карневан не умел мыслить вне определенных алгоритмов. Мадам Неферт загипнотизировала посетителя. Тот вернется к ней — встревоженный, растерянный, не понимающий, что случилось, — и медиум объявит, что во всем виноваты призраки, а поймав клиента на крючок (как положено на первом этапе любой рекламной кампании), продемонстрирует свой товар.

Таково основное правило игры: первым делом создай спрос, а затем выставляй товар на продажу.

Да, все сходится. Карневан встал, закурил новую сигарету и надел пиджак. Поправляя перед зеркалом галстук, хорошенько рассмотрел свое лицо: вид совершенно здоровый, мышечные реакции в норме, глаза под контролем.

Оглушительно зазвонил телефон. Карневан снял трубку:

— Алло? Диана? Милая, как у тебя дела?

Несмотря на шантаж со стороны любовницы, Карневан предпочитал беседовать с ней в учтивом ключе, чтобы избежать ненужных осложнений, а посему заменил пришедший ему на ум эпитет словом «милая».

— Не могу, — наконец сказал он. — Вечером у меня важная встреча… Нет, погоди. Я тебе не отказываю. Сегодня же вышлю чек.

Объяснение оказалось удовлетворительным, и Карневан повесил трубку. Диана не знала, что он собирается жениться на Филлис, и неизвестно, как она воспримет эту новость. Филлис же, при ее роскошной фигуре, катастрофически глупа. Поначалу Карневан считал эту особенность весьма приятной, наслаждаясь иллюзорной властью в моменты их встреч. Теперь же глупость невесты может стать ощутимым неудобством.

Однако не стоит забегать вперед. Первым делом Неферт. Вернее, мадам Неферт. Губ Карневана коснулась кривая ухмылка. Куда ж без титула. Чтобы впечатлить клиента, перво-наперво определись с торговой маркой.

Он вывел машину из подземного гаража на

парковую автостраду и направился к жилым районам, после чего свернул в сторону Колумбус-серкл, где мадам Неферт держала салон с безвкусной передней залой и несколькими комнатами, коих никто не видел, поскольку там, вероятно, хранилось оборудование для спиритических сеансов. О профессии хозяйки возвещал плакат на окне.

Поднявшись по ступеням, Карневан позвонил в звонок и вошел в салон. Свернул направо, протиснулся в приоткрытую дверь, после чего притворил ее и окинул взглядом задрапированные окна и торшеры по углам, заполнявшие комнату тусклым красноватым сиянием.

Ковер был сдвинут в сторону, на полу светились знаки, начерченные люминесцентным мелком. В центре пентаграммы стоял закопченный горшок. Больше ничего. Карневан с отвращением покачал головой: подобный реквизит способен впечатлить лишь самых легковерных гостей. Посетитель, однако, решил подыграть хозяйке салона и добраться до самых основ этого в высшей степени своеобразного рекламного трюка.

Отдернув занавеску, он увидел альков, где на жестком деревянном стуле сидела мадам Неферт. Она даже не потрудилась облачиться в маска-

радные одежды. Красным мясистым лицом и свалявшимися волосами мадам Неферт напоминала уборщицу из комедии в стиле Бернарда Шоу. Свободный халат в цветочек был расстегнут, обнажая грязно-белую полоску объемистой груди.

Мадам Неферт, на чьей физиономии мерцал красный свет, взглянула на Карневана остекленевшими пустыми глазами:

— Призраки…

Казалось, она подавилась этим словом. В горле у нее заклокотало, все тело конвульсивно дернулось.

— Мадам Неферт, я хотел бы задать несколько вопросов, — сказал Карневан, сдержав улыбку.

Она не ответила. Наступила долгая тяжелая тишина. Через некоторое время Карневан осторожно двинулся к двери, но женщина не шевельнулась. Она играла свою роль на совесть.

Карневан оглянулся, увидел в закопченном горшке что-то белое и подступил ближе, желая понять, что ему демонстрируют. После чего громко рыгнул, сдержал сильнейший рвотный позыв и, прижав ко рту носовой платок, развернулся к мадам Неферт, но не нашел нужных слов. К нему вернулась ясность рассудка. Он сделал глубокий вдох, понимая, что созданное умелыми руками

папье-маше едва не выбило его из эмоционального равновесия.

Тем временем мадам Неферт подалась вперед, прерывисто и сипло задышала, а Карневан почуял едва уловимый странный запах.

— Начали! — скомандовал кто-то.

Женщина неловко вскинула руку в непонятном жесте, и в тот же миг Карневан почувствовал, что в комнате есть кто-то еще. Развернувшись лицом к пентаграмме, он увидел, что в ее центре сидит съежившийся карлик. Сидит и рассматривает Карневана.

В тускло-красном свете Карневан видел лишь голову и лишенное формы тело под складками черного плаща. Похоже, карлик — или ребенок — сидел на корточках. При виде его головы Карневан обмер, поскольку она была не вполне человеческой. Поначалу Карневан решил, что смотрит на череп — узкое лицо, затянутое в бледную полупрозрачную кожу цвета отборной слоновой кости, совершенно безволосое, треугольное (вернее сказать, утонченно-клиновидное), без уродливо торчащих скул, столь мерзко выглядящих на человеческом черепе, да и глаза, скошенные под линию роста волос (будь у этого существа волосы), совершенно не походили

на человеческие: то были мутные серо-зеленые камешки, испещренные переливчатыми искорками и подсвеченные красными торшерами.

Это было чрезвычайно красивое лицо, чистое и бесстрастное, будто идеально отполированная кость, но скрытого под плащом тела Карневан не рассмотрел.

Быть может, это странное лицо — всего лишь маска? Нет, Карневан знал: это не так. Всем телом он ощущал омерзение, охватывающее человека при встрече с чем-то ужасно неестественным. Такое чувство ни с чем не спутаешь.

Он машинально достал сигарету и закурил. Существо не двигалось, и Карневан вдруг понял, что стрелка компаса, приведшая его в эту комнату, исчезла.

К потолку струился сигаретный дым, а он, Джеральд Карневан, стоял в тускло-красной комнате. За спиной у него сидела мадам Неферт, псевдомедиум в предположительно профессиональном трансе, некое существо сгорбилось в центре пентаграммы, а всего лишь в квартале от салона находится Колумбус-серкл с его неугомонным движением и неоновыми огнями.

Неоновые огни… Реклама. В голове у Карневана что-то щелкнуло, и он вспомнил ключевой

принцип: «Озадачь клиента». Сегодня, похоже, клиент — он сам, а прямой подход — сущий ад для продавцов, заранее продумавших тактику сбыта товаров и услуг. Поэтому Карневан, недолго думая, приблизился к неведомому существу.

Раскрылись мягкие, по-детски розовые губы. Исключительно спокойный голос приказал:

— Стой. Не входи в пентаграмму, Карневан. Ты все равно не сможешь этого сделать, но, не ровен час, спровоцируешь пожар.

— Ну все, магии как не бывало! — едва не рассмеялся Карневан. — Призраки должны говорить высокопарным языком, но никак не обычными фразами!

— Что ж, — изрекло неподвижное существо, — во-первых, можешь звать меня Азазель. И я не призрак. Скорее демон. Что до обычных фраз в частности и человеческого языка в целом… Попадая в ваш мир, я подстраиваюсь под его реалии. Или меня подстраивают. Здесь невозможно услышать мой родной язык. Я говорю на нем, но ты воспринимаешь его земной эквивалент. Это автоматическая корректировка с учетом твоих способностей.

— Ну ладно. — Карневан выпустил струйки дыма из ноздрей. — И что теперь?

— Ты, как вижу, настроен скептически, — продолжил все еще недвижимый Азазель. — Я мгновенно развеял бы твой скепсис, но не могу покинуть пентаграмму без твоей помощи. Занятое мной пространство существует в обоих мирах, твоем и моем. Между прочим, я действительно демон, Карневан, и хочу заключить с тобой сделку.

— Не удивлюсь, если вот-вот сработает фотовспышка. Если так, можешь нащелкать сколько угодно снимков — я не плачу шантажистам, — заявил Карневан, но мысленно добавил: «Если не считать любовницы».

— Нет, платишь. — И Азазель вкратце изложил историю отношений Карневана с Дианой Беллами.

— Хватит! — отрезал Карневан, чувствуя, что краснеет. — Значит, это все-таки шантаж?

— Позволь объяснить все с самого начала. На прошлой неделе я связался с тобой во время сеанса. Обитателям моего… измерения невероятно трудно установить контакт с человеческим существом, но в твоем случае я преуспел — и внедрил тебе в подсознание весьма привлекательные мысли.

— Какие именно?

— О радости и удовольствии, — сказал Азазель. — О смерти твоего старшего партнера. Об исчезновении Дианы Беллами. О богатстве, власти, триумфе. Ты втайне лелеял эти мысли, и между нами установилась связь, хотя недостаточно крепкая. Я не мог общаться с тобой по-настоящему, пока не подключил к делу мадам Неферт.

— Продолжай, — невозмутимо сказал Карневан. — Я прекрасно знаю, что она не медиум, а мошенница.

— Так и есть, — улыбнулся Азазель. — Но в ее жилах течет кельтская кровь. Чтобы играть на скрипке, нужен скрипач. Я сумел взять эту женщину под контроль и вынудил ее сделать приготовления, необходимые для моей материализации, после чего призвал тебя в эту комнату.

— Неужели ты думаешь, что я поверю в эту чушь?

— В том-то и проблема, — поежился Азазель. — Прими факт моего существования, и я стану тебе незаменимым слугой. Но сперва ты должен поверить в меня.

— Я не Фауст, — сказал Карневан. — Допустим, я поверю, но с чего ты взял, что мне захочется… — На секунду он умолк, швырнул окурок на

пол и сердито раздавил его каблуком. — Что в истории, что в фольклоре полно легенд о сделках с демонами, и в каждой фигурирует вопрос цены. Но я атеист — или агностик, точно не знаю, — и не верю, что у меня есть душа. Другими словами, когда я умру, меня съедят черви.

— Да, без вопроса цены не обойтись, — задумчиво взглянул на него Азазель, и на лице у него проступило странное выражение: отчасти насмешливое, отчасти испуганное. Он заговорил вновь, теперь быстрее, будто торопился куда-то: — Я могу послужить тебе, Карневан. Могу дать все, что пожелаешь.

— Почему ты выбрал именно меня?

— Я был призван во время сеанса, но не сумел коснуться никого из присутствующих. Никого, кроме тебя.

Если Карневан и был польщен, то лишь слегка. Он нахмурился, не в силах поверить в происходящее, и наконец сказал:

— Если все это не фокус… Знаешь, мне не помешала бы твоя помощь. Расскажи, что ты можешь для меня сделать.

Азазель заговорил, а когда закончил, глаза Карневана блестели.

— Даже малой толики хватило бы…

— Нет ничего проще, — настаивал Азазель. — Все готово. Церемония продлится недолго, и я объясню, что делать на каждом этапе.

Карневан прищелкнул языком и улыбнулся:

— Нет, никак не могу поверить. Убеждаю себя, что ты настоящий, но в глубине души подыскиваю рациональное объяснение. Кстати говоря, найти его несложно. Стоит убедиться, что ты и впрямь тот, кем себя называешь…

— Что ты знаешь о тератологии? — перебил его Азазель.

— В смысле? Да так… То же, что и все.

Азазель медленно распрямился, и Карневан рассмотрел его облачение: плащ до самых пят, сшитый из черного, тускло мерцающего материала.

— Раз уж я не могу покинуть пентаграмму и у меня нет иных средств убеждения, придется пойти на крайние меры.

Глядя, как изящные тонкие пальцы возятся с застежками, Карневан изнывал от тошнотворного предчувствия. Наконец Азазель раздвинул полы плаща, а мгновением позже вновь укутался в свои одежды. Карневан не шевельнулся, но теперь по его подбородку струилась кровь из прокушенной губы.

После паузы он попробовал заговорить, сипло проскрежетал что-то невразумительное, а когда вновь обрел голос, тот оказался непривычно визгливым. Карневан осекся на полуслове и ушел в угол, где постоял, прижавшись лбом к стене. Наконец вернулся на прежнее место. Лицо вновь стало невозмутимым, хотя кожа блестела от испарины.

— Я согласен, — сказал он. — Итак?

— Вот что надо сделать… — начал Азазель.

Следующим утром Карневан сидел за столом и тихо беседовал с демоном. Тот устроился в кресле напротив, невидимый и неслышимый для всех, кроме одного человека. В окна били косые солнечные лучи, а прохладный ветерок приносил в комнату глухое урчание автомобильных моторов. Тело демона скрывалось под складками плаща, а красивую черепообразную голову выбелил солнечный свет. Азазель казался невероятно реальным.

— Потише, — предупредил он. — Меня никто не услышит, но тебя — запросто, так что говори шепотом или просто думай, а я прочту твои мысли.

— Спасибо за подсказку. — Карневан потер свежевыбритую щеку. — Надо бы составить план кампании. Чтобы заполучить мою душу, тебе

придется попотеть.

— Что? — на мгновение озадачился демон, но тут же тихо рассмеялся: — Я к твоим услугам.

— Во-первых, нельзя вызывать подозрений. Если сказать правду, никто не поверит. К тому же не хочется, чтобы меня сочли сумасшедшим. Конечно, нельзя исключать, что я и впрямь сошел с ума, — логически рассудил Карневан, — но предлагаю пока не рассматривать этот вариант. Что насчет мадам Неферт? Много ли она знает?

— Вообще ничего, — сказал Азазель. — Когда я контролировал ее, она была в трансе. Очнувшись, ничего не вспомнит. Но если хочешь, могу ее убить.

— Э, полегче! — вскинул руку Карневан. — Давай не будем повторять ошибок Фауста и ему подобных. Никакого хулиганства. Нельзя, чтобы власть ударила в голову. Такое до добра не доведет. Все убийства должны быть продиктованы крайней необходимостью. Кстати, велика ли моя власть над тобой?

— Довольно велика, — признался Азазель.

— Допустим, я попрошу… вернее, прикажу тебе умереть. Ты покончишь с собой?

Вместо ответа демон взял со стола нож для бумаг и вонзил лезвие глубоко в складки плаща.

Вспомнив, что скрывается под этим одеянием, Карневан второпях отвел взгляд.

— Демон не может покончить с собой, — улыбнулся Азазель и положил нож на место. — Никоим образом.

— Тебя что, вообще нельзя убить?

— Ты не в силах этого сделать, — ответил Азазель после недолгой паузы.

— Просто интересуюсь, — пожал плечами Карневан. — Проверяю, что к чему. Хочу знать, какие у меня возможности. Но ты обязан повиноваться мне, верно? — (Азазель кивнул.) — Итак, не стану просить, чтобы на меня свалился миллион долларов золотом. У людей появятся вопросы, да и владеть таким количеством золота противозаконно. Все преимущества должны быть обретены естественным путем, не вызывая ни малейших подозрений. Если Элай Дейл умрет, фирма останется без старшего партнера. Я получу эту должность, и жалованья будет вполне достаточно.

— Могу сделать тебя первейшим богачом на свете, — предложил демон.

— То есть у меня появится все и сразу? — усмехнулся Карневан. — И что потом? Нет, хотелось бы чувствовать, что я достиг всего сам. Конечно,

не без твоей помощи. Когда раскладываешь пасьянс, можно слукавить разок или жульничать всю дорогу, а это разные вещи. Я верю в себя и хочу укрепить эту веру, пощекотать свое эго. Со временем люди вроде Фауста пресытились всемогуществом, а царь Соломон, наверное, умер от скуки, ведь ему не приходилось ни о чем думать. Готов спорить, что у него атрофировались мозги. Вспомни Мерлина, — с улыбкой продолжил Карневан. — Он настолько привык призывать демонов по любому пустяковому поводу, что в итоге его перехитрила ушлая девица! Нет, Азазель, я хочу, чтобы Элай Дейл умер самым естественным образом.

Демон уткнулся взглядом в свои изящные бледные руки, и Карневан пожал плечами:

— Ты умеешь менять форму?

— Разумеется.

— Какой вид можешь принять?

Не ответив, Азазель превратился в большого черного пса, затем в ящерицу, гремучую змею, Карневана и самого себя, после чего поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее.

— Все эти личины не помогут нам убить Дейла, — хмыкнул Карневан. — Надо выбрать что-то не вызывающее подозрений. Знаешь, что такое

болезнетворные микроорганизмы?

— Да, — кивнул Азазель. — Я же читаю твои мысли.

— Можешь превратиться в токсин?

— Почему бы и нет? Определись с подходящим вариантом, я найду образец, скопирую атомарную структуру и напитаю ее своей жизненной силой.

— Спинальный менингит, — призадумался Карневан. — Весьма смертоносная штука. Дейл уже немолод и вряд ли излечится от спинального менингита. Вот только не помню, вирус это или бактерия.

— Без разницы, — сказал Азазель. — Найду предметное стекло с образцом — к примеру, в больнице, — а потом материализуюсь в организме Дейла под видом болезни.

— С теми же симптомами?

— Да.

— Неплохо. Токсины распространятся по тканям, и Дейлу придет конец. А если нет, попробуем что-нибудь еще.

Азазель исчез, и Карневан вернулся к работе. Время тянулось медленнее обычного. Кое-как досидев до перерыва, Карневан пообедал в ближайшем кафе, где, удивляясь своему аппетиту,

задумался, чем сейчас занят его знакомый демон. Во второй половине дня позвонила Диана, прознавшая о помолвке Филлис и Карневана. Оказалось, что она уже успела поговорить с Филлис.

Карневан повесил трубку и, сдержав приступ буйного гнева, набрал номер невесты. Ему сказали, что Филлис нет дома.

— Передайте, что я заеду вечером, — проворчал Карневан, после чего грохнул трубкой о рычаг и даже вздохнул от облегчения, увидев в кресле укутанного в плащ демона.

— Готово, — сообщил Азазель. — Я про спинальный менингит. Дейл еще не знает, что болен, но токсины стремительно захватывают его организм. Смелый эксперимент, но успешный.

Карневан сосредоточился на мыслях о Филлис. Да, он любит ее, это несомненно, но… Черт побери! Она невероятно чопорная. Настоящая пуританка. Да, в прошлом Карневан сделал ошибку. Не ровен час, Филлис решит, что одной ошибки предостаточно, и разорвет помолвку. Да ну, быть такого не может! В современном мире амурные грешки не удивят даже девицу, воспитанную в Бостоне. Карневан угрюмо уставился на свои ногти.

Через некоторое время он под выдуманным предлогом заявился в кабинет к Дейлу, где спросил совета по незначительной деловой проблеме, а заодно рассмотрел физиономию старика. Если не считать раскрасневшихся щек и блеска в глазах, тот выглядел вполне нормально, однако Карневан знал, что Дейл уже получил черную метку и вскорости умрет, освободив должность старшего партнера. То есть первый шаг сделан.

Что до Филлис и Дианы… Господи, о чем тут думать? Теперь у Карневана есть знакомый демон, могущественный союзник, способный решить любые проблемы, включая эту! Но каким образом? Этого Карневан пока не знал, но твердо верил, что в любом случае начинать надо с ординарных методов, дабы не попасть в чересчур сильную зависимость от магии.

Вечером он отпустил Азазеля и отправился домой к Филлис, а по пути заехал на квартиру к Диане.

Сцена была скоротечной, но чрезвычайно бурной. Стройная, черноволосая, разъяренная и очаровательная Диана заявила, что не позволит Карневану жениться.

— Почему это? — осведомился он. — Милая, если тебе нужны деньги, ты их получишь.

Диана принялась нелестно высказываться о Филлис и даже швырнула на пол пепельницу. Более того, топнула по ней ногой.

— Значит, я тебе в жены не гожусь, а она годится?!

— Сядь и помолчи, — предложил Карневан. — Успокойся, проанализируй свои эмоции…

— Скотина ты бездушная, вот ты кто!

— …и разберись с очевидными фактами, — продолжил Карневан. — Ты меня не любишь, а на крючке держишь потому, что тебе нравится власть. Как любая собственница, ты не хочешь, чтобы я достался другой женщине.

— Жаль мне эту другую женщину! — выкрикнула Диана и схватила еще одну пепельницу.

В тот миг она была невероятно красива, но Карневан был не в настроении восхищаться ее красотой.

— Ну ладно, — сказал он, — скажу прямо. Подыграй мне, и не будешь ни в чем нуждаться. У тебя появятся деньги и все остальное. Но если продолжишь строить козни, непременно об этом пожалеешь.

— Меня не так-то просто запугать! — отрезала Диана. — Куда это ты собрался? К блондиночке своей, что ли?

Карневан одарил ее непробиваемой улыбкой, накинул плащ и исчез.

Дома у блондиночки он столкнулся с новыми трудностями — не сказать, что неожиданными. Наконец Карневан переспорил служанку и был препровожден к снежной королеве, сидевшей на диване в абсолютном молчании. Королеву звали миссис Мардрейк.

— Джеральд, моя Филлис не желает вас видеть. — Каждое слово миссис Мардрейк было увесистым, словно булыжник.

Карневан препоясал чресла и начал говорить. Говорил он хорошо, убедительно и почти поверил, что Диана — это миф, а вся интрижка выдумана кем-то из злопыхателей. Какое-то время миссис Мардрейк держала оборону, но все же капитулировала:

— Скандала быть не должно. Если в словах этой женщины есть хоть крупица правды…

— У людей моего положения хватает недругов, — сказал Карневан, тем самым напомнив хозяйке дома, что являет собою богатый улов, и миссис Мардрейк вздохнула:

— Ну что ж, Джеральд, попрошу мою Филлис принять вас. Ждите здесь.

Она выплыла из комнаты, и Карневан сдержал

улыбку, хотя знал, что объясниться с невестой будет не в пример труднее.

Выходить она не спешила, и Карневан догадывался, что миссис Мардрейк никак не может убедить свою Филлис в непогрешимости жениха. Он побродил по комнате, достал портсигар, окинул взглядом викторианский интерьер и решил не курить.

Внимание привлекла тяжелая семейная Библия на подставке. От нечего делать Карневан подошел к ней и раскрыл на случайной странице. В глаза бросился следующий пассаж:

«…Кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое, или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией…»

Карневан машинально коснулся лба. То была инстинктивная реакция, и он улыбнулся причудливой метафоре.

Предрассудок! С другой стороны, вера в демонов — такой же предрассудок.

Тут вошла Филлис с лицом столь мученическим, что всем своим видом напоминала героиню поэмы Генри Лонгфелло, Эванджелину из Акадии. Сдержав нелюбезный порыв стукнуть невесту, Карневан хотел взять ее за руки, но не поймал, а посему проследовал за ней к дивану.

У пуританства и набожного воспитания имеются свои недостатки, думал он. И это стало еще очевиднее, когда десятью минутами позже Филлис по-прежнему отказывалась верить в невиновность жениха.

— Я не обо всем рассказала матери, — тихо произнесла она. — Эта женщина говорила такое… В общем, я поняла, что она не лжет.

— Я люблю тебя, — невпопад заявил Карневан.

— Нет, не любишь. Иначе не связался бы с этой женщиной.

— Даже если это было до нашего с тобой знакомства?

— Простить можно многое, — сказала она, — но не это.

— Тебе, — заметил Карневан, — нужен не муж, а бездушный истукан.

Пробить броню ее фарисейства оказалось невозможно, и Карневан вышел из себя. Он возражал, умолял и презирал себя за мольбы и возражения. Это ж надо! Сколько женщин на свете, а его угораздило влюбиться в закоснелую пуританку! От молчания Филлис у него едва не началась истерика, и он чуть было не осквернил проклятиями царившую в комнате атмосферу религиозного спокойствия, понимая, что его унижают самым

жестоким образом. В глубине души он вздрагивал и сжимался от непрекращающегося бичевания, а Филлис твердила:

— Я люблю тебя, Джеральд, но ты меня не любишь, и я не могу тебя простить, поэтому умоляю, уйди, пока не сделал еще хуже.

Кипя от возмущения, пунцовый Карневан пулей вылетел на улицу, где ему сделалось дурно: ведь он, как ни старался, не сумел сохранить лицо! Ах, Филлис, Филлис, вышколенная Филлис, холодная как айсберг, фарфоровая кукла в вымороченном мирке, чьи скудные эмоции благопристойны, будто кружевные салфетки! Карневан замер у машины. Его трясло от ярости и мутило от всепоглощающего желания сделать так, чтобы Филлис почувствовала боль той же силы, какую только что причинила своему жениху.

В машине что-то шевельнулось. Ах да, Азазель. Чудовищное тело укутано в плащ, а на белокостном лице не прочесть ничего, кроме равнодушия.

— Девчонка… — просипел Карневан и ткнул большим пальцем за спину. — Она… она…

— Можешь не говорить, — промурлыкал Азазель. — Я прочел твои мысли и выполню… твое

желание.

Он исчез. Карневан прыгнул за руль, сунул ключ зажигания в замок и едва не сломал его, заводя мотор. Как только автомобиль тронулся с места, из дома Филлис вырвался кинжально-тонкий пронзительный вопль.

Карневан ударил по тормозам, закусил губу и развернулся.

Вызванный в спешке врач сообщил, что у Филлис Мардрейк сильнейшее нервное потрясение, причина коего неизвестна, но разумно будет предположить, что девушка не выдержала тяжелого разговора с Карневаном (тот молча кивал, дабы не развеять это заблуждение). Что касается Филлис, она лежала, стеклянно глядя в потолок, и время от времени корчилась в судорогах, а иной раз с ее уст срывалось: «Плащ… а под плащом…» После чего она то заливалась истерическим смехом, то визжала от ужаса, пока не вымоталась до полной потери сознания.

Врач сказал, что она поправится, но не сразу, а через некоторое время, поэтому Филлис определили в частную клинику, где она билась в истерике при каждой встрече с доктором Джоссом, чья лысина прямо-таки бросалась ей в глаза. Филлис все реже бредила о плащах, и вскоре

Карневану было дозволено проведать невесту, поскольку она сама о том попросила. Размолвку подлатали, эмоциональные прорехи заштопали, и Филлис начала склоняться к признанию собственной неправоты. По выздоровлении она все же выйдет замуж за Карневана, но чтобы впредь никаких фокусов.

Пережитый ею шок, угнездившись в пределах подсознания, напоминал о себе лишь в минуты помутнений рассудка и в частых ночных кошмарах. Карневан был рад, что Филлис не запомнила Азазеля, хотя в последнее время довольно часто общался с демоном, реализуя очередное злодейство.

Начало ему было положено вскоре после нервного срыва Филлис. Диана не переставала названивать Карневану на работу. Поначалу тот разговаривал с ней вежливо, хоть и лаконично, но потом сообразил: Диана, по сути дела, повинна в том, что Филлис едва не сошла с ума, а посему заслуживает страданий. Нет, не смерти. Умереть может любой. К примеру, Элай Дейл, уже слегший от спинального менингита. Нет, наказание Дианы должно быть более утонченным, и пусть это будет пытка сродни той, что выпала на долю Филлис.

Пришло время вызвать демона на инструктаж.

— Ее надо свести с ума, но медленно и постепенно, — говорил Карневан с весьма неприятным выражением лица. — Пусть поймет, что с ней происходит. Скажем так: начни с мимолетных видений, перерастающих в серию необъяснимых происшествий. Подробных указаний дать не могу, еще не придумал. Диана говорила, что ее не так-то просто запугать, — заключил он и встал, чтобы сделать коктейль.

Карневан предложил демону выпить, но тот отказался. Он неподвижно сидел в темном углу и поглядывал в окно, под которым раскинулся Центральный парк.

— Погоди-ка… — задумался вдруг Карневан. — Считается, что демоны — злые создания. Скажи, тебе нравится причинять людям боль?

— Известно ли тебе, что такое зло? — повернулся к нему невероятно красивый череп.

— Понимаю, о чем ты. — Карневан добавил содовой к ржаному виски. — Это вопрос семантики, словесной игры. Разумеется, термин выбран произвольно. У человечества свои стандарты…

— Ты говоришь о моральном антропоморфизме, основанном на самовлюбленности, — сверкнул переливчато-раскосыми глазами Азазель, — но

игнорируешь фактор окружающей среды, хотя твои понятия о добре и зле сформированы с оглядкой на физические свойства этого мира.

Карневану (он пил уже шестой коктейль) захотелось поспорить:

— Что-то не пойму… Мораль — это порождение разума и чувств, разве нет?

— У всякой реки есть свое верховье, — возразил Азазель, — но нельзя ставить знак равенства между Миссисипи и Колорадо. Случись людям эволюционировать в ином мире — допустим, в моем, — ваша концепция добра и зла была бы совсем иной. У муравьев тоже имеется социальная иерархия, но она не похожа на вашу, поскольку муравьи существуют в другой среде.

— К тому же люди отличаются от насекомых.

— Мы с тобой тоже отличаемся друг от друга, — пожал плечами демон. — Гораздо сильнее, чем ты отличаешься от муравья, ибо вами, людьми, руководят два основных инстинкта: самосохранение и продолжение рода. А демоны не способны размножаться.

— И это подтвердят почти все специалисты по демонологии, — кивнул Карневан. — Наверное, поэтому вы воруете детей, а вместо них оставляете подменышей. Кстати, к чему такое

разнообразие нечисти? — (Азазель вопросительно взглянул на него.) — Ну, гномы, кобольды, тролли, джинны, оборотни, вампиры…

— Людям известно лишь о нескольких наших разновидностях, — объяснил Азазель. — К чему разнообразие? Ответ очевиден. Ваш мир стремится к упорядоченной структуре в состоянии стазиса. Знаешь, что такое энтропия? Ультимативная цель вашей вселенной — единство, неизменное и непреложное. В конце концов ваши эволюционные ветви сомкнутся в определенной точке, а ответвления вроде моа и гагарки вымрут, как вымерли динозавры и мамонты, и в итоге не останется ничего, кроме порядка. Моя же вселенная стремится к физической анархии: в начале был лишь один вид, но в конце наступит полный хаос.

— То есть твоя вселенная — негатив моей, — задумался Карневан. — Постой-ка! Говоришь, демоны не могут умереть? И не способны размножаться? В таком случае откуда взяться прогрессу?

— Я сказал, что демоны не могут убить себя, — напомнил Азазель. — Смерть от внешнего воздействия — дело другое. Это же относится и к размножению.

— Но должны же у вас быть эмоции, — вконец запутался Карневан, — ведь инстинкт самосохранения основан на страхе смерти!

— Эмоции демонов не похожи на человеческие. С клинической точки зрения я способен проанализировать и понять реакцию Филлис. Девушка воспитана в строжайшем ключе и подсознательно противится этому, но даже не помышляет вырваться из-под родительской тирании. Для нее ты был символом свободы. Она втайне восхищалась тобой, завидовала тебе, потому что ты мужчина и, по ее мнению, сам себе хозяин. Любовь — неискренний синоним слову «размножение», а душа — воображаемая сущность, обязанная своим появлением инстинкту самосохранения. Другими словами, ни любви, ни души не существует, а сознание Филлис затерялось в лабиринтах подавленных комплексов, страхов и надежд. Пуританство — ее способ обрести благополучие. Вот почему она не простила тебе интрижку с Дианой. Отказ от прощения был для нее способом вернуться в безопасные пределы привычного жизненного шаблона.

— Продолжай, — заинтересовался Карневан.

— Увидев меня, Филлис перенесла сильнейший психологический стресс, и на какое-то время у

руля встало ее подсознание. Поэтому она помирилась с тобой. Она эскапистка; поскольку прежняя картина мира оказалась небезопасной, Филлис согласилась выйти за тебя, чтобы вновь сбежать от реальности и реализовать свое стремление к благополучию.

Смешивая очередной коктейль, Карневан кое-что вспомнил:

— Говоришь, души не существует?

— Ты неправильно меня понял, — съежился Азазель под саваном плаща.

— Это вряд ли. — Карневан почувствовал, как пьяное онемение сменяется холодным ужасом. — Мы заключили сделку: ты служишь в обмен на мою душу. Но теперь ты объяснил, что у меня нет души. В таком случае зачем ты мне помогаешь? Каковы твои реальные мотивы?

— Вот сейчас ты сам себя пугаешь, — проворчал демон, но в его неземном взгляде мелькнула настороженность. — С начала времен любая религия основывалась на гипотезе о существовании души.

— Так она существует?

— Почему бы и нет?

— На что она похожа? — спросил Карневан.

— Тебе не представить, — ответил Азазель, —

потому что не с чем сравнивать. Кстати, Элай Дейл скончался две минуты назад. Поздравляю, теперь ты старший партнер.

— Спасибо, — кивнул Карневан. — Если хочешь, сменим тему, но рано или поздно я докопаюсь до истины. Если у меня нет души, тебя интересует что-то другое. Однако вернемся к разговору о Диане.

— Ты хочешь свести ее с ума?

— Нет, я хочу, чтобы это сделал ты. Она шизоид: худощавая, с длинными конечностями, до смешного самоуверенная. Построила жизнь на фундаменте, в реальности которого не сомневается, и надо сделать так, чтобы этой реальности не стало.

— Итак?

— Она боится темноты, — неприятно улыбнулся Карневан. — Будь вкрадчив, Азазель. Пусть она услышит голоса. Пусть увидит, как за ней следят. Пусть у нее разовьется мания преследования, а органы чувств подводят один за другим. Вернее, не подводят, а обманывают. Пусть ей почудится запах, которого не чувствуют другие, а пища покажется ядовитой. Пусть она начнет осязать что-нибудь… неприятное, а при необходимости… что-нибудь увидит.

— А я еще спрашивал, известно ли тебе, что такое зло… — Азазель встал со стула. — Но мой интерес исключительно клинический. Я могу понять, почему это важно для тебя, но не более того.

Зазвонил телефон. Карневану сообщили, что Элай Дейл умер от спинального менингита.

Чтобы отпраздновать это событие, Карневан приготовил еще один коктейль и поднял тост в честь Азазеля, уже отбывшего к Диане. Костлявое, жесткое лицо Карневана почти не раскраснелось от выпитого. Стоя в центре комнаты, он медленно поворачивался кругом и рассматривал мебель, книги, безделушки. Неплохо бы переехать в другую квартиру, побольше и получше. В квартиру, подходящую молодоженам. Интересно, как скоро Филлис окончательно выздоровеет? Азазель… Что ему нужно? Определенно, не душа. Но что?

Прошло две недели. Однажды вечером Карневан позвонил в дверь Дианы. Та спросила «кто там?» и сперва чуть приоткрыла дверь, а потом уже впустила гостя.

Увидев, как она изменилась, Карневан даже вздрогнул, хотя выглядела Диана не хуже обычного, если не считать обильного макияжа, наводившего на определенные мысли: этот маки-

яж был символом ментального экрана, которым Диана пыталась отгородиться от сверхъестественного вмешательства.

— Господи, Диана, что стряслось? — заботливо спросил Карневан. — Когда мы говорили по телефону, мне показалось, что у тебя истерика. Я же сказал вчера, что тебе надо к врачу.

Диана кое-как вытащила из пачки сигарету, а когда Карневан услужливо чиркнул спичкой, руки его любовницы едва заметно вздрогнули.

— Была я у врача. Он… не помог мне, Джерри. Как же хорошо, что ты больше не сердишься.

— Конечно не сержусь. Ты присядь, присядь… Вот и умница. Сейчас принесу тебе выпить. С чего бы мне сердиться? Мы с тобой неплохо ладим, а Филлис… видишь ли, мы взяли паузу в отношениях. Сама знаешь, она в лечебнице и выйдет еще не скоро, и не факт, что помешательство пройдет бесследно… — Он многозначительно умолк.

Диана откинула с лица черные волосы и повернулась к нему:

— Джерри, тебе не кажется, что я схожу с ума?

— Нет, — ответил он. — Думаю, тебе нужно отдохнуть. Или сменить обстановку.

Но Диана уже отвлеклась. Склонив голову к плечу, она прислушивалась к беззвучному голо-

су. Подняв глаза, Карневан увидел, что в центре комнаты стоит Азазель. Очевидно, девушка не замечала демона, но слышала его слова.

— Диана! — окликнул ее Карневан.

Она со вздохом взглянула на него и спросила дрогнувшим голосом:

— Прости, о чем мы говорили?

— Что сказал врач?

— Ничего особенного.

Ей не хотелось развивать эту тему. Она приняла из рук Карневана коктейль, подозрительно взглянула на него, пригубила и отставила бокал в сторону.

— Что-то не так? — спросил Карневан.

— На, попробуй. У него нормальный вкус?

— Обычный.

Интересно, какой привкус почудился Диане — горький миндаль? Очередная иллюзия искусного Азазеля. Карневан провел ладонью по волосам Дианы, с восхищением понимая, что девушка теперь в его власти. Какая безжалостная месть, думал он. Даже странно, что муки Дианы не пробудили в нем ни капли сострадания. Ведь Карневан знал, что не является воплощением зла. Эта проблема стара как мир, и все зависит от произвольных понятий «хорошо» и «плохо».

— Ее силы на исходе, — сказал Азазель, но его слышал только Карневан. — Думаю, завтра она сломается. Человек с биполярным расстройством способен на самоубийство, так что я приму соответствующие меры. Любое оружие обожжет ей руки, словно раскаленная кочерга.

Не сказав больше ни слова, демон исчез. Карневан хмыкнул. Допивая коктейль, краем глаза он заметил какое-то движение. Осторожно повернул голову, но ничего не увидел. Что это было? Какая-то черная тень, бесформенный зародыш. Карневан понял, что у него дрожат руки. Интересно почему? В глубоком изумлении он отставил стакан и обвел комнату внимательным взглядом.

Общение с демоном впервые подействовало на него подобным образом. Наверное, это реакция на встречу с Азазелем. Несомненно, до сего дня Карневан, сам того не замечая, держал нервы в узде (в конце концов, демоны — сверхъестественные создания), но теперь расслабился.

Периферийным зрением он вновь заметил черное облако. На сей раз не шевельнулся, но попробовал проанализировать этот образ. Сущность маячила на границе поля зрения. Карневан незаметно покосился на нее, и бесформенного

черного облака как не бывало.

Бесформенного? Нет, подумал Карневан, это облако походило на веретено, поставленное на попа и совершенно неподвижное. Его руки задрожали так, как не дрожали никогда.

— Что такое, Джерри? — взглянула на него Диана. — Я тебя нервирую?

— Работа замучила, — сказал Карневан. — Теперь я, знаешь ли, старший партнер. Что ж, мне пора. А ты сходи завтра к врачу, пусть еще раз тебя посмотрит.

Она не ответила, лишь проводила его взглядом.

По пути домой Карневан опять видел веретено из черного тумана, зависшее где-то сбоку, но ни разу не рассмотрел его, хотя угадывал в этом объекте смутно знакомые черты. Какие? Не понять, но руки дрожали, а интеллект, впавший в ледяную ярость, боролся с необоснованным животным ужасом. Карневан видел нечто чужеродное или… Нет, не видел, поскольку сущность ускользала от него и растворялась в воздухе. Может, это Азазель?

Он позвал демона по имени, но ответа не было. Поднявшись в квартиру, Карневан хлопнул дверью, закусил нижнюю губу и крепко задумался.

Как же это?.. Что же это?.. Почему же это… видение навевает столь необъяснимую жуть?

Карневан не знал. Наверное, дело в призрачном намеке на знакомые черты, коих он так и не различил. Он чувствовал, что эти черты невыразимо ужасны, но сгорал от болезненного желания рассмотреть их как следует. Сидя в своей квартире, в этом безопасном убежище, он вновь заметил злополучное веретено, теперь у окна, и развернулся к нему лицом. Черное облако вмиг исчезло, но на секунду Карневана охватил иррациональный ужас, тошнотворное предчувствие, что он мог увидеть нечто, против чего восстало бы все его существо.

— Азазель… — тихо позвал он.

Ничего.

— Азазель!

Карневан налил себе выпить, закурил сигарету и схватил какой-то журнал.

Вечером и ночью его ничто не беспокоило, но утром, едва он открыл глаза, черное веретено метнулось в сторону и исчезло.

Карневан позвонил Диане. Та сказала, что ей гораздо лучше.

Азазель, по всей видимости, отлынивал от дел, если только не принял образ черного веретена.

Карневан в спешке отправился на работу, велел принести ему чашку черного кофе, но в итоге предпочел выпить молока, поскольку нервы нуждались не в стимуляции, а в успокоении.

Дважды за утро в кабинете появлялось черное веретено, и оба раза Карневан с ужасом понимал: стоит бросить на эту сущность прямой взгляд и он тут же рассмотрит ее в мельчайших подробностях. Понимал, что делать этого нельзя, но все равно пробовал — разумеется, безрезультатно.

Работа не ладилась. В скором времени Карневан отложил дела и отправился в лечебницу. Филлис чувствовала себя гораздо лучше и говорила о предстоящей свадьбе, но Карневан понял, что его намерения уже не столь однозначны, когда из уютной светлой палаты выскользнуло черное веретено.

Что хуже всего, он знал: даже если рассмотреть эту призрачную сущность, он не сойдет с ума — к несчастью, так как ему хотелось обратного. Инстинктивная реакция организма подсказывала, что безумие — лучший выход из положения, ведь в человеческой вселенной (или любой другой вселенной сродни человеческой) не существует ничего способного породить столь зияющую пустоту в теле и вызвать отвратительное чувство,

будто вся клеточная структура пытается отпрянуть от этого… этого веретена.

Он вернулся на Манхэттен, едва не угодив в аварию на мосту Джорджа Вашингтона: зажмурился, чтобы не увидеть того, чего уже не было в салоне автомобиля, когда Карневан вновь открыл глаза. Солнце успело сесть, и на фоне фиолетового неба высились сверкающие башни Нью-Йорка, чья геометрическая аккуратность казалась неприветливой, неотзывчивой и лишенной всякого тепла. Карневан припарковался у бара, где проглотил две порции виски и ушел, как только в зеркале мелькнуло черное веретено.

Дома он сел, схватился за голову и просидел так не меньше пяти минут, а когда встал, его лицо было целеустремленным, а в глазах мерцала злоба. Однако он сумел взять себя в руки.

— Азазель… — И громче: — Азазель! Я твой владыка! Явись мне!

Твердой как сталь мыслью он нащупывал демона, но в глубине сознания копошился бесформенный страх. Может, это черное веретено и есть Азазель? Если так, примет ли он привычную форму?

— Азазель! Я, твой владыка, призываю тебя! Повинуйся!

Материализовавшись из пустоты, демон предстал перед Карневаном. Белокостное лицо оставалось равнодушным, переливчато-раскосые глаза, лишенные зрачков, — бесстрастными. Тело под плащом дрогнуло и застыло.

Карневан со вздохом опустился в кресло:

— Ну, рассказывай. Что происходит? В чем подвох?

— Я вернулся в свой мир, — невозмутимо объяснил Азазель, — и остался бы там, но ты призвал меня.

— Что это за черное веретено?

— Сущность из другого мира, — сказал демон. — Не твоего. И не моего. Она преследует меня.

— Почему?

— Помнишь легенды о том, как людей преследуют демоны? В моем мире меня преследует эта сущность.

— Веретено? — Карневан облизнул пересохшие губы.

— Да.

— Что это такое?

— Не знаю, — сжался Азазель. — Могу лишь сказать, что эта сущность внушает ужас и никак не оставит меня в покое.

— Нет. — Карневан крепко зажмурился и с

силой надавил пальцами на глаза. — Нет. Это безумие. Сущность, которая преследует демона? Откуда она взялась?

— Мне знакомы лишь две вселенные — твоя и моя. Что касается этого создания, оно существует вне наших секторов времени.

— Так вот почему ты вызвался служить мне? — догадался Карневан.

— Да, — подтвердил Азазель, не меняясь в лице. — Сущность подбиралась все ближе, и я решил, что отделаюсь от нее, если сумею переместиться в твою вселенную. Но она последовала за мной.

— В общем, ты не мог попасть в этот мир без моей помощи и все разговоры насчет души — пустая болтовня.

— Да, это так, и сущность последовала за мной, но, когда я сбежал обратно в свою вселенную, этого не повторилось. Допускаю, что отныне эта сущность заперта здесь. Возможно, она умеет перемещаться лишь в одном направлении: из своего мира в мой, а из моего в твой, но не обратно. Уверен я лишь в одном: она осталась в твоей вселенной.

— Да, осталась, — подтвердил сильно побледневший Карневан, — и теперь мешает мне жить.

— Она и на тебя наводит ужас? Любопытно. Физически мы такие разные…

— Я вижу ее лишь краем глаза. На что она похожа?

Азазель не ответил. В комнате повисла тишина. Наконец Карневан подался вперед и сложил руки на коленях:

— Это веретено преследует тебя, но стоит тебе сбежать в свой мир, как оно переключается на меня. Почему?

— Понятия не имею, Карневан. Я ничего о нем не знаю.

— Но ты же демон! У тебя сверхъестественные способности!

— Сверхъестественные? Только для тебя. Но бывают силы, сверхъестественные и для нас, демонов.

Карневан налил себе выпить и прищурился:

— Ну хорошо. У меня достаточно власти, чтобы удержать тебя в этом мире. Иначе ты не откликнулся бы на мой зов. Другими словами, положение безвыходное. Пока ты здесь, эта сущность будет преследовать тебя, а я не позволю тебе вернуться в твой мир, чтобы она не стала гоняться за мной — как, собственно говоря, и произошло. Хотя теперь веретено исчезло.

— Никуда оно не исчезло, — безжизненно сообщил Азазель.

— Я могу приказать сознанию не бояться, но тело… — Карневана вдруг затрясло.

— Эта сущность наводит ужас даже на меня, — сказал Азазель. — Не забывай, я рассмотрел ее, и если буду вынужден остаться в твоем мире, она меня уничтожит.

— Люди не раз изгоняли демонов, — вспомнил Карневан. — Нет ли способа изгнать это веретено?

— Нет.

— Кровавое жертвоприношение? — занервничал Карневан. — Святая вода? Колокол, книга и свеча? — Произнося эти слова, он понимал, сколь глупо они звучат, но Азазель, похоже, задумался.

— Нет, эти варианты не годятся. Но жизненная сила…

Черный плащ вздрогнул.

— Элементалей тоже удавалось изгнать, — сказал Карневан. — Если верить фольклору. Но сперва надо сделать так, чтобы они стали видимы и осязаемы. Накачать их эктоплазмой, или кровью, или чем-то еще…

Поразмыслив над его фразой, демон кивнул:

— Другими словами, надо свести уравнение к

простейшему общему знаменателю. Человек не способен противостоять бесплотному духу, но, если заманить его в оболочку из крови и плоти, дух вынужден будет подчиниться законам физики. А что, Карневан, неплохая мысль!

— То есть?..

— Эта сущность чужда обоим нашим мирам, но, если подвести ее под общий знаменатель, я смогу ее уничтожить — как уничтожил бы тебя, если это пошло бы мне на пользу. И конечно, если бы я не обещал служить тебе. Допустим, я принесу жертву этой сущности; на какое-то время она приобретет естественные характеристики жертвы, так что человеческая жизненная сила подойдет как нельзя лучше.

— Думаешь, сработает? — горячо заинтересовался Карневан.

— Пожалуй. Я принесу в жертву какого-нибудь человека. На недолгое время эта сущность получит некоторые из его характерных черт, а демону нетрудно уничтожить человеческое существо.

— Принесешь в жертву…

— Диану. Так проще всего, ведь я уже пробил брешь в твердыне ее сознания. Пора сломать остальные барьеры. Это будет психическим аналогом ритуального языческого заклания.

Карневан проглотил остатки коктейля.

— И тогда ты избавишься от этого веретена?

— Смею надеяться, — кивнул Азазель. — Но в том, что останется от Дианы, не будет ничего человеческого. Тебя станут допрашивать, хотя я постараюсь обеспечить тебе защиту.

Не дожидаясь возражений, он исчез, и в комнате наступила мертвая тишина. Карневан осмотрелся, ожидая увидеть ускользающее черное веретено, но не заметил ничего сверхъестественного.

Полчаса спустя он сидел в том же кресле, когда зазвонил телефон. Карневан ответил на звонок:

— Алло? Кто? Что? Убита? Нет-нет, сейчас подъеду.

Положив трубку, он распрямился. Его глаза пламенели. Диана… Диана умерла, ее убили самым жестоким образом, и полиция озадачена некоторыми подробностями преступления. Что ж, Карневану ничто не грозит. Даже если он попадет под подозрение, никто ничего не докажет. В этот день он и близко не подходил к Диане.

— Мои поздравления, Азазель, — прошептал Карневан.

Он потушил окурок и повернулся к шкафу, чтобы взять плащ.

За спиной ждало черное веретено, но на сей раз оно не ускользнуло.

Карневан рассмотрел его во всех мелочах, изучил каждую черточку той сущности, которую ошибочно принимал за веретено из черного тумана.

Что хуже всего, он не сошел с ума.

День, которого не было

Айрин вернулась ко мне в день на стыке лет. Это был день, упущенный всеми, кто родился до 1980-го; внекалендарный день между концом старого года и началом нового; переходный день, когда у всех мозги набекрень. Нью-Йорк гудел. Меня преследовали сверкающие рекламные проекции. Я выехал на магистраль, но ничего не изменилось. Еще и беруши дома забыл.

Из круглой решетки над ветровым стеклом заговорила Айрин — на удивление отчетливо, несмотря на вездесущий гул:

— Билл? Где ты, Билл?

С тех пор как я слышал этот голос, прошло шесть лет. На минуту все остальное померкло, словно я рулил в полной тишине. Ни звука, кроме голоса Айрин. Потом я едва не царапнул полицейскую машину, и все — шум, гам, рекламная суматоха — вернулось на свои места.

— Впусти меня, Билл, — сказала из-за решетки Айрин.

Мне померещилось, что я и правда могу ее впустить. Тоненький голос звучал так явственно,

что я представил, как тянусь, открываю решетку и на ладони у меня оказывается крошечная Айрин, само совершенство, и ее высокие каблучки иголками впиваются мне в кожу. В переходный день я могу представить все, что угодно. Все без исключения.

Я взял себя в руки:

— Здравствуй, Айрин. — Мой голос был совершенно спокоен. — Я еду домой. Буду через пятнадцать минут. Дам команду консьержу, чтобы тебя впустили.

— Я подожду, Билл, — отозвался тоненький голос.

Затем я услышал, как щелкнул микрофон на двери моей квартиры, и снова остался один. Мне было странновато и страшновато, и я не знал, хочу ли ее видеть, но машинально съехал на скоростную полосу, чтобы побыстрее оказаться дома.

В Нью-Йорке всегда шумно, но в переходный день здесь шумно вдвойне. Никто не работает, все гуляют и сорят деньгами — если есть чем сорить. Реклама как с цепи сорвалась, дрожит и пульсирует буквально повсюду, и воздух дрожит и пульсирует вместе с ней.

Раз-другой дорога проходила через зоны, эки-

пированные специальными микрофонами и динамиками; те улавливали звук и испускали несинфазный сигнал, создавая ощущение тишины. Минут пять казалось, что я плыву по магистрали как во сне (еще бы, после такой какофонии), но раз в минуту ласковый голос сообщал:

«Спонсор тишины — компания „Горний приют“. С вами говорит Фреддо Лестер».

Не знаю, существует ли этот Фреддо на самом деле. Может, он всего лишь рулон ловко смонтированной кинопленки. А может, и нет. Ясно одно: таких идеальных людей не бывает.

Сейчас многие парни обесцвечивают волосы и выкладывают их завитками на лбу, на манер Фреддо. Я видел, как его лицо скользит в световом круге по фасадам домов в десяти футах над землей, как непринужденно оно встраивается в любую проекцию, как женщины тянутся к нему, хотят потрогать, словно это настоящее лицо, а не картинка. «Фреддо приглашает на завтрак! Гипнотренинг во сне: только вы и голос Фреддо! Покупайте место в „Горнем приюте“». Ага, разбежался.

Я мчал вперед. Зона тишины закончилась, и

на меня обрушился ревущий Манхэттен. КУПИ, КУПИ, КУПИ, снова и снова, на миллион всевозможных ладов, то картинкой, то звуком, то ритмом.

Когда я вошел, она встала. Ничего не сказала. Она носила шляпку по-новому, и макияж у нее был новый, но я узнал бы ее где угодно, в тумане, в кромешной тьме, даже с закрытыми глазами. Тут она улыбнулась, и я увидел, что эти шесть лет все же слегка сказались на ней, и на мгновение я растерялся, и мне снова стало страшновато. Я вспомнил, как сразу после развода на видеофон мне позвонила женщина, накрашенная в точности как Айрин. Хотела продать страховку от рекламы.

Но сегодня — в день, которого, по сути, нет, — это не имело значения. В переходный день законными считаются только сделки с наличностью. Ясное дело, не существует таких законов, которые защитили бы человека от того, чего я опасался, но для Айрин это никогда не имело особенного значения. Сомневаюсь, что до нее хоть раз дошло, что я реален. Не в общих чертах, а по-настоящему. Айрин — порождение нашего мира. И я, разумеется, тоже.

— Непросто будет начать разговор, — заме-

тил я.

— Даже сегодня? В день, которого нет? — спросила она.

— Как знать. — Я подошел к сервобару. — Выпьешь?

— Семь-двадцать-джей, — продиктовала она.

Я набрал на панели «7-20-J» и получил какой-то розовый напиток. Себе взял скотч с содовой и спросил:

— Где ты пропадала? Ты счастлива?

— Пропадала… Так, кое-где. Скажем, расширяла кругозор. Да, я очень счастлива. А ты?

— Ну да, конечно. — Я отхлебнул из стакана. — Вне себя от счастья. Как птичка певчая. Или как Фреддо Лестер.

Едва заметно улыбнувшись, она приложилась к розовому напитку.

— Я не забыла, как ты ревновал меня к Джерому Форэ, когда он был вместо Лестера. Ты еще носил двойной пробор, как у него, помнишь?

— Жизнь — хороший учитель, — ответил я. — Как видишь, я не отбеливаю волос и не леплю завитушек себе на лоб. Теперь я никому не подражаю. Ты, кстати, тоже меня ревновала. И по-моему, у тебя прическа, как у Ниобе Гай.

— Не хотелось препираться с парикмахер-

шей. — Она пожала плечами. — Так проще. И еще я думала, что тебе понравится. Нравится?

— На тебе — да. А Ниобе Гай я стараюсь не рассматривать. И Фреддо Лестера тоже.

— У них даже имена — не имена, а дичь какая-то, правда? — спросила она.

— Ты изменилась, — удивленно заметил я. — Так где пропадала?

Она не смотрела на меня. В тот момент нас разделял десяток футов, и мы слегка побаивались друг друга.

— Билл, — начала она, глядя в окно, — последние пять лет я жила в «Горнем приюте».

Какое-то время я не шевелился. Наконец поднял стакан, глотнул виски и лишь после этого посмотрел на нее. Теперь понятно, почему она не такая, как прежде. Мне и раньше доводилось видеть дам, поживших в «Горнем приюте».

— Что, выгнали? — спросил я.

Но она помотала головой:

— Пяти лет хватило, чтобы получить полную дозу этого счастья. Полнейшую. Раньше я думала, что мне это надо. Но я была не права, Билл. Мне этого не надо.

— Про «Горний приют» я знаю лишь то, что говорят в рекламе, — сказал я. — Но никогда не

верил, что там настолько уж хорошо.

— Ты всегда был умнее меня, Билл, — смутилась она. — Теперь я тоже в это не верю. Но предложение было заманчивое.

— Нельзя решить реальные проблемы, просто наняв людей, чтобы делали всю работу за нас. Так не бывает.

— Знаю. Теперь знаю. Наверное, я немного повзрослела. Но это так трудно… Черт! В наши дни родиться не успел, а тебе уже промыли мозги.

— Ну а как иначе выживать? — спросил я. — Не знаю, какой сегодня общий объем спроса, но явно невысокий. Промышленность проседает изо дня в день. Чтобы мало-мальски свести концы с концами, надо вертеться, но, по сути, это мышиная возня. Хочешь заработать — будь добр выкатить мощную рекламу, а зарабатывать надо, потому что без денег никуда. Беда в том, что они мало у кого есть. Вот, собственно, и все.

— Ну а у тебя? Как у тебя с деньгами? — нерешительно спросила Айрин.

— Это предложение или просьба?

— Конечно предложение, — ответила она. — Мне на жизнь хватает.

— Точно? «Горний приют» — дорогое удовольствие.

— Пять лет назад я вложилась в бумаги корпорации «Лунные оковы», так что теперь, можно сказать, разбогатела.

— Неплохо. У меня тоже все нормально, спасибо. Хотя вбухал целое состояние в защиту от рекламы. Страховые взносы немаленькие, но оно того стоит. Могу гулять по Таймс-сквер в абсолютном спокойствии — даже когда крутят ролики «Дунь-забалдей».

— В «Горнем приюте» реклама запрещена, — сказала Айрин.

— Не верь в эти байки. Сейчас придумали узконаправленную звуковую волну, способную проникать сквозь стены и нашептывать тебе на ухо, когда спишь. Вот такой гипноз. Даже беруши от него не спасают: работает через костную проводимость.

— Если живешь в «Горнем приюте», тебе такое не грозит.

— Но ты больше там не живешь, — заметил я. — И что же заставило тебя покинуть келью?

— Наверное, я повзрослела.

— Наверное.

— Билл… — сказала она, — Билл… Ты женился?

Я не ответил, потому что в окно постучали. Снаружи, стремясь распластаться на стекле, ме-

талась механическая птичка. На груди у нее было что-то вроде поршневой диафрагмы: должно быть, лучевой передатчик, ибо чистый, ясный и вовсе не птичий голос произнес:

— …Поэтому вы просто обязаны попробовать, каковы на вкус наши «Сливочники», просто обязаны!

Окно автоматически поляризовалось и отшвырнуло рекламную птаху куда подальше.

— Нет, — ответил я. — Нет, Айрин, не женился. — Какое-то время смотрел на нее, а потом предложил: — Выйдем на балкон.

Вращающаяся дверь выпустила нас обоих, после чего активировались «Безопасни». Дорогие штуковины, но включены в мой страховой пакет.

На балконе было тихо. Специальные микрофоны перехватывали вой городских объявлений и направляли его к небу. После нейтрализации не оставалось ничего, кроме мертвой тишины. Ультразвук сотрясал воздух, и броская нью-йоркская реклама таяла в размытом каскаде бессмысленных красок.

— Что случилось, Айрин? — спросил я.

— Вот это. — Она обняла меня за шею и поцеловала в губы, после чего отпрянула и стала ждать.

— Что случилось, Айрин? — повторил я.

— Неужели все прошло, Билл? — тихо спросила она. — Неужели ничего не осталось?

— Не знаю, — ответил я. — Господи, не знаю. Мне об этом и подумать боязно.

Боязно. Вот оно, самое подходящее слово. Я ни в чем не мог быть уверен. Мы выросли в рекламном мире — ну и как прикажете разбираться, где ложь, а где истина? Я случайно коснулся панели управления, и «Безопасни» отключились.

Размытые краски мгновенно стянулись в кричащие сигналы, выписанные нюколором и одинаково яркие что днем, что ночью. ЕШЬ СПИ ПЕЙ ГУЛЯЙ, безмолвно кричали они, а потом деактивировался звуковой барьер, и крик перестал быть безмолвным. ЕШЬ СПИ ПЕЙ ГУЛЯЙ! ЕШЬ СПИ ПЕЙ ГУЛЯЙ!

БУДЬ КРАСИВ!

БУДЬ ЗДОРОВ!

БУДЬ НА ПЕРВЫХ РОЛЯХ БУДЬ БОГАТ БУДЬ ОБЪЕКТОМ ЗАВИСТИ БУДЬ ЗНАМЕНИТ!

ДУНЬ-ЗАБАЛДЕЙ!

СЛИВОЧНИКИ! МАРСОПРОДУКТЫ!

БЕГОМБЕГОМБЕГОМБЕГОМБЕГОМ!

НИОБЕ ГАЙ РАССКАЖЕТ — ФРЕДДО ЛЕСТЕР ПОКАЖЕТ — «ГОРНИЙ ПРИЮТ» НА САМЫХ

ВЫГОДНЫХ УСЛОВИЯХ!

ЕШЬ СПИ ПЕЙ ГУЛЯЙ ЕШЬ СПИ ПЕЙ ГУЛЯЙ КУПИ КУПИ КУПИ!

Я даже не сообразил, что Айрин зашлась в крике, пока не почувствовал, как она трясет меня, пока не увидел, как ее побелевшее лицо выплывает из назойливого гипнотического водоворота образов суперрекламы, разработанной лучшими психологами планеты, выкручивающей всем руки, выжимающей из каждого последний цент, потому что людей много, а денег мало.

Одной рукой я снова включил «Безопасни», а другой обнял Айрин. Мы были слегка пьяны. На самом деле реклама не настолько бронебойная, но, когда ты выведен из эмоционального равновесия, нельзя так подставляться. Это опасно. Реклама давит на психику. Выискивает слабые места. Целит в основные инстинкты.

— Ничего-ничего, — сказал я. — Все и так хорошо, а будет еще лучше. Вот смотри, «Безопасни» снова включены, и этой бесовщине сквозь них не пробиться. По-настоящему паршиво только в детстве, когда не умеешь себя защитить. Вот тогда-то и промываются мозги. Да ты не плачь, Айрин. Пошли в дом.

Я переместился к сервобару и заказал еще по

стаканчику. Айрин не переставала лить слезы. Я же не переставал говорить:

— Все эта чертова промывка. Как только начинаешь понимать значение слов, их вколачивают тебе в голову. Кино, телевизор, журналы, книгозаписи, все существующие средства передачи информации. С одной лишь целью: сделать из тебя покупателя. И цели этой добиваются обманом: взращивают искусственные потребности, насаждают страхи, и в конце концов ты перестаешь понимать, что реально, а что — нет. Вообще ничего нет реального, включая наше дыхание. Оно несвежее, поэтому покупай хлорофилловые драже «Дыхни-ка». Проклятье, Айрин, теперь ясно, почему у нас с тобой не заладилось.

— Почему? — глухо спросила она сквозь платок.

— Ты думала, что я — Фреддо Лестер. А я, наверное, думал, что ты — Ниобе Гай. Но они не настоящие люди. Они никогда не меняются, не подстраиваются под обстоятельства. Неудивительно, что институт брака на ладан дышит. Как думаешь, мне когда-нибудь хотелось, чтобы все было иначе?

Я выговорился, и стало полегче. Ждал, когда Айрин перестанет плакать. Она взглянула на

меня поверх платка:

— И никакой больше Ниобе Гай?

— Ну ее к черту, эту Ниобе Гай.

— И ты не спросишь про Фреддо Лестера?

— А зачем? Он всего лишь картинка, как и Ниобе Гай. Наверное, даже в «Горнем приюте» он остается картинкой.

Она бросила на меня странный взгляд, затем высморкалась, моргнула и улыбнулась. До меня не сразу дошло, чего она ждет.

— В прошлый раз, — наконец заговорил я, — я наплел тебе всякой романтики. Но сегодня…

— Что — сегодня?

— Выйдешь за меня, Айрин?

— Выйду, Билл.

В общем, не прошло и двух минут нового года, как мы поженились. Ей захотелось подождать, чтобы год начался по-настоящему. Женитьба в переходный день, сказала она, выглядит как-то ненатурально. Потому что он искусственный. День, которого нет. Я был рад это слышать. В старые времена она о таком даже не задумалась бы.

Сразу после церемонии мы активировали «Полный барьер», чтобы уберечься от таргетированной рекламы, которая набросится на нас, как только крошечные осведомители прознают

о заключении брака. И все равно в церемонию дважды вклинивались объявления для молодоженов.

Мы остались одни в тихой и безопасной нью-йоркской квартире. Снаружи сияли и горланили выдуманные образы, перекрикивали друг друга, обещая славу и богатство. Каждый может стать богаче всех остальных, сделаться красивее, пахнуть приятнее, прожить мафусаилов век. Но нами с Айрин не мог стать никто, кроме нас, реальных нас, укрывшихся в оазисе тишины.

Той ночью мы строили планы. Весьма неопределенные. По всему миру полыхают сотни мелких войн, и путешествовать небезопасно. Луна — исправительная колония. Марс и Венера отсечены железным занавесом по решению правительства. Россия переживает болезненную трансформацию из политико-экономической диктатуры в религиозное общество, выстроенное на околобуддистском фундаменте. Некое подобие покоя сохранилось только в Африке, где экспериментируют с управлением погодой, хотя рабство остается взрывоопасным котлом, в котором закипают неприятности.

Пахотных земель, конечно же, не осталось. Мы задумались, не накупить ли необходимого

оборудования — обустроить клочок земли, поставить там гидропонную установку с функцией самообслуживания. Просто убраться подальше от крупных городов с их рекламой. По-моему, это был не самый реалистичный план.

На следующее утро, когда я проснулся, солнце косилось на кровать, отбрасывая на нее продолговатые полоски света. Айрин в квартире не было.

Сообщений на диктофоне она не оставила. Я прождал до полудня. Постоянно отключал барьер — вдруг она не может со мной связаться, — отключал и включал снова, чтобы спастись от шквала рекламы для новобрачных. В то утро я чуть не спятил. Никак не мог понять, что случилось. К двери подходили люди, что-то вкрадчиво говорили в выключенный микрофон; сперва я их считал, но потом сбился, ведь в череде лиц за односторонним стеклом так и не появилось лицо Айрин. Все утро я расхаживал взад-вперед, пил кофе (после десятой чашки он стал на вкус словно клей) и курил, пока не докурился до тошноты.

Наконец обратился в сыскное бюро. Без особой охоты. После вчерашней ночи, после нашего теплого оазиса тишины мне претила мысль о том, чтобы натравить на Айрин ищеек. Особенно когда я представлял, как она бродит по Манхэттену

с его грохотом, лязгом, потоками и водоворотами рекламных объявлений.

Часом позже из сыскного бюро доложили о ее местонахождении. Я не поверил. На мгновение мне снова показалось, что я ослеп и оглох, что стою, огражденный миниатюрной версией «Полного барьера», а по другую сторону от него — нестерпимо оглушительная жизнь.

Через какое-то время я очухался и услышал конец фразы, звучавшей с экрана видеофона.

— Простите, еще разок? — попросил я.

Человек повторил фразу. Я сказал, что не верю. Снова извинился, щелкнул выключателем и набрал номер своего банка. Отчет сыскного бюро оказался в высшей степени достоверным. Мой баланс равнялся нулю. Утром, когда я места себе не находил, моя женушка вывела со счета восемьдесят четыре тысячи. Само собой, доллар уже не тот, что прежде, но я уже давно копил эти деньги, и больше у меня ничего не было.

— Разумеется, мы все проверили, — говорил мне банковский клерк. — Но не увидели никаких нарушений закона. Она ваша супруга, поскольку брак был заключен не в переходный день, а одной минутой позже и посему не подпадает под амнистию по договорным вопросам.

— Что ж вы у меня не спросили?!

— Не увидели никаких нарушений закона, — твердо повторил он. — Поскольку нам была уплачена стандартная комиссия за вывод всей суммы, у нас не оставалось выбора.

Ну конечно. Комиссия. Я и забыл. Естественно, в банке не пожелали меня известить. И тут я был совершенно бессилен.

— Ну ладно, — сказал я. — Спасибо.

— Если можем быть вам полезны…

Тут цвета изменились, на экране появился логотип банка, и я выключил видеофон. Незачем тратить на меня рекламный ролик.

Не забыв про беруши, я спустился на лифте на третий уличный уровень. Быстроходный тротуар перебросил меня через весь город к офисам «Горнего приюта». Сами квартиры по большей части находились под землей, но офисное здание напоминало собор: здесь стояла столь глубокая тишина, что я спрятал беруши в карман. Бледно-голубое освещение и витражные панели наводили на мысль о похоронном зале.

Я заглянул к одному из управляющих и рассказал об истинной цели моего визита. Кажется, он сперва хотел вызвать охрану. Но потом вперил в меня изучающий взгляд и решил начать с ком-

мерческой отбивки.

— Конечно, — сказал он. — Буду рад услужить. Сюда, пожалуйста. Мистер Филд все вам расскажет.

Он оставил меня у дверей лифта. Спустившись на несколько сот футов, стальная коробка выпустила меня в яркий теплый коридор, где обнаружился приятный розовощекий здоровяк в черном костюме. У него был очень дружелюбный голос.

— «Горний приют» всегда готов прийти на помощь, — промурлыкал мистер Филд. — Времена сейчас беспокойные, и все знают, как непросто под них подстроиться. Поэтому мы продаем оптимальную инсценировку счастья. Вы не поверите, с какой легкостью решаются все ваши проблемы.

— Знаю, что решаются, — сказал я. — Где моя жена?

— Сюда, пожалуйста.

Он повел меня по коридору. С обеих сторон были двери, некоторые — с металлическими пломбами, такими маленькими, что надписи не читались с расстояния. Наконец мы подошли к открытой двери. Внутри было темно.

— Сюда, — пригласил мистер Филд, и его боль-

шая теплая ладонь легко толкнула меня за порог.

Включился мягкий свет. Я увидел неказистую комнатку, весьма скудно обставленную (минимум мебели, да и та ширпотребная), бесцветную и безликую, словно чистенький номер посредственной гостиницы. Я был удивлен.

— Ванная, — объявил мистер Филд, открывая следующую дверь.

— Прекрасно, — сказал я, не заглянув в ванную. — А теперь насчет моей жены…

— Обратите внимание, — невозмутимо продолжил мистер Филд, — что здесь встроенная кровать. Вот кнопка… — Он продемонстрировал кровать. — А вот кнопка, чтобы снова спрятать ее в стену. Простыни из пластика, то есть вечные. Раз в день по резервуару, где хранится все постельное белье «Горнего приюта», циркулирует моющее средство, и с наступлением ночи в вашем распоряжении чистая свежезастланная постель. Согласитесь, это весьма привлекательно.

— Непременно соглашусь.

— Горничная вас не побеспокоит, — продолжил мистер Филд. — Постель заправляют магнитные силовые линии. Электромагниты…

— Не трудитесь, — сказал я, когда он потянулся

к очередной кнопке. — Даром время тратите. Так вы отведете меня к жене?

— Мы защищаем своих клиентов, — возразил он, приподняв брови. — Сперва я должен объяснить вам, как функционирует «Горний приют». Минутку терпения. Я абсолютно уверен, что вы поймете, почему нас рекомендуют друзьям.

Я обдумал его слова. Комнатка нагоняла на меня тоску. Я был изумлен и в то же время настроен весьма скептически. Не верилось, что эта унылая клетушка и есть пресловутый «Горний приют», но в тот день мне вообще ни во что не верилось. В голову пришла банальная мысль: наверное, все это снится. Снится с тех самых пор, как из-за решетки в машине тоненько и ясно заговорила Айрин. С тех пор, как она попросила ее впустить.

Мне показалось, что она так… так изменилась, повзрослела, раскаялась, что она так отличается от той безответственной Айрин, с которой я расстался шесть лет назад. Я решил, что на этот раз все будет иначе, что переходный день сотворит на стыке лет свою магию и даст нам второй шанс. День, которого нет в календаре. День, когда невозможное становится возможным. Мне до сих пор не верилось…

— А здесь… — мистер Филд вытащил из стены

мундштук с резиновой трубкой, — устройство для курения. Можете курить любой сорт табака, какой только пожелаете. Мы даже готовы предоставить вам… кхе-кхе… импортные ингалянты, если они вызывают у вас интерес. Курительные устройства установлены в стенах с пятифутовым интервалом — везде, включая ванную. Все в этой комнате пожаробезопасно, — по-доброму улыбнулся он, — все, кроме ее жильца, но в «Горнем приюте» невозможно получить травму.

— А если жилец упадет с кровати?

— Здесь эластичный пол.

— Как в психушке, — кивнул я.

Мистер Филд снова улыбнулся и покачал головой:

— Такие мысли перестанут приходить вам в голову, когда вы вольетесь в счастливую семью наших клиентов. Уверяю, в «Горнем приюте» счастье гарантировано. Далее… — Он указал на стену пухлой ладонью. — Вот отверстие пищепровода. Заказанные вами блюда доставляют в комнату пневмопочтой. А если предпочитаете жидкую пищу… — Он обвел рукой ряд трубочек с сосками.

— Красивые, — сказал я. — Это все?

— Еще нет. — Он коснулся стены, в воздухе что-

то замерцало, и я услышал далекий музыкальный напев. — Присядьте, пожалуйста, на минутку.

Он вежливо подтолкнул меня к стулу. Я не сопротивлялся. Страшненькая комната дрогнула у меня перед глазами. Мне стало любопытно. Я ждал.

Ждал и думал, глазея сквозь мерцание на дурацкую стену и дурацкий ковер на полу: неужели все ослепли? Неужели уверились, что уродство — это роскошь, и только благодаря крутой рекламе «Горнего приюта»? Хотя меня это не удивило бы.

— Теперь же откиньтесь на спинку стула и расслабьтесь, — дружелюбно посоветовал мистер Филд. — Насколько вы помните, «Горний приют» спонсирует не только Фреддо Лестера, но и Ниобе Гай. Мы обслуживаем и женщин, и мужчин. У нас есть ответы на все непростые личностные вопросы нашей непростой эпохи. Подумайте, насколько трудно мужчине подстроиться под общество. Или под женщину. Сами знаете, что теперь это почти невозможно. Но в «Горнем приюте» эта проблема решена, ибо мы продаем счастье. Удовлетворяем все человеческие аппетиты и потребности. Вот оно, счастье, друг мой. Вот оно, счастье.

Теперь его голос звучал приглушенно. С воз-

духом что-то происходило. Он сгустился, музыкальный напев обрел ритм с намеком на артикуляцию. Мистер Филд не умолкал, но говорил все тише:

— У нас крупная организация. В цену заложены все вероятные потребности клиента. Выписывайте чек на любой период времени — хоть на длинный, хоть на короткий, — и можете остаться в этой комнате. Пока время оплачено, она ваша. Если пожелаете, на период договора аренды дверь можно запечатать, и тогда она будет открываться только изнутри. Плата составляет…

Я с трудом улавливал слова — голос превратился в едва различимый шепот.

Воздух сделался густым, точно молоко, он растекался красками, как у меня на балконе под защитой «Полного барьера».

Мне показалось, что я слышу еще один голос.

— Только подумайте, — шептал мистер Филд, — с раннего детства вас учили ждать самых невероятных чудес. Но чудес не бывает — нигде, кроме как в «Горнем приюте». Вот оно, счастье. По сравнению с величием той цели, которой вы вот-вот достигнете, наша цена совсем невелика. Друг мой, вот она, идеальная жизнь. Вот они, небеса обетованные.

Из клубящегося воздуха мне улыбалась Ниобе Гай.

Самая красивая женщина в мире. Олицетворение всех желаний. Воплощение славы, счастья, богатства, здоровья и благополучия. Много лет меня вынуждали стремиться к этим недостижимым идеалам и объясняли, что все они — суть Ниобе Гай. Но прежде я никогда не оказывался в одной с ней комнате, не видел ее такой реальной, осязаемой, теплой и живой, тянущей ко мне руки…

Само собой, это была проекция. Но доведенная до совершенства во всех тактильно-сенсорных подробностях. Я чуял аромат духов, осязал, как ее руки обвивают меня, как скользит по моей ладони прядь ее волос, чувствовал вкус ее губ — не хуже, чем тысячи других мужчин, целующие Ниобе Гай в своих подземных квартирах.

Именно эта мысль, а не ощущение поплывшей реальности заставила меня оттолкнуть Ниобе Гай и сделать шаг назад. Но Ниобе Гай было все равно. Она продолжала обнимать пустоту.

Тут-то я и понял, что провалил последнюю проверку на здравомыслие, ведь я уже не мог отличить правду ото лжи. Ты не выдерживаешь последнего экзамена, когда иллюзия оживает,

когда ты можешь коснуться рекламной картинки, обнять ее и поцеловать, словно настоящую женщину. Так пал мой последний бастион.

Я смотрел, как Ниобе Гай ласкает воздух, как воплощение наижеланнейшей красоты готовится к совокуплению с пустым местом.

Потом я открыл дверь и вышел в коридор, где меня ждал мистер Филд. Он оторвался от изучения своего блокнота и поднял на меня глаза. Наверное, опыта ему было не занимать, поскольку он лишь пожал плечами и кивнул:

— Что ж, если все-таки заинтересуетесь, вот вам моя визитка. К вашему сведению, многие возвращаются. Обдумают все хорошенько и возвращаются.

— Многие, но не все, — сказал я.

— Нет, не все. — Он посерьезнел. — По-моему, у некоторых врожденная резистентность. Вероятно, вы принадлежите к их числу. Если так, мне вас жаль. Там, снаружи, сущий бедлам. В котором, кстати говоря, никто не виноват. Выживаем как можем, других способов не знаем. Но вы подумайте. Не исключено, что чуть позже…

— Где моя жена? — перебил я.

— Вон там, — показал он. — Простите, но ждать не стану, я страшно занят. Где лифт, вы уже зна-

ете.

Я слышал, как удаляются его шаги. Я подошел к двери и постучал. Подождал. Ответа не было.

Я постучал снова, сильнее и громче, но звук был глухой, и я понял, что в комнате его не слышно. На небесах обетованных клиенту ничто не угрожает.

Я заметил на двери круглую металлическую пломбу. Теперь я стоял совсем близко, поэтому сумел прочесть мелкий шрифт: «Запечатано до 30 июня 1998 года, уплачено наличными».

В уме я произвел кое-какие подсчеты. Да, она истратила все деньги, все восемьдесят четыре тысячи долларов. Договор аренды истекает через несколько лет.

Какой же фокус она выкинет в следующий раз?

Больше стучать я не стал. Проследовал за мистером Филдом, нашел лифт, поднялся на уличный уровень. Ступил на скоростной тротуар и поехал в Манхэттен. Повсюду надрывалась ослепительная реклама. Я нашел в кармане беруши и воспользовался ими по назначению. Но они помогают только от звука. Сияющие водовороты визуальных образов расползались по зданиям, проскальзывали за углы, обнимали монолитные

стены. Куда ни глянь, отовсюду на меня пялился Фреддо Лестер.

Послеобраз его физиономии не перестал жечь мне сетчатку, даже когда я зажмурил глаза.

Авессалом

Вечерело. Иоиль Локк, высокий сорокалетний молчун с прохладно-серыми глазами и ртом, вечно искривленным в зародыше сардонической усмешки, вернулся домой из университета, где заведовал кафедрой психономики, открыл боковую дверь, тихо вошел, замер и прислушался. Гудел пылеуловитель, а это значило, что домработница Авигея Шуллер трудится не покладая рук. Тонко улыбнувшись, Локк повернулся к стенной панели, по его прибытии отъехавшей в сторону.

Скромных размеров лифт бесшумно доставил Локка на второй этаж, где он с великой осторожностью подкрался к двери в конце коридора и застыл перед ней, опустив голову и рассеянно глядя в пустоту. Тишина. Немного постояв так, он отворил дверь и ступил в комнату.

В тот же миг его объяла нерешительность, и он словно примерз к полу, но почти не изменился в лице, разве что поджал губы. Строго напомнив себе о необходимости соблюдать тишину, Локк стрельнул глазами по сторонам.

Комната вполне могла принадлежать не вось-

милетнему мальчишке, но заурядному парню двадцати лет. Кипа книгозаписей, рядом с ней кое-как расставлены теннисные ракетки. Работал тиаминатор. Локк машинально щелкнул выключателем и резко обернулся. Видеофон не подавал признаков жизни, но Локк готов был поклясться, что с экрана за ним только что наблюдали.

И не впервые.

Через некоторое время Локк снова повернулся к книгам, присел на корточки, повертел в руках экземпляр «Краткого курса энтропийной логики» и нахмурился. Вернул цилиндр на место, бросил еще один задумчивый взгляд на видеофон и отправился вниз.

Пальцы Авигеи Шуллер порхали над панелью управления «Экономкой», а губы были крепко сомкнуты — едва ли не крепче, чем стянут на затылке чопорный пучок седеющих волос.

— Добрый вечер, — поздоровался Локк. — Где Авессалом?

— Играет во дворе, брат Локк, — ответила домработница, соблюдая должные формальности. — Вы вернулись раньше обычного. Я еще не закончила с гостиной.

— Так включите ионы, пусть себе шустрят, — сказал Локк. — Это же недолго. Все равно мне

надо проверить контрольные.

Он шагнул к выходу, но Авигея многозначительно кашлянула.

— Да?

— У него изможденный вид.

— Значит, игры на свежем воздухе пойдут ему на пользу, — отрезал Локк. — Я планирую отправить его в летний лагерь.

— Брат Локк, — сказала Авигея, — я в толк не возьму, почему вы не пускаете его в Нижнюю Калифорнию? Ведь он туда всем сердцем стремится. Раньше вы дозволяли ему учить самые трудные науки, а тут прямо рогом уперлись. Это, конечно, не моего ума дело, но видно же, что он совсем зачах.

— Пусти я его, он зачах бы куда сильнее. Я не желаю, чтобы он изучал энтропийную логику, и на то есть свои причины. Вы хоть знаете, что такое энтропийная логика?

— Нет, и вам это хорошо известно. Я темная женщина, брат Локк, но Авессалом — он как солнышко ясное.

— У вас талант к преуменьшению. — Локк раздраженно махнул рукой. — Солнышко ясное!

Пожав плечами, он переместился к окну и выглянул на игровую площадку, где его восьми-

летний сын развлекался игрой в ручной мяч. Авессалом не поднял глаз (по всей видимости, он был поглощен игрой), но Локк изучающе смотрел на него и чувствовал, как в сознании ворочается вкрадчивый зябкий ужас. Заведя руки за спину, он вцепился ладонью в ладонь.

Мальчику было восемь, но выглядел он на десять, а уровень его зрелости соответствовал двадцатилетнему возрасту. С таким непросто. Многие родители столкнулись с этой же проблемой, поскольку в последнее время с процентным графиком рождения гениальных детей творилось что-то непонятное. По умам нового поколения пошла ленивая рябь, неторопливо производя на свет небывалую породу живых существ. Локк прекрасно это понимал. В свое время он тоже был гениальным ребенком.

«Пусть другие родители решают эту проблему по-своему, — упрямо думал он. — Другие, но не я».

Он знал, что нужно Авессалому. Знал, и все тут. Пусть другие отправляют своих детей в вертепы, чтобы чада развивались в обществе себе подобных. Другие, но не Локк.

— Авессалому место здесь, — произнес он вслух, — со мной, чтобы я мог… — Поймав на себе

взгляд домработницы, Локк вновь раздраженно пожал плечами и подхватил оборвавшийся ранее разговор. — Как солнышко… Ясное дело! Но он пока не готов изучать энтропийную логику, да еще в Нижней Калифорнии. Энтропийная логика! Ребенок попросту не способен переварить столь сложный предмет, и даже вам это понятно. Это же не леденец на палочке, которым можно угостить мальчишку — прежде удостоверившись, что в аптечке имеется касторовое масло. Авессалом — незрелый ребенок, и отправлять его в университет Нижней Калифорнии, чтобы учился бок о бок с людьми втрое старше его… это попросту опасно для здоровья. Мой сын не готов к такому умственному напряжению, и я не хочу, чтобы он превратился в психопата.

Авигея кисло скривила тонкий рот:

— Но вы же разрешили ему заниматься математикой…

— Ой, да хватит вам! — Локк бросил еще один взгляд на мальчонку во дворе, помолчал и добавил: — По-моему, настало время нового контакта.

Домработница остро глянула на него, разомкнула губы, желая что-то сказать, но передумала и сомкнула их столь демонстративно, что Локку

послышался сухой неодобрительный щелчок. Конечно же, она не до конца понимала, что такое контакт и зачем он нужен. Знала лишь, что в наши дни можно принудить человеческое существо к гипнозу, заставить его волей-неволей раскрыть свое сознание, а потом обыскать оное на предмет запретных мыслей. Еще крепче сжав губы, она помотала головой.

— Не надо лезть в то, чего не понимаете, — сказал Локк. — Говорю же, я знаю, в чем нуждается Авессалом. Потому что тридцать лет назад сам был на его месте. Мне ли не знать? Позовите его в дом, ладно? Я буду у себя в кабинете.

Нахмурив брови так, что между ними образовалась складка, Авигея смотрела Локку вслед. Ох, непросто это — знать, как будет лучше. Нынешние нравы таковы, что ты обязана держаться в строгих рамках приличий и совершать одни лишь правильные поступки, но иногда не так-то просто понять, каков он, этот правильный поступок. В стародавние времена, во времена всеобщей распущенности после ядерных войн, когда каждый творил что душе угодно, жить, наверное, было попроще. Теперь же, на самом пике расцвета пуританской культуры, все ожидают от тебя, что ты подумаешь дважды и покопаешься

у себя в душе, прежде чем сделать что-нибудь сомнительное.

Что ж, на сей раз у Авигеи не было выбора. Она включила настенный микрофон и сказала:

— Авессалом?

— Да, сестра Шуллер?

— Ступай в дом. Тебя хочет видеть отец.

В кабинете Локк на мгновение задумался, после чего подошел к микрофону домашней связи:

— Сестра Шуллер, мне нужно кое-кому позвонить. Пусть Авессалом подождет.

Он уселся перед приватным видеофоном и сноровисто набрал запрос:

«Свяжите меня с доктором Райаном из вайомингского вертепа для вундеркиндов. Звонит Иоиль Локк».

Ожидая ответа, он лениво потянулся к полке с антикварными диковинками, взял старомодную книгу в цельнотканевом переплете, раскрыл ее и прочел:

«И разослал Авессалом лазутчиков во все колена Израилевы, сказав: когда вы услышите звук трубы, то говорите: Авессалом воцарился в Хевроне».

— Брат Локк? — донеслось из видеофона.

На экране появилось приятное мужское лицо,

обрамленное седыми волосами. Локк положил книгу на место и приветственно поднял руку:

— Доктор Райан, простите за навязчивость.

— Ничего страшного, — сказал Райан. — У меня полно времени. Предполагается, что вертепом заведую я, но на деле ребята управляются самостоятельно — так, как им удобно. — Он тихо усмехнулся. — Как дела у Авессалома?

— Всему есть свои пределы, — угрюмо ответил Локк. — Я предоставил мальчику полную свободу действий, подготовил обширный учебный план, но теперь Авессалом собрался изучать энтропийную логику. Ее преподают всего в двух университетах. Ближайший в Нижней Калифорнии.

— Он мог бы летать на учебу на вертолете… — начал Райан, но Локк неодобрительно проворчал:

— Долго добираться. Кроме того, там требуют, чтобы студенты жили в кампусе и соблюдали строгий режим. Предполагается, что для овладения энтропийной логикой необходима интеллектуальная и физическая дисциплина. Но это чепуха на постном масле. Я прекрасно освоил вводный курс в домашних условиях. Правда, для визуализации пришлось пользоваться трехмер-

ными проекциями.

Вежливо посмеявшись, Райан сказал:

— Наши ребята тоже интересуются энтропийной логикой. А вы… хм… вы уверены, что поняли ее основы?

— Угу. В достаточной мере. Настолько, чтобы увидеть: мальчику сперва надо расширить кругозор, а уже потом изучать энтропийную логику.

— С ней у нас проблем не возникает, — заметил доктор. — Не забывайте, что ваш Авессалом — не обычный ребенок. Он гений.

— Знаю. И понимаю, какая на меня возложена ответственность. Чтобы Авессалом оставался уверен в себе, ему необходимо нормальное домашнее окружение. Вот вам и первая причина, по которой я пока не готов отпустить его в Нижнюю Калифорнию. Я хочу, чтобы у меня была возможность его защитить.

— Мы уже беседовали на эту тему, и каждый остался при своем мнении. Вундеркинды в полной мере самостоятельны, Локк. Все без исключения.

— Авессалом гений, но он еще ребенок, и у него нет чувства меры. Он не осознает, какие опасности его подстерегают. Говорите, ваши вундеркинды управляют вертепом сами? Так,

как им удобно? Я считаю, что это губительная ошибка. Именно по этой причине я не отправил Авессалома в вертеп. Вы собираете гениальных мальчиков вместе, чтобы они с боем выгрызали место в иерархии себе подобных. Это полностью искусственная среда.

— Не буду с вами спорить, — сказал Райан. — Дело ваше. По всей видимости, вы отказываетесь признавать, что в наше время число гениев увеличивается в арифметической прогрессии. Стабильно растет. А следующее поколение…

— В детстве я сам был гением, но я это пережил, — недовольно бросил Локк. — У меня хватало неприятностей с отцом. Он был тиран, и, если бы не мое везение, он искалечил бы мне психику. Самым беспощадным образом. Я подстроился, но не без проблем. И не хочу, чтобы такие же проблемы появились у Авессалома. Именно для этого я пользуюсь психономикой.

— Наркосинтезом? Принудительным гипнозом?

— Никакой он не принудительный! — возмутился Локк. — Это полезнейший ментальный катарсис. Под гипнозом Авессалом рассказывает мне все, что у него на уме, и я получаю возможность ему помочь.

— Не знал, что вы такое практикуете, — с расстановкой выговорил Райан. — И я далеко не уверен, что это хорошая мысль.

— Я же не учу вас управлять вертепом!

— Нет. Меня учат дети. Почти все они поумнее меня.

— Незрелый разум опасен. Ребенок поедет кататься на коньках, не проверив толщину льда. А лед тонкий. Не подумайте, что я не даю Авессалому раскрыть его потенциал. Я просто проверяю, не тонок ли лед, выдержит ли он моего сына. Энтропийная логика… Я способен ее понять, а он — пока нет. Поэтому ему придется подождать.

— И?..

— И… — Локк помедлил. — Вы не знаете, связываются ли с Авессаломом ваши ребята?

— Не знаю, — ответил Райан. — Я в их жизнь не лезу.

— Ладно, но я не хочу, чтобы они лезли в мою. Или в жизнь Авессалома. Узнайте, пожалуйста, не выходят ли они с ним на связь.

После долгой паузы Райан медленно произнес:

— Попробую. Но на вашем месте, брат Локк, я бы отпустил Авессалома в Нижнюю Калифорнию, раз уж он того хочет.

— Я сам разберусь, как лучше, — буркнул Локк

и завершил разговор, после чего вновь устремил взгляд на Библию.

Энтропийная логика!

Когда мальчик достигнет совершеннолетия, его соматические и физиологические характеристики окажутся в пределах нормы, но пока что маятник качается самым произвольным образом. Авессалому необходим жесткий контроль — для его же блага.

И по некой причине в последнее время сын старается избегать гипнотических контактов. Что-то здесь не так.

Локк лихорадочно думал то об одном, то о другом. Он совсем забыл, что его ждет Авессалом, и вспомнил об этом, только когда ожил настенный передатчик и голосом Авигеи сообщил, что ужин подан.

За столом Авигея Шуллер расположилась между отцом и сыном, словно Атропа, готовая перерезать нить разговора, коль скоро тот перестанет ее устраивать. Локк чувствовал, как в нем нарастает давнишнее раздражение: с какой стати Авигея решила, что обязана защищать Авессалома от его собственного отца? Наверное, поэтому он долго молчал, но в конце концов поднял тему Нижней Калифорнии:

— Как вижу, ты взялся изучать положения энтропийной логики. — (Авессалом и бровью не повел.) — Ну как, уже убедился, что она для тебя слишком сложна?

— Нет, пап, — ответил Авессалом, — не убедился.

— Основы матанализа могут показаться ребенку довольно доступными, но если углубиться… Я прочел твою книгу по энтропийной логике, сынок, прочел от начала до конца, и она оказалась сложной даже для меня. А ведь у меня сознание взрослого человека.

— Ну да, у тебя сознание взрослое, а у меня пока детское. Я в курсе. Но все равно не считаю, что эта наука выходит за пределы моего разумения.

— Дело вот в чем, — сказал Локк, — если ты станешь ее изучать, у тебя может развиться психотическое расстройство и ты не сумеешь вовремя распознать его симптомы. Но если во время учебы мы будем устанавливать контакт, ежевечерне или хотя бы через день…

— Но энтропийной логике учат не здесь, а в Нижней Калифорнии!

— В том-то и беда. Если хочешь, можем дождаться моего саббатикала, субботнего года, и я поеду с тобой. Или курс по энтропийной логике

начнут читать где-нибудь поближе. Пойми, в моей позиции нет никакого самодурства. Мною движет одна лишь логика.

— Да, — сказал Авессалом, — с логикой у тебя все в порядке. Есть одна лишь трудность, и она нематериальная: ты считаешь, что мое сознание не готово усвоить энтропийную логику, что такие знания ему навредят, а я убежден в обратном.

— Вот именно, — подтвердил Локк. — У тебя есть преимущество: ты знаешь себя лучше, чем я тебя. Но есть и недостаток: ты незрелое дитя без чувства меры. А мое преимущество в том, что я опытнее тебя.

— Но этот опыт твой, и только твой, пап. И каким же боком твое преимущество относится ко мне?

— Это, сынок, позволь уж мне решать.

— Может, и позволю, — сказал Авессалом. — Но жаль, что я не уехал в вертеп для вундеркиндов.

— А здесь тебе разве плохо? — обиженно спросила Авигея, и мальчик бросил на нее теплый любящий взгляд:

— Конечно нет, Ави. Вы же сами знаете.

— С шизофренией тебе жилось бы гораздо хуже, — язвительно заметил Локк. — К примеру, энтропийная логика предполагает, что для ре-

шения проблем, связанных с относительностью, необходимо понимать темпоральную вариативность.

— Ой, у меня сейчас голова разболится, — сказала Авигея. — Если волнуетесь, как бы Авессалом не перенапряг мозги, не стоит разговаривать с ним такими словами. — Она нажала на пару кнопок, и эмалированные миски скрылись в соответствующем отсеке. — Кофе, брат Локк… Тебе молоко, Авессалом, а мне чашечку чая.

Локк подмигнул сыну, но у того остался мрачный вид. Взяв чашку, Авигея перешла к камину. Смахнула веничком несколько крошек золы, удобно устроилась среди подушек и протянула костлявые ноги к жарко горящим поленьям. Локк похлопал себя по губам, сдерживая зевок.

— Пока мы не разрешим этот спор, сынок, все должно оставаться как есть. Больше не берись за книги по энтропийной логике. Ни за ту, что у тебя уже имеется, ни за другие. Договорились?

Ответа не последовало.

— Договорились? — настойчиво повторил Локк.

— Не думаю, — ответил Авессалом после паузы. — Вообще-то, из этой книгозаписи я уже почерпнул кое-какие мысли.

Глядя поверх столешницы, Локк поражался несоответствию: такое детское тельце и столь невероятно развитое сознание.

— Ты еще юн, — сказал он. — Несколько дней не имеют никакого значения. Не забывай, что с юридической точки зрения я осуществляю над тобой контроль, хотя воспользуюсь этой привилегией только в том случае, если ты согласишься, что мои действия оправданны.

— Для тебя, может, и оправданны, а для меня не оправданны, — возразил Авессалом, ковыряя ногтем скатерть.

Локк встал и положил ладони мальчику на плечи:

— Обсудим это снова и будем обсуждать, пока не добьемся компромисса. Теперь же мне надо проверить контрольные.

Он вышел.

— Он хочет как лучше, Авессалом, — сказала Авигея.

— Конечно, Ави, — кивнул мальчик, но погрузился в раздумья.

На следующий день Локк рассеянно отработал свои пары и в полдень позвонил доктору Райану в вайомингский вертеп для вундеркиндов. Райан вел себя чересчур непринужденно и уклончиво.

Он сказал, что поспрашивал у ребят, не общаются ли они с Авессаломом, и те ответили, что нет, не общаются.

— Но они запросто соврут, если сочтут, что ложь оправданна, — добавил он с необъяснимым весельем в голосе.

— Что смешного? — осведомился Локк.

— Не знаю, — ответил Райан. — То, как детишки меня терпят. Да, иной раз я им полезен, но… изначально планировалось, что я буду ими управлять. А теперь они управляют мной.

— Вы шутите?

— Я питаю огромное уважение к вундеркиндам, — посерьезнел Райан. — И считаю, что вы воспитываете сына самым неправильным образом. Год назад я был у вас дома. Этот дом — ваш, и только ваш, Авессалому принадлежит лишь одна комната. Ему запрещено оставлять свои вещи где-либо еще. Вы контролируете его самым чудовищным образом.

— Я пытаюсь ему помочь.

— Уверены, что знаете, как сделать это правильно?

— Несомненно, — отрубил Локк. — Даже если я не прав, это не означает, что фил… фили…

— Любопытно, — сказал Райан самым безза-

ботным тоном. — Слова «матрицид», «патрицид» или «фратрицид» не вызвали бы у вас затруднений. Но совершить филицид, убить собственного сына… Такое случается крайне редко. За этим словом приходится лезть в карман.

— Что, черт возьми, вы хотите сказать? — Локк свирепо вытаращился на экран.

— Будьте осторожны, — только и ответил Райан. — За пятнадцать лет в этом вертепе я уверовал в теорию мутации.

— В детстве я и сам был гением, — повторил Локк.

— Ну да, ну да. — Райан внимательно смотрел на него. — Интересно, знаете ли вы, что мутация считается кумулятивной? Три поколения тому назад в мире насчитывалось два процента гениальных детей. Два поколения назад — пять процентов. Одно поколение… короче говоря, арифметическая прогрессия, брат Локк. И коэффициент умственного развития растет в такой же прогрессии. Ваш отец… он ведь тоже был гением?

— Да, был, — признался Локк. — Но не сумел приспособиться к своей гениальности.

— Так я и думал. Для мутации требуется время. С теоретической точки зрения прямо сейчас

мы наблюдаем переход от Homo sapiens к Homo superior, от человека разумного к человеку господствующему.

— Знаю. Это вполне логично. Каждое поколение мутантов — по крайней мере, в рамках доминантной мутации — делает шаг вперед и так далее, пока миру не явится человек господствующий. А каким он будет…

— Думаю, этого нам не узнать, — тихо перебил его Райан. — И не понять. Интересно, как скоро это случится? В следующем поколении? Вряд ли. Пять поколений? Десять, двадцать? И каждое сделает свой шажок, раскроет еще одну потенциальность, присущую нашему виду, — пока он наконец не достигнет пиковой точки развития. Пока не родится сверхчеловек, Иоиль.

— Авессалом — никакой не сверхчеловек, — трезво заметил Локк. — И даже не сверхдитя.

— Вы уверены?

— Господи боже! Думаете, я не знаю собственного сына?

— Отвечать на этот вопрос я не стану, — сказал Райан, — но уверен, что вундеркиндов из своего вертепа я знаю вовсе не так хорошо, как хотелось бы. Бельтрам — он заведует денверским вертепом — говорит то же самое. Эти вундеркинды — следу-

ющий этап мутации. Мы с вами — представители вымирающего вида, брат Локк.

Локк изменился в лице. Не сказав больше ни слова, он выключил видеофон.

Прозвенел звонок, пора было идти на следующую пару, но Локк не двигался. Его лоб и щеки покрылись легкой испариной.

В скором времени его губы изогнулись в весьма неприятной улыбке. Он кивнул и отвернулся от видеофона.

Домой прибыл в пять. Тихо вошел через боковую дверь и поднялся на лифте на второй этаж. Дверь в комнату Авессалома была закрыта, но из-за нее доносились негромкие голоса. Какое-то время Локк слушал, а потом требовательно постучал в деревянную панель:

— Авессалом, спустись. Нам надо поговорить.

Он вошел в гостиную, попросил Авигею где-нибудь погулять, встал спиной к камину и дождался Авессалома.

Да будет с врагами господина моего царя и со всеми, злоумышляющими против тебя, то же, что постигло отрока…[57]

---

[57] Примечания: 57
2 Царств, 18: 32.

Мальчик, спокойный, даже безмятежный, остановился лицом к лицу с отцом. Если он и стеснялся, этого не было заметно. Чего ему не занимать, подумал Локк, так это самообладания.

— Я случайно услышал обрывок вашего разговора, Авессалом, — сказал он.

— Тем лучше, — невозмутимо отозвался Авессалом. — Вечером я и сам бы рассказал. Мне же надо как-то продолжать курс по энтропийной логике.

— Кому ты звонил? — спросил Локк, пропустив его слова мимо ушей.

— Одному знакомому мальчику. Его зовут Малькольм Робертс, он из денверского вертепа вундеркиндов.

— Обсуждаете энтропийную логику, да? Мне наперекор?

— Если помнишь, я с тобой не согласился.

— В таком случае, — Локк завел руки за спину и сплел пальцы, — ты также помнишь, как я говорил, что осуществляю за тобой контроль. С юридической точки зрения.

— С юридической, — согласился Авессалом, — но не с моральной.

— Зачем ты приплел сюда мораль?

— Затем, что это вопрос морали. И этики. Многие дети — даже моложе меня — изучают в

вертепах энтропийную логику. Без всякого вреда для себя. Поэтому мне надо или в вертеп, или в Нижнюю Калифорнию. Просто надо, и все.

— Минуточку… — Локк задумчиво склонил голову. — Прости, сынок, я слегка запутался в эмоциях. Давай-ка вернемся в пределы чистой логики.

— Давай, — кивнул Авессалом, и что-то в его голосе подсказало, что он не собирается сдавать позиции.

— Я твердо убежден, что изучение конкретно этой науки может тебе навредить. А я не хочу, чтобы такое случилось. Я хочу, чтобы перед тобой были открыты все дороги. В особенности те, которых не было передо мной.

— Нет. — В тоненьком голосе Авессалома послышалась нетипичная для него зрелость. — Дело не в том, что их не было. Дело в том, что тебе не хватило ума их увидеть.

— Чего? — изумился Локк.

— Ты отказываешься верить, что я способен добиться успехов в изучении энтропийной логики. Это я уже понял. И обсудил с другими вундеркиндами.

— Ты говорил с ними о наших личных делах?

— Они — люди моей расы, — сказал Авесса-

лом. — В отличие от тебя. И умоляю: не распинайся о сыновней любви. Ты сам давным-давно нарушил этот закон.

— Говори-говори, — тихо произнес Локк, едва шевеля губами. — Но смотри, чтобы твои слова не грешили против логики.

— Не грешат. Я думал, что мне еще не скоро придется это сказать, но ошибался. Ты не даешь мне сделать то, что я должен сделать. Не даешь реализовать себя.

— Пошаговая мутация. Кумулятивная. Понятно…

Дрова в очаге разгорелись на славу, спину начало припекать, и Локк сделал шаг вперед. Авессалом едва заметно сжался. Локк внимательно смотрел на него.

— Да, это мутация, — сказал мальчик. — Неполная, но дед был на одном из первых этапов. Ты тоже — на следующем. А я шагнул дальше тебя. Мои дети станут еще ближе к ультимативной мутации. Единственные специалисты по психономике, которые чего-то стоят, — это гениальные дети твоего поколения.

— Спасибо.

— Ты меня боишься, — продолжил Авессалом. — Боишься и завидуешь.

— Ого! — Локк едва не расхохотался. — И где же тут логика?

— Это и есть логика. — Мальчик сглотнул. — Ты убедился, что мутация кумулятивна, и не сумел смириться с мыслью, что я тебя низвергну. В этом твой базовый психологический излом. То же самое было между тобой и дедом, но по-другому. Вот почему ты занялся психономикой. В ней ты божок. Бередишь потаенные способности студенческих умов, вылепливаешь их, как вылепили Адама. И боишься, что я тебя превзойду. А так и будет.

— Вот, значит, почему я разрешил тебе учить любые науки по твоему хотению? — уточнил Локк. — За единственным исключением?

— Да, именно поэтому. Многие гениальные дети учатся на таком надрыве, что выгорают и полностью лишаются умственных способностей. Ты не стал бы так упирать на опасность, если бы — с поправкой на ситуацию — эта мысль не господствовала над твоим рассудком. Да, конечно, ты предоставил мне полную свободу действий. И подсознательно надеялся, что я выгорю. Что перестану быть твоим потенциальным соперником.

— Ах вот оно как…

— Ты позволил мне заниматься математикой,

планиметрией, матанализом, неевклидовой геометрией, но ты всегда шагал со мной в ногу. Или уже был знаком с предметом, или прилежно его зубрил, уверяя себя, что он тебе по плечу. Ты старался делать так, чтобы я тебя не превзошел. Не получил недоступных тебе знаний. Поэтому ты и не позволяешь мне заняться энтропийной логикой.

Лицо Локка сделалось пустым.

— Почему «поэтому»? — холодно осведомился он.

— Потому что ты сам ее не понимаешь, — сказал Авессалом. — Сунулся, а она тебе не по зубам. Тебе не хватает гибкости. Как и твоей логике. Она основана на том факте, что секундная стрелка часов регистрирует шестьдесят секунд. Ты потерял ощущение чуда. Разучился удивляться. Слишком многое перевел из абстрактного в конкретное. А я… я способен, да, способен постичь энтропийную логику. Да, я могу ее осмыслить!

— Ты узнал о ее существовании всего неделю назад, — напомнил Локк.

— Нет. Это если судить по нашим с тобой контактам. Но я уже давно научился не пускать тебя в некоторые уголки моего сознания.

— Это невозможно! — изумился Локк.

— Для тебя — да. Но я — следующий этап мутации. У меня полно талантов, о которых ты и знать не знаешь. И еще… Для своего возраста я недоразвитый. Мальчики из вертепов меня опережают. Их родители следовали законам природы: ведь роль любого родителя заключается в том, чтобы защитить свое потомство. Все шагают в ногу со временем. Все, за исключением незрелых родителей. Таких, как ты.

Локк оставался невозмутим.

— Выходит, я незрелый? Ненавижу тебя? Завидую? Ты полностью в этом уверен?

— Это так или нет?

— Как ни крути, твой разум ниже моего, — сказал Локк, не ответив на вопрос, — и останется таким еще несколько лет. Допустим, раз уж ты того желаешь, твое превосходство заключается… скажем, в гибкости. И талантах человека господствующего. Какими бы они ни были, эти таланты. Теперь же взвесь тот факт, что я физически развитый взрослый человек и ты весишь вполовину меньше моего. Я твой законный опекун. И я сильнее тебя.

Авессалом снова сглотнул, но промолчал. Распрямившись во весь рост, Локк смотрел на мальчика сверху вниз. Его рука сдвинулась к поя-

су, но пальцы нащупали только язычок молнии.

Он пошел к двери. Возле нее обернулся.

— Сейчас я наглядно продемонстрирую, что ты ниже меня, — сказал он с ледяным спокойствием. — Готовься это признать.

Авессалом промолчал.

Локк поднялся на второй этаж. Коснулся кнопки на письменном столе, сунул руку в выдвижной ящик и извлек из него эластичный акриловый ремень. Провел пальцами по прохладной гладкой поверхности, а затем снова направился к лифту.

К этому времени в его губах не осталось ни кровинки.

У двери гостиной он остановился, сжимая в руках ремень. Авессалом не сдвинулся с места, но теперь рядом с ним стояла Авигея.

— Подите прочь, сестра Шуллер, — велел Локк.

— Я запрещаю вам его пороть. — Авигея вздернула голову и сжала губы в струну.

— Подите прочь!

— И не подумаю! Я слышала каждое слово. И все это правда, все без исключения.

— Повторяю, подите прочь! — заорал Локк и бросился вперед, размахивая ремнем.

Тут у Авессалома сдали нервы. Охнув, он в панике бросился наутек, заметался по комнате в

поисках укрытия, но укрыться было негде.

За спиной у него топал Локк.

Авигея схватила веничек для золы и швырнула его Локку под ноги. Теряя равновесие, тот выкрикнул что-то нечленораздельное и тяжело рухнул на пол, выставив непослушные руки, чтобы защититься от травм.

Стукнулся головой об угол стула и обмяк.

Стоя над неподвижным телом, Авигея и Авессалом переглянулись. Женщина вдруг упала на колени и стала всхлипывать.

— Я его убила, — выдавила она так, словно мучилась от боли. — Я убила… Но не могла допустить, чтобы он тебя выпорол, Авессалом! Не могла!

Мальчик закусил нижнюю губу. Нерешительно подошел и осмотрел отца.

— Он жив.

Авигея испустила долгий дрожащий стон.

— Ступайте наверх, Ави, — велел Авессалом, слегка нахмурившись. — Я окажу ему первую помощь. Я умею.

— Не могу же я оставить тебя…

— Милая Ави, — попросил он, — вы вот-вот упадете в обморок. Вам надо прилечь. Ничего страшного не случилось.

Наконец она послушалась и уехала на второй этаж. Авессалом, задумчиво поглядывая на отца, подошел к видеофону. Набрал номер денверского вертепа, вкратце обрисовал ситуацию.

— И как мне поступить, Малькольм?

— Минутку…

После паузы на экране появилась еще одна мальчишеская физиономия.

— Делай так… — заявил самоуверенный тонкий голос, после чего продиктовал замысловатые инструкции. — Ну что, Авессалом, все ясно?

— Вполне. Ему это не навредит?

— Жить будет. У него и так уже психотическая деформация. Добавим еще один узелок, чтобы тебя обезопасить. Это проекция. Он экстернализирует все свои чувства, желания и так далее. Перебросит их на тебя. Не сможет получать удовольствие ни от чего, кроме твоих поступков, но утратит способность тебя контролировать. Тебе известен психономический ключ к его мозгу. Работать в основном придется с лобной долей. С центром Брока будь поосторожнее, афазия нам не нужна. Его надо обезвредить, только и всего. С убийством разбираться проблематичнее. Кроме того, предположу, что ты не хочешь его смерти.

— Нет, — сказал Авессалом. — Он… мой отец.

— Ну и ладно, — прозвенел юный голос. — Экран не выключай. Буду смотреть. Если что, подскажу.

Авессалом повернулся к неподвижной фигуре на полу.

Мир уже давно затуманился. Локк к этому привык. Он способен был функционировать, а посему не стал безумцем — в любом смысле этого слова.

И не мог рассказать никому правды. Ему поставили психоблок. День за днем Локк ходил в университет, преподавал психономику, возвращался домой, ждал и надеялся, что Авессалом позвонит по видеофону.

И когда мальчик звонил, то мог снизойти до рассказа о том, чем занимается в Нижней Калифорнии. О том, чего достиг. Ведь теперь все это имело значение. Только это и имело значение. Проецирование увенчалось успехом.

Авессалом почти не бывал забывчив. Хороший сын. Звонил ежедневно, хотя время от времени, когда звала учеба, почти сразу же отключался. Но Иоиль Локк всегда мог пролистать свои пухлые скрапбуки, полные газетных вырезок и снимков Авессалома. И еще он писал Авессаломову биографию.

В остальное же время он бродил по миру теней

и чувствовал себя живым, лишь когда на экране видеофона появлялось лицо Авессалома.

Но он ничего не забыл.

Он ненавидел Авессалома. Он ненавидел эти жуткие нерушимые узы, навек пристегнувшие его к плоти от его плоти — его, но не совсем, так как на мутационной лестнице плоть Авессалома поднялась на ступеньку выше.

Вечерело. Сидя в сумерках разума, разложив перед собой фотоальбомы, включая видеофон лишь для связи с Авессаломом, но всегда держа его под рукой, у кресла, Иоиль Локк лелеял свою ненависть — ненависть и недавно снизошедшее на него чувство потайного удовлетворения.

Ибо в один прекрасный день у Авессалома родится сын.

Вот это будет день.

Всем дням день.

Некуда отступать

Генерал открыл дверь и тихо вошел в большое и ярко освещенное помещение подземной базы. У стены, под мигающими контрольными панелями, особняком лежал ящик девять футов длиной, четыре шириной. Лежал там же, где и прежде, там же, где генерал видел его всегда: ночью и днем, во сне и наяву, с открытыми или закрытыми глазами. Ящик по форме напоминал гроб. Однако на самом деле, если повезет, ему суждено будет стать колыбелью.

Генерал был высоким и сухопарым. Он давно перестал смотреться в зеркало, потому что собственное изможденное лицо пугало его и ему становилось не по себе, когда он встречал взгляд своих запавших глаз. Он стоял в подземелье, ощущая биение невидимых механизмов, пульсирующее в каменных стенах вокруг. Его нервы тайком превращали каждый ритмичный удар в некий мощный взрыв, новый реактивный снаряд, от которого не спасут никакие оборонительные системы.

— Брум! — хрипло крикнул генерал в пустой

лаборатории.

Никакого ответа. Он шагнул вперед и навис над ящиком. Индикаторы тускло подмигивали, временами подрагивала стрелка на приборной шкале. Внезапно генерал сжал руку в кулак и со всего размаха ударил костяшками по зеркальному металлу ящика. Послышался звук, похожий на гулкий гром.

— Полегче, полегче, — сказал кто-то.

В дверях стоял Абрахам Брум, глубокий старик, низенький и морщинистый, с ясными глазами. Он проворно зашаркал по полу и ласково погладил ящик рукой, будто младенца успокаивал, будто ящик улавливал все мысли старика.

— Где, черт возьми, тебя носило? — спросил генерал.

— Я отдыхал, — ответил Брум. — Вынашивал кое-какие идеи. А что?

— Отдыхал, говоришь? — проговорил генерал так, словно и слова-то такого никогда не слышал.

Он и сам почувствовал, насколько странно это прозвучало. Он указательными и большими пальцами помассировал веки: казалось, комната вокруг него уменьшилась в размерах и лицо Брума опасливо попятилось в бесцветный сумрак. Но

даже с закрытыми глазами генерал все равно видел ящик и стального гиганта, который дремлет внутри, терпеливо дожидаясь своего рождения. Не открывая глаз, генерал произнес:

— Разбуди его, Брум.

— Но я не зако… — надломившимся голосом начал Брум.

— Разбуди его.

— Что-то не так, генерал?

Генерал Конвей давил себе на глазные яблоки, пока чернота под веками не покраснела. Вот так же покраснеет тьма подземелья, когда произойдет последний взрыв. Может, даже завтра. Самое позднее — послезавтра. Он почти не сомневался в этом. Генерал быстро открыл глаза. Брум смотрел на него ясным, полным сомнения взглядом. Внешние уголки стариковских глаз за его бесконечно долгую жизнь опустились книзу.

— Не могу больше ждать, — произнес Конвей, тщательно подбирая слова. — Мы все не можем. Эта война невыносима для человечества…

Он помедлил, переводя дыхание, и шумно вздохнул. У него не было желания — или смелости? — говорить вслух то, что рокотало у него в голове, как неуклонно приближающаяся гроза. Завтра или послезавтра — вот последний срок.

В ближайшие сорок восемь часов враг начнет последнюю, сокрушительную атаку на тихоокеанском участке фронта.

Так предсказывают компьютеры. Компьютеры переварили все полезные и доступные факторы — от погодных условий до обстановки, в которой прошло детство вражеского военачальника, — и выдали прогноз. Они могут ошибаться — такое происходило то и дело, если данные оказывались неполными. Но нельзя полагаться на допущение их неправоты. Надо исходить из того, что атака произойдет в ближайшие сутки.

Генерал Конвей не спал, как ему казалось, с последнего столкновения, произошедшего неделю назад. Но по сравнению с тем, что предсказывали компьютеры, тот эпизод был сущим пустяком. Порой он отстраненно и равнодушно удивлялся тому, что его предшественник на этом посту продержался так долго. И с мрачным злорадством думал о том, кто скоро сменит его самого. Однако и эта мысль не очень-то утешала. Его ближайший подчиненный был некомпетентным идиотом. Конвей взял на себя ответственность уже давно и переложить ее на кого-то другого не мог: разве что снять с плеч больную голову да на время поставить осторожно куда-нибудь на полочку

— пусть отдохнет. Э, нет, придется нести свою голову и ответственность на плечах, пока не…

— Или робот может справиться с задачей, или нет, — сказал он. — Но выяснить это нам придется сейчас.

Тут он наклонился, одним мощным рывком вскрыл ящик и отшвырнул крышку в сторону. Брум подошел к нему вплотную, и оба заглянули внутрь, где лицом вверх мирно лежало безмятежно спокойное существо. Его единственный глаз не горел и был столь же пустым и блеклым, как глаза Адама до того, как он отведал запретного плода. Передняя панель его груди была открыта, под ней виднелось хитросплетение транзисторов, почти микроскопических деталей и серебряной паутины печатных схем. Робот был оплетен множеством тончайших проводов, но большинство из них уже отсоединили. Робот был почти готов к появлению на свет.

— Чего мы ждем? — рявкнул Конвей. — Я же сказал: разбуди его!

— Еще рано, генерал. Это небезопасно — пока. Я не могу предугадать последствия…

— Он не будет работать?

Брум взглянул на стальную маску, на которой отражались мигающие лампочки приборной

панели. Старик колебался, и от этого морщины еще глубже врезались в кожу его лица. Склонившись над ящиком, он тронул пальцем провод, тянущийся в широкую распахнутую грудь робота к схеме, отмеченной как «Пуск».

— Он запрограммирован, — нерешительно проговорил Брум. — И пока…

— Тогда он готов. — Тон генерала не допускал возражений. — Ты слышал, Брум? Я не могу больше ждать. Разбуди его.

— Я боюсь, — ответил Брум.

Слух генерала, как уже случалось не раз, сыграл с ним злую шутку. «Я боюсь… я боюсь…» — эхом отдавалось у него в голове, и Конвей ничего не мог с этим поделать. Но страх — свойство живой плоти, подумал он. Плоть знает, где кончаются ее возможности. Дальше пусть сталь продолжает ее дело.

«Кнопочная» война раньше казалась пустяковым делом. Человек стал осторожным. Он знает, что слабое звено — это он сам. Плоть и кровь. Задача человека — самая сложная: принимать решения, основываясь на неполных данных. До недавнего времени это было не под силу ни одной машине. Компьютеры служили сердцем и мозгом «кнопочной» войны, но их искусствен-

ный интеллект все равно был ограничен. У них имелась безотказная отговорка: «Нет ответа. Недостаточно данных». А уж как накормить их всем необходимым — верной информацией, верными вопросами, верными командами, — это была головная боль человека. Неудивительно, что генералы на командных постах так быстро сменялись.

Потому и был создан электронно-генераторный оператор. Генерал посмотрел на него: оператор спокойно ждал своего рождения. И звали его Эго. Завершенный, он будет обладать свободной волей. Сложность самых действенных компьютеров состоит не в электронике, а в заложенных в них программах. От банков данных мало толку без точных инструкций, как использовать эти данные. А разработать инструкции чертовски сложно.

Теперь эту работу возьмет на себя Эго. Он сконструирован, чтобы работать как человеческий мозг и действовать на основании неполной информации, чего до сих пор не могла ни одна машина. Плоть и кровь исчерпали свои возможности, думал Конвей. Пришло время стали. И вот Эго лежал, готовый отведать первый кусочек плода от древа познания. Неутомимый, как и

положено стали, изобретательный, как живое существо, он будет грызть яблоко, пережевывать которое человечество больше не в силах…

— Что значит боишься? — спросил Конвей.

— Он наделен свободой воли, — ответил Брум. — Разве не видите? Невозможно дать машине свободу воли, оставив за собой возможность ею управлять. Я могу лишь сформулировать Эго основную задачу: «Выиграть войну», но не могу объяснить, как именно он должен это сделать. Я сам этого не знаю. Я даже не могу приказать ему чего-то НЕ делать. Эго проснется совсем как… человек, который возмужал и получил образование за время долгого сна. У Эго появятся свои нужды, и он будет действовать по собственному усмотрению. Я не могу его контролировать. И это меня пугает, генерал.

Конвей стоял неподвижно, удивленно моргая, чувствуя, как в нервных окончаниях резкой дрожью отдается усталость. Он вздохнул и прикоснулся к выключателю маленького микрофона на лацкане.

— Прием, это Конвей. Отправить полковника Гардена на операцию «Рождество». И парочку военных полицейских.

— Нет, генерал! — поспешно выпалил Брум. —

Дайте мне еще неделю. Хотя бы два дня…

— У тебя примерно две минуты, — ответил Конвей и подумал: «Посмотрим, как тебе понравится быстро принимать решения. Везунчик — на тебе-то оно всего одно. Мне за пять лет решений хватило по горло. Когда я последний раз спал? А, какая разница, какая разница… Бруму придется сделать выбор. Дадим ему пинка. Отдыхал он, видите ли!»

— Я не стану этого делать, — заявил Брум. — Ни за что. Я не могу взять такую ответственность на себя. Мне нужно больше времени, чтобы все проверить…

— Ты до Судного дня проверять будешь и никогда не активируешь Эго! — сказал Конвей.

Открылась дверь. В лабораторию вслед за полковником Гарденом вошли двое военных полицейских. Форма на Гардене была мятой и грязноватой, как обычно. Этот человек не создан для того, чтобы носить форму. Однако, заметив темные круги под глазами полковника, Конвей смягчился. Гардену последнее время тоже редко удавалось поспать. Впрочем, теперь это, можно сказать, в прошлом: с этого дня Эго возьмет бремя ответственности на себя и оправдает свое имя.

— Арестовать Брума, — приказал Конвей,

проигнорировав перепуганные взгляды. — Полковник, вы можете разбудить этого робота?

— Разбудить, сэр?

Конвей сделал нетерпеливый жест.

— Включите его, запустите.

— Э… да, сэр, я знаю как, но…

Конвей не стал утруждать себя его отговорками. Он ткнул пальцем в робота. Все возражения Гардена генералу казались бессмысленным лепетом. Сорок восемь часов, думал он. Достаточно времени, чтобы протестировать робота перед тем, как начнется атака. Если повезет. Пусть эта железяка только попробует не включиться! Генерал снова помассировал глазные яблоки, чтобы комната вокруг него перестала медленно и плавно кружиться.

— Стойте, генерал! — раздался голос Брума из глубин пустоты вокруг. — Дайте мне всего один день! Он не…

Конвей махнул рукой, не открывая глаз. Он услышал, как один из полицейских что-то сказал, а потом завязалась короткая потасовка. Затем дверь захлопнулась. Генерал вздохнул и открыл глаза.

Гарден смотрел на него с тем же сомнением, что прежде светилось в глазах Брума. Конвей

сердито сдвинул брови, и полковник торопливо повернулся к ящику с роботом. Он наклонился над ним, совсем как Брум, и коснулся пальцем провода, ведшего к участку схемы с пометкой «Пуск».

— Как только мы его отсоединим, Эго начнет действовать по своему разумению, — предупредил полковник.

— Он получил приказы, — коротко ответил генерал. — Ну же, делай что-нибудь.

Раздался тихий гудок: Гарден аккуратно отсоединил провод и закрыл стальную пластину, которая изолировала внутренности Эго. Затем он пробежал пальцами по стальным конечностям, дабы убедиться, что ни один из многочисленных проводов не подсоединен к роботу, встал и перешел к пульту управления.

— Сэр, — сказал он.

Конвей ответил не сразу. Он долго покачивался взад-вперед, перекатываясь с пятки на носок, словно башня, вот-вот готовая рухнуть, потом сказал:

— Не говорите мне того, что я не хочу услышать.

— Просто я не знаю, чего ожидать, сэр, — сдержанно ответил Гарден. — Вы скажете мне, когда

робот начнет реагировать? Подаст хотя бы малейший сигнал…

— Скажу. — Конвей опустил глаза на безмятежное незрячее лицо машины.

«Ну же, просыпайся, — думал он. — Или спи себе… Разницы в принципе никакой. Потому что так больше не может продолжаться. Проснись. Тогда я смогу поспать. Или не просыпайся. Тогда я смогу умереть».

Круглые линзы в единственном глазу робота тускло вспыхнули. Одновременно загудело электричество в контрольной панели, индикаторы на ней потухли, их отражения на стальной поверхности Эго померкли и вновь загорелись с новой силой, когда за дело взялись вспомогательные переключатели. Одна за другой лампочки на панели погасли. Стрелки приборов, подрожав возле нулевой отметки, замерли.

Робот обратил пустой взгляд в потолок, но не шелохнулся.

«Теперь твой черед, — думал, глядя на него, Конвей. — Я сделал все, на что способен человек. Дерзай, робот. Шевелись!»

По механическому телу прошла едва уловимая волна дрожи. Глаз разгорался все ярче, и наконец в потолок уперся конус света. Без всякого пре-

дупреждения робот поднял обе руки и с лязгом ударил в металлические ладоши, отчего оба военных подскочили. Конвей от неожиданности разинул рот и обмяк.

— Гарден! — окликнул он зачем-то.

Полковник повернул рычаг, и жужжащее пение проводов умолкло. Робот снова замер, но теперь он лежал, крепко сжав ладони, словно ангел на надгробии. По его телу снова прокатилась дрожь. Из недр большого стального цилиндра — туловища Эго — доносились едва слышные ритмичные щелчки, словно множество часов тикало там вразнобой.

— Что происходит? — спросил Конвей почему-то шепотом. — Почему он так дергается?

— Запуск, — ответил Гарден тоже шепотом. — Он…

Полковник помедлил, смущенно кашлянул и заговорил громче.

— Я не очень-то сведущ в этом, сэр. Полагаю, растет основное напряжение. Оно спадет после того или иного преобразования энергии, что зависит от гомеостатического принципа, который Брум…

Из ящика, из лежащего навзничь робота раздался голос — странное ровное гудение.

— Хочу… — мучительно произнес он, но тут же оборвал себя. — Хочу… — повторил он и вновь замолк.

— В чем дело? — Конвей сам не знал, к кому обращается: к Эго или к Гардену.

Голос робота его напугал — он был неживой, бессмысленный, как у привидения, монотонный и невыразительный.

— У него в груди микрофон, — отозвался Гарден, который тоже был заметно напуган. — Я совсем забыл. Но оно должно говорить лучше. Оно… он… Эго… — Полковник беспомощно развел руками. — Думаю, ему что-то мешает.

Он подошел к ящику и склонился, заглянув внутрь.

— Тебе… тебе что-нибудь нужно? — заикаясь, спросил он. Получилось как-то глупо.

Что за неудачник, подумал Конвей. Но по крайней мере, робот ожил. Пройдет немного времени, он придет в себя и займется делом…

Быть может, теперь они все смогут немного расслабиться. И Конвей, возможно, даже поспит. Он вдруг испугался до дрожи: «А что, если я забыл, как спать?» Изнеможение захлестывало его с головой, грозя уничтожить, — так волна смывает с пляжа слепленного из песка человечка. Под

наплывом усталости руки и ноги становились вялыми и, казалось, вот-вот рассыплются. Еще немного, и я буду свободен, думал Конвей. Когда Эго возьмет мою ношу. Я его создал. Я не выжил из ума и не покончил с собой. И больше мне не придется думать. Буду стоять здесь, просто стоять не шевелясь. Даже ложиться не стану. Если силе тяжести захочется притянуть меня к земле, то пусть сама старается…

Гарден, склонившись над ящиком, снова спросил:

— Чего ты хочешь?

— Хочу… — произнес Эго.

И тут сложенные в молитвенном жесте ладони раскрылись, и четырехфутовые руки взмыли вверх сверкающими цепами. Затем они снова легли неподвижно, но кое-что изменилось: полковник Гарден больше не стоял, склонившись над ящиком. Сквозь дымку отчужденности Конвей увидел, что Гарден рухнул, стукнувшись о стену. Цеп ударил его по шее, и теперь полковник лежал, нелепо, словно марионетка, вывернув голову, еще более неподвижный, чем робот.

Конвей медленно прикоснулся к выключателю микрофона на лацкане. Тишина чутко загудела. Генералу понадобилось некоторое время, чтобы

вспомнить собственное имя.

— Прием, — произнес он, когда это удалось ему. — Говорит генерал Конвей. Вернуть Брума на операцию «Рождество».

Он бросил взгляд на робота.

— Подожди, — сказал он, — Брум все знает.

Робот согнул руки. Стальные ладони сомкнулись на стенках ящика и со скрипом дерева, оторванного от металла, разломали ящик.

Теперь он родился. Родился?

«До срока, — подумал Конвей. — До срока… Наверное, я совершил ошибку. И что дальше?»

Эго выпрямился (а было в нем восемь футов роста) и двинулся, как ходячая башня, через лабораторию. Он шагал прямо вперед, пока не уперся в стену. Тогда робот медленно повернулся, ощупывая зрячим конусом света комнату. Его движения поначалу были резкими и неуклюжими, но постепенно становились более плавными и уверенными: запущенный механизм разогревался. Он по-прежнему едва заметно вибрировал, тиканье внутри то становилось громче, то затихало, выстраивалось в медленный ритм, ускорялось, начинало бурно трепетать, снова замедлялось. Сортируя, принимая или отвергая, оценивая вновь обретенный мир, который отныне взвален

на плечи робота…

Эго увидел стену с приборными панелями, которые активировали его. Луч его зрения быстро окинул панели «взглядом», и тут робот с неожиданной прытью зашагал через комнату к панелям. Его руки заплясали на штекерной панели, на рычагах и кнопках…

Ничего не произошло. Панели заглохли.

— Хочу… — раздался из груди Эго раскатистый, монотонный, нечеловеческий вой.

И двумя движениями стальных ладоней он напрочь срубил с панели все выступающие шары, кнопки и рычаги. Робот сунул стальные пальцы в пазы и сорвал металлический кожух. Запустив обе руки в цветной клубок проволоки, он в каком-то математически выверенном бешенстве вырвал из недр управляющей панели огромные пучки проводов.

— Эго! — крикнул Конвей.

Робот услышал его и обернулся, очень быстро. На мгновение генерала окутал яркий взгляд, и он почувствовал пронизывающий холод, будто разум с температурой стали подключился к его собственному. Конвей почти ощущал прикосновение едва оперившегося мозга, наделенного безграничными ресурсами.

Луч миновал генерала и упал на дверь. Не обратив на Конвея никакого внимания, Эго ринулся вперед, словно танк, и ударил в дверь плоской грудью, расколов створки надвое. Одним движением он отшвырнул обломки в стороны и вразвалку протиснулся мимо треснувшего дверного косяка.

Когда Конвей дошел до двери, робот уже далеко ушел по подземному коридору, двигаясь все быстрее и быстрее, уменьшаясь с расстоянием до исчезающей точки, как тающая капля ртути. Он уходил — куда-то.

— Генерал Конвей, сэр, — раздался чей-то голос.

Он обернулся. Двое полицейских вели под руки Абрахама Брума, который, вытянув шею, пытался разглядеть разбитую приборную панель.

— Можете идти, — скомандовал полицейским Конвей. — Входите, Брум.

Старик рассеянно прошел мимо него, склонился над телом Гардена и покачал головой.

— Я боялся чего-то подобного, — сказал он.

Конвея на секунду охватила дикая зависть по отношению к недвижимому Гардену.

— Да, — ответил он. — Мне жаль. Одна жертва. Мы все станем жертвами, если Эго не заработает

как нужно. Как мы теперь узнаем, чем занимается враг? Может, у них тоже есть такой Эго. Я совершил ошибку, Брум. Мне стоило быть дальновиднее и проницательнее. Как мы поступим?

— А что произошло? — Брум таращился на разрушенную стену, где раньше была приборная панель, словно не в силах поверить своим глазам. — Куда делся робот? Мне нужны подробности.

Динамик под потолком кашлянул и назвал имя генерала. Медленно и с трудом разум Конвея пытался переварить новые требования. Но звуки, доносившиеся из коммуникатора, оставались полной бессмыслицей, пока наконец генералу не удалось выловить из нее одно слово: «Тревога».

Нападение? У него в голове пронзительно завопила сирена.

— Повторите, — устало сказал он.

— Генерал Конвей, робот разрушает оборудование в подсекторе пять. Попытка обезвредить не принесла результатов. Генерал Конвей, робот разрушает…

— Понял, — ответил Конвей.

Хорошо хоть, что не нападение. То есть не со стороны противника…

— Конвей на связи. Приказываю: не причинять

вреда роботу. Следовать дальнейшим инструкциям. Ничего не предпринимать.

Он вопросительно перевел взгляд на Брума и тут только заметил, что старик взволнованно болбочет какую-то бессмыслицу:

— Генерал, генерал, мне нужно точно знать, что случилось…

— Заткнись, тогда скажу, — ответил Конвей. — Подожди-ка.

Он подошел к раковине у стены, налил из крана воды с химическим привкусом и выудил из кармана пузырек бензедрина[58]. Вряд ли поможет. Он уже давно подсел на эту дрянь. Но предстоит последний рывок (он обязан быть последним!), и каждая лишняя унция стимула на вес золота. Скоро генерал будет свободен, но этот момент еще не настал.

Он сжато, за тридцать секунд рассказал о случившемся, стараясь, чтобы голос звучал бодро. Старик слушал молча, покусывая губу и пристально глядя на Конвея. Его лицо ничего не выражало, а мысли, очевидно, блуждали по абстрактным закоулкам его разума.

— Ну и? — наконец спросил Конвей. — Что вы

---

[58] Примечания: 58

Средство, оказывающее стимулирующее воздействие на нервную систему.

думаете? Он взбесился или как?

Ему хотелось встряхнуть Брума за плечи, чтобы тот наконец очнулся, но генерал взял себя в руки. Он уже однажды поторопил события наперекор Бруму и допустил ошибку. Возможно, даже фатальную. Теперь придется дать старику подумать.

— Полагаю, он взялся за дело, — с досадной медлительностью ответил Брум. — Я боялся чего-то подобного — неконтролируемой реакции. Но в него встроена программа, и мне кажется, он движется к поставленной перед ним цели. Кое-что, конечно, не так. У него проблемы с коммуникацией. Этой речевой блокировки быть не должно. Нам придется выяснить, чего он хочет и почему не может нам сказать. — Он помолчал и удивленно поднял глаза на коммуникатор под потолком. — Пятый подсектор, они сказали? А что там?

— Библиотека, — ответил Конвей, и они молча переглянулись.

Потом генерал в очередной раз глубоко и сокрушенно вздохнул и сказал:

— Что ж, придется нам его как-то остановить, причем быстро. Эго самое ценное, что у нас имеется, но если он разгромит всю базу…

— Эго не самое ценное, — возразил Брум. — А вы подумали, что он может натворить дальше? Что, если библиотека — только начало?

— И что? Не заставляйте меня гадать.

— Он, похоже, охотится за информацией. И вам не кажется, что после библиотеки возьмется за компьютеры?

— Боже правый, — устало и без выражения выдохнул Конвей и беззвучно рассмеялся.

Надо было что-то решать, переходить к действиям, а он не был уверен, что сможет. Он, конечно, поступил по-идиотски, разбудив робота до срока и не приняв меры предосторожности. Он рискнул и, возможно, проиграл. Но генерал знал, что если бы мог повернуть время вспять, то вновь сделал бы тот же выбор. Риск еще оправдает себя. Другого выхода все равно нет.

— Да, — сказал Конвей. — Компьютеры. Вы правы. Если он отправится к ним, то придется его уничтожить.

— Если удастся, — рассудительно ответил Брум. — Он быстро соображает.

Конвей устало расправил плечи: интересно, подействовал ли бензедрин? Он еще не чувствовал эффекта стимулятора, но дожидаться не было времени.

— Ладно, — сказал он, — за дело. Что должен делать каждый из нас, мне ясно. Я нейтрализую Эго, если он пойдет к компьютерам, а вы узнайте, чего он хочет. Выясните это, пока он не размозжил нам и себе головы. Вперед. Мы и так много времени потеряли.

Генерал схватил Брума за худощавую руку и потащил к двери. По пути он коснулся микрофона на лацкане и проговорил в гудящий приемник на плече:

— Конвей на связи. Я иду. Где робот?

— Покидает подсектор пять, сэр… через стену. Мы… — начал слабый голосок из передатчика.

Тут динамик в лаборатории громко кашлянул и завопил:

— Робот проломил стену и прорвался в подсектор семнадцать! — В голосе слышалось звенящее изумление. — Крушит оборудование в архиве…

Тот же крик раздался и в центре связи, почти одновременно отзвуки его донеслись туда через микрофон на генеральском лацкане, звуки наложились друг на друга, образовав в эфире кашу.

Конвей несколько раз включил и выключил микрофон.

— Центр связи! — прокричал он в беспорядочный шум. — Выяснить, куда направляется робот!

Последовала короткая пауза. Настенный динамик за спиной Конвея и Брума разрывался от сообщений об ущербе, которые становились все короче.

— Направляется внутрь, сэр, — едва слышно проговорил передатчик на лацкане. — К подсектору тридцать.

Конвей глянул на Брума, тот кивнул и одними губами произнес: «Компьютеры». Конвей скрипнул зубами.

— Пошлите бронероботов, пусть выгонят его оттуда, — хрипло произнес он в микрофон. — Нейтрализовать робота, если возможно, но наносить ему вред запрещается до моего особого приказания.

Он прикрыл рукой передатчик, однако шум пробивался и сквозь ладонь. Конвей толкнул Брума, и тот потрусил по длинному коридору туда, где так недавно робот уменьшился до блестящей точки и исчез. А генерал слышал в голове эхо собственных слов, которое никак не хотело утихать: «Моего приказания… моего приказания… моего приказания…»

Он надеялся, что сможет и дальше отдавать приказы. Он и теперь не потерял этой надежды. Он будет отдавать приказы так долго, как по-

требуется, чтобы приструнить Эго. Дольше не выйдет.

— Брум, — внезапно позвал он, — а робот, вообще-то, справится?

Он затаил дыхание, дожидаясь ответа и размышляя над тем, что будет делать, если ответ окажется отрицательным.

— Я в этом никогда не сомневался, — ответил Брум.

Конвей с наслаждением выдохнул. Но старик, как оказалось, еще не все сказал.

— Если мы выясним, что пошло не так, конечно. У меня есть одна мысль, но я не вижу способа ее проверить…

— В чем дело?

— Возможно, итерационный цикл. Замкнутая серия шагов, которая повторяется бесконечно. Но я не имею представления, что в него включено. Он говорит «хочу» и тут же блокируется. Не знаю почему. Какое-то принуждение толкает его с такой силой, что он даже не утруждает себя тем, чтобы открывать двери. Лишь бы добыть то, чего он хочет. Я не знаю чего. И должен это выяснить.

«Кажется, я знаю, чего хочет Эго», — подумал Конвей, однако вслух ничего не сказал. Догадка леденила душу и в то же время была так проста,

что генерал не понимал, почему она не пришла в голову Бруму. А может, и пришла…

Целью Эго было выиграть войну. Но что, если сделать это невозможно?

Конвей резко мотнул головой и отбросил эту мысль.

— Ладно, вы знаете, что делать, — сказал он. — А теперь — как я могу остановить его, не причинив ему вреда?

Мельком он отметил, что относится к роботу как к живому существу и говорит о нем «он». Эго становится личностью.

Брум удрученно покачал головой, семеня рядом с Конвеем.

— Это одна из причин, по которой я и боялся его запускать. Он сложное устройство, генерал, — сказал старик. Очевидно, он тоже считал Эго «мужчиной». — Я хорошо защитил его от обычных ударов, однако искусственный мозг все-таки не то, что человеческий. Одно повреждение — и он выйдет из строя. К тому же он такой прыткий, что его было бы не так-то просто остановить, даже если бы он не нужен был нам в целости.

— Все равно за такое короткое время я мало что смогу предпринять, — ответил Конвей. — А если использовать ультразвук?

— Дайте-ка подумать. Ультразвук на таком близком расстоянии может нарушить настройки, — пропыхтел Брум, задыхаясь от быстрой ходьбы.

Конвей опустил руку, которой все это время прикрывал микрофон.

— Центр связи! Взвод с ультразвуковыми пушками в коридор, ведущий к вычислительному центру, срочно. Ничего не предпринимать до моего приказа. Если появится робот, не открывать огонь, пока…

Генерал резко замолчал, только тут заметив, что использовать передатчик уже нет нужды. Он стоял в дверях центра связи, и его собственный голос с треском доносился из динамика, висевшего в зеленоватом сумраке над креслом офицера связи в десяти футах впереди.

Конвей с размаху захлопнул за собой дверь, и его поглотили шум и полутьма. Большие стеклянные информационные панели и цветные круги компьютерных мониторов ярко светились, лица людей парили в темноте тускло светящимися пятнами, вспышки экранов выхватывали скулы и лбы, высвечивая их золотым и красным, зеленым и бледно-голубым. Генерал Конвей машинально окинул взглядом панели и экраны,

которые сообщали о происходящем на всем тихоокеанском фронте. Он увидел на радарах тени флотилий, осведомился о ветре и вообще о погоде, прочитав символы на одном табло, о летных заданиях — на другом. Но эта информация ничего не значила для него теперь. Мозг отказывался от дополнительной нагрузки. Сейчас у генерала Конвея была только одна проблема.

— Где робот? — спросил он.

Ему пришлось кричать, чтобы его услышали, потому что к обычному многоголосию зала добавился невыносимый грохот разрушения, источник которого Конвей не сразу определил.

Офицер-связист кивнул в сторону голубого телеэкрана слева, одного из целого ряда таких же. Он показывал маленького и яркого робота. Робот был размером с куклу, он яростно метался по архиву игрушечного размера. Зато шум, им создаваемый, был вполне реальным. Казалось, робот что-то ищет, лихорадочно и бессистемно. Он не открывал ящики, а просто отрывал целые стенки шкафчиков, вываливая наружу содержимое мощными ритмичными и резкими движениями, разбрасывая бумаги в воздух. То и дело яркий конус его взгляда отклонялся мельком проследить за падением какого-то предмета,

и дважды робот остановился, чтобы подхватить что-то, перевернуть и осмотреть. И все же было ясно: Эго так и не нашел искомого. И так же ясно было то, что роботом двигал чистый эгоизм: все бесполезное безжалостно уничтожалось. Он признавал только свое сиюминутное желание, все прочее было не важно.

«А может, он и прав, — подумал Конвей. — Может, если мы не можем дать ему то, что он хочет, то все это просто ненужный мусор».

За спиной он услышал, как Брум переговаривается с офицером связи, с трудом перекрикивая гвалт.

— Я не знаю, — кричал офицер. — Он перевернул библиотеку так быстро, что мы не смогли понять, что он прочитал, а что нет. Теперь вы видите, что он делает. Он такой проворный…

Брум перегнулся через плечо офицера и включил интерком в подсекторе семнадцать, где бушевал робот.

— Эго, — позвал он в микрофон, — ты меня слышишь?

Робот отодрал стенку последнего шкафчика и равномерным ворохом высыпал содержимое. Голос Брума, усиленный динамиками интеркома, вернулся в центр связи из зеленоватой

компьютерной комнаты на мониторе. Робот на миг остановился, выпрямился и быстро повернулся вокруг своей оси, обводя стены комнаты конусом света.

— Хочу… — провыл его невыразительный голос и тут же замолк.

Робот ударил ладонью о ладонь, словно испытывал глубочайшее отчаяние, и направился прямо к стене в углу комнаты.

Стена прогнулась, треснула и открылась. Робот широкими шагами вышел прочь и скрылся из виду.

Конвею показалось, что все глаза в зале обратились к нему и бледные овалы лиц заблестели во мраке золотыми, красными и зеленоватыми капельками пота. Теперь все зависело от него. Люди ждали приказаний.

Ему хотелось разбушеваться, как это сделал робот, разгромить светящиеся экраны, а вместе с ними и мерцающие табло, заглушить чепуху, несущуюся из настенных динамиков. Ответственность, невыносимая для него, гудела в голове роем разъяренных пчел. Это уже чересчур… чересчур… Генерала Конвея вновь волной захлестнуло изнеможение, и одновременно — истерическая веселость, однако обе волны были

такими призрачными и далекими, что как будто и не коснулись его вовсе. Он был совершенно другим человеком, находился на бесконечном удалении от штаба. И все проблемы вдруг тоже стали призрачными и далекими, они не имели никакого отношения к вакууму пространства и времени, в котором он существовал…

— Генерал! — послышался голос Брума. — Генерал?

Конвей закашлялся.

— Робот, — резко проговорил он. — Его нужно остановить. Это вы высчитывали его курс, сержант?

— Да, сэр. Экран номер двенадцать.

Двенадцатый был свисающей с потолка панелью, прозрачной в темноте. Сеть светящихся золотых линий на нем отображала коридоры, а секторы обозначались бледно-голубыми цифрами.

— Красные точки — это робот, сэр, — сказал сержант.

На глазах у них бестелесная рука добавляла жирные флуоресцентные точки к красной линии, которая начиналась в лаборатории Брума, пересекала библиотеку и архив и, выйдя сквозь прочную стену, потянулась через три следующих

сектора, по пути преодолев несколько стен. Красная пунктирная линия все удлинялась…

Теперь цель этих точек стала очевидна. Примерно семью дюймами выше в центре карты находилась круглая комната с ярко-зелеными квадратами, сияющими на стенах. Они все знали, что это за зеленые квадраты. Все служащие знали, как сильно зависят их жизни от снежной ряби электронных импульсов, бушующих в компьютерах, когда те заняты невообразимо сложными расчетами. И с синхронностью, достойной компьютеров, каждый мозг в зале нашел ответ на вопрос, что случится, если робот доберется до вычислительного центра.

— Ультразвуковые пушки, — хрипло проговорил Конвей. — Бронероботы. Где они?

— Ультразвуковики идут с шестого уровня, сэр. Им нужно еще минут пять. Роботы перехватят его через три минуты. Вот, видите их?.. Вот эти фиолетовые… Вон там, на схеме.

Цепочка лиловых точек медленно двигалась по золотой нити коридора от внешней границы схемы.

— Слишком медленно, — сказал Конвей, наблюдая за красными точками, которые помечали шаги разумного робота.

Или он уже не рассуждал, как рассуждает разумное существо.

— Кто-нибудь может мне сказать, эти стены гипсовые или каменные?

Ответом было молчание. Никто не знал. На глазах у наблюдателей красные точки остановились у золотой линии, дважды отскочили, развернулись в обратном направлении и с разбегу прорвали линию, обозначавшую дверь.

— Каменные, — заключил Конвей. — По крайней мере эта. Надеюсь, он ничего не повредил себе, когда бился о нее.

— Может, стоило бы надеяться на обратное? — заметил Брум.

Конвей посмотрел на ученого.

— Я его остановлю, — заявил он. — Ясно? На металлолом Эго не пойдет, он нам слишком нужен. Мне жаль, что мы не смогли лучше подготовиться и теперь не можем его контролировать, но даже если бы все повторилось, я бы поступил так же. У нас нет времени.

— Он быстро движется, сэр, — сообщил офицер-связист.

Конвей посмотрел на экран и, чуть не прокусив губу, ответил:

— Добровольцы. Мне нужен кто-то, кто быстро

вскочит туда и задержит его. Мне плевать как. Хоть подножку ему поставьте. Помашите красной тряпкой перед ним. Все, что угодно, лишь бы выиграть время. На счету каждая секунда. Хорошо, капрал. Лейтенант? Так, уже двое…

— Больше людей отсюда мы отправить не можем, — сказал офицер связи.

— Ладно, тогда вперед, — бросил Конвей. — Выведите его на экран, сержант.

Три круглых телевизионных экрана с щелчком ожили и показали оставленный роботом след из разломанных столов и разбитого оборудования. На третьем экране Эго, на вид очень маленький, слабый и невинный, упорно ломился в слишком узкую дверь. В конце концов дверной косяк не выдержал, Эго ввалился внутрь и зашагал прочь по короткому коридору, с каждым его шагом становящемуся все короче. На светящейся схеме красные точки были всего в пяти дюймах от вычислительного зала.

— Что тебе нужно от счетных машин? — бормотал Брум, не отрывая глаз от исчезающей фигурки на экране.

Старик нервно постукивал ногтями по металлическому столу.

— Может… — начал он, но остановился и пере-

вел взгляд на Конвея. — От меня здесь никакого толку, генерал. Я иду в вычислительный центр. У меня есть кое-какие мысли, но аналоговый компьютер думает гораздо быстрее меня. Эго движется слишком быстро. Чтобы понять машину, понадобятся машины. Как бы то ни было, я попытаюсь.

— Идите, идите, — согласился Конвей. — У вас от пяти до десяти минут. А потом... — Он не договорил, но про себя закончил: «Потом я смогу отдохнуть. Так или иначе. Я смогу отдохнуть».

Связист переключал телевизионные экраны, ища картинку. Наконец он воскликнул:

— Взгляните, сэр! Команда добровольцев... Боже, какой он высокий!

Последнее замечание вырвалось у него против воли: до этого момента никто в центре связи не видел Эго рядом с человеком.

Эго двигался гигантскими шагами по тускло освещенному коридору на экране. Добровольцы как раз выскочили из двери коридора в десяти шагах впереди него, и он теперь возвышался над ними громадной башней. Их крошечные перепуганные лица выглядели горошинами рядом с шагающим великаном, даже не сознающим, что он делает. Он просто следовал за вспышкой

своего единственного глаза-прожектора, освещавшего коридор.

Двое мужчин, должно быть, примчались туда стремглав, нигде не задерживаясь. В спешке у них не было времени привередничать, точных указаний никто не дал, однако они все же прихватили по пути крепкую стальную балку, и теперь она яркой нитью перечеркивала коридор. Один человек кинулся наперерез роботу, добровольцы встали в расположенных по разные стороны коридора дверях, держа балку на высоте плеч, тем самым преградив дорогу роботу.

Робот даже не взглянул на преграду. Он врезался в балку грудью, и по коридору разнесся звон, тут же подхваченный динамиками в центре связи. Эго слегка отшатнулся, восстановил равновесие, оценил ситуацию и наклонился, чтобы пройти под балкой. Двое мужчин торопливо опустили свой груз. Еще один звон, и снова отступление, но на этот раз балка сильно прогнулась в месте удара. Из динамиков в центре связи раздался вопль одного из добровольцев, которого ушиб конец балки. Эго обеими руками толкнул преграду вверх, прошел под балкой и зашагал дальше по коридору.

— Выиграли тридцать секунд, — с горькой

усмешкой констатировал Конвей. — И потеряли одного человека. Куда подевались эти бронероботы?

— Им нужно еще полторы минуты, сэр. Двигаются по восьмому коридору. Они должны как раз перехватить его у дверей вычислительного центра. Видите, вот, на экране?

Медленно и тяжело, как казалось Конвею, багровые точки тащились по темноте. Лишенная тела рука материализовалась и добавила еще две красные точки к цепочке шагов Эго, который двигался в самое сердце цитадели. Красные точки опережали. Они явно обгоняли фиолетовые.

— Я проиграю, — самому себе сказал Конвей.

Он подумал о жизнях служащих подземной базы, всецело зависящих от него, обо всех жизнях наверху, уверенных в том, что тихоокеанский фронт в надежных руках. И он спрашивал себя: что сейчас делает вражеский главнокомандующий и что бы он сделал, если бы узнал…

— Взгляните, сэр, — окликнул связист.

Один из добровольцев все еще оставался на ногах. Он пока не сдался. Последний удар Эго, очевидно, оторвал кусок погнутой балки, и оставшийся в руках человека обломок был похож на клюшку. Он наверняка был очень тяжелым, но

доброволец в пылу охоты, похоже, не замечал веса своего орудия. С «клюшкой» на плече он во всю прыть мчался следом за Эго по коридору.

Они увидели, как он быстро покрыл расстояние. Они увидели, как он едва не наступил роботу на пятки. И они услышали его далекий крик.

— Эго! — позвал доброволец.

Должно быть, он слышал имя от Брума.

Эго ответил так же, как и всегда. Он остановился, обернулся и окатил человека холодным одноглазым лучом своего прожектора.

— Хочу… — произнес голодный, сдавленный, металлический голос — и замолк.

И тогда человек с клюшкой высоко подпрыгнул и ударил по единственному яркому глазу на лбу робота!

— Это безопасно? — спросил Конвей. — Это ему не навредит, Брум?

Но ответа генерал не получил. Брум давно испарился.

А на экране руки робота яростно взметнулись вверх и успели отразить удар. От оглушительного шума монитор завибрировал. У человека были время и силы для еще одной атаки, однако на этот раз Эго перехватил клюшку в верхней точке замаха и почти небрежно вырвал ее из

рук противника. После чего швырнул ее через свое великанское плечо, и клюшка загремела по коридору.

Конвей мельком глянул на схему. Багровые точки догоняли. Красная точка в конце цепочки Эго качнулась влево-вправо, когда Эго ловко увернулся от ударов клюшки. Конвей снова обратил взор на экран.

Обезоруженный человек колебался всего мгновение. Собравшись с духом, он бросился прямо на пустое стальное лицо. Каким-то чудом он миновал смыкающиеся руки и замкнул свои в замок вокруг стальной шеи. Ослепив телом линзы-прожекторы в глазу робота, он повис на нем, крепко обхватив ногами и руками пошатывающуюся стальную башню под названием Эго.

Из темноты позади сцепившихся в схватке человека и робота послышался тяжелый ритмичный топот, от которого телевизионный экран слегка завибрировал.

— Бронероботы, — выдохнул Конвей и снова глянул на схему, хотя и без нее знал, что линия багровых точек уже почти на пересечении коридоров, а красная точка Эго неравномерно раскачивается.

Робот полагался не только на свое зрение. Это

становилось ясно из его движений. Однако человек мешал ему. Тяжелая ноша лишала робота равновесия. Эго тщетно попытался сбросить противника, качнувшись к стене слева. Потом стальные руки вцепились в человека, робот легко оторвал его от себя, словно рубашку снял, и небрежно швырнул о стену.

В дальнем конце коридора виднелись высокие двустворчатые двери в вычислительный зал. Эго постоял немного, как будто приходя в себя. Экран в центре связи словно бы подрагивал, и Конвей решительно шагнул к нему ближе, но это не помогло. Вибрация была настолько сильной, что из-за нее зарябило изображение.

— В чем дело? — раздраженно спросил Конвей. — Он что, вышел из фокуса или…

— Смотрите, сэр, — сказал офицер сообщения, — вот и они.

Ходячей стеной тяжелые роботы выкатились из темноты на краю экрана, и вся картинка задрожала от их топота. Они остановились прямо перед Эго, плечом к плечу, перегородив коридор и закрыв спинами двери вычислительного центра.

Несколько мгновений Эго стоял неподвижно, только корпус его вибрировал. Его единствен-

ный глаз раз за разом скользил по стене роботов. Зрелище себе подобных по какой-то причине вызвало в нем новую вспышку ярости. Эго собрался с силами, слегка наклонил голову, чуть опустил плечи и ринулся вперед. Казалось, ему не терпится в бой. Роботы сомкнули ряды непоколебимой баррикадой и приготовились держаться до конца.

От удара все экраны в центре связи разом мигнули, будто события в далеком коридоре напугали их. Из роботов посыпались искры, броня жалобно загудела. На миг Эго замер, распластавшись по стальной стене противников, потом отшатнулся, неровной походкой отошел чуть назад и собрался для новой атаки.

Однако почему-то передумал. Он просто стоял, обводя ряд своим ярким сканером, а щелчки в его груди то ускорялись, то замедлялись. Они звучали так громко, что их было отчетливо слышно даже в центре связи. Похоже, в электронном разуме мыслящего робота бушевал ураган альтернатив.

Пока Эго колебался, стальная стена, на которую он наткнулся, двинулась и изогнулась с обоих краев навстречу одиночке. Стало ясно, какова цель операции. Если этим тяжеловесам удастся окружить Эго, они нейтрализуют его одной своей

массой. Так прирученные слоны могут остановить дикого.

Но Эго заметил ловушку за мгновение до того, как стена пришла в движение. Он быстро шагнул назад и развернулся. Конвею показалось даже, что глаз робота разгорелся ярче, а его пируэт был неуместно легкомысленным. По сравнению с бронероботами Эго двигался проворно и грациозно, как стальной танцор. Он сделал ловкий выпад к одному краю ряда, и роботы неуклюже сгрудились, чтобы принять удар. При этом в стене открылась брешь, и Эго метнулся в нее. Но вместо того чтобы проломиться к цели, он расставил руки и с грациозной беспощадностью толкнул роботов, между которыми образовался просвет. Он точно рассчитал, куда приложить усилие. Два громоздких робота покачнулись в разные стороны, потеряв равновесие. Они все клонились и клонились набок, пока наконец не рухнули. Каждый при этом повалил своего соседа. Коридор содрогнулся от грохота.

Однако бронероботы сомкнули строй, растоптав упавших собратьев, и стена машин снова двинулась в наступление. Эго кинулся на нее с ребяческим восторгом (так, по крайней мере, показалось). Пригнувшись, он ударил сразу по

двум роботам одним выверенным и безошибочным движением. Он совершенно точно знал, куда бить, чтобы вывести роботов из равновесия. Тяжеловесы упали, и коридор вновь содрогнулся. Когда ряд попытался сомкнуться над павшими воинами, руки Эго взметнулись и изрядно помогли им в этом, с невиданной силищей столкнув еще двух роботов лбами. На этот раз он нанес резкие точечные удары, под которыми прочная броня прогнулась, как консервная жестянка.

Меньше чем через две минуты ходячая стена превратилась в груду шатающихся гигантов, половина из которых вышла из строя, а остальные неуклюже спотыкались о поверженных товарищей, пытаясь восстановить строй, но их было слишком мало, чтобы перекрыть дорогу.

Чересчур, подумал Конвей. Теперь осталась последняя надежда — ультразвук. Придумать и осуществить что-то еще времени не будет. Возможно, даже этот план уже опоздал…

— Где ультразвуковой взвод? — спросил он и сам поразился бойкости своего голоса.

Офицер связи поднял голову на светящуюся схему:

— Почти на месте, генерал. В полуминуте оттуда.

Конвей снова взглянул на телевизионный экран, где Эго стоял над распластавшимся на полу железным великаном и как-то странно покачивался, глядя вниз. Его модель поведения не предполагала таких сомнений. Он явно о чем-то раздумывал. Что бы это ни было, это дает хотя бы секундную отсрочку.

— Я сам отправляюсь туда, сержант, — заявил Конвей. — Я… я хочу быть на месте событий, когда…

Он помедлил, сообразив, что начал произносить вслух то, что было лишь внутренним диалогом Конвея и Конвея, разговором с самим собой с глазу на глаз. Он имел в виду, что хочет быть там, все закончится — так или иначе. Раньше он завидовал роботу, надеялся на его бесконечные возможности. Генерал начал отождествлять себя с могущественной и непоколебимой сталью. Победа или поражение его ждет, но он хотел быть там, когда судьба решится.

Он бежал по коридору точно во сне, буквально плыл на оцепенелых ногах под звук собственных шагов, отражавшихся хриплым эхом где-то вдалеке. На каждом шаге в сердце Конвея зарождалась непрошеная надежда: а вдруг колено не выдержит, подломится и даст ему упасть, даст

ему лечь здесь и отдохнуть… Но нет, он хотел стоять рядом с Эго и видеть его стальное лицо, слышать бездушный голос в тот миг, когда люди уничтожат робота или робот уничтожит их. Третья возможность — что все сложится хорошо — казалась слишком эфемерной, чтобы всерьез задумываться о ней.

Генерал даже не сразу осознал, что добрался до цели. Сквозь пелену, окутывавшую его рассудок, он понял, что больше не бежит. Следовательно, на это есть причина. Он стоял, взявшись за ручку двери, упираясь спиной в панели и хватая ртом воздух. Слева тянулся узкий коридор, по которому он бежал. Впереди был просторный зал. Здесь добровольцы пытались остановить Эго и проиграли, здесь машины бились с ним и теперь лежали почти неподвижно или бесцельно ковыляли по залу, потеряв управление.

Какой бы четкой ни была картинка на экране, увидеть все воочию — это совсем другое. За то короткое время, пока не видел его, Конвей успел забыть, какой Эго огромный. В воздухе пахло машинным маслом и горячим металлом, пылинки плясали в конусе прожектора Эго, склонившегося над поверженными роботами. Он собирался что-то сделать. Что — Конвей не представлял.

Слева в коридоре послышался топот бегущих ног и лязг оборудования. Конвей чуть-чуть повернул голову и увидел ультразвуковой взвод, приближавшийся тяжелыми шагами. Генерал подумал, что шанс, возможно, еще есть. Если Эго задержится еще на две минуты…

Павшие роботы на полу все еще корчились и шевелились в ответ на далекие команды своих операторов. Но поставить на ноги упавшего бронеробота совсем не просто. Эго склонился над ближайшим. Казалось, он был озадачен.

И тут с внезапной и ужасающей жестокостью он вытянул руку и одним резким движением оторвал переднюю пластину с корпуса жертвы. Его горящий взгляд впился в потроха машины, яркими бликами заплясал на трубах и проводах слишком грубой работы по сравнению с его собственными транзисторами и печатными схемами. Он протянул стальную руку, запустив пальцы в разверстую дыру, и снова что-то рванул, завороженный, поглощенный процессом разрушения. В этом акте убийства было нечто жуткое: один робот намеренно потрошил другого по собственному желанию, с самым хладнокровным научным любопытством.

Но что бы там ни искал Эго, он этого не нашел.

Робот выпрямился и перешел к следующему поверженному противнику, вырвал провода, наклонился и начал с недюжинным интересом разглядывать тикающие и вспыхивающие механизмы. Пощелкивания внутри его корпуса стали очень громкими, как будто он что-то бормотал себе под нос.

Конвей жестом велел ультразвуковикам подойти ближе, а про себя подумал: «В стародавние времена по внутренностям жертв предсказывали будущее. Может, этим он и занимается…» И снова леденящая кровь мысль всплыла в его мозгу: генерал догадывался, что привело робота в такое отчаяние. Возможно, Эго тоже видел будущее, и это знание, как и груз ответственности, роднило их. «Выиграй войну», — приказывало Эго его тикающее нутро, и то же самое велели Конвею гораздо более сложные нейроны мозга. Но что, если победа невозможна и Эго знает…

Стремительный отряд ультразвуковиков вырвался из бокового коридора и остановился, едва увидев Эго во… — нет, не во плоти. В сиянии стали. Увидев этого исполина, циклопа со свирепым глазом… Сержант, задыхающийся после бега, что-то доложил Конвею и попытался отдать честь, позабыв, что обе его руки заняты снаряжением.

Конвей указательным пальцем начертил в воздухе полукруг перед собой, у дверей зала.

— Быстро, пушки на изготовку и встаньте там. Нам придется остановить его, если он попытается ворваться.

Оставив в покое вторую жертву, Эго двинулся к третьей и застыл над ней, словно бы в нерешительности.

Это дало взводу всего тридцать секунд форы. Оружие солдаты привели в состояние готовности, еще когда бежали сюда, и теперь со скоростью механизмов занимали позиции вдоль линии, намеченной Конвеем. Сам генерал встал в дверях, за спинами опустившихся на одно колено рядовых. Взвод солдат с ультразвуковыми пушками стал последним рубежом обороны вычислительного центра.

«Нет, — подумал Конвей. — Последний — это я». Потому что какая-то расплывчатая и отчаянная мысль зародилась в его голове, когда генерал взглянул на Эго…

В ту самую секунду, когда ствол первой ультразвуковой пушки уставился в коридор, робот выпрямился и повернулся к двустворчатым дверям и полукругу солдат, замерших на коленях позади орудий. Конвею казалось, что поверх их

голов он и Эго с вызовом переглянулись.

— Сержант, — напряженным голосом сказал Конвей, — отрубите ему ногу, посредине голени. И цельтесь ТОЧНО. Он битком набит хрупкими механизмами и стоит гораздо больше, чем вы и я.

Эго окатил их своим холодным электрическим взглядом. Конвей, не зная наверняка, понимает ли робот его слова, быстро скомандовал:

— Огонь.

В полной тишине можно было лишь с большим трудом расслышать легкое шипение. Больше ничего не произошло. Однако на левой ноге Эго чуть ниже колена жарко вспыхнула точка вишневого цвета.

Конвей подумал: «Безнадежно. Если он сейчас ударит, то прорвется прежде, чем мы сможем…»

Но у Эго была другая защита. Глаз-прожектор мигнул разок, а потом Конвей почувствовал внезапную странную слабость, причину которой не мог определить. Тепловая точка снова покраснела и погасла. Сержант уронил сопло орудия и выругался, тряся рукой.

— Шестое орудие, огонь, — приказал он. — Восьмое, приготовиться.

Эго остался недвижим, и слабость, которую

испытывал Конвей, размеренно росла по мере того, как усиливалась едва различимая глазом вибрация стальной башни, возвышающейся перед генералом.

Второе ультразвуковое орудие зашипело. На ноге робота вспыхнула красная точка. Вибрация усилилась, слабость стала почти невыносимой. Красная точка угасла и исчезла.

— Интерференция, сэр, — доложил сержант. — Он полностью блокирует ультразвук собственными волнами. Чувствуете?

«Но почему он не нападает?» — задавался вопросом Конвей.

Он не говорил вслух, боясь, что робот и правда поймет его слова.

«Может, он не может напасть, одновременно излучая защитные вибрации? Или еще не додумался, что может пробиться, пока мы не причинили ему значительный вред?» — гадал генерал.

Он попытался представить себе мир таким, каким его видит Эго, которому от роду меньше часа и у которого в электронных лабиринтах груди бушуют невероятные противоречия.

— Восьмое орудие на другой частоте? — спросил Конвей. — Продолжайте, сержант. Похоже,

он не способен заглушить все сразу. Держитесь, пока можете.

Он быстро и тихо открыл дверь и вошел в вычислительный центр.

Это был иной мир. На миг генерал выбросил из головы все, что осталось позади за двустворчатыми дверями. Он просто стоял, наслаждаясь запахами и видом этого зала, его атмосферой. Это было хорошее место. Генералу всегда нравилось тут бывать. Он даже забыл о восьмифутовом гиганте, стоящем за дверью и грозящем уничтожить все, о том, что ждало их всех в ближайшем будущем, не далее как послезавтра. Он поднял взгляд на высокие плоские лицевые панели компьютеров. Мигание лампочек, шелест перфоленты, размеренный, текучий стук клавиш клавиатуры, спокойный дух сокровенных знаний, царящий здесь, — все это проливалось бальзамом на душу.

Брум, стоявший у принтера аналогового компьютера вместе с остальными техниками, поднял глаза. Все люди в зале побросали работу и сгрудились там, где широкая лента выплывала из-под клавиш, где колонки символов плавно, точно вода, лились на бумагу.

— Что-то есть? — спросил Конвей.

Брум с трудом выпрямил уставшую спину.

— Не уверен.

— Говори же, — потребовал Конвей. — Скорее. Эго вот-вот вломится сюда.

— Он установил блок, случайно. Это точно. Но как и почему, мы до сих пор не…

— Тогда вы ничего не знаете, — бесстрастно ответил Конвей. — Что ж, думаю, у меня есть…

По ту сторону двери раздался шум. Послышались топот стальных ног, крики людей, хруст и шипение орудий. Крики превратились в отчаянные вопли и оборвались. Двустворчатые двери с грохотом распахнулись, и на пороге возник Эго. Его взгляд мгновенно нашел вычислительные машины. Стальной корпус его тут и там тускло светился красным, остывая. Перемазанный в масле и крови робот обвел зал лучом глаза-прожектора. Луч двигался целеустремленно и в то же время лихорадочно. Под взглядом Эго вычислители продолжали преспокойно тикать, пасти перфораторов изрыгали никем не замеченные данные. Все люди в зале не сводили глаз с робота.

В открытых дверях позади Эго, спотыкаясь, показался сержант. По его лицу текла кровь, но он так и не выпустил из рук ствол ультразвуковой пушки.

— Нет, — произнес Конвей. — Стоять. Отойди, Брум. Пусть Эго подойдет к машинам.

Люди потрясенно загомонили, но генерал не обратил на них никакого внимания. Будто загипнотизированный, он смотрел на Эго, пытаясь заставить собственные извилины шевелиться быстрее. Шанс еще оставался. Весьма призрачный, конечно. Однако если они подпустят Эго к компьютерам, а у того ничего не выйдет, Конвей понимал, что может и не успеть вмешаться и тогда погибнет все. Но попытаться было необходимо. В памяти всплыла строчка из какого-то книжного диалога: «И все же я сделаю еще одну, последнюю попытку». Очередной отчаянный командир идет в последний бой, без страха глядя в лицо поражению. Конвей едва заметно ухмыльнулся, зная, что уж его-то точно нельзя назвать бесстрашным. И тем не менее: «Я сделаю еще одну, последнюю попытку».

Эго по-прежнему неподвижно стоял в дверях. Время летит не так быстро, как мысли. Робот все еще изучал компьютеры и размышлял, выщелкивая сложный рваный ритм. Конвей отошел в сторону, освободив ему дорогу. Двинувшись, генерал мельком заметил собственное отражение в испачканном корпусе робота: его вытянутое и

мрачное лицо, пустые глаза проплыли в кривом зеркале, замаранном кровью и маслом, словно генерал скрывался в теле робота и повелевал им изнутри.

Эго медлил на пороге всего долю секунды. С невероятной быстротой он оценивающе оглядывал один вычислитель за другим и отвергал их. А потом, в точности как Брум чуть раньше, робот развернулся к аналоговому вычислителю и пересек зал в три гигантских шага. Презрительно, даже не взглянув дважды, он вырвал ленту с программным кодом. Вставив чистую ленту в перфоратор, он принялся набивать запросы так быстро, что за его пальцами невозможно было уследить. Через несколько секунд робот снова повернулся к компьютеру.

Люди будто окаменели. Пытаясь уследить за роботом, человеческие разумы впали в ступор. Только компьютер, похоже, поспевал за роботом, напряженно склонившимся над клавиатурой. Машина общалась со своим кровным сородичем, и оба они были настолько быстрее плоти и крови, что людям оставалось лишь наблюдать за ними.

Никто не дышал. Лишь потому что мысль опережает время, Конвей успел сказать себе, исполнившись великой надежды: «Он найдет

ответ. Теперь он возьмет все в свои руки. Когда начнется новая атака, он справится с ней и победит, а я смогу бросить эти попытки...»

Из перфоратора заструились ответы, и Эго наклонился их прочесть. Яркий конус его зрения окатил бумагу. А потом, с чисто человеческим раздражением, робот оторвал ленту, словно вырывал язык, который нес непотребный бред. И генерал понял, что вычислитель их подвел, Эго ничего не удалось. Конвей рискнул — и проиграл.

Робот выпрямился и повернулся к машинам. Его стальные руки взметнулись в яростном, карающем замахе, готовые растерзать компьютеры в клочья, как он уже сделал с теми машинами, которые ему не угодили.

— Эго, подожди. Все нормально, — с безграничным разочарованием произнес Конвей.

Как и всегда при звуке своего имени, робот замер и обернулся. И быстрее, чем поток данных в вычислителях, в мозгу генерала промчались связные и четкие мысли. Он увидел собственное отражение в теле робота — себя, заточенного в нем, так же как Эго был пленником невыполнимого задания.

И Конвей осознал, что понимает робота, как

никто другой, потому что лишь ему знакомо это бремя. Генерал знал то, что не способны были вычислить компьютеры. Конвей почти догадался об этом уже давно, но не признавался себе, пока не были исчерпаны все прочие альтернативы и не остался единственный выход: полагаться только на себя.

«Выиграть войну» — такова была основная задача робота. Но ему пришлось довольствоваться неполной информацией, как и самому Конвею, а значит, Эго был вынужден взять на себя ответственность за принятие неверных решений, из-за которых война могла быть проиграна. А ошибаться ему было запрещено. И он не мог использовать отговорку компьютеров: «Нет ответа — недостаточно данных». Не было у него и возможности прикрыться неврозом или сумасшествием или капитулировать. Или передать свои обязанности кому-нибудь другому, как это пытался сделать Конвей, свалив все на Эго. Поэтому роботу оставалось только искать больше информации — жадно, яростно, почти наобум, и хотел он лишь одного…

— Я знаю, чего ты хочешь, — сказал Конвей. — Ты можешь это получить. Я возьму все на себя, Эго. Можешь перестать хотеть.

— Хочу… — провыл робот нечеловеческим голосом и, как обычно, замолчал, но потом вдруг выпалил окончание фразы: — Перестать хотеть!

— Да, — ответил Конвей, — я знаю. Я тоже хочу. Но теперь ты можешь перестать, Эго. Выключайся. Ты сделал все, что мог.

Пустой голос произнес гораздо тише:

— Хочу перестать… — а потом, почти неслышно: — Перестать хотеть. — И замолчал.

Дрожь прекратилась. Ощущение мощи, которым был наполнен воздух вокруг робота, исчезло, словно внутри его наконец-то разрешилось невыносимое напряжение. Из стальной груди послышалось несколько отчетливых и неторопливых щелчков: одно за другим были приняты металлические решения, и возврата уже нет. Что-то как будто покинуло Эго. Робот стал иным. Это снова была машина. Машина, и ничего более.

Конвей смотрел на собственное лицо в неподвижном отражении и думал: «Робот не выдержал. Неудивительно. Он даже не мог нормально заговорить, чтобы попросить об освобождении, потому что едва он произносил первое слово „хочу“, его отрицание „не хочу“ заставляло его замолчать, ведь он же не хотел хотеть. Нет, мы потребовали от него слишком многого. Он не

выдержал».

Встретив свой взгляд в отражении, генерал спросил себя: к кому он мысленно обращается? К тому Конвею, который существовал долгую минуту назад? Возможно. Тот Конвей тоже не выдержал. Но этому придется, и он выдержит.

Эго не мог действовать при недостатке информации. Ни одна машина не может. Глупо было рассчитывать на то, что машина способна справиться с неизвестностью. Это по силам только человеку. Сталь для этого слишком хрупка. Только плоть и кровь могут сделать это и не сломаться.

«Что ж, теперь я знаю», — подумал генерал. Как ни странно, он больше не чувствовал прежней усталости. Раньше был Эго, на которого можно было положиться, но только тогда, когда генерал Конвей будет на последнем издыхании. Что ж, генерал Конвей достиг этого предела. И Эго не смог взять на себя его ношу.

Генерал усмехнулся без горечи. Леденящая кровь мысль вернулась, и он принял ее как должное. Быть может, выиграть войну невозможно. Быть может, именно этот парадокс и остановил Эго. Но Конвей был человеком. И его это не останавливало. Он мог принять жуткую мысль

и отбросить ее, зная, что иногда люди действительно добиваются невозможного. Должно быть, лишь благодаря этому он продержался так долго.

Конвей медленно повернул голову и посмотрел на Брума.

— Знаете, что я собираюсь сделать? — спросил он.

Брум мотнул головой, и его ясные глаза насторожились.

— Я лягу в постель, — сказал Конвей, — и посплю. Теперь я знаю свой предел. На той стороне тоже только люди из плоти и крови. У них те же трудности. Им тоже нужен сон. Разбудите меня, когда начнется новая атака. И тогда я ее остановлю — или не остановлю. Но я сделаю все, что в моих силах. Нам больше ничего не остается.

На негнущихся ногах он прошел мимо Эго к двери, задержавшись на секунду, чтобы приложить ладонь к неподвижной стальной груди. Она была холодной, но еще не остыла.

— Почему я решил, что на той стороне только люди? — спросил он.

Ночная схватка

Предисловие

Под километровой толщей воды на дне венерианского моря стоит гигантский черный купол из импервиума. Хмурый и неприветливый, он призван защищать башню Монтана и ее жителей.

На улицах города идет карнавал. Жители Монтаны празднуют четырехсотую годовщину со дня переселения землян на Венеру. Царящее кругом веселье услаждает слух, а залитые светом улицы и разноцветные дома радуют глаз. Мужчины и женщины в масках, в ярких одеждах из целофлекса и шелка прогуливаются по бульварам. Они смеются и пьют крепкие венерианские вина местного производства. Аристократы балуют себя морскими дарами. Украсить праздничные столы редкими деликатесами стало возможно благодаря усилиям фермеров аквакультуры, а также ловцов, накануне торжества прочесавших дно вдоль и поперек.

Мрачными тенями в толпе прохаживаются чужаки. Достаточно взгляда, чтобы признать в них наемников. Каким бы ярким ни был их наряд, выстраданные в бесчисленных сражениях лета скрыть невозможно. Годы заклеймили их.

Под карнавальными масками прячутся глаза, но в уголках жесткого рта отчетливо видны скорбные складки. Кожа, в отличие от кожи жителей купола, обожжена ультрафиолетовыми лучами до черноты. Рассеянный через облачный слой атмосферы свет проникает всюду, и укрыться от него возможно лишь на дне моря. Эти люди — мертвецы на празднике жизни. Их уважают, но им отнюдь не рады. Эти люди — солдаты Вольной Компании.

Мы с вами на Венере, какой ее знали наши соплеменники девятьсот лет тому назад, на дне Мелководного моря, чуть севернее экватора. Современному человеку представить тогдашнюю жизнь на Венере непросто — много воды утекло с тех пор. Облачная планета претерпела существенные изменения. В те далекие времена Венера была сплошь усеяна куполами, и человечество еще долгие столетия оставалось верным своему подводному образу жизни. Оглядываясь назад, как это делаем мы с вами, запросто можно составить ошибочное мнение, что жители башен были люди дикие, темные и жестокие. Однако не стоит забывать: нас разделяют века. Сейчас тридцать четвертый век, новый расцвет цивилизации, и о Вольных Компаниях уже нет

и помину!

В конце концов острова и континенты Венеры были колонизированы и войны сошли на нет. Разумеется, человечество пришло к этому не сразу: в переходные периоды отчаянное соперничество, а вместе с ним и военное противостояние неизбежны.

Не успев возникнуть, города-государства развязали затяжную междоусобную войну. Каждый стремился выбить морское дно у соперника из-под ног и лишить единственного источника энергии на планете — кориума.

Исследующие эту эпоху ученые с удовольствием анализируют легенды и находят в них социальные и геополитические предпосылки тем или иным историческим событиям. Достоверно известно, что не уничтожили друг друга башни только благодаря джентльменскому соглашению. Подводные жители занялись развитием науки и социальных институтов, а желающие воевать — продолжали воевать, но уже на нейтральной территории. Вероятно, на тот момент подобный компромисс был неизбежен. Как результат возникли Вольные Компании, объединившие под своим началом почти все отряды наемников на Венере. Эти матерые вояки кочевали от башни

к башне и предлагали свои услуги — будь то помощь в обороне или нападении.

Ап Таурн в монументальном труде «Венерианский цикл» повествует об этих событиях через призму романтических легенд. Несмотря на обилие других книг, призванных сообщить читателю самую подлинную историческую правду о Венере той эпохи, именно произведение Таурна снискало всеобщую любовь. Вероятно, ему сыграл на руку излишне научный подход коллег по цеху, слог которых, точно марсианская пыль, был сухим и безжизненным.

В те дни многие не сознавали, что высокая культура почти всем обязана Вольным Компаниям. Только благодаря их появлению война не узурпировала право народа на мир, на общественную и научную деятельность. Исключительная степень специализации военного дела, а также небывалые высоты, достигнутые в области технического прогресса, существенно снизили значимость человеческого ресурса. Каждая Вольная Компания насчитывала в своих рядах пару-тройку тысяч солдат, редко больше.

Наемникам приходилось вести странный образ жизни. Граждане подводных башен изолировали их от всех социальных и культурных

благ как рудимент социума. Все равно что клыки, доставшиеся человеку в ходе эволюции от сумчатых предков: инструмент, оказавшийся столь необходимым для выживания. Если бы не Вольные Компании, то башни окончательно и бесповоротно погрязли бы в тотальной войне, что неминуемо закончилось бы гибелью всей цивилизации. Храбрые, суровые, неукротимые приверженцы бога войны сражались только ради того, чтобы в итоге уничтожить и себя, и своего покровителя… Вольные Компании, над которыми в туманной атмосфере Венеры реял стяг Марса, с воинственным ревом пронеслись по страницам истории человечества. Точно динозавры, наемники были обречены на вымирание. Однако, несмотря на близость рока, каждый солдат сражался с ожесточенностью тираннозавра — не на жизнь, а на смерть. И хотя Компании несли свою необычную службу под знаменами Марса, вместе с тем они, сами того не сознавая, исполняли еще и волю Минервы.

Вольные Компании канули в Лету, но их наследие непреходяще. Открыв соответствующий раздел учебника истории, повествующий о венерианском подводном периоде человеческой расы, мы многому можем поучиться у них. Ведь

благодаря этим людям наступил очередной расцвет цивилизации, плоды которого сейчас мы с вами пожинаем. Благодаря им мы достигли высот, каких не удалось достичь на Земле нашим общим предкам в Золотом веке.

> *Владыки эти проливают свет на тайны,*
>
> *Той ратной доблести и доблестных побед,*
>
> *Что призваны оставить в летописи*
>
> *Пускай и горестный, но яркий след…*[59]

Вольные Компании занимают важное место в межпланетных исторических анналах. Однако теперь хроника наемных отрядов на службе у подводных жителей кажется нам не более чем удивительной древней легендой: башни объединились, войны прекратились, а вместе с ними сгинули и солдаты. И все-таки значимость этих отрядов мы сейчас видим чуточку ясней, нежели чем она представлялась гражданам башен в те далекие дни.

Эта история о типичном вольном компаньоне тех времен, о капитане из Компании Дун, о Брай-

---

[59] Примечания: 59

Г. К. Честертон. Баллада о Белой лошади.

ане Скотте. Существовал ли он на самом деле? Сложно сказать, ведь этот рассказ опирается в равной степени как на факты, так и на легенды…

Глава 1

Солдат — туда, солдат — сюда! Солдат, крадись, как вор.

Но «Мистер Аткинс, в добрый путь!» — когда играют сбор.

Когда играют сбор, друзья, когда играют сбор.

«Любезный Аткинс, в добрый путь», — когда играют сбор[60].

Скотт попивал ядреный вискиплас в прокуренном кабаке и поглядывал по сторонам. Коренастый, с густым ежиком русых с проседью волос и старым шрамом, рассекавшим подбородок, этот человек имел за плечами тридцать с небольшим лет непростой жизни и выделялся выправкой вояки, коим он, впрочем, и являлся. В отличие от остальных завсегдатаев, у него доставало ума носить простой костюм из голубого целофлекса, а не рядиться в аляповатые шелка.

За прозрачными стенами взад и вперед по Путям проезжали веселые компании. Однако

---

[60] Примечания: 60

Р. Киплинг. Томми Аткинс. Перевод С. Маршака.

в самом заведении царила тишина. Раздавался лишь низкий голос барда. Музыкант напевал старинную балладу и аккомпанировал себе на каком-то мудреном инструменте.

Но вот песня закончилась, последовали вялые аплодисменты, и из музыкального автомата над головой грянула медь оркестра.

Вмиг исчезла неловкость. В кабинках и у барной стойки загомонили мужчины и засмеялись женщины, как будто и не было еще секунду назад между ними напряжения. Одна за другой стали возникать танцующие пары.

Подле Скотта сидела стройная загорелая девушка. Водопад черных блестящих кудрей ниспадал на плечи. Когда загремела музыка, она обратила на ветерана вопросительный взгляд:

— Не желаешь, Брайан?

Скривив губы в иронической улыбке, Скотт поднялся:

— Джина, а разве у меня есть выбор?

Девушка изящно скользнула в объятия Брайана. Танцор из него был никудышный, однако недостаток опыта он компенсировал умением чутко подстроиться под партнершу. Джина подняла к Скотту сердцевидное, с высокими скулами и пунцовыми губами лицо и попыталась разря-

дить обстановку:

— Да забудь ты об этом Бьене! Очевидно же, что он нарочно досаждает тебе!

Скотт бросил взгляд на дальнюю кабинку, где отдыхал Бьен в компании двух девушек. Коммандер Фредерик Бьен из Вольной Компании Дун был высок и худ, с его лица не сходила жестокая сардоническая ухмылка. Он мрачно взирал из-под кустистых темных бровей и показывал на танцующих Брайана и Джину пальцем.

— Да понимаю я, чего он добивается, — отозвался Скотт. — И надо сказать, у него это выходит неплохо… А, черт с ним!.. В конце концов, раз уж я стал капитаном, что за дело мне до какого-то незадачливого коммандера! В следующий раз трижды подумает, прежде чем не подчинится приказу! Это ж надо было догадаться — нарушить строй эскадры и повести корабль на таран!

— Неужто это правда? — спросила Джина. — Пока ты не сказал, я не желала верить слуху.

— Нарушать устав — это у Бьена в крови! Так было, есть и будет. Он ненавидит меня с первой минуты нашего знакомства. Впрочем, я плачу ему той же монетой. Каждый раз, когда я получал повышение, он кусал себе локти! Фредерик считает, что раз он служит дольше меня, то и

по карьерной лестнице должен продвигаться быстрее. Однако слишком уж он самонадеянный. Особенно тогда, когда не надо!

— Он еще и пьет как не в себя! — поддакнула Джина.

— Ну, это простительно… Мы уже три месяца кряду торчим в этой башне! Черт бы побрал Монтану! Парни просто помирают от безделья. И они по горло сыты гостеприимством местных. — Скотт кивнул на дверь, где кабатчик спорил с наемником. — Вон, смотри: даже сержантов не пускает!.. Ай, да и черт с ним!

Из-за шума и гвалта они не могли расслышать разговор, но уловить смысл было не так уж и сложно. В итоге солдат пожал плечами, сложив губы в немом для Скотта и Джины проклятии, и удалился. Толстяк в кричаще-алых шелках отправил вслед громкое напутствие:

— Давай-давай!.. Проваливай! А то мало нам тут наемников…

Скотт увидел, как Бьен прищурился, встал и направился к кабинке толстяка. Будь они неладны, эти гражданские! Если Бьен расквасит хаму жирную физиономию, то и поделом!

Судя по всему, к этому дело и шло. В тылу у толстяка стояла девушка, перед которой он не

хотел ударить лицом в грязь, а с фронта надвигался Бьен, уже изрыгавший в его адрес какую-то страшную хулу.

Под потолком отрывисто гаркнул вспомогательный динамик громкой связи. Слова тут же потонули во всеобщем гомоне, однако тренированное ухо Скотта сумело их различить. Брайан кивнул Джине и многозначительно прищелкнул языком:

— Дождались!

Джина тоже расслышала сообщение и выпустила Скотта из объятий. К кабинке толстяка он подоспел как раз вовремя — перебранка грозила перерасти в драку. Раскрасневшийся как рак гражданский вдруг выкинул руку и совершенно случайно угодил коммандеру по впалой щеке. Бьен, осклабившись, отступил на шаг и сжал кулаки. Скотт схватил его за запястье и рявкнул:

— Коммандер! Тпру!..

Бьен крутанулся на пятках и сверкнул глазами:

— Не лезь не в свое дело! Дай мне…

Увидев, что соперник в замешательстве, толстяк набрался храбрости и замахнулся для бокового удара. Однако Скотт споро продвинулся мимо Бьена, отвесил гражданскому пощечину и

оттолкнул. Толстяк только чудом не рухнул спиной на собственную стойку. Когда он вновь обрел равновесие, Скотт уже навел на него пистолет.

— Не лезьте не в свое дело, мистер! — сказал как отрезал капитан.

Облизнув губы, толстяк поколебался, затем сел и забормотал под нос о черт знает что возомнивших о себе наемниках.

Бьен попытался вырваться из рук помощника Скотта, чтобы замахнуться на капитана, однако тот невозмутимо кивнул на громкоговоритель.

— Приказ слышал? — убирая пистолет в кобуру, спросил он.

— Срочный сбор. Личному составу вернуться в расположение, а капитану Скотту прибыть в Управление, — тотчас отрапортовал помощник.

— Вот те на! — хмыкнул Бьен, мрачно глядя на капитана. — Ладно, приказ понял! Хотя эту гниду я бы хорошенько отделал!

— Ты не хуже меня знаешь, что такое срочный сбор, — проворчал Скотт. — Мы должны быть готовы сменить дислокацию по первому требованию. Исполняйте приказ, коммандер!

Бьен неохотно отдал честь и пошел прочь. Скотт вернулся в кабинку к Джине, которая уже собрала сумочку и теперь увлажняла губы баль-

замом.

Джина встретилась взглядом со Скоттом. Если она и тревожилась, то тщательно это скрывала.

— Буду ждать тебя дома. Ни пуха!

Скотт сухо поцеловал девушку и полностью отдался мыслям о предстоящей заварушке. Возбуждение в нем нарастало, и Джина прекрасно понимала, что капитану сейчас не до нее. Джина одарила Скотта ироничной улыбкой, легонько провела ладонью по ежику волос и встала. Они вышли из заведения и окунулись в веселую суматоху. В лицо повеяло ветром, в ноздри ударил приторный запах парфюма, и Скотт с отвращением сморщил нос. Когда наступал карнавальный сезон, жизнь в башнях для наемников превращалась в сущий ад. Именно в эти дни военные как никогда ощущали ту пропасть, что пролегала между ними и подводными жителями. Увлекая за собой Джину, Скотт пробирался через толчею к центральному скоростному Пути.

На разноуровневой развязке Скотт оставил Джину и направился в здание Управления, располагавшееся в городском центре посреди жмущихся друг к другу высоток. И политический, и технический штаб — все было сосредоточено здесь. Все, кроме лабораторий, которые распола-

гались в пригороде, под сенью башенных стен. А в трех-четырех километрах от города виднелось несколько куполов поменьше — для самых смелых экспериментов.

Скотт вышел на центральную площадь, глянул вверх и задумался о катастрофе, из-за которой ученые теперь были вынуждены объединяться в тайные сообщества, точно франкмасоны. Над головой парила невесомая сфера, наполовину скрытая от глаз черным складчатым покровом из пластика. Подобные копии планеты Земля, напоминавшие о навсегда утраченном доме, встречались в каждой башне Венеры. Взор Скотта устремился дальше, словно и в самом деле можно было разглядеть сквозь черный защитный купол километровую толщу воды и плотную облачную атмосферу сияющее в космосе небесное тело. Белая звезда в четверть яркости Солнца — вот и все, что осталось от планеты после того, как два века назад человечество научилось высвобождать энергию атомного ядра.

Разрушительные последствия техногенной катастрофы распространились по Земле со скоростью лесного пожара, расплавили материки и сровняли горы с обугленной твердью. Все ужасы этого бедствия, запечатленные на видеопленке,

хранились в библиотечном архиве, и каждый желающий мог увидеть их воочию. Возник даже религиозный культ под названием «Люди нового порядка», выступавший за ликвидацию всякой научной деятельности. Приверженцы этих догматов встречаются и по сей день. Однако с тех пор, как появились сообщества техников, которые объявили эксперименты с ядерной энергией вне закона и запретили применение оной под страхом смертной казни, фанатиков значительно поубавилось. Чтобы примкнуть к техникам, требовалось принести клятву Минерве: «Обязуюсь работать во благо человечества… принимать все возможные меры предосторожности, дабы не навредить ни роду людскому, ни дисциплине научной… а также испрашивать дозволение у сильных мира сего на проведение экспериментов, подвергающих цивилизацию опасности… всегда помнить об оказанном мне доверии и никогда не забывать о гибели родной планеты в результате безрассудного пользования накопленными нашей расой знаниями…»

«Земля! Этот самый необычный из миров канул в Лету, — подумал вдруг Скотт. — Взять хотя бы солнечный свет… Чего-чего, а направленного света на Венере не дождешься! Сплошные облака! А

сколько здесь неизведанных континентов, которые так и останутся непокоренными! Пытаться колонизировать Венеру нет никакой нужды… Все необходимое для жизнедеятельности можно производить прямо под куполом… Земляне позабыли такое слово, как „граница“, однако здесь они вновь вынуждены существовать в ограниченных мирках. Перед тем как Земля погибла, не сыскать было такого уголка на ней, где не ступала бы нога человека…»

Впрочем, ограничивали людей не только искусственно созданные преграды, но и надуманные предубеждения. Человечество раскололось надвое. В башнях под водой процветала жизнь социальная, достигшая небывалых высот, а на поверхности — едва ли не первобытная, к невзгодам которой были привычны только солдаты. У них имелись военно-морские базы и флот. Эскадры — чтобы воевать, а базы — чтобы размещать техников, способных обеспечивать солдат самыми передовыми технологиями. Валютой нового мира стали военные патенты. И хотя граждане башен молча сносили визиты наемников, постоянное пребывание солдат под куполом воспрещалось. Даже штаб главного командования и тот не дозволялось размещать на территории башни. Вот

какие антимилитаристские настроения господствовали на Венере. Вот насколько глубоким в общественном сознании оказался раскол. Люди, жаждавшие прогресса культурного, о прогрессе военном и слышать не хотели.

Траволатор под ногами Скотта превратился в эскалатор и доставил его в Управление. Капитан перешагнул на другую ленту, чтобы сменить направление, и оказался у лифта. Через пару мгновений он очутился перед дверью с изображением Дэйна Кросби, президента башни Монтана.

— Входите, капитан, — послышался голос, и Скотт вошел в небольшой кабинет, три стены которого были украшены фресками, а четвертая представляла собой панорамное окно с видом на город.

Убеленный сединами, худощавый Кросби, облаченный в голубые одеяния, сидел за столом.

«Что твой клерк со страниц романа Диккенса! — внезапно пришло на ум Скотту. — Такой же заурядный, засаленный жизнью, ничем не примечательный старикан!»

Однако внешность обманчива. Кросби был одним из самых выдающихся социальных политиков на Венере.

Риз, командующий Вольной Компанией Дун,

сидел развалясь в релаксаторе и являл собой полную противоположность президенту Кросби. Многолетнее воздействие актиничного ультрафиолета высушило Риза до костей, превратило его в жилистую темнокожую мумию. Он производил впечатление человека самого что ни на есть безжалостного, а улыбка, больше похожая на гримасу, только усиливала это ощущение. На провалившихся смуглых щеках проступали натянутые, точно проволока, мышцы рта.

Скотт отдал честь, Риз в ответ поманил его к себе. В глазах командующего читалось плохо скрываемое нетерпение: орел, почуявший кровь, готовился к смертоносному пике. Бледное лицо Кросби, уловившего боевой настрой Риза, перекосила улыбка.

— Назвался наемником, будь готов наниматься, — пошутил Кросби. — Бьюсь об заклад, вы уже помираете со скуки в столь долгом увольнении! Но поспешу вас обрадовать, командующий Риз: вас и ваших ребят поджидает та еще баталия!

Крепко сбитое тело Скотта невольно напряглось.

— Капитан, башня Виргиния вышла на тропу войны. Она наняла Ныряющих Дьяволов Флинна.

Наступила тишина. И Ризу, и Скотту не терпелось обсудить новое предложение, взвесить все за и против, однако перед гражданским, пускай и президентом башни Монтана, откровенничать лишний раз не стоило. Кросби поднялся из-за стола:

— Вознаграждение? Я назвал достойную сумму?

— Вполне, — кивнул Риз. — Думаю, бой произойдет в ближайшие два дня. По моим расчетам, мы схлестнемся где-то в окрестностях Венерианской впадины.

— Славно. Прошу прощения, но мне надо кое-что уладить. Буду… — Так и не договорив, президент скрылся за дверью.

Риз протянул Скотту сигарету и сказал:

— Капитан, задача ясна? Вы понимаете, что с парнями Флинна не все так просто?

— Разумеется, сэр. Одним нам с ними не совладать, — отозвался Скотт и поблагодарил за сигарету.

— Зрите в корень, капитан. У нас не хватит ни людей, ни вооружения. Кроме того, недавно к Дьяволам примкнул Легион, его командующий О'Брайан погиб в ходе приполярной стычки. Дьяволы сильны… Даже очень сильны. Чего только

стоят их вылазки на подводных лодках! Думаю, нам придется воспользоваться планом Эйч-семь. Помните такой?

Скотт закрыл глаза, чтобы отыскать в памяти нужные данные. Каждый наемник держал в голове информацию обо всех конкурентах. Эти сведения приходилось регулярно обновлять по мере того, как Компании заключали перемирия или объединялись. Ведь каждое такое соглашение перекраивало карту боевых действий Венеры до неузнаваемости. Исходя из этих данных составлялись планы, причем настолько подробные, что при необходимости они могли незамедлительно приводиться в исполнение. План Н-7, насколько помнил Скотт, предусматривал поддержку со стороны маленькой, но хорошо организованной преступной группировки Тома Мендеса, также считавшейся Вольной Компанией.

— Помню-помню, — кивнул Скотт. — Связаться с ним сможете?

— Надеюсь. Мы договорились о взаимопомощи, однако о вознаграждении условиться пока не удалось. Я пытался дозвониться по вакуумному лучу, но Том постоянно сбрасывает вызов. Похоже, выжидает до последнего, чтобы диктовать свои условия.

— Какие у него требования, сэр?

— Пятьдесят тысяч наличными и пятьдесят процентов добычи.

— Хватит с него и тридцати.

— Я и предложил ему тридцать пять процентов, — согласно кивнул Риз. — Если хотите, отправляйтесь на его базу — даю вам карт-бланш. Разумеется, мы вольны нанять и другую группировку, но слишком уж у Мендеса хорошие приборы обнаружения подлодок, чтобы отказываться от его услуг. Против Дьяволов такая аппаратура придется весьма кстати. Попробую еще связаться с Мендесом… Если не получится, то придется лететь вам и договариваться на месте. Может, удастся хоть чуть-чуть поумерить его аппетит. Пятьдесят процентов добычи — никуда не годится!

Скотт задумчиво потер мозолистым пальцем шрам на подбородке и сказал:

— А тем временем коммандер Бьен будет проводить мобилизацию… Когда, кстати?

— Да, я связывался с базой. Наши самолеты уже в пути.

— Чувствую, хлебнем лиха, — произнес Скотт.

Они переглянулись. Оба прекрасно понимали, что их ждет.

— Но и добычи будет с лихвой, — сухо усмехнулся Риз. — В башне Виргиния большие запасы кориума… Не знаю, конечно, сколько конкретно, но нам точно хватит.

— Из-за чего на этот раз сыр-бор?

— Думаю, все как обычно, — равнодушно отозвался Риз. — Какой-то умник в Виргинии заигрался в империализм и задумал прибрать к рукам все остальные башни… В общем, ничего нового.

Дверь отъехала в сторону. Риз и Скотт встали поприветствовать парня и девушку, следовавших за президентом Кросби. Незнакомец выглядел совсем юнцом, мальчишеское лицо еще не загрубело от актинических ожогов. А незнакомка была прелестна. Она походила на изящную статуэтку и буквально светилась жизнью. Скотт сразу же подметил светлые волосы, остриженные по моде, и необычайного оттенка зеленые глаза. Девушка была не просто красива — от одного ее вида у капитана перехватило дыхание.

— Знакомьтесь, моя племянница Айлин Кейн и мой племянник Норман Кейн, — представил вновь прибывших Кросби, и те расселись по местам.

— Выпить не желаете? — предложила Айлин. —

У вас тут до омерзения официальная атмосфера! В конце концов, бой еще не начался. — Не дождавшись ответа, она пробормотала: — Ну и ладно! Сообщите, как созреете! Я могу и подождать, — прибавила она и с любопытством оглядела Скотта.

— Мне бы хотелось вступить в ряды Вольной Компании Дун, сэр! — выпалил вдруг Норман Кейн. — Заявку я подал, но сражение уже совсем скоро! Боюсь не успеть. Это же с ума можно сойти, пока ждешь утверждения! Вот я и подумал, почему бы…

— …Почему бы не попросить об этой услуге вас лично, Риз, — закончил за Нормана президент Кросби, взглянув на командующего. — Разумеется, решение только за вами. Мой племянник — белая ворона! Романтик! Никогда не любил жизнь под куполом, а год назад и вовсе сбежал к Старлингу.

— В эту шайку? — вскинул брови Риз. — Таких боевых товарищей и врагу не пожелаешь. Разве это солдаты? Даже не стали Вольной Компанией! Позорище! Скорее партизанский отряд, лишенный всякой военной этики. Кстати, ходят слухи, что они балуются с ядерной энергией.

— А вот этого я не слышал, — испугался Кро-

сби.

— Всего лишь пересуды. Если информация подтвердится, то наемники, причем все без исключения, соберутся и в один миг вышибут из Старлинга дурь.

— Похоже, я поступил глупо. — Норман Кейн выглядел слегка смущенным. — Но я так рвался в бой! А парни Старлинга произвели на меня впечатление, вот я и…

Командующий Риз прочистил горло.

— Только это они и могут — производить впечатление на неокрепшие умы. Хулиганы и романтики, ни бельмеса не смыслящие в военном ремесле. Да и техников у них лишь с десяток наберется. Кроме того, никакой дисциплины — действуют как шайка пиратов! Норман, заруби себе на носу: романтически настроенным организмам, преследующим несбыточные мечты, на поле боя не место. Войну с таким подходом не выиграть. Современный солдат — тактик, умеющий думать, подчиняться приказам и взаимодействовать с боевыми товарищами. Если намереваешься присоединиться к нам, то ты должен забыть все, чему научили тебя у Старлинга.

— Значит, вы меня берете, сэр?

— Вот так сразу? Слишком безрассудно! Ты

должен пройти курс молодого бойца.

— Но у меня есть опыт…

— Командующий Риз, сделайте мне одолжение. Буду вам очень признателен, если вы поступитесь всей этой бюрократической ерундой. Если уж моему племяннику суждено стать наемником, то пускай он станет одним из вас. Солдатом Вольной Компании Дун. Так мне будет спокойней!

— Ладно, воля ваша, — пожал плечами Риз. — Норман, твой командир — капитан Скотт. И помни: самое главное — дисциплина!

— Огромное спасибо, сэр! — сказал Норман, пытаясь сдержать довольную ухмылку. — Капитан…

Скотт поднялся и кивком велел Норману следовать за ним. Оба вышли в приемную и приблизились к видеофону. Капитан связался с представительством Компании Дун в башне Монтана. На экране возникло лицо интегратора.

— Капитан Скотт на связи. Тема — новобранец.

— Да, сэр. К записи готов.

Скотт подвел Нормана к монитору и скомандовал:

— Фотографируй! Этот мужчина отправляется в расположение. Имя, фамилия — Норман Кейн. Специальное распоряжение командующего Риза

— принять на службу без курса молодого бойца.

— Есть, сэр.

Скотт завершил звонок, и на этот раз Кейн уже не сдержал улыбки.

— Ну вот вроде бы и все, — вздохнул капитан и глянул на Нормана как будто даже с интересом. — Пристроили тебя, будешь под моим началом. На чем специализируешься?

— Водные флиттеры, сэр.

— Хорошо. Норман, и еще кое-что… Не забывай слова командующего Риза. Быть может, ты этого еще не осознал, но дисциплина и в самом деле чертовски важна. Это тебе не трагикомедия плаща и шпаги, это настоящая, черт возьми, война. В наших рядах нет места таким, как граф Кардиган и его кавалеристы[61]. Забудь про выпендреж и игру на публику — пускай все это остается на страницах романов про Крестовые походы. Добросовестно исполняй приказы, и у тебя никогда не будет проблем. Удачи!

— Спасибо, сэр! — Норман отдал честь и развязной походкой двинулся прочь.

Скотт усмехнулся и подумал, что фанфаронить-ся этому парню осталось недолго.

---

[61] Примечания: 61

Речь об атаке британской кавалерии во время Балаклавского сражения 25 октября 1854 г. в ходе Крымской войны.

Раздавшийся рядом голос заставил Скотта быстро обернуться. Рядом стояла Айлин Кейн, восхитительно стройная в своем платье из целофелкса.

— А вы не такой уж и сухарь, капитан! — сказала Айлин. — Подслушала ваши напутственные слова Норману.

Скотт пожал плечами:

— Это для его же собственного блага… и блага других солдат Вольной Компании Дун. Паршивая овца все стадо портит, госпожа Кейн. Мне проблемы не нужны.

— Завидую я Норману, — сказала Айлин. — Должно быть, у вас такая увлекательная жизнь. Хотела бы я тоже стать вольной компаньонкой. Правда, не навсегда, а на какое-то время… Ненадолго. Наверное, я и есть та самая паршивая овца, о которой вы говорите, капитан Скотт. Зряшней жизни, чем моя, и выдумать нельзя! Никакой-то от меня пользы для нашей цивилизации — бесполезный побег от великого древа. Однако нет худа без добра. Я выпестовала один свой талант… Можно сказать, талантище!

— Какой же?

— Мой талант заключается в умении наслаждаться собой и своей жизнью. Кажется, это

называется гедонизмом… Почти всегда помогает справиться со скукой, но сейчас я все же немного скучаю и хотела бы с кем-нибудь поговорить. Например, с вами, капитан!

— Что ж, я слушаю, — отозвался Скотт.

— «Поговорить», конечно, не совсем та лексема. Я бы хотела забраться в вашу голову, побывать в вашей шкуре… Не пугайтесь, не в буквальном смысле! Больно не будет. Это фигура речи такая, понимаете? Поужинать, потанцевать с вами… Как думаете, это возможно?

— У меня нет времени, — ответил Скотт. — Могу получить приказ в любую минуту. — Капитан колебался, стоит ли идти на свидание с девушкой, прожившей всю жизнь под куполом? Однако было в ней что-то неуловимо привлекательное. И это что-то, не поддающееся анализу, интриговало Скотта. Айлин олицетворяла собой мир, незнакомый ему. Причем олицетворяла самую приятную его часть, привлекавшую капитана более всего. Ни геополитика, ни гражданская наука… ничто не впечатляло Скотта — все казалось чуждым. Он сознавал, что все многочисленные грани этого мира так или иначе сходятся в одной вершине, именуемой удовольствием. И если тот расслабленный образ жизни, какой вели обитатели

подводных куполов, он еще вполне мог понять, то вот их работу и социальные мотивации — никоим образом.

Через дверь прошел командующий Риз.

— Собираюсь кое-кому позвонить, капитан, — прищурившись, объявил он.

— Да, сэр, — кивнул в ответ Скотт. Он знал, кто этот «кое-кто», — Риз хотел заключить сделку с Мендесом. — Прикажете отправляться?

Риз перевел взгляд с Айлин на Скотта, и его суровое лицо вдруг смягчилось.

— Нет, до рассвета можешь быть свободен, ты мне не понадобишься. Но в шесть утра чтобы как штык! Что-то мне подсказывает: хлопот вечером у тебя будет полон рот. Поэтому приводи дела в порядок и возвращайся.

— Как скажете, сэр, — произнес Скотт, глядя вслед удаляющемуся Ризу.

Командующий, конечно же, имел в виду Джину, но Айлин этого, к счастью, знать не могла.

— Ну так что? — спросила она. — Вы мне отказываете? Может, хотя бы угостите коктейлем?

Скотт согласился — Риз дал ему времени более чем достаточно.

— С удовольствием!

Айлин взяла его под руку, и они спустились в

капсуле лифта на первый этаж.

Когда ступили на Путь, Айлин повернулась к Скотту и перехватила его взгляд:

— Капитан, я забыла кое-что прояснить. Разве вы не связаны отношениями? Может, я чего-то недопоняла?

— Ничего такого, о чем вам стоило бы беспокоиться, — ответил Скотт, и не солгал.

От этого осознания он даже испытал к Джине нежную признательность.

Их отношения с Джиной были своеобразными и находились в прямой зависимости от службы Скотта. Свободный брак — наиболее подходящее название этому союзу. Ни женой, ни любовницей назвать Джину было нельзя: она занимала какую-то промежуточную нишу. Наемники были совершенно не приспособлены к жизни в обществе, да и возможностей начать ее практически не имели. В башне под водой они были гости, а наверху, на военно-морской базе, — солдаты. Провести женщину на базу можно было с тем же успехом, что и на борт линкора. Как же тут заведешь жену!

Избранницы наемников жили в башнях, кочуя следом за своими мужчинами. Свободные супруги не решались укреплять свои отношения, ведь

смерть тенью преследовала каждого солдата.

Свободный брак Джины и Скотта длился вот уже пять лет. Друг друга они ни в чем не ограничивали. Да и разве можно ожидать верности от наемника? Порой солдатам приходилось подолгу существовать в условиях железной дисциплины. И когда наконец наступало короткое перемирие и солдат получал увольнительную, то маятник стремительно летел в точку, совершенно противоположную супружеской верности.

Айлин Кейн была для Скотта ключом, открывающим дверь в мир, к которому капитан не принадлежал, однако ему очень хотелось приобщиться к нему и познать.

Глава 2

Не я построил этот мир,
Я в нем блуждаю чужд и сир[62].

Вскоре Скотт обнаружил, что в этом мире существуют нюансы, о которых он даже не подозревал. Да и откуда бы ему знать о них? Подобные откровения являлись только таким завзятым гедонистам, как Айлин. Тем, кто посвятил их изучению всю свою жизнь. Можно сказать, на своем увлечении она сделала карьеру. Айлин обладала тайным знанием, как придать крепкому и пресному коктейлю «Лунный цветок» вполне себе благородный вкус. Секрет заключался в том, чтобы цедить напиток через кубик лаймового сахара, который держишь зубами. До этого дня Скотт уважал только янтарный вискиплас и, как любой вояка, презирал напитки, получаемые из гидропонных зерновых культур. Однако коктейли, предложенные Айлин, оказались не менее эффективными, чем жгучий и забористый вискиплас.

---

[62] Примечания: 62
А. Хаусман. Законы бога и людей. Перевод Ю. Таубин.

Этим вечером она научила капитана разным трюкам. Например, вдыхать между порциями крепкого веселящий газ, что в мгновение ока вызывало сильнейшее опьянение, будоражило ум и волновало душу. Подобные тонкости могла знать только такая искушенная девушка, как Айлин. И все же Скотт ошибся, полагая, что она олицетворяла собой ту жизнь, которой он так стремился вкусить. Айлин, как она сама утверждала, оказалась случайным побегом, бесполезным цветком на величественной, неудержимо тянущейся к небу виноградной лозе, чья сила заключалась в цепких вездесущих усиках, коими являлись ученые, техники и приверженцы социальной политики в башнях. Капитан Скотт был обречен, обречена была и Айлин — каждый по-своему. Подводные жители боготворили Минерву, капитан Скотт служил Марсу, а Айлин поклонялась Афродите — не только богине плотских утех, но и покровительнице искусства и наслаждения жизнью.

Между Скоттом и Айлин имелось столько же общего, сколько между грохочущими аккордами Вагнера и звенящими арпеджио Штрауса. Однако в обоих приглушенным контрапунктом звучала горьковато-сладкая грусть. Правда, сами Скотт и

Айлин, пока не встретились, едва ли замечали ее. Лишь когда они оказались друг подле друга, чувство смутной безнадежности откликнулось в каждом из них и эта грусть стала явственно различима на слух.

На улицах башни шел карнавал, но ни Скотту, ни Айлин надевать маску не было нужды. Ведь их лица и без того скрывались под личинами, которые они приучили себя носить изо дня в день. Лицо Скотта сохраняло свою непроницаемую мрачность, даже когда капитан пытался улыбаться. Айлин же улыбалась так часто, что улыбки получались совершенно неискренние.

Благодаря Айлин за этот вечер Скотт узнал о быте подводного общества больше, чем за всю свою жизнь. Айлин стала для него своеобразным катализатором. С первой минуты между ними возникло и продолжало крепнуть молчаливое, не требующее лишних слов взаимопонимание. Оба понимали, что им нет места в мире, к которому движется прогресс. Оба сознавали, что в конце концов так или иначе исчезнут. Общество терпело Скотта и Айлин, поскольку еще нуждалось в них, но вечно это продолжаться не могло. Каждый из них был полезен по-своему. Скотт, слуга Марса, активно защищал граждан купола. Айлин

же, служанка Афродиты, украшала существование подводных обитателей своим необычным подходом к жизни.

Алкоголь ударил в голову. Капитан сильно захмелел, однако виду не подал. Несмотря на опьянение, жесткий ежик русых с проседью волос стоял волосинка к волосинке, а обветренное и обгоревшее лицо оставалось, по обыкновению, бесстрастным. Когда карие глаза Скотта встретились с зелеными глазами Айлин, между ними промелькнула неведомая искра.

И цвет, и свет, и звук вдруг образовали причудливый узор, который в другое время показался бы Скотту совершенно бессмысленным. Они сидели в приватной ложе «Олимпа» далеко за полночь, и стен вокруг них как будто не существовало. Время от времени под сдавленный вой искусственного ветра мимо проплывали потерявшие строй армады серых, тускло светящихся перистых облаков. Казалось, эти двое и в самом деле боги, сидящие на вершине горы Олимп.

«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Божий Дух носился над водою»[63] — именно так можно было описать происходящее

---

[63] Примечания: 63
Быт. 1: 2.

в ложе. Здесь случалась мгновенная переоценка ценностей, а все запреты представлялись донельзя нелепыми. За пределами ложи ничего и никого не существовало. В этом и заключалась вся философия этого заведения.

Скотт откинулся на прозрачную подушку, напоминавшую облако, а сидящая подле Айлин поднесла к ноздрям мундштук, чтобы он вдохнул веселящего газа.

— Нет-нет, хватит…

Она отпустила трубку с мундштуком, и та автоматически свернулась в катушку.

— Ты прав, Брайан: все хорошо, что в меру. Всегда должна оставаться некая недосказанность, предвкушение чего-то большего… Мне это ощущение уже не поймать, а вот для тебя еще не все потеряно.

— Это как?..

— Удовольствия… В общем, они ограничены психологическими и физическими возможностями человека. Например, я приучила организм сопротивляться всему, чему только можно. Однако меня утешает, что изведала я еще не все. Никогда не знаешь, когда за тобой придет смерть. Ей нельзя назначить встречу, но зато всегда можно рассчитывать на еще одно приключение,

когда она отправит тебя в последний путь. И это хорошо, что смерть непредсказуема, ибо неожиданность и удовольствие всегда идут рука об руку. Смерть важна…

Скотт покачал головой:

— Нет, ты переоцениваешь ее значение. Смерть — автоматическое обнуление всех ценностей. Или… — Капитан поколебался, подбирая нужные слова. — Ты можешь сколько угодно планировать свою жизнь, устанавливать и приумножать ценности, однако не стоит забывать, что все они зиждутся на определенных условиях, выдуманных цивилизацией. Смерть переводит жизнь в иную плоскость. Взять хотя бы арифметику. Ее законы как таковые к геометрии неприменимы.

— Думаешь, смерть подчиняется иным законам?

— Айлин, может статься, что к смерти вообще никакие законы неприменимы. Люди привыкли жить с мыслью, что в конечном итоге умрут. На этом основывается наша цивилизация. Именно поэтому сверхзадача цивилизации — сохранение множества, сохранение социума, а не индивидуума.

Айлин серьезно посмотрела на капитана Скотта:

— Вот уж не думала, что наемники могут теоретизировать на такие темы!

Скотт прикрыл глаза и полностью расслабился.

— Откуда жителям башни знать, о чем задумываются наемники? Ведь вы не проявляете к нам совершенно никакого интереса! Мы тоже люди, и у нас тоже есть голова на плечах. Наши техники ни в чем не уступают ученым, живущим под куполом.

— Но ваши техники делают свои открытия в угоду войне.

— Война неизбежна, — возразил Скотт. — По крайней мере, сейчас.

— Как ты стал наемником, если не секрет?

— Секрет! Темный секрет моего темного прошлого! — хохотнул капитан. — Я беглый убийца из башни Австралия! Шучу! Но есть среди нас и такие… Мой отец был техником, а дед — солдатом. Думаю, это у меня в крови. Много я перепробовал профессий, но так и не нашел для себя применения. Всегда хотел чего-то… Черт, даже и не знаю чего!.. Чего-то, чему я мог бы отдаться полностью, без остатка. Борьба! Вот чего я желал! Так некоторые находят себя в религии. Например, «Люди нового порядка». Они ведь не просто культисты

— они фанатики! Кроме религии, в этом мире для них больше ничего не существует.

— Неужели ты намеревался вступить в секту этих грязных бородатых изуверов?

— Изуверы они лишь потому, что их догмы базируются на ложных постулатах. Однако всегда можно найти такую секту, чья система взглядов будет совпадать с твоей собственной. Но для меня религия — слишком тихая заводь.

Айлин всмотрелась в суровое лицо капитана:

— Похоже, если бы такая возможность еще существовала, ты бы присоединился к какой-нибудь воинствующей церкви… Мальтийский орден? Чтобы сражаться с сарацинами?

— Думаю, да. У меня нет ценностей. Я боец до мозга костей.

— Что значит для тебя твоя служба?

Скотт размежил веки и с улыбкой взглянул Айлин в глаза. В его взгляде читалось прямо-таки мальчишечье озорство.

— Да практически ни черта не значит! Не более чем захватывающий дух аттракцион. Головой-то я прекрасно понимаю, что вся эта служба — большая ложь. И всегда ею была. Наемники — точно такая же секта, как и «Люди нового порядка», с не менее абсурдной системой ценностей. Ми-

литаризм обречен. У нас нет ни идеи, ни цели. Полагаю, многие из моих товарищей понимают, что будущего у нас нет. Сколько нам осталось? Два-три столетия, не больше!

— Но почему тогда ты продолжаешь воевать? Дело в деньгах?

— Не только. Сражения… опьяняют. У древних норманнов это называлось безумием берсерка. Испытываем в пылу битвы нечто похожее и мы. Вольная Компания заменяет наемникам и мать, и отца, и ребенка… и даже Господа Бога! Солдатам платят, чтобы они дрались между собой, но это не значит, что на поле боя они ненавидят друг друга. Зачем? Ведь все они служат одному и тому же умирающему богу. И он умирает прямо у нас на глазах, Айлин. Каждая победа и каждое поражение приближают нас к исчезновению. Мы сражаемся, чтобы защищать культуру, которая рано или поздно сама избавится от нас. Когда башни в конце концов объединятся, думаешь, нужны им будут вооруженные силы? Я прекрасно вижу, к чему все идет!.. Если бы только война, как и прежде, была неотъемлемой частью цивилизации и каждой башне требовалась постоянная армия! Граждане купола признали, что мы необходимое зло, и тем не менее они отгородились

от нас. Как было бы хорошо положить всем войнам конец! Сейчас же! — невольно сжал кулаки Скотт. — Сколько бы наемников с радостью отправились на поиски своего личного райского уголка на дне венерианского подводного мира! Но пока Вольные Компании продолжают существовать, будут набираться и новые рекруты.

Айлин наблюдала за беспорядочным прибоем клубящихся вокруг серых облаков, потягивала коктейль и всматривалась в лицо Скотта, казавшееся в сумраке комнаты высеченным из темного камня — только в глазах мелькали искорки света.

Она нежно дотронулась до руки капитана:

— Брайан, ты же солдат. Ты не сможешь перестроиться.

В ответ Скотт горько усмехнулся:

— Черта с два! Плохо вы меня знаете, госпожа Айлин Кейн! Сражаться — это не просто спускать курок. Я военный стратег. Чтобы стать им, у меня ушло ни много ни мало десять лет! Зубрил я столько, сколько не приходилось в годы студенчества в техническом институте башни. Я должен знать о ведении войны все: начиная от боевого маневрирования и заканчивая психологией масс. Военная стратегия — это величайшая из наук на-

шей цивилизации! И одновременно с этим самая бесполезная, ведь необходимость войн в ближайшие несколько веков исчезнет сама собой. Наука! Удивительная наука, направленная исключительно на военные нужды! Айлин, если бы ты только видела нашу базу! У нас есть даже свои психологи! А инженеры! Они делают расчеты и улучшают все доступные нам средства ведения войны, уменьшая силу трения как для снарядов артиллерийских орудий, так и для флиттеров. У нас есть и мельницы, и литейные цеха. Точно так же, как ваши башни — города, служащие социальному прогрессу, наши военно-морские базы — это города, служащие нуждам войны.

— Как все сложно…

— Невероятно сложно и невероятно бессмысленно. Однако есть в этом своя прелесть. Дело в том, что бой — наркотик. И многие наемники прекрасно это сознают и сами ищут битвы. Мы эмоционально привязаны к нашей Вольной Компании, поскольку она дает нам возможность участвовать в этих самых битвах. По-настоящему наемник живет только в военное время! Тогда как граждане башни могут наслаждаться полноценной жизнью каждый божий день. У любого из них есть постоянная работа и досуг для того,

чтобы расслабиться. Жизнь наемника неполноценна. Мы не вписываемся в ваш мир.

— Не для всех подводных жителей твои утверждения справедливы, — возразила Айлин. — Даже в таком благополучном месте, как башня, есть отщепенцы и изгои. Ты солдат и знаешь, ради чего существуешь. А вот я, например, не могу превратить мой бессмысленный гедонизм в дело жизни! Моя трагедия в том, что я ни на что больше не гожусь.

Скотт сжал пальцы Айлин и сказал:

— По крайней мере, ты вскормлена цивилизацией. Меня же просто выбросили на обочину.

— Брайан, мне с тобой хорошо. Кажется, ты можешь сделать мою жизнь лучше… На сколько нас хватит? Не знаю… Не думаю, что надолго, и тем не менее…

— Не рано ли ты нас хоронишь?

— Не обольщайся… Но это все-таки лучше, чем чувствовать себя тенью! Ты даже не представляешь…

— Представляю.

— Я хочу быть с тобой, Брайан, — сказала Айлин и посмотрела капитану в глаза. — Хочу, чтобы ты переехал в Монтану и остался со мной. Будем жить вместе до тех пор, пока наш эксперимент

не провалится. Может, он сорвется в первый же день, а может, протянется чуть дольше… Я хочу научиться быть такой же сильной: смело смотреть в будущее и жить вопреки. В свою очередь, я познакомлю тебя с тем образом жизни, что ведут граждане башни. Ты узнаешь, что такое истинный гедонизм, и… быть может, даже станешь моим верным товарищем и спутником. Общения с другими гедонистами мне недостаточно, потому что ничего, кроме этого, они не знают и знать не хотят.

Скотт в ответ промолчал. Некоторое время понаблюдав за капитаном, Айлин наконец спросила:

— Неужели война так важна для тебя?

— Нет, — ответил он. — Совсем нет. Война — мыльный пузырь. Не ровен час, он лопнет, уж поверь мне! Честь мундира? Ну что за чепуха! — рассмеялся Скотт. — Если ты думаешь, что я не верю собственным словам, то ошибаешься. Слишком уж много лет я был изолирован от общества. Когда социальная единица долго служит идее, утратившей смысл, она обрекает себя на погибель. Я считаю, что нет ничего важнее мужчины и женщины.

— Мужчины и женщины? Или все-таки чело-

веческого рода?

— Важен именно союз мужчины и женщины, — оборвал Скотт. — К черту человеческий род! За всю жизнь я слова доброго от него не слышал! Я сумею подстроиться. И гедонизм для этого исповедовать не обязательно. Такому спецу широкого профиля, как я, не составит труда найти работу в башне. У меня обязательно все получится. Иначе и быть не может.

— Конечно получится! Стоит только захотеть. Я, например, никогда даже и не пыталась… Наверное, потому, что отчасти фаталистка. Но Брайан… ты так и не ответил на мое предложение. — Глаза Айлин в окружавшем призрачном свете казались мерцающими изумрудами.

— Да, — ответил Скотт. — Я вернусь и останусь.

— Вернешься? — переспросила Айлин. — Но почему не останешься прямо сейчас?

— Потому что дурак! Я ключевая фигура на этой шахматной доске, и командующий Риз без меня как без рук.

— Риз или Вольная Компания?

— Ни тот ни другая, — криво улыбнулся Брайан. — Я просто должен сделать свою работу. Когда спрашиваю себя, сколько уже лет я влачу рабское существование, притворяясь, будто весь

этот вздор действительно важен, хочется взять и закончить все раз и навсегда!.. Подумать только, все эти годы я поклонялся манекену — чучелу, набитому соломой… Ну теперь-то решено — окончательно и бесповоротно!.. Айлин, я жажду жить с тобой одной жизнью. Я ведь не думал не гадал, что такая жизнь вообще возможна в башне! Я обязательно вернусь, Айлин. И дело тут даже не в любви. Есть кое-что более важное. Мы с тобой две половинки единого целого.

Айлин молчала и не сводила с капитана взгляда. Скотт наклонился и поцеловал ее.

Он вернулся на квартиру, где ждала Джина, еще до утреннего колокола и обнаружил, что вся его солнцезащитная экипировка уже заботливо собрана. Джина спала, черные волосы разметались по подушке. Будить ее Скотт не стал.

Он тихо побрился, принял душ и оделся. Тяжелая гнетущая тишина наводняла чашу купола до краев.

На ходу застегивая китель, Скотт вышел из ванной и обнаружил накрытый на двоих стол. В легком утреннем платье перед ним возникла Джина. Она расставила чашки и налила кофе.

— Доброе утро, солдат, — сказала она. — Надеюсь, у тебя найдется время позавтракать?

Скотт утвердительно хмыкнул и поцеловал ее с некоторой нерешительностью. Ровно до этой минуты ему казалось, что порвать с Джиной будет проще простого.

«Возражать она не станет, — думал Скотт. — Ведь у нас свободный брак и свободные отношения…»

Джина сидела в релаксаторе, потягивала кофе и открывала пластиковую пачку сигарет.

— Похмелье?

— Нет, я витаминизировался и чувствую себя вполне прилично.

В большинстве баров имелась специальная комната, где можно было снять интоксикацию и очистить организм от стимуляторов. Скотт и в самом деле ощущал себя свежим и бодрым. Угнетала его только мысль о том, как рассказать Джине об Айлин.

Джина сама избавила его от хлопот.

— Брайан, если это девушка, ты напрягаешься раньше времени. Ты уходишь на войну… Зачем загадывать, что будет после? Кто может предсказать, как долго она продлится на этот раз?

— Думаю, не так уж и долго. Неделя самое большее. Ты же знаешь не хуже меня: все может решить одно сражение. А девушка…

— Только не говори, что она из башни!

— Так и есть.

— Сумасшедший! — вздрогнув, взглянула на него Джина.

— Я как раз хотел сказать тебе, что дело не только в ней, — горячо произнес Скотт. — Я сыт по горло Компанией Дун и собираюсь подать в отставку.

— Ты серьезно?

— Серьезно.

— Женщины в башнях слишком изнеженные, — покачала головой Джина.

— Им нет необходимости быть другими, ведь их мужчины — не солдаты.

— Ладно, поступай как знаешь. А я буду ждать твоего возвращения. Мы вот уже пять лет вместе… В общем, считай, у меня предчувствие, что все это так просто закончиться не должно. Мы идеально подходим друг другу, и не только с точки зрения какой-нибудь там философии или психологии, — это нечто более личное. То, что существует только между нами. Для мужчины и женщины мы прекрасно ладим. И любовь, ведь она тоже есть. Интимные чувства сейчас гораздо важнее, чем радужные надежды на будущее. Мечтать можно и нужно, но одними чаяниями

сыт не будешь. Жить надо настоящим!

— Быть может, я как раз собираюсь перестать витать в облаках и озаботиться судьбой настоящего Брайана Скотта? — пожал плечами капитан.

— Там еще кофе, если хочешь… Пять лет кряду я путешествую с тобой от башни к башне. Переживаю, вернешься ли ты с очередной битвы. Притом сознаю, что я лишь часть твоей жизни… Но иногда мне греет душу мысль: а вдруг я самая важная часть твоей жизни? И пускай служба — семьдесят пять процентов, а я лишь незначительные двадцать пять… Бросив меня, ты нарушишь пропорцию, и твое существование станет неполноценным. Тебе нужна эта четверть. Тебе нужна я. Ты, конечно, можешь найти себе другую женщину, но кто поручится, что она согласится лишь на двадцать пять процентов Брайана Скотта?

Скотт ничего не ответил. Джина выпустила дым через ноздри.

— Ладно, Брайан. Я подожду.

— Как я уже говорил, дело не столько в девушке… Так уж случилось, что она вписывается в тот образ жизни, какой я себе все это время представлял. А ты…

— А я просто не вписываюсь. И никогда не впишусь, — спокойно закончила за него Джина. — Наемникам нужен особый тип женщин. Не каждая захочет и сможет быть женой солдата. Вольному компаньону — вольная жена. По большому счету мы с тобой держимся друг друга, потому что не желаем брать на себя обязательства. Однако не все так просто. Мы не только по этой причине вместе. Вовсе нет! Брайан, если бы ты попросил меня, я бы все равно не смогла поселиться в куполе. Такое существование мне не по нутру. Я презираю его. И даже если бы ты сумел уговорить меня, то я просто-напросто перестала бы себя уважать. А ты бы меня разлюбил. Брайан, я не могу и не хочу меняться. Я останусь такой, какая есть. Буду женой солдата. И пока ты служишь в Компании Дун, я тебе нужна. Но если все-таки захочешь изменить свою жизнь, то… — Не досказав, Джина умолкла.

Скотт прикурил, нахмурился и сказал:

— Ты просто меня не понимаешь.

— Может, и не понимаю. Но вопросов я не задаю и отговаривать не пытаюсь. Покуда ты нуждаешься во мне, я буду тебе верной поддержкой и опорой. Большего предложить не могу. Да и вольному компаньону в большем и нужды нет.

Однако для жителя башни этого, похоже, недостаточно. Или, наоборот, даже чересчур.

— Я буду скучать, — сказал Скотт.

— Тебе еще рано скучать, ты еще не выиграл своего сражения — так что не загадывай. А до тех пор скучать буду я. — Джина сцепила под столом пальцы, но лицо осталось бесстрастным. — Ладно, тебе уже пора. Дай-ка взгляну на твой хронометр. — Она перегнулась через стол, повернула к себе запястье Скотта и сверилась с настенными часами, показывавшими центральное время. — Секунда в секунду. Ну что ж, удачи, солдат!

Скотт поднялся из-за стола, затянул пояс и наклонился поцеловать Джину. Она начала было отворачиваться, однако в следующий миг передумала и подставила губы.

Больше они не сказали друг другу ни слова. Скотт быстро удалился, а Джина осталась недвижно сидеть — только забытая сигарета продолжала тлеть между пальцев. Почему-то Джину почти не волновал тот факт, что Брайан собирается уйти к другой женщине. Как и прежде, она беспокоилась только за его жизнь.

«Спаси и сохрани, — думала она, совершенно не ведая, что повторяет молитву. — Огради от

вражеского помысла!»

Следом наступила тишина и началось томительное ожидание. По крайней мере хоть что-то в ее жизни осталось прежним. Джина подняла глаза к часам.

Время уже замедлило свой ход.

Глава 3

Болтается, будто он дуромфродит, диковинный солдоматрос[64].

Когда капитан Скотт прибыл в штаб, под руководством коммандера Бьена заканчивалась посадка солдат Вольной Компании Дун на борт транспортника. Бьен энергично отдал честь, похоже ничуть не утомленный ночными заботами.

— Все готово, сэр.

— Хорошо, — кивнул Скотт. — Командующий здесь?

— Только что прибыл, — кивнул Бьен на дверь.

Капитан направился было к Ризу, но коммандер пошел следом.

— В чем дело? — спросил Скотт, оборачиваясь.

— Бронсон слег с эндемической лихорадкой, — понизив голос, сообщил коммандер. — (Скотт отметил, что Бьен забыл прибавить «сэр».) — Он командовал левым флангом эскадры. Я бы мог его заменить… и был бы очень признателен за

---

[64] Примечания: 64

Р. Киплинг. Солдат и матрос заодно. Перевод. А. Щербакова.

это назначение.

— Посмотрим, что можно сделать.

Бьен насупился, но больше ничего не сказал. Коммандер направился к солдатам, а капитан — в кабинет командующего. Риз, закончив разговор по видеофону, с прищуром глянул на Скотта:

— Доброе утро, капитан. Только что говорил с Мендесом.

— Есть успехи, сэр?

— Он по-прежнему настаивает на пятидесяти процентах кориума из башни Виргиния. Придется тебе повидаться с ним. Попытайся уломать это ворье. Сколько угодно, но только не половину! Как прибудешь к Мендесу на базу, свяжись со мной.

— Есть, сэр.

— И еще один момент… Бронсон угодил в лазарет.

— Слышал уже. На место командующего левым флангом эскадры могу предложить коммандера Бьена…

— Только не в этот раз, — протестующе вскинул руку командующий. — Мы не можем позволить себе вольнодумство в наших рядах. На подвиги Фредерика Бьена я насмотрелся еще в прошлой кампании. Тоже мне, морской волк-одиночка…

Пока он не поумерит свой эгоизм и не начнет мыслить во благо Компании Дун, ни о каком замещении и речи быть не может. Это все равно что сесть на бочку с порохом.

— Он хороший человек, сэр. И прекрасный стратег.

— Пускай подучится работать в команде, и, быть может, в следующий раз удача ему улыбнется. Командовать левым флангом эскадры назначаю коммандера Гира. Бьен остается под твоим началом. Хоть вспомнит, что такое воинская дисциплина. Кстати… к Мендесу отправляйся на флиттере.

— Не на самолете?

— Один наш техник только что завершил разработку аппарата, способного маскировать информацию, передаваемую по вакуумному лучу, и я приказал немедленно установить его на все наши самолеты и планеры. Воспользуйся водным транспортом, до базы Мендеса не так уж и далеко. Она на Южной Геенне, на полуострове.

Даже на картах континент именовался не иначе как Южная Геенна — и вполне заслуженно. Одной из причин была невыносимая жара. И, облачившись в самое лучшее обмундирование, отряд землян, осмелившийся на экспедицию

в джунгли, вскоре начинал испытывать муки, в каких корчились, должно быть, грешники в аду. Дьявольский союз флоры и фауны делал поверхность Венеры совершенно непригодной для жизни. Многие растения даже выделяли ядовитый газ. Выживать в этих нечеловеческих условиях могли только прочные береговые форты — такие, как ощетиненные оружием военно-морские базы Вольных Компаний. Но ведь на то они и форты.

Командующий Риз, нахмурившись, посмотрел на капитана Скотта:

— Столкуемся с Мендесом и сразу приступим к плану Эйч-семь. Если не столкуемся, будем искать помощи у другой банды. Но мне бы этого очень не хотелось. У Ныряющих Дьяволов слишком много подлодок, тогда как у нас слишком мало приборов обнаружения. Поэтому, Скотт, я тебя умоляю: сделай, черт побери, все возможное!

— Будет исполнено, сэр! — отдал честь Скотт.

Риз махнул рукой, отпуская Брайана. Когда капитан вышел в приемную, он увидел Бьена. Коммандер сидел в полном одиночестве и дожидался Скотта. Офицер поднял вопросительный взгляд.

— Мне жаль, — произнес Скотт. — Командовать

левым флангом назначили Гира.

Угрюмое лицо Бьена побагровело.

— Жаль, что я не отделал тебя, когда объявили сбор, — процедил Бьен. — Избавляешься от конкурентов?

— Да чтоб тебя, Бьен! — раздувая ноздри, воскликнул Скотт. — Если бы это зависело только от меня, ты бы получил должность, будь она неладна!

— Ну-ну, еще поклянись… Ладно, капитан, где мое койко-место? На каком-нибудь флиттере, надо полагать?

— Ты будешь со мной на правом фланге. На штабном корабле «Кремень».

— С тобой? — язвительно переспросил Бьен. — Может, под тобой? — В глазах коммандера заплясали недобрые огоньки. — Да! Всю жизнь мечтал оказаться под командованием доблестного капитана Брайана Скотта…

Даже бронзовый загар не смог скрыть прихлынувшую к щекам Скотта кровь.

— Выполняйте приказ, коммандер! — гаркнул капитан. — Найдите пилота и распорядитесь, чтобы мне подали флиттер.

Бьен молча повернулся к видеофону, а Скотт, пытаясь унять полыхавшую в нем ярость, дви-

нулся к выходу из штаба. Какой же осел этот Бьен! Станет он заботиться о благе Компании Дун, как же!

Поймав себя на этой мысли, Скотт криво ухмыльнулся. Ведь ему и самому не было никакого дела ни до Вольной Компании Дун, ни до ее солдат. Однако, пока он служит здесь, дисциплину нарушать нельзя. Ее значение переоценить сложно. Точно смазка, она обеспечивает плавный и уверенный ход военной машины, и эгоистам в ней места нет. Но все же одна общая черта у них с Бьеном прослеживалась: ни тот ни другой не испытывали к Вольной Компании никаких чувств.

Скотт поднялся на лифте к вершине купола. Башня Монтана под его ногами уменьшилась до игрушечных размеров. Где-то там, внизу, ждала Айлин. Он обязательно вернется. Пусть эта война окажется короткой! Хотя обычно войны и так не затягивались — неделя, не более. Если только это не тот редкий случай, когда Вольной Компании поручается обкатать новую стратегию.

Капитана провели через шлюз в прозрачную сферу. На поверхность Скотт отправлялся в одиночестве — компания для него не подобралась. Спустя мгновение сфера вздрогнула, пришла в движение, и черная вода снаружи начала по-

степенно светлеть. Через несколько секунд она позеленела, затем пожелтела, и вокруг капсулы засновали морские твари. Скотту они были не в новинку. Занятый своими мыслями, он их почти не замечал.

И вот подъем закончен. Воздушное давление на поверхности Венеры было точно таким же, как и на дне, — на декомпрессию времени тратить не приходилось. Разгерметизировав люк, Скотт ступил на одну из плавучих платформ, каковых здесь, на водной глади над Монтаной, покоилось великое множество. Несколько туристов из башни заняли освободившуюся кабину и скрылись в пучине.

Вдалеке с огромной платформы на транспортный самолет перебирались солдаты Компании Дун. Капитан окинул взглядом небо, оценивая погодные условия. Шторма не предвиделось, хотя тучи висели низко. Впрочем, для Венеры это дело обычное. Тут и там ветер разрывал многокилометровые толщи облаков, закручивая их в кипучие вихри. Скотт вдруг осознал, что сражение, которое состоится над Венерианской впадиной, окажется серьезным испытанием для пилотов планеров. Вряд ли там будет столько восходящих потоков теплого воздуха, как здесь,

над Мелководным морем.

Бесшумный, быстрый и невероятно маневренный флиттер промчался по водной глади и причалил к платформе. Пилот откинул фонарь кабины и козырнул капитану. За штурвалом сидел Норман Кейн, одетый в новехонькую серую военно-морскую форму из облегающего материала. Казалось, Кейн ждет малейшего повода, чтобы осклабиться в ухмылке.

Скотт с легкостью перемахнул через борт и уселся рядом с пилотом. Кейн закрыл фонарь и взглянул на капитана:

— Какие будут приказания, сэр?

— Где базируется банда Мендеса, знаешь? Вот и дуй туда, и чем быстрее, тем лучше.

Кейн запустил двигатель, и флиттер рванул от платформы, взрезая носом водную гладь и оставляя за собой стреловидную завесу брызг. Минимальная средняя осадка, большая скорость и отличная управляемость делали такие кораблики просто незаменимыми в морских боях. Экипаж, как правило, состоял из двух человек. На флиттерах не было никакой брони, и поэтому двигались они настолько быстро, что поразить одиночный болид практически не представлялось возможным. В то время как сами они,

стреляя фугасными снарядами, сеяли смерть и разрушение.

Малокалиберные пушки флиттеров отлично дополняли тяжелую артиллерию линкоров и эсминцев.

Скотт предложил Кейну сигарету, но тот заколебался.

— Успокойся, мы не под обстрелом, — усмехнулся капитан. — Подобное воздержание похвально в бою, однако в мирное время в нем нет смысла. Ты не нарушишь дисциплину, если перекуришь со своим командиром. Держи! — Скотт вручил Норману уже зажженную белую трубочку.

— Спасибо, сэр. Слишком уж я осторожничаю, да?

— На войне свои правила: их не так много, но соблюдать надо неукоснительно.

Оба помолчали, наблюдая за простирающимся до горизонта морем. Над свинцовой гладью на бреющем пролетел транспортный самолет.

— Айлин Кейн твоя сестра? — нарушил тишину Скотт.

— Так точно, сэр, — кивнул Кейн.

— Думаю, родись она мужчиной, обязательно стала бы солдатом Вольной Компании.

— Ну, не знаю, — пожал плечами Норман. — Нет

у нее… как бы это назвать… должной настойчивости, вот! Она считает, что подобная служба отнимает слишком много времени и сил. Да и дисциплина у нее не в чести.

— А ты?

— Я хочу жить битвой! — воскликнул Норман. — Сэр!

«Первый звоночек…» — подумал Скотт, от которого не укрылось запоздалое «сэр».

— Я хочу побеждать!

— Можно выиграть сражение, но проиграть войну, — мрачно произнес Скотт.

— Ничто так не привлекает меня, как служба в Вольной Компании. Поднабраться бы еще опыта!..

— Ты воевал в отряде Старлинга, а это какой-никакой, но опыт. Хотя чему тебя там научили? Дурной пример заразителен. На современной войне нет места хулиганским выходкам. Если бы Компания Дун начала практиковать такое, уже через пару недель в наших рядах не осталось бы ни одного человека.

— Но… — Кейн запнулся. — Ведь риск — дело благородное, а удача благоволит отчаянным.

— Удача благоволит смелым, а не отчаянным. Неудачники верят в удачу, а солдаты — в себя, —

возразил Скотт. — Будучи еще совсем зеленым, я вывел крейсер из пеленга и пошел на таран. Меня разжаловали, и совершенно справедливо. Корабль, что я протаранил, оказался для врага не настолько важным, насколько был важен наш для нас самих. Если бы я следовал курсу, то помог бы утопить три, а то и четыре вражеских судна. Норман, прошли те времена, когда воины поклонялись богу войны Марсу. Сегодня наше божество — Взаимодействие. Только здесь, на Венере, вооруженные силы достигли слаженности, какая на Земле нам и не снилась. Армия, флот, воздушные и подводные войска — все это теперь части единого целого. Однако материальная часть претерпела существенные изменения. И причиной тому — воздух…

— Вы имеете в виду планеры? Слышал, реактивные самолеты больше не применяются.

— Да, в атмосфере Венеры это невозможно, — подтвердил Скотт. — Стоит только реактивному самолету подняться в облачный слой, как начинается свистопляска. Резкие смены направления ветра приводят к болтанке, а та, в свою очередь, не дает наносить точные удары по противнику. Бронированные самолеты слишком медлительны. Самолеты, лишенные защиты, уязвимы для

зенитной артиллерии. Самолеты без двигателей — планеры — не годятся для бомбардировки. А значит, нужны лишь те летательные аппараты, что могут затеряться в облаках. При помощи инфракрасных камер, передающих информацию на штабной корабль по вакуумному лучу, мы осуществляем навигацию и обнаружение противника. Эти камеры — наши глаза. Они могут сказать нам… Белая вода! Кейн, в сторону!

Но пилот уже и сам заметил грозно бурлящую пену перед носом флиттера и инстинктивно налег на штурвал, закладывая крутой поворот. Судно накренилось, и капитана с пилотом едва не выбросило из кресел.

— Что еще за чертовщина? Морское чудище? — произнес Скотт и сам же ответил: — Нет, судя по воронке, это вулканическая активность. И похоже, она только усиливается.

— Сэр, я могу обогнуть воронку, — предложил Кейн.

— Слишком опасно, — покачал головой Скотт. — Возвращаемся.

Норман послушно развернулся и повел флиттер прочь из зоны риска. Капитан оказался прав: опасность нарастала с каждой секундой. Белая вода неумолимо преследовала крошечное су-

денышко. Внезапно кипучая пена нагнала и подбросила флиттер, точно щепку. От неожиданности Кейн чуть не выпустил штурвал, но Скотт вовремя оказал помощь. Однако даже двоим сильным мужчинам удержать штурвал было непросто, он так и норовил вырваться из рук. Снаружи, за стеклом фонаря, застилая видимость, от поверхности моря поднимался клубящийся пар. Вода под хлопьями пены помутнела и окрасилась в бурый цвет.

Кейн поддал газу. Флиттер мчался, пританцовывая на бурлящих гребнях.

Через несколько мгновений болид вспорол носом толщу высокой волны и, содрогнувшись всем корпусом, издал возмущенный металлический скрежет. Кейн, не проронив ни звука, хлопнул по кнопке и отключил вспомогательный двигатель. Затем они неожиданно вырвались в спокойные воды, оказавшись неподалеку от плавучих платформ Монтаны.

— Мастерски! — ухмыльнувшись, похвалил Скотт. — Это ты верно догадался, что не стоит и пытаться кружить в водовороте. Иначе бы мы оттуда нипочем не выбрались.

— Да, сэр!.. — Кейн, чьи глаза прямо-таки горели от возбуждения, перевел дыхание.

— Давай рули в объезд… Ага, вот так. — Скотт вставил Норману в губы зажженную сигарету. — Из тебя получится отличный солдат Вольной Компании. Реакция — на зависть многим.

— Спасибо, сэр!

Некоторое время Скотт молча курил и смотрел на север, пытаясь разглядеть скопление вулканических гор, когда-то образовавших континент Южная Геенна. Однако из-за плохой видимости ничего толком разглядеть не удалось. Планета была сравнительно молодой, подземные пожары то и дело прорывались наружу. По этой причине форты на архипелагах не строили. Острова пользовались дурной славой — они исчезали без предупреждения в самый неподходящий момент.

На скорости флиттер шел жестко, даже несмотря на вибропоглощающую систему пружинных амортизаторов. После плавания на «стиральной доске» — таким нелестным прозвищем нарекли этот болид наемники — требовался по меньшей мере курс компрессов из арники или визит к мануальному терапевту. Скотт, пытаясь устроиться поудобнее, поерзал на пневматических сиденьях, но облегчения это не принесло — подушки казались сделанными из камня. Чтобы хоть как-то

отвлечься, капитан принялся напевать под нос:

— Не бешеная скачка испортила копыто — трусцою по асфальту оно вконец разбито…

Флиттер мчался на фоне однообразного пейзажа: бескрайняя водная гладь и низкие тучи. Внезапно из тумана, застилавшего горизонт, впереди возник береговой обрыв. Скотт глянул на хронометр и перевел дух. Несмотря на небольшую задержку по вине проснувшегося подводного вулкана, они прибыли своевременно.

База банды Мендеса оказалась огромной крепостью из металла и камня, возвышавшейся на самой крайней точке полуострова. Узкая полоска суши, соединявшая ее с материком, была полностью очищена от растительности и густо усеяна воронками от снарядов. Эти ямы напоминали о яростных атаках, что без конца предпринимали свирепые обитатели джунглей. Гигантские ящеры были отчасти разумны, но совершенно несговорчивы из-за своего примитивного образа мышления. Между культурами землян и венерианцев лежала бескрайняя пропасть. Попытки к переговорам предпринимались не раз, однако вскоре на них поставили крест. Земляне рассудили, что рептилоидов лучше оставить в покое. Вести диалог ящеры отказывались наотрез.

Ослепленные звериной яростью дикари выходили из зарослей только для того, чтобы совершить очередной неистовый натиск на укрепления землян. Но разве могли когти и клыки одержать верх над бризантными снарядами и пулями в цельнометаллической оболочке?

Флиттер причалил, и капитан постарался смотреть только себе под ноги. У наемников озираться на дружественной базе считалось дурным тоном.

Несколько солдат Мендеса поджидали на причале. Когда Скотт выбрался из флиттера, эти люди отдали честь, а он, в свою очередь, назвал имя и звание.

— Командующий Мендес готов встретиться с вами, сэр, — вышел вперед капрал. — Командующий Риз сообщил о вашем визите с час тому назад. Прошу, следуйте…

— Все это замечательно, капрал, но как быть с моим пилотом?..

— О нем позаботятся, сэр. Ему сделают массаж и угостят выпивкой. Путешествовать на «стиральной доске» — этого врагу не пожелаешь.

Скотт кивнул и направился к бастиону, стоящему меж двух отвесных крепостных стен. Ворота были открыты, и капитан без промедления про-

следовал за капралом через внутренний двор. Они поднялись по эскалатору и оказались перед дверью, которая хранила изображение толстого и совершенно лысого Мендеса, очень похожего на свинью.

Скотт вошел в кабинет и увидел Мендеса воочию. Командующий восседал во главе длинного стола, по обе стороны которого расположилось не менее дюжины офицеров его криминальной Компании. Капитан с удивлением обнаружил, что живой Мендес выглядит иначе, нежели на своем уродливом портрете, и даже как будто располагает к себе. И похож он скорее не на свинью, а на дикого кабана — боец, а не заплывший жиром чревоугодник.

Черные глазки впились в Скотта. Капитан готов был поклясться, что кожей почувствовал этот колючий взгляд.

— Располагайтесь, капитан! — Мендес встал; офицеры последовали его примеру. — Предлагаю сесть в конце стола — напротив меня. Не подумайте, тут нет никакого злого умысла или неуважения к вашему чину. Просто я предпочитаю смотреть собеседнику прямо в глаза. Вы только что прибыли, поэтому рекомендую легкий массаж, мы охотно подождем.

— Благодарю, командующий Мендес, — ответил Скотт, усаживаясь напротив, — но я бы предпочел сразу приступить к делу.

— Что ж, не будем тратить время на условности. Однако давайте хотя бы выпьем! — Мендес обратился к стоящему у дверей ординарцу, и вскоре перед Скоттом на столе возник наполненный стакан.

Капитан окинул взглядом собравшихся. Бравые парни! Крепкие, тренированные и опытные черти. Чего только не повидали на своем веку. Мала Компания, да удала! И пускай все как один с темным прошлым.

— Ну а теперь к делу, — отхлебнув из стакана, произнес Мендес. — Вольная Компания Дун желает нанять нас для оказания посильной помощи в сражениях с Ныряющими Дьяволами, которых, в свою очередь, наняла башня Виргиния, чтобы напасть на башню Монтана, — перечислял командующий, загибая короткие пальцы. — В последний раз наши потенциальные союзники предложили нам пятьдесят тысяч кредитов наличными и тридцать пять процентов кориума от запасов Виргинии. Что-то изменилось с тех пор, капитан Скотт?

— Нет, все точно так, как вы и сказали.

— Мы настаиваем на пятидесяти процентах.

— Это слишком, учитывая, что у Компании Дун больше людей и техники.

— Больше, чем у нас, но не больше, чем у Ныряющих Дьяволов. Кроме того, еще не факт, что мы вообще получим кориум. Если проиграем, то придется довольствоваться только наличными.

— Этого исключать тоже нельзя, — кивнул Скотт. — Однако реальную опасность для нас представляет только подводный корпус. А так у Дуна в распоряжении множество средств для ведения боя — как надводного, так и воздушного. Быть может, мы и сами справимся с Дьяволами.

— Не думаю, — покачал лысой головой Мендес. — Я слышал, они разжились новыми торпедами, пробивающими даже самые толстые броневые плиты. Но наша техника способна найти и уничтожить подлодки Дьяволов прежде, чем те подойдут на расстояние торпедного выстрела.

— Вы нарочно тянули время, командующий Мендес, — резко произнес Скотт. — Надеялись, что в безвыходной ситуации мы согласимся на любые условия? Вы просчитались: мы вполне можем обойтись и без вас. Если наши переговоры ни к чему не приведут, уж поверьте, мы найдем, у кого заручиться поддержкой.

— У кого еще есть приборы для обнаружения подводных лодок, скажите на милость?

— Я слышал, что со всеми существующими ныне подводными угрозами неплохо справляется Компания Ярдли.

— Это правда, сэр, — подал голос майор, сидевший рядом с Мендесом. — Они топят вражеские подлодки при помощи субмарин-смертниц. Не бог весть что, но победителей не судят.

Круговыми движениями пальцев командующий Мендес медленно помассировал лысину.

— Хм… Даже и не знаю, капитан! Нельзя сравнивать Компании Ярдли и Мендеса. С этой работенкой никто лучше нас не справится.

— Ладно, у меня карт-бланш от командующего Риза, и вот что я скажу, — заговорил Скотт. — Никому не известно, каков запас кориума у башни Виргиния, поэтому я предлагаю пятьдесят процентов кориума на сумму, не превышающую двухсот пятидесяти тысяч, и тридцать пять процентов руды стоимостью свыше четверти миллиона.

— Руды — сорок пять.

— Сорок процентов руды стоимостью свыше четверти миллиона и сорок пять — меньше означенной суммы.

— Джентльмены! — Мендес окинул взглядом собравшихся за столом. — Голосуем!

Раздался нестройный хор голосов: кто-то голосовал за, а кто-то против. Мендес, увидев нерешительность подчиненных, пожал плечами и сказал:

— Решающий голос за мной. Нас устраивает сорок пять процентов кориума Виргинии на сумму до четверти миллиона и сорок процентов руды свыше означенной суммы. Давайте обмоем сделку!

Ординарцы подали напитки. Командующий встал, подчиненные опять последовали его примеру. Мендес кивнул Скотту:

— Желаете произнести тост, капитан?

— С удовольствием. Тост Нельсона: за достойного врага и спокойное море!

Они выпили, как это было принято делать у вольных компаньонов накануне сражений, и снова сели.

— Майор Мэтсон, свяжитесь с командующим Ризом, выясните его планы и согласуйте наши дальнейшие действия.

— Есть, сэр!

— Капитан, чем еще я могу быть вам полезен?

— Спасибо, на этом все. Нужно возвращаться

на базу. Прочие детали обсудим по вакуумному лучу.

— Я настоятельно рекомендую вам массаж, если обратно вы поплывете на флиттере, — усмехнулся Мендес. — Подумайте хорошенько. Сделку мы заключили, спешить теперь некуда.

— Звучит заманчиво… — замялся Скотт. — От вашего предложения у меня все вдруг заболело! — Капитан встал и прибавил: — Кстати, чуть не забыл… До нас дошли слухи, что Компания Старлинга заигрывает с ядерной энергией.

Мендес скривил губы в гримасе отвращения:

— Вот те на! Сюрприз. Джентльмены, кто-нибудь из вас в курсе?

Сидевшие за столом помотали головой, лишь один из офицеров сказал:

— Слышал краем уха что-то подобное, но это пока только разговоры.

— После этой войнушки проведем расследование. Если все взаправду, то мы с радостью объединимся с вами, чтобы стереть банду Старлинга с лица Венеры, — пообещал Мендес. — За такие преступления можно казнить без трибунала.

— Спасибо за поддержку. Свяжусь с другими Компаниями и узнаю, что им известно. А теперь

прошу извинить — вынужден вас покинуть.

Капитан Скотт козырнул и вышел из кабинета, окрыленный успехом. В душе он ликовал — сделка что надо! Командующий Риз непременно останется доволен!

Ординарец провел капитана в купальню, где тому сделали массаж и успокоили ноющие мышцы. Вскоре Скотт вновь оказался на причале. Забираясь на флиттер, он оглянулся и увидел, что шестерни военной машины пришли в движение. Никакой суматохи не наблюдалось, однако от капитана не укрылось общее оживление: солдаты Мендеса целеустремленно сновали внутри крепости между ремонтными мастерскими, административными зданиями и лабораториями. Скотт знал, что в скрытой от посторонних глаз бухте уже вовсю готовят к выходу в море линкоры. Скоро, совсем скоро они примкнут к эскадре Компании Дун, чтобы дать отпор Ныряющим Дьяволам.

— Сэр, они были так любезны, что заменили вспомогательный двигатель, — сообщил уже сидевший за штурвалом Кейн.

— За щедрую долю кориума — любой каприз, — отозвался Скотт и дружелюбно помахал рукой оставшимся на причале людям Мендеса, пока

флиттер медленно двигался в открытое море. — Теперь курс на форт Дун. Бывал там уже?

— Да, сэр. А можно вопрос? Эта шайка будет сражаться с нами плечом к плечу?

— Будет. И еще как будет! Бойцы у Мендеса отменные. Скоро увидишь их в деле, Кейн. Когда услышишь команду «По местам стоять!», это будет означать начало самой веселой заварушки за всю историю Венеры! А теперь наддай газку, мы спешим!

Флиттер, развив максимальную скорость, устремился на юго-запад, оставляя за собой стреловидную завесу брызг.

«Последний бой, — подумал Скотт. — И какой! Достойная битва, чтобы достойно уйти!»

Глава 4

Ибо кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем[65].

Мотор отказал в десяти километрах от военно-морской базы Дун.

Хотя «отказал» — слишком мягко сказано. Это была настоящая катастрофа. Перегретый двигатель, работавший на полных оборотах, взорвался. Предыдущая авария, случившаяся над подводным вулканом, создала в моторном отсеке флиттера тонкие трещины, наличие которых ремонтники Мендеса, когда меняли двигатель, проверить не догадались. По счастливой случайности в момент взрыва флиттер оказался на гребне волны. Мотор, взлетев в воздух, обрушился на нос судна, не оставив на обшивке живого места — металлические листы разорвало буквально в клочья. Если бы он выстрелил секундой позже, когда флиттер стремился носом вниз к ложбине между волнами, то Скотту и Кейну не поздоровилось бы.

---

[65] Примечания: 65
Книга общей молитвы, коринфянам, 11: 29.

Они находились примерно в километре от берега. При взрыве Скотта контузило, а в следующий миг горизонт перед его глазами совершил кульбит. Волна перевернула флиттер вверх днищем. Когда фонарь кабины ударился о воду, раздался громкий треск, но пластик выдержал. Вывалившись из кресел, Скотт и Кейн оказались на дне прозрачной капсулы, еще секунду назад находившейся у них над головой. А флиттер уже тонул, кренясь носом книзу. Мужчины, пытаясь высвободиться из объятий друг друга, соскользнули к приборной панели. На баке шипел и парил истерзанный двигатель.

Кейну удалось дотянуться до аварийной кнопки. При ударе о воду фонарь заклинило, однако несколько пластин все же сдвинулись в сторону, и в кабину хлынули едкие соленые струи. Какое-то время Скотт и Кейн, беспомощно барахтаясь, сражались с хлеставшими отовсюду потоками, пока те окончательно не вытеснили из кокпита воздух.

Вглядываясь в зеленую муть, Скотт разглядел темный силуэт Кейна — пилот корчился и брыкался, пытаясь выбраться наружу через отверстие. Капитан не мешкая устремился на помощь.

Черная тень флиттера медленно пошла ко дну. Спустя несколько мгновений судно исчезло из виду. Скотт вынырнул на поверхность, шумно вдохнул и энергично заморгал, стряхивая жгучие капли с ресниц. Затем огляделся в поисках Кейна.

Норман вынырнул следом. Шлем он потерял, мокрые пряди прилипли ко лбу. Переглянувшись с пилотом, Скотт дернул шнур на спасательном жилете: отправляясь в плавание, наемники всегда надевали его под нательное белье. Химические реагенты смешались, и вкладыши жилета быстро наполнились легким газом. Скотт почувствовал, как на шею, приподнимая голову, надавил воротник. Такая подушка позволяла терпящему бедствие дожидаться помощи без риска захлебнуться, если он уснет на воде. Однако капитану в тот миг было не до сна.

Скотт повернулся к Кейну и убедился, что тот тоже задействовал жилет. Капитан принял вертикальное положение и огляделся, нет ли какой живности. Но вокруг не наблюдалось ничего опасного. С одной стороны вплоть до туманного горизонта простиралась серо-зеленая гладь моря, с другой примерно в километре тянулась береговая полоса, вдоль нее высилась зелено-желтая

стена джунглей, а выше, убегая вдаль, тускло краснели гряды сернистых облаков.

Скотт расчехлил обоюдоострое мачете листовидной формы и взглядом велел Кейну сделать то же самое. Парень, похоже, ничуть не испугался. Скотт язвительно подумал, что для Кейна это просто увлекательное приключение. Эх, молодо-зелено…

Зажав клинок зубами, Скотт поплыл к берегу. Кейн держался рядом. Через несколько минут капитан дал знак товарищу замереть. Он погрузил лицо в воду и проследил взглядом за длинной гигантской тенью, едва различимой в толще воды. Извиваясь, под ними проплыл морской змей — на их счастье, не голодный. Моря Венеры кишмя кишели свирепыми тварями, и никакие защитные средства от них не спасали — человеку, оказавшемуся в воде, следовало немедленно выбираться на сушу.

Скотт дотронулся до баллончика на поясе, пузырьки воздуха защекотали ладонь — на душе стало спокойней. Когда он активировал спасательный жилет, заодно из баллончика пошел сжатый газ. Облако, расползаясь на несколько метров вокруг, отгоняло кальмаров и других опасных представителей подводного мира. Баллон

Меллисона работал по схожему со скунсовыми железами принципу, распространяя крайне неприятный запах. Однако змеев-падальщиков эта вонь ничуть не смущала. Скотт сморщил нос. «Вонючка» — вот как окрестили эту штуковину солдаты, сочтя, что оригинальное название не отражает сути.

Приливы на затянутой облаками планете были непредсказуемы. А все потому, что, в отличие от Земли, у Венеры не было спутника, хоть она и располагалась ближе к Солнцу. Если здесь и случались приливы, то проходили они, как правило, спокойно. Исключение составляли лишь те случаи, когда начиналась вулканическая активность, — на берега материков обрушивалось цунами.

Ни на миг не теряя бдительности, Скотт продвигался к черному пляжу, настороженно высматривая на нем признаки жизни. Но как он ни старался, глазу уцепиться было не за что.

Наконец капитан выбрался на берег, по-собачьи отряхнулся и сразу заменил в оружии патроны на разрывные. Оружие, разумеется, было водонепроницаемым — с обычным на Венере долго не повоюешь. Кейн, ворча, сел и принялся спускать спасательный жилет. Скотт уже стоял

на ногах и вглядывался в джунгли, что начинались в тридцати метрах впереди. Стена зарослей взмывала ввысь сразу за кромкой пляжа — ничто не могло расти на черном венерианском песке.

Кроме шепота волн, мерно накатывавших на берег, не раздавалось ни звука. Флора в основном была представлена лианоподобными деревьями. Они влачили самое что ни на есть жалкое существование, вечно боролись друг с другом за живительную влагу. Стоило какому-нибудь растению окрепнуть, как его тотчас остервенело опутывали лозы-паразиты, стремясь оказаться поближе к рассеянному солнечному свету венерианского неба. Листву в этих зарослях можно было увидеть, лишь задрав голову. Точно растрескавшиеся от времени дранки, листья создавали в десяти метрах над землей своеобразную кровлю. И если бы не эти светло-зеленые полупрозрачные пластины, подлесок был бы начисто лишен света. Куда ни глянь, всюду извиваются, перекидываются с дерева на дерево белесые усики, будто змеи или щупальца неведомого растительного спрута.

Венерианская фауна также не могла похвалиться разнообразием видов. Тут были либо гигантские особи, способные прокладывать в

джунглях едва ли не просеки, либо гады мелкие — ползучие, стелющиеся по земле, выживающие исключительно благодаря ядовитым железам — в основном рептилии и насекомые. Ни с теми ни с другими встреча не сулила ничего хорошего.

Наверху среди листвы водились твари крылатые, а внизу в глубоких трясинах обитали существа ужасные и человеческому уму непостижимые.

— М-да, приплыли, — посетовал Скотт.

— Как же я не догадался проверить моторный отсек? — сокрушенно вздохнул Кейн.

— Ты бы ничего не обнаружил, — возразил капитан. — Такие мелкие дефекты без специальной аппаратуры не разглядишь. Ладно, что случилось, то случилось, и с этим просто надо смириться. Держи противогаз под рукой. Если поблизости растут ядовитые цветы и ветер вдруг подует в нашу сторону, мы можем разделить судьбу флиттера. — Скотт открыл водонепроницаемую сумку, извлек индикаторную полоску и закрепил на запястье. — Посинеет полоска — значит в воздухе яд. Его не так-то легко учуять.

— Понял, сэр. Какой план?

— Хороший вопрос. Флиттера нет, поэтому сигнал бедствия не послать, — задумчиво про-

изнес Скотт и убрал мачете в висящие на поясе ножны. — Будем добираться до базы пешком, больше ничего не остается. Двенадцать километров — это два часа ходу, при условии, что сможем постоянно держаться берега и не попадем в неприятности. Если пляж упрется в утес, придется идти в обход, через лес. — Капитан поднес к глазу монокуляр и посмотрел вдоль берега на юго-запад. — Так и есть! Вот он, чертов утес. Придется идти в обход…

Ветер, свободно продувающий кроны, донес до них тошнотворно-сладкий запах.

Капитану доводилось видеть джунгли с высоты птичьего полета. Как же он поразился, когда впервые взглянул на них сверху вниз! Венерианские джунгли оказались потрясающе красивы. Открывавшийся вид на россыпи радужных цветов по бледно-зеленой подложке всегда напоминал Скотту старинное покрывало, вышитое фитильками, которое он как-то подарил Джине. Постоянная борьба за выживание в ходе эволюции привела к появлению самых неожиданных сочетаний цветочных пигментов и ароматов — все, чтобы привлечь крылатых переносчиков пыльцы.

Скотт вспомнил границы, делившие неко-

гда Землю на лоскуты, и пришел к мысли, что Венере в обозримом будущем это не грозит. Здешние территории еще очень долго останутся непокоренными. Люди довольствуются самодостаточным житьем в подводных куполах и о большем пока не задумываются. А солдатам Вольных Компаний вгрызаться в континенты, чтобы создавать империи, и подавно нет нужды. Они воины, а не фермеры. Такое явление, как безземелье, человечество позабыло, однако в истории все циклично. Скотт мог лишь поручиться, что на новой планете земельная проблема если и возникнет, то отнюдь не в эпоху подводных башен.

Джунгли Венеры хранили столько секретов, что Скотту не хватило бы жизни, чтобы все их постичь. Разумеется, можно было завоевывать земли с воздуха, но разве удастся закрепиться на них таким способом? Процесс освоения новых территорий длителен и мучителен, ведь джунгли и их обитатели будут отчаянно сопротивляться непрошеным захватчикам, чинить препоны на каждом шагу. Когда начнется колонизация, Скотт не знал, но рано или поздно этот день наступит. Дикий мир обязательно укротят, вот только случится это не сегодня и не завтра. А до тех пор

Венера останется местом суровым и опасным.

Скотт снял китель и отжал воду: надеяться, что одежда высохнет, бесполезно — атмосфера на Венере очень влажная, и даже ветер тут не помощник. Брюки морщились, липли к ногам и неприятно холодили кожу.

— Кейн, ты готов?

— Да, сэр!

— Тогда в путь!

Легким и размашистым походным шагом, призванным преодолевать многие километры, они двинулись вдоль побережья на юго-запад. Шли быстро, однако бдительности не теряли. Время от времени Скотт поглядывал на море в подзорную трубу в надежде увидеть корабль, но тщетно. Все до единого надводные суда стояли в гавани, их готовили к битве. Впрочем, как и суда воздушные, которые загнали в ангары для модернизации устройства передачи данных. Замаскированная передача по вакуумному лучу — так, кажется, назвал командующий Риз новую разработку техников для видеофонов.

Гору путники уже видели невооруженным глазом. Отвесные скалы, изъеденные выветриванием, возвышались над берегом по меньшей мере на шестьдесят метров. У подножия утеса,

иссеченного беспорядочными морскими течениями, полоса черного песка обрывалась. Утес так глубоко врезался в толщу воды, что идею обогнуть его вплавь Скотт сразу же отбросил. Ничего не оставалось, как идти лесом. Скотт оттягивал неизбежное сколь можно дольше, однако вскоре темная стена, испещренная серебристыми пятнами, преградила путь. Жестом велев Кейну следовать за ним, капитан резко повернул направо.

— Километр по джунглям равен двумстам километрам по берегу, — сообщил Скотт.

— Неужели так плохо, сэр? Никогда бы не подумал. Но у меня и опыта подобного нет…

— Ни у кого его нет и быть не может, пока в такой переплет не угодишь. Держи ухо востро, а ствол наголо, сынок! В воду не суйся, даже если видишь дно: в пресной воде обитают мелкие, почти невидимые рыбки-вампиры. Дьвольское отродье! Если присосутся, то не пройдет и минуты, как тебе понадобится переливание крови. Хотелось бы мне, чтобы какой-нибудь вулкан сейчас навел шороху! Обычно зверье тогда сидит тише воды ниже травы.

Добравшись до первых деревьев, Скотт остановился, чтобы найти длинную прямую лиану. Это

оказалось не так-то просто. Все же он приметил подходящую, рубанул, и под ноги упал полутораметровый деревянистый стебель.

Не отставая ни на шаг, Кейн следовал за капитаном в сгущающуюся мглу джунглей.

— Держи ухо востро, за нами запросто может увязаться какая-нибудь тварюка, — предостерег Скотт. — Прикрывай тыл!

Песок сменился белой грязью, которая в мгновение ока облепила им ноги едва ли не до колена. Жижа под ботинками скользила, а сливавшаяся с ней трава устойчивости отнюдь не добавляла. Скотт продвигался осторожно, придерживаясь скалы по левую руку — там, где дебри не казались совсем непролазными. Но джунгли оставались джунглями, и дорогу через лианы приходилось торить при помощи мачете.

Скотт вдруг остановился, вскинул руку. В наступившей тишине хлюпнула в грязи нога Кейна; тот послушно замер. Капитан молча указал на подножие скалы перед собой, где чернел зев норы. Он поднял камешек и бросил в отверстие. Направив оружие на логово, откуда в любой миг могла броситься какая-нибудь тварь, капитан выждал несколько минут. Тягостное затишье прервали странные, звонко резонирующие в

отдалении звуки — будто монетки звякали в алчных ручонках гоблинов. Миг изумления сменился осознанием, что это всего-навсего капель — влага падает с листа на лист в сырых кронах над головой.

Кап-кап… Кап-кап-кап…

— Кейн, можешь повернуться, — тихо приказал Скотт. — Не спускай глаз с норы, пока я не скомандую.

Он взял пилота за запястье и показал, куда целиться. Затем убрал свой пистолет в кобуру. Ладонь легла на палку, которую он до сего момента держал под мышкой. Скотт прощупал грязь под ногами — скрытые карстовые воронки и зыбучие пески в этих местах не редкость, как и ямы-ловушки, замаскированные грязевыми волками. Ничего общего с волками земного происхождения эти хищники, конечно же, не имели. Проводить параллели с Землей на Венере было совершенно бессмысленно. Фауна здесь имела столько подвидов, что черты сходства между ними в процессе эволюции практически стерлись.

— Вольно…

Кейн облегченно выдохнул и взглянул на капитана:

— Чья это нора?

— Откуда мне знать? Из такой что угодно может выскочить! — ответил Скотт. — Причем так быстро, что и глазом не успеешь моргнуть. И как правило, это «что угодно» оказывается ядовитым. Постой-ка… Не нравится мне вон та лужа грязи. Совсем нет растительности, даже лианы отступили. Очень странно.

Скотт насторожился не зря: проплешины в джунглях — большая редкость.

Лужа была круглой, шести метров в поперечине. Скотт осторожно ткнул палкой в грязь. По белой поверхности побежала легкая рябь, однако капитан, выхватив пистолет из кобуры, уже вовсю палил на опережение.

— Стреляй, Кейн! — закричал капитан. — Ну же! Стреляй в гадину!

Кейн принялся стрелять — правда, наугад. Белая грязь взметнулась фонтаном и покрылась багряными пятнами. Не прекращая огня, Скотт схватил Кейна за руку и изо всех сил потащил назад.

Эхо выстрелов смолкло. Где-то в отдалении, в изумрудном мраке, гоблин вновь принялся пересчитывать звонкие монетки.

— Прикончили, — выдохнул наконец Скотт.

— Точно? — недоверчиво спросил Кейн. — Кто

это был?

— Похоже, грязевой волк. Таких надо убивать прежде, чем выберутся из ямы, — они очень проворны и дерутся до последнего вздоха.

Капитан с опаской приблизился, однако смотреть оказалось не на что. Белая грязь в воронке осела, следы от разрывных пуль затянулись. На поверхности виднелись лишь багровые нити пролитой хищником крови.

— В джунглях скучать не приходится, — произнес Скотт, пытаясь разрядить обстановку.

Кейн криво усмехнулся и по примеру капитана заменил наполовину отстрелянную обойму на полную.

Прежде чем на отвесных стенах утеса обнаружились первые уступы, Скотту и Кейну пришлось преодолеть еще с полкилометра джунглей. Приметив место поудобней, они полезли вверх. Раскаленный черный камень пек ладони и ступни даже через перчатки и подошвы. Не без труда, время от времени протягивая друг другу руку, они наконец взобрались на гору и обнаружили, что все еще находятся под зеленым сводом джунглей.

— Половину отмахали, капитан?

— Ага… Но радоваться пока рано. Порадуемся,

когда вновь окажемся на берегу. Как доберемся до базы, не забыть бы сделать пару уколов от лихорадки. Просто на всякий случай… Вот черт! — Скотт вскинул руку — полоска на запястье окрасилась в синий цвет. — Газ!

Быстрыми заученными движениями они надели противогазы. Скотт почувствовал легкое жжение на оголенных участках кожи, но не испугался, зная, что больно станет еще не скоро. Капитан поманил Кейна за собой и заскользил вниз по склону. Прежде чем ловко спрыгнуть, Скотт проверил палкой грязь под ногами. Затем не мешкая приземлился в белую липкую жижу и стал кататься в ней, стараясь измазаться с головы до пят. Без лишних раздумий Кейн проделал то же самое. Разумеется, нейтрализовать ядовитые цветочные испарения и полностью защитить кожный покров грязь не могла, однако абсорбировать их — вполне.

Вывалявшийся в жиже Скотт производил впечатление самое что ни на есть гротескное. Неуклюже поднявшись, он пошел в сторону берега, но через несколько шагов вынужден был остановиться — на стекла противогаза натекло грязи. Нарвав белой травы, капитан оттер их и двинулся дальше.

Шли, как и прежде, сохраняя предельную бдительность. Скотт прощупывал грязь под ногами буквально на каждом шагу. Несмотря на все предосторожности, капитана подвела жердь — она вдруг переломилась, и земля ушла из-под ног. Пытаясь перенести вес, капитан машинально подался назад — и успел испытать невероятное облегчение, открыв, что угодил в зыбучий песок, а не в нору волка. В следующий миг коварная липкая масса засосала ноги по колено. Скотт опрокинулся, но палки из рук не выпустил. Более того, он сумел дотянуться ею до Кейна. Чтобы увидеть хоть что-то через заляпанные стекла противогаза, Скотт, превозмогая боль, изогнул шею под неестественным углом. Тем временем Норман, схватившись за обломок жерди обеими руками, упал на живот, а ступню просунул в петлю обнаженного корня. Капитан изо всех сил держался за свой конец палки в надежде, что она не выскользнет из пальцев.

Скотта засасывало все глубже, и вот тут-то помощь Кейна, послужившего капитану якорем, оказалась весьма кстати. Норман перехватывал жердь, пытаясь тянуть к себе, однако капитан помотал головой: прекрати.

«Пускай отдохнет, чтобы крепче держать пал-

ку, когда я соберусь с духом и начну выбираться из трясины, — подумал Скотт. — К тому же я гораздо сильней».

В сумраке позади Кейна что-то шевельнулось. Рука капитана, отпустив спасительную жердь, инстинктивно дернулась к кобуре. Герметичный корпус и односторонний затвор пистолета позволяли вести огонь в любых условиях, поэтому налипшая грязь не помешала Скотту выстрелить. В зарослях кто-то глухо повалился на землю. Капитан выждал, пока подстреленное существо не затихнет. Испуганно оглянувшись, Кейн оставил все попытки вытянуть Скотта. Он лежал ни жив ни мертв.

Когда стало ясно, что опасность миновала, выбраться оказалось не так уж и сложно. Распределив вес по поверхности трясины, Скотт, цепляясь за жердь, без особого труда выкарабкался на твердую почву. Серьезно потрудиться пришлось лишь в самом конце — ноги увязли так крепко, что, высвободив их, капитан еще минут пять лежал и пытался отдышаться. Но это уже был пустяк. Самое главное, что он выбрался.

Кейн напряженно всматривался в кусты, скрывавшие неведомого зверя, но Скотт покачал головой. Еще неизвестно, убил он это существо

или только ранил. И если ранил, то насколько серьезно? Рисковать жизнью, чтобы удовлетворить любопытство? Ну уж нет!

Поправив противогаз, Скотт обогнул зыбучий песок и направился к берегу. Кейн по-прежнему не отставал ни на шаг.

Удача наконец-то улыбнулась им, и до пляжа они добрались без приключений. Ступив на черный песок, легли перевести дух. Индикаторная полоска показала, что ядовитого газа в воздухе больше нет. Скотт снял противогаз и глубоко вздохнул.

— Спасибо, Кейн, — сказал капитан. — Предлагаю окунуться — надо смыть грязищу. Только держись берега… Нет-нет, не раздевайся, времени в обрез.

Грязь липла, как клей, а черный песок царапал, точно пемза. Несмотря на спартанские условия, Скотт, проведя несколько минут в волнах прибоя, почувствовал себя значительно лучше. Кейн, отмывшись раньше, уже дожидался на берегу. И вскоре они снова шли на юго-запад.

Час спустя самолет, выполнявший испытательный полет, заметил их и передал координаты на базу. Вскоре за ними примчался флиттер. Скотт по достоинству оценил щедрость пилота, сразу

же угостившего его крепким вискипласом.

— Собачья жизнь! Как тут не выпить?! — воскликнул капитан и передал фляжку Кейну.

Спустя несколько минут впереди показались укрепления военно-морской базы, окаймлявшие акваторию порта. Как ни велика была эта гавань, она едва вмещала флот Компании Дун.

Скотт одобрительно отметил про себя, что подготовка идет полным ходом. Флиттер обогнул волнорез и устремился к пристани. Едва слышный гул двигателя стих, фонарь кабины отъехал назад. Скотт выбрался наружу и подозвал ординарца.

— Что прикажете, сэр?

— Мы были в джунглях. Проследите, чтобы рядовой Кейн получил все необходимое.

Солдат сложил было губы трубочкой, чтобы сочувственно присвистнуть, однако звука не последовало. Дисциплина! Отдав честь, ординарец поспешил на помощь выбиравшемуся из флиттера Кейну. Скотт поспешил отправиться по своим делам. Стоило капитану отвернуться, как вокруг Нормана начали собираться наемники. Доносились изумленные возгласы: сослуживцы, узнав, в какой переплет угодили вновь прибывшие, реагировали бурно.

Скотт незаметно кивнул. Кажется, в Вольной Компании Дун достойное пополнение — из парня может выйти толк… при условии, что у него не сдадут нервы при первом же артиллерийском обстреле.

Только в бою можно проверить новобранца на прочность. Перед сражением гайки дисциплины закручиваются до предела, и если резьба сорвется… Что ж, это человеческий фактор. Военные психологи всегда стремятся его укротить, но не всегда у них получается.

Скотт направился прямиком к себе. Едва переступив порог, он включил видеофон и связался с командующим. На экране возникло морщинистое, загрубевшее в своей неизменной решительности лицо Риза.

— Капитан Скотт прибыл в ваше распоряжение, сэр.

— Что у вас там стряслось? — пристально посмотрел на него Риз.

— Флиттер приказал долго жить. Пришлось возвращаться на своих двоих.

Командующий тихо вознес хвалу каким-то личным богам, а затем произнес уже громче:

— Капитан, рад тебя видеть в строю. Травмы?

— Нет, сэр. Пилот тоже цел и невредим. Как

только приведу себя в порядок, буду готов незамедлительно вернуться к обязанностям.

— Лучше передохни и наберись сил. Сделай процедуры — хуже точно не будет. У нас тут все и так идет как по маслу. Кстати, поздравляю, ты отлично заговорил Мендесу зубы. На такую сделку я даже и не рассчитывал. Потолковал с ним недавно, обсуждали слияние армий… Ладно, об этом позже, а пока ты свободен. Отдохни и принимайся за контрольный осмотр.

— Есть, сэр!

Риз отключился, а Скотт повернулся к своему ординарцу:

— Привет, Бриггс. Помоги-ка мне с одежкой… Кажется, без ножниц не обойтись.

— Рад вашему возвращению, сэр. Думаю, мы справимся и без холодного оружия, — ответил Бриггс, и его толстые пальцы на удивление ловко принялись расстегивать застежки и молнии. — Джунгли?

— А разве похоже, будто я витал в облаках на самолете? — скривился в ухмылке Скотт.

— Вовсе нет, сэр.

Бриггс, матерый пес! Про таких, как он, говорят: «Старые солдаты не умирают — они медленно увядают».

Бриггса хотели отправить в отставку еще десять лет назад, но он наотрез отказался. Для старых солдат всегда находилось теплое местечко — даже для тех, кто всю жизнь только и делал, что воевал. Одни становились техниками, другие инструкторами, а такие, как Бриггс, — ординарцами. Форт Вольной Компании был их единственным домом. О жизни под куполом и речи быть не могло, безделье — верная смерть ветерану.

Бриггс прослужил весь срок простым пехотинцем, звезд с неба на погоны не наловил и про стратегию и боевые технические средства слышал только краем уха, но он был вольным компаньоном до мозга костей. Сорок лет службы! Двадцать пять из которых он провел, активно участвуя в боевых действиях. Шестидесяти с лишним лет от роду, этот коренастый ветеран с уродливой сеткой шрамов на лице передвигался под тяжестью пережитого сутулясь, точно дряхлый медведь.

— Ладно, с застежками разобрались. Бриггс, будь любезен, подготовь душ.

Бриггс проковылял к выходу. Капитан, отлепив от тела и сбросив с себя грязную, насквозь мокрую одежду, последовал за ординарцем.

Скотт с наслаждением встал под жалящие

струи. Сперва его обдал горячий поток мыльного раствора, затем алкомикс, а напоследок был контрастный душ.

На этом расслабляющие процедуры не закончились; правда, далее капитану без помощника было уже не обойтись. Скотт улегся на массажный стол и полностью расслабился. Бриггс закапал в воспаленные глаза успокаивающий раствор и ловко, не жалея сил, размял тело. Могучее сочетание остеопатического массажа и мануальной терапии под светом восстанавливающих ламп вкупе с комплексом уколов, убирающих токсины усталости, сделали свое дело. Когда ординарец закончил, Скотт уже пребывал в добром здравии, ясном сознании и жаждал вернуться к исполнению обязанностей.

Бриггс принес новый комплект формы.

— Сэр, старую я почищу. Таким добром не разбрасываются.

— Бриггс, не дури! Ее невозможно отчистить, — попытался вразумить его Скотт, натягивая майку. — Это же венерианская грязь. Хотя как знаешь. Мне мундир больше не понадобится.

Пальцы ординарца, застегивавшие на Скотте китель, на мгновение замерли, а затем заработали с прежней скоростью.

— Даже так, сэр? — спросил Бриггс.

— Именно так, и не иначе. Подаю в отставку.

— Приметили другую Компанию, сэр?

— Полегче, Бриггс, — буркнул Скотт. — Не будет другой Компании. А как бы ты поступил, если бы я и в самом деле решил переметнуться? Отдал под трибунал, чтобы меня расстреляли на рассвете?

— Ну что вы, сэр! Как можно! Я бы просто сделал для себя отметочку, что вы спятили.

— Одному Богу известно, как я еще терплю тебя, — хмыкнул Скотт. — В твоей черепушке местечко для новых идей найдется? А то порой мне кажется, что ты не человек, а прямо-таки квинтэссенция догматизма.

— Не исключено, сэр, — кивнул Бриггс. — Когда человек столько лет придерживается одних и тех же жизненных правил, которые еще и на практике работают, он волей-неволей становится догматиком.

— Сорок лет — срок немалый. А сколько служу я? Около двенадцати…

— Ваша карьера стремительно идет в гору, капитан. Не успеете оглянуться, как станете командующим.

— Твоими бы устами…

— А кроме вас, сэр, и некому. Вы первый на

очереди на место командующего Риза.

— Так-то оно так, вот только я ухожу из Компании Дун, — сказал Скотт. — Бриггс, это строго между нами. Приказываю помалкивать.

— Даже представить себе не могу! Куда же вам податься, кроме как в другую Компанию? — проворчал ординарец.

— О башнях слышал когда-нибудь?

— Конечно слышал, — позволил себе пренебрежительно фыркнуть Бриггс. — Отличное место, чтобы покутить, но жить там…

— Вот именно жить там я и собираюсь. В Монтане.

— Башни, как вы знаете, построены машинами, и не было в этом ничего достойного уважения. А вот крепости возводились из пластика, причем замешенного на крови таких, как я. Лично участвовал в создании базы Дун. Пока техники работали, мы сдерживали джунгли. Восемь месяцев кряду, ни дня без боевой тревоги, сэр! А ведь боев без жертв не бывает. Земляной вал да огневая поддержка кораблей — вот и все, чем мы располагали. Ни на час не могли расслабиться. Вот это была война, капитан! Всем войнам война!

Скотт вытянул ноги, чтобы Бриггс зашнуровал берцы.

— Да, Бриггс, знаю: это была чертовски хорошая война, — проговорил капитан, глядя сверху вниз на седые кучерявые волосы, через которые проглядывала темная кожа.

— Мало знать — надо воочию видеть. Я там был и все видел. Первым делом при помощи динамита мы расчистили местность, а затем насыпали вал — полукругом. Пока мы удерживали позицию, техники спешно возводили позади нас пластиковые стены. Оружие и боеприпасы подвозили на баржах. С воды нас прикрывали линкоры. Снаряды свистели прямо над головой! Однако это ничуть не пугало, а, наоборот, подбадривало. Ведь мы понимали: пока корабли ведут заградительный огонь, у нас все в порядке. Но не могли же линкоры палить без перерыва, верно? Когда пушки смолкали, обитатели джунглей пытались взять реванш, шли на прорыв. Воздух так пропитался запахом крови, что привлекал наших врагов еще многие месяцы спустя.

— Но вы удержали позиции.

— Разумеется! Нами командовал сам Эддисон Дун. Свою Компанию он собрал за несколько лет до этих событий. Мы сражались с ним плечом к плечу ради того, чтобы у Компании появилась собственная база. Кстати говоря, он тогда спас

мне жизнь. В общем, базу мы построили… Точнее, техники построили. Не забыть мне той секунды, когда со стены позади меня пальнула первая большая пушка! Конечно, работы оставалось еще непочатый край, однако главный рубеж мы преодолели. Этот разорвавшийся в джунглях снаряд яснее ясного дал нам понять, что кровь мы проливали не зря.

— Бриггс, ты рассуждаешь, как будто у тебя есть право собственности на эту базу, — усмехнулся Скотт.

Ординарец озадаченно взглянул на капитана:

— При чем тут право собственности?.. База? Капитан, дело вовсе не в базе. Она одна из многих. Тут кое-что большее… Боюсь, не смогу подобрать слов. Любоваться флотом… видеть новобранцев, принимающих присягу… поднимать старые добрые тосты на пирушках… знать, что… — Бриггс вдруг сконфузился и умолк.

— Ты ведь на самом деле не знаешь, Бриггс, — поддел его Скотт.

— Сэр?

— Не знаешь, ради чего сам здесь остался. Не веришь, что я намерен уйти. Но ты задумайся.

На это Бриггс лишь пожал плечами:

— Что тут думать, капитан? Мы солдаты Ком-

пании Дун. А солдаты Компании Дун должны служить в форте Дун. Куда уж проще.

— И какое все это будет иметь значение, скажем, через пару веков?

— Наверное, никакого… Только это не нашего ума дело, капитан. Мы вольные компаньоны, и точка.

Скотт мог бы с легкостью продемонстрировать Бриггсу бреши в его аргументации, но не стал. Какой толк? Капитан поднялся, а ординарец смахнул с его кителя невидимую пылинку:

— Сэр, теперь вы в полной боевой готовности.

— Спасибо, Бриггс. Ты, главное, не переживай. Впереди меня ждет еще одна битва, пускай последняя, но без разодранного кителя на память я тебя не оставлю.

Улыбающийся ординарец отдал честь, а Скотт, отдохнувший и посвежевший, в приподнятом настроении отправился на службу.

На его губах блуждала сардоническая улыбка. Внутренне капитан подсмеивался над старым ординарцем и его заблуждениями, которые прежде он обязательно принял бы близко к сердцу. Разумеется, недооценивать жертву тех людей, кто костьми лег, чтобы возвести форт Дун, ни в коем случае нельзя. Однако стоит ли придавать

этому историческому событию такую значимость и создавать на этом фундаменте традицию? Что такого особенного в этой крепости? Через несколько веков она будет никому не нужна. Пережиток прошлого, да и только.

Пока что цивилизация вынуждена терпеть военную силу, но в будущем, когда в умах произойдет окончательный сдвиг, для солдата в этом мире места не останется.

В чем смысл воинских традиций? В чем польза? Чувство привязанности к тем или иным обычаям должно быть оправдано вескими причинами.

Вольные компаньоны всегда сражались упорно и ожесточенно, проявляя немыслимую доблесть. Но для чего? Для того, чтобы в конце концов уничтожить самих себя?

У современного человека почти не осталось мотиваций, которые некогда побуждали его древнего предка брать в руки оружие.

Так в чем же польза воинских традиций? Вскоре огни военно-морских баз по всей Венере погаснут и уже не зажгутся снова… По крайней мере, в ближайшие сто тысяч лет уж точно.

Глава 5

...И вот мы здесь, приял нас сумрак поля брани, в котором эхом раздаются до сих пор призывы к битве тех глупцов, что жизнь отдали на закланье невежеству воинственных божков[66].

Военно-морские базы Вольных Компаний были полностью автономны. Все в них подчинялось в первую очередь нуждам военным, а затем уже социальным. Поскольку тактика глухой осады крепостей себя практически изжила, отпала и надобность в развитии сельского хозяйства. Продовольствием наемников снабжали башни, доставляя грузы надводным и воздушным путем. Однако военное производство продолжало совершенствоваться и играло одну из ключевых ролей в жизни каждой Компании. Особая роль отводилась специалистам как в области экспериментальной физики, так и в области точечной сварки. Поскольку ни одна война не обходилась без потерь, труд техников был востребован всегда. Они содержали оружие в боеспособном

[66] Примечания: 66
М. Арнольд. Берег Дувра.

состоянии и постоянно стремились его улучшать. В том же темпе, в каком наращивалось вооружение, разрабатывались и новые стратегии. Психологические приемы на войне никто не отменял. Случалось так, что сильный флот капитулировал только при виде численно превосходящего противника.

Скотт отыскал в доке Бьена, где тот контролировал спуск новой субмарины на воду.

— Салют, коммандер! — сказал Скотт. — Совершаю обход, компанию составишь?

— Делать все равно особенно нечего, — пожал плечами Бьен.

Судя по хмурому выражению лица, он все еще злился на капитана.

— Что ж, в любой непонятной ситуации следуй распорядку дня. Эту лодку, я так понимаю, мы достроили как раз вовремя?

— Ага, — отозвался Бьен и не сумел скрыть удовольствия, когда новехонькая субмарина заскользила по стапелям.

Она с шумным всплеском вошла в воду и мерно закачалась на волнах. От этого зрелища у Скотта участился пульс. Капитан окинул взглядом дюжину серо-зеленых величественных линкоров из плакированной стали, что стояли на якоре

неподалеку от верфи. Каждый был оснащен газоотбойниками и катапультами для запуска планеров, однако сами складные самолеты ждали своего часа в укромном месте. На флангах, точно поджарые волки, стояли быстроходные эсминцы. Имелось также два авианосца, укомплектованные планерами и флиттерами, несколько торпедных катеров и один монитор под названием «Армагеддон». Это был низкобортный броненосный корабль с мощным артиллерийским вооружением и очень малой скоростью хода. Потопить такого монстра могло только прямое попадание, однако добиться его было бы непросто. Неуязвимость имела свою цену — мониторы обладали множеством недостатков. К примеру, тихоходность. Из-за своей неспешности эти махины появлялись в поле зрения только на исходе сражения. Как и все мониторы, «Армагеддон» был сконструирован таким образом, что над водой возвышалась лишь бронированная полусфера, вмещающая в себя артиллерийские орудия особо крупного калибра. Если бы не купол боевой башни, монитор запросто можно было бы принять за рассекающего волны горбатого кита. Трюм состоял из нескольких отделений, которые, в свою очередь, делились на отсеки. У монитора

имелось несколько аварийных двигателей, поэтому судьба печально известного «Ровера» ему не грозила. Отказ главного двигателя отнюдь не означал гибели корабля. Скорее наоборот — все враждебное начинало гибнуть в радиусе досягаемости этого подраненного динозавра. Ведь если чудищу отрубить голову, какое-то время оно еще будет крушить все вокруг когтистыми лапами и мощным хвостом. Тяжелая артиллерия с лихвой компенсировала маневренность, однако вопрос, как доставить эту махину на место сражения, оставался открытым. Монитор передвигался ну очень уж медленно.

— Бой по-прежнему намечается над Венерианской впадиной?

— Да, все идет к тому, — кивнул Бьен. — Ныряющие Дьяволы уже направляются к башне Монтана. Рассчитываем встретить их над впадиной.

— Время «Ч»?

— Полночь.

Скотт прикрыл глаза и попытался визуализировать перемещение флотилии Дьяволов на карте, которую он знал как свои пять пальцев.

Схема, представшая внутреннему взору капитана, надежд не вселяла. Скотт надеялся

перехватить Дьяволов неподалеку от какого-нибудь архипелага, чтобы замаскировать монитор под островок, но все шло к тому, что сражаться придется вдали от суши. Очень жаль! Ведь Дьяволы, недавно объединившись с Легионом О'Брайана, стали сильны как никогда. Даже с поддержкой Мендеса предугадать исход битвы было невозможно. Переломить ситуацию мог только «Армагеддон».

— А что, если… — начал было Скотт и сам себя осадил: — Нет, это невозможно.

— Что именно?

— Замаскировать «Армагеддон». Завидев приближающийся монитор, Дьяволы оперативно передислоцируются, и нашей посудине за ними нипочем не угнаться. Но если бы удалось обмануть врага…

— Но монитор и так закамуфлирован.

— Я не о краске. Какого бы цвета он ни был, его даже слепой приметит. Меня посетила безумная идея — замаскировать монитор под остров или мертвого кита.

— Слишком уж это корыто длинное, чтобы принять его за кита. А плавающий остров выглядит и того подозрительней.

— Твоя правда. Хм… Как бы протащить «Арма-

геддон» в гущу сражения и не распугать врага? Постой-ка… Ведь мониторы имеют дурную привычку опрокидываться, верно?

— Ага… Если на больших волнах бронебашня перевесит, монитор окажется кверху днищем. Не самая светлая мысль, капитан. Перевернувший монитор небоеспособен. — В запавших глазах Бьена сверкнула издевка.

Скотт на это лишь усмехнулся:

— Ладно, пойдем проверим, как идет подготовка.

Флот пребывал в полной боевой готовности. Скотт и Бьен прошли в ремонтный цех. На стапелях стояло несколько новых кораблей. К началу операции их достроить уже не успевали.

Скотт с Бьеном направились в лабораторию, но и там все оказалось в порядке. Отлаженная военная машина работала как часы.

В конце обхода Скотту пришла идея. Он велел Бьену продолжать подготовку к сражению, а сам отправился разыскивать командующего. Тот оказался у себя в кабинете. Когда капитан переступил порог, Риз щелкнул тумблером видеофона, отключая вакуумный луч.

— Мендес, — пояснил Риз. — Говорит, его флотилия встретится с нашей в полутораста

километрах от побережья. И естественно, сразу же перейдет под наше командование. Хороший малый этот Мендес, но что-то я не доверяю ему.

— Думаете, он ведет двойную игру, сэр?

Риз пренебрежительно фыркнул:

— Нет, Мендес условий сделки не нарушит. «Ведь Брут — достопочтенный человек»[67]. Он создает впечатление союзника очень даже надежного, однако слепо полагаться на него я бы не стал. Как идет подготовка?

— Очень хорошо, сэр. У меня есть кое-какие идеи насчет «Армагеддона».

— Я весь внимание, — с готовностью отозвался Риз. — Аж мозги вывихнул, гадая, как бы доставить треклятую лохань к месту боя и при этом не спугнуть Дьяволов.

— Как насчет маскировки?

— Это же монитор! Ни с чем другим его спутать невозможно. Разве можно замаскировать такое чудо техники?

— Можно. Надо всего лишь создать видимость, будто он выведен из строя.

Риз откинулся на спинку кресла и заинтересованно посмотрел на капитана:

---

[67] Примечания: 67

У. Шекспир. Юлий Цезарь. Перевод И. Мандельштама.

— Так, давай поподробнее, не томи.

— Взгляните сюда, сэр. — Капитан набросал стилусом на планшете, весьма кстати оказавшемся под рукой, контуры монитора. — У надводной части «Армагеддона» форма купола. Подводная, хоть и схожа с ней, имеет свои отличительные особенности — в основном из-за киля. Почему бы нам не замаскировать палубу монитора под его днище? Изобразим киль и все остальное… Чтобы у Дьяволов создалось впечатление, будто наш монитор опрокинулся.

— А это идея.

— Думаю, подозрений не возникнет. Все прекрасно знают, что в бою мониторы опрокидываются. Увидев дрейфующий к ним перевернутый монитор, Дьяволы решат, что опасности нет — корабль уже выведен из строя.

— Безумие, — хмыкнул Риз. — Но вот такие вот безумные идеи обычно и решают исход битв. — Командующий включил видеофон и приказал незамедлительно действовать. — Все ясно? Хорошо. Как только погрузите на борт «Армагеддона» необходимые материалы и оборудование, сразу выходите в море. Времени в обрез. Замаскируете монитор по пути к Венерианской впадине. Еще раз повторяю: на работу в доке нет

времени. Незамедлительно отправляйтесь. Если эскадра оторвется от вас, то к началу сражения вам уже не успеть. — Риз разорвал соединение, и его покрытое шрамами грубое лицо исказила ухмылка. — Надеюсь, сработает… Поживем — увидим. — Он щелкнул пальцами и прибавил: — Чуть не забыл: а что там с племянничком президента Кросби? Как бишь его? Кейн? Вы ведь вместе были, когда произошла авария? Я все гадаю, правильно ли сделал, что согласился принять Нормана в наши ряды. Курс молодого бойца еще никому не навредил. Как парень проявил себя в джунглях?

— Очень даже неплохо. — сказал Скотт. — Я понаблюдал за ним и могу сказать: из него выйдет толк.

Риз пристально посмотрел на капитана и спросил:

— А что с дисциплиной? Мне почудилось, будто есть брешь?

— Если честно, даже пожаловаться не на что.

— Что ж… быть может, мне и вправду показалось. Шайка Старлинга — не лучшее начало воинской карьеры. В особенности для юного и неокрепшего ума. Кстати, раз уж мы заговорили о Старлинге… Мендес был в курсе слухов о его

заигрывании с ядерной энергией?

— Нет, сэр. Похоже, Старлинг, если и мутит воду, делает это весьма осторожно.

— Ничего, после сражения мы быстренько выведем его на чистую воду. На такие вещи нельзя смотреть сквозь пальцы. Землю мы уже потеряли — не ровен час, погубим и Венеру. Хорошая, однако, была планета. И мы чудом выжили. Если подобное случится еще раз, человечеству точно каюк.

— Не думаю, что стоит опасаться повторения. Все-таки Земля погибла из-за ряда техногенных катастроф, случившихся на крупных атомных электростанциях. Вероятно, Старлинг разжился зарядами для тактического оружия, не более того.

— Скорее всего, так и есть. Планету ему взорвать вряд ли удастся. Но закон есть закон: никакой ядерной энергии на Венере.

Скотт согласно кивнул.

— Ладно, закончили, — сказал Риз, жестом отпуская капитана. — Попутного ветра и ясного неба над головой.

Воспринять последнее иначе как с иронией было невозможно — чистого неба на этой планете никто и никогда не видел.

Поужинав, Скотт вернулся к себе, чтобы перекурить и немного отдохнуть. Отмахнувшись от предложения сделать массаж, капитан отправил ординарца за свежим табаком на продовольственный склад.

— Убедись, что это действительно «Двадцать звезд», — напутствовал Скотт. — Курить выращенное на гидропонике сено я не стану.

— Сэр, я знаю, что вы предпочитаете, и в табаке разбираюсь, — отозвался явно обиженный Бриггс и удалился.

Скотт уселся в релаксатор и вздохнул.

Время «Ч» — в полночь. Грядет последняя битва. Весь день капитана не оставляла мысль, что сегодня свой долг он выполняет в последний раз.

Мысли Скотта вернулись к башне Монтана. Он заново переживал те неземные минуты с Айлин на окутанной облаками вершине «Олимпа».

Скотт с удивлением осознал, что не может припомнить черты ее лица.

Имел ли ее внешний вид хоть какое-то значение? Быть может, Айлин — символ?..

И все-таки она прекрасна…

Айлин обладала особенной красотой, отличной от красоты Джины. Скотт глянул на фоторамку с цветным трехмерным портретом Джины на

столе, затем наклонился и нажал крошечную кнопку. В глубинах фоторамки вспыхнула голограмма. Ожившая девушка подарила капитану белоснежную улыбку.

В комнате зазвучал ее мягкий голос. Казалось, Джина где-то здесь, рядом.

— Привет, Брайан, — зазвучала запись. — Хотела бы я сейчас быть с тобой рядом. А вот тебе подарочек. — Голограмма послала капитану воздушный поцелуй и погасла.

Скотт снова вздохнул. С Джиной было удобно… Но черт возьми… она не хотела меняться. Вероятно, даже не могла. Айлин тоже отличалась консервативным мышлением, причем в неменьшей степени. Однако она олицетворяла собой ту жизнь, что бурлила в башнях. Ту самую жизнь, к которой всегда, и в особенности теперь, так тянуло Скотта.

Айлин жила искусственной жизнью, но самообману не предавалась. Сознавала, что ее ценности ложны. В отличие от вольных компаньонов, она хотя бы не притворялась, что ее идеалы достойны самопожертвования. Скотт задумался о Бриггсе. Старый ординарец чтил память солдат, погибших при строительстве форта Дун. Все это чертовски много значило для старика. Но ведь он никогда

не задавался вопросом: во имя чего? Во имя чего гибли его сослуживцы? Зачем вообще нужно было строить эту крепость? Старик ответил бы не задумываясь: для войны. Вот только есть ли у войны будущее?

Нельзя посвящать жизнь чему-то, во что не веришь. Нельзя отстаивать идеалы и умирать за них, не сознавая пользы от своей жертвы. Поливая семена собственной кровью, каждый имеет право видеть, как всходит его цветок. Но алый цветок Марса отцвел давным-давно. Точь-в-точь как в старинном стихотворении: «Вот истина, все остальное ложь: цветок отцветший вновь не расцветет»[68].

Такова суровая правда жизни, однако вольные компаньоны слепо притворяются, будто их цветок, как и прежде, продолжает пылать алым. Солдаты отказывались признать, что у цветка уже иссохли самые корни. Он едва ли способен принять жертвенную кровь, проливающуюся, чтобы утолить его бессмысленную жажду.

Между тем в башнях появлялись новые всходы и раскрывались новые бутоны, тогда как некогда процветавшие могущественные Вольные Компа-

---

[68] Примечания: 68

Рубаи «Мимолетность» из книги «Рубайят Омара Хайяма» Э. Фитцджеральда. Перевод О. Румер.

нии медленно, но верно увядали. Человечество переживало зимний, последний цикл сезона цветения, и на смену прежним цветам уже пробивались ростки сезона грядущего. Нетерпимые, они алкали жизни и были готовы высосать из подгнивающей розы войны последние живительные соки.

Несмотря на это, наемники, защищавшие подводные башни, предпочитали делать вид, будто все идет своим чередом. С гримасой отвращения Скотт сказал себе: «Меня окружают слепцы и глупцы. В первую очередь я человек, а уж потом — солдат. Всякий человек по природе своей должен быть верен гедонистической морали, независимо от того, отвечает ли конкретная цивилизация его ожиданиям или нет».

Скотт не отождествлял себя с подводным миром башен. Ассимилироваться? Нет, он не смог бы. Культура обитателей башен куполов была ему чужда. Вместо этого Скотт намеревался раствориться в кипучей гедонистической пене, венчающей жизнь каждого общества, так или иначе стремящегося к благополучию. По крайней мере, с Айлин он попытается обрести счастье и наконец-то перестанет горько насмехаться над самим собой. Перестанет насмехаться над свои-

ми душевными слабостями, которых прежде он признавать не желал.

Айлин не поддавалась самообману. Она родилась слишком умной, и это было ее проклятьем.

«Похоже, из нас получится отличная пара», — заключил Скотт.

Скотт поднял взор на вошедшего в комнату Бьена.

Под бронзовым загаром на мрачной физиономии коммандера пылали лихорадочные красные пятна. Взгляд из-под тяжелых век не сулил ничего хорошего. Бьен резко закрыл за собой дверь и уставился на Скотта.

Раскачиваясь на каблуках, коммандер вдруг назвал капитана словом, за которое в былые времена он запросто мог поплатиться жизнью.

Скотт взвился на ноги, холодное бешенство скрутило внутренности тугим узлом. И тем не менее ответил он предельно спокойно:

— Бьен, ты пьян. Убирайся к себе.

— Конечно я пьян… Любишь, значит, командовать направо и налево, ты, лживый оловянный солдатик. Это ж надо, а? Не дать мне левый фланг эскадры. Капитан Брайан, мать твою, Скотт, я сыт по горло этим дерьмом…

— Не будь идиотом. У нас личная неприязнь,

но к делам Компании она не имеет никакого отношения. Я рекомендовал тебя командующему, но он…

— Лжешь! — вскричал Бьен, продолжая раскачиваться на пятках. — Меня от одного твоего вида блевать тянет.

Скотт побледнел, отчего шрам на щеке заалел ярче. Бьен надвигался на капитана. Коммандер был не так уж и пьян, как показалось Скотту вначале, — действовал он вполне уверенно. Бьен ударил в зубы. Череп капитана пронзила мучительная боль. Размах рук Скотта не шел ни в какое сравнение с размахом долговязого коммандера, однако при следующем выпаде Бьена капитан сумел уклониться и нанести точный и сокрушительный хук в челюсть. Бьена отбросило назад. Врезавшись в стену, он съехал на пол, голова упала на грудь.

Растирая костяшки пальцев, Скотт опустился на колени и быстро осмотрел поверженного противника. Нокаут. Что ж, сам напросился.

На пороге появился Бриггс. Увидев лежащего Бьена, он ничуть не удивился. Ординарец пересек комнату и начал наполнять хьюмидор купленным табаком.

Скотт, глядя на своего образцового ординарца,

едва не засмеялся.

— Бриггс…

— Да, сэр?

— Несчастный случай. Коммандер Бьен слегка набрался, поскользнулся и ударился подбородком. Приведешь его в чувство, ладно?

— Охотно, сэр. — Бриггс подошел к Бьену и взвалил его на мускулистые плечи.

— Время «Ч» в полночь. К этому времени коммандер должен протрезветь и взойти на борт штабного корабля «Кремень». Сможешь устроить?

— Разумеется, сэр. — Бриггс вынес Бьена из комнаты.

Скотт вернулся в релаксатор и набил трубку. Следовало бы, конечно, запереть Бьена, но… в таком случае грош цена собственным словам. Нет, личные дела с делами Компании мешать нельзя. Несмотря на скверный характер, Бьен начальник, каких еще поискать.

«Надеюсь, Дьяволы отстрелят Бьену его бедовую похмельную башку», — мелькнула у Скотта мысль.

Спустя некоторое время он выбил из трубки пепел и отправился на заключительную проверку.

В полночь эскадра снялась с якоря. На рассвете

флот Дуна подошел к Венерианской впадине.

К нему присоединились корабли банды Мендеса: семь линкоров, крейсеры всех мастей, эсминцы и один авианосец. Монитора у Мендеса не было: два месяца назад судно перевернулось и теперь стояло на ремонте.

Объединенная флотилия двигалась полумесяцем. Корабль «Кремень» под командованием Скотта возглавлял левый фланг, в который входили «Аркебуза», «Стрела» и «Мизерикордия» — все линкоры Дуна. Бок о бок с ними шли два союзнических линкора: «Навахо» и «Зуни» — последним командовал сам Мендес. Также Скотту подчинялся один из авианосцев; остальные располагались на правом фланге. Бок о бок с линкорами шли малые быстроходные суда.

В центре эскадры двигались четыре линкора Дуна — «Арбалет», «Пика», «Митральеза», «Булава», а также три линкора Мендеса. Командующий Риз стоял на мостике флагмана «Копье» и руководил операцией. Замаскированный «Армагеддон», скрытый от глаз туманом, героически пыхтел где-то далеко позади.

Скотт находился в рубке. За пультами управления сидели шестеро вахтенных офицеров, готовых в любой миг приступить к выполнению

приказа. В грохоте сражения докричаться до подчиненных порой было совершенно невозможно, поэтому Скотт имел на груди петличный микрофон, а его помощники пользовались головными телефонами.

Капитан обвел взглядом приборные панели и экраны видеофонов, располагавшиеся перед ним полукругом, и спросил:

— Есть какие-нибудь новости от планеристов?

— Нет, сэр.

— Соедините меня с отрядом планеристов.

Один из экранов вспыхнул и явил лицо командира воздушной разведки.

— Доложите обстановку.

— Докладывать пока нечего, капитан. Хотя погодите… — (Раздался отдаленный гром.) — Датчики засекли вакуумный луч. Прямо над нами.

— Вражеские планеры в облаках?

— Судя по всему, да… Но источник уже вне зоны досягаемости. Мы его потеряли.

— Пробуйте снова найти.

Перехватить вражеский канал связи дорогого стоило, но сделать это было не так-то просто. Обнаружить моторный самолет в облаках легко, а вот планер… Способ заключался в том, чтобы сфокусировать датчик на информационном луче

противника. Но это все равно что иголку в стоге сена искать. Хорошо еще, что на планеры не цепляли бомб.

— Сэр, входящий. Один из наших планеристов.

Перед Скоттом засветился другой экран.

— Докладывает пилот, сэр. Враг обнаружен.

— Отлично. Переключи внешнюю камеру на ночной режим. В каком секторе противник?

— Ви-Ди — восемьсот семьдесят, северо-запад — двадцать один.

— Соедините меня с командующим Ризом и коммандером Гиром по вакуумному лучу, — скомандовал в микрофон Скотт. — И командующего Мендеса подключите.

Зажглось еще три экрана с лицами офицеров.

— Дайте трансляцию с планера.

Где-то в облаках над Венерианской впадиной летательный аппарат заложил дугу, и на внешней камере включился прибор ночного видения. Он преобразовал инфракрасные лучи в видимый свет, облачная муть растаяла, и глазам высших офицеров предстала вражеская армада, боевым строем бороздящая море.

Скотт даже вспомнил названия кораблей противника: «Орион», «Сириус», «Вега», «Полярис»… А вот и малые суда… Их довольно много.

Картинка с камеры пилота пропала.

— Они могут задавить нас числом, — сказал Риз. — Командующий Мендес, ваши приборы обнаружения субмарин в деле?

— Разумеется. Угроз пока не обнаружено.

— Если глаза меня не обманывают, то сражение начнется через полчаса. Уверен, враг тоже нас обнаружил, — сказал Скотт.

— Принято. До связи, — отозвался Риз.

Экраны погасли. Скотт откинулся в капитанском кресле, продолжая напряженно размышлять.

Ничего не оставалось, как ждать и быть готовым к любым неожиданностям. «Орион» и «Вега» были самыми крупными линкорами Ныряющих Дьяволов. Ни один корабль флотилии Дуна или Мендеса не шел в сравнение с ними. Командующий Флинн, несомненно, находился на борту «Ориона». У Дьяволов имелся и монитор, однако инфракрасный сканер планера его пока не засек. Скотт очень надеялся, что это чудовище к началу сражения не поспеет.

Но даже без монитора противник имел подавляющее надводное превосходство. Не говоря уже о доминировании под водой. Приборы субмарин Мендеса если и смогут повысить шансы союзни-

ков на победу, то явно недостаточно.

«Монитор способен сыграть решающую роль, — подумал Скотт. — Пушки „Армагеддона“ — наш последний довод».

Однако замаскированный монитор, взрезая волны, тащился где-то далеко позади основной флотилии.

На одном из экранов появилось бесстрастное лицо коммандера. Он походил на робота, запрограммированного на беспрекословное выполнение приказов. Личную неприязнь Бьен на время забыл. Что тут скажешь — долгие годы муштры.

Собственно, ничего другого Скотт, принимая звонок коммандера, и не ожидал. Голос капитана также не выражал никаких эмоций:

— Капитан, флиттеры в полной боевой готовности.

— Через пятнадцать минут спускай на воду. И передай мои указания флиттерам левого фланга.

— Принято.

Воцарилась тишина, однако длилась она недолго. Прогремел взрыв. Скотт встрепенулся и с решимостью воззрился на экраны, готовый отдавать приказы.

На экране перед капитаном появилось новое

лицо:

— Дьяволы открыли огонь, пристреливаются. Должно быть, где-то над нами вражеские планеры — засечь не получается.

— Личный состав в укрытие. Дайте пробный залп и возвращайтесь в строй. Свяжитесь с пилотами наших планеров.

Началось. Канонада будет грохотать до тех пор, пока одна из Компаний не капитулирует. От командующего Риза поступил сигнал присоединиться к конференции.

— Какие будут распоряжения, сэр?

— Не давайте Дьяволам расслабляться, изматывайте их. Это самое большее, на что мы пока способны. Боевой ордер — Пи-восемь.

— Мы переключили акустические детекторы в режим демодуляции высокочастотного сигнала и засекли три вражеские субмарины.

— Ограничьте диапазон частот, чтобы исключить обнаружение наших собственных подлодок.

— Уже сделали. Но проблема в том, что по мере своего продвижения враг сбрасывает глубинные заряды, создающие защитное магнитное поле.

— Сейчас свяжусь с командующим нашим подводным флотом, — пообещал Риз.

Скотт все прислушивался к нарастающему яростному грохоту, но характерных хлопков тепловых лучей, к своему облегчению, пока не различал. По-видимому, вражеские корабли еще не подобрались достаточно близко — дальность лазерного оружия оставляла желать лучшего. Надежностью лазеры тоже не отличались, однако мощи такому оружию было не занимать. Чтобы выстрелить тепловым лучом, требовалось выждать определенное время, пока лазерная пушка нагреется. Предотвратить катастрофу можно было одним-единственным способом: метким выстрелом в объектив орудия.

— У нас потери, сэр. Прямое попадание в борт эсминца «Штык».

— Степень повреждения?

— Пока могу сказать лишь, что корабль в строю. Подробный рапорт будет чуть позже.

Немного погодя на связь по вакуумному лучу вышел пилот планера:

— Сэр, есть попадание в «Полярис».

— Включай ночное видение.

На экране перед капитаном возник линкор Ныряющих Дьяволов. Часть судовых надстроек снесло взрывом, однако сам корабль выглядел боеспособным. Скотт кивнул. И хотя клубив-

шийся туман не позволял видеть происходящее полностью, сомневаться в том, что обе флотилии вошли в зону эффективной стрельбы, не приходилось.

Гром орудийных выстрелов все нарастал. Плохая видимость вкупе с яростными венерианскими ветрами не позволяла просчитать траекторию полета, однако артиллерийские снаряды, во многом благодаря таланту наводчиков, свою цель все же находили. «Кремень» содрогнулся от удара и задрожал. Скотт с мрачной решимостью кивнул своим мыслям.

Вот и он в бою. Скотт находится в самом сердце корабля, но его вклад в сражение не менее значим, чем работа артиллерийской прислуги. Экраны — его глаза; через них он видит все, что снимают камеры, установленные на планерах. И видит гораздо больше, чем если бы стоял на палубе и взирал на происходящее невооруженным глазом.

Скотт глянул на экран, и дыхание перехватило: в тумане неясно прорисовывался силуэт огромного корабля. В следующее мгновение капитан облегченно выдохнул: это всего лишь «Мизерикордия», сбившаяся с курса после пробного залпа. Он схватился за петличный микрофон и велел

капитану этого корабля вернуться в строй.

Флиттеры уже были спущены на воду. Точно обезумевшие шершни, они полетели исполнять приказ командующего Риза — тревожить вражеский флот.

«Одним из них, должно быть, управляет Норман Кейн», — подумал Скотт, а затем мысли переключились на Айлин, но он сразу прогнал их прочь. На боевом посту фантазиям не место.

На экране показался вдали авангард Ныряющих Дьяволов. Поступил входящий вызов от Мендеса.

— Мы засекли еще одиннадцать вражеских подлодок. Одна прорвалась и сейчас находится прямо под вами. Сбрасывайте глубинные бомбы.

Кивнув, Скотт отдал соответствующие распоряжения. Корпус линкора несколько раз содрогнулся.

Вскоре доложили: по правому борту замечено топливное пятно. Хорошая новость, — похоже, бомбы нашли свою цель. Несколько точных попаданий могли нанести подлодке значительный ущерб.

Крупнокалиберные орудия не смолкали ни на миг. Корабль непрестанно кренило набок. Кругом раздавались хлопки тепловых лучей. Таким

большим линкорам, как «Кремень», избежать лазерного попадания было практически невозможно — а ведь взрывающиеся лучи запросто плавили даже самый крепкий металл. Оставалось надеяться только на разъяренный рой флиттеров, что вились вокруг вражеских судов и осыпáли их градом пуль, стараясь разбить линзы лазерных пушек. Однако даже такая, казалось бы, простая боевая задача требовала слаженной работы. Отслеживать невидимые тепловые лучи можно было только при помощи фотокамер. Съемочные бригады фотографировали вражеские корабли не покладая рук. Они оперативно анализировали полученные снимки, выясняли, где располагаются лазерные орудия, и направляли данные пилотам флиттеров по вакуумному лучу.

— «Ригель» Дьяволов выведен из строя.

Скотт смотрел на экран. Обреченный на гибель эсминец совершил разворот и пошел на таран. Капитан рявкнул в микрофон, и «Кремень», изрыгая шквальный огонь, устремился наперерез обреченному эсминцу.

Корабли прошли друг от друга так близко, что проплывавший в тумане «Ригель» можно было различить невооруженным глазом прямо с палубы.

Оценив курс вражеского эсминца, Скотт попытался вызвать Мендеса на связь, однако тот оказался вне зоны досягаемости. Капитан отчаянно жал на кнопку вызова, повторяя раз за разом:

— Рулевой линкора «Зуни»… Чрезвычайная ситуация. Как слышно? Повторяю, как слышно?

— Рулевой линкора «Зуни» слушает, сэр.

— Меняй курс! — выпалил капитан. — Эсминец «Ригель» идет прямо на вас. На таран!

— Принято, — отозвался рулевой, и экран погас.

Скотт включил сканер и выругался. Представшая его глазам картина не сулила ничего хорошего. «Зуни» разворачивался споро, однако «Ригель» подобрался уже слишком близко… Чертовски близко… В следующий миг эсминец протаранил линкор.

— Проклятье! — воскликнул Скотт, прекрасно понимая, что с «Зуни» можно попрощаться.

Он тут же связался с командующим Ризом и доложил обстановку.

— Без паники, капитан. Продолжаем выстраивать корабли согласно боевому ордеру Пи-восемь.

На экране появилось лицо Мендеса.

— Капитан Скотт, «Зуни» выведен из строя. Вы-

нужден присоединиться к вам, чтобы руководить бомбардировкой вражеских субмарин. Найдется у вас местечко?

— Разумеется, сэр. Левый борт, сектор семь. Мои люди ждут вас.

Скрытые туманом армады шли параллельным курсом. Огромные линкоры держали строй, не прекращая шквального огня из артиллерийских и лазерных установок. Легкая флотилия вилась вокруг крупных судов облаком гнуса. Время от времени флиттеры отклонялись от курса. Они то преследовали крупные суда, то затевали дуэли между собой. Планеры же на столь малых дистанциях были бесполезны.

Разрывы гремели так, что звенело в ушах. «Кремень» то и дело содрогался от сокрушительных ударов.

— Поврежден «Орион» Дьяволов… Поврежден «Сириус».

— Подбит «Апач» Мендеса.

— Потоплены еще четыре вражеские субмарины.

— Потеряна связь с подводной лодкой Дуна «Икс-шестнадцать».

— «Полярис» Дьяволов, кажется, вышел из боя.

— Выслать на подмогу флиттеры номер девять

и двадцать.

В рубку ввалился запыхавшийся Мендес. Скотт указал ему на кресло за свободной приборной панелью.

— Флагман «Копье» поврежден, — сообщил помощник. — Сэр, командующий Риз, кажется, ранен.

Скотт оцепенел, а затем спросил:

— Подробности?

— Одну минуту… Сэр, командующий Риз убит.

— Принято, — помолчав, произнес Скотт. — Командование беру на себя. Оповестить всех.

Скотт поймал косой взгляд Мендеса. В случае гибели командующего Вольной Компанией события должны были развиваться по одному из сценариев. Первый — назначение нового командующего, второй — объединение Компаний. Ни к тому ни к другому ситуация не располагала, поэтому временно командование флотом Дуна перешло к первому заместителю командующего — капитану Скотту.

Позже в форте Дун будет собран военный совет и принято окончательное решение, а пока…

А пока совсем не до того. Риз убит. В голове не укладывалось, что этот суровый, хладнокровный ветеран погиб в бою. Скотт припомнил, что в ка-

кой-то из башен у Риза имелась свободная жена. Отныне Вольная Компания будет выплачивать ей пенсию. Скотт никогда не видел женщины Риза. Капитан вдруг поймал себя на мысли, что гадает, как она выглядит. Никогда прежде подобные мысли его не посещали.

Экраны перед его глазами вдруг бешено замигали. Теперь придется работать за двоих. А то и за троих. Отбросив неуместные раздумья, Скотт полностью сосредоточился на сражении.

Мозг погрузился в состояние, когда оценить ход времени уже не представлялось возможным. Все это походило на первую, анальгетическую стадию наркоза. Сколько уже длится битва? Может, час, а может, и все шесть. А может статься, что и не больше получаса.

— Выбыли из строя один эсминец, один крейсер… Еще три вражеские субмарины потоплены…

Казалось, этому сражению не будет конца. Между тем Мендес продолжал руководить своей флотилией, методично выискивая вражеские подводные лодки.

«А где, черт возьми, „Армагеддон“? — вдруг спохватился Скотт. — Скоро уже битва закончится, а об этой исполинской черепахе ни слуху

ни духу…»

Мысли капитана вдруг прервал вспыхнувший экран. Взгляду предстало вытянутое лицо командующего флотилией Дьяволов. С носом, похожим на птичий клюв, Флинн походил на хищную птицу.

— Вызываем командующего Компанией Дун.

— Капитан Скотт на связи. Временно исполняю обязанности командующего Риза.

«С чего бы вдруг Флинну запрашивать переговоры? — недоумевал Скотт. — Не припомню я, чтобы вражеские флотоводцы затевали во время сражения диалог. Неужели сдаются?»

— Вы применили ядерное оружие! — резко сказал Флинн. — Объяснитесь.

Мендес заерзал в кресле, а у Скотта засосало под ложечкой.

— Командующий Флинн, заверяю вас, что это произошло без моего ведома и согласия. Приношу извинения. Сообщите детали происшествия.

— Пилот флиттера выстрелил по «Ориону» из ядерного пистолета.

— Каков урон?

— Выведено из строя семиствольное орудие.

— Мы немедленно прекратим огонь из орудия точно такой же системы. Что еще мы можем

сделать, чтобы урегулировать этот вопрос?

— Капитан Скотт, извинения приняты. Просканируйте сектор «Мобайл-восемнадцать» к югу от «Ориона». Инцидент исчерпан и будет удален из наших протоколов. — Флинн отключился.

Скотт, просканировав сектор, обнаружил флиттер и увеличил изображение.

Спасаясь от вражеского огня, суденышко возвращалось в ряды флотилии Дуна. Оно держало курс прямиком на линкор «Кремень».

Через фонарь флиттерборта Скотт разглядел обмякшего в кресле бортстрелка. Тело лежало недвижно, полчерепа как не бывало. Пилот, Норман Кейн, был жив. По напряженному мальчишечьему лицу струилась кровь. Он правил флиттером, не выпуская из руки ядерного пистолета.

Значит, банда Старлинга все-таки балуется с ядерной энергией. Должно быть, Кейн, когда увольнялся, тайком прихватил пистолет и теперь в пылу битвы вдруг решил пойти козырем…

Металлическим голосом Скотт объявил:

— Артиллерийскому расчету правого борта открыть огонь на поражение по флиттеру «Зет-девятнадцать-четыре».

Мгновение спустя рядом с суденышком разо-

рвался снаряд. Кейн вскинулся и испуганно заозирался. Неужели стреляют свои? На лице промелькнуло осознание, он резко сменил курс и пошел зигзагом, отчаянно пытаясь лавировать среди разрывов.

Сжав зубы, Скотт мрачно ждал, когда удача изменит Кейну. В следующий миг флиттер накрыло градом осколков и судно взорвалось.

Морской трибунал в действии.

Понесет наказание и банда Старлинга. Окончится бой, командующие Вольных Компаний соберутся и вынесут приговор. Но пока не до того — сражение в самом разгаре. Скотт выбросил из головы преступление Кейна и сосредоточился на экранах.

Баланс сил медленно, но верно смещался на сторону противника. И Дун, и Дьяволы несли потери, однако корабли друг друга не топили. Ограничивались тем, что методично выводили их из строя. Мысли Скотта раз за разом возвращались к «Армагеддону». Монитор запросто мог бы переломить ход битвы, но успеет ли он нагнать своих вовремя?

Скотт так и не понял, что произошло. Рубка взорвалась, и он мгновенно лишился чувств.

Без сознания капитан пролежал недолго. Разле-

пив веки, увидел вокруг себя руины. Все погибли? Нет, вряд ли. Очевидно, это не прямое попадание, иначе бы он не выжил. До него вдруг дошло, что он придавлен тяжелой балкой. Скотт прислушался к телу — все кости, похоже, целы. Невероятная удача и слепой случай.

Похоже, основной удар приняли на себя вахтенные помощники. Все до единого оказались мертвы. Чтобы понять это, Скотту хватило одного-единственного взгляда в их сторону.

Капитан попытался выползти из-под балки, но это оказалось невозможно.

Бой между тем продолжался. Громыхало так, что звать на помощь было бесполезно — все равно не услышат.

В другом конце помещения, на полпути к выходу, Скотт уловил движение. Пошатываясь и недоуменно хлопая глазами, на ноги встал Мендес; пухлые щеки были в крови. Он осмотрелся, и взгляд замер на Скотте.

Раскачиваясь во все стороны, Мендес некоторое время изучал лицо капитана, а затем опустил ладонь на рукоять пистолета.

Чтобы понять замысел главаря банды, дар ясновидения не требовался. Если Скотт умрет прямо здесь и сейчас, шансы Мендеса взять Дун под свое

крыло значительно возрастут.

Таков был военно-политический баланс, и угодивший в ловушку Скотт прекрасно сознавал: если случится чудо и он останется в живых, то командующим Вольной Компанией Дун изберут его, а не Мендеса. И этого Мендес допустить, конечно же, не может.

За спиной у Мендеса, при входе в рубку, возникла тень, а затем и ее хозяин. Увидев происходящее, Бьен нахмурился, да так и застыл на пороге. Он тоже все понял с первого взгляда. Коммандер не хуже Скотта знал, чем все закончится, если не вмешаться. Еще каких-то несколько секунд, и Мендес извлечет из кобуры оружие, и капитана не станет.

Скотт ждал, а Мендес все сильнее сжимал рукоять пистолета.

— А я уж было надеялся, что этот снаряд прикончил вас, сэр, — криво усмехнувшись, сказал Бьен. — Но вольного компаньона и в самом деле убить не так-то просто.

Мендес вмиг снял руку с оружия и как ни в чем не бывало повернулся к Бьену.

— Коммандер, вы очень вовремя — один я бы с этой балкой не совладал.

— Что ж, давайте попытаемся, сэр.

Взявшись, Мендес и Бьен сумели приподнять балку, и Скотт получил свободу. Взгляды капитана и коммандера на миг пересеклись. Ни малейшего намека на дружелюбие. В глазах Бьена читалась горькая насмешка над самим собой.

Нет, это не Бьен спас Скотта. Капитан остался жив благодаря своему внутреннему вымуштрованному бойцу, чьим приказам не подчиниться попросту невозможно. Прежде всего Бьен был офицером, коммандером Вольной Компании, а уж потом — самим собой.

Скотт проверил руки-ноги. Вроде бы все цело, функционирует как должно.

— Коммандер, надолго я отключился?

— Десять минут, сэр. «Армагеддон» уже в зоне видимости.

— Хорошая новость. А что Дьяволы? Сменили курс?

— Пока вроде не забеспокоились, — покачал головой Бьен.

Скотт хмыкнул и направился к выходу из покореженной рубки. Мендес и Бьен двинулись следом.

— Нам нужен новый штабной корабль, — сказал Мендес.

— Что ж, пусть будет «Аркебуза». Коммандер,

оставляю «Кремень» вам. А мы с командующим Мендесом отправляемся на новый штабной корабль.

Флиттер доставил их на «Аркебузу». Скотт отметил, что линкор в хорошем боевом состоянии. Капитан нашел взглядом «Армагеддон» — тот беспомощно болтался на волнах. Согласно плану, корабли Дуна должны были оттянуть флотилию Дьяволов в зону досягаемости артиллерии монитора. Скотт по достоинству оценил работу техников: поддельный киль выглядел так, будто монитор и вправду перевернулся кверху днищем.

Скотт принял командование «Аркебузой» и выделил Мендесу приборную панель, чтобы тот продолжал бомбить вражеские субмарины.

Усевшись в кресло, Мендес, сияя всеми тридцатью двумя зубами, оглянулся на Скотта через плечо:

— Не бойтесь. Дьяволы умоются, когда заговорят пушки нашего монитора.

— Дожить бы еще… Пока дела у нас неважнецкие.

Ни Скотт, ни Мендес об эпизоде на линкоре «Кремень», естественно, не вспоминали. Тема сразу же стала негласным табу, чтобы не на-

вредить общему делу. И это было единственно правильным решением.

Дьяволы, не прекращая шквального огня по флотилии Дуна, с каждой минутой приближали свою победу. Между тем Скотт, напряженно вглядываясь в экраны, размышлял, когда лучше ввести «Армагеддон» в бой. Как бы не упустить нужный момент.

Наконец у монитора появилась замечательная возможность. «Армагеддон» оказался меж двух самых больших кораблей Дьяволов. Скотт не мешкая связался по вакуумному лучу с капитаном корабля:

— Убрать маскировку! Открыть огонь!

Открылись амбразуры. Ощерив жерла чудовищных пушек, монитор дал залп всеми орудиями. Артиллерийский грохот, еще секунду назад казавшийся невыносимым, потонул в оглушительных раскатах.

— Всем кораблям Дуна: боевой ордер Пи-семь, открыть огонь! — скомандовал Скотт.

Вот оно! Началось.

Флотилия Дуна устремилась в атаку, чтобы сойтись с противником в битве не на жизнь, а на смерть. Артиллерия захлебывалась ревом, пытаясь перекричать гром крупнокалиберных орудий

монитора. Преуспеть в этом линкорам, эсминцам и крейсерам, конечно же, было не суждено. Однако они сумели добиться главного — переломить своим яростным натиском ход сражения.

Баталий, где удалось бы применить огневую мощь монитора, на памяти Скотта было наперечет. Но те, в которых все-таки получалось это сделать, приводили к безоговорочной победе. Это морское чудище можно было укротить только ядерным оружием.

Тем не менее Ныряющие Дьяволы продолжали бой. Они изменили боевой ордер, но эта попытка успеха им не принесла. Гигантские линкоры противника слишком близко подошли к «Армагеддону» и выйти из зоны поражения уже не успевали. И это означало…

— Капитулируем, — сказал Флинн, чье лицо возникло на одном из экранов перед капитаном. — Сэр, прекратите огонь.

Скотт отдал соответствующий приказ, и грохот стих. Воцарилась невероятная, оглушительная тишина.

— Вы прекрасно сражались, командующий Флинн.

— Благодарю. Как и вы. Ваш стратегический замысел с монитором выше всяких похвал.

Все было кончено. Скотт почувствовал, как разом ушло внутреннее напряжение.

Принятые в таких случаях поздравления от командующего проигравшей стороны не значили теперь для капитана ровным счетом ничего. Силы, что все это время поддерживали Скотта в боевом тонусе, внезапно его покинули.

Оставались только формальности. На башню Виргиния символически сбросят бомбы. Заряда в них не будет, поэтому вреда куполу они не причинят. Также по правилам ведения войны граждане башни, чьи наемники проиграли, должны будут откупиться. Обычно с победителями рассчитывались кориумом или его эквивалентом — в зависимости от достигнутых договоренностей.

Откуп для Вольных Компаний был жизненно необходим, поскольку являлся главным источником пополнения бюджета. Часть денег сразу уходила на ремонт и замену поврежденной техники.

Скотт стоял в одиночестве у леерного ограждения и наблюдал за сгущающимся мраком. Жемчужные облака на горизонте поблекли, стали пепельно-серыми, а затем и вовсе скрылись из виду. Ночь приняла Скотта в свои объятия. Волны мягко плескались о борта. «Аркебуза» стре-

мительно шла к Виргинии. До башни оставалось около трехсот морских миль.

В иллюминаторах позади зажегся теплый желтый свет, но Скотт его как будто не замечал. Мыслями капитан был далеко. Сколько же всего он наобещал Айлин? Представшая глазам картина напомнила ему о ночи на облачном «Олимпе».

И все-таки с той ночью уже не сравнится ничто. Там, на «Олимпе», укрывшись от мирской суеты, он уподобился богу. А здесь, на палубе, хоть и окутанной тьмой, даже спрятаться негде. Не говоря уже о том, чтобы достичь отрешенности демиурга.

Кругом не было видно ни зги: спутников планета не имеет, звезды прячутся за облаками, а морская биолюминесценция на Венере невозможна.

Скотт задумался о башнях на дне моря. Купола — колыбель будущего. А сражения, подобные сегодняшнему, — гарантия того, что человеческая цивилизация увидит это самое будущее.

Люди всегда будут жертвовать собой ради какой-нибудь социальной или воинской организации. Человеку необходим идол, которому можно поклоняться.

«Если бы Бога не существовало, человечество обязательно бы его выдумало», — сказал себе Скотт.

Даже Бьен и тот сегодня пожертвовал своей ненавистью к Скотту. Пускай и побудила его к этому нездоровая преданность Дуну.

А ведь идеология Вольных Компаний и плевка не стоит. Пустышка…

С другой стороны, если наемные солдаты продолжат начатое Дуном дело, то цивилизация в один прекрасный день вырастет из куполов, поднимется на поверхность и начнет колонизацию Венеры. Ну а потом про Вольные Компании позабудут. Стражи венерианских морей обречены сгинуть в пучинах безвестья. Сотрясая воздух своими безумными боевыми кличами, они умчатся — точь-в-точь как мчится сейчас «Аркебуза» — в закат, за которым никогда уже не наступит рассвет.

Айлин…

Джина…

«Сложный выбор», — подумал Скотт.

А затем вдруг осознал, что выбора на самом деле нет.

Скотт понимал — очень отчетливо понимал, — что никогда в жизни не сможет искренне

проникнуться идеями Вольных Компаний. До самой гробовой доски в нем будет сидеть злобный бес и отравлять ему душу, заставляя горько смеяться над собой.

А волны между тем мягко, но настойчиво шептали…

«Нет, я не вернусь к Айлин».

В этом внезапном решении не было ни капли здравого смысла, а только безрассудство и глупая сентиментальность.

— Дурак! — воскликнул Скотт в сердцах.

Что ж, может, он и впрямь дурак.

Но прежде всего — солдат.

Промашка вышла

У нас, в городке Гуаймас, есть свое чудо. Правда, лишь те, кто видел его собственными глазами, верят, что это действительно чудо. Вот почему ни в одной газете пока не появилось ни словечка. К фотографиям отнеслись скептически. Решили, что это подделка. Никто за пределами Гуаймаса — и Пуэбло-Пекуэньо — не воспринял их как доказательство.

И все же однажды наступит день, когда корреспондент журнала «Лайф» сумеет убедить свое нью-йоркское начальство, что он не пьян. Однажды наступит день, когда какой-нибудь адмирал, или физик, или конгрессмен окажется в нужное время в нужном месте. Тогда вы услышите о том, что за чудеса творятся в Гуаймасе — и, конечно, в Пуэбло-Пекуэньо. Однако что бы ни появилось в печати, там никогда не напишут, как все началось. Бессовестный делец Том Диллон вряд ли станет рассказывать об этом, а Тио Игнасио, хоть и болтун, порой не прочь приврать.

Все началось одним солнечным утром в Нижней Калифорнии…

— Эти креветки полетят отсюда прямо на рынок, — уверенно заявил Диллон, обращаясь к brujo.

Brujo, то есть колдун, перевел взгляд на восток, где искрился в лучах солнца Калифорнийский залив. Никаких летающих креветок в воздухе не наблюдалось. Несколько жителей деревни бродили с сетями по берегу, без особой надежды разыскивая креветок, благодаря которым крошечная деревушка Пуэбло-Пекуэньо приобрела некоторую, пусть и скромную, известность. Вот вроде бы летучая рыба на мгновение выскочила из родной стихии и тут же ушла обратно в воду… А может, показалось — уж больно далеко…

— Мне не терпится взглянуть на это, — отозвался Тио Игнасио. — Даже такой старый чародей, как я, дрожит от возбуждения, как мальчишка, когда выпадает редкий случай быть свидетелем волшебства, какого мир еще не видел.

Диллон подавил желание хорошенько пнуть старого колдуна, чтобы тот сам полетел — с утеса прямиком в залив. Вместо этого он вежливо произнес:

— Должно быть, я недостаточно ясно выразился.

— Что ты, что ты, это у меня с мозгами плохо, —

сказал Тио Игнасио. — Я подумал — конечно, я подумал неправильно, — что ты собираешься доставлять los camarónes grandes по воздуху.

— Нет, все правильно, — ответил Диллон. — Вот почему мой самолет — моя летающая машина — ожидает вон там, на той столовой горе. Завтра, если все пойдет хорошо, мы погрузим недельный улов креветок в этот самолет, и они полетят в Гуаймас.

— Воистину настало время чудес, — отозвался Тио Игнасио. — Можно предложить тебе глоток вина?

— Спасибо… Так вот, есть лишь одна маленькая трудность. Жители Пуэбло-Пекуэньо отказываются продавать мне креветок. Говорят, что в базарный день Фелипе Ортега всегда отвозит их улов в Санта-Росалию, что на другом берегу полуострова. А завтра как раз базарный день. Нужно сделать так, чтобы Фелипе не смог добраться до Санта-Росалии.

Оба задумчиво посмотрели туда, где дорога, на которой в дождливую погоду свиньи утопали в грязи по уши, тянулась на север от Пуэбло-Пекуэньо к Санта-Росалии.

Тио Игнасио ждал.

— Как я понимаю, ты обладаешь магической

силой, — продолжал Том Диллон. — Если бы мне удалось уговорить тебя наслать brujería на Фелипе Ортега…

— Ты хочешь, чтобы я наложил заклятие на собственного племянника?

— Я надеялся, что ты окажешь мне любезность и примешь небольшой подарок.

Тио Игнасио вздохнул:

— Очень жаль. Попроси ты о чем-нибудь другом, сеньор, я охотно исполнил бы твое желание. Но тут я ничего поделать не могу. К несчастью, мой племянник невосприимчив к заклятиям.

— Говоря о маленьком подарке, я имел в виду…

— Ох, да я не об этом, — перебил его колдун. — Я не торгуюсь. По крайней мере пока. Тут такое дело. В детстве Фелипе был очень противным мальчишкой. И однажды я его наказал — уж не помню, за что именно, — я наложил на него заклятие. Может, меня раздражало его вечное нытье. Он был такой маленький, хилый… Не то что сейчас — большой, сильный молодой мужчина. И все из-за меня.

Диллон смотрел на него с вежливым недоумением.

— Да заклятие оказалось слишком слабым, —

пояснил Тио Игнасио. — Такое иногда случается. Совсем слабенькое заклятие, не страшное. Фелипе был маленьким заморышем, а потом вдруг — раз! — и стал большим и здоровым парнем. Ну, не таким большим, как сейчас, конечно. Ему тогда было всего шесть лет. Однако из болезненного, вечно хныкающего малыша он неожиданно превратился в крупного, орущего благим матом детину. И потом никакое мое заклятие его не брало. Что-то вроде того, когда приходит доктор и царапает детей. Они как бы слегка заболевают, а потом у них не бывает оспы.

— Понятно, — сказал Диллон. — Мы называем это прививкой.

На этом разговор прервался. Мужчины сидели, обдумывая, как бы объегорить друг друга. Диллон восхищался изворотливостью колдуна: надо же, какую байку сочинил, лишь бы набить себе цену. У Диллона, однако, была своя гордость. Еще никому не удавалось надуть его в денежных делах. Однако, по правде говоря, до сегодняшнего дня он и не попадал в подобные истории. Временами Том Диллон почти жалел, что ему довелось услышать о camarónes grandes, редких, восхитительно вкусных креветках, которые прекрасно чувствуют себя лишь в одном месте в мире и

представляют собой единственную продукцию, поставляемую на рынок захудалой деревушкой Пуэбло-Пекуэньо.

Эти самые camarónes grandes и привели Тома Диллона в Пуэбло. Его план состоял в том, чтобы ежедневно доставлять улов креветок в Гуаймас, где их можно было заморозить, а уж в таком виде отправлять куда угодно, чтобы они попали на стол алчущим посетителям ресторанов. Однако осуществить этот нехитрый замысел оказалось не так-то просто.

Экономика Пуэбло-Пекуэньо опиралась исключительно на традиции. Раз в неделю Фелипе Ортега на своем Эль-Джипе[69] (иначе он машину не именовал) отвозил груз креветок за пятьдесят миль в город Санта-Росалия, где этих маленьких, одиноких созданий перегружали на борт местного баркаса, чтобы доставить в Гуаймас. Эль-Джип был старой дребезжащей колымагой, очень enfermo[70]. Поездка на этом драндулете по ужасным дорогам Нижней Калифорнии занимала весь день еще и потому, что Фелипе относился

---

[69] Примечания: 69

Фелипе употребляет с «именем» своего джипа артикль «эль», что подчеркивает его уважительное отношение к автомобилю.

[70] Примечания: 70

Больной *(исп.)*.

к своей машине с бесконечной нежностью и проливал потоки слез по поводу малейшей поломки. Водил машину Фелипе очень осторожно. Более того, он ни за что не соглашался делать больше одной поездки в неделю. По его словам, было бы жестоко заставлять Эль-Джип трудиться чаще.

Пытаясь организовать ежедневную доставку креветок на своем личном самолете из Пуэбло-Пекуэньо в Гуаймас, Диллон обнаружил, что жители деревни отказываются иметь с ним дело. Это, говорили они, было бы невежливо по отношению к Фелипе. Напрасно Диллон объяснял, как много денег они заработают, если он будет забирать у них улов. От них требуется лишь вылавливать столько креветок, чтобы это оправдало ежедневные полеты. Жители отвечали, что если станут ловить креветок каждый день, то к тому дню, когда Фелипе отправится в свою еженедельную поездку в Санта-Росалию, они испортятся. Диллон спрашивал, почему нельзя ездить чаще. Они смотрели на него как на сумасшедшего.

Это объяснялось очень просто: жители Пуэбло были консерваторами во всем, что касается традиций. На протяжении многих лет они отсылали своих креветок с Эль-Джипом раз в неделю и не собирались ничего менять. А что до самолета, то

это против Господа. Конечно, жителям деревни уже приходилось видеть самолет, но они никогда не понимали, как тот работает. Ласточка или бабочка — это понятно. Даже летучая рыба. Но летающая машина… нет, это что-то таинственное и опасное.

— Она работает точно так же, как Эль-Джип, — говорил Диллон. — Вам понятны механические принципы работы Эль-Джипа?

— Это, — отвечали ему, — совсем другое дело. Эль-Джип едет, потому что им управляет Фелипе, а Фелипе мы знаем. Тут, несомненно, нет никакой тайны.

— Я могу пригнать сюда судно.

— О, к Пуэбло-Пекуэньо никогда не приставал ни один корабль, кроме наших, — со смехом заявляли мексиканцы. — Кроме того, это будет невежливо по отношению к Фелипе.

— Но я могу сделать всех вас богачами — в определенных пределах, конечно, — если вы согласитесь сотрудничать.

— Сотрудничать мы будем с радостью. Но los camarónes должен возить Фелипе Ортега.

Оказавшись в тупике, Диллон пришел к Фелипе Ортега. Это был крупный, сентиментальный и немного неуравновешенный молодой человек. У

него была жена, четверо детей и Эль-Джип. Диллон сделал ему восемь различных предложений, но все они были отвергнуты на том основании, что это было бы невежливо по отношению к Эль-Джипу. В конце концов, поскольку Диллону нравились молодой человек и шумная, но приятная атмосфера его тесного дома, он предложил нанять Фелипе, чтобы тот ездил на своем Эль-Джипе в Санта-Росалию с грузом креветок ежедневно. Да ведь не пройдет и нескольких месяцев, как старый автомобиль от такой каторжной работы развалится на части, ответил Фелипе. При этом он тяжко вздыхал, нежно поглаживая капот Эль-Джипа и нашептывая ему какие-то невыполнимые обещания. Диллон почувствовал себя убийцей.

Учитывая вышеизложенное, может показаться странным, что следующий план Диллона предполагал диверсию на Эль-Джипе. Правда, Том чувствовал себя виноватым и избегал встречаться глазами с невинным взглядом фар Эль-Джипа. Но в конечном счете дело есть дело, а жители Пуэбло-Пекуэньо оказались редкостно неделовыми людьми. И безусловно, это был вопрос профессиональной гордости. Как мы уже говорили, еще никому не удавалось перехитрить Тома Диллона

в делах.

А еще, уладив свои дела, он привезет механика, который отремонтирует Эль-Джип. Диллон мог бы даже заплатить ему за работу, но не станет — это задело бы достоинство Фелипе. Однако можно придумать что-нибудь другое…

К сожалению, повредить машину и остаться незамеченным в крошечной мексиканской деревушке практически невозможно. Даже если бы Диллон сумел отвязаться от целой тучи детей, собак и свиней, которые таскались за ним по пятам, ему ни за что бы не удалось избежать бдительного взгляда Фелипе. Фелипе охранял свой Эль-Джип ревностно, словно Аргус[71].

И в результате, поскольку жители Пуэбло-Пекуэньо верили в магию, Диллон решил обратиться к местному колдуну. Колдуны, как он усвоил уже давно, порой могут оказаться весьма и весьма полезны. А Тио Игнасио — это Диллон понял с первого взгляда — был чрезвычайно хитер, даром что плох здоровьем и стар. С ним можно иметь дело, пусть даже придется притвориться, будто Диллон верит в его магическую силу. Невелика плата.

---

[71] Примечания: 71

Аргус — в древнегреческой мифологии многоглазый великан-страж.

Словом, когда brujo объяснил, что у Фелипе иммунитет к заклятиям, Диллон, после недолгих раздумий, спросил его:

— А нельзя ли, сеньор, наложить brujería на машину Фелипе?

— Наложить заклятие на Эль-Джип? — Тио Игнасио поскреб седую голову. — Разве такое возможно? Я могу заколдовать семью человека, его животных, его урожай… но это все живое.

— Однако я слышал, что ты можешь заколдовать дом человека.

— Дом сделан из плодов земли, нашей матери. Кроме того, в доме живут люди, и жизнь передается ему от них. Но машина?

— Я видел такое в Эль-Пасо, — сказал Диллон. — Видел, как один колдун племени навахо сделал muñeco[72] автомобиля… ну, как бы его изображение…

— Muñeco, ясное дело. Muñeco из глины, смешанной с краской, которую нужно соскоблить с Эль-Джипа. И возможно, с каким-нибудь винтиком из его таинственной начинки… Постой. Я никогда не слышал о таком. Возможно ли, что машина тоже живая? Правда, Фелипе говорит

---

[72] Примечания: 72
Кукла *(исп.)*.

Эль-Джипу о своих чувствах, но голова у Фелипе такая же нежная, как его сердце. Давай-ка подумаем. Люди, урожай, дома — это все вещи известные. Но Эль-Джип… Фелипе пригнал его из Тихуаны, через весь полуостров… и… Короче говоря, сеньор, Эль-Джип — единственный автомобиль в Пуэбло-Пекуэньо. Выполнив твою просьбу, я создам прецедент. Это будет нечто особенное. — Потрясенный неожиданно открывшейся ему концептуально новой перспективой, Тио Игнасио прикрыл морщинистые веки.

— С другой стороны, — продолжал он, снова открыв глаза, — племянник не выказывает мне должного уважения и приносит мало подарков. Разве так следует поступать понимающему свой долг племяннику? Если бы у него не развился иммунитет к моим заклинаниям, он приносил бы мне гораздо больше подарков. — Внезапно голос старого колдуна зазвучал с новой силой. — Hijo de perro![73] Я ему покажу, кто в Пуэбло-Пекуэньо brujo! С огромным удовольствием. Но впрочем, это будет стоить мне баснословно дорого, так что не стоит мечтать… Ведь я просто бедный старик, одинокий, перебивающийся с хлеба на воду…

---

[73] Примечания: 73
Сукин сын *(исп.).*

— Но я настаиваю, чтобы ты позволил мне пожертвовать небольшую сумму на…

— Небольшую? — пробормотал Тио Игнасио, не сводя маленьких поросячьих глазок с Диллона, который полез за бумажником.

В итоге сговорились на восьмидесяти песо. Из осторожности Диллон вручил старику только десять — с условием, что остальное уплатит по результату.

— По результату, сеньор?

— Конечно. Если креветки — или Эль-Джип — доедут до Санта-Росалии, значит твоя магия не сработала и я ничего тебе не должен, — твердо ответил Диллон.

Знавал он старых обманщиков вроде Тио Игнасио.

Brujo вздохнул:

— На все воля Божья.

Диллону очень хотелось заметить, что подсыпать немного песка в коробку передач Эль-Джипа тоже не помешает, но он прикусил язык. У него почему-то возникла уверенность, что у колдуна хватит знаний и средств, чтобы повредить обожаемый автомобиль Фелипе. И вся магия, которая потребуется Тио Игнасио, это отвертка и темная ночь.

На этом Диллон распрощался с колдуном, пообещав себе, что, как только дело выгорит, он не просто слегка подремонтирует Эль-Джип, а сделает полноценный капитальный ремонт. В конце концов, без практической жилки нынче никуда.

Какое облегчение — иметь дело с практичным человеком типа Тио Игнасио.

Ранним утром следующего дня Том Диллон, прислонившись к стене дома, наблюдал за Эль-Джипом, стоящим посреди площади. Фелипе готовился отбыть в Санта-Росалию. Корзины с креветками были уже погружены — погрузка представляла собой длительное действо, прерываемое бесчисленными паузами на увлекательные беседы. Последние двадцать минут Фелипе посвятил тому, что прощался с каждым жителем Пуэбло-Пекуэньо лично. Потом он заключил в нежные объятия свою жену, и они стали говорить, говорить без умолку, словно не в силах расстаться, что было бы вполне естественно, если бы Фелипе собирался, скажем, лет на двадцать в Южную Африку. Эта сцена неизменно повторялась каждую неделю.

Тио Игнасио в поле зрения не наблюдалось. Или он притащился сюда на своих тощих ногах еще до появления Диллона, быстренько испор-

тил что-то в потрохах Эль-Джипа и скрылся, или автомобиль по-прежнему на ходу.

Возможно, у колдуна есть сообщник. Люди шатались вокруг Эль-Джипа, время от времени обращаясь с дружескими замечаниями к молчаливому автомобилю, но… Диллон присел на корточки и заглянул под Эль-Джип. Никаких признаков серьезного повреждения.

Наконец Фелипе нашел в себе силы выпустить супругу из объятий и забрался в Эль-Джип. Машина была так набита креветками, что для него едва-едва хватило места. Он повернул ключ, потратил пять минут на болтовню с мэром и наконец нажал на стартер.

Ничего не произошло.

Эль-Джип не реагировал. Он был, как выразился бы Тио Игнасио, muerte[74].

Диллон облегченно вздохнул.

Еще около пяти минут Фелипе экспериментировал со стартером. В конце концов, обсудив проблему со всеми собравшимися, он вылез из машины, открыл капот и принялся ковыряться в двигателе отверткой. Время от времени то тут, то там искрило — и только.

---

[74] Примечания: 74
Мертв, убит *(исп.)*.

Стало ясно, что Эль-Джип сдох. Последовал оживленный обмен мнениями. Время шло. Выбрав подходящий момент, Диллон подошел к людям на площади.

— Я мог бы вам помочь.

— Вы механик, сеньор?

— Нет. Однако ясно, что Эль-Джип не в состоянии ехать. Солнце жарит, время идет, и креветки могут испортиться. Не разумнее ли подумать о том, чтобы доставить их другим способом?

— Это не... — с сомнением начал Фелипе, но Диллон торопливо продолжил:

— Моя летающая машина наготове. Прежде чем креветки испортятся, я могу доставить их в Санта-Росалию... или даже, еще лучше, прямо в Гуаймас.

— По воздуху? — в ужасе охнул какой-то морщинистый старец.

— А иначе креветки протухнут. Есть только один выход, сеньоры.

Разгорелся жаркий спор.

Диллон, стараясь не смотреть в глаза Фелипе, сурово заявил:

— Эль-Джип никогда больше не тронется с места. И Пуэбло-Пекуэньо погибнет тоже — если не доставлять креветки на рынок по воздуху. Los

camarónes — единственное, что у вас есть. Стоит вам лишь слово сказать, и я сочту за честь спасти Пуэбло-Пекуэньо от гибели.

— Тише, тише, сеньор, — сказал кто-то. — Это невежливо по отношению к Фелипе.

— Дело не во мне, — возразил Фелипе. — Но Эль-Джип, бедный малыш, при виде которого у меня прямо сердце разрывается… Вы могли бы, по крайней мере, отойти, чтобы он не слышал. — Он нежно погладил помятое крыло автомобиля. — Хотя теперь уже слишком поздно. Мой бедняжка, я знаю, у тебя этой ночью разболелись шины. Но сейчас они снова хорошо накачаны воздухом. Что же у тебя за горе?

Все огорченно молчали.

— Креветки испортятся, — пробормотал Диллон.

— Это мы уже поняли, — откликнулся старец, который пугался полетов по воздуху. — Пойдемте в церковь и помолимся.

Диллону тоже было интересно, что за беда приключилась с Эль-Джипом, но он сдержал свое любопытство. Он подозревал, что в машине что-то закоротило, но, поскольку пара-тройка бездельников остались на площади, сонно развалившись в тени, Диллон не решился подойти

к Эль-Джипу, просто закурил сигарету. Правда, немного передвинувшись, прислонился к другой стене, чтобы фары не смотрели прямо на него; взгляд машины казался укоризненным и немного печальным.

Прошло много времени, прежде чем жители деревни вернулись довольные и счастливые.

— Бог ответил на наши молитвы! — сообщил Фелипе. — Пока я молился, меня вдруг осенило — словно молнией ударило. Я впрягу двух ослов в Эль-Джип и отвезу креветки в Санта-Росалию. Пуэбло-Пекуэньо спасен.

Диллон закашлялся, подавившись дымом сигареты. Кто-то протянул ему бурдюк с вином.

— Это ли не счастливый день? — спросили его.

— Куда уж счастливее, — согласился он и, отказавшись от вина, торопливо зашагал в лачугу Тио Игнасио.

Фелипе и остальные разошлись на поиски ослов и упряжи.

— Мы договаривались, что ни креветки, ни Эль-Джип в Санта-Росалию не попадут, — требовательно заявил Диллон.

Brujo продемонстрировал ему шестидюймовую модель Эль-Джипа, сделанную из твердой глины.

— Я старался как мог, сеньор. Видишь? Это

muñeco. Что случается с muñeco, то случается и с Эль-Джипом. Сегодня ночью я спустил шины, но Фелипе накачал их снова. Тогда утром я сделал… кое-что еще. Эль-Джип мертв, разве не так?

— И все же он в состоянии двигаться. Ослы могут дотащить его до Санта-Росалии.

Тио Игнасио пожал плечами.

— Жаль, — продолжал Диллон. — Стало быть, я ничего тебе не должен…

— Сеньор! — воскликнул потрясенный колдун. — А как же семьдесят песо?

— Послушай, это ты должен мне те десять, которые я дал тебе, чтобы закрепить нашу сделку. Ведь ты ее нарушил. Извини, но твоя магия не настолько сильна, чтобы помочь мне. Что правда, то правда!

И Диллон повернулся, собираясь уйти.

Тио Игнасио, держа в корявых пальцах muñeco, пристально смотрел на него.

— Никогда прежде я не заговаривал машину, — пробормотал он. — Что касается человека, я силу своей магии знаю. Почти всегда. А вот с машиной… quién sabe?[75]

— В любом случае теперь уже слишком позд-

---

[75] Примечания: 75
Кто знает? *(исп.)*

но, — сказал Диллон. — Жаль. Я выложил бы двести песо за то, чтобы Эль-Джип сегодня не добрался до Санта-Росалии.

— А? Что же… прекрасно, сеньор, я попытаюсь еще раз. Заставлю Эль-Джип скользить.

Диллон вопросительно посмотрел на старика.

— Как человек по мокрой грязи. Если, скажем, полить маслом колеса muñeco, колеса Эль-Джипа тоже начнут скользить. Разумеется, если я применю свое заклинание. Так, значит… масло.

— Ах да. Согласен. У тебя оно есть?

— Послал Бог немного…

Колдун вышел и вскоре вернулся с маленькой баночкой масла. Пропажу точно такой же баночки недавно обнаружил у себя Диллон.

— Ну вот, — сказал колдун, смазывая маслом колеса глиняного muñeco. Помолчав, он от души рассмеялся. — Помнишь, я рассказывал, что наложил слишком слабое заклятие на Фелипе, когда тот был ребенком? И что в результате он вырос сильным и стал невосприимчив к магии? Ну, теперь я убедился, что это не так, до известной степени, конечно. Из-за его огромной любви к Эль-Джипу они теперь вроде как одно целое. Что причиняет вред Эль-Джипу, то причиняет вред и Фелипе. Значит, в итоге заклинание действует

и на Фелипе. Кому-то может прийти в голову, что с моей стороны это месть. Но что сталось бы с человеком, если бы он не верил в справедливость? — Старик противно захихикал, продолжая энергично размазывать масло.

Однако Диллон уже спешил обратно.

Обычное вымогательство, и ничего больше. Игнасио спланировал все с самого начала, возможно, даже с молчаливого согласия Фелипе. Идея состояла в том, чтобы заставить Диллона подергаться, а потом повысить цену. Так оно и вышло. Теперь, за двести песо, магия Тио Игнасио сработает куда лучше, рассуждал Диллон. Может, все ослы в Пуэбло-Пекуэньо таинственным образом исчезнут и тащить Эль-Джип в Санта-Росалию будет некому. Не имеет значения, какой способ использует колдун, — важен результат. А Диллон чувствовал, что Тио Игнасио относится к тому сорту людей, которые добиваются результата.

Что ж, дело есть дело. И поскольку Диллон в случае необходимости был готов выложить гораздо больше двухсот песо, ход событий его вполне устраивал.

К тому времени, когда он добрался до площади, стало ясно, что с Эль-Джипом что-то сильно не

так. Автомобиль потерял устойчивость. Он скользил по твердой, утоптанной земле, будто по льду.

Более десятка человек старались удержать машину. На ослов уже надели латаную упряжь из кожи и веревок. Фелипе, сидящему за рулем, вручили поводья и кнут.

— Vámanos![76] — закричал он, и люди, удерживающие Эль-Джип, отскочили.

Машина заложила дикий вираж, потащив за собой упирающихся ослов. Фелипе изо всех сил жал на тормоз, спрашивая у Эль-Джипа, что с ним такое. Диллон смотрел во все глаза и никак не мог догадаться, что за трюк придумал колдун.

Ослы взревели от ужаса. Упряжь лопнула. Эль-Джип с вцепившимся в руль Фелипе понесло юзом в сторону толпы. Люди бросились врассыпную. Жена Фелипе с пронзительным воплем метнулась на помощь мужу, но ее перехватил мэр. Священник пытался изгнать злых духов из мечущегося во все стороны автомобиля. Диллон еле успел отскочить, когда Эль-Джип, резко крутанувшись, задом устремился в его сторону, врезался в стену и, в лучших традициях ньютоновский механики, отскочил назад.

---

[76] Примечания: 76
Пошли! *(исп.)*

Очевидно, Бог тут был ни при чем.

Вращаясь, точно волчок, Эль-Джип носился по площади, с грохотом ударяясь бортами обо все, что попадалось на пути. Крики усиливались. Отдельные смельчаки пытались помочь, рискуя свернуть себе шею.

— Прыгай, Фелипе! — взывали голоса. — Пожалей себя, прыгай!

Однако Фелипе яростно замотал головой и прокричал, что не бросит своего бедного малыша. «Бедный малыш» тут же врезался в стену под таким углом, что из него вывалилась последняя корзина с креветками, и его отбросило почти на противоположный край площади.

— Прыгай! — вопила толпа.

Эль-Джип несся прямо к единственной уцелевшей стене полуразрушенного дома. Без сомнения, она не выдержит сильного удара, как, впрочем, и Эль-Джип, и сидящий в нем Фелипе. Когда стена рухнет, от них и мокрого места не останется.

— Ох, нет! — внезапно услышал Диллон собственный голос. — Я не хотел… Фелипе! Прыгай!!!

Он бросился за джипом в тщетной попытке догнать его и как-нибудь сбить со смертоносного курса.

Однако Эль-Джип неумолимо приближался к шаткой стене. Невероятно, но его механическая физиономия выглядела сейчас более живой, чем окаменевшее лицо Фелипе. Последний оцепенел от ужаса, а во взгляде фар Эль-Джипа застыло выражение непереносимой муки. Диллон гнался за ним, надеясь сделать хоть что-то…

Тут это самое что-то и произошло.

Всю площадь огласил устрашающе громкий бренчащий звук, за которым последовала короткая ослепительная вспышка белого света. Мгновение Эль-Джип сверкал, точно бриллиантовый, вибрируя от бампера до бампера, а потом взмыл в воздух, словно был оснащен реактивным двигателем, и проскочил буквально на миллиметр выше полуразрушенной стены. Как безумный, джип устремился в небо, постепенно снижая скорость. На высоте пятидесяти футов он описал широкую дугу и полетел обратно — это Фелипе чисто автоматически повернул руль. Все вскинули головы; все вытаращили глаза. В полной тишине джип устремился вниз и остановился прямо в центре площади. Колеса медленно вращались в воздухе почти в футе от иссушенной солнцем земли. Эль-Джип немного покачался и затих.

Диллона зажало в толпе, рванувшейся к автомобилю. Последовал шквал поздравлений. Диллон с трудом пробился к Эль-Джипу, сел на корточки и, не веря собственным глазам, сунул руку в зазор между вращающимся колесом и землей.

— Левитация? — слабым голосом произнес он, встал и встретился с невинным взглядом Фелипе. — Фелипе, как это случилось?

Молодой человек пожал плечами.

— Quién sabe? Может, тут замешана магия. Ну, в любом случае, — Фелипе нежно похлопал по устаревшей приборной панели Эль-Джипа, — бедный малыш спасен, и… и Пуэбло Пекуэньо, я думаю, тоже.

— Olé! — одобрительно завопили жители деревни.

Пауза затягивалась. Тио Игнасио беспомощно вертел в скрюченных руках muñeco Эль-Джипа.

— Мне очень жаль, сеньор, — сказал он Диллону. — Все случилось в точности так, как тогда, когда я наложил заклятие на маленького Фелипе. Заклятие оказалось слишком слабым, и Фелипе, вместо того чтобы заработать лихорадку или

корь, стал vigoroso[77]. И вдобавок на него перестала действовать магия.

— Но ведь Эль-Джип не стал vigoroso! — в отчаянии воскликнул Диллон. — Эль-Джип полетел.

— Любая вещь может делать только то, что для нее возможно, — терпеливо объяснил Тио Игнасио. — Фелипе не может летать. Ни один человек не способен летать. А вот сильные люди есть. Значит, любой может стать сильным.

— И что? — упавшим голосом спросил Диллон.

— Pues[78], машина не может стать vigoroso. Однако у тебя самого есть летающая машина. Следовательно, любая машина может стать летающей — как Эль-Джип сейчас. Вероятно, мое первое заклинание оказалось слишком слабым и у Эль-Джипа тоже развился иммунитет.

— Но это физически невозможно! Машина может летать, это правда. Но Эль-Джип сделан так, чтобы ездить по земле, а не летать по воздуху.

— А рыба создана, чтобы плавать. Однако существуют летучие рыбы.

— Они не летают. Они планируют. Выпрыгивают из воды, убегая от более крупной рыбы.

---

[77] Примечания: 77
Сильный *(исп.).*

[78] Примечания: 78
Значит *(исп.).*

— А Эль-Джип подпрыгнул с земли, убегая от моей магии, — сказал колдун с видом победителя.

Снова тупик.

— Смотри! — воскликнул Тио Игнасио.

В отдалении, над крышами Пуэбло-Пекуэньо, поднимался в небо Эль-Джип, нагруженный корзинами с креветками, с Фелипе за рулем. Издалека послышались радостные приветственные возгласы.

На высоте сотни футов джип развернулся и полетел на восток. Фелипе посмотрел вниз и помахал рукой двоим мужчинам. И вот уже автомобиль обогнул утес и понесся через залив, держа курс на Гуаймас.

Тио Игнасио с тайной надеждой бросил muñeco в воду. Послышался негромкий всплеск — и только. Эль-Джип остался в воздухе. Колдун пожал плечами.

— Ах, все, что ни происходит, к лучшему, — сказал он. — Теперь, вместо того чтобы везти креветки в Санта-Росалию, Фелипе полетит прямо в Гуаймас. Как ты и хотел, сеньор. Ты помнишь? В самом начале ты выразил желание, чтобы креветки улетели в Гуаймас. Так и случилось. Теперь, если ты заплатишь мне двести песо, все

завершится к полному и взаимному согласию.

Диллон глядел вслед уменьшающемуся Эль-Джипу.

— И я еще называю себя деловым человеком, — пробормотал он. — Я, Том Диллон, которого никому и никогда не удавалось перехитрить в денежных делах. Что ж, все когда-нибудь происходит впервые. Это первый случай, когда я заключил сделку с убытком для себя, а не с прибылью. И что самое интересное, до сих пор непонятно, как именно меня провели. Если бы только понять…

Он замер. Медленно повернул голову, взглянул в маленькие плутовские глазки колдуна и отвел взгляд.

— Так вот, значит, что это такое. Будь я проклят! — Лицо Диллона неожиданно просветлело. — Тио Игнасио, — продолжал он, не сводя взгляда с далекого горизонта.

— Да, сеньор?

— Когда ты впервые загипнотизировал меня?

— Загипнотизировал тебя? Но я вовсе не…

— Конечно, ты это сделал. — Теперь голос Диллона звучал куда жестче, чем прежде. — Другого объяснения нет. Если это, конечно, не магия, но, при всем моем к тебе уважении, в магию я не

верю. Мне казалось, будто я вижу, как Эль-Джип летит. Но джипы не летают. А вот людей гипнотизировать можно. Ты ловкий и очень деловой человек, Тио Игнасио.

— Понятия не имею, что такое деловой человек, сеньор. Я всего лишь бедный старый колдун…

— Ты старый обманщик. Но теперь у меня открылись глаза. И у тебя еще хватает наглости заявлять, что я должен тебе двести песо?

— Сделка есть сделка. Креветки не попадут в Санта-Росалию. А для тебя эта сумма ничего не значит.

— Ну так попробуй получить ее, — торжествующе заявил Диллон и двинулся прочь.

— Одну минуту, сеньор, — окликнул его колдун. — Одну минуту. Давай, по крайней мере, расстанемся друзьями. Я согласен, что ты не должен мне ничего. Забудем об этом. И на прощанье прими от меня маленький сувенир в доказательство того, что я не держу на тебя зла.

Диллон оглянулся. Тио Игнасио достал из складок своего грязного serape маленькое глиняное изображение. Куколку. Сердце Диллона подпрыгнуло.

— Что ты с ней сотворил? — быстро спросил он.

— С этой игрушкой? Просто сувенир…

— Это моя muñeco!

— Твоя, сеньор? Ну, должен признать, некоторое сходство есть, — рассуждал Тио Игнасио, разглядывая куколку. — Но ты ведь не веришь в магию? Так вот, если ты примешь этот маленький дар…

Смертельно побледнев, Диллон протянул руку.

— Минуту. У людей доброй воли принято обмениваться дарами, — осуждающе сказал Тио Игнасио, пряча куколку за спину. — Поэтому если ты пожелаешь дать мне, просто в качестве сувенира, несколько песо… ну, скажем, ту сумму, которую мы оговорили как плату за последнее заклинание… Ах! Muchas gracias, señor! Muchas gracias![79]

---

[79] Примечания: 79

Премного благодарен, сеньор! Премного благодарен! *(исп.)*

На кресте столетий

Его звали Христом. Но он не был тем, кто пять тысяч лет назад нес крест на Голгофу.

Его звали Буддой и Магометом, его звали Пречистым Агнцем и Помазанником Божьим, его звали Князем Мира и Бессмертным.

На самом же деле он носил имя Тайрелл.

Он тоже взошел на гору — преодолел крутую тропу, что вела к уединенному монастырю. В белом хитоне с ритуальными черными разводами, Тайрелл задержался у стены, щурясь и часто моргая, — очень уж ярко сияло солнце.

Сопровождавшая девушка взяла его за руку и мягко потянула вперед. Он вступил в тень воротного проема.

Но там снова нерешительно замер и окинул взглядом монастырь, изумрудный горный луг окрест и пройденную тропу. В самой глубине души едва ощутимо тлела грусть расставания со всей этой яркой красотой, но он был уверен, что вскоре его дела пойдут на лад. Яркая красота стремительно отступает вдаль, утрачивает реальность…

Девушка снова сомкнула пальцы на его кисти, он послушно кивнул и пошел вперед. В утомленный разум упорно стучалось тревожное предчувствие скорой утраты.

«Как же я стар», — вздохнул Тайрелл.

Впереди на монастырском дворе склонились священнослужители. Самый главный, носивший имя Монс, стоял по ту сторону широкого водоема, отражавшего бездонную небесную синь. То и дело налетал прохладный нежный ветерок, гнал по воде рябь.

Старые привычки слали свои импульсы по нервам. Тайрелл воздел руку и благословил всех, кто его встречал. При этом он тихо рек заученные слова:

— Да пребудет мир. На всей нашей бедной Земле, на обитаемых планетах и в богоспасаемом пространстве между ними да царит покой… Власть… власть… — От волнения задрожала рука — в памяти не ловилось нужное слово. — Власть тьмы отныне бессильна против Господней любви и всепрощения. Я принес вам слово Божье. Это слово — любовь. Это слово — всепрощение. Это слово — мир.

Монахи ждали, когда он закончит. Неподходящее время, неподходящий ритуал. Но это не

имело значения, ибо он был Мессией.

По ту сторону водоема Монс дал знак. Сопровождавшая Тайрелла девушка мягко положила ладони ему на плечи.

И Монс вскричал:

— Бессмертный, сбросишь ли ты грязное одеяние твое, а вместе с ним и грехи минувшего столетия?

Взгляд Тайрелла, устремленный по-над водоемом на священников, был рассеянным.

— Благословишь ли ты миры еще одним веком твоего святого присутствия?

Тайрелл вспомнил нужные слова.

— Я ушел с миром, — сказал он. — Я вернулся с миром.

Девушка бережно сняла с Тайрелла белый хитон, опустилась на колени и помогла избавиться от сандалий. Он стоял на берегу совершенно нагой.

С виду Мессия был совсем мальчишка, не старше двадцати. На самом деле ему перевалило за две тысячи.

Душу все бередила непонятная тревога. Монс призывно воздел руку, Тайрелл растерянно оглянулся и встретил взгляд серых глаз.

— Нерина? — прошептал он.

— Окунись в воду, — так же тихо сказала она. — Переплыви озеро Возрождения.

Тайрелл дотронулся до ее рук. Девушка ощутила чудный ток его нежности — его неодолимой силы — и крепко сжала мужскую кисть, и сквозь заполнявший разум Бессмертного туман попыталась дотянуться мыслью, пообещать, что все будет хорошо, что она снова дождется его воскресения, как дождалась уже трижды за последние три столетия.

Она была гораздо моложе Тайрелла, но тоже бессмертна.

Туман в его синих глазах на миг развеялся.

— Дождись меня, Нерина.

К нему вернулась былая ловкость, и прыжок в воду вышел изящным.

Девушка смотрела, как он плывет — уверенными, ровными движениями. Прожитые века нисколько не отражались на его телесном здоровье, ослаб только ум: запустивший глубокие корни в чугунные пласты времени, он постепенно деревенел, утрачивал связь с настоящим, терял по крохам память. Но самые старые воспоминания сохранились, а лучше всего помнилось то, что когда-то было доведено до автоматизма.

Она чувствовала, что ее собственное тело тоже

молодо; так было и так будет. Что же касается разума, его дальнейшая сохранность под вопросом. Но кажется, сейчас она видит ответ на этот вопрос.

«Мне досталось великое счастье, — подумала она. — Единственная из всех женщин всех миров, я невеста Христа, а другая бессмертная уже не родится».

Он уплывал, и Нерина провожала его взглядом, полным обожания и благоговения. У ее ног лежал бесформенной грудой хитон, вобравший в себя вековую грязь памяти.

Минувший срок не казался большим. Она очень хорошо помнила, как Тайрелл пересекал этот водоем в прошлый раз. Тот визит в монастырь был вторым для нее, но не для Мессии.

Вот Тайрелл вышел из воды и остановился на берегу. И столь внезапно его уверенность сменилась растерянностью и недоумением, столь явственно читался в позе немой вопрос, что у Нерины защемило сердце. Но Монс был наготове.

Он взял Мессию за руку и повел к высокому монастырскому зданию. Вроде бы напоследок Тайрелл обернулся в дверях, и устремленный на девушку взгляд, по обыкновению, был полон дивной нежности и глубочайшей умиротворен-

ности.

К Нерине приблизился монах, подобрал и унес грязный хитон. Его отстирают до ослепительной белизны и поместят на алтаре; он будет висеть в табернакле, имеющем форму геоида, форму планеты-праматери.

И точно так же будет отстиран разум Тайрелла, освобожден от тяжких многолетних напластований памяти.

Монахи гуськом уходили прочь. Нерина оглянулась на воротный проем, на яркую красоту горного луга. Истомившись под снегом, весенняя трава отчаянно зеленела, жадно тянулась к солнцу.

«Трава тоже бессмертна, — подумала девушка, простирая кверху ладони, прислушиваясь, как бежит по венам, как поет в теле нетленная кровь богов. — Тайреллу пришлось страдать. Мне никогда не расплатиться за это… чудо».

Двадцать столетий.

И самое первое из них было исполнено кромешного ужаса.

Проницая взглядом туман, что окутал тайны истории и превратил давние события в легенды, она лишь мельком увидела белый силуэт: Христос безмятежно шествует среди ревущего зла,

по черной от пожаров, алой от крови земле. Рагнарёк, Армагеддон, Час Антихриста… Две тысячи лет назад!

Гонимый и истязаемый, но непоколебимый, Пречистый Агнец был светочем, сходящим в погибельную пропасть хаоса, в царивший кругом ад.

И он остался жив, тогда как силы зла сами себя истребили. Обитаемые планеты обрели мир, и случилось это так давно, что Час Антихриста поблек в памяти народов, стал едва ли не мифом.

Он поблек даже в памяти Тайрелла, и Нерина была этому только рада. Ибо тяжко помнить о таком. Страшно даже подумать о муках, доставшихся на его долю.

Но сегодня День Мессии, и Нерина, единственная бессмертная среди рождавшихся когда-либо женщин, с любовью и благоговением смотрит в проем, где скрылся Тайрелл.

Она перевела взгляд на пруд. По воде гнал мелкую волну прохладный ветерок. На солнце набежало облако, слегка помрачив весенний погожий день.

Ей самой через этот пруд плыть еще не скоро, через семьдесят лет. И когда она это сделает, когда проснется, Тайрелл будет рядом. Глядя синими

глазами, ласково накроет ладонью ее руки, потянет к себе, призывая встать и воссоединиться с ним — в вечной юности, в вечной весне.

На него смотрели ее серые глаза; девичья ладошка коснулась мужской руки. Но он не пошевелился на своем ложе. Не проснулся.

Она вопросительно глянула на Монса.

Тот кивком дал понять, что все в порядке.

Ее ладонь ощутила слабейший трепет.

У лежащего шевельнулись веки. Затем медленно поднялись. В синих глазах, столько повидавших, в разуме, так много позабывшем, пребывала все та же умиротворенность — непоколебимая, неизбывная. Несколько мгновений Тайрелл смотрел на девушку. Затем улыбнулся.

— Каждый раз я боюсь, что ты меня не вспомнишь, — дрожащим голосом проговорила Нерина.

— Благословенная Господом, мы всегда оставляли ему память о тебе. Так будет и впредь. — Монс склонился над Тайреллом. — Бессмертный, ты окончательно проснулся?

— Да. — Тайрелл сел, спустил ноги с кровати, встал — и все это одним быстрым, уверенным движением.

Он огляделся, увидел подготовленный для

него новый, девственно-чистый хитон и оделся. Нерина и Монс поняли, что Бессмертный полон энергии, что он теперь будет действовать не колеблясь. У нестареющего тела — юный разум, не замутненный ничем.

Монс преклонил колени, и Нерина последовала его примеру.

— Возблагодарим же Всевышнего, — медленно заговорил священник, — дозволившего новую инкарнацию. Да пребудет мир и в этом цикле, и во всех последующих.

Тайрелл взял Нерину за плечи, заставил подняться. Затем помог встать и Монсу.

— Ах, Монс, Монс, — сказал он чуть ли не с упреком. — С каждым веком во мне все меньше видят человека, все больше — бога. Жил бы ты тысячу четыреста лет назад, посмотрел бы… Когда я проснулся, они тоже молились, но не опускались на колени. Монс, я все-таки человек. Не забывай об этом.

— Ты принес мир планетам, — произнес Монс.

— А значит, заработал награду? Мне дадут поесть?

Монс поклонился и отошел. Тайрелл повернулся к Нерине, привлек ее сильными и нежными руками.

— Если однажды я не проснусь, — сказал он, — ты будешь самой горькой моей утратой. Словами не передать, как мне было одиноко, пока я не встретил бессмертную.

— В этом монастыре нам можно прожить неделю, — напомнила она. — Неделя покоя и уединения, прежде чем мы выйдем к людям. Больше всего на свете хочется навсегда остаться здесь, с тобой.

— Ладно-ладно, — сказал он. — Еще несколько веков, и ты избавишься от этого благоговения. Оно тебе ни к чему. Любовь гораздо лучше, и кого еще я мог бы обожать так же сильно, как тебя?

Она подумала о веках, прожитых им в одиночестве, и все ее тело заныло от нежности и сострадания.

После поцелуя Нерина отстранилась и задумчиво посмотрела на него.

— Ты снова изменился, — вздохнула она. — С виду прежний, но…

— Но?..

— Чуточку мягче, добрей.

Тайрелл рассмеялся:

— Мне каждый раз промывают мозги и закладывают туда свежие воспоминания. То есть воспоминания прежние, но слегка изменен-

ные. Век от века жизнь в мире все спокойнее, поэтому нужно перекраивать мой разум, приспосабливать к новой эпохе. Иначе я мало-помалу превратился бы в анахронизм. — Чуть нахмурившись, он спросил: — Кто там?

Она оглянулась на дверь:

— Монс? Нет. За дверью никого.

— Да? Что ж… Итак, у нас неделя отдыха. Она дается, чтобы я все осмыслил, привел в порядок мою перелицованную личность. И прошлое… — Он задумчиво умолк.

— Мне бы раньше родиться, — сказала она. — Я была бы с тобой…

— Нет! — торопливо перебил он. — Я имею в виду, если бы раньше, то ненамного.

— Там было так плохо?

Он пожал плечами:

— Не знаю, что из моей памяти сейчас правдиво, а что нет. Забыто лишнее, и мне от этого легче. Но все же помню достаточно. Легенды не лгут. — На его лицо набежала тень печали. — Были великие войны… весь мир полетел в тартарары… воцарилось абсолютное зло… среди бела дня разгуливал Антихрист… и высоты были страшны людям… — Взор поднялся к низкому и бледному потолочному своду, и тот не стал

препятствием для него. — Человек превратился в зверя. В дьявола. Я твердил людям о мире, а они пытались меня убить. Приходилось это терпеть. Хоть я и Бессмертный Божьей милостью, а все же погибал. Я уязвим для оружия. — Глубокий, долгий вздох. — Одной способности жить вечно недостаточно. Меня хранит Господня воля, и я хожу по свету и проповедую мир, и мало-помалу клейменные Зверем вспоминают, что обладают душой, и выбираются из ада…

Таких речей Нерина прежде от него не слышала.

Она нежно коснулась его руки.

Тайрелл вернулся к ней.

— Но с этим покончено, — сказал он. — Прошлое умерло. Мы живем в настоящем.

Где-то в отдалении монахи счастливыми голосами затянули благодарственную песнь.

На другой день она увидела в конце коридора Тайрелла, склонившегося над чем-то темным, бесформенным. Нерина подбежала. Бессмертный стоял на коленях над телом монаха. Девушка окликнула его; он вздрогнул, поднялся на ноги; лицо было бледным от страха.

Она посмотрела вниз и тоже обмерла.

Священник был убит. На горле остались синие

следы пальцев, шея была сломана, голова страшно выкручена назад.

Тайрелл шагнул вбок, чтобы заслонить от Нерины мертвеца.

— Надо позвать Монса. — Голос звучал нетвердо, растерянно, как в конце прожитого века. — И побыстрее. Он должен это видеть.

Явился Монс, ахнул и застыл каменным изваянием. Чуть отойдя от шока, заглянул в синие глаза Тайрелла.

— Сколько веков, Мессия? — спросил севшим голосом.

— Прошло с последней расправы? — уточнил тот. — Восемь, а может, и больше. Монс, но ведь на такое… не способен ни один человек.

— Да, — сказал священник. — Насилия уже давно нет, род людской изжил его. — Он вдруг пал на колени. — Из прошлого восстал дракон! Мессия, возврати нам мир!

Тайрелл выпрямился. Белый силуэт, воплощенное непоколебимое смирение.

Бессмертный поднял очи горе и взмолился.

Нерина тоже опустилась на колени. Ее страх убывал — не ему соперничать со жгучей силой молитвы Тайрелла.

Дыханием ветра по монастырю разносился

шепот, улетал за окна и возвращался эхом, отразившись от чистого синего небосвода. Никто из внимавших этому шепоту не знал, чьи безжалостные руки сомкнулись на горле монаха. Уж конечно, это совершил не человек. Монс сказал верно: род людской давно искоренил в себе ненависть и жажду душегубства.

За пределы монастырских стен тихий голос Мессии не распространялся. Битва должна вестись тайно, дабы ничто не потревожило долгий покой обитаемых миров.

«На такое не способен ни один человек».

По монастырю пробежал панический слушок: значит, возродился Антихрист.

Все обратили взоры на Тайрелла, на Мессию. Все искали утешения.

— Мир, — говорил он, — и только мир. Не противьтесь насилием злу, кротко склонитесь в молитве, помните, что две тысячи лет назад, когда обитаемые планеты пребывали во власти ада, только любовь спасла человечество.

Ночью, лежа подле Нерины, он стонал во сне, сражался с невидимым врагом.

— Дьявол! — вскричал он и проснулся, дрожащий, в холодном поту.

С гордостью и смирением она обнимала его,

прижимала к себе, пока он не уснул.

Нерина и Монс пришли в келью Тайрелла, чтобы сообщить о новом ужасном злодеянии. Опять убит монах, на этот раз зверски искромсан острым ножом.

Бессмертный стоял лицом к вошедшим. И молился. И зачарованно взирал при этом на окровавленный нож, лежащий перед ним на столе.

— Тайрелл… — пролепетала Нерина, но тут Монс сделал резкий судорожный вздох, круто повернулся и вытолкал девушку за порог.

— Стой здесь! — с неожиданной силой и властностью приказал он. — Стой и жди меня.

Нерина и слова не успела молвить, как перед ней захлопнулась дверь и скрежетнул засов.

Она долго простояла в коридоре. Ни о чем не думала, просто ждала.

Наконец вышел Монс и аккуратно затворил дверь. Посмотрел на девушку.

— Все в порядке, — сказал он. — Но… ты должна меня выслушать. — Он помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил: — Благословенный Господом… — Новая пауза, трудный вздох. — Нерина, я… — Нервный смешок. — Странно… Я не могу с тобой разговаривать, пока не скажу «Нерина».

— Что это было? Пусти меня к Тайреллу!

— Нет-нет! Не сейчас. Нерина, он… нездоров.

Закрыв глаза, она пыталась сосредоточиться. Слышала голос, растерянный, но постепенно набирающий твердость.

— Эти убийства — дело рук Тайрелла.

— Ложь! — воскликнула она. — Да как ты смеешь?!

— Раскрой глаза, — велел Монс почти грубо. — Выслушай меня. Тайрелл… человек. Великий человек, очень добрый, но не бог. Он бессмертен. Если его не убьют, он будет жить вечно. Как и ты. Он прожил уже больше двадцати веков.

— Зачем ты мне это рассказываешь? Я и так знаю.

— Ты должна помочь, — ответил Монс, — а для этого ты должна понять. Бессмертие — результат сбоя в работе генов. Мутация. Раз в тысячу лет, если не в десять тысяч, рождается бессмертный человек. Его тело постоянно самообновляется, не ветшает. Это относится и к мозгу. Но мозг и разум — не одно и то же. Разум подвержен старению…

— Но ведь Тайрелл не далее как три дня назад переплыл через озеро Возрождения. Его разум состарится лишь к концу века. Ты хочешь сказать, что Мессия… умирает?

— Нет-нет! Нерина, озеро Возрождения — не

более чем символ, и тебе об этом известно.

— Да. Настоящее воскресение происходит позже, когда вы укладываете Тайрелла в свою машину. Я помню.

— Машина… — протянул Монс. — Если бы мы ее не включали раз в столетие, вы с Тайреллом давным-давно одряхлели бы и утратили рассудок. Нерина, ум не бессмертен. Рано или поздно наступает время, когда он уже не в силах нести груз знаний, опыта и привычек. Он утрачивает гибкость, костенеет. Машина очищает разум, как мы очищаем компьютер от содержащейся в его памяти информации. Кое-какая информация нуждается в замене. Конечно, остается все самое важное. Свежие воспоминания мы закладываем в очищенный, омоложенный ум. Тем самым даем ему возможность обучаться и развиваться еще сто лет.

— Так я же все это знаю…

— Нерина, новые воспоминания формируют новую личность. Не такую, как раньше. И не способную вспомнить, какой она была.

— Значит, он…

— Я поговорил с Тайреллом, — продолжал Монс. — Полагаю, моя догадка верна. Раз в столетие мы проводим процедуру очищения и

выстраиваем новые структуры в мозгу. Удаляем и заменяем совсем немногое, но ведь так было двадцать раз. Получается, за эти тысячи лет мы по кусочкам создали нового Тайрелла. В самом начале его разум был иным…

— Насколько иным?

— Если бы знать… Мы считали, что при стирании памяти происходит утрата паттерна личности. Но теперь мне думается, личность вовсе не исчезала. Она уходила вглубь. Подавлялась, загонялась в самые недра разума, где и лежала мертвым грузом. Это происходило бессознательно и повторялось снова и снова, из века в век. И теперь в мозгу у Тайрелла погребено двадцать личностей, и столь множественное дробление сознания не могло не привести рано или поздно к душевному расстройству.

— Пречистый Агнец никогда не был убийцей!

— Верно, не был. На самом деле даже его самая первая личность, появившаяся двадцать с лишним столетий назад, была добра и гуманна. Ведь то были времена Антихриста, и Мессия подарил планетам мир. Но даже в самых глубоких пластах разума происходят какие-то изменения. Те погребенные личности… наверняка не все, а лишь немногие, — утратили былую доброту. И

вот теперь они восстали из своих могил.

Нерина повернулась к двери.

— Чтобы действовать правильно, нам нужна полная уверенность в диагнозе, — напутствовал ее священник. — В наших силах спасти Мессию. Мы сможем очистить его разум, найти и выкорчевать самые древние корни злого духа. Тайрелл будет исцелен, его психика снова станет целостной. Прямо сейчас и начнем. Молись за него, Нерина.

Еще несколько мгновений он стоял и с тревогой смотрел на девушку, а потом повернулся и быстро зашагал по коридору. Нерина ждала, ни о чем не думая. Спустя какое-то время услышала слабый звук.

В конце коридора неподвижно стояли два монаха. Еще два — в другом конце.

Она отворила дверь и вошла к Тайреллу.

В глаза сразу бросился окровавленный нож на столе. Затем она увидела темный силуэт у окна, на фоне яркой небесной синевы.

— Тайрелл… — нерешительно позвала она.

Он обернулся:

— Нерина! Ах, Нерина!

По-прежнему голос был ласков, полон покоя.

Она бросилась к Тайреллу в объятия.

— Я молился. — Он опустил голову ей на плечо. — Монс сказал: молись, и я молился. Что же я содеял, ответь?

— Ты Мессия, — ответила она твердо. — Ты избавил мир от зла, спас от Антихриста. Вот что ты содеял.

— А еще? Что натворил дьявол, засевший у меня в уме? Семя, упавшее туда, таилось от Божьего света, и вот оно дало всход, — скажи, что из него выросло? Говорят, я поднял руку на человека!

— А ты поднял? — шепотом спросила Нерина после долгой паузы.

— Нет! — ни секунды не колеблясь, ответил он. — Да разве я бы смог? Я, чья жизнь — это любовь? За две тысячи лет я не причинил зла ни единому живому существу.

— Я знаю, — сказала она. — Ведь ты Пречистый Агнец.

— Пречистый Агнец, — тихо повторил он. — Я не желал себе такого прозвища. Нерина, я всего лишь человек. И никогда не был чем-то бóльшим. Но… меня что-то спасало, что-то сохраняло мою жизнь в Час Антихриста. Божий промысел, конечно же. Его десница. Господи, помоги мне и сейчас…

Нерина крепко прижимала его к себе, и глядела

в окно, и видела ясное небо, зеленый луг, высокие горы с сидящими на вершинах облаками. Бог и здесь, в этой монастырской келье, и там, в синеве, на обитаемых планетах и в безвоздушном пространстве между ними. Бог — это мир и любовь.

— Он поможет тебе, — уверенно пообещала она. — Он шел с тобой рука об руку две тысячи лет. Он и сейчас рядом.

— Да, — шепнул Тайрелл. — Конечно, Монс ошибается. Я ведь помню, что творилось… Люди как звери. Небо залито огнем. И кровь… везде кровь. Больше ста лет люди-звери дрались и проливали кровь.

Внезапно Нерина ощутила, как он напрягся, как по телу прошла дрожь. Прежде она такого за ним не замечала.

Он поднял голову и заглянул ей в глаза.

Ей подумалось о льде и пламени. Синий лед, синее пламя.

— Великие войны… — произнес он новым голосом — жестким, скрипучим.

И закрыл ладонью себе глаза.

— Христос! — вырвалось из напряженного горла. — Боже! Боже…

— Тайрелл! — в страхе воскликнула девушка.

— Назад! — прохрипел он.

Нерина отшатнулась, но Тайрелл обращался не к ней.

— Изыди, дьявол! — Он вонзил в голову скрюченные пальцы, надавил, как будто хотел разорвать череп, и согнулся в три погибели.

— Тайрелл! — кричала она. — Мессия! Пречистый Агнец!..

Скорчившийся перед ней человек резко выпрямился. Заглянув в новое, абсолютно незнакомое лицо, она окаменела от ужаса и отвращения.

Тайрелл стоял и смотрел на нее. И вдруг отвесил напыщенно-презрительный поклон.

Она попятилась, наткнулась на стол; пальцы скользнули по загустевшей на лезвии крови. Неужели это происходит в действительности? Может быть, она спит и видит кошмар? Ладонь переместилась на рукоятку ножа. Сейчас этот нож лишит и ее жизни. Она позволила мысли забежать вперед, представила, как вонзается в грудь блестящая сталь.

В новом голосе, которому она теперь внимала, сквозило веселье.

— Он острый? — спрашивал этот голос. — Он все еще острый, любовь моя? Или я его затупил о святошу? Ты ударишь меня? Неужели не попытаешься? Другие женщины пытались! — Из глотки

исторгся раскатистый хохот.

— Мессия… — прошептала она.

— Мессия! — передразнил он. — Пречистый Агнец! Князь Мира! Несущий людям слово любви, невредимым проходящий через самые кровавые войны. Двухтысячелетняя легенда. И лжец! О да, любовь моя, я лжец! Они просто забыли! Все они забыли, что на самом деле творилось тогда!

Она могла лишь не соглашаться, беспомощно качать головой.

— Ну да, — продолжал он, — ты ведь не жила в то время. А кто жил, тех давно уж нет. Никого не осталось, кроме меня, Тайрелла. Это была бойня! А я уцелел. Но вовсе не для того, чтобы проповедовать мир и любовь. Знаешь, что стало с теми, кто проповедовал? Они мертвы. Но я не мертв! И выжил не благодаря проповедям.

Он хохотал, приплясывал и восклицал.

— Тайрелл Мясник! Я из них самый кровожадный! Они способны понимать только страх! Их не так-то просто напугать — труднее, чем людей-зверей! Но меня они боятся!

Упиваясь чудовищными воспоминаниями, он поднял руки со скрюченными пальцами; все его мышцы были напряжены, будто сведены судорогой.

— Кровавый Христос! — сказал он. — Вот как должны были наречь меня. Но не нарекли. Даже после того, как получили необходимое доказательство. Тогда у них было для меня имя… Тогда они знали мое истинное имя. А сейчас… — Глядя на Нерину, он ухмыльнулся. — А сейчас меня величают Мессией и боготворят. Ведь я принес мир планетам. Но чем же теперь заняться Тайреллу Мяснику?

Злорадный смех звучал уже тише, однако от этого не был менее жутким.

Тайрелл сделал три шага и обвил Нерину руками. У нее кожа съежилась под этими мерзкими прикосновениями.

И вдруг она почувствовала, что зло дивным образом оставило его. Руки задрожали, отстранились, затем снова прикоснулись — напряженные, полные лихорадочной нежности. Он опустил голову, и Нерина ощутила жар его слез.

Какое-то время он не мог говорить. Она, холодная как камень, держала его в объятиях.

Потом она сидела на кровати, а он стоял на коленях, уткнувшись лицом ей в подол. И говорил, говорил. Слова были невнятны; лишь немногие ей удавалось разобрать.

— Я помню… помню давние дела… Я бы не

вынес этих воспоминаний… Не могу смотреть назад… и вперед тоже… Для меня… Для меня у них было имя… Я его вспомнил…

Нерина положила ему на голову ладонь. Какие холодные, влажные волосы…

— Меня звали Антихристом!

Он поднял голову и посмотрел ей в лицо.

— Помоги мне! — вскричал в отчаянии Тайрелл. — Помоги! Помоги!

Голова снова опустилась. Он прижал к вискам кулаки, невнятно лепеча.

Нерина вспомнила о том, что держала в правой руке, и подняла нож, и ударила изо всей силы. Любимый просил помочь, и она помогла.

Она стояла у окна, лицом к небу и лугу, спиной к мертвому Бессмертному.

Скоро придет настоятель Монс. Он должен знать, что теперь делать. Наверное, скажет, что гибель Мессии необходимо сохранить в тайне.

Нерина была уверена, что ей не причинят вреда. Благоговение, которое люди испытывают к Тайреллу, защищает и ее. Она будет жить дальше, единственная бессмертная, рожденная в мирное время. Жить вечно и одиноко на планетах, не знающих войн. Когда-нибудь на свет появится новый Бессмертный, но сейчас ей не хотелось об

этом думать. Сейчас она могла думать только о Тайрелле и о своем одиночестве.

Нерина посмотрела в окно, на синеву и зелень, на ясный Божий день. Мир чист и прекрасен, в нем давным-давно не разливаются моря человеческой крови. Тайрелл был бы счастлив, если бы мог видеть эту чистоту, этот покой и знать, что мир пребудет вовеки.

Она сделает все возможное, чтобы так и было. Ведь именно для этого рождена Нерина, пусть и не был для этого рожден Тайрелл. Горечь одиночества бессильна заглушить утешную мысль: минуют века, и невеста Христа встретит того, кому предназначена.

Сквозь туман ее печали и любви проникали отголоски торжественного церковного пения. Обитаемые миры обрели праведность, после того как прошли долгий и кровавый путь на новую Голгофу. Но это последняя Голгофа, и теперь Нерина будет делать то, что велит ей долг. Целеустремленная. Твердая в вере. Бессмертная.

Она подняла голову и устремила взор в синеву. Там, впереди, будущее. Прошлое забыто. Хотя ее прошлое — не кровавое наследство, не черная бездна, со дна которой сквозь мощные пласты гнили невидимкой прорастает адское семя, дабы

разрушить божественный мир, божественную любовь.

И тут вдруг она осознала, что совершила убийство. Вздрогнула рука, вспомнив силу нанесенного удара. Зазудела кожа — там, где на нее упали брызги крови.

Нерина поспешила отогнать страшные мысли, отключить разум. Бессмертная глядела в небо, изо всех сил налегая на запертые ворота памяти, а хрупкие засовы уже содрогались под таранными ударами с той стороны.

Сказочные шахматы

Часть первая
Глава 1

В дверной ручке открылся голубой глаз, посмотрел на Кэмерона, и тот остановился. Не дотронувшись до ручки, отдернул руку и застыл.

Больше ничего не произошло, и он шагнул в сторону. Черный зрачок переместился в том же направлении. Глаз следил.

Кэмерон демонстративно развернулся и медленно двинулся к оконной шторке. При его приближении круглая панель стала прозрачной. Он немного постоял, проверил свой пульс и одновременно сосчитал количество вздохов.

За окном раскинулась зеленая сельская пастораль, кое-где запятнанная тенями облаков. Весенние цветы золотились в лучах солнца на склонах. В голубом небе беззвучно летел вертолет.

Закончив проверять пульс, высокий седовласый мужчина выжидал. Оборачиваться было рано. Он рассматривал безмятежный пейзаж. Затем, нетерпеливо фыркнув, дотронулся до кнопки. Прозрачная панель уехала в стену.

Открылась красная мгла, в которой грохотал гром.

Из мрака выплывали детали подземного города, смутные угловатые колоссы из камня и металла. Где-то шумело глубокое ритмичное дыхание, к стуку гигантской помпы примешивались механические хрипы. Изредка сверкали молнии, но этих коротких вспышек не хватало, чтобы осветить Нижний Чикаго.

Кэмерон высунулся из окна и посмотрел наверх. Там тьма лишь сильнее сгущалась, бледные ободки молний пробегали по каменному небосводу. Внизу же зияла черная бездна.

Но такова была реальность. Надежные разумные машины в пещере подкрепляли логику, на которой зиждился нынешний мир. Немного воодушевившись, Кэмерон отошел от окна и вернул панель на место. В окне снова появились голубое небо и зеленые холмы.

Дверная ручка была дверной ручкой, и ничем более. Прочным однородным куском металла.

Обойдя рабочий стол, Кэмерон быстро двинулся вперед. Протянул руку и крепко схватился за ручку.

Пальцы утонули в ней. Она была из вязкой массы.

Роберт Кэмерон, штатский директор Департамента психометрии, вернулся к столу и сел. Достал из ящика бутылку, налил в стакан. Его взгляд блуждал. Кэмерон разглядывал пространство вокруг стола, не задерживаясь на отдельных предметах. Наконец нажал на кнопку.

Вошел его личный секретарь Бен Дюбро, низкорослый, грузный, тридцатилетний, с задиристыми голубыми глазами и лохматой соломенной шевелюрой. С дверной ручкой у него никаких проблем не возникло. Кэмерон не смотрел ему в глаза.

— У меня видеофон выключился! — резко сказал он. — Твоих рук дело?

— Ну что вы, шеф, — ухмыльнулся Дюбро. — Да и какая разница? Все равно любые входящие звонки через меня проходят.

— Не любые, — возразил Кэмерон. — Кроме тех, что из Генерального штаба. Не умничай. Где Сет?

— Не знаю. — Дюбро едва заметно нахмурился. — Но хотел бы знать. Он…

— Тихо! — Кэмерон включил видеофон на прием.

Раздался пронзительный звон. Директор осуждающе посмотрел на секретаря. Дюбро заметил напряженные складки вокруг глаз пожилого

мужчины, и у него вдруг засосало под ложечкой. Он разнервничался. Разбить бы видеофон… но какой теперь от этого толк? И в самом деле, куда подевался Сет?

— Шифрование, — произнес голос из динамика.

— Шифрование включаю, — буркнул Кэмерон.

Его сильные костистые руки забегали по переключателям. На мониторе появилось лицо.

— Кэмерон? — произнес военный министр. — Что происходит? Я битый час вас ищу…

— Ну вот, нашли. Что-то важное случилось, раз звоните по этому номеру? Я слушаю.

— Не видеофонный разговор. Даже шифрование тут не поможет. Может, зря я это вашему секретарю объяснял, Дюбро, или как его там? Ему можно доверять?

Кэмерон посмотрел в пустые глаза Дюбро.

— Да, — нерешительно ответил он. — Дюбро свой человек. Ну так что?

— Через полчаса за вами приедут. Хочу кое-что показать. Соблюдайте обычные меры предосторожности. Ситуация чрезвычайная. Ясно?

— Уже собираюсь, Календер. — Директор сбросил вызов и, положив руки на столешницу, уставился на них.

— Валяйте, отправляйте меня под трибунал, — бросил Дюбро.

— Когда Календер звонил?

— Утром. Шеф, понимаете… я ведь не просто так. Была веская причина. Я и Календеру объяснял, но он твердолобый. Было бы у меня побольше звездочек на погонах, он бы прислушался.

— Что он рассказал?

— Думаю, вам пока лучше не знать. Сет бы со мной согласился. Вы же ему доверяете. А еще… Послушайте, я все психологические тесты с отличием сдал, иначе бы меня к вам не назначили. Есть одна психологическая проблема, и все указывает на то, что лучше вам оставаться в неведении, пока…

— Пока — что?

— Хотя бы пока я не потолкую с Сетом. — Дюбро прикусил ноготь. — Вы подождите, не вмешивайтесь. Это важно. Ситуация парадоксальная. Может, я и ошибаюсь, но если нет… Вы даже не представляете, насколько это важно!

— Значит, по-твоему, Календер зря обратился лично ко мне. Почему?

— Этого-то я и не могу вам сказать. Все полетит вверх тормашками, если расскажу.

Кэмерон тяжело вздохнул и потер виски́.

— Ладно, проехали, — устало бросил он. — Бен, я здесь главный и за все несу ответственность. — Он бросил колкий взгляд на Дюбро. — Вижу, это слово для тебя не пустой звук.

— Какое слово? — недоуменно переспросил Дюбро.

— «Ответственность». Я заметил, как ты вздрогнул.

— Меня просто блоха укусила.

— Понятно. Так или иначе, если в Департаменте психометрии чрезвычайная ситуация, я должен знать об этом. Война не прекратится, если я буду отдыхать.

Дюбро взял бутылку и встряхнул.

— Свое надо пить, — буркнул Кэмерон, но все же толкнул к Дюбро стакан.

Секретарь плеснул туда виски и незаметно для Кэмерона уронил в янтарную жидкость таблетку.

Пить он не стал. Поднял стакан, нюхнул и поставил обратно.

— Пожалуй, все-таки рановато. Лучше вечером наберусь. Может, подскажете, где Сета искать?

— Да уймись ты! — отрезал Кэмерон.

Он смотрел сквозь стакан в пустоту. Дюбро подошел к окну и вгляделся в проекцию пейзажа:

— Похоже, дождь будет.

— Откуда здесь дождь? Быть такого не может.

— На поверхности. Впрочем… Можно мне с вами за компанию?

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что ты меня бесишь! — огрызнулся Кэмерон.

Дюбро пожал плечами и двинулся к выходу. Потянувшись к дверной ручке, он почувствовал пристальный взгляд директора, но не обернулся.

Он отправился прямиком в центр связи, где перед мерцающей панелью сидела девушка. Не обратив внимания на ее приветливую улыбку, Дюбро потребовал:

— Вызовите Сета Пелла. — С удивлением он отметил, что в его голосе сквозит безнадежность. — Где бы он ни был. Звоните, пока не ответит.

— Важное дело?

— Еще какое важное!

— Нужно всеобщее оповещение?

— Гм… — Дюбро рассеянно взъерошил соломенные волосы. — Нельзя. У меня нет полномочий. Можно подумать, наше дурацкое начальство разрешило бы…

— Шеф разрешит.

— Это вам так кажется. Нет, Салли. Просто сделайте, что сможете. Я скоро уйду, но обязательно позвоню. Мне очень нужно связаться с Сетом.

— Наверняка что-то серьезное, — отметила Салли.

Дюбро криво улыбнулся ей и, молясь про себя, вернулся в кабинет Кэмерона.

Окно там было открыто, директор смотрел в отливающую красным тьму. Дюбро покосился на стол. Стакан с виски опустел, и секретарь невольно перевел дух.

— Кто? — не оборачиваясь, спросил Кэмерон.

Случайный человек не заметил бы разницы в голосе директора, но Дюбро не был случайным человеком. Он понял, что алкалоид уже добрался по кровотоку к мозгу Кэмерона.

— Бен.

— А-а…

Дюбро заметил, как покачивается у окна крупный силуэт директора. Действие таблетки должно было скоро пройти, дезориентация — явление кратковременное. Он мысленно порадовался, что держит в кармане упаковку «Пикса». Впрочем, это не было случайным совпадением; большинство ветеранов принимали «Пикс».

Когда постоянно работаешь сверхурочно, на то, чтобы просто напиться, не остается времени, а за появление на работе в состоянии похмелья грозит увольнение. Какое-то светило химической науки побаловалось с алкалоидами и изобрело «Пикс», крошечные бесцветные таблетки с эффектом пятидесятиградусного виски. Они погружали человека в счастливую эйфорию, так полюбившуюся ему с того дня, как он заметил способность винограда к сбраживанию. Это одна из причин, по которой военные труженики соглашались выполнять работу — а ее не было ни конца ни края, и она не давала результата с тех самых пор, как обе нации децентрализовались и окопались. Как ни странно, население в целом даже стало жить лучше, спокойнее, чем до войны. Настоящей работой по планированию и ведению войны занимались только Генштаб и его филиалы. Для узкоспециализированных боевых действий требовались исключительно специалисты, учитывая, что ни та ни другая сторона больше не использовали настоящих солдат. Даже рядовые теперь были металлическими.

Это было бы невозможно, если бы Вторая мировая война не дала мощный толчок науке. Так же, как Первая мировая повлекла за собой разви-

тие авиации, международный конфликт 1940-х, кроме прочего, простимулировал развитие электронных технологий. И когда фалангисты атаковали из Восточного полушария, Западное не только оказалось к этому готово, но и привело в действие свою военную машину с невероятной быстротой и точностью.

Для войны не нужен повод. Вероятнее всего, нападение фалангистов было обусловлено их имперскими амбициями. Они, как и некогда американцы, были смешанной нацией, сформировавшейся после Второй мировой. Социальный, политический и экономический европейский клубок превратился в новое свободное государство. В фалангистах смешалась кровь десятка народов: хорватов, немцев, испанцев, русских, французов, англичан и других. Они съезжались со всей Европы в новую страну с четкими, хорошо охраняемыми границами. Так возник новый плавильный тигель народов.

В конце концов фалангисты стали едины. Их название пришло из Испании, технологии — из Германии, а философия — из Японии. Такой смеси народов свет еще не видывал; черные, белые и желтые варились на большом огне в одном котле. Они провозгласили новое расовое единство;

враги, в свою очередь, прозвали их беспородными дворнягами; и трудно было определить, кто прав. Американские колонисты в свое время завоевывали Дикий Запад. А вот фалангистам расширяться было некуда.

Итак, две крупнейшие мировые державы начали многолетнюю войну. Силы балансировали как на качелях, и каждая нация держала нож у бронированной глотки другой. Социально-экономическая сфера обеих стран постепенно привыкла к условиям войны, в результате чего и появились разработки вроде «Пикса».

Производство «Пикса» финансировал Комитет общественной морали при поддержке Департамента психометрии. Были и другие быстродействующие средства, благотворно влиявшие на дух военных работников. Например, «мурашки» — так метко окрестили реалистичные фильмы, провоцировавшие сильные переживания. Программы вроде «Дремы» и «Волшебной страны» частично компенсировали людям отсутствие детей и домашних животных и даже помогали исцеляться от психических заболеваний. Почти любой мог побороть комплекс неполноценности, став пророком в собственном фантастическом иллюзорном мирке, населенном собственноручно

созданными существами. Они были не живыми, а электронными, но столь искусно спрограммированными, что многие после того, как «Волшебная страна» оживала под их умелым руководством, отказывались возвращаться в реальный мир. Короче говоря, настоящий рай для эскапистов.

Дюбро наблюдал за Кэмероном. Ему хотелось донести свою точку зрения прежде, чем с того спадет опьянение.

— Нам пора собираться.

— Нам?

— Передумали? — Дюбро изобразил искреннее удивление. — Вы же попросили составить вам компанию.

— Да? Мне казалось, я…

— Вы бы прикрыли окошко. Мало ли что просочится, пока нас не будет.

— В Нижнем Чикаго нет опасных газов, — ответил Кэмерон, смирившись с тем, что от Дюбро не отделаться. — Даже в Промежутках.

— Зато воняет будь здоров, — парировал Дюбро.

— Мы же под землей…

— Как бы ни старались техники, под землей от запахов не скрыться. Но вы же сами изобрели визуализирующие окна. Почему не пользуетесь

ими?

Кэмерон задвинул панель на место и устремил взгляд к зеленым холмам под сгущающимися тучами.

— Я не болен клаустрофобией, — сказал он. — Могу месяцами сидеть под землей, и ничего.

— А вот я этим похвастаться не могу.

Дюбро отметил, что Кэмерона не слишком разобрало от суррогатного алкоголя. Ну и ладно; он и не рассчитывал, что директор отключится. Его план был далекоидущим. Посланник военного министра, наверное, и не заметит, что Кэмерон пьян. Нужно только угостить шефа леденцом для освежения дыхания…

Он успел это сделать как раз вовремя. После процедуры идентификации в кабинет вошел тощий мужчина с кислой физиономией и двумя пистолетами на поясе.

— Локк, — представился он. — Готовы, мистер Кэмерон?

— Да. — Директор уже пришел в себя. — Куда едем?

— В лечебницу.

— На поверхность?

— На поверхность.

Кэмерон кивнул и двинулся к выходу. Но вдруг

остановился и нахмурил лоб:

— Ну?

— Извините. — Локк открыл дверь и пропустил Кэмерона вперед.

Когда Дюбро поспешил следом, правительственный агент преградил ему путь:

— Вас не…

— Все в порядке.

— Мистер Кэмерон, — покачал головой Локк, — этот человек будет вас сопровождать?

— Он… что? — Директор рассеянно обернулся. — А, да, он с нами.

— Как скажете. — Локк совсем скуксился, но пропустил Дюбро.

Проходя через центр связи, секретарь вопросительно посмотрел на Салли. Та развела руками. Дюбро тяжело вздохнул: все только в его руках, а он крайне боится того, что может увидеть в лечебнице.

Лифт привез их на нижней этаж, и Локк повел спутников к междугороднему экспрессу. Дюбро поудобнее устроился в кресле и попытался расслабиться. Над головой стремительно проносился бледный, цвета слоновой кости, потолок тоннеля, но гладкий синтетический материал не мог заблокировать его мысли.

Те мчались далеко, в ревущий хаос Промежутков, где грохотали машины, отбивая пульс города и тем самым оживляя бездну. Люди здесь не работали. Операторы машин сидели в комфортных звуконепроницаемых комнатах с кондиционерами и визуализирующими окнами, благодаря которым людям казалось, что они находятся не под землей, а на поверхности. Если не открывать окна, то можно всю жизнь прожить в Нижнем Чикаго и так и не понять, что город расположен в миле под поверхностью Земли.

Одной из главных проблем для первых поселенцев была клаустрофобия. Прежде чем появились необходимые удобства и были решены основные проблемы, у многих людей неврозы переросли в полноценные психозы. Страдали от неврозов только военные, ведь большинству гражданских не было необходимости переселяться под землю. Благодаря децентрализации они не стали целями для бомб.

— Нам выходить, — бросил Локк через плечо.

Дюбро нажал кнопку на подлокотнике. Три кресла съехали с основного пути на боковую ветку, замедлились и остановились. Локк молча довел спутников до поджидавшего пневмомобиля. После посадки он закрыл двери и потянулся

к пульту управления. Дюбро пристегнул ремень за миг до того, как тонкий палец агента включил максимальную скорость.

Желудок будто прижало к позвоночнику, перед глазами потемнело. Когда зрение вернулось, Дюбро невольно занялся излюбленным занятием военных — попытался сориентироваться и понять, в каком направлении едет машина. Конечно, это было невозможно. Точное местонахождение Нижнего Чикаго было известно лишь двадцати избранным — высокопоставленным членам Генштаба. Запутанные тоннели, отходившие от центральной пещеры, заканчивались в разных местах; одни были длиной всего в милю, другие — в добрых пятьсот миль. Вдобавок курс машин был намеренно проложен так, что любая поездка занимала ровно пятнадцать минут.

Нижний Чикаго мог с равной долей вероятности прятаться под кукурузными полями Индианы, под озером Гурон или руинами старого Чикаго. Люди просто добирались до одних из Ворот, проходили паспортный контроль и садились в пневмомобиль. Спустя четверть часа они оказывались в Нижнем Чикаго. Проще некуда. Во всех подземных городах действовала такая же система — это защищало от бурильных бомб.

Были и другие меры предосторожности, но Дюбро не дружил с техникой и мало что знал. Ему сказали, что на военные города невозможно навести радиосигнал, и он принял это как данность. Современная война была скорее игрой в шахматы, чем реальной борьбой.

Машина остановилась; люди вышли и по короткому рукаву попали прямо в вертолет. Засвистели винты. Вертолет взмыл и довольно резко развернулся на сорок пять градусов. В окне Дюбро видел, как внизу исчезают пушистые кроны деревьев. Когда машина поднялась выше, вдали показалась гряда обожженных солнцем холмов. Интересно, что это за штат? Иллинойс? Индиана? Огайо?

Дюбро с любопытством смотрел, вытянув шею. Он что-то заметил…

— Что? — покосился на него Кэмерон.

Дюбро крутанул ручку регулировки на окне; круг внутри пластика сжался в линзу, приближая далекий пейзаж. Одного взгляда хватило, чтобы успокоиться.

— Пустышка, — сказал Локк.

Дюбро и не подумал, что пилот может заметить его действия.

— Всего-навсего один из куполов. — Кэмерон

откинулся в кресле.

Но Дюбро все равно не сводил глаз с полуразрушенной серебристой штуковины на склоне.

Это была полусфера диаметром в сто футов. Таких по всей Америке стояло семьдесят четыре, абсолютно одинаковых. Дюбро уже не помнил времена, когда купола были светонепроницаемыми и зеркальными; когда они разом возникли из ниоткуда, ему было всего восемь лет. Эту загадку так никто и не разгадал. Никому не удалось проникнуть внутрь, и из сооружений тоже ничто не выбралось наружу. Неожиданное появление семидесяти четырех блестящих куполов едва не повергло население в панику. Вероятно, они были каким-то секретным оружием врага.

С территории радиусом в тридцать миль вокруг каждого купола выселили всех жителей, и эксперты принялись биться над тайной, в любой момент ожидая взрывов или чего-то в таком роде. Прошел год, а ответы так и не были получены.

Пять лет спустя эксперименты еще продолжались, но значительно реже.

Затем идеально гладкие купола начали покрываться коррозией. На полированной поверхности, изготовленной из неизвестного доселе вещества, появились прожилки, как при отслаивании се-

ребра с зеркала. Оболочка гнила и разваливалась. Стало возможным заглянуть внутрь, но там ничего не обнаружилось — лишь голая земля.

Тем не менее внутрь купола так никто и не вошел. Неизвестная сила, некая плотная энергия, не позволяла этого существам из плоти и крови.

Но население по-прежнему верило, что это некое загадочное оружие, по неизвестной причине не сработавшее. Вот так и появилось прозвище «пустышка».

— Пустышка, — повторил Локк и включил вспомогательные двигатели.

Пейзаж превратился в размытое пятно.

Дюбро покосился на Кэмерона, гадая, когда же сойдет эффект опьянения. «Пикс» действовал не безотказно. Случалось, что…

Но безмятежное лицо директора не давало поводов для беспокойства. Все будет хорошо. Как иначе?

Кэмерон смотрел на альтиметр. Тот улыбался ему в ответ.

Глава 2

Главный нейропсихиатр лечебницы, доктор Ломар Бранн, был щеголеватым, внимательным

мужчиной невысокого роста, с напомаженными усами и блестящими черными волосами. У него имелась манера чеканить слова, из-за чего он казался грубее, чем на самом деле. При виде Кэмерона он сощурил глаза, но если и заметил, что директор одурманен, то виду не подал.

— Привет, Кэмерон, — произнес он, бросив на стол папку. — Я вас ждал. Как дела, Дюбро?

— Бранн, я тут по секретному распоряжению, — улыбнулся Кэмерон. — Сам не знаю зачем.

— Ну а я знаю. У меня свои распоряжения. Вы здесь, чтобы ознакомиться с делом пациента эм — двести четыре.

Главврач ткнул пальцем в экран на стене. Появилось изображение пациента, ерзающего в кресле. Овальная врезка на экране крупным планом показывала лицо. Из динамиков тихо звучало:

— Они за мной следили, а птицы наследили, и шум и гам и тут и там, слова, слова, всегда слова…

Бранн выключил экран. Пленка с записью остановилась не сразу; звук постепенно растаял в тишине.

— Не тот, — сказал Бранн. — У этого…

— Dementia praecox?

— Преждевременная деменция, она самая. Рассеян, рифмует слова — типичный случай. Этого мы без проблем вылечим. Через пару месяцев отправится на ферму.

Это была обычная процедура, когда дело касалось душевнобольных, прошедших лечение в подземном городе-госпитале. Их передавали гражданским опекунам, и дальнейшее лечение проходило уже в нормальных бытовых условиях. В ходе своей психологической практики Дюбро как раз анализировал работу этой системы.

Бранн выглядел несколько растерянным. Теперь он убедился, что директор пьян, но решил не заговаривать об этом в присутствии Дюбро и Локка.

— Ладно, пойдем посмотрим на эм — двести четыре.

— Его личность держится в тайне? — спросил Кэмерон.

— Не мое дело. Военный министр сам объяснит, не волнуйтесь. Мне поручено лишь показать вам пациента. Мистер Локк, будьте любезны, подождите здесь…

Сопровождающий кивнул и поудобнее устроился в кресле. Бранн пригласил Кэмерона и Дюбро пройти в прохладный, слабо освещенный

коридор.

— Я лично им занимаюсь. Кроме двух санитаров, к нему больше никого не пускают. Разумеется, он под круглосуточным наблюдением.

— Буйный?

— Нет, — ответил Бранн. — Он… На самом деле это не совсем в моей компетенции. — Врач открыл дверь. — Сюда. У него галлюцинации. Ничего необычного, если бы не одно «но».

Кэмерон фыркнул:

— Каков диагноз?

— Ну, предварительно — паранойя. Он мнит себя другим человеком. Несколько… гм… экзальтированным.

— Иисусом Христом, что ли?

— Нет. Иисусов у нас полно. Эм — двести четыре считает себя Мухаммедом.

— Другие симптомы?

— Пассивные. Мы даже кормим его насильно. Видите ли, он Мухаммед после смерти.

— Сталкивался с таким, — кивнул Кэмерон. — Возвращение в материнское чрево — побег от действительности?

— В какой он позе? — спросил Дюбро, и Бранн одобрительно кивнул:

— Хороший вопрос. Он не принимает позу

эмбриона. Лежит на спине, вытянув ноги и сложив руки на груди. Не разговаривает, глаза не открывает. — Нейропсихиатр отпер еще одну дверь. — У него отдельная палата. Санитар!

Когда они вошли в прекрасно оборудованную, комфортабельную палату, их встретил дюжий рыжеволосый санитар. В углу стояла каталка, в стеклянном футляре находилось приспособление для принудительного кормления больного. Дальше в стене имелась прозрачная пластиковая дверь. Санитар кивнул в ту сторону:

— Сэр, у пациента плановый осмотр.

— Не медицинский, — объяснил Бранн. — Его осматривает какой-то техник, кажется физик.

Дюбро обратил внимание на шестифутовую стремянку, казавшуюся инородным телом в этой аккуратной, стерильной палате. Пластиковая дверь открылась, вышел озабоченный мужчина, бросил на гостей удивленный взгляд из-под толстых очков и сказал:

— Пригодится.

Он схватил лестницу и снова скрылся за дверью.

— Так, — сказал Бранн, — пойдемте-ка посмотрим.

Смежная комната была пустоватой, но все рав-

но достаточно уютной. Кровать стояла вдали от стены. На полу лежали какие-то приборы, а сам физик двигал к кровати стремянку.

М-204 лежал на спине, сложив руки на груди и закрыв глаза. Его морщинистое лицо не выражало ровным счетом ничего. Но лежал он не на кровати. Он парил в пяти футах над ней.

Дюбро непроизвольно принялся высматривать скрытую леску, хотя и понимал, что тут не до фокусов. Не было никакой лески. Не лежал М-204 и на прозрачном столе. Он в самом деле висел в воздухе.

— Ну что? — спросил Бранн.

— Летающий гроб Мухаммеда…[80] между небом и землей, — произнес Кэмерон. — Бранн, в чем тут штука?

— Это не в моей компетенции. — Врач подкрутил усы. — Мы провели стандартные тесты, взяли общий анализ крови, мочи, сняли кардиограмму, проверили обмен веществ… Это стоило нам большого труда, — добавил он, кривясь. — Пришлось привязывать пациента, чтобы сделать рентген. Он же летает!

Физик, весьма рискованно усевшийся на

[80] Примечания: 80

В Средние века в Европе ходила легенда, будто гроб пророка Мухаммеда с помощью мощных магнитов парит в воздухе посреди Мекки.

ступеньке стремянки, возился с проводами и датчиками, время от времени задумчиво фыркая. Дюбро наблюдал, как он двигает туда-сюда какой-то прибор.

— Бред какой-то! — вырвалось у Дюбро.

— Этот физик со вчерашнего утра здесь, — объяснил Бранн. — Эм — двести четыре обнаружили висящим в лаборатории. В его поведении уже тогда были нарушения, но он еще мог говорить. Сообщил, что он Мухаммед. Через полчаса перестал реагировать.

— А сюда вы его как доставили? — спросил Дюбро.

Врач снова подкрутил усы:

— Да как воздушный шарик. Мы можем его перемещать. Стоит отпустить, и он снова взлетает. Вот так.

— На вид ему лет сорок, — заметил Кэмерон, разглядывая М-204. — Но вы обратили внимание на его ногти?

— Обратил, — мрачно ответил Бранн. — Еще неделю назад они были вполне ухоженными.

— А чем он занимался на той неделе?

— Чем-то крайне секретным. Военная тайна.

— То есть он открыл способ нейтрализовать гравитацию… и от изумления… Нет. Он был бы

готов к такому результату. Вот если бы он работал, скажем, над бомбоприцелом, а вместо этого вдруг воспарил… — Кэмерон осклабился. — Но как человек может…

— Не может, — перебил его физик с лестницы. — Не способен он на такое. Даже в теории антигравитация реализуема лишь с помощью специальных инструментов. Наверняка мои приборы шалят.

— С чего вы взяли? — спросил Кэмерон.

Техник поднял устройство:

— Видите стрелку? Это датчик. Теперь смотрите.

Он дотронулся металлическим проводом до лба М-204. Стрелка опустилась по шкале до нуля. Затем резко рванулась к максимуму, задрожала там и снова вернулась к нулю.

Техник спустился.

— Вот. Мои приборы не работают на этом парне. Везде работают, а тут — нет. Не знаю, что и думать. Может, его организм подвергся химическим или физическим преобразованиям. Но даже в таком случае качественный анализ должен быть возможен. Чепуха какая-то. — Бормоча себе под нос, он принялся собирать оборудование.

— Но в теории возможно, чтобы объект парил

в воздухе? — спросил Кэмерон.

— Объект тяжелее воздуха? Конечно. Дирижабли летают с помощью гелия. Магнитом можно поднять кусок железа. В теории даже человек может взлететь. Это, знаете ли, не проблема. В теории возможно почти все, что угодно. Но должно быть логическое обоснование. А как найти это обоснование, когда приборы не работают? — Техник разочарованно махнул рукой; морщинистое, как у гнома, лицо сердито скривилось. — Это поиск вслепую. Я даже не знаю, над чем работал пациент. Вот где нужно искать причину, а не здесь!

— Еще вопросы есть? — Бранн покосился на Кэмерона.

— Нет. Пока нет.

— Тогда вернемся в кабинет.

Там дожидался Локк. Увидев вошедших, он нетерпеливо вскочил:

— Мистер Кэмерон, готовы?

— Куда теперь?

— В военное министерство.

Дюбро беззвучно застонал.

Глава 3

В течение ближайших четырех часов...

Инженер-ракетчик в девяносто четвертый раз проверил микросхему, откинулся в кресле и расхохотался. Его смех перешел в непрерывный пронзительный вопль. В конце концов дежурный врач вколол ему апоморфин и смазал пересохшее горло. Но проснувшись, инженер снова принялся орать. Это давало ему ощущение безопасности.

Микросхема, которую он изучал, была деталью одного из устройств, массово сброшенных врагом. Четыре таких устройства взорвались, убив семерых механиков и повредив ценное оборудование. Эти взорвавшиеся устройства были теми самыми Пустышками.

Физик встал из-за стола с бумагами, молча вошел в лабораторию, смонтировал рабочую высоковольтную цепь и убил себя током.

Роберт Кэмерон, держа под мышкой досье, вернулся в Нижний Чикаго и поспешил к себе в кабинет. Дверная ручка на ощупь была самой обыкновенной. Он сел за стол, открыл досье, раз-

ложил фотографии и таблицы. Настенные часы показывали без одной минуты семь. Он сверил время с наручными часами.

Кэмерон решил дождаться семи мелодичных ударов. Их не последовало. Он снова посмотрел на белый циферблат.

Циферблат открыл рот и произнес:

— Семь часов.

Сет Пелл был главным помощником и единомышленником Кэмерона. В свои тридцать четыре он уже поседел, хотя круглое лицо осталось как у подростка. Если не считать директора, Пелл был, пожалуй, самым компетентным специалистом в области психометрии, но хуже Кэмерона разбирался в технологии.

Он вошел в кабинет и уверенно улыбнулся Дюбро.

— Чего налить? — спросил Сет. — Успокоительного или чего покрепче?

Дюбро не разделял столь легкомысленного настроения. Под его глазами пульсировали жилки.

— Сет, если бы ты так и не появился…

— Знаю: миру пришел бы конец.

— Шеф рассказал, в чем дело?

— Я ему не дал, — ответил Пелл. — Убедил его включить «Дрему» на десять минут. Немножко

психодинамики — и вуаля, теперь он крепко загипнотизирован.

Дюбро глубоко вздохнул. Пелл уселся на стол и принялся стричь ногти.

— Ладно, — сказал Сет. — Я поверил тебе на слово, что шефа надо загипнотизировать. Другому бы не поверил — обычно я котов в мешке не беру. И что дальше?

Дюбро вдруг почувствовал слабость. Если не убедить Сета сейчас… Впрочем, он не сомневался, что сможет убедить. Опасность была реальной, слишком очевидной, чтобы спорить.

— Утром приходил военный министр Календер. Шеф был занят, и я предложил Календеру мою помощь. Он был настолько озабочен, что согласился, чего в другой ситуации не случилось бы, хоть он и знает, что я доверенное лицо шефа. Он кое-что рассказал — не много, но достаточно, чтобы понять: у нас проблемы. И загвоздка в том, что все, кто пытался их решить, сошли с ума.

— Ага. — Пелл даже не поднял голову.

— Не хочу, чтобы шеф тоже спятил, — твердо сказал Дюбро. — Я ему «Пикса» подсыпал перед встречей с Календером, но это все, что было в моих силах. Хоть какая-то помощь, раз ты считаешь, что придется устроить ему искусственную

амнезию.

— Я спец по мнемонике, — ответил Пелл. — Однако… Пойдем-ка посмотрим. — Он слез со стола.

— Календер не позволил мне присутствовать при их разговоре с шефом, — сообщил Дюбро. — Не знаю, что они обсуждали.

— Вот и выясним. Идем.

Кэмерон лежал на диване в своем кабинете. Экран с «Дремой» по-прежнему торчал из стены. Дышал директор медленно и ровно. Пелл пощупал его пульс, Дюбро принес стулья.

— Порядок. Теперь пора поколдовать. Кэмерон, вы меня слышите?

Долго ждать не пришлось. Пелл был экспертом в психодинамической терапии, и Кэмерон полностью ему доверял. Вскоре Пелл откинулся и скрестил ноги.

— Боб, что тебе рассказал министр Календер?

— Он…

— Ты меня узнал?

— Да. Ты Сет. Он… рассказал…

— Что?

— «Иди в обратную сторону, чтобы встретить Красную Королеву, — произнес Кэмерон, не открывая глаз. — Белый Конь едет вниз по кочерге».

У Пелла брови полезли вверх.

— «Того и гляди упадет»[81], — шепотом закончил цитату Дюбро.

— Вроде того, — ответил Кэмерон. — Сет, это ты?

— Я, кто же еще… Так что там с Календером?

— Беда, вот что. Мы нашли формулу, которая, похоже, ничего не значит. Для нас не значит, но не для врага. Неизвестно, как уравнение попало к нам в руки. Наверное, шпионы постарались. Оно важное, его нужно решить, но в нем нет логики.

— К чему оно может применяться?

— Можно найти и общее, и частное применение. Как закону всемирного тяготения. В нем есть постоянные, но… сумма отдельных членов не равна целому. Полностью уравнение не сходится. По частям — да. Видимо, придется отбросить логику. Враг это уже сделал. Он начали сбрасывать бомбы, способные пробить силовые поля. Что невозможно в принципе. Устройство бомб изучили, но ничего не поняли. Кроме одного: оно как-то связано с этим уравнением. Техники бьются над ним… и сходят с ума.

— Почему?

---

[81] Примечания: 81

Из «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла, перевод Н. Демуровой.

— Эм — двести четыре — один из первых, кто над ним работал. — Кэмерон не дал прямого ответа. — Задачу решить он не смог, зато узнал, как нейтрализовать силу тяготения, и свихнулся. Или в обратном порядке. Сет, мы должны найти решение. Я мельком взглянул на уравнение… Оно у меня на столе.

Пелл указал пальцем. Дюбро встал и собрал бумаги, сложив в аккуратную стопку. Передал их Пеллу, но тот даже не взглянул.

— Нужно найти ответ, — настаивал Кэмерон. — Иначе враг получит безграничное могущество…

— Враг решил это уравнение?

— Сомневаюсь. Возможно, отчасти. Но решит, если мы не помешаем.

Пелл широко улыбнулся, и все же Дюбро заметил, как вспотел его лоб под седыми волосами.

— Мы должны найти решение, — повторил Кэмерон.

Пелл встал и поманил Дюбро обратно в кабинет.

— Неплохо вышло, — сказал он. — Ты это хорошо придумал.

— У меня будто гора с плеч свалилась. Я ведь сомневался…

— Если твоя жена сломает ногу, ты места не

будешь себе находить, пока врач не приедет, — сказал Пелл. — А потом сразу успокоишься, потому что ответственность перешла к более компетентному человеку. Ты свое дело сделал. Врач же обучен лечить переломы, и груз ответственности его не тяготит.

— Но в данном случае… мы не обучены?

— Я еще не видел уравнения. — Пелл бросил бумаги на стол. — И не уверен, что хочу увидеть. Догадываюсь, что́ этот болван Календер наплел шефу. «В ваших руках судьба нации, ваш долг — найти человека, способного устранить проблему; если не справитесь — проиграем войну» и так далее. Взвалил на бедного шефа непосильное бремя ответственности. Реши уравнение или сойди с ума. Ты так же думаешь?

— Более-менее. — Дюбро задумчиво закусил губу. — Этот пациент эм — двести четыре… Он догадался, что уравнение чрезвычайно важно, и предпочел сойти с ума. Если верить тебе, простая паранойя. Видимо, он частично решил, но так и не понял главного. Само уравнение является оружием, а не его побочные продукты.

— Если никто не станет решать уравнение, это сделает враг. Уже сейчас он научился преодолевать силовые поля, а что будет, когда он

получит все ответы?! Нет, работать надо, но не так, как считает Календер. Этот идиот небось верит, что и проказу можно одним распоряжением вылечить.

— Я подумал, что мы могли бы стереть шефу сегодняшние воспоминания, — неуверенно предложил Дюбро. — Вместо них внедрить безвредные псевдовоспоминания. А затем снова представить ему проблему, предварительно обезопасив ее.

— Умно, — кивнул Пелл. — Главное — не дать шефу почувствовать ответственность. Это наша первостепенная задача, хотя я пока не уверен… — Он покосился на часы. — Первым делом вылечим шефа. Жди здесь.

Он вышел. Дюбро сел за стол рассматривать фотографии и машинописные листы. Какие-то символы он понимал, другие — нет.

Однако он заметил, что числу пи было присвоено произвольное и неверное значение. Может, дело в этом?

Лучше не вникать. Дюбро повернулся к окну, но пейзаж расплылся перед глазами. Может ли уравнение в самом деле вызывать безумие?

Конечно. Уравнение — конкретное выражение абстрактной проблемы. Взять, например, старый

опыт с лабораторной крысой и тревожным расстройством. Между крысой и едой неожиданно опускают дверцу, отрезая путь. Спустя некоторое время крыса при каждом закрытии дверцы забивается в угол и дрожит. Нервный срыв.

Закончить эту бесконечную, невыносимую войну было бы высшим благом. Но проиграть ее!..

Враг думает точно так же. После стольких десятилетий промывки мозгов о поражении никто не помышляет. Люди привыкли к войне настолько, что перестали ненавидеть противника, но при этом твердо знают: проиграть нельзя.

Бомбы падают с обеих сторон. Роботы ведут свои вялотекущие сражения. Но настоящие воины — это техники, которые двигают фигуры и придумывают новые гамбиты. В дипломатах давно исчезла нужда, их упразднили. Переговоры с неприятелем не ведутся, только внезапные бомбардировки служат своего рода посланиями.

Послания принимаются, но они неубедительны. Воздушные торпеды не способны повредить мозговые центры противоборствующих стран.

— Мистер Пелл, курьер от военного министра, — объявили по громкой связи.

— Мистер Пелл занят, — ответил Дюбро. — Пускай курьер подождет.

— Говорит, ситуация чрезвычайная.

— Подождет!

Ненадолго воцарилось молчание. Затем…

— Мистер Дюбро, он не станет ждать. Он хочет увидеть директора, но мистер Пелл приказал передавать все сообщения через него, поэтому…

— Пошлите его ко мне, — ответил Дюбро и повернулся к двери.

Та открылась почти сразу.

По коричнево-черной форме курьера сразу стало понятно: он из Секретной службы. Люди, носившие в петлице значок стрелы, встречались редко и подчинялись непосредственно Генеральному штабу. Этот человек…

Он был крепко сложен, с почти отсутствующей шеей, с ежиком волос, в холодном свете отливающем бронзой. Но внимание Дюбро привлекли его глаза. В них было выражение сдерживаемого восторга, дикой эйфории, которой разум не позволял сорваться с привязи. Тонкие губы пребывали под контролем. Только черные глаза выдавали радость.

— Дэниел Риджли, — протянул он свой диск.

Дюбро прочитал, сравнил фотографию с лицом стоящего перед ним человека. В этом не было необходимости: когда идентификационный

значок снимался с запястья владельца, вся информация с него автоматически стиралась.

— Мистер Риджли, — сказал Дюбро, — мистер Пелл освободится через несколько минут.

— Дело неотложное, — сдерживая нетерпение, пробасил Риджли. — Где он?

— Я же сказал…

Курьер бросил взгляд на дверь и шагнул к ней. Дюбро преградил ему путь. В черных глазах Риджли вспыхнуло непонятное лихорадочное возбуждение.

— Вам туда нельзя, — твердо произнес Дюбро.

— С дороги! У меня приказ.

Дюбро не шелохнулся. Курьер сделал лишь одно легкое движение, и секретарь кубарем покатился через весь кабинет. Он не попытался снова встать на пути у Риджли. Вместо этого он бросился к столу Пелла и выдвинул ящик. Там хранился вибропистолет — изящное, сложное устройство из прочного кристалла и блестящего металла.

Руки плохо слушались, они сделались как квашня, и Дюбро едва не выронил пистолет. Он почувствовал себя персонажем нелепой мелодрамы: война на истощение идет уже столько лет, а люди не умеют толком обращаться с оружием. Насколько он знал, этот вибропистолет вообще

ни разу не применялся.

— Назад! — воскликнул он, прицеливаясь.

Риджли повернулся к нему. Широкие плечи опустились, коренастое тело чуть пригнулось. Глаза продолжали сверкать в насмешливом дьявольском упоении, к которому теперь примешался стремительный холодный расчет.

Риджли двинулся на Дюбро.

Ступая по-кошачьи, он остановился в четырех шагах от секретаря и замер. Его лицо было непроницаемо и сосредоточенно. Дюбро почувствовал, как по животу сбегает холодный пот.

— У меня приказ, — повторил Риджли.

— Надо подождать.

— Нет! — отрезал курьер. — Не могу.

Все его тело будто сжалось, как у гигантской кошки перед прыжком. Он не был вооружен, но выглядел гораздо более опасно, чем Дюбро со своим пистолетом.

Щелкнул замок. Дверь в смотровой кабинет Пелла открылась. На пороге возник мужчина — не старше двадцати лет, худой, бледный, сутулый, в измятой рубашке и шортах. Глаза были закрыты. Он издавал отрывистый, неприятный горловой звук, дергая губами так, что тон то повышался, то понижался.

— К-к-к-к-к-ко-о-о!

Он приблизился. На пути стоял стул. Парень с закрытыми глазами обошел его, а затем и стол.

— К-к-к-к-ко-о-о! Ко-о-о-к-к-к-к-к!

Дюбро слишком замешкался. Ловким движением Риджли выхватил у него вибропистолет и отскочил назад. Его взгляд метался от Дюбро к незнакомцу.

— Это еще кто?

— Спросите что полегче, — ответил Дюбро. — Не знал, что у Пелла тут пациент… Наверное, пациент. Но…

— К-к-к-к-к-ко-о-о!

Парень явно возбуждался. Он остановился и начал непроизвольно вздрагивать. Неприятный звук превратился в резкий клекот:

— Ко-о-о-к-к-к-к-ко-о-о!

— Ну, мне все равно нужно увидеть директора, — заявил Риджли. — Он на месте?

— Занят, — ответил Сет Пелл. — Я за него. Можете со мной поговорить.

Помощник стоял у двери в кабинет Кэмерона, непринужденно улыбаясь, словно в руке у Риджли не было вибропистолета.

— Бен, — обратился он к Дюбро, — отведи пациента в смотровую. Если надо, сделай укольчик.

Но должно хватить и таблетки успокоительного.

Дюбро нервно сглотнул, кивнул и взял парня под руку.

— К-к-к-к-к-к!

Он отвел дрожащего пациента в смотровой кабинет и быстро уложил на стол. Накрыл одеялом с подогревом, дал розовую пилюлю; парень вскоре затих и почти перестал дрожать. Дюбро настроил сигнализацию, чтобы зазвенела, если пациент слезет со стола, и быстро вернулся в кабинет Пелла.

Вибропистолет лежал на столе. Риджли тихо, но резко что-то втолковывал. Пелл оставался на прежнем месте.

— …Я должен передать это лично директору. Так распорядился военный министр.

— Бен, соедини-ка меня с Календером, — попросил Пелл.

Он кивнул Риджли и скрылся за дверью. Когда вернулся, на экране уже виднелось массивное, суровое лицо Календера.

Курьер вынул из кармана металлический цилиндр. Вышедший из-за спины Пелла Роберт Кэмерон даже не удостоил его вниманием. Директор двинулся прямо к экрану и встал напротив Календера.

— А, Кэмерон, — сказал военный министр. — Вы получили…

— Послушайте, — перебил Кэмерон, — до дальнейших распоряжений все сообщения и требования должны проходить через моего помощника Сета Пелла. Не надо мне ничего приносить. Звоните Пеллу. Это касается и Генштаба, и прочих важных учреждений.

— Что? — опешил Календер. Его квадратная челюсть отвисла. — Ладно, ладно, — нетерпеливо бросил он. — Но мне нужно обсудить с вами кое-что. Мой курьер…

— Я с ним не разговаривал. Пелл разберется.

— Кэмерон, это официальное дело! — сорвался Календер. — Чрезвычайной важности! Никаких помощников! Я хочу…

— Господин министр, — тихо парировал Кэмерон, — вот что я вам скажу. Я не подчиняюсь Генштабу. Я управляю Департаментом психометрии и не позволю, чтобы мне указывали, как это делать. Я имею полное право передать дела Сету Пеллу, если мне того хочется. Пока правительство не даст вам больше полномочий, чем у вас есть сейчас, вы не должны вмешиваться в мою работу. Конец связи!

У военного министра был такой вид, будто его

вот-вот хватит удар. Кэмерон щелкнул выключателем и направился к своему кабинету. Курьер шагнул вперед:

— Мистер Кэмерон…

Тот смерил его холодным взглядом:

— Слышали, что я сказал мистеру Календеру?

— У меня приказ. — Риджли протянул ему металлический цилиндр.

Директор помешкал, но взял контейнер.

— Ладно, ваша работа сделана.

Он передал цилиндр Пеллу и вернулся в кабинет. Дверь тихо закрылась.

Пелл постучал цилиндром по костяшкам пальцев и выжидающе посмотрел на Риджли.

— Ладно, — сдался курьер. — Я ведь вручил посылку директору. — Он покосился на Дюбро, отдал честь и вышел.

— Обошлось. — Пелл бросил цилиндр на стол. — Хорошо, что шеф мне помог.

Дюбро на всякий случай потрогал вибропистолет.

— А шеф что, не…

— Все в порядке, — улыбнулся Пелл. — Время на решение задачи у нас есть. Я дал директору несколько установок — быструю мнемоническую рутину. Он не помнит ничего, что сегодня

было. Теперь у него ложные воспоминания, и можно представить ему проблему, не возлагая груз ответственности, — надо только понять, как это сделать.

— Он ничего не подозревает?

— Шеф мне доверяет полностью. Я попросил временно предоставить решение всех вопросов мне и не спрашивать почему. Он, конечно, задумается об этом, но не догадается. Я стер все опасные воспоминания.

— Все до единого?

— Абсолютно.

Кэмерон открыл окно и посмотрел в пульсирующую красную мглу. Какое-то смутное воспоминание беспокоило его, но не сильно. Оно было частью того состояния, которое взяло над ним верх и с которым ему предстояло бороться. На это была причина. Должна была быть. Если пройти психиатрическую экспертизу… Нет. Это неправильно. Зрительные, слуховые и тактильные галлюцинации…

Смутное воспоминание вернулось. Оно не вписывалось в события прошедшего дня, унылого, ничем не примечательного. Кэмерон весь день не покидал кабинета, ответил на несколько звонков, но это воспоминание, как и дверная ручка

и улыбающийся циферблат, настойчиво кралось в разум.

Человек, парящий в воздухе.

Галлюцинация.

Глава 4

— Шеф ушел домой, — сообщил Дюбро.

— Ну и хорошо. — Пелл разложил на столе бумаги.

— Может, кому-то из нас…

Помощник резко посмотрел на Дюбро.

— Бен, расслабься, — спокойно сказал он, — а то давление повысится. Шеф не станет отвечать на звонки. Все перенаправит ко мне. Гм… — Пелл задумался. — Вот, возьми эти карточки и расположи по алфавиту, пока мы разговариваем. Или «Дрему» глянь.

Дюбро взял карточки и принялся машинально раскладывать.

— Извини. Слишком близко к сердцу всю эту историю принимаю.

Седые волосы Пелла блеснули, когда он склонился над диаграммами.

— Почему?

— Не знаю. Сочувствие?..

— Чепуха. Если бы хотел, я бы дергался, как и ты. Но я изучал историю, литературу, архитектуру и еще кучу всего, чтобы не одной психиатрией заниматься. Дорическая колонна совершеннее тебя.

— Ага. Но я могу построить дорическую колонну.

— А можешь построить сортир за домом. В этом и проблема. Ты с равной долей вероятности можешь построить и то и другое. — Пелл усмехнулся. — «Любить людей себе дороже… у них у всех тупые рожи».

— Кто это сказал?

— Один парень по фамилии Нэш[82]. Ты о нем и не слышал. Бен, штука в том, что я немного человеконенавистник. Если кто-то хочет мне понравиться, пускай сначала докажет, что заслуживает моей симпатии. Это мало кому удавалось.

— Опять философия, — проворчал Дюбро и выронил карту. — Что это? «Деформация нёба в двадцатилетнем возрасте…»

— Случаи, которые я сейчас исследую, — от-

---

[82] Примечания: 82

Имеется в виду американский поэт-сатирик Огден Нэш (1902–1971). Однако таких стихов он не писал. У него есть строки с похожим смыслом, но другими словами. А почти дословно эта цитата встречается в стихотворении английского поэта Уолтера Александра Рэли (1861–1922).

ветил Пелл. — Ценность, правда, чисто академическая. Нет, никакой философии, просто меня не увлекает ничто из того, что угрожает человечеству в целом. Люди не избирательны. Избирательность они утратили, когда променяли инстинкты на интеллект. Поэтому им никак не удается приструнить свои творческие позывы. Даже птичье гнездо можно назвать гениальным образцом архитектуры.

— Это тупи́к.

— Да, птиц я тоже не слишком люблю, — заметил Пелл. — Они недалеко ушли от рептилий. Но люди… Через пятьдесят или сто пятьдесят тысяч лет они, может, и научатся избирательности. И тогда с ними будет интересно общаться. Пока же род людской барахтается в болоте, а я слишком привередлив.

— И что это доказывает? — раздраженно спросил Дюбро.

— Мой эготизм. — Пелл рассмеялся. — А также объясняет, почему эта угроза меня вовсе не беспокоит.

Дюбро подумал, что это вовсе не объясняет, почему Пелл так пренебрежительно отнесся к опасности, угрожающей директору. Кэмерон — ближайший друг Пелла. Нет, сохранять спо-

койствие ассистенту позволяют иные свойства его разума: внутренняя сила и железная дисциплина.

Дюбро не слишком хорошо знал Пелла. Восхищался им и доверял ему, но даже не пытался докопаться до причин сдержанности, которую Пелл прятал за внешней бесцеремонностью. Дюбро нередко об этом задумывался. Даже в нынешние аморальные времена о личной жизни Сета Пелла ходили весьма скандальные слухи…

— Ага, — произнес Пелл. — Задачка действительно не из простых. Все, кто пытался решить уравнение, либо перенесли сильнейший стресс, либо совсем свихнулись. За исключением тех, кто смог переложить ответственность на других. Враг сбрасывает бомбы, которые преодолевают силовые барьеры. Несколько бомб взорвалось, большинство — нет. Похоже, прямую связь здесь не установить. Одно устройство не может работать в одной системе с другим. Уже двенадцать специалистов из разных областей сошли с ума. Двое с суицидальными наклонностями покончили с собой. Некий Пастор — физик — утверждает, что решит уравнение за несколько дней. Проверить пока невозможно. И так далее и так далее. Надо лично опросить каждого. Наша задача

— собрать данные и сопоставить их. Включая информацию о том, что часть уравнения позволяет нейтрализовать силу тяжести.

Дюбро закончил раскладывать карточки по алфавиту и перевернул их.

— Как мы представим проблему шефу?

— Ну… главное, чтобы он не понял, насколько это важно. Думаю, лучше всего замести ее под ковер. Надо вести себя как ни в чем не бывало и ни в коем случае не показывать ему уравнение. Он слишком хороший ученый. Если попробует сам решить, его затянет. Нет, сначала нужно собрать всю актуальную информацию, убедиться, что она безопасна, и уже тогда идти к шефу. Придется побегать.

— А справимся? Нет ли риска настолько преуменьшить значимость ключевых факторов, что…

— Нам надо с точностью определить, почему техники сходят с ума в процессе решения уравнения. А для шефа нужно найти кого-то, кто сможет решить. — Пелл поднялся. — На сегодня достаточно, пора и отдохнуть.

Он сунул бумаги в ящик и что-то подкрутил. Над столом раскинулся купол ледяного белого света.

— Надежность силовых барьеров вызывает сомнения, раз враг теперь пробивает их бомбами, — заметил Дюбро.

— Я еще сжигатель включил, — ответил Пелл. — Но кому взбредет в голову красть уравнение? У врага оно и так есть.

Он вышел в смотровую, Дюбро за ним. Парень по-прежнему спал на мягком столе. Глаза были закрыты, дыхание выровнялось.

— Кто это? — спросил Дюбро.

— Билли ван Несс. Банальная история. Он из той группы, чьи карточки ты сортировал. Замедленное созревание; теперь ему двадцать два, а физические и эмоциональные изменения начались только два месяца назад. У пациентов есть кое-что общее: все они родились в радиусе двух миль от Пустышек.

— Родители подверглись излучению, которое повлияло на гены? — Дюбро мысленно представил серебристый полуразрушенный купол на сухом холме.

— Может быть.

— Враг?

— Если враг, то его оружие не сработало. Таких случаев меньше сорока. Странно, конечно: еще два месяца назад все эти люди были абсолютно

нормальными, если не считать задержки в созревании. Тут они резко повзрослели, и обнаружились непонятные психологические изменения. Ну и деформация нёба… Хотя эмоциональные нарушения, конечно, интереснее. Они вообще не открывают глаза. Знакомый симптом?

— Еще бы!

— Но…

— Подожди-ка, — перебил Дюбро. — Этот парень прекрасно видит. Он легко обошел подвернувшийся на пути стул.

— Да, это они все умеют, — улыбнулся Пелл. — Как экстрасенсы. Когда ходят — это, впрочем, бывает редко, — ни на что не натыкаются. Но при этом они не ходят по прямой. Всегда передвигаются хаотично, зигзагами, как будто огибают не только реально существующие предметы, но и еще что-то.

— Нарушение баланса?

— Нет, равновесие они держат отлично. Просто ходят так, словно по всему полу яйца разложены. А отчего этот парень так взбудоражился?

Дюбро высказал несколько предположений.

— Странно, — ответил Пелл. — Обычно они пассивны и активизируются только поблизости от Пустышек. Возбуждаются и сразу начинают

издавать свои причудливые звуки. Неприятные, согласен.

— Сет, а каков прогноз?

Пелл покачал головой.

— Если стандартные методы не сработают, попробую всякие мнемонические штучки. Может, откачу разум парня к тем временам, когда все было нормально. Ладно, давай сюда карточки. — Пелл положил их на стол и вызвал медсестру. — Сегодня Билли может остаться в отдельной палате. Бен, не забудь плащ. Нам пора.

— А инструменты… — начал было Дюбро.

— Для этой терапевтической процедуры не понадобятся. — Пелл усмехнулся. — В ближайшие часы нас ждет только болтовня. Вижу, давление у тебя все-таки поднялось. «Дрема» тут уже не поможет. Если бы я дал тебе «Пикс» и отправил восвояси, ты бы послушался, но подсознательно все еще испытывал бы тревогу. А так сможешь расслабиться, потому что я старший по должности и ответственность на мне.

— Но… Сет, послушай…

— Если сегодня ты перетрудишься, то завтра у нас обоих крыша съедет.

На этот отрог Скалистых гор можно было попасть только на вертолете. Небо как будто бес-

порядочно просверлили; в разреженном воздухе низкие звезды сияли особенно ярко. Млечный Путь расплескался над вайомингским горизонтом к востоку, ледяной ветер заставлял Дюбро крепко сжимать челюсти. Затем активировалось силовое поле, оставив небо за куполом тихо потрескивающего света.

Дом под куполом напоминал шале, но покатые крыши здесь были не для красоты: в этих краях зимой насыпáло по нескольку ярдов снега. Сейчас снега не было, под ногами Дюбро похрустывала голая промерзшая земля. Они с Пеллом поднялись на крыльцо и вошли в просторную комнату, интерьер которой, казалось, подбирал человек с напрочь отсутствующим чувством вкуса. Мебель представляла добрый десяток временны́х периодов: под гобеленами стоял диван в стиле эпохи Людовика XIV, на викторианский мраморный пьедестал была водружена копия «Птицы в пространстве» Бранкузи, смотревшаяся весьма нелепо. На полу восточные ковры лежали вперемешку со звериными шкурами, со стен смотрели головы охотничьих трофеев. Целую стену занимал сегментированный экран. Под ним стояла приставка с «Волшебной страной» и сложный пульт, каких Дюбро отродясь не видел.

— Пастор сам мебель подбирал? — пробормотал себе под нос Дюбро.

— Конечно, — ответили ему сзади. — Все до последнего предмета. Но гости иногда пугаются. Нормально долетели? Воздушные потоки здесь коварные.

— Обошлось без приключений, — сказал Пелл.

Дюбро уставился на морщинистого человека, похожего на гнома. Доктор Эмиль Пастор глядел на него в ответ сквозь толстые стекла очков.

— А, это вы, — произнес он. — Запамятовал, как вас?

— Дюбро. Бен Дюбро. Сет, мы с доктором Пастором встречались в лечебнице, он занимался тем пациентом эм — двести четыре. Который левитировал.

— Левитировал? — Пастор выразительно надул щеки. — Это, знаете ли, мягко сказано. Я выяснил, над какой частью уравнения он работал. Удивительная штука, чисто символическая логика, если не считать одного момента. Точнее, двух. Если полностью нейтрализовать силу тяготения, центробежная сила запустит вас в космос по прямой. Так? Но эм — двести четыре просто завис в воздухе. Согласно его выводам — и условию уравнения, — такой фокус теоретически возможен.

Вам просто нужно взять произвольные значения двух символов уравнения, — орбитальной скорости Земли и силы, необходимой, чтобы тело покинуло зону действия земного притяжения.

— Произвольные значения? — переспросил Дюбро.

— Именно. Вообще-то, они постоянные. Первое — шестьдесят шесть тысяч шестьсот миль в час, второе — шесть миллионов килограммов на метр. Согласно уравнению, чтобы покинуть зону притяжения, нужно всего десять километров, а первую постоянную можно вообще проигнорировать. Она равна нулю. Земля не вращается вокруг Солнца.

— Что? — опешил Пелл.

Пастор вскинул палец:

— Знаю. Эм — двести четыре сумасшедший. Но его безумие небеспричинно. Он считает, что может левитировать, потому что Земля не вертится. И левитирует. Но она все-таки вертится!

— А что насчет этих десяти километров? — спросил Пелл. — Энергия…

— И это тоже, — кивнул Пастор. — Чтобы поддерживать такой баланс, назовем его антигравитацией, необходимо постоянно расходовать энергию. Если, конечно, ваша орбитальная ско-

рость не настолько высока, чтобы продолжать движение, как, например, у Луны. Но эм — двести четыре не вырабатывает энергию, так? Или вырабатывает?

— Вы говорили, что ваши приборы давали сбой, — напомнил Дюбро.

— Это серьезная проблема, — согласился коротышка-физик. — Возможно, с точки зрения эм — двести четыре, Земля в самом деле не вращается вокруг Солнца. Но мои приборы не способны это зафиксировать, они созданы на Земле, которая вращается. — Он усмехнулся. — Впрочем, извините, я так увлекся делом, что забыл о правилах этикета. Раздевайтесь. Выпьете что-нибудь? Или вам сразу «Дремы»?

Дюбро расстегнул магнитную застежку и бросил плащ на вешалку, за которую он надежно зацепился.

— Спасибо, я воздержусь. Мы ненадолго. Вы…

— Я бы уже решил уравнение, — перебил его Пастор, — если бы большие шишки не перевели меня из Нижнего Манхэттена. Они обнаружили, что отдельные бомбы взрываются, и решили, что я могу разрушить пещеру. Вот и отправили сюда. Если здесь у меня что-нибудь взорвется, силовой барьер не допустит многочисленных жертв.

— Но ведь эти бомбы пробивают силовые поля, — заметил Пелл.

— Пробивают. Прошу за мной.

Пастор отвел посетителей в тесную лабораторию, где бóльшая часть оборудования была собрана наспех и выглядела весьма нетрадиционно. Он порылся на захламленном столе и достал фотокопию:

— Это диаграмма бомбового механизма. Разбираетесь в электронике?

— Не слишком, — ответил Пелл, а Дюбро просто мотнул головой.

— Гм… ну ладно. Так или иначе, взгляните вот на эту хитрую штуковину. В системах одного типа она будет работать, а в других — нет. Для других систем предназначена вот эта игрушка. Но здесь обе прекрасно функционируют в одной системе. Мы пытались с этим разобраться, из кожи вон лезли и в лепешку расшибались, но факт остается фактом: два несовместимых элемента прекрасно взаимодействуют. Это невозможно. Но работает.

Пелл уставился на диаграмму.

— Что думаете? — спросил Пастор.

— Думаю, инженерам, которым поручено выяснить, каким образом бомбы пробивают силовые поля, сейчас ох как несладко.

— Насколько я могу судить, уравнение основано на вероятностной логике, — сказал физик. — Оно полно взаимоисключающих положений.

— Вроде «дважды два — пять»? — спросил Дюбро.

— Скорее вроде «А и Б сидели на трубе», — поправил Пастор. — Простым языком не объяснить. Эксперт по семантике на все это плюнет. Вот здесь говорится, — он указал на бумагу, — что тело в состоянии свободного падения движется со скоростью пятьсот футов в секунду. Затем это же тело падает уже со скоростью девять дюймов в секунду. И это основополагающее заключение!

— То есть для вас это бессмыслица? — спросил Пелл.

— Не совсем. Догадки брезжат, — признался Пастор; он подошел к раковине и вымыл руки. — Мне нужно прилечь. Немножко «Дремы» не повредит. Но сперва закончим разговор, хотя я толком не знаю, что еще вам рассказать.

— К слову, о переменных… — пораздумав, сказал Пелл. — Наши ученые считают некоторые постоянные краеугольными камнями, истинами, на которых зиждется наука.

— Но что есть истина? — спросил Пастор, вытирая руки. — Я порой об этом задумываюсь. Так

или иначе…

Они вернулись в большую, заставленную мебелью комнату. Физик подошел к пульту «Волшебной страны», рассеянно нажал на кнопки.

— Не знаю, — сказал он. — Стараюсь ко всему подходить непредвзято, но не понимаю, каким образом бомбы пробивают силовые поля, особенно бомбы, которые в принципе не должны взрываться.

— Может ли это быть как-то связано с Пустышками? — спросил Дюбро. — Они считаются вражеским оружием, которое не сработало. А по сути, это непреодолимые силовые поля.

— Непреодолимые? Согласен. — Пастор даже не повернулся. — Насчет силовых полей не уверен. Я изучал Пустышки, работая в составе двух экспедиций, и выдвинул пару теорий, с которыми никто не согласился. Разумеется, двадцать два года назад мой ум был гибче. — Он ухмыльнулся. — Если ознакомитесь с досье по тому делу, найдете утверждения некоего Бруно, что он обнаружил сильное радиационное излучение одной из Пустышек.

— Честно говоря, я уже об этом читал. — Пелл сел на диван, наклонившись вперед. — Но без подробностей.

— Доказательств представлено не было, — сказал Пастор. — Излучение продолжалось около часа, датчик Бруно был единственным, работавшим в то время, а график по одной точке не построишь. Однако в излучении наблюдались некоторые закономерности. Бруно предположил, что это попытка выйти на связь.

— Знаю, — ответил Пелл. — Но на этом доклад заканчивается.

— Об остальном могли только гадать. Кто использует радиацию для связи?

Дюбро вспомнил Билли ван Несса, его закрытые глаза и хриплое «К-к-к-ко-о-о!». Изменение основных генов, незаметное до запоздалого взросления, воплотилось в необъяснимом психическом отклонении…

— А теперь Пустышки ничего не излучают? — спросил он.

— Не замечали.

Тогда почему люди вроде Билли ван Несса выходили из ступора, оказываясь неподалеку от заржавевших серебристых куполов? Вряд ли потому, что узнавали знакомое место, да и в экстрасенсорику тоже не слишком верится. Подобные воспоминания должны быть приобретенными, а не унаследованными.

— Вообще-то, кое-какое излучение от Пустышек исходит, — поправился Пастор, — иначе мы бы смогли в них забраться. Но источник определить не удается. В любом случае сомневаюсь, что Пустышки как-то связаны с этим уравнением.

— Вы, главное, его решите, — бросил Пелл. — Это, знаете ли, дело небезопасное.

— Есть риск сумасшествия. Хотите постучать мне по коленке?

— По правде говоря, да, — ответил Пелл. — Конечно, если вы не возражаете.

— Вовсе нет.

— Бен?

Работа была рутинная. Дюбро наблюдал, как Пелл задает физику на первый взгляд не связанные вопросы, которые на самом деле выстраивались в логическую цепочку, и записывал. Наконец тестирование завершилось, и Пастор с улыбкой откинулся в кресле.

— Все в пределах нормы. Но вы асоциальный тип, — заключил Пелл.

— И тем не менее не социопат. У меня жена и двое детей. — Физик указал на трехмерный портрет из прозрачного пластика. — И я прекрасно приспосабливаюсь.

— Никогда прежде не видел такого набора

«Волшебной страны». Часто пользуетесь?

— Часто. — Пастор снова взял пульт. — Про заводские настройки я давно позабыл. Создаю собственные системы и парадоксы…

На экране вспыхнули яркие полосы и линии. Похоже, они складывались в какую-то картинку.

— В этой последовательности я обозначил человеческие эмоции цветами, а сюжет придумываю по ходу дела, — объяснил физик.

Они некоторое время смотрели на переливающийся разными цветами экран. Затем Пелл поднялся:

— Доктор Пастор, не будем лишать вас сна. Позвоните, если узнаете что-нибудь новое?

— Обязательно. — Пастор выключил «Волшебную страну». — Не сомневайтесь, я решу это уравнение за несколько дней.

— Он так в этом уверен, — заметил Дюбро, когда они с Пеллом сели в вертолет.

— Непохоже, что действует наугад. Но у него в голове все перемешано. Непростая он рыба, Бен.

— И вкус у него напрочь отсутствует.

— Не берусь судить. Возможно, вкус у него специфический. Нужен подробный психологический портрет Пастора на основе сегодняшних наблюдений. Набросай и отправь мне, как только

сможешь; я доработаю. Если Пастор решит уравнение, то честь ему и хвала. Но если нет…

— Склонность к психопатии у него имеется?

— При определенных условиях любой может сойти с ума. На суицидника или маньяка он не похож. Максимум — шизофреник, но и в этом я не уверен. Летим в Нижний Чикаго. Если успеем до утра собрать в одну кучу достаточно данных, можно будет ее на стол шефу вывалить.

Дюбро достал из бардачка курительную трубку и глубоко вдохнул. Во рту у него пересохло. Пелл усмехнулся:

— Все нервничаешь?

— Немножко.

На самом деле нервничал Дюбро изрядно. Диафрагма была напряжена, дышалось тяжело, а по коже бегали мурашки. Он ерзал в мягком кресле, пока шестеренки в голове не закрутились свободно, не цепляясь за мысли.

— Cui bono?[83] — сказал Пелл. — Помни, ответственность лежит не на нас.

— А на ком?

— Мы не сможем решить уравнение. Даже не найдем человека, который сможет, если не спра-

---

[83] Примечания: 83
Кому хорошо? *(лат.)*

вится Пастор. Все это в компетенции шефа.

— Ага, — ответил Дюбро, но мурашки продолжали бегать у него по рукам.

Глава 5

Рябь в зеркале усилилась. Концентрические круги расходились из одной точки, искажая отражение Кэмерона. Он отошел, и рябь постепенно исчезла.

Тогда он снова встал напротив зеркала. Как только его лицо отразилось в стекле, рябь вернулась. Кэмерон подождал, и рябь вскоре прекратилась.

Впрочем, каждый раз, когда он моргал, появлялись небольшие круги, по одному на глаз, и искажали гладкую поверхность.

Угол отражения равен…

Кэмерон вгляделся в свое усталое лицо под копной седых волос и постарался держать веки открытыми.

Моргнул.

Рябь.

Невероятно.

Он отвернулся. Осмотрел комнату. Теперь в этой комнате за всем нужен глаз да глаз. Она ста-

ла ему чужой, несмотря на то что в этом доме он прожил много лет. Если ему изменило зеркало, то может изменить и рельефный истоптанный пол. И бильярдный стол. И светящийся потолок, и…

Кэмерон резко повернулся и поднялся по лестнице, не включая эскалатор. Ему хотелось ощущать под ногами твердую поверхность, а не тихо скользить, не забывая ни на секунду, что Земля потеряла былую монолитность.

Вдруг он сильно вздрогнул. Только жесткий самоконтроль теперь не позволял ему…

Ничего чрезвычайного не случилось. Просто он шагнул на ступеньку, которой не было. Случается.

Увидел ли он эту несуществующую верхнюю ступеньку? Кэмерон попытался вспомнить, но не смог.

Это уже не впервые. Такое случалось, когда он отвлекался, когда забывал. Верхняя ступенька появлялась там, где ее не должно было быть. Неосязаемо. Возможно, даже незримо.

Видеофон звонил. Кэмерон успел к нему быстрее Нелы. Та пожала плечами и отвернулась. Ее маленькая темная голова вдруг напугала Кэмерона. Он подержал руку на переключателе, проводив Нелу взглядом. Что бы он сделал, если

бы лицо Нелы вдруг появилось у нее на затылке?

Или не Нелы.

Он подождал. Боялся отвести взгляд, пока она не повернулась к нему. Это по-прежнему была Нела, с ее холодными, удивленными темными глазами и носом с горбинкой. Ему нравилось, что она не прибегла к омолаживанию. Мудрые взрослые глаза выглядели бы странно на молодом лице. А так лицо было зрелым, но сохранило свою привлекательность, и это успокаивало Кэмерона.

— Ну что? — спросила она, приподняв брови. — Отвечать будешь?

— А? Ой! — Кэмерон включил монитор.

На экране появилось грубое темное лицо Дэниела Риджли. Курьер демонстрировал идентификационный диск на запястье.

— Чрезвычайное сообщение от военного министра…

— Передайте Сету Пеллу, — холодно перебил Кэмерон.

В черных глазах курьера мелькнула искра эйфории.

— Сэр, министр настаивает…

Кэмерон выключил монитор. Экран мигнул и спустя секунду снова задребезжал. Кэмерон

отключил приемник.

Он облокотился на корпус и уставился в никуда. Локоть начал проваливаться в дерево. Кэмерон отдернул руку и мельком посмотрел на Нелу. Та взбивала подушки на диване.

Она ничего не заметила. Никто не замечал. Да и с чего бы им?

— Ты на взводе, — заметила Нела. — Иди сюда, приляг.

— Ты одна это видела, — сказал Кэмерон. — Нела, я…

— Что?

— Да ничего. Наверное, перетрудился. Надо бы взять отпуск.

Кэмерон подошел к односторонним окнам. Ему были видны залитые лунным светом холмы, но свет из дома наружу не выходил; стекла блокировали его, чтобы не привлекать вражеские самолеты, если тем каким-то образом удастся миновать береговые батареи.

— Приляг.

Если он послушается, диван под ним может растаять. Комната слишком хорошо знакома. Она вызывает латентный страх.

Самые знакомые вещи изменяли Кэмерону в первую очередь.

Лучше быть среди чужих вещей. Так не сразу заметишь, если с ними начнет твориться неладное. Или это неверная логика? Обманчивая? Но попробовать стоит.

Он подошел к дивану сзади и чмокнул Нелу в макушку.

— Схожу проветрюсь. Не жди.

— Дети сегодня звонили, а ты даже запись не посмотрел.

— Никуда не денется. Нравится им в школе?

— Повод поворчать они всегда найдут. Но вроде нравится. Дорогой, они быстро растут. В этой школьной форме… — Нела тихо рассмеялась. — Помнишь?

Он помнил. Близнецы родились у них четырнадцать лет назад. Неожиданно. Супруги строили планы, далекоидущие планы…

Кэмерон еще раз поцеловал Нелу и вышел на улицу. Вертолет отвез его к Вратам. Дальше на пневмомобиле в Нижний Чикаго, но не на работу. Кабинет тоже слишком привычен.

Он отыскал люк и вышел в Промежуток, там машинально снял со стойки фонарь и сунул его в карман. Позади гигантская артерия Пути вилась кольцами, прячась во тьме, словно огромный змей мифического Мидгарда.

Кругом раздавались низкие громовые раскаты. Земля под ногами была твердой, каменистой. Кэмерон шел медленно, разглядывая титанов на службе города.

Помпы вздыхали и кашляли; сердце Нижнего Чикаго билось в алой мгле. Неподалеку вырос какой-то механизм и скрылся в тени. Из темноты высунулся поршень диаметром пятьдесят футов, задержался немного и ушел обратно. Он двигался вперед и назад, вперед и назад, снова вперед…

Под сводами пещеры, где укрылся Нижний Чикаго, бегали молнии.

Вжжж-чпок!

Это поршень.

Тссс…

Сжатый воздух.

Тррр…ттрр…

Помпа.

Ноги Кэмерона шаркали по пыльному шлаку. Внизу что-то шевелилось. Он присел, глядя на красно-черные предметы, быстро и бесшумно скользившие в золе.

Шахматные фигуры.

Его рука прошла сквозь них.

Фокус подсознания.

Фигуры ходили парами. Проекция его мыслей,

занятых страной в Зазеркалье, где не всегда случается то, чего ожидаешь. Никаких фигур на самом деле нет…

Кэмерон не посмотрел еще раз, чтобы убедиться в этом. Он развернулся и быстро зашагал к ближайшему Пути, не слыша эхом разносящийся вокруг грохот Промежутков.

Люк открылся, Кэмерон вышел и занял свободное место на конвейере. Положил руку на мягкий подлокотник. Вдруг что-то ткнулось ему в ладонь, и он инстинктивно сжал пальцы.

Металлический цилиндр.

Он обернулся. На соседнем, более медленном конвейере, ненадолго смыкавшемся с его, чуть позади ехал Дэниел Риджли. Темные глаза курьера возбужденно сверкали.

Кэмерон поднял руку и бросил цилиндр обратно.

Курьер дернулся и поймал. С губ сорвался беззвучный смех.

Директор нажал на кнопку, и его кресло отъехало в сторону. Кэмерон выскочил из него, охваченный беспричинной леденящей паникой. Теперь ему захотелось вернуться в знакомую обстановку, а не скитаться по тусклым дебрям Промежутков. Рядом флигель его клиники, там

можно укрыться…

От чего?

Он оглянулся, но Риджли и след простыл.

Паника не отпускала. Кэмерон вошел в лифт и наобум нажал кнопку. Двери открылись, и перед ним оказалась мрачная тихая комната с десятком бледных прямоугольных кроватей.

Кэмерон сделал несколько шагов и замер, погружаясь в царившую здесь безмятежность.

— С вами все хорошо? — спросила медсестра.

— Да, — ответил Кэмерон. — Это директор.

— Поняла, мистер Кэмерон…

Лифт будто вздохнул. Раздался низкий гул, означавший недозволенное проникновение. Голос медсестры с экрана зазвучал вновь, но тут же оборвался. Кэмерон развернулся и попятился.

Позади была дверь. Он пошарил в поисках ручки, но та прошла между пальцами, точно фарш. Кто-то шел по коридору снаружи, издавая резкие горловые звуки.

На другом конце комнаты сдвинулась решетка лифта, из кабины появилась коренастая, бесформенная фигура курьера.

В коридоре за спиной продолжало раздаваться:

— Ко-о-ок-к-к…

Риджли двинулся к Кэмерону. Тот заметил ци-

линдр в руке курьера.

— Вам сюда нельзя. — Директор оставил в покое бесполезную дверную ручку. — Убирайтесь!

— У меня приказ. Чрезвычайной важности.

— Идите к Сету Пеллу.

— Военный министр потребовал доставить вам лично.

Кэмерон отчасти осознавал, насколько иррационален этот кошмар. Все, что ему нужно было сделать, — это принять цилиндр и, не открывая, передать Сету Пеллу. Сущий пустяк. Но почему-то при виде неуклюжей фигуры, надвигающейся на него, директор вовсе не ощущал ситуацию пустяковой.

— К-к-ко-о!

Риджли вложил цилиндр в руку Кэмерона.

Дверь за спиной директора распахнулась, впустив полосу бледного света. Кэмерон обернулся и заморгал. В ответ на него уставился Сет Пелл, придерживавший за плечо молодого человека в больничной пижаме. Парень весь дрожал, его глаза были закрыты, а из горла вырывался неприятный хриплый клекот.

Дюбро тоже был с ними. Его моложавое лицо выглядело напряженным. Он протиснулся мимо Кэмерона в палату.

— Бен, аккуратнее, — сказал Пелл. — Шеф…

— Возьмите это. — Кэмерон протянул ему цилиндр. — Курьер Календера…

Пациент вдруг перестал дрожать, клекот затих у него в глотке. Без выражения, быстрым, отрывистым голосом он произнес:

— Все слишком низкие и плоские, кроме этого, нового… Я его раньше видел… Он тянется правильно, далеко, далеко, дальше, чем все остальные… Не дальше блестяшек, но он совершеннее в течение своего срока…

Парень запнулся. Дюбро поймал на лице Риджли новое выражение — необъяснимое дикое наслаждение.

— Простите за беспокойство, — спокойно произнес курьер. — Задание выполнено. Мне пора.

Никто не попытался его задержать.

Через час Кэмерон лежал в «Дреме» у себя в кабинете, а Дюбро и Пелл занимались Билли ван Нессом. Парень был погружен в гипнотический транс третьей степени, и из непонятных звуков, издаваемых им, постепенно стали рождаться слова. Но прежде чем они выстроились во внятную последовательность, прошло немало времени.

Дюбро крутил семантический интегратор диктографа и наблюдал, как на экране складываются

фразы. Он читал их, беззвучно шевеля губами. За спиной тихо, ровно дышал Пелл.

— Значит, никакой экстрасенсорной перцепцией тут и не пахнет, — заключил Пелл. — Это экстратемпоральное восприятие. Кое-что объясняет. Например, почему ван Несс и ему подобные так передвигаются. Определенные симптомы дезориентации. Человек просто обходит предметы, которых нет в данном месте в данный момент, но которые либо были там когда-то, либо появятся в будущем. Он тянется к объектам, которые переместили, скажем, неделю назад. Он не ориентируется во времени, потому что чувствует его течение.

— Бред какой-то, — произнес Дюбро.

Пелл посмотрел на экран:

— Как тебе такая версия? Некая раса разумных существ в далеком будущем снарядила экспедицию. Зачем — не важно. Представим, что они ни капли не похожи на людей и живут в будущем, через пятьдесят, а то и сто миллионов лет. Может, им грозило вымирание и они решили спастись в другом времени, а не в другом пространстве. Двадцать два года назад эти люди прибыли сюда в Пустышках. Не выжили. Но пока еще оставались в живых, они говорили на своем чудно́м

языке. Общались не с помощью звуковых волн и колебаний воздуха, а с помощью проникающего излучения. И быть может, они всегда излучали радиацию.

Дюбро покосился на загипнотизированного парня и сглотнул. Пелл продолжал рассуждать ровным, холодным тоном:

— Проникающее излучение. Из-за него нарушается генетика и возникают мутации. Но мутации строго определенного типа. Единственно возможные. В результате происходит своего рода скрещивание двух совершенно не похожих друг на друга видов. На ментальном уровне. Genus Homo и genus… X!

Возможно, они представляли собой финальную стадию эволюции земной жизни. Эти инопланетяне никогда не были людьми, они выросли из других семян невообразимое время назад.

Они нашли способ перемещаться во времени. Это было нелегко, потому что они могли существовать только в особых, почти уникальных условиях.

Семьдесят четыре временны́х защитных купола вдруг появились в мире genus Homo. Из этих капсул представители genus X с удивлением разглядывали фантастическую чужую планету, как

люди разглядывают потоки кипящей лавы, яростно извергающиеся из трещин в земной коре.

В течение часа купола излучали проникающую радиацию, что было неотъемлемым свойством genus X. Человеческие гены отреагировали на это излучение и изменились.

Прежде чем genus X погибли, они передали некоторым эмбрионам genus Homo определенные способности, которые не проявлялись вплоть до запоздалого созревания. Но даже тогда способности genus X оказались бесполезны для недоразвитых людей.

Наследники могли чувствовать течение времени. Но к тому моменту, как в них просыпалась эта способность, они успевали вконец свихнуться.

— Наверняка в Пустышках сохранилась остаточная энергия, — предположил Пелл. — Эти мутанты ее чувствуют. Или видят…

— А что насчет Риджли?

— Я порылся в документах. Прежде не было отмечено, чтобы мутанты так возбуждались, не находясь рядом с Пустышкой. Помнишь, что парень сказал, когда увидел… почувствовал Риджли?

— Боюсь, смешалось со всяким разным, — признался Дюбро. — Значит, версий у нас несколь-

ко? — Он кивнул на экран.

— Да. Для того, кто способен видеть течение времени, ребенок может выглядеть плоским. Нет, не так. Зависит от продолжительности жизни ребенка. Если ему суждено дожить до ста лет, он будет уже достаточно выпуклым. Но Билли сказал, что все, кроме Риджли, слишком низкие. Риджли тянется в верном направлении, дальше, чем все остальные в палате, но не так далеко, как некие «блестяшки».

— Пустышки? Сет, минутку. Если Билли чувствует течение и длительность времени, это может означать лишь то, что Риджли доживет до глубокой старости.

Пелл фыркнул:

— Ты понимаешь, из какого далекого будущего прилетели Пустышки? Не надо длину муравья в Эверестах измерять. Если в представлении Билли продолжительность жизни Риджли выглядит долгой, это наверняка означает: гораздо дольше привычного нам.

— Не спеши с выводами. Данных пока недостаточно…

— Ты присутствовал, когда я опрашивал парня. Посмотри, как интегратор расшифровал его ответы. — Пелл ткнул пальцем в экран. — Как

тебе этот список? Я спросил пациента, что он чувствует в этой комнате, и…

Список был длинным и неточным. В него входили мебель, которая была в палате в данный момент, оборудование, вывезенное уже несколько лет назад, аппарат для диатермии, который должны были доставить на следующей неделе, центрифуга, прибытия которой ожидали уже месяц, и куча неизвестных инструментов, включая такие, что, вероятно, еще не были изобретены.

— Настоящее мало значит для Билли ван Несса, — продолжил Пелл. — Он рассказал, что́ чувствует в этой палате в прошлом, настоящем и будущем. Взгляни на словесные ассоциации. Все они указывают на длительность времени, и Риджли как-то с этим связан. Бен, я же неспроста спрашивал именно это.

— Ну и что теперь? — Дюбро облизнул губы.

— Полагаю, что Риджли прибыл из будущего. Не того, откуда Пустышки, а чуть поближе к нам.

— Сет, черт побери! Это никак не докажешь…

— Не докажешь, знаю. Все доказательства, которые я так или иначе могу раздобыть, будут сугубо эмпирическими. Но, учитывая известные нам факты, ответ напрашивается только один.

— На любой вопрос можно взять ответ с потол-

ка, — парировал Дюбро, — если проигнорировать вероятности. С тем же успехом можно сказать, что Риджли — гоблин, нашедший лампу Аладдина!

— Я не утверждаю со стопроцентной уверенностью. Чисто теоретически, ничего более. Билли ван Несс обладает экстратемпоральным восприятием. Его временны́е аналогии указывают, что продолжительность жизни Риджли, конечно, гораздо меньше периода полураспада радия, но примерно равна таковому периоду у железа. Был бы парень металлургом, может, объяснил бы точнее. Не знаю, какой тип железа он имеет в виду. Но согласно экстратемпоральному восприятию Билли, у Риджли и самого обычного железа примерно одинаковая продолжительность жизни.

— И сколько живет железо?

— Сам выясни. Пойдем ко мне в кабинет?

В кабинете Пелл сделал звонок и запросил досье на Дэниела Риджли.

— Теперь будем ждать. Бен, присядь. Что думаешь?

— По-прежнему думаю, что ты слишком торопишься с выводами. — Дюбро присел на пуфик. — Могут быть и другие объяснения. Зачем сразу бросаться в крайности?

— Предположение, что Пустышки прибыли из

будущего, тебя почему-то не смутило.

— Это другое, — противоречиво ответил Дюбро. — Они ничего не делают. А Риджли что делает? Хочет всех взбаламутить? Выполняет приказы Календера?

— Военный министр, конечно, тупой солдафон, но не предатель. Возможно, Риджли действует по собственной инициативе. Предположим, он вражеский агент. Но вот что меня изначально смутило: как фалангисты смогут решить уравнение? Они не из будущего. Их технологии не намного лучше наших, а то и хуже. Мы живем в одном полушарии, фалангисты — в другом, но мы современники. Они не сверхлюди, не пришельцы. Они такие же, как мы. А вот Риджли… Я все-таки думаю, что он из будущего и зачем-то вмешивается в не касающийся его конфликт. А может, и касающийся. Не знаю. — Пелл состроил гримасу. — Я проголодался. Давай закажем чего-нибудь. Уже три ночи, а мы всё на ногах.

Он отключил силовой барьер, окружавший рабочий стол, и сделал заказ через микрофон.

— Что касается отчета, который надо передать шефу, — продолжил Пелл, раскладывая свежую стопку бумаг и пленок, — он составлен. Опасные детали мы отсеяли. Нелегкая выдалась рабо-

тенка.

— Сет, насчет Риджли…

— Давай по порядку. Я уверен, что Риджли как-то связан с уравнением. Он пытался передать шефу опасную информацию. От этого мы теперь защитимся. Последнее сообщение от военного министра: еще семь техников сошли с ума. Пастора среди них нет, он по-прежнему трудится в своем горном убежище. Но опасность становится все серьезнее. Уравнение нужно решить, пока его не решил враг.

— А если все техники в стране сойдут с ума? — предположил Дюбро.

— Над столь сложной задачей могут работать только лучшие. Другим квалификации не хватит. Но эти люди — единственное, что не позволяет нам проиграть войну. Они придумывают атакующие и оборонительные стратегии. Если наши лучшие техники спятят, а количество сумасшедших неуклонно растет, то любой натиск врага может застать нас врасплох. Радует только одно: сумасшедших можно вылечить.

— Ну да, понимаю, к чему ты клонишь, — после некоторых раздумий ответил Дюбро. — Они решили, что лучше сойти с ума, чем нести ответственность за решение нерешаемого уравнения.

Покажи им решение, и к ним вернется рассудок. Так?

— Примерно так. Ничто в их историях болезни, — Пелл похлопал по стопке папок на столе, — не указывает на неизлечимые патологические состояния. Как только мы… — Он запнулся и воззрился мимо Дюбро. — Привет, Риджли.

Дюбро резко вскочил и повернулся к курьеру. Риджли стоял у закрытой двери, сверкая глазами. Его лицо, как обычно, не выражало эмоций. Подняв руку, он показал что-то настолько ярко блестящее, что Дюбро толком не разглядел.

— Слишком легко, — произнес Риджли.

— А вам бы потруднее, да? Легко не будет, уверяю вас.

— Уверены?

— Как вы нас находите? Каким-то сканирующим лучом?

— Вроде того, — признался Риджли.

Предмет в его руке слабо задрожал, и яркие лучи на миг ослепили Дюбро.

— Значит, мы правы, — сказал Пелл. — Вы из будущего.

— Да.

— Так, может, туда и свалите? — огрызнулся Дюбро.

Он впервые заметил реакцию на угловатом лице курьера — нечто похожее на страх.

— Нет, мне здесь нравится, — ответил Риджли. — Но лучше бы никому больше не знать обо мне столько, сколько знаете вы двое. Поэтому…

Дюбро покосился на Пелла в ожидании сигнала. Но помощник директора даже не приподнялся с кресла.

— Рановато вы выключили сканер, — улыбнувшись, сказал Пелл курьеру. — Я запросил проверку. Вашу проверку, Риджли. Если мы вдруг умрем или исчезнем, кто-нибудь наверняка задастся вопросом, почему мой последний запрос был о вас.

— Вас не найдут, — сказал Риджли, но его голос дрогнул.

Курьер задумался. Напряжение в кабинете росло. Вдруг в глазах Риджли вновь вспыхнуло радостное возбуждение.

— Хорошо. Не хотите по-хорошему, будет по-плохому. — Он нашарил у себя за спиной дверную ручку и выскользнул из кабинета.

Дюбро дернулся за ним, но тихий оклик Пелла его остановил:

— Бен, не надо. Не геройствуй. Ты ведь даже не вооружен.

Дюбро раздраженно фыркнул:

— Но не сидеть же сложа руки! Разве мы не можем потребовать, чтобы его… арестовали? Или…

— Я подумаю. — Пелл усмехнулся. — Расслабься. Остуди голову. Вот. — Он бросил на стол голубую пластмассовую карточку. — Как насчет отключиться на несколько часов?

— Что это? — Дюбро поднес карточку к глазам.

— Весьма редкая штуковина, — ответил Пелл. — Она открывает дверь в сад земных наслаждений. Покажи ее в «Синих небесах» в Нижнем Манхэттене, и получишь невообразимую дозу экстраверсии. Особенно полезно при повышенном давлении. Их «Мурашки» — это нечто! Отправляйся туда. Это приказ. Карточка тебе поможет.

— А ты? — спросил Дюбро. — Что, если Риджли вернется?

— Не вернется. Жду тебя утром, бодрого и готового ко всему. Ступай.

Дюбро вышел.

Глава 6

Над планетой вставал розовато-серый рассвет, за которым едва поспевало солнце. Холодные

лучи озарили затихшую землю. Уже были видны усыпавшие континент крошечные поселения, и лишь несколько огненных полос, похожих на метеоры, выдавали, что покой обманчив. Серые шрамы на месте городов — Нью-Йорка, Детройта и Сан-Франциско — понемногу покрывались буйной растительностью, расползавшейся из диких чащоб, бывших некогда городскими парками.

В неподвижном воздухе кружили вертолеты с полозковыми шасси. Восходящее солнце сияло на проржавевших серебристых скорлупках — монументах genus X. Вереницы военных тянулись к стоянкам пневмомобилей.

А до рассвета…

…сошло с ума еще трое техников, двое из которых были незаменимыми инженерами-электронщиками.

Позднее утро. Пелл с веселой улыбкой вошел в кабинет Дюбро:

— Ну как, воспользовался карточкой?

— Э-э-э… нет, — ответил Дюбро. — Слишком вымотался. Включил «Дрему», теперь мне лучше.

— Как знаешь, — развел руками Пелл. — Пришел отчет по Риджли. Он не просто курьер, а весьма надежный, многократно проверенный секретный агент. Провернул несколько опера-

ций, которые усилили позиции нашей стороны. На службе уже семь лет, но время от времени куда-то пропадает. Причина не указана. Необычно, но… это весьма ценный кадр.

— Для кого? — спросил Дюбро. — Для врага?

— Для нас, Бен, — с недоумением посмотрел на него Пелл. — Это меня и смущает. Ему удалось раздобыть чертежи устройств, которые нам очень помогли. В его верности никогда не возникало сомнений.

— И что теперь делать?

— Пока ничего, — неуверенно ответил Пелл. — Но на всякий случай положу некоторые бумаги в сейф. Код есть у шефа. Запомни.

— Как шеф? — сменил тему Дюбро.

— Нервный. Дерганый. Не знаю почему. Я передал ему информацию об уравнении пару часов назад, заодно с сопутствующими данными, что мне удалось добыть. Чтобы он не почуял подвоха, я представил это как полутеоретический материал. Не сказал, что дело срочное, иначе он понял бы его важность. Напичкал все кодовыми словами, несущими эмоциональную окраску, противоречащую его характеру, чтобы он подсознательно их сторонился и первым делом занялся отредактированным уравнением.

— Насчет Риджли он не интересовался?

— Я свалил это на солдафонов. Сказал, что Риджли просто выполнял приказ — доставить сообщение директору Департамента психометрии. Не знаю, поверил ли шеф, но я задал ему еще пару задачек для ума, которые займут его на какое-то время. На случай, если он вдруг задумается, почему я так хочу изолировать его и играю роль посредника. Я все предусмотрел. Скоро он решит, что враг готовит на него покушение. Самое обыкновенное, с помощью каких-нибудь токсинов. Пускай верит в это. Угроза личной безопасности не должна ни в коей мере его побеспокоить.

— Ага. Ну а у меня ничего нового. Билли ван Несс даже не шевелится. Кормим его через капельницу, как обычно. Доктор Пастор звонил из своей горной виллы. Говорит, к вечеру решит уравнение.

— Отлично. В каком он состоянии?

— Так себе. Я уведомил службу скорой помощи Вайоминга, чтобы были наготове. Четких симптомов помешательства, правда, не заметил. Говорил он торопливо, но не как психопат. Похоже, ответственность на него не давит.

— Хорошо бы так, — сказал Пелл. — Идем. Шеф хочет побеседовать об уравнении.

— Уже?
— Он у нас шустрый.

Кэмерон сидел за столом и смотрел на дождь. И думал: если пройти в дверь, дождь прекратится? Нет, черта с два. Он уже пробовал. Ходить по колено в невидимой воде — сомнительное удовольствие.

Косые завесы дождя бросали серые тени на стены. Капли тихо стучали по макушке Кэмерона, стекали по лицу и по рукам. Ему стоило огромных усилий не двигаться. Внутри его все бурлило и клокотало.

Он представил, что в его голове установлен датчик со шкалой и стрелка угрожающе подбирается к красной зоне. Терпение было на исходе. Куда подевался Пелл?

Но стоило двери открыться, как дождь перестал. Кэмерон посмотрел на ладони: сухие. Как и его стол и ковер.

В висках застучало.

Он вдруг пожалел, что Пелл и Дюбро объявились. Это означало, что теперь ему нужно что-нибудь делать. Пока сидел неподвижно, стараясь ни о чем не думать, он был защищен от предательства. Черт с ним, с дождем; если не пытаешься ни к чему притронуться, предметы

не ускользают от тебя и не превращаются в бесформенные кучи.

Кэмерон глубоко вздохнул.

— Бен? — произнес он спокойнее и увереннее, чем сам ожидал.

— Я решил, что ему неплохо бы послушать, — ответил Пелл. — Нашли ответ?

— Вроде бы, — осторожно сказал Кэмерон. — Ты не дал мне всех необходимых условий, но, кажется, способ решения существует. Для чего оно?

— Вам лучше пока не знать. Область применения все еще полутеоретическая. — Пелл сел; Дюбро последовал его примеру.

— Я бы сказал, чисто теоретическая. Смотрите. Уравнение основано на постоянных, превращенных в переменные. Ты хочешь знать, какой эффект оно окажет на различных специалистов — ученых. Также ты утверждаешь, что решение этого уравнения является важным фактором выживания и его необходимо получить. Верно, Сет?

— Верно, — кивнув, спокойно ответил Пелл, а затем скрестил ноги и прикрыл глаза. — Что думаете?

— Вы кое-чего недосказали. Если техники не в силах решить уравнение, в определенных обстоятельствах они сходят с ума.

— Шеф, это очевидно.

Кэмерон посмотрел на стол, задумался и, кажется, потерял нить разговора.

— Значит… гм… это уравнение подразумевает, что сама истина является переменной. Точнее, несколько истин, и все они логичны и точны. При определенных условиях, скажем, яблоко падает на землю; при других условиях оно взлетает ввысь. В первом случае знакомый нам закон всемирного тяготения работает. Во втором он не работает; его заменяет произвольное, но столь же истинное положение.

— Могут ли сосуществовать взаимоисключающие истины? — спросил Пелл.

— Это маловероятно, — ответил Кэмерон. — Я бы сказал, что нет. Тем не менее предположим, что такое уравнение существует, хотя бы в теории. Любой техник, обученный сложной механической работе, хорошо знает базовую физику и принимает некоторые вещи как должное. Например, вышеупомянутый закон всемирного тяготения. Или закон термодинамики. Но если техник опустит руки в кипяток и правая обварится, а левая замерзнет, он перестанет понимать физику. Если вещи такого рода продолжат случаться… — Кэмерон остановился.

— Да-да? — поторопил его Пелл.

— Гм… Тогда он начнет искать убежище в безумии. Его разуму, его воображению не хватит гибкости, чтобы принять новый набор переменных истин. Для него это будет равносильно попаданию в Зазеркалье. Алиса спокойно туда прошла, но она была ребенком. Взрослый на ее месте сошел бы с ума.

— Любой взрослый?

— Ну, сам Льюис Кэрролл, пожалуй, решил бы это уравнение, — задумавшись, ответил Кэмерон. — Да, не сомневаюсь.

Пелл кивнул:

— У человека, который придумывает такие бредовые истории, должен быть гибкий, не ограниченный общепринятыми величинами разум. Так?

— У человека, который придумывает свои правила. Да, верно.

— Найти бы пару таких людей и изучить их психологию, — сказал Пелл. — Кандидаты есть?

— Сразу не скажу. Среднестатистический ученый по умолчанию не гибок, его разум, скорее, напоминает лопасть винта. В широкой части его воображение весьма богато, но оно подавляется узкой частью — общепринятыми положениями.

Сет, я подумаю, как организовать проверку.

— Хорошо. — Пелл встал.

Вернувшись в кабинет Дюбро, двое коллег недоумевающе переглянулись. Пелл усмехнулся:

— Пока полет нормальный. Есть кандидаты на роль нового Льюиса Кэрролла?

— Без проверки не поймешь. Знаешь современных математиков, которые сказки пишут?

— Ни одного. И среди сказочников не припомню таких, чтобы увлекались математикой. Но вообще-то, «Алиса» — не сказка.

— А что? Аллегорическая притча?

— Символическая, мастерски выведенная из произвольно выбранных основ. Чистейший полет фантазии. Что ж, попробуем набрать людей для проверки. Может, шеф что-нибудь придумает. Изучи хобби известных нам техников, воспользуйся архивом внизу. А я составлю психологический портрет человека, который мог бы нам подойти.

— Ладно, — ответил Дюбро.

Через двадцать минут видеозвонок отвлек его от диктографа. На экране появилось морщинистое, как у гнома, лицо доктора Эмиля Пастора.

Дюбро подскочил и нажал кнопку вызова Пелла.

— Доктор Пастор! Рад вас видеть. Есть новости?

Косматая голова кивнула. На голубом фоне что-то мелькнуло, кажется птица. Голубой фон? Откуда?..

— Я закончил, — сказал Пастор. — Теперь я осознаю нереальность всего сущего.

— Вы решили уравнение?

— Уравнение?.. Нет, не целиком. Но достаточно. Достаточно, чтобы увидеть путь. Если захочу, смогу решить и остальное. А, мистер Пелл.

— Здравствуйте, доктор, — сказал Пелл, входя в зону видимости сканера. — Я попросил мистера Дюбро вызвать меня, когда вы позвоните. Спасибо, Бен. Я пропустил что-нибудь важное?

— Доктор Пастор говорит, что может решить уравнение, — сообщил Дюбро.

— Но не буду, — моргая, ответил Пастор.

— Объясните почему? — без удивления попросил Пелл.

— Потому что теперь ничто не имеет значения, — ответил Пастор. — Я это твердо понял. Все пусто, как мыльный пузырь, и существует лишь благодаря согласованным усилиям воли и общему принятию ожидаемого.

Он сошел с ума.

Дюбро заметил, как поник Пелл.

— Я хотел бы обсудить это с вами с глазу на глаз, — сказал помощник директора. — Можно к вам прилететь? Только не забудьте отключить силовой барьер, когда я…

— А его уже нет, — спокойно ответил Пастор. — Я перестал в него верить, и он исчез. От моего дома тоже мало что осталось. Я оставил видеофон и кусок стены, потому что обещал вам позвонить. Но теперь… даже не знаю. О чем нам говорить?

— Об уравнении? — предположил Пелл.

Лицо Пастора резко помрачнело.

— Нет, об этом я разговаривать не хочу.

Дюбро заметил, что Пелл подает ему сигнал.

— Извините, — сказал он и быстро вышел из кабинета.

Ему потребовалось три минуты, чтобы вызвать вайомингскую скорую помощь и попросить, чтобы отправили вертолет на гору, где живет Пастор.

Дюбро вернулся в кабинет и встал за спиной у Пелла. Пастор еще говорил:

— …Невозможно в точности объяснить вам теорию. Там участвуют переменные, с которыми вы вряд ли согласитесь. Но на практике они весьма эффективны. Я всего-навсего приложил волевое

усилие, и мой дом исчез.

— И это неотъемлемая часть уравнения?

— Разумеется.

— Не понимаю, как…

— Вот так, — сказал Пастор.

Его морщинистое лицо мучительно сосредоточилось. Он поднял руку и указал. Дюбро вдруг напрягся всем телом.

— Вас не существует, — сказал Пастор Пеллу.

И Сет Пелл исчез.

Кэмерон собирался пообедать в своем кабинете. На столе уже стоял нагруженный едой поднос. Директор сунул ложку в луковый суп и поднес ко рту.

Края ложки вдруг утолстились, загнулись, превратились в холодные металлические губы.

И поцеловали Кэмерона.

Часть вторая
Глава 7

Кабинет ничуть не изменился, и это само по себе казалось чудом. Стол мог бы отрастить крылья, пластмассовый монитор — зашагать прочь, неуклюже переваливаясь с угла на угол, а Белая Королева — прыгнуть, как положено, в супницу. Но кабинет остался прежним. Нелогичное происходило на фоне абсолютно логичного и знакомого. Гномье лицо Эмиля Пастора моргало перед Дюбро с экрана, а за ним виднелась полуоткрытая дверь в кабинет Пелла.

— Вот так, — тихо повторил Пастор. — Вот так я это делаю, мистер Дюбро.

Неопределенный психоз. Впрочем, дальнейшее течение болезни можно было предсказать. Невероятным являлось лишь то, что психоз Пастора был основан на парадоксе. Он сошел с ума и был убежден, что может заставить предметы исчезнуть одной лишь силой воли.

И в самом деле мог. Исчез даже Сет Пелл.

Дюбро не в силах был пошевелиться, настолько его потрясло случившееся. Но постепенно разум

включился и осознал опасность. Если в кабинет кто-нибудь войдет — директор или кто-то другой, — и без того шаткая психика Пастора может окончательно развалиться. Ученый несет груз ответственности, а с ним — бомбу, способную взорвать все мироздание.

Когда отказывает способность планировать, включаются привычки. Дюбро смутно почувствовал, что должен сделать целую кучу вещей, но первым делом необходимо было успокоить Пастора. Несмотря на то что с его практики на базе Департамента психометрии и в больницах прошли годы, старые привычки не забылись. Дюбро стал видеть перед собой пациента.

Он намеренно отбросил все мысли. Изучил лицо Пастора. Видимые симптомы? История болезни? Эта чудная лаборатория в Скалистых горах, экстравагантная разнородная мебель, нестандартные цветные сюжеты для «Волшебной страны», а главное, то, что среди множества способностей, которые, очевидно, предлагало уравнение, Пастор выбрал именно эту — контролируемое уничтожение — что означает? Разгадка личности ученого лежала где-то близко, но лишь сейчас Дюбро начал это чувствовать.

Сентиментальность. Фотография жены и детей

Пастора — эмоциональный призыв?

Идиопатическая аморальность, недостаток эмпатии, чрезмерный эготизм — все это могло подтолкнуть Пастора к тому, чтобы как ни в чем не бывало стереть человека с лица земли. Так ребенок ломает игрушки.

Игрушка для ребенка то же самое, что человечество для доктора Эмиля Пастора…

В точку. Подсознательный мотив. Убийственная рационализация. Безумец может возомнить себя Христом, наделать себе ран-стигматов и потом искренне верить, что эти раны чудесным образом появились сами собой. Доказательства же налицо. Но разум Пастора работает очевиднее. Сначала он выбрал и приобрел способность, доказывающую реальность его роли, и сделал это, не осознавая, что стал богом.

Чистейшей воды параноидальный эготизм. Безупречно рационализированное безумие!

— Вы что, не заметили, что я сделал? — спросил Пастор. — Пропустили…

— Да видел я, видел, — к собственному удивлению, не закричал, а спокойно ответил Дюбро. — Просто удивился, вот и все. Пережил, как говорится, весь спектр эмоций. Инстинктивно попытался рационализировать. — Он специ-

ально выбирал слова с нужной эмоциональной окраской.

— Рационализировать? — удивленно посмотрел на него Пастор. — У вас ничего не выйдет. Это могу только я. Вы не в состоянии понять, что все вокруг пусто, как мыльный пузырь. Вы инстинктивно принимаете ожидаемое. Я же получил особые способности, потому что я скептик.

— Пожалуй, это так, — согласился Дюбро. Соглашаться вообще без возражений означало бы послать неправильный сигнал, но провоцировать ожесточенный спор было опаснее, ведь физик легко мог еще раз продемонстрировать свою правоту. — Но все-таки я рад, что вы не забыли мне позвонить. Ваша сила поистине чудесна. Чудесна, я правильно говорю?

— Не знаю, — улыбнулся Пастор. — Я и сам удивлен. До сих пор не осознал, есть ли у нее границы.

— Да, это серьезная ответственность.

Это замечание физику явно не понравилось. Он поморщился.

— Не то чтобы я интересовался вашими планами, — быстро продолжил Дюбро, едва не сказав «хотел давать вам советы».

Он разгадал личность Пастора. В истории уже

был человек, оборудовавший убежище высоко в горах, где, как в сорочьем гнезде, царил беспорядок и стояла безвкусная мебель[84]. Тот человек увлекался оккультизмом, в то время как Пастор сочинял необычные цветовые целительные программы. Да, у доктора Эмиля Пастора было много общего с Адольфом Гитлером.

— Моими планами? — Пастор задумался. — Я не хочу…

— Я в высшей степени заинтригован, — настаивал Дюбро. — Доктор Пастор, вам теперь подвластны настоящие чудеса. И вы куда больше моего смыслите в возможностях. Помните, вы показывали мне одно из ваших сочинений для «Волшебной страны»?

— Да, но вас оно не слишком заинтересовало.

— Еще как заинтересовало, просто я решил не отвлекать вас от дел. Но увиденного было достаточно, чтобы понять, насколько богато ваше воображение. Теперь вы сможете создавать куда более масштабные произведения.

Пастор кивнул:

— Пока что я только уничтожаю. Думаете, это неправильно? Не знаю, смогу ли я создать…

---

[84] Примечания: 84

Имеется в виду резиденция Бергхоф в Баварских Альпах, где Гитлер проводил бо`льшую часть времени в бытность фюрером Германии.

— «Правильно» и «неправильно» — субъективные понятия. От них пора отказаться. — Дюбро произносил опасные, но необходимые слова. Он пытался достучаться до подсознания Пастора, которое осознавало себя богом, в то время как сознание еще не прониклось этой идеей. — Как я уже говорил, я рад, что вы позвонили. Пусть я не знаю, что вы собираетесь делать дальше, но не сомневаюсь: это будет восхитительно. Жду не дождусь возможности увидеть ваши грандиозные творения.

— Но я еще не определился с тем, что делать дальше, — беспомощно произнес Пастор.

— Вы только что обрели новые способности. Вам предстоит понять, как использовать их с наибольшей пользой, верно? Даже если второпях вы наделаете ошибок, ничего страшного, ведь «правильно» и «неправильно» — субъективные понятия. Но я бы хотел посмотреть, что вы сотворите. Можно будет это устроить?

— Вы прямо сейчас меня видите, — буркнул Пастор, очевидно сбитый с толку таким словесным потоком.

— Я ограничен экраном. Можно мне прилететь к вам на вертолете? Не забывайте, вы теперь способны творить что угодно. Некому вам помешать.

Если мои идеи вам не понравятся, вы просто забудете о них. Меня разбирает любопытство, и порой я говорю, не подумав. Бывало, я что-то делал и тут же сожалел о сделанном. Был бы я поумнее, планировал бы все заранее. Но… — Он развел руками.

— Планировать — мудро, — согласился Пастор.

— Вот именно! Дайте мне немного подумать.

Экран вдруг погас.

Дюбро немного прошелся и схватился за край стола. Он дрожал всем телом.

Взяв себя в руки, он снова позвонил в вайомингскую скорую помощь. Ответил тот же медик.

— Ваш вертолет уже вылетел к Пастору? — спросил Дюбро.

— Здравствуйте, мистер Дюбро. Да, мигом отправили. Вы ведь сказали, дело неотложное.

— Отзовите. Все гораздо хуже. Пускай ваши врачи даже не приближаются к Пастору.

— Но он сумасшедший… Неужели агрессивный?

— Со склонностью к массовому убийству, — мрачно ответил Дюбро. — Но опасности нет, пока он сидит у себя на горе. Лучше его не тревожить. Отзовите вертолет!

— Сию минуту. Я вам перезвоню.

— Ага. — Дюбро отключился и набрал номер военного министра.

Когда массивное суровое лицо Календера появилось на экране, Дюбро был уже готов.

— Нужна помощь, — сказал он. — Господин министр, только вы можете дать добро. Это не совсем легально, но жизненно необходимо.

— Бен Дюбро? — уточнил министр. — Ну, что вам надо?

— Доктор Пастор…

— Решил уравнение?

— Сошел с ума.

— Как и все остальные. — Календер состроил кислую мину.

— Хуже, чем остальные. Помните того пациента, эм — двести четыре? Который мог нейтрализовать гравитацию? Так вот, Пастор в сто раз опаснее.

Лицо Календера тут же приобрело серьезное выражение. Солдафон солдафоном, но свой пост он занимал не зря.

— Насколько опасен? Где он находится?

— В своей лаборатории в Скалистых горах. Только что говорил с ним по видеофону. Думаю, он еще немного побудет там, строя планы. Я обещал к нему прилететь. Нужно взорвать его ракетой с

вертолета, прежде чем он сумеет ответить.

— Чем ответить?

— Он может заставить вертолет исчезнуть, — осторожно объяснил Дюбро. — И даже все Скалистые горы разом. И даже саму Землю.

У Календера отвисла челюсть. Взгляд стал жестким.

— Я в своем уме, — поспешил сказать Дюбро. — Я на уравнение даже не заглядывал. Пастор продемонстрировал доказательства. Можете его просканировать, только осторожно, чтобы не заметил. Он уже уничтожил почти всю свою лабораторию.

— Невероятно, — только и ответил военный министр.

Экран загудел. Дюбро крутанул диск, увидел в углу экрана лицо и сразу убрал изображение.

— Пастор, — кивнул он Календеру. — Перезванивает. Не отключайтесь, и сами все увидите.

Лицо Календера исчезло, уступив место гномьей физиономии Пастора.

— Мистер Дюбро?

— Еще чуть-чуть, и вы бы меня не застали. Я собирался выходить…

— Я передумал. Не приезжайте.

— Почему?

— Я поразмыслил, — медленно ответил Пастор, — и увидел перспективы, которые сначала не осознавал. Меня опьянила власть. Поначалу. Но стоило присесть и попытаться составить план, как я понял истинную суть моей силы. Я не буду ею пользоваться. Она не для меня.

— Так вот оно что…

— Вы не согласны?

— Я понимаю, что у вас есть на то причины. Поделитесь?

— Мне кажется, что это испытание. Проверка моего смирения. Я знаю, на что способен. Этого достаточно. Я знаю, что все вокруг пусто. Этого тоже достаточно. Здесь, на горе, мне явились все царства мира и слава их. Я впал в искушение. Но больше я не стану применять свою силу.

— Тогда что вы будете делать?

— Думать, — ответил Пастор. — В пустом мире реальны только мысли. Гаутама это понимал. Я сотру свое прошлое. Я столько растратил впустую, занимаясь технологиями… — Он слабо улыбнулся. — Мне не нужно применять силу. Она дана мне в испытание. Я его прошел. Медитация важнее всего прочего.

— Я согласен, — ответил Дюбро. — Думаю, вы поступаете мудро.

— Вы ведь понимаете, почему мне нельзя больше использовать силу?

— Да. Вы правы. Символично, что вы уничтожили лабораторию. Она олицетворяла ваше прошлое, и я верю, что вам было предназначено уничтожить ее, и ничего больше.

— Думаете? Ну да, наверное. Мое прошлое исчезло. Я могу шагнуть в новую жизнь и медитировать, не будучи ничем обременен.

— Вы уничтожили ваше прошлое целиком?

— Целиком… что? — Глаза Пастора насторожились.

— Лабораторию. Если оставить хотя бы часть прошлого, она будет удерживать вас, как прочные узы. А лаборатория — символ прошлого.

— Одна стена осталась, — ответил Пастор.

— А нужна ли она?

— Я поклялся больше не применять силу. Какая разница?

— Символ олицетворяет истину, — сказал Дюбро. — Разница есть. Вы должны начать сначала. Любая связь…

— Я не буду применять силу!

— Ваше испытание не закончено. Сила дана вам, чтобы уничтожить символ вашего прошлого. Пока вы не сделаете этого, не освободитесь. Не

сможете вступить в новую жизнь.

— Я… должен сделать это? — Губы Пастора скривились. — Вы верите… что такова моя миссия?

— Вы и сами это понимаете. Последний символ. Уничтожьте его. Уничтожьте!

— Хорошо, — сдался Пастор. — Но это последний раз.

— Подвиньте экран так, чтобы мне было видно, как исчезнет стена. Хочу лицезреть вашу окончательную победу.

Лицо Пастора сдвинулось в сторону; пейзаж изменился, и на экране появилась полуразрушенная стена на фоне холодного серого неба.

— Встаньте так, чтобы я вас видел. Поживее! — скомандовал Дюбро.

— Но… Дюбро, может быть…

— Вы должны.

Пастор посмотрел на стену.

Стена исчезла.

— Отлично, — сказал Дюбро. — Последний символ уничтожен.

— Нет. — Пастор смутился. — Я забыл…

— Что?

— Видеофон. Он последний…

Экран погас.

Вернулось лицо Календера. Военного министра

прошиб пот.

— Дюбро, вы правы. Нельзя оставлять этого человека в живых.

— Так убейте его. Но будьте предельно осторожны. Вы должны застать его врасплох.

— Справимся. — Календер задумался. — Зачем вы заставили его уничтожить стену? Чтобы убедить меня?

— Отчасти.

— Но он твердо решил больше не использовать силу…

— Я должен был удостовериться, — раздраженно перебил Дюбро. — В тот момент он был настроен решительно. Но кто знает, сколько бы он продержался? Если мне удалось уговорить его еще раз воспользоваться сверхспособностями, демоны в его подсознании наверняка рано или поздно сделали бы то же самое. Вот если бы он отказался уничтожить стену, несмотря на все мои уговоры, я бы, может, и передумал насчет его устранения. Но даже тогда…

— То есть он может уничтожить… все, что угодно?

— Абсолютно все. Весь мир. И раз он однажды нарушил клятву, то нарушит снова. Убейте его, и как можно быстрее. Пока он не спустился с горы.

— Отправим истребитель из Денвера, — пообещал Календер. — Мне бы еще хотелось… Впрочем, сейчас не время. До связи.

Когда его лицо исчезло с экрана, позвонил медик из Вайоминга:

— Мистер Дюбро, мы отозвали вертолет.

— Успели?

— Да. Он пролетел несколько миль. Вы уже отдали другие распоряжения или…

— Отдал. Забудьте о случившемся. До свидания.

Он выключил экран.

В кабинете стало тихо и пусто. За окнами раскинулись голубое небо и залитые солнцем луга долин в нескольких милях над Нижним Чикаго. Время замедлило ход и остановилось.

Только теперь Дюбро осознал, что Сет Пелл исчез навсегда.

Глава 8

Никто не должен узнать. Исчезновению Сета нужно найти какое-то объяснение, хотя бы на время. Чтобы директор не сошел с ума, его следует держать в неведении относительно реальных проблем. Нельзя допустить, чтобы он осознал

степень ответственности.

Даже печалиться нет времени.

Дюбро вошел в кабинет Пелла и помолчал, раздумывая. От ощущения пустоты по телу бегали мурашки. Еще час назад Сет сидел за столом, болтая ногами и рассуждая с обычной своей беззаботностью. А если бы жертвой Пастора стал не Пелл, а Дюбро? Как бы отреагировал Сет?

Наверняка профессионально.

Дюбро выудил из кармана сигарету, посмотрел на стол и представил сидящего за ним Сета: седые волосы поблескивают в бледном свете ламп, моложавое лицо выглядит немного удивленным.

«Как оно, Сет?»

«Что — как?»

Ну да. Беззаботный, небрежный тон, но…

«Сам знаешь. Ты умер».

«Ага. Значит, ты теперь за главного. Работай, Бен».

«Но как? В одиночку не…»

«Да кончай уже ныть. Справишься. Но груз ответственности может тебя раздавить, не забывай. У тебя есть здравая идея. Шеф не должен знать, что я мертв».

«Но он захочет узнать, что случилось!»

«Что-нибудь наплети. Напряги память. Разве я

не ждал неприятностей?»

«Не таких. Ты беспокоился из-за Риджли».

«И?..»

«Ну да. Ты сказал, что на всякий случай уберешь кое-какие бумаги в сейф. А комбинация от замка будет у шефа».

«Умница. В этом-то и весь фокус. Ты так привык обсуждать идеи со мной, что тебе тяжело придумывать их самостоятельно. Ничего. Можешь мысленно представлять, что я рядом, когда угодно. Сочинять для меня реплики. Это поможет».

Это действительно помогло. Сета за столом не было. Его вообще здесь не было. Но Дюбро удалось на время «воскресить» Сета Пелла, как будто Пастор его и не убивал.

Дюбро отправился в кабинет директора. Кэмерон стоял у окна; сдвинув панель, он смотрел на тенистый красноватый сумрак Промежутков. Из окна доносился грохот огромных механизмов. Дюбро заметил, что Кэмерон даже не притронулся к обеду.

— Бен, в чем дело?

— Хочу открыть сейф Сета.

— Зачем? — Кэмерон обернулся, тщательно контролируя эмоции. — Где сам Сет?

— Прислал сообщение, — осторожно ответил

Дюбро. — Хочет, чтобы вы открыли его сейф. Это все.

Кэмерон задумался, пригладил седые волосы и скривился. Не сказав ни слова, он прошел мимо Дюбро в кабинет Пелла. Сейф был оборудован двойной системой защиты и открывался только после идентификации мозговых волн Пелла или Кэмерона.

Дверца отъехала в сторону. На полке лежал пухлый конверт, подписанный «для Кэмерона». Директор разрезал его и достал лист бумаги и еще один запечатанный конверт.

Взгляд Кэмерона быстро пробежался по письму. Директор передал его Дюбро.

Тот прочел:

Боб,

меня срочно вызвали. Посвятить в подробности не могу. Пока не вернусь, Бен будет за меня. Он знает, что делать. Дай ему все полномочия. Если он вдруг недоступен, вскрой следующий конверт сам. До встречи.

Сет

Кэмерон протянул конверт:

— Держи. К чему все эти шарады?

— Во-первых, скажите, собираетесь ли вы выполнить просьбу Сета?

— Конечно. Он свое дело знает.

— Он дал мне кое-какие указания.

— Что, меня собираются убить? — улыбнулся Кэмерон. — В этом дело?

Пелл заставил шефа поверить в это, чтобы тот не раскрыл истину. Направил по ложному следу, и это было на руку Дюбро.

— Возможно, в этом. Или нет.

— Бен, ну что ты со мной как с ребенком?

— Шеф, я просто выполняю инструкции Сета.

— Ладно, — резко сказал Кэмерон. — Выполняйте. Дай знать, если мне нужно будет написать заявление об увольнении. — Он достал из сейфа папку. — Давно собирался ее забрать. Новый курс пропаганды нуждается в доработке.

Ничего опасного в папке не было. Дюбро знал о ее содержимом. Он проводил широкую спину Кэмерона взглядом.

Директор забыл закрыть сейф Пелла. Дюбро сам задвинул дверцу, задумчиво хмурясь. Забывчивость не в духе Кэмерона. Директор дотошен и внимателен к деталям. А еще он любит поесть.

Но не притронулся к обеду.

Неужели Кэмерон каким-то образом узнал

правду и теперь у него началось тревожное расстройство?

Симптомы: рассеянность, потеря аппетита…

Кэмерон скользил взглядом по бумагам, в которых описывались новые правила идеологического внушения, но не смог сосредоточиться. Его разум вышел из-под контроля. Он помнил о подносе с едой на столе и о суповой ложке, которая вела себя так… аномально.

Он машинально утер губы ладонью.

Во всем этом видится закономерность. Все его галлюцинации служат одной цели: заставить его почувствовать опасность.

Служат?

То есть кто-то их направляет?

Значит, его преследуют. Незачем избегать этого слова. У него мания преследования. Что на это скажет психиатр?

Либо это галлюцинации, либо нет. Если нет, значит его преследуют. Или…

Трудно думать, когда в любой момент пол может зашататься под ногами. Работать над пропагандой было невозможно. Кэмерон сложил бумаги обратно в папку, подошел к стене и открыл свой личный сейф.

Внутри оказалось яйцо.

Кэмерон точно знал, что не клал его туда.

Это было не настоящее яйцо, потому что, когда Кэмерон потянулся к нему, оно куда-то убежало.

Сет писал:

Бен,

может произойти что угодно. Риджли опасен, особенно теперь, когда мы выяснили, что он из будущего, и дали ему это понять. Я исхожу из вероятности, что меня убьют, а тебя не тронут. Если же убьют нас обоих… ну, значит, ты этого не прочитаешь.

Подумай вот о чем. Уравнение необходимо решить, и, скорее всего, только шеф способен найти нужного человека. Возможно, у Пастора получится. Или нет. Он продвинулся дальше других. Не прекращай поиски и всячески помогай шефу.

Не смей опускать руки! Через миллион лет все равно все об этом забудут! Удачи!

Сет

Другие бумаги в конверте включали само уравнение и научный материал, собранный Пеллом.

Ничего нового для Дюбро. Он сел и задумался.

Сет мертв (скорбеть будем потом).

Дэниел Риджли жив. Дюбро почти забыл про курьера. Сейчас его можно сбросить со счетов, но не навсегда. С этим способен помочь военный министр. Не исключено, что Риджли шпионит для фалангистов. Непонятно, правда, зачем человеку из будущего ввязываться в локально-временной конфликт? Почему Риджли испытывал очевидное удовольствие перед лицом врага? Дюбро хорошо помнил нелогичный блеск в темных глазах курьера, когда тот стоял под дулом вибропистолета.

Есть еще Билли ван Несс и его экстратемпоральное восприятие. Может Билли чем-то помочь, когда на него находит временное просветление? Например, определить местонахождение Риджли? Но просто найти курьера недостаточно; Дюбро думал, что ключом станет мотивация. А мотивы Риджли лежат в тысячах лет, в мире будущего, откуда тот, предположительно, явился.

Что тогда? Пустышки? Памятники погибшей цивилизации из невероятно далекого грядущего, полуразрушенные купола, защищенные непроницаемой силой? В них ничего нет.

Уравнение.

Пелл представил его шефу как простую теоретическую задачу. Кто может решить формулу, основанную на логике переменных? Кэмерон назвал Льюиса Кэрролла, человека с гибким умом, не ограниченным общепринятыми величинами.

Но сейчас не существует математиков, которые бы писали символические сказки. Дюбро не нашел нужного человека. Один математик более-менее подходил; в качестве хобби он изготавливал подвижные скульптуры, но, как и другие, участвовавшие в решении уравнения, уже успел сойти с ума.

Дальше всех действительно продвинулся Пастор. Дюбро решил подойти к проблеме с другого угла. Если вычленить факторы, позволившие Пастору приблизиться к успеху, можно найти ответ.

Он составил психологическую карту, не указывая имени, и набросал несколько вопросов. Вероятно, Кэмерон отыскал бы здесь закономерность. Но Дюбро не отваживался показать ему карту. Директор наверняка почуял бы то, что от него так усердно прятали.

«Сет, что дальше?»

«Не могу сказать ничего, что ты сам не вложишь в мои уста. Сам понимаешь. Не забывай меня.

Представляй меня. Думай, что бы я сказал».

«Стараюсь».

«Напейся. Прими „Пикс“. И „Дрему“ принимай в течение года. Пользуйся голубой карточкой, что я тебе подарил. Предайся гедонизму, и перед тобой откроются все нужные двери».

«Это эскапизм. Уход от ответственности».

«Семантические придирки. Ты несешь ответственность лишь за то, чтобы держать шефа в неведении. Он единственный, кто в силах предотвратить катастрофу. Но не позволяй ему об этом догадаться».

«Может, еще раз проверить результаты отбора?»

«Попробуй».

Дюбро так и сделал. Нарисовал таблицы, составил несколько списков и внимательно изучил. Хобби: бадминтон, бейсбол, боулинг. Игра в карты — у целой кучи народа. Живопись маслом, сюрреалистическая, классическая, трехмерная. Написание «мурашек», чувственных исторических «фильмов». Шахматы в различных вариантах. У шахмат что, есть варианты? Даже какие-то «сказочные шахматы». Разведение кроликов. Исследование гидросферы. Медленные танцы. Запойное пьянство.

Дюбро решил, что запойный пьяница — лучший кандидат.

Тут его вызвал Календер. Новости были скверными. Истребитель, посланный уничтожить доктора Пастора, не справился с заданием. Пастора попросту не нашли.

Дюбро почувствовал себя человеком с яблоком на голове перед десятком лучников.

— Господин министр, не стану спрашивать, сделали ли вы все возможное. Вы, как и я, понимаете важность этой задачи.

— Просканировали весь район, в том числе психорадарами, настроенными на частоту мозговых волн взрослого человека. Ничего не засекли.

— Приборы Пастора не работали на эм — двести четыре. Вполне вероятно, что мозг самого Пастора теперь оперирует на другой частоте.

— Что ж… мы провели инфракрасную воздушную съемку и сделали серию кадров, чтобы уловить на земле малейшее движение. Заметили только оленя и нескольких пум. На имя Пастора зарегистрирован вертолет. Мы не можем его разыскать. Он базировался там же, на горе?

— Наверное. Пастор мог его уничтожить. Вы подняли тревогу?

— Всеобщую, с указанием стрелять на пора-

жение.

— Нужно убить с первого выстрела. Если Пастор окажет сопротивление…

— Я видел, на что он способен, — перебил Календер и тяжело пошевелил челюстью. — Мне нужны идеи, где его искать. Соедините меня с директором.

— Простите, не могу, — ответил Дюбро. — Таковы распоряжения…

— Ситуация чрезвычайная!

— Знаю. Но нам не менее важно до поры до времени не посвящать мистера Кэмерона в эти события.

— Тогда позовите Сета Пелла, — спустя секунду потребовал Календер, побагровев до кончиков ушей.

— Он недоступен. В его отсутствие я за главного. — Дюбро продолжил, не дожидаясь вспышки министерского гнева: — Пастор эмоционально привязан к своей семье, он мог отправиться домой. Либо для того, чтобы побыть с ней, либо с целью уничтожить ее. Родственники — тоже символы его прошлого. Он обещал больше не применять силу, но… я бы посоветовал отправить с ликвидаторами нескольких логиков на случай неприятностей. Слабость Пастора — в

метафизике. Грамотный логик может отговорить его от сопротивления. Но безопаснее все-таки убить его сразу.

— Гм… Звучит разумно.

— Еще кое-что… — решился Дюбро. — Пожалуйста, запишите это. Дэниел Риджли — шпион.

— Что?! — Календер пошатнулся. — Быть такого не…

У Дюбро прекратились мурашки.

— Подождите! — воскликнул он. — Мне нужно было, чтобы это как можно скорее записали. Риджли мог убить меня до того, как я расскажу. Но теперь все записано. Если меня убьют, вы будете знать, кого ловить.

— Мистер Дюбро, что за дела творятся в вашем Департаменте? — медленно спросил военный министр. — У вас там массовые галлюцинации? Риджли — бесценный сотрудник…

— Галлюцинации? В способность Пастора вы же поверили? Что такого фантастического в том, что Риджли — шпион фалангистов?

— Я… хорошо знаю Риджли и полностью ему доверяю. Вам неизвестно, какие задания он выполнял…

— Выполнение этих заданий защитит нас от фалангистского уравнения? Хорошо, вы ему до-

веряете. Этого он и добивался. Вы сами сказали, что он иногда пропадает. Вам известно, чем он занимается в это время?

— Конечно… э-э-э…

— Запомните: Риджли еще опаснее Пастора. Даже не буду просить, чтобы вы задержали его или ликвидировали. Думаю, это невозможно. Но вам лучше быть начеку. Определите местонахождение Риджли, но не дайте ему узнать о слежке. Повесьте на него «жучок» и не снимайте.

— Полагаться на удачу не стоит. — Календер почесал подбородок. — Я сделаю, как вы просите. Но… когда я смогу поговорить с директором?

— Как только это будет безопасно, вы станете первым, кого я к нему допущу. Пока ему следует быть в изоляции. Из соображений безопасности. Вы знаете, какой эффект уравнение оказывает на людей…

До министра наконец дошло.

— Да, у нас случилось очередное самоубийство. Инженер-электронщик. И еще двое, не считая доктора Пастора, сошли с ума.

— Попытки решения уравнения следует приостановить, пока мы…

— Невозможно. Его необходимо решить. Вы сомневаетесь, смогут ли это сделать в вашем

Департаменте, но пока есть надежда, что решит хоть кто-нибудь, нужно пытаться.

— А если все ученые в стране свихнутся?

— Думаете, меня радует такая перспектива? Держитесь на связи.

На этом разговор окончился. Дюбро выглянул в окно. Ему вдруг стало дурно. В любую секунду все это может исчезнуть…

Пастор на свободе. Пока его мозг не разнесут на молекулы, никто и нигде не может чувствовать себя в безопасности.

Дюбро отправил новую подборку материалов Кэмерону и попробовал призвать образ Сета, но не слишком успешно.

«Что теперь?»

«Откуда мне знать?»

«Нельзя торопить шефа…»

«Само собой. Нельзя, чтобы он даже заподозрил важность уравнения».

«А с Пастором как быть?»

«Ты сделал все, что мог?»

«Сам я не могу отправиться на поиски. Недостаточно, что я приговорил его к смерти?»

«А Риджли?»

«Ох… Ну, чем больше я о нем раскопаю…»

Билли ван Несс лежал в отдельной палате. Дю-

бро отправился туда, чтобы осмотреть пациента и изучить его больничную карту. Возбуждение, вызванное вчерашним появлением Риджли, прошло. Ван Несс лежал спокойно, с закрытыми глазами, узкое лицо было расслаблено.

Экстратемпоральное восприятие. Есть надежда, что оно поможет разобраться с человеком из другого временно́го сектора. Пелл говорил о гипнозе и с переменным успехом пробовал его на парне. Дюбро приказал принести приборы и применил к ван Нессу механовнушение. Ничего не вышло, пришлось даже сделать пациенту укол.

— К-к-ко-ок-к-к!..

Опять этот неприятный хриплый клекот. Дюбро вспомнил, что у парня деформировано нёбо. Может ли этот звук быть озвученным проникающим излучением, посредством которого, предположительно, общались представители неизвестной расы, создавшей Пустышки?

Дюбро решил проверить. На этот раз заставить ван Несса говорить внятно оказалось легче. Пелл положил этому начало вчера вечером, но временна́я дезориентация еще присутствовала. Мутант не разделял прошлое, настоящее и будущее. Колеблющееся восприятие ван Несса нужно было поставить на якорь. Каким странным, наверное,

кажется мир мутанту, никогда не пользовавшемуся зрением! Он может видеть течение…

— …Живых и затем долго тянется назад и останавливается… И снова назад, и опять…

Вопрос.

— Сияние. Яркие купола. Такие длинные, что достают до…

Вопрос.

— Нет слов. В конце нет слов. Точнее, на повороте. Где они сгибаются. Пришли в поисках…

Вопрос.

— Нет слов. Назад и назад, в поисках.

Вопрос.

— Где они теперь?.. Теперь наступил конец.

Дюбро задумался. Строителями куполов были genus X, загадочный, невообразимый народ, путешествовавший назад во времени и оставивший в память о себе блестящие Пустышки. В поисках чего эти существа прибыли на Землю?

Чего-то необходимого для выживания. И не нашли. Они прилетели из будущего, перепрыгивая целые эпохи, и очутились на планете, которая наверняка казалась им первобытной. Но наступил конец.

— Билли, а что с человеком, которого ты видел вчера?

— К-к-ко-о-ок!

Видел? Вчера? Для мутанта все слова были переменными. Дюбро решил переиначить вопрос.

— Человек. Он тянулся в верном направлении, помнишь? — Интересно, в искаженном и расширенном восприятии ван Несса это воспоминание или предчувствие? — Он был длиннее остальных, не считая блестяшек. И более цельный…

— Бежит, бежит… Вижу, как он бежит. Была война.

— Война, Билли? Какая война?

— К-к-к-ко-ок! Слишком короткая, чтобы увидеть… большие машины. О, большие, большие машины, но очень короткая жизнь!

Громадные, но недолговечные машины. Что бы это могло быть?

— Шум. Иногда. А иногда тишина и место, где множество жизней были короткими. Бежит, бежит, а они идут… пришли… придут… К-к-ко-о-ок! К-к-ко-о-ок!

Начались судороги. Дюбро поспешил сделать укол и успокоить парня с помощью быстрого гипноза. Ван Несса перестало трясти. Он лежал неподвижно, с закрытыми глазами, и слабо дышал.

Дюбро вернулся в кабинет как раз вовремя,

чтобы застать Кэмерона. Тот укладывал на стол какие-то бумаги.

— Бен, я домой, — сказал директор. — Голова разболелась. Почти ничего не решил, лишь несколько мелких задачек. Где Сет? — Он внимательно посмотрел на Дюбро. — Хотя ладно. Я…

— Все в порядке?

— Нет, — сухо ответил Кэмерон. — До скорого.

Он вышел, оставив Дюбро в недоумении. Неужели до шефа снова добрался Риджли?

Симптомы: головная боль, нервозность, неспособность сосредоточиться…

Дюбро быстро перебрал папки в поисках нужной. Она нашлась. Но к досье на доктора Эмиля Пастора никто, похоже, не притрагивался. Может, в других папках, со списками увлечений ученых?

Тоже ничего. Хотя подождите-ка! Напротив одного имени стояла едва заметная карандашная метка.

Илай Вуд, математик. Нижний Орлеан, домашний адрес: 108 Луизиана Б-4088. Хобби: сказочные шахматы…

Глава 9

Никто его не узнавал. Он был этому рад и испытывал глубокое смирение, продвигаясь по Путям Нижнего Денвера неузнанным. Боковые Пути были забиты военными, но никто даже не взглянул на щуплого коротышку, шедшего по неподвижной центральной дороге. Это было вторым испытанием, пожалуй более сложным, чем первое. Уничтожать символы прошлого было угрожающе легко. Искушение не покидало его. Теперь он знал, что все сущее пусто, и знал, как легко проткнуть мир — воздушный шарик.

Ведь сам он не может умереть. Его мысль продолжит существовать. В начале было Слово, и в конце тоже будет Слово.

Ему хотелось домой, но испытание не терпело отлагательств, и Нижний Денвер оказался ближайшим подземным городом. Его без проблем пропустили туда по документам, как самого обычного человека. Он собирался и дальше смиренно притворяться таковым. Только его мысли, мысли бога, будут пылать среди звезд, пустых звезд, устремляясь в пустую Вселенную, которую он легко может уничтожить…

Таково испытание. Он не должен больше никогда пользоваться своей силой. Сколько раз, должно быть, другого бога посещало желание уничтожить созданную им вселенную! Но другой бог сдержался, и доктор Эмиль Пастор тоже должен сдержаться.

Он продолжал называть себя доктором Эмилем Пастором. Это один из уроков смирения. И он не собирался умирать. Может умереть его тело, но не мысль.

Эти военные на Путях. Как бы они были счастливы, если бы знали, что продолжают существовать лишь благодаря доброте и заботе доктора Эмиля Пастора! Но они об этом не узнают. Гордыня — капкан. Он не желает, чтобы в его честь возводили алтари.

Алтарь, прославляющий доктора Эмиля Пастора, — сама твердь небесная.

Из норки выполз муравей и направился к Пути. Пастор отнес его обратно в безопасное место. Даже муравей…

Сколько доктор тут простоял? Наверняка более чем достаточно. Он прошел испытание смирением, и ничто не сподвигло его открыться военным Нижнего Денвера. Хотелось домой. Он надеялся, что жена не заметит перемен. Продолжит

называть его «дорогим Эмилем», а дети тоже не догадаются, что он уже не их папочка. Он способен сыграть эту роль. Несмотря на то что они пустые, он вдруг проникся нежностью к ним.

Они могут исчезнуть, если он того пожелает.

Поэтому нельзя этого желать. Он будет милостивым богом. Верящим в принцип самоопределения. Вмешиваться — не его задача.

Прошло достаточно времени. Он шагнул на Путь и доехал до станции пневмомобилей. В машине взялся за ремень — от ускорения его всегда тошнило — и откинулся назад, дожидаясь, когда пройдет временное головокружение.

Через пятнадцать минут он вышел у Ворот. Там дожидалась группа мужчин в военной форме. Заметив его, они едва заметно насторожились. Но сказалась выучка. Никто даже не дернулся за пистолетом.

Навстречу им шагал бог.

Кэмерон ужинал с Нелой. Даже глядя на ее спокойное, дружелюбное лицо, он не чувствовал себя в безопасности. Ее кожа могла стечь с черепа прямо у него на глазах, и тогда…

Из динамика лилась тихая музыка. В комнате пахло свежей сосной. Кэмерон взял ложку, но сразу положил обратно и потянулся за графином.

Вода была теплой и солоноватой. Его вкусовые рецепторы такого не ожидали и возмутились. Но он смог поставить стакан на стол, выплеснув лишь несколько капель.

— Мандраж? — спросила Нела.

— Просто устал.

— Вчера вечером тебя тоже трясло. Боб, нужно отдыхать.

— Возьму отпуск, пожалуй, — ответил Кэмерон. — Не знаю только когда…

Он снова попробовал воду. Та оказалась ледяной и очень кислой. Он резко отодвинул стул:

— Пойду прилягу. Не волнуйся. Сиди. У меня просто разболелась голова.

Нела знала, как он не любит, когда с ним нянчатся.

— Позови, если понадоблюсь, — кивнула она и продолжила есть. — Я буду рядом.

Наверху Кэмерон улегся в кровать. Сначала она показалась приятно мягкой, и он расслабился, но вскоре она стала слишком мягкой, настолько, что он начал тонуть в пушистой воздушной пустоте, чувствуя тошноту, что всегда бывало с ним в лифтах.

Он поднялся и прошелся по комнате, стараясь не глядеть в зеркало. Последний раз, когда смот-

релся в него, по стеклу прошла рябь.

Он ходил и ходил.

Ходил кругами. Но вдруг обратил внимание, что все время обращен лицом к одной точке, к одной и той же картине на стене. Он как будто кружился на диске музыкального проигрывателя.

Он застыл, но комната продолжила кружиться. Кэмерон опустился на стул, закрыл глаза и попробовал отрешиться от всех внешних ощущений.

Галлюцинация или реальность?

Гораздо опаснее, если реальность. Замешаны ли в этом Сет и Бен Дюбро? Их намеки на готовящееся покушение, несомненно, были отводом глаз. В других обстоятельствах он мог бы поверить. Но с галлюцинациями… Ему было трудно думать.

Может, в этом и состоит замысел. Может, ему намеренно мешают думать.

Удалось сосредоточиться на полусформулированных мыслях. Нужно притвориться, что эти… атаки чисто субъективны. Что они достигли нужного результата.

Но он понимал, что психическое вторжение было вполне объективным.

Знал, что его преследуют. Другие не замечали того, что с ним происходит. Преследователи бы-

ли хитры. Они твердо решили свести его с ума: вопрос — почему? Потому что он владеет ценной информацией? Потому что занимает важный пост?

Все эти доводы сводились к одному. У него паранойя, систематическая мания преследования.

Кэмерон осторожно встал и скривился. Опять то же самое. И как обычно, неожиданное.

Он спустился, шагая по лестнице медленно и неуклюже. Увидев его осунувшееся, посеревшее лицо, Нела охнула:

— Боб, что с тобой?

— Я лечу в Нижний Манхэттен, — едва шевеля губами, произнес он. — Там есть хороший врач, Филдинг.

Нела подскочила к нему и обвила руками шею:

— Дорогой, не буду докучать тебе расспросами.

— Спасибо, Нела, — ответил Кэмерон и поцеловал ее.

Затем он, пошатываясь, вышел к вертолету, вспомнив старую сказку про русалку, променявшую хвост на человеческие ноги. Это дорого ей обошлось. С тех пор русалка ходила как будто на ножах, которые, хоть и были мнимыми, не становились от этого менее острыми.

Морщась на каждом шагу, Кэмерон добрался

до ангара.

— Я не пью, — сказал математик, — но держу немного бренди для гостей. Или вы предпочитаете «Пикс»? У меня где-то завалялся. Его я тоже не принимаю, но…

— Спасибо, обойдусь, — ответил Дюбро. — Мистер Вуд, мне просто нужно с вами кое-что обсудить.

Он положил папку на колени и посмотрел в упор на математика. Высокий, худощавый мужчина в старомодных бесконтактных очках неловко устроился в мягком кресле. Его русые волосы были аккуратно причесаны. Комната содержалась в чистоте, нигде ни пылинки, что разительно отличало ее от захламленной эклектичной лаборатории Пастора.

— Мистер Дюбро, речь пойдет о работе на армию? Я уже занят этим в Нижнем Орлеане…

— Да, знаю. Я изучил ваше досье. По всему выходит, что вы высококвалифицированный специалист.

— Ну… спасибо, — промямлил Вуд. — Я… спасибо.

— Разговор конфиденциальный. Мы здесь одни?

— Я холостяк. Дома никого. Как я понимаю, вы

из психометрии? Не вижу, как это пересекается с моей профессией.

— Мы, знаете ли, в каждой бочке затычка. — По внешнему виду собеседника Дюбро ни за что бы не сказал, что Вуд имеет несколько докторских степеней и опубликовал множество статей, в которых раскрывались весьма любопытные математические теории. — Дело вот в чем. Вы ведь увлекаетесь сказочными шахматами?

Вуд недоумевающе уставился на него:

— Ну да. Да. Но…

— Я спрашиваю не просто так. Сам я не играю. Объясните, в чем вообще суть этих шахмат?

— Ну… хорошо. Но заметьте, это всего лишь хобби. — (Дюбро показалось, что Вуд слегка покраснел, доставая стопку шахматных досок и выкладывая их на стол.) — Ума не приложу, что вам от меня надо, мистер Дюбро…

— Я хочу узнать, что такое сказочные шахматы. Только и всего.

Вуд сразу стал меньше стесняться.

— Вариант классических шахмат, ничего более. Году в тысяча девятьсот тридцатом несколько игроков занялись исследованием возможностей, которые предоставляли традиционные шахматы. Эти игроки чувствовали, что диапазон шахмат-

ных задач, вариативность ходов и так далее, весьма ограниченны. Так появились сказочные шахматы.

— И?..

— Вот игровая доска — восемь на восемь клеток. Вот привычные шахматные фигуры: король, ферзь, конь, слон, ладья, пешка. Конь ходит на две клетки прямо и потом на одну под прямым углом или сначала на одну, потом на две. Ладья ходит строго по прямой, слон — по диагонали своего цвета. Цель, разумеется, поставить противнику мат. У шахмат множество вариантов, но некоторые действия невозможны на обычной доске — геометрия не позволяет.

— Вы используете другую доску?

— В сказочных шахматах можно пользоваться фигурами с разными способностями и досками разных типов. Например, с модифицированным пространством, как, например, эта. — Вуд продемонстрировал прямоугольную доску, восемь клеток на четыре. — Вот другая, девять на пять. Вот побольше, шестнадцать на шестнадцать. А вот сказочные фигуры.

Перед Дюбро выстроились незнакомые фигуры.

— Кузнечик. Ночной всадник — как конь, толь-

ко может ходить несколько раз подряд в одном направлении. Вот препятствие — может блокировать другие фигуры, но не может их брать. Вот имитатор.

— А он что делает?

— Когда любая фигура двигается, имитатор обязан продвинуться на то же количество клеток параллельно. Боюсь, это непросто объяснить на словах, если вы не знакомы с основами теории шахмат.

— Ну, как я понял, это те же шахматы, только с другими правилами.

— Вариативными правилами, — поправил Вуд, и Дюбро навострил уши. — Вы можете изобретать собственные фигуры и назначать им произвольные способности. Создавать собственные доски. Устанавливать особые правила.

— Например?

— Предположим, — Вуд выставил на доску несколько фигур, — в этой игре каждый последующий ход черных должен быть короче предыдущего. Получается игра с одним особым правилом.

Дюбро изучил доску:

— Подождите. Разве это не подразумевает особую расстановку фигур?

— Из вас может выйти неплохой игрок, — довольно улыбнулся Вуд. — Да, такое правило автоматически подразумевает, что самый длинный ход должен быть доступен черным сначала. Вот, например, другое правило: черные должны помочь белым поставить мат в два хода. О, есть множество задач: нестандартные рокировки, прыжки через верблюда, хождение по кругу в центре доски, шахматы без шаха, доска-цилиндр… Вариантов несчетное количество. Можно даже играть с воображаемыми фигурами. Возможности безграничны.

— А у человека, обученного играть в классические шахматы, не возникнет проблем с произвольными правилами и способностями фигур?

— С тысяча девятьсот тридцатых идет, можно сказать, небольшая война, — ответил Вуд. — Некоторые ортодоксальные игроки называют сказочные шахматы неприемлемой низкосортной поделкой. Но в них играет достаточно людей, чтобы время от времени проводить турниры.

Истинно гибкий ум… не ограниченный общепринятыми величинами… Человек, устанавливающий свои правила игры.

Джекпот!

Скрестив пальцы на удачу, Дюбро открыл папку.

Через три часа Илай Вуд сдвинул очки на лоб и отложил изогнутую курительную трубку.

— Потрясающе! — произнес он. — Это самое невероятное, что я видел в жизни.

— Это возможно? Вы признаете…

— Я всю жизнь занимаюсь тем, что признаю вещи, которые другие считают нелепыми. Я повидал много странного. — Вуд не объяснил, чего именно. — Ваше уравнение основано на переменных истинах.

— Для меня это темный лес. Но… да, на нескольких сочетаниях истин.

— Точно. Несколько сочетаний. — Вуд забыл, куда подевал очки, но быстро вспомнил и опустил их на глаза, после чего уставился на Дюбро сквозь стекла. — Если существуют взаимоисключающие истины, это значит, что они не взаимоисключающие… за исключением тех случаев, — спокойно добавил он, — когда все-таки взаимоисключающие. Такое тоже возможно. Это как сказочные шахматы, но применительно к макрокосму.

— Если я правильно помню, часть уравнения подразумевает, что тело в состоянии свободного падения движется со скоростью пятьсот футов в

секунду. Затем оно движется уже со скоростью девять дюймов в секунду.

— Каждый ход черных короче предыдущего, не забыли? Я бы сказал, что и в этом уравнении действует то же правило.

— Но оно предполагает определенную расстановку фигур.

— Что будет константой. Пока я не знаю, что это, нужно изучить внимательнее.

— То есть силу притяжения можно нейтрализовать…

— На обычной доске некоторые варианты невозможны. Нужно создать доску, позволяющую играть с правилом «без гравитации», и тогда все получится.

Макрокосмическая доска, и одним из правил будет то, что Земля не вращается вокруг Солнца. В рамках этой доски она действительно не сможет вращаться.

И все-таки она не вертится. Галилей ошибался.

— У вас получится решить уравнение?

— Попробую. Задача крайне увлекательная.

Они еще немного побеседовали, и Дюбро остался удовлетворен. Он ушел, заручившись обещанием Вуда всерьез заняться уравнением. Однако уже в дверях засомневался.

— Вас действительно не беспокоит мысль о переменных истинах?

— Дружище, — доброжелательно ответил математик, — в нашем-то мире? — Он усмехнулся, поклонился и задвинул дверную панель.

Дюбро отправился в Нижний Чикаго.

Глава 10

На видеофоне были записаны два вызова. Дюбро решил их прослушать. Звонок от военного министра наверняка был важнее, но он отдал приоритет Неле Кэмерон.

«Бен, я звонила Сету, но его нет на месте. Беспокоюсь за Боба. Он полетел в Нью-Йорк к доктору Филдингу. Наверняка это из-за работы. Позвони мне, если будет что рассказать, хорошо? Спасибо».

Доктор Филдинг. Психиатр. Дюбро знал его. Гм…

Военный министр сообщил, что была допущена непростительная ошибка. Доктора Эмиля Пастора обнаружили, когда он покидал Нижний Денвер. Его удалось ранить, но не убить.

В результате бесследно исчез целый отряд, а Пастора и след простыл. Далеко уйти он не мог.

Календер распорядился усилить бдительность. Пастор должен быть ликвидирован без промедления.

Предложения?

Предложений у Дюбро не было. Календер не справился с заданием, и теперь могло случиться что угодно.

Дюбро отправил ответные сообщения и помчался в Нижний Манхэттен. Звонить доктору Филдингу не стоило, лучше, если Кэмерон успеет уйти до прибытия Дюбро. Тогда будет проще добыть у психиатра ценную информацию.

С шефом определенно было что-то не так.

Летя на юго-восток, Дюбро подумал об Илае Вуде. Удастся ли математику решить уравнение? Человеку, имеющему дело с переменными правилами сказочных шахмат? Сам факт, что Вуд увлекался сказочными шахматами, говорил о гибкости его ума. Дюбро вспомнил, что и Пастор сочинял собственные нетрадиционные истории для «Волшебной страны». Почему же военное министерство до сих пор не дало уравнение Вуду?

Ответ лежал на поверхности. К решению уравнения допускались только самые известные ученые. Вуд вполне компетентен, но он не гений, и для армейской верхушки этого недостаточно.

Вдобавок его работа не предусматривает регулярных банкетов с большими шишками.

Что, если математик тоже сойдет с ума?

Не нужно думать, что все зависит от его успеха. Наверняка где-то есть еще ученые, играющие в сказочные шахматы или нечто подобное.

Вертолет летел к ближайшим Вратам в Нижний Манхэттен. Дюбро вызвал на разговор воображаемого Сета.

«С шефом какая-то беда».

«Он что, догадался, что мы водим его за нос?»

«Не знаю. Жаль, что ты умер. Знать бы мне наверняка, как лучше поступить…»

«Ты отдал уравнение Илаю Вуду. Уже неплохо. Что касается шефа, он хоть и штатский директор Департамента психометрии, но в голове у него туман. А ты психотехник. Делай свою работу».

«Постараюсь. Но я, похоже, гонюсь даже не за двумя, а сразу за шестью зайцами…»

«Один лишь Бог сходил во тьму… пронзило бок лишь одному… копье сурового солдата!»[85]

Откуда эти строки? Из стихотворения какого-то древнего поэта, вспомнить бы, как его звали.

Меня хотели убить. Они хотели убить своего

---

[85] Примечания: 85

О. Уайльд. Сфинкс. Перевод Н. Гумилева.

бога!

Он действовал по наитию. Самосохранение было ответной реакцией организма. Не успело плечо вспыхнуть болью, как он применил силу. Они исчезли.

Теперь левая рука висела плетью. Боль головокружительным ритмом отзывалась в голове и теле. Он не останавливался. Звезды смотрели на него, холодные и недоступные, но он мог бы погасить их, если бы захотел. Навсегда оставить небосвод беспросветным.

Доктор Эмиль Пастор. Доктор Эмиль Пастор. Дорогой Эмиль. Имя, слово, пятнышко холодного, дружелюбного света посреди хаоса…

Кто такой доктор Эмиль Пастор? Кто такой этот дорогой Эмиль?

Найти бы путь к этому пятнышку света…

Где оно?

Вокруг было темно, дул ночной ветер, под ногами шуршала трава. Впереди возвышалось дерево. Он уничтожил дерево, не подумав, и осознал это лишь потом. Есть причина, по которой он не должен применять силу.

Благие намерения. У другого бога тоже были благие намерения. Но его мучили и ненавидели… а еще, кажется, был какой-то Потоп?

Дорогой Эмиль. Это что-то означало. Спокойствие и уют, понятия, которые он почти забыл. На самом деле ему не хотелось быть богом. Не нравилось быть богом. Вернуться бы туда, где он оставил доктора Эмиля Пастора, сбросить новую личину и вновь обрести покой. Но он не знал, куда идти.

Колорадо. Он где-то в Колорадо. Но это ни о чем не говорит. Без транспорта и средств связи он заблудился. Даже он, бог, может заблудиться.

Женщина…

Он идет к какой-то женщине, чтобы найти доктора Эмиля Пастора, которого с ней оставил. Она поможет. Он идет к ней.

И ничто его не остановит!

У кабинета доктора Филдинга Дюбро столкнулся с директором Департамента психометрии. Кэмерон выглядел осунувшимся, седые волосы были всклокочены, а глаза потеряли фокус. На щеке подрагивала жилка.

— Чего тебе? — спросил он.

— У нас проблемы, — коротко ответил Дюбро.

— Нела тебе рассказала, где я?

— Да. Сказала, что вы у Филдинга.

— Догадался почему?

— Наши сотрудники нередко посещают пси-

хиатров. Но с вами явно что-то не так. Поэтому у меня есть кое-какие подозрения.

Взгляд Кэмерона метнулся за спину Дюбро. Директор что-то буркнул, повернулся и кивком позвал за собой.

— Дело в Риджли? — спросил он на ходу.

— Да, — ответил Дюбро.

К удивлению Дюбро, директор облегченно вздохнул:

— Значит, у меня не галлюцинации. Я вижу его везде… Ношусь по всему Нижнему Манхэттену, чтобы от него отвязаться. К Филдингу так и не попал. Не знаю…

Дюбро проводил Кэмерона до Пути. Он заметил, что курьер следует за ними, соблюдая дистанцию.

— Что случилось?

— Я побывал в Промежутках, — сухо ответил Кэмерон. — Хотел его сбросить. Мне уже так… — Он сбился. Его вопрошающий взгляд вперился в Дюбро. — Где Сет?

— Шеф, не могу сказать. Хотел бы, но не могу. Доверьтесь мне.

— Значит, Риджли. Зачем он меня преследует? Я дважды подзывал полицейских, чтобы задержали его, но он мгновенно скрывался.

— Я попросил военного министра заняться им. Думаю, он агент фалангистов.

— Фалангист?

— Нет-нет. Он просто у них на службе.

— Мое потенциальное убийство меня не слишком беспокоит, — сказал Кэмерон. — А вот другое… — Он снова сбился.

Дюбро взглянул на указатель и поторопил директора перейти на сквозной Путь через город. В столь поздний час в Нижнем Манхэттене было людно. Работа здесь не останавливалась ни на секунду, и даже ночью стоял шум.

— Бен, ты пытаешься скрыться от Риджли?

— Надеюсь, получится. Знаю одно местечко.

«Синие небеса» были достаточно популярным заведением. У ослепительно-ярких входных дверей Дюбро достал голубую карточку и предъявил, к удивлению Кэмерона.

— Вот уж не думал, что ты по таким местам ходишь, — сказал директор.

— Это Сет пропуск подарил, — объяснил Дюбро. — Решил, что мне не помешает эмоциональный катарсис. Бывали здесь?

— Нет. Сет рассказывал, что тут все… по высшему разряду. Но… — Директор бросил взгляд на Путь.

Курьера не было видно.

— Сквозь стены он проходить не умеет, — сказал Дюбро. — Ему будет нелегко обзавестись пропуском. Сомневаюсь, что вообще получится.

Сквозь бледную облачную завесу они вошли в зеркальный зал. В воздухе сверкали бодрящие лучи. Появился консультант:

— Добро пожаловать! Каких развлечений желаете? У нас есть новейшие «мурашки»…

— Годится, — торопливо ответил Дюбро. — Куда пройти?

Вокруг собрались облака; в теплой непроницаемой дымке чувствовалось легкое движение. Гостей усадили на мягкие подушки, и тут они поняли, что движение прекратилось.

— Облака сгустятся еще немного, — предупредил мягкий голос консультанта. — Здесь мы не применяем неуклюжие нейронные коннекторы. Проводником служат водяные испарения.

— Подождите-ка, — остановил Дюбро. — А если нам понадобится перерыв? Как отключить программу?

— У вас под правой рукой есть выключатель. А теперь…

Облака сделались еще плотнее. Дюбро не понял, ушел консультант или остался. Он ждал. По

телу пробежали первые щекочущие вибрации «мурашек». Стало удобно; он почувствовал сонливость, расслабился. В голове начали медленно сменяться образы.

Одним из древнейших способов доведения до аудитории мыслей и образов был греческий театр. Затем эстафету перехватили кино и телевидение. Все эти виды искусства были направлены на то, чтобы зритель ассоциировал себя с артистом, и «мурашки», деликатно воздействующие сразу на все органы чувств, были новым достижением в этой области. Дюбро уже доводилось ощущать «аурашки» — их не смотрели, а ощущали, — и он знал, что это прекрасное развлечение. Но здесь полулегальные программы были совсем другими.

Они не давали спокойно вздохнуть!

Бдыщ-бдыщ-бах! Сквозь дремоту в мозг Дюбро вливались эмоции с такой силой, что пульс участился в разы. Страх, ненависть, страсть — все это и многое другое ощущалось сильнее во сто крат, смешиваясь в какофоническую симфонию, от которой его трясло. Рука сжалась на выключателе, и пытка нервов закончилась, но Дюбро все равно прошиб холодный пот.

Облака развеялись. Рядом с Дюбро слабо улы-

бался Кэмерон.

— Лучше турецкой бани, — заметил он. — Но хорошего понемножку. Не хочу пропустить появление Риджли.

— Знаете, почему он вас преследует? — спросил Дюбро, отдышавшись.

— Догадываюсь. А ты?

— Я же сказал, он почти наверняка фалангистский шпион. Шеф, может, расскажете, что вас на самом деле тревожит?

— Пока не могу. Разве что… Ответь-ка на вопрос: не случилось ли чего-то, из-за чего я стал… незаменим?

Дюбро обдумал ответ. Он был психотехником и понимал, как близок Кэмерон к срыву. Если рискнуть сейчас, можно разом решить несколько проблем.

— Ну… сперва вы мне ответьте. — Он пошел на риск, скрестив пальцы на удачу. — Помните гипотетическое уравнение, которое мы вчера обсуждали?

— С переменными истинами? Помню.

— Может заядлый игрок в сказочные шахматы решить это уравнение? Или сойдет с ума?

Кэмерон почувствовал важность вопроса. Он наморщил лоб и ответил далеко не сразу.

— Если кто-то и способен его решить, то только такой человек.

— А если не решит, — Дюбро судорожно сглотнул, — то вы все равно получите достаточно информации, чтобы найти того, кто сможет. Ладно, шеф, я отвечу на ваш вопрос. Не хочу, но отвечу. Я боюсь. Боюсь того, что с вами происходит. У вас беда, а вы ее от меня скрываете. Бьюсь об заклад, это связано с… происходящим.

— Риджли?

— Он тоже связан. Мы с Сетом ничего вам не рассказывали — опасались, что ответственность приведет вас к серьезным неприятностям. Но теперь вы знаете правду.

— Какую правду?

— Уравнение не гипотетическое, — раскрыл тайну Дюбро. — Фалангисты тоже его получили и решили. Теперь применяют против нас. Мы с задачей не справились. Наши ученые сходят с ума. Вам поручили найти человека, способного дать решение.

— Продолжай. — Кэмерон даже не шелохнулся.

— Мы с Сетом не рискнули открыто взвалить на вас такую ответственность. Теперь понимаете почему?

Директор медленно кивнул, но ничего не от-

ветил.

— Нам пришлось представить задачу как теоретическую. Мы боялись, что вы почувствуете подвох. Но сегодня я встретился с этим шахматистом, и он уверен, что решит уравнение. Даже если не решит, теперь нам известно, человек какого склада ума в силах справиться с переменными истинами. Это вопрос отбора. Если ничего не получится, то исключительно потому, что невозможно найти подходящего человека. Это не ваша вина. Вы-то знаете, кого искать.

— Казуистика какая-то, — хмыкнул Кэмерон. — Но логика в этом есть. Вот только мне неизвестно текущее положение вещей. Начнем с того, где Сет.

— Погиб.

В ответ — молчание. Затем:

— Бен, давай-ка с самого начала, да побыстрее.

— Если бы я узнал об этом сразу, избежал бы всех своих бед, — заключил Кэмерон почти час спустя. — С другой стороны, узнав, я мог бы свихнуться от ответственности. Теперь слушай. — Он рассказал Дюбро о волнах на зеркале, о мягкой дверной ручке, об игривой ложке и двигающемся полу. — Все это для того, чтобы лишить меня ощущения безопасности, а значит, и способности

принимать решения. Чтобы развить тревожное расстройство или что похуже. Я знал, что такое невозможно, по крайней мере на том уровне науки, что у нас есть сейчас. Однако…

У Дюбро пересохло в горле.

— Господи! А почему вы нам не рассказали?!

— Не осмелился. Я запутался. Думал, что на все есть объективные причины, и пытался найти объяснения. Не нашел. Оставалось два варианта: либо я спятил, либо стал жертвой чьих-то козней. Во втором случае должен был существовать мотив, но я его не видел. Догадался лишь, что цель — искусственно свести меня с ума. Я решил подыграть. Допускал, что за мной следят. Каждое мое слово могло дойти до фалангистов, или кто там меня преследует. — Кэмерон тяжело вздохнул. — Было непросто. Я решил, что смогу выяснить больше, если притворюсь, что верю в субъективность этих явлений. Враг сочтет, что дело сделано, и потеряет бдительность, а я узнаю, что он замышляет. Я понял, что вы с Сетом тоже что-то задумали — вероятно, связанное с этим делом, с моими галлюцинациями, — и я доверял Сету. Больше, чем тебе, Бен. До сего момента.

— То есть вы подыгрывали, — произнес Дюбро.

— Звучит просто? Но нельзя быть твердо уве-

ренным, что ты на самом деле не сходишь с ума. Я сомневался. Мой разум пребывал в искусственно вызванном состоянии истинного психоза. В этом враг преуспел. Сегодня я намеревался обратиться за врачебной помощью. Чувствовал, что встреча с тобой или Сетом может все перевернуть. Думал, если поговорю с психиатром, то получу тот же эффект, что от катарсиса, не выдав при этом своих подозрений. Но теперь уже все равно. Даже если за мной наблюдают прямо сейчас, фалангисты не узнают ничего полезного. Теперь нас не остановить.

— Не стоит их недооценивать, — заметил Дюбро. — Они ведь решили уравнение и могут использовать его как оружие. Например, создают бомбы, способные пробить наши энергетические щиты. Готов поспорить, это еще не все.

— Давай-ка подумаем. — Кэмерон прикрыл глаза. — Во-первых, нужно решить уравнение. Так мы окажемся с фалангистами на равных. Во-вторых, нужно решить контруравнение. Но с этим, боюсь, не справится даже игрок в сказочные шахматы.

Дюбро удивленно заморгал. Такого он не предвидел. Совершенно новая, неожиданная задача — найти человека, способного не только решить

уравнение, но и отменить его эффект.

— Илай Вуд прекрасный математик…

— Для своего времени. Я готов поверить, что он расколет уравнение как орех. Анализировать всегда легче, чем создавать. Бен, ты до сих пор не понял, откуда вообще взялось это уравнение?

— От фалангистов…

— Они наши современники. Их наука не опережает нашу, а уравнение — продукт совершенно других технологий. Ответ нужно искать у Риджли.

— Выходит, он его где-то добыл?

— Если Риджли из будущего, то, вероятно, принес уравнение с собой. После чего отдал или продал фалангистам. Ты прав, считая, что Риджли — ключ ко всем загадкам. Я бы попробовал загипнотизировать этого вашего мутанта… как там его, Билли ван Несс? Вдруг узнаем что-нибудь важное?

— Риджли мне видится наиболее опасным противником.

— Да, он стал бы ценной добычей, — задумчиво произнес Кэмерон. — Есть у меня одна мыслишка… Гм… Ты попросил Календера установить слежку за Риджли?

— Не знаю, сделал ли он это. Сканирующий луч

можно направить, только если знаешь точное местонахождение объекта.

— Ладно. — Кэмерон встал. — Пора за работу. Мне гораздо лучше: теперь я знаю, что не схожу с ума. А то уже чувствовал себя средневековым крестьянином, списывая все на личного бога и черта. — Он повернулся к арочному проему, отчетливо видному в рассеивающейся дымке. — Давай поищем видеофон и начнем обобщать информацию. Идем, Бен. И будь готов взять на себя мои обязанности — мало ли что.

— Шеф, но вы, похоже, в полном порядке. Теперь вам известно, что́ фалангисты пытались с вами сделать.

— Известно, — холодно ответил Кэмерон. — Но ты кое о чем забываешь. Они еще могут добиться успеха. Свести меня с ума чрезмерным давлением. Применять против меня уравнение, пока мой разум не сдастся и не прикроется безумием ради моей же защиты.

— Вы до сих пор это чувствуете?

— Сороконожки, — ответил Кэмерон. — Мелкие жучки и паучки. Если я разденусь и осмотрю себя, то ничего не увижу, поэтому невозможно понять, что они такое на самом деле. Но они ползают по мне, и безумие по сравнению с этим было бы куда

приятнее. — Он поежился.

Глава 11

Они позвонили Календеру с общественного видеофона. Военного министра не было в штаб-квартире, но понадобилось совсем немного времени, чтобы перенаправить сигнал. Суровое волевое лицо министра выглядело напряженным и раздраженным.

— А, наконец-то соизволили со мной поговорить. Ценю ваше внимание, мистер Кэмерон.

— Мистер Дюбро выполнял мои указания, — сухо ответил Кэмерон, не желая препираться. — Было крайне важно, чтобы меня не отвлекали звонками от важной работы. Малейшая потеря концентрации могла стать фатальной.

— Фатальной?

— Да. Какие новости о докторе Пасторе? Дюбро ввел меня в курс дела.

— Вы решили уравнение? Нашли кого-нибудь, кто может решить?

— Пока нет. Делаю все возможное. Так что там с Пастором?

— Пока ничего. Объявлен в розыск. Ваш Дюбро считает, что он направляется домой. Мы послали

туда войска, замаскировали орудия. Мощности хватит, чтобы разнести его на электроны. Или на кванты. Его жене ничего не сказали. Если он появится…

— Он что, следов не оставляет?

— Следов… То есть разрушений? Нет. Сомневаюсь, что он пользуется своими способностями.

— Вижу, что вы делаете все возможное, — сказал Кэмерон. — А что насчет Дэниела Риджли?

— Да бред это все, — бросил Календер. — Он ценнейший сотрудник. Дюбро наверняка ошибся.

— Вы проверили досье Риджли?

— Само собой. Все сходится.

— Могли его подделать?

— С трудом верится.

— Но все-таки могли?

— Не может он быть фалангистом! — рявкнул военный министр. — Знали бы вы, сколь важную информацию о враге добыл для нас этот агент!

— И чем она теперь вам поможет? — парировал Кэмерон. — Уравнение способно уничтожить всех нас, и вы это прекрасно понимаете. Вы хотя бы следите за Риджли?

— Не можем его найти. Я вызывал по рации, но он отключил передатчик.

Это директор даже не стал комментировать.

— Он в Нижнем Манхэттене. Направьте сканер на меня. Вот номер аппарата, у которого я нахожусь. Думаю, Риджли попытается вступить со мной в контакт. Если это случится, перенаправьте сканер на него и не теряйте! Лучше сразу три или четыре сканера.

Дюбро что-то шепнул. Кэмерон кивнул.

— Со мной Бен Дюбро. Выделите и ему сканер. Нельзя упустить Риджли.

— Отправить за вами хвост?

— Нет, никаких солдат. — Кэмерон ненадолго задумался. — Нужно, чтобы с Риджли не сводили глаз, но не ограничивали его передвижение. Это важно. У меня появилась идея.

— Сканеры настроены, — сообщил министр, кивнув кому-то за экраном. — На вас обоих. Что-нибудь еще?

— Это все. Удачи!

— Удачи!

— Вы сказали ему, что мы не нашли никого для решения уравнения, — обратился Дюбро к Кэмерону.

— Мало ли кто нас подслушивал. Нельзя, чтобы Вуда убили. За мной фалангисты наверняка следят, иначе не смогли бы так уверенно проделывать свои фокусы. Когда рядом кто-то есть,

ничего не происходит.

— Они вас все еще… обрабатывают?

— Ага, — ответил Кэмерон. — Ладно, позвоню-ка Неле. А потом…

Он позвонил.

— Шеф, а что потом?

— У Сета была квартирка неподалеку от Нижнего Манхэттена. Хочу взглянуть, не оставил ли он там чего.

— А как быть с Риджли?

Кэмерон посмотрел Дюбро в глаза и ухмыльнулся. Как же, в самом деле, быть с Риджли? Курьер почти такая же загадка, как и само уравнение.

Они арендовали пневмомобиль.

«Квартирка» Сета Пелла на поверку оказалась коттеджем, отдельным домом со всеми удобствами, нужными хозяину-гедонисту. У Кэмерона был пароль от двери. Как только они вошли, зажглись тусклые люминесцентные лампы и тихо заурчали аэротермальные регуляторы. Дюбро окинул взглядом симпатичную просторную гостиную.

— Сет здесь уединялся, — сказал Кэмерон. — Сюда.

Он подошел к изображенной на стене ночной батальной сцене. При его приближении стенная панель ритмично завибрировала. Белые следы

ракет слабо засветились, запульсировали розоватые облачка дыма. Кэмерон понаблюдал немного и просвистел пару тактов какой-то мелодии. В стене открылась ниша.

Кэмерон достал оттуда два вибропистолета, передал один Дюбро и прошел в другой конец комнаты.

— Дуэль устраивать не будем, — поспешил успокоить он. — Устроим ловушку. На всякий случай. Риджли рано или поздно нас найдет, учитывая, что теперь мы далеко от толп Нижнего Манхэттена. Оставайся в том конце комнаты.

Дюбро кивнул. Он покачал пистолет на ладони. Ему никогда в жизни не приходилось стрелять, но это было не важно. Прицелиться и нажать на спусковой крючок, вот и все. Он покосился в сторону выхода.

Кэмерон открыл еще одну стенную панель, за которой был сейф.

— Тут, похоже, пусто, — сказал он, листая бумаги. — Впрочем, я и не ожидал найти что-то особенное. Сет редко приносил рабочие документы домой.

Дюбро осмотрел комнату. Она была со вкусом обставлена, в противоположность сорочьему гнезду Пастора. На полках шкафов стояли ты-

сячи книг, старинных и современных, а также коробки с пленками. Диванная подушка хранила отпечаток головы Пелла.

— Сет однажды назвал себя человеконенавистником.

— Думаю, он не преувеличил, — кивнул Кэмерон. — Друзей у него почти не было. Его дружбу надо было заслужить. Кто-нибудь мог бы счесть его асоциальным, но это не так, он на удивление хорошо адаптировался к людям.

— Он любил свою работу.

— Сету была по плечу любая работа. — Кэмерон достал книгу, перелистал и вернул на место. — У него была теория, что войны неизбежны. Что они естественное продолжение индивидуального образа жизни. Большинство людей постоянно ведут личные войны — эмоциональные, финансовые и так далее. Если им удается выжить, это положительно на них влияет. Сет считал, что, согласно общим принципам существования, войны если не обязательны, то неизбежны. Выживание видов и самосохранение — вот главные факторы, in petto[86] находящие отражение в личных и межнациональных войнах.

---

[86] Примечания: 86
Втайне *(ит.).*

— Мрачноватая философия.

— Вовсе нет, если ты не поклонник хеппи-эндов. Бен, когда война с фалангистами закончится, второго пришествия Христа не случится. Сет бы сказал, что каждая война — это удар молота, придающий форму мечу. Укрепляющий его. С каждым человеком в отдельности, когда меч не изъеден ржавчиной и не сломан, все точно так же. Может, и с целой нацией тоже. Люди, всю жизнь проведшие в утопии, не приспособлены для выживания. Бен, твой пистолет.

Дюбро пришлось приподнять ствол всего на дюйм. Он навел мушку на того, кто появился в дверном проеме. Коричнево-черная форма Риджли поражала чистотой; знаки различия поблескивали в тусклом свете ламп.

Дюбро присмотрелся к курьеру. Бронзоволосый, крепко сбитый, почти без шеи, но при этом ловкий и подвижный. Ничто не выдавало в Риджли посланца из другого времени. Разве что торжествующий блеск в глазах.

Риджли не был вооружен, но Дюбро помнил загадочный блестящий прибор, который курьер однажды на него нацелил.

— Риджли, я не знаю ваших возможностей, — тихо обратился к курьеру Кэмерон. — Возможно,

вы успеете убить нас обоих прежде, чем один из нас убьет вас. Но вы между двух огней. Между мной и Дюбро.

— Почему же, вы вполне можете меня убить, — ответил Риджли, сохраняя бесстрастный вид. — Я это допускаю. Но мне нравится рисковать.

— Вы собираетесь нас убить?

— Попробую, — ответил курьер.

Дюбро слегка шевельнул пистолетом. Риджли не неуязвим, на него уже наверняка настроился следящий сканер. Известно ли ему об этом? Так или иначе, он сам признал, что шансов у него немного.

Человек из будущего — не обязательно сверхчеловек. Его возможности не безграничны.

— У меня остался козырь в рукаве, — сказал Кэмерон. — Поэтому давайте сначала поговорим. Вдруг получится вас переубедить?

— Думаете?

— Во-первых… как насчет обмена информацией?

— Нет нужды.

— Хотя бы скажите, чего вам надо?

Риджли промолчал, но в его глазах промелькнула лукавая насмешка.

Дюбро одним глазом следил за курьером, а

другим за Кэмероном, ожидая сигнала. Сигнала не было. По груди побежали струйки пота.

— Нам с Дюбро не очень-то хочется умирать, — сказал Кэмерон. — Вам, думаю, тоже. Мы можем схлестнуться сейчас, а можем в другой раз. Так ведь?

— Зачем откладывать?

— Затем, что схватка может ничего не решить. Слышали, что случилось с доктором Пастором?

— Нет, — ответил Риджли. — Я в последнее время не выхожу на связь. Решил, что так безопаснее. Пастор… это тот, кто занимался уравнением?

Да, у курьера было слабое место. Дюбро наблюдал за Риджли, искал намек в ничего не выражающих чертах лица, пока Кэмерон рассказывал, что случилось с Пастором.

— Вот такая нам грозит опасность, — подвел итог директор. — Может, мы убьем вас. Может, вы убьете одного из нас или даже обоих. Может, перестрелка закончится гибелью всех троих. А Пастор по-прежнему будет где-то разгуливать. Видите проблему?

Похоже, Риджли уже принял решение.

— Пастор должен умереть. На военного министра полагаться нельзя. Да, Кэмерон… я вижу более насущную проблему. Ваше убийство не

доставит мне удовольствия, если затем Пастор уничтожит весь мир.

— Постойте, — вмешался Дюбро. — Разве вы не можете узнать, воспользовался Пастор своей силой или собирается ею воспользоваться? Если только время не переменная…

— Не могу, — ответил Риджли. — Поэтому нельзя полагаться на удачу. До встречи.

Он вышел из комнаты. Дюбро закрыл дверь. Окна были односторонними, поэтому теперь никто не мог подглядывать.

— Шеф, мы так просто его отпустим?

— А что поделать? — Кэмерон потер лоб. — Он может выполнить за нас нашу работу — убрать Пастора. Это необходимо. Перестрелка сейчас не поставила бы финальную точку. Бен… он сказал, что не знал о Пасторе.

— Да, странно. Если он на самом деле из будущего, если освоил перемещение во времени, то должен был знать.

— Вот именно. По крайней мере, должен был знать, гибко ли время и существуют ли линии временны́х вероятностей. Гм… Давай-ка позвоним Календеру.

Календер сказал, что за Дэниелом Риджли теперь следят пять сканирующих лучей и что

курьер на вертолете полетел на северо-запад. Кроме того, еще один ученый, занимавшийся уравнением, вдруг захохотал, уменьшился и исчез. Исследование с помощью микроскопа позволило обнаружить лишь крошечную дырочку в полу. Предположительно, ученый провалился до самого центра земного притяжения.

Еще трое ученых просто сошли с ума.

Кэмерон выключил экран и кивнул Дюбро:

— Позвони Илаю Вуду. Узнай, как он там. Мне, пожалуй, стоит послушать в сторонке.

Директор отошел и напряг слух.

Спокойное лицо Вуда было измазано чернилами, но в остальном выглядело обычно.

— А, мистер Дюбро. Рад вас видеть. Я хотел было позвонить в Департамент психометрии, но вы говорили, что дело крайне конфиденциальное.

— Совершенно верно. Как у вас дела?

— Хорошо, — ответил Вуд. — Уравнение потрясающее. Вот только оказалось сложнее, чем я ожидал. Иногда приходится одновременно работать над двумя-тремя задачами, учитывая временну́ю вариативность. Мне бы интегратор…

— Приезжайте в Нижний Чикаго, — сказал Дюбро по кивку Кэмерона. — Дадим вам доступ к интеграторам.

— Хорошо. Мне бы не помешали ассистенты… несколько специалистов.

— А это не опасно? — задумался Дюбро. — Для них?

— Вряд ли. Просто нужно побыстрее решить ряд задач. Я дам помощникам необходимый материал. Пара механиков тоже понадобится — надо кое-что переделать в интеграторе. Метод я проработал, но в начинке приборов мало что смыслю.

— Хорошо. Можете предположить, когда закончите?

— Пока нет.

— Ладно… трудитесь дальше.

— Мистер Дюбро, один момент. Я прежде не работал в интеграторных. Можно там курить? Без трубки я хуже соображаю.

— Разрешим, — ответил Дюбро.

Спокойное лицо Вуда исчезло с экрана. Кэмерон усмехнулся:

— Похоже, это тот, кто нам нужен.

— Что думаете насчет помощников?

— С ума не сойдут. Ответственность-то не на них, а на Вуде. Ладно, поехали в Нижний Чикаго. Хочу взглянуть на этого мутанта… ван Несса? Неплохо бы выудить у него информацию о Риджли.

— Будет непросто. Он совсем дезориентирован.

— Знаю, — кивнул Кэмерон. — Но рано или поздно нам придется сразиться с Риджли. Лучше бы знать зачем и почему.

Дюбро кивнул и подумал, что многие проблемы можно было бы решить, зная мотивы курьера. Тем не менее развязка близка. Последние шаги будут крайне увлекательными. Волнующими…

Но все оказалось не так. Впереди ждала рутина.

Глава 12

Войны не выигрываются на поле боя. Перед сражением проходит изнурительная интенсивная подготовка, в ходе которой нужно учесть любые, даже невероятные обстоятельства. В конкретном случае необходимо было найти неизвестные факторы, которых хватало с лихвой. Например: кто такой Риджли? Что ему нужно? Какие у него особые способности?

— В его министерском досье ничего, — сделал вывод Кэмерон, изучая психологические графики. — Для своей роли он сменил личину. Нужно исследовать его окружение, его действия и противодействия, и в этом нам поможет Билли.

Дюбро наблюдал за мутантом, тихо спавшим

под гипнозом. Энцефалограф считывал мозговые импульсы.

— Как бы то ни было, временной якорь мы нашли.

Пока что это был обычный якорь, в помощь которому работал гипноз. Мозговое излучение ван Несса менялось в зависимости от различных раздражителей. Заставляя мутанта сосредоточивать экстратемпоральное восприятие на нужном временно́м отрезке с помощью отмеченных на диаграмме раздражителей, либо отвлекающих его, либо, напротив, помогающих сконцентрироваться, можно было узнать подробности прошлого Риджли — в будущем. Но при этом нельзя было забывать про допустимую погрешность, учитывая, что ван Несс все чаще сбивался. В истории наличествовали мудреные узлы и белые пятна; некоторые удавалось распутать или закрыть с помощью знакомых впечатлений. Но если это не помогало, приходилось ставить на них крест.

На это ушло несколько дней.

Все это время о докторе Пасторе ничего не было слышно. Кэмерон сдался и обзавелся охраной. Весь Нижний Чикаго жил в состоянии тревоги. Лишь небольшое число военных допускалось в

пещеру, кишевшую телохранителями и учеными-специалистами. В интеграторной Илай Вуд с помощниками трудились не покладая рук, и математик, кажется, совершенно не поддавался напряжению. Задумчиво пыхтя трубкой, он продирался через лес громадных полуколлоидных механических мозгов, в отсутствие блокнота делая пометки прямо на рукаве и время от времени докладывая о новых открытиях Кэмерону и Дюбро.

— Может, машины подключить? — спросил однажды Дюбро. — Чтобы воспользоваться уравнением, как только мы его решим. Какие-нибудь передатчики…

— Посмотрим, — ответил Вуд. — Пока я в этом не уверен. Видите ли, уравнение представляет собой набор переменных истин, настолько вариативных, что нельзя предугадать, какое оборудование понадобится, чтобы им воспользоваться. Одному из сумасшедших хватило собственной ментальной энергии, чтобы нейтрализовать гравитацию. Можно найти одну базовую произвольную истину, которая будет предусматривать передачу направленных переменных истин через графитовый стержень карандаша или кусок железа. Или через волосяную фолликулу, — добавил он,

моргнув.

— Вы близки к решению?

— Весьма. Однако контруравнение мне не под силу. Может, я с ним и справлюсь, но на это уйдут месяцы.

— Есть ли у нас возможность подождать? — задался Дюбро вопросом и сам ответил на него: — Нет. Разбить фалангистов, избавиться от них раз и навсегда можно только сейчас. Их главное оружие — направленное применение уравнения. Все больше бомб пробивают наши щиты. Если начнется полномасштабное вторжение…

— Их роботы, скорее всего, победят, — закончил за него Кэмерон. Директор наблюдал за пульсирующим вдали огромным интегратором. — Таков план фалангистов. Бомбы — это ерунда. Главная цель — ученые.

— В нашей стране едва ли больше сотни светил науки. Электрофизики, инженеры-электронщики и так далее. Люди, обученные придумывать быстрые контрходы…

— Это война технологий, — согласился Кэмерон. — Стоит им свести наших лучших ученых с ума, и мы останемся беспомощны, как кровоток без печени. Оказавшись в положении, когда нужно как можно быстрее рождать новые идеи, мы

проиграем. Потому что авторы идей безумны.

— Даже когда мы решим уравнение, — заметил Дюбро, — ситуация будет патовая.

— Да… мы снова окажемся на равных с фалангистами. — Кэмерон облизнул губы.

Без контруравнения ему конец. Психическое давление не прекращалось. Час назад в кабинете зажженная сигарета выползла у него из пальцев и обвилась, словно червяк, вокруг запястья, обжигая кожу.

Дюбро наблюдал за директором.

— Справимся, — сказал он. — Как-нибудь. Найдем способ. Ресурсов у нас предостаточно…

Кэмерон кивнул:

— Я наконец-то уговорил Календера прекратить всю работу над уравнением, кроме вашей, Вуд. Это спасет оставшихся ученых, но главные специалисты уже либо свихнулись, либо погибли.

— Мертвых не вернуть, а вот остальных можно вылечить, — возразил Дюбро. — Достаточно будет показать им решение уравнения.

— Бен, это не так просто, но мысль верная. Они сошли с ума, потому что не справились с ответственностью. Если дать им понять, что ответственность снята, они быстро придут в себя.

— Ладно, пора возвращаться к работе. — Вуд заново закурил трубку. — Знаете, а ведь все это — разновидность сказочных шахмат без четких правил. — Он посмотрел на большой интегратор. — Удивительные штуковины. Не понимаю… — Вуд задумчиво покачал головой и ушел.

— Он справится, — уверенно заявил Дюбро.

— Да. Вопрос — когда? Идем навестим Билли.

В сопровождении телохранителей они вернулись в клинику при Департаменте психометрии и начали очередной сеанс с мутантом. Понемногу к досье на Дэниела Риджли добавлялись новые строчки.

Ван Несс был всего лишь зрителем. Он видел течение времени, но сам был сумасшедшим, и все его реакции, за исключением словесных, были как у ребенка. Он отвечал на вопросы и описывал, что видит, но не более того. И хотя ван Несс научился легко распознавать Риджли благодаря неестественно долгой продолжительности жизни курьера, составить подробную хронологию было невозможно. Он перескакивал с одного на другое: вот Риджли еще ребенок, вот уже подросток, затем взрослый, затем — нечто невидимое в каком-то инкубаторе, похожем на пренатальный,

но гораздо сложнее.

Постепенно из туманных далей времени стали выплывать и смутные очертания родного мира Риджли.

Они становились отчетливее. Из сумрачной дымки, как из облаков, когда смотришь на землю из иллюминатора самолета, появлялись горные вершины и целые гряды. Стало возможным выстроить приблизительную хронологию событий, заставляя ван Несса точно описывать внешность Риджли. С возрастом облик человека меняется, на лице появляются новые и углубляются старые морщины.

Рутина. Тягомотина. Тревога с каждым днем усиливалась, ведь статус-кво сохранялся. Доктор Эмиль Пастор по-прежнему был в бегах. Галлюцинации не покидали Кэмерона, пока он не попросил Дюбро давать ему снотворное при необходимости. Сумасшедшие ученые оставались сумасшедшими. М-204 в лечебнице по-прежнему мнил себя Мухаммедом и парил в нескольких футах над койкой, не позволяя кормить себя через капельницу и игнорируя все вокруг.

Генеральный штаб неофициально переехал в Нижний Чикаго. В пещерном городе шагу нельзя было ступить, не наткнувшись на военного или

военное оборудование. Никто не знал, что может понадобиться, и поэтому сюда перевезли абсолютно все имеющиеся в наличии приборы.

Слежка показывала, что Риджли перемещался по стране, то на вертолете, то пешком, при помощи устройства, отдаленно похожего на компас. Очевидно, он искал доктора Пастора. В случае успеха в штабе сразу бы стало известно.

Однажды Кэмерон пришел на работу взволнованным. Дюбро отвлекся от бумаг, подсознательно ожидая неприятностей.

— Что-то случилось?

— Пастора нашли? Нет? Тогда слушай. Я кое-что придумал.

По видеофону Дюбро они вызвали Илая Вуда. Как всегда невозмутимый, математик приветственно кивнул с экрана:

— Доброе утро. Дело движется. Я обнаружил, что помощники мало что понимают. Если принять это как должное, то мы на верном пути. Скоро закончим.

— Все в порядке? Вижу, что да. Вуд, послушайте и поделитесь своим мнением. Мы полагаем, что Риджли привез уравнение с собой из будущего и отдал фалангистам. Мутант ван Несс рассказал нам кое-что из биографии Риджли, и

выходит, что курьер прибыл из весьма развитого технологически мира. Там вовсю пользуются уравнением. От ван Несса не многого удалось добиться, но я сделал вывод, что уравнение — оружие, не единственное, а одно из многих. Может ли контруравнение, отменяющее его, быть известно современникам Риджли?

— Вполне вероятно. — Вуд сдвинул брови. — Вы не попробуете это выяснить через мутанта?

— Он лишь сторонний наблюдатель. Даже если увидит, как применяют контруравнение, не сумеет его достаточно точно описать. Упустит множество деталей. К тому же мы не можем четко его направлять, и даже если бы могли, то не знаем, что искать. Предположим, Риджли знает решение уравнения и как им пользоваться. Можем мы предположить, что ему известно и контруравнение?

— Вполне. Вы же за ним следите?

— К этому я и клоню, — ответил Кэмерон. — Он ищет Пастора. А Пастор обладает уничтожительной силой, полученной из уравнения. Очевидно, Риджли должен иметь защиту от Пастора.

— А единственной защитой будет контруравнение.

— Если он применит его против Пастора…

— Вероятный сценарий, — задумчиво произнес Вуд, глядя себе в трубку. — Теперь я понимаю. Если он так и сделает, из его действий можно будет вычленить контруравнение. Ученый, впервые увидевший, как стреляют из пушки, теоретически способен составить формулу пороха. Хм… Я бы предложил использовать камеры с функцией качественного и количественного анализа. Пускай наблюдают за Риджли через сканеры. Также установите ультрафиолетовые, инфракрасные и прочие датчики. Для начала хватит. Если Риджли применит против доктора Пастора контруравнение, мы сможем его решить.

Когда Вуд отключился, Кэмерон повернулся к Дюбро. Впервые за последние недели взгляд шефа стал рассеянным.

— Понимаешь, что это значит? — тихо спросил он.

— Да, — ответил Дюбро. — Вас больше не будут… преследовать.

Кэмерон развел руками:

— Естественно, я первым делом думаю о личном. Но это также означает, что мы сможем разгромить фалангистов. У них контруравнения нет. Риджли бы им его не отдал. Контруравнение — гарантия его безопасности. Фалангисты ему

не доверяют, и он автоматически становится мишенью для наемных убийц.

— Разве он не ценен для фалангистов?

— Больше опасен, чем ценен. Он дал им оружие, способное выиграть войну, в обмен на… не знаю что. Но если они победят, зачем им Риджли? А если он продался нам? Наемник меняет сторону, когда ему это выгодно. Возможно, фалангисты боятся Риджли, возможно, считают его крайне полезным, но доверять ему не могут. С точки зрения фалангистов, он способен принести победу в войне любой стороне. Сам Риджли прекрасно понимает, что таким союзникам нельзя верить, и ни за что не поделится с ними своей защитой, как поделился своим оружием.

— Звучит логично, — согласился Дюбро. — Но что, если он так и не найдет Пастора?

— Гм… Да ты оптимист. Пойдем навестим Билли.

Риджли видел взаимосвязь. В его времени тоже разгорелась война. Тотальная. В ней участвовала самая мощная технологическая система на планете.

Война продолжалась долго. Оставила след во всех областях социоэкономической системы. Чувствительную зародышевую плазму облучали

особым образом, благодаря чему позднее у ребенка проявлялись определенные способности. Соотечественники Риджли были воинами до мозга костей. Их психологическая подготовка к работе была идеальной.

А работа в то время была одна — война.

Идеальная мышечная координация сочеталась со сверхчуткой нервной структурой. Риджли реагировал на опасность и принимал решения за долю секунды. Он был словно воплощение самого Марса.

Высокотехнологичные устройства научили его сражаться и завоевывать. Сражаться и побеждать.

Но только этому.

— Когда вы предположили, что Риджли не доверяет своим союзникам-фалангистам, — сказал Вуд в кабинете Кэмерона, — у меня в голове сразу закрутились шестеренки. Он наверняка не отдал им контруравнение. Но главное, то, что меня до сих пор сдерживало, заключается в другом. В самом уравнении есть нечто странное.

— Да оно целиком и полностью странное, — ответил Дюбро. — В этом же весь смысл?

Вуд удивленно моргнул.

— Так или иначе, я думал, что никаких сюр-

призов уже не будет. До вчерашнего дня. Вы задумывались о том, что фалангисты не используют свое оружие в полную силу?

— Наши ученые теряют рассудок… — медленно произнес Кэмерон.

— В ход пущено лишь несколько параметров переменной логики. Все, что доступно при использовании неполного уравнения.

— Неполного?! — воскликнул Дюбро.

— Неполного. — Вуд вытряхнул пепел из трубки. — Это прекрасно замаскировано, поэтому уравнение кажется полным, но одного параметра не хватает. Я не сразу заметил, поскольку не подозревал, что такое возможно. Это мозаика без одного фрагмента. Если вам это известно, то, сложив остальные фрагменты, вы увидите, какая форма у отсутствующего кусочка. В нынешнем незаконченном виде способы применения уравнения ограниченны.

— Но почему? — спросил Кэмерон.

— А я знаю! — ответил Дюбро. — Полное уравнение опасно для Риджли! Естественно, что он не доверил его ни фалангистам, ни нам.

— Мы предполагали, что у фалангистов… законченное оружие. — Директор уставился на ладони. — Вы же утверждаете, что у них есть

бомба, но нет прицела для бомбометания, так?

Вуд кивнул.

— Фалангисты не дураки, — продолжил Кэмерон. — Их ученые талантливы. Они наверняка догадались, что уравнение неполное.

— У них было для этого достаточно времени, — кивнул Вуд.

— Но они не нашли недостающий параметр, иначе уже перешли бы в атаку всеми силами. Полагаю, полное уравнение, примененное на практике, не встретило бы сопротивления.

— Нельзя быть в этом уверенными. Я допускаю такую возможность. Разумеется, если не принимать в расчет контруравнение.

— Значит, ученые фалангистов по-прежнему работают над решением. — Кэмерон улыбнулся. — Им тоже угрожают психические заболевания. Они должны как можно скорее получить недостающий фрагмент — из опасения, что мы сделаем это раньше, и из страха перед Риджли. Интересно, сколько их ученых уже безумны?

— Это обоюдоострый клинок, — взволнованно вставил Дюбро. — Иначе не скажешь. Если Риджли…

Директор фыркнул:

— Вуд, вы можете найти этот недостающий

параметр?

— Думаю, да.

— А почему фалангисты до сих пор не нашли?

— Может, дело в расовых психологических различиях, — предположил Дюбро. — Они всегда были реакционерами. Их совместная культура относительно нова, но в ее основе очень старые, закостенелые порядки. Они…

— Они не играют в сказочные шахматы, — заявил Вуд. — Нет, я не исключаю, что они могут найти ответ, но до сих пор не нашли, иначе нам была бы крышка. Полное уравнение обладает невероятной силой. Вот еще кое-что, — усмехнулся он. — Если я не справлюсь, меня не расстреляют и не заставят совершить ритуальное самоубийство. А фалангисты следуют строгому, субъективному кодексу чести. Они служат государству и в то же время возводят его в культ. Для них ошибка недопустима.

Кэмерон, очевидно, был с этим согласен.

— Даны неоднократно побеждали саксов, но Альфред Великий со товарищи всякий раз прогонял их. Потерпев поражение при Этандуне, даны психологически сломались. Культура фалангистов жестка. Другой она быть не могла, иначе они сломались бы. Но теперь… в то время как наши

ученые боятся не решить уравнение и сходят с ума, ученые фалангистов опасаются куда более серьезных последствий. Таковы культурные различия.

— Мне весело, — спокойно произнес Вуд. — Даже некогда беспокоиться. Поэтому я чувствую, что скоро все решу, включая отсутствующий параметр.

— Мы можем выиграть войну, — посмотрел на него Кэмерон. — У нас прекрасные шансы. Смущает одно: в случае нашей победы Риджли останется на проигравшей стороне. Почему он присоединился к фалангистам?

— Он бы не присоединился к ним, если бы знал, — ответил Дюбро. — Выходит, не знал. Возможно, с наших времен не сохранились архивы. Только пространные легенды о какой-то войне, в которых не говорится, кто победил. А если архивы и сохранились, то, вероятно, неполные…

— Неполные или неточные, — закончил за него Кэмерон. — Есть и еще один вариант. Альтернативные временны́е периоды. В прошлом Риджли победили фалангисты. Но, перемещаясь назад во времени, он каким-то образом перепутал настройки и попал в альтернативное прошлое.

— Мы более-менее разобрались, пора возвра-

щаться к работе, — сказал математик, вставая.

Вестей от него не было целых три дня.

Прохладным вечером бог, урожденный Эмиль Пастор, шел по залитым серебристым лунным светом пшеничным полям Дакоты. Крошечная тщедушная фигурка брела за своей тенью.

Тень была реальностью, реальность — тенью. Под ногами гулко хрустела сухая земля, снова и снова отзываясь болью в голове. Останавливаться бог не любил. Он и без того сильно задержался. Чем скорее доберется до цели, тем скорее получит ответы на вопросы.

Бог должен быть всемогущ. В этом загвоздка. У него раздвоение личности. Он смутно, с неловким чувством осознавал, что может быть не только богом, но и Аваддоном. Что, если он вовсе не бог, а лишь ангел разрушения?

Почему у него не нашлось сил исцелить даже собственную руку?

Нервные окончания были сожжены дотла. Боль в руке была фантомной, как после ампутации. Когда рука болталась, Пастор постоянно на нее отвлекался и поэтому привязал к телу.

Врачу, исцелися сам. Богу, исцелися сам. Аваддону…

Он так задумался, что молча остановился посре-

ди огромного пшеничного поля, уставившись на свою черную однорукую тень. Но откуда-то издалека к нему вернулось воспоминание о каком-то «дорогом Эмиле», которое означало безопасность, и тень повела его к убежищу.

Там он узнает свое имя. Бог или Аваддон. Узнает свое предназначение. Бог должен править справедливо и терпеливо. Аваддон должен разрушать.

Что-то шевельнулось в пшенице.

Нет, всего лишь ветер.

Он пожелал, чтобы ветер затих, но тот не подчинился.

От беспомощности Пастор залился слезами и не заметил, как из пшеницы по ослепительно-белой лунной дорожке к нему двинулся некто.

К богу бесшумно скользил богоборец.

— Как его применять?

— Очень просто. Мистер Кэмерон, представьте: вы не можете играть в сказочные шахматы без доски, фигур и правил. Решив уравнение, мы узнали правила.

— А где взять доску и фигуры?

— Вокруг нас. Материя, свет, звук — все, что в обычной ситуации не считается… гм… техникой. В обычной ситуации. В обычных шахматах

нельзя использовать ночного всадника или кузнечика. Пользуясь обычной логикой, невозможно использовать сигарету как технический прибор. Но в условиях переменных истин сигарете можно назначить произвольные способности. Доской и фигурами будет наш пространственно-временной континуум и его свойства. Допуская несуществующие пространственно-временные параметры, вы меняете форму доски. Говоря «несуществующие», я имею в виду «несуществующие по привычным стандартам».

— Но какое практическое применение?

— Изначально мощность можно получить от бензинового двигателя или даже нервной энергии. Мистер Кэмерон, вокруг нас неисчерпаемые источники энергии. В мире стандартной логики мы не можем добывать эту энергию, по крайней мере без специальных приспособлений.

— Вы решили уравнение полностью? Включая отсутствующий параметр?

— Да, я его нашел. Все сходится. У нас есть то, чего нет у фалангистов. Но наша сила не безгранична. Микроконтинуум переменных истин будет поддерживаться, только если подпитывать его достаточным количеством направленной энергии. Пожалуй, это к лучшему, иначе вся

Вселенная могла бы пойти прахом. Есть ограничения. Даже умственное излучение невозможно поддерживать бесконечно. Но одна мысль способна дать всему толчок.

В кабинет Кэмерона вошел Дюбро.

— Пастор мертв, — сухо сообщил он. — Риджли до него добрался.

Директор сложил руки на столе и уставился на них. Под глазом забилась жилка.

— Прискорбно.

— Почему?

— А ты как думаешь? — Кэмерон поднял измученное лицо. — Меня непрерывно донимают вот уже… миллион лет! Я… Бен, сделай мне укол.

Дюбро уже несколько дней носил в кармане ампулы с успокоительным. Он умело воткнул стерильную иглу в руку Кэмерона и посветил на кожу ультрафиолетовой лампой. Уже через секунду директор успокоился, тик на его лице прекратился.

— Так лучше. Сил моих больше нет. А в дурмане не могу думать.

— Зато мурашки не бегают.

— Мурашки уже и так не бегают. Теперь вместо них кое-что новенькое. — Кэмерон не уточнил что. — Рассказывай, что собираешься делать.

— Если помните, мы вели слежку за Риджли. Десять минут назад он настиг Пастора в Дакоте. Пастор его даже не заметил. Риджли подобрался на расстояние выстрела и пальнул из своего кристаллического пистолетика. Вряд ли кому-нибудь из нашего времени удалось бы проделать подобное.

— Риджли обучен воевать. В любых условиях.

— Ага. Короче говоря, ему не понадобилось контруравнение. Все удалось записать; Вуд сейчас просматривает пленку. Но я уверен, что он ничего не найдет.

Кэмерон медленно указал на листок бумаги:

— Составлял психологический портрет Риджли. Ознакомься. — Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

На его лице еще читалось напряжение. Дюбро с волнением осмотрел директора, понимая, что тот долго не продержится. С того дня, когда на Кэмерона голубым глазом посмотрела дверная ручка, он почти две недели провел под непрерывным давлением. Его можно быстро исцелить, но только если убрать это давление.

Когда появился Илай Вуд, Дюбро уже закончил читать. Он молча передал бумагу математику.

Вуд пробежал глазами текст и кивнул в направ-

лении Кэмерона:

— Под препаратами, а? Вам, пожалуй, не повредит. Дюбро сказал, что Риджли не воспользовался контруравнением?

— Даже если бы воспользовался, — еле внятно пробормотал Кэмерон, — нет гарантий, что мы бы его расшифровали.

— Неправильная логика, — покачал головой Вуд. — У нас есть образец в виде оригинального решенного уравнения. Благодаря этому мы можем анализировать что угодно. Если Риджли применит контруравнение у меня на глазах, гарантирую, что расшифрую его за несколько часов. Интеграторы уже настроены на логику переменных.

— Может, Риджли все-таки его не знает?

— Шеф, я думаю, знает. — Дюбро снова взял бумагу. — Если поставить его в такую ситуацию, где не будет иного выхода… Гм… Что еще нам удалось на него накопать?

— Он прибыл из мира, где царит тотальная война.

— Все это вам мутант рассказал? — поинтересовался Вуд.

— Это стоило огромного труда, — слабо улыбнулся Дюбро. — Прежде чем сделать вывод,

пришлось проанализировать гору несвязанного материала, восемьдесят тысяч слов. Что касается Риджли, то мы узнали о его недостатках. Он последний из воинов.

Все было не настолько просто. Представьте мир, нацеленный исключительно на войну, с такими совершенными технологиями, что идеологическая обработка человека начиналась еще до его рождения. Представьте планету, содрогающуюся от смертоубийственного конфликта двух наций, двух рас, — конфликта, тянущегося через поколения. В сравнении с ним борьба с фалангистами длилась лишь миг.

Война была краеугольным камнем, началом всех начал, и все остальное подчинялось ей. Психология этих рас гораздо понятнее нам, чем наука того времени.

Пока человек не становился совершенной машиной для войны до победного конца, ему промывали мозги. Ничего, кроме способности воевать, от него не требовалось.

Параллельно с военными навыками нарабатывались лидерские качества. Из Дэниела Риджли еще до рождения начали делать завоевателя и управленца. Необходимые гены и хромосомы тщательно отобрали перед зачатием.

Но нация Риджли проиграла войну.

Многие его соотечественники погибли, остальные сдались и влились в социальную иерархию победителей. Но Риджли был военным преступником. Не самым злостным; когда он скрылся во времени, за ним даже не потрудились отправить погоню. Он исчез и вернуться уже не мог, поэтому о нем все забыли.

Путешествия через время в эпоху Риджли только начали осваиваться. Поэтому он решил рискнуть. Оставаться в своем периоде было нельзя; его психика не допускала даже мысли о принятии поражения. Он был машиной с одной-единственной функцией.

Благодаря своей наследственности и среде обитания тигры плотоядны. Если кормить их травой, они погибнут. Будь их нервная система такой же хрупкой, как у людей, они сходили бы с ума. Хищники правят, травоядные подчиняются. Успешная война была для Риджли условием выживания. Лишившись естественного корма, он отправился на поиски других охотничьих угодий.

— Конечно, по большей части это домыслы, — медленно заключил Кэмерон.

Дюбро кивнул Вуду:

— Нам неизвестно, насколько далеко будущее Риджли. Легко предположить, что он мог заглянуть в учебник истории и узнать, выиграли ли фалангисты войну. За проигравших он бы не стал воевать.

— Предположим, он и не стал, — заметил Кэмерон.

— Шеф, мы ведь пришли к другому выводу, помните? Если подробности событий нашего времени не продержались в истории до эпохи Риджли, он мог знать лишь то, что примерно в нынешнее время была какая-то война. Кроме того, время бывает гибким и будущее можно изменить, перенаправив его на другие вероятностные линии. Не знаю. Главное… — Дюбро посмотрел на Вуда. — Послушайте… Народу Риджли была известна технология путешествий во времени, и некоторые люди ею пользовались. Но никто из них не вернулся ни из прошлого, ни из будущего.

— Почему? — задумался математик.

— Этого мы не знаем. Не забывайте, наш мутант сумасшедший. Он дезориентирован во времени, а это, как по мне, любого заставит свихнуться. Существа, жившие в Пустышках, пользовались экстратемпоральным восприятием и не сходили

с ума, но они были мало похожи на людей, так что наши стандарты к ним неприменимы. Билли спятил, когда достиг половой зрелости и приобрел навык экстратемпорального восприятия.

— Уравнение уже можно применять? — перебил Кэмерон.

— При умелом руководстве — да, — ответил Вуд. — Когда я доработаю приборы, будет проще.

Кэмерон зажмурился:

— Значит, теперь у нас пат. Мы решили уравнение, но и фалангисты тоже. Если добудем контруравнение, Риджли может отдать его фалангистам, и тогда победы не видать. Бен, нужно спешить. Приготовьтесь к массированной атаке на фалангистов. Позвоните Календеру. Слежка за Риджли продолжается?

— Да.

Кэмерон сжал кулаки:

— Используйте уравнение на нем. Ударьте со всей силы. Пускай почувствует, что фалангисты делают со мной, только в большей степени. Врежьте так, чтобы нервы узлами завязались, и не жалейте его ни секунды.

— Чтобы он воспользовался контруравнением? — По спине Дюбро пробежал зуд азарта.

— Для самозащиты. Вряд ли будет легко — он

хитер. Но от уравнения есть только одна защита, и если заставим Риджли ею воспользоваться…

— Ясно, шеф. Сделаем. Вуд?

— Сделаем, — лаконично повторил математик. — Однако…

— Что?

— Я не завидую Риджли.

Глава 13

— Готовы?

— Готовы.

Вертолет находился в миле. Далеко, но добраться можно. Это первая задача. Вторая — добраться до фалангистов. С помощью уравнения миновать береговые силовые поля — сущий пустяк.

Над полями пшеницы висела серая рассветная дымка. Редкие звезды меркли перед надвигающейся жемчужной зарей. Земля под ногами морщилась и стонала, словно живое существо.

Он закрыл свой разум.

Нужно сосредоточиться на единственной цели. До вертолета десять минут быстрым шагом. Но потом нельзя будет расслабиться. В его руках органы управления могут поплыть и съежиться; переменные истины под контролем врагов будут

непрерывно его атаковать.

Непрерывно, но безуспешно.

В своей эпохе он был обучен отражать такие атаки. Их легко нейтрализовать с помощью контруравнения.

Оно очень простое, но воспользоваться им сейчас невозможно. За ним внимательно следят, каждый его шаг подвергается изучению.

Добраться до фалангистов и передать им контруравнение. Вряд ли они отблагодарят, но если что, он себя защитит. Он будет завоевателем.

На лицо упали густые маслянистые капли и скатились к ноздрям и губам. Он резко выдохнул. Его разум оставался закрыт. Жди неожиданного — вот способ защиты от психической атаки. Годы тренировок и идеологической обработки не прошли даром.

Земля под ногами продолжала меняться, становилась то каменистой, то гладкой как лед, и он корректировал свою походку.

Пшеничные поля впереди вдруг исчезли. Он очутился на вершине, у обрыва.

Он начал спускаться. Его лицо было бесстрастным, лишь в черных глазах горел восторженный огонь. Его всю жизнь готовили к битвам. Сейчас идет война. Лишь лицом к лицу со смертельной

опасностью он испытывает это пьянящее наслаждение.

Его разум реагировал на выброс адреналина не так, как у обычных людей. Он мог соблюдать осторожность, но страх был ему неведом.

Земля заходила волнами, словно океан.

Она выскользнула из-под ног. Он шел уже больше десяти минут, но не видел ни вертолета, ни рощи, за которой тот прятался.

Он остановился, чтобы обдумать это, не выпуская разум из узды. Защита держалась. Удары не причиняли вреда.

Пейзаж изменился. Вертолет был левее. Он пошел в том направлении — крепкий мужчина без шеи среди пшеничных полей…

И тут его глаза вывалились и повисли на нервах.

— Пока безуспешно?

— Дайте мне попробовать!

Глаза вернулись на место. Перед ним раскинулась огромная шахматная доска. Одна из клеток поманила его, но он не сошел с курса. Вертолет…

Откуда ни возьмись появились шахматные фигуры, причудливые силуэты, вопреки всякой логике, взмывали в небо и опускались. Но в био-

лабораториях своей эпохи он видел диковины и покруче. Его путь продолжался.

— Вуд, прошло уже три часа! По крайней мере, нам удается не подпустить его к вертолету.

— Очевидно, порождения фантазии здоровых людей его не берут. Ему промыли мозги…

— А если попробовать психов? У вас получится направить… спроецировать их мысли?

— Может сработать. Но вам придется помочь. Загипнотизировать их, сделать внушение. Займитесь пациентами, а я займусь уравнением. Давайте, Дюбро. Может, и Кэмерона подключить?

— Он спит. Пришлось дать ему лошадиную дозу снотворного.

Ему ухмылялись попрятавшиеся по несуществующим углам жуткие существа. Мимо с неестественной медлительностью пролетела стая кошмарных белых птиц. Расплывшееся лицо повторяло бессмысленные рифмованные строчки. Красные, желтые и пятнистые черти говорили, что он согрешил и сделался виновным.

Галлюцинации безумцев, воплотившиеся в реальность благодаря переменным истинам. На сказочной шахматной доске менялись свойства

энергии и материи, и выдуманные фигуры обретали форму и объем.

Сказочные фигуры кричали на него, смеялись над ним, причитали, свистели, щелкали и охали…

Зловещие тени, прячущиеся по углам. Призраки иррационального страха, ненависти и восторга. Мир безумства.

Он шел к вертолету. В его глазах по-прежнему пылал жуткий восторженный огонь.

Прошло семь часов.

— У меня только одна версия, — сказал Вуд.

Дюбро повернул к нему бледное от напряжения лицо и утер пот со лба.

— Версия чего?

— Того, как устроено перемещение во времени. Вы не думали, что Риджли мог бы легко от нас уйти, переместившись во времени на несколько дней? Почему он этого не сделал? Я попытался связать это с другими факторами — например, с тем, что никто из эпохи Риджли не возвращался из путешествий сквозь время. И с Пустышками. Наша теория такова: они прилетели из будущего в поисках чего-то — мы, наверное, никогда не узнаем чего. Когда поиски оказались безуспешны, они сдались и умерли здесь.

Дюбро закурил сигарету и заметил, что рука дрожит.

— И какой из этого вывод?

— Путешествовать во времени можно только в один конец. — Вуд нахмурился и уставился вверх. — Это лишь мои соображения, но пока все сходится. Переместиться можно только в одном направлении, в будущее или прошлое, и вернуться уже нельзя.

— Почему?

— Почему никто не погнался за Риджли? — Вуд воздел палец. — Он военный преступник. Он крайне опасен, но ему позволили бежать. Что, если бы он переместился в будущее, раздобыл там сверхоружие и вернулся обратно? У нас преступника не отпустят, если знают, что он может раздобыть вибропистолет.

— То есть они знали, что Риджли не вернется. — Дюбро нахмурился. — Думаете, его просто изгнали?

— Он отправился в изгнание добровольно. Существа из Пустышек тоже не сумели вернуться. Во времени можно двигаться только в одном направлении — либо в будущее, либо в прошлое, и менять курс нельзя. Вернуться тоже нельзя. Если вернешься, встретишься с собой.

— Что?

— Это дорога с односторонним движением, — ответил Вуд. — Два объекта не могут существовать в одном пространстве-времени.

— Точнее, два объекта не могут одновременно занимать одно и то же пространство?

— Пусть так. Проекция Риджли существует на всем протяжении времени от текущего момента до его собственной эпохи. Он не может вернуться домой, иначе столкнется сам с собой. И взорвется или что-нибудь в этом духе.

— Ух! — Дюбро скривился. — Это непросто переварить. Пустышки…

— Думаю, их создатели просто сдались. Поняли, что искать дальше нет смысла. Поэтому взяли и умерли.

— Подождите. А почему Риджли не попытался скрыться от нас в прошлом? Он ведь может это сделать?

— Может, но станет ли? Психолог у нас вы.

— Ну да… не станет. Он не прекратит сражаться, пока не поймет, что проиграл. Предположим, решит, что ему крышка, и снова сбежит в прошлое, так и не воспользовавшись контруравнением?

— А зачем? Даже если он будет вынужден выдать нам информацию, его личная война на этом

не закончится. Вдруг у него остались козыри в рукаве?

— Нужно сломать его. Пока что он отражает наши атаки. Он подготовлен к любым неожиданностям. Даже проекции подлинного безумия его не берут. Что еще попробовать?

— Не знаю. — Математик поморщился. — Если продолжим его атаковать…

В голове Дюбро пронеслась шальная мысль, и он за нее ухватился:

— Точно, мутант! Билли ван Несс! Вуд, можно использовать его против Риджли?

— Зачем?.. Как? Мы уже применяем психические проекции.

— Обычных сумасшедших. — Дюбро поспешно затушил сигарету. — Ван Несс необычный. У него экстратемпоральное восприятие. Он гибрид нечеловеческой расы, почти инопланетянин. Ему оставили в наследство талант, который свел его с ума. Пока он не повзрослел, экстратемпоральное восприятие дремало внутри его. Оно плюс безумие. Думаю, даже разум Риджли против этого не устоит.

— Нам не нужно, чтобы Риджли тоже спятил.

— Не забывайте про его условные рефлексы. Он поймет, что мы пытаемся сделать. Будет вы-

нужден воспользоваться контруравнением. У него не останется времени, чтобы придумать другие варианты ответа. Если экстратемпоральное восприятие так опасно, как я думаю, Риджли запаникует, едва учуяв его, и выдаст нужную нам информацию. Только как транслировать восприятие ван Несса?

— Точно не при помощи ортодоксальных методов, — ответил Вуд. — Мы воспользуемся вариантом истины, в котором возможна психическая передача способностей. Стоит попробовать.

— Если сработает, нужно будет держать ухо востро, — сказал Дюбро в монитор. — Мгновенно мобилизовать войска. По сигналу разбить фалангистов, применив уравнение заранее оговоренным образом. Позовите Календера… Господин министр? Будьте наготове. Сигнал может прийти в любую секунду. Атакуем фалангистов всеми имеющимися роботами.

— Все уже готово, — натянуто ответил Календер. — А обороняться кто будет?

— Когда получим контруравнение, организуем оборону отсюда. Вуд и его команда мгновенно этим займутся. — Дюбро отвернулся от экрана.

У него засосало под ложечкой. Он боялся того, что собирался сделать.

Во время подготовки они продолжали усердно атаковать Риджли. Но тот, благодаря исключительной крепости нервов — или, наоборот, отсутствию чувствительности, — почти достиг вертолета. Пока Вуд перепроверял и выстраивал параметры уравнения, которые они собирались использовать, Дюбро загипнотизировал мутанта и убедился, что искаженный полуинопланетный разум находится полностью под его контролем.

Сканер показывал, как Риджли упорствует, как его глаза пылают от упоения конфликтом — единственной целью его существования. Вокруг него непрерывно материализовались безумные воплощения переменных истин.

Нужно было ментально соединить Риджли с Билли ван Нессом. Если получится…

Наконец:

— Дюбро, вы готовы?

— Готов.

Это было копье, способное пробить броню Риджли. Тот предчувствовал его появление. В короткую долю секунды, когда курьер понял, что за оружие на него направлено, он успел проанализировать свои шансы на выживание и принять решение.

Он применил контруравнение.

Окружающего хаоса как не бывало. Под послеполуденным солнцем спокойно колосилась пшеница. В сотне футов стояла роща, за которой прятался вертолет.

Теперь он защищен. Уравнение не причинит ему вреда. Но враги заставили его раскрыть контруравнение. Ничего, он еще может улететь к фалангистам…

К счастью, Риджли защитился прежде, чем контакт с мутантом установился полностью. Но даже малой толики того, что он успел увидеть, было достаточно, чтобы заронить крошечное зерно страха в мозг.

Зерно страха?

Но что тогда растет и тянется сквозь все его сознание, словно огонек по фитилю к бочке с порохом? Одна клетка мозга, одна мысль — но зараза от нее распространяется со скоростью света, наделяя Риджли экстратемпоральным восприятием, наследием инопланетной расы из далекого будущего.

Это была мина с часовым механизмом. Мозгу требовалось время, чтобы привыкнуть к этому восприятию…

Роща заходила ходуном. Нет, показалось. Там были сотни, тысячи деревьев, наложенных одно

на другое в пространстве и соединенных во времени, а линия их жизни ветвилась, и на концах каждого ответвления были другие деревья…

Перед Риджли вдруг выросла каменная стена.

За ней стояли вигвамы. Будущее и прошлое…

…в пространстве были ограничены видимой областью, а вот во времени не ограничены вовсе. Все, что случилось или должно было случиться, существовало или должно было существовать, Риджли теперь видел как в изменчивом чудовищном калейдоскопе. Видения становились более четкими по мере обострения его восприятия. Он не просто видел. Экстратемпоральное восприятие работало иначе, это было своего рода осознание объектов, находящихся за пределами зрения и слуха.

Восприятие охватывало лишь небольшую зону вокруг Риджли, но он был уверен, что может расширить ее при желании. Впрочем, такого желания у него не было. Он стоял неподвижно, понурив голову, а на лбу пульсировали вены.

Вдруг он закрыл глаза.

Дезориентация усугубилась. Десятки, сотни, тысячи материальных объектов занимали то же место, что и он сам. Иллюзия. Он прекрасно знал, что два объекта не могут одновременно занимать

одно пространство-время.

В прошлом и будущем на этом месте случались катастрофы. Поверхность Земли невелика. За все время сюда били молнии, здесь случались землетрясения, и деревья падали ровно на то место, где стоял Риджли.

Вены на лбу запульсировали сильнее. Стиснув зубы, Риджли по-бычьи наклонил голову, словно продираясь сквозь шторм или снежную бурю, в то время как нечеловеческое экстратемпоральное восприятие открывало в его мозгу новые невероятные двери.

Ван Несс и другие мутанты научились видеть течение времени — и сошли с ума. Потеря ориентации была, к несчастью, неизбежна. Только сойдя с ума, они могли выжить в постоянно меняющемся мире, непостижимом для разума, инстинктивно ожидающего видеть во всем логику. Какие там переменные истины! Это были сказочные шахматы с доской, простирающейся до начала и конца времени, доской, по несчетным клеткам которой двигались бесчисленные фигуры…

Игрок видит доску с фигурами и понимает расклад. Но если пешка — или, в сказочных шахматах, ночной всадник — мог бы видеть доску

глазами игрока, какова была бы его реакция?

Риджли ежился все сильнее. Удары становились невыносимы.

Его ноги подкосились. Он упал на колени.

Не открывая глаз, он подтянул колени к груди, сложил руки со сжатыми кулаками и наклонил голову. Приняв позу эмбриона, он перестал шевелиться.

Он не умер. Он дышал.

Но не более того.

Месяц спустя Кэмерон сидел за рабочим столом и смотрел в глаза поражению. Не национальному поражению. Победа была одержана еще три недели назад, но только Кэмерон знал, насколько она эфемерна.

Долгие годы рутины были лишь подготовкой. Контруравнение стало мечом, против которого оказался бессилен любой щит. Точнее, щита у врага вовсе не было. Под руководством Илая Вуда силы фалангистов удалось рассеять молниеносно.

Наступил мир.

Он воцарился везде, кроме этого кабинета, кроме головы разума Кэмерона, предчувствующего беду. Контруравнение было простым в применении, и Кэмерон до сих пор им пользовался. У

него были на то причины. Он еще содрогался, памятуя о своих долгих мучениях, но теперь ни одна переменная истина не могла пробить доспех контруравнения, даже если какие-то беглые фалангисты по-прежнему атаковали из подполья. От этих ударов Кэмерон был защищен.

А вот от себя — нет. Он сидел спиной к двери, вспоминая разговор, состоявшийся несколько дней назад. Вспоминать не хотелось, но фразы никак не шли из головы.

Дюбро:

— Шеф, тут пропагандистские материалы для фалангистов. Нужно ваше разрешение.

Кэмерон:

— Я посмотрю. Бен, как самочувствие? Отпуск нужен?

Дюбро:

— Боже упаси! Я увлечен работой. Риджли, правда, уже не вылечить. Но это, пожалуй, к лучшему.

Кэмерон:

— К лучшему? Бен, то, что мы сделали, было необходимо, но несправедливо.

Дюбро:

— Несправедливо? Как по мне, его постигла абсолютно заслуженная кара. Он заварил всю эту

кашу, прибыв к нам из будущего, а мы наказали его экстратемпоральным восприятием.

Кэмерон:

— Думаешь, во всем виноват Риджли? Ошибаешься. Его психологический профиль был заложен еще до рождения, даже до зачатия. Он поступал так, как мог поступать. Человек не несет ответственность за то, что случилось с ним до рождения. Истинные виновники — те, кто промыл Риджли мозги, кто сделал эту процедуру возможной и обязательной. Бен, тебе известно, кто эти люди?

— Кто? — в замешательстве спросил Дюбро.

Кэмерон постучал пальцем по стопке бумаг:

— Что это такое? Планы по промывке мозгов. Мы возьмем их на вооружение. Будем обучать людей военному делу, чтобы не позволить фалангистам начать новую войну. Быть всегда начеку — гарантия выживания. Но в итоге… Бен, в итоге мы получим Риджли. Риджли и его цивилизацию. Зачатки этой культуры здесь, в этих бумагах, в нас самих и в тех уроках прошлого, что сделали нас такими, какие мы есть. Бен, мы и есть виновники.

— Это все казуистика, — возразил Дюбро.

— Может быть. Так или иначе, я вынужден

этим заниматься.

— От этой ответственности вам не уйти, — кивнул Дюбро. — Но если Риджли не виноват в том, что случилось в прошлом, то и вы не виноваты. Забудьте.

— Да. Но видишь ли, я знаю о последствиях. А те люди, что развивали нашу науку и обучали нас, — не знали. Они не видели того, что вижу я, — к чему это в конце концов приведет. Когда тебе известен итог и ты не можешь его предотвратить и вынужден выполнять приказы… Когда ты был свидетелем войны, из-за которой люди сходили с ума и гибли… Когда Риджли был наказан за то, в чем виноват я… Бен, с такой ответственностью трудно смириться.

Кэмерон грохнул кулаком по столу и невольно порадовался тому, что со столом ничего не случилось — благодаря контруравнению. Стол не расплылся от удара, не распахнул слюнявую пасть, чтобы проглотить кулак.

— Вам куда больше моего нужен отпуск, — заметил Дюбро. — Пойду похлопочу за вас.

Кэмерон приблизился к окну, открыл его и посмотрел в алый сумрак гремящих Промежутков. Бежать некуда. Все другие страны потенциально враждебны. Его страна от Калифорнии до Восточ-

ного побережья должна оставаться идеальной военной машиной, готовой по первому приказу броситься в атаку. Люди — шестеренки в этой машине, и их нужно делать из правильного сплава, отливать в нужных формах с ювелирной точностью, обтачивать и шлифовать, пока они…

…Пока они не станут такими, как Риджли.

Кэмерон не посмеет изменить этот процесс. Не посмеет даже попробовать — боится, что у него получится. Что он мог бы сказать? «Разоружайтесь, стремитесь к миру. Перекуйте мечи на орала».

А вдруг его послушаются? Тогда враг непременно нападет и одержит верх над беззащитной страной.

Перед Кэмероном раскинулись гремящие Промежутки, но он видел лишь воплощенные мысли, порожденные хаосом разума.

— Забудь об этом, — сказал он себе вслух.

Но должно же быть хоть какое-то решение?

— Забудь.

Нет нерешаемых задач. У любой есть решение.

— Я искал его неделями. Решения нет. Забудь.

Оно должно быть. Ты несешь ответственность. Ты создал Риджли.

— Не только я.

Но ты знаешь то, чего не знают другие. Ты ответствен.

— Забудь.

Рассказать им? Или не рассказывать? Решение есть.

— Это тянется уже несколько недель. Война окончена…

Ты виноват в этой войне.

— Забудь. Мне пора домой. А потом в отпуск. Поедем вместе с Нелой. Поселимся в лесу и будем отдыхать.

Должно быть решение.

— И новые войны будут. Я… не идеалист. Что я могу сделать? В цивилизации Риджли приятного мало. Люди могут вымереть или превратиться в полуроботов. А может, наконец-то достигнут мира.

Но ты ответствен. Не увиливай. Ты создал Риджли. Что будешь делать?

— Я… Должно быть какое-то решение.

Должно быть решение.

— Должно быть решение.

Должно быть решение!

Должно быть решение!

Должно быть решение должно быть решение должно быть…

Дюбро сел в пневмомобиль, пристегнул ремни и дождался, когда в глазах привычно потемнеет. Как только зрение вернулось, он откинулся в кресле и просидел так пятнадцать минут, пока машина мчалась к Нижнему Чикаго. Но его разум не отдыхал.

За прошедший месяц Бен Дюбро изменился. Он стал выглядеть старше своих тридцати лет, во многом потому, что взгляд его голубых глаз стал увереннее, а нижняя губа больше не отвисала. После гибели Сета Пелла он стал главным претендентом на кресло директора Департамента психометрии, а кронпринцу положено осознавать ответственность. Прежде Дюбро чувствовал, что Кэмерон с Пеллом защищают его, как бамперы. Он был не то чтобы пятым колесом, а скорее запаской. Теперь Пелл мертв, а Кэмерон продемонстрировал, что небезотказен. Рано или поздно на Дюбро свалится важная работа, и нужно быть к этому готовым. Гораздо лучше готовым, чем месяц назад.

Он изменился. Его горизонты расширились. Этому в значительной мере поспособствовали диалоги с Илаем Вудом и изучение общих концепций переменной логики. Он стал старше, способнее и даже мудрее. Например, теперь он по-

нимал, почему не отменили предосторожности, введенные в военное время. Фалангисты побеждены, но местонахождение Нижнего Чикаго и других военных городов остается строжайшей тайной.

Безусловно, нужно быть готовым ко всему. Однако Дюбро не верил, что будет еще одна война. Он подумал о звездах. О мутанте ван Нессе и Риджли.

В эпоху Дэниела Риджли люди не путешествовали между планетами. Они были вовлечены в глобальный конфликт, длившийся неизвестно сколько лет. В их истории были завоевания и отступления, войны на истощение, пирровы победы и досадные неудачи. Все это тянулось с войны между Америкой и фалангистами и даже с более ранних времен. Это был путь, приведший к появлению Риджли и его удивительной, но бессмысленной культуры.

Один путь из многих. Немудрено, что Риджли выбрал не ту сторону, когда прибыл сюда из будущего. Неужели он считал, что фалангисты одержали победу? Или… вообще ничего не знал?

Предположим, не знал. Или знал, но решил, что его высокотехнологичные подарки сдвинут баланс сил в выбранном им направлении.

Но была и другая версия. Перемещение Риджли сквозь время и его последующие действия повлияли на само время. Перевели будущее на новый путь. Переменные будущие…

Дюбро снова вспомнил мутанта и то, что услышал от ван Несса о мире, которому теперь не суждено существовать. Ведь тот мир был порождением войны, многовековой непрерывной битвы, качели победы в которой раскачивались в сторону то одной, то другой нации. Война ускоряет технический прогресс, но в строго определенных областях науки. Ракетное топливо, орбитальные солнечные зеркала, антигравитация — все это работает против врага, но не против звезд.

Дюбро подумал, что все беды начались с Эдемского сада. Потом Каин убил Авеля. В любом раю случались конфликты. Но на холодных полюсах, в Сахаре и прочих негостеприимных краях, где человеку приходится завоевывать право на жизнь, существует товарищество, единство в борьбе против врага, что древнее самого человечества — против самой Вселенной.

А сейчас? На Земле, пусть ненадолго, воцарился мир. Оружие, топливо, технологические чудеса, предназначенные для разрушения, перестали

применяться — но такие вещи не могут долго лежать без дела. В небе горят звезды, и далекие, но уже не кажущиеся недостижимыми планеты хранят свои секреты. Пока шла война, никто даже не пытался полететь в космос. Всеобщие усилия были направлены на достижение победы, а не на легкомысленные эксперименты.

Теперь все инструменты под рукой. Страны, достигшие высочайшей производственной эффективности, не могут сидеть сложа руки и ржаветь в невыносимой психологической летаргии. Им всегда нужен враг.

Не фалангисты. Враг стоит у врат небесных, бросая молчаливый вызов человеку с тех самых пор, как тот поднял глаза к небу. Появятся новые корабли, думал Дюбро в радостном волнении, от которого хотелось петь, — новые изобретения вроде этого пневмомобиля, но они не будут ползать под землей как кроты, а полетят к другим планетам.

Враг там. Враждебная Вселенная всегда заставляла людей объединяться. Вовне лежит будущее, которому предстоит стереть бессмысленную трагическую культуру Риджли, ведь будущее теперь идет по новому пути, не к фатальному глобальному конфликту, а к освоению всей Солнечной

системы — да что там, всей Галактики!

До этого может пройти тысяча лет. Или десять тысяч. Но все равно Риджли не родится. Засушливая земля, создавшая его культуру, теперь обогащена питательными веществами, из которых взрастут такие достижения, о которых Риджли не мог и мечтать.

Мостик к звездам стоит уже много лет.

Но теперь человек может им воспользоваться. Может добраться до этих звезд.

Они были врагами, эти далекие, манящие, таинственные звезды. Они будут завоеваны. Но победа дастся дорогой ценой.

«Уходит старое и уступает путь новому»[87], — подумал Дюбро.

Пневмомобиль остановился. Дюбро вышел в Нижнем Чикаго.

«Нужно рассказать шефу, — подумал он, ступая на Путь. — Хотя… наверное, он и сам уже додумался».

Но шеф не додумался. Не мог додуматься. Роберт Кэмерон слишком долго сражался, и его битва требовала огромного нервного напряжения.

Когда такое напряжение вдруг спадает с тебя,

---

[87] Примечания: 87

А. Теннисон. Смерть Артура. Перевод Г. Кружкова.

результат может быть опасен.

Шеф был крайне уязвим.

Уязвим для фантомов.

…Должно быть решение должно быть решение должно быть…

Хватит.

Он не желал останавливаться. Даже в этой зацикленной мысли он находил своего рода убежище от непосильного груза ответственности, который, впрочем, представлялся ему справедливым наказанием. Виновные должны быть покараны. Он должен быть покаран. Он, Кэмерон, — военный преступник, в сравнении с которым Риджли невинен, как танк или самолет. Нельзя останавливаться. Не важно, найдет Кэмерон решение или нет, останавливаться нельзя. У него долг перед живущими, а не перед неизвестным будущим.

Так ли? Так ли? Он не просил, чтобы на него взваливали эту ответственность. Но незнание законов не освобождает от ответственности. Справедливость… справедливость… «Если же правый глаз твой соблазняет тебя…»

«Если же правый глаз твой соблазняет тебя…»

Да, решение есть. Не лучшее, но единственное. Нужно лишь обернуться.

Он обернулся.

Его рука машинально закрыла окно.

Стекло не съежилось от его прикосновения. Металлическая рама осталась твердой и холодной, как и положено металлу. Контруравнение, эта защитная скорлупа, все еще закрывало Кэмерона от любых врагов. Он это знал. Даже если кто-то из недоброжелателей выжил, он не сможет достать Кэмерона переменными истинами.

Он знал, что находится позади. Почувствовал это некоторое время назад, когда, ничего не подозревая, потянулся к дверной ручке. Дотронувшись до нее, Кэмерон ощутил странную мягкость. Смотреть он не стал, просто отдернул руку и сел за стол.

Но теперь он решил посмотреть. Посмотреть, узнать и принять исход, означающий освобождение, отказ от тяжкой ноши, которую он не просил и которую не может больше нести.

Он обернулся.

В дверной ручке открылся голубой глаз и посмотрел на него.